А. Островский

КТО СТОЯЛ ЗА СПИНОЙ СТАЛИНА

А. В. Островский

Кто стоял за спиной Сталина?

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

О жертвах «Титаника»

Вы, конечно, помните, как один из героев Ильфа и Петрова, скромный советский служащий, в прошлом губернский предводитель дворянства Ипполит Матвеевич Воробьянинов, или просто — Киса, воспылав желанием разбогатеть, пустился в авантюрные поиски тещиных сокровищ. Начиная новую жизнь и пытаясь приобрести более привлекательный вид, он решил перекрасить свои седеющие волосы и стать брюнетом. Для этого им был использован дорогой контрабандный краситель под названием «Титаник» (так назывался пароход, погибший накануне Первой мировой войны в водах Атлантики). Однако после первого же знакомства с заграничным товаром волосы Кисы неожиданно приобрели не черный, а омерзительно зеленоватый оттенок. Не помогло и вмешательство «великого комбинатора». Его попытка исправить положение дел с помощью отечественных средств привела к тому, что волосы на голове бывшего предводителя дворянства заиграли всеми цветами радуги.

Нечто подобное произошло с нашей прессой. Долгое время она напоминала затасканную, примелькавшуюся, всем надоевшую и по этой причине у многих вызывавшую брезгливые чувства уличную шлюху. Желая избавиться от прежней серости, привлечь к себе внимание и таким образом не только завоевать новую репутацию, но и нажить капитал, она быстро и у всех на глазах стала перекрашиваться. И, как бы повторяя судьбу Кисы Воро-

бьянинова, тоже заиграла всеми цветами, начиная от белого и желтого, кончая коричневым и черным.

Некоторые авторы оказались в таком положении, явно не желая, не сознавая и даже не замечая этого. Вероятно, именно так произошло с Алесем Адамовичем, опубликовавшим осенью 1988 г. на страницах журнала «Дружба народов» главу «Дублер» из повести «Каратели». Эта публикация едва ли не впервые в советской печати содержала обвинение И. В. Сталина в сотрудничестве с царской охранкой. В ней цитировалось письмо «некоего Еремина» 1913 г. (№ 2838) «начальнику Енисейского охранного отделения А. Ф. Железнякову», в котором И. В. Сталин характеризовался как секретный сотрудник с 1906 г. [1].

Публикация вызвала противоречивую реакцию.

И неудивительно. Человек, который на протяжении 30 лет стоял во главе одной из крупнейших мировых держав, человек, который для многих олицетворял собой надежды на «светлое будущее», человек, с именем которого советские люди в годы Великой Отечественной войны терпели нечеловеческие трудности, шли под пули и бросались под танки, и вдруг — самый обыкновенный сексот, за 30 сребреников торговавший судьбами своих товарищей по революционному подполью.

Но трудно совместить и другое. Если обнародованное разоблачение — неправда и И. В. Сталин действительно был революционером, жертвовавшим личной жизнью для счастья других, прошедшим тюрьмы, этапы и ссылки, как объяснить, что именно он встал во главе термидорианского, контрреволюционного по своей сути переворота, именно он разгромил партию, совершившую революцию, ликвидировал многие ее завоевания, восста-

новил эксплуатацию страны иностранным капиталом, обрек на нищету миллионы крестьян [2].

В этом отношении версия о связях И. В. Сталина с царской охранкой как будто бы открывала возможность объяснить происхождение советского термидора.

Но не прошло и полгода после публикации А. Адамовича, как на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» появилась статья директора Центрального государственного архива Октябрьской революции (ныне — Государственный архив Российской Федерации, ГАРФ) Б. И. Каптелова и сотрудницы этого же архива З. И. Перегудовой «Был ли Сталин агентом охранки?», в которой убедительно доказывалось, что «письмо Еремина» представляет собой грубейшую подделку [3].

Получается, что, выступая в роли разоблачителя, А. Адамович оказался в роли мистификатора. Желая предстать перед читателями в «белых одеждах», он, а вместе с ним и вся редакция журнала «Дружба народов», оказался перед читателями в одеяниях совсем иного цвета.

Ошибаться может любой. И этот эпизод не заслуживал бы внимания, если бы имел частный характер. В действительности его значение выходит за рамки творческой биографии А. Адамовича и деятельности журнала «Дружба народов».

А. Адамович не был историком. Поэтому возникает вопрос: кто же подсунул ему эту фальшивку, этот дорогой и, как оказывается, тоже контрабандный товар? Кто вообще занимается производством подобной «контрабанды» и как она появляется на нашем читательском рынке?

Чтобы понять это, необходимо вспомнить, что в 1988–1989 гг. в Советском Союзе существовала цензура,

без разрешения которой не могла выйти в свет ни одна публикация. Цензура подчинялась двум хозяевам: ЦК КПСС и КГБ СССР. Главная ее задача заключалась в том, чтобы «бдить». Если же в данном случае она проявила «халатность» и допустила подобную публикацию, значит, эта публикация была инспирирована ЦК КПСС и КГБ СССР, которые таким образом, используя А. Адамовича и редакцию журнала «Дружба народов», запустили в обращение фальшивку.

Но неужели ЦК КПСС и КГБ СССР, если бы они действительно ставили перед собой задачу дискредитации И. В. Сталина, не могли изготовить такое «произведение искусства», над которым ломало бы голову не одно поколение историков? Если же в обращение была запущена столь грубая фальшивка, не в этой ли грубости заключался ее основной смысл? Чем примитивнее ложь, тем проще ее опровергнуть. И тогда на примере «Дружбы народов» можно показать даже самому неискушенному читателю, к каким приемам прибегала и прибегает «демократическая» пресса, предавая анафеме «великого вождя». Ведь и наивному человеку понятно: для разоблачения преступника не нужно фальсифицировать факты, для этого достаточно правды. Если же для развенчания И. В. Сталина приходится прибегать к подлогу, уже одно это должно навести на мысль, что серьезных криминальных фактов из его революционной биографии в распоряжении критиков нет. И следовательно, хотел того А. Адамович или же нет, его публикация — это попытка оболгать имя честного человека.

Именно так она была оценена его оппонентами, став средством дискредитации не столько самого И. В. Сталина, сколько антисталинской кампании.

Кто станет спорить, что печать должна быть иной, чем она была до 1991 г. Но чтобы не плодить жертвы «Титаника», необходимо быть разборчивее в «средствах». Не следует забывать о судьбе Кисы Воробьянинова. Чем закончились его опыты с «контрабандным» красителем? «Отца русской демократии» остригли. Наголо. И выбрили. Кого прельщает такая перспектива, спешите. «Великий комбинатор» уже достает свою бритву, и скоро ему могут понадобиться наши головы.

Если же вас интересует истина и вы действительно хотите понять, что представлял собой И. В. Сталин до 1917 г., как именно он, революционер, стал «могильщиком революции», давайте обратимся к фактам. Только на их основе может быть вынесен обвинительный или оправдательный приговор любому историческому деятелю. Только на основе реальных фактов можно понять трагедию российской революции, истоки советского термидора.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СТАЛИНЕ?

Официальная историография

Вряд ли о ком-нибудь из руководителей нашей страны при жизни писали так много, а после смерти известно так мало, как об И. В. Сталине. И дело не только в том, что многое, когда-то написанное о нем, оказалось предано забвению. Знакомство с прежними, ныне забытыми публикациями показывает: в них гораздо больше эмоций и риторики, чем конкретных фактов. Даже такой, казалось бы, выигрышный материал, как материал о революционном прошлом вождя, представлен на страницах нашей печати настолько фрагментарно, что невольно возникает вопрос: неужели об этом периоде его жизни до нас не дошли более полные и точные сведения? А если дошли, то почему они остаются скрытыми от глаз читателей? Складывается впечатление, что официальная историография вынуждена была обходить какие-то острые углы в прошлом вождя.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к «Краткой биографии» И. В. Сталина, подготовленной к его 60-летию и долгое время являвшейся в нашей стране наиболее полным его жизнеописанием. Рисуя образ самоотверженного и бескомпромиссного революционера, авторы этого издания писали: «Царизм чувствовал, что в лице Сталина имеет дело с крупнейшим революционным деятелем, и всячески стремился лишить Сталина возможности вести революционную работу. Аресты, тюрьмы и

ссылки следовали друг за другом. С 1902 по 1913 год Сталин арестовывался восемь раз, был в ссылке семь раз, бежал из ссылки шесть раз. Не успевали царские опричники водворить Сталина на новое место ссылки, как он вновь бежит и снова на „воле" кует революционную энергию масс. Только из последней ссылки Сталина освободила февральская революция 1917 г.» {1}.

Действительно, с того мартовского дня 1901 г., когда И. В. Сталин перешел на нелегальное положение и начал жизнь профессионального революционера, он провел в тюрьмах, на этапах и в ссылке более семи лет.

Но невольно возникают вопросы. Если И. В. Сталина арестовывали восемь раз, почему в «Краткой биографии» были названы только шесть его арестов (5 апреля 1902 г. , 25 марта 1908 г., 23 марта 1910 г., 9 сентября 1911 г., 22 апреля 1912 г. и 23 февраля 1913 г.)? {2}Если И. В. Сталин побывал в ссылке семь раз, почему фигурировало только шесть ссылок (1903–1904, 1908–1909, 1910–1911, 1911–1912, 1912 и 1913–1917)? {3}Если на его счету значилось шесть побегов, почему были указаны только пять (5 января 1904 г., 24 июня 1909 г., «конец лета 1911 г.», 29 февраля 1912 г. и 1 сентября 1912 г.)? {4}.

Подобные вопросы возникли уже у первых читателей «Краткой биографии». Поэтому в 1947 г. при подготовке ее второго издания количество арестов было сокращено до семи, ссылок до шести, побегов до пяти {5}. Подобная корректировка, однако, все равно не устранила расхождения между общими и конкретными данными на этот счет.

Никто не мог знать революционное прошлое И. В. Сталина лучше его самого. Что же писал об этом он в своих многочисленных автобиографических анкетах? Одна из них была заполнена им как участником IV Всеукраинской конференции КП(б) в марте 1920 г. В ней говорилось: «Арестовывался с 1902 г. восемь раз (до 1913 г.), был в ссылке семь раз, бежал шесть раз» {6}.

11 декабря того же года И. В. Сталин заполнил анкету, предложенную ему редакцией шведской социал-демократической газеты «Folkets Dagblad Politiken». В ней на тот же самый вопрос был дан несколько иной ответ: «Арестовывался семь раз, высылался (в Иркутскую губ[ернию], Нарымский край, Туруханский край и пр.) шесть раз, убегал из ссылки пять раз. В общей сложности провел в тюрьме семь лет» {7}.

В декабре 1922 г. И. В. Сталин заполнил еще одну анкету, которая была направлена им на имя П. Н. Лепешинского, входившего тогда в руководство Истпарта (Комиссии по изучению истории партии). Не имея в данном случае возможности воспроизвести весь текст этой анкеты, ограничимся только двумя вопросами:

« *По какому делу привлекался*[4]: 1) По делу о Батумском и Тифлисском комитетах РСДРП, там же о батумской демонстрации — 1902 г., Батум, Кутаис [5]; 2) Дело о Бакинском комитете РСДРП — 1908 г., Баку; 3) Дело о Бакинском комитете РСДРП — 1910 г., Баку, 4) по делу ЦК РСДРП — 1911 г., Петербург, 5) то же — 1912 г., Петербург, 6) то же — 1913 г., Петербург».

И далее: « *Характер репрессий*: арест и сидение в Батумской и Кутаисской тюрьмах в 1902–1903 гг., определен под надзор [полиции] на 3 года в Восточную Сибирь в конце 1903 г., откуда бежал в январе 1904 г., в

1908 г. арест в Баку и высылка на 3 года в Вологодскую губернию, откуда бежал в 1909 г. В 1910 г. арест в Баку и высылка на 5 лет в Сольвычегодск, откуда бежал в 1911 г. В том же 1911 г. арест в Петербурге, несколько месяцев тюремного заключения и высылка в Вологодскую губернию на 3 года, откуда в декабре 1911 г. бежал. В апреле 1912 г. снова арестован и выслан летом на 3 года в Нарымский край, откуда в сентябре бежал. В 1913 г. в конце марта арестован в Петербурге и выслан в Туруханский край, в деревушку Курейка за Полярным кругом, где пробыл до февральской революции» {8}.

Знакомство со сталинскими анкетами показывает, что именно они лежали в основе как первого, так и второго изданий «Краткой биографии». Оказывается, в определении количества арестов, ссылок и побегов испытывали затруднения не только авторы этой книги, но и сам ее герой. Уже одно это наводит на мысль, что в его революционной биографии были эпизоды, которые он пытался обойти стороной.

Вот только один пример, нашедший отражение в его ответах. Если после ареста 1910 г. он был выслан в Сольвычегодск на пять лет, а в 1911 г. бежал, то почему, схваченный снова в том же году, не был возвращен в Сольвычегодск для отбывания остававшихся четырех лет, а получил возможность поселиться в Вологде и срок ссылки оказался сокращенным до трех лет?

Как же в этих условиях формировалась официальная версия его революционной биографии?

Первый биографический очерк об И. В. Сталине в нашей стране вышел из-под пера Георгия Леонтьевича Шидловского {9} в 1923 г. и был опубликован в из-

данных под редакцией В. И. Невского «Материалах для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение от 1880 до 1905 г.».

Г. Л. Шидловский использовал не только сведения, исходившие от героя своего очерка, но и некоторые другие источники. В результате этого под его пером революционная биография И. В. Сталина получилась не совсем такой, как явствует из приведенной выше анкеты 1922 г. Так, сообщая вслед за И. Сталиным о том, что в 1902 г. он привлекался по двум обвинениям (за участие в знаменитой батумской демонстрации и как член Тифлисского комитета), Г. Л. Шидловский обратил внимание на то, что оба эти дела были возбуждены в разное время и что первое из них «было прекращено из-за отсутствия улик». В самом этом факте нет ничего криминального. Непонятно другое: для чего понадобилось И. В. Сталину скрывать его и с этой целью совмещать оба следствия.

Еще один корректив, внесенный Г. Л. Шидловским, касался срока первой сольвычегодской ссылки. Оказывается, сюда И. В. Сталин был выслан не на три, а на два года. Получается, что, не отбыв в первой ссылке даже года из трех назначенных ему лет, он получил второй срок, который был меньше неотбытого срока первой ссылки {10}.

Едва «Материалы для биографического словаря» появились в печати, как по решению Московского комитета РКП(б) вышла брошюра со сведениями о членах Политбюро ЦК РКП(б). Она имела символическое название «Двенадцать биографий». В предисловии к ней говорилось: «Этот сборник биографий по поручению МК РКП(б) составлен Борисом Волиным на основании материалов Истпарта, автобиографических заметок и анкетных ли-

стов». В очерке об И. В. Сталине почти без изменений воспроизводилась версия, нашедшая отражение в его ответах на анкету 1922 г. {11}.

Если «Материалы для биографического словаря» имели небольшой тираж, всего 5 тыс. экземпляров, то тираж «Двенадцати биографий» составлял 20 тыс. экземпляров. В 1924 г. они были дважды переизданы {12}, в 1925 г. появились их четвертое и пятое издания {13}. Тогда же вышла в свет брошюра, содержавшая биографии руководителей Советского государства, среди которых фигурировал и И. В. Сталин {14}.

Так впервые широкая читательская аудитория познакомилась с биографией своего вождя.

Между тем, пока эта санкционированная И. В. Сталиным биография тиражировалась и расходилась по стране, грузинские товарищи преподнесли ему два неожиданных «подарка».

В 1925 г. грузинский Истпарт опубликовал брошюру С. Талаквадзе «К истории Коммунистической партии Грузии», в которой не только приводились некоторые неизвестные до этого факты из биографии вождя, но и с возмущением сообщалось, что в своей борьбе против большевиков меньшевики дошли до того, что в 1905 г. объявили И. В. Сталина «агентом правительства, шпиком-провокатором» {15}.

Как бы ни негодовал автор брошюры, предание гласности этих известных когда-то очень узкому кругу партийных деятелей и к середине 20-х гг. забытых обвинений давало невольную пищу для кривотолков тем, кто до того даже не задумывался о возможности постановки подобного вопроса.

А 23 декабря 1925 г. в разгар работы XIV съезда ВКП(б), который заседал с 18 по 31 декабря и на котором представителями «новой оппозиции» был поставлен вопрос о необходимости отстранения И. В. Сталина от руководства партией, центральный орган Закавказского Краевого Комитета ВКП(б) «Заря Востока» под рубрикой «Двадцатилетие революции 1905 г.» опубликовал первые архивные документы о революционном прошлом вождя. Это были его письмо, адресованное 24 января 1911 г. из Сольвычегодска в Москву, в котором он характеризовал борьбу В. И. Ленина с «отзовистами» как «бурю в стакане воды», и письмо начальника Тифлисского охранного отделения «ротмистра Карпова», в котором сообщалось, что И. В. Джугашвили «в 1905 г. был арестован и бежал из тюрьмы» {16}.

Вскоре после этого, 1 февраля 1927 г., редакция «Энциклопедического словаря Русского библиографического института братьев А. и И. Гранат» поставила И. В. Сталина в известность о своем намерении переиздать биографический очерк о нем, написанный Г. Л. Шидловским {17}. К этому письму, сохранившемуся в личном архиве И. В. Сталина, приложена записка, в которой значится всего лишь одно слово: «Товстухе» {18}.

Иван Павлович Товстуха (1889–1935) был большевиком с дореволюционным стажем. В 1921–1922 гг. он заведовал секретариатом И. В. Сталина, в 1922–1924 гг. последовательно занимал в аппарате ЦК должности помощника секретаря, заместителя заведующего и заведующего Секретным отделом, в 1924 г. стал помощником директора Института В. И. Ленина, с 1926 по 1930 г., продолжая сотрудничать с Институтом В. И. Ленина, находился в секретариате И. В. Сталина, с 1931 г. занимал пост за-

местителя директора ИМЭЛ (Института К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина). Умер в 1935 г. {19}.

В 1927 г. И. П. Товстуха получил задание подготовить новую биографию вождя, которая сначала появилась на страницах «Энциклопедического словаря Русского библиографического института братьев А. и И. Гранат» {20}, а затем была издана отдельной брошюрой {21}. И. П. Товстуха устранил причины ареста И. В. Сталина в 1902 г., в результате чего исчез факт привлечения его обвиняемым по двум разным делам, повторил утверждение о трехлетнем сроке первой сольвычегодской ссылки 1908 г., начиная с ареста 1910 г., вообще исключил упоминание о сроках ссылок, а вопрос об аресте и побеге 1905 г. обошел стороной.

21 декабря 1929 г. страна официально отметила 50-летие со дня рождения И. В. Сталина. В этот день на страницах некоторых газет появились специальные подборки посвященных ему статей {22}, которые затем были изданы в виде отдельного сборника {23}.

И снова кавказские товарищи преподнесли вождю несколько сюрпризов. Так, «Заря Востока» и «Бакинский рабочий» опубликовали документы, из которых явствовало, что в 1903 г. полиция на протяжении почти двух месяцев не могла найти арестованного еще в 1902 г. И. В. Сталина для того, чтобы отправить его в Сибирь. Обнародованные документы свидетельствовали также, что в 1908 г. он был приговорен к высылке в Сольвычегодск все-таки не на три, а на два года. Из этих же документов следовало, что хотя в 1910 г. жандармы ходатайствовали об отправке И. В. Сталина в Сибирь на пять лет, однако его возвратили в Сольвычегодск для отбывания прежнего срока. А поскольку срок истекал летом 1911 г., версия о

его третьем побеге приобретала сомнительный характер. В подборку опубликованных материалов вошла также фотография И. В. Джугашвили из архива Бакинского губернского жандармского управления (ГЖУ), под которой значилось, что она относится к 1905 г. Данная публикация означала, что утверждение «ротмистра Карпова» об аресте и побеге И. В. Сталина в 1905 г. — это реальный факт, скрываемый вождем и его первыми биографами [{24}].

Видимо, после этого, как пишет Д. А. Волкогонов, «чтобы не было осечек, по указанию Сталина, Товстуха, Двинский, Канер, Мехлис, а затем и Поскребышев обязаны были просматривать и визировать все более или менее крупные материалы о нем и его фотографии, предназначавшиеся для печати, а наиболее важные докладывать ему лично» [{25}].

Так возникла предварительная цензура на все публикации материалов об И. В. Сталине. Более того, когда А. М. Горький пожелал написать его биографию и обратился за архивными документами, то доступа к ним не получил. В 1931 г. с этой же проблемой столкнулся один из идеологических трубадуров партии Е. Ярославский. Ему, старейшему большевику, тоже было отказано в доступе к архивным материалам о вожде. «Я, — начертал Сталин на его письме, — против затеи насчет биографии <...>, думаю, что не пришло еще время» [{26}].

Но прошло всего три года, и это время настало.

В январе-феврале 1934 г. с трибуны XVII съезда ВКП(б) было заявлено, что период после смерти В. И. Ленина войдет в историю партии как «эпоха Сталина» [{27}]. В связи с этим начался пересмотр как прежней истории партии, так и сталинской биографии. В конце сентяб-

ря 1934 г. директор ИМЭЛ Н. И. Адоратский предложил И. П. Товстухе срочно, к 15 октября, подготовить новый вариант биографии И. В. Сталина. «Написать биографию Сталина к 15 октября, — ответил И. П. Товстуха, — т. е. за три недели — это дать по меньшей мере халтуру» {28}.

Но поскольку за спиной Н. И. Адоратского стоял ЦК ВКП(б), отказ И. П. Товстухи не означал провала самой идеи подготовки новой биографии. И здесь снова на сцене появился Е. Ярославский. В начале 1935 г. он направил И. П. Товстухе два письма, в которых не только ставил его в известность о своем намерении заняться биографией И. В. Сталина, не только сообщал ему, что «о своем плане» он уже «говорил со многими товарищами по П[олит] Б[юро]» и «они очень одобрили план такой работы», не только информировал его о переговорах на эту тему с землячествами старых большевиков Азербайджана, Армении, Грузии и др., а также с Обществом политкаторжан, но и обращался к И. П. Товстухе с просьбой помочь ему в этой работе. При этом он характеризовал его как «единственного человека» в нашей стране, «который систематически, серьезно, по-настоящему занимается материалами о жизни т. Сталина» {29}.

Отклонив столь лестную оценку, И. П. Товстуха заявил, что написание биографии И. В. Сталина под силу только коллективу, например ИМЭЛ {30}. И хотя Е. Ярославский не отказался от своих планов {31}, пересмотр роли И. В. Сталина в революционном движении был доверен не ему, а грузинским историкам.

21 июля 1935 г. в Тифлисе открылось собрание партийного актива, на котором с докладом «К вопросу об истории большевистской организации Закавказья» высту-

пил первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Лаврентий Павлович Берия [32]. В выступлении Л. П. Берии И. В. Сталин рассматривался как создатель и руководитель большевистской организации Закавказья. Доклад Л. П. Берии был опубликован отдельной книгой, в которую позднее были внесены дополнения и которая с 1935 по 1952 г. выдержала 9 изданий [33].

В середине 30-х гг. возник вопрос о подготовке Полного собрания сочинений И. В. Сталина. Решение об этом было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1935 г., 25-го последовало специальное постановление ЦК на этот счет, а 13 ноября заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) А. И. Стецкий представил И. В. Сталину записку «О плане издания Сочинений товарища Сталина». Предполагалось, что оно должно будет составить 8–10 томов [34]. Первоначально планировалось завершить его публикацию к 7 ноября 1937 г. [35], затем было решено издавать в год не менее двух томов [36].

Тогда же разворачивается работа на местах.

В 1936 г. Архангельский крайком ВКП(б) подготовил к печати сборник архивных материалов «И. В. Сталин в царской ссылке на Севере». Он уже был набран, сверстан, но так и остался неизданным. Одна из причин этого, видимо, заключалась в том, что в сборник оказались включены документы, которые полностью не вписывались в уже обнародованную официальную версию биографии вождя. В частности, из них явствовало, что 6 июля 1911 г. И. В. Сталин покинул Сольвычегодск не потому, что бежал, а потому, что закончился срок ссылки [37].

В том же 1936 г. Грузинский филиал ИМЭЛ издал сборник воспоминаний «Рассказы старых рабочих о великом вожде». Среди других иллюстраций в него была включена фотография, под которой значилось: «Фото тов. Сталина (1900 год), найденное в архиве Тифлисского жандармского управления». С таким же комментарием эта фотография й 1937 г. появилась на страницах сборника «Батумская демонстрация 1902 г.», а в 1939 г. — в юбилейном альбоме «Сталин». Позднее, в 1947 г., на этот раз без всяких пояснений, она украсила второе издание его «Краткой биографии» {38}.

Поскольку жандармские управления производили фотографирование только при арестах, появление данной фотографии с подобной датировкой по сути дела означало признание того, что первый арест И. В. Сталина имел место не в 1902 г., как это писалось официально и как утверждал он сам, а в 1900 г. {39}.

Упомянутый сборник воспоминаний и документов «Батумская демонстрация 1902 г.», подготовленный Грузинским филиалом ИМЭЛ, представляет интерес и в другом отношении.

На его страницах увидело свет донесение начальника Тифлисского розыскного отделения В. Н. Лаврова в Департамент полиции от 9 февраля 1903 г., в котором сообщалось, что в Батумской организации РСДРП видную роль играет «*находящийся под особым надзором полиции»*И. В. Джугашвили, известный в партийных кругах под кличкой Чопур, т. е. Рябой {40}. Это значит, что, по сведениям Тифлисского розыскного пункта, в начале 1903 г. И. В. Джугашвили находился не в тюрьме, а на воле.

В этом же сборнике были опубликованы воспоминания батумского рабочего Доментия Вадачкория, в которых рассказывалось о том, что в 1904 г. «перед побегом тов. Сосо сфабриковал удостоверение на имя агента при одном из сибирских исправников» {41}.

Были ли эти материалы обнародованы специально, и если да, то кем и с какой целью, или же появились на страницах печати случайно, сказать трудно. Нельзя, однако, не обратить внимание на свидетельство Н. С. Хрущева о том, что в конце 30-х гг. И. В. Сталин жаловался членам Политбюро, будто бы чекисты, дискредитируя некоторых видных деятелей партии, пытались фабриковать материалы и на него.

«И на меня, — сказал он как-то Н. С. Хрущеву, — есть показания, что тоже имею какое-то темное пятно в своей революционной биографии».

«Поясню, о чем шла речь, — рассказывал Хрущев. — Тогда, хоть и глухо, но бродили все-таки слухи, что Сталин сотрудничал в старое время с царской охранкой и что его побеги из тюрем (а он предпринял несколько побегов) были подстроены сверху, потому что невозможно было сделать столько удачных побегов. Сталин не уточнял, на что намекал, когда разговаривал со мной, но я полагаю, что эти слухи до него как-то доходили. Он мне о них не сказал, а просто заявил, что чекисты сами подбрасывают фальшивые материалы» {42}.

Имеются сведения, что когда 7 апреля 1939 г. арестовали бывшего наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова, то во время обыска в его сейфе обнаружили какие-то документы, которые бросали тень на революционное прошлое вождя {43}.

Когда «Маленков распорядился вскрыть сейф Ежова», читаем мы в воспоминаниях сына Г. М. Маленкова, «там были найдены личные дела, заведенные Ежовым на многих членов ЦК, в том числе на Маленкова и даже на самого Сталина. В компромате на Сталина хранилась записка одного старого большевика, в которой высказывалось подозрение о связи Сталина с царской охранкой» {44}.

Что стояло за всем этим, еще требует выяснения.

17 июня 1939 г. в связи с подготовкой к 60-летию со дня рождения И. В. Сталина дирекция ИМЭЛ поручила своим сотрудникам Зориной, Ш. Н. Манучарьянц и С. М. Познер сосредоточить в одном месте все опубликованные произведения И. В. Сталина, изданные как в нашей стране, так и за рубежом, а также составить не только библиографию произведений вождя, но и полный перечень публикаций о нем {45}.

Еще в 1935 г. одновременно с вопросом об издании Собрания сочинений И. В. Сталина было принято решение о написании нового варианта его биографии. Видимо, именно с этим было связано начало работы над составлением документированной биохроники его жизни и деятельности, первая часть которой, охватывающая период до 1917 г., была завершена в 1938 г. {46} А ко дню празднования 60-летия вождя ИМЭЛ подготовил новый вариант его жизнеописания, который появился в печати в конце 1939 г. под названием «Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография» {47}.

Удалось обнаружить корректурный экземпляр этого издания, в котором после упоминания ареста 5 апреля 1902 г. и побега 5 января 1904 г. утверждалось, что в последующем И. В. Сталин был арестован пять раз, нахо-

дился в ссылке пять раз и бежал четыре раза [48]. Это утверждение вызвало резкое возражение Е. Ярославского [49], после чего первоначальный текст подвергся правке и на свет появились те самые слова о восьми арестах, семи ссылках и шести побегах, которые приведены в начале этой книги [50].

Многие люди в сталинские времена руководствовались шестью принципами: первый из них гласил: «не думай», второй: «подумал — не говори», третий: «сказал — не пиши», четвертый: «написал — не подписывай», пятый: «подписал — не печатай», шестой: «напечатал — отрекись». Вместе с тем были люди, которые продолжали думать, говорить и писать. Поток писем вызвала и публикация «Краткой биографии». Читателей, в частности, интересовал вопрос об арестах, ссылках и побегах вождя [51].

Уже 8 февраля 1940 г. заместитель директора Центрального музея В. И. Ленина Чумбаров обратился с письмом к занимавшему в 1939–1944 гг. пост директора ИМЭЛ М. Б. Митину:

«Центральный музей В. И. Ленина просит прислать точные даты всех арестов, ссылок и побегов тов. Сталина. Сведения эти нужны для того, чтобы 1) давать правильные ответы на *бесчисленные* вопросы, задаваемые посетителями музея и 2) уточнить экспонируемую в седьмом зале музея карту „Аресты, ссылки и побеги тов. Сталина“» [52].

Пока не удалось обнаружить ответ на это письмо. Но вот что констатировала в подобной же ситуации сотрудница ИМЭЛ С. М. Познер 16 марта 1946 г. «До сих пор, — писала она, — не удалось установить точных дат

всему числу арестов, ссылок и побегов, о которых сказано в анкете 1920 г., заполненной Сталиным» {53}.

28 января 1940 г. последовало следующее распоряжение директора ИМЭЛ М. Б. Митина:

«1. Выделить из Сектора Ленина в качестве самостоятельной единицы, непосредственно подчиненной дирекции, — Кабинет произведений И. В. Сталина.

2. Назначить заведующим Кабинетом с 29 января 1940 г. тов. Мочалова по совместительству с работой в редакции журнала „Пролетарская революция".

3. Поручить тов. Мочалову в 5-дневный срок представить дирекции предложения о составе работников Кабинета произведений И. В. Сталина и план его работы» {54}.

9 марта были утверждены штаты этого кабинета. Его сотрудниками стали шесть человек: Ш. Н. Манучарьянц — хранитель фондов, С. М. Познер — старший научный сотрудник, В. И. Жаркова — старший научный сотрудник, В. П. Бровкина — младший научный сотрудник, А. Ф. Бессонова — младший научный сотрудник и Е. М. Смирнова — научно-вспомогательный сотрудник с обязанностями секретаря и библиотекаря кабинета {55}.

В апреле 1940 г. перед Кабинетом произведений И. В. Сталина в качестве первоочередных были поставлены следующие задачи: а) выявление опубликованных произведений И. В. Сталина, документов и воспоминаний о нем и составление их библиографии; б) собирание всех опубликованных им произведений и всех посвященных ему публикаций; в) изучение его биографии и составление

биохроники его жизни и деятельности; г) подготовка публикаций об И. В. Сталине [56].

В соответствии с этим в августе 1940 г. Кабинет приступил к подготовке Собрания сочинений И. В. Сталина [57]. Начавшаяся вскоре Великая Отечественная война существенно осложнила решение названных выше задач, однако работа над Собранием сочинений все-таки продолжалась, и 26 декабря 1944 г. директор ИМЭЛ В. Кружков сообщил секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову: «Институт Маркса — Энгельса — Ленина подготовил макеты первого и второго томов Сочинений И. В. Сталина, которые представлены Вам на рассмотрение» [58]. В 1946 г. они появились в печати [59].

Одновременно продолжалась работа над пополнением хроники жизни и деятельности И. В. Сталина, которая в 1947 г. насчитывала уже свыше 6 тыс. дат [60]. Частично ее материалы были опубликованы в приложении к отдельным томам его сочинений [61].

Появился замысел написания его «полной», или «научной», биографии [62]. В проекте перспективного плана Сектора произведений И. В. Сталина (так к этому времени стал называться Кабинет) на 1946–1950 гг. «составление научной биографии И. В. Сталина (в 40 печатных листах)» рассматривалось как «основной вид научно-исследовательской работы» на этот период [63].

Из сохранившихся материалов явствует, что в 1946–1947 гг. уже существовал авторский коллектив, имелся план-проспект такой биографии, были написаны отдельные ее главы [64]. Но «скромность» вождя победила и на этот раз. Его «научная биография» так и

не появилась. Вместо этого в 1947 г. увидело свет второе, переработанное издание «Краткой биографии» {65}.

При его подготовке И. В. Сталин собственноручно внес в свою биографию некоторые дополнения и изменения, в частности, количество арестов сократил с восьми до семи, ссылок — с семи до шести, побегов — с шести до пяти. Других изменений в хронику арестов, ссылок и побегов он не внес, а поэтому несоответствие между общими цифрами и конкретными датами на этот счет, приводимыми в «Краткой биографии», сохранилось {66}.

В 1953 г. И. В. Сталин умер. Вскоре после этого Сектор его произведений был ликвидирован, созданный им фонд документов закрыт для исследователей, «Краткая биография» изъята из обращения и отправлена в запасники. Подвергся «ревизии» Грузинский филиал ИМЭЛ {67}, прекратили существование все сталинские музеи за исключением Дома-музея в Гори. Фамилия И. В. Сталина стала исчезать со страниц печати. В энциклопедических изданиях его подробные биографии заменили лаконичные, выглаженные краткие биографические справки {68}. Через несколько десятилетий после смерти И. В. Сталина в нашей стране о его революционном прошлом знали еще меньше, чем при жизни.

В зеркале зарубежной печати

Но интерес к личности И. В. Сталина продолжал существовать как в СССР, так и за рубежом. И если в СССР поток публикаций о нем в 50-е гг. прекратился, за границей по-прежнему продолжали печататься как статьи, так и книги.

Первые статьи об И. В. Сталине появились здесь еще в 20-е гг. [1], а в 1931 г. было издано сразу же несколько посвященных ему книг. Их авторами стали Стефен Граам [2], Сергей Васильевич Дмитриевский [3], Иосиф Иремашвили [4], Исаак дон Левин [5], Лев Нусбаум, выступивший под псевдонимом Эссад-бей [6]. За их публикациями последовали книги Христиана Виндеке [7], Григория Бесе-довского [8], Эмиля Людвига [9], Бориса Суварина [10], Анри Барбюса [11], Ойгена Лиона [12], Виктора Сержа [13], Льва Троцкого [14] и т. д. Из довоенных работ наиболее полными и обстоятельными были книги Исаака Левина, Бориса Суварина и Льва Троцкого.

Все зарубежные публикации об И. В. Сталине можно разделить на две группы — про- и антисталинские. Последние явно преобладали. Просталинские публикации во многом следовали за официальной советской версией его биографии и имели апологетический характер. Антисталинские издания, наоборот, были проникнуты стремлением дискредитировать советского вождя, поэтому основное внимание в них уделялось негативным фактам из его биографии.

Авторы первых зарубежных книг об И. В. Сталине не имели доступа к архивным материалам, круг воспоминаний о нем, появившихся за границей, до сих пор остается небольшим, а многие воспоминания об И. В. Сталине, которые публиковались в СССР, оставались для заграничных исследователей или неизвестными, или же малодоступными. По этой причине первые зарубежные биографы И. В. Сталина вынуждены были ограничиваться лишь самым поверхностным описанием его жизненного пути,

компенсируя нехватку фактического материала ходившими в эмигрантских кругах слухами, общими рассуждениями, весьма шаткими предположениями, а нередко просто домыслами. Особенно в этом отношении выделяется книга Эссад-бея (Льва Нусбаума).

С самого же начала складывания зарубежной сталинианы, уже на рубеже 20–30-х гг., в прессе появились сведения, будто бы в революционном прошлом вождя имеются какие-то «темные страницы». Так, в октябре 1929 г. парижская эмигрантская газета «Дни», которую редактировал А. Ф. Керенский, опубликовала сообщение, будто бы лидеры «правой оппозиции» М. П. Томский и Н. А. Угланов располагали документами, компрометирующими революционную карьеру И. В. Сталина {15}.

Имеются сведения, что «в январе 1931 года тот же корреспондент газеты „Дни" вновь сообщил о циркулирующих в Москве слухах относительно прошлого Сталина», причем «в сообщении говорилось, что Феликс Дзержинский, основатель ЧК, перед самой смертью получил в свое распоряжение документы, доказывавшие, что Сталин был шпионом охранки, и передал их Томскому. Последний, в свою очередь, дал их на хранение Ворошилову» {16}.

К середине 30-х гг. слух о связях И. В. Сталина с царской охранкой материализовался в виде «документа», о котором уже шла речь ранее и который позднее получил название «письма Еремина». Возникновение слухов о нем относится к 1934 г. {17}, но, как отмечал в июне 1956 г. на страницах журнала «Est & Quest» Ришар Врага, «впервые он появился на информационном рынке в 1936–1937 гг. Находился он тогда в руках целого ряда русских эмигрантов, связанных с двумя организациями —

„Братства русской правды" (в государствах Прибалтики) и „Союза русских фашистов" (на Дальнем Востоке)», «одни утверждали, что этот „документ" был сфабрикован в Риге бывшим агентом охранки Д., а другие — в Харбине людьми, связанными с разведывательными службами атамана Семенова.

Как бы то ни было, в 1937 г. была сделана попытка одновременной продажи этой фальшивки — на Дальнем Востоке японцам, а в Болгарии — немцам через бюро Розенберга при посредничестве лиц, связанных с „Внутренней линией", тайной контрреволюционной организацией, ставшей наследницей „Треста", другой русской организации того же толка. Японцы потребовали экспертизы разведывательных служб Японии, которые без труда установили фальшивку и даже ее источник. Немцы же обратились за консультацией к секретарю НТС (Национального трудового союза) г-ну М. А. Георгиевскому, который также установил источник фальшивки».

«В 1938 г. — говорится далее в статье Ришара Врага, — попытка продать этот „документ" была сделана в Вене одним международным агентом, косвенно связанным с советскими разведывательными службами. Одновременно „документ" появился в Париже, откуда он был предложен румынской разведке через второстепенного русского политика. Тогда же впервые возникло подозрение, что в продаже и публикации этого документа заинтересовано советское „агентство", желавшее, по-видимому, таким образом дискредитировать информацию западных стран (в частности, Германии). Предполагали даже, что „документ" был специально сфабрикован с явными ошибками и нелепостями, чтобы легче обнаружилась подделка… Согласно хорошо осведомленному источнику, эту фальшивку привез в Берлин друг генерала Скоблина

некий капитан Фосс, у которого были налажены отношения с группой „русских фашистов" во главе с Вонтсятским в Харбине — с одной стороны, а с другой — с „Внутренней линией"» {18}.

Первые попытки запустить в обращение версию о связях И. В. Сталина с царской охранкой не увенчались успехом. Она была встречена скептически даже его самыми непримиримыми политическими противниками.

Одним из немногих, кто готов был признать правдоподобность этой версии, являлся бывший лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания. В 1936 г. на страницах издававшейся в эмиграции газеты «Брдзолис Кхма» («Эхо борьбы») он поделился воспоминаниями, в которых, не называя, правда, фамилии, привел следующее свидетельство одного из знакомых ему большевиков.

Когда из Тифлиса И. В. Сталин уехал в Баку, там у него возник конфликт с С. Г. Шаумяном. В разгаре борьбы между ними С. Г. Шаумяна арестовали. Через некоторое время знакомый Н. Н. Жордании встретил вышедшего из тюрьмы С. Г. Шаумяна, и тот заявил: «Я уверен, что Сталин донес полиции, имею доказательства <…>. У меня была конспиративная квартира, где я иногда ночевал. Адрес знал только Коба, больше никто. Когда меня арестовали, то прежде всего спросили о квартире <…> Кто же мог им сказать?» {19}.

С тех пор это свидетельство получило самое широкое распространение в антисталинской литературе. Между тем его несерьезность очевидна с первого взгляда. Мало ли каким образом охранке удалось установить существование конспиративной квартиры С. Г. Шаумяна. Например, с помощью наружного наблюдения. Но дело не только в этом. Если бы С. Г. Шаумян подозревал И. В.

Сталина в связях с охранкой, это не могло бы не отразиться на их отношениях после освобождения С. Г. Шаумяна. Между тем у нас нет никаких данных о том, что эти отношения имели напряженный характер. А все, что пишется на этот счет, имеет совершенно бездоказательный характер и восходит к приведенному выше свидетельству Н. Жордании.

В годы Второй мировой войны интерес к личности И. В. Сталина усилился. Главным образом это касается стран антигитлеровской коалиции, где просталинская литература стала оттеснять антисталинскую на второй план {20}.

Но с началом «холодной войны» на Западе снова поднимается волна антисталинских публикаций. Именно тогда в стенах Государственного департамента США появилась идея вынести обвинения И. В. Сталина в связях с охранкой на страницы печати и в связи с этим возник интерес к «письму Еремина». Взвесив все «за» и «против», правительство США при жизни И. В. Сталина на подобный шаг не решилось {21}.

Это было сделано вскоре после его смерти.

18 апреля 1956 г. в Нью-Йорке состоялась пресс-конференция, на которой перед представителями печати выступила жившая в эмиграции дочь известного русского писателя Л. Н. Толстого Александра Львовна (1884–1979). Именно она и предала гласности упоминавшееся выше «письмо Еремина» {22}.

Из оглашенного текста явствовало, будто бы 12 июля 1913 г. заведующий Особым отделом Департамента полиции полковник Александр Михайлович Еремин «поставил в известность начальника Енисейского охранного

отделения ротмистра Алексея Федоровича Железнякова» о том, что И. В. Сталин-Джугашвили с 1906 г. стал давать агентурные сведения по РСДРП, но после избрания его в 1912 г. членом ЦК партии от дальнейшего сотрудничества уклонился (фото 33) [23].

В день проведения этой пресс-конференции вышел очередной номер американского журнала «Лайф», датированный, однако, 23 апреля. На его страницах впервые появилось в печати факсимиле этого «документа». Публикация сопровождалась статьей одного из первых биографов И. В. Сталина, И. Левина. Последний утверждал, что «письмо» было вывезено после Гражданской войны в Маньчжурию, оттуда попало в США в руки профессора-эмигранта М. П. Головачева, который передал его бывшему русскому послу Б. А. Бахметеву и еще двум русским эмигрантам, которые в 1947 г. ознакомили с ним И. Левина. Последний связался с бывшим жандармским генералом А. И. Спиридовичем и получил от него подтверждение подлинности этого документа [24]. Летом 1956 г. И. Левин опубликовал книгу «Великий секрет Сталина» и попытался в ней обосновать версию о связях И. В. Сталина с царской охранкой. Однако, несмотря на то что книга составляла более 100 страниц, никаких новых аргументов, кроме названных выше, он фактически не привел [25].

Одновременно с «письмом Еремина» на страницах «Лайфа» появились воспоминания бывшего советского разведчика А. М. Орлова (настоящая фамилия — Фельбинг), из которых явствовало, будто бы в середине 30-х гг. его знакомый работник НКВД Штейн обнаружил в бывшем кабинете В. Р. Менжинского папку агентурных донесений И. В. Сталина, адресованных на имя вице-ди-

ректора Департамента полиции С. Е. Виссарионова. С этим открытием Штейн познакомил своего бывшего начальника В. А. Балицкого, с 1934 по 1937 г. возглавлявшего НКВД Украины, тот — И. Э. Якира, а И. Э. Якир — М. Н. Тухачевского, Я. Б. Гамарника и др. Верхи армии стали готовить против И. В. Сталина заговор, он был раскрыт, что и явилось причиной возникновения так называемого дела Тухачевского [{26}].

Невероятность «воспоминаний» А. М. Орлова настолько очевидна, что вопрос об их достоверности критиками версии о связях И. В. Сталина с царской охранкой даже не поднимался. Зато вокруг «письма Еремина» на страницах зарубежной прессы сразу же разгорелась бурная полемика. Ее материалы сравнительно недавно были собраны и опубликованы Ю. Фельштинским в книге «Был ли Сталин агентом охранки?» [{27}].

Один из участников этой дискуссии, Г. Аронсон, обратил внимание на то, что в «письме Еремина» И. В. Джугашвили именуется Сталиным, хотя летом 1913 г. под этим литературным псевдонимом его почти никто не знал [{28}], а также на то, что за месяц до «написания» письма, 11 июня 1913 г., А. М. Еремин был освобожден от должности заведующего Особым отделом Департамента полиции и назначен начальником Финляндского жандармского управления [{29}].

Тогда же «письмо Еремина» было подвергнуто экспертизе сотрудником Нью-Йоркского университета, криминалистом по профессии, Мартином Тейтелем, который обратил внимание на несовпадение оформления этого письма с оформлением некоторых других документов, вышедших в это время из стен Особого отдела Департа-

мента полиции, и поставил под сомнение подпись А. М. Еремина [30].

Обнародование результатов экспертизы М. Тейтеля не понравилось правительству США, и Сенат начал специальное расследование, в результате которого было обращено внимание на ряд ошибок и неточностей, допущенных М. Тейтелем, но одно из главных его заключений о расхождении в оформлении «письма Еремина» и других документов Особого отдела Департамента полиции того же времени Сенату опровергнуть не удалось [31].

В ходе развернувшейся полемики было приведено много неудачных аргументов как с одной, так и с другой стороны. Но подавляющее большинство историков встретило «письмо Еремина» скептически, и его подлинность вызвала большие сомнения. С тех пор за рубежом появилось много книг и статей о Сталине, но версия о его связях с царской охранкой не получила распространения [32].

Одно из немногих исключений в этом отношении представляет лишь книга бывшего американского разведчика, дипломата и журналиста Эдварда Смита «Молодой Сталин» [33]. Э. Смит вынужден был признать сомнительность «письма Еремина», но без всяких доказательств предложил новую версию, согласно которой И. В. Сталин стал секретным сотрудником не в 1906 г., а после исключения из семинарии, в 1899 г. [34].

Отказавшись от использования «письма Еремина», Э. Смит выдвинул некоторые новые «аргументы» в пользу версии о связях И. В. Сталина с охранкой. Так, обратив внимание на то, что в 1906 г. в протоколах IV (Стокгольмского) съезда РСДРП И. В. Сталин фигурирует под фа-

милией Иванович, а в стокгольмской гостинице он проживал под фамилией Виссарионович, Э. Смит сделал вывод о том, что в Стокгольме И. В. Сталин жил по паспорту, выданному ему не партией, а Департаментом полиции. Смехотворность этого «открытия», сделанного бывшим разведчиком, поражает. Иванович — это партийный псевдоним, а Виссарионович — фамилия для легального проживания. Но даже если бы было установлено, что И. В. Сталин имел два паспорта на обе названные выше фамилии, полицейское происхождение одного из них требовало бы доказательств, которые в книге Э. Смита отсутствуют [35].

Столь же «убедительно» и другое его «научное открытие». Исходя из того, что в 1909 г. из сольвычегодской ссылки И. Джугашвили бежал в июне, а паспорт, с которым его задержали в 1910 г., был выдан в мае 1909 г., Э. Смит тоже сделал вывод о полицейском происхождении этого документа. Между тем, если И. В. Сталин использовал чужой паспорт, он мог быть выдан в любое время. Любую дату можно было поставить в паспорте и в том случае, если он являлся фальшивым [36].

Подобный же характер имеют и другие аргументы, использованные Э. Э. Смитом.

С тех пор об И. В. Сталине за границей написано много книг. Однако никаких доказательств в пользу версии о его связях с царской охранкой зарубежным историкам привести не удалось. И все попытки возрождения этой версии связаны лишь с повторением тех «открытий», которые были сделаны Исааком Левиным и Эдвардом Смитом.

Наша современная сталиниана

Сразу же, как только «письмо Еремина» появилось в печати, Комитетом Государственной Безопасности при Совете Министров СССР была проведена его экспертиза, которая поставила под сомнение его подлинность (см. письмо председателя КГБ при СМ СССР Ивана Александровича Серова на имя секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева от 4 июня 1956 г. (фото 34)) {1}.

Но прошло пять лет, и именно тогда, когда страсти вокруг этого «документа» за границей стали утихать, его «оригинал» (еще один!) был «обнаружен» в СССР. «Открытие» сделал ныне покойный историк Георгий Анастасович Арутюнов. По его словам, этот «документ» он обнаружил в 1961 г. в Центральном государственном архиве Октябрьской революции {2}.

После того как об этом «открытии» в годы перестройки со страниц печати поведал его коллега, профессор Московского государственного института международных отношений Федор Дмитриевич Волков, 20 января 1995 г. я имел встречу с Г. А. Арутюновым. В беседе со мной он подтвердил изложенные Ф. Д. Волковым факты, а также заявил, что о сделанном «открытии» он сразу же поставил в известность ЦК КПСС, и тогда же, в начале 1960-х гг., был приглашен туда на совещание, специально посвященное вопросу о «письме Еремина».

Во время нашей встречи Г. А. Арутюнов не только не смог разыскать снятую им копию этого «документа», не только не дал ответа на вопрос о том, в каком виде (рукопись, машинопись, фото, ксерокс) она существовала у него, но и не сумел объяснить, где (в общем читальном

зале, в архивохранилище или в спецхране ГАРФ) было сделано его «открытие» [3].

Не исключено, что в начале 60-х гг. возможность использования «письма Еремина» в борьбе против культа личности И. В. Сталина действительно рассматривалась, а тем человеком, которому предполагалось доверить вынесение этой версии на страницы советской печати, был А. И. Солженицын. Основанием для такого предположения является то, что версия о связи И. В. Сталина с царской охранкой нашла отражение в романе А. И. Солженицына «В круге первом» [4], вопрос о публикации которого на страницах журнала «Новый мир» решался летом 1964 г. [5].

Однако осенью этого года Н. С. Хрущев был отправлен в отставку. После прихода к власти Л. И. Брежнева антисталинская кампания пошла на спад, а затем вообще прекратилась.

Правда, пришедший в 1967 г. к руководству КГБ СССР Ю. В. Андропов одобрил работу Р. А. Медведева над книгой о сталинизме, начатой им еще в 1962 г. Работа продолжалась до 1971 г., после чего рукопись книги была переправлена за границу и там опубликована в 1971–1972 гг. [6]Примерно тогда же в Москве была написана книга А. В. Антонова-Овсеенко «Портрет тирана», в 1980 г. она тоже увидела свет за границей [7].

В самом Советском Союзе публикации об И. В. Сталине снова появились только с началом перестройки, когда поднялась новая волна антисталинской кампании [8]. Особую остроту ей на этот раз придала реанимация версии о связях И. В. Сталина с царской охранкой. Глав-

ную роль в данном случае сыграло уже упоминавшееся «открытие» Г. А. Арутюнова. Если верить ему, о нем он последовательно информировал Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева [9].

Попытка проверить это свидетельство привела к тому, что в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ) при ЦК КПСС удалось обнаружить письмо Г. А. Арутюнова, адресованное им в ЦК КПСС. Письмо написано на обычном листе писчей бумаги (формат А4) синими чернилами:

«ЦК КПСС. Считаю своим партийным долгом передать Вам некоторые документы о Сталине. Член КПСС с 1932 г., участник Отечественной войны, ветеран труда, доктор исторических наук, профессор Арутюнов Георгий Анастасович». Далее были указаны его адрес и домашний телефон [10].

Автор письма хорошо знал, что такое ЦК КПСС, поэтому вряд ли направил бы туда письмо, не отпечатанное на машинке. Обычно адрес организации, в которую направляется письмо, пишется с правой стороны. Это хорошо было известно Г. А. Арутюнову. В данном случае адрес написан слева с красной строки. Складывается впечатление, что автор писал письмо под диктовку. Оно не датировано. Но на нем имеется штамп, по всей видимости, Общего отдела ЦК КПСС: «Прием почты. 1 июля 1986 г.».

Это значит, что идеологическая операция под названием «Сталин — агент охранки» была начата ЦК КПСС и КГБ СССР сразу же после XXVI съезда КПСС, когда Общий отдел возглавлял Анатолий Иванович Лукьянов [11].

4 февраля 1987 г., через несколько дней после знаменитого Пленума ЦК КПСС, состоявшегося 27–28 января того же года, письмо Г. А. Арутюнова и присланные им документы из ЦК КПСС (на 16 листах) были направлены заместителем заведующего Общим отделом ЦК КПСС И. Кириченко «согласно договоренности» директору ИМЛ при ЦК КПСС Г. Л. Смирнову {12}.

К сопроводительному письму И. Кириченко приколоты две записочки: одна была адресована Г. Л. Смирновым в Центральный партийный архив ИМЛ: «Тов. Антонюку Д. И. Возможно ли что-нибудь ответить автору? Смирнов. 10 февраля 1987», вторая (без даты) исходила от Д. И. Антонюка: «Срочно. Тов. Амиантову Ю. Н. Прошу поговорить. Ответ автору письма. Антонюк» {13}.

Письмо, направленное ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС 23 февраля 1987 г. на имя Г. А. Арутюнова, частично опубликовано Ф. Д. Волковым. Вот его полный текст:

«Т. Арутюнову Г. А. Москва, ул. Вавилова, д. 72, кв. 42. Уважаемый Георгий Анастасович! Сообщаем, что переданные Вами в ЦК КПСС материалы — **копия воспоминаний О. Г. Шатуновской „В дни Бакинской коммуны" (10 листов), копии документов-выписок, касающихся Сталина (5 листов)**, поступили на хранение в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Примите нашу благодарность и наилучшие пожелания. Зам. директора Д. Антонюк. 19 февраля 1987 г.», исходящий номер № 241–1 от 23 февраля 1987 г. {14}(выделенная часть текста Ф. Д. Волковым при публикации была опущена).

В левом углу письма И. Кириченко имеются две пометки: «Тов. Амиантову Ю. Н. Прошу оформить и сдать на секретное хранение.

12 февраля 1987 г. Антонюк» и отметка о выполнении этого распоряжения («По книге поступлений № 6884 от 9 марта 1987 г. Ф. 558»), свидетельствующая о передаче «документов» Г. А. Арутюнова в личный фонд И. В. Сталина [15]. Первоначально они были включены в опись № 2, затем перемещены в опись № 4 [16].

Знакомство с материалами Г. А. Арутюнова показывает, что в воспоминаниях О. Шатуновской (они датированы 28 марта 1986 г.) нет ни слова об И. В. Сталине, а «документы-выписки» представляют собой машинописную копию «письма Еремина», опубликованного на страницах журнала «Лайф», и аннотации на другие известные Г. А. Арутюнову материалы об И. В. Сталине без указания их местонахождения [17].

Передача «письма Еремина» из Общего отдела ЦК КПСС в ЦПА ИМЛ означала его открытие для исследователей. И, видимо, неслучайно именно в 1987 г. в нашей стране стали циркулировать слухи о связях И. В. Сталина с царской охранкой. Тогда же эта версия появилась на страницах печати. Насколько удалось установить, первым этот вопрос был затронут журналистом Г. Павловским в его беседе с историком М. Я. Гефтером, опубликованной в журнале «Век XX и мир». «Разве от того, что мы окрестим Сталина „агентом охранки", — спрашивал М. Я. Гефтер, — мы поймем, что влекло к нему Платонова, Булгакова, даже убитого им Мандельштама?» [18]

18 апреля 1988 г. к «письму Еремина» был допущен первый исследователь. Им стал историк Леонид Михайлович Спирин [19].

По свидетельству Г. А. Арутюнова, именно в 1987–1988 гг. он предоставил текст «письма Еремина» в

распоряжение писателя А. Адамовича [20]. Тогда же (не позднее весны — лета 1988 г.) текст этого «документа» стал ходить по рукам.

16 июня в газете «Советская культура» появилась статья журналиста А. Лазебникова, в которой И. В. Сталин почти прямо, но без доказательств обвинялся в связях с охранкой. Упоминая об одном из его побегов, автор восклицал: «Такой побег можно было совершить только с помощью властей» [21].

К этому времени А. Адамович завершил работу по подготовке к печати главы «Дублер» из повести «Каратели». 5 августа 11-й номер журнала «Дружба народов» с этой главой был сдан в набор, 6 октября подписан к печати и в конце октября вышел в свет [22]. Я как подписчик получил его в Ленинграде перед 7 ноября 1988 г.

Складывается впечатление, что эта публикация была приурочена к открывшейся 29 октября подготовительной конференции по созданию общества «Мемориал», на которой уже упоминавшийся историк-международник Ф. Д. Волков открыто выступил с обвинениями И. В. Сталина в связях с охранкой, причем в качестве доказательства он ссылался на неопубликованные воспоминания О. Шатуновской и архивные «материалы», обнаруженные Г. А. Арутюновым: кроме «письма Еремина» им был приведен еще один «документ» — донесение секретного сотрудника Фикуса, хранящееся якобы в фонде Бакинского охранного отделения:

«Бакинскому охранному отделению.

Вчера заседал Бакинский комитет РСДРП. На нем присутствовал приехавший из центра Джугашвили — Ста-

лин Иосиф Виссарионович, член Комитета Кузьма (Ст. Шаумян) и другие. Члены предъявили Джугашвили-Сталину обвинение, что он является провокатором, агентом охранки, что он похитил партийные деньги. На это Джугашвили-Сталин ответил взаимными обвинениями» {23}.

Что это очередная фальшивка, видно невооруженным глазом. Во-первых, фонд Бакинского охранного отделения, ликвидированного в 1913 г., до сих пор исследователям неизвестен, а в фонде Бакинского ГЖУ, куда в свое время были переданы материалы охранки, сейчас их нет {24}. Во-вторых, Кузьма — это партийная кличка не С. Г. Шаумяна, а рабочего С. Д. Сильдякова {25}. В-третьих, С. Д. Сильдяков покинул Баку в 1911 г. {26}, поэтому описанный выше эпизод мог иметь место не позднее ареста И. В. Сталина в марте 1910 г. Однако впервые И. В. Джугашвили использовал псевдоним Сталин только в 1913 г. {27}В-четвертых, в нашем распоряжении имеются агентурные донесения Фикуса за 1909–1910 гг., в которых И. В. Сталин фигурирует только под кличкой Коба, причем из переписки Бакинского охранного отделения с Департаментом полиции явствует, что вплоть до весны 1910 г. оно не могло установить его настоящую фамилию {28}.

20 ноября выступление Ф. Д. Волкова опубликовала газета «Забайкальский комсомолец» {29}. Почти одновременно с этим «письмо Еремина» появилось на страницах «Собеседника» (№ 46) {30}. 30 марта 1989 г. Г. А. Арутюнову и Ф. Д. Волкову предоставил свои страницы печатный орган Московского городского комитета КПСС «Московская правда» {31}, после чего

эта публикация была перепечатана в дайджесте прессы «Страницы истории» [32].

Пока можно только предполагать, знали ли организаторы и участники этой идеологической акции о публикации «письма Еремина» на страницах журнала «Лайф» и о той критической оценке, которая была дана этому «документу» за рубежом еще в 1956 г. Однако есть основания утверждать, что им с самого начала было известно, что это «письмо» — фальшивка.

17 ноября 1988 г. в зале ленинградского Дома политпросвещения состоялась встреча с сыном известного большевика, одного из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде 1917 г. А. В. Антонова-Овсеенко. В своем выступлении он сообщил, что к этому времени сотрудниками ЦГАОР СССР уже была произведена экспертиза «письма Еремина» и установлено, что в журнале исходящих документов Особого отдела за 1913 г. под указанными в письме датой и номером оно не значится [33].

Несмотря на это, а может быть, именно поэтому «письмо Еремина» появилось в печати, а через некоторое время увидела свет написанная З. И. Перегудовой совместно с Б. И. Каптеловым статья «Был ли Сталин агентом охранки?». Она была сдана в набор 6–9, а подписана к печати 23 марта 1989 г. [34].

При подготовке этой статьи З. И. Перегудова и Б. И. Каптелов не знали об экспертизе «письма Еремина», произведенной в США еще в 1956 г., а также о результатах проверки его подлинности КГБ при СМ СССР, поэтому ими были повторены некоторые уже известные аргументы:

1. Оригинал документа (оригинал, а не его отпуск, т. е. копия!), посланного из Департамента полиции в Енисейск, не мог оказаться в ЦГАОР, так как здесь нет фонда Енисейского охранного отделения.

2. Летом 1913 г. не существовало Енисейского охранного отделения, но существовал Енисейский розыскной пункт, фонда которого в ЦГАОР тоже нет.

3. Начальника Енисейского розыскного пункта, которому якобы было адресовано письмо, звали не Алексей, а Владимир Федорович Железняков.

4. Угловой штамп «письма Еремина» не соответствует тем, которые известны на других документах Особого отдела (в них нет, например, букв МВД, и к этому времени слово «заведывающий» было заменено на слово «заведующий»).

5. Сомнительным представляется штамп, фиксировавший дату и номер регистрации письма по месту его получения.

6. В письмах подобного рода обязательно указывались должность и чин как того, кому было адресовано письмо, так и того, от кого оно исходило, чего нет в «письме Еремина».

7. Исходящий № письма 2898, между тем за Особым отделом как раз на случай подделки были закреплены исходящие номера, начиная с № 93001.

8. С 1913 г. Департаменту полиции И. В. Сталин был известен как автор статьи по национальному вопросу, но в 1913 г. полиции оставалось неизвестным, что И. В. Сталин и И. В. Джугашвили одно лицо.

9. Если бы И. Джугашвили был секретным сотрудником, то, направляя письмо в Енисейск, А. М. Еремин обязан был зашифровать его фамилию.

10. В официальной переписке употреблялось сокращение — ГЖУ, но никогда не писали — ГЖ управление.

11. Вызывает сомнение подпись А. М. Еремина (см. образцы подписей А. М. Еремина в книге З. И. Перегудовой «Политический сыск России. 1880–1917 гг.» (М., 2000. С. 266)).

12. 11 июня Ермин был назначен на новый пост — начальником Финляндского жандармского управления и последний подписанный им в качестве заведующего Особым отделом документ датирован 19 июня.

13. 19 июня 1913 г. Департамент полиции разослал циркуляр, которым ставил жандармские управления и охранные отделения в известность о том, что с этого числа заведующим Особым отделом является статский советник М. Е. Броецкий {35}.

Подобное опровержение было опубликовано Б. И. Каптеловым и З. И. Перегудовой на страницах журнала «Родина», газет «Комсомольская правда» и «Московкая правда», а также в сборнике «Историки отвечают на вопросы» {36}.

Казалось бы, на версии о связях Сталина с царской охранкой можно было бы поставить крест. Однако она еще была нужна в той идеологической кампании, которая проводилась новыми силами, пришедшими к власти в 1991 г. В 1992 г. появилась книга Ф. Д. Волкова «Взлет и падение Сталина», в которой он не только повторил свои прежние аргументы, почти полностью проигнорировав

прозвучавшую в его адрес критику, но и добавил к ним некоторые новые [37].

Прежде всего, стремясь придать убедительность процитированному ранее «донесению Фикуса», он указал его архивный шифр: «ЦГАОР, фонд ДП ОО 102, оп. II, с-д хранения, дело 5, часть 6, литера Б за март 1910 г.» [38], в котором, правда, не хватает одной мелочи — номера листа. Но главное не в этом. Первые 37 описей фонда Департамента полиции отражают документацию его 1-го делопроизводства, между тем агентурные сведения поступали в Особый отдел (описи 226–247, 316) [39]. Кроме того, необходимо учитывать, что в Департамент полиции представлялись не сами донесения секретных сотрудников, а их ежемесячные сводки.

Таким образом, если «письмо Еремина» могло быть заимствовано со страниц журнала «Лайф» и о его происхождении можно спорить, то «донесение Фикуса» представляло результат творчества тех, кто при участии Г. А. Арутюнова и Ф. Д. Волкова организовывал идеологическую кампанию «Сталин — агент охранки».

Что касается новых «аргументов», приведенных в книге Ф. Д. Волкова, то один из них был сформулирован им следующим образом: «Документы о вербовке Сталина агентом царской охранки полковником Е. П. Дебилем имеются в распоряжении Шумского Николая Степановича — кандидата философских наук, доцента кафедры философии Таганрогского пединститута» [40].

Несерьезность подобного аргумента очевидна. Автор апеллировал к авторитету исследователя, имя которого как историка никому не известно, а подготовленная им к печати книга до сих пор не опубликована. Справедливости ради следует отметить: несмотря на отсутствие

соответствующих публикаций, Н. С. Шумский (умер в феврале 2001 г.) был одним из самых знающих исследователей революционной биографии И. В. Сталина. Он действительно являлся сторонником версии о его связях с охранкой. Однако, насколько мне известно из разговоров с ним в 1989–1992 гг., все доказательства, которыми он к этому времени располагал, имели лишь косвенный характер [41].

Еще более «красноречив» другой аргумент Ф. Д. Волкова — ссылка на беседу И. Ф. Стаднюка с В. М. Молотовым 15 апреля 1989 г., в которой последний якобы признал факт сотрудничества И. В. Сталина с охранкой, но заявил, что Сталин «был внедрен в царскую охранку по заданию большевистской партии» [42]. Курьезность этого аргумента заключается в том, что с 1986 г. В. М. Молотов уже покоился на Новодевичьем кладбище [43], поэтому для того, чтобы в 1989 г. упомянутая Ф. Д. Волковым встреча могла состояться, или В. М. Молотов должен был встать из могилы, или же И. Ф. Стаднюку требовалось отправиться на тот свет. Получается, что к «научному творчеству» Ф. Д. Волкова имеет отношение нечистая сила!

Столь же абсурдно выглядит и включенный Ф. Д. Волковым в книгу раздел «Неудачные опровержения ЦГАОР». Здесь он попытался полемизировать с З. И. Перегудовой и Б. И. Каптеловым, поставив под сомнение пять из тринадцати выдвинутых ими аргументов и тем самым признав убедительность остальных восьми [44].

Что же касается его контраргументов, то их несерьезность очевидна для всякого думающего человека.

1. Ф. Д. Волков опровергает утверждение Б. И. Каптелова и З. И. Перегудовой, будто бы не существовало Енисейского охранного отделения, не желая замечать, что названные авторы ставят под сомнение не сам факт существования подобного отделения, а факт его существования в июле 1913 г.

2. Ф. Д. Волков оспаривает возражения Б. И. Каптелова и З. И. Перегудовой относительно подлинности подписи А. М. Еремина и пишет, что ему удалось найти «шесть-семь» документов, на которых подпись А. М. Еремина совпадает с подписью на рассматриваемом письме. Ф. Д. Волков — профессиональный историк, преподававший в Московском государственном институте международных отношений, и знает, что в данном случае он должен был бы привести факсимиле этих подписей, в крайнем случае указать место нахождения обнаруженных им документов. Если же он, зная это, не сделал ни того, ни другого, есть основания сомневаться в его искренности.

3. Ф. Д. Волков подменяет аргументацию своих оппонентов по поводу фамилии Сталин. Речь идет не о том, мог или не мог назвать ее А. М. Еремин, а о том, известен ли был ему И. В. Джугашвили летом 1913 г. под этой фамилией.

4. Ф. Д. Волков допускает, что А. М. Еремин мог перепутать имя В. Ф. Железнякова. Чисто теоретически это возможно, но если бы он знал его, то не перепутал бы, а если не знал, то воспользовался бы для его установления специальным справочником.

5. Ф. Д. Волков утверждает, что А. М. Еремин мог задержаться с отъездом к новому месту службы и по этой причине подписать рассматриваемое письмо уже после формальной отставки с поста заведующего Особым отде-

лом Департамента полиции. Задержаться он действительно мог, но с 19 июня не имел права подписывать документы как заведующий Особым отделом, и после получения соответствующего циркуляра Департамента полиции его письмо с такой подписью на местах должны были бы рассматривать как подделку.

Чтобы окончательно поставить точку в данном вопросе, к уже приведенным в литературе аргументам можно добавить еще два.

В фонде Отдельного корпуса жандармов в личном деле А. М. Еремина удалось обнаружить документ, который гласит: «По справке, наведенной в Особом отделе Департамента полиции у статского советника Броецкого, выяснено, что полковник Еремин сдал должность заведующего отделом 19 июня и вступил в должность начальника Финляндского жандармского управления с 12 текущего июля». Здесь же отмечено, что с 1 июля 1913 г. А. М. Еремин был снят с содержания Департамента полиции [45].

В фонде Финляндского жандармского управления сохранился отпуск рапорта самого А. М. Еремина в штаб Отдельного корпуса жандармов от 12 (25) июля 1913 г.: «Доношу, что Финляндское жандармское управление мною сего числа на законном основании принято как по личному составу, так и по состоянию денежных сумм и казенного имущества» [46].

Это позволяет утверждать, что 12 июля 1913 г. А. М. Еремин находился не в Петербурге, а в Гельсингфорсе и по этой причине не имел и не мог иметь никакого отношения к составлению приписываемого ему документа.

Таким образом, опровергнуть аргументацию своих оппонентов относительно подлинности «письма Еремина» Ф. Д. Волкову не удалось.

Кто же был автором этой фальшивки? По одной версии, представители белой эмиграции {47}, по другой — советские спецслужбы {48}.

Какая из двух этих версий соответствует действительности, сказать сейчас трудно.

Не менее важен другой вопрос.

Поскольку речь идет о фальсификации, то для дискредитации И. В. Сталина его политические противники могли использовать любое обвинение, допустим, в связях с австрийской или немецкой разведкой. Почему же они избрали версию о провокаторстве?

Если же фальсификация исходила от советских спецслужб, то она могла иметь своей целью только одно — дискредитацию последней версии. Но стоило ли ее дискредитировать, если она не имела под собой никаких оснований?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сделать революционный период в биографии И. В. Сталина объектом специального изучения [6].

ПРИМЕЧАНИЯ

Официальная историография

[1]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М.: Государственное издательство политической литературы, 1939. С. 20.

[2]Там же. С. 10–11, 22–26.

[3]Там же.

[4]Там же.

[5]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд. М., 1947. С. 44.

[6]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 470; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558 (И. В. Сталин). Оп. 1. Д. 1594. Л. 2.

[7]Там же. Д. 4507. Л. 1–2. Когда родился И. В. Сталин (публикацию подготовили И. Китаев, Л. Мошков, А. Чернев) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 134.

[8]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4343. Л. 2–3.

[9]О Г. Л. Шидловском см.: РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2159.

[10]*Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение от 1880 до 1905 г. Вып. 1. Пг., 1923. С. 238–240.

[11]Двенадцать биографий. М., 1924. С. 46–51. О Борисе Михайловиче Волине (Иосиф Ефимович Фрадкин) см.: Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 238–239.

[12]Двенадцать биографий. 2-е изд. М., 1924. С. 46–51; 3-е изд. М., 1924. С. 46–51.

[13]Двенадцать биографий. 4-е изд. М., 1925. С. 46–51; 5-е изд. М., 1925. С. 46–51.

[14]См. также: 29 биографий. Вожди пролетариата и руководители Советской власти. М., 1924. С. 16–20.

[15] *Талаквадзе С.*К истории Коммунистической партии Грузии. Ч.1. Тифлис, 1925. С. 117–118.

[16]Заря Востока. Тифлис, 1925. 23 дек.

[17]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1278. Л. 1.

[18]Там же. Л. 2.

[19]Иван Павлович Товстуха: Краткая биография // Пролетарская революция. 1935. № 6. С. 130–131.

[20] *Товстуха И. П.*И. В. Сталин // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 41. Ч. 3. С. 107–112. Перепечатано: Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1989. С. 698–700.

[21] *Товстуха И. П.*И. В. Сталин. М., 1927. Ср.: Политбюро ЦК ВКП(б). Биографии т. Бухарина, Ворошилова, Калинина, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Рудзутака: Сталина и Томского. М., 1928. С. 14–18; Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов Общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев. М., 1934. С. 608–609.

[22]Правда. 1929. 21 дек; Известия. 1929. 21 дек.

[23]Сталин И. В.: Сборник статей к 50-летию со дня рождения [1-е изд]. М.; Л., 1929; 2-е изд. М.-Л., 1930.

[24]Бакинский рабочий. 1929. 20 и 22 дек.; Заря Востока. 1929. 21 дек.

[25] *Волкогонов Д. А.*Сталин: Триумф и трагедия. М., 1989. См. также: *Волкогонов Д. А.*Сталин. По-

литический портрет. Кн. 1. 4-е изд. М., 1996. С. 341. По утверждению Б. С. Илизарова, «Сталин лично тщательно отбирал свои фотопортреты для подарков и публикации. По всей стране за их публикацией следило специальное цензурное подразделение» (*Илизаров Б. С.* Сталин. Болезнь, смерть и «бессмертие» // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 127).

[26]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5089. Л. 1.

[27]*Волкогонов Д. А.*Сталин. Политический портрет. Кн. 1. С. 350.

[28]РГАСПИ. Ф. 155 (И. П. Товстуха). Оп. 1. Д. 70. Л. 24–25.

[29]Там же. Д. 88. Л. 1, 2.

[30]Там же. Д. 90. Л. 1–2. Чтобы оценить «скромность» И. П. Товстухи, достаточно обратиться к фонду Института марксизма-ленинизма при ПК КПСС. См.: Статьи, речи и прокламации Сталина, собранные Товстухой (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 192 (1902–1905 гг.). 145 л.; Д. 193 (1906 г.). 176 л.; Д. 194 (1906 г.). 146 л.; Д. 195 (1906–1907 гг.). 191 л.; Д. 196 (1907 г.). 201 л.; Д. 197 (1908–1916 гг.). 138 л.; Хроника и алфавитный указатель статей и речей Сталина за 1905–1935 гг., собранных И. П. Товстухой. 1935. (Там же. Д. 216. 118 л.); Рабочие тетради И. П. Товстухи. 1922–1934 гг. (Там же. Д. 217. 154 л.).

[31]*Ярославский Е.*1) Детство и отрочество товарища Сталина // Интернационал молодежи. 1939. № 12. С. 16–21; 2) Юность вождя // Советское студенчество. 1939. № 10. С. 14–21; О товарище Сталине. М., 1939. См. также: Важнейшие вехи жизни и деятельности Сталина // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. И. Д. 1507–1508.

[32]*Берия Л. П.*К вопросу об истории большевистской организации Закавказья. Доклад на собрании тифлисского партактива 21–22 июля // Заря Востока. 1935. 24–25 июля.

[33]*Берия Л. П.*К вопросу об истории большевистской организации Закавказья [1-е изд.] М., 1935; 2-е изд. М., [1936]; 3-е изд. М., 1937; 4-е изд. М., 1938; 5-е изд. М., 1939; 6-е изд. М., 1941; 7-е изд. М., 1948; 8-е изд. М., 1948; 9-е изд. М., 1952.

[34]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 6, 8, 10–14.

[35]Там же. Ф. 71. Оп. 3. Д. 66. Л. 30–33.

[36]Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 13.

[37]И. В. Сталин в царской ссылке на Севере. Архангельск, 1936.222 с. (сигнальный экземпляр) // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 276. Подобный же сборник документов под названием «Революционная деятельность И. В. Сталина во время пребывания в вологодской ссылке в период 1908–1912 гг.» подготовили и работники Государственного архива Вологодской области (Там же. Д. 277. Ч. 1.403 л.; Ч. 2.402 л.). 8 февраля 1944 г. он был направлен в ИМЭЛ и тоже не получил рекомендации к печати (Там же. Л. 5, 7–9).

[38]Рассказы старых рабочих о великом Сталине. [Тбилиси], [1936]. С. 55. В 1937 г. почти одновременно вышло сразу же два идентичных издания сборника «Батумская демонстрация 1902 г.». Одно — 318 с. — было сдано в производство 10 марта, второе — 244 с. — 14 мая. 1-е изд.: профиль — С. 52–53, фас — С. 192–193; Сталин [Альбом]). М., 1939 (страницы не нумерованы); Иосиф

Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд. М., 1947. С. 12–13.

[39]При перепечатке этой фотографии в 1949 г. ее сопровождал совершенно иной текст: «И. В. Сталин. 1902 г. Снимок Батумского жандармского областного управления» (Иосиф Виссарионович Сталин. [Альбом]. М., 1949 (страницы не нумерованы).

[40]Батумская демонстрация 1902 г. М., 1937. [1-е изд.]. С. 246.

[41]Там же. С. 140–141.

[42]Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 81.

[43]*Брюханов Б. Б., Шошков Е. Н.*Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1936–1938 гг. СПб., 1998. С. 132–133.

[44]*Маленков Андрей.*О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992. С. 34. Об этом же свидетельствуют и воспоминания Н. С. Хрущева, который утверждал, что в одном из разговоров с ним И. В. Сталин заявил: «И на меня тоже собирает материалы. Ежов собирает», а на заседании Политбюро уже после ареста Н. И. Ежова И. В. Сталин показал дело, якобы заведенное на него (*Хрущев Н. С.*Воспоминания. М., 1997. С. 256).

[45]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 374. Л. 1.

[46]Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 13; Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. 1879–1917. 358 л.

[47]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1939. 77 с.; М., 1940. 88 с.; М., 1942. 88 с.; М., 1942.

78 с.; М., 1942. 76 с.; М., 1943. 76 с.; М., 1944. 72 с.; М., 1944. 78 с.; М., 1944. 76 с.; М., 1945. 76 с.; М., 1946. 76 с.

[48]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 258. Л. 10.

[49]Там же. Л. 42–43.

[50]Там же. Л. 10; Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1939. С. 18.

[51]См., например, «Отзывы и замечания на краткую биографию Сталина» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 49) и «Письма читателей» (Там же. Д. 399). В этом отношении несомненный интерес представляют также статья Н. Анисимова «К уточнению дат революционной деятельности И. В. Сталина», появившаяся на страницах журнала «Марксистско-ленинская литература» (1939. № 11. С. 9–15), и направленная в конце 1939 — начале 1940 г. в редакцию журнала «Историк-марксист», но оставшаяся неопубликованной статья И. Книжника-Ветрова «Школьные годы товарища Сталина (новые материалы)», в которой он не только пытался полемизировать с Л. П. Берией, но и ставил под сомнение официальную, идущую от Сталина версию о том, что он был исключен из семинарии за пропаганду марксизма (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 292–308).

[52]Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 397. Л. 5.

[53]Там же. Д. 268. Л. 49.

[54]Там же. Д. 374. Л. 3.

[55]Там же. Л. 4.

[56]Там же. Л. 5–9.

[57]Там же. Д. 380. Л. 23.

[58]Там же. Д. 21. Л. 8–16.

[59]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1–2. М., 1946.

[60]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 375. Л. 70; Д. 379. Л. 9; Период, охватывающий 1874–1917 гг., см.: Там же. Д. 404–407.

[61]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 415–425 (1879–1907); Т. 2. М., 1946. С. 407–423 (1907–1917).

[62]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 375. Л. 70.

[63]Там же. Д. 379. Л. 9.

[64]Там же. Л. 44–101.

[65]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд. М., 1947.

[66]Там же. С. 44. Макет этой книги, утвержденный И. В. Сталиным 8 января 1947 г., см.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 261; И. В. Сталин сам о себе. Редакционная правка собственной биографии: (публикацию подготовил В. А. Беляков) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 113–129. К 1950 г. было подготовлено третье издание «Краткой биографии», оставшееся, однако, неопубликованным (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1283–1286).

[67]О Грузинском филиале ИМЭЛ при ЦК КПСС. 24 июля 1953 г. // Там же. Ф. 71. Оп. 5. Д. 362. Л. 1–12.

[68]Ср.: БСЭ. 1 изд. Т. 52. М., 1947. С. 535–622; 2-е изд. Т. 40. М., 1957. С. 419–424; 3 изд. Т. 24. М., 1976. С. 1186–1187.

В зеркале зарубежной печати

[1]Когда родился И. В. Сталин (публикацию подготовили И. Китаев, Л. Мошков, А. Чернев) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 134; *Верещак С.*Сталин в тюрьме: Воспоминания политического заключенного // Дни. 1928. 22 и 24 января.

[2]*Graham, St.*Stalin. L., 1931. P. 9–29.

[3]*Дмитриевский С. В.*Сталин. Берлин, 1931. С. 5–109; *Dmitriewsky S.*Stalin. Stockholm, 1931.

[4]*Iremaschwili J.*Stalin und die Trag"odie Georgiens. Berlin, 1932.

[5]*Levine Idon.*: 1. J. Stalin. 4d print. N.Y., 1931; 2. Stalin. Der Mann von Stahl / Dresden. Б. д. S. 5–87.

[6]*Essad-bey*[Лев Нусбаум]. Stalin. Berlin, 1931. S. 7–230. О Льве Нусбауме (1905–1942), которого Э. С. Радзинский именует «палестинским революционером» (*Радзинский Э. С.*Сталин. М., 1997. С. 70), см.: *Розанов М.*Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939. Кн. 1. Б. м., 1979. С. 14.

[7]*Windecke Ch.*Der rote Zar. Genosse Stalins Weg zur Macht. Leipzig, 1932. S. 1–45.

[8]*Bessedovsky G.*Staline. Paris, 1933.

[9]*Ludwig E.*Stalin. 1933. Z"urich, 1945.

[10]*Souvarine B.*Staline. A percu historique du bolchevisme. P., 1935. С. 7–132; *Милюков П. Н.*Сталин // Современные записки. Париж, 1935. Т. 59. С. 420–436 (отклик на книгу Б. Суварина).

[11]*Барбюс А.*Сталин [1-е изд.]. М., 1936; 2-е изд. М., 1936; 3-е изд. М., 1936.

[12]*Lyons E.*Stalin. Czar of the Russians. Philadelphia — L — Toronto — N.Y., 1940. P. 13–99.

[13]*Serge V.*Portrait de Staline. P., 1940.

[14]Перевод: *Троцкий Л. Д.*Сталин. Кн. 1–2. М., 1990.

[15]Был ли Сталин агентом охранки? М., 1998. С. 294.

[16]Там же.

[17]Там же. С. 250.

[18]Там же. С. 265–266.

[19]*Вакар Н.*Сталин (по воспоминаниям Н. Н. Жордании) // Последние новости. 1936. 16 дек.

[20]*Rabl H.*Stalin ohne Maske. Die Wahrheit "uber den bolschewistischen Herrscher in Kreml. M"unchen, 1941; *Cole D.*Joseph Stalin: Man of Steel., 1942; *Montagu I.*Stalin: A Biographical Sketch. L., 1942; *Marphy I. T.*Stalin. 1879–1944. L., 1945. P. 13–84; *Wolf B. D.*Three who made a Revolution. Abiographical History. L., 1948. P. 399–417; *Deutscher I.*Stalin. A political Biography. L., 1949; *Besseches N.*Stalin. L., 1952; Delbars Y. The Real Stalin. 1952; *Fischer L.*The Life and Death of Stalin. N.Y., 1952.

[21]Был ли Сталин агентом охранки? С. 262.

[22]Там же. С. 214–217.

[23]Там же. С. 17–18.

[24]Там же. С. 22–29.

[25] *Levin Isaak don.*Stalin's Great Secret. N.Y., 1956.126 p. Сокращенный перевод этой книги на русский язык см.: Был ли Сталин агентом охранки? С. 275–315.

[26] Там же. С. 30–45.

[27] Там же. С. 221–383.

[28] Там же. С. 241.

[29] Там же. С. 255.

[30] Там же. С. 347–354.

[31] Там же. С. 354–363.

[32] *Wolf B. D.*Three who made a Revolution. L., 1948; L., 1956; *DeutscherI.*Stalin. A political Biography. L., 1949; N.Y., 1967; *Starlinger W.*Stalin und seine Erben. W"urzburg, 1957; *Fischman J., Hutton B.*: 1) Das private Leben des Josef Stalin. Wien-Hamburg, 1961. 2) The private Life of Joseph Stalin. L., 1962; *Payne R.*: 1) The Rise and Fall of Stalin. N.Y., 1965. P. 31–176. 2) Stalin: Macht und Tyrannei. M"unchen, 1978. S. 19–141; *Hyde H.*Montgomery. Stalin. The History of a Dictator. N.Y., 1971. P. 11–125; *Ulam A. B.* Stalin. The Man and his Era. L., 1973. P. 16–157; *Hingley R.*Joseph Stalin: Man and Legend. L., 1974. P. 3–78; *Elleinstein J.*: 1) Histoire du phenomen Stalinien. P., 1975; 2) Staline. Fayard, 1984; *Rubel M., Joseph W.*Stalin in Selbstzeugnissen und Bilderdokumenten. Reinbek bei Hamburg, 1975; *Tremain R.*Stalin. N.Y., 1975; *Grrtliz W.*Geldgeber der Macht. Frankfurt-am-Mein, 1978. S. 165–192; *Grey J.*Stalin. Man of History. L., 1979; *Hartmann M.*Stalin. P., 1979; *Morozow M.*Der Georgier: Stalins Weg und Herrschaft. M"unchen — Wien, 1980; *Hoobler D., Hoobler T.*Joseph Stalin. N.Y.,

1985; *De Jonge A.*Stalin and the Shaping of the Soviet Union. L., 1986. P. 17–99; *Такер Р.*Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность: пер. с англ. М., 1990.

[33]*Smith E. E.*The yung Stalin. The early Years of elusive Revolutionary. N.Y., 1967.

[34]«Мы, — писал Э. Смит, — вправе рассматривать возможность того, что в июне — июле 1899 г. офицер Тифлисского жандармского управления мог предложить Сосо стать агентом полиции в грузинском социал-демократическом движении. Даже если первоначально его прием на службу не был оформлен, она оплачивалась скромно, но регулярно. Очевидно, такое привлекательное предложение не обязывало его отказываться от увлечения марксизмом» (Ibid. P. 67).

[35]Ibid. P. 176.

[36]Ibid. P. 224.

Наша современная сталиниана

[1]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1288. Л. 14–15.

[2]*Волков Ф. Д.*Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 15.

[3]Запись беседы с Г. А. Арутюновым. 20 января 1995 г. // Архив автора.

[4]*Солженицын А. И.*В круге первом // Малое собрание сочинений. Т. 1. М., 1991. С. 103–104. По версии А. И. Солженицына, И. В. Джугашвили был завербован в 1903 г. во время пребывания в кутаисской тюрьме.

[5]*Солженицын А. И.*Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 6. С. 62–70.

[6]*Медведев Р. А.*О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 1. С. 159.

[7]*Антонов-Овсеенко А. В.*Портрет тирана. N.Y., 1980.

[8]Новая волна публикаций об И. В. Сталине в нашей стране поднимается после выхода в свет книги Д. А. Волкогонова «Сталин: Триумф и трагедия» (М., 1989). С тех пор появился не один десяток книг о вожде. В основном это публицистические произведения, авторы которых концентрируют свое внимание главным образом на советском периоде биографии И. В. Сталина.

[9]*Волков Ф. Д.*Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 16.

[10]РГАСПИ. Архив архива. Дело фонда 558. Т. 3-а. Л. 71.

[11]Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 46.

[12]РГАСПИ. Архив архива. Дело фонда 558. Т. 3-а. Л. 70.

[13]Там же. Л. 68–69.

[14]Там же. Л. 72; *Волков Ф. Д.*Взлет и падение Сталина. С. 16.

[15]РГАСПИ. Архив архива. Дело фонда 558. Т. 3а. Л. 70.

[16]Там же. Оп. 4. Д. 671. 15 л.

[17]Там же.

[18]Век XX и мир. 1987. № 8. С. 46.

[19]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 671. Лист использования.

[20]Запись беседы с Г. А. Арутюновым. 20 января 1995 г. // Архив автора.

[21]*Лазебников А.*Линия судьбы. Главы из книги (подготовила М. Колманова) // Советская культура. 1988. 16 июня.

[22]Дружба народов. 1988. № И. С. 1.

[23]*Васильева В.*Сталин — агент царской охранки (интервью с д. и. н. Ф. Д. Волковым) // Забайкальский комсомолец. 1988. 20 нояб.

[24]Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). ф. 102. 00. 1913. Д. 366. Л. 2–9 (циркуляр 15 апреля 1913), 45–50 (Опись дел Бакинского охранного отделения).

[25]На это уже обратила внимание З. И. Перегудова: Политический сыск России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 243, 273.

[26]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1730. Л. 3 (автобиография); Государственный архив Вологодской области. Ф. 18. Оп. 2. Д. 842, 859, 897, 988.

[27]*Похлебкин В. В.*Великий псевдоним. Как случилось, что И. В. Джугашвили избрал себе псевдоним «Сталин». М., 1996. С. 70.

[28]См. далее. С. 296–309.

[29]Забайкальский комсомолец. 1988. 20 нояб.

[30]Собеседник. 1988. № 46.

[31]Перед судом истории // Московская правда. 1989. 30 марта.

[32]Страницы истории. Дайджест прессы. Январь — июнь 1989. Л., 1989. С. 87–95.

[33]Запись выступления А. В. Антонова-Овсеенко в зале ленинградского Дома политпросвещения. 17 ноября 1988 г. // Архив автора.

[34]Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 2.

[35]Там же. С. 90–98.

[36]*Перегудова З. И., Каптелов Б. И.*: 1) Был ли Сталин агентом охранки? // Родина. 1989. № 5. С. 66–69; 2) Секретный агент Джугашвили // Комсомольская правда. 1989. 21 июня; 3) К спору о «Кобе» Джугашвили и «Фикусе» // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 171–184. См. также: Версия не подтвердилась // Московская правда. 1989.2 июля; *Перегудова З. И.* Политический сыск России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 242–274.

[37]*Волков Ф. Д.*Взлет и падение Сталина. С. 13–34.

[38]Там же. С. 316.

[39]Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 1: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX — начала XX в. М., 1994. С. 23, 36.

[40]*Волков Ф. Д.*Взлет и падение Сталина. С. 316.

[41]Запись беседы с Н. С. Шумским. Москва. Гостиница «Южная». 12 августа 1990 г. // Архив автора.

[42] *Волков Ф. Д.* Взлет и падение Сталина. С. 20, 317. Эта версия нашла отражение в книге Э. Радзинского, который подает ее, как и многие другие чужие идеи, в качестве собственного научного «открытия» (*Радзинский Э. С.* Сталин. М., 1997. С. 92).

[43] Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища / Авт. и сост. С. Е. Кипнис. М., 1995. С. 40–41.

[44] *Волков Ф. Д.* Взлет и падение Сталина. С. 21–23.

[45] ГАРФ. Ф. 102. 1Д. 1903. Д. 840. Л. 99.

[46] Там же. Ф. 494. Оп. 1. Д. 39. Л. 27.

[47] Был ли Сталин агентом охранки? С. 265–266.

[48] Там же. С. 266.

ГЛАВА 2. ВРЕМЯ СМЫВАЕТ СЛЕДЫ

Охранка и ее архивы

Поскольку значительная часть жизни И. В. Сталина до 1917 г. прошла в подполье, в тюрьмах, на этапах и в ссылке, первостепенное значение для ее изучения имеют архивные материалы карательных органов.

Начиная с 1880 г. главным штабом борьбы с революционным движением был Департамент полиции, пришедший на смену знаменитому Третьему отделению {1}.

Первоначально Департамент полиции состоял из трех структурных подразделений. Первое делопроизводство ведало кадрами, второе разрабатывало нормативные материалы и контролировало деятельность местных полицейских учреждений, третье занималось розыском,

осуществляло наблюдение за проведением следственных мероприятий по делам политического характера, проводимых жандармскими управлениями [2].

В 1883 г. для подобного контроля была создана новая структурная единица — четвертое делопроизводство [3]. Тогда же появилось пятое делопроизводство, которое стало выполнять функции канцелярии Особого совещания при Министерстве внутренних дел, рассматривавшего дела, связанные с административной ссылкой [4]. В 1894 г. возникло шестое делопроизводство, функции которого были определены недостаточно четко и затем неоднократно уточнялись и изменялись [5]. 1 января 1898 г. из третьего делопроизводства был выделен Особый отдел, который сконцентрировал в своих руках руководство розыскной деятельностью [6]. 6 сентября 1902 г. осуществление контроля над следственными мероприятиями было передано новому, седьмому делопроизводству [7]. 12 марта 1908 г. появилось восьмое делопроизводство, сосредоточившее все материалы, необходимые для розыска политических преступников [8]. С 1 января 1907 г. начал функционировать Регистрационный отдел, на который была возложена обязанность вести учет документации, поступавшей в Департамент полиции и исходившей из него. Важным его элементом стала именная картотека: Центральный справочный алфавит [9].

В 1914 г. Особый отдел был переименован в девятое делопроизводство [10]. 27 марта 1915 г., когда с началом Первой мировой войны произошло резкое увеличение дел, связанных со шпионажем и «немецким засильем», все эти вопросы были оставлены за девятым делопроизводством, а руководство политическим сыском

передано шестому делопроизводству [11]. В сентябре 1916 г. Особый отдел снова был восстановлен как самостоятельная структурная единица [12].

Первоначально Особый отдел состоял из четырех отделений. На январь 1905 г. распределение обязанностей между ними выглядело следующим образом: первое отделение руководило наружным наблюдением, второе — внутренней агентурой, третье осуществляло контроль над учебными заведениями и общественными организациями, в ведении четвертого отделения находились вопросы, связанные с военным шпионажем и государственной изменой, т. е. вопросы контрразведки [13].

Ставший в 1906 г. директором Департамента полиции Максимилиан Иванович Трусевич с 1 января 1907 г. ввел новую структуру Особого отдела: первое отделение должно было осуществлять общее руководство розыскной деятельностью и ведать кадрами, в том числе агентурой, второе — вести розыскную работу среди эсеров и партий анархо-эсеровского направления, третье — руководить розыскной деятельностью по РСДРП и другим рабочим партиям, четвертое — заниматься национальным движением и следить за ввозом оружия [14].

На местах политический розыск долгое время сосредоточивался главным образом в губернских жандармских управлениях. Исключение из этого правила до начала XX в. составляли только Варшава, Москва и Петербург, где розыскную деятельность осуществляли специально созданные для этого учреждения — охранные отделения.

В августе 1902 г. подобные учреждения (первоначально они назывались розыскными отделениями или охранными пунктами, а затем, с 1903 г., — охранными от-

делениями [15]) появились еще в 8 городах [16]. В декабре 1907 г. их насчитывалось уже 27 [17].

1 сентября розыскное отделение, вскоре переименованное в охранное отделение, начало функционировать в Тифлисе [18]. В 1904 г. охранные пункты появились в Баку и Батуме [19]. Осенью 1908 г. Бакинский охранный пункт был преобразован в охранное отделение, а Батумский ликвидирован [20].

В 1905 г. Николай II восстановил наместничество на Кавказе, во главе которого был поставлен бывший министр императорского двора граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916) [21]. Через несколько дней, 22 мая, при нем была учреждена специальная должность заведующего полицией, на которую назначили бывшего руководителя дворцовой полиции генерала Е. Н. Ширинкина [22], его помощником стал бывший провокатор Михаил Иванович Гурович [23]. 24 августа 1906 г. должность заведующего полицией на Кавказе была упразднена, его функции переданы помощнику наместника на Кавказе по гражданской части [24], а для руководства полицией при Канцелярии наместника создан Особый отдел, который возглавил полковник Василий Александрович Бабушкин [25].

В результате этого с 1905 г. жандармские управления, охранные и розыскные отделения на Кавказе оказались в двойном подчинении: с одной стороны, в подчинении Департамента полиции, с другой — наместника. А поскольку согласно 27-й статьи «Учреждения Управления Кавказским и Западным краем» непосредственным начальником всех местных органов власти являлся намест-

ник, заведующий полицией сразу же поставил вопрос о том, чтобы вся информация местных органов политического сыска направлялась на его имя и уже он представлял бы ее в Департамент полиции [26].

В 1906 г. директор Департамента полиции М. И. Трусевич решил не только расширить сеть охранных отделений, но и создать промежуточное звено между охранным отделением и Департаментом полиции — районное охранное отделение. «Положение о районных охранных отделениях» было утверждено 14 декабря 1906 г. [27]В результате этого в 1907 г. возникло Кавказское районное охранное отделение, руководство которым было возложено на начальника Тифлисского ГЖУ [28].

С самого начала между жандармскими управлениями и охранными отделениями возникло соперничество, завершившееся ликвидацией последних. Существует мнение, что это произошло по инициативе Владимира Федоровича Джунковского, который 18 января 1913 г. стал товарищем министра внутренних дел и одновременно командиром Отдельного корпуса жандармов [29]. Однако удалось обнаружить доклад директора Департамента полиции Степана Петровича Белецкого от 2 апреля 1913 г., из которого явствует, что к началу 1913 г. уже было ликвидировано 17 охранных отделений [30].

Поэтому правильнее говорить о том, что В. Ф. Джунковский завершил реорганизацию, начатую его предшественником. 15 апреля 1913 г. им был подписан циркуляр о ликвидации еще 8 охранных отделений, в том числе Бакинского и Тифлисского [31]. Удалось обнаружить материалы, связанные с передачей дел этих двух отделений в соответствующие губернские жандармские управления [32]. Судьба подобных же материалов Ени-

сейского и Иркутского охранных отделений остается неизвестной. В 1914 г. прекратило существовать Кавказское районное охранное отделение [33].

Основная информация о деятельности революционного подполья поступала в жандармские управления, охранные отделения и Департамент полиции по трем каналам: через филеров (внешнее наблюдение), тайную агентуру (внутреннее наблюдение) и «черные кабинеты» (перлюстрация). В местных органах политического сыска эта информация закреплялась, перерабатывалась и представлялась в Департамент полиции. На ее основе принимались соответствующие оперативные решения.

Деятельность губернского жандармского управления регламентировалась «Положением о корпусе жандармов», которое было утверждено в 1867 г. [34], а также должностными циркулярами [35]. Деятельность розыскных и охранных отделениий определялась «Положением о начальнике розыскного отделения», утвержденным 12 августа 1903 г. [36], «Положением о районных охранных отделениях», утвержденным 14 декабря 1906 г., «Положением об охранных отделениях», утвержденным 9 февраля 1907 г. [37], и соответствующими должностными инструкциями, из которых наиболее важное значение имели инструкции о наружном наблюдении и о секретных сотрудниках [38].

«В канцелярии начальника розыскного отделения, — говорилось в „Положении о начальниках розыскных отделений", — должны вестись по установленным на сей предмет образцам: а) регистрация данных наблюдения: агентурные записки, дневники наблюдения с соответствующими сводками, б) книга денежной отчетности, в) дела по переписке и г) листовой алфавит лиц, сведения о

коих имеются в отделении» [39]. Этот пункт с некоторой конкретизацией и дополнениями вошел в «Положение об охранных отделениях» [40].

Долгое время важнейшим источником сбора информации органами политического сыска являлось наружное наблюдение, позволявшее судить о контактах отдельных лиц между собой. Оно регламентировалось «Инструкцией филерам Летучего отряда и филерам розыскных и охранных отделений», утвержденной в октябре 1902 г. [41], а затем «Инструкцией начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» [42] и «Особой инструкцией» для филеров [43], которые были разосланы на места 10 февраля 1907 г. [44].

«Все сведения по наружному наблюдению за каждым отдельным лицом, — читаем мы в инструкции 1907 г. , — записываются филерами ежедневно в вечерние рапортички. В дальнейшем сведения по наблюдению за лицами, принадлежащими к одной и той же организации, переписываются и соединяются в дневники наблюдения за определенный период времени (форма Б). При этом прежде внесения в дневник сведения выверяются соответственно позднейшим данным и делаются установки лиц и домов, которые в день наблюдения не были выяснены» [45].

«Сводки к дневникам наблюдения (без дневников), — говорится в инструкции далее, — к 5-му числу каждого месяца начальники охранных отделений представляют в районные охранные отделения, в Департамент же полиции представляются ими ежемесячно к 5-му числу следующего за отчетным месяца списки лиц, проходивших по наблюдению в этом месяце, по каждой организации отдельно, с полной установкой наблюдаемых (фамилия,

имя, отчество, звание, лета, вероисповедание, занятие, кличка по наблюдению и в организации) и кратким указанием причин, вызвавших наблюдение. Наиболее серьезным (центральным) лицам следует давать вкратце характеристику в особом примечании к этому списку» {46}.

Если первоначально главным источником информации было наружное наблюдение, то в начале XX в. на первый план выдвигается внутренняя агентура.

Объясняя причины этого, один из современных исследователей А. Левандовский пишет: «В сущности, в основе провокации, принятой в качестве главного средства борьбы с революционным движением, лежала исполненная глубокого пессимизма мысль о невозможности искоренить это движение целиком и полностью. Сколько ни хватай, всех не перехватаешь. В конце XIX — начале XX в. любой дельный охранник неизбежно должен был прийти к подобному печальному выводу. На место десятков арестованных, сосланных, заключенных в тюрьмы деятелей подполья проклятая неблагополучная русская действительность выдвигала сотни новых; разгромленные кружки и организации возрождались и продолжали свою работу с еще большим размахом. Хорошо усвоив эту закономерность, руководители… охранки ставили перед собой задачу не уничтожить подполье, а взять его под свой контроль, добиться возможности манипулировать им по своему усмотрению» {47}.

До сих пор вопрос о том, как складывалась и развивалась агентурная деятельность, какими и с какого времени нормативными документами она регламентировалась, в научной литературе остается открытым. Первый по времени подобный документ, который удалось обнару-

жить в фонде Департамента полиции, это «Краткое руководство для заведования внутренней агентурой» (1906 г.) [48]. Позднее была разработана и в 1907 г. утверждена «Инструкция о работе с внутренней агентурой» [49]. Однако она не давала ответа на многие вопросы, которые возникали в розыскной деятельности. Поэтому в 1908 г. Московское охранное отделение предприняло попытку создания собственной инструкции о работе с секретными сотрудниками [50]. Работа по совершенствованию инструкции 1907 г. велась и в Департаменте полиции, но вплоть до 1917 г. завершена не была. В то же время на протяжении 1907–1917 гг. появилась целая серия циркуляров, которые дополняли действовавшую инструкцию и уточняли некоторые ее положения [51].

Впервые отдельные ее фрагменты появились в печати в 1917 г., после февральского переворота [52], а полный ее текст был опубликован в 1941 г. в предназначенном для служебного пользования и поэтому долгое время являвшемся почти недоступном для исследователей издании «Заграничная агентура Департамента полиции. Записка С. Сватикова и документы Заграничной агентуры» (М., 1941. С. 121–131) [53]. И только в самое последнее время, после того как были открыты многие архивные спецхраны, З. И. Перегудовой удалось опубликовать проект департаментской инструкции 1907 г. [54], а также инструкцию Московского охранного отделения 1908 г. [55].

Из этих нормативных документов явствует, что тайная агентура подразделялась на секретных сотрудников («агентов внутреннего наблюдения»), осведомителей («вспомогательных агентов») и так называемых штучников

{56}. Секретные сотрудники, как правило, являлись участниками противоправительственных организаций и за свою деятельность получали ежемесячное жалованье. В качестве осведомителей выступали дворники, швейцары, официанты, трактирщики и т. д., которые давали информацию на «общественных началах». Штучниками называли лиц, которые были близки к революционному подполью, но, в отличие от секретных сотрудников и осведомителей, давали информацию нерегулярно, т. е. от случая к случаю, и по этой причине получали не жалованье, а одноразовое вознаграждение, размер которого зависел от важности сообщенной информации.

Давалась ли секретным сотрудником при поступлении на службу расписка, установить пока не удалось. В 1932 г. в книге Л. П. Меньшикова «Охрана и революция» была опубликована исповедь провокатора, фамилию которого автор не пожелал раскрывать. В ней говорилось: «Одним из главных условий приема в секретные сотрудники охраны является письменный акт отречения — так сказать, запродажная расписка в виде ли откровенных показаний или прошения о помиловании, или ходатайства о приеме на службу и т. д.» {57}. Это значит, что органы политического сыска стремились иметь документ, который отрезал бы секретному сотруднику дорогу назад.

Первоначально местные розыскные учреждения представляли в Департамент полиции только самые общие сведения о секретных сотрудниках и использовании средств на их содержание. После того как появились розыскные пункты, был утвержден «Свод правил, выработанных в развитие учрежденного господином министром внутренних дел 12 августа текущего года Положения о

начальниках розыскных отделений». В нем говорилось: «Секретные агенты должны быть известны директору Департамента полиции. Как об агентах, имеющихся ныне, так и о вновь приобретаемых начальники розыскных отделений сообщают директору Департамента частными письмами без черновиков и занесения в журнал отделения» {58}.

Так в Департаменте полиции было положено начало картотеке секретных сотрудников, не только входивших в штат Департамента полиции, но и находившихся на содержании местных органов политического сыска {59}.

Позднее для контроля за сведениями, поступавшими с мест, была введена ежемесячная отчетность губернских жандармских управлений, охранных и розыскных отделений, которая должна была давать представление о количестве секретных сотрудников по каждой политической партии или организации с указанием их социального положения (рабочий, крестьянин, интеллигент), а также о расходовании отпускаемых на агентурные цели средств с указанием клички секретного сотрудника, его стажа, названия освещаемой им партии, размера выплачиваемого жалованья {60}.

Департамент полиции требовал особой тщательности в сохранении тайны службы секретных сотрудников от окружающих.

«Никто, кроме лица, заведующего розыском, и лица, могущего его заменить, — подчеркивалось в департаментской инструкции, — не должен знать в лицо никого из секретных сотрудников».

И далее: «Фамилию сотрудника знает только лицо, ведающее розыском, остальные же чины учреждения, ведающего розыском, имеющие дело со сведениями сотрудника, могут в необходимых случаях знать только псевдоним или номер сотрудника. Чины наружного наблюдения и канцелярии не должны знать секретного сотрудника и по кличке». «Секретные сотрудники, — подчеркивалось в инструкции, — ни в коем случае не должны знать друг друга, так как это может повлечь за собой „провал" обоих и даже убийство одного из них» {61}.

Первоначально информация от секретных сотрудников поступала как в устной, так и в письменной форме (см., например, донесения Азефа {62}.) В названной выше департаментской «Инструкции по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения» предусматривалось получение информации путем непосредственного контакта секретных сотрудников с их кураторами {63}. В связи с этим особое внимание обращалось на содержание охранными отделениями специальных конспиративных квартир {64}.

Однако, несмотря на то что в начале XX в. общение секретных сотрудников с их кураторами стало главной формой передачи информации, в виде исключения она могла поступать в органы политического сыска не только в устной, но и в письменной форме {65}.

«На каждого секретного сотрудника, — говорилось в инструкции Департамента полиции, — заводится особая тетрадь (книжка), куда заносятся все получаемые от него сведения». Инструкция требовала, чтобы из этих книжек выписывались сведения об отдельных лицах и заносились на специальные листы, на каждом из которых сосре-

доточивались бы все агентурные сведения о том или ином лице, имевшиеся в охранном отделении [66].

Долгое время местные розыскные учреждения представляли в Департамент полиции только наиболее важную агентурную информацию. Названный выше «Свод правил, выработанных в развитие <…> Положения о начальниках розыскных отделений» ввел ежемесячное представление в Департамент полиции данных внешнего и внутреннего наблюдения по каждой губернии. А «Положение о районных охранных отделениях» (параграф 10) возложило на местные органы политического сыска обязательство ежемесячно представлять сводку агентурных данных не просто по губернии, а по каждой политической партии или же наблюдаемой организации отдельно [67].

6 декабря 1908 г. Департамент полиции дал по Особому отделу новую директиву (циркуляр № 42903):

«На основании циркуляра Департамента полиции от 3 сентября 1907 г. за № 133935, изданным в дополнение к параграфу 10 Положения о районом охранном отделении, представляются в Департамент полиции сводки агентурных сведений, из коих видна лишь общая картина деятельности всех сотрудников данного розыскного учреждения, но нет указаний, по которым можно было бы судить о деятельности каждого сотрудника в отдельности. Ввиду необходимости пополнения отчетности указанными сведениями Департамент полиции в дополнение к упомянутому циркуляру предлагает в первой графе сводок агентурных сведений в начале или в конце таковых обязательно указывать псевдоним или номер сотрудника, давшего агентурный материал, причем следует иметь в виду, что клички сотрудников как в денежной отчетно-

сти, так равно и в отчетности по розыску не должны быть изменяемы ни под каким предлогом в продолжении всей службы сотрудника в данном розыскном учреждении, причем, конечно, те же сотрудники для отделения могут носить и другие клички» {68}.

Если до этого отчеты давали представление только о наблюдаемых организациях, то с этого момента открылась возможность контролировать и деятельность секретных сотрудников.

Третьим источником информации, которая собиралась органами политического сыска, являлась перлюстрация.

Перлюстрация (т. е. контроль за перепиской) уходит корнями в далекое прошлое. Первые специальные учреждения, занимавшиеся этим контролем, так называемые «черные кабинеты», появились в России еще в XVIII в. Первоначально их деятельность ограничивалась в основном столицей. В 1880 г. существовало уже семь перлюстрационных пунктов (Варшава, Киев, Москва, Одесса, Петербург, Тифлис, Харьков). Позднее их количество увеличилось, а ареал деятельности распространился почти на всю территорию империи. «По данным Департамента полиции, — пишет З. И. Перегудова, — через цензуру проходило ежегодно по всей стране примерно 380 000 писем». Письмо, по тем или иным причинам привлекшее к себе внимание, копировалось и направлялось в Департамент полиции, который производил выяснение личности его автора и адресата, а также всех упоминаемых в письме лиц. В 1907–1914 гг. количество перлюстрированных писем достигало пяти-десяти тысяч в год {69}.

Важный комплекс документов откладывался в результате производства органами политического сыска следственных действий. В 1871 г. расследование политических дел было передано местным жандармским управлениям [70].

«Все расследования, производимые охранными отделениями и жандармскими управлениями, — писал бывший начальник Московского охранного отделения П. П. Заварзин, — принимали одну из следующих трех форм: 1) предварительное следствие, производимое следователем по особо важным делам округа судебной палаты, 2) формальное дознание, производимое жандармским офицером в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, которое по окончании передавалось прокурору для направления в судебную палату, 3) административное расследование или „переписка", производившаяся на основании „Положения о государственной охране"» [71].

До 1902 г. «переписка» контролировалась 4-м, с 1902 г. — 7-м делопроизводством Департамента полиции, формальное дознание, кроме Департамента полиции, — прокуратурой и Временной канцелярией по особо важным уголовным делам при Министерстве юстиции.

21 мая 1887 г. специальным циркуляром № 1850 Департамент полиции установил документы, которые в обязательном порядке должны были представлять жандармские управления при производстве переписки или формального дознания [72]. Не позже суток после начала следствия жандармское управление обязано было направлять в Департамент полиции специальное извещение об этом, которое в верхнем правом углу имело обозначение — букву «А» и поэтому на делопроизводствен-

ном жаргоне именовалось «литерой А». По получении «литеры А» до 1902 г. в 4-м, а с 1902 г. в 7-м делопроизводстве для контроля над следствием заводилось специальное дело, куда затем поступала вся связанная с ним переписка [73].

Если начиналось формальное дознание, за которым обязан был наблюдать прокурор, то одновременно с Департаментом полиции извещение о начале дознания направлялось в Министерство юстиции, и здесь во Временной канцелярии по особо важным уголовным делам тоже заводилось дело.

В ходе первого же допроса на каждого подследственного заполнялась анкета, в верхнем правом углу которой ставилось обозначение — буква «Б» и которая поэтому именовалась «литерой Б». Она содержала самые общие биографические сведения о задержанном. «Литера Б» направлялась в Департамент полиции, и здесь, если под следствием находилось несколько человек, на каждого из них в рамках общего дела заводилась особая папка, которая рассматривалась как часть этого дела и содержала сведения, касающиеся каждого подследственного в отдельности [74].

В случае изменения меры пресечения в Департамент полиции направлялась «литера В» [75], об окончании переписки или дознания Департамент полиции ставился в известность «литерой Г» [76].

Приступая к расследованию того или иного дела, губернское жандармское управление обязано было производить фотографирование. Насколько удалось установить, обязательное фотографирование политических преступников было введено циркуляром Третьего отделения № 4936 от 31 июля 1879 г. и регулировалось цирку-

лярами № 4694 от 19 июня 1880 г., № 9579 — 31 декабря 1880 г., № 5734 — октябрь 1881 г., № 2395 — 19 октября 1885 г., № 807 — 26 марта 1886 г., № 2763 — 5 сентября 1890 г., № 3162 — 15 октября 1890 г. {77}.

Одна фотография оставлялась в делах ГЖУ, пять следовало отправить в Департамент полиции {78}. Одновременно циркуляр № 410 от 31 января 1903 г. предусматривал антропометрическое и дактилоскопическое обследование обвиняемого и составление специального протокола с описанием его примет {79}.

Подтверждая обязанность жандармских управлений представлять в департамент фотографии лиц, обвиняемых в государственных преступлениях (фас и профиль), и отмечая разнобой в характеристике примет, циркуляр Департамента полиции № 410 от 31 января 1903 г. рекомендовал следующий набор вопросов для описания примет: 1) возраст, 2) рост — стоя и сидя, 3) телосложение, 4) цвет волос, 5) цвет глаз, 6) длина и ширина головы, 7) длина среднего пальца, мизинца левой руки и предплечья, 8) длина ступни левой ноги, 9) длина и ширина правого уха, 10) длина распростертых рук, 11) описание особых примет {80}.

29 декабря 1906 г. был утвержден циркуляр № 1, в соответствии с которым вместо составления «протокола примет» предписывалось заполнение специальных регистрационных карт. «Два экземпляра такой карты, заполненной всеми сведениями с наклеенными на нее фотографиями, не позже как на другой день изготовления карточек [следовало] отсылать в Департамент полиции, адресуя в Регистрационный отдел».

«Со всех подвергаемых личному задержанию, — говорилось в циркуляре, — фотография должна быть снята по возможности или в самый день или же никак не позже следующего за задержанием дня» [81]. Причем с этого момента фотография должна была иметь три вида: в профиль, в фас и в полный рост. Один экземпляр регистрационной карты с фотографиями оставлялся в ГЖУ, два направлялись в Департамент полиции и здесь поступали в Регистрационный отдел.

По окончании предварительного следствия и формального дознания дело или закрывалось, или же передавалось в суд. Материалы «переписки» по представлению губернатора или же градоначальника рассматривались Особым совещанием при МВД, которое имело право приговорить обвиняемого к ссылке на срок до пяти лет [82]. Все дела вносились в Особое совещание 5-м делопроизводством Департамента полиции, где в связи с этим на каждого обвиняемого заводилось специальное дело [83].

Для того чтобы контролировать деятельность учреждений и ориентироваться в его документации, существовало правило учета входящих и исходящих документов. Подобные книги или журналы учета обязаны были вести все учреждения политического сыска, в том числе и Департамент полиции.

Это правило не всегда выполнялось. Так, в середине 1908 г. в Особом отделе имелось около 15 тыс. документов, многие из которых нигде не были зарегистрированы [84], поэтому 19 декабря 1909 г. Директор Департамента полиции сделал следующее распоряжение:

«В общий входящий журнал не вносятся лишь бумаги, требующие по своему содержанию особой конспи-

рации (как то: о секретных сотрудниках, отчеты и сводки по наблюдению и агентуре, о предполагаемых ликвидациях и арестах по делам политическим); подобные бумаги передаются из Секретарской части к г. вице-директору, ведающему Особым отделом, или непосредственно в Отдел установленным порядком. Поступившие в делопроизводства бумаги по рассмотрении их делопроизводствами должны быть сначала записаны во входящий журнал (срочные немедленно) и затем только передаваться для исполнения. Исключение делается лишь для бумаг, не терпящих в исполнении ни малейшего отлагательства; подобные бумаги исполняются без записи в журнале, но немедленно по исполнении они должны быть внесены в журнал». В связи с этим обращалось внимание на необходимость для бумаг с пометкой «срочно» вести особый журнал входящих документов {85}.

Для облегчения поисков необходимых документов в каждом подразделении существовала именная картотека. С 1 января 1907 г., как уже отмечалось, был учрежден Регистрационный отдел, который на основе картотек отдельных подразделений создал общую картотеку Департамента полиции: Центральный справочный алфавит. К 1917 г. в нем насчитывалось 2,5 млн карточек примерно на 2 млн человек {86}.

Следующий комплекс документов был связан с пребыванием революционера под стражей и на этапе. В ссылку человек мог быть направлен с конвоем (по этапу) и без конвоя. В первом случае на каждого этапируемого составлялся так называемый открытый лист. Он представлял собой своеобразный паспорт арестанта и наряду с общими сведениями о нем содержал описание его примет. Если ссыльный получал возможность добираться са-

мостоятельно, ему на руки выдавалось проходное свидетельство, в котором указывались маршрут следования, сроки выбытия и прибытия.

Еще одна группа документов формировалась в результате пребывания в ссылке. Обычно после того как Особое совещание принимало решение о высылке, 5-е делопроизводство Департамента полиции извещало об этом начальника губернии, в которую высылалось то или иное лицо. Здесь в канцелярии губернского правления на него заводилось специальное дело, в котором концентрировалась вся последующая переписка этой канцелярии, связанная с пребыванием данного лица в губернии под надзором полиции.

Подобное же дело заводилось в местном ГЖУ, в розыскном или охранном отделении, если таковые существовали, в канцелярии полицмейстера, когда ссыльный находился под гласным надзором полиции в губернском городе, или же в канцелярии уездного исправника, когда гласный надзор отбывался в уезде. В результате этого пребывание в ссылке имело своим следствием появление не менее трех-четырех дел, которые откладывались в архивах названных учреждений.

Что же из существовавшего до 1917 г. комплекса документов, в которых фигурировала фамилия И. В. Сталина-Джугашвили, дошло до нас?

Из истории архивных «чисток»

В любом учреждении существует правило, в соответствии с которым по истечении определенного времени документы, утратившие непосредственное практическое значение, или уничтожаются, или передаются на архивное хранение. По всей видимости, первоначально Депар-

тамент полиции в этом отношении руководствовался общими нормами, которые существовали в Министерстве внутренних дел, а затем были разработаны специальные «Правила сдачи дел в архив Департамента полиции», в которые со временем вносились уточнения и дополнения [1].

В рассматриваемое время действовали «Правила», утвержденные 19 декабря 1894 г., а затем скорректированные 29 августа 1909 г. В соответствии с ними допускалось уничтожение или же сдача в архив только оконченных дел. Причем все передаваемые в архив дела должны были иметь внутреннюю опись, т. е. перечень находящихся в нем документов, отпуски (т. е. копии) которых требовалось заверить, а листы пронумеровать. Обязательным являлось составление сдаточной описи, один экземпляр которой оставался в том подразделении, откуда поступали дела, а второй вместе с делами передавался в архив. Сдаточная опись могла содержать перечень только сдаваемых дел или же дублировать действующую делопроизводственную опись за тот или иной год с указанием в ней — подлежат ли сдаваемые дела уничтожению или хранению. В последнем случае следовало отметить срок хранения, по истечении которого эти дела тоже подлежали уничтожению [2].

Таким образом, некоторые документы карательных органов дореволюционной России, содержащие сведения об И. В. Джугашвили, могли быть уничтожены еще до 1917 г.

Первая специальная чистка архивов карательных органов дореволюционной России была произведена в дни февральского переворота и сразу же после падения монархии.

Уже 27 февраля в Петрограде начался разгром губернского жандармского управления и местного охранного отделения, пострадал Департамент полиции [3].

28 февраля первым начальником милиции Петрограда был назначен архитектор Дмитрий Андреевич Крыжановский, его помощником стал инженер Моисей Абрамович Метт, а начальником охраны Литейной части, на территории которой находился Департамент полиции, присяжный поверенный Борис Германович Кнатц [7][4].

Именно Б. Г. Кнатц 1 марта взял под охрану Департамент полиции и первым получил доступ к его архиву [5].

На следующий день возникло Временное правительство, пост министра юстиции в котором занял депутат IV Государственной думы эсер А. Ф. Керенский. Первый приказ, который вышел из-под его пера (был опубликован 3 марта), гласил: «Поручается академику Академии наук Нестору Александровичу Котляревскому [8]вывести из Департамента полиции все бумаги и документы, какие он найдет нужными, и поместить их в Академию наук» [6], после чего без документального оформления началась передача архива Департамента полиции Н. А. Котляревскому [7].

4 марта была создана Чрезвычайная следственная комиссии для расследования противозаконных действий бывших министров и прочих должностных лиц (ЧСК), члены которой тоже получили доступ к архиву Департамента полиции. Председателем комиссии стал присяжный поверенный Николай Константинович Муравьев [8]. 10 марта Временное правительство создало специаль-

ную Комиссию по разбору дел Департамента полиции. Ее возглавил историк Павел Елисеевич Щеголев [9]. Деятельность этой комиссии курировал товарищ министра внутренних дел князь Сергей Дмитриевич Урусов [10]. 15 июня 1917 г. она была преобразована в Особую комиссию по обследованию деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений [11].

Показательно, что А. Ф. Керенский, Н. А. Котляревский, Н. К. Муравьев, С. Д. Урусов и П. Е. Щеголев фигурируют в списках лиц, принадлежавших или же подозреваемых в принадлежности к масонству [12].

В апреле 1918 г. функции Особой комиссии по обследованию деятельности Департамента полиции были переданы Особой комиссии при Секретном отделе Историко-революционного архива в Петрограде, которую возглавил бывший эсер Н. С. Тютчев и которая просуществовала до конца 1919 г., когда ее функции перешли к Секретному столу того же архива, а позднее к Секретному отделу Архива революции и внешней политики [13].

В Тифлисе о февральских событиях в Петрограде стало известно днем 2 марта. Обыск в губернском жандармском управлении был произведен около 6 марта, а передача власти в руки нового органа — Исполнительного комитета — произошла только 13 марта [14]. Поэтому жандармы имели возможность скрыть или же уничтожить наиболее секретные документы.

До Баку эхо петроградских событий донеслось к утру 3 марта. Не позднее 6 марта здесь тоже возник орган новой власти — Исполнительный комитет, который

сразу же назначил нового начальника полиции. Им стал А. К. Леонтович. «7 марта, — сообщала газета „Каспий", — начальник бакинской полиции гражданин А. К. Леонтович вызвал в управление полицмейстерства начальника жандармского управления и потребовал от него на основании постановления Исполнительного комитета немедленно сдать все дела и документы особо назначенной для этой цели Комитетом комиссии, во главе которой стоит гражданин А. Г. [Чочия]. Вместе с тем А. К. Леонтович потребовал от начальника жандармского правления выдать список всех секретных агентов управления» {15}.

«Нами, — вспоминал один из членов названной выше Особой комиссии А. Хачиев, — арестован был жандармский полковник, но из-за промедления в ликвидации этих учреждений жандармские ротмистры скрылись и унесли с собой или уничтожили списки провокаторов. С большим трудом удалось установить путем допроса бывшего начальника наружного наблюдения фамилии агентов-провокаторов, которые были арестованы» {16}. Сведения о них публиковались на страницах местной печати {17}. Однако эти сведения не имели исчерпывающего характера, поскольку начальник наружного наблюдения мог знать только некоторых секретных сотрудников, причем главным образом тех, кто находился на службе непосредственно перед февральскими событиями 1917 г.

С 1918 по весну 1921 г. Кавказ оказался в огне Гражданской войны, который уничтожил многие архивные документы, в том числе и документы органов политического сыска.

В Вологде сразу же после падения монархии власть перешла к губернскому временному комитету, при котором была создана Комиссия общественной безопасности. В ее ведение и перешел архив местного ГЖУ {18}. На протяжении Гражданской войны власть в Вологде принадлежала Советам, поэтому дореволюционные архивы должны были сохраниться с достаточной полнотой.

О том, как развивались события в Красноярске, существуют две версии.

По свидетельству А. Байкалова, в Красноярске Комитет общественной безопасности стал формироваться уже 28 февраля 1917 г. и на следующий же день поручил ему, А. Байкалову, взять под охрану губернское жандармское управление. «Я, — вспоминал А. Байкалов, — в ночь на 2 марта занял нарядом войск помещение жандармского управления. Офицеры были арестованы, унтер-офицеры отпущены по домам, а само помещение с его архивами поставлено под военную охрану» {19}. В следующую ночь на вокзале был арестован начальник Енисейского ГЖУ полковник Л. А. Иванов [9], который возвратился из Ачинска, где он находился по делам службы. 3 марта начала действовать комиссия по разбору архива жандармского управления, в которую кроме А. Байкалова вошли Е. Е. Колосов (эсер, позднее член Учредительного собрания), Тугаринов (хранитель Красноярского краеведческого музея), адвокат В. Я. Гуревич. Часть сведений о секретных сотрудниках была опубликована в 1917 г. в местной печати {20}.

По другим, более точным данным, Комитет общественной безопасности был создан в Красноярске лишь в ночь с 3 на 4 марта. Его возглавил ссыльный Б. И. Николаевский, ставший позднее известным историком. Только

после этого «по постановлению Комитета общественной безопасности и Совета рабочих и солдатских депутатов [были] произведены аресты <…> начальника жандармского управления, жандармских ротмистров и нижних чинов жандармов. Из жандармского управления произведена выемка документов, находящихся теперь под охраной. При допросе жандармского ротмистра Оболенского [10] и беглом просмотре некоторых документов выяснилось участие в охранной работе многих провокаторов из числа ссыльных, рабочих и других, имена которых будут потом опубликованы» {21}.

Если Енисейское губернское жандармское управление находилось в Красноярске, то Енисейский розыскной пункт, который с октября 1915 г. возглавлял ротмистр Виктор Николаевич Руссиянов, располагался в Енисейске. По воспоминаниям Б. И. Николаевского, когда пришли арестовывать В. Н. Руссиянова, «то застали его за сжиганием дел у себя в кабинете» {22}.

За февральскими событиями последовали октябрьские, а с мая 1918 по начало 1920 г. Сибирь тоже оказалась в огне Гражданской войны. Многие архивные материалы органов политического сыска погибли.

Итак, в первые дни после падения царизма представители старой власти могли изъять и уничтожить по крайней мере некоторые самые секретные документы, в том числе осложнявшие выявление секретных сотрудников. Часть материалов, прежде всего в столице, погибла в ходе революции. Другие документы, пережившие февральские события в столице и на местах, на протяжении восьми месяцев 1917 г. находились в руках противников большевиков, которые имели возможность получить на руки все, что позволяло дискредитировать большевиков.

Некоторые материалы погибли в годы Гражданской войны или же оказались в распоряжении белых правительств и интервентов. А то, что сохранилось в Советской России, прошло через руки органов ВЧК. И все документы, которые продолжали сохранять оперативный характер, несомненно, осели в архивах ВЧК — ОГПУ.

Поэтому, когда прекратилась война и открылась возможность обращения к архивам дореволюционных карательных органов царизма, они были уже изрядно «почищены».

В августе 1920 г. при Госиздате возникла Комиссия по изучению истории партии, которая 25 сентября того же года была преобразована в Комиссию для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии (Истпарт). Ее возглавил старый большевик Михаил Степанович Ольминский [{23}]. Со временем отделения Истпарта появились в столицах советских республик, в краевых и губернских городах [{24}].

30 декабря 1922 г. был создан Институт К. Маркса и Ф. Энгельса [{25}]. 8 июля 1923 г. появилось сообщение о создании Института В. И. Ленина, который официально был открыт 31 мая 1924 г. [{26}]10 мая 1928 г. ЦК ВКП(б) признал необходимым объединение Истпарта и Института В. И. Ленина [{27}], а в 1931 г. произошло объединение Института В. И. Ленина с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса в Институт К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина (ИМЭЛ), переименованный после XX съезда КПСС в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [{28}].

После ликвидации Истпарта в двух городах (Баку и Ленинград) на основе его местных отделений возникли институты истории партии, а в Тбилиси — Историко-революционный и научный институт И. В. Сталина [29], который затем был преобразован в Грузинский филиал ИМЭЛ [30]. В других городах материалы отделений Истпарта были переданы в партийные архивы соответствующих областей [31].

Под руководством этих учреждений развернулось выявление документов, а также сбор и публикация воспоминаний по истории рабочего движения в России.

Не позднее 1925 г. к выявлению документов, касающихся революционной деятельности И. В. Сталина, подключился он сам. Удалось обнаружить его письмо к сотруднику Грузинского отделения Истпарта Севастию Талаквадзе от 2 января 1925 г., в котором он писал: «Материалы (свои статьи) получил. Благодарю Вас. Прошу: 1) не издавать эти и другие материалы без моей санкции, 2) прислать мне, если возможно, весь комплект „Дро" и „Ахале дроеба", в них помещен целый ряд моих статей без подписи, 3) обнаружить как-нибудь в архиве „Союзного комитета" мою статью „Кредо", написанную в начале 1904 г., 4) прислать мне комплект нелегального органа „Борьба" и „Борьба пролетариата". С товарищеским приветом И. Джугашвили (Сталин)» [32].

Из этого явствует, что первоначально И. В. Сталина интересовало главным образом то, что лежало на поверхности и было доступно каждому. О том, что его беспокойство не было лишено оснований, свидетельствует уже упоминавшаяся публикация архивных документов о нем, которая появилась в декабре 1925 г. на страницах газеты «Заря Востока».

Разумеется, у И. В. Сталина не было времени для архивных поисков. Поэтому они были поручены И. П. Товстухе, который начал выявлять и изымать материалы об И. В. Сталине, мотивируя это необходимостью подготовки Собрания его сочинений.

Одним из наиболее ранних следов этой работы является письмо И. П. Товстухи от 8 марта 1927 г. на имя Н. И. Адоратского, в то время одного из руководителей Центрального архивного управления СССР: «В „Известиях" от 6 марта имеется телеграмма из Вологды о нахождении там документов о пребывании Сталина в вологодской ссылке и о пересылке их в Центрархив. Очень прошу Вас распорядиться по получении документов или прислать нам их для просмотра, или дать копию их (работу по снятию копий мы оплатим). С ком. приветом Товстуха» {33}.

О каких именно документах в данном случае шла речь, установить пока не удалось. Однако обращает на себя внимание, что в деле № 301 Вологодского ГЖУ за 1911 г. и в деле № 65 Вологодского полицейского управления за тот же год, которые хранятся в бывшем Центральном партийном архиве ИМЛ при ЦК КПСС (сейчас это Российский государственный архив социально-политической истории, РГАСПИ, а ранее — Российский центр хранения и использования документов новейшей истории, РЦХИДНИ), первая заверительная запись была сделана в Архиве революции и внешней политики 12 мая 1927 г. {34}.

В конце 20-х гг. начинается выявление сталинских материалов на Кавказе.

В этом отношении показательно письмо секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) Сефа И. П. Товстухе от 22 мая 1930 г.:

«...Мы, — писал Сеф, — закончили совсем сбор материалов в архивах жандармского управления и охранного отделения, характеризующих работу товарища Сталина в Закавказье. Нам повезло, так как в делах сохранились указатели, где хранится переписка о Сталине, и по этому указателю мы обнаружили до 250 листов документов. Если есть хоть какая-либо надежда, что этот материал в течение какого-либо периода будет просмотрен товарищем Сталиным, я его также привезу» {35}.

7 июня 1930 г. Сеф обратился с письмом в Закавказский крайком ВКП(б), по всей видимости, к Геворку Аветисяну: «Товарищ Геворк! Я получил телеграмму от секретаря т. Сталина т. Товстухи с просьбой привезти все материалы, по которым можно будет выявить окончательно написанное т. Сталиным. Я везу с собой ряд дел, газет и прокламаций. Прошу тебя выслать на имя Товстухи (с обязательством возврата) фельдъегерской [почтой] или привезти самому в период союзного съезда в Москву дела о тов. Сталине (три дела, хранящиеся у Вас), газету „Гудок" за 1907, 1908 гг., газету „Бакинский пролетарий" за 1907, 1909 гг. с приложением „Бакинского рабочего" за 1907 г.» {36}

10 апреля 1931 г. за заведующего Истпартом при Закавказском краевом комитете ВКП(б) Измайлов направил И. П. Товстухе письмо № 59-с, в котором говорилось: «Препровождая при сем список материалов, относящихся к революционной деятельности товарища Сталина, и список дел, переданных товарищу Сефу для передачи Вам, просим подтвердить получение таковых. В случае непо-

лучения вышлем копии имеющихся у нас материалов, дальнейшая проработка которых продолжается по нашим заданиям Центрархивом Грузии. Кроме того, просим по использовании указанные в списке дела вернуть по адресу: Тифлис, ул. Дзержинского, № 8, Закрайком, Истпарту». К письму был приложен список дел, содержавших листовки за 1902–1907 гг. и «Список материалов, относящихся к революционной деятельности товарища Сталина», включавший в себя 162 архивных дела {37}.

В этот же день, 10 апреля 1931 г., И. П. Товстухе было направлено письмо заведующего Грузинским Истпартом Готосладзе: «Препровождаю при сем список материалов, относящихся к революционной деятельности товарища Сталина, и список дел, переданных товарищу Сефу для передачи Вам», — говорилось в нем, и далее дублировался текст приведенного ранее письма Измайлова. В приложении был дан список прокламаций и статей Сталина {38}.

На рубеже 20–30-х гг. подобная же работа велась и в Баку. 12 февраля 1931 г. секретарь И. В. Сталина Александр Николаевич Поскребышев обратился в Институт истории партии им. С. Шаумяна с предложением «поискать документов тов. Сталина», а также с просьбой выслать комплект листовок и газеты «Бакинский пролетарий» за 1907–1910 гг. {39}.

Сохранился ответ директора института Рахметова А. Н. Поскребышеву, из которого явствует, что затребованные материалы были отправлены в Москву. К письму был приложен их перечень, в котором под № 5 значилось: «Перепечатка из дела градоначальника, II отд. № 37, конспект докладов тов. Сталина и его показания — 12 листов». «Одновременно сообщаем, — информировал

Рахметов А. Н. Посребышева, — что Институтом приняты меры к выявлению материалов, имеющихся в Тифлисе и в Центральном архивном управлении и Баку, где просматриваются фонды бакинского градоначальника, жандармерии и сыскной полиции» {40}.

4 апреля 1931 г. директор бакинского Института им. С. Шаумяна Рахметов направил на имя И. П. Товстухи новое письмо:

«Сегодня выслал новую партию материалов. Я не знаю, надо ли отдельно послать Вам копию всего, или практически все, посылаемое А. Н. Поскребышеву, попадает к Вам. Считаю необходимым обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что наш сотрудник, работавший в Тифлисе, обнаружил там ряд новых сталинских материалов. Однако у них не осталось списка посланного ранее товарищем Сефом. Далее, Вы пишете, что в феврале прошлого года Вы давали мне список статей Сталина. Здесь, видимо, недоразумение, ибо я зимой 1929–1930 гг. в Москве не был. А к стыду нашему надо сознаться, что товарищ Геворк Аветисян, который с Вами переписывался и на эту тему, считал эту работу своей личной работой, а не работой института, и после снятия его с работы у нас не оставил почти никаких следов, что он послал, какие у него описи и т. д. В связи со всем этим у меня встает такой вопрос: считаете ли Вы необходимым, чтобы мы, закавказские институты истории партии, вплотную взялись за дело помощи Вам в издании сочинений Сталина, или дело ограничится более или менее эпизодическим выполнением отдельных заданий?»

Далее в письме сообщались координаты Сефа: «Сеф работает в Культпроме Хамовнического РК в Москве. Я ему уже написал обо всем» {41}.

Сохранился недатированный отчет о командировке из Баку в Тифлис заведующего музеем Беленького, в котором сообщалось об обнаружении четырех дел, на обложке которых фигурировала фамилия Джугашвили. Далее отмечалось: «По словам работника Госархива Грузии и Института им. Сталина, тов. Сеф взял большое количество материалов из Госархива и Музея, не оставив никаких копий» {42}.

3 апреля 1932 г. директор Института истории партии им. С. Г. Шаумяна Морозов писал И. П. Товстухе:

«Согласно письма тов. Поскребышева, Институтом им. С. Г. Шаумяна были отправлены при письме № 239/с от 3 марта и № 267 от 3 апреля 1931 г. в ЦК ВКП(б) разные материалы о работе товарища Сталина в Баку в период 1907–1910 гг., о чем известили Вас письмом № 238/с от 3 марта и № 268/с от 3 апреля. Кроме то-. го, Институтом был тогда же командирован в Тифлис сотрудник, который занялся розыском материалов там. Наш сотрудник, работавший в Тифлисе, обнаружил там ряд новых материалов, которые также были пересланы Вам при письмах Закрайкома ВКП(б) за № 59/с от 10 апреля и № 62/с от 11 апреля 1931 г. Одновременно телеграфно было предложено б. директору Института Ратгаузеру выслать тов. Поскребышеву газету „Бакинский пролетарий", № 7. Кроме упоминаемых материалов больше ничего нового у нас не имеется» {43}.

По всей видимости, после Закавказья настала очередь тех мест, где И. Сталин отбывал ссылку. 21 февраля 1932 г. И. П. Товстуха разослал сразу в несколько адресов письмо, в котором просил произвести просмотр газет и архивов с целью выявления материалов об И. В. Сталине, причем специально подчеркивалось, что эта работа

должна быть проведена так, чтобы не привлекать к себе внимания [44].

3 марта 1934 г. ИМЭЛ заключил специальный договор с Архивом революции и внешней политики на проведение фронтального обследования центральных и местных архивов на предмет выявления документов об И. В. Сталине [45].

22 февраля 1936 г. Центральное архивное управление (ЦАУ) РСФСР препроводило в ИМЭЛ копию сообщения Красноярского краевого архивного управления об обнаружении документа, связанного с пребыванием И. В. Сталина в туруханской ссылке [46]. 2 марта того же года заместитель заведующего Партархивом ИМЭЛ обратился в ЦАУ с письмом:

«Партархив ИМЭЛ просит вашего распоряжения о высылке в партархив из Красноярского краевого архивного управления документов о товарище Сталине И. В. Взамен подлинных вышлем фотокопии. Заместитель заведующего партархива [Фалин].» [47].

То ли не поняв действительный смысл предшествовавшего письма, то ли не пожелав сделать это, 22 марта ЦАУ РСФСР направило в Партархив ИМЭЛ ответ, в котором говорилось: «ЦАУ сообщает, что ЦАУ затребовало от Красноярского архивного управления выявленный документ о т. Сталине для передачи документа в Партархив ИМЭЛ» [48].

29 августа 1936 г. Восточно-Сибирское краевое архивное управление направило в ЦАУ партию выявленных документов об И. В. Сталине [49]. Однако обещанных фотокопий взамен этого, по всей видимости, не получило.

Подобная же работа велась и в северных архивах.

22 декабря 1936 г. секретарь Северного краевого комитета ВКП(б) Д. Конторин сообщал секретарю ЦК ВКП(б) и одновременно наркому внутренних дел СССР Н. И. Ежову:

«Согласно наших переговоров посылаем по описи дела, извлеченные из Северного краевого архива, о царской ссылке тов. Сталина в гор. Сольвычегодск и Вологду в году 1909–1912» {50}.

О том, как это делалось, свидетельствует объяснительная записка заведующего Историко-партийным архивом Архангельского обкома партии Пирогова от 14 апреля 1938 г. по поводу изъятия из Фонда вологодского губернатора архивного дела № 1903 за 1908 г.:

«Дело № 1903 о товарище Сталине, полученное в Вологодском архиве Хорошко и Сенчуковым, сфотографированное Истпартом, бывший секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Конторин (позднее разоблаченный враг народа) заделал при мне лично в конверт с адресом на имя тов. Поскребышева (секретариат тов. Сталина). Препроводительную писал Попов Николай, работавший тогда в Отделе печати, он должен это помнить. Отсылал Конторин это дело, вероятно, через фельдсвязь через своего секретаря Толстикова (арестованного органами НКВД), было это в тот момент, когда по распоряжению Конторина отсылали дела, хранившиеся в Истпарте, на имя секретаря ЦК ВКП(б) тов. Ежова Н. И. Эти дела на имя Ежова Н. И. в заделанное виде мной и товарищем Федосеевым были переданы фельдсвязи для отсылки по указанному выше адресу. Опись на отосланные дела тов. Ежову

имеется у Вас в НКВД. Зав. Истпартотделом Архангельского обкома ВКП(б) Пирогов» {51}.

По всей видимости, многие документы были направлены из Архангельска в Москву в виде копий. Поэтому И мая 1938 г. и. о. заведующего Партархивом ИМЭЛ Остроухов обратился в Архангельский ОК ВКП(б) с предложением выслать «согласно присланной Вами описи подлинники документов об И. В. Сталине, относящиеся к периоду пребывания его в ссылке на Севере; у себя оставьте фотокопии» {52}.

31 мая 1938 г. Архив Архангельского обкома ВКП(б) ответил Остроухову, что отсылка документов задерживается из-за снятия их фотокопий. Одновременно с этим архив предложил Остроухову: «Если Вы считаете необходимым сосредоточить хранение всех подлинных документов, относящихся к пребыванию И. В. Сталина в северной ссылке, в Партархиве ИМЭЛ, просим Вас обратиться к секретарю ЦК ВКП(б) т. Ежову и в Секретариат т. Сталина к т. Поскребышеву о передаче в Партархив ИМЭЛ всех отосланных обкомом ВКП(б) в их адрес подлинных документов, а также оттиска брошюры „И. В. Сталин в царской ссылке на Севере"» {53}.

6 декабря 1938 г. заведующий Истпартотделом Архангельского ОК ВКП(б) Пирогов информировал секретаря Архангельского обкома партии Никонорова: «Архангельским Истпартом о ссылке на Север и революционной деятельности И. В. Сталина в 1908–1912 гг. собрано свыше 350 документов» {54}.

Часть материалов, изымаемых из местных архивов, передавалась в Архив революции и внешней политики,

другая — в Архив ИМЭЛ, третья — в 6-й сектор Общего отдела ЦК ВКП(б), т. е. в архив И. В. Сталина.

После того как в 1940 г. в ИМЭЛ был создан Кабинет произведений И. В. Сталина и началась подготовка к изданию собрания его сочинений, и. о. заведующего Кабинетом Д. Чугаев обратился к руководству института с докладной запиской, в которой говорилось: «Необходимо дирекции ИМЭЛ поставить вопрос перед ЦК ВКП(б) о сосредоточении произведений И. В. Сталина и материалов о Сталине в архиве ИМЭЛ» {55}.

Начавшаяся война сорвала реализацию этой идеи. Но когда исход войны определился, данный вопрос возник снова. 8 сентября 1944 г. был составлен «План мероприятий по выявлению документов В. И. Ленина и И. В. Сталина в фондах государственных архивов ГАУ НКВД СССР» {56}. После окончания войны ИМЭЛ представил на имя управляющего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова записку, в которой снова поднял вопрос о сосредоточении всех рукописей И. В. Сталина и материалов о нем в ЦПА ИМЭЛ {57}. И хотя пока не удалось обнаружить соответствующего постановления, есть основания утверждать, что подобная работа была начата.

В это время произошла очень странная история, героем которой стал доцент Вологодского педагогического института Павел Александрович Ефимов, работавший над кандидатской диссертацией, посвященной деятельности В. М. Молотова и И. В. Сталина в вологодской ссылке {58}.

Его научная работа почти с самого начала привлекла к себе внимание ИМЭЛ, и 15 апреля 1944 г. его со-

трудница С. Эвенчик направила на имя директора института следующую служебную записку:

«Считаю необходимым сообщить о вновь выявившемся сегодня из беседы с т. Ефимовым факте. На руках у него имеется список провокаторов, составленный по материалам вологодского архива, с подробными данными о каждом. Ефимов наводит по этим фамилиям справки у разных лиц и, в частности, спросил у меня об одной фамилии. Мне кажется, что список надо немедленно забрать и прекратить деятельность Ефимова в этом направлении» {59}.

Директор ИМЭЛ не мог не знать, что с 1927 г. все архивные материалы, связанные с политическим сыском, были засекречены и доступ к ним закрыт для всех «за исключением сотрудников (архивов. — *А.О.*), назначаемых для непосредственной работы над этими материалами, и представителей ОГПУ» {60}. Поэтому он взял паузу, по всей видимости, чтобы с кем-то проконсультироваться, и только затем последовала его резолюция: «Список изъять» {61}.

После этого 5 июля 1944 г. С. Эвенчик была направлена в Архангельск и Вологду. Здесь она ознакомилась с архивными делами, которые до нее выдавались П. А. Ефимову, и обнаружила, что в ряде дел некоторые документы. изъяты, а заверительные подписи подделаны. Об этом она сразу же поставила в известность обком партии и областное управление НКВД, после чего последовал обыск на квартире П. А. Ефимова. Было обнаружено более 150 листов выкраденных им документов, а также фотокопии сталинских писем к местной жительнице П. Г. Онуфриевой, с которой И. В. Сталин встречался в 1911 г. После изъятия обнаруженных документов, а также нега-

тивов писем П. Г. Онуфриевой из местного фотоателье возник вопрос о возбуждении против П. А. Ефимова уголовного дела. Вопрос о нем был вынесен на заседании бюро Областного комитета ВКП(б) {62}.

Однако это дело так и не было начато, все ограничилось лишь обсуждением поведения П. А. Ефимова на бюро обкома партии (протокол заседания 5, 8 и 9 августа 1944 г.), которое постановило: «За самовольное изъятие подлинных документов Областного государственного архива тов. Ефимову объявить выговор», причем без занесения в учетную карточку {63}. П. А. Ефимову, правда, пришлось оставить пединститут. Но, как явствует из его личного дела, его уволили по собственному желанию {64}.

После этого П. А. Ефимов уехал в Ленинград и здесь стал доцентом Горного института, а в 1945 г. занял должность заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Высшего мореходного училища. В том же году его наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» С января 1947 по май 1948 г. он находился на курсах Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), по окончании которых защитил кандидатскую диссертацию на тему «Революционная деятельность В. М. Молотова в вологодской ссылке». Возвратившись из Москвы, П. А. Ефимов возглавил кафедру марксизма-ленинизма в Высшем художественно-промышленном училище, но проработал там недолго. В январе 1949 г. он стал доцентом консерватории, а в сентябре того же года — доцентом кафедры истории КПСС Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского; в 1950–1951 гг. он исполнял здесь обязанности заведующего кафедрой истории КПСС. В 1957 г. в связи с упраздне-

нием этого учебного заведения П. А. Ефимов был принят в штат Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, но проработал только до марта 1958 г., после чего был уволен «как неутвержденный в установленном порядке». Дальнейшая его судьба неизвестна [65].

Эта история не оставляет сомнения в том, что, изымая из архива документы, П. А. Ефимов выполнял чье-то поручение. Но чье? Этот вопрос пока остается открытым.

Показательно, что вскоре после истории с П. А. Ефимовым весь фонд Вологодского ГЖУ был передан в Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Заслуживает внимания и то, что никаких документов (ни соответствующих распоряжений, ни актов сдачи-приемки), связанных с перемещением этих материалов в Москву, в деле фонда нет. В Москве фонд Вологодского ГЖУ находился до тех пор, пока 14 марта 1949 г. не последовало распоряжение Главного архивного управления МВД СССР № 12/01067 о его возвращении в Вологду. 7 сентября 1950 г. по акту № 1 Государственному архиву Вологодской области были переданы дела 1908 г., по акту № 2 от 16 декабря 1950 г. — 5854 единицы хранения за 1827–1917 гг. Сами эти акты в деле фонда тоже отсутствуют [66].

В результате этого перемещения прежде всего исчезли старые делопроизводственные описи, по которым дела выдавались читателям вплоть до 40-х гг. [67]О том, что подобное исчезновение было неслучайным, свидетельствуют два факта. Во-первых, когда в 1951 г. фонд был подвергнут новому описанию, прежняя его структура, отражавшая структуру ГЖУ и особенности его делопроизводства, была ликвидирована, все дела пе-

регруппированы и перенумерованы [68]. А во-вторых, в 1958 г. были изъяты и уничтожены почти все журналы входящих и исходящих бумаг фонда Вологодского ГЖУ [69]. Это дает основание утверждать, что таким образом была произведена его чистка, часть хранившихся в нем материалов изъята, и сделано все, чтобы стало невозможным определение, какие именно документы исчезли.

Подводя итог, следует отметить, что начиная с 20-х гг. на протяжении многих лет предпринимались усилия по розыску и изъятию из местных и центральных архивов документов об И. В. Сталине. Если бы они были сконцентрированы в одном месте и предоставлены в распоряжение исследователей, это можно было бы объяснить интересами науки, желанием создать максимально удобные условия для изучения биографии вождя. Однако архивные материалы о нем были, изъяты и закрыты для использования. Вспомним, что в начале 30-х гг. И. В. Сталин не дал разрешения на доступ к ним даже А. М. Горькому и Е. Ярославскому. Были ограничены и возможности сотрудников ИМЭЛ.

Следовательно, цель изъятия документов об И. В. Сталине заключалась не в том, чтобы облегчить изучение его биографии, а в том, чтобы сделать невозможным неконтролируемое использование этих документов. Получается, что И. В. Сталин не только не желал, но даже опасался восстановления реальной картины его революционного прошлого.

Источники, которые нам доступны

Прежде всего приходится констатировать, что не удалось обнаружить даже следы архива Кутаисского ГЖУ

{1}. Фактически нам неизвестна судьба архивов Бакинского охранного отделения и Бакинского ГЖУ. Современный фонд первого из них в 1995 г. насчитывал всего 3 единицы хранения (в путеводителе указана 1 единица хранения), а второго — 40 единиц хранения. Еще 6 единиц хранения находилось в фонде помощника начальника Бакинского ГЖУ (в путеводителе указано 5 единиц хранения) {2}. Плохо сохранились материалы архивов Иркутского районного охранного отделения (190 единиц хранения за 1903–1916 гг.) {3}, Томского ГЖУ (423 единицы хранения за 1887–1917 гг.) {4}, Тифлисского охранного отделения (85 единиц хранения за 1903–1914 гг.) {5}. Не удалось установить судьбу Енисейского ГЖУ и Енисейского розыскного пункта {6}.

Архив Петроградского губернского жандармского управления почти полностью погиб в февральские дни 1917 г. Современный его фонд, содержащий документы за 1859–1916 гг., насчитывает лишь 270 единиц хранения {7}. В 1917 г. серьезно пострадал архив Петербургского охранного отделения. И хотя он включает в себя 6058 единиц хранения за 1877–1917 гг. {8}, многие документы этого учреждения тоже погибли.

Полнее сохранились материалы Вологодского ГЖУ (на 24 декабря 1944 г. в нем значилось 6737 единиц хранения, на 23 февраля 1989 г. — 5822 единицы) {9}, Иркутского ГЖУ (1264 единицы хранения за 1890–1917 гг.) {10}, Тифлисского ГЖУ (3612 единиц хранения за 1839–1917 гг.) {11}, Кавказского районного охранного отделения (848 единиц хранения за

1907–1914 гг.) [12] и Департамента полиции (301 569 единиц хранения за 1846–1917 гг.) [13].

По отдельным видам документов вырисовывается следующая картина.

Прежде всего приходится констатировать, что пока не удалось обнаружить первичные агентурные материалы органов политического сыска ни по одной из губерний, с которыми была связана деятельность И. В. Сталина. Едва ли не единственное исключение из этого правила составляет сводка агентурных донесений за 1910–1912 гг. по Вологодской губернии [14].

Поэтому за 1898–1908 гг. мы располагаем лишь во многом случайными донесениями Бакинского, Кутаисского и Тифлисского губернских жандармских управлений, а также Тифлисского охранного отделения, содержащими агентурную информацию. За 1909–1917 гг. в нашем распоряжении имеются сводки агентурных данных, ежемесячно представлявшиеся в Департамент полиции по всем губерниям [15].

Подобным же образом обстоит дело и с материалами наружного наблюдения. Первичные материалы наружного наблюдения, связанные с И. В. Сталиным, удалось обнаружить только по Петербургу за октябрь — декабрь 1912 г. [16] За период с 24 июля по 9 сентября 1911 г. и за январь — февраль 1912 г. в нашем распоряжении имеются копии подобных материалов [17]. За 1902–1905 гг. сохранились ежемесячные отчеты по Тифлису, представлявшиеся в Департамент полиции [18]. За остальные годы мы располагаем только сводками наружного наблюдения, представлявшимися в Департамент полиции [19].

Сопоставление данных картотеки перлюстрации с материалами архива Департамента полиции показывает, что почти все перлюстрированные, т. е. скопированные «черными кабинетами», письма И. В. Джугашвили, авторство которых в свое время было установлено, сохранились [20].

В качестве обвиняемого И. В. Сталин проходил по следующим делам: 1901 г. — Тифлисское ГЖУ (переписка) [21], 1902 г. — Кутаисское ГЖУ (переписка в г. Батуме, переведенная в формальное дознание) [22], 1902 г. — Тифлисское ГЖУ (формальное дознание) [23], 1908 г. — Бакинское ГЖУ (переписка) [24], 1910 г. — Бакинское ГЖУ (переписка) [25], 1911 г. — Петербургское ГЖУ (переписка) [26], 1912 г. — Петербургское охранное отделение (переписка) [27] и 1913 г. — Петербургское ГЖУ (переписка) [28].

Что касается первичных следственных материалов, то пока удалось обнаружить их только за 1901 [29], 1902 [30], 1908 [31] и 1910 [32] гг.

Неполно сохранились и материалы 7-го делопроизводства Департамента полиции. В качестве обвиняемого И. В. Сталин фигурировал в десяти делах этого делопроизводства [33] и в двух делах Временной канцелярии по производству особых уголовных дел [34]. Из них известны только восемь [35].

Всего на сегодняшний день удалось выявить 30 дореволюционных фотографических изображений, которые фигурируют как сталинские: не ранее 1888 г. — не позднее 1892 г. (групповая фотография), 1893 г. (групповая), 1894 г. (групповая), не ранее 1894 г. — не позднее

1899 г. (групповая), не ранее 1902 г. — не позднее 1903 г. (одинарная), 1903 г. (групповая), 1907 г. (похороны Е. С. Сванидзе), не позднее 1908–1909 гг. (двойная), 1910 г. (тройная), 1911 г. (тройная), 1912 г. (тройная), 1913 г. (тройная), не ранее 1914 г. — не позднее 1916 г. (вместе с С. Спандаряном), 1915 г. (две групповые), без даты (двойная), без даты (тройная) {36}. Подавляющее большинство этих фотографий имеет жандармское происхождение.

Самая полная коллекция подобных фотографий в свое время была сосредоточена в Департаменте полиции. Сейчас она составляет в ГАРФ отдельный фонд, в котором имеется дело и на И. В. Джугашвили. Однако в нем хранятся не оригиналы его фотографий, а только их *копии советского происхождения*: это несколько экземпляров фотографии 13 сентября 1911 г. (профиль, фас и полный рост) с регистрационной картой, причем два экземпляра представляют собой монтаж фотографии 1911 г. и регистрационной карты, датированной 19 марта 1913 г. В этом же деле находятся копии еще двух недатированных фотографий, из которых одна сделана с фотографии вообще не архивного происхождения {37}.

Что касается местных архивов, то удалось обнаружить только протокол с описанием примет И. В. Джугашвили, составленный 17 июля 1902 г. в Батуме {38}, и две регистрационные карты с фотографиями: 1904 г. из Иркутского охранного отделения {39} и 1911 г. из Петербургского охранного отделения {40}. Все остальные фотографические изображения известны по фотокопиям *неустановленного происхождения.*

В результате этого разные авторы по-разному датируют одни и те же фотографические изображения, что осложняет выяснение, как выглядел И. В. Сталин в разное время и как менялся до революции его внешний вид. Но дело не только в этом. Одна из целей Фотографирования заключалась в том, чтобы помочь идентифицировать личность обвиняемого, этапируемого или же отбывающего наказание.

С этой же целью составлялись вначале «протоколы примет», а затем регистрационные карты с дактилоскопическими отпечатками. Однако на сегодняшний день не известно ни одного оригинала регистрационных карт с отпечатками пальцев И. В. Сталина. Правда, удалось обнаружить фотокопии подобных регистрационных карт, датируемых 1910, 1911, 1912 и 1913 гг., но *дактилоскопические отпечатки* имеются только на фотокопии регистрационной карты, датируемой 1910 г.

Поскольку все переписки и дознания, по которым проходил И. В. Джугашвили, заканчивались административной ссылкой, в 5-м делопроизводстве Департамента полиции на него было заведено по крайней мере шесть дел: 1903 г. — № 521–1, 1908 г. — № 2700–1, 1910 г. — № 3, 1911 г. — № 716, 1912 г. — № 252, 1913 г. — № 245 {41}. Из них в существующих описях Департамента полиции значится только дело № 2700–1 за 1908 г. Несмотря на неоднократные попытки, получить его мне не удалось. Однако пока его разыскивали в ГАРФ, совершенно случайно оно было обнаружено мной в РГАСПИ, где первоначально значилось в фонде И. В. Сталина (Оп. 4. Д. 101), а затем было передано в Коллекцию документов Департамента полиции. Эта коллекция до сих пор остается почти необработанной, и составляющие ее дела выдаются только в виде исключения. Есть основа-

ния думать, что сохранилось также дело за 1903 г. {42}, но обнаружить его пока не удалось. Судьба остальных четырех сталинских дел 5-го делопроизводства неизвестна.

Для архивных поисков, а также для определения факта существования тех документов, которые имелись в архиве Департамента полиции, но до нас не дошли, большое значение имеет картотека Регистрационного отдела. Исходя из собственного опыта, заведующий Особым отделом А. М. Еремин считал, что она не в полной мере отражала те сведения, которыми располагал Департамент полиции {43}. С этим мнением нельзя не согласиться, если вспомнить те 15 тыс. документов, которые оставались незарегистрированными в самом Особом отделе к лету 1907 г.

Знакомство с картотекой Департамента полиции показывает также, что после падения монархии она тоже подверглась некоторой чистке. В качестве примера можно указать на воспоминания начальника первого революционного караула Г. Б. Кнатца, из которых явствует, что его фамилия фигурировала в этой картотеке {44}, затем она из нее исчезла. О том, что данный факт — не исключение, свидетельствует то, что 14 первых ящиков этой картотеки занимает сейчас советская картотека провокаторов. Если учесть, что в каждом ящике содержится не менее 800 карточек, получается, что из картотеки Центрального алфавита Департамента полиции было изъято не менее 10 тыс. карточек.

И. В. Сталин фигурирует в картотеке Департамента полиции под следующими кличками и фамилиями: Василий, Васильев, Джугашвили, Иванович, Коба, Меликянц, Нижерадзе, Сосо, Тотомянц. На И. В. Джугашвили имеет-

ся десять карточек — девять пронумерованных, одна без номера: № 1 — записи за 1902–1911 гг., № 2 — за 1908–1912 гг., № 3 — 1904–1913 г., № 4 — 1912–1913 гг. , № 5 — 1912–1914 гг., № 6 — 1901–1911 гг., № 7 — 1914–1916 гг., № 8 — 1911 г., № 9 — 1914 г., без номера — 1912–1915 гг.

На карточке № 1 можно прочитать: «Иосиф Виссарионов Джугашвили (Кайос Виссарионов Нижерадзе), кр. с. Диди Лиловского Тифлисского у. и губ., 27 л.», далее следует запись: «5Д. 1908, д. 2700–8». Получается, что фамилия И. В. Джугашвили появилась в картотеке Департамента полиции только в 1908 г., после того как он был арестован в Баку и последовало решение о его высылке в Сольвычегодск. Однако на этой же карточке далее мы читаем: «7Д. 1902, д. 2, ч. 27». Это означает, что Департамент полиции располагал данными об И. В. Джугашвили задолго до 1908 г. Об этом свидетельствует карточка № 6, на которой зафиксированы дела за 1901–1911 гг. и которая открывается записью: «Иосиф Виссарионов Джугашвили, кр-н, б. воспитанник Тифлисской духовной семинарии, особый надзор полиции» {45}.

Это подтверждает, что до определенного времени в Департаменте полиции не существовало единой картотеки и первоначально записи делались параллельно в разных делопроизводствах, а затем эти разрозненные картотеки были объединены. В связи с этим возникает вопрос: являлась ли карточка № 6 единственной в картотеке Департамента полиции до 1908 г., и если нет, то насколько полно и точно имевшиеся в первоначальных карточках записи были отражены в общей картотеке?

Казалось бы, из-за отсутствия первичных карточек получить ответ на данный вопрос представляется невоз-

можным. Однако положение дел отнюдь не безнадежно, так как в нашем распоряжении имеются не только сохранившиеся карточки, но и справки, которые наводились Регистрационным отделом. Подобные справки удалось обнаружить на 17 июля 1908 г. {46}, 13 октября 1911 г. {47}, 13 ноября 1912 г. {48}и 24 февраля 1913 г. {49}Сопоставление записей в картотеке и сведений, содержащихся в этих справках, показывает, что сохранившиеся карточки почти полностью дублируют содержание названных справок, и расхождения между ними связаны главным образом с допущенными при их составлении описками.

Предпринятые при подготовке этой книги усилия, направленные на выявление тех документов об И. В. Джугашвили, которые До 1917 г. фигурировали в картотеке Регистрационного отдела, показали, что значительная часть этих документов сейчас в фонде Департамента полиции отсутствует. Некоторые из них могли быть Уничтожены до революции. Другие были изъяты после 1917 г. Часть отсутствующих дел или же их следы удалось обнаружить в Фонде И. В. Сталина в РГАСПИ. Однако судьба целого ряда документов, имевшихся до 1917 г. в архиве Департамента полиции, остается неизвестной. Вполне возможно, что в свое время они были переданы в 6-й сектор Общего отдела ЦК КПСС и сейчас находятся в Архиве Президента Российской Федерации. Некоторые из них могли быть уничтожены.

Для освещения избранной темы несомненный интерес представляет картотека секретных сотрудников, которая хранится в ГАРФ и именуется здесь «департаментской» {50}. Она представляет собой каталожную секцию из 33 ящиков (по 3 ящика в ряд) в человеческий

рост. Из них 28 содержат сведения о секретных сотрудниках, 5 — о других работниках карательных органов. В каждом ящике 800–900 карточек. Следовательно, всего в картотеке не менее 25–30 тыс. карточек. Подавляющее их большинство было передано в Архив революции весной 1925 г. Продолжали поступать они и позднее.

Картотека содержит главным образом клички секретных сотрудников и шифры дел, в которых они упоминаются. Отсутствие в ней кличек некоторых известных нам секретных сотрудников дает основание думать, что она или представляет собой только часть «департаментской» картотеки секретных сотрудников (и мы не знаем, какую), или же, что не менее вероятно, является результатом работы действовавшей в 1917 г. Особой комиссии, созданной Временным правительством для выявления провокаторов.

Обнаружить среди них лицо, которое можно было бы идентифицировать с И. В. Джугашвили, не удалось. Но отсутствие в этой картотеке того или иного лица не может служить аргументом при решении вопроса о его сотрудничестве с органами политического сыска царской России. Таким аргументом не может быть и отсутствие того или иного человека в официально опубликованных списках провокаторов {51}.

Во-первых, не исключено, что картотека провокаторов могла быть подчищена чиновниками Особого отдела Департамента полиции в февральские дни 1917 г. Во-вторых, нельзя исключить того, что подобная чистка могла быть продолжена при Временном правительстве. А в-третьих, можно не сомневаться, что все «незасветившиеся» секретные сотрудники были использованы ВЧК-ОГПУ в розыскной деятельности, поэтому их карточки после

Октябрьского переворота 1917 г. должны были быть изъяты.

В ГАРФ имеются еще две картотеки провокаторов, составленные в годы Советской власти, а также материалы, связанные с разоблачением секретных сотрудников [52].

Не удалось найти никаких материалов о пребывании Сталина в тюрьмах и на этапах. Следует отметить, что в наших архивах вообще почти нет фондов тюремных учреждений дореволюционной России. Причина этого, по всей видимости, заключается в том, что дореволюционные тюрьмы относились к тем учреждениям, которые Советская власть, получив по наследству от старого режима, не стала уничтожать. Поэтому их дореволюционные архивы оказались частью архивов советских тюрем, а затем или были переданы в архив МВД, или уничтожены.

Плохо сохранились и материалы о пребывании И. В. Сталина в ссылках.

По первой ссылке нам известно только одно специальное дело [53], два дела дошли до нас по сольвычегодской ссылке [54], по вологодской ссылке сохранилось три дела [55], по нарымской — два [56], по туруханской — одно [57]. Итого девять из девятнадцати дел. Причем те дела, которые дошли до нас, сохранились неполностью. Особенно это касается единственного дела по туруханской ссылке.

Еще хуже, чем архивы карательных органов дореволюционной России, сохранились архивы большевистских организаций до 1917 г. Мы почти ничего не знаем об архиве Тифлисской организации РСДРП. А тот архив, который существовал к 1912 г., был захвачен полицией

[58]. В 1910 г. провалился архив Бакинской организации РСДРП [59]. Ничего не известно об архиве Имеретино-Мингрельского комитета и архиве Кавказского союзного комитета.

Касаясь вопроса о партийном архиве, В. Л. Швейцер отмечала, что И. В. Сталин рекомендовал «искать архив в Баку». «Все об этом знают, — писала она, но после этого никто в Баку не ездил, ничего не искал. Как-то раз, до войны, поехал туда Крамольников. Конечно, нужно было послать туда людей более знающих — есть здесь старик Авалов, был Геворкян (он сейчас умер), который был казначеем в тот самый период» [60].

Далеко не полно сохранился и дореволюционный архив ЦК РСДРП. За 1898–1917 гг. в нем насчитывается всего лишь 1949 единиц хранения [61]. По воспоминаниям Е. Д. Стасовой, в 1918 г. наиболее важные документы этого архива были вывезены на Урал и там спрятаны. Но когда закончилась Гражданская война, оказалось, что лица, причастные к этой операции, погибли. В результате неоднократно предпринимавшиеся в годы Советской власти поиски этого архива не увенчались успехом.

Таким образом, большая часть архивных материалов об И. В. Сталине до нас не дошла, поэтому реконструкция его дореволюционной биографии связана с большими трудностями.

И тогда, когда И. В. Сталин был еще далек от революционного движения, и тогда, когда он стал участвовать в нем, в официальных документах могла отразиться только часть его жизни. Поэтому огромное значение для

изучения его дореволюционной биографии имеют мемуары.

Первые воспоминания о нем как в нашей стране, так и за рубежом появились в 20-е гг. Причем, несмотря на то что в эмиграции оказалось много политических противников И. В. Сталина, круг их мемуарных свидетельств весьма ограничен [62].

Основной комплекс мемуарных источников об И. В. Сталине был создан в нашей стране. Огромную роль в этом отношении сыграли Истпарт и его местные отделения, а затем ИМЭЛ. Фамилия И. В. Сталина начала фигурировать в мемуарных публикациях уже в 20-е гг. [63], но поворотное значение в этом отношении имел 1935 г. [64].

Большая часть воспоминаний о нем осталась неопубликованной.

В Москве эти воспоминания сосредоточены в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), прежде всего в личном фонде И. В. Сталина. Кроме того, воспоминания отложились в фондах местных Истпартов, которые хранятся в бывших партийных архивах Института истории партии им. С. Г. Шаумяна при ЦК КП Азербайджана (ныне Государственный архив политических партий и общественного движения Азербайджана) [65], Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС (ныне — Институт демократического созидания и политологии Парламента Грузии) [66], Архангельской области (сейчас — Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области) [67], Вологодской области (ныне — Вологодский областной архив новейшей полити-

ческой истории) [68], в Центральном государственном архиве историко-политических документов в Санкт-Петербурге [69], а также в музеях Батуми [70] и Гори [71].

К сожалению, до сих пор никто не дал описания всего комплекса этих ценнейших источников (а это не одна сотня наименований). Лишь частично они нашли отражение в библиографическом указателе, изданном к 60-летию И. В. Сталина в 1939 г. [72].

Обращаясь к мемуарам, нельзя не учитывать, что они подвергались как внутренней, так и внешней цензуре. Не все, что было известно их авторам, находило отражение в воспоминаниях. Многие факты интерпретировались с учетом последующей судьбы И. В. Сталина и условий, в которых воспоминания создавались. Однако, признавая несовершенство этого источника, было бы неверно игнорировать или же недооценивать его.

Стоящая сейчас перед исследователями задача прежде всего заключается в том, чтобы с максимально возможной полнотой аккумулировать сохранившиеся источники, в которых нашел отражение дореволюционный период биографии И. В. Сталина, и на основании этого восстановить объективную картину его жизни и деятельности до 1917 г. Это касается не только событий, в которых он принимал участие, но и лиц, с которыми был связан. Несмотря на значительный фактический материал, уже введенный в научный оборот как советскими, так и зарубежными историками (особенно в этом отношении следует отметить деятельность ИМЭЛ и его Грузинского филиала), приходится констатировать, что подобная работа требует еще значительных усилий.

Дело в том, что вплоть до самого последнего времени значительная часть архивных источников практически была недоступна не только широкому кругу исследователей, но и многим сотрудникам Института марксизма-ленинизма. В результате этого, с одной стороны, в дореволюционной биографии И. В. Сталина до сих пор остается много белых пятен, с другой стороны, далеко не все, что известно, имеет под собой надежную источниковую базу, вследствие чего в литературе имеет хождение много не только сомнительных, но и вообще мифических версий.

Одна из причин этого заключается в том, что подавляющее большинство работ об И. В. Сталине выполнены не в исследовательском, а в публицистическом стиле, для авторов которых, осознанно или бессознательно выполняющих социальный заказ, характерно стремление не восстановить истину, а нарисовать заранее заданную картину. Это характеризует как прижизненные работы об И. В. Сталине, так и работы последнего времени.

Следует также отметить, что некоторые документы, публиковавшиеся при жизни самого И. В. Сталина, подвергались «редактированию». Это порождает необходимость обращения к их оригиналам или же архивным копиям. Однако здесь приходится сталкиваться с тем, что за прошедшие пятьдесят с лишним лет произошли значительные перемены в их хранении. Многие документы были переданы в другие фонды, изменилась структура, а в ряде случаев и нумерация фондов, что осложняет, а порой делает почти невозможным выявление документов, уже введенных в научный оборот.

В данной книге внимание концентрируется лишь на наиболее важных эпизодах дореволюционной биографии И. В. Сталина, причем их отбор определялся, с одной сто-

роны, необходимостью получить более или менее цельную картину его жизни, с другой — стремлением не только выявить, что же пытались скрыть от читателей официальные биографы И. В. Сталина и он сам, но и понять, почему возникла версия о его связях с охранкой.

В предлагаемой вашему вниманию книге больше вопросов, чем ответов на них. Одна из причин этого — гибель или недоступность многих архивных материалов, которые могли бы пролить свет на эти вопросы, а также нежелание некоторых мемуаристов делиться всей информацией, которой они располагали.

Но дело не только в этом.

Финансовые обстоятельства не позволили мне побывать в архивах Иркутска, Красноярска и Томска. Только дважды (1995 и 1996 гг.) удалось поработать в архивах Азербайджана и Грузии. Причем вторая поездка в Грузию по ряду объективных и субъективных причин оказалась почти безрезультатной. С каждым годом возрастают сложности с работой в архивах Российской Федерации.

Все это вместе взятое с учетом происходящего на наших глазах сокращения свободного информационного пространства заставило меня поставить в этой книге точку раньше, чем следовало бы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Охранка и ее архивы

[1] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. 1880–1917. М., 2000. С. 26–27.

[2] Там же. С. 28, 35.

[3] Там же. С. 39.

[4]Там же.

[5]Там же. С. 40.

[6]Там же. С. 60.

[7]Там же. С. 40; Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 1. С. 33.

[8]Там же. С. 36; *Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 50.

[9]Там же. С. 47–48.

[10]Там же. С. 104.

[11]Там же; Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 1. С. 36.

[12]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 104.

[13]Там же. С. 78.

[14]Там же. С. 85–86; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 46. Л. 274–275 (Положение об Особом отделе).

[15]*Шиджикашвили Д. И.*Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973. С. 25.

[16]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб., 1903. С. 34–46.

[17]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 118–120.

[18]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 40. Л. 39.

[19]Там же. Л. 134 об.

[20]Там же. Ф. 102. Оп. 316. 1908. Д. 51–16. Л. 1; Д. 52–3. Л. 61; ОО. 1913. Д. 366. Л. 45–50; Ф. 110. Оп. 17. 1908. Д. 302. Л. 135, 150.

[21]*Исмаил-Заде Д. И.*Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991. С. 48–49.

[22]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 40. Л. 1.

[23]Адрес-календарь <…> Российской империи на 1906. Ч. 2. СПб., 1906. С. 430.

[24]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1914. Д. 321. Л. 19.

[25]Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов на 20 сентября 1906. Ч. 1–2. СПб., 1906.

[26]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 40. Л. 3а.

[27]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 387–392.

[28]Штат служащих Кавказского районного охранного отделения был утвержден 21 декабря 1907 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1907. Д. 50. Ч. 12. Л. 37).

[29]*Джунковский В. Ф.*Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 100. См. также: *Перегудова З. И.*Материалы к биографии В. Ф. Джунковского // Из глубины времен. Вып. 4. СПб., 1995. С. 74.

[30]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 366. Л. 19–22.

[31]Там же. Л. 2–9.

[32]Там же. Л. 45–50 (Опись делам розыскного пункта в г. Баку, переименованного с 1 ноября 1908 г. в Бакинское охранное отделение); Л. 53,59–69 (Опись делам и

книгам Тифлисского охранного отделения. 1902–1913 гг.); Л. 70 (Опись агентурных дел Тифлисского охранного отделения за 1905,1906,1907 и 1908 гг.); Л. 71 (Агентурные книжки секретных сотрудников Тифлисского охранного отделения — 49 человек); Л. 72–73 (Опись документов по наружному наблюдению).

[33]Там же. Ф. 102. ОО. 1914. Д. 321. Л. 32. Ср.: *Лурье Ф. М., Перегудова З. И.*Царская охранка и провокация // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 54–55.

[34]*Оржеховский И. В.*Самодержавие против революционной России. М., 1982. С. 154–155.

[35]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений… *Савицкий С. В.*Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса жандармов по производству дознаний. СПб., 1908.

[36]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений… 1903. С. 36–41.

[37]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 387–392, 393–403.

[38]Там же. С. 404–408; Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 71–83.

[39]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений… С. 37.

[40] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 396–397.

[41] Там же. С. 172.

[42] Там же. С. 404–408.

[43] Там же. С. 404.

[44] *Лурье Ф. М., Перегудова З. И.* Царская охранка и провокация. С. 61–62.

[45] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 405.

[46] Там же. С. 406.

[47] *Левандовский А.* Знамение времени // *Николаевский Б.* История одного предателя. М., 1991. С. 11–12.

[48] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 308. Д. 91; Оп. 308а. Д. 14.

[49] Там же. Д. 236. Л. 1–7.

[50] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 308. Д. 128; Оп. 308а. Д. 51.

[51] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 208–213; Очерк деятельности Департамента полиции в отношении внутренней агентуры // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 106; Обзор деятельности Департамента полиции в отношении приобретения внутренней агентуры и организации политического розыска // Там же. Оп. 314. Д. 628. Л. 1–23.

[52] *Жилинский В. Б.* Организация и жизнь охранного отделения // Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 281–286.

[53] *Перегудова З. И.* Политический сыск России. С. 214.

[54]*Лурье Ф. М., Перегудова З. И.*Царская охранка и провокация. С. 71–83.

[55]Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками. СПб., 1992.

[56]Там же. С. 2.

[57]*Меньщиков Л. П.*Охрана и революция. Ч. 3. М., 1932. С. 109.

[58]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений... С. 44.

[59]Вопрос о времени возникновения подобной картотеки остается открытым.

[60]Вопрос о том, когда и как сложился такой порядок, заслуживает специального изучения.

[61]*Лурье Ф. М., Перегудова З. И.*Царская охранка и провокация. С. 77–78.

[62]Письма Азефа. 1893–1917. СПб., 1994. С. 14–132.

[63]*Лурье Ф. М., Перегудова З. И.*Царская охранка и провокация // Из глубины времен. Вып. 1. СПб., 1992. С. 80.

[64]Там же. С. 80–81.

[65]Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками. С. 13.

[66]*Лурье Ф. М., Перегудова З. И.*Царская охранка и провокация // Из глубины времен. Вып. 1. С. 82.

[67]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряже-

ний… С. 45; *Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 389.

[68]ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. Д. 412. Л. 1.

[69]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 275–288.

[70]*Оржеховский И. В.*Самодержавие против революционной России. С. 163; См. также: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 247. Л. 4–11.

[71]*Заварзин П. П.*Работа тайной полиции. Париж, 1924. С. 12.

[72]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 247. Сборник руководящих циркуляров. Л. 62–68.

[73]Там же. Л. 62.

[74]Л. 62 об.

[75]Там же.

[76]Там же.

[77]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений… С. 289.

[78]Там же.

[79]Там же. С. 290–291.

[80]Там же. С. 643.

[81]*Савицкий С. В.*Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба ОКЖ… С. 101–105.

[82]*Заварзин П. П.*Работа тайной полиции. С. 12.

[83]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 39.

[84]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 46. Л. 3.

[85]Там же. ОО. 1912. Д. 63. Л. 364.

[86]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 48.

Из истории архивных «чисток»

[1]*Сидорова М. В.*Архивы центральных органов политического розыска России XIX — начала XX в. (III отделение с. е. и. в. канцелярии и Департамент полиции МВД): Канд. дис. М., 1993.

[2]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 63. Л. 393–394.

[3]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 221–224.

[4]*Игнатьев Б.*Занятие Департамента полиции. 1–4 марта 1917 г. 1921 // ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 3. Д. 418. Опубликовано: *Катенев Б. Г.*Занятие Департамента полиции. 1–5 марта 1917 г. // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 6 (19). С. 139–156. Настоящая фамилия автора этих воспоминаний была раскрыта С. П. Мельгуновым в его книге «Золотой немецкий ключ большевиков» (2-е изд. Нью-Йорк, 1989. С. 53).

[5]*Катенев Б. Г.*Занятие Департамента полиции. 1–5 марта 1917 г. С. 139–141.

[6]Известия. 1917. № 7.3 марта. В воспоминаниях Б. Г. Кнатца приведен несколько иной текст данного распоряжения (*Катенев Б. Г.*Занятие Департамента полиции. 1–5 марта 1917 г. С. 154).

[7]Там же. С. 154–155.

[8]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 218.

[9]Там же. С. 220.

[10]Переписка председателя комиссии П. Е. Щеголева с товарищем министра внутренних дел Временного правительства кн. С. Д. Урусовым о задачах, средствах, штатах комиссии. 12–13 апреля 1917 г. // ГАРФ. Ф. 503. Оп. 1.Д. 1.

[11]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 220. См. также: ОР ИРЛИ. Ф. 627 (П. Е. Щеголев). Оп. 3. Д. 117–123.

[12]*Берберова Н. Н.*Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М., 1997. С 181; *Серков А. И.*История русского масонства. 1845–1945. СПб., 1997. С. 57, 104, 114.

[13]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 225, 231.

[14]Тифлисский листок. 1917. 3 и 15 марта; Каспий. Баку, 1917. 7 марта.

[15]Каспий. Баку, 1917. 9 марта; *Джанибекян В.*Провокаторы: Воспоминания, мысли и выводы. С. 24.

[16]25 лет Бакинской организации большевиков. Баку, 1924. С. 142–143.

[17]*Джанибекян В.*Провокаторы. Воспоминания, мысли и выводы. С. 13.

[18]ГАВО. Архив архива. Дело фонда № 108. Л. 16.

[19]Был ли Сталин агентом охранки? С. 246.

[20]Там же. С. 334.

[21]Там же. С. 342; Хроника // Енисейский край. 1917. 6 и 7 марта.

[22]Был ли Сталин агентом охранки? С. 342.

[23]Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 214–215.

[24]Истпарт ЦК КП Грузии был создан на основании решения Президиума ЦК КП Грузии от 24 июня 1922 г. и начал действовать 14 января 1923 г. (ГФ ИМЛ (архив бывшего грузинского филиала Института марксизма-ленинизма). Ф. 8. Оп. 3. Д. 1092. Л. 7, 57).

[25]Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. С. 210.

[26]Там же. С. 218.

[27]Там же. С. 220.

[28]Там же. С. 222.

[29]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 3. Д. 1092. Л. 30.

[30]Там же. Л. 1, 30.

[31]В ПААО, бывшем партийном архиве Архангельской области (сейчас это Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области — ГАОПДФАО), они хранятся в фонде № 858, в ПАВ О, бывшем партийном архиве Вологодской области (Вологодский областной архив новейшей политической истории — ВОАНПИ), — в фонде № 3838.

[32]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2667. Л. 1–2.

[33]Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

[34]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 172 (ранее № 301) и 173 (ранее № 65). См. также: ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 37; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 644 (ранее № 307 за 1911 г. Вологодское ГЖУ).

[35]Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 217. Л. 4; Ф. 558. Оп. 11. Д. 905. Л. 5–5 об.

[36]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 199. Л. 1.

[37]РГАСПИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–12; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 199. Л. 16–27.

[38]Там же. Л. 28–31.

[39]Там же. Д. 199. Л. 2.

[40]Там же. Л. 3–4. Приложение: перечень прокламаций 1905–1910 гг. (Там же. Л. 7–12).

[41]Там же. Л. 13.

[42]Там же. Л. 36–37.

[43]Там же. Л. 38; РГАСПИ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 80. Л. 1. Перечень документов: Л. 7–12.

[44]Там же. Д. 66, 78, 79,81.

[45]Там же. Ф. 71. Оп. 5. Д. 4. Л. 63–64.

[46]Там же. Д. 10. Л. 3.

[47]Там же. Л. 5.

[48]Там же. Л. 6. Имеются сведения, что изъятие «сталинских» документов из Красноярского краевого архива продолжалось и позднее. «Как установлено нашими сотрудниками из беседы с работниками Красноярского архивного отдела, — информировал в 1956 г. Н. С. Хрущева председатель КГБ при СМ СССР И. А. Серов, — за послед-

ние 15 лет туда часто приезжали работники из Москвы и забирали ряд документов, касающихся И. В. Сталина» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1288. Л. 15).

[49]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.

[50]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 62. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 5. Д. 10. Л. 11.

[51]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 62. Л. 22. См. также: Л. 12.

[52]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 5.Д. 10.Л.9; ПААО. Ф. 859. Оп. 10.Д. 62.Л.24.

[53]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 5. Д. 10. Л. 10. См: Опись делам о ссылке тов. Сталина, отправляемых в ЦК ВКП(б) (Там же. Л. 12–13).

[54]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 60. Л. 1–11.

[55]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 380. Л. 20–25.

[56]Там же. Д. 382. Л. 81–84.

[57]Там же. Д. 380. Л. 41–43.

[58]Личное дело доцента П. А. Ефимова // Архив ВГПУ.

[59]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 399. Л. 34.

[60]Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 1. М., 1994. С. XI.

[61]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 399. Л. 34.

[62]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 14–23; ГАВО. Архив архива. Дело фонда 108. Л. 2. Акт 10 июня 1944 г. («В 47 делах недостает 152 листов», «обнаруженные ИМЭЛ у тов. Ефимова документы в количестве 62 изъяты из вышеперечисленных дел»).

[63]ПАВО. Ф. 2522. Оп. 6. Д. 249. Коробка 253. Л. 36.

[64]Личное дело доцента П. А. Ефимова // Архив ВГПУ.

[65]Там же.

[66]ГАВО. Архив архива. Дело фонда 108. Л. 4–6.

[67]На это указывают ссылки на старую делопроизводственную нумерацию дел в некоторых публикациях довоенного периода.

[68]Рабочая инструкция по научно-технической обработке фонда № 2 (Вологодского ГЖУ). 18 января 1951 г. // ГАВО. Архив архива. Дело фонда 108; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1–5.

[69]ГАВО. Архив архива. Дело фонда 108. Л. 31–36.

Источники, которые нам доступны

[1]В «Путеводителе» Центрального государственного архива Грузинской ССР в перечне фондов его Кутаисского филиала фонд Кутаисского ГЖУ не значится (ЦГИА Грузинской ССР: Путеводитель. 2-е изд. Тбилиси, 1976. С. 396–399). На вопрос о его судьбе летом 1996 г. работниками архива мне был дан ответ, что, по их сведениям, часть материалов этого учреждения после 1921 г. перешла в архив местного управления ОГПУ, часть была передана в Тифлис.

[2]Центральный государственный исторический архив Азербайджанской ССР: Путеводитель. Баку, 1958. С. 72–73, 184.

[3]Государственный архив Иркутской области: Путеводитель. Иркутск, 1975. С. 30–31.

[4]Государственный архив Томской области: Путеводитель. Томск, 1960. С. 13–14.

[5]Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР: Путеводитель. 2-е изд. С. 87–90.

[6]На 1980 г. путеводитель по Государственному архиву Красноярского края издан не был (Государственные архивы РСФСР: Справочник-путеводитель. М., 1980. С. 121).

[7]Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель: Т. 1: фонды государственного архива Российской Федерации по истории России XIX — начала XX в. М., 1994. С. 100–101.

[8]Там же. С. 119–120.

[9]ГАВОФ. 108. Оп.5.Запись 23 августа 1989 г.;Ф. 1768. Оп. 1. Д. 34. Л.6.

[10]Государственный архив Иркутской области: Путеводитель. С. 29–30.

[11]Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР: Путеводитель. 2-е изд. С. 87–90.

[12]Там же.

[13]Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 1. С. 22–47. В состав фонда Департамента полиции входят материалы Третьего отделения с. е. и. в. канцелярии за 1846–1880 гг.

[14]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4704.

[15]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А (Баку), 5–9-А (Вологда), Д. 5–61-А (Тифлис); 1910. Д. 5–6-Б (Бакинское охранное отделение), Д. 5–7-Б (Бакинское ГЖУ), Д. 5–14-

А (Вологда); 1911. Д. 5–14-Б (Вологда), 5–57-Б (т. 1–2) (Петербург); 1912. Д. 5–14-Б (Вологда), Д. 5–7-Б (Баку), Д. 5–7-Б (Бакинское ГЖУ), 5–47-Б (Москва), 5–58-Б (Петербург), 5–79-Б (Тифлис); 1913. Д. 5–58-Б (Петербург), Д. 5–25-Б (Красноярск); 1914. Д. 5–25-Б (Красноярск); 1915. Д. 5–25-Б (Красноярск); 1916. Д. 5–25-Б.

[16]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 157.

[17]ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1110а; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058; ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 16; ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 2, 3.

[18]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 259. Д. 28; ОО. 1904. Д. 2396. Ч. 3 и 2396. Ч. 7.

[19]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А (Баку), Д. 5–9-А (Вологда); 1910. 5–6-В (Бакинское охранное отделение), 5–7-В (Бакинское ГЖУ), 5–14-В (Вологда); 1911.5–14-В (Вологда), 5–57-В (Петербург); 1912. Д. 5–6-В (Бакинское охранное отделение), 5–7-В (Бакинское ГЖУ), 5–14-В (Вологда), 5–47-В (Москва), 5–58-В (Петербург), 5–79-В (Тифлис); 1913. Д. 5–58-В (Петербург).

[20]Копии писем Сталина. 1905–1916 гг. // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10.Д. 189.

[21]ГИАГ (Государственный исторический архив Грузии — бывший ЦГИА Грузинской ССР). Ф. 153. Оп. 1. Д. 3424 (первоначально № 27, т. 3). Л. 2 (постановление о привлечении И. В. Джугашвили в качестве обвиняемого к переписке по выяснению политической благонадежности. 23 марта 1901 г.).

[22]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 270. Д. 28. № 214 «О забастовке рабочих нефтепромышленного завода Ротшильда».

[23]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 278–279.

[24]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 20об.

[25]Там же. Д. 635. Л. 38.

[26]Там же. Д. 166. Л. 1.

[27]Там же. Д. 186. Л. 1.

[28]Там же. Д. 214. Л. 1.

[29]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3421, 3423, 3424, 3434.

[30]Там же. Д. 3431 (№ 420. Т. 1), 3432 (№ 190. Т. 2, по старой описи № 420. Т. 2). См. также: Д. 343 (№ 171. Т. 2., по старой описи № 410. Т. 2.), Д. 3433 (171. Т. 1. по старой описи № 410. Т. 1).

[31]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627.

[32]Там же. Д. 635.

[33]1901 — № 171, 1902 — № 2–27, № 175, № 175–43, № 214, № 630 и 630–1, 1908 — № 2529, 1910 — № 737, 1911 — № 2093, 1912 — № 922 и 1913 — № 392.

[34]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. 1902. Д. 119. 4 л. (Тифлисская губерния); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Начато 8 июля 1902, кончено 5 января 1905, 181 л. (Кутаисская губерния.)

[35]Из них два дела 7-го делопроизводства Департамента полиции хранятся в ГАРФ (Ф. 102. 7 Д. 1902. Д. 175; 1910. Д. 737), пять — в РГАСПИ (№ 2329 за 1908 г. // Ф. 558. Оп. 4. Д. 98; № 737 за 1910 г. // там же. Д. 124; № 2093 за 1911 г. // Там же. Д. 166; № 922 за 1912 г. // Там же. Д. 186; № 392 за 1913 г. // Там же. Д. 214), одно

дело Временной канцелярии — в ГАРФ (Ф. 124. Оп. 11. 1902. Д. 119), второе — в РГАСПИ (Ф. 558. Оп. 4. Д. 619).

[36]И. В. Сталин: Альбом. // РГАСПИ. Для служебного пользования; Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1647, 1650, 1652; *Габриэлов Л.*Сталин Т: Альбом. М., 1939; *И. В. Сталин*: [Альбом]. М., 1939; *И. В. Сталин*: [Альбом]. М., 1949; *Hoobler, Dorothy and Thomas.* Joseph Stalin. N.Y., 1985 (дореволюционные изображения И. В. Джугашвили).

[37]ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 44887.

[38]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3432. Л. 116–116 об.

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 480. Л. 1.

[40]Там же. Д. 173. Л. 5.

[41]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5–57-В. Л. 36–39 (Справка по Центральному справочному алфавиту Департамента полиции. 24февраля 1913 г.); Каталог Департамента полиции (И. В. Джугашвили).

[42]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 79. Л. 36–44.

[43]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1912. Д. 46. Л. 193–196.

[44]*Кнатц Б. Г.*Занятие Департамента полиции. 1–5 марта 1917 // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № 6 (19). С. 139–156.

[45]Картотека Департамента полиции (И. В. Джугашвили).

[46]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1908. Д. 2329. Л. 4.

[47]Там же. 1911. Д. 2093. Л. 13а—136.

[48]Там же. 1912. Д. 5–57-В. Л. 40–41.

[49]Там же. Л. 36–39.

[50]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 225.

[51]Список секретных сотрудников, осведомителей, вспомогательных агентов бывших охранных отделений и жандармских управлений. Ч. 1–2. М., 1926–1929. По: *Перегудова З. И.*Политический сыск России. С. 241.

[52]ГАРФ. Ф. 4888 (Архив архива). Оп. 5. Д. 599 (Баку), 673 (Тифлис).

[53]Там же. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41 (дело Иркутского охранного отделения. 17 сентября 1903 — 31 января 1904).

[54]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 628 (дело канцелярии вологодского губернатора. 1908–1911); Д. 632 (дело Вологодского ГЖУ. 1909–1911).

[55]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 645 (дело канцелярии вологодского губернатора. 1911–1912) (фотокопия: ГАРФ. Ф. 1764 Оп. 1. Д. 39); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 172 (дело Волгодского ГЖУ. 1911–1912); Там же. Д. 173 (дело вологодского полицейского управления. 1911–1912) (фотокопия: ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1.Д. 18).

[56]Там же. Д. 40 (дело канцелярии томского губернатора. 1912); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 190 (дело томского уездного полицейского управления. 1912).

[57]Там же. Д. 218 (дело канцелярии енисейского губернатора. 1913–1917).

[58]*Эмексузян В. С.*Сурен Спандарян. Красноярск, 1982. С. 33.

[59]ГИАГ. Ф. 113. Оп. 2. Д. 841. Л. 7–9.

[60]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 426.

[61]Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории: Краткий путеводитель. Фонды и коллекции, собранные Центральным партийным архивом. М., 1993. С. 8.

[62]Наибольшую известность среди них получили: *Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. Кн. 72. Нью-Йорк, 1963. С. 218–236; *Байкалов А.*Мои встречи с Осипом Джугашвили // Возрождение. 1950. Тетрадь 8. Paris, С. 116–119; *Верещак С.*Сталин в тюрьме. Воспоминания политического заключенного // Дни. 1928. 22 и 24 янв; *Вакар Н.* Сталин (по воспоминаниям Н. Н. Жордании) // Последние новости. Париж, 1936. 16 декабря; *Жордания Н. Н.*Моя жизнь. Standford, 1968; *Уратадзе Г.* Воспоминания грузинского социал-демократа. Standford, 1968.

[63]См., например: Каторга и ссылка. Кн. 22. С. 285; Кн. 34. С. 199; Кн. 36. С 114; Кн. 44. С. 189; Кн. 52. С. 175; Кн. 60. С. 84; Кн. 61. С. 194; Кн. 72. С. 7, 9, 18; Кн. 73. С. 61.

[64]В 1935 г. после выступления Л. П. Берии с докладом по истории большевистской организации Закавказья «Заря Востока» начала публиковать мемуарные «отклики» читателей, которые должны были подкрепить изложенную им версию истории социал-демократического движения на Кавказе (Сталинская школа революционной борьбы большевизма // Заря Востока. 1935. 18 сент).

[65]В Государственном архиве политических партий и общественных движений Азербайджана (ГАППиОДА) в фонде «Материалов, созданных Особым сектором ЦК КП

Азербайджана для научно-исследовательской работы» значится дело: «Описи фонда И. В. Сталина, пересланные в ЦК ВКП(б) в 1936 г. заведующим партархивом. 1901–1926 гг. 18 л.» (Ф. 456. Оп. 14. Д. 97). Это значит, что когда-то в Институте истории партии им. С. Г. Шаумяна существовал фонд И. В. Сталина, но выяснить его судьбу не удалось.

[66]Здесь воспоминания об И. В. Сталине сосредоточены в фонде бывшего Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС (Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1 и 2).

[67]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. 87 ед. хр.

[68]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. 52 ед. хр.

[69]Центральный государственный архив историко-политических документов в Санкт-Петербурге. М., 2000. С. 350–354.

[70]Богатая коллекция воспоминаний имеется в Батумском городском краеведческом музее.

[71]К сожалению, мне не удалось ознакомиться с описями архива Дома-музея И. В. Сталина в Гори, так как, по свидетельству его работников, они составлены только на грузинском языке.

[72]*Маркович Р. М.*О Сталине: Краткий указатель литературы. М., 1939; О Сталине: указатель литературы, изданной к 60-летию И. В. Сталина. М., 1940.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В НАЧАЛЕ ПУТИ (1878–1898)

ГЛАВА 1. ДЕТСТВО ВОЖДЯ

Истоки

С именем И. В. Сталина связано много легенд. Легендами окружено и его появление на свет. В уже упоминавшейся повести А. Адамовича «Каратели» (глава «Дублер») описывается, как в воспаленном мозгу вождя неожиданно выстраиваются факты: приезд Александра III в Тифлис, его пребывание во дворце наместника на Кавказе, молоденькая служанка, которую «внезапно сплавили в глухое Гори», торопливая ее выдача «замуж за незаметного осетина сапожника», появление у молодоженов первенца, нареченного Иосифом; и невольно мелькает догадка: а не был ли он, сын сапожника, «нищим принцем»? [{1}].

Версия эффектная. Но она рассыпается в прах при первом же соприкосновении с фактами. Достаточно сказать, что Иосиф родился через несколько лет после свадьбы его родителей [{2}] и был у них третьим сыном [{3}].

Однако, оказывается, Александр III не единственный «претендент» на отцовство вождя народов. В очереди претендентов мы видим известного исследователя Центральной Азии М. Н. Пржевальского [{4}],

тифлисского фабриканта Г. Г. Адельханова [5], горийского виноторговца Я. Эгнатошвили (другое написание — Егнатошвили) [6], «влиятельного чиновника при царе», некоего «зажиточного князя» [7] и «даже купца-еврея» [8].

Никаких доказательств на этот счет не приводится. И вряд ли они могут быть приведены. Поэтому мы должны исходить из имеющихся документов. А они свидетельствуют, что отцом И. В. Сталина был крестьянин Виссарион (Бесо) Иванович Джугашвили, родившийся в 1850 г. в селении Диди Лило [9].

Фамилия Джугашвили буквально означает «сын Джуги», но в Грузии нет имени Джуга, а в грузинском языке отсутствует слово с подобным корнем [10]. Это значит: или данная фамилия не грузинского происхождения, или же первоначально она писалась иначе [11]. Впервые вопрос о ее происхождении был поднят в 1939 г. академиком И. Джавахашвили в его статье, которая так и называется — «О происхождении фамилии вождя народов». По его мнению, когда-то предки И. В. Сталина жили в кахетинском селении Джугаани и по его названию получили фамилию Джугашвили [12].

Между тем в архиве бывшего ГФ ИМЛ хранится рукопись статьи неизвестного автора под названием «Детские и школьные годы Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина)», которая содержит совершенно иное объяснение происхождения его фамилии:

«По рассказу Ольги Касрадзе (близко стоящей к семье И. В. Джугашвили-Сталина) и крестьян из селения Лило, — читаем мы здесь, — фамилия Джугашвили произошла, как они слышали от самого Виссариона, сле-

дующим образом: их прадед жил в горах Мтиулетии (современная Южная Осетия. — *А.О.*) и служил пастухом. Он очень любил животных, ревностно оберегал стадо от всяких невзгод и печалей, и поэтому ему дали прозвище Джогисшвили (что означает „сын стада“)». Это прозвище позднее трансформировалось в фамилию Джугашвили [13].

Убедительность этой версии придает то, что она нашла свое отражение в воспоминаниях матери И. В. Сталина Екатерины Джугашвили, которая утверждала, что первоначально предки ее мужа именовались Берошвили [14].

Если первый Джогисшвили приходился Бесо прадедом, он мог жить в XVIII в., когда в горах Мтиулетии еще шла борьба между грузинами и вторгшимися на их территорию с севера осетинами. Как известно, к концу XVIII — началу XIX в. эта борьба завершилась победой осетин, которые не только подчинили себе, но и заселили территорию, позднее составившую северную часть Горийского уезда, а сейчас называющуюся Южной Осетией [15]. К какой из двух этнических групп, между которыми шла борьба, принадлежал прадед Бесо Джугашвили, мы не знаем.

Первого Джугашвили, чье имя нам известно, звали Заза.

«Есть сведения, — вспоминал учившийся вместе с Иосифом (Сосо) Джугашвили в духовной семинарии Г. И. Елисабедашвили, — что дед Виссариона жил в Ананауре (Душетского района) и его звали Заза. Устроив восстание крестьян и спасаясь от князя Эристави, он сбежал в Горийский уезд. Здесь повторилось то же самое, и он скрывался в горах, где есть церковь Геристави (т. е. вершина

Гери. — *А.О.*). Когда там его проследили, он оттуда перешел в Диди Лило и жил там до смерти» {16}.

«Прадед Сталина по линии отца Заза Джугашвили, — писал друг детства Сосо А. М. Цихитатришвили, — участвовал в крестьянском восстании в Ананурe (Душетский уезд Тифлисской губернии), был арестован, бежал в Горийский уезд и здесь стал крепостным князей Эристави. Снова принял участие в крестьянском волнении и снова бежал. Был пастухом в Геристави, а затем поселился в Диди Лило, селении близ Тифлиса» {17}.

В связи с этим обращает на себя внимание статья Е. Стуруа «Сталин в период учебы в Гори», опубликованная в 1939 г. на страницах ленинградской газеты «Смена». В ней говорилось: «Его (т. е. Сталина. — *А.О.*) предки в начале прошлого столетия проживали в Арагвинском ущелье. В 1802–1804 гг. они принимали участие в крестьянских выступлениях против царских колонизаторов и дворянства. После кровавого подавления восстания они переселились в селение Диди Лило» {18}.

Возникает вопрос, не прадед ли И. В. Сталина фигурировал в показаниях священника Иосифа Пурцеладзе из селения Мерети. Эти показания были даны им 8 декабря 1805 г. майору Рейху и касались участников одного из первых антирусских восстаний в Грузии, возглавлявшегося князем Элизбаром Георгиевичем Эристави. «Я знаю и видел, — сообщил И. Пурцеладзе, — что к сыну кулар агаси Элизбару хаживали осетины, жившие по ту и сю сторону; не проходило и ночи, чтобы одни из них не приходили, а другие не уходили. Элизбаром посылаемые люди были Джука-швили Заза и Таури-хата, но Заза чаще хаживал днем и приводил осетин по ночам» {19}.

Где именно жил Заза Джугашвили, мы не знаем. Можно лишь утверждать, что одним из таких мест могло быть селение Гери, находившееся в северной части Горийского уезда, неподалеку от названного выше селения Мерети и будущей столицы Южной Осетии Цхинвали. Селение Гери расположено на берегу Большой Лиахвы и удалено от Гори на расстояние около 40 км. В 1869 г. это был горный аул, в котором насчитывалось 52 «дыма» и 341 человек. Все они были осетинами [20].

О том, что предки И. В. Сталина когда-то действительно жили в Гери, свидетельствуют воспоминания жены его троюродного брата Нины Ивановны Джугашвили (урожденной Циклаури). «Мой свекор, Георгий Джугашвили, — вспоминала она, — рассказывал, что их предки — выходцы из села Гери — переселились в селение Диди Лило. Он с удивлением добавлял, что ему непонятно это переселение, так как из окрестностей Диди Лило семь деревень сбежало из-за постоянных ветров» [21].

И далее: «Точно не могу сказать, кто переселился из Гери — Иван (отец Виссариона) или Николай (отец моего свекра Георгия) или же их отец, но Георгий и Виссарион рождены в селении Диди Лило и жили на восточной окраине села (около теперешнего сельсовета) (писано в 1949. — *А.О.*). Тут они жили в одной землянке (теперь на этом месте построен дом, дом сыновей Георгия — Сандро и Николо)» [22].

Об этом же писал и А. М. Цихитатришвили: «Предки Джугашвили рождены не в Гори. Они жили в селении Гери (Горийский уезд, Лиахвинское ущелье). Как все крестьяне этого ущелья, они также были крепостными князей Мачабели», «о том, что живущие в Лило Джугашвили

являются выходцами из Гери, я слышал как от своего отца, так и от самой тети Кеке (матери И. В. Сталина. — *А.О.*). Кроме того, в моей памяти не изгладилось, что Бесо и Кеке часто вспоминали Гери и ходили туда молиться как в молельню своих предков» {23}.

В воспоминаниях А. М. Цихитатришвили содержится описание обстоятельств, при которых произошло переселение Джугашвили из Гери в Диди Лило. «У Джугашвили, — отмечал он, — был старый дедушка, не то Зура, не то Заза (если только я не ошибаюсь), который находился в сношениях с князем Мачабели. После его смерти его дети и внуки вместе с частью деревни собрали свои пожитки и попросили нового владетеля Мачабели, бежавшего из персидского плена и известного своей добротой, поселить их где-нибудь по направлению к Кахетии. Этот Мачабели как бежавший из плена был награжден тогдашним правительством большими поместьями и дианбегством в Йоркском ущелье до Тифлиса. Он уважил просьбы горцев и поселил их в селении Лило» {24}.

В данном случае речь идет о правнуке князя Баадура Мачабели — Хусейне, бежавшем из Турции, принявшем христианство, получившем имя Михаил Васильевич и перешедшем на русскую службу. Став подполковником, он в 1812 г. был назначен правителем селений Лило, Марткоби и Нори {25}. А поскольку, как установил грузинский историк А. Г. Матиашвили, впервые фамилия Джугашвили упоминается в документах селения Диди Лило в 1819 г. {26}, можно утверждать, что сюда Джугашвили переселились не ранее 1812 г. — не позднее 1819 г.

Селение Лило располагалось на расстоянии примерно 15 км от Тифлиса {27}. В ведомости 1802 г. о

разделении Грузии на уезды оно значится как казенное, а о его жителях сказано: «окрещенные из осетин» [28]. Со временем это селение расстроилось, часть его жителей перебралась на новое место, в результате чего возникло два селения: одно стало называться Диди Лило, что означает Большое Лило, другое — Патара Лило, т. е. Малое Лило [29].

По всей видимости, именно здесь, в Диди Лило, М. В. Мачабели получил земельное пожалование, которое в конце XIX — начале XX в. фигурирует среди имений, заложенных в Тифлисском дворянском земельном банке. До сих пор в Диди Лило имеется здание, которое жители называют «домом Мачабели» [30]. К началу 70-х гг. XIX в. Диди Лило состояло из 81 двора, в которых проживало 477 человек. К этому времени оно являлось административным центром Лилойской волости и входило в состав Сартачальского полицейского участка, центром которого была немецкая колония Мариенфельд [31].

По сведениям грузинского историка А. Г. Матиашвили, первого Джугашвили, упоминаемого в документах в селении Диди Лило, звали Иосиф. У него был сын, получивший известность под именем Вано или Иван, но носивший еще несколько имен (факт, распространенный в Грузии того времени), в том числе имя Милий [32]. Как утверждала жена одного из троюродных братьев И. В. Сталина, Н. И. Джугашвили, Вано имел брата Николо [33].

У Николо были сын Георгий, женатый на Марте Пухашвили, и два внука: Сандро (1884–1923) и Николо (1888–1945). Николай Георгиевич Джугашвили женился на Машо Каркусадзе и умер бездетным, его могила со-

хранилась в селении Диди Лило. Сандро от брака с Ниной Ивановной Циклаури (1902–1975) из селения Швиндадзе имел только дочь Елену (1918–1961), ставшую женой Георгия Арсошвили (не вернулся с Великой Отечественной войны). После него остались дочь Венера (1937–1961), умершая незамужней, и сын Нугзар (р. 1940). Таким образом, эта ветвь Джугашвили пресеклась. Сейчас в Диди Лило живут потомки Арсошвили: Нугзар Георгиевич (женат на Манвелите Вахтанговне Квелашвили, р. 1941) и их дети: Георгий (р. 1964) и Манана (р. 1965), сын Коба (р. 1973) в 1996 г. служил на границе [34].

«Среди поселившихся в Лило Джугашвили, — вспоминал А. М. Цихитатришвили, — выдвинулся Вано, у которого родились два сына: Бесо и Георгий [35]. Вано развел виноградники и установил связь с городом, куда возил и своего сына. После его смерти Георгий был убит разбойниками в Кахетии, а Бесо ушел в город (Тифлис) и здесь стал работать на заводе Адельханова, где выдвинулся и получил звание мастера» [36].

Поскольку виноградником в Грузии никого не удивишь, приведенные слова, по всей видимости, следует толковать таким образом, что Вано Джугашвили не только обеспечивал виноградом себя, но и занимался его продажей в городе. С этим вполне согласуются сведения, что сын Вано Георгий уже не занимался сельским хозяйством, а владел харчевней на проезжей дороге в селении Манглис (одно из мест отдыха грузинской аристократии) [37].

Если бы события развивались естественным путем, вероятнее всего, сыновья Вано Джугашвили пополнили бы ряды формировавшейся грузинской буржуазии. Одна-

ко в 60-е гг. в семье Джугашвили что-то произошло. Сравнительно молодым (ему еще не было 50 лет) умер Вано. Вскоре погиб Георгий. По словам Нугзара Арсошвили, он был убит грабителями, напавшими на его харчевню, после чего Бесо вынужден был покинуть Диди Лило. В семье Арсошвили, со слов их предков, это объясняется тем, что он бежал, спасаясь то ли от налогов, то ли от долгов. Первоначально он нашел убежище в Цинандали, затем перебрался в Тифлис [{38}].

Считается, что здесь Бесо стал рабочим на обувной фабрике Г. Г. Адельханова [{39}]. Однако фабрика Г. Г. Адельханова была создана только в 1875 г. [{40}]Следовательно, или первоначально Бесо работал в Тифлисе в каком-то другом месте, или же если находился на службе у Г. Г. Адельханова, то не в качестве рабочего обувной фабрики.

Согласно мемуарным источникам, на рубеже 60–70-х гг. горийский купец Иосиф Барамов (Барамянц) заключил соглашение с военным ведомством на поставку и ремонт обуви для горийского гарнизона и с этой целью открыл в Гори обувную мастерскую, в которую пригласил около 25 сапожников. Среди них был и Бесо Джугашвили [{41}].

«Виссарион в Гори приехал из Тбилиси, — вспоминала мать А. М. Цихитатришвили Мария Кирилловна (урожденная Абрамидзе), — торговец обувью В[ано] Барамов (видимо, сын Иосифа. — *А.О.*) выписал его из города (Тбилиси) как лучшего мастера» [{42}]. «Он, — вспоминала о Бесо Джугашвили Ефимия Зазашвили, — снимал комнатку в Русском квартале в доме Кулумбегиани [[11]]недалеко от нас» [{43}].

Когда именно произошло переселение Бесо из Тифлиса в Гори, остается пока неустановленным. В литературе фигурирует дата — 1870 г. [44] Она ничем не подтверждена, но представляется близкой к действительности. Если это так, то в Гори Бесо появился, когда ему было около 20 лет.

Имеются сведения, что он умел читать по-грузински и на память цитировал целые фрагменты из поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» [45]. По данным переписи 1897 г., в Тифлисской губернии только 16 % всего населения знало грамоту, этот показатель поднимался в городе до 46 %, а в сельской местности опускался до 8 %. Если же учесть возраст Бесо, можно смело утверждать, что среди его ровесников грамоту знало не более 5 % [46]. Имеются также мемуарные свидетельства, что на бытовом уровне он мог общаться на четырех языках: армянском, грузинском, русском и тюркском. А поскольку он не имел образования, эти знания были получены им самостоятельно, что характеризует его как очень способного человека.

До сих пор известна только одна фотография Бесо, которая демонстрируется в Доме-музее И. В. Сталина в Гори. С этой фотографии на нас смотрит уже старый человек в кепке, с лицом, заросшим бородой [47]. К сожалению, оригинал ее не известен. Не удалось обнаружить сведений ни о ее происхождении, ни о времени, к которому она относится. В результате остается неясным, на основании чего было установлено, что на ней изображен Бесо Джугашвили [48].

Весьма ограничен круг материалов, которые содержат описание и характеристику Бесо. Одно из описаний

принадлежит Нико Тлашадзе, бывшему сверстнику Сосо Джугашвили, жившему по соседству с ним.

«Когда приходил отец Сосо, Бесо, — вспоминал Н. Тлашадзе, — мы избегали играть в комнате. Бесо был очень своеобразным человеком. Он был среднего роста, смуглый, с большими черными усами и длинными бровями, выражение лица у него было строгое, он ходил всегда мрачный <...>, носил короткий карачогельский архалук и длинную карачогельскую черкеску, опоясывался узким кожаным поясом, надевал сапоги, заправляя шаровары в голенища, шапку носил с козырьком» {49}. Котэ Хаханишвили запомнил Бесо высоким, худым, в черной черкеске {50}.

Еще более ограниченными сведениями мы располагаем о матери И. В. Сталина. Как явствует из ее собственных воспоминаний, она была дочерью крепостного крестьянина князей Амилахвари {51}. В одних случаях фамилия ее отца пишется Геладзе, в других — Гелашвили, а имя обозначается как Глах, Габриэль и Георгий. Поэтому и его дочь называется то Георгиевной, то Гавриловной, то Габриэловной {52}. Фамилия Геладзе широко распространена в районе Казбеги (Южная Осетия) {53}, на основании чего, по всей видимости, возникла версия об осетинском происхождении матери И. В. Сталина {54}.

Глах Геладзе жил в селении Свенети, неподалеку от города Гори, и, по некоторым данным, являлся гончаром или кирпичником. Его женой стала Мелания Хомезурашвили, тоже бывшая крепостной князей Амилахвари и проживавшая в селении Плави Горийского уезда. По воспоминаниям Е. Г. Джугашвили, поженившись, ее родители покинули родные места и в поисках заработка отпра-

вились в селение Гамбареули (предместье Гори) {55}.

Это селение получило свое название по фамилии находившейся в нем усадьбы армян Гамбаровых (Гамбарянц). В начале XIX в. ее владельцем, по всей видимости, был Захарий Гамбаров, после смерти которого осталось по крайней мере три сына — Кикола, Георгий и Захарий. Георгий скончался в 1849 г., Кикола — не позднее 1852 г. Поэтому в 50-е гг., когда Глах Геладзе поселился в Гамбареули, владельцем этого селения мог быть Захарий Захарьевич Гамбаров {56}.

Гамбареули славилось своими садами. Одним из садовников стал Глах Геладзе {57}. От брака с Мелание́й Хомезурашвили он имел двух сыновей (Глаха и Сандала) и дочь Кеке, Екатерину {58}. Известно, что у Глаха (Георгия Георгиевича) была жена, которую звали Софьей, жену Сандала (Сандро) звали Кеке. Глах не оставил потомства, и на нем эта ветвь Геладзе пресеклась. Были ли дети у Сандала, неизвестно {59}.

В некрологе, опубликованном 8 июня 1937 г. на страницах «Зари Востока», говорилось: «Екатерина Георгиевна Джугашвили (урожденная Геладзе) родилась в 1856 г. в селении Гамбареули близ города Гори в семье крепостного крестьянина. До 9 лет Екатерина Георгиевна росла в деревне и вместе со своей семьей испытывала нужду и гнет помещика. В 1864 г. после отмены крепостного права семья Геладзе переселилась из деревни в город Гори» {60}.

По воспоминаниям Ефимии Зазашвили, семья Геладзе обосновалась в Русском квартале {61}. Глах Геладзе умер очень рано, и оставшаяся с тремя детьми на

руках Мелания вынуждена была искать поддержки у своего брата Петра, тоже жившего в Гори [62]. Вскоре умерла и Мелания, в результате чего все ее дети оказались на попечении брата. «Я, — вспоминала троюродная сестра И. В. Сталина по матери Нина Михайловна Баланчивадзе (урожденная Мамулова, Мамулашвили), — слышала от матери, что Екатерина Джугашвили, оставшись в детстве круглой сиротой, воспитывалась в семье моего деда Петра Хомезурашвили» [63].

С детства Екатерину не только приучили к труду. Она получила домашнее образование: научилась читать и писать по-грузински [64]. Если в середине XIX в. редкостью был грамотный крестьянин, еще большей редкостью была грамотная крестьянка. Это свидетельствует о том, что семья бывшего крепостного Петра Хомезурашвили тоже была необычной семьей.

В 1872 г. Кеке исполнилось 16 лет, и ей стали искать жениха. За дело взялись свахи, которые сосватали ее за Бесо Джугашвили [65].

Как явствует из метрической книги горийского Успенского собора, они поженились 17 мая 1874 г. Обряд венчания был совершен протоиереем Хахановым, запись о бракосочетании сделал священник Николай Яковлевич Касрадзе. Свидетелями со стороны жениха были жители Гори крестьяне Алексей Николаевич Зазаев (Зазашвили), Николай Ясеевич Копинов и Иван Иосифович Шарамов (видимо, описка, и нужно читать: Барамов), а со стороны невесты — горийские горожане Иван Степанович Мамасахлисов, Иван Глахович Мечитов и Степан Георгиевич Галустов [66].

Первый ребенок у Бесо и Кеке появился на свет 14 февраля 1875 г. Его окрестили Михаилом (так звали того Мачабели, при котором произошло переселение Джугашвили из Гери в Диди Лило). В качестве восприемника, т. е. крестного отца, был приглашен крестьянин с княжеской фамилией Шалва Бежанович Мачабелишвили (Бежаном звали брата Михаила Васильевича Мачабели). Первенец прожил лишь одну неделю и 21 февраля умер {67}.

Второй ребенок родился 24 декабря 1876 г., его окрестили Георгием. Так звали родного и двоюродного братьев Бесо, так звали брата Михаила Мачабели. Восприемником при крещении Георгия стал местный виноторговец Яков Эгнатошвили. Георгий тоже прожил недолго и 19 июня 1877 г. умер от кори {68}.

Долгое время считалось, что третий сын Бесо и Кеке Иосиф (Сосо) [12]родился 9/21 декабря 1879 г. {69}. Однако, как свидетельствует запись в метрической книге горийского Успенского собора, Иосиф Джугашвили появился на свет 6/18 декабря 1878 г. и был крещен 17/29 декабря того же года {70}. Первым на это в 1990 г. обратил внимание историк Л. М. Спирин {71}.

М. К. Абрамидзе-Цихитатришвили утверждала, что роды принимала ее сноха Мариам {72}. Восприемником при крещении Сосо стал Михаил Шиоевич Цихитатришвили {73}. Однако Екатерина Джугашвили почему-то называла крестным отцом своего третьего сына Якова Эгнатошвили {74}.

Первые десять лет

Город Гори, в котором встретились родители Сосо Джугашвили, в котором он появился на свет и провел свои первые годы, представлял собой один из захолустных уездных городов Российской империи. Однако удаленный от столицы на тысячи верст, он выгодно отличался от многих других уездных центров страны.

Прежде всего необходимо учитывать, что Гори возник на скрещении трех дорог: одна из них вела на запад, к Черному морю, другая — на восток, к Каспийскому морю, третья — через Цхинвальский перевал на север, в Европейскую Россию [1]. В результате этого Гори долгое время являлся важным торговым и военно-стратегическим пунктом на Кавказе, для обороны которого была возведена крепость [2]. Под защиту ее стен стекались со своими грузами купцы, среди которых на Кавказе особую роль играли армяне [3].

Необходимо также учитывать, что в основе грузинского языка лежит карталинский диалект, а столицей Картли с XVII в. был город Гори [4]. Именно поэтому в нем самом и вокруг него раскинулись усадьбы многих представителей грузинской дворянской аристократии, в том числе представителей правящей династии Багратидов (получившей позднее титул светлейших князей Грузинских), а также таких ветвей этого рода, как князья Багратион-Мухранские и Багратион-Давыдовы [5].

Значение Гори и Горийского уезда определялось и тем, что бывший с 1862 по 1881 г. наместником на Кавказе брат Александра II великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) [6] облюбовал расположенное близ

Гори селение Боржоми, создал здесь свою летнюю резиденцию и добился передачи ее ему в собственность [7]. В результате Боржоми превратилось в место летнего отдыха не только семьи великого князя, но и других членов императорской фамилии.

Город Гори подразделялся на несколько районов. «Старая часть города, расположенная у подножья крепости, называлась Цихис-убани, т. е. крепостной участок. Средняя часть города, где были сосредоточены новые строения и церкви, носила название Вардис-убани — родовой участок. Окраина города именовалась Гарет-убани. Впоследствии прибавился еще новый участок, Руссис-убани, т. е. Русский участок, названный так потому, что там жили русские переселенцы» [8].

Как явствует из описания города, составленного в 1881 г. А. И. Джаваховым (Джавахишвили), к этому времени в нем насчитывалось 36 улиц, 1360 зданий и около 6 тыс. жителей, из которых 3495 человек составляли армяне, затем шли грузины — 2250 человек, остальные 254 человека считались русскими, хотя правильнее было бы назвать их русскоязычными [9].

В 1886 г. в семейных списках города Гори значилось 7243 человека, из них 3807 — грузины, 2894 — армяне, 373 — русские, 169 — представители других национальностей [10].

Одна из причин расхождения между данными 1881 и 1886 гг. связана с тем, что значительную часть населения города составляли огрузинившиеся армяне, т. е. армяне, хотя и сохранявшие сознание о своей принадлежности к армянскому этносу, но уже перешедшие в православие и забывшие свой родной язык.

В городе имелось 7 армяно-григорианских храмов, 6 православных церквей и один римско-католический собор. По принципу вероисповедания население распределялось следующим образом: православные — 4166 человек, армяно-григорианская община — 2876, католики — 118, молокане — 53, иудеи — 18, лютеране — 8 и суниты — 4 человека [11].

Особое место в Гори занимала римско-католическая община, которая имела связи не только на территории Кавказа и России, но и далеко за ее пределами. Горийские купцы торговали с Персией, Турцией, со странами Западной Европы.

Несмотря на то что Гори представлял собой небольшой уездный городок на далекой окраине Российской империи, на рубеже XIX–XX вв. в нем было шесть учебных заведений: учительская семинария, женская прогимназия; три училища: городское, духовное православное и духовное армянское, а также женская начальная школа. Причем один ученик приходился примерно на десять жителей города. В Тифлисе это соотношение составляло 1: 15, а на территории всего Кавказа 1:30 [12].

В этом разноплеменном, разноязыком, разделенном на разные сословия и поклонявшемся разным богам мире, где рядом уживались роскошь и нищета, сила и бессилие, закон и произвол, образованность и невежество, в этом мире предстояло начать свою жизнь сыну сапожника Сосо Джугашвили.

Кто же окружал его? С кем он общался? Кто открывал ему глаза на окружающий мир? Кому сознательно или же неосознанно он пытался подражать? Кто помогал

ему делать первые шаги на этой земле, а может быть, и оказал влияние на его будущее?

Прежде всего, это были его родители и самые ближайшие родственники.

Что касается родственников Бесо, то они находились в Диди Лило, и контакты с ними имели только эпизодический характер.

Иначе обстояло дело с родственниками по материнской линии. В первую очередь это касается братьев Кеке, Глаха и Сандала. Один из них был кирпичником, другой — гончаром {13}.

Кроме них в Гори жил дядя Кеке по матери Петр Хомезурашвили, о котором пока известно лишь, что он имел дочь Марию, ставшую женой владельца местной харчевни Михаила Мамулова (Мамулашвили). По воспоминаниям их дочери Нины Михайловны Мамулашвили (в замужестве Баланчивадзе), ее семья находилась в родстве с семьей горийских дворян Алхазовых, которые в свою очередь были связаны родственными узами с князьями Эристави [13]{14}.

Имеются сведения, что Кеке дружила с Елизаветой Алексеевной Хабелашвили, бывшей женой местного фельдшера Тлашадзе. «Наша семья, — вспоминала Мария Зааловна Хабелашвили (в замужестве Китиашвили), — жила напротив семьи Джугашвили. Мы были дальними родственниками» {15}.

К числу лиц, составлявших ближайшее окружение Бесо и Кеке Джугашвили, принадлежали те, с кем они находились в так называемом крестном родстве. Здесь прежде всего следует назвать семью Кирилла Абрамидзе, дочь которого Мария стала женой М. Ш. Цихитатришви-

ли. «Мать Кеке Мелания, — вспоминал А. М. Цихитатришвили, — и моя бабушка были крестницами» {16}. В свою очередь Бесо Джугашвили являлся кумом горийского жителя Давида Гавриловича Шебуева {17}. В этот список необходимо включить Ш. Б. Мачабелишвили, участвовавшего в крещении первого сына Бесо Джугашвили, Якова Эгнатошвили, крестившего его второго сына, и крестного отца Сосо — Михаила Шиоевича Цихитатришвили.

В ближайшее окружение семьи Джугашвили входили также лица, присутствовавшие на свадьбе Бесо и Кеке в качестве свидетелей: И. И. Барамов, С. Г. Галустов, А. Н. Зазаев, Н. Я. Копинов, И. С. Мамасахлисов, И. Г. Мечитов.

Что представлял собой Ш. Б. Мачабелишвили, остается пока неизвестным. Я. Эгнатошвили имел винный погреб, «торговал главным образом белым атенским вином» {18}, М. Ш. Цихитатрищвили владел бакалейной лавкой напротив духовного училища {19}. Колониальными товарами торговал И. С. Мамасахлисов {20}. С торговлей были связаны С. Г. Галустов {21} и И. Г. Мечитов {22}.

Иван Иосифович Барамов являлся купцом 2-й гильдии и, по всей видимости, был сыном того самого Иосифа Барамова, по предложению которого Бесо Джугашвили переселился из Тифлиса в Гори. Умер он рано, оставив после себя жену Елену Антоновну, о которой известно, что она была немкой, и двоих детей: сына Иосифа и дочь Елену {23}.

С кем еще дружили или же поддерживали отношения родители Сосо?

Вероятнее всего, с соседями. Из их числа нам известны семьи Гогнидзе и Надирадзе. «Мать Коба, — писал Элизбар Ревазович Гогнидзе, — была хорошим другом нашей семьи, ежедневно ходила к нам в дом к моей матери» [24]. «Родились мы, — вспоминал Илья Павлович Надирадзе, — в соседних хатах», а невестка И. П. Надирадзе (жена его брата) Анико утверждала, что они находились с Кеке в приятельских отношениях [25]. Имеются сведения, что Кеке поддерживала отношения с Марией Андреевной Айвазовой, которая стала женой армянского торговца Аршака Нерсесовича Тер-Петросянца, матерью знаменитого боевика Камо [26].

Э. С. Радзинский называет еще одну подругу Кеке — Хану Мошиашвили, бывшую женой торговца Иосифа Мошиашвили, но никаких доказательств в обоснование этого не приводит [27]. В справочнике «Вся Россия» на 1903 г. фигурирует торговец Иосиф Мошиашвили, но не в Гори, а в находившемся неподалеку от него селении Карели [28].

Э. С. Радзинский утверждает также, что семья Джугашвили пользовалась покровительством местного торговца Давида Писмамедова [29]. Однако обнаружить в документах и справочной литературе эту фамилию не удалось. Не исключено, что в данном случае допущена ошибка, которыми пестрит вся книга Э. Радзинского, и фамилию Писмамедов нужно читать как Папис-медов. Но проживали ли представители этой фамилии в Гори и тем более были ли знакомы с Джугашвили, остается неизвестным.

Те очень скудные, фрагментарные сведения о ближайшем. окружении, в котором рос Сосо Джугашвили, показывают, что в основном это была мелкая городская

буржуазия, представители самых разных национальностей: армяне, грузины, евреи, немцы, осетины, русские.

После свадьбы молодожены поселились на новом месте. Первые годы своей жизни Сосо провел на Красногорской улице в доме 10 (фото 1) {30}. «Семья Бесо, — вспоминала М. К. Цихитатришвили, — жила в доме осетин, которых называли „османул", дом был из двух комнат, оштукатуренный, под низом был подвал. В одной узкой маленькой комнате, где жила семья Кеке, пол был кирпичным» {31}.

Бесо оставил работу у Иосифа Барамова и открыл собственную мастерскую.

Первые пять лет в жизни Сосо были самыми беззаботными. Есть сведения, что в это время мастерская Бесо процветала, заказы увеличивались, и наконец наступил момент, когда он перестал справляться с ними один. Тогда в его мастерской появились помощники. Удалось установить фамилии двух его учеников: Давид Гаситашвили и Вано Хуцишвили. Оба не только трудились в мастерской, но и жили в семье Джугашвили {32}.

«Когда меня определили к Бесо, — вспоминал Давид Гаситашвили, — Сосо только начинал говорить». Следовательно, это было около 1880 г. «Среди людей нашего ремесла, — отмечал Давид Гаситашвили, — Бесо жил лучше всех. Масло дома у него было всегда. Продажу вещей он считал позором» {33}.

В эти годы Кеке могла заниматься только домашним хозяйством и воспитанием ребенка. Сосо рос болезненным и требовал особого внимания. Ему было около двух лет, когда он тяжело заболел. При одной мысли, что она может лишиться третьего сына, Кеке не находила себе

места [34]. Отличаясь набожностью, она часто ходила молиться за здоровье своего сына в селение Арбо, которое располагалось неподалеку от селений Гери и Мерети [35]. Кеке казалось, что бог услышал ее мольбы и сохранил жизнь ее единственного ребенка.

По воспоминаниям Софьи Чантурия, около 1883 г., «когда Иосифу исполнилось четыре года», Джугашвили «переселились на Артиллерийскую улицу» [36]. С этого момента они в буквальном смысле этого слова начали кочевать по городу, перебираясь с одной квартиры на другую. Пока не удалось восстановить всю последовательность этих перемещений. Но известно, что с 1883 по 1888 г. они сменили не менее четырех адресов: Красногорская улица (до 1883 г.), Артиллерийская улица (не ранее 1883 г.), Меджврисхенская улица (около 1886 г.), переулок Павловской улицы — дом Чарквиани (около 1887–1888 гг.) [37].

«После Чарквиани, — вспоминала Ефимия Зазашвили, — они еще несколько раз меняли квартиру». Имеются сведения, что «одно время» Джугашвили «жили в районе Чуткеровых, ныне по улице Церетели», возле сада Эристави [38], затем снимали комнату во дворе дома Кипшидзе, а также «напротив учительской семинарии», видимо, на Семинарийской улице, которая позднее была названа именем И. В. Сталина [39], наконец обосновались «возле собора», по одним данным, на Соборной, по другим — на Церковной улице, переименованной в улицу Руставели [40]. Причем и здесь в воспоминаниях фигурируют не одно, а по крайней мере два места жительства: «дом Грикурова» [41] и «дом Баградова» [42].

Получается, что за десять лет родители Сосо сменили как минимум девять мест жительства.

Объяснение этого, видимо, заключается в том, что около 1883 г. семья Джугашвили стала распадаться.

Обычно причину семейного разлада видят в увлечении Бесо вином. Однако и сама причина такого увлечения тоже требует объяснения. Рискну высказать предположение. Не относятся ли к этому времени первые слухи о неверности Кеке, которые продолжают жить в Грузии даже сейчас и которые привели к появлению названных выше версий об отцовстве Сосо? Мы не знаем, имели ли они под собой основание, но то, что они могли отравить семейную жизнь и стать причиной запоев Бесо, вполне вероятно.

С этого момента Бесо начал терять клиентуру. Его мастерская перестала обеспечивать семью. И Кеке была вынуждена искать дополнительные заработки. В связи с этим Сосо все больше и больше был предоставлен сам себе. И чем меньше становилось влияние семьи, тем сильнее становилось влияние улицы.

Сохранившиеся воспоминания в своем подавляющем большинстве рисуют почти идеальные отношения между Сосо и его сверстниками. Однако есть основания усомниться в этом.

Здесь прежде всего необходимо учитывать, что около 1884 г. Иосиф перенес оспу. А. М. Цихитатришвили вспоминал: «Сосо в детстве был очень слабым. Особый отпечаток на него наложила оспа, которой он сильно болел», «Сосо выжил, только лицо и руки у него остались рябыми» [{43}]. В результате у него появилась кличка Чопур, что означает Рябой [{44}]. Так позднее не

стеснялись называть его на Кавказе даже взрослые, в связи с чем эта кличка попала в жандармские документы. А среди петербургских меньшевиков он был известен позднее как Иоська Корявый [45].

Вряд ли в детстве сверстники Сосо, особенно его недруги, были великодушнее.

Известно также, что И. В. Джугашвили имел дефект левой руки. В медицинском деле вождя на этот счет сказано: «Атрофия плечевого и локтевого суставов левой руки вследствие ушиба в шестилетнем возрасте с последующим длительным нагноением в области локтевого сустава» [46]. Это значит, что дефект левой руки появился около 1884–1885 гг.

О причине его появления имеются несколько версий. По свидетельству П. Чарквиани и П. Гаришвили, Сосо вывихнул руку, «катаясь на санках» [47]. М. Монаселидзе утверждал, что «Сосо повредил себе левую руку во время борьбы» [48]. А. И. Хуцишвили вспоминал, что в детстве Сосо попал под фаэтон [49].

В любом случае с шести лет Сосо стал терять способность играть в некоторые детские игры. А поскольку он с детства был склонен к лидерству, это не могло не затрагивать его детское самолюбие и, видимо, являлось одной из причин его постоянных конфликтов со сверстниками. «До того как его (Сосо. — *А.О.*) не определили в училище, — вспоминал Котэ Чарквиани, — не пробило дня, чтобы на улице кто-либо не побил его и он не возвратился бы с плачем или сам кого-либо не отколотил» [50].

Все это вместе взятое должно было способствовать формированию у него некоторой отчужденности по отно-

шению к сверстникам, озлобления и жестокости по отношению к обидчикам.

К этому необходимо добавить, что на протяжении столетий Грузия была ареной непрекращающихся войн. Поэтому воспитание жестокости было неотъемлемой частью общественного воспитания. Мужчина готовился стать воином. А воин должен быть способным убивать. Эти традиции сохранялись и в последующем. Одной из форм подобного воспитания были кулачные бои, проводившиеся взрослыми по праздникам и воспроизводившиеся детьми между праздниками.

Воспитанию жестокости способствовали и некоторые детские игры. Многие сверстники Сосо имели рогатки и самопалы. Имел их и Иосиф. «Сосо, — вспоминала его соседка Аника Надирадзе, — был живой и шаловливый ребенок. Я помню, он очень любил убивать птичек из рогатки» {51}. Об этом вспоминали и некоторые другие его сверстники, отмечая, что Кеке не ругала сына за подобные «шалости» {52}.

В 1886 г., когда Сосо шел восьмой год, по всей видимости, была сделана первая попытка определить его в школу. Об этом свидетельствуют два сохранившихся документа: копия его метрического свидетельства, датированная 19 августа 1886 г. {53}, и справка о состоянии его здоровья, тоже выданная в августе того же года, правда, без указания конкретного числа {54}.

Кеке хотела, чтобы ее сын стал священником.

Однако, кроме того, что двери Горийского духовного училища были открыты главным образом для выходцев из духовного сословия, на пути к осуществлению желания Кеке имелось еще одно важное препятствие: обуче-

ние в училище велось на русском языке. Между тем, несмотря на то что Сосо жил в русском квартале, с детства слышал русскую речь и, вполне возможно, даже понимал отдельные фразы, для того чтобы сесть за парту духовного училища, этого было недостаточно.

В 1886–1887 гг. семья Джугашвили переселилась в дом, принадлежавший священнику Христофору Чарквиани, который в это время имел приход в окрестностях Гори.

«Сосо Джугашвили было около семи лет, — вспоминал сын Христофора Котэ, — когда я впервые познакомился с ним. Мы тогда жили в Гори. В переулке Павловской улицы имели двухэтажный дом. На одном этаже жили мы: я, брат мой Петя, сестры и бабушка; второй же мы сдавали внаем. Мне было тогда 12 лет, учился я во втором классе духовного училища. Как раз в это время освободилась наша вторая комната. Очень скоро мы приобрели новых квартирантов — Кеке и Бесо Джугашвили со своим сыном Сосо» {55}.

Это было время, когда Бесо уже крепко запивал и семья понемногу распадалась. «Дядя Бесо, — отмечал Котэ Чарквиани, — с каждым днем сворачивал с пути, начал пить, бывали неприятности с тетей Кеке. Бедная тетя Кеке! Входила, бывало, к нам и изливала душу с бабушкой. Жаловалась, что дядя Бесо уже не содержит семью» {56}.

Поскольку поступление Сосо в духовное училище в 1886 г. не состоялось, Кеке обратилась к детям Христофора Чарквиани с просьбой, чтобы они обучили ее сына русскому языку. Те согласились. Занятия начались. Они

шли настолько успешно, что уже к лету 1888 г. Сосо приобрел необходимые знания и навыки [57].

Летом 1888 г. Христофор Чарквиани отвел Сосо в духовное училище и, согласно легенде, которая жила в семье Чарквиани, выдал его за сына своего дьякона [58]. Однако этого быть не могло, так как при поступлении представлялись соответствующие документы, в том числе свидетельство о рождении.

В духовном училище

Из свидетельства об окончании Горийского училища, которое было выдано И. Джугашвили в 1894 г. (фото 7), явствует, что он поступил в училище «в сентябре 1890 г.» [1]. По воспоминаниям же, он начал учиться здесь в 1888 г. [2].

Причина этих расхождений заключается в следующем. Поскольку преподавание в училище велось на русском языке, а большинство грузинских мальчиков даже из духовного сословия не знали его или же знали очень плохо, при училище был открыт подготовительный класс, главным образом по русскому языку [3]. Одного года для овладения им оказалось недостаточно. В начале 80-х гг. XIX в. срок предварительного обучения был увеличен до двух лет [4], а в конце 80-х — до трех [5].

Поэтому, прежде чем сесть за парту училища, Сосо тоже должен был пройти предварительную подготовку. Между тем к 1888 г. он настолько хорошо овладел русским языком, что его приняли сразу в старший подготовительный класс. «Маленький Сосо выгадал целый год, — вспоминал один из его однокашников Петр Капанадзе.

— Его приняли не в первый подготовительный класс духовного училища, а сразу во второй» [6]. Этот факт отмечал и Давид Силаридзе: «В подготовительное отделение Горийского духовного училища я поступил в сентябре 1886 г. Товарищ Сосо Джугашвили меня догнал во втором классе, в котором я остался на второй год», т. е. в 1888 г. [7].

Среди тех, с кем Сосо познакомился в училище, прежде всего следует назвать сына священника из селения Тквиави Вано Кецховели. Вспоминая о своем знакомстве с будущим вождем, В. Кецховели писал: явившись 1 сентября 1888 г. в училище, «я <…> увидел, что среди учеников стоит незнакомый мне мальчик, одетый в длинный, доходящий до колен архалук, в новых сапогах с высокими голенищами. Он был туго подпоясан широким кожаным поясом. На голове у него была черная суконная фуражка с лакированным козырьком, который блестел на солнце» [8].

Что же поразило Вано?

Оказывается, «ни одного ученика в архалуке ни в нашем, ни в каком-либо другом училище не было. Ни сапог с высокими голенищами, ни фуражек с блестящими козырьками, ни широких поясов ни у кого из наших сверстников не было. Одежда Сосо, которую он носил в то время, была совершенно непривычна для нас. Учащиеся окружили его и щупали его архалук, пояс, фуражку и сапоги с голенищами» [9].

Имеются и другие описания внешнего вида Сосо, относящиеся, правда, к разным периодам его обучения в Горийском духовном училище.

Илья Размадзе: «Маленького роста, худощавый, на нем узкие брюки в сапогах, рубашка, сзади в складках собранная, на шее шарф (шарф была детская гордость), на голове карталинская круглая шапка, через правое плечо висела сшитая из материи сумка, довольно длинная, в ней книги, из сумки выделялся ломтик хлеба, а как поспешит, сумка била по левому боку» {10}.

Учитель пения С. П. Гогличидзе: «Сосо был одет небогато, но все на нем было чисто и аккуратно. Летом он ходил в белом — в парусиновой рубахе и таких же брюках, а зимой в полушалевой одежде. В холодные дни он надевал пальто, он носил сапоги и простую фуражку» {11}.

«Иосиф, — писал Г. Глурджидзе, — был в училище одним из самых опрятных учащихся. Любившая его до безумия мать, несмотря на свой ограниченный заработок, не скупилась на одежду Сосо. Мальчик носил хорошие сапоги, пальто из серого кастора. Помню даже его зимний башлык домашнего изготовления. Иосиф выглядел всегда чистеньким и аккуратным» {12}.

А вот другое свидетельство: «На Иосифе было синее пальто, сапоги, войлочная шляпа и серые вязаные рукавицы. Шея обмотана широким красным шарфом… в школу он ходил, перевесив через плечо сумку из красного ситца» {13}.

Что бросается в глаза во всех этих описаниях? Оказывается, Сосо не только не выглядел самым бедным, а наоборот, несколько выделялся из общей массы учеников своей одеждой и опрятностью.

В 1888 г. педагогический коллектив Горийского духовного училища состоял из 15 человек. Если одна часть

преподавателей была настроена консервативно, то другая придерживалась либерально-оппозиционных и народнических взглядов. К числу последних принадлежали ставший позднее писателем Сапром Мгалоблишвили, активный сторонник автокефалии грузинской церкви Георгий Садзагелашвили, избранный в 1917 г. первым католикосом-патриархом Грузии под именем Кирион I, а также преподаватель старшего подготовительного класса Захарий Алексеевич Давиташвили, который и стал первым учителем Сосо [14].

З. А. Давиташвили (ок. 1848–1944) [15] происходил из дворян Горийского уезда, был знаком с И. Г. Чавчавадзе и являлся племянником писателя Шио Эдишеровича Давиташвили [16], который в начале 80-х гг. оказался причастен к возникшему в Грузии народовольческому кружку и полтора года провел в Метехском замке [17]. У Джибраила Владимировича Давиташвили, внука Захария Алексеевича, хранилось адресованное последнему письмо Екатерины Джугашвили. «Я, — писала она 15 сентября 1927 г., — хорошо помню, что Вы особо выделяли моего сына Сосо, и он не раз говорил, что это Вы помогли ему полюбить учение и именно благодаря Вам он хорошо знает русский язык», «Вы учили детей с любовью относиться к простым людям и думать о тех, кто находится в беде» [18].

В 1889 г. Сосо успешно закончил подготовительный класс и был принят в училище. По воспоминаниям П. Капанадзе, когда-то у него на полке стоял учебник грамматики, на котором рукой будущего вождя была написано: «Сия книга принадлежит ученику первого класса Горийского духовного училища Иосифу Джугашвили. 1889 г.» [19].

К тому времени, когда Сосо пошел в первый класс, его семья, видимо, в очередной раз сменила место жительства. «Великого вождя и его родителей, — вспоминал Давид Папиташвили, — я знал с 90-х гг. прошлого столетия. Тогда тов. Сталину было 9 или 10 лет (следовательно, это могло быть в 1889–1890 гг. — *А.О.*). В то время их семья жила в городе Гори против собора, рядом с магазином Петра Абуева <…>. Виссарион работал выше собора, на углу возле лестницы, ведущей в закрытый рынок <…>. Наша семья тогда жила выше собора в маленьком тупике в доме Нины Патарашвили» {20}.

Несмотря на то что Сосо сел за парту первого класса осенью 1889 г., а обучение в училище было четырехгодичным, он закончил его не в 1893, а в 1894 г. Почему?

Ответ на этот вопрос, по всей видимости, нужно искать в том происшествии, которое случилось в Гори 6 января 1890 г. в день Крещения. Вот как описал случившееся учитель пения духовного училища С. П. Гогличидзе:

«Возле Акопской церкви в узкой улочке собрался народ. Никто не заметил, что сверху мчится фаэтон с пассажиром. Фаэтон врезался в толпу, как раз в том месте, где стоял хор певчих. Сосо хотел перескочить через улицу, но неожиданно на него налетел фаэтон, Ударил его дышлом в щеку, повалил на землю и, на счастье, переехал лишь через ноги. Нас окружила толпа. Подняли потерявшего сознание ребенка (Сосо было тогда 10–11 лет) и доставили его домой» {21}.

Рассказывая об этом эпизоде, разные авторы поразному характеризуют его последствия. Одни утверждают, что Сосо отделался Легким испугом {22}, другие пишут о том, что он пострадал, и довольно се-

рьезно. «Помню, — вспоминал, например, Георгий Хабелашвили, — как Сосо попал под фаэтон и на волосок спасся от смерти» {23}. Причина отмеченных расхождений, по-видимому, заключается в том, что в детстве Сосо дважды попадал под фаэтон. О первом случае, который произошел у дома Мгеброва [14] и в результате которого он мог повредить свою левую руку, уже упоминалось {24}. Второй случай оказался не менее серьезным. Об этом свидетельствует не только то, что кучер, правивший фаэтоном, был оштрафован и приговорен к месячному заключению {25}, но и то, что после описанного происшествия Сосо перестал посещать училище.

Данный факт нашел отражение в упоминавшейся выше статье неизвестного автора «Детские и школьные годы Иосифа Виссарионовича Джугашвили», хранящейся в архиве бывшего Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС. «Мчавшийся экипаж, — говорится в этой статье, — сшиб Иосифа на землю и переехал ему ногу, которую повредил настолько, что пришлось его везти в Тифлис в лечебницу, где он пробыл долго, вследствие этого принужден был прервать занятия почти на целый год» {26}.

О серьезности полученной травмы свидетельствует и то, что впоследствии, через много лет, уже в семинарии, объясняя, почему он ушел из церкви во время всенощного бдения, Сосо ссылался как на известный администрации семинарии факт — свои «больные ноги» {27}. Показательно также утверждение Михаила Монаселидзе, близко знавшего И. В. Джугашвили, что для Сосо была характерна особая походка, «походка бочком» {28}. Это утверждение перекликается с имеющимися све-

дениями о том, что в детстве у Сосо имелось прозвище Геза, что означает Кривой или Кривоходящий [29].

Отмечая перерыв в обучении Сосо, произошедший в первой половине 1890 г., нельзя не обратить внимание на то, что во многих воспоминаниях рассказывается о том, как Бесо поссорился с Кеке и, оставив семью, уехал в Тифлис, а затем вернулся в Гори и увез с собой Сосо. Кеке не смирилась с этим, отправилась в Тифлис, забрала сына и снова отдала его в Горийское духовное училище [30]. Невольно напрашивается вопрос: не были ли связаны между собой история, разыгравшаяся в Гори 6 января 1890 г., и попытка Бесо уехать в Тифлис, забрав с собой сына?

И хотя ответить на этот вопрос пока не представляется возможным, есть основание утверждать, что 1890 г. стал важной вехой в процессе распада семьи Джугашвили. Прежде всего обращает на себя внимание то, что 13 июля 1902 г., находясь под арестом в батумской тюрьме, при заполнении «литеры Б» на вопрос о родителях И. В. Джугашвили ответил: «Мать живет в г. Гори. Место жительства отца за последние 12 лет неизвестно» [31]. «За последние 12 лет» — это значит с 1890 г. 23 ноября 1902 г., касаясь в прошении на имя главноначальствующего гражданской частью на Кавказе взаимоотношений своих родителей, И. В. Джугашвили писал о матери как «оставленной мужем вот уже 12 лет», т. е. тоже в 1890 г. [32]Еще более категорически на этот счет высказывалась она сама, утверждая, что ее муж погиб, когда Сосо было 11 лет, т. е., если исходить из официальной даты его рождения, в 1890 г. [33].

Это дает основание думать, что в 1890 г., видимо после происшествия 6 января, между родителями Сосо

действительно произошел разрыв. И вполне возможно, что именно тогда Бесо, который и так отрицательно относился к учебе своего сына, не только отвез его в тифлисскую лечебницу, не только решил не возвращаться более в Гори, но и изъявил намерение оставить сына у себя. Имеется свидетельство самой Е. Джугашвили о том, что когда Бесо забрал сына и уехал в Тифлис, она тоже отправилась с ними и жила там несколько месяцев, после чего вместе с Сосо вернулась в Гори, а Бесо остался в Тифлисе [34].

Здесь мы сталкиваемся со следующим противоречием. С одной стороны, факт возвращения Сосо осенью 1890 г. в духовное училище, снова в первый класс, подтверждается документально [35], с другой стороны, имеются сведения, что осенью того же года Бесо тоже находился в Гори. «Отец Сосо, Бесо, — вспоминал севший за парту Горийского духовного училища 1 сентября 1890 г. Дормидонт Гогохия, — имел будочку около магазина богача Дондарова и сапожничал с утра до вечера. Помощи семье он не оказывал, все свои заработки тратил на себя» [36].

Объяснение этого противоречия, возможно, содержат воспоминания Котэ Хаханишвили, из которых явствует, что хотя «Бесо бросил семью» и «уехал в Тбилиси», однако «несколько раз» возвращался в Гори и «пытался помириться с семьей» [37]. О подобных попытках писала также М. К. Цихитатришвили: «Бесо после переезда в Тбилиси, — отмечала она, — часто приезжал в Гори и просил Кеке примириться» [38].

Когда в сентябре 1890 г. Сосо снова сел за парту первого класса, среди новых одноклассников, с которыми он познакомился, находился уже упомянутый ранее Дор-

мидонт Гогохия. Д. Гогохия был родом из селения Пахулани Зугдинского уезда Кутаисской губернии [39]. Появление его в Гори было не случайным. Здесь в уездном Управлении служил его дядя Виссарион Давидович Гогохия, который был женат на сестре З. А. Давиташвили Анастасии [40]. Обосновавшись в Гори, В. Д. Гогохия поселился в доме свояка Андро Симоновича Кипшидзе, женой которого являлась другая сестра З. А. Давиташвили, Агафья. В этом доме примерно с ноября 1890 г. стал жить и Дормидонт [41].

Рядом с ними после возвращения из Тифлиса поселилась семья Джугашвили [42], в результате чего Сосо и Дормидонт сблизились и стали дружить.

Тогда же, осенью 1890 г., в училище появился сын полкового священника Петр Адамишвили, который оставил следующее описание своего знаменитого одноклассника:

«Я заметил, что он очень наблюдателен, вечно носится с книгами, никогда с ними не разлучается»; «Сосо не мог быть мне товарищем, ибо на переменах никакого участия не принимал в шалостях и играх. Отдых он проводил за чтением книг. Кушал хлеб или яблоки. Он не говорил с нами. А если и заговаривали с ним, отвечал кратко, лаконично: „да", „нет", „не знаю". Более этого от него нельзя было добиться»; «Сосо вообще не любил выходить во двор»; «не было случая, чтобы он пропустил урок или опоздал», а когда был дежурным, «неумолимо» отмечал опоздавших и неявившихся, никогда не подсказывал и никому не давал списывать. При этом во всем стремился быть первым [43].

В училище Сосо был на хорошем счету и пользовался особым доверием преподавателей. Даже учитель русского языка Владимир Андреевич Лавров, которого ученики звали «жандармом», сделал Сосо своим заместителем и разрешал ему вместо себя выдавать ученикам книги [44].

Вспоминая школьные годы, одноклассник Сосо А. Гогебашвили писал:

«В училище у нас ученики старших классов обязаны были читать в церкви псалмы, часослов, акафисты и другие молитвы. Сосо как лучший чтец пользовался большим вниманием и доверием в училище, и ему было поручено обучать нас чтению псалмов, и только после пройденной с ним тренировки нам разрешали читать в церкви. Сосо считался главным клириком, а на торжественных молебнах главным певчим и чтецом» [45].

Однако завершить первый класс Сосо снова не удалось. По всей видимости, причина этого заключалась в том, что Бесо отказался платить за его обучение. Необходимых денег (25 руб. в год) Кеке не имела, и в 1891 г. Сосо был исключен из училища «за невзнос денег за право учения» [46]. Правда, у него нашлись защитники. Он не только был восстановлен в училище и переведен во второй класс, но и стал получать «стипендию», по одним данным, в размере 3 руб. в месяц [47], по другим — 3 руб. 30 коп. [48].

К этому времени отношения между родителями Сосо достигли крайней остроты и в 1891–1892 гг. завершились окончательным разрывом. «Сосо был еще во втором классе Горийского духовного училища, — вспоминал Котэ Чарквиани, — когда дядя Бесо бросил семью и уехал в

Тифлис» {49}. Но прежде чем окончательно порвать с женой, Бесо поставил сына перед выбором: или прекратить учебу и уехать с ним, или же продолжить обучение и остаться с матерью. Сосо сделал выбор в пользу матери и обучения. В ответ на это Бесо отказался помогать Кеке в содержании сына. Об этом свидетельствует заявление на имя ректора Тифлисской православной духовной семинарии, которое было написано И. В. Джугашвили 28 августа 1895 г.: «Отец мой уже три года (т. е. с 1892 г. — *А.О.*) не оказывает мне отцовского попечения в наказание того, что я не по его желанию продолжил образование» (фото II) {50}.

С этого момента мать Сосо должна была полностью обеспечивать и себя, и сына. «После развода с мужем, — вспоминала М. К. Цихитатришвили, — Кеке работала в семьях, стирала, шила одеяла, убирала, так содержала Сосо» {51}. Что представляла собой клиентура Кеке, мы не знаем.

Э. С. Радзинский без ссылки на источники утверждает, что Е. Г. Джугашвили работала «в домах богатых торговцев-евреев — туда рекомендовала ее подруга Хана» {52}. Однако мы уже знаем, что в это время в Гори проживало всего лишь 3–4 иудейских семьи. Поэтому подобное утверждение вызывает сомнения.

Пока удалось обнаружить упоминание только двух домов, в которых Е. Г. Джугашвили выполняла домашние работы: дом ее кума Якова Эгнатошвили {53} и дом председателя правления и смотрителя духовного училища Василия Иокинфовича Беляева {54}. Заслуживает внимания также свидетельство Анастасии Давидовны Кокочишвили {55}, по словам которой мать Сосо

работала в семье ее деда Антона Яковлевича Зубалова [56].

Однако случайные заработки не могли устроить Е. Г. Джугашвили. Поэтому она начинает искать постоянный и более надежный источник существования. «В Гори, — вспоминала Анико Надирадзе, — проживали женщины-портнихи сестры Кулиджановы, которые устроили Кеке портнихой» [57]. Куда? А. Надирадзе не уточняла. Ответ на этот вопрос мы находим в воспоминаниях Ефимии Зазашвили: «Тогда в Гори славились кройкой и шитьем женщины Чичигоговы… Кеке поступила к ним» [58].

Овладев швейным мастерством, она стала исполнять заказы сама. «…Кеке себя и сына содержала шитьем, — вспоминала, например, Наталья Михайловна Азиани (урожденная Дондарова). — Много раз она работала в нашей семье» [59]. Об этом же писала и Ольга Дидебуладзе: «С Кеке Джугашвили я встретилась в семье Джапаридзе, где она шила (она жила тогда в доме Багратова на Соборной улице)» [60]. Позднее как портниха или модистка Е. Г. Джугашвили фигурировала в полицейских и жандармских документах [61].

С этого момента прекращается кочевая жизнь семьи Джугашвили. Кеке с сыном осели в доме на Церковной или Соборной улице [62].

По всей видимости, уже после того как Бесо окончательно оставил семью, Сосо заболел. «Однажды, — вспоминал А. Гогебашвили об И. В. Джугашвили, — он тяжело заболел, кажется, воспалением легких, и родители чуть не потеряли его», но «Сосо спасся от смерти». «Если до болезни он получал стипендию 3 руб. 30 коп., то теперь

[ее] повысили до 7 руб. Раз в год как примерному и прилежному ученику [ему] выдавали одежду» {63}.

Пребывание в Горийском духовном училище привело к расширению круга общения Сосо. Особое значение для него имело знакомство с Ладо и Вано Кецховели. Их старший брат Николай был исключен из Тифлисской духовной семинарии за участие в народническом кружке, а его жена Мария Михайловна Коринтели являлась племянницей горийского помещика Васо Мегвинет-Ухуцеси, который в начале 80-х гг. XIX в. был связан с народническим кружком Михаила Кайхосровича Кипиани, тем самым, в принадлежности к которому в 1883 г. был обвинен Шио Эдишерович Давиташвили.

В сентябре 1892 г., когда Сосо сел за парту третьего класса, четвертом классе появился новый ученик, Миха Давиташвили (р. 1877). Он был сыном священника Николая Эдишеровича Давиташвили из селения Цроми и приходился двоюродным братом Захарию Алексеевичу Давиташвили. До этого Миха жил у дяди (Шио Эдишеровича) в Тифлисе и учился в Тифлисском духовном училище, но был исключен оттуда. И, видимо, по протекции Захария Алексеевича поступил в Горийское духовное училище {64}.

В Гори Миха мог поселиться как у З. А. Давиташвили, так и у Агафьи Алексеевны Кипшидзе и, видимо, через Дормидонта Гогохия, жившего в доме последней, вскоре познакомился с Сосо Джугашвили. Как и Сосо, Миха тоже имел физический дефект. Он «прихрамывал на левую ногу» {65}.

Та среда, в которой вращались Миха Давиташвили и братья Кецховели, не могла не накладывать своего отпечатка на формирование их мировоззрения. Есть основа-

ние думать, что знакомство с ними, несомненно, оказало влияние и на формирование взглядов Сосо.

Проследить данный процесс можно только на основании воспоминаний, однако многие из них в этом отношении или вообще, не содержат никакой информации, или же дают такую характеристику взглядов юного Сосо, которая вызывает сомнения. Некоторое исключение из этого правила представляют воспоминания Георгия Елисабедашвили.

Отмечая, что Сосо очень рано стала занимать проблема социальной несправедливости, Г. Елисабедашвили писал, что первоначально устремления Сосо отличались невероятной скромностью И он мечтал только о том, чтобы, выучившись, стать писарем и помогать обиженным в составлении прошений и жалоб [{66}]. Тогда ему казалось, что многие несправедливости существуют только потому, что о них не знают те, в чьих руках находится власть. Прошло немного времени, и однажды Сосо заявил, что, когда вырастет, станет не писарем, а волостным старшиной, чтобы иметь возможность навести порядок хотя бы в своей волости [{67}].

Показательно, что уже тогда он не собирался служить богу, как того хотела мать, но в своих детских мечтах не мог представить себя даже в должности уездного начальника или губернатора.

Со временем у Сосо зарождаются иные социальные стремления.

«Еще в раннем детстве, — писал Г. Елисабедашвили, — маленький Сосо наслушался от отца много рассказов о похождениях народного героя Арсена Одзелашвили. Арсен воевал против богатых, притеснявших бедных

тружеников, нападал на поместья князей, грабил их и все добытое добро раздавал крестьянам, себе ничего не оставлял. Стать защитником угнетенных — было мечтой Сосо еще в детстве» {68}.

Последние слова, вероятнее всего, в значительной степени были продиктованы тем, как сложилась последующая судьба И. В. Джугашвили. Но для нас в словах Г. Елисабедашвили более важно другое. Еще в период пребывания Сосо в Горийском училище в его душе зарождается если не осознанное стремление к социальному протесту, то, по крайней мере, чувство социальной неудовлетворенности.

В связи с этим его не могли не заинтересовать те известия, которые принесли в декабре 1893 г. из Тифлиса в Гори Ладо Кецховели и Миха Давиташвили. К этому времени они учились в Тифлисской духовной семинарии: Ладо в третьем классе, Миха — в первом. От них Сосо мог узнать, что, недовольные порядками в семинарии, ее воспитанники прекратили занятия и предъявили администрации свои требования. Администрация семинарии отказалась от их рассмотрения, прекратила до осени следующего года занятия и отчислила 87 наиболее активных участников забастовки. Среди них были Ладо Кецховели и брат Дормидонта Гогохии — Алексей {69}.

События, произошедшие в Тифлисской духовной семинарии, могли заинтересовать Сосо не только как проявление социального протеста. Дело в том, что через несколько месяцев он завершал свое обучение в Горийском духовном училище и перед ним вставал вопрос о выборе дальнейшего пути. Считая, что он должен продолжить обучение, учитель пения С. П. Гогличидзе предложил ему свою помощь. Получив в 1894 г. возможность

перейти из Горийского духовного училища в Тифлисскую учительскую семинарию, он готов был забрать Сосо с собой и устроить его в эту семинарию на казенный счет. Кеке отказалась от его помощи. Она хотела, чтобы ее сын посвятил себя служению богу {70}.

В мае 1894 г. Сосо с отличием закончил Горийское духовное училище (фото 7) {71} и был рекомендован к поступлению в духовную семинарию {72}.

ПРИМЕЧАНИЯ

Истоки

[1] *Адамович А.* Дублер // Дружба народов. 1988. № 11. С. 168.

[2] Архив бывшего Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма (далее — ГФ ИМЛ). Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 41–46; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 1 Л. 1; Д. 2. Л. 1.

[3] ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 47–54; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 275. Л. 24;

[4] *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.* Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 387–388.

[5] Там же. С. 37–38.

[6] Там же. С. 555–556.

[7] *Антонов-Овсеенко А. В.* Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 7.

[8] *Радзинский Э. С.* Сталин. М., 1997. С. 27.

[9] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 1.

[10] *Чубинов Д. И.*Грузинско-русский словарь. 2-е изд. Тбилиси, 1984. С. 1761–1775.

[11] *Торчинов В. А., Леонтюк А. М.*Вокруг Сталина. С. 181–183.

[12] *Джавахашвили И.*О происхождении фамилии вождя народов. Инициатор публикации президент Международного общества «Сталин» Г. Ониашвили. Издатель — руководитель Научно-исследовательского центра по изучению феномена Иосифа Сталина Д. Гегешидзе. Б. м., б. д.

[13] ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 6. Д. 306. Л. 7.

[14] Воспоминания Е. Г. Джугашвили написаны на грузинском языке. Они хранятся в архиве бывшего ГФ ИМЛ (Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 363.4 л.; Д. 364.4 л.; Д. 365.37 л.). Здесь и далее используется перевод фрагментов из этих воспоминаний, сделанный для меня на основании выписок из оригинала, имеющихся на руках одного из грузинских историков, который пожелал остаться неизвестным (далее — *Джугашвили Е. Г.*Воспоминания // Архив автора).

[15] Грузинская советская энциклопедия. Тбилиси, 1981. С. 354.

[16] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 12 (Елисабедашвили).

[17] Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 24.

[18] *Стуруа Е.*Сталин в период учебы в Гори // Смена. 1939. 15 дек.

[19] Акты Кавказской Археографической комиссии (АКАК). Т. 2. Тифлис, 1868. С. 556.

[20]Сборник материалов для описания Тифлисской губернии. Т. 1. Вып. 1. Тифлис, 1870. Приложение. С. 45.

[21]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 15. Л. 48 (Н. И. Джугашвили).

[22]Там же. Л. 49.

[23]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 108–109 (А. М. Цихитатришвили).

[24]Там же. Л. 109.

[25]*Островский А. В.*Джугашвили и Мачабели: к биографии Сталина // Известия РГО. Вып. 7. СПб., 1997. С. 72–77.

[26]*Матиашвили А. Г.*Из прошлого Диди Лило // Самгори. 1979. 19 дек. (на грузинском языке, перевод Мананы Арсошвили).

[27]Сборник материалов для описания Тифлисской губернии. Т. 1. Вып. 1. Тифлис, 1870. Приложение. С. 134.

[28]Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. 1. Тифлис, 1866. С. 461.

[29]Сборник материалов для описания Тифлисской губернии. Т. 1. Вып. 1. Приложение. С. 134.

[30]Кавказ. Тифлис. 1897. 2 апреля и 24 мая; Запись беседы с Нугзаром Арсошвили. Диди Лило. 7 июля 1996 г. // Архив автора.

[31]Сборник материалов для описания Тифлисской губернии. Т. 1. Вып. 1. Приложение. С. 134; Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

[32]Запись беседы с А. Г. Матиашвили. Тбилиси. 16 июля 1996 г. // Архив автора.

[33]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 15. Л. 48–49 (Н. И. Джугашвили).

[34]Там же; *Островский А. В.*Джугашвили и Мачабели: к биографии Сталина. С. 76.

[35]Имеются сведения, что кроме двух сыновей у Вано Джугашвили была еще дочь, которую звали Пелагея (Запись беседы с А. Г. Матиашвили. Тбилиси. 16 июля 1996 / / Архив автора).

[36]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 109. Опубликовано: Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 24.

[37]Запись беседы с Н. Г. Арсошвили. Диди Лило. 7 июля 1996 г. // Архив автора.

[38]Там же. По некоторым данным, переезду Бесо в Тифлис способствовал его дядя (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 6. Д. 306. Л. 7).

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 109 (А. М. Цихитатришвили); Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 24.

[40]Там же. С. 25.

[41]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 8. Л. 197 (Д. Гаситашвили).

[42]Там же. Д. 1. Л. 143. См. также: РГАСПИ. Ф. 558. оп. 4. Д. 665. Л. 1 (М. К. Абрамидзе-Цихитатришвили).

[43]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 11. Л. 128 (Е. Зазишвили).

[44]*Grey Jan.*Stalin. Man of History. L., 1979. P. 9.

[45]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 54.

[46]Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 69: Тифлисская губерния. СПб., 1905. С. 1–2.

[47]См. фото 2.

[48]По свидетельству Н. Г. Арсошвили, нуждающемуся в проверке, эта фотография была снята Еленой Каландарашвили с могилы Бесо, который будто бы был похоронен в селении Цинандали (Запись беседы с Н. Г. Арсошвили. Диди Лило. 7 июля 1996 г. // Архив автора).

[49]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 48. Л. 20 (Н. Тлашадзе).

[50]Там же. Д. 49. Л. 202 (К. Хаханишвили).

[51]*Джугашвили Е. Г.*Воспоминания // Архив автора.

[52]Ср.: Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд. М., 1947. С. 5; *Спирин Л.*Когда родился Сталин: поправка к официальной биографии // Известия. 1990.25июня; РГАСПИ. Ф. 558. Оп.4.Д.665.Л. 12(Г. Елисабедашвили).

[53]Запись беседы с Мерабом Константиновичем Геладзе. Тбилиси. 9 июля 1996. // Архив автора.

[54]*Essad bey.*Stalin. B., 1931. S. 15.

[55]*Джугашвили Е. Г.*Воспоминания // Архив автора; Гори (Дом-музей И. В. Сталина в Гори). Д. 255. Л. 1 (воспоминания Нины Михайловны Мамулащвили-Баланчивадзе).

[56]ГИАГ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 229. Л. 2–3; Д. 412. Л. 3, 24, 24об., 34; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 273. Л. 31.

[57]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 25.

[58]Гори. Д. 255. Л. 1 (воспоминания Нины Михайловны Мамулашвили-Баланчивадзе); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 48. Л. 18–19 (Нико Тлашадзе); Д. 54. 43–44 (М. Чагунава).

[59]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 48. Л. 18–19 (Нико Тлашадзе).

[60]Заря Востока. 1937. 8 июня.

[61]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. И. Л. 128 (Е. Зазишвили).

[62]Гори. Д. 255. Л. 1 (Н. М. Мамулашвили-Баланчивадзе).

[63]Там же.

[64]Заря Востока. 1937. 8 июня; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 1 (М. К. Абрамидзе-Цихитатришвили).

[65]Там же.

[66]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 43–46; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

[67]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 47–49; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 275. Л. 24.

[68]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 50–53; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 275. Л. 24.

[69]Впервые официально этот день рождения И. В. Сталина был отмечен в 1929 г. (Правда. 1929. 21 дек.).

[70]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 41–42; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

[71] *Спирин Л. М.* Когда родился Сталин: поправка к официальной биографии // Известия. 1990. 25 июня.

[72] ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1. Л. 144.

[73] Там же; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

[74] *Джугашвили Е. Г.* Воспоминания // Архив автора.

Первые десять лет

[1] Кавказ: Справочная книга сторожила. 2-е изд. 4.1. Тифлис, 1889. С. 60.

[2] Из истории городов Грузии: Гори // Заря Востока. 1937. 28 апр.

[3] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 69. Тифлисская губерния. С. 1–2.

[4] Из истории городов Грузии // Заря Востока. 1937. 28 апреля.

[5] Дворянские роды Российской империи. Т. 3. М., 1996. С. 19–94.

[6] *Кузьмин Ю. А.* Члены императорской фамилии на военной службе // Из глубины времен. Вып. И. СПб., 1999. С. 10–11.

[7] Указ Правительствующего Сената 4 октября 1872 г.

[8] РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 273. Л. 13–14.

[9] *Джавахов А. И.* Гори и его окрестности // Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Вып. 2. Тифлис, 1882. С. 69–70, 95.

[10]Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. № 1420.

[11]Там же.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1519. Л. 9.

[13]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 34. Л. 385 (З. Мтварелидзе).

[14]Гори. Д. 255. Л. 1 (Н. М. Мамулашвили-Баланчивадзе).

[15]Антирелигиозник. 1939. № 12. С. 18 (М. З. Китиашвили, урожденная Хабелашвили). См. также: ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 48. Л. 14–17 (Н. Тлашадзе).

[16]Там же. Д. 53. Л. 28 (А. М. Цихитатришвили); Д. 1. Л. 143 (М. К. Абрамидзе-Цихитатришвили).

[17]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 55–56.

[18]Там же. Д. 48. Л. 17 (Н. Тлашадзе).

[19]Там же. Л. 16.

[20]Вся Россия на 1901 г. Т. 1. СПб., 1901 г. С. 2773.

[21]Не исключено, что братом С. Г. Галустова был горийский торговец Соломон Георгиевич Галустов (Там же).

[22]В Гори проживали Моисей Иванович и Тедо Глахович Мечитовы, которые занимались торговлей (Там же), а в Петербурге в 1890 г. находился купец 2-й гильдии из Гори Михаил Гаврилович Мечитов (48 л.) (Справочная книга о купцах г. Санкт-Петербурга. СПб., 1890. С. 429).

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 15. Л. 287 (Н. М. Азиани, урожденная Дондарова); ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1898. Д. 999. Л. 2–4, 9.

[24]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 8. Л. 101 (Э. Р. Гогнидзе).

[25]Там же. Д. 35. Л. 30 (А. Надирадзе), 47 (И. П. Надирадзе).

[26]Там же. Д. 50. Л. 239 (Джаваира Аршаковна Хутулашвили, урожденная Тер-Петросян).

[27]*Радзинский Э. С.*Сталин. М., 1997. С. 30–32.

[28]Вся Россия. СПб., 1903. С. 2750.

[29]*Радзинский Э. С.*Сталин. С. 31.

[30]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 26.

[31]ГФИМЛ.Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1.Д. 1.Л. 144 об. — 145 (М. К. Абрамидзе-Цихитатришвили).

[32]Там же. Д. 8. Л. 196–202 (Д. Гаситашвили); Детские и школьные годы Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина) // ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 6. Д. 306. Л. 12.

[33]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 8. Л. 196, 200 (Д. Гаситашвили).

[34]Там же. Д. 11. Л. 129 (Е. Зазишвили).

[35]Там же. Д. 1. Л. 144 (М. К. Абрамидзе-Цихитатришвили).

[36]Там же. Д. 54. Л. 70–71.

[37]Там же. Д. 48. Л. 18 (Н. Тлашадзе); Д. 54. Л. 70–71 (С. Чантурия), Л. 202 (К. Чарквиани).

[38]Там же. Д. 11. Л. 129. (Е. Зазашвили); Д. 22. Л. 20 (Г. Касрадзе).

[39]Там же. Д. 10. Л. 49 (С. П. Гогличидзе), 132 (Д. Гогохия).

[40]Там же. Д. 9. Л. 125–141 (Г. Глурджидзе); РГАСПИ. Ф. 558. Оп.4. Д. 665. Л. 354 (Д. Папиташвили).

[41]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 14. Л. 130 (Е. Зазишвили); Д. 32. Л. 259 (М. Махараблидзе-Кублидзе).

[42]Там же. Д. 15. Л. 152–154 (О. Дидебуладзе).

[43]Там же. Д. 53. Л. 29 (А. М. Цихитатришвили).

[44]Батумская демонстрация 1902. г. [2-е изд.] М., 1937. С. 190.

[45]Из архива Л. О. Дан. Амстердам, 1987. С. 101.

[46]*Радзинский Э. С.*Сталин. С. 36.

[47]Детские и школьные годы Иосифа Виссарионовича Джугашвили (Сталина) // ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 6. Д. 306. Л. 13.

[48]Гори. 287/1. Л. 2 (М. Монаселидзе).

[49]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 6. Д. 274. Л. 13.

[50]Там же. Оп. 2. Ч. 1. Д. 54. Л. 202.

[51]Там же. Д. 35. Л. 30 (А. Надирадзе).

[52]Там же. Д. 10. Л. 134 (Д. Гогохия).

[53]Там же. Оп. 5. д. 414. Л. 2.

[54]Там же. Л. 5.

[55]Там же. Оп. 2. Ч. 1. Д. 54. Л. 202.

[56]Там же. Л. 203.

[57]Там же. Л. 202–204.

[58]Там же. Л. 205.

В духовном училище

[1]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 82. Л. 31; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. 61. Л. 1.

[2]См., например: ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 24. Л. 191 (В. Кецховели).

[3]Кавказский календарь на 1880 г. Тифлис, 1879. С. 70.

[4]Кавказский календарь на 1883 г. Тифлис, 1882. С. 81.

[5]Кавказский календарь на 1890 г. Тифлис, 1889. С. 190.

[6]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 669. Л. 5 (П. Капанадзе).

[7]Гори. Д. 357. Л. 1 (Давид Саларидзе).

[8]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 24. С. 191 (В. Кецховели).

[9]Там же. Л. 192.

[10]Там же. Д. 41. Л. 36 (И. Размадзе); Гори. Д. 341. Л. 2 (И. Размадзе).

[11]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 242 (С. П. Гогличидзе).

[12]Антирелигиозник. 1939. № 12. С. 19 (Г. Глурджидзе).

[13]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 36.

[14]Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. Ч. 2. С. 137; …на 1889 г., Тифлис, 1888. Ч. 2. С. 187.

[15]По свидетельству внука Захария Алексеевича Джабраила Владимировича Давиташвили, у его деда Эдишера Давиташвили было три сына (Алексей, Николай и Шио). Запись беседы с Д. В. Давиташвили. Тбилиси. 24 и 26 июля 1996. // Архив автора.

[16]Запись беседы с Джибраилом Владимировичем Давиташвили. Тбилиси. 24 июля 1996 // Архив автора; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 273. Л. 98 (В. Каминский).

[17]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1883. Д. 1352. Л. 190–191; Шио Давиташвили (некролог) // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 2 (111). С. 128–129.

[18]Джугашвили Е. Г. — З. А. Давиташвили. 15 сентября 1927 г. На грузинском языке. Пер. Д. В. Давиташвили / / Архив Д. В. Давиташвили.

[19]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 669. Л. 8.

[20]Там же. Оп. 4. Д. 665. Л. 354–356 (Д. Папиташвили).

[21]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 57 (С. П. Гогличидзе).

[22]С. П. Гогличидзе утверждал, что через две недели после этого происшествия Сосо снова вернулся к занятиям (Там же. Л. 58).

[23]Там же. Д. 49. Л. 56 (Г. Хабелашвили).

[24]Детские и школьные годы Иосифа Виссарионовича Джугашвили // Там же. Оп. 6. Д. 306. Л. 13.

[25]Там же. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 58 (С. П. Гогличидзе).

[26]Детские и школьные годы Иосифа Виссарионовича Джугашвили // Там же. Оп. 6. Д. 306. Л. 13.

[27]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 32. Л. 119 (запись в кондуитном журнале 15 ноября 1897 г.).

[28]Гори. Д. 287/1. Л. 9 (М. Монаселидзе).

[29]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 34 (Г. Елисабедашвили); Гори. Д. 146/2. Л. 22–23 (Г. Елисабедашвили).

[30]Так, С. П. Гогличидзе писал, что «Сосо было пять лет, когда его отец уехал в Тбилиси» (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2.4.1.Д. 10. Л. 50), а Д. Гогохия утверждал, что он впервые увидел Бесо Джугашвили в Гори не ранее 1890 г., т. е. когда Сосо было уже около двенадцати лет (Там же. Л. 133).

[31]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 274об.

[32]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 173.

[33]*Levine I.*don. Stalin. Der Mann von Stahl. Dresden, б. д. S. 11.

[34]ГФИМЛ.Ф. 8. Оп. 2.4. 1. Д. 48. Л. 14–15 (Из беседы с Е. Джугашвили в мае 1935).

[35]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. 61. Л. 1.

[36]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 133 (Д. Гогохия).

[37]Там же. Д. 49. Л. 202–205.

[38]Там же. Д. 1. 145.

[39]КФ ГИАГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3196а. Л. 143 об (посемейный список); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 130 (Д. Гогохия).

[40]Там же; Кавказский календарь на 1890 г. Тифлис, 1889. С. 110; Грузия, Тифлис, 1920. 29 ноября (сообщение о смерти Анны Кипшидзе).

[41]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 132 (Д. Гогохия).

[42]Там же.

[43]Там же. Д. 1. Л. 228–229, 236–239.

[44]Гори. Д. 89. Л. 3 (А. Гогебашвили).

[45]Там же. Л. 2 (А. Гогебашвили).

[46]Бакинский рабочий. 1929. 20 дек.; Духовный вестник грузинского экзархата. Тбилиси, 1891. № 9. 1 июля. С. 12.

[47]Там же. 1892. № 13.1 июля; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 5 (Г. Елисабедашвили), 243 (С. П. Гогличидзе).

[48]Гори. Д. 89. Л. 3 (А. Гогебашвили).

[49]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 54. Л. 212–213 (К. Чарквиани).

[50]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4326. Л. 1.

[51]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1. Л. 145.

[52]*Радзинский Э. С.*Сталин. С. 31.

[53]*Логинов В.*Мой Сталин // Шпион. 1993. № 2. С. 38–44.

[54]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 273. Л. 67.

[55]А. Д. Кокочишвили — дочь Давида Антоновича Зубалова и княжны Екатерины Чиковани. Запись беседы с

А. Д. Кокочишвили. Тбилиси. 26 июля 1996 г. // Архив автора.

[56]Там же.

[57]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 35. Л. 30 (Аника Надирадзе).

[58]Там же. Оп. 2. Ч. 1. Д. 14. Л. 130 (Е. Зазишвили).

[59]Там же. Д. 15. Л. 285 (Н. М. Азиани-Дондарова).

[60]Там же. Л. 152–154 (О. Дидебуладзе).

[61]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 166. Л. 7.

[62]См. С. 88.

[63]Гори. Д. 89. Л. 3 (А. Гогебашвили).

[64]Запись беседы с Джабраилом Владимировичем Давиташвили. Тбилиси. 24 июля 1996 г. // Архив автора; М. Н. Давиташвили: Биографическая справка // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 37–38.

[65]Там же. Д. 651. Л. 42 (Г. Паркадзе).

[66]Там же. Д. 665. Л. 24–25 (Г. Елисабедашвили).

[67]Там же. Л. 25 (Елисабедашвили), Л. 92 (П. Паркадзе).

[68]Там же. Л. 5.

[69]Духовный вестник грузинского экзархата. 1894. № 5. С. 1–3.

[70]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 63–64; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 252 (С. П. Гогличидзе).

[71]Там же. Оп. 4. Д. 61. Л. 1.

[72]Духовный вестник грузинского экзархата. 1894. № 14. С. 14–15.

ГЛАВА 2. ЮНОСТЬ ВОЖДЯ

В семинарии

От Гори до Тифлиса около 75 км [{1}]. В 1871 г. их соединила между собой Закавказская железная дорога. Если раньше путь из одного города в другой требовал не менее двух суток, теперь это расстояние можно было преодолеть за несколько часов [{2}].

Перепись 1897 г. зарегистрировала в Тифлисе около 160 тыс. человек. Несмотря на то что он являлся грузинским городом, в 1897 г. около 30 % его населения составляли русские, почти столько же — армяне и менее 26 % — грузины. Кроме того, здесь проживали немцы — 3 %, евреи — 3 %, татары — 3 % и около 5 % приходилось на другие национальности [{3}].

«Армяне… — читаем мы в „Тифлисском настольном календаре" на 1894 г., — занимаются преимущественно фабричной и заводской промышленностью, торговлей и ремеслами… Русский элемент наиболее заметен в чиновничестве и войске. В Тифлисе находится также много молокан и вообще русских сектантов, занимающихся преимущественно извозом; они живут в Дидубэ и на Песках… Татары и персияне живут в старой части города Сейд-Абаде» [{4}].

Тифлис был не только губернским центром, но и столицей Кавказа [{5}]. До 1881 г. здесь находилась резиденция кавказского наместника, а с 1881 г. — после упразднения наместничества — резиденция главнона-

чальствующего гражданской частью на Кавказе, который одновременно являлся командующим войсками Кавказского военного округа. С 1896 по 1905 г. этот пост занимал князь Г. С. Голицын [6].

По данным 1892 г., в городе насчитывалось 110 заводов и фабрик (в основном это были предприятия легкой промышленности), на которых трудилось 2600 рабочих, а общая стоимость производимой ими продукции составляла 3,5 млн руб. [7].

Из числа наиболее крупных и известных промышленных предприятий можно назвать бумагопрядильню Г. М. Мирзоева, обувную фабрику Г. Г. Адельханова, табачные фабрики Н. И. Бозарджианца и А. Н. Энфианджианца, коньячный завод Д. З. Сараджева, пивоваренные заводы, владельцами которых были Ф. Г. Ветцель, О. Э. Гребнер и Л. Д. Мадер, машиностроительный завод М. Карапетова, чугунолитейный завод Алиханова и Яралова [8]. Самыми крупными предприятиями города являлись железнодорожные мастерские и паровозное депо. Здесь была сконцентрирована почти половина всех рабочих города [9].

Вплоть до начала XX в. Тифлис представлял собой не столько промышленный, сколько торговый центр. Достаточно сказать, что на 110 промышленных предприятий приходилось около 3 тыс. торговых заведений, на 2, 6 тыс. рабочих — 6 тыс. человек, имевших торговые свидетельства. Объем товарооборота достигал 38 млн руб. и более чем в 10 раз превосходил объем промышленного производства [10]. Кроме 6 тыс. лиц с торговыми свидетельствами в городе было около 600 купцов 2-й и около 80 1-й гильдии [11].

В городе имелось отделение Государственного банка, действовали Тифлисский коммерческий банк и Тифлисский дворянский земельный банк, а также Тифлисское общество взаимного кредита [12].

Свои представительства в Тифлисе имели иностранные фирмы, из числа которых можно назвать торговые дома «Братья Гольдлюст», «Сименс и Гальске», «Карл Стукен», американское страховое общество «Эквитебл», магазин известной германско-американской компании по производству швейных машинок «Зингер и К°», ателье модных товаров француза Эрвье, именовавшего себя на русский манер Иваном Ивановичем, и т. д. В Тифлисе можно было купить билет на пароход и отправиться из Батума в Западную Европу. Путь до Марселя обслуживала французская фирма «Н. Паке и К°», располагавшаяся на Сионской улице в доме И. М. Арцруни [13].

Необходимость защиты интересов иностранных подданных привела к открытию здесь консульств целого ряда иностранных государств, как азиатских, так и европейских [14].

Если обратиться к податным спискам Тифлиса 90-х гг. XIX в., то можно узнать, что богатейшими людьми в городе, т. е. владельцами самого крупного имущества в Тифлисе, были: 1) Иван Алексеевич Читахов — 2931 руб. налога, 2) князь Иван Константинович Багратион-Мухранский — 2493 руб., 3) наследники Иосифа Алелова — 2179 руб., 4) Александр Иванович Манташев — 2064 руб., 5) Давид Захарович Сараджев — 1647 руб., 6) Исай Мартынович Цовьянов — 1300 руб., 7) Иван Гаврилович Тамашев — 1275 руб. Никто кроме них в городе не платил городского налога более 1000 руб. [15] За исключе-

нием князя И. К. Багратион-Мухранского и И. Алелова самые богатые люди города были армянами.

Тифлис являлся одним из важнейших культурных центров Кавказа.

В городе издавалось шесть газет на армянском языке, в том числе «Нор дар» («Новый век») под редакцией доктора права Лейпцигского университета С. А. Спандаряна [16] и «Мшак» («Работник») под редакцией А. А. Калантара, пять газет на русском языке, в том числе «Кавказ» (редактор — Ю. Н. Милютин), «Новое обозрение» (редактор — князь В. М. Туманов), «Тифлисский листок» (редактор — Х. Г. Хачатуров) [17], четыре газеты на грузинском языке, самыми известными из которых были «Иверия» («Грузия») (редактор — И. Г. Чавчавадзе) и «Квали» («Борозда»), Официальным редактором последней являлась Анастасия Михайловна Церетели (урожденная княжна Туманова, сестра редактора «Нового обозрения»), а фактически — ее муж писатель Г. Е. Церетели [18].

В конце XIX в. в Тифлисе не существовало ни одного высшего учебного заведения. Вместе с тем здесь находились учительский институт, четыре гимназии, реальное училище, православная духовная семинария.

Семинария располагалась в самом центре города, недалеко от Эриванской площади, на углу Лорис-Меликовского проспекта и Пушкинской улицы (фото 9) [19]. Сюда летом 1894 г. и пришел Сосо Джугашвили.

На что надеялась Кеке, отклоняя предложение С. П. Гогличидзе о помощи? Ведь она знала, что в духовную семинарию прежде всего брали выходцев из духовного сословия и что за обучение необходимо было платить.

По свидетельству Г. В. Паркадзе, когда Сосо поступал в семинарию, «за него хлопотал историк-археолог Федор Жордания» [20], который в рассматриваемое время преподавал в Тифлисской православной семинарии церковные грузинские предметы [21]. Но откуда ему был известен сын горийского сапожника? По словам того же Г. В. Паркадзе, Ф. Жордания «знал его по отзывам преподавателей» Горийского духовного училища, а также «зубного врача Сологова» [22].

Кто именно из преподавателей Горийского духовного училища был близко знаком с Ф. Жорданией и кто из них порекомендовал ему Сосо, мы не знаем. Что же касается «зубного врача Сологова», то это был Александр Георгиевич Сологошвили, ставший зубным врачом несколько позднее [23]. До 1893 г. он учился в Тифлисской духовной семинарии и был членом ученического кружка, в состав которого входил Ладо Кецховели и который нередко собирался на квартире А. Г. Сологошвили [24]. В декабре 1893 г. за участие в забастовке вместе с Л. Кецховели тоже был исключен из семинарии [25]. Таким образом Сосо А. Г. Сологошвили мог знать через Л. Кецховели.

Кроме Ф. Жордании у Сосо был еще один покровитель. Дело в том, что к этому времени брат Кеке Сандал перебрался из Гори в Тифлис и поселился по адресу: Ведзинский переулок, дом № 6. Владельцем этого дома являлся Георгий Чагунава, который служил в Тифлисской духовной семинарии и занимал там должность эконома [26]. Обращает на себя внимание то, что в его доме, будучи семинаристом, некоторое время жил Ладо Кецховели [27]. Когда Кеке привезла Сосо в Тифлис, она,

остановившись у своего брата, обратилась за помощью к жене Г. Чагунавы и получила ее поддержку [28].

«Поступающим в семинарию, — вспоминал Кита Николаевич Тхинвалели, — необходимо было быть в Тифлисе 15 августа», однако Сосо Джугашвили и Васо Хаханишвили уехали туда «на несколько дней раньше» [29]. 22 августа Сосо подал заявление о допуске его к вступительным экзаменам (фото 10) [30], в течение нескольких дней сдал восемь предметов [31] и 2 сентября «на общих основаниях» был зачислен в семинарию [32].

Чтобы понять смысл этой формулировки, необходимо учитывать, что если утвержденный 22 августа 1884 г. «Устав православной духовной семинарии» не предусматривал плату за обучение [33], то затем она была введена для «иносословных» лиц, т. е. лиц, не принадлежавших к духовному сословию [34]. Поэтому в «Журнале общего педагогического собрания Правления Тифлисской духовной семинарии» № 20 за 2 сентября 1894 г. говорилось: «Из принимаемых ныне в 1-й класс воспитанников следующие должны быть причислены к иносословным, обязанным в силу Высочайшего повеления от 30 октября 1890 г. вносить установленную плату за право обучения в семинарии по 40 руб. в год». Далее шел список иносословных воспитанников, среди которых фигурировал и Сосо Джугашвили [35].

Но дело заключалось не только в плате за обучение. «Устав православной духовной семинарии» предполагал возмещение расходов за содержание семинаристов: проживание их в общежитии, питание и одежду. А поскольку не все семинаристы были способны платить за это, они подразделялись на две категории: своекоштных и казен-

нокоштных. Первые должны были нести расходы по обучению сами, вторые находились на содержании государства. Причем «Устав» допускал возможность как полного, так и частичного содержания воспитанников за счет государства. В нем говорилось, что «казеннокоштные, живя в семинарии, пользуются от нее полным или половинным содержанием», а «своекоштные принимаются или полными пансионерами, или в качестве полупансионеров, не получающих из полного содержания только одежды» {36}. И далее: «Плата за полных пансионеров, также и за тех, которые пользуются в семинарии только помещением и столом, определяется по представлению Правления семинарии епархиальным архиереем для каждой местности особо, сообразно с потребными на то или другое содержание расходами» {37}.

О том, как в это время определялась подобная плата в Тифлисской семинарии, можно узнать из первого номера «Духовного вестника грузинского экзархата» за 1 января 1895 г. В нем говорится: «Воспитанники, не содержащиеся на казенном содержании и не получающие пособия, вообще не поименованные в настоящем списке, но содержащиеся в общежитии, обязаны вносить за свое содержание по 100 руб. в год» {38}.

Следовательно, Сосо, принятый на общих основаниях как своекоштный, должен был не только одеваться за свой счет, но и платить 40 руб. за право обучения и 100 руб. за содержание в общежитии, т. е. 140 руб. в год.

«Плата, — говорилось в „Уставе православной духовной семинарии" 1884 г., — вносится по третям года, в течение первой половины первого третного месяца» {39}, т. е. до 15 сентября, 15 января и 15 мая. Это значит, что Сосо обязан был немедленно приобрести форменную

одежду и не позднее 15 сентября 1894 г. внести 46 руб. 67 коп.

Таких денег у Кеке не было. Поэтому, несмотря на успешно сданные вступительные экзамены, ее сын уже через две-три недели после его зачисления мог оказаться за стенами семинарии.

Имел ли он право на казенное содержание? Устав 1884 г. разрешал принимать на подобное содержание только «сирот, а из имеющих родителей тех, которые представили надлежащее удостоверение и бедность и недостаточное имущественное положение которых известно Правлению и которые, кроме того, оказали лучшие успехи и поведение, преимущественно из воспитанников духовного звания» {40}.

Из этого явствует, что Сосо мог быть принят на полное или половинное казенное содержание только в виде исключения. «На счастье, — вспоминал С. П. Гогличидзе, — у Кеке среди преподавателей оказались знакомые, они знали, как нуждается Кеке, сказали об этом ректору, заявив (об этом. — *А.О.*) также на собрании, и Сосо был принят в пансион» {41}.

Действительно, сразу же после того, как ему стало известно о зачислении в семинарию на общих основаниях, в этот же день, 2 сентября 1894 г., Сосо Джугашвили подал прошение на имя ректора семинарии, в котором просил принять его «в пансион», хотя бы «на полуказенное содержание» {42}. 3 сентября прежнее решение было пересмотрено, и он был зачислен в качестве полупансионера {43}.

Это означало бесплатное проживание в общежитии и пользование столовой. Но Сосо должен был платить

40 руб. в год за право обучения и одеваться полностью за свой счет.

В 1894 г. педагогический коллектив семинарии состоял из 23 человек, его возглавлял ректор, кандидат богословия, архимандрит Серафим, помощником которого был инспектор семинарии, кандидат богословия иеромонах Гермоген [15]{44}.

«Осенью… — вспоминал Доментий Гогохия, — мы приехали в Тифлис, впервые в нашей жизни очутились в большом городе. Нас ввели в четырехэтажный дом, в огромные комнаты общежития, в которых размещалось по 20–30 человек. Это здание и было Тифлисской духовной семинарией. Жизнь в духовной семинарии протекала однообразно и монотонно. Вставали мы в семь часов утра. Сначала нас заставляли молиться, потом мы пили чай, после звонка шли в класс. Дежурный ученик читал молитву „Царю небесному" и занятия продолжались с перерывами до двух часов дня. В три часа — обед. В пять часов вечера — перекличка, после которой выходить на улицу запрещалось. Мы чувствовали себя как в каменном мешке. Нас снова водили на вечернюю молитву, в восемь часов пили чай, затем расходились по классам готовить уроки, а в десять часов — по койкам, спать» {45}.

Таким образом, воспитанники почти в течение всего дня находились под постоянным контролем своих преподавателей и имели лишь полтора-два свободных часа личного времени в обычные дни (между 15.00 и 17.00) плюс воскресенье.

Сосо появился в Тифлисской семинарии после того, как она пережила волнения 1893 г. и на протяжении почти девяти месяцев была закрыта {46}. В связи с этим в 1894 г. в семинарии оказалось два отделения пер-

вого класса. Одно состояло из поступивших в 1893 г., другое — из поступивших в 1894 г. Так Сосо догнал Миху Давиташвили. Они оказались в разных отделениях одного и того же первого класса [47].

Вместе с И. Джугашвили из Гори в семинарию поступили Гриша Глурджидзе, Дормидонт Гогохия, Иосиф Иремашвили, Петр Капанадзе, Валико Касрадзе, Гриша Паркадзе, Кита Тхинвалели, Васо Хаханишвили. К ним присоединились Симон Натрошвили из Телави и Арчил (Ростом) Долидзе из Озургет [48]. Позднее, в 1896 г., Сосо сблизился с Михаилом Монаселидзе [49].

В семинарии воспитанники прежде всего группировались по месту жительства и национальности. Г. Паркадзе утверждал, что горийцы теснее всего дружили с телавцами [50].

Первоначально Сосо чувствовал себя в большом городе и в новой среде неуверенно. Вот каким вспоминал его учившийся в

1894 г. в третьем классе Сеид Девдориани: «Тихий, предупредительный, стыдливый, застенчивый — таким я помню Сосо с первых дней семинарии до знакомства» [51].

С воспоминаниями С. Девдориани перекликаются воспоминания В. Кецховели, который утверждал, что после поступления в семинарию Сосо стал более сдержанным, молчаливым и даже замкнутым: «В этот период характер товарища Сталина совершенно изменился: прошла любовь к играм и забавам детства. Он стал задумчивым и, казалось, замкнутым» [52].

Однако он очень быстро освоился на новом месте. 21 сентября 1894 г. его фамилия впервые появилась в

кондуитном журнале {53}. Правда, допущенные им прегрешения были несерьезны, и первый класс он закончил по первому разряду с оценкой «отлично» по поведению, причем в списке класса по итогам года значился 8-м {54}.

Где и как Сосо провел свои первые летние каникулы, мы точно не знаем. Но заслуживают внимания воспоминания Г. Елисабедашвили, который писал: «Летние месяцы Сосо часто проводил в деревне Цроми (около железнодорожной станции Гоми) [16], что находится по правую сторону Куры, в доме покойного Миши Давиташвили» {55}.

Имеются сведения, что летом 1895 г. в Гори Сосо встречался с приехавшими на каникулы студентами медицинского факультета Московского университета Иосифом Барамовым и Петром Дондаровым. Оба к этому времени уже приобщились к существовавшим в университете студенческим кружкам, и от них Сосо мог узнать о той жизни, которую вели московские студенты и которая принципиально отличалась от жизни воспитанников семинарии {56}.

Покидая по окончании первого класса Тифлис, Сосо посетил редакцию газеты «Иверия» и принес сюда свои стихи. Если верить воспоминаниям, его принял сам Илья Чавчавадзе, которому стихи понравились, и он направил их автора к секретарю редакции Григорию Федоровичу Кипшидзе. Тот отобрал пять стихотворений {57}, и вскоре (17 июня, 22 сентября, 11, 25 и 29 октября) они появились на страницах газеты {58}. Позднее, 28 июля 1896 г., еще одно стихотворение Сосо было опубликовано на страницах газеты «Квали» {59}.

Второй класс тоже прошел без особых событий в жизни Сосо. Он тоже закончил его по первому разряду, тоже с оценкой «отлично» по поведению, а по итогам года передвинулся в списке класса с 8-го на 5-е место {60}.

Совершенно другой мир

Между тем за стенами семинарии находился другой мир. От него как китайской стеной воспитанники были отгорожены запретами. И чем более строгими были они, тем заманчивее представлялся этот мир. Одних семинаристов тянуло на улицы города, по которым соблазнительно стучали каблучки женских туфелек, других звали к себе насытить чрево или насладиться стаканом вина базары и духаны, третьих манили запрещенной в Семинарии светской литературой книжные лавки и библиотеки.

Как относился ко всем этим соблазнам Сосо, мы не знаем. Но есть сведения, что до него доходили отрывочные и поначалу не совсем понятные ему слухи о существовании совершенно другого мира, в котором жили люди, отрекшиеся отличного счастья и посвятившие себя не служению богу, а борьбе за изменение того общества, в котором он жил.

Такие люди существовали всегда. И всегда, то затихая, то обостряясь, в обществе шла и идет борьба за его изменение. На Кавказе с начала XIX в. она дополнялась стремлением к независимости от России. Уже в 1804 г. здесь вспыхнуло антирусское восстание, центром которого был Горийский уезд и в котором, по всей видимости, принимал участие Заза Джугашвили {1}. А в 1832 г. был раскрыт антирусский заговор, к которому

оказались причастны многие представители грузинской аристократии [{2}].

Общественное движение в России берет начало с декабристов, на Кавказе — с первого поколения грузинских студентов, которые появились в Петербурге в середине XIX в. и здесь получили революционное крещение. Особую известность среди них позднее приобрели Николай Яковлевич Николадзе, Георгий Ефимович Церетели и князь Илья Григорьевич Чавчавадзе [{3}].

По свидетельству М. Цхакия, в 80-х гг. в Тифлисе существовало «два-три народнических кружка», которые в 1886 г. отважились выступить с воззванием «О Кавказской федерации» [{4}]. К числу тифлисских народников этого периода принадлежали А. М. и П. М. Аргутинские-Долгоруковы, А. А. и И. А. Вермишевы, С. А. Дандуров, И. С. Джабадари, С. В. Джибладзе, А. В. Домбровская, А. Б., З. Б. и Я. Б. Евангуловы, А. М. Калюжный, О. С. Любатович, В. С. Мосешвили, А. Окуашвили, А. Н. Пурцеладзе, И. Рамишвили, Н. А. Худадов, М. Г. Цхакая, Г. А. Читадзе, З. И. Чичинадзе, З. и М. Чодришвили и некоторые другие [{5}]. С 1890 по 1893 г. в Тифлисе жил автор известной в свое время книги «Положение рабочего класса в России» Василий Васильевич Берви-Флеровский [{6}], в 1891–1893 гг. — бывший народоволец Николай Михайлович Флеров [{7}].

К этому кругу лиц принадлежала дочь управляющего Тифлисским отделением Государственного банка Владимира Ивановича Кайданова [17][{8}]Ольга, ставшая женой младшего сына В. В. Берви-Флеровского, профессора Юрьевского университет, Николая Васильевича Берви [18][{9}]. 17 октября 1885 г. она открыла в Тифлисе женскую вечернюю школу, а 20 сентября 1888 г. —

«Дешевую библиотеку» для народа [10]. Позднее при ее участии возникла «Комиссия народных чтений», приступившая к популяризации научных знаний [11]. Характеризуя свою деятельность, О. В. Кайданова заявляла, что таким образом она надеется подготовить «борцов за справедливость» [12].

На рубеже 80–90-х гг. XIX в. на Кавказе зарождается тенденция к консолидации революционно настроенных элементов и образованию политических партий.

В 1887 г. в Женеве вышел первый номер газеты «Гнчак» («Колокол»), редакция которой стала ядром армянской революционной партии под тем же названием [13]. Почти одновременно с формированием партии «Гнчак», которая со временем эволюционировала к марксизму, стала складываться другая армянская революционно-демократическая партия. Она возникла в Тифлисе в 1890 г. и получила название «Дашнакцутюн», что по-армянски означает «Союз» [14].

26–29 июня 1892 г. в Кутаисе состоялся студенческий съезд, на котором был «рассмотрен вопрос о необходимости установить между окончившими курс студентами такую организацию, благодаря которой можно было бы основать общий руководящий союз», и «об участии грузин в русской организации, стремящейся к уничтожению абсолютизма» [15]. Обсуждению конкретной программы действий в этом направлении было посвящено последнее, третье, конспиративное заседание, которое, по предположению жандармов, проходило на квартире князя Давида Александровича Микеладзе [16]. Бывший вольнослушатель Московского университета, он некоторое время жил за границей и участвовал там

вместе с Н. Я. Николадзе и П. А. Измайловым в издании журнала «Знамя» {17}.

Почти сразу же после «студенческого съезда» произошли два важных события. В том же году была сделана попытка создания «Лиги свободы Грузии», которая ставила перед собой цель «доставить кавказским народностям возможность создать независимость и объединить их в одну федерацию». Один из путей достижения данной цели автор программы «Лиги», бывший воспитанник Тифлисской духовной семинарии Ной Жордания, видел в «пропаганде среди рабочих» {18}. Тогда же в селении Зестафони Шоропанского уезда Кутаисской губернии, являвшемся центром марганцедобывающей промышленности на Кавказе, возникает организация, члены которой считали необходимым повернуться лицом к рабочему классу.

Первоначальное ядро этой организации составили агроном Евгений Вацадзе, вернувшийся из штрафных рот, бывший воспитанник Тифлисской духовной семинарии Сильвестр Виссарионович Джибладзе, марганцепромышленник Иосиф Павлович Какабадзе, сын священника Дмитрий Евктимович Каландарашвили, начинающий писатель Эгнате Ингорква (Ниношвили), бывший студент Харьковского ветеринарного института Николай (Карл) Семенович Чхеидзе {19}.

Летом 1892 г. эти шесть человек собрались на совещание и приняли решение о необходимости создания революционной организации, которая позднее с легкой руки Г. Е. Церетели получила название «Месаме даси», что означает «третья группа» {20}. 25 декабря 1892 г. в Зестафони на квартире И. П. Какабадзе состоялось второе, расширенное совещание этой группы, в ко-

тором, по свидетельству М. Г. Цхакаи, участвовало уже около 20 человек. Пока удалось установить фамилии 12 из них. Кроме шести уже названных лиц это были Исидор Квицаридзе, Исидор Рамишвили, Арсен Цитлидзе, Миха Цхакая и Тедо Сохокия. С этой организацией были связаны обучавшиеся тогда в Варшаве и являвшиеся членами «Лиги свободы Грузии» Н. Н. Жордания и Ф. И. Махарадзе [{21}].

Весной 1893 г. в Тифлисе было проведено еще одно совещание. Если верить М. Цхакае, оно избрало бюро организации из трех человек. Ими стали Степан Алексеевич Дандуров (армянин), Николай Михайлович Флеров (русский) и Михаил Григорьевич Цхакая (грузин) [{22}]. Что представляли к этому времени взгляды М. Г. Цхакая — нам неизвестно, но Н. М. Флеров и С. А. Дандуров еще оставались народниками [{23}].

Избранное бюро решило начать свою деятельность с того, чтобы взять под контроль существовавшие в Тифлисе ученические кружки самообразования и придать им политическую направленность. Один из таких кружков существовал в Учительском институте, его возглавлял Андро Лежава [{24}], другой — в Тифлисской духовной семинарии. Последний кружок до 1891 г. собирался на квартире Ф. Махарадзе, а после его отъезда в Варшаву у А. Г. Сологошвили [{25}]. Этот кружок был связан с М. Г. Цхакаей и в декабре 1893 г. сыграл важную роль в организация забастовки воспитанников Тифлисской духовной семинарии [{26}].

Деятельность, начатая «Месаме даси», захлебнулась в самом начале. В 1893 г. после окончания Учительского института Тифлис покинул А. М. Лежава [{27}], а после декабрьской забастовки того же года в семинарии —

М. Г. Цхакая [28], в результате оба ученических кружка распались. В том же году из Тифлиса в Харьков перебрался Н. М. Флеров. Исчез с горизонта С. А. Дандуров [29]. И едва только созданное, бюро «Месаме даси» прекратило свое существование.

Поставив перед собой задачу придать кружкам самообразования политический характер, члены «Месаме даси» сделали попытку организовать доставку на Кавказ нелегальной литературы. Решение этой задачи было возложено на учившихся в Варшаве Н. Жорданию и Ф. Махарадзе [30]. Однако первый же транспорт нелегальной литературы, который был организован ими с помощью польских социалистов (И. Миль и др.), провалился [31]. Ф. Махарадзе оказался в тюрьме, Н. Жордания вынужден был уехать за границу [32]. Вскоре по коммерческим делам за границу отправился И. П. Какабадзе [33]. 12 мая 1894 г. скончался Э. Ниношвили [34]. Н. С. Чхеидзе переселился в Батум [35], а Д. Е. Каландарашвили вернулся в свою деревню [36].

В результате оформившееся в Зестафони ядро «Месаме даси» Распалось. Но именно в этот момент, не позднее лета 1895 г., идея «укрепления нового сборища» получила поддержку со стороны Г. Е. Церетели. 17 июня он обратился к Н. Н. Жордании с письмом, в котором писал: «Моя обязанность — поработать для укрепления нового сборища, поэтому я хочу всех, кто борется на экономической и политической почве, соединить в одну группу». «Экономическая борьба наша, — писал он далее, — вместе с тем и борьба за свободу нации» [37]. Центром, объединяющим «всех, кто борется на экономиче-

ской и политической почве», становится редактируемая Г. Е. Церетели газета «Квали» [38].

А пока отдельные представители грузинской интеллигенции еще только начинали поворачиваться лицом к рабочему классу, на Кавказе возникают первые рабочие кружки.

Особую роль в этом отношении сыграл Федор Ермолаевич Афанасьев. Он родился в селении Манглис Тифлисской губернии и был сыном николаевского солдата. Получив домашнее образование, долгое время служил механиком в магазине швейных машинок Зингера. В 80-е гг. познакомился с А. М. Калюжным, который приобщил его к народничеству [39]. Проявив интерес к общественной жизни, Ф. Е. Афанасьев стал приобретать книги «тенденциозного» характера, в результате чего возникла редкая общественно-политическая библиотека «до полутора тысяч экземпляров» [40].

Квартира Ф. Е. Афанасьева стала превращаться в политический салон, через который до 1897 г. прошло около 200 человек [41]. Одним из читателей его библиотеки был живший тогда в Тифлисе и делавший самые первые шаги в литературе А. М. Пешков (Горький). Среди тех, кто посещал квартиру Ф. Е. Афанасьева, были и рабочие, из числа которых следует назвать Федора Ивановича Майорова и Ивана Матвеевича Маругина. Ф. И. Майоров появился у Ф. Е. Афанасьева в 1892 г. и в конце того же — начале следующего года создал в железнодорожных мастерских кружок самообразования, одним из членов которого стал будущий тесть И. В. Сталина Сергей Яковлевич Аллилуев [42].

Тогда же под руководством И. М. Маругина возник рабочий кружок в депо, в который входили около 12 человек. Из числа членов этого кружка нам пока известен лишь Константин Тадеозович Двали, двоюродная сестра которого, Като Сванидзе, стала первой женой И. В. Джугашвили [43].

В конце 1893 г. Ф. Е. Афанасьев решил создать кружок для изучения марксизма. В него были приглашены С. Я. Аллилуев, Ф. И. Майоров, И. М. Маругин, помощник машиниста на железной дороге П. Идзиковский и некоторые другие [44]. Однако, как признавался позднее С. Я. Аллилуев, из этой затеи ничего не вышло. Недостаток образования не позволил членам кружка освоить новое учение. Поэтому очень скоро его деятельность в данном направлении стала угасать [45]. Но она продолжалась в другом направлении — просветительском. По воспоминаниям Ивана Стуруа, С. Я. Аллилуев и Ф. И. Майоров создали в депо рабочую библиотеку, учредили при участии А. Б. Евангулова Общество трезвости, стали организовывать театральные представления и беседы с рабочими на научные темы, пытались приобщить грузинских рабочих к чтению произведений русских писателей [46]. Вокруг них начали группироваться наиболее грамотные рабочие, многие из которых позднее активно участвовали в политической борьбе.

Потерпев неудачу с организацией рабочего кружка, Ф. Е. Афанасьев в начале 1894 г. создал кружок изучения марксизма, членами которого стали представители интеллигенции: учительница Анна Адольфовна Киселевская (Зильберштейн) [47], студент Учительского института Михаил Иосифович Климиашвили, преподаватель Школы садоводства Коки, ученик Землемерного училища

Станислав (Юстус) Ренингер, выпускник ремесленного училища Василий (Васо) Григорьевич Цабадзе [48].

Необходимую литературу, которой не было у Ф. Е. Афанасьева, члены этого кружка брали из других личных библиотек. Некоторую помощь в этом отношении им оказывал бывший народник Антон Николаевич Пурцеладзе [49], внук того самого священника Иосифа Пурцеладзе [50], в показаниях которого фигурировал Заза Джукашвили [51].

Весной 1894 г. заболел и уехал в Крым М. И. Климиашвили [52]. Вскоре закончил училище и покинул Тифлис С. Ренингер [53]. В 1896 г. отправилась в Петербург Анна Киселевская [54]. И этот кружок Ф. Е. Афанасьева тоже распался.

Однако его библиотека по-прежнему продолжала существовать и пользоваться популярностью. Более того, летом 1897 г. была сделана попытка пополнения ее за счет нелегальной литературы. Но едва ли не первая же посланная на имя Ф. Е. Афанасьева посылка с запрещенными книгами была вскрыта, после чего 19 июня 1897 г. у него на квартире последовал обыск [55] и 20 июня началось следствие [56], которое продолжалось около двух лет [57]. По этому делу проходили многие лица, связанные с Ф. Е. Афанасьевым, в частности А. М. Пешков (Горький) [58].

Несмотря на то что в 1896 г. кружок Ф. Афанасьева окончательно распался, именно этот год позднее рассматривался как поворотная веха в формировании социал-демократического движения на Кавказе. «Социал-демократическое движение в Грузии, — отмечалось в 1901 г. на страницах нелегальной газеты „Брдзола“, —

явление недавнее, ему всего лишь несколько лет, точнее говоря, основы этого движения были заложены только в 1896 г.» [59].

Что же произошло в этом году?

Если первые рабочие кружки состояли в основном из русских рабочих, то в середине 90-х гг. возник первый рабочий кружок, состоявший из грузин. Его организатором стал Васо Цабадзе [60]. Членами созданного им кружка были Арчил Аравиашвили, Миха Бочаридзе (Бочаришвили), Давид Двали, Илико Копалейшвили, Аракел Окуашвили, Давид Ростомашвили, Вано Стуруа, Георгий Чхеидзе и Захарий Чодришвили [61].

В вопросе о времени возникновения этого кружка нет единства. Разброс мнений составляет около полутора лет: от середины 1895 до конца 1896 г. [62]Объяснение подобных расхождений, по всей видимости, следует искать не только в памяти отдельных мемуаристов, но и в том, что разные лица стали членами этого кружка в разное время. Иначе говоря, процесс его организационного оформления растянулся более чем на год.

Характеризуя появление этого кружка, необходимо учитывать не только скромный уровень марксистских познаний В. Цабадзе, но и его ограниченные возможности, связанные с получением марксистской литературы. Неудивительно поэтому, что первоначально возглавляемый им кружок имел общеобразовательный характер. Положение дел стало меняться только тогда, когда в Тифлисе появились первые революционеры, имевшие не только хорошую марксистскую подготовку, но и необходимые связи в революционных кругах за пределами Кавказа.

Одним из них был инженер Осип Аркадьевич (Иосиф Шмиелевич) Коган, получивший позднее известность под фамилией Ерманский.

О. А. Коган родился в 1866 г. в Аккермане Бессарабской губернии в семье ремесленника [{63}]. В 1887 г., будучи студентом Новороссийского университета, принял участие в студенческих беспорядках, за что был выслан на Кавказ. Здесь некоторое время жил в Кутаиси, где познакомился с бывшим тогда еще гимназистом Н. С. Чхеидзе. В 1888 г. получил разрешение отбывать гласный надзор полиции на родине. В Аккермане стал членом марксистского кружка, в который входили Давид Борисович Гольдендах (Рязанов), С. К. Розенблит, братья Георгий и Ипполит Яковлевичи Франчески, Вергилий Леонович Шанцер (партийная кличка Марат) [{64}]. С 1891 по 1895 г. О. А. Коган учился в Цюрихском политехническом институте. За границей он познакомился с членами группы «Освобождение труда», а также с некоторыми другими политическими эмигрантами, из числа которых следует назвать Виктора Константиновича Курнатовского.

Сын врача, В. К. Курнатовский родился в Риге, в 1886 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета и уже в следующем году был исключен из него по подозрению в связях с народовольческой группой А. И. Ульянова. Став в 1888 г. студентом Московского университета, он здесь приобщился к марксизму, в марте 1889 г... был арестован и выслан в Архангельскую губернию, по окончании ссылки уехал за границу, где тоже поступил в Цюрихский политехнический институт [{65}].

Вместе с В. К. Курнатовским О. А. Коган принял участии в создании «Союза русских социал-демократов за границей» и стал одним из его представителей на Цюрихском конгрессе II Интернационала [66].

Когда О. А. Коган в 1895 г. вернулся в Россию, он хотел поселиться в Москве, где у него были знакомые Вера Михайловна Величкина и ее жених Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, но из-за отказа полиции в прописке вынужден был отправиться на Кавказ. Здесь он получил место на строительстве Карской железной дороги [67].

В Тифлисе О. А. Коган сблизился с бывшими народниками князем А. М. Аргутинским-Долгоруковым, И. С. Джабадари, А. Б. Евангуловым (имеются сведения, что некоторое время жил у него на квартире), Г. Ф. Здановичем, А. М. Калюжным, О. С. Любатович, Н. А. Худадовым, а через них с О. В. Кайдановой и таким образом вышел как на «Дешевую библиотеку», так и на «Комиссию народных чтений». Это позволило ему познакомиться с наиболее передовыми рабочими [68].

Вскоре в Тифлисе появился И. Я. Франчески. Он родился 17 февраля 1870 г. в Одессе [69] и был сыном преподавателя французского языка, итальянца по происхождению [70]. И. Я. Франчески участвовал в том самом марксистском кружке в Аккермане, в который входил О. А. Коган [71]. После того как этот кружок распался, И. Я. Франчески уехал в Москву. Сюда осенью 1894 г. приехала сестра О. А. Когана Хая. По всей видимости, она приняла крещение, получила новое имя — Клара и под этим именем стала женой И. Я. Франчески [72].

В Москве супруги Франчески вошли в кружок М. Н. Котова, членами которого кроме них и Г. Я. Франчески были А. А. Жардецкая, А. Ш. Коган, К. А. Новгородцева, П. Ф. Теплов, С. Л. Франк, Б. Д. Фридман и еще около 10 человек. С этим кружком были связаны Н. С. Баранская, А. Н. Гесслер, Л. Н. Раевский, З. А. Серебрякова и некоторые другие [{73}].

Вскоре И. Я. Франчески попал в поле зрения жандармов и был привлечен к переписке по делу о кружке Павла Оленина и Виктора Захлыстова, состоявшем в связях с петербургской организацией «Группа народовольцев» [19][{74}]. Приговоренный к трем годам гласного надзора полиции в Аккермане [{75}], он получил возможность отбывать назначенный ему срок в Тифлисе, куда к брату уехала его жена [{76}]. В том же году на Кавказ перебрался и Г. Я. Франчески, но поселился не в Тифлисе, а в Батуме [{77}].

О. А. Коган и И. Я. Франчески не знали грузинского языка, поэтому первоначально могли ориентироваться лишь на русскоязычных рабочих. Их положение изменилось, когда в Тифлисе появился Иван Иванович Лузин.

И. И. Лузин родился 7 января 1869 г. в Тамбовской губернии в семье крестьянина, который в поисках заработка отправился на юг, начал заниматься коммерцией и вскоре разбогател. В 1877 г. он поселился в Тифлисе, затем перебрался в Кутаис. Здесь, будучи гимназистом, И. И. Лузин познакомился с Н. С. Чхеидзе и О. А. Коганом [{78}].

В 1890 г. И. И. Лузин поступил в Московский университет, но в следующем году был арестован, приговорен Особым совещанием к ссылке на пять лет и выслан в Ар-

хангельскую губернию [79]. Здесь он познакомился с В. К. Курнатовским, приобщившим его к марксизму [80], а также с учительницей местной сельской школы А. А. Жардецкой, с которой позднее, когда она перебралась в Москву, некоторое время состоял в переписке [81]. Через нее он имел возможность заочно познакомиться с братьями Франчески [82]. С 1892 по 1894 г. И. И. Лузин отбывал воинскую повинность, а с 1894 по 1896 г. — остающийся срок ссылки [83]. В этот период он познакомился с новым ссыльным — А. П. Скляренко (Поповым) [84], который принадлежал к первому поколению русских марксистов и являлся одним из учителей В. И. Ульянова (Ленина) [85].

Срок ссылки И. И. Лузина закончился 19 июня 1896 г. [86], 30 июня он выехал из Холмогор в Архангельск, 17 июля из Архангельска отправился на юг [87] и в августе, не позднее 11-го числа, прибыл в Тифлис [88].

В начале 1897 г. в Тифлисе появился врач Александр Николаевич Шатилов. Уроженец Тифлиса, он провел юность в Кутаиси и здесь в 1887 г. закончил ту же самую гимназию, в которой обучались И. И. Лузин и Н. С. Чхеидзе [89]. По окончании гимназии А. Н. Шатилов поступил на медицинский факультет Московского университета, а в 1891 г. перевелся в Юрьевский (Дерптский). В Юрьеве он вошел в состав марксистского кружка, которым руководил уже упоминавшийся ранее В. Л. Шанцер (Марат). Закончив университет и с апреля 1897 г. поселившись в Тифлисе, А. Н. Шатилов через некоторое время встретил здесь «товарища по гимназии» И. И. Лузина, а также знакомых ему со слов В. Л. Шанцера О. А. Когана и И. Я. Франчески и вошел в состав фор-

мировавшейся Тифлисской социал-демократической организации [90].

По одним данным, в 1896 [91], по другим — в 1897 г. [92] из столицы в Тифлис за участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», одним из руководителей которого являлся В. И. Ульянов (Ленин), был выслан рабочий Николай Гурьевич Полетаев [93].

Так в 1895–1896 гг. в Тифлисе появились первые марксисты, которые достаточно хорошо были знакомы с новым учением и имели разветвленные связи за пределами Кавказа, позволявшие им получать не только информацию о рабочем движении, но и необходимую нелегальную литературу.

Позднее А. Окуашвили специально отмечал большую их роль «в деле насаждения марксистских идей и создания социал-демократической организации в Тифлисе». «Первый рабочий социал-демократический кружок, основанный под руководством Васо Цабадзе, — подчеркивал он, — организовался под непосредственным идейным влиянием Когана и Ивана Лузина» [94]. С их появлением связывал поворот в зарождении социал-демократического движения и Вано Стуруа [95].

Желание О. А. Когана и его единомышленников начать марксистскую пропаганду среди рабочих первоначально не встретило поддержки со стороны В. Цабадзе. «Коган, — отмечал М. И. Климиашвили, — захотел работать в железнодорожных мастерских, но Васо Цабадзе был против и не пустил его туда», более того, «Васо предпринял против Когана чуть ли не крестовый поход» [96].

Несмотря на это, О. А. Когану удалось установить связи с рабочими и создать два кружка. «В эти кружки, — вспоминал он, — входили, с одной стороны, русские рабочие, высланные из Питера: рабочий Путиловского завода Н. Г. Полетаев (впоследствии депутат Государственной Думы, большевик), рабочие и машинисты Кавказской железной дороги — Маругин, Идзиковский, Майоров и др. , с другой стороны, грузинские рабочие: Аракел, Кавтарадзе и др.» {97}.

Нетрудно заметить, что почти все названные О. А. Коганом русские рабочие, за исключением Н. Г. Полетаева, до этого были связаны с Ф. Е. Афанасьевым.

Ранее уже отмечалось, что первоначально кружок В. Цабадзе имел общеобразовательный характер. Имеются сведения, что подобный характер рабочие кружки сохраняли вплоть до 1897 г. и «все… были связаны с воскресной школой» {98}. По всей видимости, положение дел в этом вопросе стало меняться только после того, как в 1896 г. О. А. Коган побывал в Европейской России и по возвращении обратно сумел через свою знакомую Елизавету Николаевну Федорову {99} получить первую партию нелегальной литературы {100}.

Некоторое представление о том, что это была за литература, дают воспоминания Вано Стуруа. «Мы, — вспоминал он, — восхищались брошюрами „Кто чем живет" Дикштейна, „8-часовой рабочий день", „Что нужно знать и помнить каждому рабочему" и т. д. Принялись за Свидерского, „Краткий курс экономической науки" Богданова и т. д.» {101}.

Еще на стадии общеобразовательной деятельности кружка В. Цабадзе стало обнаруживаться, что его орга-

низатору не хватает знаний. Поэтому уже зимой 1896/1897 гг. члены кружка сами стали приглашать к себе для занятий отдельных представителей местной радикальной интеллигенции {102}. Так среди пропагандистов оказались С. Джибладзе и Ф. Махарадзе {103}.

Эти занятия конспирировались настолько, что, когда в начале 1897 г. Ф. Махарадзе стал покидать Тифлис и решил передать С. Джибладзе свой рабочий кружок, оказалось, что они параллельно занимались с одними и теми же рабочими. Только после этого рабочие решили поставить В. Цабадзе в известность о желании иметь в качестве своего руководителя С. Джибладзе {104}. «Васо Цабадзе больше не мог удовлетворять возросшие требования железнодорожных рабочих», вспоминал М. И. Климиашвили, и «они пригласили для работы в Тбилиси Силибистро Джибладзе» {105}. А поскольку весной — летом 1897 г. С. Джибладзе находился в филлоксерной партии [20], то встать во главе рабочего кружка он мог только осенью 1897 г. {106}.

Между тем когда осенью 1897 г. С. Джибладзе снова появился в Тифлисе, сюда вернулись из деревни Ладо Кецховели {107}, из-за границы — Ной Жордания {108}. Последний получил предложение Г. Е. Церетели взять в свои руки редактирование «Квали» {109}. После ряда совещаний Н. Жордания с товарищами у себя на родине, в селении Ланчхуты Озургетского уезда Кутаисской губернии {110}, в Кутаисе {111}, Батуме {112} и, наконец, 6 декабря 1897 г. в Тифлисе {113} было решено принять предложение Г. Е. Церетели и сделать «Квали» легальным марксистским органом, причем в качестве представителя от русской части склады-

вавшийся социал-демократической организации в редакцию был введен И. И. Лузин [114].

С этого момента редакция «Квали» стала руководящим центром рождавшейся в Тифлисе социал-демократической организации, а Н. Жордания — фактически ее лидером. Укреплению его позиций способствовало то, что в 1898 г., спасаясь от преследования жандармов, О. А. Коган вынужден был покинуть Тифлис [115], а И. И. Лузин и братья Г. Я. и И. Я. Франчески оказались за решеткой [116].

Основное внимание редакции «Квали» было обращено на расширение своей аудитории, поэтому с 1898 г. она предпринимает активные усилия, направленные на создание новых рабочих кружков. Некоторое представление об этом дают имеющиеся в нашем распоряжении сведения о праздновании 1 мая. «Первая маевка, — вспоминал один из ее участников, — была организована у нас в 1897 г. подпольным кружком РСДРП, работавшим в то время в мастерских. Собрались мы небольшой группой в доме Шатиловй, в Ленинском районе» [117]. В 1898 г. в праздновании 1 мая принимало участие около 35 человек [118], в 1899 г. — около 70 человек [119].

С одной стороны, эти цифры свидетельствуют о постепенном расширении рядов социал-демократической организации, с другой стороны, о том, что вплоть до конца 90-х гг. она объединяла в своих рядах незначительную горстку сторонников новых идей.

Выбор пути

Сосо Джугашвили был способным учеником и мог сделать успешную духовную карьеру. Однако он не воспользовался такой возможностью и стал революционером.

13 декабря 1931 г. в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом И. В. Сталин так охарактеризовал свое приобщение к революционной деятельности: «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе» {1}.

Если учесть, что официальной датой рождения И. В. Сталина считался 1879 г., получается, что он познакомился с революционным подпольем и стал приобщаться к марксизму в 1894–1895 гг., т. е. сразу же по поступлении в Тифлисскую духовную семинарию. Между тем, как мы имели возможность убедиться, к этому времени в Тифлисе еще не было «подпольных групп русских марксистов».

Утверждая в 1931 г., что к революционному движению его приобщили «русские марксисты, проживавшие тогда в Закавказье», И. В. Сталин не назвал ни одного из своих наставников. Позднее при подготовке его «Краткой биографии» такая попытка была сделана. «В 1895 г., — читаем мы в ее корректурном экземпляре, — тов. Сталин связался уже с некоторыми высланными в Закавказье русскими социал-демократами: Франчески, Лузиным, Коганом» {2}.

В опубликованный текст «Краткой биографии» приведенные выше слова включены не были. Однако три на-

званные выше фамилии все-таки нашли отражение в печати. «Будучи в семинарии, — отмечал один из биографов И. В. Сталина, М. А. Москалев, — товарищ Сталин в конце 1894 г. установил связь с высланными из России в административном порядке революционерами (И. Коганом, И. Лузиным, Франчески и др.), которые оказали большое влияние на товарища Сталина и при помощи которых он познакомился с марксизмом» {3}.

Если учесть, что О. А. Коган и И. И. Лузин позднее стали меньшевиками, а И. Я. Франчески перешел на еще более умеренные позиции, то признание их в качестве учителей И. В. Сталина не могло в 30-е гг. появиться в печати без ведома самого вождя. Однако О. А. Коган поселился в Тифлисе в конце 1895 г., а И. И. Лузин и Г. Я. Франчески — еще позже, летом 1896 г. Поэтому познакомиться с ними И. В. Джугашвили мог не ранее 1896 г.

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что вплоть до 1896 г. не прослеживается никаких изменений в отношении И. В. Джугашвили к своим учебным обязанностям. Вспомним, что первый класс (1894–1895 гг.) он закончил по первому разряду со средним баллом 4,5 и оценкой 5 по поведению.

Вот его оценки за этот класс (годовые, экзаменационные, итоговые): Священное Писание: 4, 5, 4,5; церковно-славянское пение — 4, 5, 4,5; грузинско-имеретинское пение — 5, 5, 5; грузинский язык — 5, 5, 5; русская словесность — 4, 5, 4,5; греческий язык — 4, 4, 4; гражданская история — 3, 5, 4; математика — 4, 5, 4,5. Если сравнить годовые и экзаменационные оценки, можно заметить, что в течение года И. В. Джугашвили учился хорошо, но не блистал. Из восьми предметов он имел пятерки только по трем. Зато по гражданской истории у

него была тройка. Если же он закончил учебный год только с двумя четверками, то лишь благодаря тому, что сумел блеснуть на экзаменах.

По первому разряду им был закончен и второй класс (1895–1896 гг.), тоже с оценкой 5 по поведению, но со средним баллом 4 [{4}]. Если в первом классе он по успехам занимал 8-е место, то во втором — 5-е [{5}].

За второй класс пока удалось обнаружить ведомость лишь с годовыми оценками. Если исходить из того, что в 1895–1896 гг. И. В. Джугашвили передвинулся по успехам с 8-го на 5-е место в классе, можно было бы ожидать, что учиться он стал лучше. Однако знакомство с годовыми оценками показывает, что из девяти предметов только по одному (церковно-славянское пение) он имел отличную оценку, по остальным предметам (Священное Писание, древние языки, церковное грузинское пение, словесность, библейская история, гражданская история, математика, грузинский язык) в его табеле стояли четверки [{6}]. Это свидетельствует о том, что уже во втором классе он стал заниматься хуже и если по общим показателям передвинулся на три ступеньки вверх, то, видимо, только потому, что среди его одноклассников успеваемость понизилась еще в большей степени.

Более значительные перемены произошли в третьем классе (1896–1897 гг.), который Сосо закончил с оценкой 4 по поведению и средним баллом 3,5, перейдя в результате этого из первого разряда во второй и передвинувшись в списке успевающих с 5-го на 16-е место. Третий класс И. В. Джугашвили закончил уже без пятерок, У него сохранились четверки по церковно-славянскому пению, греческому языку, грузинскому языку, логике, гражданской истории, словесности, правда с минусом, зато по

церковной истории и Священному Писанию появились тройки [7].

В четвертом классе (1897–1898 гг.) И. В. Джугашвили имел тройку по поведению, он был оставлен на осень для переэкзаменовки и в списке успевающих передвинулся на 20-е место. Из 10 предметов только по церковно-славянскому пению у него сохранилась четверка, по Священному Писанию красовалась двойка, по остальным предметам (церковная история, греческий язык, основы богословия, гомилетика, литургика, психология, физика, грузинская церковная история) были тройки [8].

Весной 1899 г. Сосо Джугашвили не сдавал экзамены за пятый класс. А результаты его учебы в течение года выглядели следующим образом: поведение, Священное Писание, основы богословия, догматика богословия, русская церковная история, гомилетика, литургика, краткое руководство для пастырей, раскол, церковные грузинские предметы, дидактика, церковно-славянское пение, церковное имеретинское и грузинское пение — 3, сочинение — 2,5 [9].

Таким образом, из отличника в отстающего ученика И. В. Джугашвили стал превращаться в третьем классе, т. е. в 1896–1897 гг.

Показательно в этом отношении и то, что свои первые стихи летом 1895 г. он отнес в газету «Иверия», а 28 июля 1896 г. одно из его стихотворений появилось на страницах газеты «Квали» [10]. В этом же году он становится читателем «Дешевой библиотеки» [11] и членом ученического кружка, который возглавлял старшеклассник Сеид Девдориани.

«Нас, — вспоминал С. Девдориани, — некоторых учеников в виду слабого здоровья перевели из общежития на отдельную квартиру. Там вместе очутились я и Сосо. Сразу после знакомства я предложил ему вступить в кружок. Он обрадовался и согласился <…>. Прекратилось сочинение стихов. Кружок был нелегальный. Организовался он с конца 1896 г. по моей инициативе. Сосо вступил в него в конце того же года, осенью» {12}.

Исходя из этого, можно утверждать, что приобщение И. В. Джугашвили к нелегальной деятельности началось не ранее осени 1896 г., когда ему шел уже восемнадцатый год.

Что же представлял собой этот нелегальный кружок и кто в него входил? По свидетельству И. Иремашвили, первоначально в нем насчитывалось 10 человек, в числе которых могли быть Ал. Аладашвили, Миха Давиташвили, Сеид Девдориани, Иосиф Джугашвили, Вано Зедгенидзе, Иосиф Иремашвили, Симон Натрошвили, Васо Хаханишвили, Г. Хуцишвили {13}.

Несмотря на то что кружок действовал нелегально, его члены читали и обсуждали совершенно легальные издания. Дело в том, что будущих священников стали интересовать вопросы, которые выходили за пределы богослужебной литературы. Между тем чтение светской литературы в семинарии было запрещено.

На это прямо указывал в своих воспоминаниях Симон Натрошвили: «В первом и втором классах, — вспоминал он, — мы читали главным образом художественную литературу и книги по естествознанию — геологии, биологии, физиологии, физике, химии и т. д. В третьем и четвертом классах (в 1896–1898 гг.) кроме естествозна-

ния главное внимание обращали на изучение истории культуры и политэкономии» {14}.

«Для занятий кружка, — вспоминал Васо Хаханишвили, — наняли комнату на Мамадавидской площади, где мы собирались с 3 час. до 5 после обеда», «в воскресные дни учащиеся в обязательном порядке должны были присутствовать на обедне. После обеда мы с тов. Сосо шли в библиотеку „Общества распространения грамотности", т. е. в „Дешевую библиотеку"» {15}.

Наряду с «Дешевой библиотекой» члены этого ученического кружка стали получать книги от бывшего народника, владельца книжного магазина Захария Чичинадзе. «Для того чтобы достать легальные, но запрещенные в семинарии книги, — вспоминал С. Девдориани, — мы обращались к книжнику (букинисту) Захару Чичинадзе. У него была хорошая библиотека. В его библиотеке (с помощью его книг) выросло первое поколение грузинских социал-демократов» {16}.

Сосо еще не имел опыта конспирации, поэтому очень скоро у него была обнаружена одна из запрещенных книг — роман Виктора Гюго «93-й год» {17}. Через некоторое время он попался с новой книгой. 30 ноября 1896 г. в кондуитном журнале появилась запись: «Джугашвили <…> оказывается, имеет абонементный лист из „Дешевой библиотеки", книгами из которой он и пользуется. Сегодня я конфисковал у него сочинение В. Гюго „Труженики моря", где и нашел названный лист. Помощник инспектора С. Мураховский».

На это сообщение последовала резолюция инспектора семинарии иеромонаха Гермогена: «Наказать продол-

жительным карцером, мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги „93-й год" В. Гюго» {18}.

Запись 3 марта 1897 г.: «В 11 час. вечера мною отобрана у Джугашвили Иосифа <…> книга „Литературное развитие народных масс" Летурно, взятая им из „Дешевой библиотеки". В книге оказался и абонементный лист. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из „Дешевой библиотеки" названный ученик замечен уже в третий раз. Книга представлена мною инспектору. Мураховский». Резолюция: «По распоряжению ректора — продолжительный карцер и строгое предупреждение» {19}.

Первоначально занятия кружка имели бессистемный характер. Затем было решено разработать программу, т. е. определить круг и последовательность изучения отдельных вопросов и книг. В связи с этим в кружке возникли первые разногласия. «Разногласия, — утверждал С. Натрошвили, — выявились, как я припоминаю, когда Сосо был в третьем классе, в апреле 1897 г., и были связаны с составлением программы занятий кружка» {20}. На связь первых разногласий с разработкой подобной программы указывал в своих воспоминаниях и Сеид Девдориани, но относил их к концу 1897 г. {21}.

Суть этих разногласий сводилась к тому, что С. Девдориани считал необходимым сохранение общеобразовательного характера кружка, а Сосо Джугашвили настаивал на том, чтобы первое место в программе заняли общественно-политические вопросы. Программа была составлена в соответствии с предложениями Сеида Девдориани. Однако Сосо, по всей видимости, добился вынесения разногласий на третейский суд.

«Однажды, — вспоминал С. Девдориани, — Вано Зедгенидзе повел меня к Сильвестру Джибладзе и Филиппу Махарадзе, они жили вместе. Оба сказали нам: слишком академично» [22]. Если С. Девдориани не ошибся, называя среди третейских судей Ф. Махарадзе, то упомянутая им встреча могла произойти только в самом конце зимы 1896/97 г., так как по ее окончании Ф. Махарадзе уехал из Тифлиса [23]. Это позволяет сблизить свидетельство С. Девдориани со свидетельством С. Натрошвили, который относил возникновение разногласий к весне 1897 г. С учетом этого следует обратить внимание на свидетельство самого Ф. Махарадзе, который датировал свое знакомство с семинаристом И. В. Джугашвили 1896 г. [24].

Однако возникшие разногласия весной 1897 г. не могли получить своего разрешения, так как уже к 1 апреля учебные занятия в семинарии завершились и воспитанники разъехались на пасхальные каникулы, а когда вернулись обратно, начались экзамены [25].

О том, что тогда разногласия между И. В. Джугашвили и С. Девдориани еще не имели принципиального характера, свидетельствуют воспоминания самого С. Девдориани: «Однажды, — вспоминал он, — я гостил у него в Гори», а «он гостил у меня в деревне». Их сближение произошло осенью 1896 г. Поэтому первый визит мог иметь место не ранее декабря 1896 г. (рождественские каникулы), а второй не ранее апреля 1897 г. (пасхальные каникулы) [26]. Лето же 1897 г. Сосо провел у М. Давиташвили в селении Цроми [27].

Когда по окончании третьего класса И. Джугашвили вернулся в Гори, он снова мог встретиться с Иосифом Барамовым, который к этому времени находился здесь уже

не на каникулах, а под гласным надзором полиции {28}. Дело в том, что, обучаясь в Московском университете, он вошел в студенческий кружок, стал членом грузинского землячества и был избран в Союзный Совет, который возглавлял все студенческие землячества Москвы. 18 ноября 1896 г. Союзный Совет сделал попытку организовать массовую студенческую демонстрацию протеста, посвященную ходынской трагедии. В связи с этим было арестовано более 70 человек. 16 января 1897 г. Особое совещание при МВД постановило выслать самых активных участников этих событий из Москвы. Так И. И. Барамов оказался в Гори [21]{29}.

По возвращении с летних каникул в Тифлис Сосо Джугашвили познакомился и затем близко сошелся с новым воспитанником семинарии Васо Бердзеношвили {30}. Тогда же в четвертом классе он начал посещать книжный магазин Иосифа Захаровича Имедашвили. Известно, что он родился 20 марта 1876 г. и происходил из крестьян села Хамши Сартачальского участка Тифлисского уезда, в 1891–1893 гг. учился в Тифлисском ремесленном училище, но по болезни должен был бросить его. Оставшись в Тифлисе, И. З. Имедашвили открыл книжный магазин {31}. Посещая этот магазин, И. В. Джугашвили вскоре стал своим человеком в доме И. З. Имедашвили и получил возможность познакомиться как с его друзьями, так и с родственниками {32}.

Еще более важное значение для Сосо имело то, что осенью 1897 г. в Тифлис вернулся Ладо Кецховели.

После исключения из Тифлисской духовной семинарии Л. З. Кецховели поступил в Киевскую духовную семинарию. Здесь в марте 1896 г. у него на квартире была обнаружена нелегальная литература, в связи с чем он был

привлечен при Киевском ГЖУ к переписке о выяснении политической благонадежности. От наказания его спасла амнистия, объявленная 14 мая 1896 г. в связи с коронацией Николая II. Вернувшись домой, Ладо некоторое время служил писарем в селении Тквиави, а осенью 1897 г. перебрался в Тифлис и здесь поступил корректором в редакцию грузинской газеты «Цнобис Пурцели» {33}.

Первоначально он поселился вместе с Северианом Джугели и Ражденом Каладзе, затем вместе с Северианом Джугели перебрался к Захарию Чичинадзе. Имеются сведения, что к этому времени его уже занимала идея создания нелегальной типографии {34}, в связи с чем в первой половине 1898 г. он оставил прежнее место работы и при содействии З. Чичинадзе перешел в типографию Хеладзе с окладом 15 руб. в месяц, где и проработал до 1899 г. {35}.

Поселившись в Тифлисе, Ладо восстановил свои старые связи и очень скоро вошел в кружок, члены которого собирались на квартире Михи Дарчиашвили. Вспоминая об этом кружке, Михаил Иосифович Климиашвили писал:

«В основном я был связан с кружком, существовавшим на квартире Михи Дарчиашвили на берегу Куры, близ мельницы Далилова. Там я встречался с Ладо Дарчиашвили, Ладо Кецховели, Северианом Джугели, Ражденом Каладзе, Ирадионом Хаситашвили (Евдошвили) и другими» {36}. Из числа этих других М. И. Климиашвили забыл назвать Сильвестра Джибладзе.

Приобщение И. В. Джугашвили к названному кругу лиц способствовало дальнейшей радикализации его взглядов и знакомству с марксизмом. Показательно, что в

одной из анкет 1920 г. на вопрос «С какого времени Вы принимали участие в революционном движении?» И. В. Сталин ответил: «С 1897 г.» {37}.

По свидетельству А. Енукидзе, вернувшись в Тифлис, Л. Кецховели установил связь с существовавшим в семинарии ученическим кружком и взял на себя роль его наставника {38}. Если исходить из воспоминаний Г. Паркадзе, это произошло примерно осенью 1897 г. {39}Одним из показателей начавшихся под влиянием этого перемен было то, что члены кружка стали чаще собираться за стенами семинарии. «Кружок, — вспоминал Гриша Размадзе, — собирался на немецком кладбище или около Арсенала. Зимой мы даже снимали с этой целью комнату на горе Давида, а потом на Авлабаре» {40}. По свидетельству В. Кецховели, семинаристы собирались также на квартирах Л. Кецховели и А. Сологошвили {41}.

Одновременно с этим усилились разногласия между И. В. Джугашвили и Сеидом Девдориани. «С конца 1897 г., — отмечал С. Девдориани, — между мной и Сосо начались разногласия. Я следовал более академической линии, он — практической» {42}.

Зимой 1897/98 г. произошло постепенное приобщение И. В. Джугашвили к социал-демократическому движению. Особое значение в этом отношении некоторые авторы воспоминаний придавали появлению И. В. Джугашвили на квартире Вано Стуруа.

«В начале 1898 г. состоялась наша первая памятная встреча с молодым пропагандистом Сталиным, — вспоминал рабочий Георгий Нинуа, — это было на квартире Вано Стуруа, в доме № 194 по Елизаветинской улице. В

двух небольших комнатах первого этажа жила группа железнодорожных рабочих. В этот вечер кроме В. Стуруа собрались Чодришвили, Бочаридзе, Мачарадзе, я и еще несколько рабочих». Потом пришел Сильвестр Джибладзе, который привел с собой Сосо [43].

Эту встречу описал и Аракел Окуашвили: «Впервые, — вспоминал он, — я встретился со Сталиным в 1898 г. Тогда он был совсем молодым. В „Нахаловке" (так называлась тогда часть Тифлиса, заиленная рабочими Главных мастерских Закавказской железной Дороги) в доме айсора Айваза собрались Закро Чодришвили, Георгий Чхеидзе, Нинуа, я и еще несколько рабочих. Позднее к нам пришел Сильвестр Джибладзе, но не один, а с незнакомым нам молодым человеком. Это был Сталин» [44].

Запомнился этот эпизод и самому И. В. Сталину. «Я вспоминаю, — отмечал он в 1926 г., — как я на квартире т. Стуруа в присутствии Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Чодришвили, Чхеидзе, Бочаришвили, Нинуа и др[угих] передовых рабочих Тифлиса получил первые уроки практической работы» [45].

Ни А. Окуашвили, ни Г. Нинуа ничего не писали о цели появления И. В. Джугашвили на квартире В. Стуруа. По всей видимости, это были «смотрины», которые прошли успешно, и Сосо было решено использовать в качестве пропагандиста.

Имеются сведения, что С. Джибладзе познакомил Сосо с Калистратом Гогуа и «поручил ему составить для Сталина рабочий кружок, в котором (кружок был создан из молодых железнодорожников) Сталин и начал тогда же социал-демократическую пропаганду среди рабочих» [46]. По свидетельству А. Окуашвили, первыми учениками

Сосо Джугашвили были не грузинские, а русские рабочие-железнодорожники [47].

В 1898 г. Сосо Джугашвили действительно руководил в железнодорожном депо кружком, в состав которого входили Василий Баженов, Алексей Закомолдин, Леон Золотарев, Яков Кочетков, Петр Монтин (Монтян) [48]. Возможно, в этот кружок входил и рабочий Н. Выгорбин, который относил свое знакомство с И. В. Джугашвили к весне 1898 г. [49].

Что к этому времени представляли собой взгляды Сосо Джугашвили, мы не знаем. Точно так же нам ничего не известно и о том, где, когда и как он впервые познакомился с марксизмом.

Если же обратиться к каталогу «Дешевой библиотеки», изданному в 1896 г., то из него явствует, что в библиотеке имелись только одно произведение К. Маркса, «Критика некоторых положений политэкономии», и книга Н. Н. Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-политических исследованиях», а также три рецензии на Маркса из «Вестника Европы» (К-н. «Точка зрения политэкономической критики у К. Маркса» (1872, № 5), Жуковский. «К. Маркс и его книга о капитале» (1877, № 9) и С-ский. «Новый том книги Маркса» (1885, № 9)) [50].

Вероятнее всего, с этих работ и началось знакомство И. Джугашвили с марксизмом. «Если не ошибаюсь, — писал С. Натрошвили, — это было в 1898 г., когда мы прочитали на русском языке и изучили книгу Каутского „Экономическое учение Карла Маркса“». К марту 1898 г. С. Натрошвили относил и первое знакомств во с «Капиталом» [51]. Это дает основание думать, что до чет-

вертого класса Сосо в лучшем случае был знаком с марксизмом лишь в интерпретации Н. Зибера. А это значит, что решающий поворот в его идейной эволюции произошел не ранее 1898 г. О том, какое влияние на него оказало знакомство с новым учением, свидетельствуй то, что именно в 1898 г. у него впервые возникает желание изучив немецкий язык и познакомиться с работами К. Маркса и Ф. Энгельса в оригинале {52}.

Часть лета 1898 г. Сосо провел в селении Ахалкалахи, где находилась усадьба потомков светлейшего князя Александра Багратовича Грузинского [22]{53}. Разумеется, Сосо отдыхал не в имении князей Грузинских. Он был приглашен в Ахалкалахи местным священником Иваном Елисабедашвили, который находился в родственных связях с Михаилом Монаселидзе {54}. Последний порекомендовал Сосо в качестве репетитора для подготовки сына Ивана Елисабедашвили Георгия к поступлению в Тифлисскую семинарию {55}. Репетитор не только готовил ученика в экзаменам, но и рассказывал ему о жизни в семинарии, в том числе об ученическом кружке {56}.

Во второй половине августа они оба отправились в Тифлис: Георгий сдавать вступительные экзамены, Сосо ликвидировать задолженность за четвертый класс. Если для Г. Елисабедашвили август 1898 г. оказался неудачным (ему не удалось выдержать экзамены в семинарию), то для Сосо Джугашвили стал поворотной вехой в его биографии: он был принят в члены Тифлисской организации РСДРП {57}.

Так началась революционная карьера И. В. Джугашвили.

Характеризуя основные ее этапы, он позднее писал: «От звания *ученика*(Тифлис) через звание *подмастерья*(Баку) к званию одного из *мастеров*-нашей революции (Ленинград) — вот какова, товарищи, школа моего революционного ученичества» {58}.

ПРИМЕЧАНИЯ

В семинарии

[1]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 23; Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений: Летнее расписание 1894 г. СПб., 1894.

[2]Там же.

[3]Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 69: Тифлисская губерния. СПб., 1905. С. 1–2.

[4]Тифлисский настольный календарь на 1894 г. Тифлис, 1893. С. 58–59.

[5]*Герценштейн В. А.*: 1) Адресная книга г. Тифлиса. Указатель всех городских улиц по полицейским участкам, нумерации домов, имен и фамилий домовладельцев. Тифлис, 1898; 2) Иллюстрированный спутник по Тифлису и его окрестностям. Тифлис, 1899; *Лебедев А. А.*Путеводитель по Тифлису. Тифлис, 1904.

[6]Юбилейный сборник к 100-летию присоединения Грузии к России (материалы собрал Е. С. Сталинский). Тифлис, 1901. С. 45, 57.

[7]Тифлисский настольный календарь на 1894 г. С. 60.

[8]Там же. С. 103.

[9]Там же.

[10]Там же. С. 60.

[11]Там же. С. 89–97.

[12]Там же. С. 66.

[13]Там же. С. 89, 94, 97, 102.

[14]Там же. С. 66–67.

[15]Кавказ. 1890. 17–18 окт.

[16]Отец С. А. Спандаряна Амираджан умер в 1871 г. (Тифлисский вестник. 1878. 1 дек.).

[17]Х. Г. Хачатуров был одним из основателей Тифлисского дворянского земельного банка (Закавказье. 1909. 10 нояб.).

[18]*Абрамишвили А.*Грузинская периодика: Аннотированный каталог грузинской периодики (1819–1917 гг.), хранящийся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тбилиси, 1968. С. 57; Тифлисский настольный календарь на 1894. С. 68.

[19]Там же. С. 41–42.

[20]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 124 (Г. В. Паркадзе).

[21]Кавказский календарь на 1894 г. Тифлис, 1894. С. 41–42.

[22]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 124.

[23]Тифлисский настольный календарь на 1899 г. Тифлис, 1898. С. 116.

[24]Гори. Д. 499. Л. 1 (Г. Л. Шошиашвили).

[25]Духовный вестник грузинского экзархата. Тифлис, 1894. № 5. С. 1–3.

[26]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 54. Л. 43 (Макрина Чагунава).

[27]Там же. Л. 44.

[28]Там же. Л. 43.

[29]Там же. Д. 48. Л. 225 (Кита Николаевич Тхинвалели).

[30]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4322. Л. 1.

[31]Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. Л. 3–4.

[32]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 9. Л. 7–8.

[33]Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание III. Т. IV. СПб., 1887. С. 438.

[34]Там же. Т. XI. СПб., 1894. С. 477; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 9. Л. 8 (фотокопия Журнала общего педагогического собрания Правления Тифлисской духовной семинарии № 20. 2 сентября 1894 г.).

[35]Там же. Л. 7–8; Духовный вестник грузинского экзархата. 1895. № 1. С. 10.

[36]ПСЗ — III. Т. IV. С. 446.

[37]Там же.

[38]Духовный вестник грузинского экзархата. 1895. № 1. С. 12–13.

[39]ПСЗ — III. Т. IV. С. 446.

[40]Там же. С. 446.

[41]РГАСПИ. Ф558. Оп. 4. Д. 665. Л. 252 (С. П. Гогличидзе).

[42]Там же. Оп. 1. Д. 4325. Л. 1; *Глебов Г.*Годы в семинарии // Литературный критик. 1939. № 12. С. 96; Заря Востока. 1938. 10 сент.

[43]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 10. Л. 1–2 (Журнал общего собрания педагогического собрания Правления Тифлисской духовной семинарии № 21. 3 сентября 1894 г.)

[44]Кавказский календарь на 1895 г. Тифлис, 1894. С. 328–329.

[45]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 65.

[46]Духовный вестник грузинского экзархата. 1894. № 5. С. 1–3.

[47]Там же. 1895. № 1.

[48]Там же; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 114 (Г. Паркадзе).

[49]Гори. Д. 287/1. Л. 1 (М. М. Монаселидзе).

[50]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 133 (Г. Паркадзе).

[51]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 176 (С. Девдориани).

[52]Литературный критик. 1939. № 12. С. 104–105 (В. Кецховели).

[53]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. Л. 4.

[54]Духовный вестник грузинского экзархата. 1895. № 13. С. 10; РГАСПИ. ф. 558. Оп. 4. Д. 21. Л. 1.

[55]Гори. Д. 146/2. Л. 6.

[56]Гори. Д. 134. Л. 1 (П. Дондаров); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 15. Л. 287–288 (Н. М. Асатиани, урожденная Дондарова).

[57]Там же. Д. 52. Л. 198–199 (И. Цинцадзе).

[58]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. Л. 7–9. См. также: *Николайшвили М.*Стихи юного Сталина // Заря Востока. 1939. 21 дек. Перевод стихотворений на русский язык: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 600. Л. 1–7.

[59]Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. Л. 11.

[60]Духовный вестник грузинского экзархата. 1896. № 13. С. 13; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 25. Л. 1.

Совершенно другой мир

[1]*Ванеев З. Н.*Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX в. Сталинир, 1956. С. 140–141.

[2]Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 391–423.

[3]*Ратиани П. К.*Грузины-шестидесятники в русском освободительном движении. Тбилиси, 1968. С. 33–37.

[4]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 11. Л. 50–51 (М. Цхакая).

[5]Там же; *Махарадзе Ф.*К 30-летию существования Тифлисской организации: Подготовительный период 1870–1890 гг. (материалы). Тифлис, 1925. С. 15–16; *Махарадзе И. Б.*Филипп Махарадзе: жизнь и революционная деятельность. Тбилиси, 1960. С. 5–8.

[6]*Планида М.*Бесстрашный труженик. Саратов, 1960. С. 171–183.

[7]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 26. Л. 130.

[8]Кавказский календарь на 1878 г. Тифлис, 1877. С. 21.

[9]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1893. Д. 164. Л. 1, 111; Известия. 1925. 11 октября.

[10]Там же. Л. 10–11, 17–17 об.; *Кайданова О. В.*Очерки по истории народного образования в России и СССР. На основе личного опыта и наблюдений. Т. 1. Б. м., 1938. С. 349, 352,425–427; *Глебов Г.*Первая библиотека // Заря Востока. 1939. 10 дек.

[11]Отчет Комиссии народных чтений в Тифлисе за пять лет (1890–1895). Тифлис, 1896; …за 1895/96 и 1896/97 гг. Тифлис, 1898; …за 1897/98 г. Тифлис, 1899; …1898/99. Тифлис? 1900.

[12]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1893. Д. 164. Л. 5.

[13]Политические партии в России. Конец XIX — первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С. 154–155. *Аркомед С. Г.*За рубежом: исторические заметки. Период студенчества от 1886 до 1890 г. Ч. 1. Тифлис, 1929. С. 7–9.

[14]Политические партии в России. С. 177–179.

[15]ГАРФ. ф. 102. 7Д. 1893. Д. 204. Л. 29об. — 30, 177 об.

[16]Там же Л. 249.

[17]*Мгалоблишвили С.*Воспоминания о моей жизни. Незабываемые встречи. Тбилиси, 1974. С. 119, 166.

[18]ГАРФ. Ф. 102.7Д. 1893. Д. 204. Л. 20–21 (программа «Лиги свободы Грузии»), С. 156.

[19]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 59–64 (Д. Е. Каландарашвили). Деятели революционного движения в России. Т. 1. Вып. 2. М., 1928. С. 85; *Жгенти Б.* Эгнате Ниношвили: Жизнь и творчество. Тбилиси, 1959. С. 25–26.

[20]*Маскулия А. В.*Миха Цхакая. М., 1968. С. 36. См. дискуссию о возникновении «Месаме даси»: Заря Востока. 1923. 14 марта (Ф. Махарадзе), 21 марта (М. Г. Цхакая), 28 марта (Р. Каладзе, М. Цхакая), 4 апр. (И. П. Какабадзе).

[21]*Цхакая М.*Избранные произведения. Тбилиси, 1987. С. 362, 404; РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1.Д. 11. Л. 139–140 (М. Цхакая); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 66.

[22]Там же. Л. 163–164.

[23]*Махарадзе Ф.*Маленькая справка // Заря Востока. 1925. 28 мая.

[24]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 26. Л. 130 (Михаил Иосифович Климиашвили).

[25]Гори. Д. 499. Л. 1 (Г. Л. Шошиашвили).

[26]ГАРФ. Ф. 102. 3Д. 1897. Д. 1170; *Маскулия А. В.*Миха Цхакая. С. 34.

[27]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 26. Л. 130 (М. И. Климиашвили); *Лежава Андрей.*Воспоминания. Выступления. Письма. М., 1990. С. 5.

[28]ГАРФ. Ф. 102. 3Д. 1897. Д. 1170. Л. 1–3; *Маскулия А. В.*Миха Цхакая. С. 36–38.

[29]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1899. Д. 4145. Д. 1–2; Н. Ф. Флеров (биографическая справка)

[30]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1893. Д. 204. Л. 11–11 об., 144 об., 156.

[31]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 11. Л. 168; *Махарадзе Н. Б.*Филипп Махарадзе: жизнь и революционная деятельность. Тбилиси, 1960. С. И.

[32]Н. Н. Жордания взял заграничный паспорт 22 мая 1893 г. (ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1893. Д. 204. Л. 146).

[33]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3434. Л. 190 (литера Б., 12 июля 1902 г.).

[34]*Жгенти Б.*Эгнате Ниношвили. С. 32.

[35]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1890. Д. 844. Л. 10–10 об.

[36]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 69 (Д. Е. Каландарашвили).

[37]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. 1901. Д. 124. Л. 102.

[38]*Абрамишвили А.*Грузинская периодика. 1819–1917 гг. Тбилиси, 1968.

[39]Деятели революционного движения в России. Т. V. Ч. 1. С. 165; Дело о Горьком. Тифлис, 1928. С. V–XVIII, 2–50.

[40]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 4. Л. 83–84.

[41]*Клейн Э.*Горький и тифлисская жандармерия // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 6(43). С. 10.

[42]*Аллилуев С. Я.*Пройденный путь. М., 1946. С. 35–36.

[43]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 119–123 (К. Т. Двали).

[44]*Аллилуев С. Я.*Пройденный путь. С. 40.

[45]РГАСПИ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 2. Л. 99 (С. Я. Аллилуев).

[46]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 126. Л. 35–36 (И. Стуруа).

[47]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. ч. 1. Д. 26. Л. 131 (М. И. Климиашвили).

[48]Там же.

[49]Там же.

[50]Список князьям и дворянам Грузии. Б. м., 1850. № 460 (Николай Иосифович Пурцеладзе, жена — Варвара, дети — Александр, Михаил, Антон, Константин, Илья, Исморагда); Заря Востока. 1938. 17 нояб.

[51]См. выше: с. 78.

[52]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 26. Л. 131–132. (М. И. Климиашвили).

[53]Там же.

[54]А. А. Киселевская (биографическая справка).

[55]*Клейн Э.*Горький и тифлисская жандармерия. С. 14–15.

[56]Дело о Горьком. Материалы Тифлисского губернского жандармского управления. Тифлис, 1928. С. 9.

[57]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 180, 3466 и 3467; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 230.

[58]Дело о Горьком: Материалы Тифлисского губернского жандармского управления. С. 9, 44–45.

[59]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 4.

[60]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 2. Д. 165. Л. 2–3.

[61]Там же; Д. 38. Л. 218; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 2119. Л. 5, 9.

[62]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 710. Л. 19–19 об.; Ф. 71. Оп. 15. Д. 2119. Л. 5,9; ф. 124. Оп. 1. Д. 1646. Л. 6, 8; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 2. Д. 165. Л. 2–3; Оп. 5. Д. 407. Л. 60; ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 126. Л. 36.

[63]Политические партии в России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. С. 202. По другим данным, О. А. Коган родился в 1868 г. (*Ерманский-О. А.*Из пережитого. 1887–1921. М., 1927. С. 13).

[64]Там же. С. 14–17, 23–25.

[65]*Соколов Ю. В.*В. К. Курнатовский // Вопросы истории КПСС. 1968. № 6. С. 99–102.

[66]*Ерманский О. А.*Из пережитого. С. 28–37.

[67]Там же. С. 39–40.

[68]Там же. С. 41–43; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 230. Л. 77.

[69]Там же. Д. 5. Л. 14 (литера Б, 29 апреля 1898).

[70]ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 391 (Франчески). Карт. 1. Д. 14. Л. 2 (И. Франчески, ур. Громозова).

[71]*Ерманский О. А.*Из пережитого. С. 25.

[72]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1897. Д. 298. Л. 1–2.

[73]Там же. Л. 2; *Меньщиков Л.*Охрана и революция. К истории тайных политических организаций,

существовавших во времена самодержавия. Ч. 1: Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925. С. 420. См. также: С. 188–189; Ч. 2. С. 49–55.

[74]Там же. Ч. 1. С. 288–291, 419.

[75]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 195. Л. 22–24, 133.

[76]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1897. Д. 298. Л. 13;

[77]ОР РНБ. Ф. 391. Карт. 1. Д. 14. Л. 2, 7.

[78]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 31. Л. 216–217 (Е. Э. Лузина); Там же. Оп. 5. Д. 230. Л. 90; *Никитин И. В.*Письмо В. К. Курнатовского И. И. Лузину // Исторический архив. 1958. № 6. С. 195.

[79]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1896. Д. 684. Л. 3–4, 28–29.

[80]*Никитин И. В.*Письмо В. К. Курнатовского И. И. Лузину. С. 194–198.

[81]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1896. Д. 684. Л. 42, 47 об., 55ж.

[82]См. выше. С. 119.

[83]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1896. Д. 684. Л. 37–39, 41.

[84]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 31. Л. 217 (Е. Э. Лузина).

[85]Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко. М., 1922.

[86]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1896. Д. 684. Л. 87.

[87]Там же. Л. 95, 122.

[88]Там же. Л. 120. См. также: ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 230. Л. 70.

[89]Там же. Оп. 2. Ч. 1. Д. 57. Л. 165, 168.

[90]Там же. Л. 165–168.

[91]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 1538. Л. 3, 8, 9.

[92]*Снытко Я. Я.*Г. Полетаев. М., 1962. С. 11.

[93]Там же. С. 5–11.

[94]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 38. Л. 219 (А. Окуашвили).

[95]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 126. Л. 36 (И. Стуруа).

[96]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 26. Л. 137–138 (М. И. Климиашвили).

[97]*Ерманский О. А.*Из пережитого. С. 43.

[98]*Аркомед С.*Г. [КараджевГ. А.] Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. Ч. 1. Женева, 1910. С. 21.

[99]*Ерманский О. А.*Из пережитого. С. 43–44; Из глубины времен. Вып. 2. СПб., 1993. С. 80.

[100]В действительности в деятельности рабочих кружков еще продолжало существовать общеобразовательное направление.

[101]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 126. Л. 36.

[102]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 2. Д. 165. Л. 9–10.

[103]Там же. Л. 9–10 (А. Окуашвили); *Махарадзе Ф.*К 30-летию существования Тифлисской организации: Подготовительный период. 1870–1890 гг. Материалы. Тифлис, 1925. С. 46–47.

[104]Там же. С. 47.

[105]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 26. Л. 138 (М. И. Климиашвили).

[106]К. Гогуа (биографическая справка).

[107]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1897. Д. 326. Л. 19.

[108]*Жордания Я. Я.*Моя жизнь. Standford, 1968. С. 25–26.

[109]Там же. С. 25–27.

[110]Там же. С. 26.

[111]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 25. Л. 10; Коммунистический интернационал. 1921. № 17. С. 4236 (М. Цхакая).

[112]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 2. Д. 42. Л. 34 (И. П. Какабадзе).

[113]*Жордания Н.*Моя жизнь. С. 26–27.

[114]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 25. Л. 10 (М. Г. Цхакая).

[115]*Ерманский О. А.*Из пережитого. С. 47–49.

[116]И. И. Лузин был арестован в Тифлисе 25 января, а Г. Я. Франчески в Батуме — 27 февраля 1898 г. (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 3. Л. 6; Д. 5. Л. 7).

[117]*Ерманский О. А.*Из пережитого. С. 43; *М-в.*Наш май // Заря Востока. 1927. 1 мая.

[118]*Талаквадзе С.*К истории Коммунистической партии Грузии. Ч. 1. Тифлис, 1925. С. 28.

[119]Там же. С. 29.

Выбор пути

[1]*Сталин И. В.*Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом // Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 113.

[2]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 6. Д. 466. Л. 7.

[3]*Москалев М.*Начало революционной деятельности т. Сталина // Исторический журнал. 1939. № 12. С. 96. Следует отметить, что фотографии И. И. Лузина и И. Я. Франчески были включены в юбилейный альбом «Иосиф Виссарионович Сталин», изданный в 1949 г.

[4]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 17. Л. 1; Д. 21. Л. 1.

[5]Там же. Д. 25. Л. 1; Духовный вестник грузинского экзархата. 1896. № 13, С. 13.

[6]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 30. Л. 1.

[7]Там же. Д. 37. Л. 102–115; Духовный вестник грузинского экзархата. 1897. № 12. С. 10.

[8]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 48. Л. 142–149; Духовный вестник грузинского экзархата. 1898. № 13–14. С. 7–8.

[9]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 64. Л. 1.

[10]Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. Л. 7–9, 11.

[11]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 50. Л. 30 об.; Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 71.

[12]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 176 (С. Девдориани).

[13] *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. М., 1990. С. 39; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 128 (Г. В. Паркадзе).

[14]Там же. Л. 202 (С. Натрошвили).15

[15]Там же. Л. 210 (В. Хаханишвили).

[16]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 177.

[17]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 32. Л. 117; ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 50. Л. 60–60 об.; Опубликовано: Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 71.

[18]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 32. Л. 117; ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 50. Л. 30 об. (27 ноября); Опубликовано: Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 71.

[19]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 32. Л. 118. Опубликовано: Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 71.

[20]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 199 (С. Натрошвили).

[21]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 180 (С. Девдориани).

[22]Там же. Д. 12. Л. 180 (С. Девдориани).

[23]*Махарадзе Ф.*К 30-летию существования Тифлисской организации. Подготовительный период. 1870–1890. Материалы. Тифлис, 1925. С. 47.

[24]Заря Востока. 1929. 21 дек. (Ф. Махарадзе).

[25]И. В. Джугашвили получил билет для проезда в Гори 1 апреля, а вернулся с каникул, опоздав на один день, 24 апреля 1897 г. (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 273. Л. 184).

[26]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 179 (С. Девдориани).

[27]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 273. Л. 185–186.

[28]Сестра П. М. Дондарова Н. М. Азиани датировала эту встречу 1895 г. но отмечала, что она произошла тогда, когда И. И. Барамов находился в Гори под гласным надзором полиции (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 287).

[29]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1898. Д. 999. Л. 2–6; *Меньщиков Л. П.*Охрана и революция: К истории тайных

политических организаций в России. Ч. 1: Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925. С. 329–232, 426–427.

[30]Гори. Д. 40. Л. 1 (В. Ф. Бердзеношвили).

[31]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 18. Л. 98–100 (И. Имедашвили); ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1910. Д. 24. Ч. 38. Л. 2 (лит. Б).

[32]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 18. Л. 98–100 (И. Имедашвили).

[33]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1897. Д. 326. Л. 19–25.

[34]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 25. Л. 83 (В. Кецховели).

[35]Там же; ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1897. Д. 326. Л. 15–18.

[36]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 26. Л. 135 (М. И. Климиашвили).

[37]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4507. Л. 1 (анкета 11 декабря 1920 г.).

[38]*Енукидзе А. С.*Наши подпольные типографии на Кавказе. М., 1925. С. 5.

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 142 (Г. Паркадзе).

[40]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 41. Л. 3 (Г. Размадзе).

[41]*Чихвашвили Н. А.*Рабочее движение в Грузии. Тбилиси, 1958. С. 124–125.

[42]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 180 (С. Девдориани).

[43]Заря Востока. 1939. 17 июля (Г. Нинуа).

[44]Там же. 1935. 18 сент. (А. Окуашвили).

[45]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 8. М., 1948. С. 174.

[46]К. Гогуа (биографическая справка).

[47]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 2. Д. 165. Л. 23 (А. Окуашвили).

[48]Гори. Д. 161. Л. 1 (А. П. Закомолдин); РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. Л. 15. См. также: Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 57 (А. П. Закомолдин).

[49]Там же. Л. 24–28 (Н. Выгорбин).

[50]Каталог тифлисской Дешевой библиотеки. Ч. 1. Тифлис, 1896. С. 15, 17, 19.

[51]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 202–204 (С. Натрошвили).

[52]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 49. Л. 213–214 (К. Хаханишвили).

[53]Гори. Д. 146/2. Л. 15–16 (Г. Елисабедашвили).

[54]Родственные связи первой жены Сталина (беседа с Р. М. Монаселидзе) // Из глубины времен. Вып. 7. СПб., 1996. С. 191, 195.

[55]Гори. Д. 287/1. Л. 7 (М. Монаселидзе).

[56]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 18–28.

[57]Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд. С. 8.

[58]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 8. С. 175.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«УЧЕНИК» СТАНОВИТСЯ «ПОДМАСТЕРЬЕМ» (1898–1908)

ГЛАВА 1. НА ПОВОРОТЕ

Последний год в семинарии

В мае 1898 г. Сеид Девдориани закончил семинарию и поступил в Юрьевский университет [1]. Руководство ученическим кружком, который он возглавлял, перешло к Сосо Джугашвили. «Через несколько месяцев, — вспоминал С. Девдориани, — в Юрьеве я получил письмо от кружковцев: после твоего отъезда все согласились с Сосо» [2]. Это значит, что в кружке возобладала политическая направленность.

Распространено мнение, что к этому времени наряду с тем кружком, в состав которого входил Сосо Джугашвили, в семинарии существовал еще один [3].

«В первый революционный марксистский кружок, так называемый „старший" — писал Л. П. Берия, — входили семинаристы Тифлисской духовной семинарии Давиташвили (Давидов) Миша, Долидзе Арчил (Ростом), Паркадзе Гуца, Глурджидзе Григорий, Натрошвили Симон, Размадзе Гиго, Ахметелов Ладо, Иремашвили Иосиф. Во второй кружок, так называемый „младший", входили Елисабедашвили Георгий, Сванидзе Александр, Гур-

генидзе Дмитрий, Сулиашвили Датико, Бердзеношвили Васо, Кецховели Вано, Ониашвили Д. и др.» {4}.

Однако, как обратил на это внимание еще И. Книжник-Ветров {5}, некоторые из семи названных Л. П. Берией членов «младшего» кружка в 1898–1899 гг. в семинарии вообще не обучались {6}.

Поэтому вопрос о существовании здесь в 1898 г. двух ученических кружков и тем более об их персональном составе следует считать открытым. Вместе с тем есть основания утверждать, что и после отъезда С. Девдориани в деятельности того ученического кружка, который возглавил Сосо Джугашвили, определенное место продолжало занимать изучение легальной светской литературы. Об этом свидетельствует запись, сделанная в кондуитном журнале 28 сентября 1898 г.:

«В девять часов вечера в столовой инспектором была усмотрена группа воспитанников, столпившихся вокруг Джугашвили, что-то читавшего им. При приближении к ним Джугашвили старался скрыть записку и только при настойчивом требовании решился обнаружить свою рукопись. Оказалось, что Джугашвили читал посторонние, не одобренные начальством семинарии книги, составил особые заметки по поводу прочитанных им статей, с которыми и знакомил воспитанников Хвадачидзе, Нестроева, Давидова и Иремашвили. Был произведен обыск у воспитанников, но ничего запрещенного обнаружено не было» (Дмитрий Абашидзе). Резолюция на этом рапорте гласит: «Иметь суждение о Джугашвили в Правлении семинарии» {7}.

Не исключено, что именно после этого на заседание Правления семинарии инспектором Дмитрием Абашидзе

был вынесен вопрос об исключении Сосо из семинарии. Поддержки данное предложение не получило [8].

Между тем наказания И. В. Джугашвили продолжали следовать одно за другим: 9 октября 1898 г. — карцер за отсутствие на утренней молитве, 11 октября — карцер за нарушение дисциплины во время литургии, 25 октября — карцер за опоздание из отпуска на три дня, 1 ноября — строгий выговор за то, что не поздоровался с преподавателем С. А. Мураховским, 24 ноября — строгий выговор за то, что смеялся в церкви, 16 декабря — карцер за пререкание во время обыска, 18 января — лишение отпуска в город на один месяц, 31 января — карцер за уход со всенощной и т. д. [9].

Столь же красноречивы и оценки по поведению: сентябрь 1898 г. — три, октябрь — три с минусом, ноябрь — четыре с минусом, декабрь — три, январь — три с минусом, февраль — три с плюсом, март — четыре, апрель — три [10].

Превращение Сосо в одного из самых недисциплинированных и неуспевающих воспитанников семинарии было связано с тем, что именно в это время его все больше и больше занимала общественно-политическая деятельность. Став членом Тифлисской организации РСДРП, он получил возможность расширить свои связи, особенно в рабочей среде. Не указывая используемых источников, Л. П. Берия утверждал, что в 1898–1899 гг. И. В. Джугашвили руководил сразу несколькими рабочими кружками [11].

Частично эти сведения подтверждаются воспоминаниями рабочих В. Бакрадзе (железнодорожное депо) [12], А. И. Бедиашвилй (обувная фабрика Г. Г. Адельхано-

ва) [13], К. Калантарова (завод М. Карапетова) [14], Л. Латанишвили (табачная фабрика) [15], Д. Лордкипанидзе (железнодорожные мастерские) [16], Е. Сартания (кузнечный цех железнодорожных мастерских) [17] и др.

Однако если учесть, что И. В. Джугашвили был более или менее свободен только по воскресеньям, а с начала сентября до конца декабря 1898 г. насчитывалось только 18 воскресений, станет понята но, что, располагая столь ограниченным временем, он не мог руководить сразу несколькими кружками. Вероятнее всего, в большинстве из них он выступал не в роли руководителя, а в качестве одного из пропагандистов.

В любом случае его деятельность способствовала политическому просвещению тифлисских рабочих и пробуждению их социальной активности. Одним из ее проявлений стала забастовка в железнодорожных мастерских [18], которая началась в понедельник 14 декабря [19] и продолжалась до субботы 19-го [20]. 20 декабря «почти все рабочие» вернулись на свои места [21]. Был ли причастен Сосо Джугашвили к ее организации, остается неясным [22]. Едва ли не единственным на этот счет является свидетельство рабочего Н. Выгорбина, который утверждал, что в субботу 12-го и в воскресенье 13 декабря он встречался с Сосо Джугашвили в железнодорожных мастерских [23]. Но вероятнее всего, за развитием забастовки он наблюдал главным образом со стороны, так как с понедельника 14-го имел возможность контактировать с рабочими в лучшем случае на протяжении одного-двух часов в день.

16-го, в среду, в общежитии семинарии был произведен обыск, во время которого Сосо вступил в спор с представителями администрации. «Пререкался с преподавателем», — сказано в кондуитном журнале. За этим последовало наказание — очередной карцер [24]. Обыск имел профилактический характер: 25 декабря начинались рождественские праздники и семинаристы разъезжались по домам.

Возобновились занятия, по всей видимости, в понедельник 4 января 1899 г. Вскоре после этого произошло событие, о котором мы пока ничего не знаем и которое имело своим следствием то, что с понедельника 18 января И. В. Джугашвили был на месяц лишен права выходить в город [25].

Не исключено, что подобное наказание было связано с историей, которая нам известна со слов бывшего семинариста П. Талаквадзе. Однажды в 1899 г. после обеда, когда группа воспитанников находилась в Пушкинском сквере, им сообщили, что в семинарии обыскивают Сосо. Когда мы прибежали, вспоминал П. Талаквадзе, Д. Абашидзе уже взломал «гардеробный ящик», забрал запрещенные книги и поднимался на второй этаж. «Вдруг в это время к инспектору неожиданно подбежал ученик шестого класса Василий Келбакиани и толкнул монаха, чтобы выбить из его рук книги. Это оказалось безуспешным. Тогда Келбакиани набросился на инспектора спереди, и книги тут же посыпались на пол. Тов. Сосо и Келбакиани быстро подхватили книги и бросились бежать» [26].

Что дает основание связывать между собой этот эпизод и наказание, которому подвергся И. В. Джугашвили? 19 января 1899 г. одновременно с лишением его пра-

ва выходить в город на протяжении месяца воспитанник шестого класса Васо Келбакиани был исключен из семинарии [27].

Возобновить свою кружковую деятельность в городе Сосо мог только с конца февраля. Кроме двух воскресений в феврале (21 и 28) в его распоряжении было четыре воскресенья в марте (7, 14, 21, 28) и не более двух воскресений в апреле (4 и 11). Удалось разыскать воспоминания рабочего Ягора Торикашвили, который утверждал, что в 1899 г. до исключения из семинарии Сосо вел занятия в кружке, членами которого были рабочие токарного цеха железнодорожных мастерских [28]. Имеются также сведения о его занятиях в 1899 г. в кружке, существовавшем с конца 1898 г. на табачной фабрике Бозарджианца [29].

Последний раз Сосо Джугашвили фигурирует в классном журнале 3 апреля, когда ему была поставлена тройка по литургике [30]. Записи в классном журнале обрываются на пятнице 9 апреля [31]. 7 апреля датирована последняя запись в кондуитном журнале, из которой явствует, что в этот день И. В. Джугашвили не поздоровался с преподавателем А. П. Альбовым, за что получил очередной выговор [32].

Затем семинария была закрыта на пасхальные каникулы, которые продолжались, по-видимому, до 25 апреля, после чего начались экзамены, а когда они завершились, то 29 мая 1899 г. появилось решение об исключении И. В. Джугашвили из семинарии. Оно гласило: «Увольняется из семинарии за неявку на экзамены по неизвестной причине» [33].

Но как можно исключить человека из учебного заведения, не зная причин его отсутствия на экзаменах? Ведь они могли быть и уважительными. К тому же нередко воспитанников, не сдавших экзамены, оставляли на второй год. Учитывая это, можно с полным основанием утверждать, что официальная версия имела чисто формальный характер и должна была скрыть какую-то другую причину отчисления.

Как объяснял произошедшее сам И. В. Джугашвили? В «литере Б» от 13 июля 1902 г., заполненной в батумской тюрьме, мы читаем: «До пятого класса воспитывался на казенный счет, после была потребована плата за обучение и за содержание как не из духовного звания, за неимением средств вышел из училища» {34}.15 марта 1913 г. в Петербургском ГЖУ на вопрос «Где обучался?» И. В. Джугашвили дал подобный же ответ: в 1894 г. «поступил в духовную семинарию, из которой вышел, не окончив курс, в 1899 г. по неимению средств, так как был лишен казенной стипендии» {35}.

Данная версия тоже вызывает вопросы: если все обстояло именно так, почему названная причина не нашла отражения в решении Правления семинарии? И почему деньги за обучение потребовали именно весной 1899 г., а не раньше? Очевидно, даже в том случае, если весной 1899 г. действительно возник вопрос о. внесении платы за обучение, это было следствием какой-то другой; причины, которую И. В. Джугашвили тоже не пожелал назвать.

В 1932 г. в одной из анкет И. В. Сталин сформулировал другую версию своего отчисления: «Вышиблен из православной духовной семинарии за пропаганду марксизма» {36}. Эта версия была включена в его

«Краткую биографию» и с тех пор приобрела хрестоматийный характер [37].

С одной стороны, она согласуется с целым рядом воспоминаний. Так, например, Васо Хаханишвили писал, что Сосо был исключен из семинарии «после стычки с инспектором Дмитрием» [38]. О том, что главную роль в его исключении играл инспектор Д. Абашидзе, вспоминал Доментий Гогохия [39]. Как бы уточняя эти свидетельства, Поликарп Талаквадзе отмечал: «Товарищи рассказывали мне, что у товарища Сосо произошла большая стычка с Абашидзе, которому наконец-то удалось поймать тов. Сосо за чтением нелегальных книг, после чего Сосо был уволен из семинарии» [40]. С этими воспоминаниями перекликаются воспоминания Вано Кецховели: «В конце концов семинарские ищейки напали на след тайных кружков и начали репрессии против нас» [41]. Об этом же писал С. Девдориани, который в это время находился в Юрьеве: «Мне сообщили — кружок провалился, а его членов исключили из семинарии» [42].

Однако всему этому противоречит тот факт, что в справке об окончании И. В. Джугашвили четырех классов семинарии фигурирует оценка «пять» по поведению [43]. Маловероятно, чтобы воспитанник, исключенный из духовной семинарии «за пропаганду марксизма», получил подобную оценку, особенно если учесть его оценки по поведению за последние два года пребывания в семинарии.

Известна еще одна версия, исходившая от Екатерины Джугашвили, которая утверждала, что она сама забрала сына из семинарии, потому что у него начался туберкулез и возникла необходимость его лечения

{44}. Если бы это действительно было так, данная причина нашла бы свое отражение в решении Правления семинарии об отчислении И. В. Джугашвили, а ему самому в 1902 г. и позднее не нужно было бы придумывать другое объяснение.

Таким образом, вопрос о причинах его исключения из семинарии пока остается открытым [23].

В поисках ответа на него следует обратить внимание на уже цитировавшиеся воспоминания П. Талаквадзе, из которых явствует, что когда он после пасхальных каникул вернулся в семинарию, то уже не застал в ней И. В. Джугашвили {45}. Это значит, что события, повлекшие за собой его исключение, произошли до начала экзаменов.

О том, что во время каникул Сосо действительно находился в Тифлисе, свидетельствовали позднее Н. Выгорбин и Я. Торикашвили, которые утверждали, что И. В. Джугашвили принимал участие в маевке, состоявшейся здесь 19 апреля 1899 г. {46}

Начало самостоятельной жизни

В апреле 1899 г., когда Сосо Джугашвили оказался за дверями семинарии, ему было уже двадцать лет. Где же он жил? На какие средства существовал?

Если обратиться к имеющейся литературе, можно заметить: после исключения из семинарии в его биографии «белое пятно». «Некоторое время Сталин перебивается уроками, а затем (в декабре 1899 г.) поступает на работу в Тифлисскую физическую обсерваторию». Вот и все, что говорится об этом в его «Краткой биографии» {1}.

Довольно скупо освещают эти полгода в его жизни и сохранившиеся воспоминания. И все-таки они позволяют наполнить приведенные выше строки более конкретным содержанием.

Прежде всего воспоминания свидетельствуют, что исключенный из семинарии, не имея ни крова, ни работы, И. В. Джугашвили вынужден был вернуться в Гори. Но там его никто не ждал с распростертыми объятиями.

«Когда Сосо исключили из семинарии, — вспоминала Мария Махароблидзе (в замужестве Кублидзе), — мать очень рассердилась на него, и Сосо прятался несколько дней в садах селения Гамбареули. Я со своими товарищами ходила тайком к Сосо и носила ему пищу» {2}.

Исключение И. В. Джугашвили из семинарии было тяжелым ударом для Кеке. Оно не только не могло не задеть ее самолюбия, но и означало крушение ее надежд на благополучное будущее единственного сына. Поэтому возникновение конфликта между ним и матерью представляется вполне реальным. Но неужели в Гори Сосо не мог найти приюта у своего дяди Глаха, других родственников или знакомых?

Возникает мысль о том, что в садах Гамбареули он скрывался не только от матери. В связи с этим несомненный интерес представляет свидетельство Г. Елисабедашвили, который утверждал, что перед исключением из семинарии «товарища Сталина хотели арестовать» {3}.

В последних числах мая — начале июня, когда в семинарии закончились экзамены и ее воспитанники стали разъезжаться по домам, в Гори появился Миха Давиташвили, который забрал Сосо с собой в Цроми.

Из воспоминаний брата Михи Петра Давиташвили: «Здесь Сосо самозабвенно принялся за самообразование <…>. Миша и Коба как раз здесь начали свою конспиративную жизнь. В Цроми к ним часто приезжали товарищи <…>. Между прочим <…> приезжал Ладо Кецховели» {4}.

Можно лишь предполагать, что скрывается за словами «начали свою конспиративную жизнь» и с какой целью Ладо Кецховели приезжал в Цроми. Однако пребывание И. В. Джугашвили здесь летом 1899 г. действительно стало важным моментом в его биографии.

Именно в это время горийский уездный начальник получил из Тифлиса распоряжение произвести в доме священника Н. Э. Давиташвили обыск {5}. Никаких документов, связанных с этим обыском, обнаружить пока не удалось. Ничего не известно и о его причинах. Сам Н. Э. Давиташвили политической деятельностью не занимался. Нет никаких данных о том, что к этому времени в поле зрения полиции находился его сын Миха.

Исполнение полученного распоряжения было доверено секретарю уездного правления Д. В. Гогохия. А поскольку его жена приходилась Н. Э. Давиташвили племянницей, прежде чем нагрянуть к своему родственнику, Д. В. Гогохия отправил в Цроми «осетина Джиора Гасишвили», чтобы он предупредил Н. Э. Давиташвили о предстоящем визите. Неизвестно, нужна ли была такая предосторожность. Во всяком случае, обыск не дал никаких результатов {6}.

Так летом 1899 г. произошло первое известное нам знакомство И. В. Джугашвили с полицией.

После этого он возвратился в Гори. Имеются сведения, что здесь на квартире В. Т. Хаханишвили он встречался с Михаилом Монаселидзе и Ладо Кецховели. Одним из вопросов, который обсуждался ими, был вопрос о необходимости изменения характера деятельности местной социал-демократической организации. Речь шла о переходе от пропаганды марксизма к активным действиям и создании нелегальной типографии [7]. Приехавшему в августе этого же года из Петербурга в Гори Давиду Багдавадзе запомнилось, что Ладо Кецховели выступал с инициативой организации забастовки рабочих тифлисской конки [8].

Когда 1 сентября возобновились занятия в Тифлисской православной семинарии, среди тех, кто продолжил их, был и Миха Давиташвили. Однако, едва сев за парту, он уже 16 сентября подал заявление об уходе из семинарии [9].

Ежегодно на страницах «Духовного вестника грузинского экзархата» публиковались списки воспитанников, окончивших семинарию, переведенных в следующий класс или же отчисленных за неуспеваемость и по другим причинам. По окончании 1898/99 учебного года количество отчисленных не отличалось от количества отчисленных в предшествовавшие годы [10]. Если же сравнить списки выдержавших переводные экзамены (май 1899 г.) со списками дошедших до конца следующего учебного года (май 1900 г.), обнаруживается отсутствие в них значительного количества воспитанников [11].

Знакомство с документацией семинарии показывает, что более Двадцати человек исчезли из ее списков в

июле — сентябре 1899 г., т. е. уже после того, как были подведены итоги 1898/99 учебного года [12].

Существует версия, будто бы, уходя из семинарии, И. В. Джугашвили выдал начальству своих товарищей по ученическому кружку. Подобным образом он якобы хотел увлечь их за собой в революционное движение [13]. Данная версия вызывает сомнения. И не только потому, что некоторые воспитанники ушли из семинарии сами, и не только потому, что некоторые члены сталинского ученического кружка продолжали обучаться в семинарии после рассматриваемых событий, но и потому, что И. В. Джугашвили не мог не понимать, что если бы он действительно выдал своих товарищей, такой поступок имел бы для него самые печальные последствия.

«Весь этот эпизод, подхваченный легковерными биографами, — писал Л. Д. Троцкий, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к И. В. Сталину, — несет на себе явственное клеймо измышления <...>. Если бы даже Сосо оказался способен на такой шаг <...> совершенно невозможно допустить, чтобы партия потерпела его после этого в своих рядах» [14].

Когда волна отчислений прошла, И. В. Джугашвили вернулся в Тифлис.

2 октября ему было выдано свидетельство об окончании четырех классов. В нем говорилось, что он «при поведении отличном оказал успехи». И далее шел перечень 20 предметов. По двум из них (церковно-славянское пение и логика) значилась оценка «5», по трем — (гомилистика, основы богословия, церковная история) — оценка «3», по остальным — оценка «4» [15]. Если вспомнить, как И. В. Джугашвили учился в третьем-четвертом классах, а также принять во внимание его оценки

по поведению, данное свидетельство не может не вызвать удивления.

В свидетельстве об окончании четырех классов семинарии важное значение имели не только значившиеся в нем оценки, но и следующая запись: «Означенный в сем свидетельстве Джугашвили в случае непоступления на службу по духовному ведомству обязан уплатить Правлению Тифлисской духовной семинарии по силе Высочайше утвержденного 26 июня 1891 г. определения Святейшего Синода от 28 марта, 18 апреля того же года за обучение в семинарии двести (200) руб. Кроме того, Джугашвили обязан уплатить Правлению Тифлисской духовной семинарии восемнадцать руб. 15 коп. (18 руб. 15 коп.) за утерянные им из фундаментальной и ученической библиотек названные семнадцать книг» {16}.

И далее: «Вышепоименованный Джугашвили во время обучения в семинарии содержался на счет епархии, которой остался должен четыреста восемьдесят руб. (480 руб.) В случае непоступления его, Джугашвили, на службу по духовному ведомству или на учебную службу в начальных народных школах согласно параграфа 169 Высочайше утвержденного 22 августа 1884 г. Устава православных духовных семинарий он обязан возвратить сумму, употребленную на его содержание и означенную в этом свидетельстве семинарским правлением» {17}.

Таким образом, перед И. В. Джугашвили открывалась перспектива: или пойти на духовную службу, или же стать учителем. В противном случае он обязан был вернуть семинарии 680 руб. Для человека, не имевшего в кармане ни гроша, эта сумма являлась почти фантастической.

При желании И. В. Джугашвили мог найти место и на духовной службе, и в системе народного образования. Однако оставшись в Тифлисе, он избрал другой путь. Едва ли не единственным источником, свидетельствующим о том, чем он занимался после исключения из семинарии, является «литера Б», заполненная во время его пребывания под арестом помощником начальника Кутаисского ГЖУ по Батумской области летом 1902 г. На вопрос «средства к жизни» И. В. Джугашвили ответил следующим образом: «Служба в учреждениях, в конторе Абесадзе, обсерватории и иногда давал уроки» {18}. Кому именно он давал уроки, какие учреждения имел в виду и что представляла собой контора Абесадзе, остается неизвестным.

Более определенными сведениями мы располагаем о его местожительстве. «В 1899–1900 гг., — вспоминал Д. Е. Каландарашвили, — на бывшем Михайловском проспекте в доме № 102 я занимал три комнаты. В одной из лучших комнат у меня жил товарищ Сосо Джугашвили < …> со своим товарищем Михой Давиташвили. Сильвестр Джибладзе привел его к нам как в надежную семью» {19}.

Пробыл И. В. Джугашвили в этой «надежной семье» недолго. Расставание с ним Д. Е. Каландарашвили позднее объяснял своим переездом на другую квартиру. Однако если это переселение произошло в 1900 г., то И. В. Джугашвили оставил квартиру Д. Е. Каландарашвили в 1899 г. {20}Следовательно, или последнего подвела память, или же он не пожелал называть действительную причину расставания со своим ставшим к моменту написания воспоминаний знаменитым квартирантом. А поскольку после 1899 г. Д. Е. Каландарашвили и И. В. Д-

жугашвили, продолжая жить в одном городе и являясь членами одной партийной организации, не только больше не поддерживали отношений, но даже не встречались, невольно возникает мысль, что их расставанию предшествовал конфликт [21].

Этот конфликт мог быть связан с теми разногласиями, которые осенью 1899 г. возникли внутри Тифлисской организации РСДРП. И. В. Джугашвили снова появился в Тифлисе в тот момент, когда Ладо Кецховели развернул агитацию за переход к активным действиям [22]. Для обсуждения поднятого им вопроса редакция «Квали» созвала специальное совещание. Возражения оппонентов Л. Кецховели сводились к тому, что организация мала и первое же открытое выступление приведет к ее разгрому. Эти аргументы были поддержаны большинством собравшихся, в результате чего, по свидетельству С. Аллилуева, Ладо Кецховели ушел с совещания, что называется, хлопнув дверью [23].

Не сложив оружие, он продолжал искать сторонников и к концу 1899 г. сумел склонить на свою сторону Сильвестра Джибладзе, Севериана Джугели, Раждена Каладзе, А. Окуашвили, Вано Стуруа, Г. Чхеидзе, А. Н. Шатилова и некоторых других [24].

Первоначально возникшие разногласия не выходили за рамки актива Тифлисской организации РСДРП. Одним из первых, кто вынес их на суд рабочих, был И. В. Джугашвили. На заседании своего кружка он подверг Н. Жорданию и других руководителей организации резкой критике [25]. Об этом стало известно редакции «Квали». По одним данным, возникший конфликт удалось ликвидировать [26], по другим — против И. В. Д-

жугашвили последовали санкции — у него отобрали кружок, которым он руководил [27].

Отголоски этого конфликта нашли отражение в воспоминаниях Д. Е. Каландарашвили: «Тов. Сосо, — отмечал он, — упрекал Силибистро (речь идет о С. Джибладзе. — *А.О.*), — в том, что они ведут среди рабочих преимущественно культурно-просветительную работу и не воспитывают их революционерами». И далее: «Мне часто приходилось слышать от наших, что взгляды Сосо совершенно иные, чем у других» [28]. А поскольку сам Д. Е. Каландарашвили, по всей видимости, разделял позицию редакции «Квали», конфликт между И. Джугашвили и руководителями организации превратился в конфликт между хозяином квартиры и его квартирантом. Не стало ли это одной из причин, которые заставили И. В. Джугашвили покинуть квартиру Д. Е. Каландарашвили?

На этот раз на помощь Сосо пришел Вано Кецховели, который после ухода из семинарии с 20 октября работал и жил в Тифлисской физической обсерватории [29]. «Товарищ Сталин, — вспоминал он, — очутившись вне семинарии, не имел ни квартиры <…>, ни работы. Он знал о моем устройстве в обсерватории и поселился со мной» [30].

Через некоторое время в обсерватории появилась вакансия. «В конце 1899 г., — читаем мы в воспоминаниях Н. Л. Домбровского, — вследствие ухода одного сотрудника, А. Вайсермана, освободилась должность практиканта-наблюдателя, на которую был принят И. Джугашвили» [31]. По свидетельству В. Кецховели, вакансия появилась «в конце ноября» [32].

Это значит, что И. В. Джугашвили покинул квартиру Д. Е. Каландарашвили не ранее 20 октября — не позднее конца ноября.

Между тем хорошо известно, что в Тифлисскую физическую обсерваторию он был принят 28 декабря 1899 г. {33}Подобное расхождение, вероятно, объясняется тем, что оформлению на службу предшествовал испытательный срок, «требовалась предварительная трех-четырехнедельная практика, — объяснял В. Кецховели, — после чего новый работник зачислялся в штат» {34}.

В своей книге, посвященной И. В. Сталину, писатель Э. С. Радзинский, которого почему-то считают историком, пишет о том, как будущий вождь, которому «суждено было определять» ход событий XX в., став наблюдателем Тифлисской обсерватории, вглядывался на рубеже столетий «в глубь Вселенной» {35}. Между тем Тифлисская физическая обсерватория не имела никакого отношения к астрономии. Она являлась обыкновенной метеорологический станцией.

О том, как протекала работа наблюдателя этой обсерватории, мы можем судить на основании воспоминаний В. Бердзеношвили:

«В неделю два раза нам приходилось дежурить, — писал он. — Дежурство дневное начиналось рано утром, в полседьмого, и длилось до 10 часов вечера. Ежечасно мы обходили все приборы, имевшиеся на территории метеорологической площади, отсчитывавшие температуру, наблюдали за облачностью, ветром, давлением и результаты наблюдения заносили в специально на то предназначенные тетради. Ночное дежурство начиналось вечером, в половине девятого, и продолжалось до восьми

утра. Тут уже никаких перерывов на обед не предполагалось <…>. После бессонной ночи, проведенной у метеорологических приборов, дежурный имел свободный день <…>. Заработная плата вычислителю-наблюдателю не превышала 20 рублей в месяц. И только прослужившему полгода надбавляли рублей 5, не больше <…>. Наблюдатели занимали четыре жилых комнаты при самой обсерватории <…>. Над нами во втором этаже находилась квартира директора обсерватории <…>. Наблюдателей было шесть, так называемых вольных, и один штатный, который в неделю раз замещал каждого наблюдателя» {36}.

А вот что писал Н. Л. Домбровский: «Дежурный наблюдатель обязан был являться к семи утра <…>. Дневной дежурный производил наблюдения до девяти вечера, к этому времени являлся сменяющий его ночной дежурный <…>, сменившийся дневной дежурный на следующий день являлся на работу в вычислительную, где и производил обработку наблюдений, поступивших в обсерваторию со всего Кавказа. Ночной же дежурный после дежурства отправлялся на отдых и на работу в вычислительную являлся уже на следующий день, а через день вновь вступал на дневное дежурство» {37}.

Сохранились документы, из которых явствует, что первоначально И. В. Джугашвили получал 20 руб. в месяц {38}, с 20 апреля 1900 г. его жалованье было увеличено до 25 руб. {39}

От первых кружков к массовой партии

Новый 1900 г. открылся в Тифлисе событием, которое некоторые авторы рассматривают как начало поворо-

та в развитии социал-демократического движения на Кавказе.

1 января 1900 г. остановилась тифлисская конка. Отказавшись обсуждать выдвинутые рабочими требования, ее администрация вызвала полицию. Еще совсем недавно достаточно было полицейского свистка, чтобы рассеять любую толпу. На этот раз рабочие отказались подчиняться требованиям полиции, а когда она попыталась применить силу, оказали сопротивление. И хотя после ареста наиболее активных участников забастовка была прекращена, произошедшие события имели большой общественный резонанс [1].

С ними связан еще один важный факт. В городе появились прокламации, посвященные забастовке и выдвинутым в ходе нее требованиям [2]. Первая известная нам листовка была выпущена в Тифлисе кружком Ф. Майорова осенью 1893 г. [3]Еще одна листовка появилась в 1896 г. [4]Однако первоначально они были рукописными, распространялись тайно, в индивидуальном порядке и по этой причине не могли привлечь к себе широкое внимание и оказать заметное влияние на рабочих. Прокламации, появившиеся в начале 1900 г., были не только отпечатаны, но и разбросаны по городу [5]. Так была сделана одна из первых попыток перехода от устной пропаганды в рабочих кружках к открытой массовой агитации.

Вскоре жандармам удалось установить, что главную роль в организации стачки играл Ладо Кецховели. Начались его поиски, узнав о которых он перешел на нелегальное положение и уехал в Баку [6].

Примерно к этому времени относится первый арест И. В. Джугашвили.

О нем известно пока только из воспоминаний Г. И. Елисабедашвили, который датировал его концом 1899 г., отмечая, правда, что он произошел тогда, когда И. Джугашвили уже работал в обсерватории [7]. Если же учесть, что его зачислили в штат 28 декабря 1899 г., то, вероятнее всего, арест имел место в начале 1900 г.

Обращение к сохранившимся документам обсерватории позволяет получить следующую картину дежурств И. В. Джугашвили в этом году: 13, 17, 19, 23, 25, 28, 29, 31 января; 3, 4, 6, 10, 12, 16, 22, 24, 28 февраля; 2, 6, 8, 12, 14, 20, 24, 26, 30 марта; 5, 7, 11, 13, 17,19, 23, 25, 29 апреля; 5, 7, 11, 13, 17,19, 23,25, 31 мая; 4, 6, 10,12,16, 18, 22, 24, 28, 30 июня; 4, 10, 12, 16, 18, 22, 24, 28, 30 июля; 5, 9, 11, 15, 17, 21, 23, 27, 29 августа; 2, 4, 8, 14, 16, 20, 22, 26, 28 сентября; (за октябрь записей обнаружить не удалось); 1, 3, 7, 9, 13, 19, 21, 25, 27 ноября; 3, 7, 9, 15, 21, 25, 27, 31 декабря [8].

Получается, что принятый на службу И. В. Джугашвили на протяжении первых двух недель на работу не выходил. Это дает основание предполагать, что его пребывание под арестом относится ко времени до 13 января 1900 г.

Заслуживает внимания и другой факт — появление в Тифлисе его матери. Точная дата ее приезда неизвестна, но ориентировочно определить ее можно. «В конце января 1900 г., — вспоминал В. Кецховели, — приехал к нам В. Бердзеношвили», а «через некоторое время» «мать т. Сосо Екатерина Георгиевна». Когда Е. Г. Джугашвили уже жила у сына в обсерватории, сюда «в один апрельский день» явилась какая-то подозрительная

личность, разыскивающая Ладо Кецховели. «Прошел еще месяц», и Вано Кецховели вызвали в местное жандармское управление, после чего он предпочел оставить работу в обсерватории [9].

Если подходить к названным воспоминаниям формально, получается, что В. Кецховели ушел из обсерватории в мае 1900 г. Между тем имеются сведения, что расчет он получил 20 марта [10]. Следовательно, появление в обсерватории подозрительной личности, искавшей Ладо, относилось ко времени до 20 февраля. Именно в этот день в штат обсерватории был зачислен В. Бердзеношвили. После ухода из семинарии он некоторое время жил в городе Грозном, «в начале января 1900 г.» вернулся в Тифлис и сразу же, еще до поступления в обсерваторию, поселился здесь у своих товарищей [11].

Исходя из этого, можно утверждать, что Е. Г. Джугашвили приехала в Тифлис не ранее декабря 1899 — не позднее февраля 1900 г. А следовательно, ее приезд вполне мог быть связан с арестом сына.

Что же послужило причиной ареста?

«Когда Сосо работал в обсерватории <…>, — вспоминал Г. И. Елисабедашвили, — к нему пришли неожиданно и забрали <…> в полицейский участок. Сосо не знал в чем дело, но скоро понял, что это дело касается „недоимок", которые отец его должен был платить Дидилиловскому сельскому правлению. Он принял вид, что готов отвечать за „свой долг". Его держали у себя, чтобы заставить заплатить, но не было у него денег, и думал как-нибудь заплатить <…>. Товарищи выручили его, уплатив требуемое» [12].

В этом свидетельстве много неясного.

С одной стороны, позднее, в 1901 г., при обыске у И. В. Джугашвили действительно обнаружили «квитанцию о сдаче податей» {13}. С другой стороны, его отец не жил в Диди Лило более тридцати лет, землей в Дидилиловском сельском обществе не пользовался и по этой причине к поземельным, в том числе выкупным, платежам отношения не имел, а подушная подать давно была отменена. Но даже если допустить факт существования задолженности Бесо Джугашвили, возникает вопрос: почему за решеткой оказался не он сам, а его сын?

Удивительно и другое. Если бы причина ареста заключалась в необходимости взыскания отцовских недоимок, И. В. Джугашвили сначала должен был получить требование на этот счет, и только в случае уклонения от его исполнения к нему могли применить меры воздействия. Причем такая мера, как арест, предполагала злостное уклонение от платежей. Но между 6 декабря 1899 г., когда И. В. Джугашвили стал правоспособным {14}, и его арестом прошло всего лишь около месяца.

Невольно вспоминается уже известный нам факт — фотография вождя, включенная во второе издание его «Краткой биографии» и датированная 1900 г. Как мы уже знаем, в официальных изданиях 30-х гг. она сопровождалась пояснением, указывающим на ее жандармское происхождение. И хотя есть основания думать, что эта фотография относится к более позднему времени, указание на то, что она была сделана в 1900 г. в Тифлисском губернском жандармском управлении означало официальное признание не только факта самого ареста И. В. Джугашвили в 1900 г., но и его политического характера [24].

А поскольку данный факт по времени совпадает с забастовкой тифлисской конки, возникает вопрос: не было ли между ними связи?

Несмотря на то что Ладо Кецховели оставил Тифлис, борьба между сторонниками и противниками активных действий внутри Тифлисской организации РСДРП продолжалась. Особое значение в этом отношении имела маевка, состоявшаяся весной 1900 г. В ней участвовало около 500 человек {15}. И хотя ряды членов Тифлисской организации РСДРП по-прежнему оставались немногочисленными, а ее влияние на рабочих города было невелико, празднование 1 мая 1900 г. показало, что положение организации начинает быстро меняться.

Поэтому, как вспоминал С. Я. Аллилуев, «после маевки борьба между „стариками" и „молодыми" еще более обострилась». Обсуждению вопросов дальнейшей тактики было посвящено несколько специальных собраний, которые, судя по всему, свидетельствовали о том, что среди рядовых членов организации тактика активных действий находила все больше и больше сторонников. Особую роль в начавшемся повороте в деятельности Тифлисской организации РСДРП, по мнению С. Я. Аллилуева, играли ссыльные {16}. Из их числа, в качестве примера, можно назвать рабочего Мирона Демьяновича Савченко. Сын смоленского крестьянина {17}, он ушел на заработки в столицу и там, став членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», участвовал в кружке Людвига Карловича Мертенса, получившего позднее известность как Мартене и ставшего в 1919 г. первым официальным представителем Советской России в США {18}. После ареста летом 1896 г. М. Д. Савченко был приговорен к четырем месяцам тюрьмы и

двум годам гласного надзора полиции. В Тифлис он прибыл не позднее 26 октября 1898 г. [19].

Здесь М. Д. Савченко связался с местной организацией РСДРП и вскоре возглавил кружок в железнодорожных мастерских, одним из членов которого летом 1900 г. стал рабочий Михаил Иванович Калинин, тоже бывший членом петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», тоже после ареста высланный на Кавказ [20] и 30 июня 1900 г. принятый токарем в Главные мастерские Закавказской железной дороги [21].

Приезд М. И. Калинина в Тифлис совпал с волной забастовок, которые прокатились по городу. В конце июня прекратили работу наборщики типографий. В начале июля остановилась табачная фабрика Сафарова, 26 июля — табачная фабрика Бозарджианца, 2 августа — табачная фабрика Энфианджианца и завод Яралова, 6 августа началась новая стачка на фабрике Сафарова, 10 августа — на заводе Адельханова [22]. И хотя нам пока почти ничего не известно о подготовке этих стачек, на всех названных предприятиях уже имелись рабочие кружки.

Около 1 июля началось брожение в железнодорожных мастерских (токарный цех), 11-го числа рабочие этого цеха предъявили администрации свои требования. 28-го токарей поддержал вагонный цех, 1 августа забастовка охватила все мастерские [23].

Подобного власти еще не видели. В город были введены дополнительные воинские части [24], начались увольнения рабочих, обыски и аресты [25]. Но

правительственные репрессии лишь усилили недовольство.

Именно в это время тифлисские социал-демократы сделали попытку создания первой нелегальной типографии. Для этого, по воспоминаниям Артема Тио, ему было поручено выкрасть из Управления Закавказской железной дороги мимеограф [26]. По одним данным, его разместили на квартире В. Гогиладзе, по другим — на квартире В. Мгеладзе.

«Во время забастовки, — вспоминал Б. Бибинейшвили, — по поручению Тифлисской организации Щестор] Каладзе и наборщик Влас Мгеладзе у меня на квартире на Красногорской улице (это была квартира землемера тов. В. Гогиладзе, который на лето уехал на дачу, оставив меня и Н. Каладзе на своей квартире) устроили примитивную типографию» [27].

«В 1900 г., — отмечается в биографической справке о Несторе Варфоломеевиче Каладзе, — во время забастовки в Тифлисе рабочих Главных мастерских и депо Закавказской железной дороги он по поручению организации вместе с Бибинейшвили и наборщиком Власом Мгеладзе устроил на квартире последнего примитивную типографию, в которой они печатали прокламации по поводу забастовки» [28].

Не исключено, что типография помещалась сначала на одной квартире, затем на другой. В ее деятельности принимали участие П. А. Джапаридзе, С. Джибладзе, И. В. Джугашвили и А. Г. Цулукидзе [29].

Первая изданная ими листовка датирована 1 августа 1900 г. Она содержит в основном экономические требования, предъявленные рабочими железнодорожных ма-

стерских (повышение заработной платы, выплата ее два раза в месяц, отмена вечерних сверхурочных работ). За рамки этого выходили только требования человеческого обращения и освобождения арестованных [30]. Известны также листовки 3, 4, 8, 10 и 11 августа [31].

Забастовка продолжалась около месяца. К 1 сентября она закончилась поражением. Когда рабочие вернулись на свои места, многие из них были уволены. Получив расчет, не все из них смогли устроиться в Тифлисе, поэтому должны были искать счастья за его пределами, прежде всего в Баку и Батуме, разнося таким образом искры мятежа по другим городам.

Одновременно с увольнениями были произведены массовые аресты.

Когда в 1897 г. полковник Е. П. Дебиль возглавил Тифлисское ГЖУ, в Метехском замке находилось всего 16 политических заключенных. В 1898 г. их было уже 77 человек, в 1899 г. — 102 и в 1900 г. — 224 человека [32].

К дознанию за участие в железнодорожной стачке было привлечено 112 человек: среди них С. Я. Аллилуев, К. Гогуа, М. З. Гурешидзе, П. А. Джапаридзе, Н. С. Ериков, М. И. Калинин, Г. З. Jелашвили, А. Г. Окуашвили, Г. Д. Ргвеладзе, М. Д. Савченко, И. Стуруа, З. Чодришвили, А. Н. Шатилов и некоторые другие [33].

Несмотря на то что репрессии коснулись многих видных деятелей организации, она не была разгромлена, как предрекали противники активных действий. Более того, за выступлением рабочих железнодорожных мастерских последовали выступления работников других предприятий. «В августе 1900 — апреле 1901 гг. бастова-

ли рабочие хлопчатобумажной фабрики Читахова, кожевенного завода Адельханова, табачных фабрик Энфенджианца, Бозарджианца, Сапарова, Бутулова, „Мир", механических заводов Яралова, Карапетянца, Катрана и ряда типографий» {34}.

После железнодорожной стачки вопрос о допустимости активных действий уже более не стоял. На первый план стал выдвигаться вопрос о форме и характере этих действий.

Распространено мнение, что начавшийся поворот в деятельности Тифлисской организации РСДРП был связан с появлением летом 1900 г. в Тифлисе уже упоминавшегося выше Виктора Константиновича Курнатовского {35}, того самого, под влиянием которого находившийся в архангельской ссылке И. И. Лузин перешел на позиции марксизма, того самого, который вместе с О. А. Коганом принимал участие в создании «Союза русских социал-демократов за границей» {36}.

Закончив Цюрихский политехнический институт, В. К. Курчатовский в 1896 г. вернулся в Россию, где сразу же был арестован и выслан в Сибирь {37}. Новую ссылку он отбывал в Енисейской губернии. Здесь в это же самое время находился руководитель петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Ульянов (Ленин). Вместе с ним В. К. Курнатовский подписал известный протест 17-ти против «Кредо» Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича, которые утверждали, что первоначально рабочее движение должно развиваться исключительно на экономической почве и только после того, как оно приобретет массовый характер, можно будет перевести его на рельсы политической борьбы. Про-

тивники «Кредо» считали, что экономическая борьба в России неразрывно связана с политической [38].

Никакого отношения к летним забастовкам 1900 г. в Тифлисе В. К. Курнатовский не имел. Дело в том, что по окончании ссылки он только 5 сентября 1900 г. «выехал из г. Красноярска в г. Воронеж» [39], «откуда, — как сказано в одном полицейском документе, — 19 октября того же года выбыл в город Харьков» [40]. Харьков был для него лишь транзитным пунктом. В Воронеже В. К. Курнатовский встретился со своим старым знакомым О. А. Коганом (Ерманским) и, получив от него адрес И. Я. Франчески [41], мог добраться до Тифлиса в лучшем случае к концу октября.

И хотя В. К. Курнатовский не имел никакого отношения к летним забастовкам 1900 г., его появление в Тифлисе стало важным событием, потому что у него существовали разветвленные связи в социал-демократических кругах не только Европейской России, но и за рубежом. В частности, это касается В. И. Ленина, который в это время находился в Германии и вел активную работу по подготовке к печати первого номера газеты «Искра». По замыслу ее организаторов, она должна была стать центром консолидации разрозненных социал-демократических организаций в России и объединения их в партию.

Во второй половине 1900 г. кроме В. К. Курнатовского в Тифлисе находилось еще несколько видных участников социал-демократического движения. Из их числа можно назвать уже известного нам И. Я. Франчески [42], будущего командира боевых дружин в декабре 1905 г. на Пресне З. Я. Литвина (Седого) [43], проделавшего эволюцию от народничества к марксизму Андро Лежаву [44]. Здесь, вероятно, следует напом-

нить, что А. Лежава в ссылке женился на Людмиле Степановне Александровой, которая вместе с братом Михаилом, получившим известность под фамилией Ольминский, упоминалась выше как член «Группы народовольцев» {45}.

Показательно, что именно в конце 1900 г. деятельность Тифлисской организации РСДРП стала приобретать политический характер. Первым свидетельством этого является листовка, выпущенная ею 18 декабря 1900 г. и содержавшая политические требования. Подводя итоги железнодорожной стачки, листовка призывала: «Завоюем себе право собираться для обсуждения наших нужд, открыто выражать наши мысли, словом, завоюем то, что называется свободой союзов, собраний и стачек, свободой слова и печати, тогда ничто не сломит объединенного рабочего движения» {46}.

Тогда же стали обнаруживаться и другие перемены.

По некоторым данным, именно в 1900–1901 гг. начинается деление членов организации на изолированные друг от друга десятки и сотни, входят в употребление пароли и клички, появляются специальные конспиративные квартиры. {47}.

«В 1900 и 1901 гг., — вспоминал Г. Ф. Вардоян, — по указанию Тифлисской социал-демократической организации я нанял конспиративные квартиры на улице Соломоновской и Нарашенской» {48}. По воспоминаниям Г. Паркадзе, «такими были квартиры Ротинова и Георгия Ананиашвили по Красногорской улице. Конспиративные квартиры помещались на Церковной улице, на Давидовой горе и в других местах» {49}.

ПРИМЕЧАНИЯ

Последний год в семинарии

[1]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 181 (С. Девдориани).

[2]Там же.

[3]См., например: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 142 (Г. Паркадзе); Из материалов о начале революционной деятельности товарища Сталина // Литературный критик. 1939. № 12. С. 103 (Г. Паркадзе).

[4]*Берия Л. П.*К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. 3-е изд. М., 1937. С. 14.

[5]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 292–307.

[6]Духовный вестник грузинского экзархата. 1899. № 12–13. С. 7–12.

[7]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 53. Л. 1.

[8]Там же. Д. 665. Л. 211 (Васо Хаханишвили).

[9]Там же. Д. 53. Л. 2, 157 и без номера.

[10]Там же. Д. 63. Л. 1.

[11]*Берия Л. П.*К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. С. 14.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 14–15; Гори. Д. 29. Л. 1 (Виктор Бакрадзе).

[13]Гори. 45. Л. 5–7 (А. И. Бедиашвили).

[14]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 80; ГФИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1.Д. 20. Л. 8 (Котэ Калантаров); Гори. Д. 507. Л. 1.

[15]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 76 (А. Латанишвили).

[16]Гори. Д. 410–1. Л. 1–2.

[17]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 58 (Е. Сартания); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 116 (Е. Сартания).

[18]По одним данным, эта забастовка была подготовлена членами Тифлисской организации РСДРП, по другим — являлась стихийной.

[19]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 7. 1898. Д. 144. Л. 1.

[20]Там же. Л. 1–6.

[21]Там же. Л. 6.

[22]На этот счет в нашем распоряжении нет никаких сведений.

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 292 (Н. Выгорбин); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 24–28 (Н. Выгорбин).

[24]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 78. Л. 32; Заря Востока. 1928. 29 нояб.

[25]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 60. Л. 1–4.

[26]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 84–85 (П. Талаквадзе).

[27]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д, 60. 1–4.

[28]Гори. Д. 547. Л. 1 (Ягор Тарикашвили).

[29]ГФИМЛ.Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 52. Л. 109–111 (Василий Давидович Цабадзе).

[30]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 12. Л. 30.

[31]Там же.

[32]Там же. Д. 78. Л. 62; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 53. Л. 158.

[33]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 64. Л. 7об.; Духовный вестник грузинского экзархата. 1899. № 12–13. С. 8.

[34]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 275.

[35]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 214. Л. 8 об.

[36]Там же. Оп. 1. Д. 4349. Л. 1.

[37]Иосиф Виссарионович Джугашвили: Краткая биография. 2 изд. М., 1947. С. 10.

[38]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 212 (В. Хаханишвили).

[39]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 141 (Д. Гогохия); Заря Востока. 1936. 12 авг. (Д. Гогохия).

[40]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 47. Л. 126–127 (П. М. Талаквадзе).

[41]Там же. Д. 24. Л. 188 (В. З. Кецховели).

[42]Там же. Д. 12. Л. 181 (С. Девдориани).

[43]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 65. Л. 1–4.

[44]*Smith E. E.*The Yung Stalin. The early Years of elusive Revolutionary. N.Y., 1967. P. 54; См. также: *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. М., 1990. С. 44.

[45]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 381 (П. Талаквадзе); ГФ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 47. Л. 126–127.

[46]Гори. Д. 547. Л. 2 (Я. Торикашвили); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 25–26 (Н. Выгорбин); *Бе-*

*дия Э. А.*1 мая 1901 г. в Тбилиси // Заря Востока. 1937. 28 апр.

Начало самостоятельной жизни

[1]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2 изд. М., 1947. С. 10.

[2]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 32. Л. 258–259 (М. Кублидзе, ур. Махараблидзе).

[3]Там же. Д. 48. Л. 164 (Г. И. Елисабедашвили).

[4]Там же. Д. 12. Л. 28 (П. Н. Давиташвили).

[5]Там же. Л. 29.

[6]Там же.

[7]*Хаханишвили В. Т.*Защитник угнетенных // Ладо Кецховели: Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1969. С. 125.

[8]Гори. Д. 283. Л. 1 (Д. Багдавадзе).

[9]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 81. Л. 41.

[10]Духовный вестник грузинского экзархата. 1898. № 13–14. С. 5–9; 1899. № 12–13. С. 7–12.

[11]Там же; 1900. № 12–13. С. 7–11.

[12]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 1612; Оп. 2. Д. 81, 82.

[13]*Верещак С.*Сталин в тюрьме: Воспоминания политического заключенного // Дни. 1928. 22 янв.

[14]*Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. С. 85.

[15]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 82. Л. 30; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 65. Л. 1–2.

[16]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 82. Л. 59; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 65. Л. 3.

[17]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 82. Л. 59; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 65. Л. 4.5 октября 1899 г. документы И. В. Джугашвили из семинарии были направлены в канцелярию экзарха Грузии (ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 81. Л. 15), помощником правителя которой в это время был брат Захария Алексеевича Давиташвили Давид (Кавказский календарь на 1899 г. Тифлис, 1898. Ч. 2. С. 393).

[18]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 278–279 (литера Б).

[19]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 333; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2.4.1. Д. 20. Л. 74–76 (Д. Е. Каландарашвили). Опубликовано: Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 87.

[20]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 334 (Д. Е. Каландарашвили).

[21]Там же. Л. 235.

[22]Там же. Ф. 668. Оп. 1. Д. 2. Л. 114–115 (С. Я. Аллилуев).

[23]Там же.

[24]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 2. Д. 165. Л. 10 (А. Окуашвили).

[25]*Вакар Н.*Сталин: по воспоминаниям Н. Н. Жордании // Последние новости. 1936. 16 дек.

[26]РГАСПИ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 2. Л. 112 (С. Я. Аллилуев).

[27]*Вакар Н.*Сталин: по воспоминаниям Н. Н. Жордании // Последние известия. 1936. 16 дек.

[28]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 333–334 (Д. Е. Каландарашвили).

[29]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 5. Л. 59 (В. Ф. Бердзеношвили).

[30]Там же. Оп. 5. Д. 429. Л. 170.

[31]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 50–53.

[32]На заре создания партии рабочего класса // Заря Востока. 1939.17 июля.

[33]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 417.

[34]Литературный критик. 1939. № 12. С. 106.

[35]*Радзинский Э. С.*Сталин. М., 1997. С. 48.

[36]Заря Востока. 1938. 25 февр. (В. Бердзеношвили).

[37]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 50–51 (Н. Л. Домбровский). См. также: Гори. Д. 132. Л. 3/1–4/1 (Н. Л. Домбровский).

[38]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 66. Л. 1–4.

[39]Там же. Л. 5–15.

От первых кружков к массовой партии

[1]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1900. Д. 1915 и 1917.

[2]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 57. Л. 174 (А. Н. Шатилов).

[3]РГАСПИ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 2. Л. 96–97 (С. Я. Аллилуев).

[4]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3470.

[5]Была ли это первая попытка подобного использования легальных типографий, не ясно.

[6]Ладо Кецховели: Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1969. С. 76.

[7]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 40 (Г. И. Елисабедашвили).

[8]Там же. Оп. 1. Д. 4904. Л. 14 об. — 384 об.; Д. 4905. Л. 58–324 об.

[9]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. ч. 1. Д. 24. Л. 167–168.

[10]Там же. Д. 5. Л. 59–60 (В. Ф. Бердзеношвили).

[11]Там же. Л. 59. См. также: Гори. Д. 39–2. Л. 9.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 40 (Г. И. Елисабедашвили).

[13]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3432. Л. 190.

[14]До революции человек приобретал имущественные права с 21 г. (*Миронов Б. Н.*Социальная история России. Т. 2. СПб., 1999. С. 39).

[15]М-в. Наш май // Заря Востока. 1927.1 мая; *Бедия Э. А.*1 мая 1901 г. в Тбилиси // Заря Востока. 1937. 28 и 29 апреля.

[16]РГАСПИ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 2. Л. 144 (С. Я. Аллилуев).

[17]М. Д. Савченко имел жену Наталью Григорьевну, пять братьев (Канона, Василия, Кузьму, Тихона и Константина) и двух сестер (Акулину и Татьяну) (ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 945. Л. 9).

[18]ГАРФ. Ф. 102. 3Д. 1900. Д. 1453. Ч. 1. Л. 14; РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1210. Л. 3–16 (Л. М. Мартене. Автобиография); *Евгеньев Г., Шапик Б.*Революционер, дипломат, ученый. О Л. К. Мартенсе. М., 1960; *Рейхберг Г. Е., Шапик Б.*С. «Дело» Мартенса. М., 1966.

[19]ГАРФ. Ф. 102. 3Д. 1900. Д. 1453. Ч. 1. Л. 14–14 об., 20–21.

[20]*Калинин М. И.*Автобиография // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 842. Л. 6; ф. 78. Оп. 8. Д. 3–4; Оп. 9. Д. 3; ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1.Д. 1427. Л. 301–322 (биографическая справка).

[21]Заря Востока. 1940. 13 авг.

[22]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 661. Л. 80. См. также: 40-летие августовской забастовки 1900 г. в Тифлисе // Заря Востока. 1940. 13 авг.

[23]*Чаадаева О.*Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе (1900) // Красныйархив. 1939.Т. 3(94). С. 39–41; Заря Востока. 1940.13августа.

[24]*Аркомед С. Т.*Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. Ч. 1. Женева, 1910. С. 33.

[25]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1900. Д. 487. Т. 1–2.

[26]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 30 (А. Тио). Опубликовано: Заря Востока. 1926. 13 янв.

[27]*Барон*(*Бибинейшвили*). За четверть века. Революционная борьба в Грузии. М.-Л., 1931. С. 23.

[28]Биографическая справка о Н. В. Каладзе.

[29]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 30 (А. Тио).

[30]Там же. Ф. 71. Оп. 10. Д. 169. Л. 9–10.

[31]Там же. Л. 11, 12, 13, 14, 15–16, 17–18.

[32]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1. Л. 72.

[33]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 661. Л. 4–10.

[34]*Чаадаева О.*Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе. С. 37.

[35]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд. С. 12.

[36]ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 723. Л. 9–10.

[37]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 90; *Аренштейн А. В.*К. Курнатовский // Исторический журнал. 1939. № 10. С. 130–131.

[38]Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 90.

[39]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 202. Л. 60.

[40]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1901. Д. 642. Л. 1–2.

[41]*Ерманский О. А.*Из пережитого. М., 1927. С. 53.

[42]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1900. Д. 447. Л. 1–16.

[43]*Зархий С. М.*Седой: документальная повесть о З. Я. Литвине-Седом. М., 1984; Таурин Ф. Н. Баррикады на Пресне: Повесть о З. Литвине-Седом. М., 1985.

[44]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1901. Д. 74. Ч. 66. Л. 28 об.

[45]*Лежава О., Нелидов Н. М.*С. Ольминский: Жизнь и деятельность. 2-е изд. М., 1973. С. 66. С 14 марта 1901 г. за Людмилой Сергеевной тоже был учрежден негласный надзор, но в Тифлисе она не была обнаружена (ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1901. Д. 74. Ч. 66. Л. 28 об.).

[46]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 169. Л. 23–25.

[47]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 126. Л. 39 (И. Стуруа).

[48]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 66 (Г. Ф. Вардоян).

[49]Гори. Д. 334. Л. 7–8.

ГЛАВА 2. НОВАЯ ПРОФЕССИЯ — РЕВОЛЮЦИОНЕР

В качестве обвиняемого

Рубеж 1900–1901 гг. характеризовался оживлением общественного движения в России [{1}]. 11 (24) декабря в Лейпциге вышел первый номер газеты «Искра», редакция которой постепенно превратилась в центр объединения разрозненных социал-демократических организаций России [{2}]. Тогда же в целом ряде городов России началась подготовка к открытому празднованию 1 мая [{3}].

В связи с этим Тифлисское ГЖУ решило нанести по местной социал-демократической организации превентивный удар. Готовясь к нему, оно составило «Обзор» деятельности Тифлисской организации РСДРП. В нем отмечалось:

«К наблюдаемому кружку, по-видимому, принадлежат следующие лица: 1) Сильвестр Джибладзе, 2) Иосиф Джугашвили, 3) Николай Домостроев, 4) Владимир Мещерин, 5) Виктор Курнатовский, 6) Михаил Гоглидзе, 7) Павел Пушкарев, 8) Акоп Степанян-Заргарянц, 9) Георг Караджев, 10) Аршак Казарянц, 11) Филипп Махарадзе, 12) Василий Цабадзе, 13) Каладзев, 14) Севериан Джугели, 15) Полиевкт Каландадзе, 16) Виссарион Каландадзе, 17)

Павел Каландадзе, 18) Николай Соколовский, 19) Георгий Мафферт, 20) Анна Краснова, 21) Ипполит Франчески, 22) Борис Перес и нижеследующие мастеровые, являющиеся ближайшими сотрудниками интеллигентов в деле революционной пропаганды и организации рабочих кружков: 23) Иван Егоров, 24) Владимир Джибладзе, 25) Кузьма Крылов, 26) Алексей Никаноров, 27) Георгий Чхеидзе, 28) Федор Шмыков и 29) Ольшевский» {4}.

Давая характеристику каждому из названных выше лиц, жандармское управление писало:

«Иосиф Джугашвили, наблюдатель в Физической обсерватории, где и квартирует. По агентурным сведениям, Джугашвили социал-демократ и ведет сношения с рабочими. Наблюдение показало, что он держит себя весьма осторожно, на ходу постоянно оглядывается; из числа его знакомых выяснены: Василий Цабадзе и Севериан Джугели; кроме того, нужно думать, что и Сильвестр Джибладзе заходил в обсерваторию именно к Джугашвили» {5}.

Первый пробный арест по этому списку был произведен в ночь с 10 на 11 марта, его жертвой стал И. Я. Франчески {6}. 21 марта жандармы нагрянули на квартиру Николая Гавриловича Домостроева, а в ночь с 21 на 22 марта были арестованы Михаил Георгиевич Гоглидзе, Владимир Георгиевич и Сильвестр Виссарионович Джибладзе, Полиевкт Антонович и Павел Алексеевич Каландадзе, Кузьма Иванович Крылов, Виктор Константинович Курнатовский, Филипп Иесеевич Махарадзе, Владимир Николаевич Мещерин и Алексей Иванович Никаноров {7}.

Явились жандармы и в Тифлисскую физическую обсерваторию. Не застав И. Джугашвили, они произвели обыск в его отсутствие. «21 марта 1901 г., — читаем мы в „Краткой биографии", — полиция произвела обыск в физической обсерватории, где жил и работал Сталин. Обыск и ставшее потом известным распоряжение охранки об аресте заставляют Сталина перейти на нелегальное положение» {8}.

«Краткая биография» обходила стороной вопрос о том, где в момент обыска находился И. В. Джугашвили. Из воспоминаний же В. Бердзеношвили, который оказался свидетелем этого события, явствует, что, добравшись до обсерватории, И. В. Джугашвили заметил жандармов и вернулся домой только тогда, когда они ушли. Узнав об обыске, он перешел на нелегальное положение {9}.

Но вот что свидетельствуют документы. Рапорт ротмистра Тифлисского ГЖУ Д. А. Цысса:

«Вследствие личного распоряжения Вашего Высокоблагородия, — сообщал он своему начальнику полковнику Е. П. Дебилю, — мною в ночь с 21 марта на сие число были проведены обыски у Иосифа Джугашвили, Николая Домостроева, Георгия Авалиани, Павла Каландадзе, Филиппа Цхомосидзе и в „будке" (конторе) дровяного склада [Капанадзе и Новакидзе]. Джугашвили дома не было, почему был подвергнут обыску первоначально проживающий с ним наблюдатель обсерватории Василий Бердзенов, а за прибытием Джугашвили установлено наблюдение, коим он и был обнаружен по пути в Муштаид и подвергнут личному обыску» {10}.

По всей видимости, именно этот факт нашел отражение в воспоминаниях Н. Л. Домбровского:

«В 1901 г., в конце марта или первых числах апреля, вскоре после того как И. Джугашвили перестал посещать занятия Тифлисской физической обсерватории, я видел из окна канцелярии помещения обсерватории, как его вели два уездных стражника от Муштаида в сторону Воронцовского моста. Я обратился с вопросом к В. Бердзеношвили, что случилось с Иосифом Джугашвили и за что его арестовали, на что Бердзеношвили ответил, что у И. В. Джугашвили не в порядке паспорт» {11}.

Не исключено, правда, что в памяти Н. Л. Домбровского переплелись два задержания И. В. Джугашвили: в начале 1900 и весной 1901 г.

Обыски и аресты не дали жандармам основания для возбуждения формального дознания, поэтому 23 марта начальник Тифлисского ГЖУ полковник Е. П. Дебиль приказал адъютанту жандармского управления ротмистру Владимиру Александровичу Руничу начать на основе «Положения о государственной охране» переписку «Об исследовании политической неблагонадежности лиц, составивших с целью пропаганды среди рабочих социал-демократический кружок интеллигентов в г. Тифлисе» {12}. Удалось обнаружить «Список обвиняемых по настоящей переписке». Однако он сохранился не полностью {13}.

И хотя И. Джугашвили арестован не был, а в сохранившейся части названного выше «Списка обвиняемых» его фамилия отсутствует, есть все основания утверждать, что в первоначальном его варианте она значилась. Основанием для такого утверждения является постановление,

принятое 23 марта ротмистром Тифлисского ГЖУ В. А. Руничем:

«1901 г. марта 23 дня в городе Тифлисе, я, Отдельного корпуса жандармов ротмистр Рунич, принимая во внимание, что по агентурным сведениям, изложенным в „Обзоре наблюдения за социал-демократическим кружком", служащий наблюдателем в физической обсерватории Иосиф Джугашвили ведет сношения с рабочими, принадлежит, весьма возможно, к социал-демократам, а равно, что беглым просмотром отобранной у него по обыску переписки обнаружена [книга] „Рабочее движение на Западе" С. Н. Прокоповича без цензурной даты, в каковой книге имеются выписки и ссылки на разные запрещенные издания и проведена программа проповеди социал-демократических идей, постановил привлечь названного Иосифа Джугашвили и допросить обвиняемым по проводимому мною в порядке Положения о государственной охране исследованию степени политической благонадежности лиц, составивших социал-демократический кружок интеллигентов в г. Тифлисе» {14}.

Постановление известно давно. Удивительно, однако, что, отмечая его появление, биографы И. В. Сталина ограничивались и ограничиваются только констатацией данного факта. Между тем немаловажное значение имеют два вопроса. Во-первых, что, решив привлечь И. В. Джугашвили к ответственности в качестве обвиняемого, делало Тифлисское ГЖУ для исполнения своего решения? А во-вторых, имело ли это решение какие-либо последствия для И. В. Джугашвили?

После того как 23 марта Тифлисское ГЖУ направило в Департамент полиции так называемую «литеру А» за № 1216 о возбуждений переписки {15}, в 4-м дело-

производстве было заведено дело № 171 «О лицах, составивших среди рабочих социал-демократический кружок». Разыскать это дело не удалось. Не сохранилась и дореволюционная опись 4-го делопроизводства за 1901 г. В нашем распоряжении имеется лишь ее копия, сделанная уже в советское время и находящаяся сейчас в составе 7-го делопроизводства за этот же год. Из нее явствует, что дело № 171 имело по меньшей мере 33 части, а значит, по начатой переписке проходило не менее 33 человек. Правда, в копии данной описи в перечне частей дела № 171 отсутствуют ч. 5, 13–15, 18, 22–24 и в качестве обвиняемых фигурируют только 25 человек. Фамилии И. В. Джугашвили среди них нет [{16}].

Между тем сохранилось донесение Тифлисского ГЖУ в Департамент полиции от 28 марта 1901 г., в котором сообщалось о начатой переписке и среди прочих подследственных под № 3 значился И. В. Джугашвили [{17}]. Поэтому в 1901 г. его фамилия появилась в картотеке Департамента полиции, из которой явствует, что в деле № 171 он упоминался по крайней мере дважды: в документах № 5415 и 6381 [{18}]. Что это были за документы, мы не знаем, так как за 1901 г. не удалось найти ни журнал исходящих бумаг Тифлисского ГЖУ, ни журнал входящих бумаг 4-го (с 1902 г. — 7-го) делопроизводства Департамента полиции [{19}].

Поскольку И. Джугашвили попал в списки обвиняемых, в действие вступал циркуляр Третьего отделения Собственной е. и. в. канцелярии от 20 февраля 1877 г. за № 812, подтвержденный Департаментом полиции 12 января 1881 г. № 174 и продолжавший действовать до начала XX в. Он гласил:

«В случае побега обвиняемых как во время производства дознания, так и после его окончания следует принимать меры к их обнаружению, для сего в Департамент полиции следует представлять (без особой предварительной бумаги) особую ведомость о розыске по прилагаемой форме (приложение № 20) с препровождением подробных примет обвиняемых, а также в случае возможности и их фотографических карточек». Примечание: «Так же следует поступать, когда неизвестно местожительство привлеченного в качестве обвиняемого» {20}.

После издания в 1882 г. «Положения о государственной охране» это требование распространялось и на следственные мероприятия, проводившиеся на основании этого «Положения» и называвшиеся перепиской. Поэтому, включив И. В. Джугашвили в число обвиняемых, Тифлисское ГЖУ обязано было начать его поиск. Но в розыскных циркулярах 1901 г., издаваемых Департаментом полиции, фамилия И. В. Джугашвили отсутствует, не удалось обнаружить материалов о его розыске и в фонде Тифлисского ГЖУ.

Наблюдая за ходом переписки по делу о социал-демократическом кружке, производившейся Тифлисским ГЖУ, Департамент полиции пришел к выводу, что в распоряжении ГЖУ достаточно данных для передачи начатого им дела в суд, и 22 июня (№ 3231) предложил Тифлисскому ГЖУ перевести начатую переписку в формальное дознание {21}. 30 июня Е. П. Дебиль официально поставил в известность об этом ротмистра В. А. Рунича {22}, и 16 июля 1901 г. на основании полученных в ходе переписки свидетельских показаний было начато формальное дознание, о чем ГЖУ уведомило

Департамент полиции «литерой А» (№ 3021) от 18 июля 1901 г. [23] В списке привлеченных к дознанию значатся 24 человека. Фамилии И. В. Джугашвили в нем нет [24].

О начатом формальном дознании Тифлисское ГЖУ уведомило Тифлисскую судебную палату. 5 сентября 1901 г. прокурор палаты Е. Хлодовский поставил об этом в известность Временную канцелярию Министерства юстиции по производству особых уголовных дел [25], и 12 сентября здесь появилось на свет специальное дело № 11296 [26].

Знакомство с ним вызывает много вопросов. Прежде всего обнаруживается, что уведомление № 1 о начале дознания, которое должно было быть приложено к письму Е. Хлодовского и которое не могло быть датировано позднее 5 сентября 1901 г., в деле отсутствует. А имеющийся в нем экземпляр уведомления № 1 имеет дату 5 декабря 1902 г. [27] Этим же числом датировано и уведомление № 2 о завершении дознания, из которого явствует, что оно было закончено 21 августа 1902 г. и представлено прокурору Тифлисской судебной палаты 5 октября [28]. Следовательно, первоначальный экземпляр уведомления № 1 исчез. Еще более странным является то, что рассматриваемое дело, начатое 12 сентября 1901 г., находится в обложке с типографской датой «1903 г.».

Если для переписки вполне достаточно было агентурных данных, то для формального дознания, которое предполагало передачу дела в суд, требовались более весомые доказательства, поэтому дальнейшая судьба И. В. Джугашвили как обвиняемого во многом зависела от материалов, обнаруженных в его комнате во время обыс-

ка в обсерватории. Единственной вещественной уликой, которая в связи с этим имелась на руках у жандармов, являлась упомянутая ранее книга С. Н. Прокоповича. Тот факт, что она не имела цензурного штампа, давал основание думать о ее нелегальном происхождении. Однако она была издана в Петербурге в 1899 г. совершенно легально и по непонятной причине не имела на титуле указания на прохождение цензуры. Установив данный факт, ротмистр В. А. Рунич 4 сентября 1901 г. подписал постановление о признании изъятых у И. В. Джугашвили бумаг имеющими чисто личный характер {29}.

В результате отпало основание, которое давало возможность привлечь его к формальному дознанию. В этих условиях у Тифлисского ГЖУ, располагавшего только агентурными данными о принадлежности И. В. Джугашвили к местной организации РСДРП, оставались две возможности: или отказаться от выдвинутого против него обвинения, или же предложить Министерству внутренних дел разрешить дело в административном порядке на основании «Положения о государственной охране».

Когда и как был решен данный вопрос, мы не знаем.

Переход на нелегальное положение

Перейдя на нелегальное положение, И. В. Джугашвили нашел приют в той самой конспиративной квартире, которая была снята, Г. Ф. Вардояном на Нарашенской улице еще в 1900 г., которую он до этого неоднократно посещал и в которой зимой 1900/01 г. некоторое время проживал.

«В 1901 г., кажется, весной, — вспоминал рабочий А. Литанишвили, — тов. Сосо жил на Нарашенской улице в д. 18 (теперь улица Азира). Он жил один в маленькой

комнате, где стояла тахта и этажерка для книг. Я часто приходил к нему на эту квартиру» [1].

И. В. Джугашвили продолжал вести занятия в рабочих кружках [2], но более важное место в его деятельности весной 1901 г. занимала подготовка первомайской демонстрации [3].

Перед демонстрацией в городе снова появились листовки, в которых повторялось требование политических свобод и формулировался лозунг «Долой рабство!» [4]Листовки были отпечатаны в одной из легальных типографий. Причина этого заключалась в том, что после железнодорожной забастовки, по всей видимости, из-за опасения провала руководство Тифлисской организации РСДРП, в которой тогда еще было велико влияние редакции «Квали», постановило уничтожить типографию. «Типография была ликвидирована, — вспоминал Б. Бибинейшвили, — кассу сожгли, шрифт выбросили». [5].

Поскольку жандармам стало известно о подготовке демонстрации, уже с 15 апреля «по городу маршировали драгуны, казаки, артиллерия и пехота. Маленькие сборища, даже из трех человек, энергично разгонялись полицией. На всех площадях Тифлиса были расположены на бивуаках по две, по три роты солдат» [6].

Однако Тифлисский комитет РСДРП от своего плана не отказался. Первоначально демонстрацию планировалось начать у железнодорожных мастерских, где можно было пополнить свои ряды за счет находившихся там рабочих, и уже оттуда двинуться к центру города [7]. Затем руководство Тифлисской организации отказалось от этого замысла и решило начать демонстрацию в вос-

кресенье 22 апреля на площади перед Солдатским базаром [8].

Выбор места был неслучайным. Солдатский базар до сих пор один из самых оживленных рынков города, расположенных в непосредственной близости от его центра. Организаторы демонстрации рассчитывали увлечь за собой обывателей, которых всегда было много в воскресный день на базаре, и в считанные минуты выйти к центру города — на Головинский проспект, а затем и на Эриванскую площадь [9].

Первоначально все развивалось по плану. Не привлекая к себе внимания, демонстранты по одному и небольшими группами собрались на площади возле Солдатского базара. Обычно называют цифру около 2–3 тыс. человек [10]. Вероятнее всего, это общее количество людей, находившихся в то время на площади и застигнутых здесь событиями.

В условленный момент был дан знак, демонстранты по команде собрались вместе и начали строиться в колонну. Над ними взвилось красное знамя. В этот момент из подворотен и переулков, которые вели к площади, тоже по команде хлынули городовые и солдаты. Завязалась схватка. Силы были неравные. По одним данным, через 15, по другим — через 45 минут все было кончено. Обыватели Разбежались, многих демонстрантов, принявших участие в схватке с полицией, арестовали [11]. Арестованными оказались и некоторые обыватели, наблюдавшие за происходившим со стороны [12].

Сразу же после этого события, получившего название первомайской демонстрации, появилась посвященная

ей листовка, которая впервые заканчивалась лозунгом: «Долой тиранию! Да здравствует свобода!» {13}.

Так весной 1901 г. Тифлисская организация РСДРП открыто подняла знамя борьбы против самодержавия.

События у Солдатского базара и провозглашенный лозунг «Долой тиранию!» означали не только окончательную победу «молодых» над «стариками», но и переход Тифлисской организации к сочетанию экономической борьбы с борьбой политической.

Сразу же после демонстрации И. В. Джугашвили уехал в Гори, здесь переждал волну обысков и арестов, которая прокатилась по Тифлису {14}, а затем, уже в мае, снова вернулся в Тифлис и включился в нелегальную работу.

«Был 1901 г., кажется, конец мая, — вспоминал Цхалоба Сологошвили, — мы собрались в доме Чхеидзе на Андреевской улице <...>. Миха Бочаришвили привел товарища Сталина». Обсуждался вопрос о восстановлении нелегальной типографии {15}. Восстановление типографии стало одной из важнейших проблем, которыми занимался в 1901 г. И. В. Джугашвили.

Одновременно с этим он продолжал вести занятия в рабочих кружках. Известен также факт его выступления под именем Давид на одном из нелегальных собраний в Тифлисе, на котором присутствовал представитель Северного союза РСДРП рабочий М. А. Багаев {16}.

К этому времени относится сближение И. В. Джугашвили со своим земляком Семеном Аршаковичем Тер-Петросянцем, который получил позднее известность под кличкой Камо. Летом 1901 г. он готовился к поступлению в военное учебное заведение. Занимались с ним

студенты Учительского института Георгий Вардаян и Георгий Годзиев. По некоторым данным, в этих занятиях принимал участие и И. В. Джугашвили [17].

Находясь на нелегальном положении, он вынужден был постоянно менять место жительства. Одно время он укрывался в квартире М. Бочаридзе [18]. «Я, — вспоминал П. Д. Хурцилава, — приход дил к нему на Потийскую улицу, где он жил в квартире рабочего Мито Гурешидзе» [19]. «Приблизительно в августе 1901 г., — утверждал Н. Шахназаров, — тов. Сосо скрывался на моей квартире в продолжение целых 20 дней. Я жил в Тифлисе на Душетской улице, дом № 10. В то время тов. Сталин находился уже на нелегальном положении и за ним гонялись с целью арестовать» [20]. «Много раз, когда тов. Джугашвили скрывался от полиции, — отмечал А. С. Челидзе, который владел книжной лавкой на Георгиевской улице, — он ночевал у меня в подвальном этаже дома по Семеновской улице, дом № 23. Я был тогда еще холостяком, стелил ему на диване. Он приходил поздно, читал еще перед сном, уходил рано утром» [21].

Несмотря на конспирацию, И. В. Джугашвили вскоре снова оказался в поле зрения жандармов. Осенью 1901 г. им стал известен еще один его адрес: Семеновская, 16 [22]. Жандармам удалось установить наблюдение и за его деятельностью.

9 ноября помощник начальника Тифлисского ГЖУ ротмистр Владимир Николаевич Лавров доносил Е. П. Дебилю: «Самый большой из рабочих кружков, именно железнодорожный, агентурою и наблюдением выяснен, и интеллигент, руководящий этим кружком, обнаружен, и квартира его установлена. Кружок имел три сходки своих

представителей: 21 минувшего октября в Нахаловке в Дешевой библиотеке, 28 того же октября в винном подвале „Мелани" на Вокзальной улице и 4 сего ноября в частной квартире на Дидубе» {23}.

В. Н. Лавров не счел необходимым называть фамилию интеллигента, однако ее можно установить. Так, несколько позднее на основании сведений В. Н. Лаврова Е. П. Дебиль сообщал в Департамент полиции: «27 октября 1901 г. в субботу в духане „Мелани" была сходка, на коей присутствовали рабочие: Моисей Шангелия (он же приглашал на сходки весьма многих), Петр Скоробогатько, Алексей Никаноров, Леонтий Золотарев, Никифор Семенов и Сергей Старостенко, руководил сходкой интеллигент Иосиф Джугашвили <…>. Семенов, Никаноров и Старостенко попали на эту сходку случайно», к концу сходки пришел Яков Кочетков. Есть основание думать, что в данном случае речь идет о той самой сходке, которая в донесении В. Н. Лаврова была датирована 28 октября {24}.

Далее в донесении Е. П. Дебиля говорилось: «В воскресенье 4 ноября 1901 г. в доме на Елизаветинской улице была под руководством того же интеллигента сходка, на которой присутствовали рабочие: Леонтий Золотарев, Петр Скоробогатько, Михаил Гурешидзе, зазванный Скоробогатько Сергей Старостенко» {25}.

Елизаветинская улица находилась в Тифлисе в районе, который до сих пор называется Дидубе {26}. О том, что 4 ноября И. В. Джугашвили действительно присутствовал на сходке в Дидубе, свидетельствует другой документ — обзор наблюдения за Тифлисской организацией РСДРП, составленный местным ГЖУ: «Джугашви-

ли… — читаем мы здесь, — 4 ноября утром был на сходке в Дидубе» [27].

Все это вместе взятое дает основание утверждать, что именно И. В. Джугашвили фигурировал в донесении ротмистра В. Н. Лаврова от 9 ноября 1901 г.

Аресты, произведенные жандармами весной-летом 1901 г., привели к тому, что почти все прежние руководители Тифлисской организации РСДРП оказались в тюрьме или же под особым надзором полиции. Это способствовало изменению роли И. В. Джугашвили внутри организации. Из рядовых ее членов он стал превращаться в одного из ее лидеров. Изменение его партийного статуса было официально закреплено на общегородской конференции, созванной 11 ноября по инициативе рабочих. Дело в том, что до этого состав комитета пополнялся и обновлялся путем кооптации. Рабочие потребовали его избрания [28]. Никаких норм представительства на конференции не существовало, и ее организаторы приглашали членов отдельных кружков по своему усмотрению [29].

На конференции присутствовали 25 человек [30]. Из воспоминаний М. З. Гурешидзе нам известны 24 фамилии:

1. Бибинейшвили Михаил. 2. Выгорбин Николай. 3. Гаришвили. 4. Гурешидзе Михаил. 5. Гогуа Калистрат. 6. Джугашвили Иосиф. 7. Джугели Севериан. 8. Закомолдин Алексей. 9. Золотарев Лев. 10. Караджев Георгий. 11. Лелашвили Георгий. 12. Мачарадзе Поликарп. 13. Мгеладзе Миха. 14. Окуашвили Аракел. 15. Паркусадзе Степан. 16. Ртвеладзе Георгий. 17. Скоробогатько П. 18. Старостенко Сергей. 19. Стуруа Вано. 20. Телия Георгий. 21. Цабадзе

Василий. 22. Церцвадзе. 23. Чодришвили Захарий. 24. Чхеидзе Георгий [31].

Конференция проходила под руководством И. В. Джугашвили, С. Джугели, Г. Караджева и В. Цабадзе [32].

«Выборы комитета, — вспоминал М. З. Гурешидзе, — были тайные. Присутствовавшие писали на бумаге фамилии желательных членов и кандидатов, по этим спискам руководители конференции подсчитали результаты выборов по большинству поданных голосов за названных в списке товарищей. Результаты выборов на конференции не объявлялись, а выбранным в комитет об этом говорили отдельно» [33].

Уже 17 ноября ротмистр В. Н. Лавров не только поставил своего начальника в известность о прошедшей конференции (в его рапорте она именовалась «сходкой»), но и сообщил, что «на сходке состоялись выборы Центрального рабочего комитета в составе четырех членов и четырех к ним кандидатов» [34]. По уточненным 28 ноября сведениям, в состав комитета было избрано четыре представителя интеллигенции и четыре рабочих [35].

Список членов комитета до сих пор неизвестен. В разных источниках можно встретить разные сведения на этот счет, но во всех фигурирует семь одинаковых фамилий: Васо Цабадзе, Георгий Караджев, Захар Чодришвили, Георгий Чхеидзе, Калистрат Гогуа, Аракел Окуашвили, Севериан Джугели. В одних источниках отмечается, что К. Гогуа вошел в состав комитета после отъезда И. В. Джугашвили в Батум, в других, — что его преемником стал С. Джугели [36]. А поскольку в момент конфе-

ренции К. Гогуа находился в тюрьме [37], первая версия представляется более правдоподобной. Кроме того, в качестве членов комитета можно встретить фамилии М. Бочаридзе, И. Вадачкория, М. Гурешидзе, некоего Кешешьянца, П. Мачарадзе, Я. Мегрелидзе и С. Н. Старостенко [38].

Пребывание И. В. Джугашвили в руководстве Тифлисской организации РСДРП оказалось непродолжительным. Уже на втором заседании комитета 25 ноября он не присутствовал. Из донесения Тифлисского ГЖУ в Департамент полиции: «В заседании участвовало: три интеллигента, четвертый Сосо по неизвестной причине не явился, все четыре члена от рабочих, кассир и библиотекарь» [39].

Позднее Тифлисское ГЖУ несколько детализировало имевшуюся у него информацию: «25 ноября 1901 г. в доме Аракела Окуашвили в квартире рабочего Николая Ерикова было вновь заседание комитета, причем из четырех выборных интеллигентов не было Иосифа Джугашвили, который в промежуток между 11 и 25 ноября был комитетом командирован в город Батум <…> с целью пропаганды. Из членов рабочих были: Захар Чодришвили и Аракел Окуашвили, кандидат Георгий Чхеидзе, хозяин квартиры Николай Ериков и пришедший из любопытства Сергей Старостенко» [40].

Есть три объяснения причин переезда И. В. Джугашвили из Тифлиса в Батум. Одно из них связывает его с конфликтом, который якобы возник внутри Тифлисского комитета, в результате чего И. В. Джугашвили был исключен из партийной организации [41]. Если бы это соответствовало действительности и произошло до 25 ноября, то, располагая сведениями о составе Тифлис-

ского комитета и его заседаниях, ГЖУ не могло не знать о подобном конфликте. Однако ничего подобного, даже намека на него в его донесениях нет [42]. Кроме того, следует учитывать, что в случае исключения И. В. Джугашвили из партийной организации не могло быть и речи о его сотрудничестве с Тифлисским комитетом в последующем. Поэтому приведенная версия представляется сомнительной.

Другое объяснение сводится к тому, что И. В. Джугашвили был направлен в Батум Тифлисским комитетом для ведения там партийной работы. Этому соответствует агентурная информация, полученная Тифлисским ГЖУ от своего секретного сотрудника: «2 декабря вечером снова происходило совещание ЦК в том же доме Окуашвили. На этом совещании было решено отправить в Батум для пропаганды там Иосифа Джугашвили» [43]. Однако эта версия хотя и представляется более убедительной, вступает в противоречие с тем, что, прибыв в Батум, И. В. Джугашвили вынужден был искать средства для своего существования.

В связи с этим заслуживает внимания утверждение автора одной из самых первых биографий Сталина Г. Л. Шидловского, который писал: «В конце 1901 г. у него (Джугашвили. — *А.О.*) был произведен обыск, после чего он переселился в Батум» [44]. О том, что это «переселение» было связано с возникшей угрозой ареста, писал позднее, видимо, на основании ходивших в эмиграции слухов Лев Нусбаум [45].

Действительно, как мы уже знаем, осенью 1901 г. жандармы не только напали на след И. Джугашвили, но и установили за ним наблюдение. Ранее были приведены те сведения о нем, которыми Тифлисское ГЖУ располага-

ло к началу ноября 1901 г. Вот более поздние данные на этот счет: «Джугашвили жил совместно с неизвестным по фамилии товарищем. 4 ноября утром был на сходке в Дидубе, 6 ноября заходил в лечебницу Гедеванова, что на Никольской улице (есть основания думать, что в названной лечебнице был у фельдшера Чачуа). 9 ноября Джугашвили вместе с упомянутыми товарищами ездил на Шемаханскую улицу в дом № 20. 18 ноября Джугашвили был на совещании комитета на Кубинской улице в доме № 9, а 22 того же ноября утром был на квартире Г. Караджева. С первых чисел декабря Джугашвили и его товарища в городе уже не видели» {46}. К этому следует добавить, что жандармам было известно участие И. В. Джугашвили в конференции 11 ноября. Следовательно, с конца октября до конца ноября они держали его под постоянным наблюдением.

Если принять версию о возникшей угрозе ареста, становится понятно, почему И. Джугашвили совершенно неожиданно для товарищей не явился на заседание 25 ноября и почему после 2 декабря заседания Тифлисского комитета временно были приостановлены почти на полтора месяца.

В батумском подполье

Батум вошел в состав России после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Первоначально его значение определялось главным образом тем, что он находился в непосредственной близости от русско-турецкой границы и по этой причине играл важную военно-стратегическую роль на юге России, а также являлся перевалочным пунктом во внешней торговле на Черном море {1}. Значение города увеличилось в 1883 г., когда Закавказская железная дорога связала его с Баку и он стал превращаться

в главный порт для экспорта бакинской нефти [2]. Его значение в этом отношении еще более возросло после того, как в 1900–1905 гг. Баку и Батум соединил первый в России нефтепровод [3]. Крупнейшими предприятиями, обеспечивавшими экспорт нефти, стали здесь заводы А. И. Манташева, братьев Нобель и французских Ротшильдов [4].

В литературе, посвященной И. В. Сталину, отмечается, что, перебравшись в Батум, он буквально через месяц-полтора создал достаточно массовую социал-демократическую организацию, которая уже в январе — феврале 1902 г. подготовила и возглавила несколько рабочих забастовок [5].

Не отрицая важной роли, которую сыграл И. В. Джугашвили в истории рабочего движения в Батуме, следует, однако, учитывать, что к его появлению в городе уже шел процесс формирования рабочей организации, начало которому было положено созданием здесь в середине 90-х гг. воскресной школы для рабочих. Так же как в Тифлисе «Дешевая библиотека», она явилась своеобразным центром, вокруг которого группировались рабочие, тянувшиеся к знаниям и желавшие понять причины своего бедственного положения.

Воскресная школа размещалась в доме Согоровых (Согорощвили), в котором братья Дариспан и Илья Михайловичи Дарахвелидзе специально для этой цели арендовали комнату. По воспоминаниям К. Канделаки, «в названной школе преподавали следующие лица: Н. Агниашвили, И. Гогилашвили, Н. Джакели, Ф. Мгеладзе, И. Рамишвили, Е. Согорошвили, К. Чхеидзе, А. Цулукидзе, С. Тотибадзе». В этот список следует включить брата Евгении Станиславовны Согоровой Григория и двух ее сестер

Анну и Олимпиаду, последняя была женой Н. С. Чхеидзе [6].

В 1896 г. в Батуме поселился Г. Я. Франчески, а в 1897 г. — И. И. Лузин [7]. Считая деятельность воскресной школы недостаточной, они решили перейти к пропаганде марксизма и с этой целью перевели на грузинский язык «Манифест Коммунистической партии», который им с помощью местного фотографа Михаила Ватоевича Каландадзе удалось отпечатать на гектографе в количестве 60 экземпляров [8].

Пребывание И. И. Лузина в Батуме оказалось краткосрочным. В сентябре 1897 г. его призвали на сборы нижних чинов и отправили в Кутаиси, а в 1898 г. И. И. Лузин, М. В. Каландадзе и Г. Я. Франчески были арестованы [9].

Но воскресная школа продолжала существовать, объединяя вокруг себя наиболее сознательных рабочих города. Одним из них был рабочий завода Ротшильда Порфирий Куридзе.

«Работать на заводе Ротшильда, — вспоминал он, — я начал в 1888 г. Здесь я познакомился с Иваном Мгеладазе, Иван познакомил меня с батумскими интеллигентами: Виссарионом Каландадзе, с его братьями Геронтием и Михако, затем с Карло Чхеидзе, Исидором Рамишвили, Григорием Согорошвили, Евгенией Согорошвили и др.» [10].

Как вспоминал другой рабочий завода Ротшильда, Ясон Александрович Каджая, уже с 1898 г. у него и некоторых его товарищей по воскресной школе (А. Барамидзе, Т. Гогоберидзе, Б. Долидзе, Ир. Котрикадзе, П. Куридзе, Б. Нинуа и др.) стало зреть желание не только расши-

рить свои знания, не только понять причины социальной несправедливости, но и найти выход из существующего положения [11].

Такие же стремления возникают на других предприятиях города, в частности среди типографских рабочих. По воспоминаниям Ладо Думбадзе, среди них в 1900–1901 гг. наиболее выделялись Илико Сихарулидзе, Сильвестр Тодрия и Максим Цуладзе [12].

Определенную роль в распространении революционных настроений в Батуме сыграло появление здесь в 1900–1901 гг. тифлисских рабочих, высланных за участие в железнодорожной стачке 1900 г. (например, К. Каландарова, К. Канделаки, В. Мгеладзе), а также некоторых представителей интеллигенции, входивших в Тифлисскую организацию РСДРП и тоже вынужденных покинуть Тифлис (А. Цулукидзе, Н. Чичуа, А. Шатилов).

По имеющимся мемуарным свидетельствам, одним из первых, кто попытался объединить вокруг себя рабочих и заложить основу «нелегальной профессиональной организации» в Батуме, был приехавший сюда летом 1901 г. Влас Мгеладзе [13]. Тогда же подобное объединение рабочих начинает складываться вокруг К. Канделаки [14], который по приезде в Батум установил контакты с Д. Джибути, А. Цулукидзе, Н. Чичуа, Н. С. Чхеидзе, А. Шатиловым и, видимо, получил их поддержку [15].

Главное внимание К. Канделаки обратил на рабочих завода Ротшильда. Вскоре после того как «в Батум приехал К. Канделаки», вспоминал Я. А. Каджая, на заводе Ротшильда образовался рабочий кружок. «Мы, — писал

он, — основали маленький союз, организовали кассу. Одно время я считался сборщиком» [16].

Расширению рядов этого союза и усилению его влияния среди рабочих способствовало развитие конфликта, который именно в это время возник на заводе между рабочими и администрацией. В результате рабочими на имя главноначальствующего по гражданской части на Кавказе была составлена жалоба, под которой к 23 июня 1901 г. было поставлено 49 подписей, а к 10 августа — уже 60 [17].

Процесс консолидации по крайней мере части рабочих [18] не остался не замеченным жандармами. 18 октября 1901 г. В. Н. Лавров сообщил Е. П. Дебилю: «По полученным мною агентурным сведениям, в г. Батуме начинает сорганизовываться социал-демократический кружок. Из интеллигентов этого кружка агентуре известны фельдшер городской больницы Чичуа и служащий в городской управе гуриец, по фамилии невыясненный, низкого роста, с черной бородкой буланже, в очках, а из рабочих-демократов наборщик типографии Таварткеладзе — Сильвестр Тодрия, литейщик Пасека Константин Канделаки и человек пять его товарищей, квартирующих вместе с ним, по фамилии неизвестных. Нелегальная литература кружка хранится в трупном покое городской больницы» [19].

Когда именно И. В. Джугашвили перебрался из Тифлиса в Батум, мы не знаем. Широко распространено мнение, что это произошло в конце ноября 1901 г. Между тем грузинский историк К. Хачапуридзе датировал его приезд в Батум 10 декабря [20].

В Батуме И. В. Джугашвили прежде всего разыскал Коция Канделаки, явившись к нему прямо на завод, и остановился у него на квартире (Пушкинская улица, дом № 13), где он жил вместе с Котэ Калантаровым. По воспоминаниям К. Канделаки, «на второй или третий день по своем приезде» И. В. Джугашвили познакомился с Михако Каландадзе, а через него с Е. С. Согоровой и другими преподавателями воскресной рабочей школы [21]. Об этом же свидетельствует С. Тодрия [22]. Из числа тех, с кем у И. В. Джугашвили установились наиболее близкие отношения, К. Канделаки называл Капитона Гоголадзе, Дмитрия Джибути и Никиту Чичуа [23].

Одним из вопросов, обсуждавшихся И. В. Джугашвили и Е. С. Согоровой во время их первой встречи, являлся вопрос о средствах его существования. Ему была обещана материальная помощь [24]. Это свидетельствует о том, что с самого начала И. В. Джугашвили получил поддержку того круга батумской интеллигенции, которая группировалась вокруг воскресной школы. Косвенное подтверждение этого мы находим в одном жандармском документе. Характеризуя в 1906 г. обстоятельства возникновения Батумской организации РСДРП, начальник Кутаисского ГЖУ утверждал, что, приехав в Батум, И. В. Джугашвили сумел завершить формирование местной социал-демократической организации, «будучи поддержан прежними членами этой партии, не проявившими открытой деятельности после вышеуказанного ареста в 1898 г.» [25].

Сразу же по приезде в Батум, в воскресенье, И. В. Джугашвили пожелал встретиться с рабочими завода Ротшильда. «Первое собрание, — вспоминал К. Канделаки, — состоялось в Барцханах в комнате Порфирия Ку-

ридзе» {26}. По предложению И. В. Джугашвили кассиром рабочего кружка, который существовал здесь, вместо Я. А. Каджаи стал К. Канделаки. Было также принято решение вербовать новых членов. Каждый участник собрания должен был привести еще хотя бы по одному человеку {27}.

Вскоре после этого И. В. Джугашвили познакомился с рабочим завода Манташева Доментием Алмасхановичем Вадачкорией и у него встретился с рабочими этого завода {28}.

«Первое рабочее собрание, — вспоминал Д. А. Вадачкория, — состоялось у меня в комнате. Молодой человек, оказавшийся Сталиным, просил пригласить на это собрание семерых рабочих. За день до назначенного собрания Сталин просил меня показать ему приглашенных товарищей. Он был в доме, стоял у окна, а я прогуливался с приглашенными по очереди по переулочку. Одного из приглашенных Сталин просил не приглашать» {29}. «В назначенное время, — читаем мы далее в воспоминаниях Д. А. Вадачкории, — когда все товарищи собрались у меня, пришел Канделаки со Сталиным. Фамилии его никто не знал, это был молодой человек, одетый в черную рубаху, в летнем длинном пальто, в мягкой черной шляпе… В заключение беседы Сталин сказал — вас семь человек, соберите каждый по семи человек у себя на предприятии и передайте им нашу беседу» {30}.

Обосновавшись в Батуме, И. В. Джугашвили вскоре познакомился с семьей Ломджария, состоявшей из двух братьев (Порфирия и Сильвестра) и их сестры Веры, в замужестве Джавахидзе {31}. Они были детьми крестьянина, который участвовал в восстании 1841 г. в Гурии. Сильвестр тоже пытался бунтовать, был арестован и

после освобождения уехал из деревни в Батум [32]. Поступив на завод Ротшильда простым рабочим, он затем стал приказчиком [33].

31 декабря на квартире братьев Ломджария под видом встречи Нового года собралось более 25 человек:

1. Габуния Миха. 2. Гогоберидзе Т. 3. Гомон Г. Н. 4. Дарахвелидзе Дариспан. 5. Дарахвелидзе Илларион. 6. Долубадзе П. 7. Дудугава Иван. 8. Дудугава Иосиф. 9. Дудугава К. 10. Каджая Я. А. 11. Каладзе Герасим. 12. Калантаров Котэ. 13. Канделаки Коция. 14. Кикава П. 15. Котрикадзе И. 16. Куридзе П. 17. Ломджария Вера. 18. Ломджария Порфирий. 19. Ломджария Сильвестр. 20. Ломтатидзе Д. 21. Ломтатидзе Ф. 22. Нинидзе П. 23. Тодрия Сильвестр. 24. Хвичия Г. 25. Церцвадзе К. 26. Чарквиани Д. [34].

Разумеется, те несколько десятков человек, которых удалось объединить И. В. Джугашвили, в лучшем случае только слышали имя Карла Маркса. Главное, что двигало ими, — это чувство социальной неудовлетворенности, поэтому создаваемая И. В. Джугашвили организация лишь условно может быть названа социал-демократической. В действительности она имела радикально-демократический характер.

Перед самым Новым годом рабочий Мкуриани устроил И. В. Джугашвили на склад досок завода Ротшильда с окладом 1 руб. 20 коп. в день, т. е. около 35 руб. в месяц. «На второй или третий день» после этого на складе «вспыхнул пожар» [35]. Он произошел 3 января 1902 г. [36]Несмотря на то что в его тушении участвовали главным образом рабочие, администрация завода отметила премией только мастеров и бригадиров.

Тогда по инициативе И. В. Джугашвили началась забастовка, в которой рабочие потребовали не только оплаты их участия в тушении пожара, но и отмены работы в воскресные дни, работы [37], которая, кстати, с 1897 г. запрещалась законом [38].

Именно в это время в руководстве завода произошли перемены. Новый его директор Франц Францевич Гьюн не только признал законным право рабочих на выходной день, но и выдал всем участвовавшим в тушении пожара по 2 руб. [39].

Так произошло первое боевое крещение зарождавшейся в Батуме организации РСДРП.

По воспоминаниям Г. Елисабедашвили, «за время пребывания в Батуме» Сосо «несколько раз приезжал в Тбилиси» [40]. Если исходить из воспоминаний Порфирия Ломджария, первая поездка И. В. Джугашвили имела место после пожара на заводе Ротшильда [41]. Столь же неопределенно датировал ее и Илларион Михайлович Дарахвелидзе: «В январе 1902 г. тов. Сталин на несколько дней, уехал в Тифлис» [42]. Причем оба связывали эту поездку с намерением И. В. Джугашвили организовать в Батуме нелегальную типографию.

Примерно к тому же времени (первая половина января 1902 г.) относится его обращение к своим товарищам по Тифлисской организации РСДРП с просьбой о предоставлении ему нелегальной литературы. Просьба была рассмотрена Тифлисским комитетом РСДРП 12 января. З. Чодришвили сообщил, что «Сосо просит выслать нелегальной литературы и что о том же просит один знакомый Сосо, находящийся вТелави». По предложению Г. Караджева «было решено послать Сосо одну из четырех

брошюр каждого образца. Телавскому же интеллигенту отказать, так как он комитету не известен» {43}.

23 января в кассу Тифлисского комитета РСДРП было внесено 14 руб. 5 коп., и затребованная литература передана И. В. Джугашвили {44}.

Среди тех рабочих, которые вошли в состав создаваемой И. В. Джугашвили организации, были и рабочие завода Манташева, в подавляющем большинстве армяне. Между тем И. В. Джугашвили не знал армянского языка, поэтому он пригласил в Батум Г. Годзиева и предложил ему быть переводчиком. Но на заводе Манташева было много турецких армян, которые плохо понимали Г. Годзиева. После нескольких занятий с ними от этого опыта пришлось отказаться {45}.

Однако политическая активность рабочих росла. Уже 11 января батумский полицмейстер вынужден был поставить губернатора в известность о «до сих пор небывалом беспокойственном поведении рабочих завода Манташева» {46}. Одной из причин этого было разъяснение рабочим их права на выходной день. 31 января они прекратили работу {47} и выдвинули три требования: а) введение воскресного отдыха; б) запрещение ночных работ и в) вежливое обращение администрации {48}.

Если вопрос о поездке И. В. Джугашвили в Тифлис в январе 1902 г., сразу же после пожара на заводе Ротшильда, остается открытым, то вопрос о его поездке туда в первых числах февраля не вызывает сомнений. Более того, имеется возможность датировать ее.

Из воспоминаний явствует, что в Тифлисе И. В. Джугашвили посетил квартиру К. Сулуквадзе и оставил в

ней какие-то «вещи», а вечером сюда нагрянули жандармы, в руки к которым попали П. Абрамишвили, Г. Вардоян, В. Урушадзе и Н. Церцвадзе [49]. Имеются точные данные, свидетельствующие, что Г. Вардоян был арестован 4 февраля 1902 г. [50]Это значит, что 4 февраля И. В. Джугашвили находился в Тифлисе. Не исключено, что именно этот приезд имел в виду Г. Годзиев, который писал, что после его возвращения из Батума в Тифлис сюда «на две ночи» приезжал И. В. Джугашвили и останавливался у студента Учительского института Василия Мамулова [51].

О целях приезда И. Джугашвили мы можем только предполагать. Вероятнее всего, одна из них была связана с предпринимавшимися им усилиями по созданию в Батуме нелегальной типографии, причем такой, которая могла бы издавать листовки не только на грузинском, но и на армянском языках.

На этой почве произошло знакомство И. В. Джугашвили с сыном редактора армянского журнала «Нор дар» С. А. Спандаряна Суреном. «В начале 1902 г. товарищ Сталин приехал из Батума в Тифлис на несколько дней для организации подпольной батумской типографии и получения шрифта. Тифлисский комитет связал товарища Сталина с Суреном, который должен был снабдить батумскую типографию шрифтом и другими типографскими принадлежностями». «Сурен очень умело использовал типографию своего отца… Так началось партийное содружество Сталина и Сурена» [52].

Когда И. В. Джугашвили вернулся в Батум, администрация завода Манташева еще пыталась сломить рабочих арестами и увольнениями, но желаемого результата не добилась.

«Не добившись ничего репрессиями, — вспоминал Д. А. Вадачкория, — через десять дней (т. е. около 10 февраля. — *А.О.*) администрация изъявила желание вступить с нами в переговоры» {53}. После этого рабочие выдвинули еще ряд требований: оплатить забастовочные дни, увеличить заработную плату на 30 %, вернуть штрафные деньги. 17 февраля на заводе появился новый директор, и в этот же день забастовка завершилась удовлетворением требований рабочих {54}.

18 февраля 1902 г. помощник начальника Кутаисского ГЖУ по Батумскому округу сообщил: «18 сего февраля рабочие завода Манташева в полном составе во всех отделениях завода с 6 ч. утра стали на работу, и забастовка с этого числа считается оконченной», «на других заводах тоже спокойно» {55}.

Между тем, пока И. Джугашвили разворачивал свою деятельность в Батуме, жандармы нанесли удар по Тифлисскому комитету РСДРП. Так как 19 февраля по всей России намечались массовые выступления, то вечером 15 февраля, когда Тифлисский комитет собрался на свое очередное заседание в доме З. Чодришвили, сюда под руководством ротмистра В. Н. Лаврова нагрянули жандармы. «По уходе с него (заседания. — *А.О.*) двух лиц, не подлежащих задержанию и обнаружению {56}, каковой уход последовал уже после выхода двух членов — интеллигентов, ротмистр Лавров, окружив дом филерами, — провести унтер-офицеров было невозможно ввиду густой цепи наблюдавших рабочих, занявших все улицы, ведущие в ту часть Нахаловки, где происходило совещание, — вошел в комнату совещания, где оказались следующие лица: упоминаемый выше Калистрат Гогуа и

три постоянных члена комитета: рабочие Георгий Чхеидзе, Захар Чодришвили и Аракел Окуашвили» {57}.

В руки жандармов попали: «1) все металлические части нового типографского станка, 2) четыре экземпляра писанного рукой Чодришвили отчета кассы за декабрь 1901 г. с печатью „ТК РСДРП" на русском, грузинском и армянском языках, 3) нелегальные издания и записная книжка, из которой видно, что местный кружок имел 450 экземпляров привозной подпольной литературы, произведения местной печати записаны отдельно...» {58}.

Окрыленные успехом, жандармы в ночь с 15 на 16 февраля произвели аресты еще 13 человек. Были задержаны Дмитрий Биланов, Михаил Гурешидзе, Севериан Джугели, Семен Джугели, Давид Капанадзе, Георгий Караджев, Георгий Кокошвили, Яков Кочетков, Константин Лежава, Ясон Мегрелидзе, Петр Скоробогатько, Василий Цабадзе и Ираклий Цуладзе. Был произведен обыск у Анны Красновой. 17 февраля за решеткой оказались: Георгий Арабелидзе, Трифон Рамишвили и Аммон Чхаидзе {59}.

20 февраля Тифлисское ГЖУ начало переписку «О Тифлисском кружке РСДРП и образованном им тайном Центральном комитете», которая была поручена прикомандированному к управлению ротмистру Кравченко {60}.

Тогда же, по свидетельству К. Канделаки, угроза ареста нависла над И. В. Джугашвили. Дело в том, что во время забастовки на заводе Манташева их квартира, игравшая роль своеобразного штаба, оказалась в поле зрения полиции. Поэтому, писал К. Канделаки, после окончания стачки «Сосо перебрался в дом армянина на ны-

нешней улице Цхакая, д. № 100 [25], а я перешел в городок в дом С. Ломджария» {61}.

По воспоминаниям К. Канделаки, новое его местопребывание тоже быстро стало известно полиции, и полицейский пристав Чхикваидзе [26]несколько раз наведывался в дом Ломджария. Причем однажды полиция явилась в тот самый момент, когда в одной из комнат проходило собрание с участием И. В. Джугашвили. Хозяин дома С. Ломджария сумел отвлечь внимание полицейских и дал возможность собравшимся разойтись. После этого Г. Каландадзе предложил К. Канделаки квартиру в доме Матэ Русадзе, которую занимал И. Шапатава. Рядом жили братья Дарахвелидзе: Дариспан, Илларион и Илья Михайловичи {62}.

Вскоре после окончания забастовки на заводе Манташева И. В. Джугашвили узнал об арестах в Тифлисе и не позднее 26 февраля снова отправился туда. Объясняя цель его поездки, О. Инжерабян писал: «Он выехал на несколько дней в Тифлис за типографским станком и шрифтом» {63}.

Едва только И. В. Джугашвили уехал из Батума, как здесь на заводе Ротшильда возник новый конфликт.

«Вечером 26 февраля управляющий заводом Ротшильда в Батуме, — сообщал 16 марта 1902 г. в Департамент полиции главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Григорий Сергеевич Голицын, — вывесил объявление о том, что через 14 дней, т. е. 12 марта, будут подлежать увольнению за сокращением работ 389 рабочих (из общего числа 900. — *А.О.*) {64}. На другой день, 27 февраля, все рабочие завода,

узнав о таком распоряжении, прекратили работы и разошлись» {65}.

«27 февраля, — вспоминал П. Куридзе, — мы решили объявить забастовку во всех цехах. К тов. Сосо мы немедленно послали человека, но он оказался в отъезде в Тбилиси» {66}. «На следующий день (т. е. 28 февраля. — *А.О.*), — писал П. Куридзе, — приехал тов. Сосо, тотчас же созвал нас на совещание в доме Ломджария» [27]и «составил план требований» {67}.

Забастовка рабочих была направлена против объявленного увольнения, поэтому «попытки со стороны фабричного инспектора и местной администрации собрать рабочих для выслушания их заявления на 28 февраля, 1 и 2 марта, — констатировал князь Г. С. Голицын, — были безуспешными. Утром 2 марта прибыл в Батум кутаисский военный губернатор, которому удалось собрать 3 марта около 400 рабочих» {68}.

«2 марта, — информировал Департамент полиции кутаисский военный губернатор генерал-майор Смагин, — я приехал вместе с начальником жандармского управления и ознакомился с положением дела. Вновь предложил собраться рабочим, на 3-е марта удалось собрать около 400 [человек], выслушав заявления, нашел их незаконными, почему предложил на сегодня стать на работу, что ими не исполнено. За отсутствием значительного числа рабочих, 900 человек, сделано распоряжение [по] выяснению и аресту вначале наиболее виновных <…>, затем будут произведены аресты остальных для высылки на родину с воспрепятствованием возвращения в Батум» {69}.

Вечером 7 марта Смагин уехал в Тифлис, а в ночь с 7-го на 8-е по его распоряжению было арестовано 30 наиболее активных участников забастовки. В ответ на это 8 марта, в полдень, более 350 человек явились с требованием: или выпустить арестованных, или взять их всех под стражу. Помощник военного губернатора полковник Михаил Николаевич Дрягин «при помощи роты местного гарнизона к 7 часам вечера поместил всю толпу в пересыльном пункте» {70}.

Собравшись ночью и обсудив сложившееся положение, организаторы забастовки приняли решение призвать рабочих на следующий день прийти к пересыльному пункту и освободить своих товарищей. Днем 9 марта у пересыльной тюрьмы появилась новая толпа в 300–400 человек. Однако кто-то донес о принятом ночью решении. К тюрьме подтянули войска. И когда рабочие пошли на ее штурм, а арестованные, взломав двери пересыльного пункта, вырвались на волю, солдатам была дана команда открыть огонь. В результате 20 человек оказались ранены, 13 — убиты {71}.

А пока события разворачивались на улицах города, Котэ Каландадзе срочно оборудовал на квартире братьев Дарахвелидзе подпольную типографию {72}.

«У нас, — вспоминала Екатерина Авалиани-Шароева, — были типографские части, которые хранились у Михи Ормоцадзе. Эти части по поручению Сильвестра Тодрия Миха Ормоцадзе перенес в Лиманмеле в дом Матэ Русадзе, в квартиру Ивана Шапатава. Товарищ Сталин дополнительно привез из Тбилиси типографские части, и таким образом была устроена типография. В этот период товарищ Сталин жил в доме М. Русадзе и помогал печатать прокламации» {73}.

О том, что, вернувшись 28 февраля в Батум, И. В. Джугашвили «привез из Тифлиса шрифты и примитивный типографский станок», писал и К. Канделаки {74}. К 9 марта 1902 г., когда у пересыльной тюрьмы произошло кровавое столкновение, типография была готова. В ночь с 9-го на 10-е в ней была отпечатана первая листовка, посвященная произошедшим событиям, на следующий день она появилась в городе {75}. 12 марта была отпечатана еще одна листовка, после чего деятельность типографии приостановилась {76}.

Это было связано с тем, что рабочий Георгий Мадебадзе заметил за домом Шапатава слежку {77}, а «через некоторое время, — вспоминала Екатерина Авалиани-Шароева, — ночью к Ивлиану Шапатава явился пристав Чхикваидзе с двумя городовыми. В дверях загородила ему дорогу Деспине Шапатава с дубиной в руках и заявила им: „Дети спят, твое появление и шум могут их разбудить и испугать". Чхикваидзе засмеялся и ушел. Таким образом Деспина Шапатава спасла типографию и товарища Сталина» {78}.

В тот же вечер Ясон Джарнава на фаэтоне перевез печатный станок и другие типографские принадлежности к Сильвестру Ломджарии {79}, а затем от него к Иллариону Качахмадзе на кладбище Соук-Су {80}, где, по свидетельству Г. Н. Гомона, все «временно поместили в часовне… Быкова» {81}.

Укрыв типографию в надежном месте, 24 марта И. В. Джугашвили вместе с К. Канделаки отправился в Тифлис. Вернулись они оттуда на следующий день, 25-го. Цель этой поездки остается неизвестной. Можно лишь

отметить, что с их возвращением жандармы связывали появление в Батуме 28 марта новых листовок {82}.

Тогда же из Тифлиса в Батум снова приехал Георгий Годзиев {83}. По свидетельству К. Канделаки, «армянин Георгий» привез из Тифлиса армянский шрифт, после чего было решено перевезти типографию в другое место. Выбор остановился на селении Махмудиа (Махмудье), позднее получившем название Гантиади и находящемся в семи верстах от Батума. Здесь типография была размещена в доме крестьянина абхазца Хашима Смирбы, который был названным отцом Сильвестра Ломджарии {84}.

Когда удалось наладить работу типографии на новом месте, мы не знаем.

После событий 9 марта И. В. Джугашвили была сделана попытка распространить свою деятельность за пределы Батума. В частности, 29 марта вместе с К. Канделаки он посетил Кобулети, где было проведено собрание и принято решение о создании социал-демократического кружка. Присутствовало около 20 человек {85}.

ПРИМЕЧАНИЯ

В качестве обвиняемого

[1] *Белоконский И. П.* Земское движение. М., 1910; *Шацилло К. Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985.

[2] Политические партии в России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 229.

[3] *Бедия Э. А.* 1 мая 1901 г. в Тбилиси // Заря Востока. 1937. 28 апр.

[4]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 72. Л. 3.

[5]Там же. Л. 5.

[6]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. 1901. Д. 124. Л. 151–152; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 195. Л. 23–24. Весной 1901 г. И. Я. Франчески жил вместе с В. Курнатовским (ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3423. Л. 332).

[7]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. 1901. Д. 124. Л. 151–152.

[8]Иосиф Виссарионович Джугашвили: Краткая биография. 2-е изд. С. 15. В отчете Николаевской Главной физической обсерватории сказано: «28 марта оставил службу состоящий по вольному найму наблюдатель-вычислитель И. В. Джугашвили» (Молодой сталинец. Тбилиси, 1940. 16 марта).

[9]Заря Востока. 1938. 25 февр. (В. Бердзеношвили).

[10]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3421. Л. 24.

[11]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 15. Л. 245 (Н. Л. Домбровский); см. также: Гори. Д. 132. Л. 3/2–4/1.

[12]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3421. Л. 32.

[13]Там же. Д. 3423. Л. 1.

[14]Там же. Д. 3424. Л. 2; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 72. Л. 2.

[15]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3421. Л. 31.

[16]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1901. Д. 901. Л. 20–20об.

[17]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3421. Л. 37–39. Частично опубликовано: Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 96.

[18]Картотека Департамента полиции (И. В. Джугашвили).

[19]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1901. Д. 901. Л. 20–20 об.

[20]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений… относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. С. 101.

[21]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3423. Л. 5.

[22]Там же.

[23]Там же. Д. 3423. Л. 8 (литера А).

[24]Там же. Л. 2–3.

[25]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. 1901. Д. 124. Л. 1–4.

[26]Там же. Д. 124, 152 л.

[27]Там же. Л. 5–6.

[28]Там же. Л. 7–8. Заключение товарища прокурора Е. Хлодовского датировано 30 ноября 1902 г. (Там же. Л. 71–148).

[29]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3424. Л. 37.

Переход на нелегальное положение

[1]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. 651. Л. 80 (А. И. Литанишвили).

[2]Там же. Л. 79 (А. И. Литанишвили).

[3]Там же; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 48. Л. 185 (А. Турашвили).

[4]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 169. Л. 28–34.

[5]*Барон*(*Бибинейшвили*). За четверть века. Революционая борьба в Грузии. М.; Л., 1931. С. 23.

[6]*Аркомед С. Т.*Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. Ч. 1. Женева, 1910. С. 47.

[7]*Барон(* *Бибинейшвили*). За четверть века. С. 28.

[8]*Бедия Э. А.*1 мая 1901 г. в Тбилиси // Заря Востока. 1937. 29 апр.

[9]О готовящейся манифестации тифлисский губернатор был поставлен в известность начальником ГЖУ и полицмейстером «в ночь с субботы 21-го на воскресенье 22 апреля» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 615. Л. 69–69 об.)

[10]Кецховели Ладо: Сборник документов и материалов. Тбилиси, 1969. С. 24.

[11]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. 1901. Д. 401 (По поводу беспорядков 22 апреля в г. Тифлисе); *Аркомед С. Т.*Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. С. 49.

[12]Из числа задержанных «обывателей» можно назвать сестер Анну и Нину Носарь. Едва не был арестован также их брат Георгий, бывший студент юридического факультета Петербургского университета, находившийся в Тифлисе под гласным надзором полиции и получивший позднее известность в качестве председателя Петербургского Совета рабочих депутатов под фамилией Хрустал ев. Вместе с сестрами Носарь в тифлисской тюрьме оказалась их подруга Сарра Львовна Финкельштейн (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 616. Л. 163, 178; ГИАГ. Ф. 153. Оп. 2. Д. 292. Л. 4, 84).

[13]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 169. Л. 35–36.

[14]*Pein R.*Stalin. Macht und Tyrannei. M"unchen, 1965. S. 54.

[15]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. 4. 1. Д. 44. Л. 122 (Ц. Сологошвили).

[16]*Багаев М. А.*Моя жизнь: Воспоминания ивановца большевика-подпольщика. Иваново, 1949. С. 133–134.

[17]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 70 (Г. Ф. Вардоян); Заря Востока. 1925. 15 июля (Г. Годзиев).

[18]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 240–241 (Г. Паркадзе).

[19]Там же. Л. 216(П. Д. Хурцилава). Опубликовано: Правда. 1935. 23сент.

[20]Там же. Л. 239 (Н. Шахназаров).

[21]Антирелигиозник. 1939. № 12. С. 17 (А. С. Челидзе).

[22]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 74. Л. 3.

[23]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 2. Д. 302. Л. 171.

[24]Ср.: ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 92 и ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. 1902. Д. 127. Л. 11–11 об.

[25]Там же. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 92 об.

[26]Кавказский календарь на 1902 г. Тифлис, 1901. Приложение: Карта Тифлиса.

[27]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3432. Л. 106 об.; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 74. Л. 22.

[28]*Аркомед С. Т.*Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе. С. 53–54; *Талаквадзе С.*К истории Коммунистической партии Грузии. Ч. 1: Два периода.

Тбилиси, 1925. С. 59–63; Заря Востока. 1935.18 сент. (А. Окуашвили).

[29]См., например: ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 292 (Г. Годзиев); Гори. Д. 94–1. Л. 10 (М. З. Гурешидзе).

[30]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 93а.

[31]Гори. Д. 93/3. Л. 11–12 (М. Гурешидзе).

[32]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 147.

[33]Гори. Д. 93/3. Л. 12 (М. Гурешидзе).

[34]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 2. Д. 302. Л. 206–207; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 10. Л. 12.

[35]Там же. Л. 15.

[36]Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1902 г. Ростов-на-Дону, 1906. С. 99–100.

[37]К. Гогуа (биографическая справка).

[38]Всеподданнейший доклад министра юстиции. 9 июля 1903 г. // РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 455. Л. 482–483; Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1902 г. С. 99–100; *Талаквадзе С.*К истории Коммунистической партии Грузии. Ч. 1: Два периода. С. 63.

[39]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5–52-Б. Л. 7–8.

[40]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 79.

[41]*Вакар Н.*Сталин: по воспоминаниям Н. Н. Жордании // Последние новости. 1936. 16 дек.; *Уратадзе Г.*Воспоминания грузинского социал-демократа. Standford, 1968. С. 66–67.

[42]См. донесения Тифлисского ГЖУ: 17 ноября (ГИАГ. Ф. 153. Оп. 2. Д. 302. Л. 206–207), 28 ноября (Там же. Л. 227–228), 30 ноября (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5–52-Б. Л. 4–4 об.) и 2 декабря 1901 г. (Там же. Л. 7–8; ГИАГ. Ф. 153. Оп. 2. Д. 302. Л. 249–250).

[43]Там же. Оп. 1. Д. 3432. Л. 101.

[44]*Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение от 1880 до 1905 г. Вып. 1. Пг., 1923. С. 238–240.

[45]*Essadbey.*Stalin. Berlin, 1931. S. 48–49.

[46]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3432. Л. 106 об.

В батумском подполье

[1]Батум и его окрестности. Батум, 1906; Грузинская советская энциклопедия. Тбилиси, 1981. С. 342–344.

[2]Там же. С. 344.

[3]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 273. Л. 302; Закавказский керосинопровод // Новое обозрение. 1905. 12 июля.

[4]*Николадзе М.*Всеобщий адрес-ежегодник города Батума на 1902 г. Батум, 1902.

[5]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд. С. 18–19.

[6]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 229 (К. Канделаки); Д. 44. Л. 3 (Г. С. Согоров).

[7]Там же. Оп. 5. Д. 230. Л. 70.

[8]Дело о Горьком. Тифлис, 1928. С. VIII, 17, 21, 24, 39, 45, 49, 50.

[9]Там же; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5 Д. 230. Л. 70.

[10]Бакинский рабочий. 1937. 12 янв. (П. Куридзе).

[11]Гори. Д. 478. Л. 1 (Я. А. Каджая).

[12]Каторга и ссылка. Тифлис, 1925. № 1 (3). С. 75 (Ладо Думбадзе).

[13]Там же. С. 75–76 (Ладо Думбадзе).

[14]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 232.

[15]Там же. Л. 235–237.

[16]Гори. Д. 478. Л. 1 (Я. А. Каджая).

[17]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 4–38. Л. 4.

[18]«До поездки Сосо в Батуми, — вспоминал Г. И. Елисабедашвили, — туда ездил Г. Чхеидзе, но он ничего не сделал. Послушав Рамишвили и Чхеидзе, якобы там не было почвы для подпольной работы, он вернулся ни с чем» (Гори. Д. 146. Ч. 2. Л. 38; Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 116).

[19]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 2. Д. 302. Л. 117–117 об. Это сообщение было положено в основу донесения Е. П. Дебиля, направленного в Департамент полиции 25 октября 1901 г. В нем говорилось, что сообщаемые сведения получены от «агента» жандармского управления, «недавно бывшего в Батуме» (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5. Ч. 59. Л. 31).

[20]*Хачапуридзе К.*Сталин в период 2-го съезда РСДРП // Бакинский рабочий. 1933. 30 июля.

[21]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 239, 240, 247 (К. Канделаки). Позднее, как вспоминал Е. Сартания, дом

Согоровых в Батуме был резиденцией местных социал-демократов (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 53).

[22]Красная звезда. 1937. 12 янв. (С. Тодрия).

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 247 (К. Канделаки).

[24]Там же.

[25]Революция 1905–1907 гг. в Грузии: Сборник документов. Тбилиси, 1956. С. 620.

[26]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 240.

[27]Там же. Л. 242.

[28]Там же. Л. 241.

[29]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 537. Л. 1 (воспоминания Д. А. Вадачкория в записи художника М. Успенского. 1936 г.).

[30]Там же.

[31]Бакинская демонстрация 1902 г. [1-е изд.]. М., 1937. С. 59–68; *Николайшвили Н.*Сильвестр Ломджария // Заря Востока. 1947. 22 марта.

[32]Там же.

[33]Батумская демонстрация 1902 г. С. 70 (Г. Каладзе).

[34]Там же. С. 59, 70, 85, 109; Наша страна. 1939. № 12. С. 30; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 381. Л. 16 (Г. Н. Гомон); Гори. Д. 478. Л. 1 (Я. А. Каджая).

[35]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 248 (К. Канделаки).

[36]Черноморский вестник. 1902. 5 янв.

[37]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 668. Л. 107 (С. Я. Аллилуев); Оп. 11. Д. 1519. Л. 48–49 (Осман Гургенидзе).

[38]*Миронов Г. Н.*// Социальная история России. Т. 2. СПб., 1999. С. 438.

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1519. Л. 48–49 (Осман Гургенидзе); ГФ ИМЛ Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 6. Л. 221 (Ной Богучава).

[40]Гори. Д. 146/2. Л. 38 (Г. Елисабедашвили).

[41]Бакинская демонстрация 1902 г. [1-е изд.]. С. 62.

[42]Рассказы старых рабочих о великом Сталине. [1-е изд.]. С. 112.

[43]ГАРФ. ф. 102. 1902. Д. 5–52-А. Т. 2. Л. 3 об.

[44]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 80. Л. 7–8.

[45]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 10. Л. 292–293 (Г. Годзиев).

[46]Батумская демонстрация 1902 г. [1-е изд.]. С. 224.

[47]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 419. Д. Вадачкория утверждал, что в январе 1902 г. рабочие завода впервые не вышли на работу в воскресенье (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 16), а затем забастовали из-за увольнения нескольких рабочих (Л. 17).

[48]Рассказы старых рабочих о великом Сталине [1-е изд.]. С. 118 (Д. А. Вадачкория).

[49]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 41. Л. 199–201 (К. Сулаквадзе).

[50]Там же. Д. 7. Л. 70 (Г. Вардоян).

[51]Там же. Д. 10. Л. 295 (Г. Годзиев).

[52]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 11. Л. 36.

[53]Рассказы старых рабочих [1-е изд.]. С. 118 (Д. А. Вадачкория).

[54]Там же.

[55]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 4–38-А. Л. 1.

[56]По некоторым данным, это был «рабочий Поликарп Мачарадзе (ушел с Цуладзе), имевший у себя листок с отчетом тайной кассы» (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 203. Л. 225).

[57]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 27 об.

[58]Там же.

[59]Там же. Л. 28–29.

[60]Там же. Оп. 270. Д. 28. № 175; Там же. ОО. 1902. Д. 175. Л. 8.

[61]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 252 (К. Канделаки).

[62]Там же. Л. 252–254 (К. Канделаки).

[63]Заря Востока. 1936. 17 нояб.

[64]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 4–38-А. Л. 2–2 об.

[65]Там же. Д. 4–31-Б. Л. 4.

[66]Заря Востока. 1937. 22 марта (П. Куридзе).

[67]Там же.

[68]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 4–31-Б. Л. 4.

[69]Там же. Д. 4–38-А. Л. 2–2 об.

[70]Там же; Д. 4–31-Б. Л. 4 об-5.

[71]Там же. Л. 5–8; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 25 (П. Ломджария). По другим данным, было убито 14, ранено 50 человек (*Чулок И. С.*Очерки истории Батумской коммунистической организации. 1890–1921. Батуми, 1970. С. 80–82).

[72]Там же. С. 90.

[73]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1. Л. 168 (Е. Авалиани-Шароева).

[74]Рассказы старых рабочих о великом вожде [1-е изд.]. С. 166.

[75]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 169. Л. 64–65.

[76]Там же. Л. 66.

[77]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 57 (Д. М. Дарахвелидзе).

[78]Там же. Д. 1. Л. 168 (Е. Авалиани-Шароева).

[79]Рассказы старых рабочих о великом вожде [1-е изд.]. С. 170 (И. Дарахвелидзе), С. 185 (К. Канделаки); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 57 (Дариспан Михайлович Дарахвелидзе).

[80]Бакинская демонстрация 1902 г. С. 67 (Порфирий Ломджария); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 57 (Д. М. Дарахвелидзе).

[81]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 381. Л. 16–17 (Г. Н. Гомон).

[82]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 80. Л. 1.

[83]Рассказы старых рабочих о великом вожде. С. 112 (Илларион Дарахвелидзе); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 260–261 (К. Канделаки).

[84]Там же. Д. 12. Л. 57; Д. 20. Л. 260–261 (К. Канделаки); *Чулок И. С.*Указ. соч. С. 69; Бакинская демонстрация 1902 г. С. 67 (Порфирий Ломджария).

[85]ГФИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1.Д. 20. Л. 18–20 (Владимир Каландарашвили).

ГЛАВА 3. ТЮРЬМА И ССЫЛКА

Под арестом

Вечером 5 апреля на квартире Д. Дарахвелидзе состоялось собрание батумских рабочих. Завершилось оно около 22.00. Почти все присутствовавшие разошлись. Остались только 4 человека: хозяин квартиры — Дариспан Дарахвелидзе, жившие здесь же И. В. Джугашвили и К. Канделаки, а также пришедший к ним гимназист Вано Рамишвили. В это время нагрянули жандармы. Наличие многочисленных окурков в полупустой комнате свидетельствовало, что жандармы опоздали {1}.

И хотя их ожидала другая удача, воспользоваться ею они не сумели. «При аресте товарища Сталина, — вспоминал Илья Михайлович Дарахвелидзе, — полиция не заметила чемодана с его рукописями, листовками и книгами, которые остались на квартире» {2}. Правда, им в руки попал находившийся в квартире братьев Дарахвелидзе чемодан Георгия Годзиева {3}, но в нем ничего предосудительного не оказалось. Несмотря на это, жандармы отправили всех четверых в полицейский участок {4}.

На следующий день Д. Дарахвелидзе и В. Рамишвили были освобождены, а И. Джугашвили и К. Канделаки взяты под стражу и привлечены к производившейся Кутаисским ГЖУ в порядке положения об охране переписке, связанной с выяснением обстоятельств забастовки на заводе Ротшильда [5]. Для контроля над этой перепиской 28 февраля 1902 г. в (4-м) 7-м делопроизводстве Департамента полиции было заведено дело № 214, которое, к сожалению, до нас не дошло. К началу апреля в качестве обвиняемых по этому делу фигурировали 8 человек. Девятое место в списке обвиняемых занял И. В. Джугашвили, десятое — К. Канделаки [6].

6 апреля они были допрошены помощником начальника Кутаисского ГЖУ по Батумской области ротмистром Георгием Давидовичем Джакели. Оба отвергли свое участие в забастовке на заводе Ротшильда и в событиях 9 марта, вошедших в литературу как батумская демонстрация. В частности, И. Джугашвили заявил, что после празднования 100-летия присоединения Грузии к России, т. е. после 20 сентября 1901 г., он вместе с Геурком Акоповым уехал из Тифлиса в Баку, оттуда в Гори и находился там до середины марта 1902 г. [7].

Существовавшие правила предусматривали одновременно с допросом оформление «литеры Б». По ее получении Департамент полиции в рамках дела № 214 открыл специальную папку, в которую должна была откладываться вся документация, касающаяся И. В. Джугашвили. Так в 7-м делопроизводстве появилось дело № 214. Ч. 9. Одновременно предполагалось фотографирование обвиняемых, составление протокола описания примет и снятие отпечатков пальцев. Обнаружить эти материалы не удалось. Судьба их неизвестна [8].

Еще 20 сентября 1881 г. Департамент полиции утвердил циркуляр № 1460, в котором говорилось: «При производстве дознания чины корпуса жандармов одновременно с начатием такового обязаны входить в сношения с жандармскими управлениями, в ведении коих проживал обвиняемый, для собирания сведений о его политической благонадежности, а также и о том, не был ли обвиняемый ранее привлекаем к делам политического характера» [9]. Подобное требование существовало и в отношении переписки.

Исходя из этого, 8 апреля Г. Д. Джакели направил в Тифлисское ГЖУ письмо, в котором не только извещал об аресте И. Джугашвили, но и просил сообщить, «не был ли замечен названный Джугашвили в чем-либо предосудительном в политическом отношении, и допросить как его мать Екатерину Глаховну, так и его дядю Георгия Глаховича Геладзе» [10].

Трудно сказать, как бы развивались события дальше, если бы 8 апреля И. Джугашвили не дал в руки следствия уличающий его материал.

«8 сего апреля, — сообщал в Департамент полиции начальник Кутаисского ГЖУ, — арестантом Батумской тюрьмы Замбахидзе были выброшены в тюремный двор к посетителям две записки на грузинском языке, адресованные на имя Иллариона (по всей видимости, Иллариона Дарахвелидзе. — *А.О.*). Первая из них следующего содержания: „Адрес в городе Гори, Оконская церковь, около церкви приходская школа, и увидите учителя той школы Сосо Иремашвили, этому человеку скажите, что Сосо Джугашвили арестован и просит сейчас же известить его мать для того, чтобы, когда жандармы спросят: „Когда твой сын выехал из Гори?“, сказала: „Целое

лето и зиму до 15 марта был здесь, в Гори". То же покажут сам Сосо Иремашвили и мой дядя с женой". Вторая записка: „Илларион, если посланный в Тифлис человек возвратился, то скажи, чтобы привез Георгия Елисабедова и вместе с ним повел (направил) бы дело". Записки эти по сличении почерков с почерком Джугашвили писаны им, Джугашвили» {11}.

На следующий день, 9 апреля, Г. Д. Джакели в дополнение к предыдущему письму проинформировал Тифлисское ГЖУ, что ему удалось установить руководящую роль И. Джугашвили в батумских событиях, а поэтому предложил допросить Иосифа Иремашвили и арестовать Георгия Елисабедова {12}.

Прошло почти две недели, однако Тифлисское ГЖУ не спешило с ответом. 24 апреля Г. Д. Джакели направил в Тифлисское ГЖУ два новых письма (№ 402 и № 405) с просьбой ускорить ответ на его запросы 8 и 9 апреля, а также арестовать и отправить в Батум Георгия Годзиева {13}, чемодан которого, как мы уже знаем, был обнаружен на квартире братьев Дарахвелидзе {14}.

Только после этого 1 мая Тифлисское ГЖУ сочло возможным дать ответ на запрос Г. Д. Джакели о личности И. В. Джугашвили. Сообщив об обыске, произведенном в ночь с 21 на 22 апреля 1901 г. в Тифлисской обсерватории, и отметив его безрезультатность, генерал Е. П. Дебиль поставил своего батумского коллегу в известность о том, что И. В. Джугашвили фигурирует в агентурных материалах как член Тифлисского комитета РСДРП, и предложил для установления личности И. В. Джугашвили выслать фотографию последнего {15}.

Можно объяснить сокрытие Е. П. Дебилем имевшихся в его управлении агентурных данных о принадлежности И. В. Джугашвили к Тифлисской организации РСДРП и избрании его членом ее комитета. Но что заставило его умолчать о привлечении И. В. Джугашвили в 1901 г. к переписке по делу о «Социал-демократическом кружке интеллигентов»?

Подобное умолчание было бы понятно, если бы к весне 1902 г. данное дело в отношении И. В. Джугашвили жандармам пришлось закрыть. Между тем в нашем распоряжении имеется «Список лицам, подлежащим привлечению обвиняемыми по дознанию и перепискам „О социал-демократическом кружке интеллигентов", производимых ротмистром В. А. Руничем, помимо уже привлеченных по дознанию 22-х обвиняемых», составленный в Тифлисском ГЖУ и относящийся ко времени после 11 мая 1902 г. В этом списке под № 12 мы читаем: «Джугашвили Иосиф — подлежит привлечению обвиняемым [по] подозрению по ст. 318 и по всей, вероятно, 252. Находился в сношениях с большинством обвиняемых по дознанию… Установление деятельности не закончено. Будет поступлено по результатам… Содержится под стражей в Батуме по дознанию о беспорядках» {16}.

4 мая в связи с истечением месячного срока содержания И. В. Джугашвили и К. Канделаки под стражей Кутаисское ГЖУ обратилось в Департамент полиции с просьбой о продлении их «ареста до окончания переписки» {17}. 8 мая Департамент полиции принял два несовпадающих решения. Первоначально он предложил в зависимости от имеющихся материалов или прекратить переписку, или же перевести ее в формальное дознание {18}, а затем в тот же день направил другое распоряже-

ние: «По телеграмме № 276 и донесению № 712 возбудите дознание по 1035 ст. Продолжение ареста по охране представляется неосновательным ввиду достаточных данных для формального дознания» {19}.

По всей видимости, причина изменения первоначального решения была связана с тем, что Департамент полиции получил дополнительные сведения о результатах переписки по делу о забастовке на заводе Ротшильда. Как явствует из постановления начальника Кутаисского ГЖУ от 11 ноября 1902 г., «...Иосиф Джугашвили и Константин Канделаки (131–133) [28]были изобличены свидетельскими показаниями Александра Галилова, Тимофея Фефера (139), Петра Дарбанянца (147), Естате Квашелава (150) и Иосифа Иремашвили (181) в преступлении, предусмотренном 251 ст. Улож. о наказ.» {20}.

Получив соответствующее распоряжение Департамента полиции, Кутаисское ГЖУ 11 мая начало дознание по обвинению И. Джугашвили и К. Канделаки «в преступлении, предусмотренном 2 ч. 251 ст. Уложения о наказаниях»: призыв к возбуждению и неповиновению против верховной власти {21}. В связи с этим в Департамент полиции была направлена новая «литера А», на основании которой в 7-м делопроизводстве появилось дело № 630 «Об Иосифе Джугашвили и Константине Канделаки» {22}.

На следующий день Г. Д. Джакели поставил Е. П. Дебиля в известность о начале дознания и обратился к нему с просьбой «сообщить сведения о его (Джугашвили. — *А.О.*) выездах в Батум и протокол осмотра записной книжки с записью о расходах нелегальной лите-

ратуры, о чем говорится в вашем № 2040 от 1 мая» {23}.

16 мая Е. П. Дебиль переслал Г. Д. Джакели выписку из фигурировавшей в материалах дознания записной книжки («23 я[нваря]. Батум 14 р. 5 к.») и сообщил ему: «…По установлении его личности путем предъявления присланной Вами фотографической карточки имеет быть привлечен обвиняемым по указанной выше переписке при сем управлении» {24}.

21 июня «в Батумской тюрьме жандармский ротмистр [Сергей Петрович] Шабельский допросил политического заключенного тов. Сталина и составил анкетный лист» {25}. Это значит, что на И. В. Джугашвили была составлена новая «литера Б». После ее получения Департаментом полиции в 7-м делопроизводстве появилось дело № 630. Ч. 1 [29]{26}.

«Одновременно с этим ротмистр Джакели затронул вопрос об изменении первоначальной меры пресечения, ареста, на особый полиции надзор» {27}.

Освобождение из-под стражи на время следствия и установление особого надзора полиции практиковались достаточно широко. Однако если при производстве переписки ГЖУ могло принять подобное решение самостоятельно, то при проведении формального дознания оно было обязано получить на это согласие прокурора судебной палаты. 24 мая член Тифлисской судебной палаты товарищ прокурора действительный статский советник Валериан Константинович Орловский запросил на этот счет Тифлисскую судебную палату и не позднее 28 мая получил ответ: «Канделаки и Джугашвили следует содержать под стражей» {28}.

Как явствует из «Настольного реестра делам по государственным преступлениям на 1902 г.», который сохранился в фонде Департамента полиции, начатое 11 мая 1902 г. дознание было закончено 31 июля 1902 г. и в тот же день при рапорте за № 812 представлено помощником начальника Кутаисского ГЖУ своему шефу {29}.

До сих пор в литературе не было приведено никаких документальных данных, подтверждающих или опровергающих утверждение Г. Шидловского о том, что это дознание закончилось для И. В. Джугашвили без всяких последствий. К сожалению, не удалось обнаружить материалы дознания и при написании этой книги.

Для дальнейших поисков необходимо учитывать, что существовавшие инструкции предусматривали следующую процедуру: «По принятому порядку оконченное дело представляется при рапорте начальнику губернского жандармского управления, который уже от себя препровождает его прокурору судебной палаты» {30}.

Нам неизвестен упомянутый выше рапорт помощника начальника Кутаисского ГЖУ по Батумской области на имя начальника Кутаисского ГЖУ, не удалось обнаружить и письмо начальника Кутаисского ГЖУ на имя председателя Тифлисской судебной палаты с представлением результатов дознания, но в РГАСПИ сохранилась недатированная «Выписка из заключения прокурора Тифлисской судебной палаты по делу о Тифлисском социал-демократическом кружке рабочей партии», в которой говорится:

«Что же касается проявления преступной деятельности Джугашвили в г. Батуме, то хотя в этом отношении в произведенном помощником начальника Кутаисского ГЖУ по Батумскому округу дознании имеются некоторые

указания на то, что Иосиф Джугашвили был причастен к рабочему движению, возбуждал рабочие беспорядки, устраивал сходки и разбрасывал противоправительственные воззвания, но все эти указания лишь вероятны и допустимы; никаких же точных и определенных фактов по сему предмету дознанием не установлено и указание на участие Джугашвили на сходках и на распространение им по г. Батуму революционных воззваний основывается единственно на предположениях, слухах или возбуждающих сомнение в достоверности подслушанных отрывочных разговорах. При таком положении дела характер деятельности Иосифа Джугашвили за время пребывания его в Батуме подлежит считать невыясненным» {31}.

Когда именно было оформлено подобное заключение Тифлисской судебной палаты, установить не удалось. В любом случае оно Дает основание утверждать, что проводимое подполковником Сергеем Петровичем Шабельским дознание в отношении И. В. Джугашвили было прекращено Тифлисской судебной палатой без последствий для обвиняемого.

Дальнейшую судьбу постановления Тифлисской судебной палаты определяла ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства. Она гласила:

«Всякое дознание представляется по окончании прокурором судебной палаты министру юстиции, который по сношению с министром внутренних дел делает распоряжение о производстве предварительного следствия или испрашивает высочайшее повеление о прекращении производства с оставлением в последнем случае дела без дальнейших последствий или же с разрешением оного в административном порядке» {32}.

Это дает основание предполагать, что названное выше постановление Тифлисской судебной палаты было одобрено министром юстиции, министром внутренних дел и императором.

* * *

Когда 20 февраля 1902 г. в Тифлисском ГЖУ было начата переписка по делу «О Тифлисском кружке РСДРП и образованном им Центральном комитете», в ней сразу замелькала фамилия Джугашвили. Правда, против него имелись только агентурные данные и подтверждавшие их свидетельские показания {33}.

3 апреля ротмистр Кравченко представил Е. П. Дебилю доклад о предварительных результатах проведенного им расследования (№ 75). Из него следует, что к переписке было привлечено 79 человек. Все они были разделены на четыре группы. К первой отнесены 20 человек, на которых существовали улики и переписку о которых можно было перевести в формальное дознание. Причастность 12 человек к Тифлисскому комитету доказывалась в основном агентурным путем (к ним принадлежал и И. В. Джугашвили). Третью группу составляли 4 человека — кружок Я. Кочеткова. Вину 43 человек требовалось установить. Исходя из этого, Кравченко предложил привлечь к дознанию 14 человек из первой группы, 4 из второй и весь кружок Я. Кочеткова, а судьбу остальных 57 человек решить «в зависимости от хода следствия». Среди этих последних фигурировал и И. В. Джугашвили {34}.

9 мая из Батума на имя полковника Кравченко были направлены две фотографии И. В. Джугашвили, без которых Тифлисское ГЖУ почему-то не считало возможным

привлечение его к данному делу [35]. Их доставка по назначению, видимо, задержалась, так как 16 мая 1902 г. помощник начальника Тифлисского ГЖУ ротмистр Ф. А. Засыпкин еще не имел их на руках [36].

Между тем 18 мая было принято решение о переводе производимой переписки в формальное дознание «О тайном кружке Российской социал-демократической рабочей партии в городе Тифлисе». Производство дознания было передано ротмистру Ф. А. Засыпкину, а наблюдающим прокурором назначен товарищ прокурора Тифлисской судебной палаты действительный статский советник Ефим Николаевич Хлодовский [37].

Позднее, 15 октября, Тифлисская судебная палата одновременно с извещением о возбуждении дознания поставила Министерство юстиции в известность и о его окончании, после чего здесь во Временной канцелярии по производству особых уголовных дел было заведено специально дело № 15852 [38].

Прошло еще около месяца, и только 21 июня появилось постановление о привлечении к этому делу И. В. Джугашвили [39]. 25 июня Ф. А. Засыпкин направил Е. П. Дебилю рапорт № 483 (в дополнение к № 388 от 28 мая 1902 г.), в котором познакомил его с итогами порученного ему расследования и представил список обвиняемых. В нем значились 47 человек, последним фигурировал И. В. Джугашвили [40]. На следующий день, 26 июня, Тифлисское ГЖУ предложило помощнику начальника Кутаисского ГЖУ в Батуме допросить И. В. Джугашвили по новому обвинению [41].

Первый допрос по этому делу состоялся 8 июля [42]. 30 июля 1902 г. начальник Тифлисского ГЖУ сооб-

щил в Департамент полиции: «8 сего июля согласно отдельного требования моего в г. Батуме был допрошен обвиняемым Иосиф Виссарионов Джугашвили, давший полное отрицание своей вины (250 ст. Уложения о наказаниях). Названный Джугашвили по постановлению от 8 сего июля на основании 416 и последующих ст. уст. угол. Суд. заключен под стражу в Батумской тюрьме» {43}.

13 июля здесь же появилась на свет новая «литера Б» № 722, дошедшая до нас {44}. Несколько позднее к ней были приобщены дополнительные биографические сведения об И. В. Джугашвили {45}. Тифлисское ГЖУ получило «литеру Б» не позднее 25 июля {46}, после чего один ее экземпляр поступил в Департамент полиции, и здесь в 7-м делопроизводстве в деле № 175 появилась ч. 43, специально посвященная И. В. Джугашвили {47}.

17 июля батумский городской врач Г. Л. Элиава [30]под руководством подполковника С. П. Шабельского составил первое известное нам описание примет И. В. Джугашвили. Вот некоторые его детали: «Размер роста — 2 аршина 4,5 вершка» (164 см), «лицо длинное, смуглое, покрытое рябинками от оспы», «на левой ноге второй и третий пальцы сросшиеся», «на правой стороне нижней челюсти отсутствует передний коренной зуб», «на левом ухе родинка» {48}.

В самое последнее время нам стало известно медицинское дело И. В. Сталина, из которого явствует, что он действительно имел такой дефект, как сросшиеся пальцы на левой ноге. В то же время его рост составлял не 164, а 170 см. Кроме того, у него была больная левая

рука, и не одна, а две родинки, причем над правой бровью и под левым глазом [49].

Что это? Небрежность? Сознательное искажение примет? Или же приметы разных людей?

22 июля в соответствии с существовавшей инструкцией ротмистр Ф. А. Засыпкин обратился в Тифлисское ГЖУ с запросом № 770 о политической благонадежности И. В. Джугашвили. Сам запрос сохранился, и на нем нетрудно прочитать выписанные номера дел, в которых, по всей видимости, фигурировала его фамилия: «194/901 г. — 29, 27/902 г. — 511, 190/902–74–79–81, 89 до 114, 163–166–183–228, 171/902–233–234–290» [50].

8 августа полковник Е. П. Дебиль подписал ответ, в котором говорилось: «Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что о упоминаемом в представлении вашем от 22 минувшего июля за № 770 Иосифе Виссарионове Джугашвили до момента привлечения его к производимому Вами дознанию никаких неблагоприятных сведений в делах вверенного мне управления не имеется» [51].

Таким образом, если в ответ на запрос Кутаисского ГЖУ Е. П. Дебиль счел возможным сообщить хотя бы об обыске 21–22 марта 1901 г., теперь от следствия был скрыт даже этот факт.

К этому времени жандармам удалось получить признательные показания более десяти человек, проходивших по данному делу в качестве обвиняемых или же свидетелей, в том числе показания Сергея Старостенко [52] и некоего Кешешьянца (Кешиньяна) [53]. В них фигурировал и И. В. Джугашвили, однако, допрошенный

4 августа по делу о Тифлисском комитете РСДРП вторично, он снова не признал себя виновным {54}.

23 августа дознание по делу о Тифлисском комитете РСДРП было завершено, и на следующий день, 24 августа, Ф. А. Засыпкин направил Е. П. Дебилю письмо (№ 1098), в котором говорилось:

«При сем имею честь представить Вашему превосходительству оконченное производством 23 сего августа в порядке 1035 ст. 1–16 Уст. угол. суд. на 707 листах дознание „О тайном кружке Российской социал-демократической рабочей партии в г. Тифлисе", список обвиняемых, опись вещественных доказательств, опись личным документам обвиняемых, означенные в описях вещественные доказательства и личные документы и черновик „лит. Г" об окончании дознания и доложить, что дополнительно к дознанию будут представлены по получении протоколы допросов свидетелей Арсена Ормоцадзе, Самуила Микатадзе и Константина Лежава, сведения, собранные на основании Циркуляра Департамента полиции от 9 декабря 1897 г. за № 4230 о личностях обвиняемых Константина Лежава (по Охране), Кирилла Кахетелидзе, Александра Мерабашвили, Георгия Ртвеладзе и Иосифа Джугашвили и вещественные доказательства Арчила Долидзе и Арсена Ормоцадзе, означенные в описи под № 47 и 48. Из числа означенных вещественных доказательств Георгия Арабелидзе брошюра „Анархия" находится у г. главноначальствующего гражданской частью на Кавказе» {55}.

К этому времени из 46 проходивших по этому делу обвиняемых двое оставались неразысканными, двое были освобождены, 35 находились под особым надзором полиции и только 7 человек (Калистрат Гогуа, Иосиф

Джугашвили, Севериан Джугели, Георгий Караджев, Аракел Григорьевич Окуашвили, Васо Цабадзе, Захарий Иосифович Чодришвили) содержались под стражей {56}.

Получив материалы дознания «О тайном кружке РСДРП в г. Тифлисе», Е. П. Дебиль 29 августа 1902 г. направил дело товарищу прокурора Тифлисской судебной палаты действительному статскому советнику Е. Н. Хлодовскому (№ 4602) {57}, который знакомился с ним около полутора месяцев и 12 октября подписал заключение по результатам дознания {58}. Тифлисская судебная палата сочла нежелательным передачу дела в суд и предложила решить его в административном порядке. В заключении содержались рекомендации и о мерах подобного наказания. В частности, И. В. Джугашвили предлагалось выслать в Сибирь на 2 года {59}.

15 октября материалы дознания были направлены Тифлисской судебной палатой в Канцелярию главноначальствующего гражданской частью на Кавказе {60}, а 31 октября — в Министерство юстиции {61}.

«На основании 1280 ст. Уст. угол, суд., — писал князь Г. С. Голицын, — препровождаю при сем Вашему превосходительству представленное мне прокурором Тифлисской судебной палаты от 15 сего октября за № 1371 произведенное при Тифлисском губернском жандармском управлении дознание о Тифлисском социал-демократическом кружке рабочей партии (в IV томах) вместе с заключением о дальнейшем направлении сего дознания и вещественными доказательствами в особом опечатанном тюке, имею честь сообщить, что я не встре-

чаю препятствий к разрешению означенного дознания согласно с заключением прокурора палаты» {62}.

С момента получения материалов дознания в Министерстве юстиции до вынесения окончательного решения по данному делу прошло более полугода.

* * *

«Когда наше следствие почти что пришло к концу, — вспоминал К. Канделаки, имея в виду дознание, проводившееся Кутаисским ГЖУ, — сперва Сосо, а потом меня с помощью врача Элиавы поместили в тюремную больницу» {63}.

О том, что некоторое время И. В. Джугашвили действительно находился в тюремной больнице, свидетельствуют воспоминания Минаса Отаровича Чхаидзе, который был арестован в Гурии 18 августа 1902 г. Сначала он находился под стражей в сигнахской тюрьме, затем его перевели в Батум, где он пробыл более двух месяцев, до декабря 1902 г. Это значит, что в Батум его доставили не ранее середины сентября — не позднее середины октября. К этому времени, по воспоминаниям М. О. Чхаидзе, И. В. Джугашвили уже был в тюремной больнице. А когда автора воспоминаний освободили, он находился в одиночной камере 5 {64}.

Здесь мы сталкиваемся со следующим противоречием.

Когда производившееся в Батуми дознание было завершено и передано в Тифлисскую судебную палату, Кутаисское ГЖУ поставило ее в известность «о неимении... оснований к дальнейшему содержанию под стражей обвиняемых Иосифа Джугашвили и Константина Кандела-

ки» {65}. Такая позиция ГЖУ вызвала возражения прокурора Тифлисской судебной палаты, который 4 сентября письмом за № 1026 уведомил жандармское управление, что поскольку И. В. Джугашвили проходит обвиняемым еще по одному делу, речь может идти только об освобождении К. Канделаки, причем «с отдачею его под особый надзор полиции» {66}.

Вслед за этим 10 сентября была составлена «литера В» об изменении меры пресечения {67}, и К. Канделаки вышел из тюрьмы {68}, а И. В. Джугашвили продолжал оставаться под стражей, что подтверждается как воспоминаниями {69}, так и документами. Прежде всего это касается двух прошений, которые были поданы И. В. Джугашвили на имя главноуправляющего гражданской частью на Кавказе князя Г. С. Голицына.

В первом из них, датированном 30 октября 1902 г., он писал: прошу «освободить меня, по крайней мере хоть ускорить ход дела» {70}(фото 15).

23 ноября 1902 г. И. В. Джугашвили снова обратился к князю Г. С. Голицыну:

«Нижайшее прошение.

Все усиливающийся удушливый кашель и беспомощное положение состарившейся матери моей, оставленной мужем вот уже 12 лет и видящей во мне единственную опору в жизни, заставляет меня второй раз обратиться к Канцелярии главноначальствующего с нижайшей просьбой освобождения из-под ареста под надзор полиции. Умоляю канцелярию главноначальствующего не оставить меня без внимания и ответить на мое прошение. Проситель Иосиф Джугашвили. 1902 г., 23 ноября» {71}(-фото 16).

19 января 1903 г. с подобным же, но исполненным достоинства прошением к князю Г. С. Голицыну обратилась Е. Г. Джугашвили [72].

Казалось бы, приведенные документы не оставляют никаких сомнений, что после завершения дознания и по одному, и по другому делу И. В. Джугашвили продолжал оставаться в батумской тюрьме.

Однако начальник Тифлисского розыскного отделения ротмистр В. Н. Лавров на этот счет придерживался совершенно иного мнения. Направив 29 января 1903 г. в Департамент полиции свой очередной доклад и назвав в нем ряд лиц, причастных в Тифлисе к революционному подполью, он отмечал: «Через перечисленных лиц между прочим выяснилось, что в Батуме во главе организации находится состоящий *под особым надзором полиции* Иосиф Джугашвили. Деспотизм Джугашвили многих, наконец, возмутил, и в организации произошел раскол, ввиду чего в текущем месяце в г. Батум ездил состоящий под особым надзором Джибладзе, коему удалось примирить враждующих и уладить все недоразумения» [73].

9 февраля В. Н. Лавров отослал в Департамент полиции новое сообщение. В нем говорилось: «Имею честь донести Вашему Превосходительству, что во главе Батумского комитета социал-демократической партии состоят: находящийся под особым надзором полиции врач Александр Шатилов, находящийся *под особым надзором полиции* Иосиф Джугашвили, известный под кличкой Чопур (Рябой. — *А.О.*), и некий грузин из окрестностей Казбека по кличке Мохеве. Раскол, начавшийся было в означенном комитете, о чем упоминается в моем донесении от 29 минувшего января за № 60,

произошел вследствие пререканий между так называемыми старыми социалистами, представителем коих является в Батуме Александр Шатилов (в Тифлисе его поддерживали Семен и Прокопий Джугели), и новыми, упомянутыми выше Иосифом Джугашвили и Мохеве» {74}.

15 февраля 1903 г. ротмистр В. Н. Лавров в письме на имя начальника Тифлисского ГЖУ генерала Е. П. Дебиля (№ 103), а 22 февраля Е. П. Дебиль в письме, адресованном в Департамент полиции (№ 813), снова характеризовали И. В. Джугашвили как «состоящего под особым надзором полиции» {75}. Как находившийся в это время «под особым надзором полиции» И. В. Джугашвили значился и в картотеке Департамента полиции {76}.

В Тифлисском розыскном отделении, которое в 1903 г. было переименовано в охранное отделение, настолько были уверены в пребывании И. В. Джугашвили под особым надзором полиции, что когда 9 апреля 1903 г. Батум включили в сферу деятельности охранного отделения, ротмистр В. Н. Лавров сразу же направил в туда предписание обыскать и арестовать И. В. Джугашвили {77}. Однако 28 апреля подполковник С. П. Шабельский уведомил его, что «Иосиф Джугашвили уже год как содержится в тюрьме (ныне в кутаисской)» {78}.

Как явствует из воспоминаний, И. В. Джугашвили находился в батумской тюрьме до весны 1903 г. и был переведен отсюда после того, как «организовал демонстрацию заключенных против экзарха Грузии, пожелавшего осмотреть батумскую гимназию и места заключения» {79}. Батум экзарх Грузии Алексий посетил

17 апреля 1903 г., поэтому упоминаемая обструкция могла иметь место только в этот день [80].

По данным полиции, И. В. Джугашвили был отправлен в Кутаис 19 апреля [81], Наталья Киртава-Сихарулидзе утверждала, что это произошло на два дня позже [82]. «1903 г., 21 апреля, — писала она, — я с окна сообщила ему: „Сосо, нас куда-то уводят"». Оказалось, что Наталью отправляли в Кутаис. В этой же этапной партии был, по ее словам, и И. В. Джугашвили [83]. В кутаисской тюрьме он встретился с социал-демократом Григорием Уратадзе, который оставил следующее описание своего товарища по партии:

«На вид он был невзрачный, оспой изрытое лицо делало его вид не особенно опрятным. Здесь же должен заметить, что все портреты, которые я видел после того, как он стал диктатором, абсолютно непохожи на того Кобу, которого я видел в тюрьме в первый раз, и на того Сталина, которого я знал в продолжении многих лет потом. В тюрьме он носил бороду, длинные волосы, причесанные назад. Походка вкрадчивая, маленькими шагами. Он никогда не смеялся полным открытым ртом, а улыбался только. И размер улыбки зависел от размера эмоции, вызванной в нем тем или иным происшествием, но его улыбка никогда не превращалась в открытый смех полным ртом. Был совершенно невозмутим. Мы прожили вместе в кутаисской тюрьме более чем полгода, и я ни разу не видел его, чтобы он возмущался, выходил из себя, сердился, кричал, ругался, словом, проявлял себя в ином аспекте, чем в совершенном спокойствии. И голос его в точности соответствовал его ледяному характеру, каким его считали близко его знавшие» [84].

Описание, данное Г. Уратадзе (борода, длинные волосы, зачесанные назад), соответствует тому изображению, которое запечатлели коллективная фотография заключенных кутаисской тюрьмы г 1903 г. и фотография, сохранившаяся на регистрационной карточке Иркутского охранного отделения (фото 17) {85}.

А пока И. В. Джугашвили продолжал томиться в тюрьме, рассмотрение дела о Тифлисском социал-демократическом кружке рабочей партии вступило в завершающую стадию. 7 марта 1903 г. Министерство юстиции направило свое заключение в Министерство внутренних дел. Поддержав рекомендацию Тифлисской судебной палаты о разрешении данного дела в административном порядке, оно сочло предложенные ею меры наказания недостаток ными. В частности, было предложено увеличить срок ссылки И. В. Джугашвили с двух до трех лет {86}.

12 марта это заключение поступило в Департамент полиции, который нашел либеральными и предложения Министерства юстиции. Не исключая возможности передачи дела в суд, Департамент полиции считал, что в случае его административного решения следовало на основании высочайшего повеления выслать обвиняемых в Восточную Сибирь на срок до 6 лет {87}. Однако эти предложения не получили поддержки со стороны курировавшего Департамент полиции товарища министра внутренних дел, который 28 мая полностью присоединился к предложениям Министерства юстиции {88}.

7 июля Временная канцелярия Министерства юстиции по производству особых уголовных дел подготовила проект всеподданнейшего доклада по данному делу,

который был представлен 9 июля Николаю II и получил его утверждение [89].

Первая ссылка

10 июля Министерство юстиции направило принятое постановление в Канцелярию главноначальствующего гражданской частью на Кавказе [1]. 24 июля из Канцелярии главноначальствующего оно поступило в Тифлисскую судебную палату [2] и на следующий день оттуда было препровождено тифлисскому губернатору [3], который начертал на нем: «Секретный стол. Сейчас же: а) проехать в губернское жандармское управление, узнать адреса и проверить приставам, сегодня же задержать и направить в Метехский замок; б) заготовить документы сегодня же» [4].

В канцелярии губернатора сохранился список лиц, в котором значатся 28 человек. На списке имеются две пометки: «К № 2515» и «25 июля. № 2515. Заведующему Метехским тюремным замком с десятью открытыми листами». Одиннадцатым в этом списке фигурирует И. В. Джугашвили. Против его фамилии отмечено: простым карандашом — «не зн[ают]», красным — «5 участок» и черными чернилами — «В Батуме» [5].

Смысл этих пометок раскрывает письмо тифлисского полицмейстера № 2515 от 25 июля 1903 г., которое было направлено губернатору во исполнение приведенной выше его резолюции от 25 июля и в котором после перечисления всех ссыльных с указанием их местонахождения значится: «Место нахождения Иосифа Джугашвили и Аракела Окуашвили еще не обнаружено» [6].

Получив ответ Тифлисского ГЖУ о том, что оно не знает, где находится И. В. Джугашвили, губернатор обратился с соответствующим запросом к тифлисскому полицмейстеру, который 8 августа переадресовал его заведующему Метехским замком: «Предлагаю Вам немедленно донести, содержится ли в заведуемом Вами замке политический арестант Иосиф Джугашвили и в утвердительном смысле, когда освобожден, по чьему распоряжению и в чье ведение передан» {7}.

10 августа заведующий Метехским тюремным замком ответил полицмейстеру, что здесь И. В. Джугашвили не содержался и не содержится {8}.

Видимо, после этого полицмейстер дал распоряжение произвести розыск И. Джугашвили и А. Окуашвили участковым приставам Тифлиса: «Предлагаю Вашему Высокоблагородию, — писал он, например, приставу 5-го участка, — произвести розыск рабочих Аракела Окуашвили и Иосифа Джугашвили, подлежащих высылке, и о месте жительства донести мне» {9}. Ответ тоже был отрицательным {10}.

Это заставило полицмейстера обратиться 29 августа к начальнику Тифлисского ГЖУ с просьбой указать, «куда выбыли по освобождении из-под стражи политические арестованные [список] и Иосиф Джугашвили, состоящие под особым надзором полиции, и где теперь находятся». Только после этого на письме полицмейстера появилась пометка: «Джугашвили в городе Батуме» {11}.

А пока шли поиски «исчезнувшего» заключенного, губернатор поставил в известность об этом главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Г. С. Голицына {12}, и 13 августа последний обратил-

ся в Министерство юстиции с просьбой вернуть материалы дознания по делу о Тифлисском социал-демократическом кружке или же «сообщить выписку из означенного дознания о местонахождении обвиняемых» {13}.

Несмотря на то что в апреле 1903 г. И. В. Джугашвили был переведен в Кутаис, в Главном тюремном управлении (ГТУ) он продолжал значиться в списках заключенных батумской тюрьмы. Поэтому 17 августа ГТУ направило письмо военному губернатору Батумской области, в котором говорилось: «Главное тюремное управление имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать распоряжение о высылке помянутого Джугашвили, содержащегося в Батумском тюремном замке, в ведение иркутского военного губернатора через Новороссийск, Ростов, Царицын и Самару с очередной арестантской партией» {14}.

Получив подобное указание, батумский губернатор 29 августа отдал распоряжение полицмейстеру о высылке И. В. Джугашвили в Иркутскую губернию «с очередной арестантской партией» {15}.

Однако когда полицмейстер поставил в известность об этом заведующего Батумским тюремным замком, то 4 сентября последний сообщил ему, что И. В. Джугашвили еще 19 апреля был отправлен в кутаисскую тюрьму {16}. Об этом полицмейстер сразу же поставил в известность батумского военного губернатора, и последний 9 сентября обратился к кутаисскому губернатору с просьбой о высылке И. В. Джугашвили в Сибирь {17}.

Таким образом, для того чтобы установить местонахождение арестованного И. В. Джугашвили, понадобилось полтора месяца!

На протяжении всего этого времени И. В. Джугашвили продолжал томиться в кутаисской тюрьме [18]. Здесь 28 июля 1903 г. при его участии был организован бунт заключенных [19].

«Сталин предъявил тюремной администрации следующие требования: устроить нары в тюрьме (заключенные спали на цементном полу), предоставлять баню два раза в месяц, не обращаться грубо с заключенными, прекратить издевательство тюремной стражи и т. д. Вслед за предъявлением этих требований заключенные начали наносить гулкие удары в тюремные ворота. Ворота были железные, и эти удары всполошили весь Кутаис. Тюрьму окружил полк солдат, приехал губернатор, прокурор, полицейские чины… Требования были удовлетворены», но «после этой забастовки всех политических согнали вместе сначала в пятую камеру, а затем в третью камеру нижнего этажа. Это была самая скверная камера. Сталина и его товарищей разместили здесь» [20].

Несмотря на то что местонахождение И. В. Джугашвили было установлено уже в первых числах сентября, распоряжение о его переводе из Кутаиса в Батум для дальнейшего этапирования в Иркутск последовало только через месяц. По свидетельству Владимира Ростомовича Бреладзе, который именно в это время находился в кутаисской тюрьме, его вместе с И. В. Джугашвили отправили в Батум вечером 8 октября 1903 г. [21]Перед этим по просьбе заключенных была сделана коллективная фотография арестантов, на которой был запечатлен и И. В. Джугашвили [22].

Свидетелем прибытия заключенных в батумскую тюрьму стал К. Канделаки, который снова был арестован 23 августа 1903 г. «Не прошло много времени после это-

го, — вспоминал он, — как одной ночью открылась дверь нашей камеры и в нее вошли несколько человек со своими вещами. Среди вошедших оказались т. Сосо, Илико Копалейшвили, Севериан Хвичия и несколько человек из Гурии и Имеретии» [23].

Если верить К. Канделаки, здесь, в Батуме, И. В. Джугашвили тоже организовал бунт заключенных, после которого их требования были удовлетворены, а И. В. Джугашвили отправлен в ссылку [24].

Документальные сведения о том, когда И. В. Джугашвили из Батума ушел по этапу, обнаружить не удалось. Что же касается мемуарных свидетельств, то они разноречивы. Так, В. Р. Бреладзе писал, что его, Илико Копалейшвили, Севериана Хвичию и И. В. Джугашвили отправили дальше, в Новороссийск, на третий день после прибытия в Батум, в четверг [25]. А Наталья Киртава-Сихарулидзе, которая 4 октября 1903 г. была приговорена к двум годам полицейского надзора по месту жительства в селении Барцханы близ города Батума [26] и ознакомлена с этим постановлением 12 ноября [27], после чего вышла из тюрьмы и вернулась в Батум, утверждала, что только после этого «получила от Сосо записку: „Меня отправляют, встречай около тюрьмы“». «Я его проводила до парохода, — вспоминала Н. И. Киртава-Сихарулидзе. — Это было, если не ошибаюсь, в ноябре 1903 г. В тот же день сослали и гурийских крестьян» [28].

На пристани кроме Натальи И. В. Джугашвили провожала родственница М. Бочаридзе Бебе Лошадзе [29].

Как утверждал М. Цхакая, при отправке этого и некоторых других этапов Кавказский союзный комитет РСДРП выдал арестантам в дорогу небольшую сумму денег [30]. Есть сведения, что И. В. Джугашвили получил также материальную поддержку со стороны некоторых батумских рабочих. Когда, вспоминал Луасарб Джанелидзе, «наш кружок узнал, что из Батума отправляется этап, в котором находится и тов. Сосо Джугашвили… мы собрали провиант и 10 руб. и послали тов. Сосо» [31].

Из Батума до Иркутска его этап проходил через Новороссийск, Ростов-на-Дону, Самару и Челябинск [32].

«Из Ростова, — вспоминал Л. Джанелидзе, — на имя Коция Канделаки мы получили телеграмму от товарища Сосо. Он просил выслать денег. Мы послали деньги без промедления» [33].

Когда И. В. Джугашвили покидал Батум, там заканчивался бархатный сезон. На пути к Уралу через решетку вагонного окна он впервые увидел настоящую зиму: покрытые белым снегом поля и леса, утонувшие в сугробах деревенские избы, закованные в лед озера и реки. В Сибири свирепствовали морозы, достигавшие минус 30 и более градусов. Для выросшего под кавказским солнцем И. В. Джугашвили это был совершенно новый мир, о котором до этого он мог судить только по рассказам и книгам.

Для него, родившегося и выросшего под кавказским солнцем, зима представляла не только необычное природное явление, но и серьезное испытание. Особенно ес-

ли учесть, что на этап он был взят в демисезонном пальто, в ботинках и без рукавиц.

* * *

Если о решении выслать И. В. Джугашвили в Иркутскую губернию Министерство юстиции известило главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, то 5-е делопроизводство Департамента полиции должно было поставить в известность о принятом решении иркутского военного генерал-губернатора. Это сообщение обнаружить не удалось. Но удалось обнаружить соответствующее письмо военного генерал-губернатора иркутскому губернатору от 28 августа 1903 г. за № 1128 {34}.

Здесь в канцелярии губернатора на основании данного письма должно было быть начато специальное дело о ссыльном И. В. Джугашвили. К сожалению, оно нам. не известно, не известна и его судьба. Что же касается названного выше письма иркутского военного генерал-губернатора, то оно сохранилось, но обнаружить его удалось не в Иркутске, а в Тбилиси в фонде тифлисского губернатора! На письме против фамилии И. Джугашвили красным карандашом отмечено «Новоудинское» {35}. Это село Новоудинское, или Новая Уда, Балаганского уезда.

11 сентября иркутский губернатор поставил в известность об этом балаганского уездного исправника (№ 533) и Иркутское охранное отделение (№ 534) {36}. Подобное же уведомление он был обязан направить в Иркутское ГЖУ. В результате на свет должна были появиться четыре дела, посвященных ссыльному И. В. Джугашвили. Однако на сегодняшний день нам известно

только одно из них — дело Иркутского охранного отделения [37].

Из Иркутска И. В. Джугашвили доставили в уездный город Балаганск, который находился западнее губернского центра и был удален от ближайшей железнодорожной станции Черемхово на расстояние 75 верст [38].

В Балаганске в это время отбывали ссылку 7 человек: Абрам Аншелевич Гусинский, его жена [Малия] Лейбовна Гусинская, Ольга Аполлоновна Давыдова, Иван Осипович Малярчук, Франц Томашевич Оляшовский, Фадей Францевич Орлик и Александр Киприянович Сотников. По воспоминаниям ссыльного А. А. Гусинского, И. В. Джугашвили «задержался на некоторое время в Балаганске», пытаясь остаться здесь, однако «ему так и не удалось отбиться от поездки в Новую Уду» [39].

Первый известный нам документ о его ссылке — это донесение исполняющего обязанности балаганского уездного исправника начальнику Иркутского охранного отделения от 28 ноября 1903 г.: «Назначенный по предписанию Иркутского губернского управления от 11 сентября с. г. за № 533 на жительство в селении Новоудинское высланный по высочайшему повелению, последовавшему 9 июля 1903 г., под гласный надзор полиции Иосиф Виссарионов Джугашвили 26 ноября прибыл и водворен в названном селении, гласный надзор полиции за ним учрежден, о чем имею честь сообщить Вашему высокопревосходительству» [40].

Из Балаганска И. В. Джугашвили был отправлен далее, в селение Новая Уда, которое находилось на расстоянии 70 верст от Балаганска и 120 верст от ближайшей железнодорожной станции Тыреть [41]. Здесь его

фамилия была внесена в журнал административно-ссыльных Новоудинского волостного управления. Запись гласит: «Прибыл 27 ноября 1903 г.», «пособия не получает» {42}.

Из статьи Б. Иванова: «В то время Новая Уда делилась на две части — верхнюю и нижнюю. Нижняя часть называлась Заболотье: на маленьком мысочке, окруженном с трех сторон топкими болотами, стоял десяток домишек, в которых жили крестьяне-бедняки. В верхней части села расположились две купеческие лавки, огромное здание острога, окруженное высоким частоколом, пять кабаков и церковь. Здесь жила новоудинская „знать". Лучшие дома занимали местные купцы и торговцы… Ссыльные, направлявшиеся в Новую Уду, распределялись группами и в одиночку по крестьянским дворам. Каждый из них обязан был регулярно являться в волостное правление для отметки… Прибыв в Новую Уду, товарищ Сталин поселился в беднейшей части села — в Заболотье — у крестьянки Марфы Ивановны Литвинцевой. Убогий, покосившийся Домик Литвинцевой был расположен на краю болота, в нем было Две комнаты», одну из них и занял И. В. Джугашвили {43}.

В конце ноября 1903 г. в Новой Уде отбывали ссылку 3 человека: Янкель-Мовша Залманович Закон [31], Иероним Иванович Линкевич и Абрам Залманович Этингоф {44}.

Едва обосновавшись на новом месте, И. В. Джугашвили решил бежать. Имеются три версии о том, как был организован этот побег. Все они исходят от самого И. В. Джугашвили.

По одной из них, угрожая кинжалом, он заставил крестьянина отвести его к железнодорожной станции, а

когда они добрались до нее, дал ему 3 руб. [45]Эта версия не выдерживает никакой критики: до ближайшей железнодорожной станции было 120 верст, поэтому крестьянину, если он действительно был вынужден отправиться в это путешествие под угрозой оружия, не представляло никакого труда «сдать» И. В. Джугашвили полиции на пути следования.

Согласно другой версии, хотя И. В. Джугашвили «трудно было незаметно покинуть ссылку, но местное население помогло ему. Один крестьянин-чалдон согласился его везти до станции Зима на подводе, но выговорил себе условие, что товарищ Сталин на каждой остановке будет выставлять ему „поларшина" водки». На станции он купил ему билет, и И. В. Сталин уехал [46]. Эта версия тоже представляется малоправдоподобной. За содействие побегу крестьянину грозила тюрьма. Поэтому невероятно, чтобы кто-нибудь согласился променять свободу на «поларшина» водки.

Третья версия гласит, что И. В. Джугашвили сумел увлечь одного из ямщиков тем, что заявил о своем намерении послать жалобу на уездного начальника и, пользуясь этим, уговорил ямщика отвезти его до железной дороги [47]. Если бы речь шла о жалобе на местного волостного старшину или полицейского пристава, подобное объяснение заслуживало бы внимания, но что было делить новоудинскому ямщику с балаганским уездным начальником? И стоило ли это риска привлечения к ответственности за содействие побегу?

Существование разных версий об обстоятельствах первого побега И. В. Джугашвили, исходящих от него самого, не может не настораживать.

Официально этот, побег датируется 5 января 1904 г. , но тесть И. В. Джугашвили С. Я. Аллилуев оспаривал эту дату. Он утверждал, что его зять совершил из Новой Уды не один, а два побега, первый из которых оказался неудачным. «По рассказам двоих товарищей, Калистрата и Юлии, — утверждал С. Я. Аллилуев, — тов. Сосо сделал первую попытку бежать в средних числах ноября 1903 г. Прибыл из Новой Уды в Балаганск с отмороженными ушами и носом, потому что в то время стояли лютые морозы, одет он был по-кавказски, поэтому дальше бежать он не смог и вернулся обратно в Новую Уду» {48}.

«Калистрат и Юлия» — это Калистрат Гогуа и его жена Юлия Николаевна Кольберг {49}. К. Гогуа не только был лично знаком с И. В. Джугашвили, но и сам в 1903–1904 гг. отбывал ссылку в Балаганском уезде {50}. Поэтому он мог располагать сведениями о побеге И. В. Джугашвили, исходящими как от него самого, так и от других ссыльных. С учетом этого свидетельство С. Я. Аллилуева несомненно заслуживает внимания, особенно если учесть, что оно было обнародовано в печати еще при жизни вождя и в противовес официальной точке зрения.

О том, что И. В. Джугашвили попытался бежать в 1903 г. вскоре после прибытия на место ссылки, свидетельствуют и мемуары уже упоминавшегося Абрама Гусинского: «Ночью зимой 1903 г. в трескучий мороз, больше 30 градусов по Реомюру… стук в дверь. „Кто?"… К моему удивлению, я услышал в ответ хорошо знакомый голос: „Отопри, Абрам, это я, Сосо". Вошел озябший, обледенелый Сосо. Для сибирской зимы он был одет весьма легкомысленно: бурка, легкая папаха и щеголеватый кавказский башлык. Особенно бросалось в глаза несоответствие с суровым холодом его легкой кавказской шапки на

сафьяновой подкладке и белого башлыка (этот самый башлык, понравившийся моей жене и маленькой дочке, т. Сталин по кавказскому обычаю подарил им). Несколько дней отдыхал и отогревался т. Сталин, пока был подготовлен надежный ямщик для дальнейшего пути к станции железной дороги, не то Черемхово, не то Тыреть, — километров 80 от Балаганска. Документы у него были уже. Эти дни… т. Сталин провел безвыходно со мной и моей семьей» {51}.

Другим человеком, который оказался причастен к этому побегу, была Мария Айзиковна Беркова. Она родилась около 1881 г. в Киеве, но числилась мещанкой города Елисаветграда Херсонской губернии. Училась в Берлинском университете. При возвращении из-за границы была задержана с нелегальной литературой и по высочайшему повелению выслана в Иркутскую губернию, куда прибыла 9 июля 1903 г. Ссылку она отбывала в селении Малышевка, находившемся рядом с Балаганском, на другом берегу Ангары {52}.

По воспоминаниям М. А. Берковой, однажды, проходя по улице Малышевки, она встретила «ссыльного М.», который попросил ее укрыть незнакомого ей мужчину, бежавшего из ссылки. Этот мужчина провел в ее комнате более суток. На следующий день вечером незнакомца перевели на другой берег Ангары и отправили из Балаганска к железнодорожной станции Зима. Этим мужчиной, по утверждению М. Берковой, был И. В. Джугашвили. И хотя она видела его впервые и затем до 1917 г. больше не встречала, он мог ей запомниться надолго, так как они наедине провели в ее комнате ночь и весь следующий день. Эта встреча могла произвести на нее впечатление еще и потому, что она была поражена, встретив

незнакомца в разгар сибирской зимы «не в валенках, а в ботинках с галошами» [53].

В конце 1903 — начале 1904 г. в Малышевке кроме М. А. Берковой отбывали срок еще 6 человек: Сура Абрамовна Бернштейн, Александр Адольфович Коралевский, Ной-Неух Мордухович Лившиц, Казимир Адольфович (Адамович) Малаховский, Федор Иванович Осубко и Казимир Николаевич Ярошевский [54]. Это дает основание думать, что под буквой «М» в воспоминаниях М. А. Берковой скрывался К. А. Малаховский.

М. А. Беркова датировала свою встречу с И. Джугашвили одной из первых суббот 1904 г. [55] Однако, вероятнее всего, эта была одна из первых суббот после прибытия И. Джугашвили на место ссылки, т. е. 29 ноября или 6 декабря 1903 г., так как к этому времени он еще не успел обзавестись зимней обувью и одеждой.

По утверждению С. Я. Аллилуева, первая попытка побега оказалась неудачной, поскольку И. В. Джугашвили был «одет по-кавказски» и, едва не замерзнув в пути, вынужден был вернуться обратно. До Малышевки И. В. Джугашвили действительно добирался «одетым по-кавказски», но здесь ему «были куплены тулуп, валенки и теплая шапка» [56], и вторую половину пути до станции Зима он мог проделать вполне благополучно, поэтому причина его возвращения обратно была связана с чем-то другим.

Вернувшись в Новую Уду, И. В. Джугашвили, по всей видимости, поселился в другом доме, хозяином которого был Митрофан Иванович Кунгуров. С его помощью он совершил второй побег.

Основанием для такого утверждения является письмо, с которым М. И. Кунгуров обратился к И. В. Сталину 11 мая 1947 г.:

«Москва. Кремль.

Генералиссимусу Советского Союза товарищу Сталину И. В.

Я глубоко извиняюсь, что беспокою Вас. В 1903 г., когда Вы были в ссылке, село Новая Уда Иркутской губернии Балаганского уезда, в то время жили у меня на квартире. В 1904 г. я увез Вас лично в село Жарково по направлению [к] станции Тырет[ь] Сибирской железной дороги, а когда меня стали спрашивать пристав и урядник, я им сказал, что увез Вас по направлению в г. Балаганск. За неправильное показание меня посадили в каталажку и дали мне телесное наказание — 10 ударов, лишили меня всякого доверия селу. Я вынужден был уехать из села Новая Уда на ст. Зима Сибирской железной дороги. А в настоящее время я пенсионер 2 группы. Пенсию получаю 141 р. в месяц. Жить очень стало тяжело нам обоим со старухой на 141 р. Подавал заявление в Министерство социального обеспечения, получил отказ. Поэтому прошу Вас как бывший партизан якутского партизанского отряда, где был 3 раза ранен, потерял здоровье, получил инвалидность 2 гр., если вспомните меня, то прошу помочь мне получить персональную пенсию. Жить еще и еще хочется.

Дорогой товарищ Сталин, при Вашей доброй памяти, прошу написать мне письмо как бывшему старому партизану и Вашему старому хозяину квартиры, где Вы жили, село Новая Уда Иркутской губернии Балаганского уезда. Я надеюсь, что Вы меня не забудете и поможете получить персональную пенсию.

Ваш старый хозяин квартиры Кунгуров Митрофан Иванович.

Г. Барабинск Новосибирской области, ул. Некрасова, 57.

Ожидаю от Вас письма. 11 мая 1947 г.» {57}.

Ознакомившись с этим письмом, И. В. Сталин через ИМЭЛ предложил ответить автору, что он не помнит его и просит сообщить о побеге более подробные сведения {58}.

Если бы М. И. Кунгуров не имел никакого отношения к побегу И. В. Сталина, то И. В. Сталин мог прямо написать ему об этом или же вообще не обращать внимания на его письмо. Если же факты, изложенные в письме М. И. Кунгурова, соответствовали действительности, как тогда понимать сталинские слова о том, что он не помнит хозяина квартиры, у которого жил и который помог ему бежать из первой ссылки?

Не менее странно выглядит и сталинская просьба сообщить более подробные сведения о побеге.

Через некоторое время после запроса, сделанного ИМЭЛ, из Новосибирской области пришло сообщение о смерти М. И. Кунгурова, извещалось также, что хотя он, по свидетельству родственников, и был разговорчив (утверждал, например, что встречался с М. И. Калининым), но об И. В. Сталине никогда не упоминал {59}.

И все-таки маловероятно, чтобы в 1947 г. человек мог лично обратиться к генералиссимусу с приведенным выше письмом, если бы оно не соответствовало действительности.

В «Списке населенных мест», опубликованном в Памятной книжке Иркутской губернии на 1904 г., нет селения Жарково, но фигурирует селение Жернаково Гымыльской волости Балаганского уезда, расположенное на расстоянии 94 верст от Балаганска и 140 верст от Иркутска. Что же касается железнодорожной станции Тыреть, то она находилась восточнее станции Зима, на 25–30 верст ближе к Иркутску [60].

В связи с этим заслуживает внимания свидетельство Льва Нусбаума о том, что, бежав из Новой Уды и добравшись до железной Дороги, И. В. Джугашвили направился не на запад, а на восток, сделав остановку в Иркутске. Об этом же писал и французский публицист Ив Дельбар, утверждая, что здесь, в Иркутске, И. В. Джугашвили остановился у некоего Колотова, раздобыл документы и только после этого пустился в обратный путь на Кавказ [61].

На возможность пребывания И. В. Джугашвили в Иркутске указывают воспоминания М. Берковой. По ее словам, через некоторое время, после того как И. Джугашвили побывал в Малышевке, она получила весточку о том, что он благополучно добрался до Кавказа, а «вскоре… по указанному адресу одного „сочувствующего" стала с оказиями получаться из Иркутска большевистская литература» [62].

С. Я. Аллилуев утверждал, что второй побег И. В. Джугашвили из Новой Уды был совершен до Нового года, т. е. в декабре 1903 г. Однако это утверждение находится в противоречии с имеющимися в нашем распоряжении документами. Прежде всего это список ссыльных Балаганского уезда на 1 января 1904 г., в котором значится и И. В. Джугашвили [63]. Имеются также докумен-

ты, свидетельствующие, что побег был совершен 5 января 1904 г. {64}

6 января православная Россия отмечала Крещение. Расчет беглеца заключался в том, что в этот день полицейские, как и все верующие, будут гулять и не заметят исчезновение ссыльного, а если и обнаружат его, то вряд ли смогут организовать погоню.

Но отсутствие И. В. Джугашвили обнаружилось уже утром 6 января. И, несмотря на праздник, в Балаганск на имя уездного исправника было отправлено сообщение о побеге. В этот же день, 6 января, в 12.10 из Балаганска в адрес Иркутского охранного отделения полетела телеграмма: «Новоудинское волостное правление донесло, что административный Иосиф Джугашвили 5 января бежал. Приметы: 24 лет, 38 вершков, рябой, глаза карие, волосы голове, бороде — черные, движение левой руки ограничено. Розыску приняты меры. Телеграфировано красноярскому начальнику железнодорожной полиции. За исправника — Киренский» {65}.

Подобная же телеграмма была направлена еще по четырем адресам {66}.

На следующий день Иркутское ГЖУ поставило в известность о побеге И. В. Джугашвили Департамент полиции {67}. 5 марта начальник Иркутского ГЖУ полковник Антон Иванович Левицкий [32]подписал розыскную ведомость {68}, и 1 мая фамилия И. В. Джугашвили появилась в розыскном циркуляре Департамента полиции.

В циркуляре отмечалось, что И. В. Джугашвили родился в 1880 г., и давалось следующее описание: «Приметы: рост 2 аршина 4,5 вершка, телосложения посред-

ственного, производит впечатление обыкновенного человека, волосы на голове темно-каштановые, на усах и бороде каштановые, вид волос прямой, без пробора, глаза темно-карие, средней величины, склад головы обыкновенный, лоб прямой, невысокий, нос прямой, длинный. Лицо длинное, смуглое, покрытое рябинками от оспы, на правой стороне нижней челюсти отсутствует передний коренной зуб, рост умеренный, подбородок острый, голос тихий, уши средние, походка обыкновенная, на левом ухе родинка, на левой ноге второй и третий пальцы сросшиеся» {69}.

Нетрудно заметить, что в основе циркуляра лежал протокол описания примет, составленный в 1902 г. после ареста И. В. Джугашвили в Батуме. Однако он был воспроизведен не совсем точно: в протоколе описания примет родинка была отмечена на правом ухе, в циркуляре — на левом.

Если же сопоставить приметы И. В. Джугашвили из телеграммы уездного исправника и розыскного циркуляра, получается, что из Новой Уды под фамилией И. В. Джугашвили бежали два разных человека: один имел рост 171 см, второй — 164 см, у одного были черные волосы, у другого — каштановые, один имел дефект левой руки, у другого он отсутствовал.

Что это? Опять небрежность? Или сознательное стремление затруднить поиски беглеца?

ПРИМЕЧАНИЯ

Под арестом

[1]Батумская демонстрация 1902 г. [2-е изд.]. М., 1937. С. 177–178.

[2]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 87 (И. М. Дарахвелидзе).

[3]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 80. Л. 1.

[4]Батумская демонстрация 1902 г. С. 177–178.

[5]Там же. См. также: ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3428. Л. 4.

[6]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 270. Д. 28 (листы не нумерованы).

[7]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 106 об.

[8]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 270. Д. 28. № 214. Ч. 9. В картотеке Департамента полиции имеется только одна запись, связанная с этим делом: «7. 214/902.12171. л. Г», что означает: 7-е делопроизводство, дело № 214 за 1902 г., «литера Г» № 12171.

[9]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чиновгУбернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб., 1903. С. 279.

[10]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 80. Л. 9–10.

[11]Там же. Д. 81. Л. 4–5; Батумская демонстрация 1902 г. С. 233–235.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 80. Л. 5.

[13]Там же. Л. 2–3.

[14]Там же. Л. 1.

[15]Батумская демонстрация 1902 г. С. 240.

[16]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 203.

[17]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 45.

[18]Там же. Л. 54.

[19]Там же. Л. 46.

[20]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 83. Л. 1.

[21]Сообщение об этом было зарегистрировано в Департаменте полиции 20 мая (Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. М., 1937. С. 85).

[22]ГАРФ. Ф. 102.7Д. 1902. Д. 1950. Л. 62; Там же. Оп. 270. Д. 29. № 630 (листы не нумерованы). 17 мая 1902 г. Тифлисская судебная палата поставила в известность о начатом дознании Временную канцелярию при Министерстве юстиции по производству особых уголовных дел, и там тоже было заведено специальное дело (ГАРФ. Ф. 124. Оп. И. 1902. Д. 119. 4 л.).

[23]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 80. Л. 6.

[24]Там же. Л. 7–8.

[25]Батумская демонстрация 1902 г. С. 225.

[26]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 270. Д. 29. № 630. Ч. 1.

[27]Там же. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 87 об.

[28]Там же.

[29]Там же. Оп. 270. Д. 29. № 630.

[30]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений… С. 295.

[31]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 79. Л. 42–43.

[32]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений… С. 295.

[33]Это были главным образом показания Сергея Старостенко (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 79. Л. 42–43).

[34]Там же. Коллекция документов Департамента полиции. Папка № 2. Л 18–22

[35]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3433. Л. 298.

[36]Там же. Д. 354. Л. 152.

[37]«Литера А» (№ 2490, 22 мая 1902 г.) // ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 10; ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 8.

[38]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619, 181 л.

[39]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 275.

[40]Там же. Л. 82 об.-83.

[41]Там же. Л. 86.

[42]ГАРФ. Ф. 102. 7 Д. 1902. Д. 175. Л. 136 об.

[43]Там же.

[44]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 278–279.

[45]Там же. Д. 3432. Л. 203.

[46]Там же. Л. 290.

[47]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 1950. Л. 21–22.

[48]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3432. Л. 116.

[49]*Илизаров Б. С.*Сталин. Болезнь, смерть и «бессмертие» // Новая и новейшая история. 2000. № 6. С. 127.

[50]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 280.

[51]Там же. Л. 402.

[52]Там же. Д. 3432. Л. 63–64; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 79. Л. 23.

[53]Там же. Д. 619. Л. 177.

[54]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 138 об.; ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3431. Л. 431; Д. 3432. Л. 46.

[55]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 268. Л. 89.

[56]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 12–15.

[57]Там же. Л. 11.

[58]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 78–125.

[59]Там же. Л. 123–125; ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 167–168.

[60]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 31.

[61]Там же. Л. 26.

[62]Там же. Л. 77; ГИАГ. Ф. 13. Оп. 27. Д. 5461. Л. 2.

[63]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 266.

[64]Там же. Д. 56. Л. 231–236 (М. О. Чхаидзе).

[65]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 149.

[66]Там же. Л. 149–150.

[67]Там же. Л. 3.

[68]Паспорт К. Канделаки получил 18 ноября 1902 г. (Там же. Л. 6–7; ГФ. ф. 8. Оп. 2. Л. 1. Д. 20. Л. 267).

[69]См., например: ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 202–204 (М. Сиоридзе).

[70]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 172.

[71]Там же. Л. 173.

[72]Там же. Л. 174.

[73]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5–52-В. Л. 26 об-27.

[74]Там же. Л. 28; Опубликовано: Батумская демонстрация 1902 [1-е изд.]. С. 246; [2-е изд.]. С. 190.

[75]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 772. Л. 8; Оп. 5. Д. 268. Л. 133.

[76]Каталог Департамента полиции (И. В. Джугашвили).

[77]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1902. Д. 825–16. Л. 57, 60.

[78]Там же. 1898. Д. 5–59-А. Л. 153 об.

[79]Батумская демонстрация 1902 г. С. 173 (Варлаам Каландадзе).

[80]Черноморский вестник. 1903. 18 апр.

[81]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 90. Л. 3.

[82]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 213–215 (Н. Сихарулидзе).

[83]Там же.

[84]*Уратадзе Г.*Воспоминания грузинского социал-демократа. Standford, 1968. С. 66.

[85]Фото 17.

[86]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 36–38.

[87]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 175. Л. 167–176.

[88]Там же. Л. 184–184 об.

[89]РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 482. Л. 482–486.

Первая ссылка

[1]ГИАГ. Ф. 13. Оп. 27. Д. 5451. Л. 35.

[2]Батумская демонстрация 1902 г. С. 257.

[3]ГИАГ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 1960. Л. 1;Ф. 17. Оп.2.Д. 1272. Л. 25. Опубликовано: Батумская демонстрация 1902 г. С. 257.

[4]Там же.

[5]ГИАГ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 1960. Л. 2.

[6]Там же. Л. 5–6 об.; Ф. 17. Оп. 2. Д. 1272. Л. 23; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 204. Л. 173–174.

[7]ГИАГ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 1960. Л. 26; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 204. Л. 184; Опубликовано: Заря Востока. 1929. 22 дек.

[8]ГИАГ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 1960. Л. 26 об. Ответ был получен и зарегистрирован 12 августа // ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 204. Л. 185.

[9]ГИАГ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 1960. Л. 28.

[10]Удалось обнаружить ответы трех приставов: 1-го от 1 сентября, 6-го и 8-го полицейских участков от 4 сентября (Там же. Л. 27–30). Частично опубликовано: Заря Востока. 1929. 22 дек.

[11]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 204. Л. 167/2.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 619. Л. 127; ГИАГ. Ф. 13. Оп. 27. Д. 5461. Л. 39.

[13]Там же.

[14]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 205. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 90. Л. 2. Опубликовано: Батумская демонстрация 1902 г. С. 263.

[15]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 205. Л. 2; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 90. Л. 3.

[16]Там же. Опубликовано: Батумская демонстрация 1902 г. С. 263. Именно в этот день, когда подобные сведения уже устарели, Тифлисское ГЖУ после напоминания полицмейстера, вдруг «вспомнило» о местонахождении И. В. Джугашвили и уведомило тифлисского полицмейстера: «Что же касается Иосифа Джугашвили, то таковой находится в городе Батуме, где привлечен обвиняемым к дознанию о социал-демократическом кружке рабочих» (ГИАГ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 1960. Л. 31. См. также: ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 204. Л. 167/3).

[17]Там же. Д. 205. Л. 3–4; Батумская демонстрация 1902. С. 265.

[18]Там же.

[19]Батумская демонстрация. С. 97, 125.

[20]Заря Востока. 1935. 5 окт. (Т. Жгенти).

[21]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 6. Л. 294 (В. Р. Бреладзе).

[22]См. фото 17.

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. ч. 1. Д. 20. Л. 271–272 (К. Канделаки).

[24]Там же. Л. 273–274 (К. Канделаки).

[25]Там же. Д. 6. Л. 294–295.

[26]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1905. Д. 272. Л. 3.

[27]Там же.

[28]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 215 (Н. Сихарулидзе).

[29]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 217 (Б. Лошадзе-Бочаридзе); Гудок. 1939. 20 дек. (Б. Лошадзе-Бочаридзе).

[30]Там же. Ф. 157. Оп. 1. Д. 57. Л. 45–45 об.

[31]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 13. Л. 230 (Л. Джанелидзе).

[32]Батумская демонстрация 1902 г. С. 200.

[33]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 13. Л. 230 (Л. Джанелидзе).

[34]ГИАГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1272. Л. 52.

[35]Там же.

[36]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 518. Л. 1; ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

[37]Там же. См. также: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 480. Л. 1.

[38]Список населенных мест Иркутского округа Сибирского края (по материалам переписи 1926 г.). Иркутск, 1927. С. 90. Станция Черемхово находилась на расстоянии 123 верст от Иркутска (Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Зимнее движение 1903–1904 гг. СПб., 1903. С. 110).

[39]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41. Л. 5–24; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1494. Л. 117–118 (А. А. Гусинский).

[40]Там же. Д. 518. Л. 1.

[41]Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 г. Иркутск, 1904. С. 67; Список населенных мест Иркутского округа Сибирского края (по материалам переписи 1926 г.). С. 98. По другим данным, Новая Уда была удалена от Балаганска на 45 верст (Список населенных мест Иркутской губернии. Иркутск, 1912. С. 74).

[42]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655.

[43]*Иванов Б.*В Новой Уде // Правда. 1939. 25 дек.

[44]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41. Л. 5–24.

[45]Гори. Д. 222. Л. 7–8 (Ивлиан Куколава).

[46]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 205. Л. 2.

[47]*Петров И.*Первые шаги революционной деятельности тов. Сталина // Молодой большевик. 1939. № 21. С. 25–26.

[48]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 659. Л. 22; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 3. д. 11; *Аллилуев С. Я.*Пройденный путь. М., 1946. С. 109.

[49]Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища. М., 1995. С. 286.

[50]Список лиц, состоящих под гласным надзором полиции, согласно высочайше утвержденного 12 марта 1882 г. Положения о полицейском надзоре (по 1 января 1904 г.). СПб., 1904. С. 394–399; ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41. Л. 5–24.

[51]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. И. Д. 1494. Л. 119–120 (А. А. Гусинский).

[52]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41. Л. 5–7; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 92.

[53]Там же. Л. 91–95 (М. А. Беркова).

[54]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41. Л. 5–24.

[55]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 91–95.

[56]Там же. Л. 95.

[57]Там же. Л. 90. До 1895 г. М. И. Кунгуров отбывал ссылку на ленских приисках, в Новой Уде проживал с 1895 по 1907 г. (Там же. Л. 136).

[58]Там же. Л. 143–145.

[59]Там же.

[60]Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 г. С. 123; Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Зимнее движение 1903–1904 гг. С. 110.

[61]*Essad bey.*Stalin. B., 1931. S. 61; *Delbars Y.*The real Stalin. L., 1951. P. 42–43.

[62]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 96 (М. Беркова).

[63]Список лиц, состоящих под гласным надзором полиции, согласно высочайше утвержденного 12 марта 1882 г. Положения о полицейском надзоре (по 1 января 1904 г.). С. 394–399; ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 41. Л. 9 об.-10.

[64]Там же. Л. 4.

[65]Там же.

[66]Там же.

[67]Там же. ОО. 1904. Д. 6. Ч. 313. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 92. Л. 2; *Питерский А.*Жизнь Иосифа Виссарионовича Сталина в материалах Музея революции СССР // Исторический журнал. 1940. № 1. С. 37.

[68]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 92. Л. 4–5 (копия).

[69]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 6. Ч. 313. Л. 15; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 92. Л. 6–7.

ГЛАВА 4. В РУКОВОДСТВЕ КАВКАЗСКОГО СОЮЗА РСДРП

Возвращение

В 1904 г. Сибирская железная дорога с востока на запад шла до Челябинска. Отсюда одна ветка уходила на север: Челябинск — Екатеринбург — Пермь — Вятка — Котлас, другая — на запад до Сызрани, где она снова раздваивалась: один путь шел на северо-запад до Рязани и далее до Москвы, другой — на юго-запад до Ртищева, здесь тоже существовала железнодорожная развилка, а затем шла уже целая паутина дорог {1}.

Независимо от того, как добирался на Кавказ бежавший из ссылки И. В. Джугашвили, по железной дороге он не мог миновать Ростов-на-Дону и Баку. Весь путь от Новой Уды требовал не менее 10 дней. Поэтому в Тифлисе он появился не ранее 15 января 1904 г. {2}.

Имеются сведения, что здесь по возвращении он познакомился с Львом Борисовичем Розенфельдом, получившим позднее известность под фамилией Каменев, ко-

торый нашел ему убежище на квартире рабочего Морочкова [3].

Л. Б. Розенфельд был сыном потомственного почетного гражданина инженера Бориса Ивановича (Иоахимовича) Розенфельда и родился 22 июля 1883 г., по одним данным, в Вильно, по другим — в Москве. В 1896 г. он был принят в 4-й класс Второй тифлисской гимназии, в которой обучался вместе с сыном Г. Е. Церетели Ираклием, ставшим позднее известным меньшевиком, и сыном Спандиара Спандаряна Суреном, который уже упоминался ранее [4]. Закончив гимназию, в 1901 г. Л. Б. Розенфельд поступил в Московский университет [5]. Осенью 1902 г. он побывал за границей, где на праздновании юбилея «Бунда» познакомился с Ольгой Давидовной Бронштейн (позднее она стала его женой), брат которой Лев в это время активно сотрудничал в газете «Искра» и был известен в партийных кругах под фамилией Троцкий [6].

Поскольку 30 января 1904 г. Л. Б. Розенфельд уже находился в Москве [7], его встреча с И. В. Джугашвили могла произойти не ранее 15 — не позднее 25 января.

К этому времени в Тифлисе прошли крупные аресты в ночь с 5 на 6, 13 и 20 января. «На Кавказе, — сообщала 20 января Н. К. Крупская в своем письме Л. М. Книпович, — взято около 150 человек» [8]. Когда И. Джугашвили появился в Тифлисе, многие его товарищи и знакомые находились в ссылке или в тюрьме, многие вынуждены были покинуть Тифлис и переселиться в другие города Кавказа или же уехать за его пределы, в том числе за границу. В частности, его бывший школьный товарищ Миха Давиташвили к этому времени находился в

Лейпциге. Одним из немногих, кого И. В. Джугашвили застал в Тифлисе, был Миха Бочаридзе [9]. Именно у него в начале 1904 г. он познакомился с рабочим С. Я. Аллилуевым, который позднее, в 1918 г., стал его тестем [10].

Оставаться в Тифлисе было небезопасно, и И. Джугашвили решил вернуться в Батум. «Мы, — вспоминал батумский рабочий Федор Гогоберидзе, — получили письмо, нам сообщили, что Сталину удалось сбежать из ссылки и что ему необходимы деньги на дорогу. Мы, все рабочие, с радостью собрали нужную сумму и отослали ее, а через некоторое время Сталин приехал к нам» [11].

Одна из первых семей, которую он посетил в Батуме и где нашел убежище, была семья Натальи Киртава-Сихарулидзе. «На второй день, — вспоминала она, — Сосо дал знать комитету о своем приезде и желании продолжать работу» [12].

По свидетельству И. Цивцивадзе, данный вопрос действительно обсуждался на заседании Батумского комитета РСДРП [13]. Казалось бы, комитет должен был сразу ухватиться за это предложение, поскольку И. В. Джугашвили хорошо знал город и имел широкие связи среди рабочих. Вопреки этому комитет, возглавляемый И. Рамишвили, не только отклонил сделанное ему предложение, но и постановил не допускать И. В. Джугашвили к партийной работе [14].

Более того, «меня же, — вспоминала Н. Киртава-Сихарулидзе, — Рамишвили вызвал в комитет и стал кричать: „У тебя остановился Джугашвили?“ — „Да“, — отве-

чаю. „Должна прогнать из дома, в противном случае исключим тебя из наших рядов“» {15}.

Реакция, которая не может не вызвать удивления.

Когда Наталья сообщила о своем разговоре с И. Рамишвили, И. В. Джугашвили оставил ее квартиру, сказав, что уходит к Лаврентию Чичинадзе {16}. К сожалению, восстановить полную картину его перемещений по Батуму в начале 1904 г. пока удалось только фрагментарно. Известно, что И. В. Джугашвили обращался с просьбой подыскать ему квартиру к бывшему рабочему завода Манташева Владимиру Максимовичу Джибути. «Так как моя квартира находилась на примете у полиции, — вспоминал В. М. Джибути, — я устроил тов. Сосо у Трифона Джибладзе, проживавшего по Тбилисской улице в доме Тер-Акопова. Он некоторое время жил у Джибладзе, а оттуда его перевели к Димитрию Джибути (помощнику врача…)» {17}. Имеются сведения, что И. В. Джугашвили жил также у С. Джибути. Позднее С. Джибути вспоминал: «И. Рамишвили три раза приходил ко мне и требовал, чтобы я не укрывал тов. Сосо» {18}. По воспоминаниям Косты Осепашвили, несколько Дней И. В. Джугашвили провел у него. «В 1904 г., — вспоминал он, — тов. Сосо опять приехал в Батум. Одно время был у меня, затем я перевел его в дом Коли Габуния (ул. Шаумяна, № 44)» {19}.

Однако, как писала Н. Киртава-Сихарулидзе, «там же стали выслеживать его», и он вынужден был снова обратиться к ней, на этот раз с просьбой не только дать убежище, но помочь вернуться в Тифлис. Нужны были деньги. Речь шла всего лишь о полутора рублях, но и эту небольшую сумму оказалось достать непросто. Так, когда она обратилась с подобной просьбой к Владимиру Джиб-

ладзе, тот отказался помочь [20]. Уехать из Батума И. В. Джугашвили удалось только с помощью Ермиле Джавахидзе [21].

Факт пребывания И. Джугашвили на квартире Е. Джавахидзе подтверждала его жена Вера (урожденная Ломджария). «Я, — писала она в своих воспоминаниях об И. В. Сталине, — снова увидела его в 1904 г. Он бежал из ссылки. У нас товарищ Сталин появился в солдатской одежде… Товарищ Сталин прожил у нас несколько дней». Из других воспоминаний Веры Ломджария-Джавахидзе: «Тов. Сосо до отъезда в Тбилиси две недели прятался в нашей квартире. Затем мой муж в своем вагоне довез его до Тбилиси» [22].

Не исключено, что помощь Е. Джавахидзе заключалась в том, что он передал его другому кондуктору, своему знакомому И. Мшвидабадзе. «В 1904 г., — вспоминал тот, — я видел тов. Сталина у Григория Джибладзе в Безымянном переулке… После совещания я надел на него железнодорожную форму и привез в Тифлис» [23].

Получается, что И. В. Джугашвили провел в Батуме не более месяца и за это время сменил как минимум восемь квартир. А затем ему было отказано даже в мизерной денежной помощи. В чем же дело? Почему Батумская организация так неприветливо встретила своего недавнего организатора и руководителя?

Ответ на этот вопрос частично содержится в черновике одной из статей Ф. Махарадзе, который отмечал: «Чтобы оправдать перед рабочими такое отношение к т. Сталину, по наущению Рамишвили пустили самые нелепые и вместе с тем возмутительные слухи про него. Вви-

ду этого т. Сталин вынужден был покинуть Батум» {24}.

Ф. Махарадзе не уточнял, что это были за слухи. Однако показательно, что по времени возвращение И. В. Джугашвили в Батум совпало с появлением в организации слухов о провокации. «Распространились слухи, — вспоминал Ной Богучава, — что среди нас есть провокатор» {25}.

Есть основания думать, что ни батумские, ни тифлисские товарищи не имели отношения к организации побега И. В. Джугашвили из ссылки. А между тем некоторые его обстоятельства не могли не вызвать подозрений. С одной стороны, у И. В. Джугашвили не было денег для переезда из Тифлиса в Батум, он не мог наскрести даже полутора рублей для отъезда из Батума, с другой стороны, в его распоряжении оказались средства, позволившие ему из Сибири добраться до Кавказа.

Чтобы иметь представление, о каких суммах идет речь, проделаем следующий расчет. В 1904 г. в Иркутской губернии проезд гужевым транспортом оценивался в 3 коп. за лошадь на одну версту {26}. Если исходить из того, что путь от Новой Уды до станции Тыреть составлял не менее 150 верст {27}, то даже при нормальных условиях дорога стоила не менее 4 руб. 50 коп. А так как И. В. Джугашвили ехал один и должен был уплатить за дорогу в оба конца, этот показатель следует увеличить как минимум до 9 руб. Если же учесть, что в дальний путь обычно запрягали пару, а то и тройку лошадей и что в плату необходимо включить цену за риск, то дорога от Новой Уды до станции Тыреть должна была бы обойтись И. В. Джугашвили не менее чем в 18–20 руб. От станции Тыреть до Иркутска самый деше-

вый билет третьего класса стоил 2 руб. 71 коп., от Иркутска до Самары — 22 руб. 40 коп. {28}, от Самары до Тифлиса — не менее 15 руб. {29}Следовательно, только дорога требовала более 50 руб. К этому нужно добавить расходы, связанные с приобретением зимней одежды и документов, а также на питание в пути. Поэтому «стоимость» побега из Сибири составляла около 100 руб.

Первый же вопрос, который должен был возникнуть у руководителей Батумской организации РСДРП, каким образом И. В. Джугашвили удалось раздобыть подобные средства и так просто оказаться на воле. Мы не знаем, как он отвечал, но его объяснения, вероятно, были встречены с подозрением.

Пищу для подобных подозрений могли дать и рассказы И. В. Джугашвили о некоторых обстоятельствах побега.

Вот один из них, который в 1936 г. со слов рабочего Д. Вадачкория записал художник М. Успенский. «Он, — вспоминал Д. Вадачкория об И. В. Сталине, — мне рассказывал, живя у меня, как он бежал из ссылки. Сделав себе поддельное удостоверение, что он является якобы агентом, он направился в Россию. В пути он заметил шпика, который стал следить за ним. Видя, что положение ухудшается, Сталин обратился на одной из станций к жандарму, показал ему свое удостоверение и указал на шпика как якобы подозрительное лицо, последний был снят с поезда и арестован. Сталин продолжал путь» {30}.

Сохранились и воспоминания самого Д. Вадачкории {31}, которые в 1937 г. были опубликованы на страницах

сборника «Батумская демонстрация 1902 г.» и полностью соответствуют их оригиналу [{32}].

Публикация	Оригинал
«Помню рассказ товарища Сосо о его побеге из ссылки. Перед побегом товарищ Сосо сфабриковал удостоверение на имя агента при одном из сибирских исправников» [33]. (Батумская демонстрация [2-е изд.], М., 1937. С. 112).	«Товарищ Сталин рассказал нам, как он бежал из ссылки: товарищ Сталин заготовил подложный документ, подписанный одним из сибирских исправников, удостоверяющий… что он якобы агент исправника» (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 21).

Что это было за удостоверение, мы не знаем. До сих пор ни одного факта выдачи подобных удостоверений не известно. Мог ли его И. В. Джугашвили изготовить сам? Выписать его от руки было нетрудно. Но для того чтобы оно приобрело хоть какую-то значимость, его обязательно должна была скреплять печать уездного полицейского исправника. Сделать это без помощи гравера или же мастера резьбы по дереву И. В. Джугашвили не мог. Маловероятно, чтобы такой мастер проживал в Новой Уде. Следовательно, если подобное удостоверение действительно существовало, оно или было подделано где-то в другом месте, или же на нем должен был быть оттиск настоящей печати.

Как бы там ни было, история с подложным удостоверением тоже могла вызвать подозрения в отношении рассказчика.

Покинув Батум, И. Джугашвили вернулся в Тифлис. Где он поселился и на какие средства жил, можно только предполагать. Но он не бедствовал. Об этом свидетельствуют воспоминания Н. Киртава-Сихарулидзе, из которых явствует, что через некоторое время он прислал ей письмо, в котором приглашал ее переселиться к нему в Тифлис. Она не приняла это приглашение {33}.

Между тем 1 марта 1904 г. в Батуме произошла демонстрация, за которой последовали аресты {34}. Был разгромлен почти весь прежний комитет {35}. Во главе нового комитета встал Г. С. Согорошвили {36}, который находился в близких отношениях с погибшим к этому времени в тюрьме Ладо Кецховели {37}. Изменился и состав комитета {38}.

Узнав об этом, И. В. Джугашвили снова отправился в Батум [34]. Одним из первых, кого он встретил здесь, был Георгий Кобулашвили, который устроил его к Ною Чхеидзе {39}, затем И. В. Джугашвили перебрался к Доментию Вадачкории. «Жил у меня он около месяца… — вспоминал Д. Вадачкория. — Он ходил в черном тулупе и длинной шерстяной папахе» {40}.

В нашем распоряжении нет сведений о том, что на этот раз И. В. Джугашвили был допущен к партийной работе, однако новый комитет, судя по всему, отказался от того бойкота, которому он был подвергнут первоначально. Более того, имеются данные, что, находясь весной 1904 г. в Батуме, И. В. Джугашвили участвовал в нескольких партийных собраниях {41}. Во время одного из них в доме Илико Шарамадзе к нему подошла Н. Киртава-Сихарулидзе, «но, увидя меня, — вспоминала она, — он крикнул с озлоблением: „Уйди от меня“»

{42}. Видимо, ее отказ перебраться к нему в Тифлис был воспринят им как смертельная обида.

18 апреля / 1 мая 1904 г. батумские социал-демократы решили отметить Первое мая на море. В этой маевке принял участие и И. В. Джугашвили. В море среди ее участников произошла ссора, закончившаяся дракой на берегу. И. В. Джугашвили был серьезно избит {43}.

После этого, совершенно неожиданно для хозяина квартиры, И. В. Джугашвили исчез из Батума {44}. Не исключено, что и на этот раз ему помог кондуктор И. Мшвидабадзе и, вполне возможно, что именно к этому времени относятся его воспоминания о том, как он вывез И. В. Джугашвили из Батума в запломбированном товарном вагоне {45}.

Куда мог бежать избитый и по кавказским обычаям опозоренный И. В. Джугашвили? В Тифлисе его никто не ждал. Более того, там ему пришлось бы давать объяснение произошедшему. Поэтому из Батума он направился домой, в Гори. Его появление у матери могло привлечь к себе внимание полиции. Поэтому, по воспоминаниям Марии Зааловны Катиашвили (урожденной Хабелашвили), убежище он нашел в доме своего дяди Глаха Геладзе {46}.

Пребывание И. Джугашвили весной 1904 г. в Гори подтверждается воспоминаниями В. Кецховели. «Покинув Батум, И. В. Джугашвили приехал в Гори, — писал В. Кецховели и уточнял: — В апреле 1904 г. я вторично встретился с т. Сосо в Гори». Сообщая об этой встрече, В. Кецховели отмечал, что И. Джугашвили был болен и оставался дома, пока не поправился {47}.

Оказавшись не у дел и понимая, что порочащие его слухи делают невозможным дальнейшее его участие в революционной деятельности, И. В. Джугашвили решил апеллировать к тому органу, который стоял во главе всех социал-демократических организаций на Кавказе. Дело в том, что в 1903 г., когда И. В. Джугашвили находился в тюрьме, состоялся Первый съезд социал-демократических организаций Кавказа, на котором было принято решение об их объединении в Кавкавказский союз РСДРП и избран единый руководящий орган — Союзный комитет. Старейшим по возрасту. и революционному стажу в нем был М. Г. Цхакая. К нему через недавно вышедшего из тюрьмы Арчила Долидзе и апеллировал И. В. Джугашвили [{48}].

«В 1904 г., во время Русско-японской войны, — вспоминал М. Г. Цхакая, — один из моих старых знакомых товарищей (по кружку, где я занимался), незабвенный т. Ростом (Арчил Долидзе), легально сотрудничавший в одной тифлисской газете, написал мне конспиративное письмо в мое тогдашнее глубокое подполье... В письме он мне сообщил, что вот уже чуть не несколько месяцев и в Батуме, и здесь, в Тифлисе, разыскивает меня и хочет во что бы то ни стало лично видеться бежавший из Сибири т. Сосо, он же Коба (Джугашвили). Я назначил место и время свидания» [{49}].

Встреча состоялась. «Он, — читаем мы в воспоминаниях М. Г. Цхакаи об И. В. Сталине далее, — мне рассказал тогда всю свою эпопею работы и борьбы в Тифлисе, в Батуме и в тюрьмах, а Равно подробно остановился на удачной попытке побега с места ссылки, затем рассказал о своем пребывании в Батуме, где надеялся найти старых знакомых работников, и вместо этого столкнулся с буду-

щими меньшевиками (Рамишвили, Чхиквишвили, Хомерики и К) <…>. И, наконец, заявил о своем решении начать сверху, с Кавказского союзного комитета (тогдашний краевой комитет партии) для будущей более продуктивной конспиративной работы. Вот почему он хотел видеть меня <…>. И не ошибся. Я ему посоветовал немного отдохнуть в Тифлисе и за это время познакомиться с новой нелегальной литературой о II съезде партии и пр. <…>. Для облегчения ему занятия я познакомил его с двумя товарищами — Ниной Аладжаловой и Датушем Шавердовым… и попросил их оказать ему всяческое содействие» {50}.

Получается, что после встречи с И. В. Джугашвили М. Цхакая не решился сразу же допустить его к партийной работе. И это в условиях, когда после январских арестов социал-демократическое движение Грузии лишилось многих своих активных работников. Если верить словам М. Цхакаи, получается, что сделанная им пауза была вызвана заботой об И. В. Джугашвили: «Я посоветовал ему немного отдохнуть». Между тем ему не могло не быть известно, что, после побега из ссылки И. В. Джугашвили «отдыхал» уже более трех месяцев. Поэтому причину сделанной паузы нужно искать в чем-то другом.

Ничего на этот счет не писала и Н. Н. Аладжалова, которая оставила воспоминания о своем революционном прошлом. Причем, несмотря на то что они были написаны еще при жизни Сталина, она предпочла обойти стороной обстоятельства своего знакомства с вождем {51}.

М. Цхакая не спешил с использованием И. В. Джугашвили как профессионального революционера. «На одьом из следующих свиданий, — вспоминал он, — по-

знакомил его с характером при-. нятых II съездом программы и устава, а равно с произошедшим расколом партии на меньшинство и большинство <...>. Я его попросил написать свое credo... Он это сделал через несколько дней. Я посоветовал ему <...> написать статью, хотя бы по параграфу 9 программы партии по национальному вопросу <...>. Через месяц он принес довольно объемистую тетрадь» [52]. В своих воспоминаниях М. Г. Цхакая, по всей видимости, допустил ошибку. Написанная И. В. Джугашвили в это время статья по национальному вопросу, опубликованная в 1904 г. на страницах «Борьбы пролетариата», была невелика по объему [53]. Поэтому, вероятнее всего, он имел в виду то самое «Кредо», которое разыскивал И. В. Сталин в 1925 г. [54].

Но и после этого И. В. Джугашвили продолжал оставаться не У дел. Только «через другой месяц, — писал М. Цхакая, — я отправил т. Сосо в Кутаисский район в Имеретино-Мингрельский комитет» [55].

Это значит, что между обращением И. В. Джугашвили к М. Г. Цхакаи через А. Долидзе и его возвращением к партийной работе прошло более двух месяцев. Что же удерживало М. Цхакаю от направления И. Джугашвили на партийную работу?

Вероятнее всего, взятая им пауза была связана с тем, что Союзный комитет проверял те самые «порочащие» слухи, которые заставили И. Джугашвили покинуть Батум. Если учесть, что, покинув 18 апреля Батум, он некоторое время провел в Гори, а затем более двух месяцев томился в Тифлисе, то к партийной работе мог вернуться не ранее июля 1904 г., т. е. только через полгода после побега из ссылки.

Эта датировка подтверждается воспоминаниями члена Имеретино-Мингрельского комитета Сергея Ивановича Кавтарадзе [35]. «Не то в конце июля, не то в начале августа 1904 г., — вспоминал он, — в Кутаис приехал представитель Кавказского союзного комитета Сосо Джугашвили. Он взял кличку Коба» {56}. Сразу же было решено обновить Имеретино-Мингрельский комитет, в состав которого, по свидетельству С. И. Кавтарадзе, кроме него и И. В. Джугашвили вошли Б. Бибинейшвили, Н. Карцивадзе, С. Киладзе {57}.

О том, что свою деятельность в Кутаиси И. В. Джугашвили начал с реорганизации Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП, писал и Б. Бибинейшвили: «Для руководства работой к нам приехал товарищ Сталин. Состав комитета был обновлен. В него вошли Сосо Джугашвили, С. Кавтарадзе, Н. Карцивадзе и члены Союзного комитета Саша Цулукидзе и Миша Окуджава» {58}.

Обновленный комитет начал с организации типографии, которая была размещена в доме Васо Гогиладзе и находилась в нем до февраля 1906 г. {59}Одновременно, как вспоминал В. Бибинейшвили, «во второй половине 1904 г.» усилилась «революционная работа по деревням», и вскоре «вся Кутаисская губерния покрылась нелегальными революционными организациями» {60}.

В преддверии 1905 года

Первые же практические действия И. В. Джугашвили в качестве члена Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП обратили на себя внимание его товарищей по пар-

тии и способствовали его Дальнейшей политической карьере.

«После одного из моих подпольных объездов России (Баку, Смоленск, Орел — места тогдашних общепартийных центров), — вспоминал М. Цхакая, — вернувшись в Тифлис, я оказался единственным (оставшимся) членом краевого комитета — все члены комитета оказались за решеткой. Тогда я один кооптировал немедленно моих близких соратников, которым я доверял <...>. В числе их были т. Коба и т. Каменев» {1}.

Так И. В. Джугашвили поднялся еще на одну ступеньку партийной иерархии и вошел в число лидеров социал-демократического движения на Кавказе.

Когда именно это произошло, М. Цхакая не указывал, но датировал свою поездку летом 1904 г. {2}Для более точного определения времени включения И. В. Джугашвили в состав Союзного комитета немаловажное значение имеет упоминание фамилии Л. Б. Каменева.

После знакомства с И. В. Джугашвили Л. Б. Каменев вернулся в Москву и здесь 15 февраля был арестован. Летом того же года его выслали на Кавказ. Прибыв 1 августа в Тифлис, он испросил разрешение на поступление в Юрьевский университет и, получив его, почти сразу же отправился туда, но принят в университет не был, после чего 4 сентября выехал из Юрьева в Тифлис {3}. Это значит, что в состав Союзного комитета он мог войти не ранее начала сентября 1904 г.

В связи с этим обращают на себя внимание воспоминания Ц. С. Зеликсон. Около 1/14 августа 1904 г. она была направлена из-за границы в Россию {4}. «Приехала я в Тифлис из Швейцарии, — вспоминала Ц. С. Зе-

ликсон, — будучи послана Лениным на работу в распоряжение Кавказского союзного комитета. В день моего приезда туда меня известили, что чуть ли не накануне или два дня тому назад в Тифлисе был огромный провал. Тут же я узнала, что сегодня… произойдет партийное совещание» {5}. По ее словам, на совещании присутствовали 7–8 человек, из числа которых она запомнила В. С. Бобровского (ставшего позднее ее мужем), М. Цхакая, А. Цулукидзе и И. В. Джугашвили, но не назвала Л. Б. Каменева. Свой приезд Ц. С. Зеликсон датировала осторожно: «приблизительно в августе» {6}.

Это дает основание предполагать, что И. Джугашвили стал членом Кавказского союзного комитета не позднее конца августа — начала сентября 1904 г.

О том, что в августе 1904 г. он действительно находился в Тифлисе, свидетельствуют воспоминания Г. Бердзеношвили, который «в июле или начале августа» этого года приехал в Тифлис, поселился на Михайловском проспекте у своего родственника И. Хаситашвили и жил здесь до сентября. Ему запомнилось, что в это время рядом с ними снимал комнату И. В. Джугашвили {7}.

Правда, прожил здесь он недолго. Вскоре к нему нагрянули: жандармы и, не застав его, оставили в его комнате засаду. Арест, казалось, был неизбежен. Однако визит жандармов заметили соседи, поэтому, когда И. В. Джугашвили возвращался домой, из квартиры И. Хаситашвили ему был дан предупреждающий знак. И. В. Джугашвили вовремя повернул обратно и успел ускользнуть от преследования {8}.

По всей видимости, после этого Н. Аладжалова отвела И. В. Джугашвили к учителю Ашоту Оганезовичу Тума-

няну на Авчальскую улицу, дом 29 [9], а затем Коба уехал в Баку, где 7 сентября должно было состояться заседание комитета РСДРП [10].

С этого момента до осени 1905 г. мы видим И. В. Джугашвили в постоянных разъездах, хронология и география которых до сих пор остаются не восстановленными.

Из Баку он уехал в Кутаисскую губернию, где провел некоторое время, разъезжая по отдельным селениям и, видимо, участвуя в создании тех самых местных организаций, которыми, как утверждал Б. Бибинейшвили, во второй половине 1904 г. покрылась вся Кутаисская губерния.

«В начале сентября 1904 г., — вспоминал Г. Такоишвили, — я сопровождал тов. Кобу в селение Джихаиши для создания организации. В Джихаиши мы останавливались в доме Алексея Хацава» [11]. Сохранились и воспоминания Алексея Максимовича Хацавы, подтверждающие данный факт [12]. По воспоминаниям Иллариона Вачарадзе, осенью 1904 г. И. В. Джугашвили приезжал в Хони и провел там около двух недель [13]. Тогда же, по свидетельству И. Мшвидабадзе, он посетил селение Кобулети, находящееся недалеко от Батума.

Во время этой поездки И. В. Джугашвили снова едва не оказался в руках жандармов. Незадолго до его приезда в Кобулети произошло убийство, на ноги была поднята местная полиция. Собрание, на котором планировалось выступление И. В. Джугашвили, пришлось отменить. Об этом он узнал только по прибытии. До отъезда обратно оставалось много времени, и он вместе с И. Мшвидаб-

адзе пошел к морю. Здесь они привлекли к себе внимание пограничников. «Так как мы не были похожи на местных жителей, — вспоминал И. Мшвидабадзе, — то один из патрулей арестовал нас и повел в местечко Цихисдзири к своему начальству». Однако, как утверждал И. Мшвидабадзе, им удалось убедить пограничников, что они приехали в Кобулети на рыбалку, после чего их отпустили [14].

И. В. Джугашвили вернулся к нелегальной работе, когда в стране назревал политический кризис, а внутри РСДРП развернулась острая борьба между двумя фракциями, возникшими летом 1903 г. на II съезде партии: большевиками и меньшевиками. Важное значение в этой борьбе имело совещание, состоявшееся во второй половине июля под Женевой. На нем было принято воззвание о необходимости созыва нового партийного съезда. Воззвание подписали 22 человека: А. А. Богданов, В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, Е. В. Голикова, Р. С. Землячка, Н. К. Крупская, В. И. Ленин, М. Лядов (Мандельштам), М. С. Ольминский и др. [15] ЦК РСДРП признал созыв нового съезда несвоевременным и тогда же, в июле, печатно выступил с соответствующим заявлением [16]. В результате во второй половине 1904 г. — начале 1905 г. вокруг вопроса о созыве съезда развернулась острая борьба, в которую оказался втянутым и Кавказский союз РСДРП.

Посетившему Кавказ представителю ЦК РСДРП И. Ф. Дубровинскому удалось убедить Совет Кавказского союза, Тифлисский и Имеретино-Мингрельский комитеты присоединиться к июльскому заявлению ЦК [17]. Однако после того как здесь побывали посланцы Бюро комитета большинства Р. С. Землячка и Ц. С. Зеликсон,

начался переход некоторых партийных организаций в оппозицию к ЦК РСДРП [18].

Первым это сделал Имеретино-Мингрельский комитет, который в значительной степени под влиянием И. В. Джугашвили пересмотрел свое первоначальное решение и высказался за созыв съезда [19]. Не позднее 3 (16) сентября из Тифлиса было получено письмо В. С. Бобровского об отрицательном отношении к заявлению ЦК РСДРП со стороны Союзного комитета [20], а 26 сентября (9 октября) — от Р. С. Землячки «с известием, что Кавказский союз весь присоединился к воззванию 22-х» [21].

К этому времени И. В. Джугашвили удалось получить адрес находившегося в Лейпциге М. Давиташвили, и он вступил с ним в переписку. Первое известное нам письмо было направлено из Кутаиса на имя М. Давиташвили не позднее 30 сентября 1904 г. В этом письме И. В. Джугашвили критиковал позицию Г. В. Плеханова как лидера меньшевиков и писал: «Здесь был один приехавший из ваших краев, взял с собой резолюцию кавказских комитетов в пользу экстренного съезда. Напрасно смотришь на дело безнадежно: колебался только Кутаисский комитет, но мне удалось убедить их» [22].

Это письмо представляет интерес в двух отношениях. С одной стороны, оно свидетельствует о первых известных нам контактах И. В. Джугашвили с эмиграцией, с другой стороны, интересно тем, что стало известно В. И. Ленину, и таким образом произошло их заочное знакомство [23]. Позднее И. В. Сталин сдвинул этот эпизод на год вперед, живописав, как непосредственно об-

ратился к В. И. Ленину с письмом из сибирской ссылки и получил от него ответ [24].

Осенью 1904 г. И. В. Джугашвили снова появился в Тифлисе. По всей видимости, на этот раз он поселился на квартире Артема Торозова, который позднее писал: «Тов. Коба оста[ва]лся у нас две недели, <…> в продолжение этого времени он редко выходил <…>. К нему приходили Камо, М. Бочаридзе, и они совещались» [25]. Точная дата приезда И. В. Джугашвили неизвестна, но ориентировочно определить ее можно. Дело в том, что в 1904 г. С. А. Тер-Петросян (Камо) был арестован, некоторое время провел в батумской тюрьме, сумел бежать из нее и возвратился в Тифлис 1 октября [26]. Это значит, что И. В. Джугашвили снова обосновался в Тифлисе не ранее этой даты.

В конце ноября 1904 г. в Тифлисе в столярной мастерской М. Чодришвили состоялась партийная конференция Кавказского союза РСДРП. В ней приняли участие 12 человек: шесть — с решающим голосом, шесть — с совещательным (М. З. Бочаридзе, И. В. Джугашвили, Л. Б. Каменев, Г. С. Согоров, В. К. Таратута, А. Г. Цулукидзе, М. Г. Цхакая, З. Чодришвили, С. Г. Шаумян и др.) [27].

На конференции обсуждались следующие вопросы: «об отношении к партийным центрам», «о съезде», «о Бюро», «о литературе большинства», «о настоящем историческом моменте», «о либералах», «о бюджете Бюро», «об изменениях в Уставе Кавказского союза», «о брошюрном издании», «о листках», «о бюллетенях», «о листке и органе», «об использовании для переводов статей из „Социал-демократа“» и «о националистах». Среди этих вопросов особое значение имели два: отношение к

созыву III съезда РСДРП и к так называемой земской кампании [28].

Ноябрьская конференция создала специальный орган — Кавказское бюро, перед которым была поставлена задача «принять все необходимые, по его мнению, меры по подготовке съезда» [29]. Персональный состав Бюро неизвестен, но есть основание предполагать, что одним из его членов был И. В. Джугашвили.

Конференция закончилась 29 ноября [30], в тот же день ее участники стали разъезжаться [31]. Видимо, именно тогда И. В. Джугашвили совершил поездку в Чиатуры, где останавливался в доме марганцепромышленника Бартоломе Кекелидзе [32] и, по свидетельству Виктора Бакрадзе, пробыл здесь два дня [33], после чего вернулся в Тифлис, а оттуда сразу же выехал в Баку.

5 декабря там началась забастовка некоторых нефтепромышленных предприятий [34], инициатором которой являлась «Балахано-Биби-Эйбатская группа», группа рабочих, во главе которых стояли братья Шендриковы. Между тем Бакинский комитет РСДРП считал стачку несвоевременной [35].

Как вспоминал рабочий П. И. Бочаров, для обсуждения этого вопроса не позднее 9 декабря был созван митинг, на котором присутствовал И. В. Джугашвили. Еще до принятия митингом решения появилась полиция. Многие были арестованы, среди них и автор воспоминаний. Через два дня (не позднее 11 декабря) он был освобожден, после чего (не позднее 12-го) состоялся новый митинг, который и принял решение о поддержке начав-

шейся забастовки и превращении ее во всеобщую [36].

Для руководства стачкой был создан забастовочный комитет, в который вошли: от большевиков — П. А. Джапаридзе, А. М. Стопани, И. Фиалетов, от меньшевиков — Илья и Лев Шендриковы, Тарас, от партии «Гнчак» — Тигран Арутюнян, Овсен Тер-Вартанян, Давид Тер-Даниэлян [37].

«Забастовка рабочих в Балаханах началась в 6 часов утра 13 декабря с завода Каспийско-Черноморского нефтяного общества, затем перешла на промыслы Нобеля и Манташева и, наконец, весьма быстро распространилась по всем промыслам». «На Биби-Эйбатских нефтяных промыслах забастовка началась... около 9 часов утра, когда на промысле „Олеум" был дан тревожный свисток... Таким образом, были прекращены работы на промыслах Манташева, Тифлисского товарищества, Борн, Шибаева...» [38].

Полиция вмешалась в ход событий только 23 декабря [39]. Начались аресты. 3 января забастовка прекратилась [40], но завершилась подписанием первого в истории России коллективного договора между рабочими и предпринимателями [41].

О том, где в это время находился И. Джугашвили и какую роль он играл в стачке, имеются две версии. Обе исходят от Ц. С. Зеликсон-Бобровской. В опубликованном тексте ее воспоминаний говорится: «На следующий день после начала забастовки (т. е. 14 декабря. — *А.О.*) приехал в Баку тов. Сталин. Он здесь оставался в течение 10 дней, руководил забастовкой» [42]. В неопубликованном тексте воспоминаний утверждается, что

И. В. Джугашвили во время забастовки бывал в Баку только наездами и по этой причине не мог руководить ею [43]. Причем Ц. С. Зеликсон-Бобровская прямо писала о том, что опубликованная версия была навязана ей Е. Ярославским [44].

По свидетельству Ц. С. Зеликсон-Бобровской, во время забастовки И. Джугашвили приезжал в Баку несколько раз и встречался как с членами забастовочного комитета [45], так и с находившимся здесь членом ЦК РСДРП В. А. Носковым [46].

Одна из причин, по которой в декабре 1904 г. И. В. Джугашвили вынужден был разрываться между Баку и Тифлисом, заключалась в том, что в это же время в Тифлисе тоже назревали важные события.

После того как 26 августа 1904 г. новым министром внутренних дел стал князь П. Д. Святополк-Мирский [47], кратковременное пребывание которого у власти получило название «либеральной весны» [48], оппозиция выступила с требованием реформ [49]. 20 ноября в Петербурге в доме Павловой состоялся банкет, на котором была принята петиция [50], положившая начало так называемой банкетной, или петиционной, кампании. Она захватила более 30 городов России и вылилась более чем в 120 собраний [51].

В начале декабря в Тифлисе тоже состоялось собрание, 12-го числа прошло заседание городской думы, 20 декабря состоялся многолюдный митинг, а на 31 декабря в здании Артистического общества был назначен банкет [52].

Первоначально планировалось, что вход в здание Артистического общества будет открыт только по пригла-

сительным билетам. Однако в самую последнюю минуту один из организаторов банкета, Н. А. Худадов, распорядился отменить этот порядок и открыть двери для всех желающих, поэтому когда организаторами банкета была оглашена заранее заготовленная петиция с либерально-оппозиционными требования, на трибуне появились социал-демократы, которые огласили свою резолюцию. Зазвучали революционные речи и революционные песни, банкет стал превращаться в митинг [53]. По воспоминаниям, И. В. Джугашвили тоже участвовал в этом собрании и вместе со всеми пел «Варшавянку» [54].

Когда было предложено подписываться под оглашенной организаторами банкета петицией, она собрала 240 подписей. В ней содержались такие требования, как объявление политических свобод, отмена сословных, национальных и вероисповедных ограничений, введение народного представительства на основе всеобщих выборов, объявление политической амнистии. Вопрос о форме правления предлагалось решить Учредительному собранию [55].

Так Тифлис встретил 1905 г.

Раскол Кавказского союза

9 января тысячи рабочих Петербурга направились к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию со своими требованиями. Однако на улицах города их встретили войска, открывшие по ним огонь. Несколько сот человек было убито, более тысячи ранено. Этот день вошел в историю как Кровавое воскресенье, а Николай II, отдавший приказ о стрельбе и, видимо, поэтому возведенный церковью в ранг святых, еще раз продемонстрировал, что неслучайно получил в народе прозвище Николай Крова-

вый [1]. После 9 января по всей стране прокатилась волна забастовок протеста. Брожение охватило и города Кавказа.

Где именно в это время находился И. В. Джугашвили и чем был занят, еще требует выяснения. Известно лишь, что после Нового года он из Тифлиса отправился в Баку. Было очевидно, что петербургские события представляют собой важную веху в развитии революционного движения. В новых условиях вопрос о единстве действий и, следовательно, о созыве нового партийного съезда приобретал особое значение.

Еще в конце ноября 1904 г. собравшиеся на одно из своих первых заседаний члены Кавказского бюро по подготовке к созыву III съезда РСДРП выступили с воззванием, в котором заявили о недоверии заграничным центрам и призвали местные организации взять подготовку съезда в свои руки. Это означало недоверие не только редакции «Искры», перешедшей после II съезда в Руки меньшевиков, но и редакции возникшей к этому времени большевистской газеты «Вперед», во главе которой стоял В. И. Ленин. Когда подобный смысл воззвания Кавказским бюро был Дознан, оно дезавуировало его. Не позднее 6 января 1905 г. И. В. Джугашвили поставил в известность об этом редакцию газеты «Вперед» [2].

15 января из Баку он обратился к редакции газеты «Вперед» с новым письмом:

«Товарищ!

Это заявление разослано во все кавказские комитеты с просьбой отозваться. Дело в том, что ноябрьская конференция представителей Кавказского союза поста-

вила Агитационное бюро Кавказского союза в строго определенные рамки, ограничив его компетенцию задачами лишь агитации (см. 3-ю резолюцию конференции, по которой вопрос об Организационном комитете откладывается до новой конференции или съезда представителей Кавказского союза, стало быть, и не решается Агитационным бюро). Теперь шаг сделан, правда, не совсем уверенный, но все-таки шаг. Только некоторая трусость <…> и вызванный ею „цекистский фетишизм" помешали Бакинскому комитету трезво взглянуть на дело и дать пощечину врагу (ЦК), который как таковой давно порвал с нами и систематически терзает партию. Но, судя по настроению бакинских товарищей, можно с уверенностью сказать, что „временный разрыв" с ЦК скоро превратится в „постоянный" — особое мнение пяти товарищей уже теперь имеет больше сторонников, чем заявление Бакинского комитета. 15 января 1905 г. Вано.

P. S. Скоро пришлю корреспонденцию из Баку. На днях выеду в Тифлис и напишу корреспонденцию из Тифлиса. Баку готовится к демонстрации. Получены два номера „Вперед". На товарищей производит хорошее впечатление. Б[акинский] к[омитет] просит пустить в печать его заявление с особым мнением пяти товарищей» {3}.

Если исходить из содержания приведенного письма, то в середине января 1905 г. И. В. Джугашвили должен был вернуться в Тифлис, где именно в это время произошло резкое обострение событий.

16 января у губернатора состоялось совещание, на котором было решено не дожидаться, когда развернувшаяся после Кровавого воскресенья агитация приведет к

массовым волнениям в городе, и нанести по социал-демократической организации превентивный удар [4]. К этому тифлисская охранка готовилась давно. И уже давно в ее архиве накапливалась информация о наиболее активных членах Тифлисской организации РСДРП.

Оказался в поле ее зрения и И. В. Джугашвили. В сентябре 1904 г., по всей видимости, через секретного сотрудника по кличке Панцулия охранке удалось установить факт его пребывания в Тифлисе. В результате в Тифлисском охранном отделении появилась специальная карточка на И. В. Джугашвили.

Вот первая запись в ней: «Сведения. Джугашвили. О лице, состоящем членом партии социал-демократов, имеющиеся в Тифлисском охранном отделении с сентября 1904 г. Ф. И. О.: Джугашвили Иосиф Виссарионович, кличка наблюдения по —..., кружковое прозвище —..., звание: крестьянин сел. Диди Лило Тифлисской губернии и уезда, занятие: ученик Тифлисской духовной семинарии, лета —..., вероисповедание —..., приметы —..., имеется ли фотографическая карточка —..., где ныне проживает —..., семейные связи: мать его Екатерина проживает в городе Гори Тифлисской губернии, революционные связи —... Деятельность по партии. В 1902 г. при Тифлисском ГЖУ был привлечен обвиняемым к дознанию о тайном кружке РСДРП и по этому делу, как видно из предписания Департамента полиции от 17 июля 1903 г. за № 4305, Иосиф Джугашвили подлежал высылке под гласный надзор полиции сроком на 3 года, куда и был выслан административным порядком полицией» [5].

Троеточие указывает на отсутствие соответствующих данных в распоряжении Тифлисского охранного отделения. Это означает, что в сентябре 1904 г. оно не рас-

полагало конкретными сведениями об И. В. Джугашвили и не имело его фотографии.

8 октября в карточке Тифлисского охранного отделения была сделана новая запись: «Джугашвили бежал из ссылки и в настоящее время является главарем партии грузин, рабочих» {6}. После этого в регистрационной карточке появились его приметы, взятые из розыскного циркуляра Департамента полиции от 1 мая 1904 г. {7}Дальнейшие записи имеют очень скупой и случайный характер {8}, а в сводках наружного наблюдения за 1904–1905 гг. фамилия И. В. Джугашвили отсутствует {9}.

Между тем, когда 2–3 октября в Тифлисе были произведены обыски и аресты, у жены П. А. Джапаридзе В. М. Ходжишвили было обнаружено письмо с упоминанием Кобы {10}. 30 ноября 1904 г. жандармам удалось захватить революционный склад, где снова были обнаружены записи с упоминанием Кобы {11}. По существовавшим правилам охранка должна была завести в своей картотеке карточку на Кобу и приступить к выяснению его личности. Но никаких данных на этот счет, как и самой карточки, обнаружить не удалось.

Несмотря на то что в поле зрения Тифлисского охранного отделения И. В. Джугашвили попал в сентябре, только 6 ноября 1904 г. (№ 2385) охранное отделение обратилось в местное жандармское управление с просьбой сообщить имеющиеся у него сведения о нем {12}.

Ответ был дан 16 ноября (№ 7136):

«На запрос от 6 сего ноября за № 2385 сообщаю Вашему высокоблагородию, что Иосиф Джугашвили в

1902 г. при сем управлении был привлечен обвиняемым к дознанию „О тайном кружке Российской социал-демократической рабочей партии в г. Тифлисе" и по этому делу, как видно из предписания Департамента полиции от 17 июля 1903 г. за № 4305, Иосиф Джугашвили подлежал высылке в Восточную Сибирь сроком на 3 года, куда был и выслан административным порядком» {13}.

Жандармское управление не только не предоставило в распоряжение своих коллег биографических данных об И. В. Джугашвили, не указало его родственные связи, но и ни словом не обмолвилось об обыске у него 21 марта 1901 г., о его привлечении к делу о социал-демократическом «кружке интеллигентов» (1901 г.) и к делу о батумских беспорядках (1902 г.).

25 ноября Тифлисское охранное отделение обратилось в Тифлисское ГЖУ с новой просьбой — выслать фотографию И. В. Джугашвили {14}.

16 декабря 1904 г. начальник Тифлисского охранного отделения Ф. А. Засыпкин представил в Департамент полиции обзор наблюдения за Тифлисской организацией РСДРП за октябрь-ноябрь 1904 г. К этому обзору был приложен «Список деятелей местной социал-демократической организации, поданным наблюдения, в октябре — ноябре (по 8 декабря) 1904 г.». В нем значились 131 человек. 19-м в этом списке фигурировал И. В. Джугашвили:

«19. Джугашвили Иосиф Виссарионов, крестьянин села Диди Лило Тифлисской губернии, разыскивается циркуляром Департамента полиции за № 5500 от 1 мая 1904 г. В 1902 г. привлекался обвиняемым при Тифлисском губернском жандармском управлении, последствием чего была высылка под гласный надзор полиции на 3 го-

да в Восточную Сибирь (предложение Департамента полиции 17 июля 1903 г. № 4305), откуда 5 января 1904 г. скрылся. По указанию агентуры, проживает в городе Тифлисе, где ведет активную преступную деятельность» {15}.

Представляя эти данные, Тифлисское охранное отделение тем самым ставило Департамент полиции в известность о готовящейся ликвидации Тифлисской организации РСДРП. Однако когда через месяц, в ночь с 16 на 17 января 1905 г., были произведены аресты, задержанию подверглись только 13 человек: Михаил Бочаридзе, Нина Гургенидзе, Нина Каландарашвили, Филипп Махарадзе, Кирилл Никадзе, Исидор Рамишвили, Мелитон Руссия, Николай Сулханов, Александр Цулукидзе, Захар Чочуа, Шалва Шарашидзе, Шалва Элиава, Юлиан Яшвили. Еще 5 человек (Вера Бессмертная, Теофил Гурешидзе, Арчил Джапаридзе, Нина Косюра, Мелани Чодришвили) сумели избежать ареста {16}. Что же касается остальных, они были оставлены на «разводку».

Принятые меры не дали желаемых результатов, и 23 января в городе произошла первая массовая демонстрация. На Головинский проспект под красным знаменем вышла многочисленная процессия. В центре города зазвучали революционные песни. То, о чем мечтали организаторы первомайской демонстрации 1901 г., свершилось.

Как и тогда, против демонстрантов были брошены городовые И казаки. Однако если в 1901 г. им удалось навести порядок всего лишь за несколько минут, на этот раз произошло самое настоящее сражение. Многие его участники были избиты. Порядок был все-таки наведен, но произошедшие события свидетельствовали, что за

прошедшие четыре года антиправительственное движение ушло далеко вперед и стало приобретать массовый характер [17].

Произведенные аресты способствовали изменению расстановки сил внутри Тифлисского комитета РСДРП, в результате чего на заседании Тифлисского комитета 17 января меньшевики оказались в большинстве. Произошел своеобразный переворот [18].

Этот переворот по времени совпал с возвращением из-за границы Ноя Жордании.

«До приезда Ноя Жордания, — вспоминал Б. Бибинейшвили, — все меньшевики, начиная с Чхеидзе и кончая Рамишвили, представлялись твердокаменными большевиками и колотили себя в грудь от досады, читая меньшевистские статьи» [19].

Понимая, что последует за переходом Тифлисского комитета на сторону меньшевиков, большевики в ночь с 17-го на 18-е перепрятали партийные библиотеку и кассу, а также отказались сдать типографию [20]. Не найдя поддержки со стороны Союзного комитета, Тифлисский комитет 26 января заявил о выходе из Кавказского союза РСДРП. 30 января Союзный комитет потребовал от Тифлисского комитета не только отозвать свое заявление, но и ввести в свой состав новых членов [21], на что Тифлисский комитет ответил отказом. Более того, 7 февраля он выступил с открытым заявлением и тем самым предал возникшие разногласия широкой огласке [22].

Таким образом, обострение борьбы между правительством и обществом характеризовалось не сплочени-

ем перед лицом общего противника, а обострением борьбы внутри Кавказского союза РСДРП.

Было ли это отражением тех противоречий, которые существовали внутри рабочего движения или же кто-то сознательно способствовал подобному развитию событий, сказать трудно. Но нельзя не обратить внимание на то, что именно в это время на Кавказе наряду с обострением внутрипартийной борьбы происходит искусственное обострение национальных противоречий.

Еще при подготовке декабрьской забастовки между рабочими развернулась агитация, которая имела своей целью столкнуть армян и татар между собой. Тогда она не дала результатов, но несколько позднее привела к кровавым событиям.

«Вечером 6 февраля в Баку происходило нечто небывалое, — писал один из очевидцев этих событий. — Почти повсюду на улицах, особенно удаленных от центра, то и дело слышны были ружейные и револьверные выстрелы. Убитые и раненые насчитываются за ночь десятками. Весь город объят ужасом <...>. Мотивом к печальному событию послужило следующее. В центре города одним армянином был убит довольно состоятельный татарин. Единоверцы последнего вступились за убитого сородича и убили несколько ни в чем не повинных армян из прохожих. Таким образом, началось кровавое побоище», для ликвидации которого пришлось вызывать войска {23}.

По воспоминаниям Мамеда Мамедьярова, в феврале 1905 г. Сталин был в Баку и пытался противодействовать армяно-татарской резне, которая, по мнению автора вос-

поминаний, была развязана нефтепромышленниками Дадаевым и Тагиевым [24].

А вот свидетельство Мухтара Гаджиева: «Под руководством тов. Сталина… в Балаханах во время армяно-татарской резни мы, пять товарищей, каким-то образом получили винтовки и собрались вокруг армянского района, по поручению тов. Сталина мы не должны были допустить здесь резни» [25]. «Тогда же, — вспоминал один из участников этих событий, — Сталин дал боевой дружине задание захватить типографский шрифт, мы, 15 человек, сделали это и отвезли шрифт в крепость к Б.» [26].

Из этого явствует, что в феврале 1905 г. в Баку уже существовали боевая дружина местной организации РСДРП и что И. В. Джугашвили имел к ней самое непосредственное отношение.

Из Баку он вернулся в Тифлис не позднее 13 февраля. В этот день в Тифлисе возле Ванского собора был организован многотысячный митинг, в котором приняли участие армяне, грузины, татары, русские и представители других национальностей. К этому дню И. В. Джугашвили была написана специальная листовка, посвященная бакинским событиям. Отпечатанная в количестве 3 тыс. экземпляров, она призывала рабочих не поддаваться на провокации и не допустить повторения произошедшего. Под этим лозунгом и прошел митинг [27].

Армянское и тюркское духовенства заявили о необходимости примирения. Демонстрация примирения состоялась в понедельник 14 февраля [28]. В этот день на Хлебной площади в квартире Хананяна И. В. Джугашвили встретился с Камо и здесь написал листовку,

посвященную прошедшей демонстрации. Она была опубликована на следующий день [29].

После этого мы снова видим И. В. Джугашвили в разъездах. Имеются сведения, что не ранее 3 — не позднее 5 марта он посетил Баку [36], где вместе с членом Бюро комитета большинства М. Лядовым (Мандельштамом) участвовал в заседании обновленного городского комитета РСДРП [30].

По возвращении в Тифлис И. В. Джугашвили поселился на квартире Бердзеношвили (ул. Тамары) и здесь написал брошюру «Коротко о партийных разногласиях», которая представляла собой популяризацию ленинской работы «Что делать?» Точная дата ее написания неизвестна, однако упоминание в ней газеты «Социал-демократ» № 1 за 1 апреля дает основание утверждать, что работа над брошюрой началась не ранее этой даты [31].

И. В. Джугашвили еще работал над своей брошюрой, когда в Лондоне открылся III съезд РСДРП. Решающее значение в борьбе за его созыв имело событие, которое произошло 9 февраля 1905 г. В этот день на квартире писателя Л. Н. Андреева (1871–1919) почти в полном составе были арестованы ЦК РСДРП (Е. М. Александрова — бывшая жена М. С. Ольминского, Л. Е. Гальперин, И. Ф. Дубровинский, Л. Я. Карпов, А. А. Квятковский, В. Н. Крохмаль, В. А. Носков, В. Н. Розанов) и один из его агентов, М. А. Сильвин. В результате этого на воле остались только Р. С. Землячка, Л. Б. Красин и В. И. Ленин. 4 марта они выступили с заявлением, которое признавало правомерность действий Бюро комитета большинства, направленных на созыв очередного съезда партии, и при-

звали местные организации прислать своих представителей на съезд [32].

На этот призыв откликнулись и большевики, и меньшевики. Но если первые собрались в Лондоне, где 12 апреля открылся III съезд РСДРП [33], то вторые направили своих представителей в Женеву и здесь провели свою конференцию [34]. Тем самым был сделан шаг на пути создания двух независимых друг от друга политических партий.

К этому времени раскол стал свершившимся фактом и внутри Кавказского союза РСДРП. 12 марта Тифлисский комитет поставил вопрос о роспуске Союзного комитета [35] и начал готовить общекавказскую конференцию.

В разгар этой борьбы «Ной Рамишвили во время дискуссии, — отмечал С. Талаквадзе, — демагогически назвал Коба <…> агентом правительства, шпионом-провокатором» [36]. Если бы лидер грузинских меньшевиков имел на руках соответствующие доказательства, он обязан был не только привести их, но и потребовать партийного расследования выдвинутого им обвинения. А поскольку ничего подобного он не сделал, есть основание думать, что в основе его обвинений лежали лишь подозрения.

Влияние меньшевиков продолжало расти. 14–15 апреля 1905 г. им удалось созвать общекавказскую конференцию и, выразив недоверие Союзному комитету, избрать свое Кавказское бюро РСДРП, которое противопоставило себя Союзному комитету РСДРП [37]. Так возникли два общекавказских руководящих центра социал-демократического движения, и между ними развернулась борьба за влияние.

Чиатурский бастион большевизма

Сразу же после меньшевистской конференции И. В. Джугашвили отправился в Кутаис. Из Тифлиса он выехал не ранее 18 апреля [1]. По пути сделал остановку в Гори и здесь не ранее 19 — не позднее 20 апреля в доме Элизбара Ревазовича Гогнидзе принял Участие в собрании местной социал-демократической организации. Во время собрания нагрянула полиция, однако хозяину удалось спрятать И. Джугашвили в подвал, куда полиция заглянуть не догадалась [2].

В Гори И. В. Джугашвили оставался недолго. В четверг 21 апреля он уже находился в селении Цхра-Цхаро и здесь участвовал в дискуссии с меньшевиками [3].

«Весной 1905 г., — вспоминал М. Е. Бибинейшвили, — Коба снова приехал в Кутаис. Как только Коба приехал в Кутаис, из Чиатур прибыли рабочие и сообщили Имеретино-Мингрельскому комитету о напряженном положении в Чиатури: они просили о помощи» [4]. Речь шла об активизации меньшевиков. Для того чтобы не допустить переход организации под их руководство, в Чиатуры были направлены сначала А. Г. Цулукидзе, затем И. Джугашвили [5].

«В апреле 1905 г. или в начале мая, — писал Георгий Нуцубидзе, — приехал товарищ Сталин… Он остановился в доме Джакели, где в верхнем этаже помещался комитет Чиатурской большевистской партийной организации, а в подвале — нелегальная типография, и жил там до отъезда из Чиатур. Только в опасные моменты, когда нужно было скрываться от полиции, он покидал эту квартиру и переходил к кому-нибудь из товарищей. В

один из таких переходов он жил у меня в течение двух или трех недель» [6].

Обосновавшись на новом месте, И. В. Джугашвили направил письмо за границу в большевистский центр:

«Я опоздал с письмом, товарищ. Не было ни времени, ни охоты писать. Пришлось все время разъезжать по Кавказу, выступать на дискуссиях, ободрять товарищей и т. д. Поход был повсеместный со стороны меньшевиков, и надо было дать отпор. Людей у нас почти не было (и теперь очень мало, в два-три раза меньше, чем у меньшевиков), и приходилось работать за троих… Положение дел у нас таково. Тифлис почти целиком в руках меньшевиков. Половина Баку и Батума тоже у меньшевиков. Другая половина Баку, часть Тифлиса, весь Елисаветполь, весь Кутаисский район с Чиатурами (марганцепромышленный район, 9–10 тыс. рабочих) и половина Батума у большевиков. Гурия в руках примиренцев, которые решили перейти к меньшевикам. Курс меньшевиков все еще поднимается».

Письмо было начато 29 апреля, закончено 8 мая 1905 г. [7].

Один из первых шагов, который сделал И. Джугашвили в Чиатурах, был связан с созданием местной типографии. «В 1905 г., — вспоминала Мария Белиашвили, — кажется, весной… к нам пришли тов. Сталин и С. Инцкирвели», они осмотрели дом, а через некоторое время принесли типографский станок и устроили в сарае типографию. В ней работали С. Инцкирвели, П. Галдава и В. Бакрадзе, помогал человек, приехавший из Тифлиса [8].

Причастность И. В. Джугашвили к созданию нелегальной типографии в Чиатурах подтверждает и Дементий Шервадзе: «Под руководством… тов. Кобы была устроена в Чиатурах нелегальная типография в удобном подвале дома И. Белиашвили. В типографии работали Пация Галдава, С. Инцкирвели, мой зять Белиашвили, моя сестра и я» {9}.

Обосновавшись в Чиатурах, И. В. Джугашвили не только выезжал в разные места Кутаисской губернии, но и неоднократно бывал в самом Кутаисе.

В 1905 г. «Имеретино-Мингрельский комитет в Кутаисе имел хорошо законспирированную типографию в одном из окраинных районов Кутаиса, в подвале дома землемера Васо Гогиладзе». Управлял ею Барон (Б. Бибинейшвили). Листовки писали И. Джугашвили и С. Кавтарадзе {10}.

Одним из эпизодов борьбы большевиков за влияние в Имеретино-Мингрельской организации РСДРП стала губернская конференция, которая прошла в мае 1905 г. в Кутаисе в доме Иосифа Павловича Гветадзе. На этой конференции присутствовал и И. В. Джугашвили {11}.

27 апреля закончился III съезд РСДРП {12}. Присутствовавший на нем М. Г. Цхакая вернулся на Кавказ только в начале июня {13}. Его возвращение совпало со смертью от туберкулезного менингита А. Г. Цулукидзе. Он умер 9 июня. 12-го состоялись его похороны, в которых, по некоторым данным, участвовало около 50 тыс. человек. Таких похорон Грузия не знала. Гроб с телом на руках под пение «Марсельезы» и некоторых других революционных песен несли из Кутаиса до Хони. Ничего подобного еще год назад нельзя было даже пред-

ставить [14]. За гробом шли товарищи А. Г. Цулукидзе по партии, в том числе те, кого давно разыскивали жандармы. Среди них находился и И. Джугашвили.

После похорон в Хони состоялось несколько дискуссий между большевиками и меньшевиками. Они продолжались не менее трех дней и проходили в домах Д. Кацаравы, П. Кикалейшвили и Б. Мдивани. В центре обсуждения находились решения Лондонского съезда и Женевской конференции РСДРП. И. В. Джугашвили тоже участвовал в этих спорах [15].

Не ранее 16 июня И. В. Джугашвили и М. Г. Цхакая отправились в Кутаис. Здесь последний на заседании Имеретино-Мингрельского комитета сделал доклад о съезде, который, рассмотрев сложившееся в стране положение, констатировал, что развитие событий открывает перспективу свержения монархии, поэтому съезд призвал членов партии готовиться к решающей схватке со старой властью. Важнейшее значение в этом отношении придавалось подготовке всеобщей политической стачки и вооруженного восстания [16]. Под руководством И. В. Джугашвили в Чиатурах активизируется создание отрядов красных сотен. «По инициативе Сосо, — вспоминал В. Киасашвили, — мы приступили к организации чиатурского большевистского отряда», его командиром стал В. Киасашвили [17].

В июне — августе 1905 г. И. В. Джугашвили находился в постоянных разъездах. Вот только некоторые факты, свидетельствующие об этом: в июне он посетил селение Худистави, затем мы видим его в Гурии, в селениях Гоми и Цители Мта Шемокмерской волости [18], «в первых числах августа» он выступал на митинге в селе Парцхва, затем — в Чохатаури, где провел «прибли-

зительно десять дней», в середине августа побывал в Батуме {19}.

А пока И. В. Джугашвили разъезжал по Восточной Грузии, в Баку снова обострились армяно-татарские противоречия, 20 августа начались столкновения, 22-го запылали нефтяные промыслы.

Позднее газета «Баку» писала: «Сгорели целиком с конторами: Каспийское товарищество, Руно, Тумаев, Ар[м]алуйс, Манташев (у Манташева целиком завод на Забрате), Питоев, Мирзоев, Красильников, Меликов, Арамазд, Адамов, Тер-Акоповы, завод „Ватан", Ширван, Кавказское товарищество, Кавказ, Соучастники, Радуга, Петроль, Балаханское общество, князь Гагарин, Гальперин и много других мелких фирм», «у „Братьев Нобель" осталось две трети; Каспийско-Черноморское общество — половина, Московско-Кавказское общество1 отделалось легко: сгорели только четыре буровые вышки, а остальное все осталось, Бенкендорф не пострадал, у Воронцова-Дашкова сгорело 6–7 вышек… фирма Хальфи пострадала мало, у Шибаева и компании осталась половина промысла. Остались целиком в Романах „Поляк" и механический завод Строзера. Не тронуты фирмы Мусы Нагиева и Асадулаева. Также остались целиком в Романах механические заводы Биеринга, общества „Мотовилиха"… Сгорели „Тифлисское товарищество", Товарищество „Набат", Шихово, Милов-Таиров, Зубалов, завод Хатисова… Английские фирмы Олеум, Шибаев (Кубань) тоже пострадали, но меньше» {20}.

По некоторым данным, погибла половина вышек, в результате чего добыча нефти сократилась почти вдвое, и восстановить прежний уровень до 1917 г. так и не удалось {21}.

Не позднее 26–27 августа в предместье Кутаиса в усадьбе И. Чконии под председательством М. Г. Цхакаи и при участии И. В. Джугашвили состоялась новая конференция Имеретино-Мингрельской организации РСДРП {22}, после которой И. В. Джугашвили отправился в Тифлис. Здесь на 29 августа в здании городской управы было назначено собрание представителей тифлисской общественности с целью обсуждения утвержденного Николаем II Положения о так называемой Булыгинской думе. Социал-демократы не только пришли на это собрание сами, но и привели рабочих. Для их удаления из зала были вызваны городовые и казаки. В результате произошедшего столкновения погибли около 100 человек {23}.

«Помню, — вспоминал Артем Торозов, — как спустя два дня после расстрела полицейскими рабочих в Тифлисской городской думе (т. е. около 31 августа. — *А.О.*) у меня на квартире собрались во главе с товарищем Сталиным Степан Шаумян, Михаил Бочаридзе, Михо Чодришвили, Захар Чодришвили, Петр Монтин и ряд других товарищей. По предложению тов. Сталина было решено выпустить листовку по поводу злодейского убийства рабочих» с призывом к забастовке протеста {24}.

После совещания у А. Торозова И. В. Джугашвили снова отправился в Кутаисскую губернию. «В начале сентября 1905 г., — вспоминал Михаил Евктимович Бибинейшвили, — мы поехали в Зестафони: Коба, Павел Сакварелидзе (Большой Павел), Андро Бебурашвили, Павел Масалкин» {25}. Начало осени И. В. Джугашвили тоже провел в разъездах по Кутаисской губернии, побывав в селениях Кацхи, Ргани, Цхра-Цхаро, Чиатури и некоторых других {26}.

В это же время большевиками была сделана попытка ограбления кутаисского цейхгауза. «В начале сентября 1905 г., — говорится в биографической справке о М. А. Гогуадзе, — вместе с Захарием Чодришвили, Маро Бочаридзе, Бабе Лошадзе [он] отправился с Кутаис с заданием снять в аренду дом, расположенный против военного цейхгауза, устроить подкоп и вынести из цейхгауза 2000 винтовок. Подкоп был начат, но не доведен до конца вследствие неблагоприятных почвенных условий» {27}.

Одним из руководителей этой операции был И. В. Джугашвили {28}.

В сентябре 1905 г., когда борьба вокруг вопроса о власти стала приобретать особую остроту, большевики и меньшевики приняли решение о необходимости преодоления раскола в партии и объединении своих усилий против общего политического противника — самодержавия. Ожесточенная конфронтация между Советом Кавказского союза и Кавказским бюро РСДРП стала затихать, появилась возможность сотрудничества между ними. В этих условиях И. В. Джугашвили вернулся в Тифлис {29}.

Есть основание предполагать, что здесь он нашел приют на Фрейлинской улице в доме № 3. В рассматриваемое время часть этого дома снимала семья Сванидзе {30}. Она состояла из трех сестер — Александры, Като и Машо, их брата Александра и мужа Александры Михаила Монаселидзе. Сестры Сванидзе имели швейную мастерскую, которая располагалась в этом же доме и пользовалась в Тифлисе известностью {31}.

М. М. Монаселидзе, с которым И. В. Джугашвили был знаком по семинарии, писал: «В 1904 г. я женился на старшей дочери Сванидзе Александре (Сашико) и взял квартиру на Фрейлинской улице, № 3 в д. Байсогулова. Наша квартира была расположена со стороны двора и смотрела во двор Закавказского военного штаба» {32}. «Жена моя Александра и сестра ее Като были известными во всем городе портнихами. Кто только не ходил к ним шить платья. Приходили жены генералов, крупных чиновников канцелярии наместника, жены офицеров и тому подобных лиц, которых во время примерок сопровождали их мужья. Поэтому наша квартира была гарантирована от всяких подозрений со стороны полиции» {33}.

«Как-то мой шурин (Александр Семенович Сванидзе. — *А.О.*), — вспоминал Михаил Монаселидзе, — отозвал меня в сторону и сообщил, что желает привести к нам на ночевку товарища Сосо Джугашвили, он просил ничего не говорить пока об этом его сестрам. Я был согласен. С этой поры товарищ Сталин начал проживать в нашей квартире. Это было в 1905 г. Сюда к нему приходили Камо, Миха Бочаришвили, Миша Давиташвили, Г. Елисабедашвили, Г. Паркадзе и время от времени М. Цхакая, Ф. Махарадзе, С. Шаумян и др.» {34}.

ПРИМЕЧАНИЯ

Возвращение

[1]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Зимнее движение 1903–1904 гг. СПб., 1903.

[2]В воспоминаниях этот факт датируется по-разному. Одни авторы относят возвращение И. В. Джугашвили в Тифлис к январю, другие — к февралю 1904 г.

[3]*Pein R.*The Rise and Fall. N.Y., 1965. P. 102.

[4]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3453. Л. 3–4; РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 72, 121–122; ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1904. Д. 625–25. Л. 1–2.

[5]Там же.

[6]Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. С. 161.

[7]РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

[8]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с партийными организациями. 1903–1905 гг. Т. 2. М., 1975. С. 114–115.

[9]*Аллилуев С. Я.*Пройденный путь. М., 1946. С. 108–109.

[10]Там же.

[11]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 7 об. (Ф. Гогоберидзе).

[12]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 215 (Н. Сихарулидзе).

[13]Там же. Д. 52. Л. 147 (И. Цивцивадзе).

[14]Там же. Д. 43. Л. 215 (Н. Сихарулидзе).

[15]Там же. Л. 215–216.

[16]Там же. Л. 216.

[17]Гори. Д. 227. Л. 4 (В. М. Джибути).

[18]Заря Востока. 1937. 10 янв.

[19]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 38. Л. 284 (К. Осепашвили).

[20]Там же. Д. 43. Л. 216 (Н. Сихарулидзе).

[21]Там же

[22]Заря Востока. 1936.17 нояб. (В. Ломджария); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 31. Л. 34 (В. Ломджария-Джавахидзе).

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 34. Л. 401 (И. Мшвидабадзе); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 43 (И. Мшвидабадзе).

[24]ГФ ИМЛ. Ф. 2914. Оп. 2. Д. 4. Л. 53 (Ф. Махарадзе).

[25]Там же. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 6. Л. 231 (Н. Богучава).

[26]Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 г. Иркутск, 1904. С. 67, 153.

[27]Там же.

[28]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Зимнее движение 1903–1904 гг. СПб., 1903.

[29]Там же.

[30]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 537. Л. 2 (М. Успенский).

[31]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 21 (Д. Вадачкория).

[32]Батумская демонстрация 1902 г. [1-е изд.]. М., 1937. С. 140–141; [2-еизд.]. М., 1937. С. 112. (Д. Вадачкория).

[33]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 216–217 (Н. Сихарулидзе).

[34]Там же. Д. 44. Л. 5 (Г. С. Согорошвили).

[35]Там же. Л. 5–6.

[36]Там же. Л. 6.

[37]Там же. Л. 3–5.

[38]Там же. Л. 67–68 (Г. С. Согорошвили).

[39]Там же. Д. 26. Л. 225–226 (Г. Кобулашвили).

[40]Там же. Д. 7. Л. 21 (Д. Вадачкория); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 537. Л. 2 (М. Успенский).

[41]ГФ ИМЛ. Ф. 2914. Оп. 2. Д. 4. Л. 53.

[42]Там же. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 217 (Н. Сихарулидзе).

[43]*Антонов-Овсеенко А. В.*Сталин без маски. М., 1990. С. 365.

[44]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 537. Л. 2 (М. Успенский).

[45]Там же. Д. 655. Л. 43–44 (И. Мшвидабадзе).

[46]Неопубликованные материалы из биографии Сталина // Антирелигиозник. 1939. № 12. С. 18 (Мария Зааловна Катиашвили).

[47]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 25. Л. 65 (В. Кецховели).

[48]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 54. Л. 17 (М. Цхакая).

[49]Там же.

[50]Там же. Л. 17–18.

[51]Рассказы о великом Сталине. Кн. 2. Тбилиси, 1941. С. 27–32 (Н. Н. Аладжалова); См. также: *Аладжалова Н. Н.*Из большевистского подполья. Тбилиси, 1963.

[52]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 54. Л. 18 (М. Цхакая).

[53]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 32–55.

[54]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2667. Л. 1–2.

[55]Там же. Ф. 157. Оп. 1. Д. 54. Л. 18 (М. Цхакая).

[56]О том, как это произошло, см: РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1.Д. 181. Л. 6 (автобиография В. Е. Бибинейшвили).

[57]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 19. Л. 22–23 (С. И. Кавтарадзе).

[58]*Барон*(*Бибинейшвили*). За четверть века. Революционная борьба в Грузии. М.; Л., 1931. С. 80.

[59]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 19. Л. 22–23 (С. И. Кавтарадзе).

[60]*Барон*(*Бибинейшвили*). За четверть века. Революционная борьба в Грузии. С. 80–82.

В преддверии 1905 года

[1]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 54. Л. 19 (М. Цхакая).

[2]*Цхакая М. Г.*Избранные произведения. Тбилиси, 1987. С. 354.

[3]РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 37, 40, 67, 153.

[4]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг. М., 1975. Т. 2. С. 432.

[5]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 7 (Ц. С. Зеликсон-Бобровская).

[6]Там же.

[7]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 5. Л. 81–83 (Г. Ф. Бердзеношвили).

[8]Там же. Л. 83.

[9]Там же. Д. 48. Л. 166–167 (А. О. Туманян).

[10]*Стригунов И.*Исторические места города Баку, связанные с революционной деятельностью И. В. Сталина. Баку, 1949. С. 39.

[11]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 47. Л. 88 (Г. Такоишвили).

[12]Там же. Д. 50. Л. 6–11 (Алексей Максимович Хацава).

[13]Там же. Д. 7. Л. 239 (И. Вачарадзе).

[14]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 45–46 (И. Мшвидабадзе).

[15]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1903–1905. Т. 2. С. 423.

[16]Там же. С. 440–441.

[17]Там же. Т. 3. С. 54, 624.

[18]*Цхакая М. Г.*Избранные произведения. Тбилиси, 1987. С. 355–356.

[19]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1903–1905. Т. 3. М., 1977. С. 54, 606.

[20]Там же. Т. 2. С. 512–513.

[21]Там же. Т. 3. С. 45.

[22]Там же. С. 52–54.

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 45. Л. 10 (Д. Сулиашвили).

[24]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 52–54; *Костышин Д. Н.*«Небольшое письмецо» из громадной фабрики лжи (к истории фальсифицированной переписки Ленина со Сталиным) // Кентавр. 1992. № 5–6. С. 68–79.

[25]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 48. Л. 109 (Артем Торозов); См. также: Гори. Д. 175. Л. 4 (А. Торозов).

[26]*Бибинейшвили Б.*Камо. М., 1934. С. 63.

[27]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг. Т. 3. С. 215–222; *Москалев М. А.* Большевистские организации Закавказья периода Первой русской революции и в годы столыпинской реакции. М., 1940. С. 72; *Таратута В. К.*Канун революции 1905 г. на Кавказе (из воспоминаний) // Заря Востока. 1925. 19 дек.

[28]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг. Т. 3. С. 215–222; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 226–227 (М. Чодришвили).

[29]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1903–1905 гг. Т. 3. С. 218.

[30]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 5–11-Б. Л. 29.

[31]Там же.

[32]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 203–204 (Б. Кекелидзе).

[33]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 4. Л. 93–94 (Виктор Бакрадзе).

[34]Материалы по истории профдвижения бакинских нефтепромышленных рабочих. Вып. 1. Баку, 1925. С. 13.

[35]Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 140; *Зейлидзон Д.*Шендриковщина в Баку // Старый большевик (Сб. 2). М., 1932. С. 194–203.

[36]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 7. Л. 90 (П. И. Бочаров).

[37]Материалы по истории профдвижения бакинских нефтепромышленных рабочих. Вып. 1. С. 13.

[38]Бакинская стачка 1904 г.: Сборник документов. М., 1940. С. 86–87.

[39]Там же. С. 21.

[40]Материалы по истории профдвижения бакинских нефтепромышленных рабочих. Вып. 1. С. 14.

[41]Бакинская стачка 1904 г. С. 109–112; Рабочее движение в Баку в годы Первой русской революции: Документы и материалы. Баку, 1956. С. 34–36.

[42]Правда. 1939. 26 дек.

[43]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 9–11 (Ц. С. Зеликсон-Бобровская).

[44]Там же. Л. 10–11.

[45]Там же. Л. 9.

[46]Там же.

[47]*Шилов Д. Н.*Государственные деятели Российской империи. 1802–1917 гг. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 593.

[48]*Ганелин Р. Ш.*Российское самодержавие в 1905 г.: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 9–23.

[49]*Шацилло К. Ф.*Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 290–292.

[50]Там же. С. 293.

[51]Там же. С. 294.

[52]ГАРФ. Ф 102.ОО. 1904. Д. 1250–3. Л. 109.

[53]Там же. Л. 110–111.

[54]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 59–61 (А. Закомолдин).

[55]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 1250–3. Л. 110–112.

Раскол Кавказского союза

[1]*Кавторин В. В.*Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 г. Л., 1992; *Ксенофонтов И. Н.*Георгий Гапон: вымыслы и правда. М., 1996.

[2]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903–1905 гг. Т. 3. С. 459–461.

[3]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 189. Л. 15.

[4]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 4. Ч. 8. Л. 15.

[5]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 320. Л. 2.

[6]Там же. Л. 2 об.

[7]Там же.

[8]Там же. Л. 1–2.

[9]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 2396. Ч. 3 (за 1904 г.) и 7 (за 1905 г.).

[10]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 602. Л. 2.

[11]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 5–11-А. Л. 218.

[12]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 113.

[13]Там же. Л. 114.

[14]Там же. Оп. 1. Д. 772/4. Л. 17; Оп. 5. 205. Л. 15.

[15]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 5–11—Б. Л. 39.

[16]Там же. 1905. Д. 4. Ч. 8. Л. 15–19.

[17]Там же. Л. 38–38 об.

[18]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1905–1907 гг. Т. 1.Кн. 1.М., 1979. С. 273.

[19]*Бибинейшвили Б.*Камо. С. 70.

[20]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 5–11—Б. Л. 98.

[21]Авлабарская нелегальная типография: Сборник материалов и документов. Тбилиси, 1954. С. 78–79. 4 февраля Кавказский союзный комитет выступил со специальным обращением «К организованным рабочим г. Тифлиса» (Листовки Кавказского союза РСДРП. 1903–1905 гг. М., 1955. С. 268–270).

[22]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 5–11-Б. Л. 98.

[23]Кавказская хроника // Новое обозрение. 1905. 8 февр.

[24]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 583. Л. 13–14.

[25]Там же. Л. 17.

[26]Там же. Л. 45.

[27]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. С. 85.

[28]Там же.

[29]Там же. С. 84–88; *Бибинейшвили Б.*Камо. С. 80–81.

[30]Гори. Д. 49. Л. 5 (И. Боков). 3 марта М. Лядов еще был в Саратове (Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905–1907 гг. Т. 1.Кн.2. С. 126), а 5 марта Гусев уже упоминал его встречу с «бакинским цекистом» (Там же. С. 138).

[31]Гори. Д. 39/2. Л. 18–19 (Г. Ф. Бердзеношвили); *Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 89–130.

[32]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1905–1907 гг. Т. 1. Кн. 1. М., 1979. С. 330; Кн. 2. М., 1979. С. 228–235.

[33]Третий съезд РСДРП: Протоколы. С. 8.

[34]Первая общерусская конференция партийных работников. Женева, 1905.

[35]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 5–11—Б. Л. 91, 98.

[36]*Талаквадзе С.*К истории Коммунистической партии Грузии. Ч. 1: Два периода. Тифлис, 1925. С. 118.

[37]Там же. С. 117–118.

Чиатурский бастион большевизма

[1]По воспоминаниям Тото Одишвили, в 1905 г. он видел И. В. Джугашвили в Тифлисе «на второй день после Пасхи» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 198), которая отмечалась 17 апреля.

[2]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 8. Л. 99–101 (Э. Р. Гогнидзе). По свидетельству Г. Тарханова, весной 1905 г. И. В. Джугашвили принимал участие еще в одном собрании, которое проходило в Гори на квартире Алимбарошвили (Заря Востока. 1939. 21 дек.).

[3]Рассказы о великом Сталине. Кн. 2. Тбилиси, 1941. С. 51–52.

[4]Гори. Д. 43/1. Л. 2 (М. Е. Бибинейшвили).

[5]Там же.

[6]Гори. Д. 509. Л. 1 (Г. Нуцубидзе).

[7]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1905–1907 гг. Т. 2. Кн. 1. М., 1982. С. 294.

[8]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 16–17 (М. Белиашвили); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 5. Л. 37–38 (М. Белиашвили).

[9]Гори. Д. 445. Л. 4 (Д. Шервадзе).

[10]Там же. Д. 43/1. Л. 4–5 (М. Е. Бибинейшвили).

[11]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 8. Л. 233 (И. П. Гветадзе).

[12]Третий съезд РСДРП: Протоколы. С. 446.

[13]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 54. Л. 18 (М. Цхакая).

[14]*Ш. М.*Александр Григорьевич Цулукидзе // Черноморский вестник. 11 июня.

[15]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 4. Л. 166 (Виктор Бахтадзе); Д. 23. Л. 21–22 (К. Кацарава).

[16]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 54. Л. 18 (М. Цхакая).

[17]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 25. Л. 289 (Вано Киасашвили).

[18]Там же. Д. 50. Л. 34–38 (С. Худиставели); Гори. Д. 275. Л. 1–2, (Л. А. Меквабишвили); Д. 463. Л. 2 (В. Читошвили).

[19]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 124–126. (С. Цинцадзе).

[20]Баку. 1905. 27 августа и 1 сентября.

[21]Справочная книжка по нефтяной промышленности на 1925. Баку, 1925. Отд. III. С. 203–206; Отчет о ревизии сенатором Кузьминским Баку и Бакинской губернии в 1905 г. // РГИА. Ф. 1535. Оп. 1. Д. 1. 685 с.

[22]Гори. Д. 43/1. Л. 2 (М. Е. Бибинейшвили). Начавшаяся на конференции дискуссия была продолжена с участием И. В. Джугашвили в доме Исидора Гветадзе (там же).

[23]*Бадриашвили Я.*Тифлис в 1905 г. Тифлис, 1926. С. 74; *Лейберов И. Я.*Цебельдинская находка. С. 221–222.

[24]Гори. Д. 175. Л. 3 (А. Торозов).

[25]Там же. Д. 43. Л. 4 (М. Е. Бибинейшвили).

[26]Там же; Д. 54. Л. 57 (Мелитон Чинкветадзе).

[27]ГИАГ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1288. Л. 31.

[28]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 30. Л. 46.

[29]*Русов А.*Письмо // Знамя. 1987. № 9. С. 135.

[30]Гори. Д. 287/1. Л. 8 (М. Монаселидзе).

[31]Родственные связи первой жены Сталина (беседа с Р. М. Монаселидзе) // Из глубины времен. Вып. 7. СПб., 1997. С. 189–196.

[32]Гори. Д. 287/1. Л. 8 (М. М. Монаселидзе).

[33]Там же. Л. 9.

[34]Там же.

ГЛАВА 5. ПРИОБЩЕНИЕ К ПАРТИЙНОЙ ЭЛИТЕ

На пути к объединительному съезду

Осень 1905 г. характеризовалась дальнейшим обострением политического кризиса. В начале октября в массы был брошен лозунг всеобщей политической стачки, которая началась в ночь с 6 на 7 октября на Московско-Казанской железной дороге, а затем охватила всю страну, в том числе Закавказье.

13 октября в Тифлисе состоялось общегородское собрание партийного актива, на котором присутствовали и меньшевики, и большевики. Собрание попыталось выработать единую линию поведения в разворачивавшихся событиях. Среди его участников был и И. В. Джугашвили {1}.

17 октября 1905 г. Николай II вынужден был пойти на уступки и подписать Манифест, в котором содержалось обещание предоставить Государственной Думе законодательные права, а также провозглашались свобода совести, слова, собраний, союзов и неприкосновенность личности.

И хотя после этого всеобщая стачка пошла на спад, политическая борьба не только не затихла, а даже, наоборот, приобрела более острый характер. 18 октября в Баку и Тифлисе прошли массовые демонстрации. 19-го и в том, и в другом городе были сделаны попытки освобождения арестованных. Затем прошли организованные контрдемонстрации, в результате которых пролилась кровь [2].

Известие о Манифесте 17 октября И. В. Джугашвили встретил в Тифлисе, здесь 18-го он принимал участие в одном из массовых митингов [3], затем мы видим его в Баку, где он оказался очевидцем кровавых столкновений на улицах города [4].

Если до этого создание боевых дружин происходило тайно, в октябрьские дни открыто был выдвинут лозунг организации отрядов самообороны, или же «красных партизан». «Главными вдохновителями их, — писал С. Талаквадзе, — были оказавшиеся в меньшинстве в Объединенном комитете лидеры большевиков Коба — Сталин, Миха Цхакая, Ф. Махарадзе, М. Бочаридзе, Б. Мдивани и другие. Среди руководителей был также лидер меньшевиков Сильвестр Джибладзе», «организаторами и техническими руководителями отряда были: Арсен Джорджиашвили, Котэ Цинцадзе, Камо, Миха (Володя) Хутулашвили, Степко Инцкирвели, Вано Каландадзе, Фо-

ма Чубинидзе, Элисо Ломинадзе, Коция Чачава, Н. Аладжалова, Пация Галдава и другие» {5}.

Важным завоеванием октябрьской стачки была легализация партийной печати. В этом отношении особенно показательна история с «Кавказским рабочим листком». Рассказывая о его появлении, Ашот Хумарян, который до этого работал в Баку в общепартийной типографии «Нина», писал:

«Приехав в Тифлис, я встретился с одним моим знакомым, газетным работником, который предложил мне взять в свои руки издававшийся либеральным гласным городской думы Тамамшевым „Кавказский листок". Я решительно отказался… Спустя некоторое время я встретился с товарищами Сталиным и Шаумяном и в разговоре в шутливом тоне рассказал им о сделанном предложении. Сталин и Шаумян, против моего ожидания, обратили на это предложение очень серьезное внимание… В тот же день состоялось партийное совещание, и по инициативе товарищей Сталина и Шаумяна мне было предложено воспользоваться предложением и „двинуть дело". Соглашение было достигнуто довольно быстро, газета переименовалась в „Кавказский рабочий листок"» {6}.

Первый номер этой газеты со статьей И. В. Джугашвили вышел 20 ноября 1905 г. В объявлении о ее издании открыто говорилось, что она представляет собой печатный орган социал-демократии {7}. Факт еще совсем недавно совершенно немыслимый.

26 ноября в Тифлисе открылась конференция Кавказского союза РСДРП. Она работала пять дней и завершилась 30 ноября принятием решения о необходимости прекращения фракционной борьбы между большевиками

и меньшевиками и избранием делегатов на IV объединительный съезд партии. Ими стали Иосиф Джугашвили, Петр Монтин и Георгий Телия [8].

Съезд был назначен на 10 декабря в Петербурге с явкой в редакции газеты «Новая жизнь», причем делегатам предлагалось собраться к 8-му числу [9]. Между тем 2 декабря «Новая жизнь» опубликовала «Финансовый манифест» Петербургского Совета рабочих депутатов, содержавший призыв к борьбе с правительством. В тот же день последовало решение о ее закрытии. 3 декабря почти в полном составе оказался за решеткой Совет рабочих депутатов.

В сложившейся обстановке Организационный комитет принял решение о переносе съезда из Петербурга в небольшой финский городок Таммерфорс.

Видимо, уже после этого местные организации получили новую явку. «Для писем, телеграмм и для приезда, — доносил один из секретных сотрудников царской охранки, — дана явка: Загородный проспект, д. 9, кв. 8 [37]. Явка дана для всех делегатов» [10].

Чтобы успеть к назначенному времени, Иосиф Джугашвили, Петр Монтин и Георгий Телия должны были уехать из Тифлиса не позднее 4 декабря.

О прекращении издания «Новой жизни» и аресте Петербургского Совета рабочих депутатов И. В. Джугашвили, вероятнее всего, узнал уже в пути. Поэтому, прибыв в Петербург и посетив редакцию «Новой жизни», он оказался у закрытых дверей.

Выйдя на Невский проспект, И. В. Джугашвили неожиданно встретил своего знакомого Ивлиана Куколаву. И хотя на квартире последнего хранилось оружие и по

правилам конспирации сюда никого нельзя было приводить, он дал приют своему земляку. «Два с половиной дня, — вспоминал И. Куколава, — он прожил у меня и, возобновив явку», уехал в Таммерфорс [11].

Делясь своими воспоминаниями, П. Ф. Куделли писала: «Прежде всего нужно было приехать на явку в Петербург на Колпинскую улицу, где приезжих делегатов принимали Надежда Константиновна Крупская и Лидия Михайловна Книпович. Они обменивали удостоверения от местных комитетов на делегатские мандаты и снабжали, кто нуждался, небольшой суммой денег на дорогу» [12].

Из Петербурга делегаты тремя группами выехали на станцию Райвола. Здесь они собрались вместе и отправились в город Таммерфорс. Многие организации по разным причинам не прислали своих делегатов, поэтому вместо съезда было решено провести общепартийную конференцию, которая по своему составу оказалась большевистской. Она проходила с 12 по 17 декабря 1905 г. [13]Среди участников конференции оказался провокатор, по сведениям которого на конференции присутствовал 41 делегат [14].

В 1930 г. Г. Крамольниковым была опубликована специальная статья, в которой он сделал попытку определить круг участников Таммерфорсской конференции. «Пока, — писал он, — удалось из 41 участника установить точно фамилии 36 товарищей (25–27 из них здравствуют и теперь)». Но почему-то к статье был приложен список, включавший только 35 человек:

1. Горев (Леонтьев) — Петербург. 2. Цыцарин — Петербург. 3. Радус-Зенькович — Николаев. 4. Сафронов — Николаев. 5. Старцев К. Н. — Таганрог. 6. Куделли П. Ф.

(Тетенька) — Тула. 7. Фролов А. — Тула. 8. Квиткин О. О. (не приехал). 9. Сталин (Иванович) — Тифлис. 10. Телия Георгий — Тифлис. П. Буланов А. И. — Тверь. 12. Мостовенко П. Н. — Тверь. 13. КибардинА. В. — Уфа. 14. Мельситов П. М. (Воронов) — Саратов. 15. Сережников В. К. — Саратов. 16. Бородин (Кирилл) — Рига. 17. Васильев Н. С. — Тамбов. 18. Лозовский — Казань. 19. Алуф (Адашев) — Казань. 20. Рейснер М. А. — Нарва. 21. Муггу М. — Нарва. 22. Сибуль (Иван Народный) — Нарва. 23. Ярославский (Емельянов-Медведев) — Ярославль. 24. Горбачев В. А. — Вятка. 25. Невский В. И. — Воронеж. 26. Большаков Д. Г. — Воронеж. 27. Баранский Н. Н. — Сибирь. 28. Агарев (Павел) (опоздал) — Самара. 29. Мостаев (Коночкин) (опоздал) — Самара. 30. Ленин. 31. Крупская Н. К. 32. Красин Л. Б. 33. Румянцев П. П. 34. Книпович А. М. (Дяденька). 35. Фридолин (Варенька) {15}.

Кроме того, имеются сведения, что в конференции участвовали: 36. Багаев М. А. 37. Павлов Д. 38. Мартов Ю. О. 39. Гуревич Э. Л. (Смирнов, Даневич). 40. Свердлов Я. М. — Пермь и 41. Правдина [38]— Пермь {16}.

На конференции И. В. Джугашвили (здесь он выступал под фамилией Иванович) обратил на себя внимание уже тогда, когда ему было предоставлено слово для сообщения о положении дел на Кавказе. После этого конференцией, по предложению В. И. Ленина была принята резолюция «По поводу событий на Кавказе», в которой содержалась высокая оценка деятельности Кавказского союза РСДРП {17}.

И. В. Джугашвили привлек к себе внимание и при обсуждении вопроса об отношении к Государственной

Думе. Как вспоминала П. Ф. Куделли, его обсуждение началось с рассмотрения плана избирательной кампании, предложенного президиумом конференции. В соответствии с этим планом, авторство которого принадлежало меньшевикам, предполагалось участие РСДРП на двух первых этапах выборов и бойкот последнего, заключительного этапа. Меньшевики считали необходимым использовать губернские коллегии выборщиков не для выборов депутатов Государственной Думы, а для избрания членов Учредительного собрания, которое, по их замыслу, должно было собраться явочным порядком и объявить себя высшим органом власти в стране {18}.

Этот план уже был подвергнут критике в большевистской печати, в том числе и со стороны В. И. Ленина. Но организаторы Таммерфорсской конференции вынесли его на обсуждение, по всей видимости, в качестве компромисса с меньшевиками. Когда начались прения по данному вопросу, И. В. Джугашвили резко выступил против предложенного плана избирательной кампании. После его выступления в зале воцарилась тишина. Все взоры устремились на В. И. Ленина. Неожиданно для многих он поддержал Ивановича {19}. В результате этого И. В. Джугашвили вместе с Л. Б. Красиным, В. И. Лениным и Е. Ярославским был избран в комиссию для выработки резолюции конференции по данному вопросу. А принятая резолюция обосновывала необходимость бойкота выборов в Государственную Думу на всех этапах {20}.

Оба эти факта свидетельствуют, что, появившись на общепартийном форуме, И. В. Джугашвили не только сразу же обратил на себя внимание его участников, но и

получил возможность лично познакомиться с В. И. Лениным.

22 декабря, по окончании конференции, в Петербурге (Загородный проспект, д. 9, квартира Ивана Григорьевича Симонова) состоялось узкое совещание, на котором присутствовали делегаты от Воронежа, Казани, Перми, Петербурга, Риги, Тамбова, Твери и Тифлиса. Совещание было посвящено вопросу об объединении с меньшевиками и отношению к Государственной Думе [21]. Персональный состав участников этого совещания неизвестен, а поэтому неизвестно, присутствовал ли на нем И. В. Джугашвили.

Таммерфорсская конференция началась под звуки баррикадных боев, которые произошли во многих городах России. Кто именно был организатором вооруженного выступления рабочих, исходила ли в данном случае инициатива от революционных партий или же все произошло стихийно, в ответ на провокационные действия правительства, мы до сих пор не знаем.

18–24 декабря бои развернулись и на улицах Тифлиса [22]. Позднее двоюродный брат Е. С. Сванидзе К. Т. Двали утверждал, что 24 декабря 1905 г., когда в Тифлисе в районе железнодорожного вокзала еще шла стрельба, Сосо уже находился на квартире Сванидзе. «На четвертый день, — отмечал К. Т. Двали, — тов. Коба уехал в Баку» [23].

Если 24 декабря И. В. Джугашвили уже находился в Тифлисе, то он не мог участвовать в Петербурге 22-го на совещании в квартире И. Г. Симонова, если же он участвовал в этом совещании, то мог добраться до Тифлиса не

ранее 26 декабря. Как именно обстояло дело в действительности, исследователям еще предстоит выяснить.

Требует объяснения и опубликованное в 1925 г. на страницах «Зари Востока» письмо начальника Тифлисского охранного отделения ротмистра Карпова, в котором об И. В. Джугашвили говорилось: «В 1905 г. был арестован, но бежал из-под стражи».

Ранее уже упоминалось о фотографии И. В. Джугашвили, на которой он запечатлен в клетчатом шарфе. Она была датирована 1900 г. и помещена в его «Краткой биографии». Первоначально утверждалось, что ее удалось обнаружить в архиве Тифлисского ГЖУ. Но когда она впервые появилась в печати 22 декабря 1929 г. на страницах «Бакинского рабочего», под нею значилось: «В центре: товарищ Сталин, снятый в 1905 г. в Бакинском губернском жандармском управлении».

Чему же верить?

Как явствует из письма начальника Тифлисского ГЖУ начальнику Бакинского ГЖУ 1908 г., в это время в Тифлисском ГЖУ не имелось ни одной фотографии И. В. Джугашвили {24}. Можно было бы допустить, что фотография 1900 г. была передана в 1902 г. из Тифлисского ГЖУ в Тифлисское розыскное отделение, переименованное позднее в охранное отделение. Однако это допущение опровергается тем, что в 1904 г. Тифлисское охранное отделение тоже не имело ни одной фотографии И. В. Джугашвили. Из этого вытекают два возможных вывода: или данная фотография действительно была извлечена из дел Тифлисского ГЖУ, но относится к периоду после 1908 г., и, следовательно, после 1908 г. в Тифлисе имел место неизвестный нам арест И. В. Джугашвили,

или же фотография была сделана в 1905 г. Бакинским ГЖУ и арест имел место не в Тифлисе, а в Баку.

В архиве бывшего Грузинского филиала ИМЛ хранится рукопись «Даты жизни и деятельности И. В. Сталина». В ней мы можем прочесть: «1906 г., первые числа января, г. Тбилиси. И. В. Сталину, З. Чодришвили и М. Бочаридзе удается скрыться от полиции, явившейся с обыском на квартиру Михаила Бочаришвили (по бывшему Михайловскому проспекту)». При этом дана ссылка на воспоминания М. Чодришвили, изданные в Тифлисе в 1927 г. на грузинском языке [{25}].

В это время Тифлисская организация РСДРП вынесла смертный приговор начальнику штаба Кавказского военного округа генерал-майору Федору Федоровичу Грязнову, под руководством которого в декабре 1905 г. были разгромлены тифлисские баррикады. Покушение готовилось одновременно и меньшевиками, и большевиками [{26}]. Одним из тех, кто участвовал в подготовке покушения, являлся зять Камо — Котэ Цинцадзе [{27}]. Из его воспоминаний следует, что к организации покушения имел отношение И. В. Джугашвили [{28}]. 16 января 1906 г. генерал Ф. Ф. Грязнов был убит меньшевиками [{29}].

Примерно тогда же в жизни Кобы произошло событие, о котором до нас дошли только неясные отголоски. По одной версии, спасаясь от преследования, он пытался вскочить на ходу в конку, но упал и до крови разбил лицо [{30}]. По другой версии, он пострадал, когда «садился в вагон конки у Воронцовского моста», но не потому, что очень спешил, а потому, что «конка столкнулась с повозкой» [{31}]. Ранение было настолько серьезным, что Кобу доставили в Михайловскую больницу

{32}и уже оттуда после перевязки М. Цхакая отвел его на квартиру М. Бочаридзе {33}.

Обе версии вызывают сомнения. Действительно, по сообщениям газет, 13 января 1906 г. у Воронцовского моста произошло столкновение конки с повозкой, но при этом никто не пострадал {34}. Что же касается простого падения при посадке, то трудно представить, чтобы в результате этого можно было получить такое тяжелое повреждение. А у И. В. Джугашвили были раны не только на лице, но и на голове {35}.

Когда его с паспортом Георгия Бердзеношвили устроили на квартире Б. Лошадзе (Гончарная улица), здесь под фамилией Костава скрывался Г. Телия. По свидетельству Б. Лошадзе, через некоторое время к ней на квартиру нагрянула полиция и едва не арестовала И. В. Джугашвили {36}. В этом свидетельстве содержится маленькая неточность. 28 января 1906 г. на квартире Б. Лошадзе появилась не полиция — сюда нагрянул военный патруль.

Из рапорта капитана Квиквидзе:

«В момент обыска Георгий Бердзенов лежал в постели с повязкой на голове, под этой повязкой при осмотре видны были ссадины и кровоподтеки, а правый глаз был совершенно закрыт повязкой. Переплетчик Костава препровожден мною в комендантское управление вместе с найденными книгами, а Георгий Бердзенов в виду его болезненного состояния поручен присутствовавшему околоточному надзирателю 8-го полицейского участка [Войцвеху], которому и передан паспорт Бердзенова» {37}.

По свидетельству Бебе Лошадзе, после того как солдаты удалились, И. В. Джугашвили, ссылаясь на болезнь, отказался идти в полицейский участок, поэтому околоточный надзиратель ушел за подводой, а когда вернулся, больного уже не было [38].

По всей видимости, от М. Бочаридзе И. В. Джугашвили перебрался на квартиру учителя Н. Г. Ахметели (Ахметелишвили) (Тумановская улица) [39]. В пользу такого предположения говорит тот факт, что на квартире Н. Г. Ахметели он появился с пораненным лицом и перевязанной головой [40].

Здесь И. В. Джугашвили пробыл недолго. Об этом свидетельствует то, что в другое место он был переведен все еще с перевязанной головой. Новое убежище он нашел на Давидовой горе у Александра Микаберидзе, с которым Н. Г. Ахметели работал в одной школе [41]. «Но было одно обстоятельство, которое затрудняло наше невольное путешествие с Тумановской на Давидовскую, — вспоминал Н. Г. Ахметели. — Дело было вот в чем. Сосо как-то упал с конки, и лицо у него было разбито, а потому голова и лицо были завязаны башлыком», между тем действовало «распоряжение властей обыскивать на улице всех сомнительных» [42].

Как позднее вспоминал Н. Г. Ахметели, «будучи сторонником вооруженного восстания, он (И. В. Джугашвили. — *А.О.*) все время мечтал о взятии Тифлиса. Я помню это хорошо, как он раздобыл где-то карту Тифлиса и лелеял мысль взять его вооруженными силами» [43].

Об этом свидетельствуют и воспоминания Александра Микаберидзе. Однажды его сын прибежал к нему

и сообщил, что живущий У них «дядя» «играет в солдатики». А. Микаберидзе не поверил этому. Но, придя в комнату, в которой находился И. В. Джугашвили, обнаружил того на полу склоненным над картой Тифлиса и передвигающим по ней оловянных солдатиков. На вопрос хозяина он ответил, что Тифлисская организация РСДРП готовит вооруженное выступление. Для этого создан штаб. «Я, — признался он хозяину квартиры, — назначен начальником штаба». И далее И. В. Джугашвили сообщил, что он «разрабатывает план» восстания и определяет места «на тифлисских улицах», где предполагается «строить баррикады» {44}.

Факт подготовки И. В. Джугашвили плана вооруженного восстания в Тифлисе подтверждается и другими источниками. В частности, это касается воспоминаний Рубена Даштаяна: «В первой половине 1906 г. на меня была возложена обязанность по подготовке рабочих боевых дружин… Нас было пять человек: я, Карапетян, бывший сапер, и три юнкера, уволенные из юнкерского училища за революционную работу. Фамилия одного из юнкеров Мачавариани, он был из Гори… Нами руководил тов. Сосо. В течение 1906 г. у нас было два или три собрания вместе с тов. Сосо. Собирались мы на Фрейлинской улице… Мы обсуждали военные вопросы, намечали пункты на плане города Тифлиса» {45}.

К середине февраля раны на лице и голове должны были зажить, и И. В. Джугашвили снова получил возможность свободно перемещаться по улицам города. Об этом свидетельствует агентурная информация, которая была получена Тифлисским охранным отделением: «26 февраля [И. В. Джугашвили] должен был быть на собрании социал-демократов, предназначенном в доме [Лебедева]

в конце Логинского переулка и в начале Лысогорской улицы, на коем также должны были быть С. Джибладзе, Н. Жордания, Хунхуз, М. Бочаришвили и другие», всего до 30 человек [46].

Через несколько дней охранка получила новое сообщение: «3 марта [И. В. Джугашвили] должен был быть опять на таком же собрании в том же доме [Лебедева], но таковое не состоялось» [47].

Находясь в марте 1906 г. в Тифлисе, И. Джугашвили под псевдонимом И. Бесошвили (т. е. сын Бесо) начал сотрудничать в газетах «Гантиади» («Рассвет») и «Элва» («Молния») [48], издававшихся объединенной организацией РСДРП. 8 марта в № 3 «Гантиади» была опубликована его статья «Государственная Дума и тактика большевиков». 10 марта здесь же, в № 5, появилась статья «Партия независимцев и социал-демократия». 15 марта в газете «Элва» (№ 3) увидела свет статья «Политические хамелеоны», 17 марта в № 5 статья «Еще раз о хамелеонах». Одновременно с этим в № 5, 9 и 10 (17, 22 и 23 марта) была опубликована статья «Аграрный вопрос». 29 марта в № 14 появилось ее продолжение «К аграрному вопросу». В первой статье И. В. Джугашвили обосновывал идею бойкота Думы и необходимость использования непарламентских форм борьбы, в последней — идею раздела помещичьих земель между крестьянами [49].

Все эти вопросы обсуждались на партийной конференции, которая была созвана в марте 1906 г. Началась она в Тифлисе, а была завершена в Баку [50].

По всей видимости, именно в этот приезд И. В. Джугашвили выступил в Баку на одном из собраний, по-

священном предстоявшим выборам в Государственную Думу. «Ясно помню его фигуру, — вспоминала Раиса Моисеевна Окиншевич, — помню, как он был одет: длинное пальто, не совсем бритая борода, характерное острое лицо, весь он острый такой, и пестрый шарф с поперечными полосками, похожий на еврейскую тору, и какой-то котелок на голове» {51}.

Некоторые детали этого описания («пестрый шарф с поперечными полосками, похожий на еврейскую тору») совпадают с изображением И. В. Джугашвили на фотографии, которую принято датировать 1900 г. (фото 18 и 19).

На этой же конференции, по всей видимости, были избраны делегаты на IV объединительный съезд партии. Поскольку в организации полностью преобладали меньшевики, то именно они в основном и были делегированы на съезд.

8 апреля 1906 г. временно исполнявший должность заведующего полицией на Кавказе М. И. Гурович доносил в Департамент полиции: «По агентурным указаниям, на общий социал-демократический съезд делегатами от Тифлиса выехали: от группы меньшинства — интеллигенты Ной Жордания, Георгий Ерадзе, Калистрат Гогуа, рабочие — Степан Паркосадзе, он же Корпусадзе, Лев Золотарев, Калистрат Долидзе и Чубинашвили; от фракции большинства — Михаил Бочаридзе и некий Сосо-интеллигент» {52}.

Обращает на себя внимание то, что почти все делегаты съезда от Тифлиса были названы по фамилиям и только один И. В. Джугашвили обозначен кличкой. Может

быть, тифлисская охранка не догадывалась, кто именно скрывается под этой кличкой?

Нет, догадывалась. В одном из документов Тифлисского охранного отделения того времени мы читаем: «Камо — Цинцадзе Ясе Филиппович, бежал из Батумской тюрьмы и 26 декабря 1904 г. прибыл в Тифлис, где работал вместе с Иосифом Джугашвили (он же, должно быть, Сосо)» {53}.

Догадывалось охранное отделение и о той роли, которую играл Сосо Джугашвили в деятельности местной организации РСДРП. Об этом свидетельствует «Обзор» наблюдения по городу Тифлису с 1 января 1906 г., представленный заведующему полицией на Кавказе 14 марта 1906 г. начальником Тифлисского охранного отделения Ф. А. Засыпкиным. В «Обзоре» отмечалось, что с помощью агентуры удалось установить фамилии «некоторых главарей» Тифлисской организации РСДРП, и далее шел список из 13 человек: Миха Бочаридзе, Евгений Вацадзе, Сильвестр Джибладзе, Иосиф Джугашвили, Ной Жордания, Константин Александрович Знаменский [39], Георгий Караджев, Кирилл Нинидзе, Нестор Тетрадзе, Ирадион Хаситашвили, Миха Цхакая, Степан Георгиевич Шаумян, Эрадзе {54}.

Существует мнение, будто бы вскоре после избрания на съезд И. В. Джугашвили был арестован, находясь под стражей, выдал Авлабарскую типографию, после чего охранка инспирировала его побег, и он сразу же уехал на съезд {55}.

«Закончу, — писал Р. Арсенидзе, — рассказом об аресте Сосо Засыпкиным, который предложил ему стать агентом охранки. Это событие, т. е. арест Сталина, действительно было, и я могу категорически заверить, что

Сосо был отпущен из жандармского управления и в Метехском замке не появлялся. Отправка его в Метехский замок, выстрелы на улице, чуть ли не стоившие ему жизни, и торжественная встреча в тюрьме с аплодисментами — все, о чем Сталин рассказывал в ссылке, — это приятная фантазия самовлюбленного рассказчика. Я в то время сидел в Метехи… Если бы Сосо появился среди нас, мы, безусловно, встретили бы и его аплодисментами, как встречали и других. Но его не было. Его туда не приводили» {56}.

Первоначально этот арест датировался 15 апреля {57}, т. е. тем днем, когда тифлисскими жандармами была обнаружена Авлабарская типография {58}. Однако 10 апреля И. В. Джугашвили уже находился в Стокгольме и присутствовал на открытии IV Объединенного съезда партии {59}. Имеются сведения, что из Тифлиса он выехал 6 апреля {60}. Но для того чтобы к 10 апреля добраться до Стокгольма, из Тифлиса необходимо было выехать не позднее 3–4 апреля. С учетом этого дата ареста И. В. Джугашвили произвольно была сдвинута на 2 апреля по старому стилю, что соответствовало 15 апреля по новому стилю {61}. Но и эта поправка не придает убедительности версии о том, что Авлабарская типография была выдана И. В. Джугашвили, так как сведения о ее местонахождении тифлисская охранка получила из агентурного источника 29 марта {62}. Поэтому факт ареста И. В. Джугашвили весной 1906 г. и его причастность к провалу Авлабарской типографии следует признать не доказанными {63}.

Если, по данным охранки, от Тифлисской губернии на съезд было делегировано 9 человек, то в опубликованных материалах съезда фигурирует одиннадцать. Из

них публикаторам протоколов съезда удалось расшифровать фамилии семи: Костров (Н. Н. Жордания), Давидов (К. Г. Гогуа), Брадин (Г. Эрадзе), Гришин (Уротадзе), Триадзе (В. Д. Мгеладзе), Бериев (И. И. Рамишвили), Иванович (И. В. Джугашвили). Кроме того, Тифлис на съезде представляли Бачидзе, Гарин, Иванов, Соломонов. Все они, за исключением И. В. Джугашвили, были меньшевиками [64].

В списке делегатов, приложенном к опубликованным протоколам IVсъезда РСДРП, значатся 153 человека [65]. По окончании съезда Департаменту полиции удалось получить сведения о 140 делегатах [66]. Среди них фигурировал делегат от Тифлиса журналист Иван Иванович Виссарионович: «Журналист Иван Иванович Виссарионович родился 12 декабря 1879 г. в Тифлисе, сын сапожника Ивана Виссарионовича и его жены Екатерины. Служит при тифлисской газете „Демократическая конституция", рост ниже среднего, полный, волосы и борода черные, глаза карие, нос большой, лицо корявое» [67]. Если отбросить характеристику «полный» и сделать поправку на рост, перед нами описание И. В. Джугашвили.

Сопоставление опубликованного списка делегатов съезда и списка, полученного Департаментом полиции, обнаруживает почти полное расхождение между ними. Так, если в опубликованном списке И. В. Джугашвили фигурирует как Иванович, то в департаментском списке он значится как Виссарионович. Объяснение этого заключается в том, что опубликованный список содержит те псевдонимы, под которыми делегаты участвовали в работе съезда, а департаментский список дает представление о тех фамилиях, под которыми они жили в Стокгольме.

Здесь И. В. Джугашвили прежде всего встретился с теми, с кем мог познакомиться в Таммерфорсе. Это были М. М. Бородин, О. А. Квиткин, Л. М. Книпович, Л. Б. Красин, Н. К. Крупская, В. И. Ленин, П. П. Румянцев, Е. М. Ярославский [68]. Здесь через 8 лет он снова увидел Сеида Девдориани, который к этому времени стал одним из лидеров грузинских меньшевиков и на этом съезде представлял Баку, а также Коцию Канделаки, избранного депутатом Государственной Думы [69]. В Стокгольме И. В. Джугашвили впервые услышал Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. На съезде присутствовали А. С. Бубнов, В. В. Воровский, К. Е. Ворошилов, Я. С. Ганецкий, Ф. Э. Дзержинский, О. А. Ерманский (Коган), М. И. Калинин, А. В. Луначарский, А. И. Рыков, Ф. А. Сергеев (Артем), А. П. Смирнов, И. А. Теодорович, М. В. Фрунзе и некоторые другие [70]. С К. Е. Ворошиловым И. В. Джугашвили оказался в гостинице в одной комнате [71].

На съезде И. В. Джугашвили обратил на себя внимание тем, что в борьбе между большевиками и меньшевиками по аграрному вопросу занял особую позицию. Если большевики выступали за национализацию конфискованных помещичьих земель, а меньшевики за их муниципализацию, то И. В. Джугашвили и еще несколько делегатов обосновывали необходимость ее раздела и передачи крестьянам в частную собственность [72].

Съезд закончил свою работу 25 апреля (8 мая) 1906 г. [73]Когда именно И. В. Джугашвили покинул Стокгольм и каким образом отправился в обратный путь, выяснить пока не удалось. Известно лишь, что 21 апреля (4 мая) из Стокгольма он послал в Тифлис на имя М. Монаселидзе открытку, в которой сообщал о своем на-

мерении заехать в Германию и повидать там Александра Сванидзе [74].

От Стокгольма до Лондона

Согласно воспоминаниям Александры Монаселидзе, в Тифлис И. В. Джугашвили вернулся примерно «через два месяца» после своего отъезда, т. е. в начале июня 1906 г. [1]Вспоминая о его возвращении, она отмечала: «Когда Сосо вернулся, его нельзя было узнать. В Стокгольме товарищи заставили его купить костюм, фетровую шляпу и трубку, он был похож на настоящего европейца. Мы впервые видели Сосо так хорошо одетым» [2].

«После убийства генерала Грязнова, — вспоминал М. Монаселидзе, — большевики задумали издание в городе Тифлисе легальной газеты. Деньги для газеты достал Сосо. Была заарендована сперва типография Таварткиладзе, а потом типография Гр[игория] Чарквиани, которая находилась на Плехановском проспекте» [3]. Официальным издателем стал Н. Ахметели, заведующим типографией, редактором и корректором — М. М. Монаселидзе [4]. Первый номер этой газеты, называвшейся «Ахале цховреба», что означает «Новая жизнь», вышел в свет после возвращения И. В. Джугашвили с партийного съезда — 20 июня. Газета просуществовала менее месяца. 14 июля, сразу же после разгона I Государственной Думы, она была закрыта [5].

В № 1 И. В. Джугашвили опубликовал статью «Что делать?» За ней последовали другие его статьи: «Пресса» (№ 4, 24 июня), «Реорганизация в Тифлисе» (№ 5, 25 июня), «Социалистический пролетариат и революционное правительство» (№ 6, 27 июня), «Улица заговори-

ла» (№ 8, 29 июня), «В чем ошибка т. Бродяги» (№ 10, 2 июля), «Гегемония пролетариата в нынешней революции» (№ 11, 4 июля), «Профессиональные союзы в Тифлисе» (№ 12, 5 июля), «Наши разногласия» (№ 14 и 16, 7 и 8 июля), «Реакция свирепствует — теснее сомкнем наши ряды» (№ 17, 11 июля), «Распущенная Дума и объединенная улица» (№ 18, 12 июля), «Маркс и Энгельс о восстании» (№ 19, 13 июля), «Международная контрреволюция» (№ 20, 14 июля). Большая часть статей была подписана псевдонимом Коба. Одновременно им была написана брошюра «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии» и начата серия статей «Анархизм и марксизм», которые публиковались на страницах названной газеты. Они представляли собой главы из задуманной им книги, которая печаталась по мере ее написания. Однако закончить работу над ней летом 1906 г. И. В. Джугашвили не удалось {6}.

Через день после закрытия газеты в его личной жизни произошло важное событие. Он женился на Като Сванидзе (фото 20 и 21). Об их отношениях до лета 1906 г. почти ничего не известно. Был ли Сосо действительно безумно влюблен в Като, как писал об этом И. Иремашвили и что вполне было возможно, или же они просто не смогли устоять перед минутным взаимным увлечением, мы, наверное, никогда не узнаем. Как бы там ни было, к середине июля 1906 г. стало очевидно, что у них будет ребенок. Возникла необходимость официально оформить отношения.

Сделать это оказалось непросто, так как И. В. Джугашвили находился в розыске и в Тифлисе проживал нелегально. «Несмотря на мои старания, — вспоминал М. Монаселидзе, — ни один священник не соглашался венчать их в церкви, так как Сосо не имел собственных доку-

ментов и жил нелегально по паспорту какого-то Галиашвили. Спустя несколько дней я встретился на улице со священником церкви Святого Давида Кита Тхинвалели, однокурсником Сосо по семинарии. Я ему сообщил про наше дело, и он дал согласие, но с условием, что об этом ничего не должен был знать первый священник церкви, ввиду чего в церковь надо было подняться в один или два часа пополуночи и в небольшом количестве» {7}.

Так и было сделано. Венчание в церкви Святого Давида состоялось в ночь с 15 на 16 июля 1906 г. Из метрической книги этой церкви следует, что обряд венчания был совершен священником Христисием Тхинвалели, а свидетелями при венчании были «по женихе: тифлисский гражданин Давид Мотосович Монаселидзе, Георгий Иванович Елисабедашвили, по невесте: Михаил Николаевич Давидов и Михаил Григорьевич Цхакая» {8}. Обвенчавшись, Екатерина Сванидзе не только сохранила свою девичью фамилию, но и не стала делать отметку о браке в паспорте {9}.

В эту же ночь на улице Крузенштерна состоялась свадьба, на которой присутствовали немногим более десяти человек. Кроме жениха и невесты, а также их свидетелей это были Васо и Георгий Бердзеношвили, Арчил Долидзе, Александра и Михаил Монаселидзе, С. А. Тер-Петросян {10}.

Чем на протяжении почти полутора месяцев после этого события занимался И. В. Джугашвили, мы не знаем. Известно лишь, что в конце лета 1906 г. он принял участие в подготовке партийной конференции закавказских организаций РСДРП {11}. Об этой конференции стало известно охранке, и 23 августа 1906 г. на-

чальник Тифлисского охранного отделения поставил генерал-губернатора в известность о том, что ее проведение под руководством Н. Жордании планируется в Тифлисе 25 или 26 августа {12}. Судя по всему, созвать ее в намеченные сроки не удалось. Началась она в Тифлисе не позднее 9 сентября, а завершилась 14 сентября в Баку на Красноводской улице в гостинице «Дворцовые номера» {13}. На конференции присутствовали 42 человека. Из них только шестеро были большевиками {14}.

Где находился И. В. Джугашвили по окончании этой конференции, установить пока не удалось. Можно лишь предполагать, что по возвращении в Тифлис он принял участии в организации новой большевистской газеты «Ахале дроеба» («Новое время») и написал для первого ее номера статью, затем снова отправился в Баку {15}.

А пока он отсутствовал, его жена оказалась за решеткой.

«В 1906 г., — вспоминал М. Монаселидзе, — когда Сосо на короткое время был в отъезде в Баку по партийным делам, товарищ Камо [40]к нам привел одного товарища и заявил: этот товарищ — член Московского ЦК, из-за болезни он приехал лечиться в Грузию и должен остаться у вас, пока не найдет себе подходящую квартиру. Этому товарищу мы всячески помогали питанием, стараясь улучшить его здоровье. У нас он пробыл до двух недель, затем вернулся в Россию. Не прошло и нескольких дней после его отъезда, как на нас нагрянули жандармы» {16}.

М. Монаселидзе не знал причины этого визита, но связал его с проживанием «московского гостя» не случайно. Дело в том, что 20 октября во время ликвидации конференции Областного бюро Центрального района РСДРП [41]{17}«у задержанной в Москве на квартире Зверева Мечниковой был обнаружен следующий адрес: „Фрейлинская 3, швейка Сванидзе, спросить Сосо“» {18}. В связи с этим 23 октября начальник Московского охранного отделения обратился в Тифлисское ГЖУ с просьбой о производстве обыска на квартире Сванидзе {19}.

Здесь жандармы появились 13 ноября. Как писала А. С. Монаселидзе, они «спросили Екатерину Сванидзе и ее мужа Сосо» {20}. «Мы… — вспоминал М. М. Монаселидзе, — заявили, что у нас такой не проживает… Като, которую жандармы обвинили в том, что она жена Сосо, явила им свой девичий паспорт, а мы предъявили домовую книгу». Произведя обыск, жандармы арестовали Като и забрали с собой «два пятипудовых мешка книг» и архив «Ахале цховреба» {21}.

Незадолго перед тем был арестован двоюродный брат Като по матери Спиридон Двали, который жил на Вильяминовской улице и хранил оружие {22}.

«Я, — вспоминала Александра Монаселидзе, — отправилась к жене жандармского полковника Речицкого (которой шила платье) с просьбой, чтобы казнь через повешение, присужденная Двали, была заменена каторгой, а Като освободили как невинно арестованную. Она обещала помочь Като, а насчет Двали ответила: „Это очень тяжелое дело, нужно обратиться к главному начальнику, а мы по возможности поможем“. Я просила других влиятельных дам о помощи. Вследствие этого Спиридона Два-

ли вместо повешения присудили к четырем годам каторги… А Като после двухмесячного ареста освободили» {23}.

«После многих страданий и с помощью знакомых, — вспоминал М. М. Монаселидзе, — мы сумели уберечь Като от тюрьмы по причине беременности, но взамен тюрьмы ее присудили к 2-месячному аресту в полицейской части. Жена пристава, начальника полицейской части, шила платья у нас и хорошо знала Като и мою жену. Когда Като привезли в полицейскую часть, она навестила ее и не разрешила своему мужу держать ее в отведенной для нее комнате полицейской части, а перевезла ее сейчас же на свою квартиру» {24}.

Когда «Сосо вернулся из Баку, — читаем мы далее в воспоминаниях М. М. Монаселидзе, — он был сильно удручен случившимся. Настаивал на том, что должен повидать Като. Нечего было делать, моя жена отправилась к жене пристава и заявила ей, что из деревни приехал наш двоюродный брат, который желает повидать Като, если будет дано разрешение. Пристав дал это разрешение по настоянию своей жены. Мы взяли Сосо на квартиру пристава ночью и устроили ему свидание с Като. На наше счастье, ни пристав, ни его жена не знали Сосо в лицо. Затем в результате нашей настойчивой просьбы жена пристава добилась для Като ежедневного отпуска на два часа по вечерам на нашу квартиру, где Сосо и Като виделись друг с другом» {25}.

Е. С. Сванидзе пробыла под арестом полтора месяца.

29 декабря 1906 г. начальник Тифлисского ГЖУ полковник Михаил Тимофеевич Заушкевич обратился к приставу 5-го участка с письмом:

«Прошу с получением сего содержащуюся под стражей во вверенном вам участке Екатерину Семеновну Сванидзе из-под стражи освободить и о последующем меня уведомить» {26}. Однако Е. С. Сванидзе содержалась под стражей не в 5-м, а в 4-м полицейском участке, куда 31 декабря и было препровождено распоряжение М. Т. Заушкевича {27}.

Удалось ли ей встретить Новый 1907 г. в кругу родных или же она провела его в квартире полицейского пристава, мы не знаем. 2 января «по исполнении» распоряжение М. Т. Заушкевича было возвращено в Тифлисское ГЖУ {28}.

Пока Е. С. Сванидзе томилась в квартире полицейского пристава, И. В. Джугашвили интенсивно занимался литературной работой. 14 ноября в первом номере газеты «Ахале дроеба» появилась его статья «Классовая борьба», затем последовали статьи «Местный центр рабочих профессиональных союзов» (№ 2, 20 ноября), «Рабочее движение и профессиональные союзы» (№ 3, 27 ноября), «Фабричное законодательство и пролетарская борьба» (№ 4, 4 декабря) {29}.

С пятого номера «Ахале дроеба» приступила к печатанию его книги «Анархизм и социализм» (№ 5, 6, 7, 8 за 11, 18, 25 декабря

1906 г. и 1 января 1907 г.). Ее печатание началось с уже опубликованных глав, но они были подвергнуты значительной переработке {30}.

8 января 1907 г. «Ахале дроеба» прекратила свое существование. В связи с этим печатание книги было продолжено на страницах газеты «Чвени цховреба» («Наша жизнь»), которая издавалась с 18 февраля по 6 марта 1907 г. [31] В № 3, 5, 8, 9 за 21, 23, 27, 28 февраля

1907 г. появилось еще четыре фрагмента книги «Анархизм и социализм». Завершающие ее главы увидели свет на страницах газеты «Дро» («Время»), которая выходила с 11 марта по 15 апреля (№ 21, 22, 23, 26 за 4, 5, 6, 10 апреля 1907 г.) [32].

Характеризуя литературную работу И. В. Джугашвили, следует обратить внимание на то, что публикация книги «Анархизм и социализм» была приостановлена за неделю до закрытия газеты «Ахале дроеба» и возобновлена через три дня после начала издания газеты «Чвени цховреба». Это дает основание предполагать, что между 1 января и 21 февраля 1907 г. И. В. Джугашвили не было в Тифлисе, или же если он находился здесь, то был занят какими-то другими делами, не позволявшими ему продолжить работу над книгой.

В связи с этим заслуживают внимания воспоминания Ашота Хумаряна, который утверждал, что когда в феврале 1907 г. возникла идея издания газеты «Бакинский пролетарий» и были сделаны первые практические шаги по ее реализации, И. В. Джугашвили вместе с П. А. Джапаридзе, С. Г. Шаумяном и С. С. Спандаряном находился в Баку [33].

18 марта 1907 г. в жизни И. В. Джугашвили произошло важное событие. Родился сын, которого назвали Яковом. Поскольку брак И. В. Джугашвили и Е. Сва-

нидзе был совершен тайно, крестить сына удалось значительно позже [34].

Об отношении И. В. Джугашвили к сыну мы можем судить на основании воспоминаний М. Монаселидзе: «Если ребенок начинал плакать в то время, когда он работал, Сосо нервничал и жаловался, что ребенок мешает ему работать; но когда накормят, бывало, ребенка и он успокоится, Сосо целовал его, играл с ним и щелкал его по носику. Лаская ребенка, он называл его „пацаном", и это имя осталось за ним до сегодняшнего дня» [35].

В марте 1907 г. состоялись выборы на V съезд РСДРП, проведение которого планировалось в столице Дании Копенгагене, а поскольку в Тифлисе преобладание меньшевиков было абсолютным, они избрали делегатов только из своей среды. В связи с этим 28 марта Бюро большевиков опубликовало на страницах газеты «Дро» призыв к рабочим-большевикам объединиться и послать на съезд своего представителя. К 8 апреля им удалось собрать 572 голоса. Делегатом был избран И. В. Джугашвили [36].

На съезд из Тифлиса И. В. Джугашвили выехал не позднее 16 апреля. До Петербурга он добирался вместе с Асатуром Кахояном. Поскольку дорога от Тифлиса до Петербурга через Баку требовала, как минимум 4 дня, в столицу они могли приехать не позднее 20 апреля. «В тот же день, — писал А. Кахоян, — мы должны были пересесть в другой поезд, который отходил с Финляндского вокзала» [37].

Вспоминая свою дорогу на этот съезд РСДРП, К. Е. Ворошилов отмечал: «Первоначально все мы, делегаты V съезда РСДРП, различными путями „накапливались" в

Финляндии и оттуда на пароходе переправлялись в Швецию. Из Стокгольма на поезде поехали в Мальме, где нас прямо в вагонах поместили на паром и таким образом доставили в Копенгаген — столицу Дании, где и должна была начаться работа нашего партийного съезда» {38}.

Здесь, в Копенгагене, депутаты могли собраться около 23 апреля. Однако под давлением русского правительства правительство Дании пересмотрело свое первоначальное решение и отказалось разрешить съезд. «Сев на пароход, — вспоминал К. Е. Ворошилов, — мы вновь направились в шведский город Мальме... Но и тут нас ожидала неудача: договориться со шведским правительством о проведении съезда в Швеции не удалось. Отказало нам в гостеприимстве и норвежское правительство... И вот мы в третий раз пересекли горловину Балтийского моря — пролив Эресунн (Зунд), на этот раз, как и в первый, в железнодорожных вагонах на пароме, чтобы проследовать транзитом через территорию Дании до Эсбьерга, оттуда на пароходе мы должны были выехать в Лондон» {39}.

28 апреля (11 мая) на страницах английской газеты «Morning Post» появилось сообщение о прибытии в Лондон делегатов V съезда РСДРП {40}. Это значит, что в Лондоне они были не позднее 27 апреля (10 мая).

В биографии И. В. Сталина, написанной А. Барбюсом, который с этой целью интервьюировал самого героя своей книги, после упоминания IV съезда РСДРП говорится: «На следующий год Сталин ненадолго едет в Берлин поговорить с Лениным» {41}. Данный Факт давно привлек к себе внимание историков, но его датировка До сих пор отсутствует {42}, а поскольку в

нашем распоряжении нет никаких сведений о поездке И. В. Джугашвили за границу между IV и V съездами РСДРП, то трудно не согласиться с Л. Д. Троцким, который писал, имея в виду упомянутую А. Барбюсом встречу: «Свидание могло произойти либо непосредственно перед, либо, вернее, сейчас же после [V] съезда» {43}.

Когда Л. Д. Троцкий писал эти слова, ему не была известна «Биографическая хроника» В. И. Ленина, из которой явствует, что в 1907 г. В. И. Ленин был в Берлине дважды: между 24 и 28 апреля и 22–24 декабря {44}. В архиве бывшего Грузинского филиала ИМЛ хранится рукопись под названием «Даты жизни и деятельности И. В. Сталина», в которой отмечается, что И. В. Сталин посетил Берлин во время поездки на V съезд РСДРП {45}. Исходя из этого, его встречу с В. И. Лениным в Берлине можно датировать временем между 24 и 28 апреля.

Существует предположение, которое представляется вполне вероятным, что по крайней мере одним из вопросов, который обсуждали во время встречи И. В. Джугашвили и В. И. Ленин, мог быть вопрос о подготавливаемой грузинскими большевиками именно в это время экспроприации. Свидание, писал Л. Д. Троцкий, «несомненно, посвящено было предстоящей экспроприации, способам доставки денег и пр.» {46}.

В Лондоне И. В. Джугашвили поселился в квартире Артура Р. Д. Бэкона, воспоминания которого о своем, ставшем позднее всемирно известном квартиранте были опубликованы 5 января 1950 г. на страницах «Дейли экспресс» {47}.

Съезд открылся 30 апреля и продолжался до 19 мая. Он рассмотрел широкий круг вопросов, среди которых был и вопрос о партизанских действиях. Подавляющим большинством голосов съезд констатировал спад революционного движения и в этих условиях признал необходимым роспуск боевых дружин. За эту резолюцию голосовало 170 делегатов, против — 35, воздержалось — 52. Среди голосовавших против был и В. И. Ленин [48].

Сразу же после окончания съезда (не ранее 20 мая) состоялось новое заседание большевистской фракции, которая приняла решении о необходимости укрепления Бакинской организации [49]. Можно было двигаться обратно, но И. В. Джугашвили и С. Г. Шаумян задержались у постели заболевшего Михи Цхакаи.

«На другой день после закрытия съезда и конференции нашей фракции (большевиков с участием поляков), — вспоминал М. Цхакая, — я слег в постель с температурой и зубной болью. За мной ухаживали т. Степан и Коба, ибо в одной комнате жили во время съезда» [50].

Не дождавшись выздоровления своего товарища, И. В. Джугашвили и С. Г. Шаумян должны были отправиться в обратный путь. М. Цхакая собирался последовать за ними сразу же по выздоровлении, однако на родину он вернулся только через 10 лет вместе с В. И. Лениным в знаменитом «пломбированном вагоне» [51].

Выехав из Лондона не ранее 22 мая (4 июня), И. В. Джугашвили направился в Париж. «В начале июня 1907 г., — вспоминал бывший студент Русской высшей школы общественных наук Григорий Иванович Чочиа, по всей видимости имея в виду новый стиль, — ко мне на

квартиру на улицу Rue Michelet, 7, через 2–3 дома от Ecole de Chime appliquce, зашла моя знакомая Евгения Согорова (Согорошвили), участница батумской демонстрации 1902 г.

Она проживала в Париже в качестве политической эмигрантки. Вместе с нею пришел товарищ, которого она отрекомендовала Кобой Джугашвили. Она обратилась ко мне с просьбой дать возможность тов. Кобе провести у меня некоторое время до его отъезда в Россию, объяснив при этом, что он заехал в Париж, возвращаясь с V съезда РСДРП <…>. Товарищ Сталин прожил у меня около недели» {52}.

Незадолго до его появления умер друг автора воспоминаний Симон Дзвелая, и И. В. Джугашвили попросил передать ему паспорт умершего. С этим паспортом не ранее 29 мая/11 июня он выехал из Парижа {53}. Независимо от того, лежал ли его путь на родину через Берлин или же через Марсель, он требовал не менее 5–6 дней, поэтому в Тифлисе И. В. Джугашвили мог появиться не ранее 3–4 июня.

12 июня заведующий полицией на Кавказе полковник В. А. Бабушкин сообщил в Департамент полиции, что в Баку из Тифлиса прибыли два видных социал-демократа, грузины: один по кличке Михо, о другом известно, что он участвовал в Лондонском съезде РСДРП {54}. Не исключено, что Миха — это Михаил Давиташвили, а делегат съезда — И. В. Джугашвили.

В бакинском подполье

«Вернувшись с V (Лондонского) съезда РСДРП, — читаем мы в „Краткой биографии" вождя, — Сталин оставляет Тифлис и по воле партии обосновывается в Ба-

ку — самом крупном промышленном районе Закавказья и важнейшем центре рабочего движения в России» {1}. Этому факту в своей биографии И. В. Сталин придавал особое значение, подчеркивая, что именно в Баку завершился период его революционного «ученичества», именно здесь он стал «подмастерьем» революции.

В некоторых публикациях можно встретить утверждение, будто бы переезд И. В. Джугашвили из Тифлиса в Баку был связан с упоминавшимся ранее решением большевистской фракции V съезда РСДРП о необходимости укрепления местной большевистской организации. Однако нельзя не учитывать, что И. В. Джугашвили перебрался из Тифлиса в Баку не сразу же после съезда, а после того, как произошло еще одно очень важное событие.

13 июня 1907 г. среди бела дня в самом центре Тифлиса на Эриванской площади было совершено дерзкое нападение на почту и похищено 250 тыс. руб. Непосредственным руководителем и участником этой экспроприации был С. М. Тер-Петросян (Камо) {2}.

Существует мнение, будто бы И. В. Джугашвили тоже принимал в ней участие и даже бросал бомбу «с крыши дома князя Сумбатова» {3}. Никаких доказательств в пользу подобной версии до сих пор не приведено. И никаких оснований для ее существования нет. Более того, не следует забывать, что И. В. Джугашвили занимал такое положение в большевистской организации, которое исключало возможность его непосредственного участия в событиях на Эриванской площади.

Но, занимая в большевистской организации руководящее положение, он не мог не быть посвящен в подготовку самого «экса». Имеющиеся в нашем распоряжении

данные свидетельствуют о том, что он не только знал о подготовке, но и имел к нему самое непосредственное отношение, а 13 июня находился в Тифлисе и полностью был в курсе происходящего [4].

Тифлисская экспроприация являлась пощечиной только что закончившемуся V съезду РСДРП, который принял решение о прекращении партизанских действий и роспуске боевых дружин. По данным Департамента полиции, «меньшевики, не получившие ни копейки из этих денег», потребовали «на основании резолюций последнего съезда в Лондоне исключения этих тифлисских экспроприаторов из партии» [5]. «Бюро Закавказской организации социал-демократической партии, — вспоминал Р. Арсенидзе, — поручило специальной комиссии во главе с С. Джибладзе расследование этого дела» [6].

Данный факт подтверждается и некоторыми другими мемуарными свидетельствами, из которых в данном случае особое значение имеют воспоминания горийца Григория Касрадзе, служившего в почтово-телеграфном ведомстве. Именно с ним через М. Бочаридзе И. В. Джугашвили познакомил Камо, и именно с его помощью последний смог получить точные данные о транспортировке денег 13 июня 1907 г. в Тифлисе. По воспоминаниям Г. Касрадзе, вскоре после тифлисской экспроприации его пригласил к себе Ной Жордания и устроил ему допрос, в ходе которого Касрадзе не только признался в том, что был соучастником экспроприации, но и в том, что на Камо вывел его И. В. Джугашвили [7].

«После расследования, по докладу Комиссии, участники и организаторы ограбления во главе с Коба, — утверждал Р. Арсенидзе, — были исключены из партии.

Постановление это вместе с документами было переслано в ЦК партии за границу. Дальнейшая судьба дела мне неизвестна. Передавали, что ЦК, в большинстве состоявший из большевиков (после Лондонского съезда), не дал хода делу» {8}.

Об этом же писал Л. Мартов в брошюре «Спасители или упразднители? (Кто и как разрушал РСДРП)», изданной в 1911 г. В ней говорилось: «Центральный комитет, находившийся тогда в пределах России, постановил произвести строгое расследование Тифлисского и Берлинского дел и дела о размене. Расследование за границей было поручено тогдашнему Заграничному бюро. На Кав-. казе расследование произвел Кавказский областной комитет. Областной комитет установил целый ряд лиц, принимавших участие в акте экспроприации. Все эти лица незадолго перед последней заявили о своем выходе из состава местной партийной организации. Областной комитет постановил и опубликовал исключение этих лиц из пределов РСДРП, т. е., принимая во внимание, что они уже вышли из состава местной организации, объявил недопустимым их принятие в какую-либо другую организацию партии» {9}.

Таким образом, летом 1907 г. И. В. Джугашвили оказался примерно в таком же положении, как и в первой половине 1904 г. после побега из сибирской ссылки, когда его полгода тоже не допускали к партийной работе, с той лишь разницей, что тогда он мог апеллировать к Совету Кавказского союза РСДРП. Теперь он был исключен из партии Закавказским областным комитетом РСДРП, и ему оставалось рассчитывать только на поддержку ЦК партии.

А поскольку И. В. Джугашвили был профессиональным революционером и находился на партийном содержании, решение, принятое Областным комитетом, делало невозможным дальнейшее его пребывание в Тифлисе, где преобладание меньшевиков было безраздельным. Вспомним, что для посылки своего делегата на V съезд партии большевики смогли получить поддержку лишь около 500 рабочих. И хотя Бакинский комитет РСДРП тоже находился в руках меньшевиков, однако здесь позиции большевиков были более прочными, чем в Тифлисе, и они пользовались значительным влиянием среди рабочих. В этих условиях поставленная после съезда задача усиления этого влияния приобретала для И. В. Джугашвили особое значение.

Из Тифлиса в Баку он уехал, забрав с собой жену и сына [10], не позднее 17 июля, так как в этот день уже находился в Баку и выступал на митинге у Волчьих ворот [11].

В Баку И. В. Джугашвили поселился с семьей на 1-й Баиловской улице в доме Максимова на квартире рабочего Каспийского нефтепромышленного товарищества Алексеенко, куда его привел рабочий Кирочкин [12].

Перебравшись в Баку, И. В. Джугашвили сконцентрировал свою деятельность на Биби-Эйбате. Здесь крупнейшими нефтепромышленными фирмами были Биби-Эйбатское АО и АО.Шибаев и К°. «Самая большая группа профессионалов, — писала Н. Н. Колесникова, — работала в Балаханах: это были Алеша Джапаридзе, Серго Орджоникидзе, Ваня Фиолетов; на Биби-Эйбате рабо-

тали Сталин, Вепринцев (Петербуржец) и рабочие Вацек, Тронов, Боков...» {13}.

Показательно, что во второй половине 1907 — начале 1908 г. Баку становится пристанищем для многих кавказских большевиков из Батума, Кутаиса, Тифлиса, Чиатур, в том числе для участников тифлисской экспроприации. Сюда полностью переносят свою Деятельность М. Н. Давиташвили, П. А. Джапаридзе, К. Г. Орджоникидзе, С. С. Спандарян, С. Г. Шаумян. Здесь мы видим бежавших из ссылки руководителей Петербургского Совета рабочих депутатов С. Л. Вайнштейна и Б. М. Кнунянца, а также таких видных большевиков, как К. Е. Ворошилов, Р. З. Землячка, Ю. Ларин (Лурье), М. С. Ольминский, Е. Д. Стасова, М. И. Фрумкин и некоторые другие {14}.

Особое положение в Баку занял Моисей Ильич Фрумкин. Родившийся в 1878 г. в Гомеле, он был членом РСДРП с 1898 г., работал в Гомеле, Тамбове, Москве, Петербурге (являлся членом группы «Рабочее знамя», был знаком с Т. А. Словатинской и Э. А. Сольц), в первой половине 1905 г. исполнял обязанности агента ЦК РСДРП, в 1905–1906 гг. вместе с В. Р. Менжинским входил в Военную организацию ПК РСДРП. В июле 1906 г. был арестован, в мае 1907 г. после освобождения из тюрьмы приехал в Баку {15}.

«В Баку, — вспоминал он, — я работал вторым секретарем Союза нефтепромышленных рабочих (первым секретарем был Ал. Джапаридзе), издавал со Сталиным „Гудок"». «В Баку в то время, в отличие от других мест, почти вся работа велась легально» и «полиция знала всех в лицо» {16}.

Летом 1907 г. в Баку стали издаваться сразу две рабочие газеты: 20 июня вышел в свет «Бакинский проле-

тарий» [17], 12 августа 1907 г. — «Гудок» [18].

На страницах первого номера «Бакинского пролетария» были опубликованы сразу две статьи И. В. Джугашвили: «Разгон Думы и задачи пролетариата» и начало статьи «Лондонский съезд Российской социал-демократической партии (записки делегата)». «Записки делегата» были подписаны псевдонимом Коба Иванович. 10 июля во втором номере «Бакинского пролетария» появилось продолжение статьи о Лондонском съезде [19], но окончание ее так и не увидело свет. В ночь с 24 на 25 июля полицией был совершен налет на типографию «Арамазд» и конфискован «почти готовый к печати набор третьего номера» «Бакинского пролетария» [20].

Через две с половиной недели вышел первый номер газеты «Гудок». Однако, несмотря на то что когда-то утверждалось, что она была «создана по инициативе И. В. Сталина» [21], первая его статья появилась здесь только 29 сентября («Надо бойкотировать совещание»), а следующая («Перед выборами») еще позже — 13 января 1908 г. И лишь затем последовала целая серия статей: «Еще о совещании с гарантиями» (№ 17, 3 февраля), «Что говорят наши забастовки последнего времени?» (№ 21,2 марта), «Поворот в тактике нефтепромышленников» (№ 22, 9 марта), «Надо готовиться» (№ 23, 16 марта), «Экономический террор и рабочее движение» (№ 25, 30 марта), «Нефтепромышленники об экономическом терроре» (№ 28, 30, 32 от 21 апреля, 4 и 18 мая) [22].

Это наводит на мысль о том, что, устроив жену с ребенком в Баку, И. В. Джугашвили на некоторое время исчез из города.

Где же он мог находиться?

В 1931 г. в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом И. В. Сталин поделился следующими воспоминаниями: «Когда-то в Германии… очень уважали законы. В 1907 г., когда мне пришлось прожить в Берлине 2–3 месяца, мы, русские большевики, нередко смеялись над некоторыми немецкими друзьями по поводу этого уважения к законам. Ходил, например, анекдот о том, что когда берлинский социал-демократический форштанд назначил на определенный день и час какую-то манифестацию, на которую должны были прибыть члены организаций со всех пригородов, то группа в 200 человек из одного пригорода хотя и прибыла своевременно в назначенный час в город, но на демонстрацию не попала, так как в течение двух часов стояла на перроне вокзала и не решалась его покинуть: отсутствовал контролер, отбирающий билеты при выходе, и некому было сдать билеты. Рассказывали, шутя, что понадобился русский товарищ, который указал немцам простой выход из положения: выйти с перрона, не сдав билетов…» {23}.

Так как местонахождение И. В. Джугашвили в первой половине 1907 г. известно, его слова о сравнительно длительном проживании в Германии могут относиться только ко второй половине этого года.

В связи с этим обращает на себя внимание то, что своими германскими впечатлениями 1907 г. И. В. Сталин поделился не только с немецким писателем Эмилем Лю-

двигом, но и с британским премьером Уинстоном Черчиллем.

«Сталин <…>, — отмечал У. Черчилль, — вспомнил о своем пребывании в Германии в 1907 г. и рассказал, как 200 немцев не попали на собрание коммунистов, потому что на железнодорожном вокзале некому было проверить их билеты» {24}. И в другом месте: «Далее в разговоре Сталин упомянул о „непомерной дисциплине в кайзеровской Германии" и рассказал случай, который произошел с ним, когда он, будучи молодым человеком, находился в Лейпциге. Он приехал вместе с 200 немецкими коммунистами на международную конференцию. Поезд прибыл на станцию точно по расписанию, однако не было контролера, который должен был отобрать у пассажиров билеты, поэтому все немецкие коммунисты послушно прождали два часа, прежде чем сошли с платформы. Из-за этого они не попали на заседание, ради которого приехали издалека» {25}.

Поскольку и в одном (беседа с Э. Людвигом), и в другом (беседа с У. Черчиллем) случае рассказ о пребывании И. В. Джугашвили в Германии в 1907 г. связан с разными вариантами истории о германской законопослушности, подобное расхождение или результат неточной передачи рассказа И. В. Сталина У. Черчиллем, или же следствие «конспирации» И. В. Сталина в беседе с Э. Людвигом. Если принять последнее допущение и учесть, что в 1907 г. на территории Германии проходила только одна международная социалистическая конференция — Штутгартский конгресс II Интернационала, работавший с 5 по 11 (18–24) августа {26}, правомерно поставить вопрос: а не относилось ли упоминаемое И. В. Сталиным пребывание в Германии к августу 1907 г.?

Как бы там ни было, оно не могло быть продолжительным, так как уже во второй половине августа мы снова видим И. В. Джугашвили в Баку. Именно в это время он стал одним из инициаторов кампании за переизбрание Бакинского комитета РСДРП, который находился под влиянием меньшевиков. 24 августа состоялось собрание представителей пяти районных организаций РСДРП и мусульманской социал-демократической группы «Гуммет». Оно приняло решение о создании организационной комиссии по созыву городской конференции и избрало И. В. Джугашвили одним из ее членов {27}.

«В межрайонную организационную комиссию, — доносил 15 сентября 1907 г. в Департамент полиции полковник В. А. Бабушкин, — избрано 9 представителей, по одному от района, в том числе от Биби-Эйбатского района избран „профессионал" Коба, который участвовал в „Бакинском пролетарии", подписывая свои статьи псевдонимом Коба Иванович» {28}.

Одновременно с кампанией, направленной на переизбрание Бакинского комитета РСДРП, И. В. Джугашвили, вопреки решениям V съезда РСДРП, постановившего распустить боевые отряды и отказаться от партизанских действий, выступил с инициативой о создании боевой дружины. Боевая дружина у Бакинской организации РСДРП была по крайней мере с 1905 г., но поскольку до осени 1907 г. руководство организацией принадлежало меньшевикам, в соответствии с решением V съезда РСДРП она была распущена ими. Поэтому предложение И. В. Джугашвили, по сути дела, заключалось в возрождении боевой дружины, но теперь уже под руководством большевиков.

«Товарищ Коба, — вспоминал бакинский рабочий И. Боков, — внес предложение организовать большевистскую боевую дружину. Это было сделано в 1907 г. Присутствовали на этом заседании восемь человек: Яков Кочетков, Боков Иван, Георгий Георгибиани, Шенгелая и другие». Среди присутствовавших был и меньшевик А. Я. Вышинский, который не только поддерживал выдвинутую И. В. Джугашвили идею, но предложил «достать» оружие у полиции и жандармерии [29].

Поданным, которыми располагала бакинская охранка, к 15 сентября большевиками уже было израсходовано на вооружение около 80 тыс. руб. [30] Важную роль в снабжении оружием играли А. Я. Вышинский и Д. Л. Зейлидзон [31].

19 сентября 1907 г. в Баку черносотенцами был убит рабочий Ханлар. В знак протеста против этого 24–25 сентября на ряде предприятий города прошли забастовки, а 29-го состоялись многолюдные похороны, превратившиеся в демонстрацию. Полиция запретила исполнение во время похорон музыки и песен. Но когда похоронная процессия вышла на улицы города, по условному знаку завыли сирены заводских гудков. Под их вой гроб с прахом Ханлара был доставлен на кладбище. Здесь перед собравшимися были произнесены прощальные речи. Выступал и Коба [32].

25 октября наконец состоялась городская конференция, на которой большевики получили полное преобладание. Это позволило им обеспечить преобладание и в новом составе Бакинского комитета РСДРП. Одним из его членов стал И. В. Джугашвили [33].

Примерно тогда же на И. Джугашвили обрушилось личное горе. «В Баку, — вспоминал М. Монаселидзе, — Като тяжело заболела. В октябре 1907 г. больную Като Сталин привез в Тбилиси, а затем опять вернулся в Баку». Через «две-три недели болезни Е. С. Сванидзе скончалась» {34}.

«22 ноября, — писал М. Монаселидзе, — Като скончалась. Сталин в это время был в Тбилиси. Като скончалась у него на руках. У гроба Като была снята фотография членов семьи и близких, среди которых был и товарищ Сталин» (фото 22) {35}.

Сообщение о смерти Като было опубликовано в № 22, 23 и 24 газеты «Цкаро». Оно гласило: «С сердечной скорбью извещают товарищей, знакомых и родных о смерти Екатерины Семеновны Сванидзе Джугашвили Иосиф — своей жены, Семен и Сефора — дочери, Александра, Александр и Марико — своей сестры. Вынос тела в Колоубанскую церковь 25 ноября в 9 часов утра, Фрейлинская, 3» {36}.

Похоронена была Е. С. Сванидзе на Кукийском кладбище Святой Нины {37}.

После похорон жены И. В. Джугашвили опять на некоторое время исчезает из поля нашего зрения. Во всяком случае при подготовке этой книги не удалось найти ни мемуарных, ни документальных данных о его пребывании на Кавказе с конца ноября до конца декабря 1907 г.

И снова обращает на себя внимание книга А. Барбюса об И. В. Сталине, в которой говорится, что после V съезда РСДРП «Сталин еще раз едет за границу повидаться с Лениным» {38}. А. Авторханов предпо-

лагал, что на этот раз поездка И. В. Джугашвили за границу была связана с арестом С. А. Тер-Петросяна и во время встречи обсуждался вопрос о судьбе Камо, в частности о возможности организации ему побега [39]. Камо был арестован в Берлине 27 октября (9 ноября) 1907 г. [40], а «окно» в биографии И. В. Джугашвили относится ко времени после 25 ноября этого года, поэтому высказанное А. Авторхановым предположение заслуживает внимания.

В конце декабря 1907 г. мы снова видим И. В. Джугашвили в Баку. По воспоминаниям А. П. Геворкянца, 31-го числа он присутствовал на спектакле в Народном доме, а затем вместе с автором, С. Спандаряном и В. И. Колесниковым поехал в город. Последний пригласил всех к себе домой. Но И. В. Джугашвили отказался от этого, и компания отправилась встречать Новый год в ресторан [41].

После встречи Нового 1908 г. с 13 января по 3 февраля в биографии И. В. Джугашвили — очередная «дыра» [42].

И на этот раз обращает на себя внимание его «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», опубликованная в 1932 г. на страницах журнала «Большевик». Вспоминая свои встречи с В. И. Лениным, И. В. Сталин отмечал: «Всегда, когда я к нему приезжал за границу, — в 1907, 1908, 1912 гг., я видел у него груды писем от практиков из России» [43].

В 1951 г., когда текст этой «Беседы» был включен в сочинения вождя, приведенные выше слова были подвергнуты правке, в результате которой первые две его поездки за границу для встреч с В. И. Лениным были

сдвинуты на 1906 и 1907 гг. [44], а в комментариях отмечено: «Имеются в виду встречи И. В. Сталина с В. И. Лениным в Стокгольме на IV съезде РСДРП (1906 год)» и «в Лондоне во время V съезда РСДРП (1907 год)» [45].

Подобное объяснение представляется неубедительным.

Во-первых, если бы И. В. Сталин имел в виду свои встречи с В. И. Лениным на партийных форумах, он должен был бы назвать и 1905 г. (Таммерфорсская конференция). Во-вторых, И. В. Сталин специально подчеркивал, что он ездил за границу не на партийные форумы, а для встреч с В. И. Лениным. Наконец, нельзя не учитывать, что, сообщая об этих встречах, И. В. Сталин, повторим, отмечал: «Всегда, когда я к нему приезжал за границу… я видел у него груды писем от практиков из России». Разумеется, В. И. Ленин не возил с собой «груды писем» на партийные съезды и конференции, а поэтому И. В. Сталин мог видеть их у него только там, где он жил.

В связи с этим правка первоначального текста «Беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом» представляется необоснованной, и текст этой беседы следует рассматривать как свидетельство того, что в начале 1908 г. И. В. Джугашвили совершил еще одну поездку за границу для встречи с В. И. Лениным.

Чем же она могла быть вызвана?

Спад революционных настроений привел к сокращению денежных поступлений в партийные кассы, поэтому в начале 1908 г. «было решено еще раз добыть деньги для партии» [46].

Для того чтобы решиться на такой шаг, особенно после истории с тифлисской экспроприацией, страсти вокруг которой в верхах партии еще не улеглись, бакинские большевики должны были получить согласие большевистского центра. С необходимостью решения данного вопроса и могла быть связана поездка И. В. Джугашвили в начале 1908 г. за границу. Для поездки в Швейцарию, где в это время находился В. И. Ленин, достаточно было двух недель.

По всей видимости, разрешение было получено, и подготовка «экса» началась.

«Мы, — вспоминал С. И. Кавтарадзе, который появился в Баку после тифлисской экспроприации, — узнали, что из центра в Баку по Каспийскому морю везут четыре миллиона рублей для Туркестанского края. Поэтому мы стали собираться в Баку, приехали Тома Чубинидзе, Степко (Вано) Инцкирвели (на него было возложено заведование складом Военно-боевой организации РСДРП, он приехал в начале 1908 г.), Чумбуридзе и другие» [42]{47}.

Одновременно с подготовкой к новой экспроприации продолжалось укрепление боевой дружины Бакинского комитета РСДРП. Наряду с покупкой оружия комитет использовал и другие способы его добывания.

Рабочий И. Боков вспоминал: «Сталин внес предложение: у нас есть флотский арсенал, у нас есть связи с моряками, и <...> взял инициативу <...> он нас связал с моряками. Мы организовались и группой товарищей <...> сделали налет на арсенал» {48}.

Для руководства боевой дружиной Бакинской организации РСДРП не позднее февраля 1908 г. был создан

Штаб самообороны [49]. В марте Бакинский комитет РСДРП выступил со специальным воззванием, в котором было открыто заявлено о его существовании [50].

Вскоре жандармам стала известна причастность И. В. Джугашвили к налету на арсенал. «Я, — отмечал И. Боков, — помню, когда были арестованы четыре человека по поводу убийства охранников на Святом острове, тот жандарм, который меня допрашивал, сказал: что из себя представляет Сталин, какую, собственно, роль он играл в нападении на арсенал» [51].

Активность И. В. Джугашвили привлекла к себе внимание бакинской охранки, и она распорядилась о его аресте. Когда организации стало известно об этом, И. В. Джугашвили срочно покинул Баку. Однако через некоторое время он снова появился в городе. Его приезд был связан с тем, что на 15 марта 1908 г. в Баку была назначена городская партийная конференция.

«15 марта 1908 г. Бакинский комитет собрал здесь (в Народном доме. — *А.О.*) межрайонную конференцию РСДРП, на которой присутствовали 60–65 человек. В их числе были товарищи Сталин, Шаумян, Спандарян, Азизбеков, Джапаридзе, Мамедьяров. Еще накануне — 14 марта — через провокатора жандармерия узнала о предстоящей конференции. Власти рассчитывали одним ударом разгромить большевистскую организацию, захватив весь состав партийной конференции, и тем самым обезглавить бакинский пролетариат. Когда делегаты узнали об окружении дома полицией, они выломали забитую дверь, ведущую в зрительный зал, проникли туда и перемешались с присутствующим на спектакле наро-

дом, воспользовались общей суматохой и, избежав ареста, ушли из Народного дома» {52}.

Этот эпизод получил отражение в газетах, которые объяснили вторжение в зал желанием безбилетных зрителей попасть на спектакль {53}.

15 марта И. В. Джугашвили удалось ускользнуть из рук жандармов, но дни его пребывания на воле были сочтены.

ПРИМЕЧАНИЯ

На пути к объединительному съезду

[1] *Лейберов И. П.* Цебельдинская находка. С. 234–235.

[2] Манифест в Баку // Каспий. 1905. 26 окт.; *Бадриашвши Н.* Тифлис в 1905 г. Тифлис, 1926. С. 85–102.

[3] Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 423.

[4] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 583. Л. 13–14, 32 (Мамедьяров); Бакинский рабочий. 1929. 20 дек. (Мамедьяров).

[5] *Талаквадзе С.* К истории Коммунистической партии Грузии. Ч. 1: Два периода. Тифлис. 1925. С. 143.

[6] ГФИМЛ.Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 50. Л. 163–167; Заря Востока. 1936.21 апр. (А. Хумарян).

[7] Русская периодическая печать. 1895–1917: Справочник. М., 1957. С. 71–72; *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 1. С. 193–195.

[8] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 185 (Г. Паркадзе).

[9]Новая жизнь. 1905. 10 нояб.; Русская периодическая печать. С. 76–79.

[10]Красный архив. 1934. № 1 (62). С. 187.

[11]Гори. Д. 222. Л. 2–4 (И. Куколава).

[12]ЦГАИПД Ф. 4000. Оп. 5. Д. 890. Л. 1 (П. Ф. Куделли).

[13]*Ярославский Е.*Таммерфорсская конференция большевиков 1905 г. М., 1940. С. 23.

[14]Однако в списке участников конференции, сохранившемся в архиве Департамента полиции, значатся только 40 человек (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–2. Д. 145. Л. 2. См. также: Красный архив. 1934. № 1. С. 185–188).

[15]Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. М., 1930. С. 210–247. См. также: *Ярославский Е.*Таммерфорсская конференция большевиков 1905 г. С. 23, 25, 28, 31.

[16]*Багаев М. А.*Моя жизнь. Иваново, 1949. С. 258–259.

[17]*Радус-Зенькович В.*К 45-летию Первой конференции РСДРП // РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 150. Л. 46.

[18]ЦГАИПД. 4000. Оп. 5. Д. 890. Л. 3 (П. Ф. Куделли).

[19]Там же.

[20]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–2. Д. 145. Л. 7–8.

[21]Там же. Л. 3 об.

[22]*Бадриашвши Н.*Тифлис в 1905 г.

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 122.

[24]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 33.

[25]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 6. Д. 465. Л. 110.

[26] *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. М., 1990. С. 147.

[27]Там же. С. 147–148.

[28]Там же.

[29]Там же; Дневник // Тифлисский листок. 1906. 18 янв.

[30] *Гегешидзе З.*Георгий Телия: биографический очерк. Тбилиси, 1958. С. 33.

[31]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 5. Л. 91 (Г. Ф. Бердзеношвили).

[32]Там же.

[33]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 222–223 (Б. Лошадзе-Бочаридзе).

[34]Дневник // Тифлисский листок. 1906. 14 янв.

[35]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 764. Л. 181–182.

[36]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 222–223 (Б. Лошадзе)

[37]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1.Д.764.Л. 181–182; *Гегеишдзе З.*Георгий Телия… С. 33.

[38]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 222–223 (Б. Лошадзе).

[39]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 3. Л. 293–295 (Н. Ахметели). Н. Г. Ахметели был учителем Тифлисской дворянской частной гимназии, директором которой являлся писатель, бывший народник, один из лидеров партии социалистов-федералистов Шио Алексеевич Читадзе (Кавказский календарь на 1906 г. С. 274).

[40]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 3. Л. 294–295 (Н. Ахметели).

[41]Там же. Л. 294 (Н. Ахметели).

[42]Там же. Л. 294–295.

[43]Там же. Л. 298.

[44]Гори. Д. 278. Л. 6 (автор воспоминаний датировал пребывание И. В. Джугашвили у него на квартире серединой ноября 1905 г.). Микаберидзе А. Н. тоже был преподавателем Тифлисской дворянской частной гимназии (Кавказский календарь на 1906 г. С. 274).

[45]Гори. Д. 118. Л. 1 (Рубен Даштоян).

[46]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 320. Л. 2 об.

[47]Там же.

[48]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. С. 406–408.

[49]Там же. С. 206–235; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 169. Л. 19–64.

[50]Там же. Д. 266. Л. 87.

[51]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 37. Л. 200 (Раиса Моисеевна Окиншевич).

[52]ГАРФ. Ф. 102.1906. Д. 150. Л. 25. 8 апреля подобное донесение было направлено в Департамент полиции Тифлисским охранным отделением (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 268. Л. 147).

[53]Там же. Д. 206. Л. 255.

[54]Там же. Л. 153–169.

[55]Был ли Сталин агентом охранки? М., 1999. С. 303–308.

[56]*Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. Нью-Йорк, 1963. Кн. 72. С. 222.

[57]Был ли Сталин агентом охранки? С. 303–308.

[58]Авлабарская нелегальная типография: Сборник материалов и документов. Тбилиси, 1954. С. 68 (протокол обыска в ночь с 14 на 15 февраля).

[59]Четвертый (объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 10.

[60]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 266. Л. 87.

[61]Был ли Сталин агентом охранки? С. 368.

[62]РФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 206. Л. 213; Авлабарская нелегальная типография. С. 65 (донесение начальника Тифлисского охранного отделения А. Ф. Засыпкина № 716 от 1 апреля 1906 г.).

[63]По одним данным, ее выдал меньшевик Татузов (*Талаквадзе*С. К истории Коммунистической партии Грузии. С. 155), по другим — меньшевик Гурджиев, проводивший занятия по военному делу (Заря Востока. 1937.20 авг.).

[64]Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. С. 540.

[65]Там же. С. 537–542.

[66]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 25–10. Л. 83–105.

[67]Там же. Л. 102.

[68]Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. С. 10.

[69]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 277.

[70]Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. С. 537–542.

[71]*Ворошилов К. Е.*Рассказы о жизни (воспоминания). Кн. 1. М., 1968. С. 247.

[72]Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. С. 78–80.

[73]Там же. С. XI.

[74]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5095. Л. 1.

От Стокгольма до Лондона

[1]ГФИМЛ.Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 154 (А. С. Сванидзе-Монаселидзе).

[2]Там же.

[3]Гори. Д. 287/1. Л. 10 (М. М. Монаселидзе).

[4]Там же.

[5]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. С. 409.

[6]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 193. Л. 69–145. Частично эти статьи были перепечатаны: *Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. С. 241–293, 373–392.

[7]Гори. Д. 287/1. Л. 14 (М. М. Монаселидзе).

[8]ГИАГ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 39. Л. 36–37; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 43–44; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 275. Л. 31.

[9]ГФИМЛ.Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1.Д.43.Л. 155 (А. С. Сванидзе-Монаселидзе).

[10]Гори. Д. 39/2. Л. 49–50 (Г. Ф. Бердзеношвили); Д. 146/2. Л. 61 (Г. Елисабедашвили); Д. 287/1. Л. 14 (М. М. Монаселидзе).

[11]*Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине. С. 233.

[12]ИПП. Ф. 276. Оп. 8. Д. 211. Л. 1.

[13]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 25. Ч. 56. Л. 4–4 об.

[14]*Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине. С. 233–234.

[15]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. С. 277–285.

[16]Гори. Д. 287/1. Л. 14–15. (М. М. Монаселидзе).

[17]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3440. Л. 333.

[18]Там же. Л. 324.

[19]Там же. Л. 327.

[20]Там же. Л. 329; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 155 (А. С. Сванидзе — Монаселидзе).

[21]Гори. Д. 287/1. Л. 15 (М. М. Монаселидзе); опись вещественных доказательств, обнаруженных на квартире Сванидзе, см.: ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3440. Л. 328.

[22]ГФИМЛ.Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 156 (А. С. Сванидзе-Монаселидзе).

[23]Там же.

[24]Гори. Д. 287/1. Л. 15 (М. М. Монаселидзе).

[25]Там же. Д. 15–16.

[26]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3440. Л. 303.

[27]Там же. Л. 305 об.

[28]Там же. Л. 306.

[29]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 193. Л. 146–167; *Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1. С. 277–293.

[30]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 195; *Сталин И. В.*Сочинения. Т. 1.С. 294–372.

[31]Там же. С. 411.

[32]Там же. С. 294–372.

[33]Бакинский рабочий. 1931. 25 апр.; 1936. 21 апр.

[34]Гори. Д. 2987/1. Л. 14 (М. М. Монаселидзе).

[35]Там же.

[36]*Людвигов Б.*К истории выборов большевистского делегата от Тифлисской организации РСДРП на V съезд // Заря Востока. 1939. 11 марта.

[37]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 22. Л. 221–223 (Асатур Кахоян).

[38]*Ворошилов К. Е.*Рассказы о жизни (воспоминания). Кн. 1. С. 336.

[39]Там же. С. 337.

[40]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. М., 1971. С. 322.

[41]*Барбюс А.*Сталин: Человек, через которого раскрывается новый мир. 1-е изд. М., 1936. С. 20; 2-е изд. М., 1936. С. 68; 3-е изд. М., 1936. С. 53. См. также: Сталин. К 60-летию со дня рождения. М., 1939. С. 80.

[42]*Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. С. 156–157; *Авторханов А.*Коба и Камо (зарождение уголовного тече-

ния в большевизме) // Новый журнал. Кн. 110. Нью-Йорк, 1973. С. 271.

[43] *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. С. 157.

[44]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. С. 321, 373.

[45]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 6. Д. 465. Л. 139.

[46] *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. С. 157. См. также: *Авторханов А.*Коба и Камо. Кн. 110. С. 271.

[47]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 649. Л. 44–45.

[48]Пятый (Лондонский) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1963. С. XII, 582–583.

[49]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. С. 331.

[50]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. 18. Л. 6 (М. Цхакая).

[51]Там же. Д. 51.

[52]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 56. Л. 19, 22 (Г. И. Чочиа).

[53]Там же. Л. 24–25.

[54]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 49.

В бакинском подполье

[1]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд. М., 1947. С. 44.

[2] *Бибинейшвили Б.*Камо. М., 1934. С. 120–122.

[3] *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. С. 155 (рассказ Г. Беседовского).

[4]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 22. Л. 52,54–55,61–62 (Г. Касрадзе); Д. 43. Л. 157 (А. С. Сванидзе-Монаселидзе).

[5]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 637. Л. 41.

[6]*Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине. С. 232.

[7]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 22. Л. 52, 54–55, 61–62 (Г. Касрадзе).

[8]*Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине. С. 232.

[9]*Мартов Ю.*Спасители или упразднители? (Кто и как разрушал РСДРП). Париж, 1911. С. 23.

[10]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 157 (А. С. Сванидзе-Монаселидзе); Гори. Д. 287/1. Л. 16 (М. М. Монаселидзе).

[11]*Стригунов И.*Исторические места города Баку, связанные с революционной деятельностью И. В. Сталина. Баку, 1949. С. 57.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 3–4.

[13]*Колесникова Н. Н.*По дорогам подполья: Из воспоминаний. Баку, 1973. С. 69.

[14]Там же. С. 88, 97; *Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение от 1880 до 1905 г. Вып. 1. Пг., 1923. С. 118–119; *Ворошилов К Е.*Автобиография // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. М., б. г. С. 93–97; *Гуляев А. Н.*И. П. Вацек в революционном движении в Баку. Баку, 1965. С. 92.

[15]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2035. Л. 4–5.

[16]Там же. Л. 5 об.

[17]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. С. 392–393.

[18]Там же. С. 386.

[19]Там же. С. 41–77.

[20]Бакинские известия. 1907. 28 июля.

[21]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. С. 409.

[22]Там же. Т. 2. С. 81–127.

[23]Там же. Т. 13. С. 122.

[24]*Черчилль У.*Вторая мировая война. Т. VI. М., 1955. С. 601.

[25]Там же. С. 373.

[26]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. С. 346.

[27]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. С. 409.

[28]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 101.

[29]Гори. Д. 49. Л. 16 (И. Боков).

[30]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 100.

[31]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 583. Л. 24–25 (И. Боков); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2.4. 1.Д. 6. Л. 199 (И. Боков); Гори. Д. 49. Л. 16–17 (И. Боков); О Давиде Львовиче Зейлидзоне (р. 1878) см.: РГАСПИ. Ф. 1241: Оп. I. Д. 719. Л. 5–7 (автобиография).

[32]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 212. (М. Б. Касумов).

[33]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. С. 410; ГИАГ. Ф. 113. Оп. 2. Д. 841. Л. 8, 136.

[34]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. 264 (А. С. Сванидзе-Монаселидзе); Л. 267 (М. Монаселидзе); Гори. Д. 287/1. Л. 16 (М. Монаселидзе).

[35]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 267 (М. Монаселидзе).

[36]Там же. Д. 97. Л. 1–2 (переводе грузинского); Д. 651. Л. 265 (Х. Тхинвалели).

[37]Там же. Л. 267 (М. Монаселидзе).

[38]*Барбюс А.*Сталин. М., 1936. С. 21.

[39]*Авторханов А.*Коба и Камо // Новый журнал. Нью-Йорк, 1973. Кн. 110. С. 271–272.

[40]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 637. Л. 29 об.; *Бибинейшвили Б.*Камо. С. 189.

[41]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 8. Л. 265 (А. П. Геворкян).

[42]Библиографическая хроника // *Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. С. 410–411.

[43]Большевик. 1932. № 6. С. 40.

[44]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 13. С. 121.

[45]Там же. С. 388.

[46]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 19. Л. 33 (С. И. Кавтарадзе). С. И. Кавтарадзе ошибочно относил принятие этого решения к весне 1907 г. (Там же. Л. 33).

[47]Там же.

[48]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 583. Л. 24–25 (И. Боков).

[49]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. С. 411.

[50]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 69. Л. 28.

[51]ГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 583. Л. 24–25 (И. Боков).

[52]Бакинский рабочий. 1939. 20 дек.

[53]Баку. 1908. 18 марта.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИЗ «ПОДМАСТЕРЬЕВ» В «МАСТЕРА» (1908–1917)

ГЛАВА 1. БАКУ — СОЛЬВЫЧЕГОДСК

Баиловский узник

Весной 1908 г. в канцелярию бакинского градоначальника генерал-майора М. А. Фольбаума поступил рапорт временно исполнявшего обязанности начальника местной сыскной полиции Азбукина [43], в котором говорилось: «В ночь на 25 сего марта лично мною с чинами сыскной полиции совершен обход разных притонов, посещаемых всякого рода преступными лицами, причем задержано несколько подозреваемых лиц, в числе задержанных оказался житель селения Маквини Кутаисской губернии и уезда Коган Бесович Нижерадзе, при котором найдена нелегальная переписка, и потому Нижерадзе передан мною в распоряжение господина начальника Бакинского жандармского управления» {1}.

Где именно и при каких обстоятельствах был арестован Нижерадзе, в рапорте не говорилось. Не отмечено это и в протоколе № 406 от 25 марта 1908 г. о его задержании, тоже подписанном Азбукиным. В этом протоколе Нижерадзе именуется не Коганом, а Гайосом. В нем зафиксировано, что при обыске у него была обнаружена паспортная книжка, выданная 7 апреля 1906 г., что в Ба-

ку он прибыл «с родины» «восемь месяцев» назад, т. е. в июне 1907 г., что вначале жил на Биби-Эйбате, а затем в «Московско-Кавказском товариществе», что был конторщиком в Союзе нефтепромышленных рабочих и являлся корреспондентом газеты «Гудок» {2}.

Был ли одновременно с протоколом о задержании составлен протокол об обыске задержанного и если да, то какова его судьба, неизвестно.

В списке арестованных в ту ночь одновременно с Г. Б. Нижерадзе значится и П. А. Джапаридзе, причем напротив его фамилии отмечено: «водворен по месту звания и жительства» {3}.

25 марта по распоряжению начальника Бакинского ГЖУ полковника Е. М. Козинцева Г. Б. Нижерадзе был заключен в тюрьму {4}, а 26 марта адъютант этого ГЖУ поручик Алексей Никитич Боровков получил распоряжение начать переписку в порядке «Положения о государственной охране» по выяснению политической благонадежности задержанного {5}. 30 марта А. Н. Боровковым было подписано Постановление № 1 о начале переписки {6}, и в этот же день он ознакомился с переданными ему из сыскной полиции «нелегальными» материалами, обнаруженными у Г. Б. Нижерадзе.

Из протокола № 1 об осмотре вещественных доказательств:

«1. Два с половиной листа, озаглавленные „Резолюция представителей Центрального комитета по делу о расколе Бакинской организации РСДРП“. Имеется подпись: представитель Центрального комитета Герман Андрианов. Дата: 15 марта 1908 г. Баку. 2. Шесть клочков бумаги с заметками, касающимися партийной работы.

3. Лист бумаги, печатный, следующего заглавия…». Далее в протоколе шли: 4. Журнал «Гудок». 5. Конверт с прошением. 6. Газета «Промысловый вестник» и 7. Газета «Баку».

Ознакомившись с этими материалами, А. Н. Боровков постановил приобщить к делу «Резолюцию» и «шесть клочков бумаги» {7}.

1 апреля задержанный был допрошен, и сразу же обнаружилось, что под фамилией Нижерадзе скрывался И. В. Джугашвили. На допросе он показал:

«В настоящее время я не принадлежу ни к какой политической противозаконной партии или сообществу. В 1902 г. я привлекался к делам Кутаисского ГЖУ за пропаганду по делу о забастовке. Одновременно с этим привлекался к делам Тифлисского ГЖУ по делу о Тифлисском комитете социал-демократов. В 1904 г., зимой, я скрылся из места ссылки, откуда я поехал в г. Лейпциг, где пробыл около [11 месяцев]. Около восьми месяцев тому назад я приобрел паспорт на имя дворянина Кайоса Нижерадзе, по которому и проживал. Обнаруженный при обыске у меня номер журнала „Гудок" принадлежит мне. В журнале я состоял сотрудником. Рукопись, обнаруженная у меня при обыске и озаглавленная „Резолюция представителей ЦК по делу о расколе в БК РСДРП", мне не принадлежит. Рукопись эта была прислана в Союз нефтепромышленных рабочих на имя редакции журнала „Гудок". Больше я ничего не могу показать» (фото 24) {8}.

Отвечая на вопрос «Был ли за границей?», И. В. Джугашвили вначале категорически заявил: «Не был». В протоколе эти слова взяты в скобки, а рядом написано: «В Лейпциге в 1904 году» {9}. Подобная инфор-

мация содержится и в «литере Б». При ее заполнении на вопрос «Был ли за границей?» И. В. Джугашвили ответил: «В Лейпциге в 1904 г. с целью скрыться от преследования» {10}.

Бросается в глаза еще одна деталь. После слов «больше я ничего не могу показать» дописано: «Из Лейпцига я вернулся после Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. В Лейпциге я жил более года» {11}. Перед нами явная попытка задним числом расширить время «пребывания» за границей и подтянуть возвращение оттуда к осени 1905 г., когда вслед за Манифестом 17 октября последовал указ 21 октября об амнистии.

Мы знаем, что в 1904 г. И. В. Джугашвили не ездил за границу. Что же заставило его изменить свои первоначальные показания и дать сведения, не соответствующие действительности? Объяснение этому, по всей видимости, следует искать в том, что версия о пребывании за границей означала, что в течение этого времени им не могло быть совершено никаких противозаконных действий в России.

Если бы за границей И. В. Джугашвили пробыл 11 месяцев, то вернуться в Россию он мог в конце 1904 — начале 1905 г. Следует отметить, что в 1903–1905 гг. в Лейпциге находился М. Давиташвили и что на Кавказ он вернулся именно в начале 1905 г. Это дает основание полагать, что, выдвигая версию о поездке за границу, И. В. Джугашвили пытался пустить следствие по ложному следу.

Получив такую информацию, поручик А. Н. Боровков обязан был проверить ее достоверность. Вместе с тем требовалось выяснить, чем занимался задержанный после «возвращения» из-за границы, насколько соответ-

ствовала действительности его версия о том, что «Резолюция представителей Центрального комитета» попала к нему из Союза нефтепромышленных рабочих, каково происхождение «шести клочков бумаги с замечаниями, касающимися партийной работы». Однако, если судить по выявленным документам, до конца мая никаких следственных действий по данному делу А. Н. Боровков не производил.

22 мая последовало решение об отстранении его от переписки и передаче ее помощнику начальника Бакинского ГЖУ ротмистру Федору Виссарионовичу Зайцеву {12}.

По существовавшим правилам сразу же после ареста и возбуждения переписки требовалось составление «литеры А», а после первого допроса — «литеры Б». Однако «литера А» появилась на свет только 11 апреля, и только после этого в 7-м делопроизводстве Департамента полиции было заведено дело под № 2329 {13}.

Что же касается «литеры Б», то она появилась лишь 23 мая 1908 г., т. е. на следующий день после принятия решения об отстранении А. Н. Боровкова от переписки, а в Департаменте полиции была зарегистрирована еще позже, 4 июня 1908 г. Знакомство с «литерой Б» обнаруживает некоторые расхождения между ней и Другими документами. Прежде всего из нее явствует, будто бы обыск был произведен «25 марта в квартире Джугашвили» и основанием для ареста послужили «агентурные сведения о [его] политической неблагонадежности, а также обнаруженная при обыске переписка, указывающая на принадлежность Джугашвили в качестве члена к Бакинскому комитету РСДРП» {14}.

Передача дела Ф. В. Зайцеву произошла 30 мая, когда А. Н. Боровков подписал последнее постановление:

«1908 г. мая 30 дня в г. Баку. Я отдельного корпуса жандармов поручик Боровков, согласно предписания начальника Бакинского ГЖУ от 22 сего мая за № 2948 постановил: настоящую переписку для дальнейшего производства представить отдельного корпуса жандармов ротмистру Зайцеву» {15}.

Формально последний приступил к производству переписки 6 июня, но уже 31 мая им были направлены необходимые запросы в Кутаисское и Тифлисское ГЖУ, а также в Дидилиловское волостное правление {16}. Подобный же запрос ротмистр Ф. В. Зайцев обязан был направить в Бакинское охранное отделение. Однако то ли он «забыл» это сделать, то ли полученный оттуда ответ до нас не дошел.

Первым на сделанные запросы уже 13 июня ответил Кутаис.

«Вследствие отношения от 31 мин[увшего] мая за № 3092 доношу, — сообщал начальник Кутаисского ГЖУ, — что крестьянин Дидилиловского сельского общества Тифлисской губернии и уезда Иосиф Виссарионов Джугашвили действительно привлекался при вверенном мне пункте в 1902 г. к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 251 ст. Улож. о наказаниях, причем преступная деятельность его заключалась в том, что он был главным руководителем и учителем батумских рабочих в их рабочем революционном движении, сопровождавшемся разбрасыванием прокламаций с призывом к бунту и к ниспровержению правительства. Опознать же Джугашвили по представляемой при сем фотографической карточке ввиду давности вре-

мени никто из чинов вверенного мне пункта и полиции не мог.

К сему считаю нужным присовокупить, что названный Джугашвили, как видно из дел вверенного мне пункта, в том же 1902 г. привлечен был к дознанию в качестве обвиняемого при Тифлисском губернском жандармском управлении по делу о „Тифлисском кружке РСДРП", по каковому делу являлся одним из главных виновных» {17}.

Тифлисское губернское жандармское управление, прежде чем ответить на письмо из Баку, обратилось с соответствующим запросом в Тифлисское охранное отделение, откуда 17 июня 1908 г. под грифом «Секретно» был направлен следующий ответ:

«С представлением настоящей переписки начальнику Тифлисского ГЖУ имею честь донести его высокоблагородию, что о поименованном здесь Джугашвили в делах охранного отделения имеются следующие сведения.

В 1902 г. Джугашвили привлекался при Тифлисском ГЖУ к дознанию обвиняемым по делу „О тайном кружке РСДРП в городе Тифлисе", за что на основании Высочайшего повеления, последовавшего в 9-й день июля 1903 г. , был выслан административным порядком в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком натри года и водворен в Балаганский уезд Иркутской губернии.

5 января 1904 г. Джугашвили из места водворения скрылся и разыскивался циркуляром Департамента полиции от 1 мая 1904 г. за № 5500, в котором указаны подробные приметы Джугашвили.

По негласным сведениям 1903 г., Джугашвили состоял во главе Батумского комитета с[оциал]-демократи-

ческой] р[абочей] партии и в организации был известен под кличкой Чопур. По тем же сведениям, в 1904 и 1906 гг. проживал в Тифлисе и занимался нелегальной деятельностью. Приложение: фотографическая карточка.

За начальника Тифлисского охранного отделения губернский секретарь Нарышкин» {18}.

Есть основания утверждать, что тифлисская охранка располагала и другими данными об И. Джугашвили (в частности, это касается вопроса о его аресте и побеге из-под стражи в 1905 г.), но почему-то не сочла необходимым включить их в свое письмо. В любом случае ее ответ перечеркивал версию о том, что до начала 1905 г. И. В. Джугашвили находился за границей и в политической деятельности не участвовал.

Письмо охранного отделения было получено Тифлисским ГЖУ 18 июня и здесь зарегистрировано под № 4959 {19}. Ознакомившись с ним, начальник этого управления и одновременно по должности начальник Кавказского районного охранного отделения полковник А. М. Еремин карандашом начертал резолюцию: «Нет ответа о том, действительно ли лицо, изображенное на карточке, есть Джугашвили. Е[ремин]. 18.VI» {20}. По его распоряжению был поднят архив, и снизу на полях письма Тифлисского охранного отделения появилась следующая карандашная запись:

«<…> 2–232–234–290–4/902–102–113–133–138–139–146–148–152–153–155—<…>—201–190/902–74–79–81–89–90–114–163–166–188–228–263–267–271–365—<…>—389–399–417–444–464–486–489–494–515–533–549—[555]—558—[570]—585» {21}.

По всей видимости, это номера дел Тифлисского ГЖУ с указанием листов, на которых упоминалась фамилия И. В. Джугашвили.

24 июня Тифлисское ГЖУ направило своим бакинским коллегам следующий ответ:

«Возвращая фотографическую карточку Иосифа Виссарионова Джугашвили, сообщаю, что по имеющимся в сем управлении сведениям, он в 1902 г. был привлечен при Кутаисском ГЖУ обвиняемым по 251 статье Улож. о наказ., 21 июня того же 1902 г. Джугашвили был привлечен при сем управлении к дознанию о тайном кружке РСДРП по обвинению в преступлении, предусмотренном 1 ч. 251 ст. Улож. о наказ. Дознание это разрешено административным порядком, и Джугашвили по высочайшему повелению от 9 июля 1903 г. был выслан под гласный надзор полиции на 3 года в Восточную Сибирь. 5 января 1904 г. Джугашвили из места ссылки скрылся и разыскивается циркуляром Департамента полиции от 1 мая 1904 г. за № 5500. Установить личность Джугашвили по карточке не представляется возможным, так как [его] фотографической карточки в управлении не имеется, а лицо его никто не помнит. Подполковник (подпись)» {22}.

Что сразу же бросается в глаза в этом ответе? Тифлисское ГЖУ не включило в него сведения охранного отделения о нелегальной деятельности И. В. Джугашвили в Тифлисе в 1904 и 1906 гг. Вопреки фактам, был подписан такой ответ, который вполне согласовывался с версией И. В. Джугашвили о его отсутствии на Кавказе в 1904 г.

Не удалось установить, обращался ли ротмистр Ф. В. Зайцев с запросом в Департамент полиции, но 17 июля

1908 г. здесь была составлена «Справка по Регистрационному отделу», сохранившаяся в 7-м делопроизводстве и содержавшая сведения о наличии в Департаменте полиции документов об И. В. Джугашвили: «О[собый] [отдел]. 1904. Д. 5–11—Б (26165); 1898. Д. 5–59-А (8517); 1902. Д. 825. Ч. 16 (7633/903); 1903. Д. 521. Ч. 7; VII делво. 1902. Д. 175 (15134, 16727, 18007); 1902. Д. 214 (12171); 1902. Д. 175. Ч. 4 (11451,6418 В); 1901. Д. 171 (5415,6381); 1902. Д. 630. Ч. 1 (1742 Б); 1902. Д. 2–27 (22145 Г); 1902. Д. 630 (9698,9725,9754, 12436); [Особый отдел]. 1904.Д. 6,ч.313; 1898.Д. 5–52-В (2571–1813/903)» {23}.

Трудно сказать, когда именно это произошло, но, вероятнее всего, после отстранения поручика А. Н. Боровкова из следственного дела исчезла упоминаемая выше «Резолюция представителя Центрального комитета». Вместо нее сейчас в деле находится резолюция конференции Бакинской организации РСДРП по поводу произошедшего в ней раскола, причем не на двух с половиной, а на одном листе {24}. Непонятна и судьба «шести клочков бумаги с заметками, касающимися партийной работы», так как сохранившиеся «заметки» представляют собой выписки из программы РСДРП, причем сделаны явно не рукой И. В. Джугашвили {25}.

Ротмистр Ф. В. Зайцев, удовлетворившись полученными ответами, 1 августа 1908 г. прекратил переписку {26}, и 4 августа начальник Бакинского ГЖУ генерал-майор Е. М. Козинцев подписал подготовленное Ф. В. Зайцевым постановление:

«Постановление № 4287. 1908 г. августа 4-го дня в гор. Баку. Я, начальник Бакинского губернского жандармского управления генерал-майор Козинцев, рассмот-

рев оконченную производством переписку по собиранию сведений о выяснении степени политической благонадежности назвавшегося Кайосом Нижерадзе и в действительности оказавшегося Иосифом Виссарионовым Джугашвили, нашел следующее: 25 марта сего года чинами бакинской сыскной полиции был задержан неизвестный, назвавшийся жителем села Маклаки Кутаисской губернии и уезда Кайосом Нижерадзе, при обыске которого найдена была переписка партийного содержания.

Произведенной по сему делу перепиской в порядке охраны выяснено, что Нижерадзе — крестьянин Дидилиловского сельского общества Иосиф Виссарионов Джугашвили, привлекавшийся в 1902 г. при Кутаисском губернском жандармском управлении по 251 ст. и при Тифлисском по 1 ч. 251 ст. Уложения о наказаниях. Последнее дознание было разрешено административным порядком, и Джугашвили по высочайшему повелению от 9 июля 1903 г. был выслан в Восточную Сибирь (под надзор полиции на 3 года), откуда скрылся и разыскивался циркуляром Департамента полиции от 1 мая 1904 г. за № 5500. Иосиф Джугашвили с 25 марта сего года содержится под стражей в Бакинской тюрьме. Полагал бы Иосифа Виссарионова Джугашвили водворить под надзор полиции в Восточную же Сибирь сроком на три года. Постановил: настоящую переписку препроводить на распоряжение г. бакинского градоначальника. Подлинное подписал генерал-майор Козинцев» {27}.

Знакомство с постановлением не может не вызвать удивления. Содержавшаяся в нем фраза «разыскивался циркуляром Департамента полиции от 1 мая 1904 г.» создавала иллюзию, будто бы к моменту ареста И. В. Джугашвили розыск был прекращен. Действительно, за четыре года после его побега амнистия объявлялась два-

жды: 11 августа 1904 г. в связи с рождением наследника престола Алексея и 21 октября 1905 г. по случаю перехода к конституционной форме правления.

Однако в Манифесте 11 августа 1904 г. об административно-ссыльных говорилось: «Лицам, подвергнутым в том же (т. е. административном порядке. — *А.О.*) порядке тюремному заключению свыше шести месяцев, ограничению в праве избрания места жительства свыше одного года или гласному надзору полиции также свыше одного года, сократить срок взыскания на одну треть по удостоверении в добром поведении отбывающего взыскания» [28]. Очевидно, что на И. В. Джугашвили эта амнистия не распространялась, так как к моменту ее объявления он находился в бегах, что явно не свидетельствовало о его «добром поведении».

Не подпадал он и под действие Указа 21 октября 1905 г. Хотя его 6 ст. предусматривала освобождение лиц, находившихся под гласным надзором полиции, но содержала одно очень важное примечание: «В отношении лиц, подвергнутых административным взысканиям в пределах Кавказского края, в сем пункте указанные меры применяются наместником нашим на Кавказе по мере умиротворения сего края» [29]. Между тем никаких сведений о том, что к весне 1908 г. розыск И. В. Джугашвили был прекращен, обнаружить не удалось.

Обращает на себя внимание и то, что если в рапорте Азбукина говорилось об обнаружении у задержанного К. Нижерадзе «нелегальной переписки», то в постановлении Бакинского ГЖУ она превратилась в «переписку партийного содержания». Атак как после Манифеста 17 октября 1905 г. в России появились легальные партии,

«переписка партийного содержания» могла не иметь криминального характера.

Таким образом, Бакинское ГЖУ сделало все возможное, чтобы создать впечатление, будто бы главная вина И. В. Джугашвили заключалась в побеге из ссылки и проживании по чужому паспорту. А поскольку 9 июля 1903 г. он был приговорен к трем годам гласного надзора полиции и после побега 5 января 1904 г. за ним числилось два с половиной года неотбытой ссылки, получается, что Бакинское ГЖУ предлагало увеличить срок наказания всего лишь на полгода.

Подписав 4 августа 1908 г. постановление по итогам переписки, начальник Бакинского ГЖУ Е. М. Козинцев в тот же день направил ее материалы бакинскому градоначальнику М. А. Фольбауму [{30}].

М. А. Фольбаум поддержал предложение ГЖУ о высылке И. В. Джугашвили в Сибирь на 3 года [{31}] и 27 августа (№ 17004) направил его дело вместе с документами еще семи арестантов в Департамент полиции.

«Представляя при сем 8 протоколов, составленных во всем согласно циркуляра Департамента полиции от 30 марта 1906 г. за № 9290, — писал генерал-майор М. А. Фольбаум, — я в интересах обеспечения государственного порядка и общественной безопасности ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством о высылке всех перечисленных лиц в местности и на сроки, указанные в представляемых протоколах» [{32}].

В этот же день, 27 августа, градоначальник уведомил Особый отдел по полицейской части Канцелярии наместника на Кавказе о высылке копий названных выше документов в его адрес:

«При этом препровождаю в Особый отдел для сведения копию с представления мною к министру внутренних дел от 27 августа 1908 г. № 17004 и приложением (8 протоколов) о высылке из пределов Бакинского градоначальства поименованных в этих протоколах лиц как вредных для общественного спокойствия и государственной безопасности с подчинением на местах ссылки гласному надзору полиции» {33}.

Существовавшие нормативные документы предписывали, чтобы представляемые в Департамент полиции материалы содержали протокол, в котором бы в лаконичной форме излагались суть дела и обоснование предлагаемого решения. Именно этим требованиям не соответствовал протокол, касавшийся И. В. Джугашвили. Он был предельно краток: «Обвиняется в предосудительных деяниях, изложенных в при сем прилагаемом постановлении начальника Бакинского ГЖУ от 4 августа 1908 г. № 4287» {34}.

Сохранился доклад № 10 Департамента полиции Особому совещанию, образованному согласно 34 ст. «Положения о государственной охране» 26 сентября 1908 г. В докладе фигурировали 29 человек. Шестым в этом списке значился И. В. Джугашвили.

Предложение Департамента полиции было сформулировано следующим образом: «6) Иосифа Джугашвили выслать в Тобольскую губернию на три года под гласный надзор полиции» {35}.

Представленные материалы были рассмотрены Особым совещанием при МВД в тот же день, 26 сентября. В отношении шести человек предлагаемый губернским жандармским управлением срок ссылки Совещание сократило с трех до двух лет, среди них был И. В. Д-

жугашвили. Причем все они вместо Сибири получили возможность отбывать срок гласного надзора полиции в Вологодской губернии {36}.

Несмотря на то что постановление Особого совещания противоречило не только букве закона, но и назначению данного учреждения, 29 сентября оно было утверждено министром внутренних дел П. А. Столыпиным {37}.

Самый долгий этап

8 октября 5-е делопроизводство Департамента полиции сообщило о принятом решении бакинскому градоначальнику [44]:

«Выслать под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию на 2 года: крестьян Иосифа Виссарионова Джугашвили, Харитона Яковлева Огурцова, Ивана Сергеева Уварова, Павла Федорова Калинина, Аршака Осипова Казарова, Ивана Иванова Денисова и мещан Захара Андреева Вербицкого, Константина Владимирова Белецкого, Григория Серафимова Тарасова, Годю Янкелева Черняховского, Якова Давидова Зевина, Мейера Самуилова Авербаха, Кеворка Мирзадянова Багианца, Якова Григорьева Ходорова и мещанку Хасю Абрамову Гурарье». Остальные 14 из 29 человек были высланы в другие губернии Российской империи {1}.

В канцелярии бакинского градоначальника это письмо было зарегистрировано 20 октября 1908 г. Получается, что дорога от Петербурга до Баку заняла 12 дней. На письме имеются две пометки: «Получено во 2-м отд. 23 октября 1908 г. Настольный реестр вх. № 12635» и «К исп[олнению]. Скорее. 24/10» {2}.

Однако и после такой резолюции бюрократическая машина продолжала работать на холостом ходу. Только 4 ноября градоначальник дал распоряжение полицмейстеру поставить И. В. Джугашвили в известность о принятом решении и выслать его в Вологодскую губернию с «первым же отходящим этапом» {3}.

Складывается впечатление, что кто-то сознательно задерживал исполнение распоряжения Департамента полиции.

Считается, что из Баку И. В. Джугашвили ушел по этапу 9 ноября 1908 г. [45]Что же касается его прибытия на место ссылки в город Сольвычегодск Вологодской губернии, то, согласно документам, сюда его доставили 27 февраля 1909 г. {4}.

Получается, что путь из Баку в Сольвычегодск занял 110 дней, без малого четыре месяца. Это почти равно продолжительности всех остальных этапов И. В. Джугашвили вместе взятых. Между тем дорога от Баку до Сольвычегодска по железной дороге требовала всего нескольких суток.

Где же произошла задержка и чем она была вызвана?

Отправлению ссыльного на этап предшествовало заполнение так называемого «открытого листа» с краткими сведениями об этапируемом и описанием его примет. Чаще всего это делалось в день отправления этапа. «Открытый лист» И. В. Джугашвили имеет номер 2068 и датирован 9 ноября 1908 г. Нетрудно, правда, заметить, что цифра «9» представляет собой исправленную цифру «6» {5}.

Как правило, арестантов отправляли на этап партиями, и номер «открытого листа» означал номер этапной партии. Пока удалось обнаружить только один «открытый лист» с № 2068. Зато в нашем распоряжении имеется шесть «открытых листов» № 2065, датированных 9 ноября [6], и четыре «открытых листа» № 2071, датированных 8 ноября [7]. В них значатся фамилии тех же лиц, которые фигуровали в приведенном выше письме 5-го делопроизводства Департамента полиции от 8 октября и подлежали высылке вместе с И. В. Джугашвили из Баку в Вологодскую губернию.

Это значит, что в начале ноября все эти лица были объединены как минимум в три этапные партии и за каждой из них закреплен номер, в соответствии с которым их планировалось отправить из Баку. Однако партия ссыльных № 2068, которую предполагалось отправить на этап 6 ноября, покинула Баку не ранее 9 ноября одновременно с этапной партией № 2065, которая должна была быть сформирована не позднее 6 ноября. В то же время «открытый лист» № 2071 никак не мог иметь дату 8 ноября. Это значит, что с оформлением и отправкой трех указанных этапных партий произошел какой-то сбой.

Сохранились воспоминания Акима Михайловича Семенова, который был арестован в 1908 г. в Дагестане и по свидетельству которого в Ростове-на-Дону в арестантском вагоне, прибывшем из Баку, он встретился с И. В. Джугашвили. Вместе они следовали по маршруту Ростов-на-Дону — Курск — Москва, после чего их пути разошлись [8]. Имеются также воспоминания Василия Тимофеевича Скоморохова, высланного в Вологодскую губернию из Харькова и утверждавшего, что он познакомился с И. В. Джугашвили в Тульском централе

{9}. «Здесь, — вспоминал В. Т. Скоморохов, — мы встретились с четырьмя грузинами. В числе их был И. В. Джугашвили. Одет он был в толстовку, полуботинки, брюки навыпуск, в кепке. Из Тульского централа нас вместе с этими четырьмя грузинами направили в Москву (в Бутырскую тюрьму)» {10}.

На сохранившихся «открытых листах» этапов № 2065 и 2071 имеются пометки, сделанные синим карандашом, — «Москва», регистрационный номер (от 5055 до 5069) и дата черными чернилами — 21 ноября {11}. Подобная же пометка («Москва»), но без даты и регистрационного номера видна и на «открытом листе» № 2068 {12}. Это позволяет утверждать, что отправленные вместе с И. В. Джугашвили из Баку в Вологодскую губернию ссыльные не позднее 21 ноября уже находились в Москве.

По имеющимся мемуарным свидетельствам, здесь они действительно были помещены в Бутырскую тюрьму {13}. В этой тюрьме И. В. Джугашвили встретил своего земляка, бывшего тифлисского рабочего, участника железнодорожной стачки 1900 г. Лаврентия Захаровича Самчкуашвили [46]{14}, а также познакомился с луганским рабочим Петром Алексеевичем Чижиковым [47]{15}. Оба тоже следовали в Вологду, откуда затем были отправлены в город Тотьму. Л. З. Самчкуашвили прибыл туда 19 января {16}, П. А. Чижиков — 9 февраля 1909 г. {17}.

Описывая свой путь дальше, В. Т. Скоморохов вспоминал: «Здесь (т. е. в Москве. — *А.О.*) нас продержали четыре дня» {18}. «Из Москвы, — читаем мы в воспоминаниях В. Т. Скоморохова далее, — всех вместе

направили в Ярославль (Коровицкая каторжная тюрьма). Здесь нас продержали три дня и из Ярославля отправили в Вологду (Вологодская пересыльная тюрьма). Здесь нас продержали три дня и из Вологодской пересыльной тюрьмы разослали по своим районам. Меня, в частности, выслали в Тотьму… тов. Сталин со своей группой грузин остался в Вологодской пересыльной тюрьме» {19}.

Если исходить из воспоминаний В. Т. Скоморохова, не позднее 28 ноября И. В. Джугашвили уже мог быть в Вологде. Однако если М. С. Авербах и его жена Х. А. Гурарье добрались до Вологды через месяц {20}, то все остальные ссыльные, отправленные вместе с И. В. Джугашвили из Баку, были доставлены туда только в конце января 1909 г. {21}.

Как же совместить почти двухмесячную задержку И. В. Джугашвили в Москве с утверждением В. Т. Скоморохова о том, что их этап, в котором находился и И. В. Джугашвили, был отправлен из Москвы далее через четыре дня после прибытия?

Знакомство с «открытыми листами» товарищей И. В. Джугашвили по этапу позволяет обнаружить следующий факт: по их прибытии в Москву здесь была проведена тщательная проверка соответствия содержавшегося в «открытых листах» описания примет действительности, и во многих случаях эти описания подверглись корректировке. В подобной процедуре нет ничего необычного, так как она предусматривалась существовавшими правилами. Однако на практике проверка достоверности сведений, содержащихся в «открытых листах», чаще всего производилась лишь тогда, когда возникали подозрения, что следуемый по этапу арестант является не тем, за кого он себя выдает.

О том, что такие факты могли иметь место, свидетельствует, например, нахождение в этапе № 2065, следовавшем из Баку в Вологду, Якова Григорьевича Ходорова, под именем которого в действительности скрывался Гирш Берович Рысс [48]. По постановлению Ташкентской судебной палаты от 27 октября 1907 г. он должен был отбыть 3 года тюремного заключения, но сумел бежать, перебрался в Баку и отсюда уже по другому делу и под другой фамилией был отправлен в ссылку, о чем жандармам стало известно только по его прибытии в Вологду {22}.

В связи с этим заслуживают внимания воспоминания члена партии «Гнчак» Багдасара Овчияна. Отмечая факт ареста И. В. Джугашвили в 1908 г., он писал: «После бегства из тюрьмы т. Сталин вторично появился на горизонте в Баку в 1910 г.» {23}.

Во время пребывания И. В. Джугашвили в бакинской тюрьме действительно была сделана попытка организации побега всех арестантов камеры № 3, в которой он сидел. Но, как явствует из воспоминаний, этот побег не удался.

«Надо вспомнить о попытках к бегству всей третьей камеры во главе со Сталиным, — писал, например, Б. Бибинейшвили. — Одна из таких попыток была близка к успеху — железные решетки были перепилены (большей частью самим Сталиным), веревка из простыни для спуска была готова. Еще 5–10 минут, и они очутились бы на воле. Но вовремя не был подан сигнал извне, и побег не состоялся» {24}.

Как же тогда объяснить утверждение Багдасара Овчияна? Подвела ли его память или же кроме широко известной, но не удавшейся попытки побега, имела место и

другая, оказавшаяся успешной? В этом отношении показательно, что Б. Бибинейшвили писал не о попытке, а о «попытках к бегству». Следовательно, арестантами третьей камеры, в которой сидел И. В. Джугашвили, предпринимались и другие усилия, чтобы вырваться на волю.

И действительно, имеются сведения, что после неудавшегося побега, о котором шла речь ранее, появилась мысль заменить И. В. Джугашвили на кого-либо из находившихся на воле. Первоначально выбор пал на уже упоминавшегося рабочего И. Бокова. Предполагалось, что он явится в тюрьму в день свидания, по его окончании смешается с заключенными и уйдет с ними в тюремную камеру, а И. В. Джугашвили вместо него выйдет из тюрьмы вместе с посетителями. Несмотря на то что за содействие побегу грозило тюремное заключение, И. Боков согласился участвовать в этой операции. Однако в самую последнюю минуту партийная организация отказалась от его услуг {25}.

Почему?

Ответ на этот вопрос мы находим в воспоминаниях Ильи Павловича Надирадзе, который в 1908 г. сидел вместе с И. В. Джугашвили в бакинской тюрьме. Они были не только земляками, но и жили в Гори в соседних домах. Более того, когда Е. Г. Джугашвили, узнав об аресте сына, приехала весной 1908 г. в Баку, именно И. П. Надирадзе и его жена устраивали ей свидание с ним {26}.

«В 1908 г. (не помню какого числа), — вспоминал И. П. Надирадзе, — привели в Баиловскую тюрьму товарища Сталина, которого я знал еще в детстве по Гори… привели в нашу камеру… В камере № 3 помещались то-

варищ Серго Орджоникидзе, Павел Сакварелидзе, Григорий Сакварелидзе, я и другие. Старостами политического корпуса были избраны заключенными я, тт. Андрей Вышинский и Юстус… Андрей был прикреплен к кухне, Юстус к пересыльной, а я к административной части» {27}.

Рассказав далее о неудачной попытке побега всей камеры № 3, И. П. Надирадзе отмечал:

«Вскоре после этого в тюрьму прибыл из Кутаисской губернии этап, следуемый в административную ссылку по разным губерниям России… Среди них оказался молодой человек т. Жвания, партийности которого я не помню. Посоветовавшись между собой, старосты, т. е. я и тт. Вышинский и Юстус, решили Сосо проводить „на сменку". С этой целью был вызван т. Жвания, с которым нам удалось договориться и получить его согласие о том, что при уходе этапа вместо него под его фамилией уйдет И. В. Сталин. <…> Настал день отправки, начали перекликать на этап. Послышался выкрик „Жвания", тут Сосо расцеловал нас и тихо проговорил: „До свидания, товарищи" <…>. Было красиво наблюдать, как товарищ Сталин с сумкой, одетый в теплую шубу, шагал своей медленной и твердой походкой. Он не „провалился" и ушел благополучно. Через месяц по уговору мы получили письмо, что он на воле. По истечении времени был отправлен в этап т. Жвания» {28}.

В 1937 г. И. П. Надирадзе обратился с письмом к А. Я. Вышинскому. Он просил его подтвердить, что сидел в Баиловской тюрьме за политическое убийство и что они вместе принимали участие в организации описанного выше побега И. В. Джугашвили. Эти сведения необходимы были И. П. Надирадзе для получения персональной пен-

сии. Удалось обнаружить ответ А. Я. Вышинского, датированный 7 июля 1937 г. А. Я. Вышинский подтверждал все, о чем просил его И. П. Надирадзе, за исключением последнего: «Что же касается факта организации товарищу Сталину смены в Сольвычегодск вместо административного ссыльного Жвания, то, к сожалению, этот факт вследствие запамятования, очевидно, удостоверить не могу, хотя и помню, что тогда же в Баилрвской тюрьме находился административно-ссыльный Жвания» {29}.

Маловероятно, чтобы в 1937 г. человек не только решился приписать себе несуществующие заслуги, связанные с И. В. Сталиным, но и на основании этого стал бы хлопотать о пенсии перед столь высоким лицом, каким был в это время генеральный прокурор СССР А. Я. Вышинский, а затем, несмотря на то что тот отказался подтвердить факт его участия в организации побега вождя, оставил свои воспоминания на этот счет и передал их в партийный архив.

В связи с этим заслуживает проверки версия о том, что 9 ноября 1908 г. из Баку с «открытым листом» № 1068 под фамилией И. В. Джугашвили ушел по этапу в Вологду арестант Жвания, а под фамилией Жвания был взят на этап И. В. Джугашвили. Это могло произойти не позднее 24 октября, так как этим днем датирован «открытый лист» Владимира Готфридовича Юстуса (№ 1920) {30}, который, по воспоминаниям И. П. Надирадзе, принимал участие в этой замене.

Не исключено, что когда около 21 ноября этапную партию, в которой находился Жвания, доставили в Москву, обнаружилось, что он не тот, за кого выдает себя. Это привело к задержке в Бутырской тюрьме всех арестан-

тов, следовавших из Баку. И только после того как настоящего И. В. Джугашвили удалось задержать, он, а вместе с ним и остальные арестанты, шедшие по этапу в Вологду, получили возможность следовать дальше.

Одним из тех, с кем И. В. Джугашвили оказался в Вологодской пересыльной тюрьме, был рабочий Урочьярославских паровозовагоноремонтных мастерских Ф. В. Блинов, отбывавший ссылку в Вологодской губернии.

«...Наш этап прибыл в Вологодскую пересыльную тюрьму, — вспоминал он, относя свое прибытие в Вологду к декабрю 1908 г. — Меня поместили в камеру № 3, где находилось около 20 политических заключенных. В камере было холодно, сыро, и многие заболевали. Ежедневно в тюрьме умирало от тифа несколько человек... Мое внимание привлек молодой человек лет 28... В камере его звали тов. Коба. Он недавно прибыл по этапу, издалека, из Бакинской тюрьмы». Из тех событий, которые запомнились Ф. В. Блинову за время пребывания в Вологде, можно отметить побег из тюрьмы одного арестанта, шедшего по этапу в Сибирь. «Вскоре — писал Ф. В. Блинов, — меня отправили в ссылку в Вельск, а Кобе начальник губернии назначил местом жительства Сольвычегодск». Из других ссыльных, находившихся в вологодской тюрьме, Ф. В. Блинову запомнился товарищ И. В. Джугашвили по нарам — арестант Смирнов [49]{31}.

Когда именно И. В. Джугашвили прибыл в Вологду, остается неизвестным. Единственным источником, дающим некоторое представление на этот счет, являются следующие слова из письма на имя сольвычегодского исправника: «По прибытии названного лица в г. Вологду г. начальник губернии 27 сего января (1909 г. — *А.*

О.) назначил местом жительства ему город Сольвычегодск» {32}.

Сразу же после того как Особое совещание при МВД приняло постановление о высылке И. В. Джугашвили в Вологодскую губернию, 5-е делопроизводство Департамента полиции уведомило об этом вологодского губернатора, и 16 октября 1908 г. в канцелярии губернского правления на И. В. Джугашвили было заведено специальное дело № 1903, которое сейчас хранится в РГАСПИ {33}.

По прибытии И. В. Джугашвили в Вологду губернатор должен был уведомить о его прибытии ГЖУ, и здесь под № 136 появилось дело «О состоящих под гласным надзором полиции Михаиле Иванове Дрожжеве, Иосифе Виссарионове Джугашвили, Филиппе Васильеве Добрине и Фраиме-Хацкеле Ицкове Динзбурге. Началось 6 марта 1909 г. Кончилось 22 июля 1911 г. На 24 л.» {34}.

«Открытый лист», с которым И. В. Джугашвили был отправлен из Вологды в Сольвычегодск, нам неизвестен. По одним данным, он был составлен начальником Вологодского исправительного арестантского отделения 29 {35}, по другим — 31 января {36}. Остается неясной и дата отправления И. В. Джугашвили далее по этапу. По всей видимости, он покинул Вологду 1 февраля 1909 г. Этим числом датировано его письмо из Вологодской пересыльной тюрьмы {37}, адресованное грузинскому социал-демократу Льву (Левану) Дмитриевичу Кизирия и подписанное «Коба П» {38}.

Путь из Вологды в Сольвычегодск лежал через Вятку. Здесь фамилия И. В. Джугашвили под № 4 появилась в «Именном попутном списке гражданских арестантов,

отправленных из Вятки до Сольвычегодска» 2 февраля. На списке имеется пометка: «Иосиф Джугашвили остался в Вятке, старший конвоя не принял из тюрьмы. Рядовой (подпись)» {39}.

Оставленный в Вятке И. В. Джугашвили был передан в распоряжение местного полицмейстера. Об этом свидетельствует запись № 561 в «Регистрационном журнале Вятского городского полицейского управления прибывших и проезжающих политических ссыльных через г. Вятку за 1908–1909 гг.»: «Время поступления — февраль, 4», «фамилия, имя, отчество — Джугашвили Иосиф Виссарионов», «откуда — из Вологды при открытом листе начальника исправительного арестантского отделения от *31 января за № 527*» {40}.

Ответ на вопрос о причине оставления И. В. Джугашвили в Вятке дает выписка из «Журнала Вятской губернской земской больницы на 1908 и 1909 гг.». В этом журнале под № 696 мы читаем: «Время поступления: 8 февраля. Джугашвили Иосиф Виссарионов, арестант Вятской тюрьмы. Название болезни — [Typhus recurxens]». Кроме него с этим же диагнозом в больницу было положено еще четыре арестанта {41}.

Здесь И. В. Джугашвили находился до 20 февраля, после чего его вернули в местную тюрьму и оттуда взяли на этап. В «Регистрационном журнале Вятского городского полицейского управления прибывших и проезжающих политических ссыльных через г. Вятку за 1908–1909 гг.» в графе «Куда выбыл» против фамилии И. В. Джугашвили значится: «26 февраля на Котлас» {42}.

Из Вятки до Котласа можно было добраться только по железной дороге, а из Котласа до Сольвычегодска — санным путем по льду реки Вычегды. Как явствует из ра-

порта уездного полицейского исправника В. Н. Цивилева, сюда И. В. Джугашвили прибыл 27 февраля 1909 г. «при открытом листе начальника Вологодского исправительного отделения от *29 января за № 415/522*» {43}.

Нельзя не обратить внимание на то, что в Вятку И. В. Джугашвили доставили «при открытом листе начальника [вологодского] исправительного арестантского отделения от 31 января за № 527», а из Вятки в Сольвычегодск — «при открытом листе начальника вологодского исправительного отделения от 29 января за № 415/522». Что это? Путаница в оформлении документов? Или же под фамилией И. В. Джугашвили следовали два совершенно разных человека.

В северном захолустье

Уездный город Сольвычегодск располагался на высоком берегу реки Вычегды в 27 км от железнодорожной станции Котлас {1}.

«Первая сольвычегодская ссылка тов. Сталина, — писал один из его биографов, В. Холодовский, — продолжалась 116 дней, и от нее не осталось сколько-нибудь значительных архивных данных и воспоминаний» {2}.

Направив И. В. Джугашвили для отбывания ссылки в Сольвычегодск, губернатор уведомил об этом сольвычегодского уездного исправника В. Н. Цивилева {3}. И здесь в канцелярии уездного полицейского правления 10 февраля 1909 г. появилось дело № 17 «О крестьянине Иосифе Виссарионове Джугашвили» {4}. Оно могло бы дать некоторое представление об этом эпизоде в его биографии, однако, несмотря на то что делу удалось пе-

режить Гражданскую войну [5], разыскать его не удалось.

По прибытии на место ссылки ссыльные обязаны были давать расписку о том, что они ознакомлены с правилами отбывания гласного надзора полиции. 27 февраля 1909 г. такую расписку «дал» и И. В. Джугашвили. Однако нетрудно заметить, что под ней стоит не его подпись. Это настолько очевидно, что в свое время, когда производилось изъятие из архивов сталинских автографов, данный документ был оставлен без внимания [6].

Хотя И. В. Джугашвили прибыл в Сольвычегодск 27 февраля, надзор полиции был установлен за ним только 5 марта. В этот день сольвычегодский исправник направил полицейскому надзирателю Сольвычегодска следующее распоряжение: «Предписываю Вашему благородию учредить гласный надзор за прибывшим 27 февраля с. г. в г. Сольвычегодск административно-ссыльным крестьянином села Диди Лило Тифлисской губернии и уезда Иосифом Виссарионовым Джугашвили» [7].

«Где жил товарищ Сталин в период первой своей ссылки в 1908–1909 гг., выяснить так и не удалось, — констатировал уже после Великой Отечественной войны директор местного сталинского музея. — Никто из местных жителей этого указать не мог, а весь политический архив, в котором, вероятно, были эти сведения, был увезен несколько лет тому назад в г. Великий Устюг» [8], где оставался неразобранным и фактически недоступным исследователям [9]. Позднее, уже в 1952 г., фонды сольвычегодского уездного полицейского исправника и сольвычегодского уездного полицейского управле-

ния передали в Государственный архив Архангельской области [10].

Одним из первых, кого И. В. Джугашвили мог встретить в Сольвычегодске, был член ЦК РСДРП Иосиф Федорович Дубровинский, доставленный сюда на две недели раньше, 13 февраля. Однако уже 1 марта И. Ф. Дубровинский бежал [11].

О том, с кем контактировал здесь И. В. Джугашвили и как протекала его жизнь, сохранились лишь отрывочные сведения. Прежде всего это сведения о выдаче ежемесячного пособия в размере 7 руб. 40 коп. за март-июнь 1909 г., в которых фигурирует его фамилия [12], а также о двух собраниях ссыльных: 25 мая (на мосту) и 12 июня (в лесу) [13].

Из протокола, составленного полицейским надзирателем Колотовым, явствует, что в ночь с 11 на 12 июня за городом у разложенного на берегу Вычегды костра было застигнуто около 15 человек, из числа которых в протоколе фигурируют ссыльные Антон Федорович Богатырев, Петр Филиппович Дементьев, Иосиф Виссарионович Джугашвили, Сергей Поликарпович Курочкин, Варвара Васильевна Полуботок, Исаак Менделевич Свердлов, Минард Петрович Соликвенко, Сергей Семенович Шкарпеткин, а также освобожденные от надзора полиции Попов и Петровская. В этом же протоколе значатся поднадзорные Давид Пинькович Иоффе, Михаил Ильич Оплачко и Николай Семенович Захаров, не признавшие свое участие в этом «сборище» [14].

Кто кроме перечисленных выше лиц входил в круг общения И. В. Джугашвили во время его первой сольвычегодской ссылки, еще предстоит выяснить [15].

Что же касается названных лиц, то из их числа особого внимания заслуживает Стефания Леандровна Петровская (р. ок. 1886). Родилась она в Одессе. Ее отец, Леандр Леандрович, католик, потомственный дворянин, служил в земской управе и на улице Степовой имел собственный дом. Мать рано умерла, и детей воспитывала мачеха Наталья Васильевна. В 1902 г. Стефания закончила Первую Мариинскую гимназию и поступила на Высшие женские курсы. В сентябре 1906 г. она оставила родной город и уехала в Москву. Здесь почти сразу же была арестована, но, правда, вскоре (16 декабря) из-за отсутствия улик освобождена. В начале 1907 г. ее привлекли к переписке при Московском ГЖУ по новому делу и летом того же года выслали в Вологодскую губернию сроком на 2 года. Первоначально она отбывала ссылку в Тотьме. 4 января 1908 г. вологодский губернатор распорядился о ее переводе в Сольвычегодск. Здесь она вступила в гражданский брак со ссыльным Павлом Семеновичем Трибулевым, который 14 октября 1908 г. тоже получил разрешение переехать из Вельска, в Сольвычегодск [{16}].

И хотя в нашем распоряжении нет сведений об отношениях И. В. Джугашвили и С. Л. Петровской в ссылке, показательно, что, отбыв положенный срок, она отправилась не в Москву, откуда была выслана, и не в Одессу, где находились ее родные, а в совершенно незнакомый ей Баку [{17}]. Есть основания думать, что сюда она последовала за И. В. Джугашвили.

Оказавшись в ссылке, И. В. Джугашвили сразу же стал готовиться к побегу.

«Весной 1909 г., — вспоминал С. Я. Аллилуев, — я получил от товарища Сталина письмо. Он писал из города Сольвычегодска, куда его сослали осенью 1908 г. То-

варищ Сталин просил меня сообщить ему точный адрес моей квартиры и место работы. Я немедленно выполнил эту просьбу» {18}.

1 мая 1909 г. некто, подписавшийся именем Владик, из Тифлиса обратился с письмом в Киев. В нем говорилось: «Сосо (Коба) пишет из ссылки и просит прислать денег на обратное путешествие» {19}. Письмо было адресовано студенту Киевского университета Степану Адамовичу Такуеву, принадлежавшему к партии «Дашнакцутюн». Не позднее 5 мая 1909 г. он был арестован, привлечен при Киевском ГЖУ к дознанию по обвинению в хранении нелегальной литературы и 23 сентября 1909 г. приговорен Киевской судебной палатой к полутора годам заключения {20}, поэтому никакой помощи И. В. Джугашвили оказать не смог. Судя по всему, не получил ее Коба и от Владика, под именем которого скрывался Владимир Тер-Миркуров {21}.

Необходимые для побега деньги были собраны среди ссыльных. По воспоминаниям Т. П. Суховой, их сбором занимались Сергей и Антон {22}, по всей видимости, упоминаемые ранее Антон Богатырев и Сергей Шкарпеткин. Чтобы не дать полиции оснований привлечь жертвователей этих денег к ответственности за соучастие в организации побега, деньги были переданы И. В. Джугашвили в виде карточного выигрыша.

«И вот, — вспоминала М. Крапина, — накануне побега он (И. В. Джугашвили. — *А.О.*) в клубе сел играть в карты и покрыл кон 70 руб., а за городом в деревне у учительницы был ему приготовлен сарафан, и Иосиф Виссарионович, переодевшись крестьянкой, бежал. Его до берега проводила учительница Мокрецова.

Там он на лодке переправился через Вычегду и бежал» {23}.

От Сольвычегодска до Котласа ходил пароход {24}. Однако И. В. Джугашвили не рискнул воспользоваться им и отправился в дальнее путешествие на лодке. Если учесть дефект его левой руки, то станет понятно, что ему одному преодолеть 27 верст, отделявшие Сольвычегодск от Котласа, было непросто, поэтому в путь он отправился не один.

Среди лиц, которые оказались причастны к этому побегу, находилась Т. П. Сухова. «Сергей (Шкарпеткин. — *А.О.*) и Антон (Богатырев. — *А.О.*), — вспоминала она, — сообщили мне, что они завтра поедут провожать его (И. В. Джугашвили. — *А.О.*) до станции на лодке. Я попросила их взять и меня с собой, и на другой день утром мы вчетвером сели в лодку и поехали вниз по Вычегде, Северной Двине… К вечеру мы были в Котласе. Поезд стоял на путях» {25}.

Время побега — среди бела дня — было выбрано не случайно. Обычно полицейские стражники проверяли наличие ссыльных утром, поэтому отсутствие И. В. Джугашвили могло быть обнаружено только на следующий день, утром 25-го, о чем и свидетельствует запись в «Настольном реестре» сольвычегодского уездного исправника {26}. К этому времени сопровождавшие И. В. Джугашвили до Котласа ссыльные имели возможность вернуться обратно. «На другой день рано утром, — вспоминала Т. П. Сухова, — мы были уже дома. Наше отсутствие не было замечено» {27}. А И. В. Джугашвили уже находился вне пределов досягаемости. От Котласа до Вятки раз в сутки ходил один пассажирский поезд, который отправлялся в 17.44 {28}.

Сев на него днем 24-го, И. В. Джугашвили рано утром 25-го, в 7.52, добрался до Вятки, откуда имел возможность уже в 11.25 отправиться далее, в Петербург {29}.

ПРИМЕЧАНИЯ

Баиловский узник

[1]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 523. Л. 1; Д. 627. Л. 2; ГИАА. Ф. 498. Оп. 1. Д. 176. Т. 2. Л. 73 (фотокопия).

[2]РГАСПИ. Оп. 1. Д. 5050. Л. 1; Государственный исторический архив Азербайджана (далее — ГИАА). Ф. 498. Оп. 1. Д. 176. Т. 2. Л. 75–76.

[3]Там же. Д. 175. Л. 38; Д. 176. Ч. 2. Л. 70.

[4]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 21.

[5]Там же. Л. 20.

[6]Там же. Л. 20 об.

[7]Там же. Л. 23–24 об.

[8]Там же. Л. 25 об.-26.

[9]Там же. Л. 25 об.

[10]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1908. Д. 2329. Л. 3а.

[11]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 26.

[12]Там же. Л. 29.

[13]ГАРФ. 7Д. 1908. Д. 2329. Л. 1.

[14]Там же. Л. 2а-3а; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 98. Л. 3–4.

[15]Там же. Д. 627. Л. 29.

[16]Там же. Л. 16–26 об., 29 об.

[17]Там же. Л. 30–31. Опубликовано: Красный архив. 1941. № (105). С. 3–4.

[18]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 100а. Л. 1–1 об.

[19]Там же. Л. 1.

[20]Там же. Коллекция документов Департамента полиции (далее — КДДП). Папка № 2. Л. 136.

[21]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 100а. Л. 1.

[22]Там же. Д. 627. Л. 33.

[23]ГАРФ. 7Д. 1908. Д. 2329. Л. 4.

[24]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 13.

[25]Там же. Л. 18–19.

[26]Там же. Л. 35–35 об.; Д. 98. Л. 6; ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1908. Д. 2329. Л. 5 (литера Г.).

[27]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. 627. Л. 7. Опубликовано: Красный архив. 1941. № (105). С. 4.

[28]Полное собрание законов. Собрание третье. Т. XXIV. 1904 г. СПб., 1907. Отд. I. С. 869.

[29]Там же. Т. XXV. 1905 г. СПб., 1908 г. Отд. I. С. 767.

[30]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 6.

[31]Там же. Д. 627. Л. 7.

[32]Там же. Л. 37.

[33]Там же. Л. 38.

[34]Там же. Л. 36.

[35]Этот документ содержится в деле № 2701. Ч. 1 5-го делопроизводства Департамента полиции за 1908 г. (Л. 55–56), которое продолжает значиться в ГАРФ, но обнаружить его удалось в РГАСПИ. Здесь оно первоначально было включено в состав фонда № 558 (Оп. 4. Д. 101), а затем передано в Коллекцию документов Департамента полиции, где находится и сейчас (Папка № 2).

[36]Там же. КДДП. Папка № 2. Л. 56.

[37]Там же.

Самый долгий этап

[1]ГИАА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 90. Л. 430; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 41. Ср.: КДДП. Папка № 2. Л. 56.

[2]ГИАА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 90. Л. 430.

[3]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 42.

[4]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 412.

[5]Открытый лист 9 ноября 1908 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 628. Л. 2 (открытый лист).

[6]ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4206 (П. Ф. Калинин), 4210 (Г. Я. Черняховский), 4211 (Я. Д. Зевин), 4212 (М. С. Авербах), Д. 4213 (Я. Г. Ходоров), 4214 (Х. А. Гурарье).

[7]Там же. Д. 4204 (Х. Я. Огурцов), 4205 (И. С. Уваров), 4208 (З. А. Вербицкий, 4209 (К. В. Белецкий).

[8]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 339–340 (А. М. Семенов).

[9]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 26. Л. 4 (В. Т. Скоморохов).

[10]Там же.

[11]ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4204 (Х. Я. Огурцов). Л. 3; Д. 4205 (И. С. Уваров). Л. 2; Д. 4206 (К. В. Калинин). Л. 2; Д. 4208 (З. А. Вербицкий). Л. 2; Д. 4209 (К. В. Белецкий). Л. 3; Д. 4210 (Г. Я. Черняховский). Л. 2; Д. 4211 (Л. Д. Зевин). Л. 2; Д. 4212 (М. Е. Авербах). Л. 2; Д. 4213 (Я. Г. Ходоров). Л. 6; Д. 4214 (Х. А. Гурарье). Л. 2.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 628. Л. 2.

[13]Там же. Д. 631. Л. 21.

[14]Запись беседы с земляком Л. З. Самчкуашвили грузинским историком Матиашвили. Тбилиси. 16 июля 1996 / / Архив автора.

[15]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 631. Л. 21.

[16]ГАРФ. Ф. 102. 5Д. 1908. Д. 2503. Ч. 11. Л. 2; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4274. Л. 7об.

[17]ГАРФ. Ф. 102. 5Д. 1908. Д. 2803. Ч. 5. Л. 2.

[18]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 26. Л. 4 (В. Т. Скоморохов).

[19]Там же.

[20]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4280. Л. 6 (Х-д. А. Гурарье).

[21]Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4204 (Огурцов). Л. 26., Д. 4205 (Уваров). Л. 3 об., Д. 4206 (Калинин). Л. 3 об., Д. 4208 (Вербицкий). Л. 3 об., Д. 4209 (Белецкий). Л. 4 об., Д. 4210 (Черняховский). Л. 3 об., 4211 (Зевин). Л. 3 об.

[22]Там же. Д. 4213. Л. 1–2, 5, 9.

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 37. Л. 122.

[24]Заря Востока. 1935. 4 окт. (Б. Бибинейшвили).

[25]Гори. 49. Л. 17–18.

[26]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 35. Л. 47–48.

[27]Там же. Л. 41.

[28]Там же. Л. 43–46.

[29]Там же. Д. 13. Л. 195.

[30]ГАВО. Ф. 108, Оп. 1. Д. 4197. Л. 2.

[31]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 33–39 (Ф. В. Блинов).

[32]Там же. Д. 628. Л. 3–3 об.

[33]Там же. Д. 628. 34 л.

[34]Там же. Д. 632. 21 л.; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4645. 10 л.; ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 1. 19 л.

[35]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 276. Л. 27; Д. 628. Л. 4.

[36]Там же. Д. 104. Л. 1.

[37]Там же. Д. 79. Л. 489–497; Д. 630. Л. 495–498.

[38]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 75.

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 629. Л. 1.

[40]Там же. Д. 104. Л. 1.

[41]Там же. Д. 103. Л. 1.

[42]Там же. Д. 104. Л. 1.

[43]Там же. Д. 628. Л. 4; Ф. 71. Оп. 10. Д. 276. Л. 27.

В северном захолустье

[1]Советский музей. 1939. № 12. С. 7.

[2]*Холодовский В.*: 1) Сольвычегодск // Наша страна. 1939. № 12. С. 37; 2) В городе Сольвычегодске // Советская милиция. 1939. № 21–22. С. 38.

[3]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 276. Л. 9.

[4]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. 63. Конверт 1, 21.

[5]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 27. Л. 9.

[6]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 628. Л. 5.

[7]ГААО. Ф. 1462. Оп. 3. Д. 19. Л. 45.

[8]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 102.

[9]Там же. Л. 11.

[10]ГААО. Ф. 1187 (Сольвычегодский уездный исправник) и 1455 (Сольвычегодское уездное полицейское управление).

[11]ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2574. Л. 28–29, 34.

[12]ГААО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 942. Л. 22 (март), 28 (апрель), 37 (май) и 43 об. (июнь).

[13]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 60. Л. 3, 38, 59; Д. 63. Конверт 15.

[14]ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 7. Д. 2083. Л. 15–16.

[15]См., например: ПААО. Ф. 859. Оп. 10. 39. Л. 1–2; Д. 45. Л. 4–6 (М. Крапина); ГААО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 710 (С. Л. Петровская); РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 208 (М. П. Крапина); Л. 265–271 (Т. Сухова); ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 3992 (Татьяна Петровна Сухова); Ф. 108. Оп. 5. Д. 603. Л. 1–6 (Сергей Шкарпеткин).

[16]Там же. Д. 2372 (С. Л. Петровская); Ф. 18. Оп! 2. Д. 2507 (Павел Семенович Трибулев). ГААО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 710. Л. 11 об.

[17]Там же. Л. 13.

[18]*Аллилуев С. Я.*Встречи с товарищем Сталиным: отрывки из воспоминаний // Правда. 1939. 22 дек.

[19]ГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 222/14. Л. 56.

[20]Там же. Л. 74, 80, 97; ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1909. Д. 1815. Л. 1–10.

[21]ГААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 67. Л. 26.

[22]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 270 (Т. П. Сухова).

[23]Там же. Л. 208 (М. Крапина).

[24]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Вып. 30: Летнее движение 1909 г. СПб. 1909. Отд. 5. С. 9–10.

[25]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 270 (Т. П. Сухова).

[26]ГААО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 965. Л. 331 об.

[27]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 270 (Т. П. Сухова).

[28]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Летнее движение. С. 108–109.

[29]Там же.

ГЛАВА 2. В БАКУ ПОСЛЕ ПОБЕГА

Под фамилией Тотомянц

Дорога от Вятки до Петербурга требовала около полутора суток. В столицу И. В. Джугашвили мог прибыть уже 26 июня в 22.40 [1].

Одним из первых, кого он посетил здесь, был С. Я. Аллилуев. «Как-то вечером, — вспоминал он, — я шел по одной из улиц Литейной части и вдруг увидел, что навстречу мне идет товарищ Сталин. Обрадованный, я бросился к нему. Товарищ Сталин рассказал мне, что он бежал из ссылки, добрался до Питера, пошел по указанному мною адресу, но не застал меня дома <...>. Товарищ Сталин пошел ко мне на работу, но и здесь меня не застал. Пришлось ему долгое время бродить по улицам Петербурга. Я помог устроиться товарищу Сталину на конспиративной квартире у дворника Савченко» [2].

Дворника Савченко звали Канон Демьянович. Он был братом уже упоминавшегося Мирона Савченко [3]. Канон жил на Воскресенском проспекте и, по свидетельству Е. Д. Стасовой, оказывал большевикам услуги. «Он был на хорошем счету у полиции. Все старшие дворники, как и швейцары, — писала она, — состояли на службе у полиции, и, следовательно, за ними не следили. И когда случалось что-нибудь экстренное, например, нет у меня явки, нет возможности спрятать на ночь приезжего, я спокойно шла к Канону, и он в дворецкой прятал приезжего» [4].

Но в этот раз И. В. Джугашвили нашел приют не в дворецкой Канона Савченко, а у его брата Кузьмы, который служил в Кавалергардском полку, по одним данным, вахтером, по другим — завхозом (Захарьевская улица,

дом 22, угол Потемкинской улицы). Здесь Кузьма Демьянович имел комнату, в которой и жил. Правда, в конце июня 1909 г. он находился в больнице, поэтому у него И. В. Джугашвили приютил не он сам, а брат жены Канона Демьяновича Иван Николаевич Мельников [5].

Среди тех лиц, с которыми И. В. Джугашвили встречался в Петербурге, нам известны Николай Гурьевич Полетаев и Вера Лазаревна Швейцер.

«Лично я, — вспоминала В. Л. Швейцер, — познакомилась с товарищем Сталиным в 1909 г., работая в Питере, где я была связана с Русской группой большевистского ЦК РСДРП, с Иннокентием (И. Ф. Дубровинским) и Макаром (В. П. Ногиным). Держала связь с фракцией РСДРП 3-й Государственной Думы и рядом подпольных организаций Питера, Москвы, Киева, Ростова-на-Дону, Баку, Тифлиса и с отдельными товарищами — Сталиным, Серго Орджоникидзе, Спандаряном и другими. Это была большевистская центральная техническая группа по связям в России… в конце июня 1909 г. [6]товарищ Сталин бежал из сольвычегодской ссылки и приехал в Питер с целью организовать центральную легальную партийную газету. Рано утром ко мне на явку (на Высшие женские курсы профессора Раева, Гороховая, 20) забежал Сильвестр Тодрия, сообщил мне о приезде товарища Сталина — Кобы и передал задание устроить встречу Сталина с Полетаевым. Сильвестр Тодрия, кавказский рабочий, большевик, в то время работал в Питере вместе со своей женой Соней Цимаковой по связи с конспиративными квартирами и нелегальными типографиями. И в тот же день на квартире члена 3-й Государственной Думы большевика Полетаева было устроено узкое совещание об издании газеты» [7].

Из Петербурга на Кавказ И. Джугашвили отправился не позднее 7 июля. Первый известный нам документ о его пребывании здесь — это агентурное донесение, полученное Бакинским охранным отделением 12 июля от секретного сотрудника по кличке Фикус:

«Приехавший, скрывшийся из Сибири, сосланный туда из Гори, социал-демократ, известный в организации под кличкой „Коба" или „Сосо", работает в настоящее время в Тифлисе (приметы). Завтра из Балаханов приедут вместе с Роруа, Мачарадзе и Джапаридзе, около 9 часов утра можно будет видеть [их] на Балаханском вокзале» {8}.

Это сообщение сопровождают следующие пометки: «Сообщено районному охранному отделению», «Будет установлено наружное наблюдение», «22 июля за № 9804 запрошен горийский уездный начальник, по сообщению коего „Сосо" и „Коба" неизвестны (вх. № 6926)», «В район. Запросить о результатах установки и приметах», «Роруа — Чодришвили» {9}.

15 июля под кличкой Молочный И. В. Джугашвили был в Баку взят в наружное наблюдение. В сводке внутреннего агентурного наблюдения за июль 1909 г. он сразу же фигурирует как член Бакинского комитета РСДРП {10}.

17 июля было получена информация из другого источника. Секретный сотрудник по кличке Михаил сообщал: «В Баку приехал „Коба", известный на Кавказе деятель социал-демократической партии. Приехал он из Сибири, откуда, вероятно, бежал, так как он был выслан в 1909 г. Он был в Областном комитете представителем от Бакинской организации и несколько раз ездил на съезды.

Здесь он займет центральное положение и сейчас же приступит к работе» {11}.

Это сообщение тоже сопровождалось резолюцией: «Принять меры к установке, после чего „Коба" будет взят в постоянное наблюдение». «Запрос в район: установлен ли и какие приняты меры» {12}.

Таким образом, И. Джугашвили почти с самого начала был взят как в наружное, так и внутреннее наблюдение. И охранке стало известно, что она имеет дело с одним из виднейших деятелей социал-демократического движения на Кавказе.

Казалось бы, Бакинское охранное отделение должно было приложить максимум усилий для того, чтобы установить личность Кобы. Однако оно демонстрировало удивительный непрофессионализм. Только в августе ему удалось выяснить, что Коба проживает под именем Оганеза Вартановича Тотомянца {13}. Можно было бы ожидать, что после этого охранка сделает соответствующий запрос в Департамент полиции и получит ответ, что никто с такими именем, отчеством и фамилией не высылался и по этой причине не мог бежать из ссылки {14}. А это позволило бы сделать вывод о том, что Коба проживал по чужому или же по фальшивому паспорту. Почему-то бакинская охранка «не догадалась» сделать подобный запрос.

Это тем более странно, что под кличкой Фикус скрывался бывший тифлисский рабочий Николай Степанович Ериков, который жил в Баку под фамилией Бакрадзе {15}и знал И. В. Джугашвили еще по Тифлису 1901 г., а кличка Михаил, по всей видимости, принадлежала Михаилу Коберидзе, который когда-то учился в Тифлисской

семинарии в одном классе с С. Девдориани [16], затем был в вологодской ссылке [17] и по возвращении заведовал в Баку Народным домом [18]. Он тоже был знаком с И. В. Джугашвили.

Однако шли дни, проходили месяцы, а Бакинское охранное отделение, агентурную работу в котором возглавлял ротмистр Петр Павлович Мартынов, по-прежнему оставалось в неведении: кто же такой Коба? И это несмотря на то, что данная партийная кличка была известна бакинской охранке по крайней мере с 1907 г.

В начале августа, как и было положено, Бакинское охранное отделение представило в Департамент полиции сводку агентурных сведений за июль, и о появлении Кобы в Баку стало известно Особому отделу Департамента полиции [19]. Здесь в картотеке Коба фигурировал с 1904 г., поэтому Особому отделу не представляло труда обратить внимание на то, что Бакинское охранное отделение водит его за нос. На удивление, Особый отдел отнесся к поступившей ему информации Бакинского охранного отделения без всяких сомнений.

Возвращение И. В. Джугашвили из ссылки ознаменовалось активизацией деятельности Бакинской организации РСДРП [50]. Уже в августе после длительного перерыва возобновилось издание подпольной большевистской газеты «Бакинский пролетарий». Пятый номер был издан 20 июля 1908 г. Шестой вышел, по одним данным, 1-го [20], по другим — 5 августа 1909 г. [21].

9 августа Фикус сообщил: «Джапаридзе уехал в предположенную поездку. 5 августа вышел № 6 „Бакинского пролетария", возобновленного после значительного

промежутка. Статьи писали Джапаридзе, „Коба" и „Бочка". „Тимофей" работает в типографии. Типография помещается в городе. „Бакинский пролетарий" вышел в количестве около 600 экземпляров, из которых 500 разошлись в Балаханах» {22}.

Это агентурное донесение, представленное в Департамент полиции, сопровождалось следующим пояснением: «Типография помещается в одном из домов, посещаемых Джапаридзе, Кобой, Бочкой и Тимофеем, наружное наблюдение за которыми продолжается. При получении известий о приступлении к печатанию следующего номера „Пролетария" означенные лица и дома, отмеченные посещением, будут ликвидированы» {23}.

Вскоре после выхода шестого номера «Бакинского пролетария» хозяин дома, где размещалась типография, потребовал перевода ее в другое место. «„Коба" говорил, — сообщил Фикус 16 августа, — что квартира с техникой должна ремонтироваться, и хозяин требует ее очищения к 1 сентября. Бакинский комитет озабочен приисканием новой квартиры и выпуском следующего номера „Пролетария" еще на старой квартире. Хотя не все статьи еще готовы, но к набору имеющегося материала уже приступлено. Коба посещает типографию почти ежедневно» {24}.

Из донесения Михаила 24 августа: «Джапаридзе вернулся в Баку и сообщил, что вскоре по отъезде он обнаружил у себя пропажу чемодана, в котором были изобличающие его документы. Приехал лишь для устройства своих дел по секретарству и должен вскоре уехать, так как опасается ареста» {25}.

Уезжая, П. А. Джапаридзе передал свои секретарские обязанности, а следовательно, и свои связи И. В.

Джугашвили, к которому перешли все технические обязанности по руководству Бакинской организацией большевиков [26].

Несмотря на то что охранка собиралась ликвидировать типографию Бакинского комитета РСДРП в момент печатания седьмого номера «Бакинского пролетария», 27 августа он благополучно вышел в свет [27].

В № 6 и 7 этой газеты была опубликована статья И. В. Джугашвили «Партийный кризис и наши задачи», в которой он ставил вопрос о необходимости, по примеру «Искры», для возрождения партии приступить к изданию общерусской партийной газеты, но чтобы она выходила не за границей, а в России, и не подпольно, а открыто. По сути дела, поднимался вопрос о перенесении руководящего центра партии из-за границы в Россию. Здесь же была опубликована подготовленная И. В. Джугашвили корреспонденция «Из партии», которая содержала «Резолюцию Бакинского комитета о разногласиях» в расширенной редакции «Пролетария». С одной стороны, Бакинский комитет солидаризировался с позицией В. И. Ленина и его сторонников в борьбе против «отзовизма», с другой — заявлял, что, несмотря на разногласия, «совместная работа обеих частей редакции является возможной и необходимой» [28].

На следующий день после выхода седьмого номера «Бакинского пролетария», 28 августа, неожиданно для многих был арестован Сурен Спандарян. 8 сентября Михаил сообщил Бакинскому охранному отделению: «Арестом „Тимофея" очень напуганы; предполагают: многие и техника известны, поговаривают уже, что делать в случае провала техники. Шаумян, опасаясь новых арестов и разгрома социал-демократов, бежал» [29]. Слух о

«бегстве» С. Г. Шаумяна не имел под собой никаких оснований, но вопрос о перемещении типографии был решен. Из агентурного донесения 8 сентября: «Новую квартиру для типографии подыскивает сейчас „Коба"... Вероятно, найдут в крепости и переедут в нее те же два работника, что работают и сейчас — один русский и одна девица. Переезд состоится через неделю» {30}.

Показательно, что именно в эти дни И. В. Джугашвили оставил Баку и выехал в Тифлис. 12 сентября 1909 г. секретный сотрудник Уличный сообщил: «Известный с-д работник — большевик Коба („Сосо") приехал в Тифлис и возобновил работу в партии» {31}. Резолюция: «Выяснить личность „Кобы"». «Приезжал из Баку в сентябре 1909 г. Сталин (Коба), — читаем мы в биографии Е. Д. Стасовой. — Провел несколько заседаний Тифлисского комитета. Интересовался финансами. И в течение двух-трех дней создал комиссию Красного креста» {32}.

Едва И. В. Джугашвили вернулся из Тифлиса, как в Баку начали циркулировать сведения о грозящем провале типографии. Эти сведения нашли отражение в донесении секретного сотрудника Михаила от 24 сентября {33}, который уточнял, что их «передала женщина, работавшая в помещении на Бондарной улице, 66. Женщина эта после своего заявления уехала в Одессу» {34}.

Из донесения Фикуса от 27 сентября: «Недели полторы назад (т. е. около 17 сентября. — *А.О.*), еще до переноса техники, распространился в организации слух о провале техники. Работавшие в ней женщина и мужчина отказались от работы, и он (ее муж) уехал в Одессу. Женщина также скрылась. Вслед за тем „Бочка" (Б. Мдивани. — *А.О.*) рассказал „Роруа" (З. Чод-

ришвили. — *А.О.*), что к нему и „Кобе" явился неизвестный человек и передал, что жандармскому управлению типография известна и что управление собирается арестовать весь Бакинский комитет вместе с типографией, как только в ней будет приступлено к печатанию следующего номера „Пролетария". После этих слухов типографию постановили переместить, и тогда же ее разобрали ночью и перенесли через крышу в соседний дом. Затем шрифт частями перенесли в разные места, третьего дня, в пятницу. Разобранный станок на арбе из старой квартиры перевезли в Балаханы, где он теперь и находится около промысла Шибаева. По окончании установки техники квартира ее станет известной» {35}.

Как информировал 20 сентября Бакинское охранное отделение Михаил, «из дома № 66 по Бондарной улице типография [была] вывезена ночью 16 сентября и перемещена в доме рядом; машина разобрана; часть ее и часть шрифта осталась в доме № 64 по Бондарной улице, часть увезена в Армянскую слободку. Шрифт был там же, но вчера большая его часть в мешках, в которых он связан по отдельным литерам, помещена в квартире „Петербуржца" в д. 495 в Крепости, небольшая часть шрифта в Баилове» {36}.

Следовательно, перемещение типографии произошло между 16 и 19 сентября, а сведения об угрозе ее провала появились еще раньше. Одновременно с этим появились и слухи о провокации. Прежде всего они касались названных ранее «мужчины и женщины», которые работали в типографии. Это были супруги Александр Пруссаков и Евдокия Козловская.

По свидетельству А. Хумаряна, события развивались следующим образом. Однажды совершенно неожиданно

для всех исчез муж. Через некоторое время на имя жены пришла телеграмма. Ее содержание А. Хумарян по памяти передавал следующим образом: «Я в Одессе. Приехал благополучно. Остановился у такого-то (фамилии не помню). Собери побольше денег и приезжай по известному тебе адресу. Ваня». По случайности эта телеграмма попала в руки А. Хумаряна, который сразу же поставил о ней в известность Вано Стуруа. А на следующий день поинтересовался у Е. Козловской: от кого была телеграмма, на что получил ответ — от матери [37].

И факт исчезновения А. Пруссакова, и неискренность Е. Козловской вызвали подозрения у их товарищей, в связи с чем последняя была подвергнута допросу. Не сумев дать убедительных объяснений, она сразу же после этого тоже исчезла [38]. По свидетельству В. Стуруа, супруги А. Пруссаков и Е. Козловская совершили какую-то аферу за спиной партийной организации, были пойманы на ней и, опасаясь партийного суда над ними, предпочли скрыться [39], что было истолковано некоторыми как свидетельство их связи с охранкой [40].

Тогда же, по свидетельству Якубова, П. А. Джапаридзе получил сведения о связях с охранкой секретаря Союза нефтепромышленных рабочих Николая Леонтьева [41]. На заседании Бакинского комитета РСДРП, на котором с участием П. А. Джапаридзе и И. В. Джугашвили обсуждался данный вопрос, было решено отправить Н. Леонтьева в другое место и там убить. Обвинение в провокации предъявили ему И. В. Джугашвили и Якубов, после чего Н. Леонтьев двое суток находился под домашним арестом. «На третий день» ему «купили билет, но, — вспоминал Якубов, — он не поехал. Потом просился по-

ехать в Питер, откуда привезет оправдание. В это время уезжал Николай Петербуржец, и ему было поручено в Питере узнать подробнее о Леонтьеве. Уехали туда Николай Леонтьев и Николай Петербуржец. А через неделю или полторы получаем письмо от Петербуржца, что установлено, что Николай Леонтьев провокатор. Он провалил экспедицию литературы, которая проходила через Финляндию. Потом он работал в Смоленске под кличкой „Демьян" — и там была провалена организация» {42}.

Несмотря на то что для обвинения А. Пруссакова, Е. Козловской и Н. Леонтьева у Бакинского комитета РСДРП не имелось уличающих доказательств, было решено выпустить листовку с обвинением их в провокации.

«Ввиду множества распространившихся в последнее время слухов о провале техники, — доносил 28 сентября Михаил, — Бакинский комитет решил выпустить прокламацию, отпечатав ее в частной типографии. Прокламация написана Кобой и содержит в себе изложение мер, принятых Б[акинским] к[омитетом] для спасения техники и объявление о ряде провокаторов, обнаруженных в организации. Таковыми объявляются: бывшие наборщики в типографии Александр Пруссаков, жена его Дуня Козловская, Фирсов Балаханский, Сашка Романинский и Николай Леонтьев — бывший секретарь Союза нефтепромышленных рабочих» {43}.

На следующий день, 29 сентября, такая листовка действительно появилась. Она была издана в типографии «Арамазд» {44}. В ней отмечалось, что охранке удалось установить местонахождение подпольной типографии («техники») и она планировала захватить ее в момент печатания № 8 «Бакинского пролетария», а «для

отвода глаз охранка искала „технику" не там, где она помещалась, а в Балаханах через своих агентов: Фирсова Балаханского и Сашку Романинского», и далее сообщалось: «Бывшие наши „техники", работавшие в нашей нелегальной типографии уже три года, Александр Пруссаков (слесарь из Петербурга, среднего роста, брюнет, смуглое лицо, лет 30–32) и жена его Дуня Козловская (ткачиха из Петербурга, низенькая, серые глаза, лет 27–29) уже несколько месяцев состоят на службе у охранки», «объявляется также провокатором бывший секретарь Союза нефтепромышленных рабочих Николай Леонтьев, недавно арестованный с мирзоевцами и потом освобожденный. В Москве и за границей известен как провокатор Демьян» {45}.

В сводке агентурных донесений Бакинского охранного отделения за сентябрь 1909 г. в разделе «Меры» по поводу приведенного выше (28 сентября) сообщения Михаила значится: «Фирсов предупреждается; остальные отделению неизвестны» {46}.

Из этого явствует, что из пяти человек, объявленных агентами бакинской охранки, с ней был связан только один человек. А поскольку в это время местное губернское жандармское управление имело лишь одного секретного сотрудника по кличке Эстонец {47}, обвинения в провокации, выдвинутые против остальных лиц, названных в листовке, не имели под собой оснований.

11 октября Фикус сообщил: «Приехал Алеша Джапаридзе, нот чует у своей жены, днем его нигде нельзя видеть, его очень скрывают. Сегодня или завтра „Коба" едет в Тифлис для переговоров о технике» {48}. В этот же день жандармы нагрянули на квартиру П. Джапа-

ридзе. Вот как вспоминала этот эпизод его жена В. Ходжишвили:

«Октябрь 1909 г. У нас на квартире Иосиф Сталин и Серго Орджоникидзе. Вдруг появляется помощник пристава с двумя городовыми с целью ареста Джапаридзе. Моментально сообразив, что арест одновременно трех, очевидно, большевиков был бы большой удачей, помощник пристава решил предварительно получить такое разрешение и пошел созвониться с начальством. Охранять счастливую находку он оставил городовых: одного у парадного, другого у черного хода. Мы стали раздумывать, каким образом дать возможность уйти Сталину и Серго. Ясно было, что надо спровадить одного из городовых. 10 рублей „на расходы" спасли положение: один из городовых был послан за папиросами, а Сталин и Орджоникидзе, воспользовавшись этим, быстро ушли. Каково было бешенство помощника пристава, вернувшегося в нашу квартиру и заставшего только А. Джапаридзе» {49}.

В этом эпизоде много странного. Так как арест П. Джапаридзе был произведен по распоряжению Бакинского охранного отделения, почему для этого были выделены простые полицейские, а не жандармы? Почему помощник пристава, который имел право задержать и доставить в участок любых лиц, оказавшихся в квартире арестованного, не сделал этого, а пошел куда-то «звонить»? Почему городовые были оставлены не в квартире, а у парадного и черного хода? И почему вместе с И. В. Джугашвили и Г. К. Орджоникидзе не бежал П. А. Джапаридзе?

Вскоре после этого эпизода И. В. Джугашвили уехал в Тифлис. 18 октября Михаил доносил:

«Скорым поездом № 11 в 6 час. вечера „Коба" выехал в Тифлис на конференцию. Там будет решаться вопрос об издании общего для Кавказа органа „Кавказский пролетарий" и другие, связанные с этим вопросы. На этой неделе „Коба" вернется и сейчас же приступит к постановке техники. Кому перейдет это дело в случае его ареста — неизвестно, почему это крайне нежелательно, так как во всех отношениях повредит делу».

Пометка: «По выяснении того, что назначенный на вокзале пост наружного наблюдения не видел выезда „Молочного" („Кобы"), срочно телеграфировано начальнику районного [охранного] отделения о встрече „Молочного" в Тифлисе с указанием цели его поездки» {50}.

19 октября начальник Бакинского охранного отделения Мартынов телеграфировал начальнику Тифлисского охранного отделения:

«Арест „Кобы" безусловно нежелателен в виду грозящего провала агентуры и потере освещения предстоящей ликвидации местной организации и ее техники» {51}.

Поездка И. В. Джугашвили в Тифлис по времени совпала с одним важным событием. Дело в том, что 21 сентября 1909 г. Германия выдала России арестованного в Берлине два года назад С. А. Тер-Петросяна (Камо), который 12 октября был доставлен в Тифлис и передан в руки местного ГЖУ {52}.

Еще 20 сентября 1909 г. Департамент полиции за подписью М. Е. Броецкого запросил Кавказское районное охранное отделение: «Вследствие представленной 27 августа за № 109982 агентурной отчетности по городу

Баку за июль месяц 1909 г. по РСДРП Департамент полиции просит ваше высокоблагородие сообщить о результатах установки бежавшего из Сибири „Сосо" (кличка „Коба") <…>, а равным образом уведомить, какие приняты <…> меры» {53}.

Это означало, что Департамент полиции взял данный вопрос на контроль. Начальник Тифлисского ГЖУ А. М. Еремин, по всей видимости, запросил Бакинское охранное отделение и только после этого, через месяц, 24 октября (!) дал ответ, который гласил:

«Вследствие предложения Департамента полиции 30 минувшего сентября за № 136706 Кавказское районное охранное отделение доносит, что, по сообщению начальника Бакинского охранного отделения, бежавший из Сибири „Сосо", кличка в организации „Коба", является по установке жителем гор. Тифлис Оганесом Вартановым Тотомянцем, на каковое имя он имеет паспорт, выданный тифлисским полицмейстером с 12 мая сего года за № 982 на один год» {54}.

В Тифлисе И. В. Джугашвили очень быстро попал в поле зрения местного охранного отделения. В сводке агентурных данных по Тифлису за ноябрь 1909 г. мы читаем:

«Коба (Сосо) может проживать у своего шурина, бывшего воспитанника Тифлисской дворянской гимназии Василия Ратиева, живущего где-то в районе первого участка». И далее: «Василий Ратиев оказался дворянином Василием Фаддеевичем Ратиевым, 20 лет. Проживает в д. 17 — Хухуни по Пассанаурскому переулку, за его квартирой учреждено наблюдение» {55}. Шурин — брат жены. Но жена И. В. Джугашвили имела фамилию Сванидзе. Поэтому В. Ф. Ратиев, видимо, был шурином

того двойника, под фамилией которого Джугашвили проживал в Тифлисе [56].

Уже после того как И. В. Джугашвили вернулся из Тифлиса в Баку, 1 декабря 1909 г. Тифлисское охранное отделение информировало Тифлисское ГЖУ: «Сосо (Коба), упомянутый в записке вверенного Вам районного охранного отделения от 9 ноября за № 14536, известен как видный социал-демократ, по установке в Баку он значится как житель г. Тифлиса О. В. Тотомянц. В охранном отделении имеются агентурные сведения, что „Коба" (Сосо) есть И. В. Джугашвили (выписка агентурных сведений от 25 ноября № 10790). Точно выяснить личность „Кобы" (Сосо) не представлялось возможным» [57].

5 ноября секретный сотрудник Бакинского охранного отделения Михаил сообщал: «Коба все еще в Тифлисе… приедет он, вероятно, на следующей неделе» [58], а 12 ноября он же доносил: «Коба на днях приехал из Тифлиса» [59]. Это дает основание утверждать, что И. В. Джугашвили вернулся в Баку не ранее 5 — не позднее 12 ноября 1909 г.

12 ноября из Тифлиса И. В. Джугашвили направил письмо в редакцию издававшейся за границей газеты «Пролетарий»: «Ваше недавнее письмо с адресами получено. Получено также предыдущее (3 недели назад) тоже с адресами через То[рошелид]зе. По обстоятельствам провокации у нас и некоторым другим мы не могли ответить. Но теперь все улеглось <…>. Ваша приписка к нашей резолюции о разногласиях в расширенной редакции „Пролетария" (№ 49 „Пр"), а также беседа с петербургскими большевиками еще более убедили нас в неправильной организационной политике редакции» [60]. В письме, по сути дела, осуждалось решение ре-

дакции газеты «Пролетарий» об удалении из ее состава сторонников «отзовизма».

30 ноября бакинская почта проштамповала открытку, которая была послана И. В. Джугашвили в Сольвычегодск Татьяне Петровне Суховой: «Вопреки обещаниям, помнится, неоднократным, до сих пор не посылал Вам ни одной открыточки. Это, конечно, свинство, но это факт. И я, если хотите, при-но-шу изви-не-ния. От Ст[ефании] (Петровской. — *А.О.*) получите письмо. А пока примите привет. Мне живется в общем хорошо, если хотите, даже очень хорошо. Мой адрес: Баку. [Каменистая]. Бюро увечных. Дондарову. Для Осипа. Где Антон и Сергей? Пишите. Осип» {61}.

Вскоре по возвращении И. В. Джугашвили из Тифлиса в Баку в «ноябре или декабре 1909 г., — вспоминала Н. Н. Колесникова, — с явкой к С. Г. Шаумяну от Петербургского комитета прибыл партийный генерал — М. Е. Черномазов, якобы по поручению В. И. Ленина. У него на руках был список актива большевистской организации, собрав его через некоторое время (явилось 20–25 человек), М. Черномазов стал у каждого „спрашивать имя, фамилию, партийную кличку, если таковая есть" и какую работу и где он ведет». Далее он потребовал у каждого списки членов их кружков, а также заявил, что старые явки в Петербурге провалены, а новые можно получить только у него {62}.

Такое поведение М. Черномазова у многих вызвало отрицательную реакцию. И, если верить воспоминаниям, на одном из собраний И. В. Джугашвили публично назвал его провокатором {63}.

2–23 января 1910 г. в Париже состоялось заседание Пленума ЦК РСДРП, на котором было решено пополнить состав ЦК и создать его Русское бюро {64}.

«Приблизительно в конце февраля 1910 г., — вспоминал об этом М. И. Фрумкин (Германов), — приехал в Москву из-за границы с Пленума ЦК В. П. Ногин (Макар). Основная его задача была организовать часть ЦК, которая должна работать в России. В эту русскую часть, по соглашению с меньшевиками, должны были войти три их представителя. <…>. Но эта тройка категорически отказалась вступать в грешную деловую связь с большевиками». Тогда на «совещании пишущего эти строки с Ногиным было решено предложить ЦК утвердить следующий список пятерки — русской части ЦК: Ногин, Дубровинский — Иннокентий (приезд его из-за границы был решен), Р. В. Малиновский, И. Сталин и Владимир Петрович Милютин <…>. Сталин был нам обоим известен как один из лучших и более активных бакинских работников. В. П. Ногин поехал в Баку договариваться с ним» {65}.

Так в партийных кругах кандидатура И. В. Джугашвили стала рассматриваться на роль одного из лидеров РСДРП.

Воспоминания М. И. Фрумкина подтверждаются другими источниками. «Названный „Макар“, упомянутый в докладе моем № 502 с. г., — сообщал 17 (30) мая 1910 г. в Департамент полиции заведующий Заграничной охраной Красильников, — был командирован для объезда Кавказа и некоторых других областей с целью найти кандидатов в Центральный комитет взамен выбывших Романа, Михаила и Юрия» {66}.

Факт приезда В. П. Ногина на Кавказ подтверждает агентурное донесение секретного сотрудника Бакинского

ГЖУ Дубровина. «14 и 15 марта, — сообщал он, — в Балаханах и Баку находился член ЦК РСДРП, интеллигент, работал летом 1906 г. в Бакинской организации под кличкой „Макар",где был избран делегатом на Лондонский съезд и в Лондоне избран членом ЦК. Цель приезда его заключалась главным образом в том, чтобы объединить работавшие самостоятельно фракции социал-демократов, большевиков и меньшевиков» {67}.

Есть сведения, что из Баку В. П. Ногин «на время выехал в Тифлис, затем опять вернулся в Баку» {68}.

О своей поездке на Кавказ вспоминал и сам В. П. Ногин: «Вторично мне пришлось быть в Баку в начале 1910 г. Это был год запустения. Тяжелые впечатления остались у меня на этот раз от Баку. Я приехал туда в качестве члена ЦК для ознакомления организации с решениями последнего пленума ЦК, бывшего в январе 1910 г. в Париже <…>. Из открытых активных работников прошлого периода я встретил лишь тов. Ст. Шаумяна, который работал в качестве заведующего одним из промыслов. Тут же я встретил тов. Габриеляна, и в глубоком подполье находился тов. Сталин (Коба)…» {69}.

Однако поездка В. П. Ногина оказалась безрезультатной {70}. Не исключено, что свою роль здесь сыграл конфликт, который возник внутри Бакинского комитета РСДРП и в центре которого оказался вопрос о провокации. Как мы уже знаем, когда осенью 1909 г. появилась листовка с обвинением в провокации пяти членов Бакинской организации РСДРП, убедительных данных для этого не существовало. Ситуация еще более обострилась после того, как Н. Леонтьев снова вернулся Баку.

«Николай Леонтьев появился в Балаханах <...>, — сообщил 23 октября 1909 г. Фикус, — 22 октября был в [библиотеке] Совета съезда и говорил Серегину и Толмачеву (безработный, недавно вышедший из тюрьмы), что он требует партийного суда над собой и просит их передать Бакинскому комитету, что он просит вызвать его в определенное место, в определенное время, где он даст комитету свои объяснения, и если после этого комитет его обвинит, он согласен быть немедленно убитым» {71}. Такой шаг с его стороны, по свидетельству Якубова, имел своим следствием то, что у Н. Леонтьева появились сторонники, которые стали требовать его оправдания {72}.

Если учесть, что обвинение против Н. Леонтьева было основано только или же главным образом на основании сведений, полученных Бакинским комитетом из охранки, и никаких доказательств в их подтверждение И. В. Джугашвили как автор листовки привести не мог, ход, сделанный Н. Леонтьевым и явно подсказанный ему в местном ГЖУ, ставил Бакинский комитет РСДРП в сложнейшее положение. Пойти на гласное разбирательство выдвинутого им обвинения он не мог, так как такое разбирательство должно было повести или к раскрытию источника информации, или же к реабилитации Н. Леонтьева. А нежелание И. В. Джугашвили и поддерживавшей его части Бакинского комитета РСДРП идти на суд с Н. Леонтьевым невольно порождало недоверие к ним.

Видимо, тогда же, как вспоминал рабочий И. П. Вацек, долгое время бывший кассиром Бакинского комитета РСДРП, появились сведения о связях с охранкой заведующего Народным домом Михаила Коберидзе, после чего И. В. Джугашвили явился к нему и потребовал, что-

бы он назвал тех лиц, которые были им провалены {73}.

Обращает на себя внимание и следующий эпизод, нашедший отражение в воспоминаниях Г. Варшамян: «Еще один интересный момент, — ютмечала она, — товарища Сталина встречает на улице один из работников охранного отделения и говорит ему: „Я знаю, что Вы революционер или социал-демократ (я не знаю, как он сказал), вот, возьмите этот список, сюда включены товарищи, которые в ближайшее время должны быть арестованы". В списке 35 человек. Этот список получил Сосо от совершенно незнакомого человека, это было очень поразительно. Немедленно был созван Бакинский комитет. Список не был оглашен, кто именно должен был провалиться, но было предложено наметить 11 человек, из которых мы могли бы выбрать новый Бакинский комитет. В числе этих 11 была моя фамилия. Значит, в списке 35 меня не было» {74}.

В этих условиях и возник конфликт внутри Бакинского комитета РСДРП.

15 марта 1910 г. Фикус сообщал: «В Бакинском комитете все еще работа не может наладиться. Вышло осложнение с „Кузьмой". Он за что-то обиделся на некоторых членов комитета и заявил, что оставляет организацию. Между тем присланные Центральным комитетом 150 руб. на постановку большевистской техники, все еще бездействующей, находятся у него, и [он] пока отказывает[ся] их выдать. „Коба" несколько раз просил его об этом, но он упорно отказывается, очевидно, выражая „Кобе" недоверие» {75}.

«16 сего марта, — сообщал секретный сотрудник Бакинского ГЖУ Дубровин, — состоялось заседание Бакин-

ского комитета <…>. Между членами <…> комитета Кузьмой и Кобой на личной почве явилось обвинение друг друга в провокаторстве. Имеется в виду суждение о бывших провокаторах: Козловской, Пруссакове и Леонтьеве, а в отношении новых провокаторов решено предавать их смерти» {76}.

Очевидно, что в данном случае Кузьма и Коба обвиняли друг друга не в связях с охранкой, а в провокационной деятельности. И яблоком раздора было отношение к трем названным выше лицам, которых не все считали провокаторами. Судя по всему, не видел достаточных оснований для обвинения названных лиц в провокации и Кузьма.

Отголоски этого конфликта, по всей видимости, нашли отражение в воспоминаниях меньшевика Р. Арсенидзе. «…В 1908–1909 гг., как передавали мне знакомые большевики, — вспоминал он, — у них сложилось убеждение, что Сталин выдает жандармам посредством анонимных писем адреса неугодных ему товарищей, от которых он хотел отделаться. Товарищи по фракции решили его Допросить и судить (большевики и меньшевики были разделены). Не знаю, из каких источников, но они уверяли меня, что жандармерия, по их сведениям, получила адреса некоторых товарищей большевиков, написанные рукой, но печатными буквами, и по этим адресам были произведены обыски, причем арестованными оказывались всегда те, которые вели в организации борьбу с Сосо по тому или иному вопросу. На одно заседание суда (их состоялось несколько) вместо Кобы явилась охранка и арестовала всех судей. Коба тоже был арестован на улице по дороге в суд. И судьи, и обвиняемые очутились в Бакинской тюрьме» {77}.

Примерно то же, писал другой меньшевик, Г. Уратадзе: «В 1909 г. бакинская большевистская группа обвинила его (И. В. Джугашвили. — *А.О.*) открыто в доносе на Шаумяна и предала его партийному суду. Состоялся суд, но состав суда был арестован в тот же день, а Сталина арестовали, когда он шел на суд» [78].

Оставляя в стороне совершенно неверную датировку событий, следует отметить, что приведенные свидетельства вызывают сомнения. Никаких доказательств в пользу этой версии до сих пор не приведено, и обнаружить их не удалось. Более того, утверждения о том, что И. В. Джугашвили, стремясь убрать С. Г. Шаумяна как конкурента, писал на него доносы, не выдерживает никакой критики. За время с 1907 по 1910 г. С. Г. Шаумян был арестован только один раз — 30 апреля 1909 г., когда И. В. Джугашвили находился в Сольвычегодске. Следующий арест С. Г. Шаумяна последовал 30 сентября 1911 г., когда И. В. Джугашвили сам находился в тюрьме, причем не в Баку, а в Петербурге [79].

К этому следует добавить, что Кузьма — это не С. Г. Шаумян, как считают некоторые авторы, а Сергей Дмитриевич Сильдяков, который до 1909 г. работал в Москве и входил в состав Московского комитета РСДРП, затем уехал в Баку, вошел в состав Балаханского районного и Бакинского городского комитетов и стал секретарем Союза нефтепромышленных рабочих. В 1911 г. он эмигрировал в США [80].

Не исключено, что в основе приведенных выше слухов о трениях во взаимоотношениях И. В. Джугашвили и С. Г. Шаумяна лежал конфликт И. В. Джугашвили с С. Д. Сильдяковым, который, видимо, сомневался в справедливости обвинений, выдвинутых И. В. Джугашвили в ад-

рес Е. Козловской, А. Пруссакова и Н. Леонтьева, и настаивал на проведении специального партийного расследования на этот счет.

Узел, завязавшийся внутри Бакинского комитета, был разрублен охранкой.

23 марта 1910 г., ровно через неделю после упомянутого ранее заседания комитета, И. В. Джугашвили был арестован {81}.

«Находясь в тюрьме, — читаем мы в воспоминаниях Г. Уратадзе, — члены суда решили закончить суд в тюрьме, но тюремные условия не способствовали этому. Потом Сталина сослали, и дело заглохло» {82}.

«Здесь, — отмечал А. Арсенидзе, — началась снова переписка и организация суда, но дело до конца довести не удалось. Коба заблаговременно был сослан в Вологодскую губернию, а судьи — в другие места. Проверить сообщение знакомого большевика я не имел возможности» {83}.

Опять в тюрьме

Сообщая об аресте И. В. Джугашвили в Департамент полиции, начальник Бакинского охранного отделения ротмистр П. П. Мартынов писал 24 марта 1910 г.:

«Упоминаемый в месячных отчетах (представленных мною от 11 августа минувшего года за № 2681 и от 6 сего марта за № 1014) под кличкой „Молочный", известный в организации под кличкой „Коба" — член Бакинского комитета РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль, принадлежавшую ранее Прокофию Джапаридзе (арестован 11 октября минувшего года — донесение мое от 16 того же

октября за № 3302), задержан по моему распоряжению чинами наружного наблюдения 23 сего марта. К необходимости задержания „Молочного" побуждала совершенная невозможность дальнейшего за ним наблюдения, так как все филеры стали ему известны, и даже назначаемые вновь, приезжие из Тифлиса, немедленно проваливались, причем „Молочный", успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу. Проживая всюду без прописки и часто у своей сожительницы Стефании Леондровой Петровской, „Молочный" имел в минувшем году паспорт на имя Оганеса Вартанова Тотомянца» {1}.

Сохранился рапорт о задержании И. В. Джугашвили: «1910 г. марта 23 дня, город Баку. Ко мне, дежурному околоточному надзирателю 7-го участка г. Баку Шамриевскому, агентом охранного отделения был доставлен в управление участка неизвестного звания молодой человек, который при допросе показал, что он происходит из жителей селения Диди Лило Тифлисской губернии и уезда, Иосиф Виссарионов Джугашвили, определенного места жительства не имеет. При личном его обыске при нем оказалось: бессрочная паспортная книжка за № 4682, выданная управлением бакинского полицмейстера 16 июля 1907 г. на имя жителя селения [Богаи] Елисаветпольской губернии и уезда Захара Крикоряна Меликянца, одно письмо на русском языке на имя Стефании, два письменных отрывка с разными цифрами и заметками». Далее сообщалось, что задержанный признался в побеге из вологодской ссылки {2}. Обращает на себя внимание, что Бакинское охранное отделение, если верить его донесению, только после задержания Кобы установило, что под этой кличкой скрывался И. В. Джугашвили.

«По справкам оказалось, что он разыскивается циркуляром Департамента полиции от 19 августа 1909 г. за № 151385/53» {3}.

В тот же день в 8-м участке г. Баку была задержана С. Л. Петровская {4}. «Названные лица, — сообщал П. П. Мартынов в Департамент полиции, — заключены под стражу и со сведениями и протоколами обысков переданы мною начальнику Бакинского ГЖУ от 23 сего марта за № 1272» {5}. Характеризуя результаты обысков, П. П. Мартынов писал: «У задержанного Джугашвили при личном обыске кроме подложного документа ничего не обнаружено» {6}.

Приняв арестованных, Бакинское ГЖУ 26 марта на основании «Положения об охране» возбудило переписку о выяснении политической благонадежности И. В. Джугашвили и С. Л. Петровской. Так в Бакинском ГЖУ появилось дело № 4228 «По исследованию политической благонадежности крестьянина Тифлисской губернии Иосифа Виссарионова Джугашвили и дворянки Херсонской губернии Стефании Леонардовны Петровской. Начато 24 марта 1910 г. Кончено 25 июня 1910 г. На 41 л.» {7}.

Ведение переписки было поручено поручику Николаю Васильевичу Подольскому.

В тот же день, 26 марта, И. В. Джугашвили и С. Л. Петровская были допрошены. Сохранились протоколы их допросов № 1 {8} и 2 {9}.

Признав факт побега из ссылки, И. В. Джугашвили заявил: «Принадлежащим себя к каким бы то ни было политическим партиям не считаю. В Баку я проживаю уже около 6 месяцев. Жил я здесь без прописки. Ночевал, где

придется. Положение мое было довольно неустойчивое. Искал я себе какое-либо место, но нигде не находил. < …> В Баку я купил у одного неизвестного мне лица бессрочную паспортную книжку, выданную Управлением бакинского полицмейстера на имя Захария Крикорова Меликянца, но по ней я не жил, ибо жил без прописки. Отобранное у меня при обыске письмо на русском языке адресовано Петровской, которое по просьбе одной женщины я еще не успел передать Петровской. Со Стефанией Леандровной Петровской я познакомился находясь в ссылке в г. Сольвычегодске Вологодской губернии. Отобранный у меня по обыску печатный лист — копия „Комиссии промышленной гигиены при Обществе врачей г. Баку", получена мною от неизвестного мне лица в клубе под названием „Знание — сила" в Черном городе. Клочок бумаги от бланка для сообщения бюджетных сведений при Комиссии промышленной гигиены при Обществе врачей г. Баку. В крепости в д. № 495 я не проживал и паспорт на имя Оганеса Вартанова Тотомянца никогда не имел. С Петровской я вообще никогда не жил и в сожительстве не состоял» {10}.

С. Л. Петровская тоже отрицала свою причастность к революционному подполью, но признавала свою интимную связь с И. В. Джугашвили {11}.

26 марта 1910 г. была начата переписка, в этот же день составлена «литера А» [51]. 1 апреля ее зарегистрировали в Департаменте полиции, и здесь в 7-м делопроизводстве появилось дело № 737 {12}.

На следующий день, 27 марта, поручик Н. В. Подольский направил вологодскому губернатору письмо, в котором ставил его в известность об аресте И. В. Джугашвили и далее спрашивал: «Не встретится ли надоб-

ности в названном лице и как следует поступить с задержанным?» {13} Как будто бы он не знал, что на основании розыскного циркуляра губернатор обязан был потребовать возвращения И. В. Джугашвили в Вологду. Так и получилось. 5 апреля вологодский губернатор направил в Бакинское ГЖУ письмо, в котором отмечал, что И. В. Джугашвили «надлежит выслать в Вологодскую губернию для отбывания определенного ему г. министром внутренних дел двухгодичного срока» {14}.

Одновременно 27 марта Бакинское губернское жандармское управление направило запросы в Кутаисское и Тифлисское ГЖУ:

«Прошу распоряжения о высылке из дел вверенного Вам управления справки о политической благонадежности крестьянина Тифлисской губернии и того же уезда селения Диди Лило Иосифа Виссарионова Джугашвили, 30 лет от роду, и не привлекался ли к делам политического характера» {15}.

Письмо Бакинского ГЖУ было составлено таким образом, как будто бы Н. В. Подольский хотел ограничиться только информацией, имевшейся в жандармских управлениях и касавшейся только привлечения И. В. Джугашвили к политическим делам.

Несмотря на это, Тифлисское ГЖУ, как и было положено, прежде чем ответить на письмо своих бакинских коллег, сделало соответствующий запрос в местное охранное отделение.

2 апреля оттуда был направлен следующий ответ:

«Джугашвили Иосиф Виссарионов розыскивается циркуляром Департамента полиции от 19 августа 1909 г. за № 151385/53 ст. 15479 и по обнаружении подлежит

обыску и аресту и препровождению в распоряжение вологодского губернатора. Остальные имеющиеся в охранном отделении о названном Иосифе Джугашвили сведения подробно изложены в донесении начальнику Тифлисского ГЖУ от 8 июня 1908 г. за № 2269. Начальник Тифлисского охранного отделения (подпись)» {16}.

Перед нами явная, отписка. С одной стороны, половину письма составляет ссылка на циркуляр о побеге, который не мог быть неизвестен Тифлисскому ГЖУ, а с другой стороны, охранное отделение ни словом не обмолвилось о том, что в 1909 г. И. В. Джугашвили по крайней мере дважды приезжал в Тифлис и занимался там нелегальной деятельностью.

Получив это письмо, Тифлисское ГЖУ, как и в 1908 г., предпочло обойти стороной сведения из биографии И. Джугашвили, относящиеся к периоду после 1904 г. (3 мая 1910 г. № 7735 на № 399):

«Джугашвили Иосиф Виссарионов, крестьянин селения Диди Лило Тифлисского уезда и губернии, 23 л. от роду, в 1902 г. как член революционного комитета был привлечен в числе других лиц при вверенном мне управлении сначала к переписке в порядке Положения о государственной охране „О Тифлисском кружке РСДРП и образованном им тайном Центральном комитете", а затем и к формальному в порядке 1035 ст. Уст. угол. суд. — дознанию о том же тайном комитете РСДРП в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 250 ст. Ул. о наказ.

Переписка о Джугашвили и других по сообщению Департамента полиции от 17 июля 1903 г. за № 4305 по высочайшему повелению 9 июля 1903 г. разрешена в ад-

министративном порядке с тем, чтобы выслать под надзор полиции в Восточную Сибирь на 3 г. каждого.

Кроме того, по имеющимся в делах Управления сведениям, Джугашвили в 1902 г. привлекался при Кутаисском ГЖУ в городе Батуме. Дознание о Джугашвили производством было закончено к 1 сентября 1902 г., препровождено прокурору Тифлисской судебной палаты, но чем таковое разрешено в делах управления, сведений нет.

Полковник (подпись)» {17}.

А пока шла эта переписка, товарищами И. В. Джугашвили предпринимались усилия, направленные на то, чтобы облегчить его участь. В мае 1910 г. им удалось добиться его перевода в тюремную больницу.

«Мы, — вспоминала Елизавета Адамовна Есаян, — старались сделать все, чтобы т. Сталина перевели в тюремную больницу, где он был бы в сравнительно лучших условиях, чем в общей камере тюрьмы. Для этого вот что мы сделали. В тюремной больнице тогда сидел некто Горячев, у которого был туберкулез 3-й степени. Мы взяли его мокроту и сдали в городскую больницу на анализ доктору Нестерову. Этот последний был пьяница и большой взяточник. За деньги мы получили от него листок диагноза туберкулеза 3-й степени на имя т. Сталина. Благодаря этому диагнозу удалось т. Сталина перевести в тюремную больницу. Через 3 месяца т. Сталина приговорили к высылке из Баку» {18}.

25 июня ротмистр Федор Иванович Гелимбатовский {19}, который заменил Ф. В. Зайцева на посту помощника начальника Бакинского ГЖУ, постановил переписку прекратить, С. Л. Петровскую освободить, а И. В. Джугашви-

ли подвергнуть новой административной ссылке [20]. 26 июня он как временно исполняющий обязанности начальника Бакинского ГЖУ подписал соответствующее постановление, в котором после изложения результатов переписки говорилось:

«Принимая во внимание все вышеизложенное, я полагал бы: настоящую переписку в отношении Петровской ввиду отсутствия данных, которые указывали бы на ее участие в период проживания ее в г. Баку в деятельности каких-либо противоправительственных сообществ, прекратить без всяких для нее последствий. Что же касается Джугашвили, то ввиду упорного его участия, несмотря на все административного характера взыскания, в деятельности революционных партий, в коих он занимал всегда весьма видное положение и ввиду двухкратного его побега из мест административной высылки, благодаря чему он ни одного из принятых в отношении его административных взысканий не отбыл, я полагал бы принять высшую меру взыскания — высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет» [21].

Узнав о принятом решении, И. В. Джугашвили 29 июня обратился к градоначальнику с прошением:

«Ввиду имеющегося у меня туберкулеза легких, констатированного тюремным врачом Нестеровым и врачом Совета съезда одновременно в начале мая с. г., после чего я все время лежу в тюремной больнице, — честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство назначить комиссию врачей для освидетельствования самочувствия по состоянию своего здоровья, что комиссия подтвердит сказанное выше упомянутыми врачами, и, принимая во внимание, что при аресте ничего предосудительного не найдено у меня, покорнейше прошу Ваше превосходи-

тельство применить ко мне возможно меньшую меру пресечения и по возможности ускорить ход дела. Одновременно с этим прошу Ваше превосходительство разрешить мне вступить в законный брак с проживающей в Баку Стефанией Леандровой Петровской. 1910. 29 июня. Проситель Джугашвили» {22}.

На следующий день, 30 июня 1910 г., он направил на имя бакинского градоначальника новое прошение:

«Его превосходительству г. градоначальнику г. Баку содержащегося под стражей в Баиловской тюрьме Иосифа Виссарионовича Джугашвили

ПРОШЕНИЕ

От моей жены, бывшей на днях в жандармском управлении (речь идет о С. Л. Петровской. — *А.О.*), я узнал, что г. начальник жандармского управления, препровождая мое дело в канцелярию Вашего превосходительства, вместе с тем считает от себя необходимым высылку меня в Якутскую область. Не понимая такой суровой меры по отношению ко мне и полагая, что недостаточная осведомленность в истории моего дела могла породить нежелательные недоразумения, считаю нелишним заявить Вашему превосходительству следующее.

Первый раз я был выслан (в административном порядке) в Иркутскую губернию в 1903 г. на 3 года. В 1904 г. я скрылся из ссылки, в следующем же (1905-м) был амнистирован. Второй раз я был выслан в Вологодскую губернию на 2 года, причем на первом же допросе в конце апреля или начале мая 1908 г. мною чистосердечно было заявлено ротмистру Боровкову и начальнику Зайцеву о бегстве из ссылки в 1904 г., об амнистии и т. д. , в чем нетрудно удостовериться, просмотрев соответ-

ствующий протокол, снятый вышеупомянутыми чинами жандармского управления. Между прочим, результатом такого моего заявления явилась упомянутая высылка в Вологодскую губернию, ибо ничего предосудительного у меня не было найдено, а других улик кроме проживательства по чужому виду не имелось. В 1909 г. самовольно уехал из Вологодской губернии, о чем при аресте же было заявлено мною чинам жандармского управления. Причем ничего предосудительного не было у меня найдено.

Делая настоящее заявление, покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять его во внимание при обсуждении моего дела. Иосиф Джугашвили. 1910 г. 30 июня» {23}.

Оставляя в стороне вопрос о соответствии подобного прошения революционной этике (а то, что оно не делало чести И. Джугашвили как революционеру, очевидно), следует отметить, что оно поражает своей беспомощностью. Автор прошения ссылался на амнистию 1905 г. и в качестве доказательства указывал на протокол допроса 1908 г., однако, во-первых, подобная ссылка сама по себе ничего не значила, а во-вторых, в протоколе допроса 1908 г. вопрос об амнистии даже не затрагивался. Автор утверждал, что ничего предосудительного у него в 1908 г. обнаружено не было, между тем именно обнаружение у него «предосудительных» материалов явилось причиной его ареста. Делая подобные утверждения, И. В. Джугашвили мог рассчитывать только на то, что никто его утверждения проверять не будет.

Однако исполняющий обязанности бакинского градоначальника полковник Мартынов не отреагировал на его прошения. Более того, усмотрев в его просьбе о ме-

дицинском освидетельствовании стремление облегчить меру наказания, он дал согласие на это только после окончательного решения данного дела [24] и 29 июля направил материалы переписки исполняющему обязанности наместника на Кавказе, полностью соглашаясь с предложением начальника Бакинского ГЖУ. К письму градоначальника, согласно циркуляра Департамента полиции за № 76010 от 25 февраля 1909 г., было приложено дело № 75 за 1910 г. [25].

3 августа 1910 г. в Особом отделе канцелярии наместника, который возглавлял Георгий Логгинович Львович [26], было заведено дело «По ходатайству бакинского градоначальника о высылке под надзор полиции Ивана Сверчкова и Иосифа Джугашвили» [27].

Из Особого отдела материалы переписки поступили в Судебный отдел этой же канцелярии, во главе которой стоял Николай Федорович Вебер [28], имевший трех помощников-делопроизводителей: Семена Андреевича Гамкрели, Людвига Михайловича Леоновича и Аркадия Евгеньевича Стрельбицкого [29]. Один из них должен был готовить представление дела И. В. Джугашвили в Особое совещание при наместнике.

К сожалению, текст журнала заседания этого совещания пока неизвестен, но удалось обнаружить выписку из него:

«Журнал № 30 состоявшегося 12 августа 1910 г. заседания Особого совещания, образованного согласно распоряжения наместника е. и. в. на Кавказе под председательством помощника по гражданской части наместника е. и. в. в составе нижеследующих должностных лиц:

члена Совета наместника т. с. [Михаила Павловича] Гаккеля, тифлисского губернатора д. с. с. [Михаила Александровича — Любич] — Ярмолович-Лозина-Лозинского, по делам, касающимся Тифлисской губернии, представителя прокурорского надзора Тифлисской судебной палаты д. с. с. [Арсения Антоновича] Скульского, за директора Канцелярии наместника, заведующего Особым отделом по полицейской части канцелярии коллежского советника [Георгия Логгиновича] Львовича и и. д. старшего помощника делопроизводителя поручика [Людвига Михайловича] Леоновича слушало… XV. Представление и. д. бакинского градоначальника от 29 июля 1910 г. за № 3890 об административной высылке в отдаленные места Сибири сроком на пять лет содержащегося в Бакинской тюрьме крестьянина селения Диди Лило Тифлисской губернии и уезда Иосифа Виссарионова Джугашвили как лица вредного для общественного спокойствия.

Резолюция… Ознакомившись с изложенным, совещание полагает: сообщить бакинскому градоначальнику о необходимости отправления Джугашвили в место его прежней высылки для отбытия остающегося срока гласного надзора и вместе с тем ввиду проявленной Джугашвили за время нелегального проживания в г. Баку вредной деятельности воспретить ему жительство в пределах Кавказского края сроком на 5 лет в порядке п. 4 ст. 27 Учр. упр. Кавказского края. Т. II Св. зак., по продолж. 1910 г.» {30}.

Из Особого совещания принятое решение было передано в Особый отдел канцелярии наместника, и оттуда на имя исполняющего обязанности бакинского градоначальника было направлено следующее сообщение:

«Рассмотрев представленную Вашим высокоблагородием от 29 июля с. г. за № 3890 переписку об исследовании политической благонадежности содержащегося в Бакинской тюрьме крестьянина села Диди Лило Тифлисской губернии и уезда Иосифа Виссарионова Джугашвили и принимая во внимание, что он, будучи выслан в Вологодскую губернию в порядке ст. 34 Положения об охране, из места высылки скрылся и разыскивается циркуляром Департамента полиции от 19 августа 1909 г. за № 151385/53 [и. д. начальника Ш. В. на Кавказе поручик Крит] [поручил] указать Вам на необходимость отправления Джугашвили в место его прежней высылки для отбытия остающегося срока гласного надзора полиции. Помимо того, ввиду проявленной Джугашвили за время нелегального проживания в г. Баку вредной деятельности генерал от инфантерии Шатилов признал соответственным воспретить [ему] жительство в пределах Кавказского края сроком на пять лет» {31}.

Только после этого 31 августа бакинский градоначальник направил на имя начальника Бакинского ГЖУ письмо, в котором говорилось: «Содержащийся в бакинской тюрьме административный арестант Иосиф Виссарионович Джугашвили возбудил ходатайство о разрешении ему вступить в законный брак с проживающей в г. Баку Стефанией Леонардовной Петровской» {32}. Градоначальник, видимо, не исключал, что за этим ходатайством могло скрываться какое-то другое намерение, а поэтому запрашивал на этот счет мнение ГЖУ. Ответ был дан 10 сентября. ГЖУ не возражало против заключения данного брака {33}, о чем 23 сентября бакинский градоначальник уведомил заведующего отделением бакинской тюрьмы {34}.

Однако это разрешение уже не застало И. В. Джугашвили в Баку.

7 сентября он был ознакомлен с извещением № 10445 от 27 августа 1910 г. о запрещении ему проживать на Кавказе в течение 5 лет [35], а 9/10 сентября бакинский градоначальник направил «спешное арестантское предписание» № 18221 на имя полицмейстера с предложением «с первым отходящим этапом отправить названного Джугашвили в распоряжение вологодского губернатора» [36].

Между тем, пока это распоряжение проходило по ступеням чиновничьей иерархии, в ночь с 14 на 15 сентября 1910 г. бакинская охранка совершила набег на квартиру Михаила Семеновича Васильева и Зелика Соломоновича Розенгауза, которая находилась в крепости в доме Дадашева. Здесь были обнаружены ручная типография и архив Бакинской организации РСДРП. Информируя Департамент полиции о результатах обыска, начальник Бакинского охранного отделения П. П. Мартынов писал: «Означенные рукописи послужат к изобличению арестованных мною ранее Спандаряна, Иосифа Джугашвили (нелегальный Тотомянц)... и других, так как содержат в себе указания на их партийную принадлежность» [37].

Что же это были за рукописи? В протоколе осмотра вещественных доказательств, изъятых во время обыска 15 сентября 1910 г., значилось:

«33. Записка на узком листке линованной в квадрат бумаги, написанная фиолетовым химическим карандашом, следующего содержания: „17 октября 1909 г. согласно решения Бакинского комитета Российской социал-демократической рабочей партии получил от представи-

телей Биби-Эйбатского отделения „Гуммета" 30 руб. на нужды техники. Секретарь Бакинского комитета, Коба"...

35. Рукопись на 11 листах писчей бумаги под заглавием „Собрание конференции БО РСДРП 25 октября" < ...>. Ораторами выступают „Апостол", „Коба", „Саратовец", „Петербуржец", „Тимофей", „Фиолетов", „Коля", „Степан", „Нико", „Павел", „Ваня", „Федор", „Вано", „Семен", „Эфендиев", „Бочка"» {38}.

Поскольку охранке уже было известно, что Коба — это И. В. Джугашвили, достаточно было проведения графологической экспертизы для того, чтобы не только установить принадлежность ему названной выше расписки, но и использовать в качестве вещественного доказательства протокол названной выше конференции Бакинской организации РСДРП. Таким образом, на руках у охранки были документы, которые позволяли привлечь И. В. Джугашвили к судебной ответственности по обвинению в принадлежности к запрещенной партии, ставящей перед собой цель свержения существующей власти, что, в свою очередь, открывало возможность вынесения приговора о заключении его в тюрьму, осуждения на каторжные работы или же высылки в Сибирь на вечное поселение.

Однако напрасно торжествовал ротмистр П. П. Мартынов.

20 сентября в управлении бакинского полицмейстера на имя И. В. Джугашвили был составлен «открытый лист» № 151, означавший включение его в этапную партию: «Приметы: лета — 30, рост — 2 аршина 6 вершков (171 см. — *А.О.*), лицо — рябоватое (первоначально было написано „чистое", затем это слово было зачеркнуто. — *А.О.*), глаза, волосы, брови, усы — чер-

ные, нос умеренный, особые приметы — над правой бровью родинка. Левая рука вывихнута и в локте не разгибается» {39}.

23 сентября 1910 г., именно в тот день, когда градоначальник изъявил согласие на брак С. Л. Петровской и И. В. Джугашвили, последний был взят на этап. Не позднее чем через пять дней его доставили в Ростов-на-Дону, о чем свидетельствует пометка на «открытом листе»: «Отправлен после медицинского осмотра сентября 28 дня 1910 г. Врач ростовской-на-дону тюрьмы» (подпись) {40}.

Обнаруженные 15 сентября документы и существовавшие правила позволяли вернуть И. В. Джугашвили не только с этапа, но и из ссылки для предания суду на основании новых данных. Однако уличавшие его рукописи почему-то не «заговорили».

ПРИМЕЧАНИЯ

Под фамилией Тотомянц

[1]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Вып. 30. Летнее движение (с 18 апреля/1 мая). СПб., 1909 г. С. 108–109.

[2]*Алилуев С. Я.*Встречи с товарищем Сталиным: отрывки из воспоминаний // Правда. 1939. 22 дек.

[3]ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 945. Л. 9.

[4]*Стасова Е. Д.*Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. М., 1988. С. 49.

[5]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 564. Л. 1 (Канон Демьянович Савченко); Д. 565. Л. 1–2 (Кузьма Демьянович Савченко).

[6]В тексте ошибочно указано «июля».

[7]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 21–22.

[8]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 28 об. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 5.

[9]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 28 об.-29.

[10]Там же. Л. 26 об.

[11]Там же. Л. 30 об.; Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 5.

[12]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 31.

[13]Там же. Л. 32.

[14]В картотеке Департамента полиции фамилия О. В. Тотомянца фигурирует только с лета 1909 г. Нет ее и в розыскных циркулярах Департамента полиции за 1907–1909 гг. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 149.

[15]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 244.

[16]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3453. Л. 28.

[17]ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1012. Л. 5–6.

[18]*Вацек И. П.*Воспоминания о своей жизни и революционной деятельности в Закавказье // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 213. Л. 247.

[19]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 26–37.

[20]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 144, 393.

[21]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 38–39. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2(105). С. 5–6.

[22]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 38 об.

[23]Там же.

[24]Там же.

[25]Там же.

[26]Там же. 1910. Д. 5–6-Б.Л. 18–18 об. Опубликовано: Рабочее движение в Азербайджане в годы нового революционного подъема. 1910–1914: Документы и материалы. Ч. 2. Баку, 1967.

[27]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. С. 168.

[28]Там же. С. 146–158.

[29]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1909. Д. 3420. Л. 2 об. (литера Б.); Там же. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 54–60.

[30]Там же. Л. 54 об.; Опубликовано: Красный архив. 1941.№ 2 (105).С. 6.

[31]Там же.

[32]*Левидова С. М., Салита Е. Г.*Елена Дмитриевна Стасова: Биографический очерк. Л., 1969. С. 173.

[33]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 56 об.

[34]Там же.

[35]Там же. Л. 57об.-58об. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 7.

[36]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 55об. Опубликовано: Красный архив. 1942. № 2 (105). С. 7.

[37]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 649. Л. 369–370 (А. Хумарян); Бакинский рабочий. 1931. 25 апр. (А. Хумарян).

[38]Там же; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 649. Л. 370–373 (А. Хумарян).

[39]Гори. Д. 380. Л. 2 (В. Стуруа).

[40]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 649. Л. 370–373 (А. Хумарян).

[41]Там же. Д. 658. Л. 446. Опубликовано: Заря Востока. 1924. 28 апр. (С. Якубов).

[42]Там же.

[43]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 58 об. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 7–8.

[44]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 56 об.

[45]Там же. Л. 47–48.

[46]Там же. Л. 58 об.

[47]Там же. Л. 51.

[48]Там же. Л. 66 об.

[49]Жизнь — подвиг: Воспоминания о П. А. Джапаридзе. Баку, 1979. С. 61.

[50]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 67–68.

[51]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 109. Л. 1.

[52]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1501. Л. 59, 69. По другим данным, Камо был доставлен в Тифлис 19 октября (*Бибинейшвили Б.*Камо. М., 1934. С. 232–233).

[53]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 41.

[54]Там же. Л. 61. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 10.

[55]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. д. 5–61-А. Л. 183 об.-184.

[56]Удалось выявить двух человек, которые носили имя Фаддей и имели фамилию Ратиев: Ратиев Фаддей Шалвович (Тифлисский листок. 1894.18 янв.) и Ратиев Фаддей Петрович (ГАРФ. Ф. 102. 5Д. 1907. Д. 19–9. Л. 604).

[57]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 67. Л. 25.

[58]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 82–83. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 11.

[59]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 83 об. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2(105). С. 11.

[60]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

[61]Там же. Д. 4372. Л. 1.

[62]*Колесникова Н. Н.*По дорогам подполья: Из воспоминаний. Баку, 1973. С. 105–108; *Джанибекян В.*Провокаторы: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2000. С. 260–273; ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 2815,3200 (М. Е. Черномазов).

[63]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 15. Л. 286–287.

[64]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. М., 1971. С. 534.

[65]Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 231–232.

[66]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5. Л. 118.

[67]Там же. Д. 5–7-Б. Л. 10–10 об.

[68]Там же. Л. 11.

[69]*Ногин В.*1906 г. в Баку // Заря Востока. 1924. 28 апр.

[70]Там же.

[71]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 68 об.

[72]Заря Востока., 1924. 28 апр. (Якубов).

[73]*Вацек И. П.*Воспоминания о своей жизни и революционной деятельности в Закавказье // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 213. Л. 247.

[74]Гори. Д. 167. Л. 2.

[75]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5–6-Б. Л. 26 об.

[76]Там же. Л. 11 об., 18; *Каптелов Б. И., Перегудова З. И.*Был ли Сталин агентом охранки? // Родина. 1989. № 5. С. 68.

[77]*Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. Нью-Йорк, 1963. Кн. 72. С. 224.

[78]*Уратадзе Г.*Воспоминания грузинского социал-демократа. Standford, 1968. С. 67.

[79]*Акопян Г. С.*Степан Шаумян: Жизнь и деятельность. 1878–1918. М., 1973. С. 76–77, 83.

[80]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1730. Л. 1–3.

[81]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5–6-Б. Л. 18–18 об. Опубликовано: Рабочее движение в Азербайджане в годы нового революционного подъема. 1910–1914. Документы и материалы. Ч. 2. Баку, 1967.

[82]*Уратадзе Г.*Воспоминания грузинского социал-демократа. Standford. 1968. С. 67.

[83]*Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине. С. 224.

Опять в тюрьме

[1]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5–6-Б. Л. 18–18 об. Опубликовано: Рабочее движение в Азербайджане в годы нового революционного подъема. 1910–1914: Документы и материалы. Ч. 2. Баку, 1967.

[2]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 635. Л. 35.

[3]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5–6-Б. Л. 18 об.

[4]Там же. Л. 18 об. -19; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 635. Л. 36.

[5]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5–6-Б. Л. 19.

[6]Там же.

[7]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 635. Л. 26–72.

[8]Там же. Л. 41–43 (И. В. Джугашвили).

[9]Там же. Л. 44–46 (С. Л. Петровская).

[10]Там же. Л. 41 об.-42.

[11]Там же. Л. 44.

[12]Там же. Д. 124. Л. 12.

[13]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 628. Л. 13.

[14]Там же. Л. 14.

[15]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 208. Л. 119.

[16]Там же. Л. 118.

[17]Там же. Л. 139–140.

[18]Там же. Оп. 2. Ч. 1. Д. 16. Л. 292–293 (Елизавета Адамовна Есаян).

[19]Кавказский календарь на 1911 г. Тифлис, 1910.

[20]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 635. Л. 68–70.

[21]Там же. Л. 24–25.

[22]Там же. Оп. 11. Д. 1290. Л. 31–32; ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 67. Л. 63.

[23]ИИП. Ф. 456. Оп. 14. Д. 110–113. Л. 1–2.

[24]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 635. Л. 70.

[25]Там же. Л. 26–72.

[26]Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 31.

[27]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 130.

[28]Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 31.

[29]Там же.

[30]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 280. Л. 148–150.

[31]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 130. Л. 6–7; Д. 208. Л. 123.

[32]Там же. Д. 635. Л. 74 об.

[33]Там же. Л. 91.

[34]Там же. Л. 94.

[35]Там же. Л. 19.

[36]ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 7. Д. 2083. Л. 27.

[37]Рабочее движение в Азербайджане в годы нового революционного подъема. 1910–1914: Документы и материалы. Ч. 2. Баку, 1967. С. 135.

[38]ГИАГ. Ф. 113. Оп. 2. Д. 841. Л. 136.

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 628. Л. 17.

[40]Там же. Л. 18 об.

ГЛАВА 3. СНОВА НА СЕВЕРЕ

Вторая сольвычегодская ссылка

На этот раз дорога до Вологды заняла максимум 18 дней. Сюда И. В. Джугашвили был доставлен не позднее 6 октября. Этим числом датирована «Ведомость о прекращении розыска» {1}. 12 октября последовало распоряжение губернатора: «Отправить в Сольвычегодск» {2}. 18-го И. В. Джугашвили взяли на этап, и 29-го он снова был там, откуда бежал {3}.

Где именно поселился И. В. Джугашвили по возвращении в Сольвычегодск, мы не знаем. Известно, что во время второй сольвычегодской ссылки он жил в домах Григорова и Кузаковой {4}. Однако единственный источник, свидетельствующий о его проживании по первому адресу, — донесение сольвычегодского исправника в Вологодское ГЖУ от 2 мая 1911 г. — содержит дату: 29 декабря {5}. Имеем ли мы в данном случае дело с опиской (и вместо 29 декабря следует читать 29 октября) или же первоначально И. В. Джугашвили проживал по другому адресу, остающемуся нам неизвестным, сказать сложно.

Когда И. В. Джугашвили прибыл в Сольвычегодск, уездный исправник В. Н. Цивилев заготовил постановление «О привлечении к ответственности за самовольную отлучку по ст. 63 „Устава о наказаниях" сбежавшего и возвращенного поднадзорного Джугашвили» {6}.

Но никаких сведений о его привлечении к ответственности за побег обнаружить не удалось.

Одновременно В. Н. Цивилев направил запрос в Тифлис с просьбой представить сведения о личности и семейном положении И. В. Джугашвили [7]. Обычно подобные запросы делались в том случае, если возникали сомнения, что ссыльный или арестованный является тем, за кого себя выдает. Что же могло вызвать подобные сомнения у исправника В. Н. Цивилева, если И. В. Джугашвили уже был знаком ему по первой сольвычегодской ссылке?

За время отсутствия И. В. Джугашвили в Сольвычегодске произошли значительные перемены. Не только резко сократилась общая численность ссыльных, но и изменилась сама их жизнь. Свидетельство об этом оставила одна из ссыльных, Серафима Васильевна Хорошенина. Родилась она около 1887 г. в селе Баженово Ирбитского уезда Пермской губернии в семье учителя, закончила Ирбитскую женскую гимназию, затем уехала в Саратов, там была арестована и 19 сентября 1909 г. выслана в Вологодскую губернию на 2 года [8].

2 сентября 1910 г. С. В. Хорошенина писала: «Плохо живут в нашем Сольвычегодске. Даже внешние природные условия отвратительны. Такая скудная, бедная природа. Только и жить тут мещанам. И верно, городок совсем мещанский. Ничего не коснулось жителей, ничему не научились их жители. Но еще безотраднее жизнь ссыльных. Знаете, полицейские условия довольно сносные, но ссыльные не живут, они умерли. Живет каждый по себе, до другого мало дела. Сойдясь, не находят разговоров. Была когда-то жизнь, и жизнь кипучая. Были и фракции, и колонии, было много кружков, но теперь нет

ничего. Только вспоминаем о прежней жизни — осталась библиотечка, но библиотечка так себе. В существующую же земскую библиотеку ссыльные должны вносить 3 руб. залога, а это, конечно, непосильно ссыльным. Даже совместных развлечений нет, и ссыльные топят тоску в вине. Я тоже иногда выпиваю» {9}.

В эту жизнь на 8 месяцев предстояло погрузиться и И. В. Джугашвили. Застал ли он здесь кого-нибудь из старых знакомых, установить пока не удалось. Можно лишь отметить, что в это время здесь отбывал ссылку его земляк — писатель Ирадион Хаситашвили (Евдошвили) {10}. Здесь же он познакомился с эсером Семеном Суриным, ставшим позднее провокатором. От С. Сурина И. Джугашвили впервые услышал о ссыльном Вячеславе Михайловиче Скрябине, незадолго перед тем покинувшем Сольвычегодск (он находился здесь с ноября 1909 по март 1910 г.) и уехавшем в Вологду (позднее он получил известность под фамилией Молотов). С. Сурин переписывался с В. М. Скрябиным и сообщил ему о приезде нового ссыльного. Так началось заочное знакомство И. В. Джугашвили и В. М. Молотова {11}.

Поскольку все предпринимавшиеся в 1910 г. попытки восстановить единый ЦК РСДРП оказались безуспешными, 22 ноября 1910 г. большевистский центр потребовал немедленного созыва нового Пленума ЦК в составе находящихся на воле и продолжавших работать его членов, а также поставил вопрос о возвращении ему переданных в общую партийную кассу денег. Согласно существовавшей договоренности, после такого требования Пленум ЦК должен был быть созван не позднее трех месяцев, т. е. до 22 февраля 1911 г. {12}.

Проявленная большевистским центром решительность, особенно с учетом заявления о возвращении денег, означала, что он намерен взять дело восстановления общепартийного руководства в свои руки.

Вряд ли, находясь в Сольвычегодске, И. В. Джугашвили знал обо всем этом. Но, обосновавшись на новом месте, он дал знать о себе за границу и 30 декабря 1910 г. получил оттуда письмо, которое, судя по всему, имело своей целью выяснить, с одной стороны, его позицию по вопросу о путях возрождения партии, а с другой — возможность привлечения его к общепартийной деятельности {13}.

На следующий же день И. В. Джугашвили дал ответ. Он положительно оценивал ленинскую тактику объединения с меньшевиками-партийцами и далее писал:

«По-моему, для нас очередной задачей, не терпящей отлагательства, является организация центральной (русской) группы, объединяющей нелегальную, полулегальную и легальную работу на первых порах в главных центрах (Питер, Москва, Урал, Юг). Назовите ее, как хотите, — Русской частью Цека или вспомогательной группой при Цека — это безразлично. Но такая группа нужна как воздух. Как хлеб <…>. С этого, по-моему, и пойдет дело возрождения партийности. Не мешало бы организовать предварительное совещание работников, признающих решения Пленума, конечно, под руководством Цека <…>. Теперь о себе. Мне остается 6 месяцев. По окончании срока я весь к услугам. Если нужда в работниках в самом деле острая, то я могу сняться немедленно <…>. Адреса для посылок: 1) Сольвычегодск Вологодской губернии, Ивану Исааковичу Богомолову, 2) Сольвычегодск Вологодской губернии, Петру Михайлови-

чу Серафимову. Адрес для переписки со мной: Сольвычегодск Вологодской губернии, дом Григорова, — Николай Александрович Вознесенский» {14}.

Письмо И. В. Джугашвили было перехвачено и перлюстрировано, причем в результате проведенного расследования выяснилось, что хотя все три названные фамилии были вымышленными, но на них из-за границы уже приходила корреспонденция {15}.

О том, что в начале 1911 г. с И. В. Джугашвили действительно велись переговоры об организации побега, свидетельствует другое его письмо, которое 24 января 1911 г. он направил в Москву на имя В. С. Бобровского:

«Пишет Вам кавказец Сосо, — помните, в четвертом году в Тифлисе и Баку. Прежде всего мой горячий привет Ольге, Вам, Германову (обо всех вас рассказывал мне И. М. Голубев, с которым я и коротаю мои дни в ссылке). Германов знает меня как Ко…б…а (он поймет). Мог ли я думать, что Вы в Москве, а не за границей… Помните ли Гургена (старый Михо). Он теперь в Женеве… и „отзывает" думскую фракцию социал-демократов. Размахнулся старик (может быть, рехнулся. — *А.О.*), черт возьми. Я недавно вернулся в ссылку („обратник"), кончаю в июле этого года. Ильич и К° зазывают в один из двух центров, не дожидаясь окончания срока. Мне же хотелось бы отбыть срок (легальному больше размаха), но если нужда острая (жду от них ответа), то, конечно, снимусь. А у нас здесь душно без дела, буквально задыхаюсь. О заграничной „буре в стакане воды", конечно, слышали: блоки Ленина — Плеханова, с одной стороны, и Троцкого — Мартова — Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть

пренебрежительно: „Пусть, мол, лезут на стенку, сколько их душе угодно, а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работает, остальное приложится". Это, по-моему, к лучшему. Мой адрес: Сольвычегодск Вологодской губернии, политическому ссыльному Иосифу Джугашвили» {16}.

В одной из первых биографий И. В. Сталина говорится: «Весной 1911 г. он по предложению ЦК партии бежал опять из ссылки в Петербург, где жил здесь под фамилией Иванов, ночевал у Силы Тодрия» {17}. В 1935 г. на страницах журнала «Борьба классов» была опубликована статья «Товарищ Сталин в Петербурге. 1911–1913 гг.», автор которой, И. Бас, упоминая о письме И. В. Джугашвили от 31 декабря 1910 г., писал: «Вскоре после этого письма тов. Сталин бежал из ссылки и приехал по поручению ЦК в Петербург» {18}. В 1937 г. в печати появилась статья Е. Ярославского «Пражская конференция партии большевиков», в которой, упомянув названное выше письмо И. В. Джугашвили, он тоже отмечал: «„Снялся" товарищ Сталин через месяц после этого» {19}.

Позднее версия о побеге И. В. Джугашвили из второй сольвычегодской ссылки исчезла со страниц печати. Может быть, она была лишена оснований? Нет, побег имел место. На этот счет мы имеем свидетельство самого И. В. Сталина. 7 июня 1926 г. в связи с рассмотрением Закавказской контрольной комиссией ВКП(б) персонального дела работника Народного комиссариата внешней торговли СССР А. И. Иванянца (Иваняна) И. В. Сталин обратился с письмом на имя члена этой комиссии Мирзабекянца:

«Довожу до Вашего сведения согласно Вашей просьбе о некоторых необходимых Вам фактах, имеющих отношение к т. Иваняну: 1) *Живя нелегально в Вологде в 1911 году*, я провел у т. Иваняна две или три ночи по его приглашению, 2) Он (Иванян) жил тогда на одной квартире с Татариновым и его (Татаринова) женой, где я и столовался около недели, 3) Он (Иванян) устроил меня (после двухдневной ночевки у него) у ссыльного Доррера [52], где я прожил недели две или больше, 4) Я получил от ЦК 70 рублей на побег по адресу, данному мне Иваняном, 5) Денег этих мне не передал т. Иванян, а показал лишь телеграмму о присылке для меня указанной суммы (в телеграмме было вытравлено несколько слов), причем т. Иванян не мог объяснить ни „пропажу" денег, ни факт вытравления из телеграммы нескольких слов, 6)Впоследствии, приехав за границу, в ЦК я получил все документы, говорящие о том, что действительно было послано для меня в Вологду по адресу, данному Иваняном, 70 рублей, что эти деньги не пропали, а были получены адресатом в Вологде» (фото 28) {20}.

Из этого письма явствует, что в 1911 г. на протяжении двух-трех недель ссыльный И. В. Джугашвили нелегально проживал в Вологде.

История, описанная И. Джугашвили, нашла отражение в воспоминаниях большевика С. В. Малышева, тоже отбывавшего ссылку в Вологодской губернии: «Товарищу Сталину были посланы деньги на дорогу. Чтобы не вызвать подозрений у полиции, эти деньги были высланы в Вологду на имя одного ссыльного студента, который должен был передать их Сталину. Студент этот, ничего общего с большевиками не имевший, получив деньги, забрал их себе, и товарищ Сталин выехать в это время из

ссылки не смог» [21]. Это значит, что И. В. Джугашвили все-таки решил бежать и даже добрался до Вологды, но из-за отсутствия денег вынужден был вернуться обратно.

Ни в фонде Вологодского ГЖУ, ни в других архивных фондах пока не удалось обнаружить сведений об этом побеге, однако побывавшая в июле 1944 г. в Архангельске и Вологде сотрудница ИМЭЛ С. Эвенчик писала: «Очень интересна переписка сольвычегодского исправника с Вологодским жандармским управлением: выявляются подробности побега И. В. Сталина в Петербург в 1911 г.» [22].

О том, что побег действительно имел место, свидетельствуют и воспоминания В. Л. Швейцер: «В конце февраля товарищ Сталин под предлогом лечения выехал из Сольвычегодска в Вологду. По его просьбе ссыльный большевик Саммер, жена которого работала в больнице, получил фиктивную справку о нахождении товарища Сталина в больнице на излечении. А сам товарищ Сталин приехал в Питер» [23].

Когда именно это могло быть, пока можно лишь предполагать.

Арам Исаакович Иванянц, учившийся до этого в Томском технологическом институте, был выслан на Север 18 января 1911 г., в Вологду он прибыл 3 февраля [24] и 5 февраля подал прошение с просьбой разрешить ему остаться здесь [25]. По всей видимости, в тот же день он был освобожден из-под стражи, так как именно этим числом датировано его прошение о выдаче пособия [26]. Таким образом, И. В. Джугашвили мог встретиться с А. Иванянцем не ранее 5 февраля 1911 г.

Нельзя не обратить внимание на то, что в доме Григорова И. В. Джугашвили проживал лишь до 10 января 1911 г. {27}Существует мнение, что в этот же день он перешел на жительство в дом М. П. Кузаковой, который располагался напротив, и жил в нем до окончания срока ссылки {28}. В свое время происхождение этой даты приписывали самой хозяйке дома {29}. Однако, как явствует из домовой книги, до 18 февраля здесь проживала жена ссыльного Карла Мицита (известного латышского боевика, ставшего провокатором) Юлия Филипповна Матвеева, поэтому И. Джугашвили был прописан по новому адресу лишь 20 февраля. Показательно и другое. В доме М. П. Кузаковой И. В. Джугашвили прописался вместе с Серафимой Хорошениной (фото 27) {30}.

В связи с этим есть основания предполагать, что побег И. Джугашвили из Сольвычегодска мог иметь место между 24 января и 20 февраля.

«Положение о полицейском надзоре, учрежденном по распоряжению административной власти» 12 марта 1882 г. допускало временную отлучку ссыльного из места ссылки. Причем разрешение давалось: «1) в пределах уезда местным начальником полиции, 2) в пределах губернии — местным губернатором и 3) в другую губернию — министром внутренних дел». «Поднадзорному, получающему разрешение на отлучку, — читаем мы в „Положении о полицейском надзоре", — выдается проходное свидетельство и маршрут» {31}.

Эта процедура продолжала действовать и в 1911 г. Касаясь ее, начальник Вологодского ГЖУ писал: «Все без исключения отлучки ссыльных в губернии разрешаются губернатором», «по каждому ходатайству ссыльного об

отлучке запрашивается заключение губернского жандармского управления, каковое и делается сообразно имеющихся о ссыльном сведений. Свое решение г. губернатор ставит обыкновенно согласно с означенным заключением» {32}.

Следовательно, если И. В. Джугашвили покинул Сольвычегодск между 24 января и 20 февраля совершенно легально, он должен был предварительно договориться с И. А. Саммером, пройти медицинское освидетельствование и получить согласие ГЖУ на поездку в Вологду. Между тем никаких документов на этот счет пока не обнаружено. Не их ли изымали из архива ГЖУ во второй половине 40-х гг.?

Прописавшись 20 февраля в доме М. П. Кузаковой, И. В. Джугашвили и С. В. Хорошенина фактически вступили в гражданский брак. Однако вместе они прожили всего несколько дней. 24 февраля сольвычегодский уездный исправник В. Н. Цивилев сообщил в Вологодское ГЖУ: «Согласно предписания г. вологодского губернатора от 12 февраля с. г. за № 623, состоящая в г. Сольвычегодске под гласным надзором полиции Серафима Васильевна Хорошенина 23 сего февраля отправлена этапным порядком в г. Никольск для отбывания дальнейшего срока гласного надзора полиции» {33}.

Уходя на этап, С. В. Хорошенина, по всей видимости, не смогла попрощаться с И. В. Джугашвили, поэтому передала ему прощальную открытку {34}.

За неделю до этого, 16 февраля 1911 г., начальник Вологодского ГЖУ направил в Сольвычегодск уездному исправнику предписание усилить наблюдение за И. В. Джугашвили с целью недопущения побега. 20 февраля это распоряжение было получено {35}, и 21-го В. Н.

Цивилев сообщил, что надзор за И. В. Джугашвили усилен и проверка его наличия будет производиться не один, а два раза в день [36]. Как явствует из «Наряда № 8» сольвычегодского уездного правления, начатого 31 декабря 1910 г. и содержащего помесячные сведения о ссыльных, в марте 1911 г. И. В. Джугашвили находился под наблюдением стражника А. В. Бачурихина, а в апреле — июне — стражника Н. И. Клишева [37].

Прошло около месяца. 14 марта последовало распоряжение Вологодского ГЖУ о производстве обысков у ряда ссыльных. Среди них был и И. В. Джугашвили. Обыску него был произведен 18 марта [38]. 15 апреля последовало распоряжение Вологодского ГЖУ о производстве новых обысков среди ссыльных Сольвычегодска. Оно было получено 22 апреля [39], 29-го И. В. Джугашвили был обыскан снова. Во время этого обыска у него в кармане пиджака обнаружили «четыре письма от 23 и 25 февраля, 16 марта и 13 апреля от ссыльной Хорошениной из г. Никольска» и два адреса: московский и ростовский [40].

К сожалению, сведения о пребывании И. В. Джугашвили во второй сольвычегодской ссылке так же скупы, как и во время первой. Кроме ведомости на получение ежемесячного пособия за первую половину 1911 г. [41]его фамилия фигурирует в некоторых других документах: 19 апреля он посетил местный театр, за что из его пособия была вычтена стоимость билета — 25 коп. [42], 2 мая его фамилия фигурирует в донесении уездного исправника [43], а 12 мая и 29 июня — в агентурных сообщениях секретного сотрудника Вологодского ГЖУ Пацевича [44]:

12 мая: «Ссыльные социал-демократы в Сольвычегодске: Иван Петров Петров, Иван Матвеев Голубев, Николай Матвеев Ильин, Александр Яковлев Шур (еврей), Ирадион Исааков Хаситов, Федор Игнатьев Сятковский, Иосиф Виссарионов Джугашвили, Михаил Алексеев Каландадзе, Георгий Алексеев Коростелев и Григорий Иванов Жайворонков решили между собой организовать социал-демократическую группу и стали устраивать собрания в квартирах Голубева, Джугашвили, Шура, а иногда и у Петрова. В собраниях читаются рефераты и обсуждаются вопросы о текущем политическом моменте, о работе Государственной Думы, как использовать в партийных интересах это обстоятельство, если возникла бы между Россией и Китаем война. Цель этих собраний — подготовка опытных пропагандистов среди ссыльных. Агитация среди крестьян пока не ведется. Техники и библиотеки нет. Население относится к ссыльным довольно сочувственно, но никто из них на собраниях не участвует. На имя Сятковского получается из Москвы по два номера „Социал-демократа", из коих второй экземпляр предназначается для Великого Устюга. Заведует теперь газетами Коростелев и хранит их у своей квартирной хозяйки» {45}.

29 июня: «Работа среди социал-демократов (ссыльных) в г. Сольвычегодске идет довольно успешно; в скором времени фактически возникнет социал-демократическая фракция и начнутся членские денежные сборы. Кто будет этим заведовать, еще не установлено. Часто происходят небольшие собрания под видом вечеринок, пикников, прогулок, на которых участвуют Шур, Коростелев, Гривский, Лавров, Герасимов, Жайворонков и другие. Ли-

тература (газеты) получается в закрытых пакетах из-за границы, адреса часто меняются» {46}.

26 мая И. В. Джугашвили были возвращены изъятые у него при обыске письма С. В. Хорошениной {47}, а накануне, 25 мая, он был застигнут полицией на собрании ссыльных {48}, за что был приговорен к трем суткам тюремного заключения {49} и с 23 по 26 июня отбывал этот срок в местной тюрьме {50}.

Как позднее утверждала М. П. Кузакова, хозяйка дома, в котором жил И. В. Джугашвили, выйдя из тюрьмы, ее квартирант у нее уже больше не появлялся {51}.

На этот факт можно было бы и не обращать внимание, если бы не одно обстоятельство. В последние годы в печати стали циркулировать сведения, будто бы после отъезда И. В. Джугашвили из Сольвычегодска у М. П. Кузаковой родился ребенок, которого молва называла его сыном {52}. И хотя судить о достоверности этих сведений очень трудно, нельзя не обратить внимание на то, что слухи о сольвычегодском «романе» вождя появились задолго до революции.

4 сентября 1911 г. из Омска И. В. Джугашвили было направлено письмо, автором которого, судя по всему, был упоминавшийся ранее большевик А. П. Смирнов (Фома). С ним И. В. Джугашвили встречался на IV и V съездах партии, а затем, в январе 1909 г., по всей видимости, сидел в Вологодской пересыльной тюрьме. В 1910 г. после побега из ссылки А. П. Смирнов принимал участие в восстановлении ЦК РСДРП, но был снова арестован и отправлен в Нарымский край {53}. В упомянутом письме, адресованном И. В. Джугашвили, говорилось: «О тебе слышал, что еще раз поженился» {54}. Подоб-

ный слух мог дойти до А. П. Смирнова только из Сольвычегодска.

Два месяца на воле

27 июня истек срок ссылки И. Джугашвили, и 6 июля он был отправлен из Сольвычегодска в Вологду [1].

«Отъезд товарища Сталина из Сольвычегодска произошел внезапно… Придя однажды домой, хозяйка увидела, что вещей нет, квартиранта нет и только деньги (квартирная плата), оставленные под салфеткой стола, красноречиво указывали на то, что квартирант выбыл совсем» [2].

Информируя об этом начальника Вологодского ГЖУ, сольвычегодский уездный исправник писал 6 июля:

«Сообщаю Вашему высокоблагородию, что состоящий в городе Сольвычегодске под гласным надзором полиции крестьянин села Диди Лило Тифлисского уезда и губернии Иосиф Виссарионов Джугашвили за окончанием срока высылки 27 июня сего года освобожден от надзора полиции и по проходному свидетельству 6 сего июля выбыл на жительство в г. Вологду, при этом присовокупляю, что Джугашвили за последнее время проживания в г. Сольвычегодске замечен в сходке в среде ссыльных, за что по обязательному постановлению г. вологодского губернатора от 18 июня 1911 г. за № 360 отбывал наказание под арестом при полиции с 23 по 26 июня в течение трех дней» [3].

В проходном свидетельстве, которое было выдано И. Джугашвили, отмечалось, что он не имеет права отклоняться от указанного ему маршрута и «по сему свиде-

тельству не может проживать нигде, кроме города Вологды, а по приезде в этот город обязан не позднее 24 часов со времени своего приезда лично предъявить его местной полиции» {4}.

Проходное свидетельство, выданное И. В. Джугашвили, было выписано для следования на пароходе. А поскольку прямого пароходного сообщения между Сольвычегодском и Вологдой не существовало, первоначально необходимо было добраться до Котласа. Между Сольвычегодском и Котласом, как мы уже знаем, курсировал пароход, который делал за день два рейса туда и обратно. В 00.00 из Котласа шесть раз в неделю (кроме ночи со среды на четверг) отправлялся пароход на Вологду. Он проходил мимо Великого Устюга и Тотьмы и через двое с половиной суток достигал конечного пункта. Поэтому, выехав из Сольвычегодска 6 июля, И. В. Джугашвили мог добраться до Вологды 9 июля {5}.

Между тем проходное свидетельство было предъявлено им вологодскому полицейскому управлению 16 июля 1911 г. {6}Причина этого, по всей видимости, заключалась в том, что регулярное сообщение между Котласом и Вологдой продолжалось только «до спада воды — около 1 июля». «На время мелководья приблизительно около 1 июля движение пароходов между Вологдой и Устюгом, — говорится в „Официальном указателе железнодорожных, пароходных и других сообщений" на 1911 г., — по особому расписанию, а иногда и совсем прекращается до осеннего прибытия воды» {7}.

Тогда же (16 июля) [53]И. В. Джугашвили обратился к губернатору с прошением разрешить ему проживание в Вологде в течение двух месяцев {8}. 19-го такое разрешение было дано, 21-го с ним был озна-

комлен И. В. Джугашвили [9]. По приезде в Вологду он остановился в доме Бобровой на Малокозленской улице [10], получив разрешение остаться в Вологде, в этот же день перебрался в дом Новожилова по Калачной улице (третий полицейский участок), а с 27 августа жил на Мало-Екатерининской улице в доме Беляевой [11].

24 июля, через неделю после того как И. В. Джугашвили обосновался в Вологде, за ним было установлено наружное наблюдение, в материалах которого он фигурирует под кличкой Кавказец. Наблюдение велось Вологодским губернским жандармским управлением. Однако в его фонде удалось обнаружить только копию «Книги для записи сведений филеров по наружному наблюдению по гр. с-д с 1 января 1910 г.» [12]. Копии материалов наружного наблюдения хранятся в бывшем Партийном архиве Архангельской области [13], в бывшем Партийном архиве Вологодской области [14] и в ГАРФ, в фонде Петербургского охранного отделения [15]. Причем в последнем случае отмечено: «Подлинные документы из дела МП Особого хранения № 18, 1911 г., л. 1–51, переданы на постоянное хранение в Институт Маркса — Энегельса — Ленина по акту 20 сентября 1936 г.» [16]. Однако в РГАСПИ обнаружить эти подлинники не удалось. Здесь в фонде И. В. Сталина (оп. 4) тоже хранятся только копии этих материалов: дела № 145 (24–26 июля, 1,9,10, 13–18, 22 августа — 3, 5–6 сентября) [17] и № 634 (25–27 июля, 1,9,10, 13 августа — 3 и 5, 6 сентября) [18]. Кроме того, в нашем распоряжении имеются ежемесячные сводки наружного наблюдения, представлявшиеся Вологодским гу-

бернским жандармским управлением в Департамент полиции [19].

По приезде в Вологду И. В. Джугашвили познакомился с «Рабочей газетой» и сразу направил в ее редакцию письмо:

«В редакцию „Рабочей газеты" от Кобы (Ивановича). Из № 4 „Рабочей газеты" узнал, что Вами послано Кобе письмо, ответа на которое требуете от него. Заявляю, что никакого письма от Вас не получал, старые адреса провалены, новых у меня нет, и я лишен возможности переписываться с Вами. О чем Вы могли мне писать? Быть может, не лишне будет, если заранее заявлю, что я хочу работать, но работать буду лишь в Питере или Москве: в других пунктах в данное время моя работа будет — я в этом уверен — слишком малопроизводительна. Было бы хорошо предварительно побеседовать о плане работы и т. п. с кем-либо из ваших, ну хотя бы из русской части ЦК. Более того, это, по-моему, необходимо, если, конечно, русская часть ЦК функционирует. Словом, я готов — остальное Ваше дело. Может быть, я сузил вопрос и забежал вперед… Тогда повторите Ваше письмо. Жду ответа. Коба. P. S. Вы, конечно, догадались, что я уже свободен…» [20].

О том, что к этому времени И. В. Джугашвили был известен в партийных кругах за пределами Кавказа и представлял собой авторитетную фигуру, свидетельствует письмо ссыльного Моисея Михайловича Лашевича. Бывший служащий Одесского отделения Лионского кредита, высланный в Вологодскую губернию за принадлежность к Николаевской организации РСДРП, он 17 августа 1911 г. направил письмо из Яренска в Париж. Отмечая усиление влияния меньшевиков среди яренских ссыль-

ных, М. М. Лашевич писал: «Затем один из них списывается с „Кобой", он сейчас в Вологде, и тот пишет, что „ставить целью работы лаять на ликвидаторов и впередовцев он не может и над такими людьми, которые лают, он только может издеваться". *Сам Коба* так пишет. Чего же больше, и они торжествуют» [54]{21}.

Еще 28 мая — 4 июня в Париже состоялось совещание членов ЦК РСДРП, на котором планировалось рассмотреть два вопроса: о созыве Пленума ЦК и о подготовке общепартийной конференции {22}. А поскольку Заграничное Бюро ЦК в вопросе о созыве Пленума заняло отрицательную позицию, совещание, на котором преобладали большевики, приняло решение о недоверии Заграничному бюро ЦК и взяло созыв конференции в свои руки. 1/14 июня было решено организовать Российскую организационную комиссию (РОК) {23}. С этой целью в Россию были направлены Б. А. Бреслав, И. Гольденберг-Мешковский, М. Н. Мандельштам-Лядов, Г. К. Орджоникидзе, А. И. Рыков, Д. М. Шварцман {24}.

Имеются сведения, что И. В. Джугашвили планировалось привлечь или в большевистский центр, или в организационный комитет по созыву конференции {25}.

Первоначально конференцию планировалось созвать в конце сентября — начале октября в Кракове {26}. Но осуществить этот замысел не удалось. Немаловажное значение в этом отношении имел арест А. И. Рыкова, при обыске у которого были обнаружены явки {27}. Правда, Г. К. Орджоникидзе и Д. М. Шварцману удалось объехать ряд городов и получить согласие целого ряда партийных организаций на участие в конференции

{28}, после чего в сентябре в Баку состоялось заседание РОК {29}.

Видимо, именно летом 1911 г. было решено возложить на И. В. Джугашвили обязанности разъездного агента ЦК РСДРП. Об этом свидетельствует направленная 18 августа в Департамент полиции «агентурная записка» о революционном подполье Тулы, в которой говорилось: «В Вологде в настоящее время проживает отбывающий или уже отбывший срок административной высылки серьезный эсдек, носящий партийный псевдоним „Коба". Этому „Кобе" удалось через тульскую публику списаться с заграничным партийным центром, и он в настоящее время получил предложение взять на себя выполнение функций агента ЦК. „Коба" на предложение согласился и ждет лишь присылки необходимых для путешествия средств» {30}.

Об этом же 23 августа информировал Вологодское ГЖУ секретный сотрудник Пацевич: «Последний, — сообщал он, имея в виду И. В. Джугашвили, — временно поселился в Вологде, так как ему необходимо заручиться явками и выяснить, куда затем ехать» {31}.

Если до этого И. В. Джугашвили оставался в глазах Департамента полиции местным партийным работником и наблюдение за его деятельностью входило в обязанности местных охранных отделений, то возложение на него обязанностей агента ЦК означало вхождение его в состав руководящих работников партии. В связи с этим он автоматически попадал в списки лиц, деятельность которых являлась объектом внимания Департамента полиции.

Уже 20 августа начальник Вологодского ГЖУ полковник М. А. Конисский сообщил в Московское охранное отделение о том, что Коба — это И. В. Джугашвили и что

по выезде его будет сопровождать наблюдение [32].

Понимая, что в Вологде И. В. Джугашвили сделал временную остановку и в любое время снова может перейти на нелегальное положение, М. А. Конисский 21 августа 1911 г. обратился к начальнику Московского охранного отделения П. П. Заварзину с предложением:

«Принимая во внимание, что Джугашвили очень осторожен и вследствие этого наблюдением легко может быть потерян, являлось бы лучшим производство обыска и ареста его ныне же в Вологде, ввиду чего и прошу сообщить, имеются ли в вашем распоряжении такие данные о Джугашвили, которые могли бы быть предъявлены к нему по возбуждению о нем дела, и не имеется ли препятствий с вашей стороны к обыску теперь же у этого лица» [33].

Логика полковника М. А. Конисского была проста: не дожидаясь, когда И. В. Джугашвили исчезнет, начать против него новую переписку и, используя агентурные данные, на основании «Положения об охране» отправить его в новую административную ссылку. С точки зрения профилактики такой шаг был вполне понятен и оправдан.

Однако Московское охранное отделение 25 августа разрешение на обыск и арест не дало. «Обыск Джугашвили недопустим, — телеграфировал начальник отделения П. П. Заварзин, — в случае отлучки сопровождайте наблюдением, одновременно телеграфируйте мне о времени и направлении поездки» [34].

Давая такое распоряжение, П. П. Заварзин руководствовался совершенно другими соображениями. Он знал,

что готовится общепартийная конференция и что к этой деятельности намечено привлечение И. В. Джугашвили. Поэтому он был нужен ему как «меченый атом», с помощью которого можно было установить связи ЦК РСДРП в России.

Несмотря на наружное наблюдение, И. В. Джугашвили, по всей видимости, удалось сделать поездку в Петербург. «После объезда нелегальных организаций, — вспоминала В. Швейцер, — в начале августа (ст. ст.) в Питер приехал Серго Орджоникидзе и здесь встретился с товарищем Сталиным. Серго передал ему директиву от Ленина, рассказал о положении дел, сообщил, что Сталина вызывает Ленин приехать за границу для обсуждения внутрипартийных дел. От Серго Сталин узнал, что он для усиления большевистского влияния введен в состав Заграничной организационной комиссии (ЗОК) по созыву партийной конференции» {35}.

Можно ли верить этим воспоминаниям? Ответ на этот вопрос дает письмо к Н. К. Крупской из Петербурга, автором которого, вполне возможно, был Д. С. Постоловский: «Тов. Коба приезжал сюда, но не знаем, куда девался. Предполагаем, что арестован» {36}.

Г. К. Орджоникидзе совершил свою поездку по России в июле. 6 августа он уже находился в Баку. Дорога из Петербурга до Баку требовала 3–4 дней, поэтому с И. В. Джугашвили Серго мог встретиться не позднее 2–3 августа {37}. В дневниках наружного наблюдения за Кавказцем четыре «окна»: 28–31 июля, 2–8 и 11–12 августа, 4 сентября. Это дает основание предполагать, что И. В. Джугашвили мог встречаться с Г. К. Орджоникидзе или между 28 и 31, или же 2–3 августа {38}.

Среди тех лиц, с которыми И. В. Джугашвили поддерживал в Вологде контакты, можно назвать уже упоминавшихся А. И. Иванянца и Н. П. Татаринова, а также закончившего к этому времени свой срок и переселившегося сюда из Тотьмы П. А. Чижикова, фигурирующий в документах под кличкой Кузнец. С последним у И. В. Джугашвили сложились наиболее близкие отношения {39}.

24 августа начальник Вологодского ГЖУ поставил в известность Тульское ГЖУ о том, что П. А. Чижиков обратился к некоему Георгию (им был провокатор Андрей Сергеевич Романов) с просьбой помочь ему деньгами для переезда в Тулу, в связи с чем последний послал ему 6 руб. и посоветовал обратиться за более серьезной помощью к бывшему студенту Московского университета уроженцу Гори Константину Авгаровичу Паниеву, высланному 16 мая 1911 г. в Вологодскую губернию {40}.

Есть основания думать, что на самом деле П. А. Чижиков был озабочен поисками денег не для себя. Основанием для такого предположения является письмо И. М. Голубева, адресованное И. В. Джугашвили: «Я был уверен, что ты гуляешь где-нибудь по Другим городским улицам. Вот получил вчера из Т[улы] от приятеля письмо, из которого узнаю, что ты не сдвинулся с места, также по старому коптишь в полуссыльном положении. Печально дела обстоят, когда так. Где искать причину в задержке? В причинах, не зависящих от них, или в нашем бестолковом „правительстве"? Судить не берусь, да и толку от этого не будет никакого. Приятелю головоломку задал, полагая, что задержка зависит от них, но они оправдываются — говорят, что они тут ни при чем и что

наоборот они приложили к ускорению все от них зависящее, но… Два парня сложились и послали на паях. Ну что тебе эти 6 руб. Так что же ты намерен предпринимать теперь? Неужели ждать? Ведь с ума можно сойти от безделья» {41}.

Но И. В. Джугашвили не сходил с ума от безделья. В конце августа были зафиксированы его встречи с незнакомой наружному наблюдению барышней, которая получила кличку Нарядная. Под этой кличкой значилась ученица седьмого класса Тотемской гимназии Пелагея Георгиевна Онуфриева (р. ок. 1894), дочь состоятельного крестьянина из селения Усть-Ерга Ягрышской волости Сольвычегодского уезда. В Вологду она приехала 23 августа к своему жениху Петру Алексеевичу Чижикову, с которым познакомилась в 1909–1910 гг., когда он отбывал в Тотьме ссылку. Но поскольку П. А. Чижиков днем был занят на работе, его невесту развлекал И. В. Джугашвили. И хотя их знакомство продолжалось недолго, о характере сложившихся между ними отношений свидетельствует то, что, когда И. В. Джугашвили собрался покидать Вологду, П. Г. Онуфриева подарила ему свой нательный крестик вместе с цепочкой и попросила у него на память его фотографию. Фотографироваться И. В. Джугашвили не пожелал и преподнес ей в качестве подарка книгу П. С. Когана «Очерки западноевропейской литературы» (Т. 1. 4-е изд. М., 1909), оставив на ней надпись: «Умной, скверной Поле от чудака Иосифа» {42}.

В Вологде И. В. Джугашвили пробыл недолго.

«Наблюдая 6 сентября на станции Вологда за отходящими пассажирскими поездами, — отмечалось в дневнике наружного наблюдения за И. В. Джугашвили, — в 3 часа 45 минут пополудни пришел на вокзальную площадь

„Кавказец", имея при себе два места багажа: небольшой чемодан и узел, по-видимому постель, и сел в вагон 3-го класса отходящего в 4 часа 15 минут поезда № 3 в г. Петербург, где оставил багаж, вышел обратно из вагона, и тут же подошел к нему „Кузнец", а перед отходом поезда перешел со своим багажом в другой вагон, а „Кузнец" ушел перед отходом поезда из вокзала, попрощавшись с „Кавказцем", и поезд отправился. Сел „Кавказец" после третьего звонка, следуя в пути, два раза проходил „Кавказец" вагоны. На станции Чебсара „Кавказец" из вагона во время стоянки поезда вышел с неизвестным человеком» {43}.

Позднее, 4 октября, в Вельске при обыске у ссыльного Пинхуса Заславского было обнаружено письмо, полученное им из Вологды от М. М. Лашевича, куда к этому времени перебрался последний. В нем говорилось: «Здесь был Филя. Забрал Кобу и уехал» {44}. Не исключено, что Филя — это тот незнакомый мужчина, с которым И. В. Джугашвили выходил на станции Чебсара.

А пока И. В. Джугашвили следовал в Петербург, обгоняя его, туда полетела телеграмма: «Поездом третьим выехал Джугашвили под наблюдением филера Ильчукова. Прошу принять. Подробности почтой. Ротмистр Попель» {45}.

В столицу поезд прибыл в 8.40. И. В. Джугашвили был передан филерам Петербургского охранного отделения и почти сразу же ими утерян {46}. Толи, избавляясь от «хвоста», И. В. Джугашвили потерял своего спутника, то ли, не желая обнаруживать новые явки, с вокзала он один пошел по старому адресу, к С. Я. Аллилуеву, а не застав его, отправился в центр города и здесь на Невском проспекте совершенно случайно встретил

Сильвестра Тодрию [47]. От него он вернулся на вокзал за вещами и здесь снова был взят в наблюдение [48].

По воспоминаниям С. Аллилуева, ночь с 7 на 8 сентября И. В. Джугашвили провел у С. Тодрии [49].

Согласно дневнику наружного наблюдения, с вокзала он поехал в гостиницу «Россия» и здесь был оставлен до утра, а 8 сентября в 9.15 при выходе из гостиницы снова оказался под наблюдением филеров [50].

С. Я. Аллилуев утверждал, что в этот день И. В. Джугашвили посетил его квартиру, а поскольку за ним была обнаружена слежка, то он переправил его на квартиру рабочего Забелина, где И. В. Джугашвили и провел следующую ночь [51].

Несколько иную картину рисуют сохранившиеся дневники наружного наблюдения. Из гостиницы «Россия» наружное наблюдение провело И. В. Джугашвили на Невский проспект в дом 106, (кв. 34), где проживали Сильвестр Тодрия и прибывший 5 сентября из Батума Иоганн Герасимович Жожиашвили [52]. Здесь И. В. Джугашвили пробыл около двух часов и около 11.30 отправился в дом № 134 на этом же проспекте, где посетил подъезд, в котором находились квартиры 9, 10 и 11. Из проживавших в них лиц внимание охранки привлекли Сура Янкель-Фраимовна Готесман, 27 лет, дочь каменец-подольского купца, прибывшая в столицу 18 августа 1911 г. [53], хозяин квартиры Абель Шевелевич Левенсон, 35 лет, мещанин Могилевской губернии, живший по этому адресу с 3 августа 1906 г., Моисей Шевелевич Левенсон, 21 год, ученик Петербургской консерватории, прибыл в Петербург 26 августа 1911 г., Элька Шевелевна Левенсон, 30

лет, повивальная бабка, прибыла из Сестрорецка 27 июля 1911 г. [54], Лейзер Абрамович Берсон [55], 35 лет, аптекарский помощник, прибыл из Смоленска 6 ноября 1911 г. [56].

На Невском проспекте в доме № 134 И. В. Джугашвили тоже пробыл около двух часов и в 13.30 с неизвестным, проживавшим в доме № 106, отправился на Пушкинскую улицу, дом № 8, в столовую. Здесь его уже ждал мужчина, с которым он приехал из Вологды. Пробыв 15 минут, т. е. около 14.00, И. В. Джугашвили и неизвестный ушли. Дойдя до Литейного проспекта, они сели в трамвай и поехали на Сампсониевский проспект, 16 [57]. Здесь находился дежурный пункт «Общества 1886 года», где с весны 1911 г. работал С. Я. Аллилуев [58]. Приехав туда в 14.20, они ушли в 17.30 [59]. С. Я. Аллилуев вспоминал, что по этому адресу его действительно посетили С. Тодрия и И. В. Джугашвили [60]. После этого И. В. Джугашвили снова был потерян и взят в наблюдение только в 23.15, когда вернулся в гостиницу. Через некоторое время он вышел с неизвестным, проживавшим на Невском проспекте, к памятнику Александру III и пробыл здесь до 00.45, после чего возвратился в гостиницу [61].

8 сентября Петербургское охранное отделение направило в Вологду запрос: «Телеграфируйте, в случае выезда Джугашвили, кроме Вологды, имеется ли препятствие к аресту» [62]. Ответ последовал тут же: «Прошу не подвергать аресту, выезде сопровождать наблюдением. Подробности почтой. Ротмистр Попель» [63].

Однако на следующее утро, 9 сентября, в 7.50 в гостиницу «Россия» явилась полиция. И. В. Джугашвили вынужден был назвать свою настоящую фамилию, после чего он был отправлен в Александро-Невскую полицейскую часть [64]. По одним данным, «при обыске были найдены записная книжка, географическая карта, одно письмо не на русском языке и две фотографические карточки: одна — группа и одна маленькая, одно лицо» [65], по другим («литера Б») — «паспорт на имя крестьянина Орловской губернии Петра Чижикова и записная книжка со сборником фраз на немецком языке, в коих может встречаться надобность при поездке по железной дороге в Берлине, и отдельных немецких слов (глаголов)» [66]. В этот же день И. В. Джугашвили был помещен в Петербургский дом предварительного заключения [67].

Вологодская ссылка

Любопытная деталь: сообщив 9 сентября об аресте И. В. Джугашвили Московскому охранному отделению [1] и Вологодскому ГЖУ [2] («Джугашвили проживал нелегально. Сегодня арестован. № 883»), петербургская охранка «забыла» поставить об этом в известность Департамент полиции. Но поскольку Департамент полиции держал Кобу в поле зрения, 17 сентября вице-директор Департамента С. Е. Виссарионов сам запросил охранное отделение о его судьбе [3]. Только после этого в этот же день охранное отделение сообщило в Департамент полиции об аресте И. Джугашвили и о том, что проведение переписки о нем «передается начальнику Петербургского ГЖУ на предмет исследования степени его политической благонадежности» [4].

Получается, что на протяжении восьми дней арестованный И. В. Джугашвили продолжал числиться за Петербургским охранным отделением. Не спешило оно с передачей его жандармам и далее. Спрашивается: для чего, если не собиралось производить переписку? По всей видимости, здесь, в охранном отделении, И. В. Джугашвили пытались если не завербовать, то по крайней мере расколоть и получить хоть какие-либо сведения.

13 сентября в Петербургском охранном отделении на него была заполнена регистрационная карта, И. В. Джугашвили сфотографировали (фото 29) и, по всей видимости, подвергли допросу [{5}].

2 октября охранка поставила в известность о задержании И. В. Джугашвили Петербургское ГЖУ [{6}], 6 октября в ГЖУ поступили материалы, связанные с этим задержанием [{7}], 7-го числа оно возбудило переписку в порядке «Положения об охране», которая была поручена полковнику Александру Федоровичу Соболеву. Этим числом датирована и «литера А» № 19440 [{8}].

Материалы этой переписки неизвестны. О ней мы можем судить только по тому делу, которое под № 2093 было заведено в 7-м делопроизводстве Департамента полиции [{9}].

К своим обязанностям А. Ф. Соболев подошел педантично. Прежде всего он постарался документально проверить основные вехи биографии своего подследственного (в частности, это касается даты его рождения — 6 декабря 1878 г.) [{10}]. 10 октября он обратился с запросом в Департамент полиции [{11}], и 13 октября на свет появилась «Справка по Регистрационному

отделу» [12], на основании которой к 20 октября была подготовлена соответствующая справка Департамента полиции [13]. В названном выше деле № 2093 сохранился черновой вариант справки, из которого явствует, что при ее подготовке были вычеркнуты слова об обнаруженных у И. В. Джугашвили в 1908 г. при аресте вещественных доказательствах [14].

В этом же деле отложилась переписка между Петербургским ГЖУ и Департаментом полиции с 14 октября по 2 ноября, из которой следует, что ГЖУ пыталось перевести записи на грузинском и немецком языках в записной книжке, изъятой у Джугашвили, а также «на четвертушке, сложенной пополам» бумаги, но получило отказ Департамента полиции в помощи [15]. Только после этого И. В. Джугашвили был допрошен. Это произошло 12 ноября, «литера Б» № 23045 была составлена 16-го числа [16], а на следующий день, 17-го, принято решение о прекращении переписки. Имея на руках необходимые сведения о прошлом обвиняемого, А. Ф. Соболев предложил выслать его «в пределы Восточной Сибири под гласный надзор полиции сроком на пять лет» [17].

Это предложение было поддержано начальником Петербургского ГЖУ генерал-майором Митрофаном Яковлевичем Клыковым, который 17 ноября подписал соответствующее постановление [18] и в этот же день при отношении № 2374 направил материалы переписки градоначальнику [19]. 18-го была оформлена «литера Г» № 23318, и Петербургское ГЖУ поставило в известность о завершении переписки Департамент полиции [20]. Когда именно ее материалы поступили в 5-е делопроизводство Департамента полиции и как они проходи-

ли по другим инстанциям, остается неизвестно, так как заведенное в 5-м делопроизводстве дело обнаружить не удалось. Известно лишь, что 5 декабря новым министром внутренних дел А. А. Макаровым было утверждено решение Особого совещания при МВД, которое гласило: «Подчинить Джугашвили гласному надзору полиции в избранном им месте жительства, кроме столиц и столичных губерний, на три года, считая с 5 декабря 1911 г.» {21}. «По объявлении настоящего постановления И. Джугашвили избрал местом жительства город Вологду» {22}.

9 декабря отношением № 78913 Департамент полиции уведомил об этом Петербургское охранное отделение, которое 16 декабря 1911 г. направило полученную информацию в Вологодское губернское жандармское управление: «Сообщая об изложенном и препровождая при сем согласно циркуляра Департамента полиции от 29 января 1911 г. за № 66074 фотографическую карточку Джугашвили, охранное отделение уведомляет, что названное лицо 14 сего декабря выбыло в Вологду с проходным свидетельством за № 23603. Приложение: фотографическая карточка» {23}.

С формальной точки зрения решение Особого совещания представляется вполне допустимым. Однако если учесть, что Департамент полиции располагал агентурными данными, свидетельствовавшими о продолжении И. В. Джугашвили прежней революционной деятельности и о повышении его внутрипартийного статуса, принятое решение нельзя не назвать странным. Это касается и срока ссылки, и предоставления И. В. Джугашвили возможности выбора ее места, и направления его туда не по этапу, а с проходным свидетельством.

Получив на руки проходное свидетельство «на свободный проезд из г. С.-Петербурга в гор. Вологду», И. В. Джугашвили вышел на волю [24]. До Вологды он должен был добираться самостоятельно. Такая форма административной высылки не была редкостью, однако обычно она применялась к лицам, которые не совершили каких-либо крупных преступлений и, что самое главное, наказывались впервые. За спиной И. В. Джугашвили было уже десять лет жизни профессионального революционера и не один побег, поэтому предоставление ему возможности добираться до места новой ссылки самостоятельно по существу означало создание условий для нового побега.

Вызывает удивление и то описание примет, которое было включено в проходное свидетельство и которым в случае нового побега должны были при розыске руководствоваться жандармы: «Приметы: лета — 30–32, рост — средний, волосы — черные, глаза — карие, лоб — низкий, нос — большой, прямой, усы — темнорусые, бороду бреет» [25]. И все. Ни слова об особых приметах, например, о следах оспы на лице, о дефекте левой руки. Приведенное описание отличалось не только отсутствием в нем особых примет, но и неточностью тех, которые были включены в описание.

Дело в том, что на регистрационной карте, приложенной к фотографии, которая была сделана 13 сентября 1911 г., значится: рост — 171 см [26], а в описании примет, включенном в проходное свидетельство, сказано: «рост — средний», что тогда на языке правоохранительных органов означало 165 см [27].

Это же касается и возраста. После ареста 9 сентября была установлена точная дата рождения И. В. Д-

жугашвили — 6 декабря 1878 г. {28}, а значит и установлен его точный возраст: 32–33 года. На фотографии 13 сентября 1911 г. И. В. Джугашвили выглядит значительно старше. Поэтому, указывая его возраст в пределах от 30 до 32 лет, Петербургское охранное отделение грешило против истины.

Таким образом, оно не только давало И. В. Джугашвили возможность сразу же по выходе на волю совершить новый побег, но и, дезориентируя жандармов, тем самым в случае побега осложняло его обнаружение и задержание. Если бы это касалось нового охранного отделения где-нибудь в захолустье, это можно было бы списать на неопытность и непрофессионализм, однако столичная охранка имела огромный опыт розыскной работы, который во многом был образцом для других органов политического сыска.

Поэтому можно предположить: или под фамилией И. В. Джугашвили в Вологду был отправлен другой человек, или же отмеченные погрешности в описании его примет были сделаны сознательно.

Путь из Петербурга до Вологды по железной дороге не превышал 18 часов {29}, однако, выйдя на свободу 14 декабря {30}, И. В. Джугашвили прибыл туда только 24-го {31}.

Где же он находился на протяжении этого времени? Ответ на этот вопрос мы находим в воспоминаниях В. Л. Швейцер:

«В декабре 1911 г. Иосифа Виссарионовича выпустили из петербургской тюрьмы и выдали ему проходное свидетельство о направлении его в вологодскую ссылку под надзор полиции. Сталин сумел на некоторое время

скрыть свои следы и с проходным свидетельством в кармане остаться в Питере. Как только нам стало известно, что Сталин скрывается от полиции на Петербургской стороне в квартире Цимаковых, мы сейчас же вместе с Суреном Спандаряном пошли к Сталину. Во дворе был деревянный домик с застекленной мансардой. В этой полухолодной комнате и находился Сталин <…>. Перед отъездом на (Пражскую. — *А.О.*) конференцию у меня на квартире было узкое совещание. На этом совещании были товарищ Сталин, Спандарян, Серго и другие <…>. На этот раз товарищ Сталин пробыл в Питере 10 дней и уехал в Вологду на место ссылки» {32}.

По закону ссыльный, получивший на руки проходное свидетельство, обязан был выехать к месту ссылки в течение недели, в противном случае его должны были доставить туда принудительно, а в случае его исчезновения он считался в побеге. Следовательно, с 22 декабря И. В. Джугашвили находился в самовольной отлучке. И, видимо, неслучайно в одной из своих анкет он утверждал, что в декабре 1911 г. им был совершен очередной побег {33}.

Добирался ли он до Вологды сам или же был доставлен туда принудительно, мы не знаем.

По получении информации о высылке И. В. Джугашвили в Вологду в канцелярии губернского правления на него было заведено дело № 231 «По отношению петербургского градоначальника о высылке в избранное место жительства крестьянина Иосифа Виссарионова Джугашвили» {34}. 21 декабря еще одно дело (№ 301) появилось в Вологодском ГЖУ {35}, 27

декабря — дело № 231 в канцелярии вологодского полицмейстера [36].

Одним из первых документов, который лег в него, был «Список о состоящем под гласным надзором полиции». Обычно список составлялся на основании проходного свидетельства и некоторых других документов и подписывался полицмейстером. Толи чиновник канцелярии был очень занят, то ли И. В. Джугашвили, несмотря на свое революционное прошлое, вызвал расположение к себе, но ему была предоставлена возможность самому заполнить этот список, более того, он не ограничился этим и поставил под списком свою подпись, в результате чего получилось «полицмейстер — Джугашвили» [37].

В Государственном архиве Вологодской области сохранилась справка, составленная 23 марта 1933 г. и посвященная установлению мест проживания И. В. Джугашвили во время вологодской ссылки. В ней говорится: «Прибыл 24 декабря 1911 г. и остановился на квартире по Золотушной набережной в д. 27, теперь набережная Осоавиахима, д. 41, где проживал по 7 февраля 1912 г., а с 7 по 15 февраля проживал в доме Константиновой, угол Пятницкой и Обуховской улиц, откуда 16 февраля переехал в дом Горелова по Леонтьевскому ручью, д. № 7, откуда 29 февраля 1912 г. скрылся» [38].

Сразу же по прибытии в Вологду И. В. Джугашвили посетил П. А. Чижикова [39] и в этот же день отправил в Тотьму П. Г. Онуфриевой открытку с изображением Афродиты:

«24 декабря. Ну-с, „скверная" Поля, я в Вологде и целуюсь с „дорогим", „хорошим" „Петенькой". Сидим за столом и пьем за здоровье „умной" Поли. Выпейте же и

вы за здоровье известного Вам „чудака" Иосифа» {40}.

Вскоре по прибытии И. В. Джугашвили в Вологду за ним снова было установлено наружное наблюдение. Из копии «Книги для записи сведений филеров по наружному наблюдению» явствует, что он находился в поле зрения жандармов 31 декабря 1911 г., 1, 4, 8, 13, 15, 18, 21, 26, 29 января, 2, 9, 13 февраля 1912 г. {41}В нашем распоряжении имеется также копия «Журнала наружного наблюдения за Кавказцем», в котором почему-то отсутствует запись 1 января, но зато имеются записи 2 января, 18, 23 и 26 февраля {42}.

Получается, что или во время вологодской ссылки наружное наблюдение за И. В. Джугашвили было эпизодическим, или же большая часть материалов наружного наблюдения нам неизвестна.

В списке ссыльных города Вологды на 15 февраля 1912 г. фигурируют 54 человека {43}. Кроме П. А. Чижикова И. В. Джугашвили контактировал с Афроимом Левановичем Бейрахом, Марией Берковной Гершанович, Семеном Коганом, Мейером Абрамовичем Черновым и некоторыми другими {44}.

Среди тех лиц, с которыми И. В. Джугашвили мог познакомиться в Вологде, следует также назвать уже упоминавшегося выше М. М. Лашевича. Последний, переведенный из Яренска в Вологду, 10 октября 1911 г. был здесь арестован {45}. 27 декабря губернатор распорядился освободить его из-под стражи и оставить в Вологде до окончания срока ссылки {46}. Поселился М. М. Лашевич на Златоустенской улице в доме Новожилова. 23 января 1912 г. Особое совещание МВД постано-

вило отправить его на 3 года в Нарымский край, и не ранее 17 февраля он снова был взят на этап [47].

В Вологде И. В. Джугашвили имел возможность сблизиться со ссыльными, знавшими В. М. Молотова, и через них получить его адрес. По свидетельству последнего, именно во время пребывания И. В. Джугашвили в Вологде они начали переписываться [48].

А пока И. В. Джугашвили осматривался на новом месте, в Праге открылась партийная конференция. Она проходила с 5 (18) по 17 (30) января 1912 г. На конференции присутствовали 18 человек:

4 — от заграничной организации: Л. Б. Каменев, В. И. Ленин, И. Пятницкий, Н. А. Семашко, 14 — от России: А. К. Воронин, Ф. И. Голощекин, М. И. Гурович, А. И. Догадов, П. А. Залуцкий, Я. Д. Зевин, Г. Е. Зиновьев, Р. В. Малиновский, П. Онуфриев, Г. К. Орджоникидзе, А. С. Романов, Л. П. Серебряков, С. С. Спандарян, Д. М. Шварцман. Двое делегатов (Р. В. Малиновский и А. С. Романов) были провокаторами [49].

Конференция постановила издавать легальный партийный орган — газету «Правда», рассмотрела вопрос о выборах в Государственную Думу и избрала новый Центральный комитет, в который вошли Ф. И. Голощекин, Г. Е. Зиновьев, В. И. Ленин, Р. В. Малиновский, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарян, Д. М. Шварцман. На первом же заседании ЦК в его состав были кооптированы И. С. Белостоцкий и И. В. Джугашвили, а также намечены в качестве кандидатов на случай провала А. С. Бубнов, М. И. Калинин, А. П. Смирнов, Е. Д. Стасова и С. Г. Шаумян [50]. «Избраны члены Русского бюро ЦК (по терминологии участвовавших в заседаниях цекистов — Исполнительное бюро), — доносил Р. В. Малиновский, —

куда вошли: Тимофей, Серго и Коба, к ним присоединен в роли разъездного агента Филипп (Голощекин. — *А.О.*); всем поименованным лицам назначено жалованье по 50 руб. в месяц». Секретарем Русского бюро стала Е. Д. Стасова [51].

По приезде в Вологду И. В. Джугашвили направил письмо в большевистский центр. Его содержание пока неизвестно, но известна реакция на него. 9 февраля Н. К. Крупская писала Г. К. Орджоникидзе: «Получила письмо от Ивановича, развивает свою точку зрения на положение дел, адрес обещает дать через месяц. Видно, что страшно оторван от всего, точно с неба свалился. Если бы не это, его письмо могло бы произвести гнетущее впечатление. Жаль. Очень жаль, что он не попал на конференцию» [52].

«13 февраля 1912 г., — вспоминала В. Л. Швейцер, — тов. Сталин писал мне из Вологды в Петроград на курсы Раева и спрашивал, вернулись ли Серго и Сурен с Пражской конференции. Эта открытка была написана условным текстом за подписью „С" и вошла в число документов нашего судебного дела как письмо „о занятиях иностранными языками"» [53].

10 февраля Г. К. Орджоникидзе находился в Петербурге, в этот день он направил отсюда письмо за границу, в нем ни слова не было об И. В. Джугашвили [54], 24-го он писал уже из Киева и сообщал о своей поездке в Вологду к И. В. Джугашвили: «Окончательно с ним столковались; он остался доволен исходом дела» [55]. Не исключено, что Г. К. Орджоникидзе посетил Вологду 18 февраля, когда наружное наблюдение зафиксировало встречу И. В. Джугашвили с «неизвестным мужчиной» [56]. Г. К. Орджоникидзе проинформировал

его о результатах конференции, сообщил о кооптации в ЦК, снабдил явками и деньгами для побега.

15 февраля, перед тем как покинуть Вологду, И. В. Джугашвили направил в Тотьму П. А. Онуфриевой новую открытку: «Уваж-мая П. Г.! Ваше письмо передали мне сегодня, и я тотчас же направил его по адресу, т. е. на станцию Лугтомга Северной ж. д. (там служит Петька). По старому адресу больше не пишите, так как там никого нет больше из нас (я тоже перебрался). Если понадобится мой адрес, можете получить у Петьки. За мной числится Ваш поцелуй, переданный мне через Петьку. Целую Вас ответно, да не просто целую, а горячо (просто целовать не стоит). Иосиф». Последние слова сопровождала изображенная на открытке скульптурная пара, слившаяся в поцелуе (фото 30) {57}.

29 февраля 1912 г. «около 2 час. ночи, без надлежащего разрешения, забрав часть ценного своего имущества», И. В. Джугашвили «выбыл из гор. Вологды неизвестно куда, будто бы по своим делам на неделю» {58}.

ПРИМЕЧАНИЯ

Вторая сольвычегодская ссылка

[1]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 54. Л. 7.

[2]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 628. Л. 15,16.

[3]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4645. Л. 5; *Холодовский В.* 1) В городе Сольвычегодске // Советская милиция. 1939. № 21–22. С. 38; 2) Сольвычегодск // Наша страна. 1939. № 12. С. 37.

[4]*Анисимов Н.*Дом-музей И. В. Сталина в Сольвычегодске и в Вологде // Советский музей. 1939. № 12. С. 7.

[5]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 270. Л. 23; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 18.

[6]*Холодовский В.*: 1) Сольвычегодск. С. 37; 2) В городе Сольвычегодске С 38

[7]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 27. Л. 12.

[8]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4670. Л. 1–2.

[9]Там же. Л. 9–10.

[10]Там же. Д. 4898.

[11]Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4564; *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 297.

[12]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5., пр. 1. Л. 45–45 об.

[13]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 209–212.

[14]Там же. С. 211–212; ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 13.

[15]*Анисимов Н.*Дом-музей И. В. Сталина в Сольвычегодске и в Вологде. С. 8.

[16]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 2. Опубликовано: Заря Востока. 1925. 23 дек.

[17]*Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение от 1880 до 1905 г. Вып. 1. Пг., 1923. С. 239.

[18]*Бас И.*Товарищ Сталин в Петербурге // Борьба классов. 1935. № 7–8. С. 111–112.

[19]*Ярославский Е. М.*Пражская конференция партии большевиков // Партийное строительство. 1937. № 2. С. 46.

[20]*Антонов-Овсеенко А. В.*Сталин без маски. М., 1990. С. 402–403; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5097. Л. 1.

[21]*Малышев С. В.*Моя работа в «Правде» // Большевистская печать. 1937. № 5. С. 22.

[22]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 22.

[23]Там же. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 37 (В. Л. Швейцер).

[24]ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4988. Л. 16.

[25]Там же. Л. 13.

[26]Там же. Л. 9. См. также: Л. 24.

[27]Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 18.

[28]Правда Севера. 1949. 9 дек.; Новый Север. 1949. 11 дек.; Известия. 1949. 14 дек.

[29]Однако в неопубликованном варианте ее воспоминаний значится дата: «20 февраля 1911 г.». ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 43. Л. 7 (М. П. Кузакова). Ср.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 103, 213 (М. П. Кузакова).

[30]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 28. Л. 1–2.

[31]*Добряков В. И.*Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов губернских жандармских управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб., 1903. С. 343.

[32]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 277а. Ч. 2. Л. 337, 343.

[33]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4670. Л. 13.

[34]Это письмо было обнаружено у него во время обыска 29 апреля 1911 г. (ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 40). Из домовой книги С. В. Хорошенина была выписана 22 февраля 1911 г. (ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 28. Л. 1).

[35]ГААО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1093. Л. 42 об.

[36]Там же. Л. 43.

[37]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 629. Л. 2–3.

[38]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 45.

[39]ГААО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1093. Л. 101 об.

[40]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 40.

[41]ГААО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1092. Л. 3 об. (январь), 11 об. (февраль), 18 об. (март), 23 об. (апрель), 27 (май), 28 (июнь).

[42]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 215; ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 8. Л. 1–3; Д. 27. Л. 11.

[43]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 270. Л. 23.

[44]Существует мнение, что под кличкой Пацевич скрывался ссыльный Евстафий Осипович Недзвецкий (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 276. С. 73).

[45]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4704. Л. 200–201.

[46]Там же. Л. 202.

[47]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 27. Л. 11–12.

[48]ГААО. Ф. 1187. Оп. 1. Д. 1089. Л. 56–56 об.

[49]Протокол о привлечении к ответственности И. В. Джугашвили и еще трех ссыльных к ответственности за

нарушение порядка был составлен уездным исправником 31 мая (ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 27. Л. 17), 16 июня губернатор распорядился о наказании их тремя сутками содержания под стражей (Там же. Л. 18), о чем они были поставлены в известность 23 июня (Там же. Л. 19).

[50]Там же.

[51]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 216–217 (М. П. Кузакова).

[52]*Сухотин Я.*Бастарды красного вождя. Документальный рассказ о двух неизвестных сыновьях И. В. Сталина — Константине Кузакове и Александре Джугашвили-Давыдове // Час пик. 1995. 21 окт.

[53]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 62. Л. 4 (автобиография А. П. Смирнова).

[54]ГАВО. Ф. 108. Оп. 2. Д. 235. Л. 28; ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 2. Л. 41–42.

Два месяца на воле

[1]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 276. Л. 94–95.

[2]Там же. Д. 647. Л. 102.

[3]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4645. Л. 8.

[4]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4333. Л. 1.

[5]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1911 г. СПб., 1911. Отд. V. С. 9–10.

[6]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4334. Л. 1.

[7]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Летнее движение 1911 г. Отд. IV. С. 8.

[8]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4334. Л. 1.

[9]Там же. Д. 4335. Л. 1.

[10]ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4997. Л. 1; Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 29; Красный архив. 1941. № 2(105). С. 17.

[11]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4645. Л. 10.

[12]Там же. Д. 5058. Л. 29.

[13]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 16. 52 л.

[14]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 2, 3.

[15]ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1110а. 51 л.

[16]Там же. Л. 52.

[17]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 145. Л. 1–30.

[18]Там же. Д. 634. Л. 97–116 об.

[19]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 5–14—В (Вологодская губерния).

[20]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

[21]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 34–35.

[22]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. М., 1971. С. 611.

[23]Там же. С. 614.

[24]Большевики. М., 1990. С. 113–114. См. также: *Остроухова К., Познер С.*Важнейшие даты подготовки и созыва Пражской конференции РСДРП // Красный архив. 1937. № 8. С. 165–197; *Жаров Л. И., Кузнецов*

*Н. И.*О подготовке Пражской конференции РСДРП // Исторический архив. 1958. № 5. С. 3–22.

[25]*Остроухова К., Познер С.*Важнейшие даты подготовки и созыва Пражской конференции РСДРП. С. 168.

[26]Большевики. С. 114.

[27]Там же. С. 139.

[28]Там же. С. 139–140.

[29]Там же. С. 140.

[30]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 5–83. Л. 17–18.

[31]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4704. Л. 205.

[32]Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 17.

[33]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 267. Л. 1–5.

[34]Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 18–19.

[35]*Швейцер В. Л.*Воспоминания рядового подпольщика // РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 42.

[36]*Жаров Л. И., Кузнецов Н. И.*О подготовке Пражской конференции РСДРП. С. 11.

[37]Некоторые даты из подпольной партийной работы Г. К. Орджоникидзе // Красный архив. 1936. Т. 5 (78).

[38]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 145. Л. 1–30; Д. 148. Л. 1–22.

[39]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4989, 5255, 5256.

[40]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 2. Л. 20, 27.

[41]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5377. Л. 25 об.

[42]Там же. Д. 647. Л. 70–81 (П. Г. Фомина-Онуфриева).

[43]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5255. Л. 32. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 19–20.

[44]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 19, 32. 15 сентября М. М. Лашевич был отправлен из Яренска в Кадников, а затем получил разрешение поселиться в Вологде (Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 352. Л. 8, 35).

[45]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 19.

[46]Там же. С. 20.

[47]*Аллилуев С. Я.*Встречи с тов. Сталиным (отрывки из воспоминаний) // Правда. 1939. 22 дек.

[48]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 20.

[49]*Аллилуев С. Я.*Встречи с тов. Сталиным…

[50]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 20.

[51]*Аллилуев С. Я.*Встречи с товарищем Сталиным…

[52]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 148. Л. 9, 12–13.

[53]В адресной книге «Весь Петербург» на 1912 г. в доме 134 по Невскому проспекту значится дочь купца Готесман Сура Фраимовна (С. 233).

[54]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 148. Л. 14–16.

[55]В адресной книге «Весь Петербург» на 1912 г. значится только один человек с такой фамилией: домовладелец, купец 1-й гильдии, совладелец банкирского дома «Г. Вавельберг» Осип (Иосиф) Сигизмундович Берсон (Весь Петербург на 1912 г. СПб., 1912. С. 75).

[56]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 148. Л. 9, 14–15.

[57]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 20.

[58]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 659. Л. 60–61.

[59]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 20.

[60]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 659. Л. 60–61.

[61]Там же. Д. 148. Л. 9.

[62]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 19.

[63]Там же.

[64]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 148. Л. 21.

[65]Там же. Л. 21 об.

[66]Там же. Д. 166. Л. 7.

[67]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1911. Д. 2093. Л. 3.

Вологодская ссылка

[1]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 21.

[2]ПАВО. Ф. 3837. Оп. 5. Д. 2. Л. 39. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2(105). С. 21.

[3]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 267. Л. 17.

[4]Там же. Л. 18. Опубликовано: Красный архив. 1941. № 2(105). С. 21.

[5]В этот же день была составлена «Справка по Регистрационному отделу» (ГАРФ. 7Д. 1911. Д. 2093. Л. 13а-13б).

[6]Этим числом было датировано отношение начальника Петербургского охранного отделения № 18274 о передаче И. В. Джугашвили в распоряжение Петербургско-

го ГЖУ (Там же. Л. 1. См. также: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 166. Л. 1).

[7]Там же. Л. 10.

[8]Там же. Л. 1; Весь Петербург на 1912 г. С. 173.

[9]ГАРФ. 7Д. 1911. Д. 2093. 22 л. Фотокопия; см. также: ОО. 1911. Д. 267. «Об Иосифе Виссарионове Джугашвили по кличке Коба», 26 л., фотокопия; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 166.

[10]Там же. Л. 7.

[11]Там же. Л. 12.

[12]Там же. Л. 13.

[13]Там же. Л. 14.

[14]Там же. Л. 14, 16.

[15]Там же. Л. 17–22.

[16]Там же. Л. 7–8.

[17]Там же. Л. 5.

[18]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1911. Д. 2093. Л. 5а-6.

[19]Там же. Л. 2.

[20]Там же.

[21]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 23.

[22]Там же.

[23]Там же.

[24]Там же.

[25]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 173. Л. 1.

[26]Там же. Л. 5 (регистрационная карта с тройной фотографией).

[27]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 261. Д. 171. Л. 6 об.

[28]Там же. 7Д. 1911. Д. 2093. Л. 7а.

[29]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Зимнее движение 1911–1912 гг. Отд. III. С. 139.

[30]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 23.

[31]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5248. Л. 2–3; Красный архив. 1941. № 2 (105). С 23.

[32]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 45–47 (В. Л. Швейцер).

[33]Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4343. Л. 3.

[34]Там же. Оп. 4. Д. 645.

[35]ГАРФ. Ф. 1764 Оп. 1. Д. 39; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 172. См. также: ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 20.

[36]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 18; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 173. См. также: ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 4.

[37]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 18. Л. 7–10.

[38]ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4997. Л. 1. См. также: ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 6. Л. 1.

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 76. Л. 1 об.

[40]Там же. Л. 1–1об.

[41]Там же. Оп. 4. Д. 634. Л. 143–151. См. также: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–14-В. Л. 4.

[42]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 145. Л. 34–50.

[43]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5307. Л. 58–75.

[44]ПААО. Ф. 859. Оп. 10. Д. 39. Л. 1–2.

[45]ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5058. Л. 32, 35.

[46]Там же. Оп. 5. Д. 352. Л. 8, 12.

[47]Там же. Л. 13–14. Оп. 1. Д. 5307. Л. 64–65.

[48] *Чуев Ф.*Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 297.

[49]Пражская конференция РСДРП 1912 г.: Сборник документов. М., 1937; Протоколы Пражской конференции // Коммунист. 1988. № 8 и 9; *Зиновьев Г. Е.*Воспоминания. Прага. 18–30 января 1912 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 185; *Он же.*Малиновский // Там же. № 6. С. 184–209; Большевики. С. 153–159.

[50]Там же. С. 170, 173.

[51]Там же. С. 173; *Стасова Е. Д.*Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. С. 99.

[52]РГАСПИ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5. пр. 2. Л. 190. Опубликовано: *Белякова С. Г., Володарская Л. М.*Из переписки ЦК РСДРП с местными большевистскими организациями. 1911–1912 гг. // Вопросы истории КПСС. 1964. № 10. С. 78.

[53]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 48 (В. Л. Швейцер).

[54]Красный архив. 1939. Т. 6 (97). С. 115; *Москалев М.*Русское бюро ЦК большевистской партии. 1912—март 1917 г. М., 1947. С. 55.

[55]Там же. С. 55–56.

[56]Некоторые даты из подпольной партийной работы Г. К. Орджоникидзе. 1903–1912 гг. С. 21.

[57]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 75. Л. 2.

[58]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 25.

ГЛАВА 4. ЧЛЕН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

В новой роли

Бежав в ночь с 28 на 29 февраля из Вологды, И. В. Джугашвили направился в Москву {1}. Зимой 1911–1912 гг. ночью из Вологды на Москву можно было уехать только поездом № 5, который отходил в 1 час 17 минут, а прибывал в 19 часов 55 минут {2}.

Здесь, в Москве, находился член ЦК РСДРП Р. В. Малиновский, адрес которого И. В. Джугашвили мог получить от Г. К. Орджоникидзе. Между тем, поскольку Р. В. Малиновский был намечен кандидатом в депутаты Государственной Думы от рабочей курии и ему нужен был соответствующий трудовой стаж, 14 февраля он поступил на завод В. Фермана, который находился в селении Ростокино в восьми верстах от Москвы {3}. По словам Р. В. Малиновского, здесь он проработал семь месяцев и за это время «только один раз видел партийного человека» — Серго Орджоникидзе {4}.

Посетив квартиру Р. В. Малиновского и, видимо, застав в ней только его жену Стефанию с детьми, И. В. Джугашвили направился далее, в Петербург. Этот визит привел к тому, что в столицу он прибыл не один, а в сопровождении агентов наружного наблюдения Московско-

го охранного отделения. Обнаружив за собой слежку, И. В. Джугашвили с вокзала направился к С. И. Кавтарадзе, который в это время продолжал учиться в Петербургском университете.

«В один из зимних холодных и мрачных петербургских дней, — вспоминал С. И. Кавтарадзе, — часов в 11 утра я сидел над каким-то курсом. Раздался стук в дверь, и в комнату вошел Сталин (Коба). Это было неожиданно. Я знал, что он находился в ссылке. С обычным веселым и приветливым выражением лица, несмотря на трескучий мороз, в демисезонном пальто, он после первых приветственных слов, не раздеваясь, сказал: „Я у тебя некоторое время побуду". — „Какой может быть разговор… Раздевайся, согревайся, я сейчас организую чай". — „Не надо. Я немного отдохну. Но вот в чем дело: я сейчас из Москвы. С поезда прямо к тебе <…>. В Москве на вокзале я заметил слежку, и, представь себе, когда я вышел здесь из вагона, увидел того же самого шпика, который и проводил меня до твоего подъезда. Сейчас он торчит на улице"». Было решено ждать до вечера, и только с наступлением темноты И. В. Джугашвили покинул квартиру С. И. Кавтарадзе [5].

По имеющимся сведениям, отсюда он «отправился на квартиру рабочего, который жил на Выборгской стороне», а затем, «установив связи с большевистской организацией, приняв участие в заседании П[етербургского] к[омитета], посетив собрание представителей рабочих партийных ячеек Василеостровского района, где были одобрены решения Пражской конференции», «через неделю уехал на Кавказ» [6]. Существует мнение, что это произошло 12 марта [7]. Сделав остановку («от поезда до поезда») в Ростове-на-Дону, он встретил-

ся с В. Л. Швейцер [8], после чего отправился дальше. 16 марта Бакинское охранное отделение получило информацию от секретного сотрудника Фикуса о пребывании И. В. Джугашвили в Тифлисе [9].

Здесь ему предоставил кров учитель школы Общества учительниц Машек Казарович (Лазаревич) Агаян, сестра которого Люсик являлась женой известного армянского художника Мартироса Сарьяна. Школой заведовала Е. Д. Стасова, а среди ее преподавателей были М. П. Вохмина, С. Н. Карабинова, М. И. Кумиашвили, А. Овьян, А. П. Саксаганская, жена Сурена Спандаряна О. В. Спавдарян [10]. В Тифлисе И. В. Джугашвили встретился с Е. Д. Стасовой, которая после Пражской конференции стала секретарем Русского бюро ЦК РСДРП, и, по всей видимости, с С. С. Спандаряном, которого вскоре после этого арестовали [11].

25 марта (7 апреля) 1912 г., когда И. В. Джугашвили еще находился на Кавказе, Н. К. Крупская направила в Киев письмо, в котором писала: «Необходимо немедленно отправить в Питер Ивановича» [12]. Киев в данном случае представлял собой не только передаточный пункт. Здесь в это время находился Г. К. Орджоникидзе, о чем свидетельствует его письмо, адресованное отсюда 29 марта на Кавказ: «Все благополучно довез» [13]. Сюда же для Г. К. Орджоникидзе и Г. Л. Пятакова направил 30 марта письмо с характеристикой положения в Бакинской организации РСДРП и И. В. Джугашвили [14].

В воскресенье 1 апреля И. В. Джугашвили выехал в Петербург [15]. В Ростове-на-Дону он снова сделал остановку («от поезда до поезда») и снова имел встречу

с В. Л. Швейцер [16], а затем направился в Москву, где мог быть уже 3–4 апреля и где его ждал Г. К. Орджоникидзе [17].

Подчеркивая, что за время работы на заводе В. Фермана он ни с кем из товарищей по партии не контактировал, Р. В. Малиновский утверждал: «…До сентября 1912 г. видел только один раз партийного человека — это Серго Кавказца, члена ЦК. Видел его ночью в ресторане в Москве, и так как ему некуда было деться, то мы ночью пешком пошли в деревню (8 верст от Москвы) ко мне. Он у меня в деревне (жена жила в Москве) переночевал, и я никому ничего о нем не говорил» [18].

4 апреля, видимо, сразу после встречи с Р. В. Малиновским, Г. К. Орджоникидзе был взят в наружное наблюдение [19]. Из материалов этого наблюдения нам известно, что 7 апреля он имел встречу с прибывшим в Москву И. В. Джугашвили: «Серго… оставался все время в гор. Москве и встретился здесь 7 апреля с прибывшим из г. Баку неизвестным: последний, по агентурным сведениям, оказался упоминаемым в предыдущих моих представлениях Центровиком „Кобой", кооптированным в ЦК» [20].

Среди тех вопросов, решением которых были заняты в Москве И. В. Джугашвили и Г. К. Орджоникидзе, особое значение имел финансовый вопрос. Именно отсюда они направили письмо на имя одного из лидеров германской социал-демократии, Клары Цеткин, в котором ставили ее в известность о восстановлении ЦК РСДРП и предлагали вернуть находящиеся у нее на хранении деньги РСДРП. «В Москве же тов. Сталин и Орджоникидзе, — писала С. М. Познер, — организовали финансовую комиссию при

ЦК. О создании этого органа тов. Сталин сообщил в Тифлис» {21}.

В Москве они пробыли недолго и 9 апреля отправились в Петербург {22}. В тот же день начальник Московского охранного отделения П. П. Заварзин телеграфировал начальнику Петербургского охранного отделения:

«9 апреля Николаевского вокзала поездом № 8 выехали Москвы Петербург центровики эсдеки Серго и кооптированный Коба. Примите наблюдение, филеров Андреева, Атрохова, Пахомова верните. Ликвидация желательна, но допустима лишь местным связям без указания источников Москву» {23}.

10 апреля Г. К. Орджоникидзе прибыл в Петербург, был взят в наблюдение филерами Петербургского охранного отделения и 14 апреля арестован {24}. Что касается И. В. Джугашвили, то на его счет в нашем распоряжении имеются две версии. Одна из них принадлежит Петербургскому охранному отделению, другая — В. Л. Швейцер.

18 апреля за начальника Петербургского охранного отделения Еленский информировал Департамент полиции: «Иосиф Виссарионов Джугашвили прибыл в столицу 10 сего апреля и был взят филерами отделения в наблюдение. Вечером того же 10 апреля он был проведен в д. 22 по Константиновскому проспекту в квартиру № 19 кутаисского гражданина Ноя Мелитоновича Гванцеладзе, где и остался ночевать. 11 апреля Джугашвили из указанного дома не вышел, и до настоящего времени взять его в наблюдение не удалось. Меры к обнаружению его приняты» {25}.

Если же верить В. Л. Швейцер, которая 10 апреля встречалась с Г. К. Орджоникидзе, то, обнаружив за собой слежку в Москве, Г. К. Орджоникидзе и И. В. Джугашвили решили, что Г. К. Орджоникидзе поедет дальше, а И. В. Джугашвили перед самым отходом поезда выскочил из вагона и остался в Москве. «Незамеченный шпиками, — вспоминала В. Л. Швейцер, — товарищ Сталин вернулся с вокзала. Он пробыл в Москве несколько дней, не выходя из конспиративной квартиры. Написал там первомайскую листовку, напечатанную потом в Тифлисе». А вечером 12 апреля снова отправился в путь и утром 13-го прибыл в Петербург. «13 апреля в Питере появился товарищ Сталин. Иосиф Виссарионович нелегально остановился на квартире у товарища Полетаева… В эти дни товарищ Сталин руководил газетой „Звезда". Я помню, как товарищ Сталин пришел ко мне на квартиру и принес с собой несколько готовых статей для газеты „Звезда". Жила я тогда на Коломенской, д. 5, кв. 50» {26}.

Кому же верить? По всей видимости, доверия заслуживает свидетельство В. Л. Швейцер, так как 24 апреля, т. е. через 6 дней после того как Петербургское охранное отделение проинформировало Департамент полиции о прибытии И. В. Джугашвили в Петербург, оно вынуждено было признать, что 10-го в поезде Кобы не оказалось {27}. Это значит, что филеры вместо И. В. Джугашвили взяли под наблюдение кого-то другого, тоже приехавшего из Москвы, по всей видимости, вместе с Г. К. Орджоникидзе {28}.

К этому времени фамилия И. В. Джугашвили была уже включена в очередной розыскной циркуляр Департамента полиции, однако не в «список А», в котором содер-

жались фамилии лиц, подлежавших аресту, а в «список Б», в котором обычно фигурировали фамилии тех, чье местонахождение требовалось установить.

Вот эта часть циркуляра:

«Б. 23220. Иосиф Виссарионович Джугашвили: а) крестьянин Тифлисской губернии и уезда, с. Диди Лило, 31 г., профессия — конторщик, бухгалтер, б) мать Екатерина — 55 л., г. Гори Тифлисской губернии, <…> г) рост средний, волосы черные, глаза карие, лоб низкий, нос большой, прямой, усы темно-русые, <…> е) скрылся из г. Вологды 29 февраля 1912 г., ж) постановление МВД,<…> з) подчинен надзору в избранном месте жительства, кроме столиц и столичных городов, и) по обнаружении подчинить надзору, указанное условие — уведомить вологодского губернатора <…>, к) 8-е делопроизводство — № 4092 и 4108» {29}.

12 апреля 1912 г. за вице-директора Департамента полиции А. М. Еремин направил в Петербургское охранное отделение письмо:

«Вследствие сообщенных Вашему Высокоблагородию начальником Бакинского охранного отделения 6 апреля 1912 г. за № 1379 сведений о члене Центрального комитета Российской социал-демократической партии Иосифе Виссарионове Джугашвили, выбывшем 1 сего апреля из Баку в Петербург, Департамент полиции просит Вас уведомить, прибыло ли названное лицо в столицу, присовокупляя, что Джугашвили подлежит аресту и привлечению к переписке в порядке охраны как лицо, принадлежащее к Российской социал-демократической партии» {30}.

Это письмо было равнозначно распоряжению об аресте.

После того как И. В. Джугашвили вернулся в Петербург и поселился к квартире Н. Г. Полетаева, последний привлек его к участию в издании газеты «Звезда» {31}. 15 апреля на ее страницах были опубликованы статьи И. В. Джугашвили «Новая полоса», «Либеральные фарисеи», «Беспартийные чудаки» и «Жизнь побеждает», 17 апреля — «Они хорошо работают», 19 апреля — «Тронулись» и «Как готовятся к выборам», 22 апреля — «Выводы» {32}.

Именно в эти дни в свою завершающую стадию вступила подготовка первого номера газеты «Правда».

«Это было в середине апреля 1912 г., — вспоминал И. В. Сталин, — вечером на квартире у т. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я, член ЦК (как нелегал сидел в бесте у „неприкосновенного" Полетаева), сговорились о платформе „Правды" и составили первый номер газеты» {33}.

Одним из инициаторов издания «Правды» являлся большевик Виктор Александрович Тихомирнов. Сын казанского купца-миллионера, он после смерти отца получил по наследству около 300 тыс. руб. и в 1911 г. предложил В. И. Ленину оказать материальную поддержку в издании легальной большевистской газеты в России. Предложение было принято, закреплено решением Пражской конференции и через ставшего к этому времени студентом Петербургского политехнического института В. М. Молотова, с которым В. А. Тихомирнов был хорошо знаком и которого именно он приобщил к революционной деятельности, эти деньги были внесены в кассу больше-

виков, а В. М. Молотов привлечен к организации самой газеты [34].

Существует мнение, что именно он стал первым секретарем редакции «Правды» [35]. Однако первоначально эти функции были возложены на Федора Федоровича Ильина, получившего известность под фамилией Раскольников [36]. Это дает основание считать, что именно весной 1912 г. Ф. Ф. Раскольников познакомился с И. В. Джугашвили. Ф. Ф. Раскольников исполнял свои обязанности около месяца, 22 мая 1912 г. он был арестован, и только после этого секретарские обязанности начал исполнять В. М. Молотов [37].

Первый номер «Правды» вышел в свет в воскресенье 22 апреля. В этот день И. В. Джугашвили покинул квартиру Н. Г. Полетаева и отправился, по некоторым сведениям, на встречу с В. М. Молотовым [38]. Защищенная депутатским иммунитетом квартира Н. Г. Полетаева находилась под наблюдением Петербургского охранного отделения, поэтому едва И. В. Джугашвили покинул ее, как сразу же был арестован [39].

Нарым: туда и обратно

Арестованный на улице И. В. Джугашвили был препровожден в Дом предварительного заключения, передан охранному отделению и подвергнут допросу [1]. Ни протокол его задержания, ни протокол обыска, ни протокол допроса нам неизвестны. Информируя Департамент полиции об этом аресте, Петербургское охранное отделение сообщало: «Иосиф Виссарионов Джугашвили 22 сего апреля арестован на улице. При аресте он заявил, что определенного места жительства в городе Петербурге не имеет. При личном обыске у Джугашвили

ничего преступного не обнаружено». На письме имеется резолюция: «Сообщить в Баку об аресте Джугашвили и спросить Петербургское охранное отделение, что дальше будет с Джугашвили, так как он [член] ЦК» [2].

Сохранился запрос Департамента полиции в Петербургское охранное отделение: «Вследствие записки от 22 апреля 1912 г. за jsfo 5941 Департамент полиции просит Ваше Высокоблагородие сообщить сведения о дальнейшем направлении дела члена Центрального комитета Российской социал-демократической партии Иосифа Джугашвили» [3]. Это означало, что Департамент полиции берет переписку по поводу выяснения политической благонадежности И. В. Джугашвили под свой контроль.

Первый связанный с этим расследованием документ, который имеется в нашем распоряжении, — «литера А» о возбуждении переписки. Датированная 4 мая, она в этот же день за № 6658 была направлена в 7-е делопроизводство Департамента полиции [4]. 8 мая здесь появилось дело № 922 [5]. Из «литеры А» явствует, что переписка была возбуждена 26 апреля и поручена ротмистру Петербургского ГЖУ Павлу Васильевичу Юдичеву. Однако слова «начальник Петербургского ГЖУ» в «литере А» забиты на пишущей машинке, и подписана она за начальника Петербургского охранного отделения подполковником Еленским, а в графе «Место возбуждения переписки» указано «Петербург».

Из этого следует, что Петербургское охранное отделение сделало попытку представить «литеру А» от имени Петербургского ГЖУ, а когда эта попытка не удалась, представило от своего имени. Следовательно, И. В. Джугашвили не был передан ГЖУ [6]. Данный факт

полностью подтверждает справка Петербургского охранного отделения от 7 марта 1913 г., в которой говорится: «22 апреля 1912 г. Джугашвили был вновь арестован в Петербурге и привлечен к переписке в порядке Положения о государственной охране при Петербургском охранном отделении» {7}.

Если обратиться к «Положению об охранных отделениях», утвержденному 9 февраля 1907 г., то мы увидим, что оно давало им возможность производить «исследования политической благонадежности отдельных лиц» (параграф 24). Но параграф 28 конкретизировал это право следующим образом: «Если поступившие начальнику Охранного отделения сведения не дают основания к немедленному возбуждению формального дознания и следствия, то начальник Отделения приступает на основании 253 ст. Уст. угол, суд. к проверке и разработке означенных указаний путем негласного расследования, причем если событие или состав преступления не подтвердятся, то буде по данному делу не было составлено формальных актов, расследование остается без дальнейших последствий, в противном случае производство направляется: 1) в местное ГЖУ, если перепиской выяснена политическая неблагонадежность кого-либо, вызывающая только необходимость дальнейшего Дознания для внесения дела в Особое совещание, образованное на основании 33 и 34 ст. Положения об охране и 2) в ГЖУ в порядке ст. 1035–10 ст. Уст. угол. суд. для направления прокурорскому надзору, если для принятия мер, указанных в пункте 1, нет достаточных оснований, причем дальнейшее расследование, если таковое окажется необходимым, производится жандармским управлением» {8}.

Однако никаких документов, свидетельствующих о том, что Петербургское охранное отделение, завершив переписку, передало ее материалы в Петербургское ГЖУ, ни в фонде Петербургского губернского жандармского управления, ни в фонде Петербургского охранного отделения, ни в фонде Департамента полиции обнаружить не удалось. Не удалось обнаружить их и в личном фонде И. В. Сталина.

Кроме «литеры А» в деле № 922 имеется еще только один документ на двух листах — «литера Б» [9], «литера Г» о завершении переписки отсутствует. Первая заверительная запись в деле № 922 была сделана в Ленинградском отделении Центрархива 4 марта 1925 г. Она гласит: «В сем деле пронумеровано три (3) листа» [10]. Это значит, что все остальные документы исчезли из дела ранее этой даты.

Несмотря на то что переписка была возбуждена 26 апреля, «литера А» и «литера Б» датированы одним числом — 4 мая [11]. Между тем уже на следующий день, 5 мая, вся переписка была направлена петербургским градоначальником в МВД (№ 6756) [12]. Столь же оперативно бумаги прошли Департамент полиции, Министерство юстиции и были представлены в Особое совещание. Складывается впечатление, что кто-то очень хотел, чтобы И. В. Джугашвили поскорее вышел за стены тюрьмы.

Особое совещание постановило выслать И. В. Джугашвили в Нарымский край на 3 года [13]. Если учесть, что после высылки И. В. Джугашвили в Вологду он стал членом ЦК РСДРП и что на его счету была целая серия побегов, а также принять во внимание два года и

девять месяцев неотбытой им ссылки, решение Особого совещания не может не вызвать удивления.

С арестом И. В. Джугашвили завершилась ликвидация Русского бюро ЦК РСДРП. К этому необходимо добавить, что еще раньше «провалился» агент ЦК Филипп (Ф. И. Голощекин) {14}, а Р. В. Малиновский, как мы знаем, до осени вынужден был «залечь на дно». На воле оставались только И. С. Белостоцкий, Д. М. Шварцман и Е. Д. Стасова.

В этих условиях Е. Д. Стасова сделала попытку восстановить разрушившиеся связи {15} и с этой целью 10 июня отправилась из Тифлиса в Петербург {16}. Но именно в этот день произошло событие, которое обрекло ее усилия на провал: в Тифлисе был произведен обыск на квартире Якова Микиртумовича Мгеброва {17}, а 11 июня последовал обыск на квартире Марии Петровны Вохминой {18}, в результате чего в руки жандармов попали не только архив Тифлисской организации, но и документы Русского бюро ЦК РСДРП. А когда Е. Д. Стасова добралась до столицы, здесь 16 июня она тоже была обыскана и арестована {19}. Вскоре после этого за решеткой оказался Д. М. Шварцман {20}.

Департамент полиции имел возможность арестовать И. С. Белостоцкого, но его не трогали, по всей видимости, для подстраховки Р. В. Малиновского. К тому же И. С. Белостоцкий не отличался необходимой опытностью и связями. Поэтому летом 1912 г. деятельность ЦК РСДРП оказалась почти полностью парализованной.

Описывая провал двух архивов в Тифлисе, В. Швейцер отмечала, что в захваченных документах часто упо-

минался Сосо, Коба, Иванович, Васильев, поэтому была опасность, что Сталина тоже привлекут к тифлисскому делу. Тем более что на руках у полиции находились две листовки, написанные Сталиным, а «обвинительный акт, написанный на 60 страницах и свыше 1000 страниц самого судебного дела состоял из материалов о работе товарища Сталина в Русской группе ЦК и в подпольных организациях Питера, Москвы и Кавказа за период с конца 1910, 1911 и 1912 гг.» {21}.

Как и в 1910 г., возникла угроза привлечения И. Джугашвили к судебному делу. Однако и на этот раз находившиеся в руках жандармов улики против И. В. Джугашвили использованы не были. Более того, принадлежавшие ему рукописи были идентифицированы как рукописи С. С. Спандаряна {22}. С. С. Спандаряну ничего не стоило доказать необоснованность этих улик. Но он не стал оспаривать авторство приписываемых ему рукописей, так как понимал, что в руках жандармов и без них имелось достаточно документов для привлечения его к ответственности.

Несмотря на то что И. В. Джугашвили не фигурировал в качестве обвиняемого по этому делу, позднее, как отмечала В. Л. Швейцер, «все документы и обвинительный акт нашего дела целиком перешли в революционный архив Сталина» {23}. Сейчас их нет в личном фонде Сталина. Это дает основание думать, что они находятся в Архиве Президента Российской Федерации.

14 июня 5-е делопроизводство Департамента полиции направило два отношения: № 69935 — на имя петербургского градоначальника и № 69936 — томскому губернатору, которыми поставило их в известность о решении Особого совещания выслать И. В. Джугашвили в На-

рымский край [24]. Через полторы недели, 23 июня, о необходимости высылки И. В. Джугашвили «в распоряжение томского губернатора» была уведомлена Петербургская губернская тюремная инспекция. Обычно такое распоряжение давалось градоначальником. На этот раз оно исходило от Петербургского охранного отделения [25].

На следующий день, 24 июня, исполняющий обязанности петербургского градоначальника выслал на имя томского губернатора «Список с указанием материального положения Джугашвили и его фотографическую карточку» [26].

27 июня по получении из Департамента полиции названного выше письма в канцелярии Томского губернского правления появилось специальное дело «О высылке в Нарымский край под гласный надзор полиции Иосифа Джугашвили» [27].

Считается, что И. В. Джугашвили взяли на этап 2 июля [28]. Подобный вывод, по всей видимости, был сделан на основании того, что именно этим числом датирован «открытый лист № 6793» [29]. В сопроводительном письме, адресованном томскому полицейскому управлению, говорилось: «Петербургская губернская тюремная инспекция препровождает упомянутого арестанта этапным порядком при открытом листе от сего числа за № 6793 на распоряжение томского губернского правления» [30].

В «открытом листе», подписанном за помощника губернского тюремного инспектора М. Кучиевым, было отмечено, что И. В. Джугашвили высылается по распоряжению Петербургского охранного отделения. Включенные в

«открытый лист» приметы во многом повторяли их описание, данное Петербургским охранным отделением 14 декабря 1911 г.: «приметы: лета — 32, рост 2 аршина 6 вершков (171 см. — *А.О.*), лицо чистое, глаза — черные, волосы, брови, усы — черные, нос большой, особые приметы — прочерк» {31}.

И на этот раз не были указаны оспенные пятна и малоподвижность левой руки, но если в конце 1911 г. И. В. Джугашвили имел рост 165 см, то в середине 1912 г. — 171 см.

По всей видимости, письмо Петербургской губернской тюремной инспекции было отправлено вместе с этапом, и сохранившийся на нем регистрационный штамп Томского губернского правления (№ 6273 от 12 июля 1912 г.) означает, что в этот день И. В. Джугашвили прибыл в Томск {32}. О его прибытии губернское правление обязано было поставить в известность Томское ГЖУ, и там на свет должно было появиться специальное дело. Однако оно нам неизвестно.

На «открытом листе», с которым И. В. Джугашвили прибыл в Томск, имеется штамп: «Томское уездное полицейское управление. 18 июля 1912 г.» {33}. Этим же числом датированы «Список о состоящем под гласным надзором (полицейским) Иосифе Джугашвили» {34}, а также расписка И. В. Джугашвили о том, что он ознакомлен с правилами содержания под гласным надзором полиции {35}. Направляя 27 июля два последних документа на имя губернатора, исполняющий обязанности томского уездного исправника писал: «Во исполнение предписания от 19 минувшего июля за № 2091 представляю Вашему Превосходительству список и подписку на вновь прибывшего под гласный надзор полиции в На-

рымский край Иосифа Виссарионова Джугашвили и доношу, что он 18 текущего июля отправлен в Нарымский край на пароходе „Колпашевец“» {36}.

Показательно, что томский губернатор поставил в известность томского уездного исправника о высылке И. В. Джугашвили в его распоряжение (отношение № 2091) {37}, а также препроводил его фотографию и «Список» с биографическими сведениями о нем (отношение № 2093) {38}на следующий день после того, как тот уже покинул Томск. На основании полученных документов 24 июля в Томском уездном полицейском управлении («по секретному столу») было заведено дело № 2784 «О высылке под гласный надзор полиции в Нарымский край Иосифа Виссарионова Джугашвили на 3 года с 8 июня 1912 г.» {39}.

В 1912 г. между Томском и Нарымом курсировал только один пароход. Он выходил из Томска по вторникам в 14.00, к вечеру делал остановку в селении Усть-Томь, на следующий день — в селе Колпашево и в этот же день вечером прибывал в Нарым, а, возвращаясь обратно, отходил из Нарыма по субботам, тоже делал две остановки и прибывал в Томск по понедельникам, рано утром {40}.

Так как И. В. Джугашвили выбыл из Томска 18 июля, в среду, то это был внеочередной рейс, по всей видимости, только до Колпашева, куда пароход мог прибыть уже 19-го. Здесь И. В. Джугашвили должен был ожидать рейса обычного парохода, который выходил из Томска 24-го, 25-го прибывал в Колпашево и в этот же день приходил в Нарым. Поэтому в Колпашеве И. В. Джугашвили находился почти целую неделю.

«В 1912 г., — вспоминал С. Верещак о своей новой встрече с И. В. Джугашвили, — я встретился с ним в Нарымском крае, в селе Колпашево. Там он провел несколько дней до переезда в Нарым. В Колпашево в это время жили Свердлов, Лашевич, Иван Никитич Смирнов и другие видные теперь коммунисты. Коба пообедал со мной и Семеном Суриным, с которым я жил в Колпашеве вместе. Сурин оказался приятелем Кобы. Они вместе раньше бывали в вологодской ссылке и вместе работали в Петрограде» {41}.

Из статьи в «Правде» за 26 декабря 1939 г.: «В июле 1912 г. тов. Сталин прибыл на место ссылки в Нарым. Расположенный на берегу Оби, окруженный лесами и болотами, Нарым ничем не отличался от обычного села, хотя считался заштатным городом. До революции в нем насчитывалось лишь 150 домов и немногим более тысячи жителей. Заброшенный в таежной глуши, далеко от железной дороги, Нарым был слабо связан с миром. А месяца три в году — весной и летом — совсем оторван от жизни. В Нарыме тов. Сталин поселился у крестьянина Якова Агафоновича Алексеева в маленьком деревянном домике на краю переулка, у озера. В проходной половине избы жили хозяева — семья из 9 человек, другую комнату занимали политические ссыльные, обычно квартировали у Алексеева два-три человека». Хозяйку дома звали Ефросинья Ивановна. Наблюдение за И. В. Джугашвили было поручено старшему полицейскому надзирателю Титкову {42}.

В Нарыме И. В. Джугашвили пробыл 38 дней.

По свидетельству С. Верещака, в Нарымском крае существовало два бюро или две организации содействия побегам, по всей видимости, одна эсеровская, другая

социал-демократическая. Долгое время они бездействовали, с появлением И. В. Джугашвили ожили. Последовала целая серия побегов. Бежал и И. В. Джугашвили.

Обычно ссыльные на лодках по Оби (против течения) добирались до Томска, а оттуда по железной дороге до Европейской России. И. В. Джугашвили бежал на пароходе, который по субботам из Нарыма уходил в Томск {43}.

«Дело было под осень, — вспоминал его хозяин Я. А. Алексеев, — день какой был, не помню. Товарищ Сталин попросил нас с братом отвезти его на пристань. В сумерках мы втроем пошли к лодке. Когда пришли на берег, товарищ Сталин спросил: „Доедем на ней?" Мы ответили: „Доедем". Сели тихонько в лодку-однодеревку, поехали в ту сторону. Ехали стороной протоки, потом выехали на Обь. Ночь была темная, без луны, морок был — пасмурно. Товарищ Сталин уехал так, вроде никто не знал. Я сидел на корме, брат — на гребе, товарищ Сталин — в середине. Когда пристали к берегу, товарищ Сталин вышел, попрощался с нами. Сказал, что, может, вернется, может — нет: едет, мол, в Колпашево. От нас больше никто не убегал» {44}.

По всей видимости, ночью И. В. Джугашвили незаметно сел на пароход, а утром в субботу 1 сентября выбыл на нем из Нарыма.

Покинув Нарым на пароходе, И. В. Джугашвили мог добраться до Томска в понедельник 3 сентября около 5 часов утра по местному времени {45}. Разница между местным и петербургским временем составляла 4 часа 39 минут, поэтому 5.00 соответствовало 9.39 по петербургскому времени {46}.

Томск стоял в стороне от Сибирской магистрали, но его соединяла с ней железнодорожная ветка, которая выходила на станцию Тайга. На этой линии курсировали четыре поезда, которые выходили из Томска в 2.50, 10.10, 12.20 и 17.20 {47}. Остается неизвестным, далеко ли от железнодорожного вокзала находилась речная пристань, а поэтому могли И. В. Джугашвили успеть на вокзал к 10.00, но у него была полная возможность добраться до него к отходу следующего поезда, т. е. к 12.20. В первом случае поезд прибывал на станцию Тайга в 13.15, во втором — в 15.35 {48}.

Как дальше добирался И. В. Джугашвили до Петербурга, мы не знаем. Единственный источник, который имеется на этот счет в нашем распоряжении, это воспоминания машиниста паровоза А. Аавика:

«В сентябре 1912 г. я вел товарный поезд от станции Тайга до станции Болотная. На первом разъезде, в 9 верстах от станции Тайга, поезд остановил начальник или дежурный по станции, точно не помню. Через 5 минут ко мне на паровоз подошел начальник разъезда, принес путевку и просил меня взять с собой одного политического беженца до станции Болотная. Это он сказал мне тихо на ухо. Далее он просил меня передать этого пассажира на станции Болотная следующему машинисту, который должен был вести мой поезд дальше, до Новониколаевска (ныне Новосибирск)». Однако на станции Болотная пассажир исчез. Этим пассажиром, по утверждению А. Аавика, был И. В. Джугашвили {49}.

2 сентября, на другой день после его исчезновения, как обычно, полицейский надзиратель Титков явился на квартиру Алексеевых и не обнаружил И. В. Джугашвили.

В этот же день им был составлен рапорт на имя пристава 5-го стана Томского уезда:

«Проверяя по обыкновению каждый день свой участок административно-ссыльных в городе Нарыме, сего числа я зашел в дом Алексеевой, где квартируют Джугашвили Иосиф и Надеждин Михаил, из них первого не оказалось дома. Спрошенная мною хозяйка квартиры Алексеева заявила, что Джугашвили сегодняшнюю ночь не ночевал дома, и куда отлучился, не знает. Надеждин же, его товарищ, заявил, что Джугашвили в субботу 1 сентября уехал в село Колпашево Кетской волости» {50}.

6 сентября исполняющий обязанности пристава 5-го стана Касьянов обратился к старшему полицейскому надзирателю в селе Колпашево Кочневу с требованием выяснить, находится ли И. В. Джугашвили в селе Колпашево и если да, то немедленно вернуть его обратно {51}. Одновременно был составлен рапорт об исчезновении Джугашвили на имя Томского уездного полицейского управления {52}. До 6 сентября Касьянов ждал не случайно. Дело в том, что 5-го в Нарым приходил очередной пароход из Томска, на котором И. В. Джугашвили мог вернуться из Колпашева. Но его на нем не оказалось.

В Томск рапорт мог уйти не ранее субботы 8 сентября. Но, по всей видимости, Касьянов ждал получения официального ответа из Колпашева и отослал свой рапорт только 15-го, так как в Томске он был зарегистрирован 18 сентября {53}. Ответ Кочнева из Колпашева датирован 19 сентября {54}, Касьянов направил его томскому уездному полицейскому исправнику 26 сентября, уйти из Нарыма он мог с пароходом, который отправ-

лялся 29 сентября, а был зарегистрирован в уездном полицейском управлении лишь 13 октября [55].

17 октября томский уездный исправник поставил в известность об исчезновении ссыльного И. В. Джугашвили губернатора [56], и только после этого 3 ноября последний распорядился начать поиски беглеца [57].

Петербург — Краков — Петербург

А пока еще только-только начинали поиски И. В. Джугашвили в Томске, он уже был в Петербурге. Считается, что сюда он вернулся 12 сентября [1].

И на этот раз одним из первых, с кем он встретился здесь, стал С. И. Кавтарадзе. Встреча произошла на Невском проспекте возле Дома № 14 «в пятом часу дня». «Вид у него, — вспоминал С. И. Кавтарадзе, — был неподходящий для Невского проспекта. Он оброс бородой, на голове измятое кепи, одет в поношенный пиджак сверх черной блузы, брюки тоже измяты, ботинки стоптаны. Вид пролетария мастерового резко бросался в глаза на фоне респектабельного Невского проспекта. „Я из Нарыма, — сообщил Сталин, — добрался до Питера довольно благополучно… Но вот беда: явки есть, ходил, никого не застал… Хорошо, хоть тебя встретил“» [2].

С. И. Кавтарадзе отправил И. В. Джугашвили сначала на Коломенскую улицу (дом № 44), а вечером отсюда перевел его на Саблинскую улицу (дом № 10), в квартиру, хозяйкой которой была «некая контрадмиральская вдова». И там, и там жили студенты-грузины. Расставаясь, С. И. Кавтарадзе дал И. В. Джугашвили на всякий случай еще один адрес: Широкая улица, д. 12 [3].

Обосновавшись в столице, И. В. Джугашвили посетил квартиру Стасовых. Здесь он получил не только некоторые бумаги, которые удалось спасти во время ареста Е. Д. Стасовой, но и, что самое главное, кассу ЦК РСДРП, которую она успела передать брату [4]. Где И. В. Джугашвили хранил полученные средства, мы не знаем. Обращает на себя внимание лишь то, что по возвращении в столицу он, видимо, через М. М. Лашевича, тоже бежавшего из ссылки в Петербург, познакомился со служащим Русского для внешней торговли банка Александром Ефимовичем Аксельродом [5].

И. В. Джугашвили появился в столице в тот момент, когда там в свою решающую стадию вступила избирательная кампания в IV Государственную Думу. «Сталин, — вспоминал рабочий А. Е. Бадаев, — приехал в Петербург в сентябре за несколько дней до выборов уполномоченных на заводах и фабриках и сразу окунулся в гущу движения» [6].

Пытаясь оказать влияние на предстоявшие выборы уполномоченных, жандармы в ночь с 13 на 14 сентября произвели в городе массовые аресты, в результате чего почти полностью был разгромлен Петербургский комитет РСДРП [7]. Но еще до этого провала комитетом была создана специальная избирательная комиссия, в которую вошли Н. Н. Батурин (Замятин), присяжный поверенный Николай Николаевич Крестинский, служащий Русского торгово-промышленного банка Тихон Иванович Попов, получивший позднее известность как «золотой комиссар», служащий Волжско-Камского коммерческого банка Макс Александрович Савельев, присяжный поверенный Аркадий Александрович Самойлов и С. У. Яковлев, род занятий которого неизвестен [8]. 16 сентября, в

день выборов уполномоченных, на заводах и фабриках столицы состоялось заседание этой комиссии [9]. Принимал ли в нем участие И. В. Джугашвили, мы не знаем.

Если обратиться к имеющейся биографической литературе об И. В. Джугашвили, складывается впечатление, что вплоть до конца октября 1912 г. он находился в столице [10]. Однако еще в 1940 г. бывший батумский рабочий Г. Н. Гомон передал в ИМЭЛ свои 4 воспоминания, из которых явствует, что осенью 1912 г. он встретил И. В. Джугашвили в Батуме [11]. Факт его пребывания в 1912 г. на Кавказе нашел отражение и в воспоминаниях Давида Папиташвили, который, правда, писал, что «видел его в Тбилиси летом 1912 г.» [12]. По всей видимости, в качестве свидетельства этого пребывания следует рассматривать и те воспоминания, в которых приезд И. В. Джугашвили датируется 1911 г. [13].

Путь на Кавказ лежал через Москву. Там в глубоком подполье находился Р. В. Малиновский, который утверждал, что после упоминавшегося свидания с Г. К. Орджоникидзе он не встречался со своими товарищами по партии «до сентября 1912 г.» [14]. Видимо, к этому времени относится неудачная попытка его встречи с И. В. Джугашвили: «С Кобой, хотя он был, не виделись, перепутали время встречи, а домой я пойти не мог» [15]. Для того чтобы отправиться на эту встречу, Р. В. Малиновскому требовалось покинуть Ростокино. В связи с этим обращает на себя внимание, что 19 сентября он был уволен с завода В. Фермана за прогул [16]. Если учесть, что И. В. Джугашвили мог прибыть в Москву около 18 сентября, а не позднее этого числа имел место прогул Р. В. Малиновского, то напрашивается вопрос, не

был ли связан этот прогул с приездом И. В. Джугашвили в Москву.

Обращают на себя внимание еще две детали. Во-первых, Р. В. Малиновский отмечал, что, уйдя в глубокое подполье, он восстановил связи с ЦК только в сентябре 1912 г. [17] А так как, по утверждению Р. В. Малиновского, до сентября он ни с кем из членов ЦК, следовательно, и с единственным бывшим до 12 октября 1912 г. на воле И. С. Белостоцким [18], не встречался, это означает, что возвращение Р. В. Малиновского к политической деятельности осенью 1912 г. произошло после возвращения И. В. Джугашвили из нарымской ссылки. Во-вторых, по свидетельству Р. В. Малиновского, после увольнения с работы он отправился в Петербург: «В сентябре переехал в Петроград, московская охранка передала меня в Департамент полиции, а там я встретился в Белецким» [19].

Даже если из Москвы И. В. Джугашвили выехал 18-го, в Баку он мог быть не ранее 21-го, а в Тифлисе не ранее 22-го [20]. Чем была вызвана эта поездка, сказать пока трудно. Но нельзя не учитывать, что 24 сентября произошло одно очень важное в истории партии большевиков событие. В этот день на Каджорском шоссе под Тифлисом под руководством бежавшего к этому времени из Метехского замка Камо была сделана неудачная попытка новой экспроприации [21]. Не была ли связана поездка И. В. Джугашвили на Кавказ с этой экспроприацией?

В обратный путь он отправился не позднее 28 сентября и не позднее 1 октября снова был в Москве [22]. Косвенно факт его пребывания в Москве осенью 1912 г. подтверждают материалы переписки, к которой

он был привлечен в 1913 г. Так, касаясь вопроса об обнаруженном у него самоучителе немецкого языка, И. В. Джугашвили «объяснил, что таковой был взят им в конце прошлого года у одного знакомого в Москве, где он был проездом, но назвать этого знакомого отказался» {23}. «Из объяснений названного Джугашвили, — читаем мы в материалах этой же переписки, — видно, что в сентябре прошлого года он [в Москве] проездом в Петербург останавливался в течение того времени у одного своего знакомого, назвать фамилию которого отказался» {24}.

Если допустить, что в Москве И. В. Джугашвили провел один-два дня, то в Петербург он мог вернуться не позднее 3 октября, так как 4-го уже принимал участие в заседании Петербургского комитета РСДРП.

«4 октября, — писал об этом заседании сам И. В. Джугашвили, — поздно вечером, накануне выборов выборщиков, нам стало известно, что уездной комиссией „разъяснены" уполномоченные наиболее крупных заводов (Путиловского и прочие). Через час собирается Исполнительная комиссия Петербургского комитета вместе с представителем ЦК и, составив новый список выборщиков, выносит решение об однодневной забастовке протеста. Ночью в тот же день собирается путиловская заводская социал-демократическая группа и принимает решение Петербургского комитета. 5-го начинается путиловская забастовка. Бастует весь завод. 7-го (в воскресенье) собирается заводская социал-демократическая группа Невского судостроительного завода и присоединяется к решению Петербургского комитета. 8-го бастует весь завод. За ним идут прочие фабрики и заводы. Бастуют не только „разъясненные предприятия", но и не „разъяснен-

ные" (Паль). А также те, которые по „правилам о выборах" не имели права выбирать по рабочей курии. Бастуют из солидарности. <…> 8 октября поздно ночью становится известным, что губернская комиссия по выборам кассирует выборщиков, отменяет „разъяснения" уездной комиссии, „восстанавливает в правах" путиловцев, привлекает к выборам большее число предприятий. Рабочие торжествуют победу» {25}.

«За несколько дней до съезда уполномоченных, на котором предстояло избрать выборщиков от рабочей курии Петербурга, — вспоминал один из современников тех событий, — 10/23 октября за Невской заставой (Сапожников переулок, д. 5, кв. 26) на квартире рабочего В. Савинова состоялось собрание, на котором присутствовали более 20 представителей от разных районов Петербурга и на котором обсуждалась тактика поведения на предстоявшем съезде уполномоченных и следовавшем за ним собрании губернских выборщиков. Среди участников собрания (Богданов Павел, Лашевич (Мишка Шибаев)) на квартире В. Савинова находился и И. В. Джугашвили. Здесь были намечены кандидаты в выборщики» {26}.

«После этого совещания т. Сталин и Лашевич остались у Савинова в комнате, выработали наказ депутату, немного поспали… а рано утром ушли. После мне говорил Д. И. Иванов., что Сталин и; Лашевич от меня были у него на квартире Огородников пер., д., кажется, 27… где якобы вносили поправки в „Наказ"» {27}. «Сталин, — вспоминал В. Савинов, — остался у меня ночевать, чтобы написать проект „Наказа", о котором мы так много говорили на совещании», а утром он «ушел на квартиру к другому нашему путиловцу, Иванову» {28}.

По возвращении с Кавказа И. В. Джугашвили, по всей видимости, нашел приют в квартире присяжного поверенного Абрама Павловича Лурье [29]. Когда и как они познакомились, требует выяснения, но можно отметить, что А. П. Лурье был женат на Татьяне Александровне Словатинской, которая в 1908–1910 гг. работала в Баку, и по этой причине у нее и И. В. Джугашвили могли быть общие знакомые [30]. Возможны и другие объяснения. Т. А. Словатинская родилась в Вильно, с которым был связан ставший в 1901 г. ее мужем Абрам Павлович Лурье [31]. Между тем его двоюродный брат Арон Сольц находился в дружеских отношениях с упоминавшимся выше Н. Н. Крестинским, который тоже происходил из Вильно [32]. На А. П. Лурье И. В. Джугашвили мог выйти и через М. И. Фрумкина, который по работе в Петербурге был знаком с Э. А. Сольц и Т. А. Словатинской [33].

Квартира А. П. Лурье находилась на 16-й линии Васильевского острова. «В 1912 г., — вспоминала Т. А. Словатинская, — бежав из ссылки, И. В. Джугашвили приехал в Петербург. В это время у меня на квартире жил А. А. Сольц, или, как считал старший дворник, господин Кац <…>. Однажды он сказал, что приведет товарища, кавказца <…>, и тут выяснилось, что этот кавказец с партийной кличкой Василий уже несколько дней живет у Арона, не выходя из комнаты <…>. Так я познакомилась со Сталиным <…>. В то время Иосиф Виссарионович руководил кампанией по выборам в Государственную Думу. Примерно с неделю он жил с нами. Я как связной ПК выполняла и его поручения, главным образом по связи с людьми, передаче каких-либо партийных документов» [34].

Если подходить к воспоминаниям Т. А. Словатинской буквально, то И. В. Джугашвили прожил в ее квартире около 10 дней: «несколько дней» до знакомства и «примерно с неделю» после.

Другой квартирой, в которой жил в Петербурге по возвращении с Кавказа И. В. Джугашвили, по всей видимости, была квартира студента Политехнического института В. М. Молотова, который в это время занимал должность секретаря редакции газеты «Правда» и с которым И. В. Джугашвили не мог не контактировать [35]. Поскольку В. М. Молотов был арестован 14 ноября 1912 г., а в 20-х числах октября И. В. Джугашвили уехал сначала в Москву, потом за границу, то, вероятнее всего, они могли жить вместе в октябре после возвращения И. В. Джугашвили с Кавказа.

По воспоминаниям А. Е. Бадаева, после первого съезда уполномоченных И. В. Джугашвили выступал на ряде собраний и совещаний, посвященных выборам [36].

«Один раз, — утверждала Т. А. Словатинская, — по заданию ЦК у меня на квартире было проведено собрание представителей Районов. Собрались товарищи с Выборгской стороны — двое, из-за Невской заставы, с Путиловского завода и др. Сталин вел собрание и предложил мне секретарствовать. На повестке дня того совещания был вопрос о подготовке к выборам в Государственную Думу. Разбирали кандидатуры. Выдвинули товарищей Бадаева и Н. Д. Соколова» [37].

14 октября в Петербурге прошли дополнительные выборы уполномоченных по рабочей курии [38],17 октября в городской думе состоялся второй съезд уполномоченных, на котором был оглашен «Наказ» и от боль-

шевиков были избраны три выборщика: А. Е. Бадаев, Игнатьев (провокатор) и Костюков [39], а 20-го собрание выборщиков делегировало из своей среды в Государственную Думу А. Е. Бадаева [40].

«Вечером того дня, когда на собрании выборщиков Петербургской губернии состоялись выборы депутата от рабочей курии и стало известно о победе большевистского кандидата (т. е. 20 октября. — *А.О.*), — вспоминал А. Е. Бадаев, — в редакции „Правды" под руководством Сталина состоялось конспиративное совещание, на котором я присутствовал как вновь выбранный депутат от питерских рабочих <...>. Тут же тов. Сталин заявил: надо депутатам-большевикам во что бы то ни стало поехать за границу к Ленину» [41].

После петербургских выборов И. В. Джугашвили направился в Москву, где на 25 октября тоже было назначено совещание выборщиков. Здесь в Государственную Думу был избран Р. В. Малиновский [42]. Через два дня после этого, 28 октября, И. В. Джугашвили выехал обратно и 29-го в 13.30 был в Петербурге. С Московского вокзала он направился на Пушкинскую улицу в дом № 17, где, по всей видимости, жил С. И. Кавтарадзе, и пробыл там с 14.00 до 18.45, затем вместе с ним («со студентом университета») посетил ресторан Федорова, после чего в 21.30 был потерян филерами Петербургского охранного отделения [43]. Из сохранившихся подлинных дневников наружного наблюдения явствует, что филеры тщетно пытались его обнаружить до конца декабря 1912 г., после чего поиски были прекращены [44].

Показательно, что только 27 октября Р. В. Малиновский счел возможным проинформировать Московское

охранное отделение о пребывании И. В. Джугашвили в Москве. «„Коба" был задержан весной текущего года в Петербурге, — доносил он, — и административно выслан в Нарымский край, откуда бежал, съездил за границу и, возвратившись в Петербург, в течение полутора месяцев работал при редакции газеты „Правда" по вопросам текущей избирательной кампании. В настоящее время ему поручено организовать поездку за границу попавших в члены Государственной Думы выборщиков по рабочим куриям. Вопрос о поездке означенных депутатов от Петербургской губернии уже решен в положительном смысле. Костромских и владимирских депутатов по поручению „Кобы" отправится приглашать депутат от Московской губернии Малиновский, депутатов Харьковской и Екатеринославской на этих днях по его же „Кобы" поручению едет приглашать Петр Петрович (рабочий Василий Григорьевич Шумкин)» {45}.

По всей видимости, 29 октября 1912 г. через Финляндию И. В. Джугашвили выехал в Краков. 31 октября вечерним поездом из Москвы туда же отправился Р. В. Малиновский. «Избранные члены Государственной Думы Бадаев от г. Петербурга, Малиновский от г. Москвы вместе с бывшим членом Думы Полетаевым, — доносил 7 ноября секретный сотрудник Петербургского охранного отделения Порозов (под этой кличкой скрывался Петр Игнатьевич Игнатьев. — *А.О.*), — около 1 сего ноября уехали в Париж в Центральный комитет РСДРП за получением надлежащих инструкций и личных переговоров с Лениным» {46}.

Дорога от Петербурга до Стокгольма требовала два дня, не менее двух дней необходимо было, чтобы от Стокгольма через Берлин добраться до Кракова. Следо-

вательно, в Кракове И. В. Джугашвили мог появиться не ранее 2/15 ноября.

Сюда были приглашены все депутаты от рабочей курии, но на этот призыв откликнулись только Р. В. Малиновский и М. К. Муранов. Кроме них на совещании присутствовали В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, И. В. Джугашвили.

В «Биохронике» В. И. Ленина заседание членов ЦК РСДРП датируется следующим образом: «ноябрь, 12 или 13 (25 или 26)» {47}. Однако не позднее 12 ноября Р. В. Малиновский уже вернулся в Москву, так как в этот день отсюда выехал в Петербург {48}. Одним из вопросов, который обсуждался на этом заседании, был вопрос о внутрипартийном единстве; как явствует из заявления И. В. Джугашвили от 19 ноября, при обсуждении этого вопроса он голосовал за объединение всех фракций, кроме ликвидаторов {49}.

Сохранилось письмо И. В. Джугашвили от 12 (25) ноября из Кракова в Петербург по адресу: Забалканский проспект, д. 75, изд. «Просвещение», Елене Васильевне Хорошавиной: «Здравствуй, друг! Кое-как добрался до места. Видел всех. Одна просьба к Вам: напишите немедля: 1. Был ли митинг у Путилова и прошел ли наказ? 2. Что вообще нового в Питере? Очень прошу (собственно, просим) Вас немедленно сообщить в сию же минуту по получении этого письма. P. S. Пишу по адресу, который я Вам оставил. Эту газету передайте Смоленскому и братии» {50}.

14 ноября, когда открылась Государственная Дума {51}, И. В. Джугашвили находился в Кракове. Об этом свидетельствует письмо, которое 23 ноября (6 декабря) бы-

ло отправлено им из Кракова в Петербург на имя А. Е. Аксельрода (перлюстрировано и зарегистрировано в Департаменте полиции 27 ноября). В письме шла речь о думской фракции РСДРП и необходимости подготовки к 9 января [52].

К этому времени вопрос об отъезде И. В. Джугашвили, видимо, был уже предрешен, так как за два дня до этого, 21 ноября (4 декабря), В. Ленин рекомендовал В. И. Невскому писать И. В. Джугашвили в Петербург [53]. В Петербурге последний мог быть не ранее 25-го.

В качестве члена ЦК РСДРП он дважды пересекал русско-австрийскую границу. Причем один раз по так называемому «полупаску». «Полупасками» «назывались проходные свидетельства, по которым ездили жители приграничной полосы и с русской, и с галицийской стороны» [54]. Причем во время одного из этих переходов И. В. Джугашвили едва не оказался в руках полиции или же пограничной стражи. Провала ему удалось избежать только благодаря помощи, оказанной ему совершенно незнакомым австро-венгерским сапожником [55].

В Петербурге И. В. Джугашвили появился тогда, когда социал-демократическая фракция IV Государственной Думы готовилась к выступлению в ней со своей декларацией.

В Думу от рабочей курии было избрано 13 человек: шестеро большевиков (А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Р. В. Малиновский, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов), шестеро меньшевиков (А. Ф. Бурьянов. И. Н. Маньков, М. И. Скобелев, В. И. Хаустов, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели) и один беспартийный депутат — Е. И. Ягелло. Председателем фракции стал Н. С. Чхеидзе, его заме-

стителем — Р. В. Малиновский [56], который к этому времени занял в партии большевиков особое положение [57].

Одним из депутатов, с которым И. В. Джугашвили контактировал особенно часто, был А. Е. Бадаев. «С т. Сталиным, — вспоминал он, — я встречался в редакции и других местах. Иногда эти встречи и совещания устраивались у меня на квартире, куда т. Сталин приходил, всячески скрываясь от шпиков» [58].

По свидетельству Г. И. Петровского, он познакомился с И. В. Джугашвили на заседании фракции [59], где, по всей видимости, обсуждался текст ее декларации и шли горячие споры с меньшевиками. Об этом же свидетельствуют и воспоминания А. Е. Бадаева [60]. Кроме И. В. Джугашвили как представителя ЦК РСДРП в подготовке декларации участвовали меньшевики С. Ежов (Цедербаум), В. Левицкий (Цедербаум), Е. Маевский (Гутовский) и некоторые другие [61]. Имеются сведения, что именно в это время И. В. Джугашвили на квартире С. Тодрии встречался с Н. Н. Жорданией и С. Джибладзе [62].

Разработка декларации еще не была завершена, когда Н. К. Крупская 1/14 декабря направила через А. Е. Аксельрода письмо в Россию. В нем она писала: «Васильева (т. е. И. В. Джугашвили. — *А.О.*) как можно скорее гоните вон, иначе не спасем, а он нужен и самое главное уже сделал». В этом же письме она подчеркивала необходимость встречи заграничной части ЦК РСДРП (Г. Е. Зиновьева и В. И. Ленина) с большевиками-депутатами Государственной Думы [63].

Необходимость этой встречи стала еще более очевидной, когда 7 декабря Р. В. Малиновский огласил в Думе декларацию социал-демократической фракции. Представляющая компромисс между большевиками и меньшевиками, подвергшаяся редактированию со стороны Департамента полиции, она в некоторых вопросах расходилась с Программой партии. В частности, вопреки Программе в декларацию под влиянием меньшевиков было включено положение о культурно-национальной автономии, создававшее иллюзию возможности решения национального вопроса в условиях существовавшего в России политического режима и ориентировавшее рабочих на национальное обособление {64}. Это вызвало обеспокоенность со стороны В. И. Ленина, о чем свидетельствует письмо Н. К. Крупской, адресованное 7/20 декабря на имя И. В. Джугашвили и Р. В. Малиновского: «Сегодня, — писала она, — получили ваше известие о том, что большинство кооператива (т. е. социал-демократической фракции IV Государственной Думы. — *А.О.*) водворило опять национально-культурную автономию в угоду еврейским националистам». Критически оценивая этот факт, она сообщала о посылке статьи по национальному вопросу [55] и еще раз напоминала о необходимости приезда депутатов-большевиков («шестерки») за границу для обсуждения с ними при участии членов ЦК РСДРП дальнейшей деятельности в Думе {65}.

О том, какое значение Г. Е. Зиновьев и В. И. Ленин придавали этой встрече, свидетельствует письмо Н. К. Крупской, отправленное из Кракова в Петербург тоже на адрес А. Е. Аксельрода 9/22 декабря: «Для К. Ст. Дорогой друг, наконец, сегодня получили от вас более или менее подробное письмо. Между прочим, не совсем ясно, кажется, вы собираетесь, вопреки условию, сами не прие-

хать на Р. Х. вместе с 4 друзьями. Если это так, то мы самым категорическим образом против этого протестуем. Безусловно, абсолютно категорически настаиваем на вашем приезде. Много вопросов ставится ребром <...>, так что независимо даже от условий вашего здоровья ваше присутствие, безусловно, обязательно. И мы категорически требуем его. Вы не имеете права поступить иначе» {66}.

На следующий день, 10/23 декабря, последовало новое письмо: «Васильеву. Дорогой друг. Дела В[етрова] ставят все вверх дном и грозят разрушить нашу здешнюю базу как раз в тот момент, когда можно было бы надеяться на плодотворную работу. Мы настаиваем на том, чтобы приезжие (вы обязательно должны быть в их числе) привезли с собой самые точные и самые детально-подробные Цифровые данные о бюджете В[етрова] — как о доходах, так и о расходах» {67}. Для обсуждения данного вопроса на квартире А. Е. Бадаева было созвано специальное совещание членов социал-демократической фракции большевиков. На этом совещании Г. И. Петровский во второй раз «виделся с товарищем Сталиным» {68}.

О принятом решении была уведомлена заграничная часть ЦК РСДРП, и 14/27 декабря Н. К. Крупская уже с уверенностью писала: «Надеемся, что скоро приедут к нам Вася и Вера с детьми» {69}.

Перед отъездом за границу И. В. Джугашвили принял участие в решении еще одной важной задачи — восстановлении Петербургского комитета РСДРП.

15 декабря секретный сотрудник Порозов сообщил: «6 декабря в д. № 4 по Школьному переулку (за Нарвской заставой. — *А.О.*) состоялось нелегальное

собрание, на коем присутствовали 7 человек от рабочих разных городских заводов и 4 интеллигента, а именно: Михаил Егорович — брюнет среднего роста, „Сергей Иванович“ [56]— шатен, среднего роста, в пенсне, „Михаил“ [57]— среднего роста, полный, коренастый, приехавший, по-видимому, из Одессы, и „Коба“, он же „Василий“ — среднего роста, худощавый, лицо оспенное, без бороды (бреет), небольшие усы, лет 30–35, кавказского типа. „Коба“ является представителем ЦК РСДРП [58]{70}. На собрании трактовалось о характере деятельности социал-демократической партии в настоящий момент и было предложено принять меры к образованию Петербургского комитета РСДРП. Существующая в Петербурге „Социал-демократическая группа“, переименованная в „Межсоюзную комиссию“, имеет также войти в состав образуемого Петербургского комитета. В этой группе находится в настоящее время молодая барышня, интеллигентка, указавшая следующую явку: Забалканский проспект, угол Софийской улицы, д. 61/1, кв. 50, Вере Новиковой — для Мани» {71}.

Через неделю Порозов уже мог поставить охранное отделение в известность о завершении формирования нового ПК РСДРП. «Несколько дней тому назад, — сообщал он 22 декабря, — сорганизовался Петербургский комитет РСДРП, в состав коего вошли: „Михаил Егорович“, „Сергей Иванович“, „Михаил“ <…>, „Валентин“, рабочий фабрики Паля, бывший выборщик в Государственную Думу Михаил Иванович Зайцев и рабочий Путиловского завода Савенков. Представителем от Центрального комитета является „Коба“, он же „Василий“» {72}.

15 декабря 1912 г. занятия Государственной Думы были прерваны на рождественские каникулы {73},

и И. В. Джугашвили через несколько дней снова отправился в Краков. Это была его последняя до 1917 г. поездка за границу.

В последний раз за границей

На этот раз И. В. Джугашвили тоже добирался до Кракова через Финляндию. Организация его поездки была поручена финскому рабочему А. В. Шотману [1], который привлек к этому делу другого финского рабочего-большевика, Эйно Абрамовича Рахью [2].

Чтобы исключить возможность обнаружения И. В. Джугашвили дежурившими на Финляндском вокзале филерами, было решено вывезти его из города на маневровом паровозе и посадить в поезд на одной из ближайших к городу железнодорожных станций. С подобной просьбой Э. А. Рахья обратился к одному из своих знакомых, машинисту Эмилю Копонену. Перед тем как отправиться в это путешествие, на квартире у последнего (Финляндский проспект, дом № 10, квартира № 54) было проведено совещание, участниками которого, по воспоминаниям Э. А. Рахьи, кроме И. В. Сталина были М. И. Калинин, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, А. В. Шотман. Ожидался приход Р. В. Малиновского, но он не явился. Обсуждались два вопроса: о работе в Государственной Думе и о поездке в Краков [3].

Поставив 22 декабря 1912 г. Петербургское охранное отделение в известность о восстановлении ПК РСДРП и планируемом в Кракове совещании, секретный сотрудник Порозов отметил: «Представитель Центрального комитета Коба дня четыре тому назад уехал за границу» [4]. Это значит, что И. В. Джугашвили из Петербурга в Краков выехал около 18 декабря.

Э. Копонен довез его на своем паровозе то ли до станции Левашово, то ли до Парголово. Там И. В. Джугашвили сел на поезд, идущий в Финляндию, и с русским паспортом пересек границу на станции Белоостров. В Финляндии, по одним данным, Иван Абрамович Рахья, по другим — Исидор Воробьев (позднее председатель Союзтабактреста) помог И. В. Джугашвили добраться до города Мариенгам на берегу Финского залива, где уже с финским паспортом И. В. Джугашвили сел на пароход и отправился дальше {5}.

Маршрут его путешествия неизвестен. Но поскольку Мариенгам был связан пароходным сообщением с Германией, вероятнее всего, что путь И. В. Джугашвили в Краков лежал через Германию. Эта дорога требовала не менее трех дней, поэтому в Кракове И. В. Джугашвили мог появиться не ранее 21 декабря.

Отсюда примерно 28 декабря 1912 г. (10 января 1913 г.) он отправил в Россию письмо, адресованное Л. Б. Каменеву: «Ну-с, жду ответа, адреса и вообще письма. Я останусь в Кракове еще недели 1 1/2. Вас[илий]». Приписка, видимо, Г. Е. Зиновьева: «Большой привет. Публика вся превосходная. Дело будет почище, чем в Праге. Жаль, что Вас нет. Григорий» {6}.

По одним данным, совещание началось 26-го, по другим — 28 декабря 1912 г. и продолжалось до 1 января 1913 г. по ст. ст. {7}.

Вернувшись из Кракова, Р. В. Малиновский уже 8 января 1913 г. информировал Департамент полиции: «Заседание ЦК РСДРП с партийными работниками происходило с 28 декабря по 1 января 1913 г. <…> Присутствовали: Ленин, Зиновьев, Надежда Константиновна Крупская, члены Государственной Думы Малиновский, Петровский

и Бадаев, Валентина Николаевна Лобова <…>, рабочий Медведев <…>, поручик <…> Трояновский <…>, жена Трояновского Галина — бывшая партийная работница на юге и Коба» {8}.

Кроме того, в этом совещании участвовала Ольга Самойловна Вейланд («латышка»). Она родилась в 1893 г. в Одессе в семье служащего. В 1910 г. поступила на Высшие женские курсы в Киеве, здесь познакомилась с Евгенией Богдановной Бош, через нее приобщилась к деятельности революционного подполья и в январе 1912 г. вступила в РСДРП. Принимала участие в подготовке Пражской конференции. В связи с арестами в Киеве уехала за границу, где пробыла около года. Жила в Париже и Вене {9}.

В Вене в 1912–1913 гг. находились сестра Е. Б. Бош Галина Федоровна Розмирович и ее гражданский муж А. А. Трояновский. С ними О. С. Вейланд приехала в Краков и оказалась участницей совещания членов ЦК с депутатами Государственной Думы. Правда, на самом совещании она не присутствовала. Ей было доверено охранять вход в комнату, в которой происходили заседания {10}.

30 декабря 1912 г. (12 января 1913 г.) И. В. Джугашвили направил из Кракова в Петербург на имя Александра Ефимовича Аксельрода следующее письмо: «Для Шибаева. Очень извиняюсь, что не мог до сих пор написать. Отсюда ничего не могу прислать для Пека — говорю об обещании. Дело в том, что атмосфера здесь невозможная, все заняты до безобразия, заняты черт знает как. Вам самим придется написать. Что касается Пека, то он пришлет свой на днях через господина Берга. Передай привет нарымцу (Голощекину. — *А.О.*) и Андрею (Свердлову. — *А.О.*), что оба они, оказы-

вается, приняты на службу. У меня здесь дела идут в общем недурно. Пусть Андрей подождет. Твой В.» {11}.

Краковское совещание восстановило не только Центральный комитет, но и две коллегии внутри самого ЦК. «Современный ЦК, — информировал Департамент полиции Р. В. Малиновский, — составляют: 1) Ленин, 2) Зиновьев, 3) Коба, 4) Петровский, член Государственной Думы, 5) Малиновский, член Государственной Думы, 6) Свердлов (Светлов), 7) Филипп, 8) Спица, 9) Белостоцкий», агентами ЦК были назначены «выборщик Савинов» по Московской губернии, Михаил [59] по Петербургской и Шотман по Гельсингфорсу {12}.

«Созданы, — сообщал Р. В. Малиновский далее, — по примеру прежних лет „Русское" и „Заграничное" Бюро ЦК партии. В состав Заграничного Бюро ЦК избраны „Ленин" и „Зиновьев". В качестве секретаря им придана Крупская. В „Русское Бюро" ЦК избраны „Коба", „Андрей Уральский" и депутаты Петровский и Малиновский. Последние, имея и без того ряд сложных обязанностей, будут посещать собрания Бюро и участвовать в его работе по очереди. Секретарем „Русского бюро" ЦК избрана Валентина Николаевна Лобова» {13}.

Таким образом, после Краковского совещания главными фигурами в Русском бюро стали И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов, причем если учесть, что И. В. Джугашвили не только имел больший революционный опыт и более давние связи в Петербурге, именно ему по возвращении в Россию предстояло занять руководящее положение в Русском бюро ЦК. Если после Пражской конференции он стал одним из лидеров партии большевиков, Краковское совещание открывало перед ним пе-

рспективу превращения в главную фигуру российской части ЦК.

Среди тех вопросов, которые рассматривались на Краковском совещании, был и вопрос о финансах. Всего за 1912 г. ЦК израсходовал 42 826 франков, к началу года в его кассе оставалось 7500 франков. Но если в первой половине года расход составлял 33 229 франков, то во второй — 9596 франков. Это было связано не только с разгромом ЦК, но и с сокращением денежных поступлений. За первую половину приход составил 3974 франка, за вторую — 830, всего 4804. Следовательно, дефицит достиг 30 522 франков [14]. Каким образом он был покрыт, мы не знаем.

В таком положении ЦК не мог вести активную политику. «Выяснилось, — читаем мы в одном агентурном донесении, — что благодаря отсутствию средств в пределах России на партийном содержании может жить только один представитель ЦК. Таковым, несмотря на свои отказы по принципиальным соображениям, назначен „Коба", коему и ассигновано по 60 руб. в месяц. „Ленин" получает от „Правды" по 100 руб. в месяц; таковую же сумму получает от редакции названной газеты и „Зиновьев"» [15].

В связи с этим Краковское совещание постановило: «Поручить депутатам Петровскому и Малиновскому обратиться в городе Москве к Кржижановскому, Никитичу (Л. Б. Красину. — *А.О.*) и некоему Радченко и в Петербурге к присяжному поверенному Соколову, а по указанию последнего и к другим лицам — с просьбой ссудить или помочь добыть деньги. Фактически все переговоры с перечисленными лицами будет вести ныне прибывшая в г. Москву жена Максима Горького (Андреева),

которая связалась с проживающим здесь по М. Никольскому переулку Павлом Карловичем Штербергом» {16}.

По окончании совещания И. В. Джугашвили на некоторое время задержался в Кракове. Судя по всему, ему было предложено принять участие в подготовке очередного, тридцатого номера издававшейся в эмиграции газеты «Социал-демократ», для которой им были написаны две статьи: «Выборы в Петербурге» и «На пути к национализму» {17}.

Именно в это время (в начале 1913 г.) Департаментом полиции было перлюстрировано письмо: «Здравствуй, друже. Целую тебя в нос по-эскимосски. Скучаю без тебя чертовски. Скучаю, клянусь собакой. Не с кем погулять. Не с кем по душам поболтать, черт тебя задави. Неужели все-таки не переберешься в Краков?» {18}Несмотря на то что автор письма полицией установлен не был, есть основания думать, что оно вышло из-под пера И. В. Джугашвили. Это письмо представляет собой очень интересный документ. Оно не только ярко характеризует его автора, но и показывает, что чувствовал он себя в Кракове не очень уютно, а та работа, которой он занимался, не радовала его.

Через некоторое время после окончания Краковского совещания И. В. Джугашвили отправился в Вену и поселился на квартире, которую снимал сын бакинского купца депутат Государственной Думы Матвей Иванович Скобелев {19}. Здесь, в Вене, И. В. Джугашвили впервые встретил Н. И. Бухарина {20}и столкнулся с Л. Д. Троцким {21}.

«В 1913 г., — вспоминал Троцкий, — в Вене, в старой габсбурговской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. Сын богатого бакинского мельника Скобелев был в то время студентом и моим политическим учеником… Мы пили душистый русский чай и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно распахнулась, без предупредительного стука на пороге появилась незнакомая мне фигура невысокого роста со смуглым отливом лица, на котором ясно видны были следы оспы». Не поздоровавшись, не сказав ни слова, незнакомец налил чая и молча удалился. Это был И. В. Джугашвили [22].

Другой квартирой, на которой И. В. Джугашвили жил в Вене, была квартира Трояновских. «К нам на квартиру, — вспоминала жившая с ними О. С. Вейланд, — ежедневно приходил Бухарин и одно время жил т. Сталин» [23].

Одна из причин задержки И. В. Джугашвили в Вене была связана с переработкой им своей статьи «Марксизм и национальный вопрос», первый вариант которой находился в редакции журнала «Просвещение» [24]. Об отношении к этой работе свидетельствует письмо Кобы, адресованное Р. В. Малиновскому: «Вена. 2 февраля (20 января. — *А.О.*) 1913 г. „Василий“ в Петербург. Роману Вацлавовичу Малиновскому. Пески. Мытнинская, 25, кв. 10. От Василия. Здравствуй, дружище. Пока сижу в Вене и… *пишу всякую ерунду.* Увидимся. Прошу ответить на следующие вопросы: 1) Как дела с „Правдой“? 2) Как у вас, во фракции, дела? 3) Как поживает группа? 4) Как чувствуют себя А. Ш. и Би[на], 5) Как чувствует себя Алексей?

Обо всем этом ничего определенного не знает Ильич и волнуется. Если у тебя нет времени, пусть Б[адаев] немедля напишет. Передайте Ветрову, чтоб он не печатал „Национальный вопрос", а переслал его сюда. Адрес: Вена. Шленбрунер Шлеестрассе, № 30, 7, г. Трояновскому. Статью нужно прислать по возможности сегодня же. Письмо Б-ны в Вену получено. Галина шлет ей и тебе привет. Галина говорит, что оставленное ей тобою письмо она передала Ильичу для передачи тебе, но Ильич, очевидно, забыл передать тебе. Я буду скоро у Ильича и постараюсь отобрать у него для пересылки тебе. Привет Стефании с реб. Твой Василий» {25}.

Из этого письма явствует, что 20 января/2 февраля 1913 г. И. В. Джугашвили находился в Вене и, вероятнее всего, жил у Трояновских.

22 января (4 февраля) из Вены А. А. Трояновский направил в Петербург две телеграммы: одну в адрес редакции журнала «Просвещение»: «Ждем статью Сталина о национальном вопросе. Почему не шлете» {26}, другую на имя Р. В. Малиновского: «Справьтесь, пожалуйста, не умер ли случайно Ветров. Ни слова не пишет и номера не выпускает. Что сие значит… Василий очень просит вернуть его статью по национальному вопросу сюда к нам» {27}.

23 января статья наконец была получена. На следующий день, 24 января (6 февраля), А. А. Трояновский телеграфировал в редакцию «Просвещения»: «Статью Сталина вчера наконец получил. Спасибо» {28}.

Только после этого И. В. Джугашвили получил возможность внести в статью необходимые дополнения и исправления. Главным образом это касалось использования работ австрийских социал-демократов по национальному

вопросу. А поскольку познания самого И. В. Джугашвили в этой области были ограничены, в качестве переводчика его консультировала Ольга Вейланд [29]. Имеются сведения, что некоторую помощь ему мог оказывать также Н. И. Бухарин [30].

В курсе этой работы находился и В. И. Ленин. В первой половине февраля 1913 г. он писал А. М. Горькому: «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посурьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для „Просвещения" большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы» [31].

Доработка статьи (после ее получения) заняла около двух-трех недель, после чего не позднее 14 февраля И. В. Джугашвили отправился в обратный путь и не позднее 16-го был в Питере [32].

Преданный Малиновским

18 февраля Департамент полиции перехватил письмо, посланное из Петербурга и датированное 17 февраля. Анализ его стилистических особенностей дает основание утверждать, что оно вышло из-под пера И. В. Джугашвили [1]. В нем говорилось: «Ну-с, друзья, приехал. Пока ничего определенного не могу сообщить. Вакханалия арестов, обысков, облав — невозможно видеться с публикой, нужно подождать до 21 февраля. Успел видеться только с шестеркой. Результат — „приветствие работницам" семи депутатов… [2]С Ветровым увижусь завтра. Закупорился, черт, никак не найдешь… Наши сплошь заболели. До следующего письма. Привет Галине. Галочке пришлю шоколадку (Галина Розмирович — жена Трояновского. — *А.О.*). Жду с не-

терпением латышку, — хочу поехать с ней в Ригу, одному поехать скушно» {3}.

В Петербурге И. В. Джугашвили поселился на Шпалерной улице в доме № 44–6, в квартире № 32, которую снимали депутаты Государственной Думы А. Е. Бадаев и Ф. Самойлов {4}.

Ко времени его возвращения произошло событие, которое имело для партии большевиков особое значение. «Как-то на Рождество, зимой 1912–1913 гг., — вспоминал бывший присяжный поверенный А. Никитин, — пришли ко мне товарищи Александр Николаевич Потресов и Дан (Федор Ильич Гурвич) и сказали, что они получили из Вологды, из ссылки письмо от Плетнева или кого-то другого, которые сообщали, что подозревают Малиновского в сношениях с охранным отделением» {5}.

По свидетельству Л. О. Дан (урожденной Цедербаум), на страницах газеты «Луч» появилась заметка, автор которой обозначил свою фамилию буквой «Ц» и в которой он впервые открыто бросил подобное обвинение в адрес Р. В. Малиновского. Автором статьи был меньшевик Циоглинский, но большевики решили, что «Ц» — это Цедербаум, поэтому в семью Цедербаумов был направлен И. В. Джугашвили. Как вспоминала Л. О. Дан, «к ней на квартиру пришел, добиваясь прекращения порочащих Малиновского слухов, большевик Васильев (среди меньшевиков его называли Иоська Корявый). Это был не кто иной, как Сталин-Джугашвили» {6}.

Между тем почти сразу же по возвращении в Петербург, благодаря как раз Р. В. Малиновскому, И. В. Джугашвили попал в поле зрения Департамента полиции. 20 февраля вице-директор Департамента полиции С. Е. Виссарионов сообщил Петербургскому охранному отде-

лению: «Помянутый в записке Вашего Высокопревосходительства от 13 февраля за № 2756 „Коба“, в установке Джугашвили, вернулся в Петербург; настоящее его местожительство неизвестно, но имеются сведения, что он останавливается в Петербурге по адресу: Большой Сампсониевский проспект, д. 16, (кв. 63)» {7}.

Среди тех вопросов, от которых во многом зависела деятельность ЦК РСДРП и которые прежде всего встали перед И. В. Джугашвили по возвращении в Россию, особое значение имели два: о деньгах и дальнейшем издании газеты «Правда».

В отсутствие И. В. Джугашвили для переговоров по этому поводу в Петербург специально был вызван отбывавший ссылку в Астрахани С. Г. Шаумян {8}. Первоначально планировалось именно на него возложить обязанности технического редактора. Однако в значительной степени под влиянием Р. В. Малиновского его кандидатура была отклонена и на эту должность приглашен М. Е. Черномазов, о чем И. В. Джугашвили и сообщил С. Г. Шаумяну {9}.

Об этом свидетельствует письмо неизвестного автора, адресованное С. Г. Шаумяну и относящееся к февралю 1913 г.:

«Никитич обещал в случае его переезда в Питер предоставить тебе работу. Л. Манташев ответил моему посланнику, что для тебя сделает все, если продажа его фирмы не состоится (фирма Манташев и К °продается „Генеральному обществу“, которое образовалось из Лионозова, Каспийско-Черноморского, Мазута и Каспийского товарищества, еще, кажется, Шихова и др. Директором намечается А. О. Гукасов). У них теперь совещание здесь. Все нефтяные короли в Питере. Фролов тоже

здесь. Он иногда бывает у них во время совещаний, и он думает, что эти фирмы сольются. После этого совещания лично схожу к Манташеву. Он ничем кроме беговых лошадей, говорят, не интересуется (адрес его — Морская, 59). Кроме того, после амнистии намечалось преобразование редакции „Правды". Предполагалось составить коллегию во главе с тобой (с согласия Ильича), которая взяла бы эту газету в руки. Это отняло бы у тебя (и меня) несколько вечерних часов. Без тебя я тут ни ногой… Я о всех этих комбинациях имел разговор с К-ба, который, как он мне говорил после, написал тебе, судя по его словам, несколько иное (он, между прочим, заболел 23 февраля, как раз накануне был у меня, и уже обнаружились признаки болезни)» {10}.

26 февраля Департамент полиции перлюстрировал еще одно письмо из Петербурга, которое было направлено в Германию (по адресу: Бреславль, Гумбольтштрассе, владельцу табачной фабрики Густаву Титце) и ошибочно датировано 25 февраля {11}. Автор этого письма тоже не был установлен. Однако есть основания думать, что оно принадлежало И. В. Джугашвили.

Учитывая новизну и значимость этого документа, привожу его полностью:

«Здравствуй, друг! Получили ли мое первое письмо?

1) В кооперативе дела обостряются. Наши стоят крепко. Те наступают, собственно, наступали. Но теперь роли переменились. Посмотрим, что выйдет. Я рад, что № 3 (Малиновский. — *А.О.*) и № 6 (Петровский. — *А.О.*) работают дружно. Одно нехорошо: сведущих лиц нет. Я один не смогу угнаться за всем. Помогайте.

2) В В. (по всей видимости, речь идет о редакции газеты „Правда". — *А.О.*) дела неважно обстоят. У нас в руках все права, но сил нет, легальных сил. Система руководства извне ни к чему, это все сознают. С № 46 я буду посылать по статье или по две, но это не есть, конечно, руководство. Повторяю, нужны люди, но внутри В. и непременно легальные. Мы хотим пригласить Сурена и [Молония]. Пусть Ильич немедля напишет нам: имеет ли он что против такого приглашения. Алексей пропал куда-то. Как только появится на горизонте, поймаем и пристроим. А он должен появиться. Д. Бедный обеспечен. Бина уехала в Москву по делу московской газеты. Должно быть, дела пойдут хорошо. Да, представьте себе, Ольминский сделался зубастым, клянусь собакой… Даже химик — эх-ма…

3) Ветрова увижу сегодня, не могу никак поймать, закупорился, черт, ввиду вакханалии арестов. Напишу о нем.

4) Виделся с Крассом (Н. Г. Полетаевым. — *А.О.*). Говорили с вечера до утра, черт меня дери. Денег у него, по-видимому, нет. „Около 3000, пожалуй, достану". Я сказал, что „рублей 1000, пожалуй, достанем". Он обрадовался и сказал, что если это нужно, то он „сегодня же" поедет, лишь бы дали ему деньги на проезд. Ввиду денег я ответил уклончиво, тем более что № 3 очень недоверчиво относится к нему. Условия Красса: 1) дать ему, Крассу, газету на старых звездовских началах, т. е. он хозяин и нанимает, кого найдет нужным. Само собой понятно, он, Красс, по-старому бек и будет на страже в духе соответствующем, 2) у него в редакции будут кроме него самого Гегечкори и Покровский. Причем Гегечкори требует, чтобы Костров был принят в число сотрудников, на что Красс согласен. Красс думает провести Гегечкори.

Он не поместит ни одной статьи Кострова, хотя формально последний будет числиться сотрудником, и таким образом мало-помалу подвергнет Гегечкори такой же эволюции, какой он подверг одно время Покровского. Словом, маленькая авантюра. Я ему сказал, что могу ответить не ранее двух недель. Он поехал в Москву к Никитичу по „частным делам", а ходят слухи, что едет за деньгами. Быть может, не мешало бы дать ему рублей 100 на поездку к вам. Стоит ли, право, не ручаюсь… Я еще поговорю с ним.

5) Дела с библиотекой „Правды" пока стоят. Существование „Прибоя" мешает делу. „Прибой" организован на паевых началах (14 членов), причем более половины беки (хотя ничего антиликвидаторского не хотят, но ждут положительной работы). Беда в том, что № 3, кажется, уже завлекли, и теперь ему (№ 3) трудно выпутаться. Но он выпутается, конечно. Пока приходится ждать. Проклятие, безлюдие сказывается во всем…

6) Как дела с ЦО? Если хотите, я могу дать ЦО обзор двухмесячной борьбы-работы в Питере. Кажется, нелишне будет. Сообщите, если нужно.

7) У нас из ЦО известий мало. Если есть у вас человек, пусть приедет с ношей (только умело и чисто) к № 3. Адрес знаете. Перед отправкой сообщите. Нужны ЦО и „Известия" до зарезу. Несколько сот штук.

Семерка и „Луч" в ссоре. Семерка хочет пригласить людей для того, чтобы осудить Дана. Мы своей компанией хотим их еще больше рассорить.

Друзья, немедля пришлите бакинские адреса: хотим организовать скандал Скобелеву» {12}.

Вечером 23 февраля 1913 г. на Калашниковской бирже был организован бал-маскарад, сбор от которого должен был пойти на благотворительные цели. Не исключено, что часть этих средств планировалось использовать ЦК РСДРП для своих нужд. Одним из организаторов этого мероприятия был друг М. И. Фрумкина присяжный поверенный Николай Николаевич Крестинский [13].

Кто пригласил И. В. Джугашвили на бал-маскарад, выяснить не удалось, но показательно, что, прощаясь с ним в этот вечер, Р. В. Малиновский, встречавшийся перед тем с директором Департамента полиции С. П. Белецким, уже знал, что на Калашниковской бирже И. В. Джугашвили будет арестован [14].

О том, что произошло дальше, через несколько дней сообщила газета «Луч» в статье «Арест во время маскарада»:

«В воскресенье, 24 февраля, в 12 ч. ночи в помещении Калашниковской биржи во время проводившегося там концерта-маскарада, устроенного с благотворительной целью, явились чины охранной полиции и заявили дежурившему в зале полицейскому чину, что среди гостей на маскараде присутствует лицо, подлежащее личному обыску и аресту. Один из агентов охранного отделения был допущен на концерт. В буфетной комнате агент указал полицейскому чиновнику на неизвестного, сидящего за столиком, занятым группой лиц, среди которых находились члены Государственной Думы. Неизвестный был приглашен следовать за полицейским чином и после безрезультатного обыска арестован и передан чинам охранного отделения. Назвать себя при аресте неизвестный отказался» [15].

Почти сразу же после ареста И. В. Джугашвили Департамент полиции перехватил следующее письмо из Петербурга в Краков для В. И. Ленина:

«Пишу Вам, как влюбленный, каждый раз прилагаю „портрет". Ах, дядя, в сем виде я был на днях вверженъ в узилище. Вам, вероятно, уже написали об этом. Увы. Не придется Вам радоваться моему освобождению, так как позавчера „вверженъ бысть" наш милый „дюша-грузинчик". Черти его принесли или какой дурак привел на свой „вечер". Это было прямо нахальство идти туда. Я не знал о его пребывании в Питере и был ошарашен, узревши его в месте людне. „Не уйдешь", — говорю. И не ушел. Все теперь на бобах, и я в частности. Мы уже стали толковать о реорганизации… и назначили День для детального обсуждения, но… Мне было приятно узнать от Василия, что Вы относитесь ко мне любовно… Кто-то мешает. Ума не приложу, кто… Изъятие грузина прямо сразило меня. У меня такое чувство, что и я скачу по тропинке бедствия, как и всякий другой, кто будет способствовать обновлению редакции. „Кто-то" мешает, и „кто-то" сидит крепко» {16}.

Это письмо, по сути дела, было сигналом о провокации в верхах партии. Однако Краков на подобные предупреждения почему-то не реагировал.

Выше уже отмечалось, что на Краковском совещании в состав Русского бюро были введены И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов, а обязанности его третьего члена по очереди должны были исполнять Р. В. Малиновский и Г. И. Петровский. После того как 10 февраля был арестован Я. М. Свердлов, а 23 февраля — И. В. Джугашвили, в Русском бюро остались только два члена —

Р. В. Малиновский и Г. И. Петровский, причем первый занял в нем лидирующее положение.

Поскольку И. В. Джугашвили был арестован в ночь с субботы на воскресенье, можно было ожидать, что Петербургское охранное отделение рапортует о его задержании не ранее понедельника, 25-го. Однако его начальник уже утром 24-го поставил в известность о произошедшем ночью аресте как директора Департамента полиции [17], что было не совсем обычно, но вполне понятно, так и министра внутренних дел [18], факт явно неординарный. И тогда же, утром 24-го, директор Департамента полиции С. П. Белецкий дал Особому отделу распоряжение срочно составить справки на И. В. Джугашвили и Ф. Голощекина [19]. Заказ на справку с грифом «экстренно» был получен Регистрационным отделением Центрального справочного алфавита в 12.38, в 13.50 «Справка по ЦСА» на четырех листах была представлена в Особый отдел [20], после чего началось срочное составление самой справки об И. В. Джугашвили. В этот же день она была представлена С. П. Белецкому.

«Вследствие приказания Вашего превосходительства, — писал заведующий Особым отделом А. М. Еремин, — имею честь представить краткие справки на членов Центрального комитета Российской социал-демократической партии Шаю Голощекина и Иосифа Джугашвили» [21].

В чем заключалась причина подобной спешки, остается неизвестным. Однако обращает на себя внимание то, что если справка на Ф. Голощекина отложилась в архиве Особого отдела Департамента полиции [22], то подобная же справка на И. В. Джугашвили сохранилась не только в архиве Департамента полиции

{23}, но и в архиве Управления дворцового коменданта {24}. Возникает вопрос: не была ли она составлена по распоряжению дворцовой полиции? И не явилось ли это распоряжение причиной столь экстренного ее составления? Если принять такое допущение, получается, что дворцовая полиция получила информацию об аресте И. В. Джугашвили сразу же после его задержания {25}.

Две недели И. В. Джугашвили числился за Петербургским охранным отделением, и только 7 марта охранка передала его Петербургскому губернскому жандармскому управлению {26}. 11 марта здесь на основании «Положения об охране» была начата переписка по выяснению его политической благонадежности. Вести ее было поручено полковнику Леониду Николаевичу Кременецкому, о чем свидетельствует заполненная в этот день «литера А» № 5690, на основании которой 13 марта в 7-м делопроизводстве появилось дело № 392 «По наблюдению за производящейся в порядке Положения о государственной охране переписке о крестьянине Иосифе Джугашвили» {27}.

Трудно сказать почему, но внимание Л. Н. Кременецкого привлекло этапирование И. В. Джугашвили из Баку к месту первой сольвычегодской ссылки, и он сделал попытку проверить связанную с ним документацию. Направленный им запрос поставил бакинского градоначальника в тупик. Не обнаружив в своей канцелярии необходимых материалов, он 28 марта обратился к полицмейстеру с просьбой сообщить, «было ли донесено об исполнении предложения г. градоначальника от 4 ноября 1908 г. за № 4204 о высылке этапным порядком в Вологодскую губернию Иосифа Виссарионова Джугашвили и, в утвердительном случае, когда и за каким номером»

{28}. 30 марта полицмейстер доложил, что «сообщение о высылке Джугашвили в Вологодскую губернию [было] послано в канцелярию бакинского градоначальника 30 ноября 1908 г. за № 2068» {29}. Как явствует из справки, приложенной к этому ответу, «по общей регистратуре № 2068 в получении не значится» {30}. 7 июня градоначальник обратился к полицмейстеру с вопросом, нет ли ошибки в его ответе {31}. После почти двухмесячного размышления, 2 августа, полицмейстер ответил, что ошибки в его ответе нет, но установить «по разносным книгам, под чью расписку сдали пакет под № 2068, не представляется возможным ввиду *ветхости* *недостачи* последнего» {32}. 10 августа градоначальник запросил копию уведомления № 2068 от 30 ноября 1908 г. {33} В Баку не удалось обнаружить и копию этого документа. Поэтому 31 августа бакинский градоначальник обратился с просьбой «прислать копию с уведомления бакинского полицмейстера» о высылке И. В. Джугашвили в Вологодскую губернию. Бакинский градоначальник обратился к вологодскому полицмейстеру {34}. Только после этого поступило сообщение о том, что отношение бакинского полицмейстера № 2068 было получено 15 ноября 1908 г. и 5 марта 1909 г. за № 2307 отослано по месту водворения И. В. Джугашвили сольвычегодскому уездному исправнику {35}.

Чем примечательна эта переписка? Одно из двух: или в канцеляриях бакинского градоначальника и полицмейстера не существовало порядка в делопроизводстве, или же некоторые материалы, связанные с высылкой И. В. Джугашвили в 1908 г., исчезли Уже к 1913 г.

13 марта состоялся первый допрос И. В. Джугашвили, и на его основе 15 марта была составлена «литера Б» № 6083 [36]. Судя по всему, в этот же день было произведено фотографирование и оформление регистрационной карты [37]. На этот раз переписка продолжалась немногим более месяца. 18 апреля она была завершена. 19-го генерал-майор Митрофан Яковлевич Клыков подписал постановление, в котором предлагалось вернуть И. В. Джугашвили в Нарымский край «на срок по усмотрению Особого совещания» [38]. 20 апреля в Департамент полиции была направлена «литера Г» № 8654 [39], а материалы переписки препровождены петербургскому градоначальнику [40]. 23-го за № 9270 он представил их в Министерство внутренних дел, откуда через 5-е делопроизводство они поступили в Особое совещание [41]. В связи с этим в 5-м делопроизводстве появилось дело № 245. Ни в фонде Департамента полиции, ни в личном фонде И. В. Сталина обнаружить его не удалось [42]. 7 июня министр внутренних дел Н. А. Маклаков утвердил постановление Особого совещания, в соответствии с которым И. В. Джугашвили подлежал высылке в Туруханский край на четыре года [43].

Если учесть, что на счету И. В. Джугашвили было два года десять месяцев неотбытой нарымской ссылки, а Департамент полиции имел полное представление о его положении внутри партии, то принятое решение нельзя не признать либеральным.

ПРИМЕЧАНИЯ

В новой роли

[1]*Кавтарадзе С. И.*Из воспоминаний о товарище Сталине. Ворошиловград, 1936. С. 3–4.

[2]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других сообщений. Зимнее движение 1911–1912 гг. Отд. III. С. 136–137, 142–143.

[3]*Розенталь И. С.*Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 82.

[4]Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 143, 164.

[5]*Кавтарадзе С. И.*Из воспоминаний о товарище Сталине. С. 3–4.

[6]Ленинградская правда. 1939. 17 нояб.

[7]*Мительман М.*Сталин в Петербурге // Литературный современник. 1939. № 12. С. 134.

[8]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 53 (В. Л. Швейцер).

[9]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–7-В. Л. 29 об.

[10]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 534. Л. 1–3 (М. К. Агаян).

[11]*Эмексузян В. С.*Сурен Спандарян. Красноярск, 1982. С. 27–28.

[12]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 540. Л. 60.

[13]*Познер С. М.*Из истории революционной деятельности тов. Сталина в годы революционного подъема // Исторические записки. Т. 30. М., 1949. С. 89.

[14]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5085. Л. 1. Опубликовано: Рабочее движение в Азербайджане в годы нового революционного подъема (1910–1914 гг.): Документы и материалы. Ч. 1. Баку, 1967. С. 201.

[15]Там же. С. 205; Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 25.

[16]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 54.

[17]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5. пр. 2. Л. 2246. Опубликовано: Красный архив. 1941. Т. 2(105). С. 26.

[18]Дело провокатора Малиновского. С. 143.

[19]*Лурье М.*Сталин в Петербурге в годы революционного подъема. С. 33.

[20]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5, пр. 2. Л. 234; Красный архив. 1941. Т. 2(105). С. 26; Джанибекян В. Провокаторы. Воспоминания, мысли и выводы. М., 2000. С. 49.

[21]*Познер С. М.*Из истории революционной деятельности товарища Сталина в годы революционного подъема. С. 90–91. См. также: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5, пр. 2. Л. 236.

[22]Там же.

[23]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5, пр. 2. Л. 235.

[24]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 26.

[25]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–57-В. Л. 15. При публикации этого документа из него было исключено упоминание фамилии Н. М. Гванцеладзе (Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 26).

[26]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 55, 56, 63.

[27]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5, пр. 2. Л. 249–249 об.; Красный архив. 1941. Т. 2(105). С. 26.

[28]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5, пр. 2. Л. 249–249 об.

[29]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 136а. Л. 1.

[30]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–57-В. Л. 12.

[31]ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Ч. 1. Д. 1027 (Н. Г. Полетаев). 27 л. Частично опубликовано: *Полетаев Н. Г.*Как родились «Звезда» и «Правда» // Правда. 1925. 5 мая.

[32]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 225–247.

[33]Там же. Т. 5. М., 1947. С. 130.

[34]*Аросев А. В.*М. Молотов // Энциклопедический словарь библиографического института Гранат. Т. 41. Ч. 2. С. 62–63; *Денике Ю.*Купеческая семья Тихомировых // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. № 68. С. 281–286.

[35]Там же. С. 282; *Савельев С.*Наше старое боевое знамя // Большевистская печать. 1939. № 5. С. 15; *Москалев М.*Русское бюро ЦК большевистской партии. 1912 — март 1917 г. М., 1947. С. 84.

[36]Федор Раскольников о времени и о себе: Воспоминания, письма, документы Л., 1989.

[37]*Раскольников Ф.*Пламенная большевистская газета // Большевистская печать. 1939. № 5. С. 20; *Шидловский Г.*Конференции, обыски, разгромы, аресты… // Там же. С. 27.

[38]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 70 (В. Л. Швейцер).

[39]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 186. Л. 2 об. (литера Б.).

Нарым: туда и обратно

[1]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 186. Л. 2–3 (литера Б.).

[2]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–57-В. Л. 17; Ср.: Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 26.

[3]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–57-В. Л. 16.

[4]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 186. Л. 1.

[5]Там же. Л. 3.

[6]Там же. Л. 1.

[7]Там же. Д. 214. Л. 13 об.

[8]*Перегудова З. И.*Политический сыск в России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 397–398.

[9]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 186. Л. 2–3.

[10]Там же. Л. 4.

[11]Там же. Л. 1–2.

[12]Там же. Д. 190. Л. 3.

[13]Там же.

[14]*Эмексузян В. С.*По ленинскому пути: члены Русского бюро ЦК РСДРП и его агенты в сибирской ссылке. 1912 — февраль 1917 г. Красноярск, 1979. С. 24.

[15]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 244. Л. 199–200; *Стасова Е. Д.*Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. С. 100.

[16]*Кровицкий Г. А.*Путь старого большевика: К 60-летию Е. Д. Стасовой. М., 1933. С. 51.

[17]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1913. Д. 1413. Л. 26.

[18]Там же.

[19]*Кровицкий Г. А.*Путь старого большевика. С. 51.

[20]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5, пр. 3. Л. 1д.; *Шварц-Шварцман Д. В.*Из революционного прошлого (Киевская организация РСДРП и Пражская конференция) // Вопросы истории КПСС. 1967. № 1. С. 115–120.

[21]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 20. Л. 74–75.

[22]Там же. Л. 74 (В. Л. Швейцер).

[23]Там же Л. 75.

[24]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2, 5; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 190. Л. 3–4. Опубликовано с сокращениями: Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 27.

[25]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.

[26]Там же. Л. 5. 25 июня «Список о состоящем под гласным полицейским надзором» И. В. Джугашвили был составлен в Петербургском доме предварительного заключения (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4, Д. 190. Л. 5–6).

[27]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 40. 20 л.

[28]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. С. 418.

[29]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 190. Л. 9.

[30]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.

[31]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 190. Л. 9.

[32]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.

[33]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 190. Л. 9.

[34]Там же. Л. 10–11; Оп. 1. Д. 4356. Л. 1–4.

[35]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 40. Л. 9; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4354. Л. 1.

[36]ГАРФ. Ф. 1764. Оп. 1. Д. 40. Л. 8.

[37]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 190. Л. 1–4.

[38]Там же. Л. 5–7.

[39]Там же. Д. 190.

[40]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Вып. 36: Летнее движение 1912 г. СПб., 1912. Отд. V. С. 7.

[41]Дни. 1928. 24 янв. (С. Верещак).

[42]*Песикина Е.*В Нарыме // Правда. 1939. 26 дек.

[43]Дни. Париж, 1928. 24 янв. (С. Верещак).

[44]*Песикина Е.*В Нарыме // Правда. 1939. 26 декабря.

[45]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Вып. 36: Летнее движение 1912 г. Отд. V. С. 7.

[46]Там же. С. VIII.

[47]Там же. II отд. С. 188.

[48]Там же.

[49]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 437–438 (А. Аавик).

[50]Там же. Д. 190. Л. 15. Опубликовано: Нарым: Очерки и статьи. Новосибирск, 1936. С. 13–14; Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 27.

[51]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 190. Л. 16.

[52]Там же. Л. 15 об.

[53]Там же.

[54]Там же. Л. 17.

[55]Там же. Л. 17 об.

[56]Там же. Л. 18.

[57]Там же. Л. 19.

Петербург — Краков — Петербург

[1]*Мительман М.*Сталин в Петербурге (1912–1913 гг.) // Литературный современник. 1939. № 12. С. 139.

[2]*Кавтарадзе С. И.*Из воспоминаний // Октябрь. 1942. № 11. С. 100.

[3]Там же. С. 101–102.

[4]*Стасова Е. Д.*Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. С. 101.

[5]ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 3844 (А. Е. Аксельрод).

[6]*Бадаев А. Е.*О Сталине // Правда. 1939. 19 дек.

[7]*Великанова А. Я., Кондратьев Б. И., Почебут Г. А.*На пути ко второму штурму. Большевики Петрограда между двумя революциями. 1907–1917. Л., 1974.

[8]Весь Петербург на 1914 г. С. 340, 578, 583; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5. пр. 3. Л. 20–21.

[9]Там же.

[10]*Мительман М.*Сталин в Петербурге. С. 132–147; *Познер*С. *М.*Из истории революционной деятельности товарища Сталина в годы революционного подъема. С. 94–95.

[11]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 381. Л. 16–17 (Г. Н. Гомон).

[12]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 665. Л. 364–365.

[13]Гори. Д. 448. Л. 1–4 (В. Л. Швейцер); ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 42. Л. 268 (Саркисян).

[14]Дело провокатора Малиновского. С. 143.

[15]Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Малиновского (май-ноябрь 1914 г.) // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 109.

[16]Дело провокатора Малиновского. С. 164.

[17]Там же. С. 143.

[18]Деятели революционного движения в России. Т. 5. Ч. 1. С. 298.

[19]Дело провокатора Малиновского. С. 143.

[20]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Вып. 36: Летнее движение 1912 г. Отд. II. С. 68–71, 124–125.

[21]*Бибинейшвили Б.*Камо. М., 1934. С. 325–326.

[22]Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Вып. 36: Летнее движение 1912 г. Отд. II. С. 68–71, 124–125.

[23]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 214. Л. 6.

[24]Там же. Д. 209. Л. 1–2.

[25]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. С. 272.

[26]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 263. Л. 3 (В. Савинов); Правда. 1939. 19 дек. (В. Савинов).

[27]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 263. Л. 2–3 (В. Савинов).

[28]Правда. 1939. 19 дек. (В. Савинов).

[29] *Трифонов Ю.*Исчезновение. М., 1988. С. 40.

[30]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1782. Л. 11 (Т. А. Словатинская).

[31]Там же. Ф. 71. Оп. 15. Д. 470. Л. 5, 26 (Т. А. Словатинская).

[32] *Изнаирский С. Н.*Н. Н. Крестинский: Материалы к биографии // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999. С. 174.

[33]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2035. Л. 4. (М. И. Фрумкин).

[34] *Трифонов Ю.*Исчезновение. С. 40.

[35] *Чуев Ф.*Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 297.

[36] *Бадаев А. Е.*Большевики в Государственной Думе. Большевистская фракция IV Государственной Думы и революционное движение в Петербурге. М., 1932. С. 35.

[37] *Трифонов Ю.*Исчезновение. С. 40.

[38] *Бадаев А. Е.*Большевики в Государственной Думе. С. 35.

[39]Там же. С. 36–37; *Лурье М.*Сталин в Петербурге в годы революционного подъема. С. 89.

[40] *Бадаев А. Е.*Большевики в Государственной Думе. С. 40.

[41] *Бадаев А. Е.*О Сталине // Правда. 1939. 19 дек.

[42]Дело Малиновского // Речь. 1917. 17 июня.

[43]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–57-В.Л. 34 (в этот день встречался и обедал с С. И. Кавтарадзе).

[44]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 157. Л. 1–59. В ходе этого наблюдения охранка проверяла адреса Серафимы Меликовны Заваровой, Иоганна Герасимовича Жожикашвили, Ноя Мелитоновича Гванцеладзе, Суры Янкелевны-Фраимовны Готесман, Сильвестра Ясиевича Тодрии, Владимира Григорьевича Козлова, Абеля Шевелевича Левенсона и Моисея Шевеливича Левиисона (Там же. Л. 18–27).

[45]Там же. Д. 193. Л. 2–3.

[46]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–58-Б. Л. 55 об.

[47]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 3. М., 1972. С. 52.

[48]*Розенталь И. С.*Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. С. 90.

[49]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5170. Л. 1.

[50]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 531. Л. 158.

[51]Государственная Дума. Четвертый созыв: Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1913. С. 3.

[52]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 531. Л. 331–332.

[53]Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. С. 55.

[54]*Крупская Н. К.*Воспоминания о Ленине. М., 1957. С. 191.

[55]*Аллилуева А. С.*Воспоминания // Роман-газета. 1947. № 1 (13). С. 38.

[56]Члены Государственной Думы. IV созыв. СПб., 1912.

[57]*Петровский Г. И.*Воспоминания о «Правде» // Правда. 1922. 5 мая.

[58]*Бадаев А. Е.*Большевики в Государственной Думе. С. 42.

[59]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 560. Л. 1; ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3939. Л. 1 (Г. И. Петровский).

[60]*Бадаев А. Е.*Большевики в Государственной Думе. С. 60–61.

[61]*Самойлов Ф. Н.*По следам минувшего. М., 1940.

[62]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 208.

[63]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 532. Л. 62–63.

[64]*Бадаев А. Е.*Большевики в Государственной Думе. С. 60–61; Дело провокатора Малиновского. С. 42; Большевистская фракция IV Государственной Думы. Л., 1938.

[65]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 532. Л. 96.

[66]Там же. Л. 101–101 об.

[67]Там же. Л. 134–135 об.

[68]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 560. Л. 1; ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3939. Л. 1 (Г. И. Петровский).

[69]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 532. Л. 158.

[70]Там же. ОО. 1912. Д. 5–58-Б. Л. 63 об.

[71]Там же. Л. 64–65.

[72]Там же. Л. 64 об.-65; *Великанова А. Я., Кондратьев Б. П., Почебут Г. А.*На путях ко второму штурму.

[73]*Бадаев А. Е.*Большевики в Государственной Думе. С. 90.

В последний раз за границей

[1]ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3941. Л. 1 (Э. Рахья).

[2]Там же.

[3]Там же. Л. 1–2; Ленинградская правда. 1939. 17 нояб.

[4]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–58-Б. Л. 67 об.

[5]ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 3941. Л. 3, 9.

[6]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 189. Л. 65; Ф. 558. Оп. 1. Д. 4899. Л. 1.

[7]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. С. 65; Большевики. 3-е изд. М., 1990. С. 195.

[8]РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 42. Л. 15.

[9]Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 233. Л. 3–5.

[10]Там же.

[11]Исторический архив. 1960. № 2. С. 25.

[12]РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 42. Л. 15 об.

[13]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5–46-Б. Л. 4 об.

[14]Там же.

[15]Там же. Л. 4.

[16]Там же. Л. 4–4 об.

[17]*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. С. 271–284, 285–289.

[18]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 189. Л. 59.

[19] *Троцкий Л. Д.*Портреты революционеров. М., 1991. С. 47. М. И. Скобелев, читаем мы в материалах Департамента полиции, относившихся к 1913 г., «убежденный социал-демократ, поддерживает материально издающуюся в городе Вена газету „Правда"» (донесение от 9 октября 1912 г. № 4107) (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 307. Л. 185).

[20] *Крупская Н. К.*Воспоминания о Ленине. С. 211.

[21] *Троцкий Л. Д.*Портреты революционеров. С. 46.

[22]Там же.

[23]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 233. Л. 5.

[24]См. с. 367, 373.

[25]Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

[26]Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 881. Л. 261.

[27]Там же. Л. 267.

[28]ГАСПИ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 3. Л. 1; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 881. Л. 305.

[29]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 433 (О. Вейланд).

[30] *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. М., 1990. С. 220.

[31] *Ленин В. И.*Полн. собр. соч. Т. 48. С. 162.

[32]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 882. Л. 251.

Преданный Малиновским

[1]Основанием для такого заключения прежде всего является то, что в данном письме применительно к Ветрову употребляется выражение «закупорился, черт». Это

же выражение тоже в отношении Ветрова мы встречаем в другом письме из Петербурга, которое было перлюстрировано 26 февраля 1913 г., что указывает на принадлежность их одному и тому же человеку. Между тем в этом последнем письме используется выражение «клянусь собакой», которое широко использовал И. В. Джугашвили.

[2]В 1913 г. День работницы отмечался 17 февраля (Луч. 1913. 17 февр.).

[3]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 882. Л. 251; ОО. 1913. Д. 5–57-Б. Л. 21.

[4]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 659. Л. 1 (Ф. Н. Самойлов).

[5]Дело провокатора Малиновского. С. 34.

[6]Из архива Л. О. Дан. Амстердам, 1987. С. 101.

[7]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5–57-В. Л. 55.

[8]С. Г. Шаумян был выслан в Астрахань на 5 лет 1 октября 1911 г. и приезжал в Петербург нелегально (*Акопян Г. С.*Степан Шаумян: Жизнь и деятельность. 1878–1918. М., 1973. С. 84, 87).

[9]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 307. Л. 113–115. См. также: РГАСПИ. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2. Л. 55.

[10]Там же. Л. 54–58; Ф. 558. Оп. 4. Д. 211. Л. 1–4; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 307. Л. 113–115.

[11]Там же. Д. 5–57-Б. Л. 36.

[12]Там же.

[13]Там же. Д. 5–57. Л. 73.

[14]Дело провокатора Малиновского. С. 216.

[15]Арест во время маскарада // Луч. Петербург. 1913. 26 февр.

[16]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 882. Л. 344–344об.; ОО. 1913. Д. 5–57. Л. 94.

[17]Там же. Д. 5–57. Л. 115–115 об.

[18]Там же. Л. 108–109.

[19]Там же. 1912. Д. 5–57-В. Л. 59.

[20]Там же. Л. 36–39; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 197. Л. 1–5.

[21]Там же. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5–57-В. Л. 59; Д. 5–57. Л. 94.

[22]Там же. Л. 60.

[23]Там же. Л. 96 (И. В. Джугашвили).

[24]РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 58. Л. 244–244 об.

[25]Во главе дворцовой полиции в это время стоял полковник Борис Андреевич Герарди, отец которого служил на Кавказе и был кумом горийского аптекаря К. И. Шепфа (РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 25670. Л. 7).

[26]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 214. Л. 1, 12–14. Частично опубликовано: Красный архив. 1941. № 2 (105). С. 30.

[27]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 214. В деле 26 листов. Бывшие в нем документы сохранились не полностью. Об этом свидетельствует отсутствие в нем «литеры Г» и постановления Особого совещания. Первая заверительная запись датирована 7 апреля 1925 г. (Л. 27).

[28]Там же. Д. 627. Л. 45.

[29]Там же. Л. 45 об.

[30]Там же.

[31]Там же. Л. 46.

[32]Там же. Л. 47 об.

[33]Там же. Л. 48.

[34]Там же. Л. 51–51 об.

[35]Там же. Л. 52.

[36]Там же. Д. 214. Л. 8–9.

[37]18 марта была составлена «Справка по Центральному справочному алфавиту» (Там же. Л. 16–18).

[38]Там же. Л. 5–7. Опубликовано: Красный архив. 1941.Т. 2(105). С. 31–32.

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 214. Л. 2.

[40]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 31.

[41]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 218. Л. 2.

[42]Каталог Департамента полиции.

[43]Красный архив. 1941. Т. 2 (105). С. 32.

ГЛАВА 5. ТУРУХАНСКАЯ ССЫЛКА

Первые полгода

25 июня из Дома предварительного заключения И. В. Джугашвили был переведен в Петербургскую пересыльную тюрьму [{1}] и 1 июля «при открытым листе тюремной инспекции за № 6431» взят на этап [{2}]. 4 июля, когда он еще находился в пути, в Красноярске в канцелярии губернатора на свет появилось дело «О высылке в Туруханский край под гласный надзор полиции

на 4 года Иосифа Джугашвили». На его обложке имеются четыре пометки, по всей видимости, указывающие на другие дела, в которых фигурировала эта фамилия: Д. 245/1913, 170/914, 83/915, 28/916. Подобная же пометка (36/14) имеется в самом деле (Л. 2) {3}.

Первый документ, открывающий это дело, — письмо Департамента полиции на имя енисейского губернатора от 18 июня 1913 г. с сообщением о высылке И. В. Джугашвили в Туруханский край на четыре года. Однако письмо пронумеровано как лист № 2 {4}. Уже один этот факт свидетельствует о том, что содержавшиеся в данном деле документы дошли до нас не полностью.

Высылка И. В. Джугашвили в Туруханский край должна была повести к возникновению еще как минимум двух подобных же дел: в Енисейском губернском жандармском управлении и Енисейском уездном полицейском управлении. Ни одно из этих дел нам неизвестно. Неизвестна и регистрационная карта Енисейского розыскного пункта на И. В. Джугашвили {5}.

Дорога от Петербурга до Красноярска заняла полторы недели. 11 июля И. В. Джугашвили был уже в «столице» Енисейской губернии {6}, 15 числа с первой же оказией его отправили дальше, в Туруханский край {7}.

И потянулась за бортом тайга, замелькали редкие сибирские деревни. Чем ближе пароход приближался к месту ссылки, тем шире становился Енисей. От находившегося на границе Туруханского края станка Осиново {8}Енисей разливался настолько широко, что с одного берега невозможно было разглядеть другой, так как он сливался с горизонтом. «Енисей здесь широк, — писал Я. М.

Свердлов, — считают, пять верст» [9]. Плывя на пароходе, И. В. Джугашвили должен был почувствовать, что на этот раз ему предстоит отбывать необычную ссылку. В этом его еще более должна была убедить телеграфная линия, которая тянулась вдоль Енисея на север и доходила до села Монастырского [10]. А поскольку другой дороги кроме Енисея не существовало, перехватить беглеца не представляло труда.

20 июля, когда И. В. Джугашвили еще находился в пути, В. И. Ленин из Кракова направил ему денежным переводом 120 франков, что по тогдашнему курсу составляло около 60 руб. [11]27 июля в Поронино открылось очередное партийное совещание с участием членов ЦК РСДРП. На этом совещании было решено организовать И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлову побег [12]. Сразу же по возвращении в Россию Р. В. Малиновский проинформировал о принятом решении Департамент полиции. И уже 25 августа в адрес Енисейского ГЖУ за подписью и. о. директора Департамента полиции А. Т. Васильева полетело письмо с сообщением о подготовке побега названных лиц и рекомендацией принять все необходимые меры к его недопущению [13].

Долгое время «столицей» Туруханского края был заштатный город Туруханск. Затем она была перенесена в село Монастырское [14]. Сюда И. В. Джугашвили прибыл 10 августа, т. е. на 26-й день пути [15].

В рассматриваемое время «хозяином» Туруханского края был полицейский пристав Иван Игнатьевич Кибиров [16]. Имеющиеся в воспоминаниях указания на его осетинское происхождение [17]позволили установить, что в 1906–1907 гг. он занимал должность помощника пись-

моводителя Бакинского городского полицейского управления [18]. В «Кавказском календаре на 1908 г.» он фигурирует в качестве помощника пристава 3-го, а в справочнике «Весь Баку на 1908 г.» помощника пристава 6-го участка [19]. Затем, в 1910 г., мы снова видим его в канцелярии Бакинского полицейского управления [20]. С 1911 г. фамилия И. И. Кибирова исчезает из «Кавказского календаря» [21], зато появляется в «Памятной книге Енисейской губернии» [22]. Перевод И. И. Кибирова в Туруханск, несомненно, был связан к какими-то должностными прегрешениями и представлял для него почетную ссылку.

16 августа 1913 г. И. В. Джугашвили написал на имя туруханского пристава заявление: «Сим имею честь заявить, что постоянных источников существования у меня не имеется, ввиду чего и прошу сделать представление куда следует о том, чтобы мне выдавали положенное пособие» [23].

Считается, что по прибытии в Туруханский край И. В. Джугашвили был направлен для отбывания срока ссылки в село Костино [24]. До сих пор никаких документальных данных на этот счет не приведено. Между тем сохранились документы 1913 г., в которых И. В. Джугашвили значится как проживающий в станке Мироедиха [25]. Удалось, в частности, обнаружить «Требовательскую ведомость об отпуске пособия от казны лицам, состоящим под гласным надзором полиции в Туруханском крае Енисейской губернии на сентябрьскую треть 1913 г.», т. е. на сентябрь — декабрь. В этой ведомости И. В. Джугашвили тоже фигурирует как проживающий на станке Мироедихд, причем против его фамилии имеется пометка «вновь прибывший». А в графе «С како-

го времени надлежит назначить пособие?» указано: «С 10 августа 1913 г., 15 руб.» {26}. Это дает основание утверждать, что первоначально И. В. Джугашвили был направлен для отбывания ссылки в Мироедиху, которая находилась на 25 верст южнее села Монастырского, и только затем переведен в Костино, располагавшееся на 138 верст южнее Мироедихи [60].

Когда именно и почему это произошло, остается не совсем ясным. Не ясно и то, почему данный факт официальная историография предпочитала обходить стороной. В поисках ответа на данный вопрос нельзя не обратить внимание на то, что здесь, в Мироедихе, отбывал ссылку И. Ф. Дубровинский, утонувший в Енисее при до конца не выясненных обстоятельствах в мае 1913 г. {27}.

После смерти И. Ф. Дубровинского осталась библиотечка, которая на некоторое время оказалась бесхозной. По некоторым мемуарным данным, по прибытии в ссылку И. В. Джугашвили «конфисковал» ее в свою пользу и тем самым сразу же вызвал недовольство других ссыльных {28}. Если принять эту версию во внимание, сразу же станет понятно и то, почему И. В. Джугашвили через некоторое время предпочел перебраться в Костино, и то, почему официальные биографы И. В. Сталина предпочитали не вспоминать о его пребывании в Мироедихе.

В Мироедихе И. В. Джугашвили пробыл около двух недель. В начале сентября мы видим его уже в Костине. Об этом свидетельствует доверенность на имя начальника почтового отделения в селе Монастырском, написанная 1-го числа: «Сим заявляю, что посылки и корреспонденцию, получаемые на имя Иосифа Виссарионовича Джугашвили, должны быть переправлены в деревню Костино, где живу ныне и буду жить впредь. Мне передали,

что на мое имя [уже] получена денежная повестка, причем почему-то до сих пор не передана мне, должно быть, по какому-либо недоразумению или, быть может, по забывчивости почтальона. Прошу означенную повестку переслать в Костино» {29}.

О том, с кем должен был И. В. Джугашвили отбывать свой срок в селе Костино, мы можем узнать из «Списка административно-ссыльных Туруханского края, состоящих под гласным надзором полиции к 1 января 1914 г.». В нем кроме И. В. Джугашвили на «станке Костинском» значатся Николай Петрович Хачидзе, Алексей Уплисович Хачидзе, Исидор Истомович Хачидзе и Леонид Павлович Яковлев {30}.

Прибыв в село Монастырское, И. В. Джугашвили сразу же направил в Краков Г. Е. Зиновьеву (по адресу: ул. Любомирская, д. 37), новое письмо: «Я, — писал он, — как видите, в Туруханске. Получили ли письмо с дороги? Я болен. Надо поправляться. Пришлите денег. Если моя помощь нужна, напишите, приеду немедля. Пришлите книжки Ейштрассера, Панекука и Каутского. Напишите адрес. Мой адрес: Киев, Тарасовская, 9–43, Анна Абрамовна Розенкранц для Эсфири Финкельштейн. Это будет внутри. От них получу. Для Н. К. от К. Ст-на» [61]{31}.

Предлагая свои услуги и обещая приехать немедля, И. В. Джугашвили не подозревал, что это будет его самая долгая и самая трудная ссылка. По прибытии в Туруханский край он узнал, что в 15 верстах от Монастырского в селе Селиваниха отбывает ссылку Я. М. Свердлов {32}. 29 августа 1913 г. здесь же поселился Ф. Голощекин

{33}. Не позднее 20 сентября И. В. Джугашвили нанес им визит.

27 сентября Я. М. Свердлов писал Р. В. Малиновскому: «Дорогой Роман! Не знаю, успеет ли дойти это письмо до начала распутицы… Только простился с Васькой, он гостил у меня неделю. Получил наши письма, отправленные неделю назад? Завтра утром он уже уедет из Монастыря домой. Теперь сюда придвинулся телеграф. Через месяц, вероятно, все будет уже закончено. Если будут деньги, мы пошлем вам в Питер телеграмму. Теперь вот наша просьба. Если у тебя будут деньги для меня или Васьки (могут прислать), то посылай по следующему адресу: Туруханск Енисейской губернии, с. Монастырское, Карлу Александровичу Лукашевиц. И больше ничего, никаких пометок для кого и тому подобное не надо. Одновременно пошли или мне, или Ваське открытку с сообщением об отправке и пометь при этом цифру. Вот и все. Прошлой почтой мы писали тебе, просили о высылке газет и журналов. Сделай, что можешь. Всего доброго, всяческих успехов, привет всем друзьям. Жму крепко руку.

P. S. Прилагаемое письмо передай, пожалуйста, по назначению. Лучше всего лично. Помнишь „Soleil"? Да, письмо, само собой, можешь предварительно сам прочесть. Если найдешь удобным обратиться за тем же без письма — можешь. Но я полагаю, что с письмом лучше. Еще раз всего доброго. Я[ков].» {34}.

1 октября новое совещание ЦК РСДРП(б) подтвердило прежнее решение об организации И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлову побега и о выделении для этой цели 100 руб. {35}.

Около 20 октября И. В. Джугашвили «получил от одного товарища из Питера предложение переехать — пе-

реселиться в Питер». «Он, — уточнял И. В. Джугашвили, — писал, что предложение исходит не от него лично, и если согласен переселиться, деньги на дорогу будут» {36}. По всей видимости, таким образом И. В. Джугашвили получил сообщение о принятом ЦК РСДРП решении организовать ему побег. Можно не сомневаться, какой ответ был дан им на это предложение.

Через неделю И. В. Джугашвили пишет письмо в Петербург на имя Т. А. Словатинской с сообщением своего нового адреса и просьбой переслать ему оставшуюся в Петербурге в Доме предварительного заключения одежду. Текст этого письма нам неизвестен, но о его содержании мы можем судить на основании его письма от 10 ноября {37}.

Вскоре после этого на имя И. В. Джугашвили в Туруханск пришла первая посылка. На сохранившейся почтовой повестке имеются: а) штамп, свидетельствующий, что посылка прибыла 21 октября, б) сделанная рукой И. В. Джугашвили запись: «По этой повестке доверяю получить мою посылку господину туруханскому отдельному приставу. 5 ноября 1913» и в) еще один штамп, означающий, что посылка была получена И. И. Кибировым 7 ноября {38}.

10 ноября И. В. Джугашвили пишет дополнение к своему предшествующему письму на имя Т. А. Словатинской {39}:

« *10 ноября.* Письмо лежит у меня две недели вследствие испортившейся почтовой дороги. Татьяна Александровна, как-то совестно писать, но что поделаешь — нужда заставляет. У меня нет ни гроша. И все припасы вышли. Были кое-какие деньги, да ушли на теплую одежду, обувь и припасы, которые здесь страшно до-

роги. Пока еще доверяют в кредит, но что будет потом, ей-богу, не знаю… Нельзя ли будет растормошить знакомых (вроде крестьянского) и раздобыть рублей 20–30? А то и больше. Это было бы прямо спасение, и чем скорее, тем лучше, так как зима у нас в разгаре (вчера было 33 градуса холода). А дрова не куплены в достаточном количестве, запас в исходе. Я надеюсь, что, если захотите, достанете. Итак, за дело, дорогая. А то „кавказец с Калашниковской биржи" того и гляди [пропадет]… Адрес знаете, шлите прямо на меня (Туруханский край, Енисейская губерния, деревня Костино и прочее). Можно в случае необходимости растормошить Соколова, и тогда могут найтись денежки более 30 руб. А это было бы праздником для меня.

*12 ноября.*Милая, дорогая Татьяна Александровна, получил посылку. Но ведь я не просил у Вас нового белья, я просил только своего, старого, а Вы еще купили новое, израсходовались, между тем жаль, денег у Вас очень мало. Я не знаю, как отплатить Вам, дорогая, милая-милая.

*20 ноября.*Милая. Нужда моя растет по часам, я в отчаянном положении, вдобавок еще заболел, какой-то подозрительный кашель начался. Необходимо молоко, но… деньги, денег нет. Милая, если добудете денежки, шлите немедля телеграммой. Нет мочи ждать больше…»

Письмо было перлюстрировано и отточия содержатся в его копии {40}.

Приведенное письмо — яркий человеческий документ, особенно если учесть, что он вышел из-под пера будущего диктатора. Не менее красноречиво в этом же

отношении и письмо И. В. Джугашвили к Р. В. Малиновскому:

«От Иосифа Джугашвили. *Конец ноября.* Здравствуй, друг. Неловко как-то писать, но приходится. Кажется, никогда не переживал такого ужасного положения. Деньги все вышли, начался какой-то подозрительный кашель в связи с усилившимися морозами (37 градусов холода), общее состояние болезненное, нет запасов ни хлеба, ни сахару, ни мяса, ни керосина (все деньги ушли на очередные расходы и одеяние с обувью). А без запасов здесь все дорого: хлеб ржаной 4 коп. фунт, керосин 15 коп., мясо 18 коп., сахар 25 коп. Нужно молоко, нужны дрова, но… деньги, нет денег, друг. Я не знаю, как проведу зиму в таком состоянии… У меня нет богатых родственников или знакомых, мне положительно не к кому обратиться, и я обращаюсь к тебе, да не только к тебе — и к Петровскому, и к Бадаеву. Моя просьба состоит в том, что если у социал-демократической фракции до сих пор остается „Фонд репрессированных", пусть она, фракция, или лучше бюро фракции, выдаст мне единственную помощь хотя бы в рублей 60. Передай мою просьбу Чхеидзе и скажи, что и его также прошу принять близко к сердцу мою просьбу, прошу его не только как земляка, но главным образом как председателя фракции. Если же нет больше такого фонда, то, может быть, вы все сообща выдумаете где-нибудь подходящее. Понимаю, что вам всем, а тебе особенно, некогда, нет времени, но, черт меня подери, не к кому больше обращаться. А околеть здесь, не написав даже одного письма тебе, не хочется/ Дело это надо устроить сегодня же и деньги переслать по телеграфу, потому что ждать дальше — значит голодать, а я и так истощен и болен. Мой адрес знаешь:

Туруханский край Енисейской губернии, деревня Костино. Иосиф Джугашвили.

Далее. Мне пишет Зиновьев, что статьи мои по „национальному вопросу" выйдут отдельной брошюрой, ты ничего не знаешь об этом? Дело в том, что если это верно, то следовало бы добавить к статьям одну главу (это я мог бы сделать в несколько дней, если только дадите знать), а затем я надеюсь (вправе надеяться), что будет гонорар (в этом злосчастном крае, где нет ничего кроме рыбы, деньги нужны как воздух). Я надеюсь, что ты в случае чего постоишь за меня и выхлопочешь гонорар… Ну-с, жду от тебя просимого и крепко жму руку, целую, черт меня дери… Привет Стефании, ребятам. Привет Бадаеву, Петровскому, Самойлову, Шагову, Миронову (по всей видимости, это ошибка, и следует читать: Муранову. — *А.О.*). Неужели мне суждено здесь прозябать четыре года?. Твой Иосиф.

Только что узнал, что, кажется, в конце августа Бадаевым пересланы для меня в Ворогово (Енисейский уезд) не то 20, не то 25 рублей. Сообщаю, что я их не получил еще и, должно быть, не получу до весны. За все свое пребывание в туруханской ссылке получил всего 44 рубля из-за границы и 25 рублей от Петровского. Больше я ничего не получал. Иосиф» {41}.

Именно в ноябре, когда закончилась распутица и установился санный путь, к И. В. Джугашвили пришли не только первые деньги, но и открытка от Р. В. Малиновского, в которой тот, явно конспирируя, писал: «Брат, пока продам лошадь, запросил 100 руб.» {42}. Это, видимо, было сообщение о возможной присылке 100 руб. , выделенных ЦК для организации побега. В конце ноября эта сумма действительно была прислана в Монасты-

рское, но не на имя И. В. Джугашвили, а на имя Я. М. Свердлова, что И. В. Джугашвили расценил как намерение вытащить из ссылки только Я. М. Свердлова {43}.

Тогда же, в конце ноября, пришло письмо от Г. Зиновьева (из-за границы оно было отправлено 26 октября / 9 ноября), который сообщал, что брошюра И. В. Джугашвили по национальному вопросу готовится к печати, обещал прислать положенный ему гонорар, а также просимые им книги для работы над национальным вопросом далее {44}.

7 декабря И. В. Джугашвили направил Г. Е. Зиновьеву открытку: «Пишу открытку — так лучше. Письмо от 9 ноября получил. Книжки Каутского и прочих еще не получил. Скверно. Сейчас у меня под руками новая брошюра Кострова (на грузинском языке), и мне хотелось бы коснуться заодно всех. Еще раз прошу прислать. Кстати. Получил повестку о какой-то посылке (кажется, книги) из Тифлиса. Не те ли самые книги? Очень рад (еще бы!), что ваши дела на родине идут удовлетворительно. Да иначе и не могло быть: кто и что может устоять против логики вещей? Рад, что разрыв во фракции произошел теперь, а не полгода назад: теперь никому из мыслящих рабочих не покажется разрыв неожиданным и искусственным… Получил всего 45 р. (Берн) и 25 (от Петр.). Больше ничего ни от кого не получал пока. У меня начался безобразный кашель (в связи с морозами). Денег ни черта. Долги. В кредит отказывают. Скверно. Видел А[ндрея]. Устроился недурно. Главное — здоров. Он, как и К. Ст., пропадает здесь без дела… Требуется адрес для (часть текста прочесть невозможно. — *А.О.*): Ту-

руханский край (Енисейская губерния), дер. Костино, Мокееву. Ну. Жму руки…» {45}.

9 декабря 1913 г. И. В. Джугашвили отправил Г. Е. Зиновьеву новую открытку: «…В своем письме от 9 ноября пишете, что будете присылать мне мой „долг" по маленьким частям. Я бы хотел, чтобы Вы их прислали возможно скоро по каким бы маленьким частям ни было (если деньги будут, шлите прямо на меня в Костино). Говорю это потому, что деньги нужны до безобразия. Все бы ничего, если бы не болезнь, но эта проклятая болезнь, требующая ухода (т. е. денег), выводит из равновесия и терпения. Жду. Как только получу немецкие книги, дополню статью и в переработанном виде пошлю… Ваш Иосиф» {46}.

По свидетельству С. Я. Аллилуева, в конце декабря 1913 г. он тоже получил от И. В. Джугашвили письмо, в котором тот просил его выслать через А. Е. Бадаева денег {47}.

Вскоре после встречи Нового года И. В. Джугашвили обратился к Г. Е. Зиновьеву с новым письмом: «И января. Почему, друг, молчишь? За тебя давно писал какой-то Н., но, клянусь собакой, я его не знаю. От тебя нет писем уже 3 месяца. Дела… Новость: Сталин послал в „Просвещение" большую-пребольшую статью „О культурно-национальной автономии". Статья, кажется, ладная. Он думает, что получит за нее порядочный гонорар и будет таким образом избавлен от необходимости обращаться в те или иные места за деньгами. Полагаю, что он имеет право так думать. Кстати, в статье критикуется брошюра Кострова (на грузинском языке) в связи с общими положениями культур-автономистов. Ну-с, жму руку. Мой привет знакомым» {48}.

Видимо, именно эту статью имел в виду С. Я. Аллилуев, который писал, что им было получено от И. В. Джугашвили письмо на имя Р. В. Малиновского и к нему была приложена какая-то статья [49]. О том, что она дошла до адресата, свидетельствует письмо Г. Е. Зиновьева от 12/25 марта 1914 г. на имя А. А. Трояновского, в котором он писал: «От Сталина пришла большая статья против новой книжки Кострова (Нирадзе) о культурно-национальной автономии. Затрагивает только эту тему. Останетесь довольны» [50].

29 января 1914 г. директор Департамента полиции С. П. Белецкий направил в Красноярск телеграмму, в которой сообщал, что 28 января «для организации побега» И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлову кроме посланных ранее 100 руб. отправлено еще 50. В связи с этим Департамент полиции снова обращал внимание жандармов на принятие мер по недопущению побега [51].

О том, что такой перевод действительно был направлен И. В. Джугашвили, свидетельствует письмо И. И. Кибирова на имя начальника Енисейского ГЖУ ротмистра В. Ф. Железнякова. «Сообщаю Вашему высокоблагородию, — писал И. И. Кибиров 30 января 1914 г., — что на имя административно-ссыльного Иосифа Джугашвили в туруханском почтовом отделении получено три перевода по телеграфу, один из Петербурга от Т. Виссарионовича Джугашвили на 50 руб., второй из Тифлиса от Александры Семеновны Монаселидзе на 10 руб. и третий из Петербруга от А. Е. Бадаева на 25 руб., всего 85 руб., и Джугашвили лишен казенного пособия за февраль, март, апрель, май, июнь и июль 20 дней. Хотя Джугашвили их еще не получил из почты, но это обстоятельство, по мое-

му мнению, не может препятствовать лишению пособия» {52}.

Сохранилась и повестка, адресованная И. В. Джугашвили из Петербурга, на получение перевода в 50 руб. На повестке три почтовых штампа. Один из них дает основание думать, что перевод пришел в Туруханск 17 января 1914 г. Второй штамп — 2 февраля 1914 г. — свидетельствует о времени оформления доверенности И. В. Джугашвили на ее получение: «По этой повестке доверяю получить деньги (50 руб.) господину отдельному приставу Туруханского края», а третий штамп — 19 февраля 1914 г. — относится к записи: «Выдано по доверенности туруханскому отдельному приставу» {53}. 8 февраля из Петербурга пришел еще один перевод, тоже на 50 руб. Их И. В. Джугашвили 17 февраля тоже доверил получить И. И. Кибирову, которому они и были выданы 19 февраля {54}.

Таким образом, если принять во внимание две эти повестки и приведенное выше письмо И. И. Кибирова, в начале 1914 г. И. В. Джугашвили получил как минимум 135 руб.

27 февраля И. В. Джугашвили обратился с письмом к некоему Г. Белинскому во Францию:

«Т-щ! По слухам, в Париже существует „Общество интеллектуальной помощи русским ссыльным", а вы, оказывается, состоите его членом. Если это верно, прошу Вас прислать мне франко-русский карманный словарь и несколько номеров какой-либо английской газеты. Ваш адрес получил от ссыльного Боград. Сведения обо мне, если они Вам понадобятся в связи с присылкой книг, можете получить у Ю. Каменева, коему, кстати, шлю свой сердечный привет. Административно-ссыльный Иосиф

Джугашвили. Мой адрес: Туруханский край (Енисейской губ.), деревня Костино, адм. — ссыльн. Иосифу Вис. Джугашвили» {55}.

24 февраля секретный сотрудник Енисейского розыскного пункта Кирсанов сообщил: «Гласно-поднадзорные Джугашвили и Свердлов предполагают с места высылки бежать. Если не удастся на юг, то на первом же из ожидающихся летом к устью Енисея пароходе» {56}. Резолюция: «Джугашвили и Свердлова выселить на станок севернее с. Монастырского, где нет других ссыльных, и специально для наблюдения за ними приставить двух надзирателей» {57}.

В связи с этим И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов были поставлены в известность об их переводе на север в станок Курейка. Об этом решении туруханского пристава Я. М. Свердлов сообщал домой своей сестре Сарре Михайловне: «…Пишу на лету лишь пару строк. Меня и Иосифа Джугашвили переводят на 180 верст севернее, на 80 верст севернее Полярного круга. От почты оторвали. Последняя раз в месяц через ходока, который часто запаздывает, практически не более восьми-девяти почт в год». Я. М. Свердлов сообщил также, что за получение денег на четыре месяца лишен пособия и просил прислать денег на другое имя {58}.

История одного конфликта

На новое место И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов были отправлены 11 марта 1914 г. В этот день Я. М. Свердлов сообщил в письме: «Меня переводят на 200 верст севернее за Полярный круг. Отправляют надзирателей двоих с нами — со мной и Иосифом Джугашвили…

Через один-два дня будет новый станок, где будем жить, — Курейка» [1].

«В марте 1914 г., — вспоминал Иван Михайлович Тарасеев, — из станка Костино в Курейку привезли ссыльных И. В. Сталина и Я. М. Свердлова. Привезли на двух лошадях надзиратель Лалетин и возчик. Возчик в Курейке знал только Тарасеевых, а поэтому заехал на квартиру к Тарасееву Алексею Яковлевичу» [2].

А вот свидетельство А. С. Тарасеева: «Помню, в марте товарищ Сталин с товарищем Свердловым приехали на лошадях в Курейку. Попросились к нам на квартиру. Мы пустили их обоих» [3].

По утверждению Александра Тарасеева, «домов в Курейке было восемь, не считая старой покосившейся и заброшенной избы Якова Тарасеева». Их хозяевами были братья Алексей и Семен Яковлевичи Тарасеевы (совладельцы), Федор Тарасеев и Афанасий Калашников (совладельцы), Павел [Яковлевич] Тарасеев, Михаил Андреевич Тарасеев, Петр [Степанович], Степан и Филипп Салтыковы и семья Перепрыгиных [4]. По другим данным, почти полностью совпадающим с приведенными выше, у Михаила Тарасеева отчество было Александрович и владельцем одного из домов был не Степан, а Иван Филиппович Салтыков [5]. В этих 8 домах жило 67 человек: 38 мужчин и 29 женщин. В среднем на один дом приходилось 8–9 человек [6].

Наиболее близко И. В. Джугашвили сошелся с Федором Андреевичем Тарасеевым, который в 1912 г. привлекался к ответственности по 3 ч. 103 ст. Уголовного уложения. По этой же статье в 1912 г. проходил и Федор Михайлович Тарасеев. Однако 10 апреля 1913 г. Красно-

ярский окружной суд на основании 4 п. XVIII отд. высочайшего указа 21 февраля 1913 г. об амнистии оправдал Ф. А. Тарасеева, а 15 июля 1913 г. и Ф. М. Тарасеева [7].

Чтобы не лишиться ежемесячного пособия, И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов наладили получение денег через Алексея Яковлевича Тарасеева [8].

Оказавшись на глухом станке, где нетрудно было потерять даже счет времени, И. В. Джугашвили отправил 16 марта заявление на имя начальника Главного тюремного управления с просьбой вернуть ему часы, изъятые у него 24 апреля 1913 г. во время пребывания его в Доме предварительного заключения [9].

20 марта 1914 г. И. В. Джугашвили через Г. И. Петровского обратился с письмом к Р. В. Малиновскому:

«Товарищ Петровский! Прошу передать Роману. Побеспокоил Вас потому, что адреса Романа не знаю. Василий.

От Василия. 20 марта 1914 г. Енисейская губерния.

Месяцев пять тому назад я получил от одного товарища из Питера предложение приехать — переселиться в Питер. Он родом грузин, и ты его знаешь. Он писал, что предложение исходит не от него лично и что, если согласен переселиться, деньги на дорогу будут. Я ему написал ответ еще месяца четыре назад, но от него нет никакого ответа до сих пор. Не можешь ли ты в двух словах разъяснить мне это недоразумение.

Месяца три назад я получил от Кости открытку, где он писал: „Брат, пока продам лошадь, запросил 100 руб." Из этой открытки я ничего не понял и никаких 100 руб. не видел. Да, по другому адресу тов. Андрей получил их,

но я думаю, что они принадлежат ему и только ему. С тех пор я не получил от Кости ни одного письма.

Не получал также ничего уже четыре месяца от сестры Нади.

Короче, целая куча недоразумений. Все это я объяснил так: были, очевидно, разговоры о моем переселении на службу в Питер. Но разговоры разговорами остались, и выбор Кости остановился на другом, на Андрее, потому и послали сто <…>. Верно ли я говорю, брат? Я прошу тебя, друг, дать мне прямой и точный ответ. Очень прошу не отвечать мне молчанием, как делал ты до сих пор. Ты знаешь мой адрес. Ясный ответ нужен не только потому, что многое зависит от него, но и потому, что я люблю ясность, как и ты, надеюсь, во всем любишь ясность. Пришли заказным. Привет твоим друзьям. Привет Стефании, поцелуй ребят» {10}.

Направляя это письмо, И. В. Джугашвили еще не знал, что никакого ответа от Р. В. Малиновского он уже не получит, так как ровно через месяц, 22 апреля, товарищ министра внутренних дел В. Ф. Джунковский поставит председателя Государственной Думы М. В. Родзянко в известность о том, что Р. В. Малиновский является секретным сотрудником Департамента полиции, а 8 мая последний положит на стол М. В. Родзянко заявление о сложении с себя полномочий депутата Государственной Думы {11}.

22 марта Я. М. Свердлов писал с нового места: «Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы встречались в ссылке, другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни» {12}.

Этот индивидуализм заключался в том, что И. В. Джугашвили не был приучен к домашнему хозяйству и пытался переложить на своего товарища все заботы по дому. А нужно было пилить и колоть дрова, носить воду, топить печь, готовить обед, мыть посуду, подметать пол и т. д. [13].

Есть основания полагать, что вскоре после этого письма во взаимоотношениях И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлова произошли крупные перемены. «Прожили они у нас, — писал А. С. Тарасеев, — до конца мая. Потом мы стали дом переносить, и товарищ Сталин перешел на квартиру к Перепрыгиным, а товарищ Свердлов уехал в Туруханск» [14].

В этом свидетельстве содержится по меньшей мере две неточности.

Во-первых, имеются воспоминания Александра Михайловича Тарасеева, из которых явствует, что от А. Я. Тарасеева И. В. Джугашвили вначале перебрался к Петру Степановичу Салтыкову (по другим данным, некоторое время он жил у Филиппа Салтыкова [15]), но пробыл здесь лишь около 20 дней, после чего перешел к Перепрыгиным. «Это были сироты без отца и матери, — вспоминал Ф. А. Тарасеев, — пять братьев (Иона, Дмитрий, Александр, Иван, Егор. — *А.О.*) и две сестры (Наталья и Лидия. — *А.О.*). Самому меньшему было 12 лет» [16].

Во-вторых, из Курейки Я. М. Свердлов уехал не весной, а осенью 1914 г. [17]Поэтому если бы его переезд от А. Я. Тарасеева действительно был связан с переносом дома на другое место или его ремонтом, то можно было бы ожидать, что Я. М. Свердлов поселится в од-

ном из названных выше домов вместе с И. В. Джугашвили. Однако от А. Я. Тарасеева Я. М. Свердлов переселился к Ивану Филипповичу Салтыкову [18].

Точная дата переселения И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлова от А. Я. Тарасеева неизвестна. Из воспоминаний явствует, что это произошло «к Пасхе» [19]. Имея в виду первого из них, Анфиса Степановна Тарасеева уточняла: «Так он и прожил у нас до Страстной недели» [20]. В 1914 г. Пасху отмечали 6 апреля, а Страстная неделя продолжалась с 31 марта по 5 апреля [21]. Следовательно, И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов не прожили вместе даже месяца, и то, что они, покинув дом А. Я. Тарасеева, стали жить раздельно, не имело никакого отношения к переносу этого дома на новое место.

Невольно рождается мысль: не было ли это связано с конфликтом между ними? О том, что между ними действительно что-то произошло, прямо писал в своих воспоминаниях питерский рабочий Борис Иванович Иванов, который тоже отбывал ссылку в Туруханском крае и так передавал слова Я. М. Свердлова на этот счет: «По прибытии в ссылку я поселился в его хижине, но вскоре он не стал со мною разговаривать и дал понять, чтобы я освободил его от своей персоны, и я тогда стал жить отдельно от него» [22].

Как явствует из письма Я. М. Свердлова Л. И. Бессер 27 мая 1914 г., к этому времени он и И. В. Джугашвили жили уже раздельно [23].

«Со мной (в Курейке) товарищ… — писал он. — Мы хорошо знаем другу друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех мелочах… С товарищем

теперь на разных квартирах, редко и видимся» {24}.

Об остроте произошедшего конфликта мы можем судить на основании других писем Я. М. Свердлова. 27–29 июня 1914 г. он писал жене: «Со своим товарищем мы не сошлись характером и почти не видимся, не ходим друг к другу» {25}. И это на станке, где было всего 8 домов. Возвращаясь к этому же вопросу в письме к жене от 16 ноября 1914 г., Я. М. Свердлов писал: «Ты же знаешь, родная, в каких гнусных условиях я жил в Курейке. Товарищ, с которым мы были там, оказался в личном отношении таким, что мы не разговаривали и не виделись» {26}.

Некоторые авторы видят причину конфликта в несовместимости характеров двух вождей партии большевиков {27}. Не отрицая роли этого фактора, в то же время нельзя не обратить внимание на то, что разлад между И. В. Джугашвили и Я. М. Свердловым по времени совпал с некоторыми другими событиями в Курейке.

Прежде всего имеется в виду резкое обострение отношений между И. В. Джугашвили и стражником И. Лалетиным.

«В мае 1914 г. туруханский пристав вынужден был после настоятельных требований товарища Сталина сменить стражника Лалетина, на место Лалетина был поставлен Михаил Мерзляков» {28}. По воспоминаниям последнего, когда он в мае 1914 г. появился в Монастырском и предложил свои услуги в качестве стражника, то И. И. Кибиров заявил своему помощнику Ивановскому: «Вот и пошлем Мерзлякова в Курейку, а то администра-

тивно-ссыльный Джугашвили настоятельно требует сменить его охранника, как бы не нажить греха» {29}.

Последние слова свидетельствуют о том, что взаимоотношения между И. В. Джугашвили и И. Лалетиным достигли угрожающего характера. И действительно, имеются сведения, что во время одного из столкновений со своим подопечным И. Лалетин ранил его шашкой {30}. Что послужило причиной обострения их отношений, остается неясным. Но вот как описывал один из конфликтов между ними Федор Андреевич Тарасеев:

«Как-то вечером весной 1914 г., — вспоминал он, — мы наблюдали такую картину: жандарм пятился к Енисею и трусливо махал обнаженной шашкой впереди себя, а товарищ Сталин шел на него возбужденный и строгий со сжатыми кулаками. Оказывается, в этот день товарищ Сталин сидел дома, работал и не выходил на улицу. Жандарму показалось это подозрительным, он и решил проверить. Без спроса ворвался в комнату, и товарищ Сталин в шею выгнал этого мерзавца» {31}.

Если вспомнить невозмутимость И. В. Джугашвили, которую отмечали даже его противники, то привести его в ярость мог не сам факт подобного появления, а то, что И. Лалетин стал свидетелем какой-то интимной сцены.

С учетом этого обращают на себя внимание слухи, которые когда-то циркулировали в эмиграции и нашли отражение в упоминавшейся выше книге Льва Нусбаума (Эссад-бея). В соответствии с ними, находясь в туруханской ссылке, И. В. Джугашвили совершил свой последний побег, который якобы был связан с романом, возникшим между И. В. Джугашвили и одной из местных девушек.

«Ночью, — живописал Л. Нусбаум, — она прокрадывалась к нему в избушку. Девушка делила с ним ночлег, ей нравился молчаливый мужчина с лицом, покрытым следами оспы… Но отец девушки узнал об этом. Топор, который сверкает в таких случаях, тяжел и остр. Сталин очень хорошо знал об этом. С первым же пароходом, который шел вниз по реке, он покинул Сибирь», но «через несколько месяцев он опять был в руках полиции и возвращен на прежнее место ссылки» {32}.

Насколько же заслуживает доверия приведенная версия? Мы уже видели, какие нелепые слухи готовы были поддерживать и распространять об И. В. Сталине его политические противники. Но в данном случае оказывается, что подобные слухи циркулировали не только в эмиграции, но и среди местного населения.

«В местах своей последней ссылки, — писал, например, Д. А. Волкогонов, — как рассказывал мне старый большевик И. Д. Перфильев, сосланный в эти края уже в советское время, у Сталина была связь с местной жительницей, от которой появился ребенок. Сам „вождь", разумеется, никогда и нигде не упоминал об этом факте» {33}.

Об этом же слышала С. И. Аллилуева в ближайшем окружении вождя. «Тетки, — вспоминала она, — говорили мне, что во время одной из сибирских ссылок он жил с местной крестьянкой и что где-то теперь живет их сын, получивший небольшое образование и не претендующий на громкое имя» {34}. В 1990 г. в печати было названо и имя этой «местной жительницы».

«Народная молва гласит о том, — читаем мы в книге А. Колесника „Хроника жизни семьи Сталина", — что до революции у Сталина было еще двое детей. Первый ре-

бенок умер младенцем, а второй, Александр, появился на свет в 1917 г. от Лидии Платоновны Перепрыгиной, у которой Сталин жил на квартире в ссылке. Позднее Сталин якобы дважды просил отдать ему малыша, но мать его на это не пошла. Уже нет в живых ни Лидии Платоновны, ни Александра, которые могли бы подтвердить это или опровергнуть. Судьба этих двух людей такова. Лидия Платоновна в 20-е гг. вышла замуж за Якова Давыдова, который усыновил мальчика. У них родилось еще 8 детей. Сам Александр Яковлевич окончил в Дудинке школу, работал в РК комсомола, закончил техникум связи в Красноярске, участвовал в Великой Отечественной Войне, в звании майора был уволен из рядов Вооруженных Сил, после чего работал производителем работ на одном из объектов в Красноярске, где и умер в 1967 г.» {35}.

По свидетельствуя. Сухотина, в 1917 г. Л. П. Перепрыгина родила сына, «которого нарекли Александром и записали в метрическом свидетельстве как Джугашвили» {36}.

В свое время А. В. Антонов-Овсеенко со слов О. Г. Шатуновской заявил, будто бы данный эпизод из биографии И. В. Сталина при Н. С. Хрущеве рассматривался в Политбюро ЦК КПСС. «Во время туруханской ссылки, — писал он, — Коба изнасиловал 13-летнюю дочь хозяина избы, у которого квартировал. По жалобе отца жандарм возбудил уголовное дело. Пришлось И. Джугашвили дать обязательство повенчаться с потерпевшей. Первый ребенок родился мертвым, потом появился на свет мальчик». «Документы по этому делу, — писал А. В. Антонов-Овсеенко, — зачитал на заседании Политбюро в 1964 г. Серов» {37}.

До недавнего времени можно было лишь строить предположения о том, насколько соответствует действительности приведенное свидетельство. Однако в самое последнее время была рассекречена и стала доступна исследователям записка председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова, в которой нашел отражение данный факт. Сейчас она хранится в РГАСПИ в фонде И. В. Сталина и в конце 2000 г. частично была введена в научный оборот ведущим научным сотрудником Института российской истории РАН Б. Илизаровым:

«...По рассказам гр-ки Перелыгиной, — информировал Н. С. Хрущева в 1956 г. И. А. Серов, — было установлено, что И. В. Сталин, находясь в Курейке, совратил ее в возрасте 14 лет и стал сожительствовать. В связи с этим И. В. Сталин вызывался к жандарму Лалетину для привлечения к уголовной ответственности за сожительство с несовершеннолетней. И. В. Сталин дал слово жандарму жениться на Перелыгиной, когда она станет совершеннолетней. Как рассказывала в мае с. г. Перелыгина, у нее примерно в 1913 г. родился ребенок, который умер. В 1914 г. родился второй ребенок, который был назван по имени Александр. По окончании ссылки Сталин уехал, и она была вынуждена выйти замуж за местного крестьянина Давыдова, который и усыновил родившегося мальчика Александра. За все время жизни Сталин ей никогда не оказывал никакой помощи. В настоящее время сын Александр служит в армии и является майором» (фото 34) {38}.

В Курейке не было ни одной семьи с фамилией Перелыгины. Поэтому в данном случае мы имеем дело с неверной передачей фамилии Перепрыгина. Но несмотря на эту ошибку, а также некоторые другие неточности, записку И. А. Серова можно рассматривать как докумен-

тальное подтверждение истории, описанной Л. Нусбаумом. Именно эта история могла стать причиной конфликта между Я. М. Свердловым и И. В. Джугашвили. А поскольку И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов стали жить раздельно в конце марта — начале апреля, а в мае стражник И. Лалетин был заменен М. А. Мерзляковым, есть основания думать, что описанная выше история произошла не ранее конца марта — не позднее середины мая. Причем, судя по всему, это произошло еще до начала навигации, так как, покидая Курейку, И. Лалетин едва не утонул в Енисее, провалившись сквозь начавший таять весенний лед [{39}].

О том, что переселение И. В. Джугашвили от Тарасеевых к Перепрыгиным было связано с конфликтом, косвенно свидетельствуют и воспоминания Ивана Михайловича Тарасеева. «Общался И. В. Сталин, — вспоминал он, — больше всего с Перепрыгиными и Тарасеевой Ольгой Ивановной, которая всегда стряпала ему хлеб» [{40}]. По воспоминаниям Арсения Петровича Иванова, «пекла хлеб товарищу Сталину» и его мать Дарья Алексеевна [{41}]. И. М. Тарасеев объяснял это тем, что «Перепрыгины — девочки были маленькие и стряпать не умели» [{42}].

Однако это объяснение не выдерживает критики. Во-первых, сразу же возникает вопрос: а кто же «стряпал хлеб» для самих Перепрыгиных? А во-вторых, не следует забывать, что самой младшей из сестер Перепрыгиных — Лидии в 1914–1916 гг. было 13–16 лет. В деревне к этому времени даже при живых родителях девочки уже умели хозяйничать по дому. Поэтому тот факт, что, поселившись у Перепрыгиных, И. В. Джугашвили обращался за помощью по хозяйству в другие семьи, свидетельствует,

что между квартирантом и хозяевами дома с самого начала были недобрососедские отношения.

Не исключено, что весной — летом 1914 г. в Курейке имели место и другие события, требующие специального внимания исследователя. Дело в том, что когда в середине марта 1914 г. И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов были доставлены в Курейку, здесь отбывали ссылку несколько уголовников [43]. Как явствует из воспоминаний, через некоторое время сюда пожаловал сам И. И. Кибиров и «очистил Курейку от этих сожителей» [44]. В воспоминаниях не уточняется, когда именно это произошло. Однако если учесть, что к приезду М. А. Мерзлякова (конец мая — начало июня 1914 г.) в Курейке кроме И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлова других ссыльных не было, можно предполагать, что удаление уголовников произошло не позднее второй половины мая, когда на Енисее началась навигация.

Что же могло произойти в Курейке экстраординарного, чтобы сюда пожаловал И. И. Кибиров? Вполне возможно, что одной из причин этого мог быть конфликт И. В. Джугашвили с И. Лалетиным, другой — драма, которая произошла в семье Перепрыгиных и к которой оказался причастен ссыльный И. В. Джугашвили. Но если бы все ограничивалось только названными фактами, за приездом И. И. Кибирова не последовало бы удаления уголовников из Курейки. В связи с этим обращает на себя внимание появившееся в печати сообщение, будто бы «летом 1914 г. на пароходе „Рагна" норвежской Сибирской торговой компании бежал в Западную Европу Северным морским путем при содействии директора-распорядителя этой компании Йонаса Лида один из товарищей Сталина по курейской ссылке» [45]. А посколь-

ку кроме И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлова других политических ссыльных в Курейке не было, то побег совершить мог только кто-то из уголовников.

С учетом этого особое значение приобретает мемуарное свидетельство Федора Андреевича Тарасеева, который писал: «Я, [как] и другие, часто Сталину и Свердлову давал лодку. Жандарм хотел взять подписку, чтобы я им лодку не давал, но я подписку не дал. Меня хотели посадить в тюрьму» {46}.

Существовавшие правила запрещали ссыльным без разрешения полиции не только иметь собственные лодки, но и пользоваться лодками местных жителей, поэтому требование стражника о подписке, предъявленное Ф. А. Тарасееву, вполне понятно, стражника можно было бы понять и в том случае, если бы за неисполнение этого требования он угрожал тюрьмой. Но для того чтобы поставить вопрос о предании Ф. А. Тарасеева суду, требовались другие, более серьезные основания. Возникает вопрос: не пытались ли И. В. Джугашвили и Я. М. Свердлов, используя лодку Ф. А. Тарасеева, совершить в начале навигации побег? {47}.

Если о жизни Я. М. Свердлова весной — летом 1914 г. мы имеем некоторое представление на основании его писем, то о жизни И. В. Джугашвили в эти месяцы мы почти ничего не знаем. Один из немногих документов, связанных с этим периодом в его биографии, — это его письмо Г. Е. Зиновьеву:

«20 мая. Дорогой друг, — писал он. — Горячий привет вам, В. Фрею. Сообщаю еще раз, что письмо получил. Получили ли мои письма? Жду от вас книжек Кострова. Еще раз прошу прислать книжки Штрассера, Панекука и К. К. Очень прошу прислать какой-либо (общественный)

английский журнал (старый, новый, все равно — для чтения, а то здесь нет ничего английского и боюсь растерять без упражнения уже приобретенное по части английского языка). Присылку „Правды" почему-то прекратили. Нет ли у вас знакомых, через которых можно было бы добиться ее регулярного получения? А как Бауэр? Не отвечает? Не можете ли прислать адреса Трояновского и Бухарина? Привет супруге Вашей и Н. Крепко жму руку. Где [Рольд]. Я теперь здоров» {48}.

В июле И. В. Джугашвили был доставлен из Курейки в село Монастырское. Об этом свидетельствует следующий рапорт, сохранившийся в РГАСПИ:

«Его высокоблагородию господину туруханскому отдельному приставу надзиратель за административными ссыльными в ст. Курейка Сергей Хорев. Рапорт. При сем имею честь представить Вашему высокоблагородию распоряжение енисейского губернского управления за № 125 административно-ссыльного Иосифа Джугашвили и административно-ссыльного Ивана Космыля за 2293 и № 306. Надзиратель ст. Курейка Сергей Хорев. 1914… июля» {49}. Число в этом рапорте не проставлено. Но в нашем распоряжении имеются сведения, что 5 июля 1914 г. И. В. Джугашвили получил бандероль из Петербурга {50}. Это дает основание предполагать, что в начале июля он находился в селении Монастырское. Здесь его ждала приятная встреча. 25 июня 1914 г. сюда был доставлен из Канского уезда Енисейской губернии С. С. Спандарян {51}.

В конце навигации И. В. Джугашвили вместе с Я. М. Свердловым снова посетили село Монастырское. На этот раз здесь он встретился с прибывшей в Туруханский край 25 сентября В. Л. Швейцер. «В 1914 г. в конце сентября,

— вспоминала она, — когда последняя баржа пришла в Туруханский край… я застала тов. Сталина в селе Монастырском. Он гостил здесь у Сурена Спандаряна» {52}. С этого момента С. С. Спандарян и В. Л. Швейцер стали самыми близкими для И. В. Джугашвили людьми.

На этот раз в Курейку И. В. Джугашвили возвратился один, так как 23 сентября Я. М. Свердлов получил разрешение переселиться в Селиваниху.

Отшельник из Курейки

О том, чем, вернувшись в Курейку, был занят И. В. Джугашвили, о чем он думал и что переживал, можно лишь предполагать. В этой связи показательно письмо, адресованное им 25 ноября жене С. Я. Аллилуева Ольге Евгеньевне. В этом письме он впервые просил не о деньгах и вещах, а о том, чтобы его не забывали. «Я, — писал И. В. Джугашвили, — буду доволен и тем, если время от времени будете присылать открытые письма с видами природы и прочее. В этом проклятом крае природа скудна до безобразия — летом река, зимой снег, это все, что дает здесь природа, и я до глупости истосковался по видам природы, хотя бы на бумаге» {1}.

Где именно И. В. Джугашвили встретил Новый 1915 г., мы не знаем. Известно лишь, что 3 января 1915 г. им было написано письмо в Петербург на имя Елены Николаевны Рудановской (урожденный Шнейерсон). Текст его нам неизвестен, и о нем мы знаем со слов самой Е. Н. Рудановской. «Сегодня, — писала она С. С. Спандаряну 6 февраля 1915 г., — получила письмо от Иосифа» {2}.

По свидетельству В. Швейцер, зимой 1914/1915 г. она вместе с С. Спандаряном посетила Курейку. «Мы, —

вспоминала она, — пробыли у Иосифа Виссарионовича двое суток» и, забрав его с собой, вернулись в Монастырское [3].

О времени этого визита можно судить на основании двух доверенностей, оформленных И. В. Джугашвили на получение посылок. Одна из них, датированная 24 февраля, была выписана на С. С. Спандаряна [4], вторая, датированная 26 февраля, — на И. И. Кибирова. На последней из них тем же днем отмечено и получение посылки [5]. Это означает, что в этот день И. В. Джугашвили находился в селе Монастырском. Об этом же свидетельствует и письмо С. С. Спандаряна, датированное 27 февраля. В нем говорилось: «Сейчас Иосиф у меня гостит» [6].

После этого И. В. Джугашвили опять вернулся в Курейку. И снова потянулись дни одиночества.

4 мая 1915 г., когда на Енисее началась навигация, из Красноярска в Туруханский край была отправлена очередная партия ссыльных. С нею в конце мая — начале июня в село Монастырское прибыл бывший народник, а позднее видный издатель Владимир Львович Бурцев. Из Монастырского его отправили для отбывания срока гласного надзора полиции в село Богучанское [7]. Можно не сомневаться, что когда И. В. Джугашвили стало известно о приезде В. Л. Бурцева, у него не могло не возникнуть желание встретиться с ним. Дело в том, что к этому времени последний получил широкую известность разоблачением провокаторов. Между тем неожиданное почти для всех исчезновение Р. В. Малиновского с политической сцены сопровождалось распространением слухов о его связях с охранкой.

Остается неизвестным, приезжал ли И. В. Джугашвили в Монастырское в начале навигации, но известно, что он находился здесь в середине лета 1915 г. В июле сюда прибыли сосланные на поселение члены большевистской фракции IV Государственной Думы: А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Ф. Самойлов, Н. Р. Шагов, а также Л. Б. Каменев и еще трое их сопроцессников (Воронин, Линде, Яковлев) {8}.

«Вскоре после нашего приезда, — вспоминал Ф. Самойлов, — в квартире Петровского и Каменева было устроено собрание всех находившихся там в ссылке большевиков, на котором были кроме нас, девяти сопроцессников, товарищи Я. М. Свердлов, К. Т. Новгородцева, Спандарян, его жена Вера Лазаревна, товарищ Масленников, Сергушова, приехавший специально на это собрание товарищ Сталин (из Курейки за 200 верст ниже села Монастырского), Филипп Голощекин (не помню откуда) и еще кто-то, всего около 18 человек» (фото 36 и 37) {9}. «На второй-третий день» после совещания И. В. Джугашвили уехал {10}. По свидетельству В. Л. Швейцер, он пробыл в селе Монастырском около недели {11}. По всей видимости, именно в это время («ранее 8 августа 1915 г.») В. И. Ленин получил его письмо, о содержании которого нам ничего пока не известно {12}.

Вернувшись в Курейку, И. В. Джугашвили вскоре снова появился в Монастырском. 20 августа 1915 г. С. С. Спандарян писал В. И. Ленину: «Иосиф шлет вам всем свой горячий привет» {13}. Через месяц, 28 сентября, в очередном письме за границу С. С. Спандарян отмечал: «Мы сейчас с Иосифом на расстоянии 150 верст друг

от друга, но, должно быть, скоро, после окончания распутицы, увидимся, тогда напишем» {14}.

Осенью 1915 г. в Монастырское прибыла новая партия ссыльных, среди которых находился питерский рабочий Борис Иванович Иванов. От В. Л. Швейцер он узнал, что скоро в Монастырское показаться местному врачу должен приехать И. В. Джугашвили. По свидетельству Б. И. Иванова, И. В. Джугашвили прибыл по первому же санному пути в нартах, запряженных четырьмя собаками, в сопровождении местного охотника, появился в оленьем сакуе, в оленьих сапогах и оленьей шапке. Войдя в дом к С. С. Спандаряну, он поцеловал его в щеку, а В. Л. Швейцер два раза в губы. При этом, как живописал Б. И. Иванов, она оба раза вскрикивала: «Ах, Коба! Ах, Коба!» {15}.

На этот раз приезд И. В. Джугашвили в село Монастырское совпал с приездом сюда В. Л. Бурцева, который получил разрешение отбывать гласный надзор полиции в Твери {16}. Как вспоминала В. Л. Швейцер, перед отъездом его посетил И. В. Джугашвили и передал ему что-то для пересылки за границу {17}.

По всей видимости, этот приезд И. В. Джугашвили в село Монастырское имел место около 10 ноября, так как этим днем датировано его письмо за границу в большевистский центр:

«Дорогой друг! Наконец-то, получил ваше письмо. Думал было, что совсем забыли раба божьего — нет, оказывается, помните еще. Как живу? Чем занимаюсь? Живу неважно. Почти ничем не занимаюсь. Да и чем тут заняться при полном отсутствии или почти полном отсутствии серьезных книг? Что касается национального вопроса, не только „научных трудов" по этому вопросу не

имею (не считая Бауэра и пр.), но даже выходящих в Москве паршивых „Национальных проблем" не могу выписать из-за недостатка денег. Вопросов и тем много в голове, а материалу — ни зги. Руки чешутся, а делать нечего. Спрашиваете о моих финансовых делах. Могу вам сказать, что ни в одной ссылке не приходилось жить так незавидно, как здесь. А почему вы об этом спрашиваете? Не завелись ли у вас случайно денежки и не думаете ли поделиться ими со мной? Что же, валяйте! Клянусь собакой, это было бы как нельзя более кстати. Адрес для денег тот же, что для писем, т. е. на Спандаряна.

А как вам нравится выходка Бельтова о „лягушках"? Не правда ли: старая, выжившая из ума баба, болтающая вздор о вещах для нее совершенно непостижимых.

Видел я летом Градова (Л. Б. Каменева. — *А. О.*) с компанией. Все они немножечко похожи на мокрых куриц. Ну, и „орлы"!..

Между прочим… Письмо ваше получил я в довольно оригинальном виде: строк десять зачеркнуто, строк восемь вырезано, а всего-то в письме не более тридцати строчек. Дела… Не пришлете ли чего-либо интересного на французском или на английском языке? Хотя бы по тому же национальному вопросу. Был бы очень благодарен. На этом кончаю. Желаю вам всем всего-всего хорошего. Ваш Джугашвили» {18}.

Летом 1915 г. вскоре после прибытия в Туруханский край члены большевистской фракции IV Государственной Думы и их сопроцессники были переведены в Енисейск и его уезд. По всей видимости, во время описываемого приезда И. В. Джугашвили в село Монастырское ему удалось получить их адреса, и в конце 1915 г., несмотря на данную им выше оценку, он вступил с ними в переписку.

Позднее Г. И. Петровский утверждал, что в 1915–1916 гг. получил от И. В. Джугашвили два-три письма [19].

Другим его адресатом стал Л. Б. Каменев. Сохранилось письмо И. В. Джугашвили к нему, направленное в Яланскую волость Енисейского уезда и датированное 5 февраля 1916 г.: «Здравствуй, дорогой друг. Писем я от тебя не получал никаких. В ответ на вопрос Григория о планах моей работы по национальному вопросу могу сказать следующее. Сейчас я пишу две большие статьи: 1) национальное движение в его развитии и 2) война и национальное движение. Если соединить в один сборник 1) мою брошюру „Марксизм и национальный вопрос", 2) не вышедшую еще, но одобренную к печати большую статью „О культурно-национальной автономии" (та самая, справку о которой ты наводил у Авилова),

3) постскриптум к предыдущей статье (черновик имеется у меня),

4) национальное движение в его развитии и 5) война и национальное движение — если, говорю, соединить все это в один сборник, то, быть может, получилась бы подходящая для упомянутого в твоем письме Сурену издательства книга по теории национального движения».

Далее в письме излагалась авторская концепция этой книги и его понимание национального вопроса. «У меня мало материала по национальному вопросу. Хотелось бы иметь хотя бы „Национальные проблемы" с первого номера. Где их достанешь? Написал в Россию, но когда пришлют и пришлют ли вообще?» Далее И. В. Джугашвили обращался к Л. Б. Каменеву с просьбой передать это письмо В. И. Ленину [20].

Многие ссыльные очень нуждались. Именно это толкнуло некоторых из них на ограбление кладовой фирменного магазина компании Ревельон, занимавшейся заготовкой пушнины в Туруханском крае. В кладовой-магазине хранились в основном сахар и пушнина. Заведовал магазином ссыльный большевик Мартын Тылок. Среди тех, кто был посвящен в это ограбление и принимал Участие в покупке сахара по бросовой цене, оказались В. Л. Швейцер и С. С. Спандарян. Когда начались допросы, ссыльный Иван Алексеевич Петухов подсказал приставу И. И. Кибирову, с чего следует начать поиски. После этого были произведены обыски, и грабителей нашли. Произошедшее событие раскололо ссыльных Туруханского края. Если одни поставили вопрос об объявлении И. А. Петухову бойкота, то другие выступили в его защиту. С. С. Спандарян был в числе первых, Я. М. Свердлов среди последних. Тогда сторонники бойкота И. А. Петухова потребовали созыва общего собрания ссыльных и включения в список бойкотируемых Я. М. Свердлова {21}.

«К этому обвинению Свердлова, — вспоминал Б. И. Иванов, — была выдвинута клеветническая версия о том, что он тесно связан с полицией по политическому сыску, что он разложился морально. Здесь имели место еще обвинения в том, что Свердлов дает уроки немецкого языка кому-то из полицейского управления [62]. К этому делу был пришит товарищ Свердлова Голощекин, который как зубной врач-дантист пломбировал зубы кому-то из полицейских и их женам» {22}.

Когда вопрос о созыве собрания был решен, Я. М. Свердлов и еще 8 человек (Б. Иванов, Филипп Голощекин, Денис Долбежкин, Сергушев, Валя Сергушева, Писарев, Булатов, Петухов) отказались участвовать в разби-

рательстве. Семь человек (по всей видимости, социал-демократы И. Владыкин, А. Масленников, С. Спандарян, В. Швейцер, анархисты Шахворостов, Хахалкин и пэпэсовец И. Пивон) проголосовали за осуждение Петухова [{23}].

«Среди воздержавшихся при голосовании об исключении Петухова был Иосиф Джугашвили, свое воздержание он объяснил тем, что он считает, что надо было исключать обоих, т. е. Петухова и Свердлова» [{24}].

Ожесточение среди ссыльных дошло до того, что через пять дней после возвращения И. В. Джугашвили в Курейку была сделана попытка избить Б. И. Иванова. Пострадал и подоспевший Ф. Голощекин. Во время этого конфликта у С. С. Спандаряна случился нервный припадок. «Через несколько дней он тяжело заболел. Кроме нервного расстройства у него появилась болезнь горла, шла кровь через горло» [{25}].

В конце зимы И. В. Джугашвили снова появился в Монастырском. «Март в Туруханском крае, — писала В. Л. Швейцер, — был последним месяцем санной дороги, в апреле уже наступала распутица — бездорожье. Это бездорожье для Курейки продолжалось до середины мая, только тогда можно было на лодках переправиться по Енисею. Товарищ Сталин, чтобы успеть использовать дорогу до распутицы, приехал в 1916 г. в Монастырское. Нужно было переправить последнюю почту за границу и в центр России» [{26}].

По всей видимости, во время этого приезда И. В. Джугашвили было отправлено в Швейцарию на имя Попова следующее письмо, датированное 25 февраля:

«Здравствуй, друг! Послал закрытое письмо. Посылаю открытку. Все это в ответ на твое письмо, где ты слишком уж много распространяешься о „науке" и о „научных трудах" всяких там „людей науки", о национальном вопросе и пр. Кстати, напиши мне, пожалуйста, какова судьба статьи К. Сталина „О культурно-национальной автономии", вышла ли она в печать, а может быть, и затерялась где-нибудь? Больше года добиваюсь и ничего не могу узнать. Пошли мне открытку с весточкой о статье. „Летопись" читаешь? Что за мешанина, прости господи! Жму руку. Крепко. Горячий привет друзьям. Чем занимаюсь? Конечно, даром не сижу. Твой Иосиф» {27}.

К приезду И. В. Джугашвили болезнь С. С. Спандаряна зашла настолько далеко, что, как писала В. Л. Швейцер, на «семейном совете» было решено добиваться его перевода в другое, более благоприятное для его здоровья место {28}. В связи с этим 1 марта 1916 г. С. С. Спандарян направил депутату Государственной Думы Пападжанову телеграмму: «Нахожусь тяжелом положении, болен, невозможно жить Туруханском крае, могу добиться климатически лучшие условия, прошу исходатайствовать. Ссыльнопоселенец С. С. Спандарян» {29}.

Из Монастырского И. В. Джугашвили уехал не ранее 12 марта 1916 г. В этот день он вместе с группой товарищей (И. Владыкин, А. Масленников, И. Пивон, С. Спандарян, В. Швейцер) подписал письмо в редакцию журнала «Вопросы страхования» {30}.

Затем И. В. Джугашвили вернулся в Курейку. «Это, — отмечала В. Швейцер, — была его последняя встреча с Суреном Спандаряном» [31].

Последний побег

4 апреля Министерство юстиции направило енисейскому губернатору запрос по поводу прошения С. С. Спандаряна [1] и предложило прокурору Красноярского окружного суда произвести его медицинское освидетельствование [2]. 26 апреля губернатор ответил, что за время ссылки С. Спандарян ни в чем предосудительном замечен не был [3]. Как только началась навигация, в Монастрыское прибыл товарищ прокурора Телегин и в его присутствии 26 мая С. С. Спандарян прошел медицинское обследование, которое обнаружило у него запущенную форму туберкулеза [4]. 13 июня протокол обследования был направлен в Министерство юстиции [5], после чего пришло разрешение на перевод С. С. Спандаряна в другое место [6]. 20 июня он получил на руки проходное свидетельство и 1 июля в сопровождении В. Л. Швейцер выехал в Енисейск [7]. 8 августа Николай II дал согласие на освобождение С. Спандаряна от вечного поселения и разрешил ему повсеместное проживание за исключением столиц и столичных губерний, причем в течение первых пяти лет под надзором полиции [8]. 26 августа из Енисейска С. С. Спандарян в сопровождении В. Л. Швейцер выехали в Красноярск. Здесь через две недели, 11 сентября, он умер [9].

До этого, как мы уже видели, И. В. Джугашвили регулярно встречался со С. С. Спандаряном. Более того, с началом навигации он в любом случае приезжал в Мона-

стырское, чтобы отправить свои письма, получить прибывшую на его имя корреспонденцию, а также причитавшееся ему денежное пособие, сделать запас продуктов. На этот раз, вплоть до отъезда С. С. Спандаряна из села Монастырского, И. В. Джугашвили здесь так и не появился [10].

Данный факт можно было бы понять, если бы И. В. Джугашвили тяжело заболел и оказался прикован к постели. Но ничего подобного нам не известно. Где же он находился в мае — июне 1916 г. и что делало невозможным его приезд в село Монастырское?

В 1988 г. на страницах газеты «Советская культура» была опубликована беседа с журналистом А. Лазебниковым, который на склоне своей жизни поведал о разговоре, который он имел в 1935 или 1936 г. с Б. И. Ивановым «...Я, — передавал А. Лазебников слова Б. И. Иванова, — был в ссылке, жил в Курейке с Джугашвили. Все время пока он находился там, в нашей маленькой колонии большевиков постоянно случались провалы. Мы решили поговорить начистоту, так сказать, по „гамбургскому счету". Назначили день собрания большевиков в Курейке, но Джугашвили на него не явился. А назавтра мы узнали, что он исчез из Курейки — ушел в побег» [11].

К приведенному свидетельству следует относиться с особой осторожностью, так как автор передавал содержание разговора, имевшего место полвека назад.

И действительно, Б. И. Иванов отбывал ссылку не в Курейке, а сначала в селе Монастырском, затем в Туруханске. Никаких провалов здесь среди ссыльных не было и не могло быть, так как нелегальной деятельностью они не занимались. Однако вполне возможно, что после инцидента с Б. И. Ивановым (попытка его избиения)

часть ссыльных собиралась весной 1916 г. (после начала навигации) обсудить это событие и выразить порицание его участникам и организаторам. Поэтому в приведенном свидетельстве самое главное — это утверждение о том, что И. В. Джугашвили накануне подобного обсуждения исчез из Курейки.

Насколько же соответствует действительности это утверждение? Никаких документальных сведений на этот счет обнаружить не удалось, но удалось найти воспоминания стражника М. А. Мерзлякова, из которых явствует, что в 1916 г. он, обязанный ежедневно проверять наличие своего подопечного, не видел его почти «целое лето» {12}. Если верить его объяснениям, он разрешил И. В. Джугашвили одному рыбачить на острове Половинка, располагавшемся по течению Енисея ниже Курейки: «И выезжал он в 18 верстах на целое лето. На целое лето. Там рыбачил» {13}. «Я, — отмечал М. А. Мерзляков, — только слухами пользовался, что он не убежал» {14}. При этом сам же М. А. Мерзляков удивлялся: «Пустое (нежилое) местечко Половинка. Пески. Где он только там рыбачил? Никто другой там не был» {15}.

Итак, отсутствие И. В. Джугашвили летом 1916 г. в Курейке подтверждается свидетельством человека, который обязан был ежедневно проверять его местонахождение.

В этом свидетельстве много странного. Во-первых, как И. В. Джугашвили один мог отправиться в столь далекое путешествие (а 18 верст по реке, тем более по Енисею — это большой и непростой путь), если у него не сгибалась левая рука и он не мог долго сидеть на веслах? Во-вторых, какой смысл могло иметь подобное путеше-

ствие на ненаселенный, песчаный, т. е. почти не имевший растительности, остров, тем более в одиночку и особенно на все лето? В-третьих, если «никто другой там не был», откуда М. А. Мерзляков мог знать о том, что его подопечный находился на этом острове?

Иначе говоря, если свидетельство М. А. Мерзлякова об отсутствии И. В. Джугашвили в Курейке летом 1916 г. заслуживает доверия, то утверждение о его пребывании на острове Половинка вызывает сомнение.

В связи с этим обращают на себя внимание воспоминания А. Е. Бадаева о его встрече с И. В. Джугашвили, произошедшей в 1916 г. в городе Енисейске. Сюда сосланные в Сибирь депутаты IV Государственной Думы были переведены из Туруханского края не позднее 22 августа 1915 г. [16] В феврале — марте 1916 г. А. Е. Бадаев находился в Красноярске, а затем вернулся в Енисейск, где и встретил 1917 г. [17] Между тем Л. Б. Каменев, Ф. В. Линде, М. К. Муранов и Яковлев получили возможность переселиться в Ачинск, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов были переведены в Минусинск [18], а Г. И. Петровский отправлен в Якутскую область [19], в результате этого летом 1916 г. (не ранее второй половины июля — не позднее конца августа) А. Е. Бадаев остался в Енисейске один [20].

А поскольку ни Г. И. Петровский, ни Ф. Н. Самойлов, хотя и оставили воспоминания, но не упоминают в них о приезде И. В. Джугашвили в Енисейск, можно утверждать, что его встреча с А. Е. Бадаевым произошла здесь не ранее второй половины июля — конца августа 1916 г. Может быть, она была связана с призывом И. В. Джугашвили на военную службу? Для ответа на этот вопрос обратимся непосредственно к воспоминаниям А. Е.

Бадаева. «Когда товарищ Сталин приезжал из Туруханска в Красноярск, — отмечал он, — нам удалось обойти всех полицейских и охранников. Он заехал к нам в Енисейск, и мы тут встретились… Как мы ни конспирировали, но ссыльные узнали, что у нас был товарищ Сталин» {21}.

Если бы в данном случае речь шла о приезде И. В. Джугашвили в Енисейск в качестве призывника-новобранца, то он должен был появиться здесь открыто, и не один, а с целой партией ссыльных, призванных на военную службу. По этой причине ему не нужно было «конспирировать» от других ссыльных. А поскольку на военную службу И. В. Джугашвили был отправлен в середине декабря 1916 г. и обратно в Туруханский край уже не возвращался, его встреча с А. Е. Бадаевым в Енисейске могла произойти не позднее середины декабря 1916 г.

О том, что появление И. В. Джугашвили в Енисейске не имело никакого отношения к его призыву на военную службу, говорит другое свидетельство А. Е. Бадаева. «Однажды, — писал он, — власти вызвали Сталина в Красноярск. *На обратном пути*, обманув бдительность конвоя, он сумел пробраться к нам в Енисейск, где к тому времени мы отбывали ссылку» {22}.

Все это вместе взятое дает основание поставить вопрос об очередном побеге И. В. Джугашвили из ссылки [63].

Что же могло толкнуть его на этот отчаянный шаг? Не исключено, что новое осложнение с братьями Перепрыгиными. Как явствует из приведенной выше записки И. А. Серова, Л. П. Перепрыгина имела от И. В. Джугашвили двух детей: «…Примерно в 1913 г., — говорится в этой записке, — родился ребенок, который умер.

В 1914 г. родился второй ребенок, который был назван по имени Александр» [23]. Если учесть, что И. В. Джугашвили поселился в Курейке в марте 1914 г., то первый ребенок мог появиться на свет не ранее декабря этого года, а второй — не ранее 1916 г. По сведениям А. Колесника, Александр родился в начале 1917 г. Следовательно, И. В. Джугашвили снова вступил в связь с Л. П. Перепрыгиной весной 1916 г. На этой почве между ним и ее братьями вполне мог возникнуть новый и еще более острый конфликт, единственным выходом из которого являлось бегство.

Если весной — летом 1916 г. И. В. Джугашвили действительно совершил побег из Курейки, то после его задержания и возвращения обратно, свидетелем чего, видимо, и был А. Е. Бадаев, должны были последовать репрессии.

И действительно, имеются воспоминания о том, что осенью 1916 г. был арестован крестьянин села Курейка Федор Андреевич Тарасеев. Его обвинили в том, что он дал И. В. Джугашвили лодку, и приговорили к полутора годам тюремного заключения [24].

Следующей жертвой должен был стать стражник М. А. Мерзляков, который на протяжении всего отсутствия И. В. Джугашвили дезинформировал И. И. Кибирова, докладывая о присутствии своего подопечного в Курейке. Ни местное полицейское начальство, ни более высокие власти не предприняли против него никаких санкций, и этим самым как бы признали убедительность его версии о пребывании И. В. Джугашвили на острове Половинка [25].

Получается, что полицейские власти проявили заинтересованность в сокрытии самого побега И. В. Д-

жугашвили. Можно понять, почему пытался скрыть этот факт М. А. Мерзляков. Но для чего это нужно было его начальству? Тем более если сам факт побега был установлен.

О том, что «исчезновение» И. В. Джугашвили весной — летом 1916 г. из Курейки действительно было связано с конфликтом между ним и семьей Перепрыгиных, свидетельствует то, что по возвращении обратно он поселился не на старом месте, а в новом доме Алексея Яковлевича Тарасеева. «Товарищ Сталин, — вспоминала Анфиса Степановна Тарасеева, — осенью 1916 г. пожил у нас, а потом опять перешел к Перепрыгиным» {26}. По всей видимости, между ними и И. В. Джугашвили снова произошло примирение. Перепрыгина Лида, которой уже шел семнадцатый год, ждала ребенка.

Только по возвращении в Курейку И. В. Джугашвили узнал об отъезде С. С. Спандаряна, но дальнейшая его судьба в селе Монастырском, видимо, никому не была известна. Поэтому И. В. Джугашвили написал С. Я. Аллилуеву. «Помню еще одно письмо, в котором тов. Сталин спрашивал, нет ли у меня каких-либо сведений о Сурене Спандаряне… — вспоминал С. Я. Аллилуев. — Я узнал о преждевременной смерти тов. Спандаряна. Эту печальную весть мне пришлось сообщить тов. Сталину в Курейку» {27}. А пока письмо И. В. Джугашвили добиралось до Петербурга, на его имя с известием о смерти С. С. Спандаряна было направлено письмо от В. Л. Швейцер {28}. Но поскольку последний пароход из Енисейска уже ушел, ее письмо пролежало на почте до тех пор, пока Енисей не покрылся льдом и не установился санный путь. К этому времени в Красноярск пришло и письмо С. Я. Аллилуева. Но когда оно было доставлено в

Монастырское, «его (И. В. Джугашвили. — *А.О.*) уже там не было» {29}.

Призыв на военную службу

13 октября 1916 г. на имя туруханского пристава было направлено распоряжение енисейского губернатора за № 25210 о призыве на военную службу административно-ссыльных {1}.

«В октябре 1916 г., — вспоминала Швейцер, — царское правительство решило призвать всех административно-ссыльных отбывать воинскую повинность <…>. Пристав Туруханского края Кибиров <…> быстро составил первую партию из девяти ссыльных для отправки в Красноярск». Среди призванных на военную службу оказался и И. В. Джугашвили {2}.

Если исходить из слов В. Швейцер, может сложиться впечатление, что отбор ссыльных для призыва в армию был делом И. И. Кибирова. Это не соответствует действительности.

3 ноября 1916 г. в газете «Енисейский край» появилось сообщение, в котором говорилось: «Как нам передают, местными военными властями отдано распоряжение о призыве на военную службу значительного числа политических административно-ссыльных, находящихся в пределах Енисейской губернии. По полученным нами сведениям, губернской администрацией были составлены списки всех подлежащих призыву политических ссыльных и представлены на рассмотрение Департамента полиции, которым часть ссыльных была исключена из этих списков ввиду особой неблагонадежности таковых лиц. Ссыль-

ным, подлежащим призыву, уже разосланы повестки по месту жительства на сборный пункт» {3}.

Поскольку при составлении списка призывников во внимание принималась их благонадежность, можно не сомневаться в том, что губернская администрация прежде всего руководствовалась мнением местного губернского жандармского управления. Как же в этот список могла попасть фамилия И. В. Джугашвили, чей революционный стаж превышал 15 лет, на счету которого была целая серия побегов, который принадлежал к «пораженческой партии» и являлся одним из ее руководителей? Еще более странно выглядит его включение в список призывников, если учесть факт его возможного побега в 1916 г. и дефект левой руки, делавший невозможным пребывание на службе. Удивляет не только то, что фамилия И. В. Джугашвили была включена в список призывников, но и то, что она не вызвала возражений со стороны Департамента полиции.

К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить никаких документальных данных, связанных с этим призывом на военную службу, в том числе и о получении И. В. Джугашвили призывной повестки. Единственное свидетельство на этот счет — воспоминания стражника М. А. Мерзлякова, по утверждению которого, получив повестку, И. В. Джугашвили попрощался и сразу же выехал в село Монастырское {4}. По другим данным (воспоминания Александра Михайловича Тарасеева), «...Иосиф Виссарионович уехал из Курейки вместе с надзирателем Мерзляковым. Повез их Салтыков Леонтий Степанович» {5}.

Имеющиеся мемуарные свидетельства по-разному называют и время, когда это произошло. По воспомина-

ниям жителя Курейки Ивана Степановича Салтыкова, И. В. Джугашвили призвали в армию «под осень» {6}. По другим данным, он покинул Курейку в Миколин день, т. е. 6 декабря {7}.

Если учесть, что распоряжение губернатора о призыве ссыльных на военную службу было дано 13 октября и что к 3 ноября ссыльным уже были разосланы повестки, то, вероятнее всего, И. В. Джугашвили покинул Курейку не позднее ноября 1916 г. И действительно, в нашем распоряжении имеется письмо группы ссыльных, которое было направлено из села Монастырского в Петроград в редакцию журнала «Современный мир» и датировано 20 ноября. Среди подписавших его фигурирует и фамилия И. В. Джугашвили {8}. Однако, покинув Курейку, И. В. Джугашвили, по всей вероятности, до отправки призывников побывал там еще раз [64].

12 декабря Я. М. Свердлов писал М. С. Ольминскому: «У нас взяли на войну около 20 административных. Сегодня лишь отправили. Среди других призывников и Сталин, который жил все время на глухом станке вдали от товарищей. Не знаю, занимался ли он литературной работой в ссылке» {9}. Сохранился рапорт И. И. Кибирова на имя енисейского губернатора от 20 декабря 1916 г., в котором сообщалось, что И. В. Джугашвили был «отправлен в партии в распоряжение красноярского уездного воинского начальника как подлежащий призыву на воинскую службу» 14 декабря {10}. Получается, что Я. М. Свердлов датировал отъезд И. В. Джугашвили из Монастырского 12, а И. И. Кибиров — 14 декабря. Причина этого расхождения, по всей видимости, заключается в том, что призывники были отправлены не одной, а двумя партиями.

«Угнали 12 и 14 декабря на военную службу из нашей среды 9 политических ссыльных: Джугашвили, Филинова, Иванова, Вильсона, Ярового и других», — писал Петухову Боград [11].

Об этом же свидетельствует и корреспонденция, опубликованная 17 января 1917 г. на страницах газеты «Енисейский край»: «Призыв в войска политических административно-ссыльных коснулся и нашего края. По готовым спискам Департамента полиции призвали 20 человек. Призваны следующие лица: Н. Топоногов, И. Джугашвили, Б. Иванов, Филинов, Ж. Вильсон, Панюшкин, Яровой, Н. Орлов и Крузе. Остальные 10 человек почти все с уголовным прошлым. Со сборного пункта села Монастырского 12 декабря была отправлена первая партия в 10 человек, 14-го отправили вторую партию в 6 человек, последних же 4 захватили по пути со станков, расположенных выше с. Монастырского» [12].

И. В. Джугашвили, по всей видимости, был отправлен в Красноярск со второй партией, 14 декабря 1916 г. [13]В. Л. Швейцер утверждала, что И. В. Джугашвили покинул село Монастырское один в сопровождении специального стражника [14]. По свидетельству Б. И. Иванова, И. В. Джугашвили добирался до Красноярска с партией ссыльных, в которую входил и он [15]. «На первой подводе, — вспоминал Б. И. Иванов, — ехал стражник Кравченко, а за первой подводой с урядником стояли нарты, в которых ехал Джугашвили» [16]. «Ехали мы все время по льду Енисея, другой дороги не было» [17].

В нашем распоряжении пока нет документальных данных о времени прибытия призывников в Красноярск. Что же касается воспоминаний, то они дают очень проти-

воречивую информацию. Так, В. Л. Швейцер утверждала, что ссыльные прибыли в Красноярск перед Новым годом [18]. Вещь практически нереальная. Б. И. Иванов называл несколько разных дат [19]. Самое близкое по времени к данному событию свидетельство на этот счет — сообщение, появившееся в газете «Енисейский край» 8 февраля 1917 г.: «На днях прибыла первая партия административно-ссыльных Туруханского края, призванных для отбывания воинской повинности» [20]. Поскольку в газету данная информация поступила не позднее 7 февраля, то слова «на днях» могли означать, что первая партия ссыльных прибыла в Красноярск не позднее 4 февраля.

О том, как развивались события дальше, мы имеем несколько несовпадающих между собой свидетельств Б. И. Иванова. 29 декабря 1940 г. в беседе с С. М. Познер он заявил: «Когда мы приехали в Красноярск, мы попросили наших стражников отпустить нас, дав им честное слово, что мы вернемся. Они поверили нам и отпустили нас, и вот, кто где смог, там и остановился. Я остановился на квартире Шлихтера. Где остановился тов. Сталин, я не знаю. Дня четыре-пять мы были без надзора, а потом стражники сдали нас военному начальству» [21]. Из этого явствует, что ссыльные были переданы в распоряжение начальника губернского военного присутствия около 8–9 февраля.

Позднее Б. И. Иванов описывал этот эпизод из своей биографии несколько иначе. «Перед тем как отправиться к воинскому начальнику, — отмечал он, — Джугашвили обратился к стражнику Кравченко с просьбой разрешить остаться в Красноярске на несколько дней ему и мне. Я был удивлен, когда Кравченко мне и ему, Джугашвили,

разрешил остаться в Красноярске на неделю, отложив явку к воинскому начальнику», когда «стражник разрешил этот отпуск, я неделю жил в квартире большевика Шлихтера, а он, Джугашвили, прожил в Красноярске три недели у раб[очего] <…> Самойлова» {22}.

Таким образом, если первоначально Б. И. Иванов утверждал, что по прибытии в Красноярск были расконвоированы все новобранцы, то затем стал заявлять, что подобная мера была применена только к нему и И. В. Джугашвили, причем по просьбе последнего. Если первоначально он утверждал, что не знал, где остановился И. В. Джугашвили, то позднее стал называть его адрес. Если первоначально он утверждал, что они находились без конвоя около четырех-пяти дней, то теперь увеличил этот срок для себя до недели, а для И. В. Джугашвили до трех недель.

По свидетельству В. Л. Швейцер, прибыв в Красноярск, И. В. Джугашвили сразу же телеграммой вызвал ее к себе, и она приехала в Красноярск, застав его на квартире Самойлова {23}. 3 февраля 1941 г. начальник архивного отдела УНКВД Красноярского края Вавилов обратился к В. Л. Швейцер с письмом. «Мы, — писал он, — обнаружили документы, подтверждающие Ваши сведения, что Сталин останавливался у Самойлова Ивана Ивановича, который в то время проживал по М-Качинской улице в доме Серебрякова № 17, но есть некоторые расхождения в том, что найденные документы показывают на место жительства Самойлова не в доме № 17 по М-Качинской улице, а в доме № 15, принадлежавшем в то время владельцу Носову, жившему рядом с Серебряковым» {24}.

Имеются свидетельства о том, что во время пребывания в Красноярске на квартире «некоего Ломджария» И. В. Джугашвили встречался со своими земляками, отбывавшими здесь ссылку [25]. На квартире А. Г. Шлихтера он познакомился с оставившим воспоминания ссыльным А. Байкаловым [26], а «в маленьком доме на окраине Красноярска» навестил известного ему по Вологде и Петербургу большевика С. В. Малышева [27]. В это же время в Красноярске находились брат Иннокентия Дубровинского Яков [28], Н. Л. Мещеряков [29], родственник А. И. Рыкова, известный позднее историк-эмигрант Б. И. Николаевский [30], М. И. Фрумкин [31] и некоторые другие.

Не позднее 9 февраля И. В. Джугашвили предстал перед медицинской комиссией. «Врачи, — писал А. Байкалов, — признали Сталина негодным к военной службе. Его левая рука была вывихнута в детстве, и так как сустав был плохо вправлен, то рука в локте почти не сгибалась» [32].

14 февраля 1917 г. Красноярское городское полицейское управление донесло в 1-е отделение Енисейского губернского правления:

«При отношении красноярского уездного военного начальника от 9 февраля с. г. за № 3851 препровожден в полицейское управление освобожденный вовсе от военной службы находящийся под гласным надзором полиции в Туруханском крае Иосиф Виссарионов Джугашвили — ратник ополчения 1 разряда призыва 1903 г., который был препровожден названному военному начальнику туруханским отдельным приставом на предмет поступления на военную службу, причем Джугашвили заявил полицейскому управлению, что срок полицейского надзора

окончит через 4 месяца и что в случае отправления его в Туруханский край он проведет в пути следования до Туруханска 2 месяца, а поэтому в виду так назначенного срока надзора он желает возбудить ходатайство о разрешении ему окончить надзор полиции в городе Красноярске или каком-либо другом месте, не столь отдаленном от Туруханского края. Донося о вышеизложенном, полицейское управление просит 1-е отделение губернского управления дать указания, как следует поступить в данном случае с Джугашвили, за которым здесь учрежден надзор полиции, впредь до получения просимого указания» {33}.

16 февраля (в документе ошибочно указано — «января») 1917 г. И. В. Джугашвили подал на имя енисейского губернатора прошение, в котором говорилось: «Сим имею честь просить Ваше превосходительство разрешить мне остаться до окончания срока ссылки (до 9 июня 1917 г.) в городе Ачинске ввиду имеющихся у меня в этом городе шансов на заработки» (фото 39) {34}. По воспоминаниям В. Л. Швейцер, в это время она находилась в Красноярске и приведенный текст прошения был написан в ее присутствии {35}.

17 февраля губернатор дал согласие на отбывание И. В. Джугашвили остающегося срока ссылки в Ачинске {36}. «Енисейский губернатор Гололобов, бывший депутат III Государственной Думы и член Союза русского народа, разрешил Джугашвили доканчивать срок ссылки в Ачинске» {37}. 21 февраля Красноярское городское полицейское управление сообщило в Енисейское губернское управление:

«Полицейское управление доносит первому отделению губернского управления, что административно-

ссыльному Туруханского края Иосифу Виссарионову Джугашвили выдан путевой вид 20 числа сего февраля за № 215 до города Ачинска, куда он и выбыл сего же числа, о чем сообщено ачинскому уездному исправнику и начальнику Енисейского ГЖУ того же числа за № 215. Помощник полицмейстера (подпись)» {38}.

Из Ачинска в Петроград

Ачинск находится на Сибирской железной дороге западнее Красноярска. Выехав из Красноярска 20 февраля, в Ачинск И. В. Джугашвили мог приехать 21-го числа. Одна из первых, с кем он встретился здесь, была В. Л. Швейцер. Она жила вместе со ссыльной А. В. Померанцевой {1}.

«Приехал товарищ Сталин, — вспоминала В. Л. Швейцер, — рано утром прямо ко мне на квартиру. Жила я в доме Шатырской на Никольской улице № 43. Этот дом стоял на краю города при въезде в Ачинск», «у меня тов. Сталин прожил несколько дней» {2}.

Это значит, что у В. Л. Швейцер и А. В. Померанцевой И. В. Джугашвили пробыл не менее чем до 23 февраля.

Именно в этот день в столице начались рабочие волнения, которые привели к падению монархии. Однако цензура не пропускала в печать сообщений об этом. Под контролем правительства находился и телеграф. Поэтому некоторое время Ачинск оставался в полном неведении о том, что в это время происходило на улицах столицы.

С Никольской улицы И. В. Джугашвили, по свидетельству В. Л. Швейцер, «перебрался в самостоятельную квартиру, в одну комнатку на первом этаже деревянного

дома по улице Иркутской, 13, угол Гимназической» [3]. «Когда он пришел к нам, — вспоминала. дочь хозяйки дома Феклы Кирилловны Чернявской Валентина Павловна Филиппова, — то вещей у него никаких не было… Одет был в черное пальто, в серой папахе, при выходе завсегда поднимал воротник» [4].

Обосновавшись в новом доме, И. В. Джугашвили «дня три не был прописан», это значит, что он мог прописаться в Ачинске около 27 февраля [5], т. е. именно тогда, когда в Петрограде началось восстание столичного гарнизона и власть фактически перешла в руки Государственной Думы. Но Ачинск продолжал оставаться в стороне от развивавшихся событий.

По всей видимости, сразу по прибытии в Ачинск И. В. Джугашвили дал телеграмму в Петроград с указанием своего нового местонахождения. «Вскоре после того как он перешел к нам, через неделю или немного больше (т. е. примерно 2–3 марта. — *А.О.*), — вспоминала В. П. Филиппова, — почтальон принес письмо в красном конверте, и по почтовой печати я узнала, что из Петербурга» [6].

В это время в Ачинске находились ссыльные Франц Карлович и Прасковья Денисовна Врублевские, Лев Борисович Каменев, Фридрих Вильгельмович Линде, Матвей Константинович Муранов, Николай Петрович Осинкин, Александра Владимировна Померанцева, Вера Лазаревна Швейцер и Яковлев [7].

Особое положение среди ссыльных занимал Л. Б. Каменев, который в качестве бухгалтера состоял на службе в Ачинской конторе Русско-Азиатского банка [8], размещавшейся в доме купца Патушанского

[9]. Вместе с Л. Б. Каменевым в Ачинске находилась его жена Ольга Давидовна Бронштейн, сестра Л. Д. Троцкого. По некоторым данным, квартира Л. Б. Каменева была своеобразным салоном, в котором собирались местные ссыльные [10]. Имеются сведения, что его посещал и И. В. Джугашвили. «Во время своих поездок, — вспоминал А. Байкалов, бывший в это время членом Правления Енисейского Союза кооперативов, — я заходил к Каменевым провести с ними вечер. Джугашвили, или, как мы к нему в разговоре обращались, Осип, был у них частым гостем» [11].

Описывая быт своего квартиранта, В. П. Филиппова отмечала: «Из дома он уходил или утром рано и приходил после обеда, или же после обеда и приходил поздно ночью», «к нему часто приходила женщина, чернявенькая, нос греческий, в черном жакете, и они подолгу сидели, а потом он выходил ее провожать и сам закрывал двери». Кроме этой женщины, безусловно Веры Швейцер, И. В. Джугашвили, по словам В. П. Филипповой, однажды посетили двое мужчин: один, похожий на Н. А. Некрасова, второй — на Я. М. Свердлова [12].

В конце февраля — начале марта в Ачинске появился Влас Мгеладзе. По свидетельству М. К. Муранова, он сразу же направился к И. В. Джугашвили, которого давно и хорошо знал по Кавказу, однако, если верить воспоминаниям, тот не только не подал ему руку, но и не стал с ним разговаривать [13]. Причина этого могла заключаться в том, что во время войны была установлена связь В. Мгеладзе с «Союзом освобождения Украины», который, как известно, тесно сотрудничал с германским Генеральным штабом [14].

Днем 2 марта власть в Петрограде перешла к Временному правительству, а вечером Николай II отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича. В этот же день из столицы в Ачинск полетела телеграмма: «Петроград. Ачинск. Депутату Муранову. Все в руках народа. Солдаты, Временное правительство, президиум. Тюрьмы пусты, министры арестованы, государыня охраняется нашими. Кронштадт наш, окрестности и Москва примыкают» [15]. Тогда же новый товарищ министра юстиции дал распоряжение об освобождении находящихся на поселении депутатов IV Государственной Думы [16]. Вслед за этим подобную же телеграмму направил сам министр юстиции А. Ф. Керенский:

«Военному губернатору. Иркутск. Енисейскому губернатору. Красноярск. 2 марта 1917 г. Подтверждаю предписание товарища министра о немедленном и полном освобождении членов Государственной Думы Петровского, Муранова, Бадаева, Шагова и Самойлова и возлагаю на вас обязанность под личной вашей ответственностью обеспечить им почетное возвращение в Петроград. Член Государственной Думы, министр юстиции гражданин А. Керенский» [17].

Уже «2 марта к вечеру о событиях в Петрограде знал чуть ли не весь город (имеется в виду Ачинск. — *А.О.*), но все об этом говорили шепотом. Телеграммы печатать полиция не разрешила» [18].

«В день, когда мы получили телеграмму, — вспоминала А. В. Померанцева, — был базарный день. Я решила, что крестьяне с базара разъедутся и ничего не узнают, побегу к ним и скажу, что царя нет, царя свергли. На пути я встретила тов. Сталина. Сталин посмотрел на мое

возбужденное лицо и спросил: „Куда вы бежите?" Я говорю: „Бегу на базар, надо сказать крестьянам о перевороте". Он одобрил, и я побежала скорее известить крестьян» [19].

Была ли А. В. Померанцева первой, от кого И. В. Джугашвили узнал о перевороте, мы не знаем. Неизвестно и то, чем именно занимался он в этот день. Можно лишь отметить, что А. В. Померанцева писала: «Когда мы получили телеграмму о февральском перевороте, мы не были организованы и не успели собраться» [20].

Только «3-го утром от губернатора была получена телеграмма: „Дальнейшую задержку в печатании телеграмм считаю бесцельной". Часам к одиннадцати 3 марта Общество народного образования <…> выпустило экстренную телеграмму о событиях. После обеда была выпущена вторая телеграмма» [21].

То, о чем 2-го говорили шепотом, теперь было объявлено официально.

После этого ачинские большевики «устроили собрание в доме Долина» [22] и выступили с воззванием, которое было бы подписано депутатом IV Государственной Думы М. К. Мурановым [23]. Для его тиражирования, по всей видимости, использовали печатную машинку, которую можно было достать в Ачинском отделении Русско-Азиатского банка [24].

К следующему дню стало известно, что накануне великий князь Михаил Александрович отказался принять корону и предложил решить вопрос о власти Учредительному собранию. Так в России пала монархия [25]. Тогда же, 4 марта, в Ачинске к 12 часам дня появилось воззвание М. К. Муранова [26], днем М. К. Муранов

выступил на собрании представителей местного гарнизона [27], а вечером в 19.00 в Народном собрании под руководством ачинского городского головы П. Ф. Усакина открылось собрание, в котором приняло участие около 500 человек. Собрание избрало М. К. Муранова своим председателем, и он сразу же предоставил слово Л. Б. Каменеву. На этом собрании было принято решение направить телеграмму на имя великого князя Михаила Александровича с приветствием по случаю его отказа от престола [28].

По логике вещей вечером 4 марта И. В. Джугашвили должен был присутствовать на собрании в городской думе и бороться за принятие им наиболее радикальных решений. Между тем в нашем распоряжении имеются две несовпадающие между собой версии о его местонахождении вечером 4 марта. Обе они исходят от В. Л. Швейцер. В одном случае она утверждала, что 3 и 4 марта, «все дни», И. В. Джугашвили провел в военном городке, 4-го вернулся оттуда поздно и на собрание в городскую думу не пошел [29]. В другом случае она писала, что И. В. Джугашвили пришел в думу, когда Л. Б. Каменев закончил свое выступление [30].

Чему же верить? Ответ на этот вопрос в свое время дал сам И. В. Сталин на заседании Исполнительного комитета Коммунистического интернационала в 1926 г., где он припомнил Л. Б. Каменеву эпизод с посылкой телеграммы великому князю Михаилу Александровичу. На этом заседании И. В. Сталин заявил: «Я узнал на другой день об этом от самого т. Каменева, который зашел ко мне и сказал, что допустил глупость» [31].

Из этого вытекает, что вечером 4 марта И. В. Джугашвили не присутствовал на собрании в городской

думе. Никаких сведений о посещении им военного городка обнаружить не удалось [32], а само свидетельство В. Л. Швейцер на этот счет вызывает большие сомнения. Поэтому перед исследователями встает вопрос: где же находился И. В. Джугашвили 4 марта 1917 г. и что помешало ему принять участие в собрании, которое проходило в городской думе?

7 марта в газете «Енисейский край» было опубликовано сообщение о том, что в этот день депутат М. К. Муранов из Ачинска выезжает в Петроград [33]. В Ачинском музее когда-то хранилась листовка, в которой говорилось: «Сегодня, 7 марта, проводы депутата Муранова, уезжает в 2 часа дня с поездом № 1. Желающие проводить соберутся на площади к 12 ч. дня» [34]. Находясь в 1940 г. в г. Ачинске, В. Л. Швейцер, ознакомившись с этой листовкой, написала на ней: «В это же время вместе с Мурановым уехал т. Сталин из гор. Ачинска» [35]. Однако несколько лет спустя «в специальной справке от 14 марта 1947 г. тов. Швейцер пишет: „Митинг в честь отъезда ссыльных состоялся 7 марта 1917 г., но уехали мы 8 марта 1917 г. днем“» [36].

О том, что И. В. Джугашвили уехал из Ачинска в Петроград днем, свидетельствовал и М. К. Муранов:

«Выехали из Ачинска днем. Мы ехали на лошадях, до вокзала 4 версты, а ехали мы шагом, потому что много было провожатых, которые шли пешком. Около меня ехали Сталин, Каменев, Швейцер и еще несколько человек. Мы ехали на разных извозчиках» [37].

Между тем, по воспоминаниям жителя Ачинска Якова Степановича Крючкова, он отвозил И. В. Джугашвили на железнодорожную станцию ночью [38]. «На те-

легу, — вспоминал он, — сели Шатырская Устинья, Никитина Марина Лаврентьевна, Алексеев и Никитин. Вместе с ними рядом со мною сел на телегу Сталин, больше не помню, кто с ним был», «было около полуночи» {39}.

О том, что И. В. Джугашвили покинул Ачинск не днем, а ночью, вспоминала и В. П. Филиппова: «В первых числах марта, какого числа, не помню, еще днем он сказал, что сегодня уезжаю. Мы долго не ложились спать — эта женщина в этот вечер была с ним. Поздно ночью, часов в 12 или даже позднее, они вышли, попрощались с нами и при выходе он сказал этой женщине — подожди, скоро все уладится, все будет иначе. С собой понесли какой-то сверток» {40}. Позднее В. Л. Швейцер уточнила, что при отъезде И. В. Джугашвили от него была унесена пишущая машинка {41}.

Обращение к расписанию движения пассажирских поездов показывает, что зимой 1916/1917 гг. через Ачинск на запад проходили четыре пассажирских поезда: 9.47,12.15,14.37 и 16.53 (по местному времени) {42}. Следовательно, из Ачинска в Петроград можно было уехать только днем. Как же совместить с этим воспоминания Я. С. Крючкова и В. П. Филипповой?

По всей видимости, И. В. Джугашвили узнав о произошедших событиях, ночью выехал в Красноярск, а затем по возвращении оттуда — днем в Петроград. Не этим ли объясняется его отсутствие 4 марта 1917 г. на собрании в городской думе?

Когда утром 12 марта поезд с Л. Б. Каменевым, М. К. Мурановым и другими ссыльными прибыл в Петроград, вместе с ними находился и И. В. Джугашвили.

«12 марта (старый стиль) 1917 г., — вспоминала В. Л. Швейцер, — утром тов. Сталин приехал в Петроград. Шел мягкий пушистый снежок. Стоило нам выйти из вагона на платформу, как на нас пахнуло политической и революционной жизнью столицы <...>. Сливаясь с толпой, мы пошли по Невскому <...>. Беседуя с нами, тов. Сталин незаметно подошел к Таврическому дворцу» {43}.

Одной из первых, с кем встретился И. В. Джугашвили в Таврическом дворце, была Е. Д. Стасова, которая отвела их «во двор», где в это время находились М. С. Ольминский, Н. Г. Полетаев и некоторые другие члены редакции газеты «Правда». Здесь же, в Таврическом дворце, была и Е. Б. Бош с директивами от В. И. Ленина {44}.

«В тот же вечер, — вспоминала В. Л. Швейцер, — состоялось расширенное заседание ЦК на квартире товарища Ольминского. В совещании участвовали тов. Сталин, М. Ольминский, В. Молотов, Е. Стасова, Н. Полетаев, М. Муранов, Е. Бош, В. Швейцер и другие товарищи» {45}.

На этом совещании И. В. Джугашвили [65], Л. Б. Каменев и М. К. Муранов совершили редакционный переворот, взяв редакцию газеты «Правда» в свои руки {46}.

14-го вышел номер «Правды», в котором сообщалось: «В воскресенье, 12 марта, вернулся из ссылки один из пяти депутатов от рабочих в Государственной Думе т. М. К. Муранов» {47}. В этом же номере были опубликованы статьи Л. Б. Каменева {48} и И. В. Д-

жугашвили. Статья последнего появилась под псевдонимом Сталин {49}.

Так начался новый этап в его жизни. Под фамилией Сталин он не только получил известность, но и вошел в историю.

ПРИМЕЧАНИЯ

Первые полгода

[1]ГАРФ. Ф. ГТУ. Оп. 2. 1914. Д. 1288. Л. 23.

[2]Там же.

[3]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 218.

[4]Там же. Л. 2.

[5]О кадровом составе этих учреждений см.: Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г., Красноярск, 1913. С. 43.

[6]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 218. Л. 8.

[7]Там же.

[8]Список населенных пунктов Енисейской губернии. Красноярск, 1911. С. 380–382.

[9]Исторический архив. 1956. № 5. С. 116.

[10]*Иванов Б.*Товарищ Сталин и Свердлов в Туруханской ссылке // ГАРФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.

[11]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 3. М., 1972. С. 126.

[12]Большевики. М., 1990. С. 215.

[13]*Завьялов В.*Товарищ Сталин в Туруханске // Красноярский рабочий. 1939. 21 дек.

[14]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 483.

[15]Там же. Д. 218. Л. 11.

[16]Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г. С. 26.

[17]Из прошлого Сталина // Возрождение. 1929. 12 янв.

[18]Кавказский календарь на 1907 г. Тифлис, 1906. С. 106.

[19]Кавказский календарь на 1908 г. Тифлис, 1907. С. 111; Весь Баку на 1908 г. Баку, 1908. С. 113.

[20]Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 973.

[21]Кавказский календарь на 1911 г. Тифлис, 1910. С. 500–501.

[22]Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 г. С. 26.

[23]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4500. Л. 1.

[24]Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. 2-е изд. М., 1947. С. 55.

[25]ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.

[26]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 463. Л. 1–2.

[27]*Креер А. М.*Иосиф Дубровинский (Иннокентий). М., 1962. С. 63. См. также: *Байкалов А.*Мои встречи с Осипом Джугашвили // Возрождение. Р., 1950. Тетрадь 8. С. 117.

[28] *Трифонов Ю.*Исчезновение. М., 1988. С. 36–37; *Антонов-Овсеенко А. В.*Сталин без маски. М., С. 383.

[29]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4336. Л. 1.

[30]Там же. Д. 462. Л. 2.

[31]Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

[32] *Свердлова К. Т.*Яков Михайлович Свердлов. М., 1985.

[33] *Эмексузян В. С.*Сурен Спандарян. Красноярск, 1982. С. 65.

[34]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 220. Л. 1.

[35]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 3. С. 147.

[36]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

[37]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5–25-Б. Л. 4.

[38]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4234. Л. 1.

[39]Там же. Оп. 2. Д. 74. Опубликовано: *Трифонов Ю.*Исчезновение. С. 560–563.

[40]ГАРФ. Ф. 102. 00. 1914. Д. 5–25-Б. Л. 4–4 об.

[41]Там же. Л. 2–2 об.

[42]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

[43]Там же.

[44]Там же. Д. 49. Л. 1.

[45]Там же.

[46]Там же. Оп. 2. Д. 89. Л. 1.

[47]Там же. Оп. 4. Д. 659. Л. 73–74.

[48]Там же. Оп. 1. Д. 5168. Л. 1.

[49]Там же. Оп. 4. Д. 659. Л. 75.

[50]Там же. Ф. 30. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

[51]*Завьялов В.*Товарищ Сталин в Туруханске // Красноярский рабочий. 1939. 21 декабря.

[52]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4235. Л. 1–2.

[53]Там же. Д. 4337. Л. 1–2; Оп. 4. Д. 4235. Л. 1–2.

[54]Там же. Д. 460. Л. 1. Зарегистрировано в Енисейском розыскном пункте 15 февраля 1914 г.

[55]Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–2.

[56]Там же. Оп. 4. Д. 234. Л. 1–2.

[57]Там же. Л. 2.

[58]ГАРФ. Ф. 102. ОО. Д. 5–25-Б. Л. 27; *Завьялов В., Свердлова К. Т.*Яков Михайлович Свердлов. М., 1985. С. 176.

История одного конфликта

[1]*Москалев М. А.*И. В. Сталин в сибирской ссылке. Красноярск, 1942. С. 141.

[2]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 257.

[3]Там же. Д. 581. Л. 5, 8 (моя нумерация).

[4]Там же. Д. 662. Л. 198–199.

[5]Там же.

[6]Там же. Л. 478.

[7]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1913. Д. 5–17. Л. 164–165, 228.

[8]ГАКК. Ф. Р—827. Оп. 1. Д. 27. Л. 136.

[9]ГАРФ. Ф. ГТГУ. Оп. 2. 1914. Д. 1288. Л. 25.

[10]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

[11]*Розенталь И. С.*Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 138.

[12]*Свердлов Я. М.*Избранные сочинения. М., 1957. С. 268.

[13]ГАРФ. Ф. 5449 (Б. И. Иванов). Оп. 1. Д. 63. Л. 7.

[14]Там же. Оп. 4. Д. 581. Л. 5, 8 (нумерация моя).

[15]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 667. Л. 19, 22.

[16]Там же. Д. 662. Л. 251–256.

[17]*Свердлова К. Т.*Яков Михайлович Свердлов. 4-е изд. С. 178.

[18]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 667. Л. 19, 22.

[19]*Москалев М. А.*И. В. Сталин в сибирской ссылке. С. 146–147.

[20]Там же. С. 142.

[21]Новое время. 1914. 6 апр.

[22]ГАРФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 75. Л. 25 (Б. И. Иванов).

[23]*Антонов-Овсеенко А. В.*Сталин без маски. С. 383.

[24]*Свердлов Я. М.*Избранные произведения. Т. 1. С. 276–277.

[25]Там же. С. 276; ГАРФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 75. Л. 13 (Б. И. Иванов).

[26]*Свердлов Я. М.*Избранные произведения. Т. 1. С. 280.

[27]ГАРФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 63. Л. 7; Д. 75. Л. 25.

[28]*Москалев М. А.*И. В. Сталин в сибирской ссылке. С. 142.

[29]Там же. С. 142–144.

[30]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 240 (Л. П. Перепрыгина-Давыдова), 267 (Ф. А. Тарасеев).

[31]*Москалев М. А.*Сталин в сибирской ссылке. С. 142 (см. также с. 148).

[32]*Essad bei.*Stalin. Berlin, 1931. S. 223–224.

[33]*Волкогонов Д. А.*Сталин: Политический портрет. М. , 1996. Т. 1. С. 41.

[34]*Аллилуева С. И.*Только один год. N.Y., 1969. С. 330–331.

[35]*Колесник А.*Хроника жизни семьи Сталина. Харьков, 1990. С. 60.

[36]*Сухотин Я.*Бастарды красного вождя // Час пик. 1995. 21 окт.; *Рохлин А.*Где прятали незаконнорожденного сына Сталина? // Московский комсомолец. 1996. 22 июня.

[37]*Антонов-Овсеенко А. В.*Сталин без маски. С. 388.

[38]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1288. Л. 15–16. См. также: Известия. 2000. 8 дек.

[39]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 667. Л. 35 (М. А. Мерзляков).

[40]Там же. Д. 662. Л. 257–258.

[41]Там же. Л. 46–47.

[42]Там же. Л. 257–258.

[43]Там же. Л. 478–479.

[44]Там же.

[45]Был ли Сталин агентом охранки? М., 1999. С. 450.

[46]РГАСПИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 112. Л. 36.

[47] *Чуев Ф.*Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 202; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 533. Л. 1–5.

[48]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5169. Л. 1.

[49]Там же. Оп. 4. Д. 236. Л. 1–2. На рапорте имеются штамп: «2 августа 1914 г.» и пометки «К № 125, л. 306/ С. 14 г.», «Л. Д. /30».

[50]Там же. Д. 406. Картотека.

[51]Сурен Спандарян: Статьи, письма, документы. М., 1982. С. 341; *Эмексузян В. С.*Сурен Спандарян. С. 64.

[52]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1.Д. 10. Л. 22 (В. Л. Швейцер); *Швейцер В. Л.*Сталин в туруханской ссылке: Воспоминания подпольщика. М., 1940. С. 19–20.

Отшельник из Курейки

[1]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 55. 1. 1.

[2]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 5–79-Б. Л. 44.

[3] *Швейцер В. Л.*Сталин в туруханской ссылке. С. 30–31, 32.

[4]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 4338. Л. 1.

[5]Там же. Д. 4339. Л. 1.

[6]Сурен Спандарян: Статьи, письма, документы. С. 284. 27 февраля датируется и письмо Сталина Ленину из Монастырского (Ф. 558. Оп. 1. Д. 53. Л. 1).

[7]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 165–2. Л. 178; Д. 307–2. Л. 217 об.; Воспоминания В. Л. Бурцева // Новый журнал. 1962. Кн, 69. С. 188–190.

[8]*Самойлов Ф.*Большевистская фракция IV Государственной Думы в енисейской ссылке перед Февральской революцией // Пролетарская революция. 1927. № 2–3(61–62). С. 222.

[9]Там же. С. 224–225.

[10]Там же.

[11]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 582. Л. 20–21.

[12]Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 3. С. 365.

[13]Сурен Спандарян: Статьи, письма, документы. С. 284.

[14]Там же. С. 285.

[15]ГАРФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 75. Л. 28.

[16]Там же. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 307–2. Л. 217об.; *Бурцев В. Л.*Воспоминания // Новый журнал. 1962. Нью-Йорк, Кн. 69. С. 195.

[17]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 427 (В. Л. Швейцер).

[18]Там же. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–3.

[19]Там же. Оп. 4. Д. 560. Л. 2. Письма были изъяты при обыске Г. И. Петровского летом 1916 г.

[20]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–3. Письмо было перлюстрировано: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1915. Д. 165. т. 6. Л. 123, 124–125.

[21]Там же. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 75. Л. 77–79.

[22]Там же. Л. 79.

[23]Там же. Л. 82–83.

[24]Там же. Л. 84.

[25]Там же. Л. 86–89.

[26]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 358.

[27]Там же. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.

[28]Там же. Оп. 4. Д. 662. Л. 359 (В. Л. Швейцер).

[29]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 8. Л. 1.

[30]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 423.

[31]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 359 (В. Л. Швейцер).

Последний побег

[1]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 8. Л. 4.

[2]Там же. Л. 6.

[3]Там же. Л. 7.

[4]Там же. Л. 10, 13.

[5]Там же. Л. 9.

[6]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 360 (В. Л. Швейцер).

[7]*Москалев М. А.*И. В. Сталин в сибирской ссылке. С. 184; Сурен Спандарян: Статьи, письма, документы. С. 342.

[8]ГАРФ. Ф. 124. Оп. 54. Д. 8. Л. 23.

[9]Сурен Спандарян. Статьи, письма, документы. С. 295.

[10]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 359 (В. Л. Швейцер).

[11]*Лазебников А.*Линии судьбы (подготовила М. Колманова, главы из книги) // Советская культура. 1988. 16 июня.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 112. В самих воспоминаниях М. А. Мерзлякова это свидетельство не имеет четкой временной привязки, но ее нетрудно определить, исходя из их содержания. Так, касаясь первого лета в Курейке, М. А. Мерзляков писал о своем подопечном, что «он по первости не отлучался» из станка, а «на второе лето несколько раз просился поехать в Монастырское» (Там же). Следовательно, утверждение об отсутствии И. В. Джугашвили в Курейке на протяжении всего лета могло относиться только к 1916 г.

[13]Там же. Л. 118.

[14]Там же.

[15]Там же.

[16]*Самойлов Ф.*По следам минувшего. М., 1934. С. 524–528.

[17]Там же. С. 529; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 5–25-Б. Л. 41.

[18]*Самойлов Ф.*По следам минувшего. С. 535; *Виноградов Л.*Федор Самойлов. М., 1961. С. 63.

[19]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 234 (Г. И. Петровский); *Самойлов Ф.*По следам минувшего. С. 535.

[20]Там же.

[21]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 553.

[22]*Бадаев А. Е.*О Сталине // Правда. 1939. 19 дек.

[23]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1288. Л. 16.

[24]Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 112. Л. 36.

[25]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 105–141.

[26]Там же. Ф. 86. Оп. 1. Д. 112. Л. 17.

[27]Правда. 1939. 22 дек. (С. Я. Аллилуев).

[28]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 360.

[29]Правда. 1939. 22 дек. (С. Я. Аллилуев).

Призыв на военную службу

[1]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 218. Л. 14.

[2]*Швейцер В. Л.*Сталин в туруханской ссылке: Воспоминания подпольщика. С. 44.

[3]Енисейский край. 1916. 3 нояб.

[4]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 139 (М. А. Мерзляков); 259 (И. М. Тарасеев).

[5]Там же. Л. 257.

[6]Правда. 1939. 18 дек.

[7]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 488.

[8]Там же. Оп. 1. Д. 4313. Л. 1.

[9]*Свердлов Я. М.*Избранные произведения: Статьи, речи и письма. М., 1976. С. 99.

[10]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 218. Л. 14.

[11]ГАРФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 74. Л. 73.

[12]Енисейский край. Красноярск, 1917. 17 янв.

[13]Биографическая хроника // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 2. С. 423.

[14]*Швейцер В. Л.*Сталин в туруханской ссылке. С. 44.

[15]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 53–54.

[16]ГАРФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 74. Л. 74.

[17]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 53.

[18]Там же. Л. 287–288 (В. Л. Швейцер).

[19]Там же. Л. 53.

[20]Енисейский край. 1917. 8 февр.

[21]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 55 (Б. И. Иванов).

[22]ГАРФ. Ф. 5449. Оп. 1. Д. 74. Л. 78–79 (Б. И. Иванов). См. также: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 582. Л. 12.

[23]Там же. Д. 662. Л. 288–289; *Швейцер В. Л.*В ачинской ссылке (из воспоминаний) // Известия. 1937. 12 марта.

[24]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 27. Л. 12.

[25]Гори. Д. 235. Л. 1–2 (М. Лишхи).

[26]*Байкалов А.*Мои встречи с Осипом Джугашвили // Возрождение. Париж, 1950. Тетрадь 8. С. 117.

[27]Большевистская печать. 1937. № 5. С. 24 (С. В. Малышев).

[28]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. I. Д. 2035. Л. 6 (М. И. Фрумкин).

[29]Там же. Д. 1263. Л. 6 (Н. Л. Мещеряков).

[30]Был ли Сталин агентом охранки? М., 1999. С. 342.

[31]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2035. Л. 6. (М. И. Фрумкин).

[32]*Байкалов А.*Мои встречи с Осипом Джугашвили. С. 117.

[33]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 218. Л. 15.

[34]Там же. Оп. 1. Д. 4357. Л. 1.

[35]Там же. Оп. 4. Д. 582. Л. 11.

[36]Там же. Д. 218. Л. 17.

[37]*Байкалов А.*Мои встречи с Осипом Джугашвили. С. 117.

[38]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 218. Л. 19.

Из Ачинска в Петроград

[1]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 1549; Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 392 (В. Л. Швейцер).

[2]Там же.

[3]Там же.

[4]Там же. Д. 667. Л. 92 об.

[5]Там же. Л. 93 об.

[6]Там же. Л. 93.

[7]Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 248; Ф. 161. Оп. 1. Д. 43. Л. 48; Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 395 (Швейцер В. Л.).

[8]Там же. Д. 667. Л. 99, 113.

[9]Там же. Л. 395–397.

[10]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 649. Л. 234 (М. К. Муранов).

[11]*Байкалов А.*Мои встречи с Осипом Джугашвили С. 117.

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 667. Л. 92 об., 94.

[13]Там же. Д. 582. Л. 23.

[14]*Ленин В. И.*Полн. собр. соч. Т. 48. С. 50, 496.

[15]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 43. Л. 25.

[16]Известия. 1917. № 7. 3 марта.

[17]Там же.

[18]Ачинск в исторические дни // Енисейский край. 1917. № 52. 7 и 8 марта.

[19]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 544.

[20]Там же.

[21]Ачинск в исторические дни // Енисейский край. 1917. 7 марта.

[22]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 544 (А. В. Померанцева).

[23]Енисейский край. 1917. 7 марта.

[24]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 275 (В. П. Филиппова).

[25]Ачинск в исторические дни // Енисейский край. 1917. 7 марта.

[26]Там же; РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 43. Л. 24.

[27]Там же.

[28]Там же.

[29]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 667. Л. 85 об. (В. Л. Швейцер).

[30]Там же. Д. 582. Л. 6 (В. Л. Швейцер).

[31]*Волкогонов Д. А.*Сталин. Т. 1. М., 1996. С. 53.

[32]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д.662. Л. 40.

[33]Енисейский край. 1917. 7 марта.

[34]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 667. Л. 136.

[35]Там же.

[36]Там же. Л. 145.

[37]Там же. Оп. 649. Л. 233.

[38]Там же. Д. 662. Л. 67–67 об. (Я. С. Крючков).

[39]Там же. Д. 649. Л. 97–98 (Я. С. Крючков).

[40]Там же. Л. 93.

[41]Там же. Д. 662. Л. 275.

[42]Официальный указатель железнодорожных пароходных и других пасса жирских сообщений. С ноября 1916 г. Пг., 1916. Отд. III. С. 160.

[43]РГАСПИ. Ф. 161. Оп. 1. Д. 16. Л. 2–3.

[44]Там же. Л. 4.

[45]Там же.

[46]*Шляпников А. Г.*Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М. 1992. С. 444–446.

[47]Правда. 1917. 14 марта.

[48]Там же.

[49]Там же.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ЗА КУЛИСАМИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

ГЛАВА 1. СТАЛИН — АГЕНТ ОХРАНКИ: ЗА И ПРОТИВ

Загадки и догадки

Рассмотренный материал показывает, что реальная биография И. В. Сталина значительно отличалась от той ее версии, которая нашла отражение в официальной литературе.

Прежде всего оказывается, что И. В. Сталин был арестован не шесть, не семь и не восемь, а как минимум девять раз (1900 г., 5 апреля 1902 г., 1905–1906 гг., 25 марта 1908 г., 23 марта 1910 г., 9 сентября 1911 г., 22 апреля 1912 г., 23 февраля 1913 г., лето 1916 г.). Кроме того, не менее четырех раз его подвергали задержанию (21 марта 1901 г., осень 1904 г., 28 января 1906 г., 10 октября 1909 г.).

Иначе выглядит и хроника побегов. И. В. Сталину удалось бежать не четыре, не пять и не шесть, а по меньшей мере восемь раз (1903 г., 1904 г., 1905–1906 гг., 1909 г., 1911 г., 1912 г. — два побега, 1916 г.). К этому нужно добавить два известных нам случая, когда он су-

мел ускользнуть буквально из рук полиции (28 января 1906 г. и 10 октября 1909 г.).

Аресты и побеги могут лишь украсить биографию революционера. Почему же в свое время И. В. Сталин не только называл меньшее количество арестов и побегов, но и не дал их полной и точной хронологии?

Невольно возникает вопрос: может быть, И. В. Джугашвили и И. В. Сталин — это разные люди, и последний плохо знал революционную биографию первого? Не здесь ли кроется объяснение того, почему И. В. Сталин называл днем своего рождения 9 (21) декабря 1879 г., а не 6 (18) декабря 1878 г.? Почему дефект левой руки отсутствует в первом известном нам описании его примет 1902 г. и розыскном циркуляре 1904 г., но присутствует в других документах? Почему, если такой дефект действительно существовал с детства, он стал основанием для освобождения И. В. Джугашвили от службы в 1917 г., в разгар войны, но не был принят во внимание в 1900 г.? Почему летом 1909 г. И. В. Джугашвили не могли опознать секретные сотрудники Бакинского охранного отделения М. Коберидзе (Михаил?) и Н. С. Ериков (Фикус), знавшие его до этого? Почему, по мнению Г. Уратадзе, изображения И. В. Сталина не похожи на того И. В. Джугашвили, с которым он встречался в 1903 г. в кутаисской тюрьме? Почему до сих пор нам почти неизвестны оригиналы дореволюционных фотографий И. В. Джугашвили и регистрационных карт с его дактилоскопическими отпечатками? Почему в сохранившихся описаниях его примет мы обнаруживаем серьезные расхождения, особенно это касается его роста и оспенных пятен? Почему под некоторыми дореволюционными документами мы видим подпись И. В. Джугашвили, сделанную не его ру-

кой? Почему он был равнодушен к своему сыну Якову и счел возможным отсутствовать на похоронах матери?

Несмотря на заманчивость этой версии, придающей революционной биографии И. В. Сталина детективный характер, она вызывает большие сомнения.

Если бы в 1899–1917 гг. под фамилией И. В. Джугашвили действовали два или несколько разных лиц, данное обстоятельство не могло бы не привлечь к себе внимание его товарищей по партии, знавших и встречавших его как до, так и после 1917 г. А их было достаточно много. Вот только некоторые из них: Н. Н. Аладжалова, С. Я. Аллилуев, К. Е. Ворошилов, И. Э. Гуковский, С. С. Девдориани, П. А. Джапаридзе, А. С. Енукидзе, С. И. Кавтарадзе, Л. Б. Каменев, В. З. Кецховели, Л. Б. Красин, Ф. И. Махарадзе, П. Г. Мдивани, В. П. Ногин, Г. К. Орджоникидзе, семья Сванидзе, Е. Д. Стасова, Т. П. Сухова, С. А. Тер-Петросян (Камо), С. Я. Тодрия, М. И. Фрумкин, М. Г. Цхакая, С. Г. Шаумян и т. д.

Поэтому объяснение «загадок» в биографии вождя нужно искать в другом. Тем более что они не исчерпываются арестами и побегами.

До сих пор мы не знаем действительных причин и обстоятельств исключения И. В. Сталина из семинарии.

Очень странно, что официальная историография предпочитала замалчивать первое его знакомство с полицией — обыск летом 1899 г. в селении Цроми, факт его первого ареста в 1900 г., задержание в ночь с 21 на 22 марта 1901 г.

Не все понятно с привлечением И. В. Сталина к первой переписке по выяснению политической благонадежности при Тифлисском ГЖУ 23 марта 1901 г. В частности,

неясно, почему, приняв постановление о его привлечении к переписке в качестве обвиняемого, жандармы не предприняли никаких мер по его разысканию, а когда он попал в сферу наблюдения и стало известно место его проживания, ничего не было сделано для его ареста. До сих пор остается неизвестным, когда и чем закончилась для И. В. Сталина эта переписка.

Много неясного с перепиской, которая была начата после его ареста 5 апреля 1902 г. С одной стороны, рассмотрев представленные ему материалы, Департамент полиции счел возможным превращение переписки в формальное дознание и передачу дела в суд, с другой стороны, несмотря на существование свидетельских показаний, уличавших И. В. Сталина в причастности к мартовским событиям 1902 г. в Батуме, прокуратура признала необходимым закрыть это дело из-за отсутствия улик. Кто в этом отношении был ближе к истине, судить трудно, так как материалы переписки и выросшего из нее дознания обнаружить не удалось.

Вызывает вопросы эпизод с привлечением И. В. Сталина к дознанию при Тифлисском ГЖУ в 1902 г. В частности, это касается сокрытия Тифлисским ГЖУ от следствия неблагоприятных для И. В. Сталина фактов. Требует выяснения, когда, кто и с какой целью уничтожил дела № 630 и 630–1 за 1902 г. из 7-го делопроизводства Департамента полиции и подчистил дело № 175 за этот же год. Странно выглядит история с попыткой ареста И. В. Сталина во время его пребывания под стражей весной 1903 г. и его поисками в 1903 г. перед отправкой в Сибирь. Непонятно, для чего понадобилось скрывать его первый, неудавшийся побег из ссылки в конце 1903 г. Почему никто кроме крестьянина М. И. Кунгурова, не по-

делился воспоминаниями об обстоятельствах второго побега?

Не все понятно с поддельным удостоверением, которое И. В. Сталин изготовил в своей первой ссылке и которое свидетельствовало, будто бы он являлся агентом балаганского уездного исправника. С одной стороны, существование подобного удостоверения и возможность его изготовления вызывают большие сомнения, с другой стороны, нельзя не считаться с тем, что информация о нем исходила от самого И. В. Сталина.

В официальной литературе был вычеркнут эпизод с его возвращением после ссылки 1903–1904 гг. в Батум и появлением первых, порочащих его как революционера слухов. Между тем сам факт того, что с января по июль 1904 г. И. В. Сталина не допускали к партийной работе, не может не вызывать удивления. Удивление вызывает и другое: как совместить его неспособность из-за отсутствия денег уехать из Батума в Тифлис и проживание без работы на протяжении почти полугода.

Требуют дальнейшего выяснения обстоятельства поездки И. В. Сталина осенью 1904 г. в Кобулети и его задержания там пограничниками.

Ждет ответа и вопрос, на чем были основаны обвинения И. В. Сталина в провокации, выдвинутые меньшевиками в 1905 г.

Остается неизвестным, что стало с материалами о его аресте и побеге в 1905 г., на которые опирались ротмистр Карпов в 1911 г. и редакция газеты «Бакинский рабочий» в 1925 г.? Непонятно, почему в делах Департамента полиции «дыра» за 1905–1907 гг., а в делах Тифлисского охранного отделения — за 1905 и 1907 гг.?

Странно, что, зная о присутствии провокатора на Таммерфорсской конференции, советские историки так и не смогли установить его фамилию.

Не все ясно в истории с задержанием И. В. Сталина 28 января 1906 г.

Заслуживает более тщательного рассмотрения свидетельство Р. Арсенидзе об аресте И. В. Сталина в 1906 г. перед его поездкой в Стокгольм на IV объединительный съезд РСДРП.

Вызывают вопросы арест и освобождение Екатерины Сванидзе в конце 1906 г.

Не может не поражать переписка 1908 г. в Бакинском ГЖУ, в ходе которой был совершен подлог документов и сознательно искажена в пользу И. В. Сталина картина его деятельности в 1904–1908 гг. Особенно удивительно то, что подобная деятельность ведшего следствие ротмистра Ф. В. Зайцева оказалась в полном соответствии со справкой Тифлисского ГЖУ, представившего по сути дела сфальсифицированную в пользу подследственного информацию.

Вызывает удивление подписанное ротмистром Ф. В. Зайцевым постановление ГЖУ о высылке И. В. Сталина в Сибирь на 3 года, в то время как на его счету числилось два с половиной года неотбытой ссылки. Но еще более поразительно решение Особого совещания, сократившего срок ссылки до двух лет и заменившего Сибирь Вологодской губернией.

Если в 1908 г. И. В. Сталин действительно ушел на этап вместо арестанта Жвании, а затем сумел бежать, почему этот факт оставался скрытым на протяжении десятилетий? Почему исчезли материалы, связанные с его

этапированием и первым пребыванием в Сольвычегодске? Когда и куда пропали материалы первой сольвычегодской ссылки И. В. Сталина и что именно подчищалось после Великой Отечественной войны в делах Вологодского ГЖУ за 1908 г.?

Удивительно, что, имея двух секретных сотрудников (Михаила и Фикуса), хорошо знавших И. В. Сталина, бакинская охранка в 1909–1910 гг. на протяжении нескольких месяцев принимала его за бежавшего из ссылки Тотомянца, хотя из розыскных циркуляров Департамента полиции явствовало, что в 1909 г. под такой фамилией из ссылки никто не бежал, а в картотеке Департамента полиции такая фамилия до 1909 г. отсутствовала. Не менее удивительно, что Кавказское районное охранное отделение и Департамент полиции с доверием относились к информации Бакинского охранного отделения на этот счет.

Специального выяснения требуют разногласия, которые возникли в 1909–1910 гг. внутри Бакинского комитета РСДРП и были связаны с вопросом о провокации.

Можно понять, почему, арестовав И. В. Сталина в 1910 г., Бакинское ГЖУ постановило выслать его в административном порядке в Сибирь на 5 лет. Но чем объяснить, что это предложение, одобренное бакинским градоначальником и бакинским окружным прокурором, не получило поддержки Особого совещания при наместнике, которое, воспретив проживание И. В. Сталина на Кавказе в течение пяти лет, предпочло возвратить его на прежнее место ссылки для отбывания остававшегося срока?

Еще более поразительно то, что, обнаружив в сентября 1910 г. документы, уличавшие И. В. Сталина в при-

надлежности к Бакинскому комитету РСДРП в качестве секретаря, и имея все основания для передачи дела в суд (а это открывало возможность вынесения приговора о замене ссылки тюремным заключением, каторжными работами или же вечным поселением в Сибири), Бакинское ГЖУ ничего не сделало для привлечения И. В. Сталина к суду.

Есть убедительные данные о его побеге из Сольвычегодска в 1911 г. Почему же этот факт был вычеркнут из его биографии?

Нельзя не признать странным то, что в 1911 г. Особое совещание при МВД не только отвергло предложение Петербургского ГЖУ о высылке И. В. Сталина в Сибирь на 5 лет, ограничив срок ссылки тремя годами, не только предоставило ему возможность самому выбрать место ссылки, но и позволило ему добираться туда самостоятельно, т. е. без конвоя, а Петербургское охранное отделение, по существу, сфальсифицировало описание его примет.

Много вопросов вызывает переписка 1912 г. и последовавшее за ней постановление Особого совещания при МВД, в соответствии с которым И. В. Сталин, ставший к этому времени членом ЦК РСДРП и имевший на своем счету два года и девять месяцев неотбытой ссылки, снова был приговорен лишь к трем годам гласного надзора полиции.

Странно, что получив в 1912 г. в свое распоряжение архив Тифлисской организации РСДРП и Русского бюро ЦК РСДРП, содержавший документы, написанные рукой И. В. Сталина, Тифлисское ГЖУ точно так же, как в 1910 г. Бакинское ГЖУ, не предприняло никаких действий для привлечения его к суду.

Трудно признать не только суровым, но и соответствующим назначению Особого совещания при МВД его решение 1913 г. о высылке И. В. Сталина, за которым числился очередной побег и почти три года неотбытой ссылки, под гласный надзор полиции на 4 года.

Требуют более тщательного исследования обстоятельства происшествия, произошедшего в Курейке весной — летом 1914 г. и дающего основания предполагать возможность неудачной попытки нового побега И. В. Сталина.

Остается непонятным факт сокрытия побега И. В. Сталина из Туруханского края весной — летом 1916 г.

Не все ясно с его призывом на военную службу в конце 1916 г., особенно если учесть, что списки призывников утверждались местным губернским жандармским управлением и Департаментом полиции. Как же в них оказался человек, который входил в ЦК пораженческой партии, незадолго перед этим совершил очередной побег и по своим физическим данным вообще был непригоден к военной службе? Складывается впечатление, что таким образом его просто-напросто «вытаскивали» из Курейки.

Более внимательного рассмотрения требует пребывание И. В. Сталина в Ачинске: это касается не только его отсутствия вечером 4 февраля 1917 г. на собрании в городской думе, но и обстоятельств отъезда в Петроград.

Уже обращено внимание на то, что, бежав из ссылки, И. В. Сталин неоднократно возвращался туда, откуда его высылали и где по этой причине его знали как местная полиция, так и жандармы. Имея в виду побег И. В. Сталина 1904 г., Л. Д. Троцкий объяснял его возвращение на Кавказ тем, что к этому времени он еще не дорос до общероссийской деятельности и поэтому не мог «пе-

перерезать кавказской пуповины» [1]. Но ведь то же самое повторилось ив 1912 г., когда, бежав из Вологды и Нарыма, И. В. Сталин оба раза возвращался в Петербург, откуда перед тем был выслан.

Не может не настораживать то, что почти сразу же после революции И. В. Сталин начинает выявлять материалы о самом себе, изымать их из местных архивов и ограничивать к ним доступ в Москве. Объяснить это его скромностью невозможно. Именно в это время его именем называли города, улицы и заводы, он сам вписывал в свою «Краткую биографию» несуществовавшие факты и незаслуженные оценки. Следовательно, главная причина организованных им масштабных архивных поисков была связана со стремлением ограничить доступ исследователей к одним документам и уничтожить другие.

Все это вместе взятое невольно рождает самые худшие подозрения и придает заманчивость версии о связях И. В. Сталина с охранкой. Однако несмотря на внешнюю убедительность этой версии, бесспорных доказательств в ее пользу до сих пор не приведено.

Что же касается косвенных аргументов, то при более внимательном их рассмотрении они оказываются отнюдь не такими бесспорными, как это может показаться на первый взгляд.

Прежде всего это касается побегов.

Здесь необходимо иметь в виду по крайней мере три обстоятельства.

Во-первых, охранка ценила своих секретных сотрудников и старалась их не подставлять. Известно, например, что Евно Фишелевич Азеф являлся секретным сотрудником Департамента полиции с 1892 по 1909 г. и за

это время был арестован только один раз, а Анна Егоровна Серебрякова прослужила в Московском охранном отделении без единого ареста четверть века [2]. Между тем за 18 лет после исключения из семинарии И. В. Сталина арестовывали как минимум девять раз и не менее четырех раз подвергали задержанию. И чем выше поднимался он по ступенькам партийной иерархии, тем чаще становились аресты и продолжительнее ссылки. Если разделить названные 18 лет на два равных периода (до и после 1908 г.), мы получим следующую картину: в 1899–1908 гг. И. В. Сталин провел на воле не менее семи с половиной лет, а в 1908–1917 гг. — лишь около полутора лет.

Во-вторых, имеются свидетельства современников о том, что из царской ссылки бежать не представляло особого труда. Вот мнения двух лиц, находившихся по разные стороны баррикад. «Ссылка, — констатировал бывший заведующий Особым отделом Департамента полиции Л. А. Ратаев, — существовала только на бумаге. Не бежал из ссылки только тот, кто этого не хотел, кому, по личным соображениям, не было надобности бежать» [3]. «Бежать, — признавался Л. Д. Троцкий, сам совершивший два побега, — в большинстве случаев было нетрудно» [4]. На 1 января 1903 г. (год первой ссылки И. В. Сталина) общая численность приговоренных к гласному надзору полиции составляла 3250 человек, из них 2507 человек находились на месте ссылки и на этапах, а также отбывали свой срок за границей (существовал до 1917 г. и такой вид наказания), остальные 743 человека, почти каждый четвертый, числились в самовольной отлучке или же в побеге [5]. На 1 апреля 1913 г. (год последней ссылки И. В. Сталина) общая численность административно-ссыльных достигла 4858 чело-

век, из них 141 человек получил право отбывать срок ссылки за границей, 302 человека находились на этапе, 2175 человек отбывали назначенный им срок, остальные 2240 человек (почти каждый второй) числились в бегах [6].

Поэтому сам факт частых побегов И. В. Сталина может вызвать удивление только у человека, совершенно незнакомого с состоянием дореволюционной ссылки.

В-третьих, следует учитывать, что совершить побег самостоятельно можно было только в виде исключения. Для его успеха требовались деньги, документы и явки. Поэтому обычно в подготовке и обеспечении побега участвовали несколько человек. И не представляло труда установить, бежал ли ссыльный (арестант) в одиночку или же его побег был организован, и если организован, то кем? Побеги, организованные жандармами, нередко привлекали к себе внимание и становились причиной провала секретных сотрудников. Поэтому разработанная в 1908 г. инструкция Московского охранного отделения о работе с секретными сотрудниками рекомендовала избегать подобной формы освобождения арестованного секретного сотрудника и предлагала в случае его ареста освобождать вместе с ним всех арестованных [7].

«Непотопляемость» секретных сотрудников в условиях, когда рядом провал следовал за провалом, тоже могла вызвать подозрения. Учитывая это, 24 мая 1910 г. Департамент полиции обратился к охранным отделениям со специальным циркуляром № 125534. В нем говорилось:

«Милостивый государь! Практика указала, что сотрудники, давшие неоднократно удачные ликвидации и оставшиеся непривлеченными к следствию или дозна-

нию, безусловно, рискуют при следующей ликвидации, если вновь останутся безнаказанными, провалиться и стать, с одной стороны, совершенно бесполезными для розыска, обременяя лишь бюджет Департамента полиции и розыскных учреждений, с другой же стороны, вынуждаются вести постоянную скитальческую жизнь по нелегальным документам и под вечным страхом быть убитыми своими товарищами. В подобных случаях более целесообразно не ставить сотрудников в такое положение и, с их согласия, дать им в конце концов возможность, если то является необходимым, нести вместе с своими товарищами судебную ответственность, имея в виду то, что, подвергшись наказанию в виде заключения в крепость или в ссылке, они не только гарантируют себя от провала, но и усилят доверие партийных деятелей и затем смогут оказать крупные услуги делу розыска как местных учреждений, так и заграничной агентуре, при условии, конечно, материального обеспечения их во время отбытия наказания. Сообщая о таковых соображениях, по поручению г. товарища министра внутренних дел, командира Отдельного корпуса жандармов, имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что его превосходительством будет обращено особое внимание как на провалы агентуры, так и на ее сбережение, и в особенности на предоставление серьезных секретных сотрудников для заграничной агентуры, которая может пополняться только из России и притом лицами, совершенно не скомпрометированными с партийной точки зрения. Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем почтении» {8}.

Таким образом, арест секретного сотрудника как форма прикрытия его сотрудничества с охранкой входит в практику политического сыска дореволюционной Рос-

сии только с 1910 г. Однако подобный арест секретного сотрудника с последующими его ссылкой или тюремным заключением допускался только с согласия его самого. Если с этих позиций подойти к арестам И. В. Сталина 1910, 1911 и 1912 гг., то их можно было бы рассматривать как форму прикрытия, но этого никак нельзя сказать об аресте 1913 г. и последовавшей за ним ссылке в Туруханский край.

Исходя из этого, можно утверждать, что частые побеги И. В. Сталина не могут рассматриваться даже в качестве косвенного аргумента в пользу версии о его сотрудничестве с охранкой. Более того, с учетом сказанного выше они выглядят не столько как улика, сколько как алиби.

Необходимо также учитывать, что если бы И. В. Сталин был секретным сотрудником, он обязательно получал бы жалованье. Обычно оно составляло около 20–25 руб. в месяц [{9}]. Сумма — достаточная для существования одного человека. Секретным сотрудникам, занимавшим в революционном подполье особое положение, выдавались более высокие оклады: 50–100 руб. [{10}] Еще более высокие оклады имели секретные сотрудники, близкие к руководящим органам политических партий или же входящие в их руководство. Так, жалованье Р. В. Малиновского составляло 500–700 руб. в месяц, или 6000–8400 руб. в год [{11}]. Для сравнения: оклад директора Департамента полиции без квартирных не превышал 7 тыс. руб. в год [{12}].

Если же принять во внимание партийное содержание (известно, что в 1909 г. в Баку И. В. Сталин получал в месяц 40 руб. [{13}], а в 1913 г. в Петербурге как член ЦК 60 руб. [{14}]), то он не должен был испы-

тывать недостатка в деньгах. Однако даже его политические противники отмечали, что он жил очень скромно. «Сам Сталин был одет бедно, вечно нуждался и этим отличался от других большевиков-интеллигентов, любивших хорошо пожить (Шаумян, Махарадзе, Мдивани, Кавтарадзе и другие)» {15}, — вспоминал, например, Н. Жордания. А вот что писал в 1908 г. С. Г. Шаумян: «На днях нам сообщили, что К[обу] высылают на север, и у него нет ни копейки денег, нет пальто и даже платья на нем. Мы не смогли найти ему <…> денег, не смогли достать хотя бы старого платья» {16}.

Итак, с одной стороны, в нашем распоряжении имеется большой фактический материал о загадках в революционной биографии И. В. Сталина, рождающих подозрения относительно его связей с охранкой, с другой стороны, очевидно, что как для подобного обвинения, так и для его опровержения одних косвенных аргументов недостаточно.

Версия не подтверждается

Самый надежный способ решения вопроса о связях И. В. Сталина с охранкой — это установление персонального состава внутренней агентуры органов политического сыска тех мест, с которыми была связана его революционная деятельность: Тифлисская (1898–1907 гг.), Кутаисская (1901–1905 гг.), Бакинская (1904–1910 гг.) и Петербургская (1911–1913 гг.) губернии.

Как уже отмечалось, в литературе существуют четыре точки зрения о времени привлечения И. В. Сталина к сотрудничеству с органами политического сыска: в 1897, 1899, 1903 и 1906 гг. Поскольку в 1897–1901 гг. он жил в Тифлисе, то в эти годы мог быть завербован только

Тифлисским губернским жандармским управлением. В Тифлисе существовало еще жандармско-полицейское управление на железной дороге, но в поле его зрения были железнодорожные рабочие и служащие, поэтому секретные сотрудники и осведомители нужны были ему именно из этой среды. Между тем И. В. Джугашвили никогда на железной дороге не работал.

До начала 1900-х гг. розыскная работа осуществлялась главным образом с помощью осведомителей и наружного наблюдения. Секретные сотрудники в большинстве губерний или отсутствовали, или же играли совершенно второстепенную роль.

Так, до весны 1895 г. Тифлисское ГЖУ имело всего лишь одного секретного сотрудника. Через полгода, 12 октября, начальник этого управления генерал Янковский доносил директору Департамента полиции Н. Н. Сабурову: «В данное время у меня состоят два частных агента (второго агента я приискал в мае при усилившемся армянском движении) и несколько, по мере надобности, временных, первые два получают определенное содержание, последние получают плату по исполнении возложенных на них поручений» {1}.

В мае 1897 г. местное жандармское управление возглавил полковник Евгений Павлович Дебиль {2}. Из переписки Тифлисского ГЖУ явствует, что в ноябре 1900 г. у него тоже имелось только два секретных сотрудника. Одним из них был «агент, служащий в мастерских Закавказской железной дороги» {3}, второй «под видом мастерового» жил на Авчальской улице в «соседнем доме с № 131» {4}. А поскольку И. В. Сталин в это время состоял на службе в Тифлисской физической обсерватории и проживал в ее здании на Ми-

хайловском проспекте, он не мог быть ни одним, ни другим секретным сотрудником Тифлисского ГЖУ.

Знакомство с донесениями Тифлисского ГЖУ в Департамент полиции показывает, что в 1901 гг. оно продолжало получать информацию от двух секретных сотрудников, причем один из них осенью этого года оказался близок к руководству Тифлисской организации РСДРП. Мог ли быть этим секретным сотрудником И. В. Сталин?

Наибольший интерес для ответа на данный вопрос представляет донесение помощника начальника Тифлисского ГЖУ ротмистра В. Н. Лаврова полковнику Е. П. Дебилю от 17 ноября 1901 г.:

«И сего ноября в воскресенье на Авлабаре в конспиративной квартире происходила большая сходка объединенных передовых рабочих железнодорожных мастерских, городских заводов и типографий численностью в 25 человек под руководством четырех интеллигентов (трех грузин и одного армянина). На сходке состоялись выборы центрального рабочего комитета в составе четырех членов и четырех к ним кандидатов <…>. Из числа участников известны: один интеллигент-грузин, наблюдавшийся в предыдущих сходках, и четверо рабочих; из остальных некоторые замечены и ныне выясняются. Из выбранных членов комитета двое известны по фамилиям, остальные указаны. Докладывая вашему высокоблагородию о всем вышеизложенном, имею честь присовокупить, что ввиду того что агентура и наблюдение <…> подходят к центру < социал-демократического движения в городе, я полагал бы желательным в отношении наблюдаемых лиц более или менее продолжительное время не производить никаких следственных действий за исключением вызываемых по прежней их деятельности, вошедших уже в

дознания, дабы не пресечь себе способов выяснения центра» {5}.

Из этого донесения явствует, что: а) упомянутый выше секретный сотрудник Тифлисского ГЖУ 11 ноября 1901 г. присутствовал на конференции Тифлисской организации РСДРП; б) так как на конференции фамилии избранных в состав комитета не оглашались и были доведены до сведения только самих его членов, этот секретный сотрудник входил в состав комитета в качестве его члена или же кандидата; в) секретный сотрудник, вероятнее всего, принадлежал к числу рабочих и до этого не играл в организации руководящей роли, так как ему на самой конференции были известны только 5 человек («интеллигент-грузин» и «четверо рабочих»); г) кроме этого неизвестного нам секретного сотрудника других агентов Тифлисское ГЖУ на этой конференции не имело; д) этим секретным сотрудником не мог быть И. В. Сталин, который принадлежал к числу руководителей конференции и знал если и не всех, то более половины ее участников.

В 1902 г. для ревизии Тифлисского ГЖУ Департамент полиции направил начальника Киевского губернского жандармского управления А. И. Спиридовича.

Свою оценку положения дел с внутренней агентурой Тифлисского ГЖУ он дал в письме от 23 мая 1902 г.: «Агентурные силы Управления составляют два постоянных сотрудника: мастеровой, освещающий круг железнодорожных рабочих, и полуинтеллигент, вращающийся в городской среде. Кроме того, есть еще рабочий и женщина-интеллигентка, работающие по мере надобности, сдельно. При таком составе агентуры внутренне освещается только рабочая среда и преимущественно железнодорож-

ники, в кругу ее низших агентов. Освещению последней, впрочем, главным образом способствуют сообщения местного жандармского железнодорожного управления, начальник тифлисского отделения которого имеет почти всегда обстоятельные сведения о положении дел среди рабочих (мастерские — 4000 человек), что и сообщает в губернское жандармское управление. *Кружки русских интеллигентов, среда армянская, грузинская, а также кружки учащихся — за отсутствием сотрудников в них — не освещаются совершенно.* В качественном отношении агентура даже по словам заведующего таковой не может быть названа хорошей. И действительно, помимо недостатков в доставляемых сведениях, на основании которых дан подобный анализ, пришлось узнать следующие характерные факты, едва ли известные заведующему: один сотрудник, работая на Управление, дает в то же время сведения железнодорожным жандармам, другой ведет себя крайне неосторожно: одевается слишком хорошо для рабочего и считает возможным раскланиваться на гулянье в саду с жандармским офицером. Как первое, так и второе обращают на него внимание рабочих и заставляют их подозревать его в сношениях с жандармами» [{6}].

Итак, в мае 1902 г. вся внутренняя агентура Тифлисского ГЖУ состояла из четырех человек: двух секретных сотрудников (рабочий и полуинтеллигент) и двух «штучников» (рабочий и женщина-интеллигентка). Что касается секретного сотрудника рабочего, то им, судя по всему, был Сергей Старостенко, избранный 11 ноября 1901 г. кандидатом в члены Тифлисского комитета РСДРП [{7}]. Остается невыясненной личность секретного сотрудника-«полуинтеллигента». Однако если учесть, что он не освещал «кружки русских интеллиген-

тов», «среду армянскую и грузинскую», можно с полным основанием утверждать, что им никак не мог быть И. В. Сталин. Не мог он быть и одним из двух агентов-«штучников».

О том, что весной 1902 г. И. В. Сталин не состоял на окладе в Тифлисском ГЖУ, свидетельствует также письмо заведующего Тифлисским розыскным отделением В. Н. Лаврова, в ведение которого осенью 1902 г. перешла внутренняя агентура Тифлисского ГЖУ. «Имею честь донести Департаменту полиции, — сообщал он 13 сентября 1902 г., — что г. Тифлис [в] настоящее время, до приискания агентов, будет оставаться почти без всякого агентурного освещения, так как февральская ликвидация „Тифлисского комитета социал-демократической партии" повлекла за собой потерю обоих агентов» {8}.

Из этого явствует, что оба секретных сотрудника в феврале 1902 г. находились в Тифлисе и оказались причастны к «ликвидации Тифлисского комитета». Между тем И. В. Сталин в это время был в Батуме и узнал о февральских арестах постфактум. Кроме того, необходимо учитывать, что арест секретного сотрудника не означал его «потери». «Потеря» секретного сотрудника была связана только с его разоблачением. А поскольку в 1902 г. никаких разоблачительных обвинений в отношении И. В. Сталина нам неизвестно, то его нельзя идентифицировать ни с одним из агентов Тифлисского розыскного отделения, перешедших сюда из ГЖУ и находившихся на службе в последнем до февральских арестов 1902 г.

В пользу этого говорит и тот факт, что когда весной 1903 г. Батум был передан в ведение Тифлисского охран-

ного отделения, возглавивший его ротмистр В. Н. Лавров сразу распорядился об аресте И. В. Сталина {9}.

Рассмотрим еще одну возможность — возможность сотрудничества И. В. Сталина в 1901–1902 гг. с Кутаисским ГЖУ. О состоянии его внутренней агентуры в рассматриваемый период свидетельствует письмо начальника этого управления полковника Стопчинского, которое он адресовал 16 мая 1901 г. в Департамент полиций. Обращая внимание на оживление политических настроений в губернии, рост национализма и консолидацию националистически настроенной части дворянства, а также на существование широкой агентуры в Батуме у иностранных консулов, прежде всего консула Великобритании [66], Стопчинский констатировал, что на все секретные расходы жандармское управление получает в год всего лишь 150 руб., в связи с чем «не только наблюдательный пункт в Батуме», но и «Кутаисское ГЖУ не имеют средств, а потому лишены возможности содержать филеров и хотя бы одного тайного агента» {10}.

Из этого явствует, что весной 1901 г. Кутаисское ГЖУ не имело ни внутреннего, ни наружного наблюдения и могло пользоваться лишь информацией, поступавшей от осведомителей.

Стопчинский считал это ненормальным и ставил вопрос о необходимости выделения средств для устройства внешнего наблюдения и внутренней агентуры в губернии. На эти цели он просил выделить 2400 руб. в год, т. е. по 200 руб. в месяц. Однако ведавший в Департаменте полиции финансами подполковник Лемтюжинский начертал на его письме следующую резолюцию: «Полагал бы, что в испрашиваемом полковником Стопчинским кредите в 2400 руб. в год для агентурного наблюдения за

настроениями грузинского населения никакой надобности нет» [11]. Таким образом, Кутаисское губернское жандармское управление встретило 1902 г. не только без филеров, но и без секретных сотрудников.

Самодержавие уже входило в зону шторма, но верхи еще думали, что раздающиеся снизу предупредительные крики — это всего лишь ничем не оправданная паника или желание поживиться за счет правительства.

В начале 1902 г. в Батуме прокатилась волна забастовок, заставших полицию буквально врасплох. Факт, который сам по себе свидетельствует, что жандармы не имели внутри складывавшейся рабочей организации внутренней агентуры. Именно поэтому отстраненный в связи с произошедшими волнениями от должности помощник начальника Кутаисского ГЖУ по Батумской области ротмистр Владимир Эдвинович Зейдлиц, покидая Батум, не передал своему преемнику подполковнику Сергею Петровичу Шабельскому (назначен 26 марта, прибыл на место службы 1 июня 1902 г.) ни одного секретного сотрудника [12]. Появление внутренней агентуры в Батуме относится только к 1903 г., когда С. П. Шабельскому удалось не только получить на это необходимые средства, но и завербовать двух секретных сотрудников из числа рабочих. Одним из них стал участник демонстрации 9 марта 1903 г. Нестор Фомич Баланчивадзе [13].

Исходя из этого, можно утверждать, что в 1901–1902 гг. И. В. Джугашвили не состоял в штате секретных сотрудников ни в Тифлисском губернском жандармском управлении, ни в Тифлисском розыскном отделении, ни в Кутаисском губернском жандармском управлении. А значит, точка зрения Н. С. Шумского, озвучен-

ная Ф. Д. Волковым, будто бы И. В. Сталин стал провокатором в 1897 г., и точка зрения Э. Смита, будто бы это произошло в 1899 г., лишены оснований.

К сожалению, пока не удалось выявить материалы о составе внутренней агентуры Тифлисского охранного отделения и Тифлисского губернского жандармского управления за 1904–1907 гг. Но вот что писал 10 марта 1907 г. в Департамент полиции полковник В. А. Бабушкин, характеризуя деятельность начальника Тифлисского охранного отделения ротмистра Ф. С. Рожанова: «Ротмистр Рожанов сдал отделение в хаотическом состоянии, отчетность запутана, сотрудников, на коих ежемесячно тратились им крупные суммы, почти нет» {14}.

Подобным же образом оценивал состав внутренней агентуры Тифлисского охранного отделения 29 мая 1907 г. подполковник Балабин: «Бывший начальник Тифлисского охранного отделения ротмистр Рожанов, приняв отделение, сократил штат филеров и излишек денег, отпускаемых на содержание филеров, выводил в расход на секретную агентуру. Всего расходовалось на агентуру свыше 1000 руб. в месяц. В действительности же ротмистр Рожанов никакой секретной агентуры не имел, кроме одно-двух случайных сотрудников, получавших ничтожное вознаграждение» {15}.

Эти слова никак не могли бы появиться на свет, если бы в рассматриваемое время Тифлисское охранное отделение имело бы в качестве секретного сотрудника И. В. Сталина, занимавшего к этому времени руководящее положение внутри местной большевистской организации и уже побывавшего на трех общепартийных форумах.

Более точные и полные сведения о внутренней агентуре органов политического сыска на Кавказе имеют-

ся за 1909–1910 гг. Это было время, когда после побега из первой сольвычегодской ссылки 24 июня 1909 г. И. В. Сталин находился в Баку и здесь, по сути дела, возглавлял местную организацию РСДРП.

О состоянии внутренней агентуры осенью 1908 г. в Бакинском охранном пункте, преобразованном затем в охранное отделение, свидетельствует рапорт возглавившего его ротмистра П. П. Мартынова на имя начальника Кавказского районного охранного отделения от 6 сентября 1908 г.

«Сего числа, — докладывал П. П. Мартынов, — я вступил в заведование охранным пунктом в городе Баку. Временно заведовав-, шим таковым генерал-майором Козинцевым были переданы в качестве сотрудников лишь известные вашему высокоблагородию под псевдонимами „Конверт" (давал информацию по анархистам. — *А.О.*) и „Георгий" (давал информацию по эсерам. — *А.О.*); причем, как выяснилось из моей беседы с ними, они ни в какой революционной организации не состоят и добываемые ими сведения являются совершенно случайными. Из прочих лиц, названных мне вашим высокоблагородием в личной беседе как состоящих секретными сотрудниками при Бакинском охранном пункте, генерал-майором Козинцевым не передано мне никого, причем пояснено, что „Конторщик" (эсер) явится, „Заря" находится в отпуску, и „Вагон" явится, когда будет иметь дело, так как работает штучно. Агентурные сведения были мне переданы лишь по организации анархистов в одной тетради» {16}.

Из этого явствует, что осенью 1908 г. бакинская охранка не имела внутренней агентуры среди местных социал-демократов. Только в октябре 1908 г. П. П. Мар-

тынову удалось завербовать секретного сотрудника, который получил кличку Михаил и стал давать сведения по Бакинской организации РСДРП [17]. В январе (сведения 2, 3, 8 числа) и в феврале (21-го и 26-го числа) 1909 г. он был единственным источником информации по РСДРП. В марте агентурные сведения по РСДРП не поступали. В апреле кроме Михаила (22, 23 и 24), Бакинскую организацию РСДРП начал «освещать» секретный сотрудник по кличке Быстрый (28). В мае охранка имела в Бакинской организации РСДРП уже трех секретных сотрудников: Михаила (5 и 16), Быстрого (8, 11 и 21) и Фикуса (21 и 30), кроме того, ею были получены сведения от секретного сотрудника Дорогого, работавшего по партии «Дашнакцутюн» (21). За июнь агентурные сведения тоже отсутствуют. За вторую половину

1909 г., когда И. В. Джугашвили вернулся из ссылки, агентурные отчеты сохранились полностью. В июле информация поступала от Михаила (13 и 17), Быстрого(27) и Фикуса (3, 12), в августе — от Михаила (15 и 23) и Фикуса (9 и 16), в сентябре — от Михаила (8, 13, 19,20, 24 и 28) и Фикуса (27), в октябре — от Михаила (7,10,18) и Фикуса (11 и 23), в ноябре — от Михаила (5, 12, 15, 21), Фикуса (23 и 29) и Дорогого (9 и 24), в декабре — от Михаила (11), Фикуса (23) и Дорогого (22) [18].

В начале 1910 г. Бакинскую организацию РСДРП освещали те же четыре секретных сотрудника: январь 1910 г.: Михаил (5), Фикус (10), февраль: Фикус (4), Быстрый (5), Дорогой (15), март: Фикус (15 и 28) [19].

К сожалению, не удалось разыскать денежные отчеты Бакинского охранного отделения за весь 1909 г., но удалось найти их за три месяца (октябрь, ноябрь, декабрь) 1909 г. и весь 1910 г. Эти отчеты свидетельству-

ют, что на протяжении шести месяцев (с 1 октября 1909 по 31 марта 1910 г.) по Бакинской организации РСДРП жалованье получали только четыре названных выше секретных сотрудника (Михаил — 60 руб. за исключением марта 1910 г., когда ему было выдано только 30 руб., Быстрый — от 10 до 35 руб., Фикус — 35–40 руб., Дорогой — 120–125 руб.). В феврале — марте 1910 г. жалованье получал еще один секретный сотрудник по кличке Никифоров, фигурировавший позднее как источник информации по партии эсеров и Союзу моряков [20].

Учитывая, что известные нам четыре секретных сотрудника, находившиеся в Бакинской организации РСДРП, начали работать в охранном отделении до возвращения И. В. Сталина из ссылки, а секретный сотрудник по кличке Никифоров продолжал давать информацию тогда, когда И. В. Сталин уже находился в тюрьме, можно с полным основанием утверждать, что в 1909–1910 гг. И. В. Сталин не имел к Бакинскому охранному отделению никакого отношения.

Есть основания предполагать, что Михаил — это Михаил Коберидзе [21]. Под кличкой Быстрый скрывался крестьянин села Михайловское Михайловской волости Области войска Донского Александр Константинович Москаленко [22], под кличкой Фикус — Николай Степанович Ериков, живший в Баку по паспорту Давида Виссарионовича Бакрадзе [23], под кличкой Дорогой — секретный сотрудник по партии «Дашнакцутюн» Иван Минасович Саркисянц [24].

Из отчетов Бакинского охранного отделения явствует, что в августе — октябре 1909 г. у него был еще один секретный сотрудник, рабочий по профессии [25]. Однако ни одного агентурного сообщения от него полу-

чено не было. Не зафиксировано и выплаты ему жалованья. То ли он отказался от сотрудничества, то ли вскоре после зачисления в штат покинул Баку.

Обратимся теперь к секретной агентуре Бакинского губернского жандармского управления. Оценивая ее состояние, директор Департамента полиции Н. П. Зуев 30 апреля 1910 г. писал его начальнику полковнику Дынге: «Из представленных <…> Вами сводок и отчетов видно, что Вы имеете агентуру лишь по Российской социал-демократической рабочей партии, но и эта агентура весьма слаба: от всех сотрудников Вы получили шесть сведений в 1909 г. и шесть сведений в первые три месяца текущего года» {26}.

Ежемесячные сводки агентурных данных, поступавшие в Департамент полиции, свидетельствуют, что с января по август 1909 г. Бакинское губернское жандармское управление вообще не имело внутренней агентуры {27}. Возглавивший летом 1909 г. это управление полковник Дынга сообщал в Департамент полиции 28 июля 1909 г.: «Доношу, что при приеме вверенного мне управления оказалось, что регистрация данных розыска по Бакинскому ГЖУ и Дагестанской области по установленным на сей предмет Департаментом полиции образцам вовсе не ведется. Сотрудников нет. Организация наружного (филерского) наблюдения не действует (филеры всем хорошо известны)» {28}.

Поэтому восстановление внутренней агентуры Бакинского ГЖУ начинается только с августа 1909 г., когда был завербован секретный сотрудник по кличке Лом, входивший в меньшевистскую фракцию РСДРП. Его служба оказалась скоротечной. Представив агентурные сведения 10 сентября и 2 октября и получив за сентябрь всего

2 руб. жалованья [29], он исчез из списков секретных сотрудников Бакинского ГЖУ.

В сентябре 1909 г. появился новый секретный сотрудник по кличке Эстонец. От него поступило четыре агентурных донесения (27 и 29 сентября, 14 и 26 октября) [30]. За сентябрь Эстонец получил 20 руб., за октябрь — 50 [31]. Характеризуя его деятельность, Бакинское ГЖУ в своем отчете за октябрь 1909 г. отмечало: «Эстонец работал по партии „СД" „большевиков", но провалился, коему выдано жалованье за месяц 50 руб.» [32]. Как мы уже знаем, одним из большевиков, который был 29 сентября 1909 г. объявлен провокатором, являлся Николай Леонтьев. В связи с этим обращает на себя внимание донесение секретного сотрудника Михаила. 7 октября он сообщил: «Николаю Леонтьеву удалось выехать из Баку, на вокзале он взял билет до Грозного, причем разменял в кассе 50 руб. Он выехал 3 октября» [33].

Заслуживает внимания и письмо начальника Бакинского охранного отделения в Департамент полиции от 9 апреля 1910 г., № 1450. В нем сообщалось о новой прокламации от 20 февраля 1910 г. по поводу провокаторов внутри Бакинской организации РСДРП и о перехваченном письме П. А. Джапаридзе из тюрьмы на имя Кобы, в которых Н. Леонтьев снова обвинялся в провокации. «Что касается до сообщения в письме для „Кобы" [34]о телеграфистах, проводивших провода в охранное отделение и якобы видевших в помещении его — Николая Леонтьева и двух других передовых рабочих, то это скорее может относиться к губернскому жандармскому управлению (офицальный адрес охранного отделения), так как Николай Леонтьев служит в управлении, в поме-

щение же охранного отделения никто из таких лиц не заходил» [35]. Это дает основание предполагать, что Эстонец и Н. Леонтьев — одно и то же лицо.

В ноябре в Бакинском ГЖУ появился новый секретный сотрудник по кличке Донской, которому сразу же было выдано 50 руб. [36]Атак как к 9 апреля 1910 г. Н. Леонтьев снова находился на службе в ГЖУ, возникает вопрос: не был ли он восстановлен к этому времени в качестве секретного сотрудника под кличкой Донской [37]. Первая информация от него поступила 5 ноября 1909 г. [38], последняя — 25 ноября 1910 г., после чего он был убит [39]. Именно так закончил свою жизнь и Н. Леонтьев [40].

Наконец с января по март 1910 г. с Бакинским жандармским управлением по РСДРП сотрудничал секретный сотрудник Дубровин. Первое агентурное сообщение от него поступило 24 января, второе и последнее — 27 марта [41]. Оба донесения свидетельствуют о том, что Дубровин находился на периферии Бакинской организации РСДРП.

Таким образом, во второй половине 1909 — начале 1910 г. И. В. Джугашвили в штате секретных сотрудников Бакинского губернского жандармского управления не состоял.

Остается рассмотреть возможность его связей с Кавказским районным охранным отделением, деятельность которого распространялась на все кавказские губернии.

Во второй половине 1909 г. это отделение имело 16 секретных сотрудников, из которых только двое давали сведения по РСДРП. Они фигурировали в документах под номерами 25 и 29 [42]. Секретный сотрудник № 25

был принят на службу в марте 1909 г., когда И. В. Сталин находился в ссылке, и продолжал давать сведения до 26 мая 1910 г. С марта 1909 по январь 1910 г. он получал в месяц 40 руб., с февраля 1910 г. — 50 руб. [43] Секретный сотрудник № 29 был завербован в августе 1909 г. и получал довольно высокое жалованье (от 50 до 110 руб.), но давал сведения не по Баку, а по Батуму и Сухуми. Под этим номером скрывался Константин Илларионович Щепотин [44]. Кроме того, среди секретных сотрудников Кавказского районного охранного отделения, освещавших деятельность РСДРП, значится агент по кличке Маленький. Он был принят на службу еще в июне 1909 г., когда И. Сталин находился в Сольвычегодске, к тому же хотя и числился в штате секретных сотрудников, никаких сведений не давал и жалованья не получал. В сентябре — октябре 1909 г. информация по РСДРП поступала также от сотрудника № 30, входившего в партию эсеров [45].

Исходя из этого, можно с полным основанием утверждать, что во второй половине 1909 г. И. В. Сталин никакого отношения к Кавказскому районному охранному отделению не имел. А это значит, что во второй половине 1909 — начале 1910 г. он на службе в органах политического сыска не состоял.

Чисто теоретически можно допустить, что его завербовали позднее, после ареста 23 марта 1910 г. Однако такое предположение находится в противоречии со всей последующей его судьбой., Из семи лет после этого ареста И. В. Сталин провел на воле всего лишь 10 месяцев, т. е. менее года. Невероятно, чтобы, приобретя столь ценного секретного сотрудника, охранка предпочла держать его в тюрьмах и ссылке.

Единственный эпизод в биографии И. В. Сталина, который в этом отношении вызывает серьезные подозрения, — это его побег 1916 г. и последовавший за ним призыв на военную службу. — Но есть основания утверждать, что если начальник Енисейского розыскного пункта, которым с 1915 г. был ротмистр С. В. Руссиянов, и пытался завербовать И. В. Сталина, эта попытка не имела успеха.

Среди бумаг Особого отдела Департамента полиции сохранилась «Справка» за февраль 1917 г., в которой, в частности, говорится: «Из доклада, представленного 12 декабря 1916 г. командированным для ознакомления с постановкой политического розыска в Восточной Сибири полковником Заварзиным [67], между прочим усматривается, что агентуры у заведующего пунктом в Енисейске нет. Заведующий пунктом ротмистр Руссиянов заявил, что приобретение агентуры настолько затруднительно, что, несмотря на все предпринятые меры, ему не удалось заагентурить ни одного человека» {46}. Об этом же свидетельствует и донесение начальника Енисейского ГЖУ полковника Л. А. Иванова в Департамент полиции: «...Ныне у ротмистра Руссиянова, — сообщал он 17 января 1917 г., — не имеется секретной агентуры кроме двух лиц по цензуре, коих я по бесполезности приказал уволить» {47}.

Остается проверить возможность вербовки И. В. Сталина Енисейским губернским жандармским управлением. Правда, если бы его начальнику полковнику Байкову летом 1916 г. и удалось склонить И. В. Сталина к сотрудничеству, первые агентурные сведения от него могли поступить только в феврале 1917 г., когда он с партией призывников прибыл в Красноярск. А поскольку сводка

агентурных сведений за февраль должна была быть представлена в Департамент полиции только в марте и только в марте Енисейское ГЖУ обязано было представить списки секретных сотрудников и денежный отчет о выплате им жалованья за февраль, то подобные сведения в Департамент полиции поступить не могли, а в Красноярске после падения монархии их должны были бы уничтожить в первую очередь.

Но если бы полковнику Байкову, которого в январе 1917 г. на посту начальника Енисейского ГЖУ заменил полковник Л. А. Иванов, и удалось завербовать И. В. Сталина, этот факт не может объяснить тех многочисленных загадок в его революционной биографии, которые предшествовали данному эпизоду [68].

Это следует подчеркнуть особо, так как подобными загадками пестрит вся история революционного движения.

Где искать объяснения

Как мы уже знаем, 13 июня 1907 г. в центре Тифлиса на Эриванской площади среди бела дня произошла дерзкая экспроприация, в результате которой боевикам под руководством С. А. Тер-Петросяна (Камо) удалось захватить 250 тыс. руб. {1}Вскоре Департаменту полиции стало известно, что экспроприация была совершена большевиками {2}.

После экспроприации Камо перевез деньги в Финляндию [69]. По данным Департамента полиции, «весь июль и половину августа» он пробыл там на даче В. И. Ленина, а затем, когда деньги при участии М. М. Литвинова удалось вывезти за границу, тоже отправился туда. 4/17 октября Камо прибыл в Берлин. Здесь 27 ок-

тября (9 ноября) с паспортом на имя австрийского подданного Дмитрия Мирского его арестовали [3]. 22 декабря 1907 г./4 января 1908 г. в Париже в руках французской полиции оказался М. М. Литвинов, у которого при обыске обнаружили несколько 500-рублевых ассигнаций, захваченных в Тифлисе [4]. 9/22 марта в Финляндии жандармы задержали кассира партии большевиков, принимавшего непосредственное участие в подготовке этого экса, Л. Б. Красина [5]. 30 марта в Петербурге в руки жандармов попал член ЦК РСДРП Г. Е. Зиновьев [6], затем последовали аресты еще троих членов ЦК: 25 апреля — Л. Б. Каменева [7], 27 апреля — И. П. Гольденберга (Мешковского) [8], 30 апреля — Н. А. Рожкова [9].

Департамент полиции мог торжествовать. Даже не имея против названных лиц вещественных улик, используя только агентурные данные, всех их на основании «Положения о государственной охране» можно было выслать в Сибирь на срок до пяти лет.

Но через несколько дней после ареста был освобожден и уехал в Лондон М. М. Литвинов. Оказывается, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел России «не успели» своевременно представить требование о его выдаче [10]. Через месяц после ареста вышел на свободу и сразу же уехал за границу Л. Б. Красин. Департаменту полиции тоже «не хватило» времени для того, чтобы представить в Выборг, где он находился под стражей, необходимые документы. Продержав Л. Б. Красина месяц без предъявления обвинения, выборгский губернатор распорядился о его освобождении [11]. Вслед за тем в июле 1908 г. получили разрешение выйти из тюрьмы под особый надзор полиции И. П. Голь-

денберг [12], Г. Е. Зиновьев [70][13], Л. Б. Каменев [14]. Все они перешли на нелегальное положение и уехали за границу.

Очень странно велось следствие и в отношении Д. И. Мирского.

31 октября / 13 ноября 1907 г. заведующий Заграничной охраной А. М. Гартинг не только направил в Департамент полиции сообщение об аресте Д. И. Мирского, но и, указав его партийную кличку Камо, а также приложив его фотографию, дал ему следующую характеристику: армянин, около 26 лет, родом из Гори, отец был поставщиком во время хивинского похода, разбогател, но потом разорился, мать умерла от чахотки, имеет трех сестер, большевик, в революционном движении 8–9 лет, участвовал в экспроприации на Военно-грузинской дороге и в организации транспорта с оружием на пароходе «Зора», «незадолго» до тифлисской экспроприации «бежал из тюрьмы в Батуме». Организовал в Тифлисе лабораторию по изготовлению бомб, в начале 1907 г. пострадал при взрыве [15].

Характеристика вполне достаточная для установления личности Камо. Получив подобные сведения, Департаменту полиции оставалось только обратиться к розыскным циркулярам и, перелистав их в обратном порядке, установить, кто из лиц армянской национальности, уроженцев Гори, бежал за последние годы из батумской тюрьмы. Проделав эту работу, Особый отдел имел возможность буквально через несколько часов после получения донесения Гартинга обнаружить розыскной циркуляр Департамента полиции № 1100 от 2 февраля 1905 г., в котором говорилось:

«Тер-Петрусов Симон Аршаков, из духовного звания, 22 лет, вероисповедания армяно-григорианского, отец Аршак Нерсесов и сестры: Джанра (так в тексте, должно быть Джаваира. — *А.О.*), Арусяна и Люсина живут в г. Гори Тифлисской губернии. Привлекался к дознанию при Кутаисском ГЖУ по обвинению в преступлении, предусматриваемом 2 и 4 ч. 252 ст. Уложения о наказаниях. Содержался под стражей в Батумской тюрьме, откуда 17 сентября 1904 г. бежал» {16}.

Поразительно: Департамент полиции, который именно с этой целью издавал розыскные циркуляры, не пожелал обратиться к ним и 1 ноября переслал извлеченные из донесения А. М. Гартинга сведения о Камо вместе с его фотографией в Особый отдел Канцелярии наместника на Кавказе на имя полковника В. А. Бабушкина. При этом произошла одна небольшая «случайность»: из сведений А. М. Гартинга исчез факт побега Камо {17}, в результате чего была скрыта именно та ниточка, которая позволяла без особого труда установить его личность.

Обнаружившиеся «несообразительность» и «непрофессионализм» свидетельствуют о том, что в Департаменте полиции кто-то из лиц, причастных к расследованию этого дела, с самого начала встал на путь его саботирования.

Кто именно в это время курировал в стенах Департамента полиции дело о тифлисской экспроприации, мы не знаем. Можно лишь отметить, что Особый отдел возглавлял Алексей Тихонович Васильев, а всю розыскную деятельность по РСДРП в Особом отделе — подполковник А. М. Еремин.

7 ноября 1907 г., когда по распоряжению министра внутренних дел Департамент полиции взял на себя производство формального дознания по делу о тифлисской экспроприации, оно было поручено чиновнику для особых поручений 5-го класса коллежскому советнику Сергею Викторовичу Савицкому, а наблюдение за дознанием возложено на товарища прокурора Петербургской судебной палаты Владимира Евстафьевича Корсака [18], кстати, позднее вольно или невольно способствовавшего освобождению Л. Б. Красина из выборгской тюрьмы. Приняв к производству дело о тифлисской экспроприации и имея на руках названное выше донесение А. М. Гартинга, С. В. Савицкий тоже не «догадался» обратиться к розыскным циркулярам и стал ждать ответа из Тифлиса.

Получив информацию Департамента полиции о Камо, В. А. Бабушкин с поразительной оперативностью, уже 4 ноября, отрапортовал, что Камо — это уроженец Гори Иосиф Демьянович Давришени [19]. Между тем И. Д. Давришени никогда не сидел в батумской тюрьме и принадлежал не к партии большевиков, а к партии анархистов [20].

9 января 1908 г. прежний начальник Тифлисского ГЖУ М. Т. Заушкевич был переведен на пост начальника Харьковского охранного отделения [21], а его преемником на этом посту 12 января стал А. М. Еремин, 8 февраля он получил чин полковника и 25-го прибыл в Тифлис к новому месту службы [22].

По всей видимости, в связи с произошедшими изменениями в руководстве Особым отделом 16 февраля 1908 г. за вице-директора Департамента полиции А. Т. Васильев направил Кавказскому районному охранному от-

делению письмо № 125159. В нем сообщались те же самые сведения о Камо, которые были посланы 1 ноября 1907 г. в канцелярию наместника, с одним лишь дополнением: «Есть указания также на то обстоятельство, что незадолго до тифлисской экспроприации Камо бежал из тюрьмы в Батуме» {23}.

Казалось бы, А. М. Еремин должен был наконец поручить кому-либо из своих подчиненных обратиться к розыскным циркулярам и на их основании установить личность Камо. Однако Тифлисское ГЖУ тоже не стало делать этого и направило запрос в Батум. Можно было бы ожидать, что в запрос будет включен весь текст письма А. Т. Васильева с просьбой проверить, кто из армян, уроженцев Гори, около 26 лет, сын разорившегося торговца, без матери, имеющий трех сестер, бежал из батумской тюрьмы в последнее время.

Свой запрос на имя начальника Кутаисского ГЖУ А. М. Еремин сформулировал совершенно иначе: «Кто из числа содержащихся под стражей в г. Батуме бежал в 1907 г. и подробные сведения о таковых лицах» {24}. Этим самым сразу же ограничивался диапазон поиска. Подобную телеграмму можно было бы понять, если бы в распоряжении А. М. Еремина имелись точные сведения о том, что Камо бежал из тюрьмы именно в 1907 г. Между тем в донесении Гартинга и в письме А. Т. Васильева о времени побега говорилось очень неопределенно: «незадолго» до тифлисской экспроприации.

Вполне естественно, когда из Батума пришел список бежавших в 1907 г., никто из них не подпал под характеристику Камо, поскольку его побег относился не к 1907, а к 1904 г. {25}Используя такой ответ, Тифлисское ГЖУ имело возможность отрапортовать в Департамент

полиции, что среди бежавших из батумской тюрьмы ни одного человека нельзя идентифицировать с Камо [26].

А пока следствие по этому делу продолжало буксовать, один из арестантов кутаисской тюрьмы, Арсений Корсидзе, 1 марта 1908 г. дал показания, в которых назвал имена и фамилии многих лиц, причастных, по его утверждению, к тифлисской экспроприации. Среди них фигурировал Камо Сомехи (армянин) [27].

Не нужно было обладать особым опытом и сообразительностью, чтобы, получив подобные показания, предъявить А. Корсидзе фотографию арестованного в Берлине Камо, направленную в Особый отдел канцелярии наместника еще 1 ноября 1907 г. Вместо этого ГЖУ ограничилось отправкой показаний А. Корсидзе в Департамент полиции, причем сделав это лишь 27 марта [28].

Прошло еще около трех недель, и 16 апреля Департамент полиции за подписью А. Т. Васильева направил в Тифлис запрос: «На 219 телеграфируйте результаты предъявления Арсению Корсидзе карточки Камо, задержанного в Берлине» [29]. Только после этого 22 апреля А. М. Еремин сообщил в Петербург: «Показанием Корсидзе [на] изображенной карточке Камо есть житель Гори Тер-Петросян. Проверка показания Корсидзе производится. Результат доложу дополнительно. Полковник Еремин» [30].

Итак, Тифлисское ГЖУ наконец имело сведения о личности Камо. Теперь, опираясь на архивные документы, в течение нескольких часов можно было установить, что биографические сведения С. А. Тер-Петросяна полно-

стью совпадают с подобными же сведениями о Камо, а обратившись к розыскным циркулярам или же сделав новый запрос, установить, что в 1904 г. он действительно бежал из батумской тюрьмы. Тифлисскому же ГЖУ для производства подобной проверки понадобилось более трех месяцев! 3 июня А. М. Еремин подтвердил факт опознания в Камо С. А. Тер-Петросяна [31] и только 31 июля 1908 г. отрапортовал: «Дополнение представления 3 июня № 5978 точно установлено, что Камо есть Семен Аршакович Тер-Петросянц, он же Тер-Петросов, сличением его карточки, снятой в Батуме, Д. 252, бежал в 1904 г. Карточка представляется почтой» [32].

Факт, для установления которого (после получения донесения Гартинга) требовалось несколько часов, занял девять месяцев!

А пока шло установление личности Камо, Тифлисское ГЖУ обязано было произвести проверку других откровений А. Корсидзе. О том, как она проводилась, свидетельствует следующий факт.

Перечислив лиц, которые участвовали или же могли участвовать в экспроприации, А. Корсидзе указал: «Общий же их адрес следующий (где они собираются почти ежедневно от 3 час. пополудни, иногда и до 11 ч. вечера, а чаще расходятся в 8–7 час.): на второй Гончарной улице в 8-м участке живет Варвара Бочаришвили, старуха, никого ни в чем не подозревая, служит для посетителей гостеприимной хозяйкой, туда же и привез Камо Сомехи 250 000 руб. 13 июня 1907 г. Там же собираются грабители и кроме грабителей представители социалистических партий, под квартирой подвал, а в подвале иногда хранится оружие» [33].

Действительно, квартира В. Бочаришвили была связана с подготовкой тифлисской эспроприации, и именно здесь собрались ее участники 13 июня после того, как покинули Эриванскую площадь [34]. А поскольку по этому адресу проживал Миха Бочаридзе (Бочаришвили), эта квартира давно уже должна была находиться в поле зрения тифлисской охранки [35], которая на основании инструкции по наружному наблюдению обязана была «по каждой организации» отдельно составлять «сводки лиц и домов, проходящих по наблюдению».

«Для более быстрого ориентирования в домах, проходящих по наблюдению, — говорилось в инструкции по наружному наблюдению, — в [охранном] отделении должен иметься листковый алфавит сведений о домах, так называемая дуга домов, на которую нанизываются листки трех цветов в порядке номеров домов по каждой улице особо. Первый — красный (форма Г-I), на который заносятся вкратце все сведения о данном доме по агентуре, делам и проч <…>. Второй лист — зеленый (форма Г-II) является сводкой наружного наблюдения по этому дому. На нем в соответствующих графах, по каждой организации отдельно, отмечается: кто, когда и кого посетил в данном доме <…>. Третий лист — белый (форма Г-III) представляет из себя выписку из домовых книг лиц, живущих в означенном доме, к квартирам которых, по предположению, могли относиться посещения, агентурные сведения или сведения по переписке» [36].

Поэтому достататочно было обратиться к имевшемуся в охранном отделении именному реестру, чтобы установить родственную связь между Варварой Бочаришвили и Михой Бочаридзе (Бочаришвили), а также к реестру

зданий, проходивших по наружному наблюдению, чтобы найти в нем указанный выше дом на 2-й Гончарной.

И на этот раз Тифлисское ГЖУ продемонстрировало редкий «непрофессионализм». 1 апреля ротмистр этого управления Эргард направил начальнику Тифлисского охранного отделения запрос с предложением проверить сведения А. Корсидзе об упоминаемых в его показаниях лицах, в частности о «старухе Варваре Богоришвили». При этом Эргард не только «забыл» сообщить ее адрес, но и допустил «неточность»: Варвара Бочаришвили превратилась в «Варвару Богоришвили» {37}.

Получив подобный запрос, охранное отделение не могло найти в своем именном реестре несуществующее лицо. Правда, если бы справка наводилась профессионально, вслед за этим мог бы последовать ответный запрос с просьбой уточнить фамилию, так как в картотеке охранного отделения должна была фигурировать фамилия Бочаришвили. Тоже проявив «непрофессионализм» и удовлетворившись отсутствием в именном реестре фамилии Богоришвили, охранное отделение направило запрос о ней в адресный стол.

В мае 1908 г. начальник Тифлисского охранного отделения сообщил начальнику Тифлисского ГЖУ (без номера и точной даты): «Варвара Богоришвили по адресному столу не значится, и личность ее отделению неизвестна. Все поименованные выше лица по делам отделения ранее не проходили. Что же касается конспиративных квартир, в коих собираются грабители для выработки планов намеченных ими грабежей и экспроприации, то установить таковые до настоящего времени не удалось» {38}.

Если бы Тифлисское ГЖУ действительно стремилось докопаться до истины, в сложившейся ситуации перед ним был еще один путь. Можно было предложить А. Корсидзе самому показать дом, в котором проживала Варвара Бочаришвили, а также остальные адреса, которые он посещал на воле. Удивительно, но тифлисские жандармы не «додумались» до этого. И 14 июня А. М. Еремин проинформировал Департамент полиции о том, что «Варвара Богоришвили жительством в Тифлисе не обнаружена» {39}.

О том, что в переписке, связанной с «попыткой» установления личности В. Бочаришвили, было допущено сознательное искажение фамилии, свидетельствует письмо начальника Тифлисского охранного отделения в Тифлисское ГЖУ, отправленное им 5 августа 1908 г. В этом письме, правда по другому поводу, Варвара Бочаришвили фигурирует как лицо, причастное к экспроприации, под своей точной фамилией {40}. Следовательно, кто-то в Тифлисском ГЖУ и Тифлисском охранном отделении сознательно создавал видимость непрофессионализма.

Имевший перед собой показания А. Корсидзе С. В. Савицкий должен был бы обратить внимание на то, что упоминаемая в показаниях А. Корсидзе В. Бочаришвили в телеграмме А. М. Еремина превратилась в В. Богоришвили.

Но полученный ответ его вполне удовлетворил.

Кроме Камо в показаниях А. Корсидзе фигурировали еще несколько человек, причастных к тифлисской экспроприации: Давид Абашидзе, Давид Арчуадзе, Акакий Далинишвили, Илья Ебралидзе, Степко Инцкирвели, Иван Каландадзе, Елисо Ломинадзе, Сико Церцвадзе, Котэ

Цинцадзе, Илья Чачиашвили [41]. Как явствует из воспоминаний Б. Бибинейшвили, часть этих лиц действительно участвовала в экспроприации, а другие имели к ней опосредованное отношение [42].

Получив показания А. Корсидзе, С. В. Савицкий обязан был направить в Регистрационное отделение запрос о наличии в картотеке Департамента полиции сведений о каждом из названных выше лиц. Ни самих запросов на этот счет, ни ответов на них обнаружить пока не удалось. Между тем к 1908 г. в картотеке Департамента полиции фигурировало почти половина названных А. Корсидзе лиц: Иван Каландадзе, Сико Церцвадзе, Котэ Цинцадзе, Илья Чачиашвили [43].

21 июня 1908 г. Министерство внутренних дел обратилось к наместнику на Кавказе с просьбой разрешить Департаменту полиции произвести необходимые следственные действия на Кавказе [44]. 25 июня такое разрешение И. И. Воронцовым-Дашковым было дано [45]. 4 июля С. Е. Виссарионовым за директора Департамента полиции и Н. А. Павловским за заведующего Особым отделом было отдано распоряжение С. В. Савицкому передать находящееся у него «дознание по обвинению именующего себя Дмитрием Мирским» «для дальнейшего ведения этого дела чиновнику особых поручений А. Т. Васильеву», который к этому времени был отстранен от руководства Особым отделом [46]. Вслед за этим А. Т. Васильев и В. Е. Корсак с 25 июля по 20 августа были командированы в Тифлис [47].

Позднее Б. Бибинейшвили утверждал, что показания А. Корсидзе, касавшиеся лиц, причастных к тифилисской экспроприации, «отличаются и точностью, и полнотой» [48]. Однако А. Т. Васильев и В. Е. Корсак признали его

показания, за исключением тех, на основании которых была установлена личность Камо, не заслуживающими доверия [71]{49}.

Не успели следователи появиться на Кавказе, как 8 августа А. Корсидзе едва не стал жертвой покушения, совершенного заключенными кутаисской тюрьмы, где он содержался до этого {50}. В связи с этим 21 августа временный генерал-губернатор Кутаисской губернии и Сухумского округа предложил Департаменту полиции перевести А. Корсидзе в Петропавловскую крепость. Несмотря на сделанное распоряжение, А. М. Еремин «торпедировал» его исполнение, после чего из Кутаиса А. Корсидзе был переведен в Тифлис. Мотивировалось это интересами следствия, по которому тот проходил (дело о так называемой Квирильской, или Шоропанской, республике). Но дознание, к которому он был привлечен, проводилось не в Тифлисе, а в Кутаисе. Это означает, что, опасаясь дальнейших откровений А. Корсидзе, его просто-напросто изолировали {51}.

В 1906–1908 гг. по делу о Квирильской республике было отдано под суд 16 человек. Из них только Арсений Корсидзе дал откровенные показания.

Семь обвиняемых 17 августа 1908 г. суд оправдал, девятерых приговорил к каторжным работам. Самый большой срок (8 лет) получили двое: Александр Степанов и Арсений Корсидзе. Суд не принял во внимание ни раскаяние последнего, ни его содействие следствию своими показаниями {52}. Согласившись с оправданием трех человек, прокуратура опротестовала решение суда в отношении остальных подсудимых. В 1909 г. состоялось новое судебное разбирательство.

«С 11 по 17 мая в городе Кутаисе, — сообщала газета „Возрождение“, — военно-окружной суд рассмотрел кассированное прокурором дело о „Квирильской республике“. Всех обвиняемых по этому делу было 13, но вследствие болезни дело о трех подсудимых было выделено особо. Перед судом предстали Арсений Корсидзе, Подколзин, Ал. Степанов, Пав. Сакварелидзе, Ф. Церетели, Ал. и Сем. братья Жгенти, Хомерики, Цикрадзе и В. Кикнадзе». Почти всех обвиняемых защищали адвокаты. Единственным, кто не смог найти адвоката и «защищался сам», был А. Корсидзе. «Суд вынес приговор, по которому Корсидзе приговорен вместо прежних 8 к 20 годам каторги, Сакварелидзе вместо 6 к 4 годам каторги. Семен Жгенти оправдан. По отношению к остальным оставлен в силе прежний приговор» {53}.

Таким образом, суд счел необходимым увеличить срок каторги только одному А. Корсидзе. Причем в два с половиной раза! А. Корсидзе попытался опротестовать это решение, после чего был приговорен к пожизненной каторге {54}.

26 января 1910 г. он подал заявление с новыми признаниями. 30 января оно были направлено в Департамент полиции {55} и оказалось в руках А. М. Еремина, который к этому времени вернулся в Петербург и возглавил Особый отдел {56}. Ознакомившись с заявлением А. Корсидзе, он начертал на нем резолюцию: «Арестант Корсидзе мне известен как отчаянный лжец. Ни одно из массы его заявлений, сделанных в Тифлисе, не подтвердилось. Передайте переписку согласно резолюции г. директора в 7-е делопроизводство, предварительно запросив Тифлис. Е.4.02» {57}.

А. М. Еремин хорошо знал, что именно благодаря показаниям А. Корсидзе в 1908 г. была установлена личность Камо. Более того, в нашем распоряжении имеется письмо А. М. Еремина, направленное им в Департамент полиции и датированное 23 августа 1908 г., в котором он характеризовал А. Корсидзе как человека, «давшего ценные показания по делу Камо и указавшего других участников ограбления 250 тыс. на Эриванской площади» {58}. Поэтому утверждая в феврале 1910 г., что «ни одно» из показаний А. Корсидзе «не подтвердилось», А. М. Еремин сознательно писал неправду и, используя ее, пытался дискредитировать новые откровения А. Корсидзе.

Итак, что же мы видим? Имея в своих руках более половины членов ЦК РСДРП от партии большевиков и целый ряд лиц, причастных к тифлисской экспроприации, в том числе С. А. Тер-Петросяна, Департамент полиции оказался «не способным» не только разыскать участников экспроприации, но и наказать даже тех, кого ему удалось арестовать.

Можно было бы допустить, что к данной экспроприации был причастен важный секретный сотрудник Департамента полиции и Департамент полиции пытался не допустить его разоблачения. Но что помешало ему добиться выдачи М. М. Литвинова? Почему был выпущен за границу Л. Б. Красин? Как объяснить освобождение из-под стражи И. П. Гольденберга, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева?

* * *

Другой пример.

В 1890 г. возникла Армянская революционная федерация, или же Армянский революционный союз — «Даш-

накцутюн», что по-армянски означает «Союз» [59]. В 1892 г. в Женеве состоялся 1-й съезд этой партии. Он принял программу, которая провозглашала своей целью создание республики Турецкая Армения. Печатным органом новой партии стала газета «Дрошак» («Знамя») [60].

5 апреля 1898 г. 2-й съезд партии утвердил ее устав. В соответствии с ним низовую ячейку партии составлял «хумб» из 7–10 человек, руководители «хумбов» получили право избирать «подкомитет», который должен был руководить несколькими «хумбами». Деятельность подкомитетов направлялась Центральным комитетом, власть которого распространялась на отдельную губернию. В 1904 г. насчитывалось более 20 Центральных комитетов. Руководство ими осуществляли два бюро: Западное, находившееся в Западной Европе, и Восточное — в России и Турции. Высшим руководящим органом стал Совет партии. С самого начала «Дашнакцутюн» приступил к созданию боевых отрядов. Департамент полиции считал, что дашнаки создали своеобразное подпольное правительство, власть которого распространялась на все армянское население [61].

Первоначально «Дашнакцутюн» ставил своей целью освобождение Турецкой Армении, но с 1897 г. он начинает борьбу и против царского правительства. Правда, тогда это направление в его деятельности не являлось главным. Положение дел резко изменилось после того, как в 1903 г. правительство конфисковало имущество армянской церкви. С этого момента борьба с царизмом выдвигается на первый план [62]. В сентябре 1904 г. представители «Дашнакцутюна» приняли участие в Парижской конференции революционных и оппозиционных

партий, поставившей задачу объединения всех антиправительственных сил для свержения самодержавия [63]. В мае 1905 г. Совет партии распространил проект новой программы, в которой ставилась задача создания Закавказской федеративной демократической республики в составе федерации других российских республик [64].

В руководстве партии возник раскол. Против нового курса выступил один из руководителей боевиков (зинворов) Габриэль Кешишьянц. Вначале 1907 г. в Вене состоялся 4-й съезд партии «Дашнакцутюн». Он принял решение о роспуске отрядов зинворов, находившихся в подчинении Военного совета, возглавлявшегося Г. Кешишьянцем. А после того как последний отказался подчиниться этому решению, за ним и его сторонниками началась самая настоящая охота [65]. 10 июля 1907 г. дашнаки обнаружили Г. Кешишьянца в селении Армавир. В результате совершенного на него покушения он получил ранение, несколько человек были убиты [66].

Этот эпизод послужил причиной возбуждения уголовного дела. Под руководством следователя по особо важным делам Новочеркасского окружного суда Лыжина началось следствие [67]. Опираясь на показания Г. Кешишьянца, полиция произвела серию обысков. Были обнаружены многочисленные документы, представлявшие партийную переписку, финансовую отчетность и списки членов партии. Дело о покушении на убийство стало превращаться в дело о партии «Дашнакцутюн» [68].

Пока следствие шло в Новочеркасске, 11 декабря 1908 г. в Тифлисе жертвой дашнаков оказалось несколько филеров местного охранного отделения, в связи с чем

здесь прокатилась волна обысков, и жандармам тоже удалось обнаружить множество документов, содержание которых выходило за рамки следствия по делу об убийстве. Так возник еще один центр расследования деятельности партии «Дашнакцутюн» {69}. Министерство юстиции сочло ведение двух дознаний по одной партии ненормальным и отдало распоряжение о передаче тифлисского дела в руки Лыжина. Узнав об этом, 9 января 1909 г. А. М. Еремин направил в Департамент пространную телеграмму:

«Материал, имеющийся у судебного следователя Новочеркасска, составляет небольшую часть весьма серьезного и обширного материала, имеющегося в Управлении в качестве вещественных доказательств, отобранных по обыске Минасяна, Огаджанова и Едигоровых, часть коего за недостатком переводчиков еще не переведена. Указания на участие [в] организации имеются на массу лиц, многие из которых означены лишь псевдонимами и требуют предварительной следственной агентурной разработки, и они постепенно арестовываются мною дополнительно, ликвидации; материал настолько серьезен, что партия „Дашнакцутюн" отпустила уже 10 000 руб. на его похищение или уничтожение, новая обширная ликвидация в скором времени невозможна, так как не даст результатов, постепенная же по мере выяснения псевдонимов, имеющихся в отобранном материале, необходима и даст возможность привлечь большое число лиц, имеющих первенствующее значение в партии в разных городах, но для этого необходимо вести следствие не иначе, как в Тифлисе, где главный материал, где есть агентура, где главные деятели партии, Восточное бюро и местный Центральный комитет, которые руководят всей работой в России. Предписание министра юстиции сдать

немедленно все дознание [о] „Дашнакцутюн" в Новочеркасск разобьет дело, так как Управлением ведется переписка [по] охране, которую [в] интересах дела нежелательно передавать следователю, пока она не приведет к дознанию не только о лицах, у которых отобраны уличающие их материалы, но и о всех выясненных путем переписки и агентуры, следователь же без освещения агентуры и работая в Новочеркасске путем переписки с Управлением не сделает половины того, что он мог бы сделать, работая [в] Тифлисе, словом, [в] настоящее время [нужна]не ликвидация, а обширное следствие [в] Тифлисе, которое поведет или [к] обширной ликвидации [в] будущем или частичным привлечениям [к] следствию ряда выдающихся лиц [в] настоящем. Желательно было бы, чтобы следователь Лыжин приехал [в] Тифлис, пока еще не отосланы вещественные доказательства, которые к тому же могут быть похищены [в] пути, и дознания, чтобы хоть бегло просмотреть имеющийся материал, познакомиться [с] деятельностью партии, тогда он не замедлил бы перенести свою работу в Тифлис» {70}.

В аргументах А. М. Еремина была логика. Однако Министерство юстиции не согласилось с ней {71}. Характеризуя принятое на этот счет решение, Департамент полиции писал: «Со стороны судебного ведомства следствие о партии „Дашнакцутюн" сосредоточено у судебного следователя по особо важным делам Новочеркасского окружного суда Лыжина; объединение и руководство произведенных и предстоящих ликвидаций возложены по приказанию генерал-майора Курлова на начальника Тифлисского губернского жандармского управления полковника Еремина, в помощь которому команди-

рован из Петербурга Отдельного корпуса жандармов подполковник Дацевич» {72}.

28 марта 1909 г. Лыжин направил в Тифлис предписание о необходимости производства обысков и аресте 192 человек {73}. Затем последовало решение о производстве обысков и аресте еще 241 человека. Обыски планировались в 18 городах. К середине января 1910 г. их было произведено около тысячи {74}. Однако 696 арестованных вскоре вышли на волю, и в обвинительном акте, подписанном 28 мая 1911 г., в качестве обвиняемых фигурировало лишь 159 человек {75}.

Дело партии «Дашнакцутюн» рассматривалось в Особом присутствии Правительствующего Сената. 20 января 1912 г. закончилось оглашение обвинительного заключения, 21-го начался допрос свидетелей, в середине марта был объявлен приговор. Большую часть обвиняемых (103 человека) Сенат оправдал, 52 человека получили различные сроки тюремного заключения с зачетом времени, проведенного под следствием, в результате чего многие из них сразу же по оглашении приговора вышли на свободу. И только 4 человека были приговорены к каторжным работам {76}.

Предполагалось, что дело партии «Дашнакцутюн» повлечет если не разгром партии, то по крайней мере ее паралич. Ничего подобного не произошло. Как говорится, гора родила мышь.

Могут найтись скептики, которые скажут, что расследование тифилисской экспроприации и дела партии «Дашнакцутюн» отражает лишь специфику Кавказа. И хотя подобному возражению противоречит то, что оба

следствия велись не только на Кавказе, но и за его пределами, чтобы исключить любые сомнения на этот счет, обратимся к другому громкому делу, не имеющему отношения к Кавказу — делу Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г.

* * *

Петербургский Совет рабочих депутатов был арестован почти в полном составе 3 декабря 1905 г. Основанием для этого послужил так называемый Финансовый манифест, с которым Совет выступил в печати 2 декабря и которым он призвал население страны к финансовому бойкоту правительства [77]. По факту публикации этого манифеста Петербургское ГЖУ сразу же возбудило формальное дознание [78]. В марте 1906 г., когда оно уже подходило к концу, прокурор Нижегородского окружного суда Владимир Александрович Бальц получил предложение занять пост товарища прокурора Петербургской судебной палаты. Ему и было поручено довести дело Совета рабочих депутатов до суда [79].

Ознакомившись со следственным материалом, В. А. Бальц приступил к составлению обвинительного заключения. «После месяца работы, — вспоминал он, — проект обвинительного заключения был готов» [80]. В этот ответственный момент ни председателя Петербургской судебной палаты П. К. Камышанского, ни министра юстиции И. Г. Щегловитова в Петербурге не оказалось, поэтому один экземпляр обвинительного заключения В. А. Бальц направил товарищу министра юстиции М. Ф. Люце, второй — (по его личной просьбе) дворцовому коменданту В. А. Дедюлину [81].

Итог полугодовой работы В. А. Бальца сводился к следующему: из 223 арестованных [72]171 человека следствие признало невиновным. Обвинение было предъявлено только 52 членам Петербургского Совета рабочих депутатов {82}. В связи с окончанием следствия В. А. Бальц счел возможным удовлетворить просьбу 23 обвиняемых и выпустить их до суда под залог {83}. Все они по выходе из тюрьмы или перешли на нелегальное положение, или же предпочли уехать за границу. В результате перед судом могли предстать только 29 человек {84}.

Первое заседание суда было назначено на 20 июня, затем по просьбе защиты отложено до 19 сентября {85}. В чем заключалась причина этого, остается не совсем ясным. Но обращает на себя внимание то, что за это время произошла замена председателя суда {86}. Суд продолжался около месяца и завершился 19 октября {87}.

Производившее формальное дознание Петербургское ГЖУ предъявило членам Петербургского Совета два обвинения: а) призыв к неисполнению законов и неповиновению властям и б) подготовка вооруженного восстания {88}. «Обвинение всех подсудимых в приготовлении вооруженного восстания» судом было «признано недоказанным [73]и по этому поводу все подсудимые оправданы» {89}. Что же касается другого обвинения, то в отношении 12 человек суд признал его тоже необоснованным. В результате он приговорил к различного рода наказаниям только 17 обвиняемых, двоих — к заключению в крепости с зачетом времени, проведенного под стражей, 15 — к ссылке на вечное поселение в Сибирь {90}. Прошло около года, и на поселении

осталось только 3 человека. Все остальные бежали. Предлагали бежать и оставшимся, но они отказались, решив отойти от политической деятельности.

Таким образом, процесс над Советом рабочих депутатов показал, что «рабочее правительство» даже за решеткой оказалось непобедимым.

Правомонархическая печать неистовствовала. Исходом дела было недовольно Министерство юстиции. Вице-директор одного из департаментов Министерства юстиции А. А. Глищинский получил распоряжение произвести служебное расследование, но оно завершилось ничем {91}.

Через три года, 6 июня 1909 г., В. А. Бальца все-таки удалили из столицы на должность прокурора Казанской судебной палаты. Но прошло совсем немного времени, и он снова вернулся в Петербург. 1 января 1912 г. его произвели в действительные статские советники, 17 августа 1915 г. он стал директором Второго департамента Министерства юстиции, 11 августа 1916 г. занял пост товарища министра внутренних дел. 4 января 1917 г. Николай II произвел его в тайные советники и сенаторы {92}.

Итак, за 10 лет прокурор провинциального окружного суда, имевший чин коллежского советника, несмотря на проявленную им неспособность защищать основы правящего режима, достиг чина тайного советника и занял одно из первых мест в системе правительственных учреждений дореволюционной России.

И история с расследованием тифлисской экспроприации, и дело партии «Дашнакцутюн», и процесс над Петербургским Советом рабочих депутатов свидетельству-

ют, что в России существовали силы, которые, обладая большим влиянием, использовали его для поддержки антиправительственного движения. Для того чтобы понять, что это были за силы, попробуем заглянуть за кулисы этого движения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Загадки и догадки

[1] *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. М., 1990. С. 73.

[2] *Николаевский Б. Н.*История одного предателя. М., 1991. С. 146; *Алексеев И. В.*Провокатор Анна Серебрякова. М., 1932.

[3]Провокатор. Правда о революционном терроре в России. Л., 1991. С. 139.

[4] *Троцкий Л. Д.*Сталин. С. 65.

[5]ГАРФ. Ф. 102. 5Д. 1904. Д. 383. Л. 9.

[6]Там же. Оп. 304. Д. 118. Л. 2, 14–15.

[7]Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками. СПб., 1992. С. 14–15,

[8]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 308а. Д. 24. Л. 1.

[9]Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 125, 228.

[10]Там же. С. 102, 156.

[11]Там же. С. 111, 161, 228.

[12]Из глубины времен. Вып. 6. СПб., 1996. С. 180 (формулярный список директора Департамента полиции С. Г. Коваленского).

[13]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 49–53.

[14]Там же. 1913. Д. 5–46-Б. Л. 4.

[15]*Вакар Н.*Сталин. По воспоминаниям Н. Н. Жордании // Последние новости. 1936. 16 дек.

[16]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 2. Д. 16. Л. 14 об.

Версия не подтверждается

[1]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1895. Д. 1253. Л. 5.

[2]Там же. Ф. 110. Оп. 3. Д. 110. Л. 1–7; Оп. 17. 1905. Д. 269. Л. 63.

[3]Там же. Ф. 102. 7Д. 1900. Д. 487–1. Л. 510 об-511.

[4]Там же.

[5]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 10. Л. 12–13.

[6]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5–52-Б. Л. 32–33.

[7]Там же. 1910. Д. 183. Л. 8 об.-9.

[8]Там же. Ф. 102. 00. 1902. Д. 825–16. Л. 5.

[9]Там же. Л. 60.

[10]Там же. ЗД. 1901. Д. 634. Л. 3–5.

[11]Там же. Л. 6, 10–11.

[12]Кавказский календарь на 1902 г. Тифлис, 1901. С. 516; ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 571. Л. 566об; Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 40. Л. 40.

[13]Там же. 41.

[14]Там же. Оп. 316. 1902. Д. 1661. Л. 101.

[15]Там же. 1902. Д. 825. Ч. 16. Т. 2. Л. 179. См. также: Л. 187–188.

[16]Там же. Оп. 316. 1908. Д. 52–3. Л. 60.

[17]Там же. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 599. Л. 105.

[18]Там же. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 1–2 (январь), 4–5 (февраль), 7 (март), 13–14 (апрель), 16–18 (май), 20–21 (июнь), 28–31 (июль), 38 (август), 54–60 (сентябрь), 65–70 (октябрь), 82–86 (ноябрь), 88 (декабрь).

[19]Там же. 1910. Д. 5–6-Б. Л. 9–10 (январь), 13–14 (февраль), 26–27 (март).

[20]Там же. Оп. 316. 1908. Д. 412–104. Л. 3; 1910. Д. 1–6-Е. Л. 3, 10, 13, 16, 26, 29; Ф. 4888. Оп. 5. Д. 599. Л. 108.

[21]Там же. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5–6-Б. Л. 9–10.

[22]Там же. Ф. 4888. Оп. 5. Д. 599. Л. 45–44.

[23]Там же. Л. 13–14.

[24]Там же. Л. 59.

[25]Там же. ОО. 1909. Д. 5–3—А. Л. 32 (августа), 45 (сентябрь), 62 (октябрь).

[26]Там же. Оп. 316. 1910. Д. 1–7—Д. Л. 5–6.

[27]Там же. 1909. Д. 5–3-А. Л. 3–4 (январь), 6–7 (февраль), 8 (март), 15 (апрель), 19 (май), 42 (август),

[28]Там же. Оп. 316. 1908. Д. 52–3. Л. 91.

[29]Там же. 1908. Д. 412–3. Л. 6, 9; Там же. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 49–53, 71–74.

[30]Там же. Л. 49–53, 71–74.

[31]Там же. Оп. 316. 1908. Д. 412–3. Л. 6 (сентябрь), 9 (октябрь).

[32]Там же.

[33]Там же. 1909. Д. 5–3-А. Л. 66 об.

[34]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 268. Л. 152–157.

[35]Там же. Л. 151.

[36]ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1908. Д. 412–3. Л. 15.

[37]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 268. Л. 151.

[38]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 77–81.

[39]Там же. 1910. Д. 5–7-Б. Л. 5–44.

[40]*Якубов.*Провокатор Леонтьев // Заря Востока. 1924. 28 апр.

[41]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5–7-В. Л. 1–2, 10 об.-12 об.

[42]Там же. Оп. 316. 1908. Д. 412–87. Л. 6, 14.

[43]Там же. Л. 6; Ф. 4888.. Оп. 5. Д. 673. Л. 138–139.

[44]Там же. Л. 53; Ф. 102. ОО. Оп. 316.1908. Д. 412–87. Л. 14, 29, 33, 39, 45.

[45]Там же. Л. 6–45.

[46]Там же. 1916. Д. 50–25. Л. 59.

[47]Там же. Л. 55.

Где искать объяснения

[1]*Камо (Тер-Петросян) С. А.*Автобиографические очерки // Вестник архивовАрмении. 1964.№ 2.С. 64–78; ГАРФ Ф. 102. ОО. 1907. Д. 434. Т. 1. Л. 1.

[2]Там же. Л. 88.

[3]Там же. Д. 637. Л. 294–296; ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1501. Л. 15,23–24.

[4]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 434. Т. 1. Л. 150–151; 1909. Д. 252. Т. 2. Л. 49–49об.

[5]Там же. Л. 33–34; *О'Коннор Т. Э.*Инженер революции. Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993. С. 99.

[6]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 252. Т. 2. Л. 41; Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывшего Московского охранного отделения. 3-е изд. М., 1990. С. 303.

[7]РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1. Л. 196; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1908. Д. 2778. Л. 7; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 58. Л. 38.

[8]Там же.

[9]Там же. Л. 52; Большевики. 3-е изд. С. 305.

[10]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 434. Т. 1. Л. 160–162, 170–173, 261–262.

[11]*О'Коннор Т. Э.*Инженер революции. С. 100–101.

[12]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 252. Т. 2. Л. 22–22 об.; Большевики. С. 281.

[13]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 252. Т. 2. Л. 41; Большевики. С. 304.

[14]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 252. Т. 2. Л. 20 об.; РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–8; Большевики. С. 305.

[15]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 627. Л. 40–44.

[16]Там же. Оп. 260. 1905. Д. 13. Л. 49.

[17]Там же. 1907. Д. 627. Л. 32–33.

[18]Там же. Л. 47, 55.

[19]Там же. Л. 77. См. также: Л. 102.

[20]Там же.

[21]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1435. Л. 1.

[22]Там же. Л. 4–7; ГАРФ. Ф. 102. 1Д. 1903. Д. 840. Л. 40.

[23]Там же. ОО. 1907. Д. 637. Л. 294–296; ГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 82. Л. 1–2.

[24]Там же. Л. 7.

[25]Там же. Л. 14.

[26]Сам этот рапорт пока не обнаружен.

[27]ГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 82. Л. 21–24.

[28]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 627. Л. 331.

[29]Там же. Л. 344.

[30]Там же. Л. 347.

[31]ГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 82. Л. 85.

[32]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 637. Л. 60.

[33]ГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 82. Л. 23. См. также: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 637. Л. 333.

[34]*Бибинейшвили Б.*Камо. М., 1934. С. 122.

[35]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 218; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 5. Л. 89–90; ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 764. Л. 181–182.

[36]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 405.

[37]ГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 82. Л. 38.

[38]Там же. Л. 83 об.

[39]Там же. Л. 97.

[40]Там же. Л. 180.

[41]Там же. Л. 21–21 об.

[42]*Бибинейшвили Б.*Камо. С. 98, 120–121.

[43]Картотека Департамента полиции.

[44]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 627. Л. 36.

[45]Там же. Л. 44.

[46]Там же. Л. 47.

[47]Там же. 1908. Д. 371. Л. 1–2.

[48]*Бибинейшвили Б.*Камо. С. 158.

[49]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1907. Д. 664. Л. 34–35.

[50]Там же. Л. 20.

[51]Там же. Л. 21,22, 23,31.

[52]Там же. Л. 21.

[53]Закавказье. 1909. 20 мая.

[54]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1907. Д. 664. Л. 47.

[55]Там же. Л. 47–49.

[56]Там же. 1Д. 1903. Д. 840.

[57]Там же. 7Д. 1907. Д. 664. Л. 47.

[58]Там же. Л. 20.

[59]Политические партии России. Конец XIX — начало XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 177.

[60]Там же; РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 518. Л. 1 об.-2; Политические партии и политическая полиция: Документальное исследование в трех частях. М.; Минск; Гомель, 1996. С. 401–402.

[61]Там же. С. 402, 411–413; РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 518. Л. 1–13.

[62]Политические партии и политическая полиция. С. 408.

[63]*Шацилло К. Ф.*Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 237.

[64]Политические партии и политическая полиция. С. 404–405.

[65]Там же. С. 407–409; ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1909. Д. 243. Л. 15–15об.; 7Д. 1909. Д. 1660. Л. 52 об.-53.

[66]Там же. Л. 101–102.

[67]Там же. Л. 401.

[68]Там же. Л. 104–136.

[69]Там же. Л. 54 об.

[70]Там же. Л. 51–51 об.

[71]Там же. Л. 58.

[72]Там же. Л. 177.

[73]Там же. Л. 208, 231–232.

[74]Там же. Л. 247; Баку. 1910. 15 янв. См. также: Баку. 1909. 2 апр.

[75]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1909. Д. 1660. Т. 8. Л. 1–127.

[76]Закавказская речь. 1912. 28 янв., 21 фев., 28 марта; РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 658.

[77]*Ольденбург С. С.*Царствование императора Николая II. М., 1991. С. 329–330.

[78]*Бальц В. А.*Суд над первым Советом рабочих депутатов *И*Былое. 1926. № 2(36). СПб., 1991. С. 142.

[79]Там же. С. 141, 143.

[80]Там же. С. 144.

[81]Там же.

[82]Там же; 1905 г. в Петербурге. Вып. 2. Совет рабочих Депутатов: Сборник материалов. Л., 1925. С. 136–152.

[83]*Бальц В. А.*Суд над первым Советом рабочих депутатов // Былое. 1991. № 2 (36). С. 144.

[84]1905 год в Петербурге. Вып. 2. Совет рабочих депутатов. С. 287 (список).

[85]*Бальц В. А.*Суд над первым Советом рабочих депутатов. С. 144, 148.

[86]Там же. С. 148.

[87]*Бальц В.*Суд над первым Советом рабочих депутатов *II*Былое. 1991. № 3 (37). С. 100.

[88]Дело Совета рабочих депутатов. Екатеринослав, 1906.

[89]*Бальц В.*Суд над первым советом рабочих депутатов // Былое. 1991. № 3 (37). С. 100.

[90]Дознание по делу депутатов Петербургского Совета рабочих депутатов. 3 декабря 1905–4 апреля 1906 гг. (ГАРФ.Ф. 93. Оп. 1.Д. 18); 1905 г. в Петербурге. Вып. 2. Совет рабочих депутатов. С. 287;

[91]*Бальц В. А.*Суд над первым Советом рабочих депутатов // Былое. 1991. № 3 (37). С. 102–104.

[92]РГИА. Ф. 1405. Оп. Д. 544. Д. 659. Л. 3–12, 260–262.

ГЛАВА 2. БЫЛ ЛИ ОДИНОК САВВА МОРОЗОВ?

Деньги для революции

Как некоторые дети уверены, что их младенцами нашли в капусте или же принес аист, так многие взрослые люди, даже с кандидатскими и докторскими дипломами, убеждены, будто бы политикой можно заниматься, только одухотворяясь идеями.

Будто достаточно одних идей, чтобы нанимать помещения, издавать газеты, журналы, книги, брошюры, листовки, плакаты, осуществлять их хранение, транспортировку и распространение, содержать партийных функционеров и т. д. [74]Некоторое представление о расходах, связанных с политической деятельностью, дает бюджет ЦК РСДРП накануне III съезда партии (1905 г.): ввоз литературы из-за границы — 24 %, содержание под-

польных типографий — 23 %, развозка литературы — 20 %, содержание ЦК и Союзного бюро — 18 %, организация побегов — 12 %, паспортное бюро — 3 % [1].

Велики ли были расходы отдельных революционных партий и каким был бюджет революционного движения в России?

Вспоминая о своей работе в Московской организации РСДРП, С. Черномордик писал: «Если приход Московского комитета в 1903 г. исчислялся десятками рублей, то в 1905 г. уже летом исчислялся тысячами. Было „несколько сочувствующих" из буржуазной интеллигенции, которые ежемесячно вносили в кассу МК по несколько тысяч рублей» [2].

Если взять двух-трех «сочувствующих» и определить взнос каждого по минимуму — две-три тысячи, получается, что летом 1905 г. в кассу Московского комитета РСДРП ежемесячно поступало не менее 4–9 тыс. руб., что дает 50–100 тыс. в год. И это бюджет только одной местной партийной организации.

Другой пример. В феврале — апреле 1910 г. поступления в кассу Заграничного бюро ЦК РСДРП составили 49 602 руб., в среднем 16 534 руб. в месяц [3]. Экстраполируя этот показатель на весь год, мы получим около 200 тыс.

По воспоминаниям А. Аргунова, весной 1906 г. ЦК партии эсеров (без Боевой организации) ежедневно расходовал около 1000 руб., что должно было составить 365 тыс. за год [4].

В 1890 г., когда партия «Дашнакцутюн» еще только появилась на свет, денежные поступления ее руководя-

щих органов составляли 130 тыс. франков, или же около 50 тыс. руб. В 1895–1898 гг. они достигли 500 тыс. франков (примерно 185 тыс. руб.) в год, в 1908 г. превысили 1 млн франков, т. е. 370 тыс. руб. {5}.

А вот свидетельство Виктора Таратуты, входившего с 1907 г. в состав ЦК РСДРП и имевшего самое непосредственное отношение к финансированию большевистской фракции. Оправдываясь по поводу обвинений в связях с охранкой, выдвигаемых против него большевиком А. А. Богдановым (Максимовым), он заявил:

«Максимов знал… что я передал в партийную кассу суммы денег, превышающие во много раз плату самых крупных провокаторов. Я не могу здесь называть цифры, но Максимов знал, что тут были единовременные передачи в сотни тысяч» {6}.

Если взять по минимуму (две-три передачи по 200–300 тыс. руб.), получается, что только через В. Таратуту касса большевиков примерно за полтора года получила не менее 400–900 тыс. руб., т. е. около 650 тыс. руб., или же не менее 430 тыс. в год.

Исходя из этого, с полным основанием можно утверждать, что в начале XX в. бюджет революционного подполья в России составлял не один миллион рублей.

Откуда же черпались эти деньги?

* * *

Необходимые денежные средства революционные партии получали как внутри страны, так и из-за ее пределов.

Из-за границы деньги поступали от частных лиц, общественных, предпринимательских и политических организаций, спецслужб.

Сообщения о частных пожертвованиях можно найти на страницах партийных изданий [7], в переписке [8] и воспоминаниях [9]. Особую известность получили приведенные в книге В. Штейна «Исход российской революции 1905 г. и правительство Носаря» сведения о пожертвованиях австрийских, американских, английских, германских и французских евреев в 1905 г. [10], а также специальная поездка А. М. Горького и М. Ф. Андреевой в 1906 г. с целью сбора подобных пожертвований в США [11].

Имеются сведения и о втором источнике. Так, вспоминая о рабочих волнениях в 1896 г. в Петербурге, П. Б. Струве писал: «По уговору с другими социал-демократами на А. Н. Потресова и меня было тогда в связи с петербургскими стачками возложено поручение — ехать за границу, поставить заграничных социал-демократов, в особенности германских (Бебеля, Либкнехта и Зингера), в известность о русских событиях, вступить с ними в связь и заручиться их материальной и моральной поддержкой русскому рабочему движению» [12].

Вопрос о роли Социал-демократической партии Германии и вообще партий II Интернационала в развитии революционного движения в России заслуживает особого внимания. В этом же отношении специального внимания заслуживают и некоторые зарубежные общественные организации, в частности Англо-еврейский комитет, деятельности которого в России особое значение придавал в

1905 г. министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф [13].

Известны публикации и о третьем источнике, прежде всего о японских деньгах в 1904–1905 гг. [14] и немецких в 1914–1917 гг. [15].

Что касается внутренних источников, то их можно подразделить на четыре вида: а) членские взносы, б) экспроприации, в) революционный рэкет, в) частные пожертвования.

Членские взносы являлись одним из самых ранних источников пополнения партийных касс. Однако по мере того как расширялись партийные ряды, а следовательно, возрастали расходы, как это ни парадоксально, членские взносы переставали играть главную роль и отходили на второй план. Так, по данным отчета Бакинского комитета III съезду РСДРП, за период с июня 1904 по февраль 1905 г. сборы «с рабочих» составили «не более 10 %» всех денежных поступлений [16].

Экспроприации получили распространение главным образом в 1905–1907 гг. Наиболее известны из них ограбления Квирильского, или Шоропанского, казначейства (Зестафони, 1905 г.) [17] и на станции Дема (Урал, 1907 г.) [18], давшие не менее 200 тыс. руб. каждая, тифлисская экспроприация — 250 тыс. руб. [19], душетская — 315 тыс. руб. [20], московская — 875 тыс. руб. [21], туркестанская — по одним данным, 470 тыс., по другим — 1 млн. руб. [22].

По своему характеру к экспроприациям был близок революционный рэкет. Одной из первых его стала использовать партия «Дашнакцутюн». Относя зарождение армянского движения к 1886 г., начальник Бакинского

ГЖУ полковник Глоба писал: «С того же времени армянами постановлено взыскивать со всех коммерческих предприятий по 0,5 % в армянский фонд. Из сбора этого у армян образовался капитал в несколько миллионов рублей. Капитал этот находится в банках Лондона и Парижа. Проценты с этого капитала идут на пропаганду на Кавказе, а также в Персии и Турции. Из процентов этого капитала выдаются пособия революционным кружкам в империи и в особенности на Кавказе» {23}.

Не позднее февраля 1905 г. рэкет был взят на вооружение бакинскими социал-демократами. «Биби-эйбатцы и гначакисты, — читаем мы в выступлении делегата от Баку Рыбкина на III съезде РСДРП, — предложили по примеру дрошакистов (т. е. членов партии „Дашнакцутюн". — *А.О.*) требовать деньги силой. Бакинский комитет не согласился на это. Вместо этого были разосланы письма с предложением жертвовать и с обозначением суммы (100–200 руб.). Почти никто из адресатов не давал этой суммы полностью, но все же давали порядочно. В общем было собрано несколько тысяч рублей. Решено было также получить крупные деньги от больших фирм, но пока ответа от них не было получено» {24}.

Имеются сведения, что бакинские социал-демократы использовали подобный прием сбора денег и позднее. В этом отношении они были не одиноки. Сохранились, например, «окладные списки» Горийского комитета РСДРП за 1906 г. с фамилиями «налогоплательщиков» и с указанием причитающихся с них сумм {25}.

* * *

Но, пожалуй, самым распространенным источником финансирования были частные пожертвования. Обычно, когда заходит речь о кредиторах революционного движения, называется всего несколько человек, из числа которых особую известность получили московский фабрикант Савва Тимофеевич Морозов [{26}] и его родственник, владелец мебельный фабрики Николай Павлович Шмит [{27}]. Причем упоминание их фамилий в подобном качестве обычно сопровождается оговорками, что в своей среде они являлись «белыми воронами» [{28}].

Между тем, как писал Л. Б. Красин, «считалось признаком хорошего тона в более или менее радикальных или либеральных кругах давать деньги на революционные партии, и в числе лиц, довольно исправно выплачивающих ежемесячные сборы от 5 до 25 рублей (т. е. 60–300 руб. в год. — *А.О.*), бывали не только крупные адвокаты, инженеры, врачи, но и директора банков, и чиновники государственных учреждений» [{29}].

А вот свидетельство Л. Д. Троцкого: «До конституционного манифеста 1905 г. революционное движение финансировалось главным образом либеральной буржуазией и радикальной интеллигенцией. Это относится также и к большевикам, на которых либеральная оппозиция глядела тогда лишь как на более смелых революционных демократов» [{30}].

«Если бы какой-нибудь историк, хотя теперь это вряд ли возможно (время стерло людей и следы), — писал Н. Валентинов, — захотел бы заняться исследованием, сколько на святой Руси было купеческих и банковских

„Маякиных" и „Гордеевых", внесших в большевистские (и не только в большевистские. — *А.О.*) кассы денег и какова в итоге общая сумма их субсидий, получился бы документ большого социального интереса» {31}.

Одним из тех, через кого большевики получали деньги от своих кредиторов, был известный русский писатель А. М. Горький. «За время с 1901 по 1917 г. через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело Российской социал-демократической партии, — признавался он. — Из них мой личный заработок исчислялся десятками тысяч. А все остальное черпалось из карманов буржуазии» {32}.

Материальная помощь революционному движению осуществлялась не только в денежной форме. Она включала в себя также: а) предоставление квартир для партийных собраний, совещаний и т. д.; б) укрывание лиц, разыскиваемых полицией; в) помощь арестованным и ссыльным; г) передачу паспортов и других документов для легализации подпольной деятельности; д) участие в транспортировке запрещенной литературы и оружия, а также в их хранении; е) предоставление собственных адресов для нелегальной переписки или же пересылки корреспонденции; ж) использование своих счетов или же счетов коммерческих предприятий для хранения и перевода партийных средств; з) передачу революционным партиям соответствующей информации, которая могла быть использована в политических целях, и т. д.

«Брошюрная литература из большевистских типографий, а также и получавшаяся из-за границы и других городов, — вспоминал, например, член Московского комитета РСДРП 1905 г. А. В. Шестаков, — устраивалась на особых складах, главным образом в буржуазных кварти-

рах <…>. Для подобных целей использовались квартиры даже таких господ, как С. И. Четвериков — фабрикант-октябрист, сын которого помогал нашей работе. Другой такой склад был устроен у кого-то из московских булочных королей», «весной и летом 1904–1905 гг. до „октябрьских свобод" приходилось пользоваться квартирами врача Терьяна, в Комиссаровском училище у инспектора Лапшина, у Гариной (жены писателя Гарина-Михайловского) и железнодорожницы С. П. Пашуканис, у генеральши Я. А. Квятковской, у художницы Гирш в Бутырском районе и других… один раз пришлось использовать квартиру даже такой особы, как графиня Бобринская» {33}.

Свои Саввы Морозовы были почти во всех губерниях и более или менее крупных городах. Вот только несколько примеров. Город Александров Владимирской губернии — фабрикант Сергей Николаевич Баранов {34}, Воронеж — совладелец Товарищества механических заводов, бывший народоволец А. Н. Иванов {35}, Дальний Восток — рыбопромышленник Касьянов {36}, Казань — сын одного из владельцев торгового дома «М. Тихомирнов с сыновьями» В. А. Тихомирнов {37}, Калуга — владелец писчебумажной фабрики Гончаров {38} и лесопромышленник Горбунов {39}, Киев — «вдова Терещенко» {40}, Нижний Новгород — хлеботорговец, купец 1-й гильдии Николай Александрович Бугров {41}, Николаев — Михаил Абрамович Сойфер {42}, Пермь — пароходовладельцы Василий Михайлович Каменский {43} и Николай Васильевич Мешков {44}, Петербург — Софья Ивановна Буренина и семья Цейтлиных {45}, Рига — купец К. Д. Тагер {46}, Ростов-на-Дону — купец Николай Елпидифорович Па-

рамонов [47], Смоленск — купец Иосиф Гальперин [48], Сызрань — агроном А. И. Ерамасов [49], Тамбов — братья Ефим и Иван Дмитриевичи Мягковы [50], Тверь — семья помещиков Дьяковых [51], Урал — золотопромышленник Павел Александрович Конюхов [52], Уфа — князь В. А. Кугушев [53], Финляндия — председатель правления «Нурдиска Ференниге банкен» граф Маннергейм и купец Отто Нордберг [54], Чернигов — Иван Николаевич Полторацкий [55], Ярославль — владелец комиссионной конторы С. И. Брайнин [56] и т. д.

На сегодняшний день в моей картотеке около 300 фамилий тех, кто оказывал поддержку революционному движению и кого охранка именовала «симпатиками».

О масштабах этой помощи свидетельствует то, что 10 октября 1910 г. Департамент полиции счел необходимым обратиться к начальникам местных жандармских управлений и охранных отделенией со специальным распоряжением на этот счет.

«По поручению господина товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова, — писал директор Департамента полиции Н. П. Зуев, — прошу обратить внимание на лиц, явно не участвующих в революционных выступлениях, но сочувствующих противоправительственному движению и тайно оказывающих те или другие услуги революционной деятельности („симпатики"), вести учет этих людей, следить за всем происходящим в их среде и неуклонно доносить о всяком оживлении и революционном подъеме среди них» [57].

Свои Саввы Морозовы были и на Кавказе.

Кто же здесь мог финансировать революционное движение, если вплоть до начала XX в. Кавказ представлял собой отсталую аграрную окраину Российской империи?

Когда дается подобная характеристика Кавказа, не учитывается, что в XIX в. здесь возникло два важных промышленных центра: Баку и Чиатуры, значение которых выходило далеко за пределы не только данного региона, но и России.

Революционное подполье и «нефтяные короли»

Город Баку приобрел широкую известность после того, как здесь в середине XIX в. началась добыча нефти. На протяжении нескольких десятилетий темпы развития бакинской нефтедобывающей промышленности опережали темпы развития этой отрасли в других странах. В 60-е гг. на долю России приходилось 0,2 % мировой добычи и 0,3 % добычи нефти в США, в 70-е гг. соответственно 9,3 и 10,7 %, в 80-е гг. — 30,8 и 47,6 %, в 90-е гг. — 45,6 и 92 %. В 1898 г. Россия обогнала США и удерживала лидерство до 1901 г., после чего начался спад, продолжавшийся до 1906 г. Затем добыча нефти стабилизировалась примерно на уровне 30 % мирового производства и 50 % производства США, а в 1911–1917 гг. сократилась соответственно до 15 и 25 % {1}.

Начавшийся в 60–70-е гг. XIX в. нефтяной бум вызвал приток в нефтедобывающую промышленность иностранного (главным образом английского, немецкого и французского) капитала, на долю которого к началу XX в. приходилась половина всех капиталовложений в эту отрасль экономики {2}.

В 1908 г. в Баку действовало 170 нефтяных фирм с производительностью 487 млн. пуд. Почти половина добычи нефти приходилась на 10 фирм: Братья Нобель (1879 г.) — 63,4 млн, Каспийско-Черноморское товарищество (1883 г.) — 34,3 млн, А. И. Манташев и К°(1899 г.) — 24,9 млн, Каспийское товарищество (1887 г.) — 24,7 млн, Бакинское нефтепромышленное общество (1874 г.) — 22,9 млн, Питоев и К°(1907 г.) — 13,9 млн, Братья Мирзоевы (1886 г.) — 13,3 млн, Московско-Кавказское товарищество (1902 г.) — 13,1 млн, Арамазд (1901 г.) — 12,8 млн и Муса Нагиев — 12,2 млн. Всего 235,7 млн пуд. {3}.

Следующие 15 фирм (1. Общество для добычи русской нефти и жидкого топлива (1898 г.) — 11,3 млн. 2. Русское нефтяное общество (1896 г.) — 11,3 млн. 3. Биби-Эйбатское нефтепромышленное общество (1899 г.) — 11,0 млн. 4. Наследники Зубалова — 11,0 млн. 5. Шибаев и К°(1885 г.) — 9,4 млн. 6. Нефть (1913 г.) — 8,2 млн. 7. Нафталанское нефтяное общество (1905 г.) — 8,0 млн. 9. Европейская нефтяная компания (1901 г.) — 7,2 млн. 10. Шихово (1901 г.) — 7,0 млн. 11. И. Н. Тер-Акопов (1899 г.) — 7,0 млн. 12. Кавказ (1896 г.) — 6,3 млн. 13. А. С. Меликов и К°— 5,7 млн. 14. Тифлисское товарищество (1905 г.) — 5,6 млн и 15. Бенкендорф и К°— 5,5 млн) добывали еще 120 млн пуд. {4}.

Таким образом, 25 фирм давали около 70 % всей нефти.

Особое место в нефтедобывающей промышленности занимали братья Нобель. Сами Нобели были выходцами из Швеции, однако их превращение в нефтепромышленников произошло главным образом при содействии не-

мецких банков: Берлинер хандельгезельшафт [75] и Дисконтогезельшафт [76]. Неудивительно поэтому, что отчетность «Товарищества братья Нобель» велась как на русском, так и на немецком языках, а в конторе товарищества накануне Первой мировой войны размещалось германское консульство. Немаловажную роль в становлении «Товарищества братьев Нобель» сыграли инженеры — выпускники Петербургского технологического института А. М. Белоножкин, М. Л. Белямин, И. Г. Гарсоев, Е. К. Петров и С. С. Тагианосов {5}.

21 января 1914 г., когда открылось очередное собрание акционеров товарищества, оказалось, что из 24, 4 млн руб., на которые были предъявлены акции, братьям Нобель принадлежало всего 2,7 млн. Лидировали банки: Дисконтогезельшафт — 6,0 млн, Азово-Донской банк — 5,6 млн, Петербургский торговый (бывший Вавельберг) — 5,2 млн и Волжско-Камский — 1,7 млн. Названные четыре банка держали в своих руках более 75 % всех акций {6}.

Нобели сотрудничали не только с русскими и германскими, но и со шведскими банками. «Как показывает конфиденциальная нобелевская переписка, „Эншильда банк", — пишет И. А. Дьяконова, — крупнейший банк Швеции, традиционно принадлежавший финансовой династии Валенбергов, вместе с тем находился под значительным влиянием семейства российских Нобелей, хотя далеко не столь решающим, как российский Волжско-Камский банк, где Э. Нобель был непосредственным председателем совета» {7}.

Второе место по объему производства долгое время занимало «Каспийско-Черноморское нефтепромышленное товарищество», контрольный пакет акций которого

первоначально принадлежал семье французских Ротшильдов [8]. Главой этой семьи до 1905 г. был Альфонс Ротшильд, затем им стал его сын Эдуард. Сестра последнего Шарлота Беатрикс находилась замужем за одесским купцом Морицем (Морисом) Иоахимовичем Эфруси, который не только входил в правление общества, но и фактически руководил им [9].

«Французские предприятия в России, — отмечал Л. Эвентов, — имели главный свой центр в лице банкирского дома Луи Дрейфус. Последний финансировал Бакинское нефтяное общество, Русское товарищество „Нефть", „Тер-Акопов", нефтепромышленное товарищество Рыльских наследников, братьев Мирзоевых и др. Представителем интересов французских капиталов выступала также банкирская контора „Розенберг и К°". Кроме того, финансовые операции производились через отделения Лионского кредита, а также Северный банк, преобразованный позднее в Русско-Азиатский, и Петербургский международный коммерческий банк» [10].

Первоначально Нобели ориентировались главным образом на внутренний рынок, Ротшильд — на экспорт. Затем по мере наполнения внутреннего рынка нефтью и нефтепродуктами нобелевская группировка тоже устремилась на внешние рынки. Здесь кроме Ротшильда они столкнулись с сильной конкуренцией американской нефтяной империи Рокфеллера и быстро поднимавшейся англо-датской группировкой Детердинга («Royal Datsh Schell Co»). В этих условиях Нобель и Ротшильд предпочли заключить между собой союз, который был скреплен созданием на основе нижегородского торгового дома «Поляк и К°» совместного нефтепромышленного и торгового общества «Мазут» [11].

Однако удержать полностью под своим контролем русский рынок им не удалось [12]. «В 1912 г. „Royal Datsh Schell Co" приобрела у парижских Ротшильдов сначала 80, а затем 90 % акций Каспийско-Черноморского общества, капитал которого составлял к этому времени 10 млн. руб., а также „Мазута" — с капиталом в 12 млн руб. Взамен этого парижские Ротшильды получили крупный пакет акций „Royal Datsh Schell Co" <…>. К 1915 г. Детердингу принадлежало около 15 % добычи русской нефти» [13].

Накануне войны нефтедобывающая промышленность России сконцентрировалась в руках трех фирм: «Рашен женераль ойл компани», «Ройяль Дэтч Шелл» и «Т-во братьев Нобель».

«Перечисленные три группы Ойль, Ройяль Дэтч Шелль и Т-во братьев Нобель, — писал Л. Эвентов, — различными путями были связаны друг с другом. Связь основывалась, во-первых, на личной унии: Манташевы, Гукасовы, Нобели, Путилов, Лианозов и другие владели пакетами акций почти в каждой из названных групп. Манташевы и Гукасовы были тесно переплетены с Лианозовым, а в Т-ве Нобель видными акционерами являлись Манташев и Гукасов. А. И. Путилов — председатель Ойля был членом совета Т-ва братьев Нобель, а Э. Л. Нобель — членом правления Т-ва нефтяного производства „Лианозова сыновья". Во-вторых, общность интересов основывалась на совместном участии всех трех групп в одних и тех же предприятиях. В 1913 г. три эти группы добывали 290 млн пуд. нефти из 564, т. е. более 52 %, и концентрировали в своих руках 75 % всей торговли нефтью (Ойл — 131, Детердинг — 80, Нобель — 79 млн пуд.)» [14].

Соперничество между тремя названными группировками продолжалось. К 1917 г. «Товариществу братьев Нобель» удалось получить более половины акций «Рашен женераль ойл компани» и объединить вокруг себя 22 нефтяные компании, что позволило ему не только сохранить, но и укрепить свои позиции {15}.

Имеются многочисленные свидетельства о том, что бакинские нефтепромышленники оказывали революционному подполью самую разную, в том числе и материальную, поддержку.

«Из коллоссального количества конфликтов, разрешенных Союзом нефтепромышленных рабочих (1907–1908 гг.), — вспоминал социал-демократ А. Рохлин, — подавляющее большинство принималось нефтепромышленными фирмами почти безоговорочно; безоговорочно эти фирмы вносили в кассу союза штрафы за те или иные проступки. Представители крупнейших фирм не раз и не два вносили деньги на те или иные нужды партийной организации (наша большевистская организация, нечего греха таить, не брезговала и этим источником дохода, хотя — это надо отметить — тут не было ничего похожего на те даяния, которыми пользовались шендриковцы; укажу хотя бы на 10-тысячный куш, полученный ими от нефтепромышленников при заключении декабрьского (1904 г.) договора, т. е. при обстоятельствах, которые [придавали получке характер подкупа [77]. Те же крупнейшие фирмы не раз и не два искали у нас защиты (помню случай обращения Манчо к Биби-Эйбатскому райкому уже в самое тяжелое время, кажется в 1911 г., от приставаний и налетов разного рода „эксов“)» {16}.

Факт получения денег от нефтепромышленников признавал позднее уроженец Вены рабочий Иван Проко-

фьевич Вацек [17], перешедший из австро-венгерского в русское подданство и на протяжении многих лет являвшийся кассиром Бакинского комитета РСДРП [18]. Отмечая, что большевики использовали материальную поддержку «буржуазных элементов», он писал: «Брали мы с управляющих, заместителей и заведующих, вообще с либеральной публики» [19].

Кто же входил в состав этой «либеральной публики»? Касаясь данной проблемы и подчеркивая, что имеет в виду только меньшевиков, С. Я. Аллилуев утверждал, что денежная помощь поступала «из несгораемых стальных касс королей нефти: Гукасова, Манташева, Зубалова, Кокорева, Ротшильда, Нобеля и многих других миллионеров, бросавших им крохи из своих сверхприбылей» [20].

Частично с воспоминаниями С. Я. Аллилуева перекликаются воспоминания рабочего И. Бокова, который писал, что когда один из братьев Шендриковых, оставивших заметный след в истории бакинского рабочего движения 1904–1905 гг., покидал Баку, он «получил от нефтепромышленника Гукасова взятку — 20 000 руб.» [21]. Даже если допустить, что в утверждении И. Бокова есть элемент преувеличения и уменьшить названную им цифру в несколько раз, все равно получается достаточно крупная сумма. Можно представить себе, какие деньги поступали в распоряжение Шендриковых до этого, если за труды и молчание им было выдано столь щедрое «выходное пособие».

К сожалению, упоминая фамилию Гукасова, ни С. Я. Аллилуев, ни И. Боков не назвали его имени. Между тем с нефтяным бизнесом были связаны три брата Гукасовых:

Павел (р. 1858), Аршак (р. 1864) и Абрам (р. 1872) Осиповичи.

Павел и Аршак долгое время стояли во главе «Каспийского нефтепромышленного товарищества» [78]в России, Абрам представлял его интересы в Лондоне {22}. Кроме того, они были связаны еще с целым рядом нефтепромышленных обществ, в том числе с акционерным обществом «А. И. Манташев и К°» и лианозовским «Московско-Кавказским нефтепромышленным и торговым товариществом» {23}. О влиянии братьев Гукасовых свидетельствует тот факт, что на протяжении долгого времени сначала Павел, а затем Аршак занимали должность председателя Совета съезда бакинских нефтепромышленников {24}.

Характеризуя П. О. Гукасова, следует отметить, что он контактировал с целым рядом лиц, имевших революционное прошлое, оказывал им содействие в поисках работы и способствовал их карьере. Среди них можно назвать бывшего чернопередельца Юрия Макаровича Тищенко и бывшего народовольца Абрама Никитича Дастакова (другое написание фамилии — Достаков) {25}.

Летом 1908 г. на Павла Осиповича поступил донос о том, что он и еще несколько предпринимателей передали армянскому архиепископу Герегину для церкви и на революционные цели 100 тыс. руб. Допрошенный по этому поводу П. О. Гукасов данный факт не подтвердил {26}. Но было бы и странно, если бы он дал подтверждающие показания.

20 октября 1907 г. газета «Утро России» опубликовала заметку, в которой говорилось: «Вчера в доме 24 по Кирочной ул., принадлежащем Ратькову-Рожнову, чинами

охранного отделения произведен обыск в квартире известного нефтепромышленника Тер-Гукасова, проживающего в названной квартире с сыном» {27}. По указанному выше адресу проживал Павел Осипович Гукасов {28}. Чем был вызван этот обыск, мы не знаем. Но для его проведения требовались веские основания, так как к этому времени П. О. Гукасов был не просто нефтепромышленником, он занимал пост председателя Совета Русского торгово-промышленного банка, входил в состав Совета съездов представителей промышленности и торговли и являлся одним из шести членов Государственного совета по выборам от предпринимателей России {29}.

Не исключено, что причина обыска была связана с тем, что в 1907 г. имя младшего сына П. О. Гукасова Левона всплыло при проведении «дознания о сыновьях статского советника Константина и Александра Докукиных (военная организация эсеров)» [79]. В связи с этим 7 июня 1907 г. начальником Петербургского жандармского управления было отдано распоряжение о проведении у него на квартире обыска, но тогда «за выездом» Л. П. Гукасова из столицы он произведен не был {30}и последовал, видимо, после его возвращения домой.

Аршак Осипович Гукасов был замечен в посещении во время одного из пребываний за границей редакции центрального органа партии «Дашнакцутюн» газеты «Дрошак». Охранка считала его причастным к созданию Армянского культурного союза, который использовался дашнаками как одно из легальных прикрытий их нелегальной деятельности {31}. Имеются также сведения, что А. О. Гукасов контактировал с членами нелегальной мусульманской социал-демократической орга-

низации «Гуммет» и содействовал созданию ею собственной легальной газеты [32].

Все это вместе взятое дает основание думать, что фамилия Гукасова появилась в списке кредиторов революционного подполья, который содержится в воспоминаниях С. Я. Аллилуева, не случайно.

Еще в большей степени это касается Александра Ивановича Манташева.

А. И. Манташев родился в Тифлисе 3 марта 1842 г. в семье крупного торговца [33], в 1871 г. стал тифлисским купцом 1-й гильдии [34], а после смерти отца наследовал его дело [35]. Обратив в 80-е гг. внимание на нефтяной бизнес, А. И. Манташев совместно с М. О. Арамянцем, Г. А. Тумановым и А. Цатуровым создал нефтепромышленную фирму, которая затем была преобразована в акционерное общество «А. И. Манташев и К°». Кроме того, он являлся акционером «Каспийского товарищества», акционерных обществ «Братья Нобель», «Питоев и К°», «Мирзоев и К°», Азово-Донского и Тифлисского коммерческого банков, входил в руководство этих банков, а в последнем с 1881 г. занимал пост председателя правления [36]. Наследство А. И. Манташева оценивалось более чем в 20 млн руб. [37].

13 февраля 1904 г. Департамент полиции поставил Тифлисское охранное отделение в известность о том, что им получены агентурные сведения, будто бы нефтепромышленник А. И. Манташев «три месяца назад» пожертвовал на революционное движение «миллион рублей» [38].

В ответ на это 24 апреля начальник Тифлисского охранного отделения ротмистр Ф. А. Засыпкин сообщил: «Проживающий в городе Тифлисе Александр Манташев — известный армянский миллионер, до возникновения в прошлом 1903 г. армянского движения в острой форме, направленного против русского правительства, имел несомненную связь с движением, направленным против Турции преимущественно; в данное время он уже не решился бы оборвать свою связь и во всяком случае, безусловно, снабжает революционеров деньгами; указания на пожертвование им миллиона рублей все же сомнительно» {39}.

Несмотря на то что имевшиеся в распоряжении Департамента полиции сведения о миллионном пожертвовании были поставлены Тифлисским охранным отделением под сомнение, в самом Департаменте на этот счет придерживались иного мнения. Об этом свидетельствует «Исторический очерк об армянской федеративной партии „Дашнакцутюн"», подготовленный для служебного пользования жандармским подполковником Л. И. Ивановым. «Нефтепромышленник Манташев, — читаем мы здесь, — например, заплатил один миллион, но, кажется, сделал это как „вспомогательный член" „Дашнакцутюн", <...> он же основал в Лондоне армянский банк, где теперь находятся „церковные" армянские денежки, и он же находится в союзе с Ротшильдом» {40}.

Что касается участия в финансировании революционного движения семьи Зубаловых, то пока удалось обнаружить только один факт, относящийся к 1910 г. и свидетельствующий о том, что в это время лидер грузинских меньшевиков Н. Н. Жордания получал ежемесячное содержание в размере 100 руб. от «хозяина Народного до-

ма» в Тифлисе Зубалова [41]. Народный дом был построен на средства сыновей нефтепромышленника Константина Яковлевича Зубалова (1828–1901): Левана (1851–1915), Стефана (1860–1904), Петра (р. 1862) и Якова (р. 1876) [42]. На содержании кого из них находился лидер грузинских меньшевиков, требует выяснения. При этом необходимо иметь в виду что Константин Яковлевич Зубалов состоял в браке с Елизаветой Михайловной Тумановой (Кавказ, 1881, 30 декабря), сестра которой, Анастасия, была второй женой редактора газеты «Квали» Г. Е. Церетели, (см. далее: с. 588).

В 20-е гг. XX в. была опубликована схема связей кавказских социал-демократов, относящаяся к 1901–1902 гг. Она включала в себя около 60 человек из Баку, Батума и Тифлиса. В этой схеме фигурировала и фамилия Зубалов [43]. Установить, кто именно из Зубаловых находился в поле зрения охранки, пока не удалось. Но можно отметить, что в 1904 г. Тифлисское охранное отделение вело наружное наблюдение за Давидом Антоновичем Зубаловым [44], приходившимся двоюродным братом владельцам Народного дома [45].

К началу XX в. один из пионеров нефтяного бизнеса в России, Василий Александрович Кокорев уже давно пребывал в ином мире (он умер в 1889 г). В преклонном возрасте находился и его сын Александр Васильевич (ок. 1848–1908) [46], который жил в Петербурге и принадлежал к числу крупнейших акционеров Волжско-Камского коммерческого банка [47]. Сам А. В. Кокорев вряд ли поддерживал связи с революционным подпольем. Поэтому С. Я. Аллилуев мог иметь в виду не его лично, а кого-то из руководителей созданного им Бакин-

ского нефтепромышленного общества. О том, что в окружении А. В. Кокорева могли быть лица, связанные с революционным подпольем, свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении сведения об одном из управляющих Бакинского нефтепромышленного общества, Андрее Васильевиче Каменском, который находился в родстве с бывшим народовольцем, позднее эсером, Львом Карловичем Чермаком и одним из лидеров партии эсеров, Борисом Викторовичем Савинковым [48].

Так же, видимо, обстоит дело с Ротшильдом, который хотя и являлся владельцем «Каспийско-Черноморского нефтепромышленного товарищества», однако никогда в России не жил. Упоминая его фамилию, С. Я. Аллилуев мог иметь в виду только руководство этого товарищества, среди которого, как будет показано далее, находились и лица, имевшие в революционном подполье родственные связи, и лица, оказывавшие ему материальную поддержку [49].

Фирма «Братья Нобель» была создана потомками шведского предпринимателя Иммануила Нобеля (1801–1872), который имел четверых сыновей: Роберта (1829–1896), Людвига (1831–1888), Альфреда (1833–1896) и Эмиля (1843–1864). Русские Нобели — это в основном потомки Людвига Иммануиловича и его сына Эмануила Людвиговича (1852–1932), который возглавлял после смерти отца семейный бизнес. У него было семеро детей: Эстер-Вильгельмина (1872–1929), Людвиг (1874–1935), Ингрид (1879–1929), Марта (1881–1973), Рольф (1882–1947), Эмиль (1885–1951) и Густав (1886–1955) [50].

Никаких сведений о том, что Э. Л. Нобель или кто-нибудь из его потомков лично жертвовал средства на

революционное движение, обнаружить не удалось. Но имеются данные о том, что в декабре 1904 г. крупная денежная сумма на финансирование забастовочного движения была предложена находившемуся в Баку представителю ЦК РСДРП руководством фирмы «Братья Нобель» {51}.

Показательно также, что двоюродный брат Э. Л. Нобеля Дмитрий Классович Нюберг являлся членом «Свободной народной партии», созданной в Сибири бывшим шлиссельбуржцем В. А. Карауловым, и в начале 1906 г. привлекался к дознанию по обвинению в содействии революционному движению на Сибирской железнодорожной магистрали {52}. В двоюродном родстве с Э. Л. Нобелем находился Александр (Сентери) Нуортева, отец которого, Альфред, был братом Класса Нюберга. А. Ноуртева принадлежал к числу видных деятелей финской социал-демократии, в 1907 г. он принимал участие в организации переезда И. В. Ленина из Финляндии в Швецию {53}.

Революционные связи имел и зять Э. Л. Нобеля, муж его дочери Марты, военный врач Георгий Павлович Олейников {54}. Сын фельдшера, он родился 8 апреля 1864 г. в заштатном городе Краснокутске Богодуховского уезда Харьковской губернии. До 1883 г. обучался в Саратовской и Ташкентской гимназиях, с 1883 по 1887 г. — в Петербургском университе, с 1887 по 1891 г. — в Военно-медицинской академии {55}. Г. П. Олейников был не только однокурсником А. И. Ульянова, но и входил в число его друзей {56}. И хотя к делу 1 марта 1887 г. он, по всей видимости, отношения не имел, показательно, что через три года был замечен в контактах с кружком Карла Кочаровского. Этот кружок возник в

Петербурге к началу 1888 г. Он не только начал собирать вокруг себя народовольчески настроенные элементы по всей России, но и установил (через Я. Юделевского) контакты с народовольческой эмиграцией (Ю. Раппопорт). Среди лиц, с которыми был связан кружок К. Кочаровского, можно назвать Дмитрия Константиновича Агафонова, Михаила Ивановича Бруснева, Ивана Павловича Глаголева, Бориса [Андреевича] Крыжановского, Вячеслава Александровича Кугушева, Виктора Константиновича Курнатовского, Константина Францевича Неслуховского, Владимира Николаевича Переверзева, Симу Марковну Познер, Давида Соскиса, Юрия Макаровича Тищенко, Александра Петровича Фан дер Флита, Андрея Юльевича Фейта, Николая Михайловича Флерова и др. {57}.

О политических позициях, которые занимал Г. П. Олейников позднее, свидетельствует то, что 18 декабря 1904 г. он поставил свою подпись под петицией врачей с требованием созыва Учредительного собрания {58}, а в 1905 г. принял участие в создании Радикальной партии {59}.

Основные положения ее программы сводились к следующему: а) переход от монархии к республиканской форме правления на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов; б) превращение России в федерацию самоуправляющихся областей подобно Соединенным Штатам Америки; в) ликвидация национальных, сословных и вероисповедных ограничений; г) отделение церкви от государства; д) предоставление населению политических свобод; е) выкуп всех частновладельческих земель; ж) безвозмездное отчуждение государственных, удельных, кабинетских и церковных земель; з) наделение крестьян землей по трудовым нормам; и) переход к го-

родским и сельским общинам всех предприятий, обслуживающих нужды местного населения: водоснабжения, снабжения газом и электричеством, местных путей сообщения, складов продовольственных и врачебных средств; к) сосредоточение в руках государства тех отраслей производства и предприятий, которые фактически составляют монополию частных лиц или учреждений, как то: эксплуатация путей сообщения и недр земли, производство сахара, страховые операции и т. д.; л) введение 8-часового рабочего дня, а также предоставление рабочим права на забастовки и объединение в профсоюзы; м) замена прямых налогов прогрессивным подоходным и имущественным налогообложением; н) реформа армии на милиционной основе [60].

В декабре 1905 г. Г. П. Олейников был арестован на заседании Петербургского Совета рабочих депутатов [61]. Не исключено, что именно он («некий Олейников») вместе с Н. В. Мешковым фигурировал 5 декабря 1911 г. в донесении начальника Петербургского охранного отделения как лицо, причастное к материальной поддержке большевистской газеты «Звезда». Основанием для такого предположения служит то, что один из издателей «Звезды», Н. А. Иорданский, еще с 90-х гг. XIX в. был знаком с Л. М. Рейнгольдом, который вместе с Г. П. Олейниковым принадлежал к числу наиболее активных членов Радикальной партии [62].

Если армянское движение получало материальную поддержку от А. И. Манташева, то мусульманское движение — от Гаджи Зейнал Абдина Тагиева. Г. З. А. Тагиев был не только нефтепромышленником, он входил также в Совет Петербургского международного коммерческого банка [63]. «Среди бакинских панисламистов, —

доносил 30 мая 1911 г. секретный сотрудник Бакинского охранного отделения Мустафа, — видную роль играет присяжный поверенный Топчибашев, проживающий на углу Персидской и Церковной улиц в д. Казимова, бывший редактор газеты „Каспий", он с тех пор состоит в большой дружбе с Гаджи Зейнал Абдин Тагиевым, оказывающим широкую материальную помощь панисламистам» {64}.

В молодости А. М. Топчибашев принимал участие в революционном движении, и его фамилию можно найти в справочнике «Деятели революционного движения в России» {65}. Став присяжным поверенным, «в Баку он женился на дочери социал-демократа Гасан-бека Меликова (ныне покойного), с которым был в большой дружбе» {66}. В 1906 г. А. М. Топчибашев стал депутатом I Государственной Думы и принял участие в составлении Выборгского воззвания {67}. Некоторые бакинские большевики позднее с теплотой вспоминали его гостеприимную квартиру {68}.

По данным охранки, относящимся к октябрю 1911 г., «в очень близких отношениях с Тагиевым» находился нефтепромышленник Иса-бек Ашурбеков {69}. «Ашурбеков, — читаем мы в одном из документов Департамента полиции, — по агентурным сведениям заведующего Бакинским охранным пунктом, относящимся к 1906 г., входил в состав мусульманской социал-демократической организации „Гуммет"» {70}, «в том же 1906 г. разъезжал по Шушинскому уезду под видом сбора пожертвований в пользу голодающих мусульман, а в действительности вел преступную противоправительственную агитацию» {71}. «10 июня 1907 г. Ашурбеков был задержан и заключен под стражу, но чем окончилось

следственное производство, сведений не имеется» {72}. По воспоминаниям, некоторое время И.-б. Ашурбеков входил в Финансовую комиссию Бакинского комитета РСДРП {73}. Позднее он был обвинен в связях с охранкой {74}.

Некоторые нефтепромышленники не только оказывали революционному движению материальную помощь, но и сами участвовали в нем. В качестве примера можно назвать Глеба Сидоровича Шибаева.

Его отец Сидор Мартынович происходил из крестьянской старообрядческой семьи Богородского уезда Московской губернии. Свою карьеру он начал служащим на Богородско-Глуховской мануфактуре Захария Саввича Морозова, в 1844 г. под Богородском вместе с Иваном Саввичем Морозовым основал собственную фабрику, а затем вместе с Тимофеем Саввичем — Тверскую мануфактуру {75}. В 1865 г. С. М. Шибаев стал московским купцом 1-й гильдии, в которой состоял вплоть до своей смерти 30 августа 1888 г. {76}Незадолго до этого он учредил нефтепромышленную фирму «С. М. Шибаев и К°» {77}.

В 1899 г. после смерти его жены Евдокии Викуловны наследство перешло к детям {78}. Достигнув двадцати лет, миллионное состояние получил младший сын Глеб {79}. В 1902 г. он закончил гимназию и поступил в Московский университет, уже на первом курсе примкнул к революционному движению, был арестован [80]и привлечен к переписке {80}, а 1 марта 1903 г. выслан под особый надзор полиции в Пензенскую губернию {81}. Отбыв срок, он вернулся домой, но связи с революционным подпольем не прервал. От него тянет-

ся ниточка к кавказской дружине, сражавшейся в декабре 1905 г. на баррикадах Москвы [82].

Если Г. С. Шибаев был предпринимателем-революционером, то некоторые революционеры сами делали предпринимательскую карьеру. В качестве примера можно назвать бывшего народника Георгия (Юрия) Макаровича Тищенко (1856–1922), который в 1879 г. председательствовал на последнем воронежском съезде «Земли и воли», а затем стал одним из членов «Черного передела». Эмигрировав, он закончил Мюнхенский политехникум, в 1883 г. вернулся в Россию и был арестован. По окончании срока ссылки некоторое время жил в Пермской губернии, в 1887 г. поселился на Кавказе, сначала в Тифлисе, затем в Баку [83].

Здесь Ю. М. Тищенко получил место в конторе Совета съезда нефтепромышленников, близко сошелся с П. О. Гукасовым, через некоторое время стал «секретарем съезда нефтепромышленников», затем «управляющим конторою» «того же съезда». В 1896 г. Ю. М. Тищенко оставил должность управляющего конторой нефтепромышленников, после чего П. О. Гукасов пригласил его к себе на должность помощника. В таком качестве он оставался до 1900 г., когда стал управляющим конторой «Каспийского нефтепромышленного товарищества» [84], к началу Первой мировой войны входил в руководство 22 акционерных обществ и являлся совладельцем товарищества «П. О. Гукасов и К°» [85].

В одном из доносов на Ю. М. Тищенко мы читаем: «Он потратил десятки тысяч на поддержание революционной газеты „Товарищ", щедро поддерживал в печальное время „Союз Союзов" и Совет рабочих депутатов < ...>, он же десятками тысяч поддерживал свою партию

(имеется в виду партия эсеров. — *А.О.*) через своих друзей Тютчева, Натансона и других, есть даже основание думать, что на его деньги было организовано ужасное покушение на Аптекарском острове» {86}.

Насколько эти сведения соответствуют действительности, еще требует выяснения, но можно отметить, что, поданным наружного наблюдения, он действительно поддерживал контакты с членом ЦК партии эсеров Николаем Сергеевичем Тютчевым, а также с известным социал-демократом, присяжным поверенным Николаем Дмитриевичем Соколовым {87}. Показательно также, что в посвященном Ю. М. Тищенко некрологе хотя и отмечалось, что, заняв видное положение в предпринимательских кругах, он «отошел от революционной работы», но подчеркивалось, что при этом он «всегда оказывал всяческое содействие начинаниям и предприятиям левых групп русской общественности» [81]{88}.

Итак, можно констатировать, что определенная часть влиятельнейших нефтепромышленников находилась в крайней оппозиции к существовавшей власти и была готова поддерживать в борьбе с ней самые радикальные, в том числе революционные, силы.

Революционное подполье и марганцевый бизнес

Другим, кроме нефти, важным видом промышленного сырья на Кавказе являлся марганец, месторождения которого были обнаружены в районе Чиатур Шоропанского уезда Кутаисской губернии. Марганец приобрел особое значение в связи с переходом к бессемеровскому, а затем мартеновскому способам плавки стали, став не-

обходимым компонентом нового технологического процесса.

По данным дореволюционной статистики, Чиатурское месторождение занимало площадь около 125 кв. верст, или же около 12,5 тыс. дес., и содержало не менее 1 млрд пудов марганцевой руды. Если же брать «площадь, занятую рудой, годной к разработке», то некоторые специалисты определяли ее только в 68 кв. верст: примерно 9 верст вдоль Цирквальского и Шукрутского ущелий и 7,5 версты поперек. А принимая во внимание ущелья, овраги и вымоины вдоль берегов рек, специалисты определяли площадь самих месторождений максимум в 38 кв. верст, из которых 15 кв. верст (1500 дес.) относили к богатым залежам, а 23 — к залежам, где руда требовала обогащения [1].

Считается, что первым, кто обратил внимание на Чиатурское месторождение и начал его разработку, был известный грузинский поэт Акакий Ростомович Церетели, который привлек к этому делу своего родственника, князя Ивана Константиновича Багратион-Мухранского, занимавшего пост кутаисского губернатора [2]. «Время возникновения разработки месторождения, — говорится в одной из дореволюционных официальных справок, посвященных марганцедобывающей промышленности на Кавказе, — должно быть отнесено к 1879 г., когда в Чиатуры прибыли представители Круппа, общества железных рудников „Gute Hoffnung" в Вестфалии и торгового дома „К. Вахтер и К°"» [3].

Марганцевую руду доставляли в Зестафони, из Зестафони в Поти, оттуда морем — за границу [4].

В 1879 г. было добыто 0,06 млн пуд. руды, в 1880 г. — 0,5 млн; в 1881 г. — 0,7; в 1882 г. — 0,8; в 1883 г. —

1,0; в 1884 г. — 1,3; в 1885 г. — 3,6; в 1886 г. — 4,2; в 1887 г. — 3,2; в 1888 г. — 1,9; в 1889 г. — 4,2; в 1890 г. — 10,5; в 1891 г. — 6,8; в 1892 г. — 10,2; в 1893 г. — 10,5; в 1894 г. — 11,2; в 1895 г. — 7,2; в 1896 г. — 9,7; в 1897 г. — 11,2; в 1898 г. — 16,3; в 1899 г. — 34,1; в 1900 г. — 40,4; в 1901 г. — 22,9; в 1902 г. — 25,9; в 1903 г. — 23,0; в 1904 г. — 20,3; в 1905 г. — 20,9; в 1906 г. — 50,2; в 1907 г. — 40,8; в 1908 г. — 7,0; в 1909 г. — 36,5; в 1910 г. — 33,8; в 1911 г. — 28,6; в 1912 г. — 35,3; в 1913 г. — 59,2; в 1914 г. — 40,4 млн пуд. {5}.

В 1892 г. Чиатуры давали 85 % всего российского марганца и 38 % его мировой добычи, через 20 лет, в 1912 г., — соотвественно 70 и 58 % {6}. Следовательно, в конце XIX — начале XX в. более половины всего сталелитейного производства в мире зависело от марганцедобывающей промышленности России, в первую очередь Чиатур. Это придавало особое значение данной отрасли и связывало Чиатуры самыми теснейшими связями с мировым рынком и мировыми финансово-промышленными группировками [82].

Первоначально в марганцевую промышленность устремилось много мелких предпринимателей, затем наметилась тенденция к концентрации капитала. В 1899 г. 292 фирмами было добыто 34,1 млн пуд. руды, более половины всей добычи приходилось лишь на 40 предприятий {7}.

Иностранный капитал долгое время предпочитал заниматься скупкой и экспортом марганца и лишь затем тоже стал внедряться в сферу добычи. Особое значение в этом отношении имел 1904 г., когда свою деятельность на Кавказе начало германское «Акционерное общество

Шальского союза горнопромышленников и владельцев копей в Гельзенкирхене» [83]{8}.

Как явствует из протокола общего собрания этого общества от 25 марта 1912 г., накануне Первой мировой войны самый крупный пакет акций имел Дойче банк — 25 млн марок, за ним следовали Дисконтогезельшафт — 18 млн и Дрезденер банк — 9 млн. Эти три кредитных учреждения концентрировали в своих руках акции на 52 из 94 млн. марок и таким образом держали в своих руках контрольный пакет акций. Среди частных акционеров этого общества находились такие германские предприниматели, как Гуго Стиннес и Соломон Оппенгейм {9}. В финансовых кругах России существовало мнение, что «одним из крупнейших акционеров этого общества» являлся «германский кайзер Вильгельм II», причем по сведениям, которыми располагал наместник на Кавказе граф И. И. Воронцов-Дашков, акции германского императора были «записаны на имя бывшего директора общества Тиссена» {10}. Представителем Гельзенкирхенского общества в России являлся Иван Спиридонович Персинаки {11}, а доверенным лицом — присяжный поверенный Лев Моисеевич Берлин {12}.

Вначале Гельзенкирхенское общество, точно так же, как и другие иностранные фирмы, занималось экспортом марганца из России. Однако оно появилось на марганцевом рынке тогда, когда здесь уже не было свободных ниш, поэтому его утверждение было связано с ожесточенной конкурентной борьбой. Преодолевая сопротивление, Гельзенкирхенское общество смогло не только утвердиться на марганцевом рынке, но и занять на нем особые позиции. Если в 1905 г. этим обществом было закуплено и вывезено за границу 5 % всего экспортируемо-

го марганца, то в 1913 г. более 35 % [13]. Одновременно оно становится на путь скупки рудоносных земель. К началу Первой мировой войны французы имели в Шоропанском уезде около 70 дес. рудоносной земли, англичане — около 80, Гельзенкирхенское общество — почти 500 дес. [14].

Когда началась война и возник вопрос о секвестировании Гельзенкирхенского общества, оказалось, что его акции принадлежат недавно возникшему шведскому обществу Винтервинкенс [15], которое, с одной стороны, было связано с банкирской фамилией Валенбергов в Стокгольме [16], а с другой — с семьей Нобелей в Петербурге [17].

Первоначально единственным кредитным учреждением на Кавказе, которое могло финансировать добычу и экспорт марганца, являлся Тифлисский коммерческий банк [18]. Затем возникли Потийское общество взаимного кредита и Кутаисское общество взаимного кредита. В 1903 г. специальное совещание при Министерстве финансов постановило: «Поручить организацию комиссионной продажи марганца и выдачи ссуд марганцепромышленникам за руду, удовлетворяющую требованиям установленной марки, двум банкам — Русскому для внешней торговли и Азово-Донскому; при этом последний с открытием в ближайшем будущем своих отделений на Кавказе должен будет взять на себя организацию дела на месте добычи руды и ее отправки в порты вывоза, а Русский для внешней торговли банк, имеющий отделения за границей, примет на себя организацию самого экспорта марганцевой руды за границу» [19].

До начала 90-х гг. XIX в. в Чиатурах производилась открытая добыча марганца. Затем стали закладывать

штольни. С этого момента здесь появились горные инженеры. Едва ли не первым из них стал приглашенный на службу в 1892 г. Пинчеровским синдикатом Георгий Гаврилович Деканозов [20]. Г. Г. Деканозов был участником упоминавшегося выше кутаисского съезда грузинских студентов в 1892 г., затем проходил по делу о «Лиге свободы Грузии» [21], позднее являлся одним из видных деятелей партии социалистов-федералистов и принимал участие в известной Парижской конференции революционных и оппозиционных партий 1904 г. [22]Широкую известность его фамилия получила в 1906 г., когда Департамент полиции опубликовал брошюру «Изнанка революции», из которой явствует, что в 1905 г. Г. Г. Деканозов был причастен к получению японских денег на революционное движение [23].

Судьбу Г. Г. Деканозова не следует считать уникальной. Дело в том, что среди чиатурских марганцепромышленников с самого начала довольно широко были распространены не только оппозиционные, но и революционные настроения.

Отчасти это было связано с тем, что некоторые марганцепромышленники в молодости отдали дань увлечению революционными идеями. Так, по утверждению М. Г. Цхакаи, марганцепромышленниками стали участники революционных кружков 90-х гг. в Тифлисе Ражден Каладзе и Варфоломей Мосешвили [24]. Некоторые марганцепромышленники сами принимали участие в революционном движении. В качестве примера можно назвать братьев Кекелидзе, трое из которых (Бартоломе, Георгий и Датико) входили в состав местной большевистской организации, причем Георгий в 1911 г. был убит

жандармами, а Датико умер в 1928 г. членом ВКП(б) {25}.

Как мы уже знаем, одним из создателей «Месаме даси» был Иосиф Павлович Какабадзе {26}. Он родился в 1864 г., закончил три класса духовного училища и в 14 лет начал свою трудовую жизнь {27}. Определенное влияние на его судьбу оказало то, что его братья Илья и Нестор стали предпринимателями. В 1899 г. в списке 292 владельцев марганцедобывающих предприятий они занимали 31-е место {28}. Иосиф Павлович тоже приобщился к марганцепромышленной деятельности, неоднократно бывал за границей, овладел иностранными языками {29}, в то же время он продолжал участвовать в революционном движении. В частности, при его посредничестве транспортировалась «Искра» {30}. После II съезда РСДРП Иосиф Какабадзе стал меньшевиком {31}.

27-е место в списке марганцепромышленников в 1899 г. занимал Сачино Ростомович Вашадзе {32}. Сам он к революционному движению не имел никакого отношения, зато в нем участвовали его сыновья Александр (р. 1887) {33}, Галактион (р. 1880) {34}и Кимонтэ (р. 1872) {35}. Когда С. Р. Вашадзе стало известно о революционной деятельности его сыновей, он «хотел покончить самоубийством», но затем смирился, и это, вспоминал А. С. Вашадзе, позволило «нам его дом в период подполья сделать убежищем нелегально работающих товарищей и хранилищем нелегальной литературы». Здесь же одно время размещалась подпольная типография Чиатурской организации РСДРП {36}.

«С нашей семьей, — отмечал К. С. Вашадзе, — частую связь имели и квартировались даже следующие товарищи: 1. Буду Мдивани, 2. Котэ Цинцадзе, 3. Вано Ломтатидзе, 4. Августула, 5. Мелитон Пилия, 6. Нестор Чхикваидзе, 7. Степко Инцкирвели, 8. Братья Окуджава, 9. Женщины Галдавадзе и Сулаквелидзе, 10. Некодимос Брегвадзе и многие другие» {37}.

Двоюродным братом Галактиона и Кимонте Вашадзе был Карп Спиридонович Модебадзе {38}. Он родился в 1873 г. в семье священника-дворянина и вместе с братом Платоном имел в Чиатурах 100 дес. {39}После окончания Кутаисского духовного училища обучался в Тифлисской духовной семинарии, где сошелся с Рожденом Каладзе и Михой Цхакаи, в 1893 г. был исключен из семинарии за участие в ученической забастовке {40}. Под руководством Г. Г. Деканозова освоил профессию горного техника и стал работать на марганцевых рудниках, одновременно играя видную роль в местной социал-демократической организации. В конце 1905 г. участвовал в Чиатурах в объединенном штабе боевых дружин, а затем вынужден был эмигрировать, жил в Брюсселе и Париже {41}.

Размещавшаяся в доме Вашадзе типография была перевезена сюда из дома другого марганцепромышленника, Уплиса Сисиевича Чачанидзе, который занимал в 1899 г. 24-е место по добыче марганцевой руды {42}. Характеризуя свое отношение к революционному движению, он позднее писал: «В моем доме в подвале был печатный станок, а в винном погребе (мелани) склад оружия. Все это было найдено казаками во время обыска в 1905 г. Из-за этого меня безжалостно избили, сожгли мой дом и дом моего племянника Якова Чачанидзе, меня

арестовали и посадили в Кутаисскую тюрьму, где я просидел шесть месяцев» {43}.

Яков Чачанидзе полностью подтверждал эти факты: «В конце 1905 г. в подвале дома Уплиса Чачанидзе была устроена нелегальная типография», «оружие хранилось сначала в доме Уплиса Чачанидзе, потом было перенесено в мой дом. В моем винном погребе оружие пролежало три месяца, после чего по доносу одного шпиона было обнаружено полицией… В 1906 г. 12 января пластуны сожгли мой дом и дом моего дяди Уплиса Чачанидзе» {44}.

Видную роль в марганцепромышленном мире играл Николай Виссарионович Гогоберидзе. Дворянин по происхождению, он принадлежал к тому первому поколению грузинской интеллигенции, представители которого на рубеже 50–60-х гг. XIX в. в поиске знаний отправились в Петербург и здесь не только приобщились к революционному движению, но и получили первое боевое крещение в студенческих волнениях 1861 г. В круг друзей Н. В. Гогоберидзе входили Виссарион Гогоберидзе, Николай Джабадари, Давид Кипиани, Илья Чавчавадзе. Он был в близких отношениях с Н. А. Добролюбовым и Л. Ф. Пантелеевым {45}. К этому же кругу лиц принадлежали Н. Я. Николадзе, Г. Е. Церетели и некоторые другие.

Получив образование, Н. В. Гогоберидзе посвятил себя марганцепромышленному бизнесу. В 1899 г. он замыкал вторую десятку крупнейших чиатурских марганцепромышленников {46} и был одним из крупнейших экспортеров марганца {47}. В то же время Н. В. Гогоберидзе продолжал поддерживать отношения с радикально настроенной интеллигенцией, и его дом, по

утверждению М. Г. Цхакая, использовался как явочная квартира [48].

Пятым в списке марганцепромышленников в 1899 г. фигурировал князь Петр Георгиевич Цулукидзе [49]. В 70-е гг. XIX в. он тоже принимал участие в народническом движении, ведал народнической библиотекой в Тифлисе [50]. Посвятив себя предпринимательской деятельности, он тоже не порвал связи со своими вчерашними товарищами и, по данным охранки, в начале XX в. был связан с партией социалистов-федералистов [51].

Летом 1905 г. на страницах «Тифлисского листка» появилась следующая публикация:

«Чиатури (Шоропанский уезд). На днях четыре вооруженных злоумышленника напали на управляющего одним иностранным торговым домом г. Персенока, когда он, получив из почтовой конторы 15 000 рублей, шел домой. Злоумышленники, ранив потерпевшего, успели похитить 10 000 рублей. Население, возмущенное этим дерзким преступлением, само преследовало грабителей, причем ранили одного злоумышленника, а остальных задержали. Похищенные деньги найдены на расстоянии одной версты от Чиатури в лесу и возвращены потерпевшему. Задержанные грабители будут судимы народным судом» [52].

Как явствует из воспоминаний, в данном случае в качестве грабителей выступали местные меньшевики. Воспоминания позволяют уточнить и личность потерпевшего. Им был управляющий чиатурской конторы германской марганцепромышленной фирмы «Гельзенкирхенское общество» И. С. Персинаки. Но еще более важно то, что,

по свидетельству Галактиона Вашадзе, розыск «злоумышленников» был организован не местным населением, а И. В. Сталиным [53].

Об этом же писал и Н. Рухадзе: «На управляющего немецкой фирмой общества „Гельзенкирхен" И. Персинаки днем, когда он выносил деньги из почты, напали какие-то грабители и отняли у него 11 тысяч рублей. Товарищ Сталин поручил нам, рабочим, найти и деньги, и грабителей. Так и случилось. В течение одного часа и деньги были найдены, и грабители арестованы. Деньги немедленно были переданы по назначению. Грабителей же (три человека) народный суд, выбранный рабочими, судил под открытым небом в присутствии рабочих и присудил их к ссылке в Россию на пять лет. Полиция не посмела вмешаться в это дело» [54].

Обычно революционные организации брали под защиту от рэкета тех предпринимателей, которые оказывали им материальную поддержку. Это дает основание утверждать, что в 1905 г. И. С. Персинаки принимал участие в финансировании чиатурской организации большевиков.

Сращивание или подчинение?

В 1913 г. при подготовке к празднованию 300-летия Дома Романовых Петербургское охранное отделение подвергло специальному изучению маршрут передвижения императора и в связи с этим обратило внимание на дом № 5 по Морской улице, в котором размещался Азово-Донской коммерческий банк. Получив списки его сотрудников, охранка обнаружила в них 25 человек, на которых имелись «неблагоприятные в политическом отношении

сведения», причем как минимум 13 из них были связаны с партией эсеров [1].

«Принимая во внимание, что столь значительное количество неблагонадежного в политическом отношении элемента служащих Азово-Донского банка при общем составе служащих этого банка приблизительно в 300 человек, — заключал Департамент полиции, — не может быть приписано случайности и что, по-видимому, лица с политическим прошлым находят в названном банке при определении их на службу чью-либо поддержку со стороны местной банковской администрации» [2].

Бросая тень подозрения на банковскую администрацию, Департамент полиции почему-то не счел возможным указать, что в его распоряжении имелись сведения о неблагонадежных связях не только рядовых служащих банка, но и некоторых его руководителей. Прежде всего это касалось А. И. Манташева, входившего в Совет банка [3], а также члена правления и одного из его директоров Дмитрия Ивановича Дармолотова, на чей адрес в свое время высылалась из-за границы «Искра» [4].

Приведенный пример свидетельствует, что установление длительных контактов между революционными партиями и их кредиторами имело своим следствием сращивание коммерческих структур с революционным подпольем. Этот процесс захватывал не только коммерческие предприятия, но и предпринимательские организации, важнейшими из которых на Кавказе были Совет съезда марганцепромышленников и Совет съезда нефтепромышленников.

Первый съезд чиатурских марганцепромышленников состоялся в Кутаисе 15–20 апреля 1896 г. и завершился

избранием Совета как руководящего органа предпринимателей. Возглавил его Георгий Феликсович Зданович [84]{5}. Внук участника польского восстания 1830–1831 гг., он принимал активное участие в народническом движении, арестованный в 1875 г., был предан суду, лишен дворянства и отправлен на каторгу. Отбыв положенный срок и проведя 6 лет на поселении в Верхоленске и Томске, в 1889 г. он вернулся на Кавказ {6}и стал представлять марганцепромышленные фирмы, судя по всему, связанные с германским капиталом. В 1894 г. ездил в Гамбург, а по возвращении оттуда выступил с инициативой объединения марганцепромышленников {7}.

Г. Ф. Зданович не только руководил работой первого съезда марганцепромышленников, не только был избран председателем Совета, но и находился на этом посту вплоть до своей смерти в 1917 г. {8}Уже само по себе пребывание в кресле руководителя предпринимательской организации бывшего каторжника — явление не совсем обычное. Еще более показательно, что, вернувшись с каторги, Г. Ф. Зданович не порвал связи с революционным подпольем {9}, став в начале XX в. одним из организаторов и «серых кардиналов» партии грузинских социалистов-федералистов {10}.

В связи с этим заслуживает внимания весь состав Совета съезда марганцепромышленников.

На первом съезде кроме Г. Ф. Здановича членами Совета были избраны Н. В. Гогоберидзе, П. Г. Цулукидзе и Ф. Д. Солеляк {11}. Если учесть, что Н. В. Гогоберидзе и П. Г. Цулукидзе тоже имели за своей спиной революционное прошлое, а затем хотя и отошли от революционной деятельности, но продолжали поддерживать

связи с революционными элементами, получается, что первый Совет съезда марганцепромышленников на три четверти состоял из вчерашних бунтарей, оставшихся в оппозиции к царизму.

Это отразилось и на аппарате Совета съезда. На протяжении многих лет бессменным помощником Г. Ф. Здановича был известный писатель князь Иван (Кита) Георгиевич Абашидзе [85]{12}, тоже являвшийся одним из лидеров партии социалистов-федералистов. Вторым помощником Г. Ф. Здановича некоторое время был Владимир Николаевич Чачава {13}, принадлежавший к числу первых тифлисских социал-демократов {14}. Участвовал ли он в революционном движении позднее, неизвестно. Но в этом движении участвовал и играл видную роль его брат Коция, ставший меньшевиком {15}, а сам В. Н. Чачава находился в приятельских отношениях с братом Ноя Жордании — Кайхосро {16}.

Первым секретарем Совета съезда марганцепромышленников стал Александр Теймуразович Нанейшвили, который в 1883 г. привлекался по делу «Народной воли» {17}и приходился дядей известному большевику Виктору Ивановичу Нанейшвили {18}. А. Т. Нанейшвили в должности секретаря сменил П. Г. Сургуладзе, ставшего позднее одним из лидеров партии социалистов-федералистов {19}, затем этот пост занял Давид Виссарионович Мдивани {20}, проходивший по делу о «Лиге свободы Грузии» и тоже бывший социалистом-федералистом {21}. Позднее для общего руководства аппаратом Совета съездов была учреждена должность управляющего конторой, которую занял бывший народник Ясон Фомич Бакрадзе {22}, а Д. В. Мдивани стал заведующим канцелярией Совета съездов

{23}. Статистическую службу Совета долгое время возглавлял один из членов «Лиги свободы Грузии», Микадзе Серапион Митрофанович {24}.

Не произошло принципиальных изменений в составе Совета и в последующем. В 1915–1917 гг. его членами были Г. Ф. Зданович (председатель), князь И. Г. Абашидзе (заместитель), Соломон Ефимович Церетели, Иван Спиридонович Персинаки, Илья Павлович Какабадзе {25}. Из пяти человек по крайней мере четверо имели прямые или опосредованные связи с революционным подпольем. Управляющим конторой марганцепромышленников оставался Я. Ф. Бакрадзе, заведующим канцелярией — Д. В. Мдивани, заведующим статистическим бюро — С. М. Микадзе {26}.

* * *

Подобный же процесс захватил и возникший в 1884 г. Совет съездов нефтепромышленников. С 1897 по 1917 г. в его состав, который до 1906 г. возглавлял Павел Осипович Гукасов, с 1906 по 1909 г. — Арнольд Михайлович Фейгль, а с 1909 по 1917 г. — Аршак Осипович Гукасов {27}, входили: 1) Аладжалов Иван Сергеевич, 2) Антонов Христофор Сергеевич, 3) Бардский Казимир Людвигович, 4) Ваннебу Н. А., 5) Гаджинский Исабек, 6) Гарсоев Иван Герасимович, 7) Гукасов Аршак Осипович, 8) Гукасов Павел Осипович, 9) Корсаков Михаил Петрович, 10) Кянджунцев Гайк Григорьевич, 11) Ланго Алексей Иванович, 12) Лесснер Арнольд Георгиевич, 13) Манчо Александр Иванович, 14) Маркаров И. П., 15) Медведев Иван Павлович, 16) Нобель Густав Людвигович, 17) Парониан Аршак Арутюнович, 18) Плаксин Алексей Арсеньевич, 19) Ризенко Николай Владимирович, 20)

Рыльский Ипполит Константинович, 21) Тагианосов Степан Сергеевич, 22) Тарумов Сергей Семенович, 23) Уманцев Евгений Иосифович, 24) Унанов Аршак Степанович, 25) Уркарт Лесли Андреевич, 26) Фейгль Арнольд Михайлович, 27) Хагелин Карл Васильевич, 28) Шумахер Максимилиан Маврикиевич, 29) Эклунд Густав Карлович {28}.

Некоторые члены Совета нефтепромышленников был связаны с революционным подпольем, если так можно выразиться, семейными узами. В частности, И. С. Аладжалов, бывший председателем Совета Ростовского-на-Дону купеческого банка {29}, занимавший пост директора Каспийского товарищества {30} и находившийся в близких отношениях с братьями А. О. и П. О. Гукасовыми {31}, был свояком Аршака Герасимовича Зурабова [86], который стоял у истоков партии «Дашнакцутюн», затем перешел к социал-демократам и входил в состав Кавказского союзного комитета РСДРП {32}. А племянница Ивана Сергеевича Нуния Никитична Аладжалова состояла в гражданском браке с М. Г. Цхакаей {33} и в 1904–1906 гг. являлась секретарем Кавказского союзного комитета РСДРП {34}.

«Темный след» в своей биографии имел брат К. Л. Бардского Людвиг Людвигович, который входил в руководство «Каспийского товарищества», товарищества «Лианозов Г. М. и К°» и «Московско-Волжского общества» {35}. В молодости, во время обучения в Московском техническом училище, Л. Л. Бардский являлся членом кружка Рейнгольда Циммермана.

Кружок Р. Циммермана пытался создать партию социалистов-федералистов и наладить издание журнала

«Социально-революционная партия», на что указывала обнаруженная во время обыска в училище в декабре 1887 г. программа названной партии, автором которой некоторые считали Г. Ф. Здановича. 18 января 1888 г. у Р. Циммермана были изъяты типографские принадлежности. Позднее он получил известность как автор книги «Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение» (СПб., 1898), а также как один из пайщиков, редакторов и сотрудников органа легальных марксистов «Самарский вестник», в котором участвовали П. П. Маслов, Н. Г. Гарин-Михайловский, Н. И. Португалов, В. И. Ульянов (Ленин) и др. {36}.

Л. Л. Бардский был замечен также в связях с кружком Алексея Станиславовича Белевского и Александра Александровича Ломакина [87] и в 1888 г. выслан из Москвы на Кавказ {37}.

В бытность студентами Петербургского технологического института обратили на себя внимание Департамента полиции Г. Г. Кянджунцев и С. С. Тагианосов {38}. Видимо, тогда же Г. Г. Кянджунцев познакомился и подружился с Константином Ивановичем Хатисовым {39}, который не только участвовал в создании партии «Дашнакцутюн», не только оказывал ей материальную помощь, но и состоял членом одного из ее Центральных комитетов {40}.

К. И. Хатисов (1864–1913) происходил из известной армянской семьи. Его дед Степан Гаврилович в середине XIX в. занимал пост тифлисского городского головы, а отец Иван Степанович (1840–1894), начинавший свою карьеру под руководством Ю. Ф. Витте, долгое время возглавлял на Кавказе Управление государственных имуществ [88]. Закончив Петербургский горный ин-

ститут, К. И. Хатисов поселился в Баку и не позднее 1898 г. создал товарищество «Юзбашев, Хатисов и К°», которое владело механическим заводом и нефтепромышленной конторой, а в 1902 г. совместно с Г. Г. Кянджунцевым Бакинское машиностроительное, нефтепромышленное и торговое общество [41].

Что касается Г. Л. Нобеля, то, как мы уже знаем, он был шурином Г. П. Олейникова, а также состоял в родстве с упоминавшимися ранее Д. К. Нюбергом и С. Ноуртевой. А. М. Фейгль принадлежал к числу ближайших друзей К. Л. Бардского и находился в близких отношениях с семьей Якова Зубалова [42]. К. В. Хагелину в 1911 г. пришлось вызволять из тюрьмы своего племянника Владимира Фрибеля [43]. Если не А. Г. Лесснер, то, видимо, кто-то из его родственников фигурирует в протоколах VI съезда РСДРП (большевиков) в качестве одного из кредиторов большевистского ЦК в 1917 г. [44].

А. С. Унанов и С. С. Тарумов представляли в Совете съезда нефтепромышленников интересы А. И. Манташева [45], И. П. Медведев являлся помощником Г. Г. Кянджунцева как управляющего делами Московско-Кавказского нефтепромышленного и торгового общества [46], А. А. Парониан был управляющим «Каспийского товарищества» и членом Бакинского армянского культурного союза [47], И. Г. Гарсоев и С. С. Тагианосов, как мы уже знаем, сыграли важную роль в становлении фирмы «Братья Нобель» [48].

Среди членов Совета бакинских нефтепромышленников имелись лица, прямо или опосредованно принимавшие участие в финансировании революционного дви-

жения. Известно, например, что Христофор Сергеевич Антонов собирал деньги для армянского движения {49}. О связях братьев А. О. и П. О. Гукасовых с революционным подпольем уже говорилось. Об А. И. Манчо речь пойдет далее.

Наконец следует отметить, что в состав Совета входили и лица, имевшие революционное прошлое. Это касается Ипполита Константиновича Рыльского, который «участвовал в польском восстании (1863 г. — *А.О.*) и был сослан в Сибирь», что «не помешало [ему] затем стать одним из крупных нефтепромышленников». В 1899 г. он неожиданно был арестован (причина ареста до сих пор остается невыясненной) и в тюрьме покончил с собой {50}.

Н. В. Ризенко обратил на себя внимание полиции еще в 90-е гг. XIX в. [89], связи с революционным подпольем он сохранял и позднее, в результате чего оказался в поле зрения тифлисской охранки как член кружка, который «задался целью реорганизовать местную социал-демократическую организацию после репрессий 1905 и 1906 гг.». Среди членов этого кружка были князь Владимир Семенович Гуриели, Константин Иосифович Джапаридзе, Илья Антонович Канделаки, сестра Камо — Джаваира Аршаковна Тер-Петросянц, Владимир Яковлевич Рохлин, Михаил Иосифович Чодришвили, Шалва Зурабович Элиава, Николай Зурабович Эристави и др. {51}С кружком были связаны Виктор Иванович Нанейшвили, Захарий Яковлевич Рохлин, Александр Леванович Туманов, Николай Зурабович Элиава, князь Лев Александрович Эристов {52}.

Таким образом, почти половина членов Совета съезда нефтепромышленников состояла из лиц, которые или

имели революционное прошлое, или выступали в качестве его кредиторов, или же были связаны с ним через своих ближайших родственников и друзей.

Еще более значительную роль неблагонадежные элементы играли в аппарате Совета. С 1893 по 1896 г. секретарем, а затем управляющим его делами был незадолго перед тем вернувшийся из ссылки чернопеределец Ю. М. Тищенко.

На посту управляющего его заменил Абрам Никитич Дастаков (Достаков) [53]. Сын армянского купца, А. Н. Дастаков, будучи студентом Петербургского университета, примкнул к «Народной воле» и стал руководителем «Союза молодежи», в состав которого ему удалось привлечь будущего большевика М. С. Ольминского (Александрова) [54]. В 1884 г. А. Н. Дастаков был привлечен к делу о «Рабочей группе Народной воли» и по высочайшему повелению подчинен гласному надзору полиции на 3 года в г. Закаталы Тифлисской губернии [55]. В 1890 г. вместе с К. И. Хатисовым А. Н. Дастаков принял участие в создании партии «Дашнакцутюн», став одним из ее руководителей и авторов ее программы [56].

В должности управляющего делами Совета нефтепромышленников А. Н. Дастаков находился бессменно вплоть до 1917 г. [57].

Многие годы его помощником на этом посту был Тигран Артемьевич Бекзадян. В революционном движении участвовала его сестра Елена, принадлежавшая к числу наиболее активных членов Бакинской организации РСДРП [58], а также два его брата — Александр и Рубен [59]. Особую известность получил Александр

(Юра) (1881–1939). Закончив реальное училище, он в 1900 г. поступил в Харьковский технологический институт. После третьего ареста был выслан из Харькова в Баку. Здесь вошел в состав городского комитета РСДРП, в ноябре 1905 г. по дороге на IV съезд партии был арестован, в апреле 1906 г. сумел бежать. Около восьми лет провел в эмиграции. В 1907–1908 гг. принимал участие в размене 500-рублевых купюр, захваченных во время тифлисской экспроприации, «в 1912 г. работал в Париже от большевиков в Комиссии (тройке) по разоблачению провокаторов». В ноябре 1914 г. вернулся в Россию и здесь был арестован [60].

После того как Ю. М. Тищенко покинул Контору съезда нефтепромышленников, секретарем Совета стал его свояк Е. И. Введенский, отбывавший в Баку срок гласного надзора полиции. В 1907–1917 гг. эту должность занимал Иосиф Федорович Блинов [61].

И. Ф. Блинов тоже имел революционный стаж. Обучаясь в Московском университете, он вместе с В. Д. Бонч-Бруевичем, Н. М., В. М. и К. М. Величкиными, П. Н. Колокольниковым и Л. Н. Румой являлся членом кружка, входившего в состав Московского Рабочего союза [62]. Одновременно И. Ф. Блинов представлял университет в «Союзном Совете», который объединял студенческие землячества Москвы и членом которого, как мы знаем, являлся гориец И. И. Барамов. 16 января 1897 г. И. Ф. Блинов был приговорен по делу об этом Совете к трем годам ссылки в Архангельскую губернию [63]. Отбыв положенный срок, он в 1900–1905 гг. жил в Смоленске, Казани и Пензе, а затем перебрался в Баку, здесь поступил на службу в Совет съездов нефтепромышленников,

через некоторое время стал сначала его секретарем, а затем и одним из членов [64].

Таким образом, канцелярия Совета съезда нефтепромышленников на протяжении почти четверти века находилась в руках лиц, не только имевших революционное прошлое, но и продолжавших сохранять связи с революционным подпольем.

Неудивительно, что почти все основные должности в аппарате Совета съезда нефтепромышленников занимали лица, проходившие по жандармским документам как неблагонадежные. В качестве примера можно указать на Статистическое бюро Совета съездов. В 1897–1902 гг. его возглавлял Иван (Иоанес) Яковлевич Сагателян, тоже числившийся под гласным надзором полиции. По одним данным, он являлся членом партии эсеров, по другим — «Дашнакцутюн» [65].

В 1902–1903 гг. его на посту руководителя Статистического бюро сменил Владимир Константинович Истомин [66]. Сын инспектора Харьковской духовной семинарии, он с 1882 г. обучался в Петербургском технологическом институте. Здесь вошел в уже упоминавшийся кружок К. Р. Кочаровского [67]. «В этот кружок, — показала позднее на следствии Неонила Константиновна Истомина, — был приглашен и Владимир Переверзев [90], студент Технологического университета, живший в то время на одной квартире с моим братом» [68]. Как мы знаем, кружок К. Р. Кочаровского имел связи с эмиграцией, в частности, В. К. Истомин, по предположению Департамента полиции, переписывался с Михаилом Соловейчиком [69]. В 1887 г. В. К. Истомин был заподозрен в составлении воззвания к бастующим студентам и в следующем году выслан из Петербурга в Харьков, где че-

рез некоторое время оказался привлеченным к дознанию по делу «Андреева, Кудряшова и других», а затем к дознанию по делу о распространении журнала «Самоуправление» и по высочайшему повелению 27 декабря 1889 г. приговорен к 8 месяцам тюремного заключения. По последнему дознанию проходили Владимир Павлович Кранихфельд и Александр Александрович Ломакин [70]. Отбыв наказание, В. К. Истомин поселился в Баку и поступил на службу в «Каспийское товарищество». Здесь, по сведениям жандармов, он находился «в дружбе с Тищенко», поддерживал отношения с Введенским, Дастаковым и некоторыми другими неблагонадежными лицами [71]. По крайней мере до 1903 г. находился под негласным надзором полиции [72].

Преемником В. К. Истомина на посту заведующего Статистическим бюро в 1907–1917 гг. был социал-демократ Василий Ильич Фролов [73], а его помощником до 1915 г. являлся бывший месамедист, тоже к этому времени ставший социал-демократом, Николай Михайлович Флеров [74]. В 1908–1916 гг. видное место в Статистическом бюро занимал также социал-демократ Александр Митрофанович Стопани, сестра которого Надежда была замужем за И. И. Барамовым [75].

Таким образом, мы видим, что сотрудничество определенной части предпринимателей с революционными партиями вело к сращиванию предпринимательских организаций и революционного подполья. В некоторых случаях между ними устанавливались настолько тесные отношения, что имела место согласованность даже в таком вопросе, как кадровый.

Вот, например, как характеризовал взаимоотношения между управляющим Биби-Эйбатским нефтепромыш-

ленным товариществом А. И. Манчо и революционной частью рабочих этого предприятия кассир Бакинского комитета РСДРП рабочий И. П. Вацек: «…Управляющий нефтяным обществом был либерал (А. И. Манчо. — *А. О.*), и [он] знал, что на заводе у него работали и большевики, и меньшевики, и эсеры. Допускал он это потому, что между нами — тремя партиями — шли споры, и это было ему выгодно. Завод наш был революционным, и мы не принимали к себе беспартийных. Мы организовали заводскую комиссию, и когда управляющий хотел кого-нибудь принять, то, как это ни удивительно, он спрашивал нас, принять или не принять» {76}.

Сращивание революционного подполья с коммерческими предприятиями и предпринимательскими организациями имело своим следствием не только то, что под крышами этих предприятий и организаций находили прибежище лица, связанные с революционным движением. Занимая определенное положение в деловом мире, эти лица имели возможность использовать соответствующие коммерческие и предпринимательские структуры в интересах революционного движения.

Одна из проблем, от решения которой во многом зависела деятельность революционных партий, была связана с аккумулированием денежных средств, другая, не менее важная проблема заключалась в их хранении и перемещении.

Все члены революционных партий находились под дамокловым мечом возможного ареста, поэтому хранение денег у себя было связано с постоянным риском. Так, когда в 1906 г. жандармы нагрянули на квартиру свекрови Марины Цветаевой, в прошлом известной народницы Елизаветы Петровны Дурново (в замужестве Эфрон),

принадлежавшей к партии эсеров-максималистов, они обнаружили у нее партийную кассу — «свыше 100 тыс. руб.» {77}.

Чтобы не допустить этого, нередко использовался прием, который так описывал Д. Рязанов:

«Мы, — вспоминал он, — установили такой порядок: деньги мы держали обычно у себя, но когда эти деньги превышали определенную сумму, мы излишки передавали особому хранителю», который не принимал непосредственного участия в революционной деятельности, но сочувствовал революционному подполью и готов был оказывать ему помощь {78}.

Опасность потерять имеющиеся деньги порождала необходимость хранения их в обычных коммерческих учреждениях, прежде всего в банках. Открыть в них счет мог каждый. Так, характеризуя клиентов крупнейшего французского банка «Лионский кредит», автор книги «Французский банк Креди Лионэ в России. 1878–1920 гг.» Р. Нугаре пишет: «Особое место среди клиентов банка занимает Ленин, в бытность свою во Франции прибегавший к услугам Креди Лионэ. Ему после приезда в эмиграцию в Париж в декабре 1908 г. переводили деньги из России через Московское отделение Лионского кредита. Г-н Ульянов открыл в отделении Z на Орлеанском проспекте в Париже счет № 6420, на который в январе 1909 г. он положил 350 000 рублей» {79}.

Но чем крупнее был вклад, тем больше он привлекал к себе внимание служащих банка и тем проще им было установить, что движение денег на счету не имеет отношения к коммерции или же другим легальным источникам получения доходов, а это значит, тем легче было получить доступ к этой информации органам политического

сыска. Конечно, вклады можно рассредоточить по разным кредитным учреждениям. Но это предполагает расширение круга лиц, посвященных в финансовые тайны партии. В таких условиях самым надежным способом было хранение денег в тех коммерческих предприятиях, в которых служили «свои люди», или же в предприятиях, владельцы которых принимали участие в финансировании революционного подполья.

В качестве такой «крыши» революционные партии пытались использовать как частные, так и государственные кредитные учреждения.

Например, в 1907 г. чиновник особых поручений Леонид Антонович Квецинский, направленный для проведения расследования по делам партии эсеров в Коканд, установил, что для хранения партийных денег эсеры использовали там местное отделение Государственного банка. «Отобранными документами установлено, — докладывал он, — что помещенные летом минувшего года (т. е. в 1906 г. — *А.О.*) в Кокандском отделении Государственного банка Ниазовым 130 тыс. руб. поступили в кассу Областного комитета и распределены комитетам империи, в том числе Петербургский получил 20 тыс. » {80}.

В том же 1907 г., когда началось следствие по делу партии «Дашнакцутюн», выяснилось, что для хранения и перевода своих денег она использовала фирму купца из Нахичеваня-на-Дону Ивана Мартыновича Шапошникова. Последний попытался переложить вину на своих помощников и сотрудников, однако, несмотря на то что с ходатайством о его помиловании выступило почти все нахичеванское купечество, суд приговорил его к году крепости за недонесение {81}.

Имеются сведения, что деньги, направленные на поддержание революционного движения в Иране, переводились через банкирскую контору «Германия» {82}.

Подобную «крышу» имели и бакинские большевики. Как вспоминал Н. П. Козеренко, для них такую роль играла фирма некоего Цейтлина. «Цейтлин, — писал он, — стал нашей посреднической банкирской конторой: мы получали на его имя деньги из центра», он «и сам оказывал нам немалую помощь» {83}.

К сожалению, Н. П. Козеренко не указал инициалы Цейтлина, отметив лишь, что он был «керосинозаводчиком». В 1903–1908 гг. среди бакинских керосинозаводчиков такую фамилию имел только совладелец торгового дома «Л. Цейтлин и Л. Ицкович», а в 1907–1908 гг. — совладелец торгового дома «Каган Х. Н. и Цейтлин Н. М.» {84}.

Это дает основание думать, что упоминаемым Н. П. Козеренко керосинозаводчиком мог быть один из сыновей бакинского купца 2-й гильдии Мейера Евсеевича Цейтлина — Лев или Наум {85}. Заслуживает внимания, что тогда же в Бакинской организации РСДРП под кличкой Миша Черногородский работал Евсей Цейтлин {86}.

В Петербурге подобная «крыша» была создана Л. Б. Красиным. «Я тогда работал на заводе Красина, Никитича, — вспоминал об этом Борис Иванович Иванов, — который имел небольшой завод, вроде конспиративной мастерской, этим заводом ведал Николай Гурьевич Полетаев» {87}.

Происходившее таким образом сращивание определенной части делового мира с революционным подпольем имело своим следствием то, что противостоящим этому подполью карательным органам правительства приходилось иметь дело не только с отдельными революционными организациями, но и с определенными предпринимательскими структурами, что придавало этим организациям такое влияние, которого сами по себе они не имели и не могли иметь.

* * *

Что же двигало Саввой Морозовым и другими кредиторами революционного подполья?

Одна из причин заключалась в том, что хотя в начале XX в. российская буржуазия уже господствовала экономически, до 1906 г. она не имела доступа к власти, поэтому либерально настроенная часть капиталистов, желавших перехода к конституционной форме правления, смотрела на революционное движение как на силу, которую можно было использовать для того, чтобы оказать давление на императора и склонить его к уступкам. Это касается не только русских предпринимателей, не только национальной буржуазии, но и действовавшего в России иностранного капитала.

В данном случае революционные партии могли получать поддержку не только от предпринимателей-одиночек, но и от целых организаций. Как свидетельствовал депутат I Государственной Думы, один из создателей и руководителей партии народных социалистов, член Центрального бюро Союза союзов Л. М. Брамсон, Союз союзов не просто оказывал поддержку возникшему в октябре 1905 г. Петербургскому Совету рабочих депутатов,

но и передавал ему деньги «на поддержание стачечного движения» [88]. Имеются сведения, что для этой цели Союзом союзов было собрано 220 тыс. руб. [89]Председатель Петербургского Совета Г. С. Носарь-Хрусталев открыто утверждал, что Всеобщая октябрьская стачка 1905 г. была оплачена капиталистами [90].

Если одну часть российской буржуазии полностью или частично удовлетворили конституционные уступки Николая II, то другая ее часть, особенно это касается национальной буржуазии, считала их недостаточными. Поэтому, хотя с осени 1905 г. приток средств в кассы революционных партий начал сокращаться, он продолжал питать революционное движение вплоть до 1917 г.

Наряду с политическими причинами финансирования революционного движения существовали причины экономические. Чтобы понять это, зададимся вопросом: была ли заинтересована буржуазия в стачечном движении? На первый взгляд ответ кажется однозначным: нет. Но не будем спешить.

Обратимся к известной декабрьской стачке 1904 г. в Баку, которую когда-то рассматривали как прелюдию к революционным событиям 1905–1907 гг. Это было необычное событие. Забастовка не только охватила все бакинские нефтепромыслы, но и привела к заключению первого в истории России коллективного договора между рабочими и предпринимателями.

Казалось бы, она должна была вызвать сопротивление нефтепромышленников. Однако вот что писал по этому поводу В. И. Ленину уже после стачки один из ее организаторов, А. М. Стопани: «Бакинский комитет принимал в стачке энергичное участие, но не хотел ее в это время (на две трети работы были остановлены самими

обрадовавшимися нефтепромышленниками)» {91}. Оказывается, узнав о подготовке стачки, нефтепромышленники не только не встревожились, а наоборот, «обрадовались» и сами приняли участие в остановке своих предприятий.

Более того, имеются воспоминания, из которых явствует, что «обрадовавшиеся» нефтяные короли готовы были поддержать забастовку не только морально, но и материально. Выступая на III съезде РСДРП, представитель Кавказского союза Рыбкин отмечал: «Нам было известно со слов Глебова (члена ЦК), что капиталисты предлагали деньги на организацию стачки» {92}.

Вспоминая об этих событиях, другой член стачечного комитета, М. Саркисян (Минас), писал: «28 декабря 1904 г. весь стачечный комитет собрался у меня в квартире <…>. После окончания деловой части заседания представитель ЦК рассказал нам, что через два дня по его приезде к нему в гостиницу явились какие-то два человека и, назвав себя представителями фирмы братьев Нобель, откровенно заявили: „Мы знаем, что Вы являетесь представителем ЦК РСДРП; предлагаем внести через Вас 30 000 руб. в пользу организации с условием, чтобы забастовка была продолжена еще на полторы-две недели". Само собой разумеется, что товарищ отказался от сделанного ему предложения, заявив, что они ошибаются и что он не имеет никакой связи с какими бы то ни было организациями. Товарищ в тот же день переехал в другую гостиницу, куда по прошествии двух дней опять явились те же два субъекта с той же целью и на этот раз предложили уже 50 000 руб. Так и осталось неизвестным, откуда эти люди узнали, что товарищ является представителем ЦК» {93}.

Это мемуарное свидетельство полностью подтверждает другое письмо А. М. Стопани В. И. Ленину. Оно же дает ответ на вопрос, почему нефтепромышленники были заинтересованы в стачке. «Нефтепромышленники перед началом забастовки, — писал А. М. Стопани, — предлагали представителю ЦК 50 тыс. руб. и содержание рабочих, лишь бы начали бастовать, у них образовались громадные залежи товаров» {94}.

«В советское время из архива была извлечена телеграмма от 14 декабря 1904 г. бывшего российского консула в Стокгольме, а во время забастовки директора фирмы Нобеля Хагелина бакинской конторе, в которой говорилось: „Спокойная забастовка полезна для цен. Поэтому избегайте всякого насилия“» {95}.

Вот и весь секрет. Забастовка позволяла искусственно сократить производство и одновременно повысить цены, переложив ответственность за это на рабочих.

О том, что история с бакинской стачкой 1904 г. не являлась уникальной, свидетельствуют воспоминания марганцепромышленника В. С. Мосешвили. Из них явствует, что когда в 1905 г. в Чиатурах началась забастовка рабочих, в ее финансировании принимал участие Тифлисский коммерческий банк: «26 января 1905 г., — писал он, — началась забастовка рабочих… Помню, Тифлисский коммерческий банк дал бастующим рабочим тысячу рублей, чтобы поддержать забастовку и дать возможность завершить ее победой. Банк это делал из коммерческих соображений, так как с победой рабочих была поднята цена на марганец. Забастовка длилась до конца февраля и закончилась победой рабочих» {96}.

Готовность поддержать и даже принять участие в организации забастовочного движения могла быть вызва-

на и конкуренцией между отдельными предприятиями одной и той же отрасли. Так, осенью 1905 г. часть владельцев московских хлебопекарен пошла на снижение заработной платы. Это не могло не отразиться на конкурентоспособности владельцев других хлебопекарен, по разным причинам не желавших идти на такой шаг. В связи с этим один из них, знаменитый «булочный король» Д. И. Филиппов, стал инициатором всеобщей забастовки московских хлебопекарен.

Вот как описывал ее возникновение один из современников, имевших к ней непосредственное отношение:

«Не сбавлял жалованье только Д. И. Филиппов, который 24 сентября созвал рабочих и сказал: „Мне очень обидно за то, что прочие хозяева сбавляют жалованье, потому что вес хлеба установлен везде одинаковый", причем указал на то, что он, Филиппов, согласен даже сделать прибавку. Он стал уговаривать рабочих начать забастовку, дабы прочие хозяева не сбавляли, и заявил, что он плату будет платить полностью, сколько бы забастовка ни продолжалась» {97}.

Если в одних случаях капиталисты готовы были поделиться с рабочими организациями частью своей прибыли, чтобы привести рабочих в движение, то в других случаях они прибегали к подкупу, чтобы не допустить рабочих выступлений. Именно так произошло летом 1905 г., когда в Баку стала назревать новая забастовка.

Вспоминая об этом, рабочий Н. Голубев писал: «В то время лидер меньшевиков Илья Шендриков вел переговоры с представителями нефтепромышленников А. И. Манчо [91](директор Биби-Эйбатского общества) и Унановым (Манташева) о срыве забастовки за 75 000 руб. в пользу меньшевистской организации, причем давал га-

рантию на три месяца. При этих переговорах присутствовал рабочий Китаев (Ротшильда). Они получили задаток 25 000 руб. На одном из собраний рабочие, входившие в социал-демократическую организацию, стали требовать отчета о полученных деньгах: 10 000 руб. за декабрьскую забастовку и 25 000 руб., полученных в июле, но отчета так от Шендриковых и не добились. Оба они ссылались, что в силу конспирации нельзя объявлять, откуда получены деньги» {98}.

Имеются сведения, что после 17 октября 1905 г. Шендриков вел переговоры с Н. Ф. Джунковским о переводе рабочего движения в русло профессиональной борьбы и требовал для этого 100 тыс. руб. {99}.

Таким образом, если революционное движение было заинтересовано в его поддержке буржуазией, то буржуазия была заинтересована в использовании революционных партий в своих целях. Неслучайно отношение к буржуазии стало камнем преткновения на II съезде РСДРП между большевиками и меньшевиками, неслучайно особую остроту в спорах между ними приобрел вопрос о гегемонии буржуазии в революционном движении.

В связи с этим особого внимания заслуживает вопрос о механизме развития революционного движения. Когда в 1898 г. данный вопрос возник у тогда еще только-только начинавшего свою политическую карьеру Льва Давидовича Бронштейна (Троцкого), он, с одной стороны, обратился к работам К. Маркса, вскрывавшим объективные пружины социальных конфликтов, с другой — к истории масонства {100}. Один из результатов этих исканий известен — Л. Д. Троцкий стал марксистом. Но в его воспоминаниях показательно и другое — признание масонства реально существовавшим явлением.

«Если сейчас, в эпоху готового и дешевого платья, — писал Л. Д. Троцкий, — уже никто не донашивает редингот своего дедушки, то в области идейной рединготы и кринолины занимают еще очень большое место. Идейный инвентарь переходит от поколения к поколению, несмотря на то что от бабушкиных подушек и одеял отдает кислым запахом. Даже вынужденные менять существо своих взглядов люди втискивают его чаще всего в старые формы. В технике нашего производства произошел переворот гораздо более могущественный, чем в технике нашего мышления, которое предпочитает штопать и перелицовывать, вместо того чтобы строить заново. Вот почему французские мелкобуржуазные парламентарии, стремясь противопоставить распыляющей силе современных отношений некоторое подобие нравственной связи людей между собой, не находят ничего лучшего, как надеть белый фартук и вооружиться циркулем или отвесом» {101}.

Что же заставило Л. Д. Троцкого обратить внимание на подобное, представлявшееся ему анахронизмом явление? Ведь он жил не в парламентской Франции, где масонство существовало более или менее легально, а в России, где оно было запрещено? Ответ на этот вопрос может быть только один: в конце 90-х гг. XIX в. в провинциальной Одессе он получил доказательства, свидетельствующие о влиянии масонства на то самое движение в России, к которому он, Л. Д. Троцкий, оказался причастен.

С учетом этого история революционного движения в России требует не только более тщательного изучения, но и переосмысления.

ПРИМЕЧАНИЯ

Деньги для революции

[1]Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 418.

[2]Пятый год: Сб. 1 / Под ред. С. Черномордика. М., 1925. С. 4.

[3]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 171. Л. 3–4.

[4]*Аргунов А.*Азеф в партии эсеров // На чужой стороне. Берлин; Париж, 1922. Кн. 6. С. 181.

[5]*Островский А. В.*Элита российского общества конца XIX — начала XX в.: некоторые проблемы истории и историографии // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 16.

[6]*Валентинов Н. В.*Малознакомый Ленин. СПб., 1991. С. 84.

[7]Некоторые газеты печатали сообщения о таких пожертвованиях. В качестве примера можно назвать «Искру» за 1900–1905 гг.

[8]См., например: Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с местными партийными организациями. 1905–1907 гг. Т. 1. Кн. 1. М., 1979. С. 169, 174,176,203–205,209,215,230,285,301–302,306,346,347–348,369.

[9]См. выше: с. 470–471.

[10]*Морской А.*[В. Штейн]. Исход российской революции 1905 г. и правительство Носаря. М., 1911. С. 60–61.

[11] *Буренин Н. Е.* Памятные годы: Воспоминания. 2-е изд. Л., 1967.

[12] Возрождение. Париж, 1950. Тетрадь 12. С. 97 (П. Б. Струве).

[13] Сборник секретных документов из Архива народного комиссариата иностранных дел. М., 1918.

[14] Изнанка революции. Вооруженные восстания в России на японские Деньги. СПб., 1906; *Павлов Д. Б., Петров С. А.* Полковник Акаси и освободительное движение в России. 1904–1905 гг. // ИсторияСССР. 1990. № 6.С. 50–71.

[15] *Земан З., Шарлау В.* Парвус — купец революции: Пер. с англ. Нью-Йорк, 1991.

[16] Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 614.

[17] *Барон* (*Бибинейшвили*). За четверть века. Революционная борьба в Грузии. М.; Л., 1931. С. 106–107,116,130; Грузинские страницы Ленинианы. Тбилиси, 1970. С. 196–197.

[18] *Иоффе Г. З.* Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 169.

[19] ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 434. Т. 1. Л. 88.

[20] Закавказье. 1909.17 июля; *Бибинейшвили Б.* Камо. М., 1934. С. 256–257.

[21] *Валентинов Н. В.* Малознакомый Ленин. С. 62.

[22] Закавказская речь. 1911. 27 окт.

[23] ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 40. Л. 128.

[24] Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 141.

[25]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 83. Л. 5–77.

[26]*Горький А. М.*Савва Морозов // Октябрь. 1941. № 6. С. 3–16; *Пак Б. И.*Савва Тимофеевич Морозов // История СССР. 1980. № 6. С. 122–132; *Валентинов Н. В.*Малознакомый Ленин. СПб., 1991. С. 78.

[27]*Пак Б. И.*Революционер Николай Павлович Шмидт // История СССР. 1985. № 1. С. 113–123.

[28]*Горький А. М.*Собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. М., 1953. С. 495.

[29]*Красин Л. Б.*Дела давно минувших дней. М.; Л., 1930. С. 84–85.

[30]*Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. М., 1990. С. 141–142.

[31]*Валентинов Н. В.*Малознакомый Ленин. С. 62.

[32]*Горький А. М.*Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 260; См. также: *Руднев В. В.*Горький-революционер. М.; Л., 1929. С. 54.

[33]Путь к Октябрю. Вып. 3. М., 1923. С. 22.

[34]Исторический вестник. 1907.№ 6. С. 803–816; 1908.№ 10. С. 142–149.

[35]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с местными организациями РСДРП. 1905–1905 гг. Т. 3. Кн. 2. М., 1986. С. 363.

[36]*Богданов Г. П., Богданов А. П.*Петр Богданов. М., 1970. С. 19.

[37]*Денике Ю.*Купеческая семья Тихомирновых // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. № 68. С. 281–284.

[38]*Горький А. М.*Собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. С. 495.

[39]Там же. Т. 30. С. 267.

[40]*Витте С. Ю.*Воспоминания. Т. 2. М., 1994. С. 528.

[41]*Горький А. М.*Литературные портреты. М., 1967. С. 244–273.

[42]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1905. Д. 1390. Л. 1–2.

[43]Литературное наследие. Т. 95. С. 42, 670.

[44]*Рабинович Р. И.*Опальный миллионер. Пермь, 1990.

[45]1905 год. Боевая группа при ЦК РСДРП (б). М.; Л., [1925]. С. 39; Большевики. Нью-Йорк, 1990. С. 343.

[46]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с местными партийными организациями РСДРП. 1903–1905 гг. Т. 3. М., 1977. С. 47, 575.

[47]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 13–3. Л. 45; 7Д. 1907. Д. 2387.

[48]Там же. 1906-II. Д. 145. Л. 47.

[49]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с местными партийными организациями РСДРП. 1903–1905 гг. Т. 3. С. 524.

[50]*Бонч-Бруевич В. Д.*Большевистское издательское дело в 1905–1907 гг. Л., 1933. С. 40.

[51]1905 г. в Тверской губернии. Тверь, 1925. С. 115.

[52]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5–57/л. Л. 43.

[53]Юность. 1967. № 6; Вопросы истории. 1989. № 5. С. 135.

[54]*Дашков Ю. Ф.*: 1) В. И. Ленин и финляндский путь. С. 102–103; 2) Его знали под именем Паульсон. М., 1984. С. 146–153; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 2. М., 1971. С. 192–195.

[55]1905 г. Боевая группа при ЦК РСДРП(б). С. 39.

[56]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с местными партийными организациями РСДРП. 1905–1907 гг. Т. 2. Кн. 2. М., 1982. С. 289.

[57]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 308. Л. 1.

Революционное подполье и «нефтяные короли»

[1]Справочная книжка по нефтяной промышленности на 1925 г. Баку, 1925. Отд. 3. С. 203–206.

[2]*Эвентов Л.*Иностранный капитал в нефтяной промышленности. 1874–1917 гг. М.; Л., 1925. С. 26; *Зив В. С.*Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Пг., 1916. С. 11–12.

[3]Справочная книжка для нефтепромышленника на 1909 г. Баку, 1909. С. 124–128.

[4]Там же.

[5]*Эвентов Л.*Иностранный капитал в нефтяной промышленности. С. 15–17; Баку и его район на 1914 г. Баку, 1914. С. 144; Технологический институт им. Ленсовета. Т. 2. Л., 1928. С. 147, 291, 333, 594.

[6]*Эвентов Л.*Иностранный капитал в нефтяной промышленности. С. 96.

[7]*Дьяконова И. А.*Нобелевская корпорация в России. М., 1980. С. 114–115.

[8] *Фурсенко А. А.* Парижские Ротшильды и русская нефть // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 29–42; *Бовыкин В. И.* Российская нефть и Ротшильды // Вопросы истории. 1978. № 4. С. 27–41.

[9] *Wilson D.* Rothschild: A story of Wealth and Power. L., 1988. P. 491–498. Приложение (генеалогические схемы).

[10] *Эвентов Л.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности. С. 101.

[11] *Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика. М.; Л., 1965.

[12] *Эвентов Л.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности. С. 26–94.

[13] Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. М.; Л., 1961. С. 729.

[14] *Эвентов Л.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности. С. 96–97.

[15] Там же. С. 116.

[16] 25 лет Бакинской организации большевиков. Баку, 1925. С. 83.

[17] РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 325.

[18] *Вацек И. П.* Воспоминания о своей жизни и революционной деятельности в Закавказье // РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 213. Л. 235 об., 251–251 об.

[19] Там же. Л. 228.

[20] Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 659. Л. 30 (С. Я. Аллилуев).

[21]*Боков И.*Сталинская школа революционной работы // Бакинский рабочий. 21 дек.

[22]РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 6099. Л. 8; *Дмитриев-Мамонов В. А.*Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. СПб., 1907. С. 1354; Баку. 1917. 20 янв.

[23]*Боханов А. Н.*Деловая элита России. 1914 г. М., 1994. С. 127.

[24]Баку. 1917. 20 янв.; Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи. 1917–1997. Т. 2. М., 1999. С. 264.

[25]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1886. Д. 886–1 (Ю. М. Тищенко); 1889. Д. 1289 (А. Н. Дастатков).

[26]Там же. ОО. 1908. Д. 458. Л. 29 об.

[27]Утро России. 1907. 20 окт.

[28]Весь Петербург на 1907 г. СПб., 1907. Ч. 2. С. 213.

[29]Там же.

[30]ГАРФ. Ф. 102. 00. 1908. Д. 458. Л. 30.

[31]Там же. 1911. Д. 214. Л. 16 об.

[32]ИПП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 9. Т. 3. Л. 42–43 (Пиер).

[33]Кавказ. 1878.16 июня; 1880.22 мая; РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2942. Л. 4.

[34]Там же. Л. 1, 4; Д. 2943. Л. 20.

[35]Кавказ. 1878. 16 июня (сообщение о смерти И. Е. Манташева).

[36]Баку. 1911. 21 апр.; Каспий. 1911. 21 апр.

[37]Духовное завещание А. И. Манташева // Кавказ. 1911. 23 апр.

[38]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 11–1—Б. Л. 104 об.

[39]Там же. 1898. Д. 11–1—Б. Л. 110.

[40]Там же. Л. 67; Оп. 253. Д. 285. Л. 16 об.

[41]Там же. ОО. 1910. Д. 5–79. Л. 77а-79.

[42]Новое обозрение. 1905.25 февр.; Промышленники Грузии: история семьи Зубалашвили, описанная З. Чичинадзе. Тифлис, 1903 (на грузинском языке).

[43]Картотека Департамента полиции; Страницы прошлого // Заря Востока. 1926. 8 окт.

[44]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 2396–3. Л. 28.

[45]Промышленники Грузии: история семьи Зубалашвили, описанная З. Чичинадзе; Тифлисский листок. 1914. 1 янв.

[46]Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. С. 422.

[47]*Дьяконова И. А.*Нобелевская корпорация в России. С. 114.

[48]РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 65. Л. 3–4.

[49]*Гюльназаров В.*Арест актива бакинских большевиков 5 мая 1907 г. По материалам Бакинского губернского жандармского управления. Баку, 1927. С. 8; Тифлисский листок. 1909.20 апр.; ГАРФ. Ф. 102.00.1909. Д. 5–3-А. Л. 184об.

[50]*Huss Maja.*Nobels i St. Peterburg. Stockholm, 1984. С. 134 | *Дьяконова И. А.*Нобелевская корпорация в России. М., 1980.

[51]25 лет Бакинской организации большевиков. Баку, 1924. С. 158–159.

[52]*Родионов А. В.*А. Ф. Ноуртева в родственном окружении // Из глубины времен. Вып. 10. СПб., 1998. С. 252.

[53]Там же. С. 258–260.

[54]*Huss Maja.*Nobels i St. Peterburg. С. 134; Российский медицинский справочник <…> на 1897 г. СПб., 1897. С. 205.

[55]ЦГИА Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23428. Л. 2–8, 18.

[56]А. И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 189; Весь Петербург на 1908 г. С. 247, 257.

[57]ГАРФ. Ф. 102.7Д. 1890. Д. 109–4. Л. 251–257; 3Д. 1896. Д. 986. Л. 1–19.

[58]Там же. ОО. 1904. Д. 1250–2. Л. 159–160.

[59]Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С. 498–499.

[60]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. 1906. Д. 77. Л. 9–10.

[61]Там же. ОО. 1906-И. Д. 707. Л. 1–5.

[62]Там же. 1910. Д. 5., пр. 3., лит. ЛЛ. Л. 5–8, 14–15, 18, 20, 33, 96, 186, Литературное наследие. Т. 95. С. 660; *Меньщиков Л.*Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Ч. 1. С. 411; Политические партии в России. С. 498–499.

[63]*Дмитриев-Мамонов В. А.*Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. С. 1784–1785; Бакинский рабочий. 1924. 4 сент.

[64]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 74–6-Б. Л. 5 об.

[65]Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. V. С. 233.

[66]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 74–6-Б. Л. 5 об.

[67]Первая Государственная дума: Алфавитный список и подробные биографии. СПб., 1906.

[68]Заря Востока. 1924. 28 апр.

[69]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 74–6-Б. Л. 12.

[70]Там же. Л. 15.

[71]Там же.

[72]Там же. Л. 13.

[73]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 5. Л. 47 (Верновский).

[74]Департамент полиции. Картотека провокаторов; *Меньщиков Л. П.*Охрана и революция. М., 1932. Ч. 3. С. 66–67.

[75]1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов. М., 1995. С. 316.

[76]РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 5744. Л. 1 об.

[77]*Дмитриев-Мамонов В. А.*Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. С. 1613.

[78]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 40. Д. 5744. Л. 2–3.

[79]Там же. 7Д. 1903. Д. 367–6. Л. 1–1 об.

[80]Там же. Д. 367. Л. 3–11.

[81]Там же. Л. 2–3.

[82]В суде. Дело Кавказской дружины // Тифлисский листок. 1907.18 янв.

[83]Деятели революционного движения в России. Т. 2. Ч. 4. С. 1708–1711; *Аптекман О. В.*Общество «Земля и воля» 70-хгг.: Поличным воспоминаниям. 2-е изд. Пг., 1924. С. 246–251.

[84]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1886. Д. 886–1. Л. 2–50.

[85]*Боханов А. Н.*Деловая элита России. 1914 г. М., 1994. С. 233.

[86]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1908. Д. 458. Л. 46 об.

[87]Там же. Л. 30.

[88]*Тищенко Ю. М.*Некролог // Голос России. Берлин, 1922. 16 мая.

Революционное подполье и марганцевый бизнес

[1]РГИА. Ф. 37. Оп. 55. Д. 609. Л. 45–45 об.; Там же. Оп. 65. Д. 1599. Л. 6.

[2]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 2. Д. 152. Л. 41–42 (К. Модебадзе).

[3]РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1599. Л. 6.

[4]*Маргиани Г. Н.*Горнорудная промышленность и промышленный пролетариат в дореволюционной Грузии (марганцевая промышленность): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Тбилиси, 1969.

[5]Там же. С. 54, 70, 73,92–93; РГИА. Ф. 547. Оп. 3. Д. 2963. Л. 30; Ф. 1263. Оп. 2. Д. 4914. Л. 519, 526 об.; Ф. 37. Оп. 65. Д. 1599. Л. 18; Оп. 68. Д. 954. Л. 12, 45.

[6]Там же.

[7]Труды III съезда марганцепромышленников в г. Кутаисе. С 26 июля по 12 августа 1900 г. Кутаис, 1901. Приложение № 2.

[8]РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1228. Л. 1–4.

[9]Там же. Ф. 23. Оп. 14. Д. 507. Л. 6–9.

[10]Там же. Л. 20; *Маргиани Г. Н.*Горнорудная промышленность и промышленный пролетариат дореволюционной Грузии. С. 103.

[11]РГИА. Ф. 37. Оп. 65; Д. 1599. Л. 4 об.

[12]Там же. Ф. 23. Оп. 12. Д. 248. Л. 1; Оп. 14. Д. 507. Л. 41.

[13]Там же. Ф. 37. Оп. 77. Д. 398. Л. 5 об.

[14]Там же. Л. 4–5.

[15]Там же.

[16]*Маргиани Г. Н.*Горнорудная промышленность и промышленный пролетариат Грузии. С. 153–154.

[17]*Дьяконова И. А.*Нобелевская корпорация в России. С. 114.

[18]Краткий обзор 25-летней деятельности Тифлисского коммерческого банка. Тифлис, 1897.

[19]РГИА. Ф. 37. Оп. 55. Д. 609. Л. 8 об.

[20]Там же. Ф. 547. Оп. 3. Д. 2963. Л. 31 об.

[21]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1893. Д. 204. Л. 130–132.

[22]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 80. Л. 151–152; *Шацилло К. Ф.*Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 237.

[23]Изнанка революции. Вооруженные восстания в России на японские деньги. СПб., 1906.

[24]РГАСПИ. Ф. 157. Оп. 1. Д. И. Л. 55 (М. Г. Цхакая).

[25]Там же. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 149–150, 202–215 (Б. Кекелидзе).

[26]Там же. Ф. 17. Оп. 9. Д. 234. Л. 28–28 об.

[27]Там же. Л. 28–28 об.

[28]Труды III съезда марганцепромышленников в г. Кутаисе. С 26 июля по 12 августа 1900 г. Кутаис, 1901. Приложение № 2.

[29]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 234. Л. 28–28 об.

[30]*Шейнис З. С.*Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 34.

[31]РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 9. Д. 234. Л. 28–28 об.

[32]Труды III съезда марганцепромышленников в г. Кутаисе. С 26 июля по 12 августа 1900 г. Кутаис, 1901. Приложение № 2.

[33]ГФ ИМЛ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 112 (А. С. Вашадзе).

[34]Там же. Д. 113 (Г. С. Вашадзе); Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 247–258 (Г. С. Вашадзе).

[35]Там же. Л. 259–266 (К. Вашадзе).

[36]Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 113. Л. 8.

[37]Там же. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 259–260.

[38]Там же.

[39]Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 279. Л. 2–3 (автобиография К. С. Модебадзе).

[40]Там же. Л. 3.

[41]Там же. Л. 3–5.

[42]Труды III съезда марганцепромышленников в г. Кутаисе. С 26 июля по 12 августа 1900 г. Кутаис, 1901. Приложение № 2.

[43]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 55. Л. 31. (У. С. Чачанидзе).

[44]Там же. 35–36 (Я. Чачанидзе).

[45]*Ратиани П. К.*Грузинские шестидесятники в русском освободительном движении. Тбилиси, 1968. С. 33.

[46]Труды III съезда марганцепромышленников в г. Кутаисе. С 26 июля по 12 августа 1900 г. Кутаис, 1901. Приложение № 2.

[47]РГИА. Ф. 547. Оп. 3. Д. 2963. Л. 30–31.

[48]Деятели революционного движения в России. Т. 1. Вып. 2. М., 1928. С. 85; *Цхакая М. Г.*Избранные произведения. Тбилиси, 1987. С. 399.

[49]Труды III съезда марганцепромышленников в г. Кутаисе. С 26 июля по 12 августа 1900 г. Кутаис, 1901. Приложение № 2.

[50]*Месхи И.*Пишу тебе… Тбилиси, 1980. С. 99.

[51]Картотека Департамента полиции (П. Г. Цулукидзе).

[52]Тифлисский листок. 1905. 4 авг.

[53]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 252–253 (Г. Вашадзе).

[54]Там же. Д. 41. Л. 242 (Н. Рухадзе).

Сращивание или подчинение?

[1]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 9–57. Л. 73–75.

[2]Там же. Л. 73–73 об.

[3]*Дмитриев-Мамонов В. А.*Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. СПб., 1907.

[4]Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями России. 1900–1903 гг. Т. 3. М., 1970. С. 662; Тифлисский листок. 1915. 13 февр.

[5]Труды I и II съездов марганцепромышленников в г. Кутаисе. Кутаис, 1900. С. 40–41.

[6]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1892. Д. 697. Л. 2–3.

[7]Там же. Л. 120.

[8]Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. Ч. 2. С. 558.

[9]*Барон*(*Бибинейшвили*). За четверть века. Революционная борьба в Грузии. С. 136–139.

[10]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 122. Л. 1 об. (обзор деятельности партии социалистов-федералистов. 23 октября 1909 г.); РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 523. Л. 2.

[11]Труды I и II съездов марганцепромышленников в г. Кутаисе. С. 40–41.

[12]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 253. Д. 122. Л. 1 об.

[13]Там же. ОО. 1898. Д. 5–52-В. Л. 101–101 об.

[14]*Махарадзе Ф.*К 30-летию существования Тифлисской организации: Подготовительный период. 1870–1890 гг.: Материалы. Тифлис, 1925. С. 49.

[15]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 25. Л. 270 (Вано Киасашвили).

[16]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5–52-В. Л. 101 об.

[17]Труда I и II съездов марганцепромышленников в г. Кутаисе. Кутаис, 1900; ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1883. Д. 1357. Л. 190–191.

[18]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1363. Л. 5.

[19]Труды III съезда марганцепромышленников в Кутаисе. С 26 июля по 12 августа 1900 г. Кутаис, 1901. С. 2.

[20]Труды IV съезда марганцепромышленников. Кутаис, 1902.

[21]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1893. Д. 204. Л. 171–172; ЗД. 1896. Д. 1252. Л. 6–8.

[22]Кавказский календарь на 1909 г. С. 552; …на 1910 г. С. 593–594; …на 1914 г. С. 412; …на 1916 г. С. 439; …на 1917 г. Тифлис, 1916. Ч. 2. С. 558.

[23]Там же.

[24]Кавказский календарь на 1909 г. С. 552; …на 1910 г. С. 593–594; …на 1916 г. С. 439; …на 1917 г. С. 558; ГАРФ. Ф. 102. 7Д. Д. 204. Л. 9–10.

[25]Кавказский календарь на 1915 г. С. 422; …на 1916 г. С. 439; …на 1917 г. С. 558.

[26]Там же.

[27]Бакинский справочный календарь на 1898 г. Баку, 1897. С. 91; …на 1904 г. Баку, 1903. С. 33; …на 1907 г. Баку, 1906. С. 61; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 556.

[28]Список составлен на основании материалов съездов нефтепромышленников и справочной литературы, прежде всего «Кавказского календаря» за 1897–1917 гг.

[29]*Дмитриев-Мамонов В. А.*Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. С. 1804.

[30]Баку и его район. Баку, 1909. С. 126–127.

[31]Вместе с П. О. Гукасовым он входил в Правление «Каспийского товарищества».

[32]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 2396–3. Л. 231 об.; 7Д. 1904. Д. 291–6. Л. 1–2 (литера Б).

[33]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 2396–3. Л. 231 об.

[34]*Аладжалова Н. Н.*Из большевистского подполья. Тбилиси, 1963.

[35]Баку и его район. Баку, 1907. С. 11.

[36]Картотека Департамента полиции (Людвиг Людвигович Бардский); ГАРФ. Ф. 102. 3Д. 1888. Д. 114. Л. 16–16 об., 46–46 об.; *Самойлов Н. А.*«Самарский вестник»: Из истории марксистской журналистики. М., 1931; *Санин А. А.*«Самарский вестник» в руках марксистов (1896–1897 гг.). М., 1933.

[37]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1887. Д. 719–2-А. Л. 46, 49; Там же. 1888. Д. 114. Л. 46–46 об.

[38]Там же. 1887. Д. 719–2-А. Л. 57–62.

[39]Там же.

[40]Там же. ОО. 1911. Д. 214. Л. 2–2об.; Мемуары А. И. Хатисова // Заря Востока. 1925. 4 янв.

[41]*Дмитриев-Мамонов В. А.*Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. С. 531.

[42]Баку. 1916. 26 апр. (сообщение о смерти К. Л. Бардского); РГИА. Ф. 1343. Оп. 47. Д. 95. Л. 2.

[43]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 59–57-А. Т. 1. Л. 296–298.

[44]Шестой съезд РСДРП(б): Протоколы. М., 1958. С. 38.

[45]*Дмитриев-Мамонов В. А.*Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. С. 1028.

[46]Баку и его район. Баку, 1910. С. 142.

[47]Там же. С. 135; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 214. Л. 11.

[48]Технологический институт им. Ленсовета. Т. 2. Л., 1928. С. 147.

[49]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1894. Д. 36. Л. 2–4.

[50]Новое обозрение. Тифлис. 1899. 1 июля.

[51]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1907. Д. 8970. Л. 7–9.

[52]Там же.

[53]Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 2. М., 1934. С. 1225–1226; ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1889. Д. 1289. Л. 2–4.

[54]От группы Благоева к Союзу борьбы. 1886–1894. ГИЗ, 1921. С. 68.

[55]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1889. Д. 1289. Л. 3–3 об.; Деятели революционного движения в России. Т. 3. Вып. 2. С. 1225–1226.

[56]Политические партии в России. С. 177.

[57]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1889. Д. 1289. Л. 38; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1917. С. 556.

[58]*Гюльназаров В.*Арест актива бакинских большевиков 5 мая 1907 г. По материалам Бакинского губернского жандармского управления. С. 8.

[59]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1910. Д. 2750. Л. 18–19 (Р. А. Бекзадян); Тифлисский листок. 1906. 28 янв.

[60]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 153. (А. А. Бекзадян).

[61]Баку и его район. Баку. 1907. С. 147; …на 1909 г. С. 232; …на 1910 г. С. 254; …на 1911 г. С. 339; …на 1912 г. С. 364; …на 1913 г. С. 384; …на 1914 г. С. 409–410; …на 1915 г. С. 419; …на 1916 г. С. 437; …на 1917 г. С. 556.

[62]*Кутьев В. Ф.*Московский «Рабочий союз». М., 1985. С. 146, 158.

[63]Политссылка на Европейском Севере в конце XIX — начале XX в.: Краткий биобиблиографический словарь. Вып. 1.1895–1905. Вологда, 1989. С. 28.

[64]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1900. Д. 106. Л. 63, 95, 106–110; Весь Баку на 1908 г. Баку, 1907. С. 122.

[65]Бакинский справочный календарь на 1898 г. Баку, 1897. С. 91–92; ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1889. Д. 1289. Л. 36; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 230. Л. 54.

[66]Кавказский календарь на 1903 г. Тифлис, 1902.

[67]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1890. Д. 427. Л. 1; 7Д. 1890. Д. 109–4. Л. 4–5.

[68]Там же. Л. 6 об.

[69]Там же. ЗД. 1890. Д. 427. Л. 1.

[70]Там же. Л. 1–8.

[71]Там же. Л. 3, 20–82.

[72]Там же.

[73]Кавказский календарь на 1909 г. С. 232; …на 1910 г. С. 254; …на 1911 г. С. 339; …на 1912 г. С. 362; …на 1913 г. С. 384; …на 1914 г. С. 409–410; …на 1915 г. С. 419; …на 1916 г. С. 437; …на 1917 г. С. 556.

[74]Там же; *А. С.*Н. М. Флеров // Русские ведомости. 1915.30 авг. (некролог).

[75]См. примеч. 73; ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1898. Д. 999. Л. 30.

[76]Гори. Д. 173–3. Л. 6.

[77]*Жук-Жуковский И.*Елизавета Петровна Дурново-Эфрон // Каторга и ссылка. 1929. Кн. 12 (61). С. 159.

[78]Материалы по истории профессионального движения в России. Сб. 6. М., 1925. С. 34–35.

[79] *Нугаре Р.* Французский банк Креди Лионэ в России. 1878–1920 гг. Париж, 1992. С. 28.

[80] ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 249. Л. 3.

[81] РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 777. Л. 1–2.

[82] ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 7–47. Л. 86.

[83] Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья: Сборник воспоминаний, статей и документов. М.-Л., 1928. С. 156 (Н. Козеренко).

[84] Бакинский настольный календарь на 1904 г. Б; 1903. С. 78; …на 1905 г. С. 76; …на 1907 г. С. 29; Весь Баку на 1908 г. С. 127; Бакинский настольный календарь на 1907 г. С. 27; Баку и его район. Баку, 1908. С. 123.

[85] Картотека Департамента полиции (Цейтлины).

[86] Бакинский рабочий. 1924. 28 апр. (Степан Горобченко).

[87] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 50.

[88] Речь. 1906. 3 окт.

[89] *Иванов Л. Е.* Первая русская революция и профессура высших учебных заведений // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России: Сборник трудов Московского государственного заочного педагогического института. Вып. 48. М., 1977. С. 94–101; РГИА. Ф. 518. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

[90] История Совета рабочих депутатов. СПб., 1907. С. 127.

[91] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с местными партийными организациями РСДРП. 1905–1907. Т. 1.Кн. 1.М., 1979. С. 57.

[92]Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 140.

[93]25 лет Бакинской организации. Баку, 1924. С. 158–159 (М. Саркисян).

[94]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с местными партийными организациями РСДРП. 1905–1907. Т. 1. Кн. 2. С. 145.

[95]*Харламов М.*Всеобщая стачка бакинских рабочих в 1904 г. // Исторический журнал. 1939. № 12. С. 141.

[96]Гори. Д. 290. Л. 2 (В. С. Мосейшвили).

[97]Пятый год: Сб. 1 / Под ред. С. Черномордика. М., 1925.С. 223 (Н. В. Морозов).

[98]*Голубев Н.*(Четырехглазый). Подпольная работа в Баку // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 128–129.

[99]Там же. С. 131–132.

[100]*Троцкий Л. Д.*Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 1. М., 1990. С. 144–147.

[101]Там же. С. 145.

ГЛАВА 3. «СВОИ ЛЮДИ» ПО ТУ СТОРОНУ БАРРИКАД

Подобного переосмысления требуют и отношения между революционным подпольем и правительственным аппаратом, которые обычно рассматриваются как две антагонистические силы, разделенные баррикадами и находившиеся в состоянии непримиримой борьбы.

В действительности все обстояло гораздо сложнее.

Прежде всего не следует забывать, что многие участники революционного движения рекрутировались как из чиновничьих, так и из офицерских семей. В результате этого нередко передний край борьбы между двумя названными выше силами проходил через отдельные семьи, что вело к сглаживанию антагонизма, а порой открывало возможность использования членов таких семей в интересах революционного подполья.

В свою очередь некоторые «бунтари» не только уходили в бизнес, но и поступали на государственную службу, делали военную карьеру. При этом они не порывали полностью связи с друзьями молодости и могли оказывать им те или иные услуги.

Необходимо также учитывать, что пореформенная эпоха характеризовалась процессом, который современники выразили словами: «Падает власть земли, растет власть денег». В результате этого происходило возрастание зависимости чиновничества и офицерства от буржуазии, среди которой, как мы уже могли убедиться, были не только Разуваевы и Колупаевы, но и Саввы Морозовы. Оказывавшие революционному подполью денежную помощь, последние для его поддержки могли использовать свое влияние и в чиновничьем мире, и в офицерской среде.

Нельзя не считаться и с тем, что по законам военного искусства любая армия может рассчитывать на успех только в том случае, если она имеет «своих людей» в лагере противника. Поэтому революционные партии сами стремились к проникновению как в армию, так и в правительственные учреждения. В одних случаях они использовали для этого либерально-оппозиционные и даже радикальные настроения отдельных представителей чинов-

ничества и офицерства, в других — неудовлетворенные или же оскорбленные национальные чувства, в третьих — корыстолюбие. Свою роль в данном случае могли играть и другие факторы.

На нижних этажах власти

Проще всего революционному подполью было найти «своих людей» на низших этажах власти. Решение этой задачи на Кавказе упрощалось тем, что здесь они в значительной степени были заполнены выходцами из местного населения, многие из которых сохраняли в душе чувство национальной неудовлетворенности и были способны протянуть руку своим соплеменникам, даже если те считались неблагонадежными.

Кроме того, жалованье низших служащих было таково, что даже самая скромная денежная сумма являлась для них соблазнительной, что делало многих из них готовыми за небольшое вознаграждение отступать от своих должностных обязанностей. Массовое распространение взяточничества на Кавказе нашло свое отражение во многих источниках как неофициального, так и официального происхождения. Широкое распространение коррупции среди бакинских чиновников констатировала, например, в 1905 г. Комиссия сенатора Кузьминского {1}, а 31 января 1907 г. начальник Бакинского ГЖУ вынужден был признать «страшное взяточничество» даже среди чинов полиции {2}.

Сведений о связях чинов местной полиции и других органов местной власти на Кавказе с революционными партиями много. Не имея возможности привести на страницах этой книги все подобные случаи, которые удалось

выявить, ограничимся в качестве иллюстрации только некоторыми из них.

Как мы уже знаем, первой женой И. В. Джугашвили была Е. С. Сванидзе, мать которой Сепора Григорьевна происходила из рода Двали [3]. Ее брат Спиридон находился на государственной службе, но сумел выслужить лишь чин губернского секретаря (XII класс по Табели о рангах). Первая его жена имела фамилию Бакрадзе, вторая происходила из княжеского рода Геловани. От одного из этих браков С. Г. Двали имел сына Рафаила [4], который до 1900 г. занимал должность переводчика Шоропанского уездного правления, после чего стал приставом Сенакского уезда [5], в 1906–1907 гг. был переведен на такую же должность в Кутаисский уезд [6], не позднее 1908 г. назначен помощником начальника Шоропанского уезда [7], а 1917 г. встретил на посту помощника начальника Сенакского уезда [8]. По свидетельству Мананы Рафаэловны Двали, ее дед Рафаил Спиридонович был знаком с И. В. Джугашвили и однажды то ли способствовал его освобождению из-под стражи, то ли помог ему избежать ареста [9].

Подобные связи с революционным подпольем имел капитан Иосиф Станиславович Согоров, принадлежавший к той самой батумской семье, из которой вышли упоминавшиеся выше Григорий, Евгения и Олимпиада Согоровы. В начале 900-х гг. Иосиф Станиславович занимал пост ланчхумского участкового пристава [10], в 1907 г. мы его видим в должности помощника зугдидского [11], а в 1908 г. — сенакского уездного начальника [12].

В 1905 г. внимание жандармов привлек пристав Заречного полицейского участка в городе Кутаисе Нерсес Еремеевич Тер-Антонов, который поставил свою подпись под петицией с требованием созыва Учредительного собрания [13], что, несомненно, свидетельствовало о его революционных настроениях. Несмотря на это, он не только продолжал оставаться в прежней должности [14], но и пошел в гору. Согласно показаниям А. Корсидзе, с революционным подпольем поддерживал отношения Лаврентий Бежанович Махарадзе [15], который в 1900–1907 гг. занимал должность пристава в Кутаисе и Кутаисском уезде [16]. Имеются сведения, что с революционным подпольем был связан Варден Васильевич Келбакиани, ставший позднее помощником озургетского, потом — сенакского [17], не позднее 1908 г. — кутаисского уездного начальника и в 1915–1917 гг. — начальником Лечхумского уезда [18].

Своим человеком для революционного подполья был князь Леван Георгиевич Джандиери (р. ок. 1845). Долгое время он занимал пост тифлисского уездного начальника [19], потом был переведен на должность тифлисского полицмейстера [20], в 1906–1909 гг. являлся начальником Сухумского окружного управления [21], после чего в чине генерал-майора вышел в отставку и вошел в правление Тифлисского дворянского банка [22]. Почти с самого начала возникновения партии социалистов-федералистов Л. Г. Джандиери являлся ее членом [23]. Умер он в конце 1922 г. в Тифлисе. Сообщение о его смерти, подписанное женой, было опубликовано на страницах печатного органа грузинских коммунистов газеты «Заря Востока» [24].

Особую известность на Кавказе приобрел горийский уездный начальник Давид Иванович Бакрадзе. Он родился 4 января 1871 г. и происходил из дворян Рачинского уезда Кутаисской губернии. Его отца звали Иван Самсонович (ум. 1900), а мать — Мелания Георгиевна (урожденная Григорьева; р. ок. 1842) {25}.

Почти вся семья Д. И. Бакрадзе была связана с революционным движением. Его брат Константин, учитель тифлисской гимназии, 27 августа 1905 г. был привлечен к следствию по обвинению в революционной пропаганде среди солдат, 21 октября 1905 г. амнистирован, но от революционной деятельности не отошел, 27 марта 1907 г. за принадлежность к руководству Военного союза партии эсеров на Кавказе был арестован и выслан в Астрахань, откуда в мае 1908 г. бежал {26}. В руководство названного Военного союза входили его сестры Александра и Елена, арестованные 11 мая 1907 г. 1 марта 1908 г. Елена бежала и разыскивалась полицией {27}. Александра, ставшая женой студента юридического факультета Московского университета Георгия Константиновича Махвиладзе {28}, 9 апреля 1909 г. была приговорена Кавказским военно-окружным судом к шести годам каторги {29}, которую отбывала в Нерчинске {30}. Младший брат Д. И. Бакрадзе Георгий занимал пост пристава Душетского уезда. 21 сентября 1906 г. его арестовали. Во время обыска у него нашли прокламации и нелегальную литературу, но 3 октября 1906 г. начатое против него дело было закрыто. Позднее он служил в Сигнахе акцизным чиновником {31}. Сестра Д. И. Бакрадзе Мария стала женой секретаря Борчалинского уездного правления Хелаева, который, по данным полиции, «не получая жалованья за свою агентуру от Ба-

крадзе, составил шайку разбойников» и принял участие в ограблении боржомской почты [32].

С 1882 по 1885 г. Д. И. Бакрадзе обучался в Шушинском, а с 1885 по 1887 г. — в Тифлисском реальном училище, из которого вышел, не закончив пятый класс. В 1894 г. мы видим его на посту секретаря Ахалцихского уездного правления. Здесь за растрату денег он был привлечен к дознанию, которое, по всей видимости, не имело для него последствий [33]. В 1900–1903 гг. он служил под началом Константина Захаровича Шаншиева [34]в Сигнахе сначала в качестве секретаря уездного управления [35], затем стал участковым приставом [36]. В 1905 г. перешедший к этому времени с должности начальника Сигнахского уезда на должность начальника Борчалинского уезда К. З. Шаншиев забрал Д. И. Бакрадзе к себе и сделал его своим младшим помощником [37]. По данным полиции, занимая этот пост, Д. И. Бакрадзе брал взятки, призывал население к вооружению и сам раздавал оружие. По телеграмме губернатора он был отстранен от занимаемой должности и в конце 1906 — начале 1907 г. привлечен к новому дознанию, которое тоже завершилось безрезультатно [38], причем материалы этого расследования вскоре оказались утраченными [39].

После этого К. З. Шаншиев, который к этому времени стал начальником Тифлисского уезда, снова взял его к себе на должность помощника, а затем содействовал назначению его горийским уездным начальником [40]. Как явствует из сохранившихся материалов, заняв этот пост, Д. И. Бакрадзе создал вооруженный отряд из 20 человек и поставил во главе его Васо Немсадзе, «разыскиваемого как командира боевой дружины Бор-

жомской организации социал-демократов» {41}. Молва обвиняла Д. И. Бакрадзе также в причастности к ограблению Душетского казначейства {42}.

Осенью 1908 г. против него началась новая кампания. А поскольку в Горийском уезде располагалось имение великого князя Михаила Николаевича Боржоми и назначение должностных лиц в уезде согласовывалось с ним, прежде чем посягнуть на Д. И. Бакрадзе, помощник наместника на Кавказе Н. Л. Петерсон не позднее 28 сентября 1908 г. беседовал на эту тему с самим великим князем Николаем Михайловичем {43}. Только после этого 7 ноября 1908 г. Д. И. Бакрадзе был арестован и 16 июня 1909 г. приговорен к ссылке в Тобольскую губернию на 3 года {44}.

19 сентября Д. И. Бакрадзе додал прошение о помиловании {45}, 20 ноября Тифлисское ГЖУ поставило Департамент полиции в известность о том, что Д. И. Бакрадзе «согласно предписания Тифлисского комендантского управления от 27 октября с. г. за № 7713 с разрешения наместника е. и. в. на Кавказе 27 октября из-под стражи освобожден и отдан на поруки и. д. тифлисского губернского предводителя дворянства кн. Туманова» {46}.

24 января 1911 г. Тифлисская судебная палата сообщила Тифлисскому ГЖУ о том, что к ней поступило новое дело о подсудности Д. И. Бакрадзе {47}. Однако и на этот раз разбирательство закончилось ничем. 17 августа 1911 г. тифлисский губернатор уведомил Департамент полиции о том, что он постановил переписку о Д. И. Бакрадзе прекратить, а обвиняемого от всякой административной ответственности освободить {48}.

* * *

Одна из особенностей Кавказа заключалась в том, что здесь не существовало земского самоуправления. Поэтому если в Европейской России одним из оплотов либеральной оппозиции являлись земства, на Кавказе подобную роль играли городские думы.

В Поти, через который в основном осуществлялся экспорт чиатурского марганца, с 1895 по 1915 г. должность городского головы занимал бывший народник Н. Я. Николадзе, который, как мы знаем, являлся двоюродным братом Г. Ф. Здановича и шурином редактора журнала «Квали» Г. Е. Церетели {49}.

В Батуме, через который шел основной поток экспортируемой нефти, с 1902 по 1916 г. городским головой избирался бывший народник князь Иван (Николай) Захарович Андроников (1863–1944).

С революционным движением был связан и его брат Георгий (1858–1928), жена которого Елена Захарьевна Завриева (1870–1944) являлась сестрой члена партии «Дашнакцутюн» Давида Захаровича Завриева. Одна сестра И. З. Андроникова, Нина (1861–1942), находилась замужем за народником князем Ильей Георгиевичем Джорджадзе (р. 1861), вторая, Елена (1873–1956), — за Георгием Ивановичем Бакрадзе (1875–1939). Отец И. З. Андроникова Захарий Иессеевич (1829–1905) владел известным винодельческим заводом «Мелани», на складе которого в Тифлисе работал бухгалтером Миха Бочаридзе. Семья Андрониковых находилась в близких отношениях с семьей представителя фирмы Круппа на Кавказе Константина Логгиновича Вахтера. Эта близость была скреплена браком сына И. З. Андроникова Иессея

(1893–1937) на дочери К. Л. Вахтера Елене (1894–1938) {50}.

Кутаисским городским головой с 1901 по 1911 г. был руководитель местной организации партии кадетов Давид Арчилович Лордкипанидзе {51}, находившийся в близких деловых отношениях с Г. Ф. Здановичем {52}.

В Баку в последнее десятилетие XIX в. обязанности городского головы исполнял упоминавшийся ранее в качестве члена Совета съезда нефтепромышленников Христофор Сергеевич Антонов {53}. После его ухода с этой должности в городской думе началась чехарда. В 1903–1904 гг. городским головой был Александр Иванович Новиков (1861–1913) {54}. Его мать Ольга Алексеевна (урожденная Киреева) (1840–1925) получила известность как хозяйка светского салона и неофициальный полпред России в Лондоне, а дядя по матери А. А. Киреев — как один из лидеров славянофилов второй половины XIX — начала XX в. {55}Закончив в 1878 г. Лицей цесаревича Николая, а в 1882 г. — Московский университет {56}, А. И. Новиков некоторое время находился на службе, затем посвятил себя общественной деятельности: входил в партию эсеров {57}, был членом Радикальной партии {58}.

В Тифлисе с 1891 по 1895 г. городскую думу возглавлял бывший народник Павел Александрович Измайлов {59}. В 1895–1905 гг. здесь вокруг кресла городского головы тоже развернулась борьба {60}, которая завершилась избранием на этот пост князя Василия Николаевича Черкезова {61}.

Ставший преемником В. Н. Черкезова Александр Иванович Хатисов вспоминал: «До меня городским головой в Тифлисе был грузинский князь Черкезов, помощником которого я состоял в течение трех лет и могу сказать, что он-то и начал исключительную роль посредничества между властью и революционными партиями. Я продолжал эту роль, исполняя ее в течение десяти лет» {62}.

Бывший выпускником медицинского факультета Харьковского университета, занимавший пост тифлисского городского головы с 1910 по 1917 г. {63}, А. И. Хатисов не только являлся братом упоминавшегося выше бакинского заводчика и видного деятеля партии «Дашнакцутюн» К. И. Хатисова, но и сам «входил в состав Тифлисского комитета партии „Дашнакцутюн" и собирал деньги на революционные цели» {64}. «Любимец наместницы, — характеризовал А. И. Хатисова С. С. Спандарян, — всей администрации, благословляемый армянским католикосом, экзархом Грузии, поздравляемый охранным отделением, сыскной полицией и комендантским управлением, пьющий за здоровье русского воинства, одновременно дашнакцукан, эсдек и кадет» {65}. Среди лиц, с которыми А. И. Хатисов был знаком и поддерживал отношения, он позднее называл большевиков Ф. Махарадзе, Б. Мдивани, М. Орахелашвили, С. А. Тер-Петросяна (Камо), Н. Элиаву {66}.

Если до 1910 г. А. И. Хатисов был заместителем князя В. Н. Черкезова {67}, то с 1910 г. заместителем А. И. Хатисова на посту городского головы стал бывший народник князь Александр Михайлович Аргутинский-Долгоруков {68}. В состав Тифлисской городской упра-

вы входили и другие лица, связанные с революционным подпольем [69].

Неудивительно поэтому, что пост секретаря городской управы с 1894 по 1908 г. занимал бывший народоволец Степан Федорович Чрелаев [70], в 1908–1914 гг. — член партии «Дашнакцутюн» Михаил Александрович Джабар [71], долгое время работал в городской думе и бывший месамедист Степан Алексеевич Дандуров [72].

* * *

С революционным подпольем имели связи не только органы городского самоуправления, но и органы городского управления.

6 октября 1908 г. тифлисская охранка получила агентурную информацию, которая гласила: «Помощник полицмейстера Канделаки состоит в партии социал-демократов и укрывает революционеров» [73]. На этом сообщении имеется пометка: «Поручено сотруднику обследовать более подробно» [74]. Однако это никак не появляло на положение Канделаки [75], и вплоть до 1917 г. он продолжал оставаться в кресле помощника тифлисского полицмейстера [76].

Еще более любопытная ситуация складывалась в Кутаисе. Когда в конце 1905 — начале 1906 г. здесь начались массовые аресты, бывшему одним из руководителей Имеретино-Мингрельской организации РСДРП Б. Бибинейшвили удалось, по его словам, спастись от расправы только «благодаря влиянию жены уездного начальника Дадешкелиани на кутаисского полицмейстера». «В продолжение трех дней, — вспоминал Б. Бибинейшвили, —

меня скрывали в полицейском участке, и на требование казаков не выдавали, говоря, что уже „увезли“» {77}. В 1905–1906 гг. кутаисским уездным начальником был князь Георгий (Джансох) Тенгизович Дадешкелиани [92]{78}, а кутаисским полицмейстером — капитан Александр Иванович Климентов {79}.

Преемником капитана А. И. Климентова стал Павел Николаевич Зубов. По показаниям А. Корсидзе, П. Н. Зубов не только был знаком с участниками тифлисской экспроприации, но и некоторое время сохранял у себя на квартире захваченные деньги. «В 1907 г. он был устранен от занимаемой должности и привлечен к следствию по обвинению в преступлениях, предусмотренных 351, 352, 354, 356, 362, 373, 410 и 451 ст. Уложения о наказаниях» {80}.

Став полицмейстером, П. Н. Зубов сделал своим помощником уже упоминавшегося выше пристава Нерсеса Еремеевича Тер-Антонова {81}, который позднее был перемещен на должность помощника зугдидского уездного начальника {82}, а затем вернулся в Кутаис, занял кресло полицмейстера и находился в нем с 1909 по 1914 г. {83}Подобным же образом сложилась судьба Лаврентия Бежановича Махарадзе, который заменил Н. Е. Тер-Антонова на посту кутаисского полицмейстера и оставался в этой должности до, 1917 г. {84}.

Таким образом, во главе кутаисского городского полицейского управления на протяжении десяти предреволюционных лет находились лица, прямо или опосредованно связанные с революционным подпольем.

В губернских канцеляриях

Оппозиционные и революционные настроения проникали не только в среду чиновничества, но и в среду духовенства.

Достаточно вспомнить, сколько участников революционного движения вышло из стен Тифлисской православной духовной семинарии. Среди них были многие лидеры грузинской социал-демократии: С. С. Девдориани, С. Джибладзе, И. В. Джугашвили, С. Джугели, Н. Н. Жордания, Л. З. Кецховели, Ф. И. Махарадзе, М. Г. Цхакая и т. д. {1} В то же время немало воспитанников, зараженных революционными или же оппозиционными идеями, хотя и надевали рясу, не только продолжали поддерживать отношения со своими товарищами, ушедшими в революционное движение, но и оказывали им посильную помощь.

Когда в 1900 г. начались репрессии против участников железнодорожной забастовки в Тифлисе, жандармы получили информацию о том, что некоторые из ее руководителей скрываются в стенах монастыря, находившегося в предместьях города: «Негласным путем были получены сведения, что уволенные за беспорядки рабочие и помощники машинистов, всего от 50 до 70 человек, скрываются около или в самом монастыре Святого Георгия... Есть основания предполагать, что там происходят все совещания и что там находится и типография» {2}.

Одним из проявлений оппозиционности православного духовенства Грузии было стремление значительной ее части к независимости грузинской православной церкви от Святейшего Синода. О степени распространения подобных настроений свидетельствует тот факт, что 11

октября 1905 г. грузинское дворянство направило к наместнику специальную депутацию, которая вручила ему петицию с требованием автокефалии грузинской церкви [3].

Еще в большей степени подобные настроения были распространены среди армянского духовенства. Данное обстоятельство явилось одной из причин принятия правительством 12 июня

1903 г. решения о секуляризации имущества армянской церкви. Этим предполагалось подорвать экономическое влияние армянского духовенства и сделать его более покладистым, однако эффект оказался совершенно иным. Армянская церковь почти полностью перешла в оппозицию, царскому правительству и встала на путь широкой поддержки революционного движения.

Характеризуя сложившееся положение, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе князь Г. С. Голицын 13 мая 1904 г. писал министру внутренних дел В. К. Плеве:

«Истинным главою и вдохновителем этого движения является сам патриарх-католикос, именем которого и действуют заправилы движения», а «имеющееся в Вагаршанате отделение Кавказского армянского революционного комитета в своей деятельности фактически слилось с легально существующей канцелярией католикоса, через посредство которой поддерживается связь между католикосом и революционерами» [4].

А вот письмо заведующего полицией на Кавказе генерала Е. Н. Ширинкина от 9 января 1906 г.: «Армянский католикос выдал дашнакистам особые книжки за своей печатью для сбора денежных пожертвований в пользу

пострадавших в Турции армян. В действительности же собранные таким путем суммы поступают в распоряжение организации „Дашнакцутюн“» [5].

Стремясь расколоть армянское духовенство, правительство, с одной стороны, вынуждено было в 1905 г. пойти на возвращение армянской церкви ее имущества, а с другой стороны, усилило против наиболее непримиримых его представителей карательные действия. В частности, по обвинению в связях с партией «Дашнакцутюн» был предан военному суду архимандрит С. Корюн, занимавший пост секретаря католикоса. Характеризуя предъявленное ему обвинение, начальник Тифлисского ГЖУ полковник А. М. Еремин 23 октября 1908 г. писал в Департамент полиции:

«По имеющимся в делах вверенного мне управления сведениям, архимандрит Корюн состоял членом Елисаветпольского Центрального комитета партии „Дашнакцутюн“ и в то же время, числясь и в организации „Паторик“ при Эчмиадзинском Синоде, председателем коего состоит известный своею революционной деятельностью епископ Ашот, — является одним из самых крупных и вредных деятелей в местной организации „Дашнакцутюн“. По агентурным сведениям, Корюном были утверждены смертные приговоры ротмистру корпуса жандармов Апелю, подполковнику пограничной стражи Быкову, шушинскому полицмейстеру подполковнику Сахарову, прапорщику Лоладзе и многим другим. Особенно Корюном преследовались армяне, не признававшие авторитета партии „Дашнакцутюн“, которых по инициативе Корюна было убито значительное число» [6]. Авторы «кавказского запроса» утверждали, что «через его руки прошло на покупку оружия 60 000 руб.» [7].

Несмотря на существование уличавших архимандрита Корюна фактов, состоявшийся в Елисаветполе под председательством генерал-майора Николая Алексеевича Рулицкого военный суд признал выдвинутые против него обвинения необоснованными и вынес оправдательный приговор. 9 ноября 1908 г. А. М. Еремин телеграфировал в Департамент полиции: «Протест подан. Корюн арестован. Случае вторичного оправдания будет административно выслан. Полковник Еремин». Высылать Корюна в административном порядке не понадобилось — новый суд закончился для него обвинительным приговором {8}.

* * *

До революциии существовало мнение, что оппозиционно настроенные студенты-юристы шли в адвокаты, а карьеристы и консерваторы — в прокуроры. Однако в рассматриваемое время прокуратура тоже испытывала на себе дыхание времени.

В 1905 г. внимание органов политического сыска привлек к себе Александр Михайлович (Моисеевич) Харсон (р. ок. 1880). В 1898 г. закончил 3-ю тифлисскую гимназию, в которой, кстати, учился вместе с А. И. Хатисовым, получил юридическое образование и в 1903–1904 гг. начал свою карьеру с должности судебного пристава Горийского мирового суда {9}, а в 1905 г. был назначен помощником прокурора Кутаисского окружного суда {10}.

Появившись в Кутаиси, А. М. Харсон стал организатором Союза чиновников и служащих, который поставил перед собой в качестве цели борьбу за улучшение положения государственных служащих. 29 ноября 1905 г. в

здании окружного суда состоялся митинг чиновников, на котором был принят устав этого Союза, составленный чиновником Кутаисского управления земельных имуществ Бахтадзе.

В 1905 г. в Кутаисском управлении земельных имуществ служили два человека с такой фамилией: Сергей Лукич, бывший младшим надзирателем за казенными и оброчными статьями Кутаисского управления земельных и государственных имуществ, и Варлаам Маркович, младший помощник делопроизводителя этого же управления [11].

Тогда же, в 1905 г., скандальную известность приобрел начальник А. Харсона — прокурор Кутаисского окружного суда Николай Александрович Толпыго. Молва приписывала ему самые невероятные вещи. Так, 27 декабря 1905 г. Министерство юстиции запросило Тифлисскую судебную палату: «Телеграфируйте, действительно ли кутаисский прокурор принимал участие постройке баррикад» [12]. Служебное расследование не подтвердило участия прокурора в строительстве баррикад [13], но признало факт его «полевения» в 1905 г. Не исключено, что на результаты этого расследования повлияло покровительство Н. А. Толпыго со стороны председателя Тифлисской судебной палаты Александрова-Дольника [14], с которым Н. А. Толпыго был хорошо знаком еще по Киеву, где они оба служили до этого [15].

* * *

Революционные партии стремились иметь своих людей не только в органах полиции и прокуратуры, но и в местах заключения.

Одним из них был смотритель Баиловской тюрьмы в Баку Мамед-Расул Валиев. 14 марта 1904 г. арестант этой тюрьмы Дмитрий Урушадзе подал прошение, в котором обвинил М.-Р. Валиева в том, что с его ведома он, Д. Урушадзе, за время пребывания под стражей «разов семь был переодетым в городе» [16]. 15 апреля бакинский губернатор обратился со специальным письмом к бакинскому уездному начальнику, в котором, отметив, что «подобные жалобы на М. Валиева повторяются неоднократно», предложил начать расследование [17]. Тогда оно закончилось безрезультатно [18]. Однако 5 июня 1907 г. в канцелярии бакинского градоначальника появилось новое «Дело по обвинению и. д. смотрителя Бакинской тюрьмы к. р. Валиева в незаконных действиях по службе» [19]. На этот раз ему было предъявлено обвинение «в совершении подлогов, вымогательстве, побоях, истязаниях, подстрекательстве к убийству и преступлениях, предусмотренных 129 ст. Уголовного уложения» [20].

Из воспоминаний явствует, что обвинения М.-Р. Валиева в связях с революционным подпольем действительно были обоснованными [21]. «Начальником Бакинской тюрьмы тогда был Валиев Мамед-Расул, — вспоминал И. П. Надирадзе, — по слухам, якобы его жена была членом организации эсеров» [22]. В сентябре 1908 г. Департамент полиции получил сведения о том, что, «войдя в сношения с начальником тюрьмы Валиевым, который получил за это 800 руб., Бочка (Буду Мдивани. — *А.О.*) вывез [террориста] Майсурадзе из тюрьмы» [23].

А вот воспоминания рабочего М. Кирочкина, арестованного 11 сентября 1905 г. в Баку на проходившей там

конференции местной социал-демократической организации: «Жгенти удалось договориться с управляющим завода [К. И.] Хатисова Н. Н. Дорфманом, который был хорошо знаком со смотрителем арестантского дома Велиевым, и Дорфман уговорил Валиева за 150 руб. заменить трех человек из нас. Первым был заменен тов. Лядов. Замена происходила так: Дорфман приехал на фаэтоне якобы в гости к смотрителю с человеком, который должен был заменить тов. Лядова, с тов. Лефасом по кличке Святой... Тов. Лефас через черный ход спустился к нам, а товарищ Лядов взамен его поднялся через двор к смотрителю и, выйдя с Дорфманом через парадный ход, уехал, точно так заменили и двух других: тов. Алешу Джапаридзе и Нико Саквареліидзе» {24}.

М.-Р. Валиев не представлял собой исключение. Имеются сведения, что услуги арестантам оказывали бакинский тюремный попечитель Гутнер {25}, начальник бакинской тюрьмы Алексеев {26}, главный надзиратель этой же тюрьмы Павлов {27} и некоторые другие надзиратели. По воспоминаниям И. Бокова, в 1908 г. было подкуплено сразу же несколько жандармов и привратников бакинской тюрьмы {28}. О подкупе надзирателей бакинской тюрьмы писал и И. П. Надирадзе {29}.

В 1909 г. перед судом предстали бывший заведующий Метехским тюремным замком И. Д. Джавахишвили, его помощник и шесть надзирателей, все они обвинялись в «нерадении по службе» {30}.

Несомненный интерес для характеристики порядков в некоторых местах заключения представляют воспоминания упомянутого выше М. Кирочкина. «В Карской тюрьме, — отмечал он, — нам сиделось недурно. Смотритель-

грек, по-видимому, примыкал к социалистам-революционерам, прокурор был большим либералом, загнанным в Каре из Киевской губернии как ненадежный элемент [93], причем мы получали каждый день от Карской организации гнчакистов и дашнаков молоко и даже вино; почти каждый день, после трех часов, приезжали с прокурором много либеральной публики послушать наши революционные песни и посмотреть, что за люди большевики, камеры наши не запирали, и мы большую часть времени проводили во дворе» {31}.

«Своих людей» революционное подполье имело и в других губернских учреждениях. Так, в литературе уже получила известность фамилия бывшего народника Федора Михайловича Снегирева {32}, которого М. Гурешидзе называл «покаявшимся народовольцем» {33}. С 1901 по 1904 г. Ф. М. Снегирев занимал должность помощника {34}, а с 1904 по 1906 г. — начальника Управления государственных имуществ Кутаисской губернии {35}. К рассматриваемому времени он отошел от политической деятельности, но продолжал поддерживать контакты с неблагонадежными лицами, а некоторые из них служили в возглавляемом им управлении {36}.

Осенью 1906 г. жандармы произвели обыск на квартире чиновника тифлисского губернского правления князя Петра Григорьевича Бебутова (1869–1940) {37} и обнаружили у него листовки местной социал-демократической организации {38}.

Осенью 1909 г. Тифлисское охранное отделение получило агентурное донесение, в котором говорилось: «В настоящее время в канцелярии генерал-губернатора в

Тифлисе есть один партийный служащий» {39}. Пока не удалось обнаружить документов, связанных с расследованием этого факта. А поэтому остается неизвестным, смогла ли охранка установить личность этого служащего и если да, то кто это был.

В том же 1909 г. бакинская охранка получила сведения о том, что старший фабричный инспектор Бакинской губернии Александр Никитич Семенов не только входил в состав местной организации РСДРП, но и возглавлял ее финансовую комиссию {40}.

* * *

Если, несмотря на многочисленные заявления и агентурные данные о связях М.-Р. Валиева с революционными партиями, он долгое время оставался на своем посту, то объяснение этому нужно искать только в одном — в покровительстве ему со стороны вышестоящих чиновников.

Мы уже видели, что «либерализм» смотрителя Карской тюрьмы дополнялся «либерализмом» местного прокурора. Но, оказывается, что этой «болезнью» страдали и другие должностные лица Карской области.

По воспоминаниям М. Кирочкина, который встретил в тюрьме 17 октября 1905 г., на следующий же день к ним приехали комендант крепости, жандармский полковник, правитель губернской канцелярии и сам генерал-губернатор Карской области, они поздравили заключенных с победой и объявили политическим арестантам об их освобождении {41}.

В 1905–1906 гг. комендантом Карской крепости был Генерального штаба генерал-майор Евгений Васильевич

Коленко. Единственным жандармским полковником на территории Карской области являлся начальник Эриванского ГЖУ Василий Александрович Бабушкин. Однако, вероятнее всего, М. Кирочкин имел в виду его помощника по Карской области ротмистра Стахия Семеновича Каминского. Пост правителя канцелярии военного губернатора Карской области в 1905–1906 гг. занимал статский советник Владимир Алексеевич Богословский. А обязанности военного губернатора Карской области в 1905 г. исполнял генерал-майор Алексей Александрович Самойлов {42}.

Как бы экстравагантно ни выглядел этот эпизод, он не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло летом 1905 г. в Кутаисской губернии. 6 июня ее губернатором стал агроном по профессии Владимир Александрович Старосельский, возглавлявший до этого Сакарский плодопитомник {43}.

Уже само по себе это назначение не может не вызвать удивления. В разгар революционного кризиса во главе одной из самых неспокойных губерний России назначается человек, не имеющий бюрократического опыта. Но главное заключается в другом. Когда о политической благонадежности кандидата на должность губернатора было запрошено местное ГЖУ, последовал ответ, из которого явствовало, что в упомянутом питомнике на протяжении многих лет находили прибежище неблагонадежные лица, а сам В. А. Старосельский четыре раза подвергался обыскам. И хотя ни один из них не дал уличающих его материалов, Кутаисское ГЖУ не сомневалось в его политической неблагонадежности {44}.

В. А. Старосельский происходил из черниговских дворян и был внуком Семена Старосельского, который

имел двух сыновей: Александра и Дмитрия. Дмитрий Семенович Старосельский сделал успешную карьеру и закончил свою службу помощником наместника на Кавказе. У него было семь детей: Русудан, Нина, Кетевана, Тамара, Гиви, Всеволод и Семен. Русудан стала женой князя Д. З. Меликова, а Нина — женой Иосифа Ивановича Шаликашвили и бабушкой известного американского генерала Джона Шаликашвили [45].

Александр Семенович (ок. 1840–1874) был женат на Камиле Яновне Домбровской и имел двух сыновей: Владимира (р. 1860) и Юлиана (р. 1866). Владимир родился в 1860 г., Юлиан — в 1866 г. Оба принимали участие в студенческом движении [46]. Причем Юлиан Александрович долгое время находился под негласным надзором полиции [47]. Закончив Петровскую сельскохозяйственную академию, В. А. Старосельский стал агрономом в Сакарском питомнике виноградных лоз, а затем и его руководителем [48].

По некоторым данным, когда ему было предложено кресло губернатора, он обратился за советом к местной организации РСДРП, членом комитета которой в это время являлся И. В. Джугашвили, и получил ее одобрение [49].

Таким образом, 6 июля 1905 г. во главе одной из губерний царской России оказался социал-демократ [50]. В результате Имеретино-Мингрельский комитет РСДРП получил возможность не только черпать информацию из ГЖУ, так как его начальник обязан был еженедельно докладывать губернатору о положении дел в губернии, но и оказывать влияние на кадровые назначения в губернии по линии МВД.

«Старосельский, — вспоминал С. И. Кавтарадзе, — поддерживал связь и советовался с Кутаисским комитетом РСДРП, и все его действия координировались и согласовывались с нами» [51]. Вдумайтесь в эти слова: губернатор, согласовывавший и координировавший «все свои действия» с революционным подпольем.

Пребывание В. А. Старосельского в губернаторском кресле оказалось непродолжительным. 10 января 1906 г. он был отстранен от должности [52] и отправлен в Тифлис. Здесь до 28 января он находился под домашним арестом [53]. В начале февраля 1907 г. последовали новый арест и новое освобождение [54], после чего В. А. Старосельский отправился в Лондон и в качестве гостя под фамилией Старов принял участие в V съезде РСДРП. Эпизод тоже неординарный. Бывший губернатор на съезде нелегальной партии! [55] Вернувшись со съезда, В. А. Старосельский поселился в Кубанской области [56].

Одним из тех, кто покровительствовал ему, был тифлисский губернский предводитель дворянства князь Давид Захарович Меликов (Меликашвили), жена которого приходилась двоюродной сестрой В. А. Старосельскому [57]. В то же время Д. З. Меликов состоял в родстве с князем Петром Дмитриевичем Святополк-Мирским [58], занимавшим в 1904–1905 гг. пост министра внутренних дел [59].

Когда Д. З. Меликов умер, П. Д. Святополк-Мирский телеграфировал: «Опечален кончиной покойного 40-летнего друга». Как сообщалось в печати, подобные телеграммы пришли от князей Алексея и Николая Дмитриевичей Оболенских, князей Георгия Дмитриевича и Проко-

пия Левановича Шервашидзе, барона Нольде, Александра Зиновьева, семьи Милютиных, Сергея Юльевича и Матильды Ивановны Витте, княгини Оболенской, графини Зарнекау, Джунковского и т. д. [60].

«Гроб покойного, — сообщали газеты, — был вынесен из церкви наместником графом И. И. Воронцовым-Дашковым, тифлисским губернатором М. А. Лозинским, тифлисским губернским предводителем дворянства князем Д. А. Багратион-Давидовым, кутаисским губернским предводителем дворянства князем С. Д. Церетели и замещающим место тифлисского городского головы А. И. Хатисовым» [61].

Все это дает основание думать, что определенное отношение к назначению В. А. Старосельского могли иметь, с одной стороны, некоторые представители грузинской аристократии, с другой — представители либерально настроенной части бюрократической элиты в столице.

Окружение наместника

Связи революционного подполья не ограничивались губернскими учреждениями. «Своих людей» оно имело не только среди чиновников канцелярии наместника, но и в его ближайшем окружении.

Когда 26 февраля 1905 г. было восстановлено Кавказское наместничество [1], во главе него был поставлен граф И. И. Воронцов-Дашков, с 1881 по 1897 г. занимавший пост министра императорского двора [2]. Его помощником по военной части стал генерал-лейтенант Яков Дмитриевич Малама, помощником по гражданской части — Николай Александрович Султан-Крым-Гирей, заведующим полицией на Кавказе — генерал-май-

ор Евгений Никифорович Ширинкин [3]. В состав Совета при наместнике вошли: Николай Федорович Джунковский (от Министерства финансов), Владимир Ромулович Завадский (от Министерства юстиции), Яков Сергеевич Медведев (от Министерства земледелия и государственных имуществ), Иустин Васильевич Мицкевич, директор канцелярии наместника Николай Леонидович Петерсон, Николай Иванович Прибиль и Василий Гаврилович Устругов (от Министерства внутренних дел) [4].

С 1905 по 1917 г. в управлении Кавказским наместничеством произошли большие изменения. Учитывая, что после 1910 г. пребывание И. В. Сталина на Кавказе имело эпизодический характер, ограничимся только первыми пятью годами существования наместничества.

Мы уже знаем, что когда в 1906 г. кутаисский губернатор В. А. Старосельский был отстранен от власти, его почти сразу же арестовали. Но столь же скоро он снова оказался на воле. Кто же помог ему? Вспоминая этот эпизод, он сам позднее признавался, что ему удалось освободиться «благодаря хлопотам генерала Маламы». «Я был спасен от ареста и как только освобожден, сейчас же стал нелегальным» [5].

Заслуживает внимания и преемник Я. Д. Маламы генерал-лейтенант Николай Павлович Шатилов [6]. Сам Н. П. Шатилов вне подозрений, но его брат Владимир, тоже посвятивший себя военному делу, был обвинен С. Дегаевым в принадлежности к «Народной воле» и арестован. Доказать это обвинение не удалось, но продолжать службу В. П. Шатилову пришлось в Сибири, и только затем он получил возможность поселиться на Кавказе [7]. По всей видимости, обвинения С. Дегаева не были ли-

шены оснований, так как уже в советское время фамилия В. П. Шатилова была включена в биобиблиографический справочник «Деятели революционного движения в России» {8}.

Н. А. Султан-Крым-Гирей являлся непосредственным начальником В. А. Старосельского, и без консультации с ним вряд ли могло состояться назначение последнего на должность губернатора. В дореволюционной печати Н. А. Султан-Крым-Гирей прямо обвинялся в связях с некоторыми революционными деятелями {9}. Конкретных и убедительных данных на этот счет пока обнаружить не удалось, но есть основание утверждать, что Н. А. Султан-Крым-Гирей имел связи в либерально-оппозиционных кругах. Об этом свидетельствует его причастность к подготовке банкета 31 декабря 1904 г. в Тифлисе. Именно он первоначально должен был председательствовать на нем, и только потом, видимо, после того как ему стал известен текст подготовленной резолюции, он предпочел уклониться от председательствования {10}.

5 апреля 1906 г. Н. А. Султан-Крым-Гирея на посту помощника наместника по гражданской части заменил Иустин Васильевич Мицкевич {11}. Черносотенная печать тоже обвиняла его в связях с революционным движением. Насколько они были обоснованными, еще предстоит выяснить. Но характерен следующий факт. Когда В. А. Старосельский, покинув Тифлис, обосновался в Екатеринодаре и было установлено его местонахождение, кубанский генерал-губернатор обратился в канцелярию наместника с запросом о возможности его ареста. 9 февраля 1908 г. Ф. А. Засыпкин как чиновник особых поручений при наместнике представил этот запрос И. В. Мицкевичу, но последний разрешения на арест не дал,

потребовав компрометирующие В. А. Старосельского документы [12], хотя существовавшие тогда правила позволяли санкционировать арест не только на основании документов, но и на основании агентурных данных.

12 февраля 1908 г. была получена телеграмма П. А. Столыпина: император надеется, что В. А. Старосельский арестован. 14 февраля И. В. Мицкевич запросил Ф. А. Засыпкина: арестован ли В. А. Старосельский на основании имеющихся у Вас данных? На следующий день последовал ответ: не арестован, ждем указаний. После этого И. В. Мицкевич предложил наместнику проект телеграммы: вопрос об аресте представлен на усмотрение министра внутренних дел. И это после напоминания П. А. Столыпина о необходимости ареста В. А. Старосельского и ссылки при этом на императора. Кубанский генерал-губернатор снова запрашивает наместника: нет ли препятствий для ареста. И только 21 февраля И. И. Воронцов-Дашков дал разрешение на арест [13].

Между тем за день до этого в Екатеринодаре к В. А. Старосельскому на квартиру явился «один из его доброжелателей и конфиденциально сообщил», что его собираются арестовать. Получив такое сообщение, В. А. Старосельский немедленно перешел на нелегальное положение, добрался до Петербурга, оттуда на пароходе — до Гельсингфорса и через несколько дней был в Париже [14]. Таким образом, если в 1906 г. освобождению В. А. Старосельского из-под ареста способствовал один помощник наместника, то в 1908 г. спас от ареста другой его помощник.

6 сентября 1909 г. Иустин Мицкевич был отправлен в отставку. Его преемником стал гофмейстер тайный советник Эммануил Александрович Ватаци, который до это-

го занимал пост товарища министра внутренних дел [15].

Перевод из столицы на Кавказ представлял для Э. А. Ватаци почетную ссылку. Причина ее пока неизвестна. Можно лишь отметить, что он принадлежал к числу тех чиновников, которые с симпатией относились к либерально-оппозиционному движению. Более того, когда в свое время редакция журнала «Освобождение» рассылала свое издание губернаторам, он, в отличие от большинства из них, прежде чем передать его в местное жандармское управление, регулярно знакомился с содержанием журнала [16]. Э. Ватаци имел с либеральным лагерем и личные связи. Дело в том, что его жена (урожденная Мертваго), приходилась сестрой одному из активных деятелей либеральной оппозиции А. П. Мертваго [17].

По свидетельству бывшего чиновника Министерства иностранных дел В. Б. Лопухина, «в бытность на Кавказе Ватаци связался с крупным капиталистом-нефтяником Лианозовым и по оставлении службы в наместничестве стал заниматься его делами» [18]. Действительно, после ухода в отставку Э. А. Ватаци вместе с С. Г. Лианозовым принимал участие в делах таких коммерческих предприятий, как Русско-персидское лесопромышленное и торговое акционерное общество [19] и Товарищество «Братьев Мирзоевых» [20].

О том, как на посту помощника наместника по гражданской части Э. А. Ватаци боролся с революционным движением, мы можем судить по воспоминаниям. «Аракелян, — писал член ЦК партии „Гнчак" А. Гаспарян, имея в виду редактора газеты „Мшак" Амбарцума Аракеляна, — как и главный редактор „Мшак" А. Калантар, были в

близких отношениях с „либеральным" помощником „либерального" наместника Воронцова-Дашкова сенатором Ватаци, через которого они спасли от преследований не только меня, но и других, многих, очень многих „политических преступников", смягчали их участь» {21}.

В 1903 г. в поле зрения Департамента полиции оказался тайный советник Яков Сергеевич Медведев, который заведовал на Кавказе казенными имуществами. 7 октября 1903 г. Тифлисскому охранному отделению было дано распоряжение установить за ним наружное наблюдение. Это наблюдение, по всей видимости, ничего не дало {22}. Между тем 22 декабря 1904 г. Тифлисское охранное отделение проинформировало Департамент полиции о том, что проживавшая в Тифлисе и служившая в Управлении государственных имуществ учительница Ида Львовна Волкович, «родственница известной эсерки Краснянской», состоит «в переписке с заграничными революционными деятелями, корреспонденция которых адресуется на имя уполномоченного Министерства государственных имуществ Я. С. Медведева» {23}. Производилось ли в связи с этим какое-либо расследование, остается неизвестным. Я. С. Медведев продолжал занимать свой пост {24}.

Между тем 11 февраля 1905 г. Департамент полиции сообщил Тифлисскому охранному отделению: «Как выяснено ныне агентурным путем, для поддержания деловых сношений со своими единомышленниками Ленин намерен пользоваться собственными конспиративными адресами, из коих относящимися к г. Тифлису являются нижеследующие: Страховое общество „Кавказ и Меркурий" [94], уполномоченный Министерства земледелия и государственных имуществ тайный советник Яков

Сергеевич Медведев (*получает литературу и дает деньги*)» {25}. Умер Я. С. Медведев в Советской Грузии 19 марта 1923 г. Сообщение о его смерти было опубликовано на страницах газеты «Заря Востока» {26}.

С мая 1905 г. членом Совета наместника был Николай Федорович Джунковский (р. 1862). {27}. Закончив Пажеский корпус, с 1882 по 1887 г. находился в лейб-гвардии Уланском полку, выйдя в отставку, служил по ведомству Министерства финансов в Харьковской, Тверской, Московской и Курской губерниях {28}.

Еще в молодые годы Н. Ф. Джунковский познакомился с семьей полковника Владимира Ивановича Винера и вскоре женился на его дочери Елизавете, сестра которой Цицилия стала женой князя Д. Хилкова, проделавшего эволюцию от толстовства к анархизму, а затем состоявшего в партии эсеров {29}. Д. Хилков был сыном Елены Петровны Джунковской, которая приходилась Николаю Федоровичу двоюродной сестрой. В свою очередь Н. Ф. Джунковский находился в родстве с эсером графом Алексеем Иосифовичем Доррером, на квартире у которого в Вологде в 1911 г. несколько дней скрывался собравшийся бежать из ссылки И. В. Джугашвили {30}.

На почве увлечения толстовством Н. Ф. Джунковский, Д. Хилков и сестры Е. В. и Ц. В. Винер сблизились с некоторыми представителями не только либеральной оппозиции, но и революционного подполья [95]. Так, в Москве в круг их общения входил присяжный поверенный Николай Константинович Муравьев {31}, бывший одним из руководителей московского «Союза борьбы

за освобождение рабочего класса» [32]. В 1905 г. он играл видную роль в Союзе инженеров и был причастен к подготовке вооруженного восстания в Москве [33], а в 1917 г. возглавил Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства по выяснению злоупотреблений царских министров [34]. Ставший 22 октября 1915 г. сенатором [35], Н. Ф. Джунковский умер 19 декабря 1916 г. [36]Его жена скончалась в 1928 г. Сообщение о ее смерти было опубликовано на страницах газеты «Заря Востока» [37].

Интересную фигуру в окружении И. И. Воронцова-Дашкова представлял действительный статский советник Евгений Густавович Вейденбаум (р. 1845) [38]. На протяжении ряда лет он исполнял обязанности управляющего князя Георгия Михайловича Шервашидзе и по этой причине был своим человеком в его семье. Из переписки с последним явствует, что они оба осуждали существовавшие в России до 1905 г. порядки, сравнивая их с восточной деспотией. Это дает основание рассматривать Е. Г. Вейденбаума как представителя либеральной бюрократии [39].

Е. Г. Вейденбаум находился в дружеских отношениях с семьей доктора Николая Ильича Воронова, который в прошлом отдал дань народничеству и принимал участие в распространении герценовского «Колокола», а его дети стали социал-демократами. Юрий Николаевич Воронов с 1895 г. учился в Монпелье за счет князя Г. М. Шервашидзе с обязательством по возвращении быть его управляющим. Людмила Николаевна Воронова в 1903 г. являлась связной секретаря ПК РСДРП Елены Стасовой [40].

Показательно также то, что объектом увлечения Е. Г. Вейденбаума стала служащая Управления Закавказской железной дороги Лихневич, входившая в состав Тифлисской организации РСДРП. Называя эту фамилию, Михаил Иосифович Климиашвили писал: «Оказывается, Лихневич была гражданской женой директора канцелярии наместника Вейденбаума и о каждом нашем шаге сообщала ему. После смерти Вейденбаума остались две тетради его дневников (хранятся в доме старого революционера Миха Карцевадзе), в которых Вейденбаум с желчью говорит о движении 1905 г. и лично обо мне» {41}.

Какую бы желчь Е. Г. Вейденбаум не изливал в своем дневнике, u важно другое — он находился в приватных отношениях с человеком, который являлся участником революционного движения.

Таким образом, мы видим, что граф И. И. Воронцов-Дашков окружил себя помощниками, многие из которых отличались либеральными убеждениями или же имели как опосредованные, так и прямые связи с революционным подпольем. Не случайно, видимо, П. А. Столыпин обвинял графа И. И. Воронцова-Дашкова в особом «оптимистическом отношении» к партии «Дашнакцутюн» и «армянам вообще» {42}, а в одном из агентурных донесений говорилось: «Партийные члены возлагают какие-ю большие надежды на наместника» {43}.

Возвращаясь в этой связи к истории с В. А. Старосельским, нельзя не обратить внимание на то, что в освобождении его 28 января 1906 г. из-под домашнего ареста принимал участие личный секретарь И. И. Воронцова-Дашкова, который не только выразил «ему желание графа», чтобы он покинул Кавказ, не только «обещал ему

охрану до границы Закавказья», но и «передал Владимиру Александровичу некоторую сумму на расходы по отъезду». Не был ли этим «личным секретарем» И. И. Воронцова-Дашкова его адъютант Лазарьянц, который, по сведениям Кавказского районного охранного отделения, являлся членом партии «Дашнакцутюн»? {44}

Самого И. И. Воронцова-Дашкова трудно заподозрить в оппозиционности {45}. Достаточно сказать, что, получив текст Манифеста 17 октября 1905 г., он не хотел верить в то, что Николай II мог подписать такой документ, а когда ему стало известно о подготовке указа 21 октября 1905 г. о политической амнистии, он добился нераспространения его на Кавказ {46}. Но заслуживает внимания вопрос о зависимости графа от тех сил, которые находились в оппозиции к правительству.

* * *

Здесь прежде всего следует отметить, что нефтеносные земли И. И. Воронцова-Дашкова в Баку разрабатывала компания «Братья Нобель» {47}. Именно Э. Л. Нобель в конце 1905 — начале 1906 г., предоставив конторе графа И. И. Воронцова-Дашкова 25-тысячный кредит, спас ее от финансового банкротства {48}. Обращает на себя внимание также тот факт, что управляющим нефтепромыслами самого графа был Л. А. Туманов {49}, а контора нефтепромышленной фирмы наместника находилась в доме Ашурбековых {50}, один из представителей семейства которых — Иса-бек Ашурбеков — как мы уже знаем, входил в руководство мусульманской социал-демократической организации «Гуммет».

Оценивая позиции, которые занимал И. И. Воронцов-Дашков, необходимо также учитывать те настроения, которые существовали внутри грузинской аристократии и с которыми ему трудно было не считаться.

Прежде всего это касается возникших к началу XX в. внутри грузинского дворянства стремлений к предоставлению Грузии той или иной формы государственности. По данным Тифлисского охранного отделения, особую роль среди грузинских националистов играли князья Иван Гивич Амилахвари и Георгий Александрович Багратион-Давидов [51], а «все назначения националистов» производились «при помощи находящегося в Петербурге некоего князя Накашидзе» [52].

Сделавший успешную военную карьеру и имевший одно из высших воинских званий, звание генерала от инфантерии, князь И. Г. Амилахвари принадлежал к известному в Грузии аристократическому роду, крепостными крестьянами которого являлись родители Е. Г. Геладзе [53]. И. Г. Амилахвари был женат на правнучке одного из руководителей антирусского восстания 1804 г., князя Элизбара Георгиевича Эристави, княжне Анне Александровне Эристави (1848–1934), брат которой Шалва (Владимир) (1863–1923) состоял в браке с княжной Екатериной Георгиевной Абашидзе (1872–1930), сестрой помощника председателя Совета съезда марганцепромышленников и одного из лидеров партии социалистов-федералистов, Ивана (Кита) Абашидзе [54].

Заслуживают внимания и другие родственные связи И. Г. Амилахвари. Взяв в жены княжну Нину Николаевну Шервашидзе (1887–1938), его сын Константин (1877–1948) породнился с семьей князя Николая Александровича Шервашидзе, одна сестра которого, Мария,

была причастна к «Народной воле» и несколько лет провела в ссылке, вторая, Елизавета, стала женой известного народника Михаила Кайхосровича Кипиани, третья, Екатерина (1857–1929), находилась замужем за князем Александром Григорьевичем Цулукидзе (1844–1897), племянником которого по матери являлся известный большевик А. Г. Цулукидзе. Старшая дочь И. Г. Амилахвари Нина (1873–1933) вышла замуж за князя Николая Александровича Туманова (1864–1921), видимо, брата управлявшего нефтепромыслами И. И. Воронцова-Дашкова Л. А. Туманова, а младшая, Марта (1875–1937), — за военно-морского врача Владимира Матвеевича Туркия (1873–1948), находившегося в родстве с Минадорой Игнатьевной Туркию, отец которой входил в правление Потийского общества взаимного кредита, а мужем был предприниматель-революционер, социалист-федералист Акакий Мефодиевич Хоштария.

Родственные связи князей И. Г. Амилахвари и И. Г. Абашидзе в некоторой степени символизировали единство националистически настроенной части грузинского дворянства и марганцепромышленной элиты. Одним из важнейших вопросов, в котором сталкивались интересы этой элиты и интересы правительства, был вопрос о распределении прибыли, создаваемой марганцедобывающей промышленностью. Вот только один пример. До февраля 1909 г. пуд марганца в Поти оценивался в 19,6 коп. Из них только установленные государством железнодорожные тарифы составляли 9,9 коп., т. е. более 50 % экспортной цены {55}. Это делало марганцепромышленников заинтересованными или в ограничении власти императора, т. е. в конституции, или в предоставлении Грузии автономии, или же в завоевании ею полной независимости от России.

На этой почве складывалась возможность союза между определенной частью националистически настроенного дворянства, марганцепромышленниками и революционным подпольем.

Один из первых шагов в этом направлении был сделан в начале марта 1899 г., когда в Кутаисе состоялось «особое частное совещание из всех находящихся в это время в Кутаисе дворян» для обсуждения вопроса о праздновании 100-летия включения Грузии в состав России, принявшее решение выдвинуть в связи с предстоящим юбилеем требование распространения на Кавказ земского самоуправления {56}. Составление всеподданнейшего адреса с подобным требованием было поручено комиссии, в которую кроме уездных предводителей дворянства вошли князь Т. А. Дадешкелиани, Г. Ф. Зданович, Г. Коркашвили, князь А. М. Кочакидзе, князь Вл. Микеладзе, князь Д. А. Микеладзе, А. Т. Нанейшвили, князь П. А. Туманов, С. Ф. Хундадзе, С. Г. Церетели {57}.

Сразу же бросается в глаза, что из десяти поименованных лиц четверо (Г. Ф. Зданович, Д. А. Микеладзе, А. Т. Нанейшвили и С. Ф. Хундадзе) имели революционное прошлое, причем трое из них представляли Совет съезда марганцепромышленников. П. А. Туманов, по всей видимости, был братом Л. А. и Н. А. Тумановых, а Г. Коркашвили — сыном Луки Давидовича Коркашвили и Нины Яковлевны Николадзе, сестры Н. Я. Николадзе. Князь Семен Георгиевич Церетели, с 1898 г. занимавший пост губернского предводителя дворянства, приходился троюродным братом поэту, марганцепромышленнику князю А. Р. Церетели, который фигурирует в картотеке Департамента полиции как социалист-федералист {58}.

Князь В. С. Микеладзе находился в браке с княжной Пелагеей Григорьевной Цулукидзе, которая имела сестру Олимпиаду, бывшую матерью известного большевика А. Г. Цулукидзе [59]. К этому следует добавить, что князь Александр Максимович Кочакидзе был женат на княжне Екатерине Отиевне Дадиани, двоюродной сестре уездного предводителя дворянства князя Н. Н. Дадиани, паспортом которого, как мы уже знаем, пользовался Камо [60].

В ноябре 1900 г. в Кутаисе на совещании в доме Г. Ф. Здановича князь Давид Александрович Микеладзе поднял вопрос о необходимости добиваться отделения Грузии от России, после чего эта идея стала пропагандироваться среди грузинской интеллигенции [61]. 24 апреля 1901 г. Д. А. Микеладзе огласил специальную записку с обоснованием этой идеи на заседании губернского дворянского собрания [62]. Тогда, судя по всему, она не получила поддержки. Но прошло три с половиной года, и все изменилась.

1 апреля 1905 г. состоялось чрезвычайное собрание дворян Тифлисской губернии. Председательствовать на этом собрании было доверено князю А. И. Джамбакур-Орбелиани [63]. Сын князя Ивана Мамуковича Джамбакур-Орбелиани и княжны Марии Дмитриевны Святополк-Мирской, он состоял в родстве с князем Петром Дмитриевичем Святополк-Мирским, получившим известность в 1904–1905 гг. на посту министра внутренних дел [64].

Тифлисское губернское дворянское собрание приняло всеподданнейший адрес, в котором говорилось:

«...Дворянство высказывает свое глубокое убеждение, что мирное и культурное развитие грузинского народа возможно лишь при условии признания за Грузией, этой неотъемлемой частью Русского государства, добровольно связавшей свою судьбу с его судьбой, права на управление законами, установленными местным представительным собранием, избираемым путем всеобщей, прямой, тайной и равной для всего населения Грузии подачи голосов» {65}.

Тифлисское дворянство недвусмысленно ставило возможность дальнейшего «мирного развития» Грузии в зависимость от предоставления ей самой широкой автономии. Это был скрытый ультиматум.

9–11 апреля 1905 г. под председательством князя С. Д. Церетели состоялось чрезвычайное дворянское собрание Кутаисской губернии {66}. На этом собрании Д. В. Мдивани, который, как мы знаем, занимал должность секретаря Совета съезда марганцепромышленников, огласил проект принятого единогласно всеподданнейшего адреса. В нем выражалась солидарность с подобным же адресом тифлисского дворянства и говорилось, что единственным средством успокоения «может служить лишь признание за Грузией, состоящей из Тифлисской и Кутаисской губерний, Батумской области, Сухумского и Закатальского округов, права управляться законами, установленными местным представительным собранием путем всеобщей, прямой, тайной и равной для всего населения Грузии подачи голосов» {67}.

Для разработки программы реформ дворянское собрание избрало комиссию, более половины членов которой прямо или опосредованно были связаны с марганцедобывающей промышленностью, среди них, в частности,

находились товарищ председателя Совета съезда марганцепромышленников князь Иван Георгиевич Абашидзе и секретарь этого совета Ясон Фомич Бакрадзе {68}.

«Все пути ведут в Рим»

Революционное подполье имело связи с представителями власти не только на Кавказе, но и в других губерниях империи, в том числе в самой столице, причем на самых разных этажах власти.

По данным Департамента полиции, «действиями боевой дружины киевской группы социалистов-революционеров» руководила «Рейнбот Мария Платоновна — жена члена Совета министра финансов» {1}. Об этом же позднее писал в своих воспоминаниях жандармский генерал А. И. Спиридович {2}. В «Адрес-календаре Российской империи» на 1904 г. фигурирует только один член Совета министра финансов с такой фамилией — действительный статский советник Александр Евгеньевич Рейнбот {3}.

Жена сенатора Дмитрия Александровича Калмыкова Александра Михайловна (урожденная Чернова), не только была «второй матерью» легального марксиста, позднее редактора журнала «Освобождение» и члена ЦК партии кадетов Петра Бернгардовича Струве [96], но и принимала активное участие в организации газеты «Искра», причем, по некоторым данным, участвовала в финансировании ее издания и созыва II съезда РСДРП {4}.

Известный анархист князь Д. Хилков находился в родстве с министром путей сообщения князем М. И. Хилковым и товарищем министра внутренних дел В.Ф.Джун-

ковским [5]. Отец Зинаиды Шадурской, которая была сотрудником редакции журнала «Освобождение» [6]и находилась в приятельских отношениях с А. М. Коллонтай [7], достиг должности товарища министра [8]. Социал-демократ Георгий Александрович Соломон являлся племянником члена Государственного совета [9], а один из руководителей партии эсеров, выходец из богатой помещичьей семьи Алексей Михайлович Устинов — племянником премьера и министра внутренних дел П. А. Столыпина [10].

Князь Сергей Дмитриевич Урусов был женат на Софье Владимировне Лавровой, племяннице известного народника П. Л. Лаврова. Ее родственницы Екатерина и Ольга Николаевна Лавровы принимали участие в революционном движении. В декабре 1905 г., когда С. Д. Урусов занимал пост товарища министра внутренних дел и руководимое при его участии министерство встало на путь подавления революции, Екатерина и Ольга скрывались в Москве от преследования полиции в доме своего высокопоставленного родственника [11].

Другим источником связей между правительственным лагерем и революционным подпольем было рекрутирование чиновников из революционной среды. Для многих временем бунтарства было время пребывания в стенах учебных заведений. Позднее некоторые «бунтари» взрослели, отходили от революционной деятельности, поступали на службу и делали успешную карьеру. Помощником начальника Управления казенных железных дорог в чине генерал-майора встретил революцию 1917 г. Юрий Владимирович Ломоносов (р. 1876) [12]. Сенатором закончил свой жизненный путь Владислав Ромуальдович Завадский (1840–1910) [13]. Долж-

ности товарища министра финансов достиг Владимир Иванович Ковалевский [14], товарищем министра стал Николай Андрианович Неклюдов (1840–1896) [15].

Были среди чиновников лица, которые хотя и не принимали участия в политической жизни, но находились в скрытой оппозиции к царскому режиму, поддерживали контакты с представителями либеральной оппозиции и по разным причинам готовы были оказывать поддержку революционному подполью. Так, в 1903 г. для получения «Искры» в Петербурге использовался адрес директора правления АО Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороги А. Н. Пургольда [16], а также адрес секретаря при обер-прокуроре Правительствующего Сената статского советника Виктора Эмильевича Дандре [17]. В 1905 г. в Петербурге на квартире статского советника Константина Петровича Фан-дер-Флита хранились нелегальная литература, шрифт и оружие [18].

Из воспоминаний бывшего начальника Петербургского охранного отделения генерала А. В. Герасимова явствует, что когда им был завербован в качестве секретного сотрудника один из лидеров партии эсеров, Е. Ф. Азеф, к тому времени уже имевший длительный опыт сотрудничества с Департаментом полиции, «ему бросилась в глаза совершенно исключительная осведомленность Азефа относительно всех передвижений царя. Все изменения, которые вносились в план царской поездки, в каком бы секрете они ни держались, немедленно становились известными Азефу, который обо всех них получал извещения путем условных телеграмм. Азеф даже бравировал этой своей осведомленностью и почти посмеивался над Герасимовым, который этого рода новости узнавал

позднее Азефа, хотя по своему положению должен был быть в курсе всех этих вопросов, так как именно на нем лежала основная забота о безопасности царя» {19}.

Было проведено расследование утечки информации. «Результаты этого расследования, — писал известный историк Б. И. Николаевский, — заставили Герасимова схватиться за голову: все говорило за то, что информатором Азефа был не какой-либо второстепенный чиновник (именно на это надеялся Герасимов, начиная свое расследование), а лицо весьма и весьма высокопоставленное. Принимать какие бы то ни было меры против него на свою собственную ответственность Герасимов, конечно, не мог и решил сделать конфиденциальный доклад обо всем этом деле Столыпину. Последний долго отказывался верить. По его настоянию была произведена дополнительная проверка полученного результата, которая только подтвердила первоначальный вывод: означенное высокопоставленное лицо, судя по всему, действительно вполне сознательно оказывало содействие террористам в подготовке цареубийства <...>. Казалось, правительство не имело ни права, ни возможности мириться с подобным положением. И тем не менее после долгих размышлений Столыпин дал указание не давать делу никакого движения» {20}.

Показательно, что даже в эмиграции А. В. Герасимов не решился назвать фамилию этого чиновника, отметив лишь, что по своему положению это был «почти член Совета министров». Это дает основание думать, что упоминаемый сановник занимал должность товарища министра {21}.

Более пристального и объективного внимания заслуживает фигура первого премьер-министра России Сергея Юльевича Витте. Рисуя образ царского бюрократа, его биографы [22] до сих пор сознательно или бессознательно отбрасывают все то, что не вписывается в создаваемую ими картину: связи С. Ю. Витте с крайне оппозиционными и даже революционными элементами в молодости [23]; привлечение его в 1870 г. к следствию по делу о студенческой кассе, едва не завершившееся ссылкой, о чем мы знаем пока только с его собственных слов [24]; существовавшие в свое время слухи о финансировании им газеты «Искра» [25]; признание бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина, что, потеряв в 1903 г. портфель министра финансов, С. Ю. Витте предлагал ему физическое устранение Николая II [26]; документы, которыми будто бы располагал В. К. Плеве, о его связях с революционным подпольем и причастности его к подготовке покушения на императора [27] или же о его принадлежности к масонству [28]; подозрения относительно его связей с Г. Гапоном до 9 января 1905 г. и непонятные контакты с ним после Кровавого воскресенья [29]; обвинения его в поддержке леворадикальной газеты «Сын отечества» [30]; его участие в имевшей политический характер благотворительности [31]; существовавшие в придворных кругах подозрения о его причастности к организации Всеобщей октябрьской стачки 1905 г. [32]; скрытые контакты с членами Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г. [33], а затем воздействие на суд с целью облегчения их участи [34]; сочувственные высказывания относительно социалистических идей [35], уверенность в

неизбежности попыток их практического осуществления [36]; высокую оценку моральных качеств участников революционного движения [37] и т. д.

* * *

Те же самые процессы, которые втягивали в революционное движение выходцев из семей высокопоставленного чиновничества, захватывали и военную среду.

Народовольцы, связанные с А. И. Ульяновым, позднее эсеры братья А. А. и С. А. Никоновы были сыновьями адмирала [38]. Известный социал-демократ, один из создателей и руководителей газеты «Искра», позднее меньшевик А. Н. Потресов вышел из семьи генерал-майора [39]. Сыном генерал-майора являлся известный эсер А. Д. Покотилов (1879–1904), брат которого Дмитрий входил в правление КВЖД, затем состоял русским посланником в Китае, а сестра Александра находилась замужем за тайным советником, товарищем министра финансов П. М. Романовым [40]. Дочь генерала от инфантерии М. А. Домонтовича Александра Михайловна получила известность как видная большевичка под фамилией своего первого мужа, генерал-майора В. Л. Коллонтай [41]. Дочерью генерала от инфантерии, являвшегося амурским военным губернатором, а затем помощником начальника Главного штаба, была эсерка Мария Аркадьевна Беневская [42].

Точно так же, как и в чиновничьей среде, вчерашние бунтари достигали высоких чинов и должностей на военной службе. Генеральские эполеты выслужили Викентий Викентьевич Ждан-Пушкин (1824–1895) и Владимир Александрович Обручев (1836–1912). Михаил Георгиевич Альтфатер, отец известного «красного адмирала»,

закончил свою военную карьеру в чине генерал-лейтенанта и в должности товарища генерал-фельдцейхмейстера, а Николай Николаевич Обручев (1830–1904) стал генералом от инфантерии, начальником Главного штаба (1881–1897 гг.) и членом Государственного совета [43]. Всего же с 1816 по 1917 г. в революционном движении участвовало около 1500 офицеров [44].

Имеются воспоминания, из которых явствует, что весной 1905 г. на квартире присяжного поверенного Сергея Петровича Елисеева состоялось учредительное собрание Всероссийского офицерского союза, который вскоре создал свои отделения в Астрахани, Выборге, Луге, Варшаве и Ярославле. В столице работа велась в лейб-гвардии Егерском и лейб-гвардии Финляндском полках [45].

Как вспоминал С. И. Гусев (Драбкин), весной 1905 г. большевики получили предложение о координировании своей деятельности от группы офицеров, представитель которых «сообщил, что у них существует в противовес гвардейской-офицерской организации „Лига белого орла" такая же „Лига красного орла" и что цель этой последней заключается в том, чтобы свергнуть Николая и добиться конституции» [46].

К одной из подобных организаций, по всей видимости, принадлежал офицер Генерального штаба, позднее генерал Василий Федорович Новицкий [47].

А вот что писал один из руководителей военной организации ЦК большевиков в 1917 г., К. Механошин: «…Военная организация сумела проникнуть своими щупальцами не только в войсковые части и на военные склады, но и в такие учреждения, как Генеральный и

Главный штабы. В других центральных учреждениях — интендантском, квартирном и особенно в Г[лавном] А[ртиллерийском] Управлении] — мы имели не только единичных товарищей, но и целые ячейки, члены которых в дальнейшем сыграли чрезвычайно большую роль» {48}.

Среди лиц, которые сотрудничали с большевиками в 1917 г., находился помощник начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Николай Михайлович Потапов. Занимая в Генеральном штабе должность генерал-квартирмейстера, он курировал военную разведку и контрразведку! {49}Факт, который давно уже известен историкам революционных событий 1917 г., но с удивительным упорством игнорируется ими.

* * *

Революционные партии имели «своих людей» и при дворе.

Так, касаясь появления в декабре 1900 г. газеты «Искра», А. И. Спиридович писал: «Одним из основателей ее был Ульянов-Ленин, а деньги на издание первых номеров дал сын члена Государственного совета камер-юнкер Сабуров» {50}. В комментариях к этим воспоминаниям указано, что речь идет о сыне члена Государственного совета А. А. Сабурова, занимавшего в 1880–1881 гг. пост министра народного просвещения {51}.

Обращение к «Адрес-календарю» Российской империи на 1901 г. показывает, что в конце 1900 г., когда это издание готовилось к печати и когда вышел первый номер газеты «Искра», в Государственном совете было два члена с фамилией Сабуров: Андрей и Петр {52}.

Оба являлись сыновьями декабриста Александра Ивановича Сабурова (1799–1880) [53]. Что же касается «Придворного штата его императорского величества» на 1901 г., то в нем значится только одно лицо с такой же фамилией — фрейлина Мария Андреевна Сабурова [54].

Лишь в «Адрес-календаре» на 1902 г. в «Придворном штате» действительно появился сын члена Государственного совета Сабурова, но не Андрея, а Петра Александровича — чиновник особых поручений при министре внутренних дел Александр Петрович, причем появился сразу же в должности церемониймейстера. Никаких других Сабуровых в «Придворном штате его императорского величества» 1900–1905 гг. не значится [55], и только потом в списке придворных чинов в звании камер-юнкера появляется брат А. П. Сабурова Петр [56]. Именно его, вероятнее всего, и имел в виду А. И. Спиридович. Во всяком случае, за свои взгляды в 1906 г. П. П. Сабуров был исключен из общества выпускников Александровского лицея, а затем его фамилия исчезла из списка придворных чинов [57].

О том, что камер-юнкер Сабуров был не единственной «белой вороной» среди придворных чинов, свидетельствуют воспоминания Н. В. Валентинова, который писал, что «средства на вышедшую в 1905 г. после октября „Московскую газету" дал сын одного камергера» [58].

Если фамилия кредитора «Московской газеты» нам неизвестна, а об имени кредитора «Искры» мы можем лишь догадываться, то одно из лиц с придворным званием, оказывавшее материальную поддержку революционному подполью, можно назвать. Это был находившийся в

звании камергера императорского двора граф Анатолий Дмитриевич Нессельроде (1850–1923) {59}.

Правнук перешедшего на русскую службу германского дипломата графа Максимилиана-Юлия-Вильгельма-Карла Нессельроде (1724–1810), внук канцлера Карла Васильевича Нессельроде, пошедшего по стопам отца и с 1817 по 1856 г. занимавшего пост министра иностранных дел, сын гофмейстера императорского двора Дмитрия Карловича Нессельроде (1816–1891) и графини Лидии Арсеньевны Закревской (1826–1884), дочери Арсения Андреевича Закревского (1786–1865), занимавшего в 1828–1831 гг. пост министра внутренних дел {60}, А.Д.Нессельроде родился в 1853 г. В 1872 г. со степенью доктора прав он закончил Гейдельбергский университет, некоторое время находился на службе сначала по ведомству Министерства юстиции, потом по ведомству Министерства финансов. Затем вышел в отставку {61}.

Еще в 1896–1902 гг. он привлек к себе внимание Департамента полиции своими оппозиционными высказываниями и публичными выступлениями. Так, в декабре 1899 г. он обратился к Саратовскому губернскому дворянскому собранию с запиской, в которой ставил вопрос о необходимости дворянству отказаться от узкосословной политики и подводил собрание к идее «чуть не об учреждении Земского собора». По мнению жандармского полковника Иванова, «вышеупомянутая записка [была] составлена не графом, а другими лицами», «по агентурным указаниям, присяжным поверенным Самуилом Еремеевичем Кальмановичем и кандидатом прав из крестьян Смоленской губернии Николаем Ивановым Ракитниковым» [97]{62}. По данным Департамента полиции, относящимся к началу 1906 г., А. Д. Нессельроде являлся

одним из кредиторов партии эсеров [63]. Позднее он демонстративно отказался от придворного звания, а затем и от российского подданства [64].

В близких отношениях с известным адвокатом, лидером фракции трудовиков эсером А. Ф. Керенским находился граф А. А. Орлов-Давыдов, бывший потомком одного из фаворитов Екатерины II, приходившийся двоюродным братом лидеру партии кадетов Павлу Дмитриевичу Долгорукову. В ближайшее окружение графа А. А. Орлова-Давыдова входили князь Д. И. Бебутов, П. М. Макаров, В. А. Маклаков, М. С. Маргулиес, с ним были связаны А. И. Браудо, барон Г. Х. Майдель. Все эти лица принадлежали или же подозревались в принадлежности к масонам [65].

Связи с революционным подпольем имела баронесса Варвара Ивановна Икскуль фон Гилленбанд, дочь генерала от артиллерии Ивана Сергеевича Лутковского и Марии Алексеевны Штериг. В первом браке Варвара Ивановна находилась за камергером, действительным статским советником Николаем Дмитриевичем Глинкой (1838–1884), бывшим генеральным консулом России во Франкфурте-на-Майне, внучатым племянником декабриста Карла Кюхельбекера, во втором браке (с 1874 г.) — за бароном Карлом Петровичем Икскуль фон Гилленбандом (умер 23 ноября 1894 г.) [66]. Квартира баронессы В. И. Икскуль в 1905 г. использовалась для заседаний подпольной организации «Офицерский союз» [67].

Как явствует из воспоминаний, после появления Манифеста 17 октября 1905 г. деятельность бакинской типографии РСДРП «Нина» была остановлена, а ее оборудование и технический персонал перемещены в Москву и

Петербург. По воспоминаниям, в Москве типография была открыта на Лесной улице в доме Юрасовых под видом фруктового магазина, а в Петербурге размещена в Казачьем переулке, в доме № 5, принадлежавшем графу Мусину-Пушкину. Здесь печатались легальные большевистские газеты «Эхо», «Волна», «Девятый вал» {68}. Однако в воспоминания вкралась неточность. В Петербурге было два Казачьих переулка: Большой и Малый. Один из домов, расположенных по Большому Казачьему переулку, действительно принадлежал графу Алексею Алексеевичу Мусину-Пушкину, правда, не дом № 5, а дом № 15 {69}.

Вся либеральная Москва знала салон графини Варвары Николаевны Бобринской. Здесь собиралась земская и городская оппозиция. Здесь родился Союз союзов. Здесь находили «крышу» даже социал-демократы {70}. Варвара Николаевна происходила из известного дворянского рода Львовых. Ее брат Александр находился в браке со светлейшей княжной Салтыковой, сестра которой была замужем за князем Алексеем Дмитриевичем Оболенским, бывшим товарищем министра, а затем обер-прокурором Святейшего Синода. Другой брат В. Н. Бобринской, Николай, снабжавший деньгами «Союз освобождения», а затем вошедший в Партию мирного обновления, дважды как представитель оппозиции получал предложение занять министерское кресло. Третий, Владимир, стал членом Государственной Думы и первым революционным обер-прокурором Святейшего Синода в 1917 г. {71}.

Среди лиц, близких к революционному подполью, следует назвать князя Владимира Владимировича Барятинского, женатого на известной в свое время артистке

Л. Яворской (урожденной Гюббенет). На их квартире в 1905 г. тоже собирался Офицерский союз [72]. Супруги Барятинские были причастны и к деятельности второго Петербургского Совета рабочих депутатов, который после 3 декабря 1905 г. возглавлял немецкий социал-демократ А. Л. Гельфанд, известный под фамилией Парвус. «Собрания Исполнительного комитета, — вспоминал член этого совета В. Аксенов, — происходили в фешенебельных квартирах — помню заседание в квартире Л. Яворской или кн. Барятинской» [73]. Между тем отец В. В. Барятинского был близок к Николаю II и вплоть до своей смерти входил в придворный штат императрицы Марии Федоровны [74].

Как мы знаем, в Горийском уезде находилось боржомское имение великого князя Михаила Николаевича, поэтому даже после его ухода с поста наместника на Кавказе с ним согласовывалось назначение не только боржомского участкового пристава, но и горийского уездного начальника. Появление на этом посту уже упоминавшегося выше Д. И. Бакрадзе свидетельствует, что в Конторе великого князя в данном вопросе по меньшей мере была проявлена близорукость. А когда Особое совещание при МВД приговорило Д. И. Бакрадзе к трем годам ссылки в Тобольскую губернию, в адрес Тифлисского ГЖУ ушел запрос, подписанный помощником заведующего охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту, в котором говорилось: «Судимостью коллежского асессора Бакрадзе интересовался состоящий при е. в. императрице Марии Федоровне гофмейстер высочайшего двора князь Шервашидзе ввиду нахождения родственника Бакрадзе на службе у его сиятельства» [75].

Если бы запрос был вызван беспокойством относительно благонадежности одного из лиц, находящихся на службе у князя Г. Д. Шервашидзе, то помощнику заведующего охранной агентурой управления дворцового коменданта достаточно было просто запросить необходимые сведения о Д. И. Бакрадзе в Департаменте полиции, причем без всяких ссылок на князя Г. Д. Шервашидзе. Запрос же был сформулирован таким образом, чтобы оказать давление на Тифлисское ГЖУ.

14 ноября 1906 г., после смерти дворцового коменданта Д. Ф. Трепова, генеральша А. В. Богданович записала в дневнике: «М-ме Клейгельс говорила, что в бумагах покойного Трепова нашли документы, из которых ясно, что он затевал переворот, что он собирался уничтожить всю царскую семью с царем во главе и на престол посадить великого князя Дмитрия Павловича, а регентшей великую княгиню Елизавету Федоровну» {76}.

По всей видимости, этот слух был связан с арестом 26 марта 1905 г. члена Боевой организации партии эсеров Татьяны Александровны Леонтьевой, которая была дочерью вице-губернатора Якутской области, статского советника Александра Николаевича Леонтьева {77} и находилась в родстве с Д. Ф. Треповым {78}. Именно в 1905 г. Департаментом полиции были получены сведения, будто бы после ареста Т. А. Леонтьевой пытались покончить с собой двоюродная сестра Д. Ф. Трепова и ее замужняя сестра княгиня Тенишева [98]{79}. А поскольку у Д. Ф. Трепова не было двоюродных братьев и сестер, в данном случае речь могла идти только о его племянницах — Софье Александровне Треповой, которая в первом браке находилась замужем за князем Вячесла-

вом Вячеславовичем Тенишевым, и Елене Александровне, бывшей замужем за Леонидом Сергеевичем Лесли [80].

Еще больший интерес для характеристики связей революционного подполья в правящих верхах представляет свидетельство одного из руководителей Боевой технической группы при ЦК РСДРП Н. Е. Буренина, который писал: «До 1906 г. мы пользовались самым широким содействием питерской интеллигенции, <…> крупной буржуазии и аристократии. Мы хранили нашу литературу даже в квартирах видных царских сановников, прокуроров, гвардейских офицеров, вплоть до великих князей» [81].

Святая святых

Казалось бы, самыми недоступными для революционного подполья должны были быть органы политического сыска. Однако и они не были отгорожены от революционного подполья «китайской стеной».

Прежде всего это было связано с тем, что отдельные представители этих органов и революционных партий могли находиться в родственных связях. В этом отношении показательна судьба детей князя Платона Заалович Микеладзе [1], сын которого Александр сделал успешную карьеру и встретил 1917 г. в чине генерал-майора Отдельного корпуса жандармов [2]. Между тем одна его сестра, Наталья, вышла замуж за народника Иосифа Афанасьевича Кикодзе, а их сын Залико умер членом ЦК Коммунистической партии Грузии [3]. Другая сестра генерала А. П. Микеладзе, Мариам, стала женой известного большевика Мамия Орахелашвили, который после установления на Кавказе Советской власти

был секретарем ЦК КП(б) Грузии, председателем Совета народных комиссаров ЗСФСР, секретарем Закавказского крайкома партии [4].

Таким образом, входя в высший эшелон Отдельного корпуса жандармов, А. П. Микеладзе через своих сестер был связан с революционным подпольем и, по всей видимости, когда его родственники оказывались в беде, протягивал им руку помощи. Поэтому, несмотря на свое жандармское прошлое, он не эмигрировал, а когда умер, сообщение о его смерти было опубликовано на страницах газеты «Заря Востока» [5].

Другим каналом связей между революционным подпольем и органами политического сыска были те представители делового мира, которые оказывали материальную поддержку революционным партиям. В качестве примера можно назвать уже упоминавшихся Б. А. Джеваншира и А. И. Манчо [6].

В то же время революционные партии стремились иметь непосредственный выход на органы политического сыска. «Свои люди» в этих органах были и у кавказских большевиков [7]. Одним из них являлся ротмистр Федор Виссарионович Зайцев, занимавший с 1906 по 1910 г. должность помощника начальника Бакинского губернского жандармского управления [8]. Если верить воспоминаниям, он отличался любовью к деньгам, которая была замечена почти сразу же по его приезде в Баку. Уже в начале 1907 г. он начал оказывать бакинским большевикам услуги, связанные с освобождением арестованных или же смягчением им меры наказания. Среди лиц, которым таким образом помог ротмистр Ф. В. Зай-

цев, известны П. А. Джапаридзе, Г. К. Орджоникидзе, С. Г. Шаумян, С.-М. Эфендиев, Якубов [9].

Касаясь ареста актива бакинской большевистской организации в мае 1907 г., Г. К. Орджоникидзе, тоже бывший среди арестованных, отмечал: «Вскоре все наши товарищи были освобождены, кажется, за небольшую сумму, выплаченную нами ротмистру Зайцеву, который весьма охотно брал взятки» [10]. Описывая арест П. А. Джапаридзе осенью 1909 г., его жена писала: «Улик против него (т. е. П. А. Джапаридзе. — *А.О.*) было достаточно, и ему грозила каторга. Но и здесь продажность полицейских душ спасла положение: ротмистр Зайцев, с которым я по поручению партийной организации повела переговоры, согласился избавить А. Джапаридзе от каторги за определенную сумму» [11]. Сотрудничество Ф. В. Зайцева с бакинскими большевиками продолжалось до 21 марта 1910 г., когда он был освобожден от занимаемой должности, а затем 24 апреля отчислен из Отдельного корпуса жандармов [12].

«Свои люди» в органах политического сыска были у революционного подполья и в Тифлисе. Так, 20 декабря 1904 г. начальник Тифлисского охранного отделения Ф. А. Засыпкин поставил Департамент полиции в известность о том, что планировавшиеся на 21 декабря аресты членов местной социал-демократической организации не могут быть произведены, так как не позднее 19-го Тифлисская организация РСДРП получила предупреждение о готовящихся арестах [13].

В этой связи особый интерес представляют показания одного из лидеров партии «Дашнакцутюн», Габриэля Кешишьянца, данные им в 1907 г. Когда он перешел в оппозицию к руководству партии, начавшему переориен-

тацию с борьбы против Турции на борьбу против царского правительства, на него и его сторонников обрушились репрессии как со стороны самой партии, так и со стороны полиции [14].

Объясняя этот факт, Г. Кешишьянц утверждал, что его вчерашние товарищи «подкупили несколько чинов охранного отделения и путем клеветы заставили их обыскивать и арестовывать нас». Оказавшись под двойным огнем, Г. Кешишьянц решил обратиться непосредственно к начальнику Тифлисского охранного отделения ротмистру Федору Савватьевичу Рожанову. Он поставил его в известность о предательстве в рядах «охранников», попросил о защите и изъявил готовность к сотрудничеству [15]. Независимо от того, доверял Ф. С. Рожанов этому предложению или же нет, он должен был пойти на контакт, так как свои услуги предлагал один из недавних лидеров революционной партии. Если его нельзя было использовать как секретного сотрудника, то он, безусловно, мог быть полезен для охранки как источник информации о руководстве партии, о ее органах и связях, особенно среди армянской буржуазии.

Однако и к сообщению об измене в стенах охранки, и к предложению о сотрудничестве Ф. С. Рожанов отнесся с полным безразличием. Более того, отмечал Г. Кешишьянц, «...обыски и аресты среди нас не прекращались, несмотря на то что мы уже имели знакомство с начальником охранного отделения Рожановым. Мы по этому поводу не находили нужным (снова. — *А.О.*) обратиться к Рожанову, [так] как наше первое же свидание с ним уже известно было нашим противникам, поэтому мы больше не могли довериться на охранное отделение с того времени, как мы узнали, что связи наших противников

с охранным отделением прочнее и основательнее, чем наши» {16}.

Таким образом, мы видим, что в борьбе друг с другом противоборствующие стороны внутри партии «Дашнакцутюн» пытались использовать Тифлисское охранное отделение, входя с ним в непосредственный контакт. А охранное отделение не только считало возможным делиться с одной из этих противоборствующих сторон имевшейся у него оперативной информацией, но и предпочитало оказать поддержку той стороне, которая представляла для царского правительства наибольшую угрозу.

Г. Кешишьянц был не единственным, от услуг в сотрудничестве с кем Ф. С. Рожанов отказался. 8 февраля 1907 г. В. А. Бабушкин сообщил директору Департамента полиции М. И. Трусевичу: «В конце ноября минувшего года в Тифлисе чинами местного охранного отделения был задержан и передан в распоряжение Тифлисского комендантского управления главарь одной из так называемых „красных сотен", оперировавших в Гурии, Арсений Давидов Корсидзе, обвиняемый в грабеже Квирильского казначейства и в убийстве нескольких должностных лиц». Находясь под стражей, он «ротмистру Рожанову выразил желание дать откровенные показания на свои связи с революционными организациями и содействовать розыску и задержанию виновников главнейших террористических и экспроприаторских преступлений минувшего года, но при обязательном условии своего освобождения» {17}.

Фамилия А. Д. Корсидзе уже известна нам по делу о Тифлисской экспроприации. Именно благодаря ему удалось установить личность Камо. Предложение А. Корсид-

зе открывало возможность его вербовки в качестве секретного сотрудника. Казалось бы, Ф. С. Рожанов должен был дать ему все возможные гарантии, чтобы А. Д. Корсидзе заговорил. Однако он передал его своему помощнику Л. П. Раковскому [18], после чего А. Корсидзе замолчал более чем на год. Только весной 1908 г., когда в Тифлисе уже не было ни Л. П. Раковского, ни Ф. С. Рожанова, он стал давать откровенные показания.

Деятельность Ф. С. Рожанова привлекла к себе внимание его начальства, началось расследование его действий, и в декабре 1906 г. ему было приказано сдать охранное отделение ротмистру А. И. Ангилееву. Но тот отказался сделать это из-за нарушений в финансовой документации [19]. Признавая данный факт, его непосредственный начальник полковник В. А. Бабушкин 10 марта 1907 г. вынужден был констатировать не только финансовые нарушения, но и развал агентурной работы [20].

«Когда ротмистр Рожанов был отчислен от должности, — читаем мы в одном изрообщений с Кавказа, — вновь назначенный начальник отделения ротмистр Ангилеев затруднялся принять денежные дела ввиду крупного дефицита. Заведующий Особым отделом по полицейской части Канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе полковник Бабушкин, не желая давать делу законный ход, покрыл растрату т свободных сумм вверенного ему отдела» [21].

Из доклада 1907 г. о положении политического розыска на Кавказе: «Начальник Тифлисского охранного отделения Рожанов губил агентуру, провали[ва]л сотрудников, свел на нет наружное наблюдение, обращался в высшей степени небрежно с находившимися в [его] рас-

поряжении суммами, допускал такие деяния в стенах Отделения, которые обыкновенно преследуются уголовными законами Империи; штаты наполнял крайне неразвитыми и чуждыми элементами из подонков общества, которые брали взятки, фабриковали депозитки, торговали конфискованным оружием и произвольно совершали аресты» {22}.

Из числа этих «чуждых элементов» в докладе были названы «полицейский надзиратель прапорщик Лоладзе», который, пользуясь своим положением, «обложил всех торговцев Армянского базара правильным налогом» {23}, а также «бывший служащий бакинской полиции Рогачев, разыскиваемый ею за кражу казенной печати и подделывание паспортных бланков», который «в течение долгого времени находился на службе при охранном отделении в качестве полицейского надзирателя» {24}. К этому можно добавить «переводчика и журналиста» Тифлисского охранного отделения Василия Тироева, который был арестован 21 марта 1908 г. [99] «вследствие полученных агентурных сведений, подтвердивших установленным за ним наблюдением», что он «выдавал сведения отделения местной организации социалистов» {25}.

Под стать Ф. С. Рожанову был и его заместитель Л. П. Раковский. Под этой фамилией скрывался одесский мещанин Пинхус Янкелевич Лернер, который 20 июля 1900 г. как член Одесской организации РСДРП был зачислен секретным сотрудником в штат Херсонского ГЖУ. В марте 1903 г. он вынужден был перебраться в Кишинев и здесь по паспорту Михаила Львовича Финкельманса стал секретным сотрудником Бессарабского охранного отделения. После провала осенью того же года уехал в Петер-

бург и в ноябре под видом корреспондента Леонида Петровича Раковского был командирован на Кавказ. Затем некоторое время состоял в штате Варшавского охранного отделения, а в мае 1905 г. получил место в Канцелярии заведующего полицией на Кавказе [26], которую возглавил М. И. Гурович, сам начинавший карьеру в роли провокатора [27].

18 мая 1905 г. Л. П. Раковского прикомандировали для заведования агентурой к Бакинскому ГЖУ, в ноябре он возглавил Бакинский охранный пункт, через некоторое время получил командировку в Елисаветполь, откуда вернулся в январе 1906 г. 19 августа 1906 г. начальник Бакинского ГЖУ полковник Глоба направил директору Департамента полиции письмо, в котором обвинил Л. П. Раковского в провокации и пособничестве революционерам. После этого Л. П. Раковский был освобожден от занимаемой должности, из Баку переведен в Тифлис и здесь стал помощником начальника охранного отделения [28].

Не все благополучно обстояло и в Тифлисском ГЖУ, начальник которого с 1908 г. одновременно являлся начальником Кавказского районного охранного отделения. 15 апреля 1908 г. Тифлисское ГЖУ совершенно секретно разослало в губернские жандармские управления и охранные отделения приглашение на совещание для обсуждения вопросов, связанных с состоянием розыскной работы на Кавказе [29]. Прошло некоторое время, и не позднее 28 мая 1908 г. об открытии такого совещания сообщил читателям «Тифлисский листок» [30].

18 февраля 1909 г. начальник Бакинского ГЖУ генерал-майор Козинцев направил в Департамент полиции письмо, в котором говорилось: «Сего числа ко мне явил-

ся раненый Жариков (бывший секретный сотрудник Бакинского охранного отделения Михаил Жариков, агентурная кличка Максим, с 1907 г. находившийся в Тифлисе. — *А.О.*) и доложил, что деятельность его разоблачена тифлисской партией эсдеков, находящейся в тесной связи с Тифлисским районным охранным отделением, от которого получает все сведения» {31}.

Ознакомившись с этим письмом, Департамент полиции обратился с соответствующим запросом к начальнику Кавказского районного охранного отделения А. М. Еремину, и тот 15 марта 1909 г. сообщил, что «спрошенный» им ротмистр А. В. Караулов, возглавлявший Тифлисское охранное отделение, «заявил, что Жариков Максим личность ему совершенно неизвестная и услугами его он никогда не пользовался» {32}.

Но, во-первых, в заявлении М. Жарикова речь шла не о Тифлисском охранном отделении, а о Кавказском районном охранном отделении, которое возглавлял А. М. Еремин. Поэтому ответ на запрос Департамента полиции должен был дать он сам, а не ротмистр Караулов. Во-вторых, даже если бы М. Жариков был агентом Тифлисского охранного отделения, то он, вероятнее всего, проживал бы не под своей фамилией и уж никак не мог иметь в Тифлисе агентурную кличку Максим, поскольку это была кличка, под которой он сотрудничал в Бакинском охранном отделении.

Невероятно, чтобы полковника. М. Еремин не понимал этого. А значит, он сознательно дезинформировал Департамент полиции и тем самым нейтрализовал заявление М. Жарикова. Такая позиция могла быть вызвана только одним — обоснованностью обвинений последнего. Стремился ли А. М. Еремин спасти честь мундира и за

спиной Департамента полиции самостоятельно выявить измену в стенах возглавляемого им учреждения или же он сам был причастен к ней, пока можно лишь предполагать.

Здесь следует отметить, что Г. Кешишьянц предлагал свои услуги не только Тифлисскому охранному отделению. «Я, — вспоминал Г. Кешишьянц, — нашел одного служащего в канцелярии наместника Джумшита Гегамова, которому высказал свое намерение». Однако его предложение принято не было. «...Через две недели, — отмечал Г. Кешишьянц, — выяснилось, что Гегамов [встречался со мной] только из пустого любопытства узнать, что происходит в партии „Дашнакцутюн“» {33}.

Обращение к «Адрес-календарю» Российской империи на 1906 г. показывает, что в этом году в канцелярии наместника был единственный чиновник, которого звали Джумшит, но который имел фамилию Кегамов. По всей видимости, именно его и имел в виду Г. Кешишьянц. Однако губернский секретарь Джумшит Васильевич Кегамов [100]был не простым чиновником, а чиновником для поручений при Канцелярии заведующего полицией на Кавказе, которую возглавлял М. И. Гурович {34}.

Идя на контакт с Г. Кешишьянцем, Д. В. Кегамов не мог не поставить в известность об этом свое начальство и не получить его разрешения на подобную встречу. Но в таком случае он обязан был проинформировать М. И. Гуровича о ее результатах. И его отказ от использования услуг Г. Кешишьянца означал отказ или управляющего канцелярией, или же заведующего полицией.

О том, что здесь мы имеем дело не с ошибками, а с определенной политикой, свидетельствует тот факт, что

из 100 тыс. руб., отпущенных в 1905 г. в распоряжение генерала Е. Н. Ширинкина на «секретные нужды», было израсходовано всего лишь 62 тыс. [35] Это можно было бы понять, если бы в 1905 г. по сравнению с 1904 г. революционное движение пошло на спад. Однако на протяжении этого года революционное движение развивалось по нарастающей линии. Жандармские управления, охранные отделения и розыскные пункты буквально задыхались от нехватки материальных средств, между тем отпущенные в распоряжение заведующего полицией на Кавказе суммы были использованы только на 60 %. Это не оставляет сомнений в том, что кто-то на довольно высоком уровне сознательно саботировал розыскную работу на Кавказе.

* * *

Подобными связями революционное подполье располагало и за пределами Кавказа.

Известно, что в 1904–1905 гг. эсеры имели «своего человека» в Саратовском охранном отделении [36]. Нам, вспоминал большевик Н. Е. Буренин, «удалось установить связь с крупным чиновником из финляндской полиции, через которого проходили дела нашей охранки. Связь эта дала нам возможность заранее знать, откуда идет опасность и какого она рода. Этот человек вовремя предупреждал нас и спас жизнь многим из наших товарищей» [37]. В 1905 г. эсеры получили сведения о связях Азефа и Татарова с Департаментом полиции, по одним данным, из его собственных стен, по другим — из Петербургского охранного отделения [38]. Имеются сведения, что из этого же отделения эсеры получали информацию и позднее [39].

О том, что внедрение революционным подпольем «своих людей» в органы политического сыска представляло собой распространенное явление, свидетельствует специальный циркуляр Департамента полиции от 25 января 1910 г. за № 125051:

«В Департамент полиции поступают сведения, указывающие на то, что в целях обнаружения секретных сотрудников, а равно в видах разоблачения последних и прекращения таким образом их дальнейшей деятельности, в розыскные учреждения стремятся проникнуть в качестве служащих или члены преступных организаций, или их знакомые, хотя еще не скомпрометированные в политическом отношении, но поставившие своей целью доставлять членам преступных организаций сведения о сотрудниках, а также о положении розыска и таким образом препятствовать агентурному освещению революционных сообществ и их деятельности.

Предупреждая о возможности проникновения таковых лиц во вверенное Вам розыскное учреждение, Департамент полиции просит Вас, милостивый государь, отнестись с особой осторожностью и выбором к вновь поступающим в ваше распоряжение служащим, а равно сосредоточить свое внимание и на недавно принятых Вами на службу лицах, в случае обнаружения поползновений на предательство с их стороны, отнестись к ним со всей допускаемой законом строгостью» {40}.

Ранее уже отмечалось, что покинувший в 1907 г. пост начальника Тифлисского охранного отделения ротмистр Ф. С. Рожанов фактически развалил существовавшую до этого в Тифлисе внутреннюю агентуру. И хотя данный факт был известен Департаменту полиции, из Тифлиса Ф. С. Рожанов был переведен в Харьков, а затем

в Департамент полиции. Здесь ему было доверено заниматься историей революционного движения и масонства в России, что предполагало его допуск к архиву этого учреждения [41].

О том, что измена проникла даже в стены этого высшего органа политического сыска дореволюционной России, со всей очевидностью свидетельствует деятельность Владимира Львовича Бурцева, которому еще до революции удалось разоблачить не один десяток провокаторов, работавших в самых разных политических партиях [42]. Характеризуя его деятельность, бывший жандармский генерал А. И. Спиридович писал, что «средства розыска», которыми пользовался В. Л. Бурцев, «были те же, что и у ненавистного ему Департамента полиции, т. е. внутренняя агентура, которую он вербовал среди чиновников правительства, и филерство, которое осуществлялось в нужных случаях членами революционных партий» [43].

Как позднее признавался сам В. Л. Бурцев, одним из источников его успеха действительно была та информация, которую он получал из органов политического сыска [44]. В 1910 г. в Департамент полиции поступили сведения о том, что «один из чинов полиции недавно передал [В. Л. Бурцеву] список 81 провокатора» [45]. Имя одного из своих информаторов В. Л. Бурцев назвал — это бывший секретный сотрудник Варшавского охранного отделения М. Е. Бакай, перешедший затем на службу в Департамент полиции [46].

«В 1906–1907 гг. кроме Бакая, — писал В. Л. Бурцев, — я поддерживал связи и с другими лицами из мира охранки, которые тоже давали мне сведения» [47], в частности, имел «четыре серьезных источника для по-

лучения сведений уз Департамента полиции» {48}. Кроме М. Е. Бакая это могли быть И. Ф. Манусевич-Мануйлов, Л. П. Меньшиков и Л. П. Раковский {49}. Их фамилии нам известны, потому что они «засветились» и вынуждены были покинуть Департамент полиции.

Фамилию еще одного своего осведомителя В. Л. Бурцев не назвал даже в эмиграции, отметив лишь: «В это время я имел сношения с одним чиновником Департамента полиции, имевшим отношение к его архиву. За очень скромное вознаграждение через общего нашего знакомого Н. он доставлял мне из этого архива целые томы секретных документов — по 800 страниц in folio. Я пересмотрел таким образом до 20 больших томов, не считая мелких» {50}.

О том, что после разоблачения М. Е. Бакая, Л. Меньшикова и Л. П. Раковского у В. Л. Бурцева продолжала существовать связь с Департаментом полиции, свидетельствует письмо, с которым 30 октября 1911 г. он обратился к В. А. Маклакову: «Мне очень нужны сведения: 1) по делу Бродского, 2) Селезнева, 3) Вейсмана, 4) Яголковского (прошу о нем навести справки — год, два), 5) Андрианова. Очень прошу вызвать К. и попросить его ответить насчет документов, которые я просил его в последний раз: очень мне нужно, нужно спешить» {51}.

Все перечисленные в этом письме фамилии — фамилии провокаторов, а К. — это, видимо, уже упоминавшийся ранее в связи с характеристикой графа А. Д. Нессельроде известный присяжный поверенный С. Е. Кальманович, перебравшийся из Саратова в Петербург и проживавший здесь на Ивановской улице (д. 14, кв. 8) по паспорту, выданному Саратовским городским полицейским

управлением 6 октября 1906 г. {52}Самуил Еремеевич, о котором позднее В. А. Маклаков писал «мой старый друг С. Е. Кальманович» {53}, в 1906 г. принимал активное участие в попытке срыва переговоров между Россией и Францией о займе {54}, а в 1908 г. — в разоблачении Е. Ф. Азефа {55}.

Усилия Департамента полиции, направленные на установление источника информации В. Л. Бурцева, привели к тому, что под подозрением оказался Николай Михайлович Масалов, бывший чиновником Департамента полиции с 1 июля 1900 по 6 июня 1909 г. {56}8 января 1910 г. начальник Самарского ГЖУ сообщил в Департамент полиции, что, по имеющимся у него данным, «все сведения из Департамента полиции революционным организациям передаются через некоего Николая Федоровича Анненкова, имеющего среди чинов Департамента полиции связи» {57}. 11 февраля 1910 г. начальник Самарского ГЖУ сообщил дополнительно, что служащий «в Министерстве земледелия и государственных имуществ Тейтель, брат члена Саратовского окружного суда Якова Львовича Тейтеля, хорошо знаком с известным революционером Бурцевым и со многими чинами Департамента полиции и что революционные партии от Тейтеля получают необходимые для своего интереса сведения» {58}.

29 мая 1910 г. помощник начальника Петербургского охранного отделения В. Еленский направил в Департамент полиции донесение, в котором говорилось: «Моя агентура дала интересные сведения, а именно: чиновник Департамента полиции Власов, занимающийся по вольному найму за плату от 100 до 50 руб., дает Бурцеву и Бакаю различные справки из архива Департамента по-

лиции. Так, в прошлом году он дал материал для напечатания Бурцевым в № 2 „Общего дела", что действительный сотрудник отделения Комиссаров является провокатором. В настоящее время агентура была у Святловского, который свел ее с преподавателем Пажеского корпуса и Сельскохозяйственных курсов капитаном инженерных войск Константином Дмитриевым. Причем Дмитриев познакомил ее, агентуру, непосредственно с Власовым на квартире Кальмановича. Тот же Дмитриев в прошлом году советовал старосте Сельскохозяйственных курсов, что надо сторониться Комиссарова, так как он, безусловно, провокатор, и только после этого появилась статья Бурцева в „Общем деле". Дмитриев говорит, что Власов имеет помощника в архиве, который и дает ему справки. Таким образом, моя агентура подошла очень близко, и дальнейшее зависит от Вас. Ликвидация немедленная невозможна, поведет к провалу, так как благодаря филеру (Лейтису) агентура в течение 1/2 года была под подозрением и лишь теперь немного оправилась» {59}.

Утечка информации из стен Департамента полиции продолжалась почти до самого падения царского режима. 3 октября 1916 г. начальник Московского охранного отделения информировал Департамент полиции: «По полученным мною сведениям, бывший недавно в Москве известный А. И. Коновалов вручил члену Государственной Думы А. Ф. Керенскому 5000 руб. для использования в целях получения из Департамента полиции секретных докладов и донесений о деятельности общественных организаций в империи» {60}.

Коррупция проникла в самые высшие этажи Департамента полиции.

30 ноября 1904 г. для многих совершенно неожиданно был освобожден от занимаемой должности и отправлен в отставку без мундира и пенсии секретарь директора Департамента полиции Василий Сергеевич Зыбин. Причина этой отставки была связана с обвинением В. С. Зыбина во взяточничестве, выдвинутым Симоном Вейсманом и Вигдором Померанцем. Обвинители заявили, что В. С. Зыбин получил от них золотую цепь и браслет стоимостью 2800 франков, а также через них от барона Гинцбурга для передачи вице-директору Департамента полиции Н. П. Зуеву и действительному статскому советнику Кузнецову 10 тыс. руб. Кроме того, С. Вейсман утверждал, что при личной встрече В. С. Зыбина с Гинцбургом первый получил лично 350 руб. В. С. Зыбин пытался защищаться, но его объяснения не были признаны убедительными, и он был изгнан из Департамента полиции. Показательно, что когда впоследствии С. Вейсман был обвинен в связях с австрийской разведкой и, используя это обстоятельство, В. С. Зыбин попытался добиться пересмотра своего дела, он получил отрицательный ответ {61}.

Ранее уже отмечалось, что отправленный в 1903 г. в отставку с поста министра финансов С. Ю. Витте готов был физически устранить Николая II. С подобным предложением он обратился не к кому-нибудь, а к самому директору Департамента полиции, пост которого тогда занимал А. А. Лопухин. Уже сам факт подобного обращения говорит о многом. Очевидно, и как подданный, и, тем более, как руководитель политического сыска России, непосредственно отвечающий за безопасность императора, А. А. Лопухин обязан был поставить в известность о полученном им предложении министра внутренних дел В. К. Плеве, а через него Николая II. Однако если верить А. А.

Лопухину, хотя он и отверг предложение С. Ю. Витте, но разговор с ним сохранил в полной тайне.

Данный факт достаточно красноречив, особенно если учесть, что произошедшие вскоре после этого убийства В. К. Плеве и великого князя Сергея Александровича были осуществлены под руководством секретного сотрудника Департамента полиции Е. Ф. Азефа [62]. Известно также, что один из организаторов кровавой трагедии 9 января 1905 г. на улицах столицы, священник Георгий Гапон, тоже имел контакты с Департаментом полиции [63]. И хотя три этих факта до сих пор остаются плохо изученными, есть основания подозревать, что А. А. Лопухин имел к ним если не прямое, то опосредованное отношение. Позднее, уже находясь в отставке, он изъявил готовность вступить в партию кадетов и возглавить внутри нее партийную разведку и контрразведку, а затем, когда это предложение не было принято, нарушив свои обязательства как руководителя политического сыска, содействовал разоблачению Е. Ф. Азефа [64]. После 1917 г. А. А. Лопухин остался в Советской России и в середине 20-х гг. получил возможность уехать за границу [65].

Его преемником на посту директора Департамента полиции стал бывший тифлисский прокурор Сергей Григорьевич Коваленский [66]. Этот пост он занимал с 6 марта по 29 июня 1905 г. [67]Самое крупное, что ему удалось сделать за столь короткое время, это «торпедировать» деятельность заграничного агента Департамента полиции И. Ф. Манусевича-Мануйлова, направленную на выявление связей между японским разведчиком Акаши (другое написание — Акаси) и революционными организациями в России [68]. После

отставки С. Г. Коваленского с поста директора Департамента полиции И. Ф. Манусевич-Мануйлов был реабилитирован, а его донесения, разоблачавшие Акаши, изданы в брошюре под названием «Изнанка революции» {69}. Сейчас факт финансирования революционного движения в России японскими дипломатами признан и в нашей стране, и за рубежом {70}.

Специального внимания заслуживает брат Н. Ф. Джунковского Владимир Федорович. С 1905 по 1913 г. он занимал пост московского губернатора, в 1913–1915 гг. был товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов. Имеются сведения, что он не брезговал взятками и содействовал облегчению участи некоторых арестованных, а оставшись в Советской России, оказывал ВЧК — О ГПУ услуги в качестве консультанта {71}.

Таким образом, революционное подполье имело «своих людей» на всех этажах власти, начиная с уезда и кончая столицей, вплоть до императорского двора и Департамента полиции. В самом этом факте, если рассматривать правительство и революционное подполье как две враждебные армии, нет ничего необычного. Более важным является другое. Есть основания думать, что пореформенная эпоха характеризовалась постепенным расширением круга чиновников и офицеров, которые тем или иным образом были связаны с либеральной оппозицией и революционным подпольем или же сочувствовали им. А это означало постепенное, мирное и незаметное завоевание государственного аппарата антиправительственными силами, что вело не только к утрате эффективности выполнения им своих функций, но и к тому, что он становился способным действовать вопреки инте-

ресам тех социальных сил, которые стояли во главе государства.

Разумеется, имея в государственном аппарате «своих людей», революционные партии не могли парализовать его карательную деятельность в отношении всех своих членов, но у них была возможность делать это в отношении тех из них, кто играл в революционном подполье наиболее важную роль.

Что же представлял собой в этом отношении И. В. Сталин?

ПРИМЕЧАНИЯ

На нижних этажах власти

[1]Отчет о ревизии сенатора Кузьминского Баку и Бакинской губернии в 1905 г. В РГИА 1535. Оп. 1. Д. 1.

[2]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 5–3. Л. 16 об.

[3]Родственные связи первой жены И. В. Сталина (беседа с Р. М. Монаселидзе). Публикацию подготовил А. В. Островский // Из глубины времен. Вып. 7. СПб., 1996. С. 192–193.

[4]КФ ГИАГ. Ф. 8. Оп. 2. Д. 12. Л. 6 (формулярный список 12 июня 1900 т.).

[5]Там же; Кавказский календарь на 1900 г. С. 155; …на 1901 г. С. 141; …на 1902 г. С. 159; …на 1903 г. С. 169; …на 1904 г. С. 160; …на 1905 г. С. 160; …на 1906 г. С. 121.

[6]Кавказский календарь на 1907 г. С. 158.

[7]Кавказский календарь на 1908 г. С. 149; …на 1909 г. С. 572.

[8]Родственные связи первой жены И. В. Сталина (беседа с Р. М. Монаселидзе). С. 192–193; Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 260.

[9]Там же. С. 193.

[10]Кавказский календарь на 1905 г. С. 170; …на 1906 г. С. 119.

[11]Кавказский календарь на 1907 г. С. 147.

[12]Там же. С. 150.

[13]ГИАГ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 8. Л. 30–31.

[14]Кавказский календарь на 1905 г. С. 171; …на 1906 г. С. 121–122; …на 1908 г. С. 151; …на 1909 г. С. 603; …на 1910 г. С. 647; …на 1911 г. С. 165; …на 1912 г. С. 177; …на 1913 г. С. 188; …на 1915 г. С. 204.

[15]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 637. Л. 332–334.

[16]Кавказский календарь на 1900 г. С. 155; …на 1902 г. С. 157; …на 1903 г. С. 155; …на 1904 г. С. 171; …на 1905 г. С. 171; …на 1906 г. С. 121; …на 1907 г. С. 150.

[17]Кавказский календарь на 1905 г. С. 170; на 1906 г. С. 121; ГАРФ. Ф. 102. 00. 1907. Д. 637. Л. 332–334.

[18]Кавказский календарь на 1908 г. С. 149; …на 1909 г. С. 537; …на 1910 г. С. 577; …на 1911 г. С. 165; …на 1912 г. С. 175; …на 1913 г. С. 185; …на 1914 г. С. 191; …на 1915 г. С. 201; …на 1916 г. С. 216:…на 1917 г. С. 258.

[19]ГАРФ. Ф. 102. 1Д. 1903. Д. 800–73. Л. 21.

[20]Кавказский календарь на 1900 г. Тифлис, 1899. С. 129; …на 1902 г. С. 134; …на 1903 г. С. 137; …на 1904 г. С. 143; …на 1905 г. С. 143.

[21]Кавказский календарь на 1906 г. С. 167; …на 1908 г. С. 160; …на 1909 г. С. 609.

[22]Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 139.

[23]*Орджоникидзе З.*Путь большевика. М., 1967. С. 33–34, 44–45, 55.

[24]Заря Востока. 1923. 10 янв.

[25]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1388. Л. 12 (литера Б); Новое обозрение. 1900. 3 дек.; Тифлисский листок. 1900. 8 дек.

[26]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1387. Л. 279–280.

[27]Там же. Л. 281; ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1907. Д. 3248. Л. 24 (литера Б.).

[28]Там же. Л. 10, 22; ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1387. Л. 278.

[29]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1913. Д. 7. Л. 274–279.

[30]Там же.

[31]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1387. Л. 277.

[32]Там же. Л. 18.

[33]Там же. Л. 12/2–12/2 об.; Д. 1388. Л. 28–29.

[34]Кавказский календарь на 1900 г. С. 132–133; …на 1903 г. С. 141.

[35]Кавказский календарь на 1900 г. С. 131; …на 1902 г. С. 137; …на 1903 г. С. 141; …на 1904 г. С. 147.

[36]Кавказский календарь на 1905 г. С. 147.

[37]Кавказский календарь на 1906 г. С. 106.

[38]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1387. Л. 28–29, 193.

[39]Там же. Л. 193.

[40]Там же.

[41]Там же.

[42]Там же. Л. 165/2.

[43]РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2341. Л. 10–11.

[44]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1387. Л. 283, 284; Д. 1388. Л. 11, 109, 164.

[45]Там же. Л. 199–202.

[46]Там же. Л. 178–178 об.

[47]Там же. Л. 206.

[48]Там же. Л. 221.

[49]Кавказский календарь на 1896 г. С. 131; …на 1897 г. С. 140; …на 1899 г. С. 151; …на 1900 г. С. 163; …на 1901 г. С. 164; …на 1902 г. С. 164; …на 1903 г. С. 168; …на 1904 г. С. 174; …на 1905 г. С. 172; …на 1906 г. С. 123; …на 1907 г. С. 152; …на 1907 г. С. 152; …на 1908 г. С. 153; …на 1909 г. С. 588; …на 1910 г. С. 631; …на 1911 г. С. 170; …на 1912 г. С. 181; …на 1913 г. С. 191; …на 1914 г. С. 196; …на 1915 г. С. 207.

[50]Кавказский календарь на 1903 г. С. 172.; …на 1904 г. С. 248; …на 1905 г. С. 249; …на 1906 г. С. 166; …на 1907 г. С. 111; …на 1908 г. С. 113; …на 1909 г. С.

292; …на 1910 г. С. 324; …на 1911 г. С. 111; …на 1912 г. С. 119; …на 1913 г. С. 124; …на 1914 г. 130; …на 1915 г. С. 141; …на 1916 г. С. 155; ГАРФ. Ф. 102.7Д. 1909. Д. 1660. Л. 272.

[51]Кавказский календарь на 1901 г. С. 163; …на 1902 г. С. 163; …на 1903 г. С. 166; …на 1904 г. С. 172; …на 1905 г. С. 172; …на 1906 г. С. 122; …на 1907 г. С. 151; …на 1908 г. С. 152; …на 1909 г. С. 538; …на 1910 г. С. 578; …на 1911 г. С. 169; Возрождение. 1920. 4 марта; Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 1. М., 1994. С. 32.

[52]Черноморский вестник. 1903. 16 янв.

[53]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1894. Д. 36. Л. 1–6.

[54]*Новиков А. И.*Записки городского головы. СПб., 1906. С. 12.

[55]Последние новости. 1925. 30 апр.

[56]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1904. Д. 3572. Ч. 1. Л. 1–2.

[57]*Чернов В. М.*Записки социалиста-революционера, Кн. 1. Баку; Пг.; М., 1922. С. 252–256.

[58]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1903. Д. 1372. Л. 38.

[59]*Джабар М.*35-летие Тифлисской городской думы // Тифлисский листок. 1909. 30 дек.

[60]Там же.

[61]Памяти тифлисского городского головы князя Василия Николаевича Черкезова. Скончался 14 июля 1910 г. // Известия Тифлисской городской думы. 1910. № 7/8. С. 1–59 (имеется отд. оттиск: Тифлис, 1910).

[62]Мемуары А. И. Хатисова // Заря Востока. 1925. 4 янв.

[63]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 2. Д. 260. Л. 5, 69.

[64]Там же. Ф. 95. Оп. 1. Д. 30. Л. 49.

[65]*Спандарян С. С.*Статьи, письма, документы. М., 1982. С. 291.

[66]Мемуары А. И. Хатисова // Заря Востока. 1925. 4 янв.

[67]Кавказский календарь на 1910 г. С. 62; …на 1911 г. С. 93.

[68]Кавказский календарь на 1911. С. 93; …на 1912 г. С. 94; …на 1913 г. С. 97; …на 1914 г. С. 101, 107–108; …на 1915 г. С. 119; …на 1916 г. С. 127–128; …на 1917 г. С. 150.

[69]См. библиографический справочник «Деятели революционного движения в России».

[70]Кавказский календарь на 1894–1908 гг. Тифлис, 1894–1908.

[71]Кавказский календарь на 1909 г. С. 61; …на 1911 г. С. 93; …на 1912 г. С. 100; …на 1913 г. С. 103; …на 1914 г. С. 107; ГАРФ. Ф. 102. 00. 1908. Д. 14–1. Л. 36.

[72]Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909. С. 62; …на 1913 г. С. 97; …на 1914 г. С. 101; …на 1915 г. С. 113; …на 1916 г. С. 127; …на 1917 г. С. 150.

[73]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1908. Д. 14–1. Л. 52.

[74]Там же.

[75]ГАРФ. Ф. 102. 1Д. 1903. Д. 800–73. Л. 28.

[76]Там же. Д. 800–73. Л. 18; Кавказский календарь на 1908 г. С. 177; …на 1909 г. С. 53; …на 1910 г. С. 54; …на 1913 г, С. 93; …на 1914 г. С. 97; …на 1915 г. С. 109; …на 1916 г. С. 124; …на 1917 г. С. 146.

[77]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 181. Л. 6–6 об. (автобиография Б. Бибинейшвили).

[78]Кавказский календарь на 1906 г. С. 119.

[79]Кавказский календарь на 1905 г. С. 171; …на 1906 г. С. 121.

[80]Кавказский календарь на 1906 г. С. 246; …на 1907 г. С. 362; ГИАГ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 82. Л. 23, 144.

[81]Кавказский календарь на 1907 г. С. 150.

[82]Кавказский календарь на 1908 г. С. 149.

[83]Кавказский календарь на 1909 г. С. 537; …на 1910 г. С. 577; …на 1911 г. С. 168; …на 1912 г. С. 178; …на 1913 г. С. 188; …на 1914 г. С. 194. В 1915–1916 гг. мы видим его на посту начальника Рачинского уезда (Кавказский календарь на 1915 г. С. 203; …на 1916 г. С. 217).

[84]Кавказский календарь на 1909 г. С. 603; …на 1910 г. С. 647; …на 1911 г. С. 165; …на 1912 г. С. 177; …на 1913 г. С. 188; …на 1914 г. С. 193; …на 1915 г. С. 204; …на 1916 г. С. 219; …на 1917 г. С. 261.

В губернских канцеляриях

[1]*Киквидзе А. Я.*Тифлисская духовная семинария и национально-освободительное движение в Грузии // Труды Тбилисского государственного университета. Т. XXXIV. 1948.

[2] *Чаадаева О.* Стачка рабочих железнодорожных мастерских в Тифлисе (1900 г.) // Красный архив. 1939. Т. 3 (94). С. 53.

[3] *Затерянный Г. А.* Кавказский бунт (отрывки из воспоминаний о 1905 г.) // Исторический вестник. 1910. № 5. С. 511.

[4] ГАРФ, Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 40. Л. 52.

[5] ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 213. Л. 126.

[6] ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1908. Д. 355. Л. 5–5 об.

[7] Кавказский запрос в Государственной Думе. Тифлис, 1909. С. 268.

[8] ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1908. Д. 355. Л. 11.

[9] Кавказский календарь на 1905 г. С. 316.

[10] ГИАГ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 80. Л. 5.

[11] Там же. Л. 5–5 об.; Кавказский календарь на 1905 г. С. 80–81.

[12] РГИА. Ф. 1405. Оп. 537. Д. 32. Л. 1.

[13] Там же. Л. 2, 4; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2162. Л. 65.

[14] РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. Д. 13443. Л. 53–53 об.

[15] Там же. Л. 219; Весь Петербург на 1909 г. СПб., 1908. С. 564.

[16] ГИАА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 274. Л. 40.

[17] Там же. Л. 42.

[18] Баку и его район. Баку, 1907.

[19]ГИАА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 274.

[20]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1907. Д. 3202. Л. 9.

[21]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 35. Л. 47 (И. П. Надирадзе).

[22]Гори. д. 424. Л. 7 (И. П. Надирадзе).

[23]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 135. Л. 3.

[24]ИПП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 7. Л. 78.

[25]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 213. Л. 227 об. (И. П. Вацек).

[26]ГФ ИМЛ. Ф. 8. ОП. 2. Ч. 1. Д. 16. Л. 293 (Е. А. Есаянц).

[27]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 213. Л. 227 об. (И. П. Вацек).

[28]Гори. Д. 49. Л. 18.

[29]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 35. Л. 47–48 (И. П. Надирадзе).

[30]Закавказье. Тифлис, 1909. 26 мая.

[31]ИПП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 7. Л. 79.

[32]*Пекарский Э. К.*Отрывки из воспоминаний // Каторга и ссылка. 1924. Кн. 4(11). С. 79–99.

[33]Гори. Д. 93/3. Л. 16 (М. З. Гурешидзе).

[34]Кавказский календарь на 1903 г. С. 77; …на 1904 г. С. 84.

[35]Там же; …на 1905 г. С. 80; …на 1906 г. С. 62.

[36]*Зедгенидзе Э.*Алеша Джапаридзе. М., 1974. С. 41.

[37]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. М., 1998. С. 133–134.

[38]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3440. Л. 105–106.

[39]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–61-А. Л. 184 об.

[40]Там же. Д. 5–3-А. Л. 40–43.

[41]ИПП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 7. Л. 80 (М. Кирочкин).

[42]Кавказский календарь на 1905 г. Тифлис, 1904 г. С. 239, 538; …на 1906 г. С. 162, 320, 326.

[43]*Брайин И., Лимонов Ф.*Товарищ губернатор // Новый мир. 1966. № 2. *Маглакелидзе С. В.*Владимир Александрович Старосельский (документы и материалы). Тбилиси, 1969; *Демурова-Старосельская Е.* Губернатор-революционер: О Владимире Александровиче Старосельском. Тбилиси, 1981; *Лейберов И. П.* «Странный губернатор» // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 146–150.

[44]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2591. Л. 2.

[45]РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 14081. Л. 8–20 (послужной список Д. С. Старосельского. 30 июня 1883 г.); Дворянские роды Российской империи. Т. 4. М., 1997. С. 255–256.

[46]*Демурова-Старосельская Е.*Губернатор-революционер. С. 17–20.

[47]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1887. Д. 719–2-А. Л. 110–115; ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 325. Л. 33 об.-34.

[48]*Демурова-Старосельская Е.*Губернатор-революционер. С. 20–21.

[49]Правда. 1970. 4 авг.

[50]*Лейберов И. П.*Цебельдинская находка. 2-е изд. М., 1980. С. 232.

[51]Там же. С. 226.

[52]*Демурова-Старосельская Е.*Губернатор-революцио нер. С. 36.

[53]Там же. С. 36–39.

[54]Там же. С. 40–41.

[55]*Лейберов И.*Я. Цебельдинская находка С. 270.

[56]Там же.

[57]*Демурова-Старосельская Е.*Губернатор-революцио нер. С. 16; Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 176.

[58]Там же. С. 174; Тифлисский листок. 1899. 20 янв.; *Долгорукой Ф.*Родословный сборник. Вып. 1. СПб., 1913. С. 37, 48.

[59]*Шилов Д. Н.*Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 гг.: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 591–593.

[60]Закавказье. 1909. 27 мая (сообщение о смерти); К кончине кн. Д. З. Меликова // Там же. 2 июня.

[61]Похороны князя Давида Захаровича Меликова // Там же. 30 мая.

Окружение наместника

[1]Кавказский календарь на 1906 г. Ч. 1. Тифлис, 1906. С. 205.

[2]*Шилов Д. Н.*Государственные деятели Российской империи. 1802–1917 гг. С. 140–144.

[3]Кавказский календарь на 1906 г. С. 2.

[4]Там же. Н. И. Прибиль (1826–1907) был сыном Ивана Антоновича Прибиля, который, «происходя из иностранных докторов», в 1808 г. в Вене поступил на русскую службу и переселился в Россию. От брака с Екатериной Осиповной Караваевой он имел трех сыновей (Якова, Михаила и Николая) и трех дочерей (Марию, Нину и Юлию). Нина Ивановна находилась замужем за Семеном Зубаловым (РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 6592. Л. 2–14; Тифлисский листок. 1907.20 июля).

[5]*Старосельский В. А.*«Дни свободы» в Кутаисской губернии // Былое. 1907. № 7(19). С. 278–306.

[6]Кавказский календарь на 1905. Ч. 1. С. 858; …на 1906 г. Ч. 1. С. 829; …на 1908 г. Ч. 1. С. 884.

[7]РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 22591; *В. П. Шатилов*(биографическая справка).

[8]Там же.

[9]*Затерянный Г. А.*Кавказский бунт (отрывки из воспоминаний о 1905 г.). С. 505.

[10]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 1250–3. Л. 110.

[11]РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 8685. Л. 3–41; Д. 207. Л. 9 об.-10 (формулярный список Н. А. Султан-Крым-Гирея).

[12]Кавказский запрос в Государственной Думе. Тифлис, 1909. С. 226–227.

[13]Там же. С. 227–229.

[14]Там же.

[15]РГИА. Ф. 1284. Оп. 47 (1909). Д. 119. Л. 1; Оп. 53. 1904. Д. 84 (формулярный список Э. А. Ватаци. 1904).

[16]*Кускова Е. Д.*Утопии, реальность и загадки // Современные записки. Т. XXV. Париж, 1925. С. 368–369.

[17]РГИА. Ф. 1284. Оп. 47 (1909). Д. 119. (формулярный список Э. А. Ватаци).

[18]ОР НРБ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 766. Л. 75,76,86–87; Минувшее. Т. 1. С. 49, 92.

[19]Акционерно-паевые предприятия в России. Пг., 1917. С. 132.

[20]Там же. С. 298.

[21]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 8. Л. 216–217.

[22]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 2396–7. Л. 101 об.; Кавказский календарь на 1906. С. 2.

[23]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 2258. Л. 59 об.

[24]Кавказский календарь на 1906 г. Тифлис, 1906. С. 2.

[25]ГАРФ, Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 25–9. Л. 4–5.

[26]Заря Востока. 1924. 18 марта.

[27]РГИА. Ф. 560. Оп. 23. Д. 324. Л. 11–18, 72.

[28]Там же. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3849. Л. 29–54 (формулярный список).

[29]Там же. Л. 30; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 10032. Л. 18–24.

[30]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5097. Л. 1; ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1906. Д. 5620. Л. 2–19; Д. 5620. Ч. 3. Л. 1–2.

[31]Там же. ЗД. 1898. Д. 1782. Л. I.

[32]Там же. 7Д. 1898. Д. 128–1. Л. 20–21.

[33]Там же. Ф. 63. 1905. Д. 839. Л. 47.

[34]Политические деятели России. 1917 г.: Биографический словарь. М., 1993. С. 223–224.

[35]РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 3849. Л. 17.

[36]Там же. Л. 28.

[37]Заря Востока. 1928. 18 апр.

[38]РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 1194. Л. 12.

[39]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1903. Д. 1360–2. Л. 48–49, 65–66.

[40]*Лейберов И. П.*Цебельдинская находка. С. 120, 128, 193.

[41]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 26. Л. 154–155.

[42]РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2341. Л. 2 об.

[43]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–61-А. Л. 158.

[44]*Демурова-Старосельская Е.*Губернатор-революционер. С. 31; ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1912. Д. 46. Л. 92–92 об.

[45]*Исмаил-Заде Д. И.*Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты. М., 1991.

[46]РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 379. Л. 1.

[47]Там же. Ф. 919. Оп. 2. Д. 2204. Л. 2–3.

[48]Там же. Л. 4 об.

[49]Баку и его район. Баку, 1910. С. 130.

[50]Бакинский настольный календарь на 1905 г. Баку, 1904. С. 103.

[51]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 9–52. Л. 33–34.

[52]Там же. Л. 34.

[53]Новое обозрение. 1905. 3 сент. (некролог).

[54]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 110–111, 278.

[55]*Маргиани Г. Н.*Горнорудная промышленность и промышленный пролетариат в дореволюционной Грузии (марганцевая промышленность): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Тбилиси, 1969. С. 136–137.

[56]Новое обозрение. 1899. 27 апреля.

[57]Там же.

[58]КФ ГИАГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1982. Л. 1–3; Новое обозрение. 1897. 18 фев.; Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 62–63, 26, 231.

[59]Там же. С. 25.

[60]Там же. С. 59.

[61]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1901. Д. 634. Л. 2–9.

[62]Там же. ОО. 1898. Д. 5–59. Л. 20 об.-21; Новое обозрение. 1901.27 апр.

[63]Там же. 1905. 1 апр.

[64]Дворянские роды Российской империи. Т. 2. М., 1995. С. 215.

[65]Новое обозрение. 1905. 2 апр.

[66]Там же. 13 апреля.

[67]Баку. 1905. 12, 14, 15 апр.

[68]Там же. 19 июня.

«Все пути ведут в Рим»

[1]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 13. Л. 429.

[2]*Спиридович А. И.*Записки жандарма. М., 1991. С. 122–123.

[3]Адрес-календарь <…> Российской империи. СПб., 1904. Ч. 1. С. 352; Весь Петербург на 1906 г. С. 556.

[4]*Калмыкова А. М.*1) Автобиография // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Д. 1. Л. 1; 2) Из воспоминаний // Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–18.

[5]ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 37. Л. 5 (В. Ф. Джунковский).

[6]*Шацилло К. Ф.*Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация, программа, тактика. М., 1985. С. 92.

[7]*Lyandres S.*The Bolsheviks «German Gold» Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusations. Pittsburgh, 1995. P. 32.

[8]Список чиновников I–IV классов. Пг., 1916.

[9]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1891. Д. 467. Л. 1–2.

[10]Политические деятели. 1917 г. С. 328; Политические партии в России: Энциклопедия. М., 1996. С. 650–651.

[11]РГАЛИ. Ф. 550. К. 4. Д. 16. Тетрадь 1. Л. 7, 10–14, 93–94.

[12]*Ломоносов Ю. В.*Воспоминания о мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 9–15.

[13]Деятели революционного движения в России. Т. 1. 4. 2. М., 1928. С. 129, 292, 460.

[14]*Шепелев Л. Е.*Заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Иванович Ковалевский // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Т. 54. Вып. 1. Л., 1975.

[15]Деятели революционного движения в России. Т. 1. 4. 2. С. 265.

[16]Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900–1903 гг. Т. 3. М., 1970. С. 710.

[17]Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с партийными организациями РСДРП. 1903–1905 гг. Т. 3. М., 1977. С. 519.

[18]ЦГИА СПб. Ф. 2047. Оп. 4. Д. 86. Л. 1 (М. Я. Морозова).

[19]*Николаевский Б. И.*История одного предателя. Террористы и политическая борьба. М., 1991. С. 257.

[20]Там же. С. 258.

[21]Там же. С. 259.

[22]*Игнатьев А. В.*С. Ю. Витте — дипломат. М., 1989; *Карелин А. П., Степанов С.*С. Ю. Витте — финансист, политик и дипломат. М., 1998; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.*Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999.

[23]*Витте*С. *Ю.*Воспоминания. Т. 1. М., 1994. С. 117.

[24]Там же. С. 76–77.

[25] *Спиридович А. И.* Записки жандарма. С. 69.

[26] *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С. Ю. Витте). М.; Пг., 1923.

[27] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 209–210.

[28] *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний. С. 13–14.

[29] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 182; *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М.; Пг., 1924. С. 365; Рабочая газета. 1906. 21 марта (Г. А. Гапон).

[30] *Veritas.* Правда о графе Витте // Русская речь. 1906. 12 нояб.; ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–2. Д. 223 (С. П. Юрицын).

[31] *Островский А. В.* К истории Общества вспомоществования студентам Петербургского университета. 1903–1905 гг. // Очерки по истории Ленинградского государственного университета. Вып. 6. Л., 1989. С. 168–174.

[32] ГАРФ. Ф. 859. Оп. 1. Д. 11 (А. А. Будберг).

[33] Ср.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 94; Граф Витте и пролетариат. СПб., 1906. С. 3–4,7,9–14; Новое время. 1906.6 окт.; Новая Русь. 1909.17фев. (Н. Г. Полетаев).

[34] *Бернштам В. В.* Судебный процесс Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г. // Красная летопись. 1930. № 5(38).

[35] *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 288–289.

[36] Красный архив. 1925. № 4–5 (11–12). С. 55–56.

[37] *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 41.

[38]РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 147. Л. 109–110 (С. А. Никонов).

[39]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 252. Л. 75; Политические партии России: Энциклопедия. С. 478.

[40]Письма Азефа. 1893–1917. М., 1994. С. 260.

[41]*Иткина А. М.*Революционер, трибун, дипломат: Очерк о жизни А. М. Коллонтай. М., 1964.

[42]Политическая каторга и ссылка: Библиографический справочник членов общества политкаторжан и политссыльных. М., 1934. С. 60.

[43]Деятели революционного движения в России. Т. 1. Ч. 2. С. 16, 123,286,287.

[44]*Оберучев К. М.*Офицеры в русской армии (публикация И. В. Образцова) // Военно-исторический журнал. 1998. № 2. С. 92.

[45]*Мстиславский С.*Отрывки о пятом годе // Каторга и ссылка. 1928. № 2 (39). С. 12, 15, 20, 28.

[46]1905 г. Боевая группа при ЦК РСДРП(б). 1905–1907 гг.: Статьи и воспоминания / Сост. С. М. Познер. М.; Л., [1925]. С. 20.

[47]*Кобылин В. С.*Анатомия измены. История антимонархического заговора. СПб., 1998. С. 75.

[48]*Механошин К.*От захвата власти к овладению аппаратом // Война и революция. 1928. № 12. С. 34.

[49]От Февраля к Октябрю. Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 174.

[50]*Спиридович А. И.*Записки жандарма. С. 69.

[51]Там же. С. 228–229.

[52]Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1901 г. СПб., Ч. 1. С. 93–94.

[53]Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 162–163.

[54]Адрес-календарь <…> Российской империи на 1901 г. Ч. 1. С. 49.

[55]Адрес-календарь <…> Российской империи на 1902 г. Ч. 1. СПб., 1902. С. 14; …на 1903 г. Ч. 1.С. 15; …на 1904 г. Ч. 1.С. 15; …на 1905 г. Ч. 1.С. 15; …на 1906 г. Ч. 1. С. 18.

[56]Весь Петербург на 1906 г. С. 580; …на 1908 г. С. 661; …на 1909 г. С. 690.

[57]Петербургская газета. 1906. 15 нояб.

[58]*Валентинов Н. В.*Малознакомый Ленин. М., 1991. С. 61.

[59]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 509. Л. 1, 55 об., 56 об.; *Серков А. И.*Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 5.

[60]Там же; *Шилов Д. Н.*Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 455–458; *Долгоруков П.* Русская родословная книга. Ч. 3. С. 202–204.

[61]РГИА. Ф. 1284. Оп. 51. 1880 г. Д. 213. Л. 52–57 (формулярный список А. Д. Нессельроде. 1880).

[62]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1902. Д. 132. Л. 1–3.

[63]Там же. 1906–1. Д. 509. Л. 1, 55 об., 56 об.

[64]*Серков А. И.*Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. С. 587.

[65]*Островский А. В.*Неудачный «роман» Марии Пуаре и его действующие лица // Из глубины времен. Вып. 11. СПб., 1999. С. 145–160.

[66]Новости и биржевая газета. 1894. 24 нояб.; *Руммель В. В., Голубцов В. В.*Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., С. 568.

[67]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1877. Ч. 3. Т. 2. Л. 1–1 об., 8–8 об.; *Кускова Е. Д.*Утопии, реальности и загадки // Современные записки. Т. XXV. Париж, 1925. С. 371–372.

[68]ИПП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 126. Л. 44; Заря Востока. 1926. 27 нояб.

[69]Весь Петербург на 1907–1914 гг. СПб., 1906–1914.

[70]Путь к Октябрю. Вып. 3. М., 1923. С. 22.

[71]Вопросы истории. 1994. № 5. С. 106 (А. А. Корнилов); *Островский А. В.*Родственные связи А. А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен. Вып. 6. СПб., 1996. С. 198, 201; *Фруменкова Т Г.*К биографии Владимира Николаевича Львова // Там же. Вып. 9. СПб., 1897. С. 87–104.

[72]*Иванова И. И.*Князь В. В. Барятинский и общественное движение в России в конце XIX — начале XX в. // Из глубины времен. Вып. 8. СПб., 1997. С. 170.

[73]*Аксенов В.*Петербургский Совет рабочих депутатов в 1905 г. // Каторга й ссылка. 1925. № 6 (19). С. 27.

[74]*Иванова И. И.*Князь В. В. Барятинский и общественное движение в России в конце XIX — начале XX в. С. 162–163, 170.

[75]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1388. Л. 165.

[76]*Богданович А. В.*Три последних самодержца. М.; Пг., 1924. С. 402.

[77]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1905. Д. 1343–1. Л. 1–3; Революция 1905–1907 гг. и литература. М., 1978. С. 249; Адрес-календарь <…> Российской империи на 1905. Ч. 1. С. 487.

[78]Революция 1905–1907 гг. и литература. С. 231.

[79]РГИА. 1328. Оп. 2. Д. 4. Л. 32–33.

[80]*Губастов К. А.*Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 1908.

[81]1905 год. Боевая группа при ЦК РСДРП(б). С. 24.

Святая святых

[1]Сведения, полученные от грузинского генеалога Ю. К. Чиковани. Тбилиси. 25 июля 1996 г. (далее — Сведения Ю. К. Чиковани) // Архив автора. Здесь и в дальнейшем ответственность за возможные неточности в передаче этих сведений лежит на мне.

[2]Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов на 10 октября 1916 г. Пг., 1916.

[3]Сведения, полученные от грузинского генеалога Ю. К. Чиковани. Тбилиси. 25 июля 1996 г. П Архив автора; Заря Востока. 1922. 26 ноября; 1928. 17 января.

[4]Сведения Ю. К. Чиковани; *Залесский К. А.* Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 342.

[5]Заря Востока. 1928. 17 янв.

[6]*Акопян Г. С.*Степан Шаумян: Жизнь и деятельность. 1878–1918 гг. М., 1973. С. 5, 76–77; *Джанибекян В.*Провокаторы: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2000. С. 265–267; РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 213. Л. 235 об. (И. П. Вацек).

[7]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 446 (С. Якубов).

[8]ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Д. 301 (1908 г.). Л. 192–196.

[9]25 лет Бакинской организации большевиков. Баку, 1924. С. 205 (Эфендиев); Из прошлого: Статьи и воспоминания по истории Бакинской организации и рабочего движения в Баку. Баку, б. д. С. 52 (Эфендиев); *Зедгенидзе Э.*Алеша Джапаридзе. С. 77–78; *Акопян С. Г.*Степан Шаумян. С. 76–77; *Джанибекян В.*Провокаторы. С. 268.

[10]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 258. Л. 247–248. Опубликовано: Бакинский рабочий. 1924. 28 апр.; 25 лет Бакинской организации большевиков. С. 42.

[11]Жизнь — подвиг: Воспоминания о П. А. Джапаридзе. Баку, 1979. С. 61–62 (В. М. Джапаридзе).

[12]ГАРФ. Ф. 110. Оп. 19. Д. 119. Л. 92, 131.

[13]Там же. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 5–11–6. Л. 168.

[14]Там же. ОО. Оп. 316. 1909. Д. 243. Л. 15–16.

[15]Там же.

[16]Там же.

[17]Там же. Оп. 316. 1902. Д. 1661. Л. 114.

[18]Там же.

[19]Там же. Л. 77–78.

[20]Там же. Л. 101.

[21]Там же. ОО. 1902. Д. 825–16–2. Л. 179.

[22]Там же. 1907. Д. 50–12. Л. 67.

[23]Там же. Л. 67 об.

[24]Там же. Л. 68.

[25]Там же. См. также: Л. 36.

[26]Там же. Оп. 316. 1902. Д. 1661. Л. 76–78; Д. 1661, продолж. Л. 76.

[27]*Перегудова З. И.*Политический сыск России. 1880–1917 гг. М., 2000. С. 198.

[28]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1902. Д. 1661. Л. 84–91; Д. 1661, продолж. Л. 76–77.

[29]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 1153. Л. 4.

[30]Там же. Л. 21.

[31]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909. Д. 246. Л. 2.

[32]Там же. Л. 4–5.

[33]Там же. 1909. Д. 243. Л. 15.

[34]Адрес-календарь <…> Российской империи. 1906. Ч. 2. С. 430.

[35]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 40. Л. 36 об.

[36]*Бурцев В. Л.*В погоне за провокаторами. М.; Кишинев, 1990. С. 135.

[37]1905 г. Боевая группа при ЦК РСДРП(б). С. 29.

[38]*Николаевский Б. И.*История одного предателя. С. 121–122. В. Л. Бурцев считал, что информация исходила от Л. П. Меньшикова (*Бурцев В. Л.*В погоне за провокаторами. С. 135).

[39]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1902. Д. 1661. Л. 161.

[40]Там же. Оп. 308а. Д. 24. Л. 2.

[41]Список чинов Департамента полиции. СПб., 1913.

[42]*Бурцев В. Л.*В погоне за провокаторами. М.; Кишинев, 1990.

[43]*Спиридович А. И.*Записки жандарма. С. 46.

[44]*Бурцев В. Л.*В погоне за провокаторами. С. 70, 80, 94, 135.

[45]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5. Л. 19 об.

[46]*Бурцев В. Л.*В погоне за провокаторами. С. 55–66.

[47]Там же. С. 70.

[48]Там же. С. 80.

[49]Там же. С. 81, 135, 160–162, 254.

[50]Там же. С. 160.

[51]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1910. Д. 329. Л. 40.

[52]Там же. Л. 28.

[53]*Маклаков В. А.*Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Б. м., Б. д., С. 529.

[54]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 509. Л. 76.

[55]Александр Исаевич Браудо. 1864–1924: Очерки и воспоминания. [Париж], 1937. С. 99 (А. Аргунов).

[56]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1910. Д. 329. Л. 3–4, 33.

[57]Там же. Л. 6.

[58]Там же. Л. 8.

[59]Там же. Л. 15–16.

[60]Там же. Л. 97.

[61]Там же. Оп. 316. 1913. Д. 262. Л. 7–9.

[62]*Савинков Б.*Избранное. М., 1990. С. 25–106.

[63]*Кавторин В.*Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 г. Л., 1992. С. 243.

[64]*Бурцев В. Л.*В погоне за провокаторами. С. 114–124.

[65]Из глубины времен. Вып. 6. СПб. 196. С. 184–190.

[66]Новое время. 1911. 29 сент.

[67]*Островский А. В.*Родственные связи А. А. Лопухина (1864–1928). С. 184.

[68][*Кобецкий И. Я., Щеголев П. Е.*] Русский Рокамболь (приключения И. Ф. Манасевича-Мануйлова) [1-е изд.]. Л., 1925; *Бецкий К., Павлов П.*Русский Рокамболь: И. Ф. Манусевич-Мануйлов. 2-е изд. Л., 1927. Другие публ.: Приключения И. В. Манусевича-Мануйлова. По архивным материалам // Былое. 1917. № 5–6 (27–28).

С. 236–286; *Щеголев П. Е.*Охранники и авантюристы. М., 1930. С. 78–137.

[69]Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства. СПб., 1906.

[70]*Павлов Д. Б., Петров С. А.*Японские деньги и русская революция // Тайны Русско-японской войны. М., 1993. С. 50–51.

[71]*Джунковский В. Ф.*Воспоминания. Т. 1–2. М., 1997; *Розенталь И. С.*Страницы жизни генерала Джунковского // Кентавр. 1994. № 1. С. 90–113.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КТО СТОЯЛ ЗА СПИНОЙ СТАЛИНА?

Посвященный в партийные тайны

В свое время Л. Д. Троцкий не только объявил И. В. Сталина «самой выдающейся посредственностью» {1}, но и попытался доказать, что вплоть до 1917 г. он представлял собой второстепенную политическую фигуру, приход которой к власти был связан не с его влиянием в партии, а с умением вести аппаратные интриги {2}.

Действительно, если к 1917 г. имя Л. Д. Троцкого было широко известно как внутри РСДРП, так и за ее пределами, причем не только в России, но и за рубежом, то имя И. В. Сталина пользовалось известностью в партийных кругах главным образом на Кавказе, за пределами которого его знал лишь очень узкий круг членов партии.

Однако Л. Д. Троцкий был совершенно не прав, пытаясь придать политическому восхождению И. В. Сталина на вершину власти характер неожиданного взлета и стремясь объяснить его только аппаратными интригами.

Чтобы убедиться в этом, вернемся назад и посмотрим еще раз, как до 1917 г. складывалась политическая карьера И. В. Сталина и от чего она зависела.

* * *

Когда летом 1898 г. И. В. Сталин стал членом Тифлисской организации РСДРП, она насчитывала в своих рядах всего несколько десятков человек. Ее деятельность сводилась только к пропаганде и не выходила за рамки отдельных рабочих кружков, руководителями которых являлась еще более малочисленная группа интеллигентов, совмещавших свою нелегальную деятельность с легальной.

И. В. Сталин был едва ли не первым, кто изъявил готовность полностью сосредоточиться на нелегальной работе и стать профессиональным революционером. С таким предложением в конце 1898 г. он обратился к тогдашнему лидеру Тифлисской организации РСДРП Н. Н. Жордании, но не встретил с его стороны поддержки. Позднее Н. Н. Жордания объяснял это недостаточной марксистской подготовкой семинариста И. В. Джугашвили {3}.

Прошло немногим более года. В 1900 г. тифлисские социал-демократы переходят к активным действиям, которые, как и следовало ожидать, вызвали ответные меры со стороны жандармов. Под угрозой ареста в начале этого года перешел на нелегальное положение Л. Кецховели. Весной 1901 г., тоже спасаясь от ареста, на нелегальное положение вынужден был перейти И. В. Сталин. Л. Кецховели перебрался в Баку, И. В. Сталин остался в Тифлисе. Так внутри социал-демократического движения на Кавказе появились первые профессиональные революционеры, для которых революционная деятельность становится не только смыслом жизни, но и источником существования.

Почему же И. В. Сталин как профессиональный революционер оказался невостребован местной организацией РСДРП в конце 1898 г. и был востребованным в 1901 г.? Ответ на этот вопрос нужно искать не в том, что к этому времени он достиг необходимого уровня марксистской подготовки, а в том, что внутри социал-демократического движения на Кавказе появилась потребность в профессиональных революционерах.

Если первоначально Тифлисская организация РСДРП представляла собой объединение нескольких пропагандистских кружков, то в 1900–1901 гг. произошло ее превращение в боевую политическую организацию. Расширились ее ряды, от устной пропаганды она перешла к печатной (издание листовок), началась организация митингов, демонстраций и забастовок. Происходит деление организованных рабочих на изолированные друг от друга кружки {4}, появляются конспиративные квартиры {5}, входят в употребление партийные клички, пароли и шифры {6}.

Одновременно с этим предпринимаются усилия, направленные на создание партийной разведки и контрразведки. Характеризуя трудности, с которыми приходилось сталкиваться органам политического сыска на Кавказе, ротмистр В. Н. Лавров сообщал 18 декабря 1902 г. в Департамент полиции, что одна из них — «это существование со стороны наблюдаемых (в данном случае социал-демократов. — *А.О.*) своего розыска и наблюдения. Самым вредным агентом такого наблюдения ранее был замечен привлеченный в начале нынешнего года к дознанию Михаил Гурешидзе; затем появился без определенных занятий почти неграмотный дворянин Дмитрий Пурцеладзе, в настоящее время в Тифлисе также суще-

ствует какая-то невыясненная личность, ежедневно прогуливающаяся с очевидной целью наблюдения на углу Михайловской и Кирочной улиц (т. е. у здания Тифлисского розыскного отделения. — *А.О.*). В Баку роль наблюдательного агента несет рабочий Рожден Гогичилидзе» [7].

Прокатившаяся в начале 1901 г. волна арестов вызвала внутри Тифлисской организации РСДРП реакцию возмущения жандармами, под влиянием чего появилась идея расправы с ротмистром В. Н. Лавровым, занимавшим пост помощника начальника Тифлисского ГЖУ. И хотя этому замыслу не суждено было осуществиться, его возникновение можно рассматривать как первый известный нам симптом зарождения террористического направления внутри грузинской социал-демократии. О том, что в данном случае можно говорить не о настроениях, а именно о зарождении подобного направления, свидетельствует то, что в этом же году недовольство управляющим Закавказской железной дороги инженером Веденеевым привело к организации покушения на него.

В истории с этим покушением много неясного. Никаких данных о том, что оно было санкционировано Тифлисским комитетом РСДРП, нет [8]. Но есть воспоминания, из которых явствует, что в его подготовке и осуществлении участвовали члены социал-демократического кружка, который до отъезда в Ригу возглавлял С. Г. Шаумян [9], а одним из участников покушения был Георгий Давидович Ртвеладзе [10].

По воспоминаниям Елизаветы Адамовны Есаянц (р. 1882), которая тоже была причастна к этому покушению, его подготовка началась не позднее 23 декабря 1901 г. [11], а совершено оно было 3 января 1902 г.

[12]«Около 10 час. вечера, — телеграфировал в этот день Е. П. Дебиль в Петербург, — произведено покушение на жизнь начальника железной дороги Веденеева, выстрелом окно ранен правый бок» [13]. 6 января 1902 г. Веденеев скончался [14].

Примерно тогда же (не ранее 1900 г. — не позднее 1902 г.) от руки Георгия Захаровича Лелашвили пали два филера Бакинского ГЖУ [15]. Перебравшись из Баку в Батум, Г. З. Лелашвили принял участие в убийстве рабочего, заподозренного в провокации [16]. По другим данным, в конце 1901 — начале 1902 г. в Батуме по обвинению в провокации были убиты двое рабочих [17]. По возвращении в Тифлис Г. З. Лелашвили был арестован, но через полтора месяца освобожден. По выходе на свободу в том же 1902 г. он совершил покушение на секретного сотрудника Тифлисского ГЖУ рабочего Сергея Старостенко. Г. З. Лелашвили пытался зарубить его топором [18]. По некоторым данным, в Батуме подобная организация возникла в конце 1901 г. при участии А. Цулукидзе [19].

Все это вместе взятое свидетельствует о зарождении в 1901–1902 гг. террористического направления в грузинской социал-демократии. К первым его проявлениям в Баку и Тифлисе И. В. Сталин не имел отношения, но расправа с батумскими рабочими, заподозренными в провокации, вряд ли могла произойти без его ведома.

Если руководство рабочим кружком самообразовательного или же пропагандистского характера требовало от его руководителя лишь нескольких часов в неделю и по этой причине он без особого труда мог сочетать свою нелегальную деятельность с легальной, то переход от устной пропаганды к печатной, начало активных дей-

ствий и связанное с этим изменение характера Тифлисской организации РСДРП имели своим, следствием расширение нелегальной деятельности, осложняли сочетание легальной и нелегальной деятельности и порождали потребность в людях, которые могли бы полностью сосредоточиться на подпольной работе.

К этому необходимо добавить, что до тех пор, пока Тифлисская организация РСДРП была невелика, она не только не нуждалась в профессиональных революционерах, но и не могла их содержать.

Очевидно и другое. Если рабочие кружки, в которых велись общеобразовательные занятия или же революционная пропаганда, могли ограничиваться нерегулярным сбором денег для приобретения необходимой литературы, то начало печатной пропаганды, переход к активным наступательным действиям (особенно к организации забастовок), появление конспиративных квартир и профессиональных революционеров были невозможны без существования более или менее постоянного источника финансирования.

Значит, переход Тифлисской организации РСДРП к активным действиям в 1900–1901 гг. и превращение ее в боевую политическую организацию были связаны с притоком денежных средств.

Когда и как в Тифлисской организации РСДРП появились регулярно собираемые членские взносы, еще требует выяснения. Самые ранние сведения на этот счет, которые пока удалось обнаружить, относятся к 1898 г. В одном из кружков, который вел И. В. Джугашвили, подобные взносы составляли 2 % от заработка рабочего {20}. Что же касается общепартийной кассы, то она возникла не позднее 1900–1901 гг. {21}Некоторое пред-

ставление о ней дает отчет кассы, обнаруженный в ноябре 1901 г. у Константина Ивановича Хомерики. На конец этого года в ней числилось 1500 руб. {22}.

Даже эта сумма свидетельствует, что уже в 1901 г. денежные поступления в Тифлисской организации РСДРП состояли не только из членских взносов, но и из частных пожертвований. Что здесь было первичным: расширение рядов партийной организации или приток средств со стороны, сказать трудно. Но так как партийные расходы возрастали быстрее, чем расширялись партийные ряды, есть основания предполагать, что происходило сокращение роли членских взносов и возрастание роли частных пожертвований. Выше уже приводились данные, из которых явствует, что в 1904 г. в Баку членские взносы составляли лишь около 10 % всех денежных поступлений.

Следовательно, и переход Тифлисской организации РСДРП к активным действиям, и изменение принципов ее построения, и появление в ней профессиональных революционеров происходили одновременно с притоком денежных средств извне. Это значит, что произошедшее в начале 900-х гг. оживление социал-демократического движения было связано не только с ухудшением материального положения рабочего класса, но и с его поддержкой другими слоями общества, заинтересованными в развитии этого движения.

Для понимания характера этой поддержки необходимо учитывать, что и приток денежных средств, и расширение рабочего движения на Кавказе характеризовались перерастанием экономической борьбы рабочих в борьбу политическую. Это дает основание предполагать, что первые кредиторы рабочего движения были заинтересованы прежде всего в достижении определенных по-

литических целей. Показательно, что именно в это время поднимает голову либерально-национальная оппозиция, которая нуждалась в союзниках и по этой причине была заинтересована в расширении рядов РСДРП.

В связи с этим особое значение имеет следующее свидетельство Г. А. Караджева: «В первые годы рабочего социал-демократического движения и организационного строительства партии в Тифлисе, — признавался он, — существовал не один, а два комитета. В состав первого входили как „инородцы" социал-демократы, так и грузины, следовательно, он был составлен интернационально. Второй же комитет состоял исключительно из грузин, т. е. по своему составу он был национальным; причем в нем преобладающее влияние имели месамедисты и „квалисты", они же диктовали свою волю остальным членам» {23}.

Характеризуя взаимоотношения между двумя этими комитетами, Г. А. Караджев писал: «Когда в 1900 г. в Тифлисский социал-демократический комитет вошли новые элементы — русские, армяне, и руководящая роль перешла к большинству „инородцев" (из числа 6–7 членов двое были грузины), то „национальный" комитет неистовствовал, прибегал к саботажу, ко всякого рода придиркам, создавал всевозможные препятствия к правильному функционированию социал-демократического комитета. Это положение очень напоминало „нижнюю" и „верхнюю" палаты Англии. Очень часто решения „нижней" палаты (социал-демократический комитет) кассировались „верхней" палатой лордов (грузинский национальный комитет), представители „палаты лордов" в социал-демократическом комитете получали указания и директивы, согласно которым объявляли veto в тех случаях, когда вопросы решались не в духе грузинского собрания.

Иногда единогласно принятое решение по тому или иному вопросу не санкционировалось, возвращалось обратно с требованием перерешить его. Это „национальное" собрание, о существовании которого „инородцы" узнали только позднее, играло странно таинственную роль. Для характеристики всей дальнейшей политической деятельности большинства вожаков грузинской рабочей демократии, еще более деятельности последних лет, это пресловутое „грузинское национальное собрание" представляет замечательную историческую иллюстрацию» {24}.

Что же позволяло «грузинскому национальному комитету» играть подобную роль, а «социал-демократический комитет» заставляло идти ему на уступки, когда их позиции расходились? Ответ на этот вопрос может быть только один — материальная зависимость «социал-демократического комитета» от «грузинского национального». Но в таком случае получается, что Тифлисский комитет РСДРП фактически не являлся самостоятельным и его деятельность во многом зависела от «национального комитета».

Как утверждал Г. Караджев, в 1900 г. в «национальном комитете» главную роль играли месамедисты и квалисты. Это значит, что нити к нему вели через редакцию газеты «Квали», в которую входили Н. Жордания, Ф. Махарадзе, И. Хаситашвили (секретарь), В. Чичинадзе, Н. Элиава и некоторые другие {25}. О том, что редакция «Квали» вплоть до арестов 1901 г. играла роль руководящего центра Тифлисской организации РСДРП, свидетельствуют и документы {26}. Однако здесь возникают два вопроса.

Во-первых, в 1904 г. «Квали» прекратила свое существование [27]. Между тем Г. Караджев утверждал, что «грузинский национальный комитет» продолжал существовать вплоть до «самого последнего времени», т. е. до начала 20-х гг.

А во-вторых, если принять во внимание воспоминания Г. А. Караджева, получается, что начавшаяся в 1899–1900 гг. борьба между «стариками» и «молодыми» внутри Тифлисской организации РСДРП в значительной степени была связана со стремлением части организации выйти из-под контроля редакции «Квали», а следовательно, и «национального комитета». И победа «молодых» означала или радикализацию позиций этого комитета, или же то, что «молодые» получили материальную поддержку из каких-то других источников, заинтересованных в более активной деятельности кавказских социал-демократов.

Поскольку первоначально И. В. Сталин был единственным профессиональным революционером в Тифлисской организации РСДРП, именно на его плечи прежде всего должен был лечь целый ряд новых обязанностей, которые возникали в руководстве организацией в связи с переходом ее к активным действиям.

Мы видим его среди лиц, обслуживавших в 1900 г. первый мимеограф. Он играл важную роль в подготовке первомайской демонстрации 1901 г. В 1901 г. при его участии возникла подпольная типография Тифлисской организации РСДРП на Лоткинской улице. С ним и С. Джибладзе в это же время вел через А. Енукидзе переговоры о создании типографии в Баку Л. Кецховели [28]. Он, И. В. Сталин, принимал участие в создании первой нелегальной газеты на грузинском языке «Брдзола»

(«Борьба») [29] и был близок к М. Гурешидзе, на которого была возложена организация партийной разведки.

Это дает основание думать, что И. В. Сталин имел самое непосредственное отношение к тем переменам в деятельности Тифлисской организации РСДРП, которые произошли в 1900–1901 гг. В результате он, еще совсем недавно рядовой член организации, постепенно превращается в одного из ее руководителей. Изменение его статуса было закреплено 11 ноября 1901 г., когда его избрали в состав Тифлисского комитета РСДРП.

Если в Тифлисе И. В. Сталин был одним из членов комитета, то с переездом в Батум стал руководителем местной социал-демократической организации.

Столкнувшись с некоторыми трудностями в поисках заработка, первоначально он вынужден был искать уроки, а затем устраиваться на работу. Но уже через месяц после приезда ему удалось найти средства для существования, и он снова переходит на положение профессионального революционера.

Более того, ему удалось изыскать средства не только для себя. По воспоминаниям Д. Вадачкория, уже во время забастовки рабочих завода Манташева, которая происходила с 31 января по 17 февраля 1902 г., бастовавшим выдавалась денежная помощь [30]. Кроме того, были получены средства, позволившие в начале марта 1902 г. организовать нелегальную типографию. Это касается расходов, связанных с приобретением печатного станка, шрифта, краски, бумаги, их доставки из Тифлиса в Батум, переезда типографии с одного места на другое, содержанием наборщика Георгия Годзиева и т. д.

Откуда же у только-только возникшей организации появились деньги? По воспоминаниям Османа Гургенидзе, вскоре после приезда в Батум И. В. Сталин выступил с предложением организовать забастовочный фонд, после чего среди рабочих начался сбор. И это позволило во время забастовок оказывать наиболее нуждающимся рабочим материальную помощь [31].

Сам факт создания подобного фонда не вызывает сомнения. Но сомнительно, чтобы за один-два месяца те несколько десятков рабочих, которых И. В. Джугашвили удалось объединить вокруг себя в декабре 1901 — январе 1902 г., могли за счет собственных взносов, которые, по утверждению И. М. Дарахвелидзе, составляли 20 коп. с человека [32], создать сколько-нибудь значительный денежный фонд на случай забастовки.

Еще более сомнительно, что за счет этих взносов можно было организовать типографию, содержать И. В. Джугашвили, а затем пригласить ему на помощь Г. Годзиева. Кроме Г. Годзиева И. В. Сталин приглашал в Батум для нелегальной работы С. А. Тер-Петросяна [33], а когда он сам был арестован, его мать получила предложение переселиться в Батум на партийное содержание [34]. Следовательно, почти с самого начала у Батумской организации РСДРП появились денежные поступления извне.

Один из источников нам известен. В январе — апреле 1902 г. И. В. Сталин жил за счет тех средств, которые ему выдавали руководители воскресной школы [35]. Причем они финансировали не только его лично. «С Сосо Джугашвили, — вспоминал племянник Исидора Рамишвили Иван, — мы установили связь через рабочего Котия Канделаки (впоследствии члена Государственной Думы),

который часто приходил к моему дяде, навещал и меня и которому я передавал деньги, собранные в пользу рабочих» {36}.

Таким образом, если в Тифлисе одним из каналов поступления денежных средств могла быть редакция газеты «Квали», то в Батуме роль подобной передаточной инстанции играли руководители воскресной школы. Это значит, что и содержание И. В. Сталина как профессионального революционера, и те забастовки в Батуме, к организации и руководству которыми он был причастен, и появление здесь нелегальной типографии — все это через руководителей воскресной школы финансировалось определенной частью батумского общества.

Деньги в кассу Батумской организации РСДРП поступали и из других источников. В этой связи особого внимания заслуживает директор завода Ротшильда Франц Францевич Гьюн, который почти сразу же после своего появления в Батуме попал в поле зрения жандармов {37}.

«В связи с похоронами С. Ломджария, — писал грузинский историк И. С. Чулок, — батумская жандармерия отметила один любопытный факт: явное сочувствие рабочим со стороны нового директора завода Ротшильда француза Ф. Гьюна. Начальник Батумского охранного пункта ротмистр Рожанов доносил начальству, что Ф. Гьюн приблизил к себе покойного С. Ломджария, выдал на его похороны более 400 руб., назначил пенсию жене и отцу Ломджария. Жандармерия отметила, что Ф. Гьюн всегда знал о готовящихся беспорядках, помогал рабочим деньгами из кассы завода, взял на работу С. Ломджария и К. Калантарова, когда те были выпущены из тюрьмы, и выдал С. Ломджария около 3000 руб. Ф. Гьюн

никогда не передавал властям прокламаций, обнаруживаемых на заводе» {38}.

Итак, оказывается, Ф. Гьюн не только «знал о готовящихся беспорядках», но и «помогал рабочим деньгами из кассы завода», а лично С. Ломджария выдал «около 3000 руб.». Что же полезного для возглавляемого Ф. Гьюном завода сделал С. Ломджария, чтобы получить такое вознаграждение?

Ф. Ф. Гьюн мог не знать, что на квартире его приказчика некоторое время проживал И. В. Сталин, а затем находилась подпольная типография, но ему хорошо было известно, что С. Ломджария принимал активное участие в организации забастовок на заводе Ротшильда и именно по этой причине был арестован. Если же, несмотря на это, Ф. Гьюн не только не уволил С. Ломджарию (а ведь им было рассчитано около 400 рабочих), но и выдал ему столь крупную сумму, это может означать только одно: то, что делал С. Ломджария, не только не противоречило интересам Ф. Гьюна, а даже, наоборот, соответствовало им.

Ф. Ф. Гьюн был французским подданным. Значит, в рабочем движении 1902 г. в Батуме определенную роль играли «французские деньги». В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что первые сведения об иностранных деньгах в рабочем движении. Кавказа относятся еще к 1900 г., когда забастовали рабочие Главных мастерских Закавказской железной дороги.

Из агентурного сообщения: «По секретным данным установлено, что забастовочный комитет имеет маленькую типографию, а также товарищеский фонд, откуда получают помощь нуждающиеся забастовщики, а также семьи арестованных», установлено также, «что забастов-

щики получают помощь деньгами, а между агитаторами имеются приезжие из других мест, и что денежная помощь идет из-за границы с политической целью» {39}.

Это наводит на мысль о том, что и поворот Тифлисской организации РСДРП к активным действиям, и превращение ее в боевую политическую организацию были связаны с притоком средств как со стороны радикально настроенной части состоятельного общества на Кавказе, так и со стороны иностранных фирм [101].

В 1904 г. после возвращения из сибирской ссылки И. В. Сталин был введен в состав Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП. На первый взгляд это означало понижение его статуса по сравнению с тем, который до этого он имел в Батумской организации РСДРП. Однако если деятельность Батумской организации в основном ограничивалась пределами города, то деятельность Имеретино-Мингрельского комитета распространялась на всю Кутаисскую губернию. Поэтому в действительности включение И. В. Сталина в состав этого комитета означало превращение его из партийного работника городского масштаба в партийного работника губернского масштаба.

В Кутаисской губернии, где основную социальную базу местных социал-демократов составляли чиатурские рабочие, ко времени возвращения И. В. Сталина из ссылки получают распространение радикально-демократические настроения. Если еще в начале 1901 г. шла борьба вокруг вопроса о переводе рабочего движения на путь политической борьбы, то уже на II съезде Кавказского союза РСДРП Д. С. Постоловским был поднят вопрос о необходимости «подготовки вооруженного восстания» {40}. Тогда его предложение не получило поддержки, но

прошло совсем немного времени, и весной 1904 г. на III съезде Кавказского союза была создана «Комиссия для разработки проекта об организации вооружения» и принято решение, «чтобы каждая организация отчисляла известный процент на дело вооружения» {41}.

Первоначально имелось в виду создание боевых отрядов для охраны демонстраций и митингов. «Комиссия вскоре разработала проект и через одного из своих членов представила его в ЦК для обсуждения вместе с членом военно-революционной организации». Правда, оказалось, что подобной организации внутри РСДРП еще не существовало, но «на частном собрании одного члена ЦК и нескольких его агентов — вместе с представившим проект членом Союзного комитета — идея вооружения и необходимость пропаганды и агитации ее по всей России была признана неотложной, а равно предоставлено было организациям подготовлять и вооружать ядра, без которых вообще дальше не рекомендовалось устраивать демонстрации» {42}.

Таким образом, Кавказский союз РСДРП стал инициатором перехода к вооруженным формам борьбы с существующим политическим режимом. И уже летом 1904 г. на Кавказе начали создаваться первые боевые дружины. Лидировала в этом отношении Имеретино-Мингрельская организация.

Если к созданию этой первой известной нам социал-демократической боевой дружины И. В. Сталин не имел отношения, то уже после его возвращения из ссылки предпринимаются усилия, направленные не только на распространение «кутаисского опыта», но и на создание в рамках Кавказского союза РСДРП специального «бюро вооружения».

«Комитетами — Батумским, Гурийским и Имеретино-Мингрельским, — отмечалось весной 1905 г. на III съезде РСДРП, — единогласно [была] принята резолюция, по которой организация бюро вооружения поручается Союзному комитету, отдельные комитеты дают ему по одному человеку» {43}. К весне 1905 г. боевые дружины существовали и в других губерниях Кавказа, а в Баку для координации ее действий был создан «даже так называемый организационный комитет с участием гнчакистов» {44}.

Оставаясь членом Имеретино-Мингрельского комитета, И. В. Сталин уже в конце лета 1904 г. был введен в состав Кавказского союзного комитета РСДРП, после чего мы видим его в постоянных разъездах. За год и несколько месяцев (до осени 1905 г.) он выезжал из Тифлиса более десяти раз, неоднократно бывал в Баку и Кутаисе, кроме того, посетил Батум, Владикавказ, Гори, Диди Джихаиши, Кобулети, Перевеси, Тифлис, Хони, Чиатуры и некоторые другие населенные пункты, причем некоторые из них по два-три раза. Это дает основание думать, что на него были возложены обязанности так называемого разъездного агента.

В чем могли заключаться его функции? Во-первых, в осуществлении особых конспиративных контактов между руководителями местных организаций, во-вторых, в координации их действий, в-третьих, в осуществлении контроля за этими организациями, в-четвертых, в мобилизации и распределении денежных средств и т. д.

Прежде всего это открыло перед И. В. Сталиным возможность получить довольно широкую известность среди наиболее активной части грузинской социал-демократии и установить, по крайней мере с некоторыми из

них, деловые, а может быть, и дружеские связи. Вместе с тем эта деятельность способствовала расширению его контактов в тех околопартийных слоях общества, которые оказывали революционному подполью материальную помощь.

Что же касается конкретных дел, к которым он был причастен, то из их числа можно назвать следующие: создание типографии в Чиатурах (1904–1905 гг.), причастность к декабрьской стачке 1904 г. в Баку, сбор денег (1905–1906 гг.), вооружение рабочих в Баку во время армяно-татарской резни (февраль 1905 г.), организация «красных сотен» в Чиатурах (лето 1905 г.), попытка захвата Кутаисского цейхгауза (сентябрь 1905 г.), участие в издании большевистских газет (1905–1907 гг.), формирование боевых отрядов в Тифлисе (осень 1905 г.), причастность к подготовке покушения на генерала Ф. Ф. Грязнова, разработка плана несостоявшегося восстания в Тифлисе (конец 1905 — начало 1906 г.), отправка добровольцев в Персию (1906–1907 гг.), кратковременное пребывание там [102], причастность к тифлисской экспроприации (лето 1907 г.), создание отрядов самообороны в Баку (осень 1907 г.), нападение на Бакинский арсенал (1907–1908 гг.).

В 1905 г. большая часть социал-демократических организаций Кавказа перешла под руководство меньшевиков. Одним из немногих большевистских бастионов остался лишь Имеретино-Мингрельский комитет. Затем начинает возрастать влияние большевиков в Баку, в результате чего им в 1907 г. удается взять Бакинский комитет РСДРП в свои руки. В сложившихся условиях влияние И. В. Сталина как одного из лидеров кавказской социал-

демократии заметно снизилось, но зато укрепились его позиции как лидера кавказских большевиков.

В этом отношении показательно письмо 8 июля 1906 г., вышедшее из-под пера одного из первых месамедистов, ставшего марганцепромышленником, Раждена Каладзе, в котором он характеризовал Кобу как «кавказского Ленина» {45}. Именно в это время И. В. Сталин выходит на общепартийный уровень: в 1905 г. он принимает участие в Таммерфорсской конференции, в 1906 г. присутствует на IV, а в 1907 г. — на V съезде РСДРП. Особое значение для последующей политической карьеры И. В. Сталина имела его причастность к тифлисской экспроприации, позволившая ему приобщиться к сверхконспиративной деятельности партии.

Осенью 1909 г. после ареста П. А. Джапаридзе на И. В. Сталина были возложены обязанности секретаря Бакинского комитета РСДРП. Некоторое представление о том, какую роль играл секретарь, дают воспоминания С. Черномордика, исполнявшего в 1905 г. обязанности секретаря Московского комитета РСДРП. «Центральным нервом всей организации, — писал он, — был секретарь МК. На его обязанности было созывать заседания МК, держать связь со всеми членами МК, иметь сношения с „техникой", организовывать хранение и распространение литературы, сношения с другими городами и центрами и вообще все ответственные технические функции, заведование финансами организации, он (секретарь. — *А. О.*) представлял МК во вне: в обществе, в сношениях с другими партиями, на разных внепартийных собраниях и заседаниях» {46}.

Особого внимания заслуживает следующее агентурное донесение, полученное Тифлисским охранным отде-

лением в ноябре 1909 г.: «На Тифлисской общегородской конференции, — сообщал, например, в ноябре 1909 г. секретный сотрудник Тифлисского охранного отделения, — присутствовал приехавший в Тифлис из Баку Коба (Сосо) — Иосиф Джугашвили, благодаря стараниям которого конференция решила принять меры к тому, чтобы партийные члены находились на службе в разных правительственных учреждениях и собирали бы нужные для партии сведения» {47}.

Вспомним свидетельство Г. Варшамян о том, как в Баку «один из работников охранного отделения», встретив И. В. Сталина на улице, передал ему «список 35 человек», которых предполагалось арестовать. С этим воспоминанием перекликается приведенное ранее агентурное донесение секретного сотрудника Бакинского охранного отделения Фикуса от 27 сентября 1909 г., что к И. В. Сталину и П. Г. Мдивани явился неизвестный человек и сообщил, что местное жандармское управление планирует ликвидировать типографию Бакинской организации РСДРП в момент печатания очередного номера газеты «Бакинский пролетарий» {48}.

В связи с этим несомненный интерес представляет следующий эпизод, нашедший отражение в книге Р. А. Медведева. По свидетельству одного старого большевика, однажды, направляясь на встречу с И. В. Сталиным, он столкнулся с выходящим от него жандармским офицером. На недоуменный вопрос автора воспоминаний И. В. Сталин заявил, что встреченный им офицер сотрудничает с большевиками {49}. О том, что бакинские большевики действительно имели своего человека в Бакинском жандармском управлении, мы уже знаем. Им был помощник начальника жандармского управления рот-

мистр Ф. В. Зайцев. Если приведенное выше свидетельство соответствует действительности (а есть основания отнестись к нему с доверием), получается, что И. В. Сталин контактировал с Ф. В. Зайцевым.

Показательно также, что именно И. В. Сталин занимался разоблачением провокатора Н. Леонтьева. Именно из-под его пера 29 сентября 1909 г. вышла листовка о провокации внутри Бакинской организации РСДРП. Именно ему позднее, в начале 1910 г., уже из тюрьмы было направлено письмо П. А. Джапаридзе с дополнительными сведениями о провокаторстве Н. Леонтьева.

Все это вместе взятое дает основание думать, что в 1909–1910 гг. И. В. Сталин возглавлял внутри Бакинского комитета РСДРП разведку и контрразведку.

К концу 1909 г. И. В. Сталин уже был известен во внутрипартийных кругах за пределами Кавказа и пользовался среди профессиональных революционеров признанием как опытный организатор. Неслучайно поэтому в январе 1910 г. была сделана первая известная нам попытка кооптирования его в состав ЦК РСДРП. Тогда она по не до конца ясным причинам не состоялась. Но В. И. Ленин и его ближайшее окружение продолжали рассматривать И. В. Сталина как работника общепартийного масштаба. Поэтому в конце 1910 г., находясь в Сольвычегодске, он получил новое предложение войти «в один из двух [партийных] центров, не дожидаясь окончания срока» ссылки. Летом 1911 г. срок ссылки закончился, и, по данным охранки, И. В. Сталин был приглашен на должность разъездного агента ЦК РСДРП. Имеются также сведения, что он был введен в состав Организационного комитета по подготовке Пражской конференции. К самой конференции И. В. Сталину принять участие не удалось,

но по ее окончании в январе 1912 г. он был введен в состав ЦК РСДРП, а затем стал одним из трех членов Русского бюро Центрального комитета и сразу же занял в нем влиятельное положение.

Какие обязанности были возложены на него, мы не знаем. Но обращает на себя внимание то, что весной 1912 г. в Москве на обратном пути из Баку им вместе с Г. К. Орджоникидзе была создана Финансовая комиссия ЦК {50}. 16 июня этого же года в Петербурге была арестована Е. Д. Стасова. В участке ее сразу же, еще до обыска, посетил брат, бывший мировым судьей. «И я, — вспоминала Е. Д. Стасова, — успела передать ему деньги» {51}. Поэтому когда в сентябре 1912 г. И. В. Сталин вернулся из нарымской ссылки, он посетил семью Стасовых и получил на руки партийную кассу {52}.

После этого им была совершена поездка на Кавказ, которая по времени совпала с новой экспроприацией (24 сентября 1912 г.), совершенной под руководством бежавшего к этому времени из Метехского замка Камо (С. А. Тер-Петросяном), но на этот раз оказавшейся неудачной.

С. А. Тер-Петросян бежал из Метехского замка 1 августа 1911 г. Уехав за границу, он посетил в Париже В. И. Ленина, а затем отправился на Балканы, где им была предпринята организация транспорта оружия в Россию. Здесь он несколько раз «арестовывался в Константинополе, Софии и на пароходе с оружием», после чего вернулся в Россию. Начав подготовку новой экспроприации, он отправился в Петербург, где Л. Б. Красин, тоже к этому времени вернувшийся в Россию и занимавший кресло одного из руководителей электротехнической фирмы «Сименс-Гальске», не только «принял его очень хорошо», но

и «достал ему необходимые для нового предприятия деньги» {53}.

Поскольку эта экспроприация имела своей целью пополнение партийной кассы, она не могла быть совершена без ведома Центрального комитета РСДРП(б). Осенью 1912 г., оказавшись в Кракове, И. В. Сталин принял участие в борьбе большевиков за возвращение ЦК РСДРП так называемого «наследства Шмидта», находившегося на хранении в кассе социал-демократической партии Германии. Добыванием денег для партии он был озабочен и в начале 1913 г., по возвращении из-за границы.

Это дает основание думать, что одним из вопросов, который в 1912–1913 гг. входил в компетенцию И. В. Сталина как члена ЦК РСДРП (б), являлся вопрос о финансах. Однако в нашем распоряжении нет данных, которые подтверждали бы утверждение Г. Уратадзе, будто бы в это время «он (И. В. Сталин. — *А.О.*) был главным финансистом российского большевистского центра» {54}.

Таким образом, мы видим, что как профессиональный революционер И. В. Сталин был занят главным образом организационно-технической деятельностью. Причастные к ней лица редко выступали на митингах и собраниях, лишь урывками занимались журналистской деятельностью, зато они ведали революционными кадрами, в их руках находились деньги, связи, партийная разведка и контрразведка. Оставаясь малозаметными и малоизвестными широким кругам партии и околопартийной массе, они обладали влиянием, которое намного превосходило их популярность внутри партии и за ее пределами.

К 1917 г. И. В. Сталин принадлежал уже к ветеранам революционного подполья. Его партийный стаж превы-

шал 18 лет. Точных данных о численности РСДРП в 1898 г. нет. Но есть основания предполагать, что тогда в ее рядах насчитывалось не более двух-трех тысяч человек. Со временем многие из первых социал-демократов отошли от революционной деятельности. Поэтому в 1917 г. ветераны партии, к которым принадлежал И. В. Сталин, составляли не более 10 % ее членов. Еще более узким был круг профессиональных революционеров. Вряд ли на 100 членов партии их приходилось более пяти человек. Это значит, что в 1917 г., когда партия большевиков вышла из подполья и в ней насчитывавлось 24 тыс. человек [55], численность профессиональных революционеров не превышала 1000 человек, а круг профессиональных революционеров, имевших такой же партийный стаж, как и И. В. Сталин, включал в себя всего лишь несколько десятков человек. Встречаясь в тюрьмах, на этапах, на каторге, в ссылке, в эмиграции, принимая участие в различных партийных форумах, почти все они знали друг друга если не лично, то по крайней мере заочно.

Уже один революционный стаж и принадлежность к когорте профессиональных революционеров имели своим следствием то, что к 1917 г. И. В. Сталин занимал особое положение в партии. Однако этого было недостаточно для восхождения по ступеням партийной иерархии.

Политической карьере И. В. Сталина, несомненно, способствовали некоторые его личные качества. Так, Л. Д. Троцкий писал: «Ленин ценил в Сталине характер: твердость, выдержку, настойчивость, отчасти и хитрость как необходимые качества в борьбе» [56]. Л. Б. Красин отмечал, что у Сталина была «дьявольская смекалка и хитрость, помноженная на осторожность» [57].

Осторожность и выдержку как необходимые качества для лидера, позволяющие не поддаваться чувствам и не терять голову в самой критической ситуации, отмечали и другие современники. Вспомним, что писал об этом Г. Уратадзе. А вот свидетельство Н. Н. Жордании: «Коба был <…> всегда спокоен, замкнут, даже голоса не повышал, на оскорбления сразу не реагировал, но не забывал и ждал удобного момента, чтобы отплатить сторицей» {58}.

Но более важны были организаторские способности И. В. Сталина, которые вынуждены были признавать даже его политические противники. «От всех других большевиков, — вспоминал Р. Арсенидзе, — Коба отличался, безусловно, большей энергией, неустанной работоспособностью, непреодолимой страстью к властвованию, а главное, своим огромным и своеобразным организаторским талантом» {59}.

Невидимые связи

Приобщение И. В. Сталина к конспиративной и сверхконспиративной деятельности способствовало возникновению и расширению его связей как внутри партии, так и за ее пределами.

Большое значение в этом отношении прежде всего имело его знакомство с братьями В. и Л. Кецховели, И не только потому, что именно Ладо Кецховели способствовал его вступлению в Тифлисскую организацию РСДРП. Как мы уже знаем, старший брат Ладо Николай был женат на Марии Коринтели {1}, которая находилась в родстве с народником Михаилом Кайхосровичем Кипиани {2}, а после смерти отца воспитывалась в семье дяди по матери Васо Мегвинет-Ухуцеси {3}, который сам

принадлежал к народническому кружку и был связан с такими видными общественными деятелями, как писатель Нико Ломаури, Илья Дмитриевич Мачавариани, Давид и Антон Николаевичи Пурцеладзе [4].

Определенное значение для последующей карьеры И. В. Сталина имело также его знакомство с Михой Давиташвили, приходившимся племянником писателю-народнику Шио Давиташвили. Занимая в начале 80-х гг. XIX в. должность секретаря Горийского уездного управления [5], Ш. Э.Давиташвили был связан с народовольческим кружком, выданным в 1883 г. провокатором С. Дегаевым. В качестве обвиняемых по делу об этом кружке проходило более 20 человек, в том числе Михаил Кайхосрович Кипиани, Илья Дмитриевич Мачавариани, Александр Теймуразович Нанейшвили, Степан Федорович Чрелашвили, княжна Мария Александровна Шервашидзе и др. [6].

Не позднее 1900 г. И. В. Джугашвили познакомился с Александром Григорьевичем Цулукидзе, который был сыном князя Григория Симоновича Цулукидзе от его брака с княжной Олимпиадой Григорьевной (Гигоевной) Цулукидзе [7]. Если Григорий Симонович являлся единственным сыном в семье, то Олимпиада Григорьевна имела восемь братьев и четырех сестер [8].

Брат Олимпиады Григорьевны Александр (1844–1897) был женат на княжне Екатерине Александровне Шервашидзе (1857–1929) [9], одна сестра которой, Елизавета, стала женой уже упоминавшегося народника Михаила Кайхосровича Кипиани [10], другая, Мария, сама принимала участие в народническом движении и около трех лет провела в ссылке [11]. Сестра Олимпиады Григорьевны Минадора находилась

замужем за генерал-майором князем Дмитрием Аслановичем Церетели, являвшимся троюродным братом поэта, марганцепромышленника и социалиста-федералиста А. Р. Церетели (1840–1815) и двоюродным — кутаисского губернского предводителя дворянства, камергера императорского двора князя Симона Георгиевича Церетели [12], который, как мы уже знаем, принадлежал к числу сторонников восстановления грузинской государственности [13]. Своим человеком в доме Цулукидзе являлся князь Давид Александрович Микеладзе, огласивший в 1901 г. в дворянском собрании Кутаисской губернии требование об отделении Грузии от России [14].

Заслуживают внимания родственные связи и по линии крестного отца А. Г. Цулукидзе князя Варлаама Михайловича Эристави [15]. Прежде всего это касается его брата Андрея Михайловича (р. 1855), который в 1875 г. проходил по делу «О пропаганде в Тифлисской и Кутаисской губерниях», а затем три года находился под надзором полиции [16]. Отец Андрея и Варлаама Эристави Михаил Кайхосрович (1819–1871) по материнской линии являлся правнуком имеретинского царя Соломона I Великого (1735–1784), дочь которого Мариам (1759–1843) находилась замужем за одним из руководителей антирусского восстания 1804 г. в Грузии князем Элизбаром Георгиевичем Эристави (1751–1826) [17].

Нельзя не обратить внимание на то, что связи М. Давиташили, Л. Кецховели и А. Цулукидзе шли к одному и тому же кругу лиц, многие из которых, в свою очередь, имели родственные связи как с руководителями первого антирусского восстания в Грузии 1804 г., так и с представителями дворянской оппозиции начала XX в., стремившейся к возрождению грузинской государственности. По-

казательно и то, что именно с этой средой были связаны Заза Джукашвили, семья горийских дворян Алхазовых, князья Амилахвари, потомки полковника Михаила Васильевича Мачабели.

По мере восхождения И. В. Сталина по ступеням партийной иерархии его связи за пределами партии постепенно расширялись. Важную роль в этом отношении имело его участие в составе Имеретино-Мингрельского комитета РСДРП (1904–1905 г.). Именно в это время он познакомился с Поликарпом (Буду) Гургеновичем Мдивани (р. ок. 1877).

Его отец Гурген Георгиевич и мать Ольга Давидовна (урожденная Жгенти), были дворянами Кутаисской губернии. Кроме Буду они имели еще трех сыновей: Симона, Павла и Николая. Симон учился в Новороссийском, Буду — в Московском университете, откуда за участие в студенческих волнениях 1899 г. оба были отчислены {18}. Некоторое время П. Г. Мдивани играл на тифлисской сцене, а «после Тифлисского театра… — вспоминал Г. Уратадзе, — служил у „архибуржуя" Хоштария в Персии и в его доме был несменяемым тамадой» {19}.

Упомянутый «архибуржуй» — это предприниматель Акакий Мефодиевич Хоштария, который, по одним данным, был связан с партией эсеров, по другим — с социалистами-федералистами {20}. Он тоже происходил из дворян Кутаисской губернии и, по всей видимости, был сыном церковного азнаура (священника) Мефодия Хоштария, который отличался настолько своенравным характером, что, как гласила молва, за неповиновение был посажен княгиней Екатериной Александровной Дадиани на цепь, а его брат Иоанн отправлен в монастырь {21}.

А. М. Хоштария находился в браке с Минадорой Игнатьевной Туркия (ум. 1924) [22], дочерью купца 2-й гильдии, занимавшего пост директора Потийского общества взаимного кредита [23]. А ее брат Артемий имел связи с революционным подпольем [24]. Одной из родственниц Минадоры Игнатьевны являлась Варвара Матвеевна Туркия, бывшая женой Михаила Андреевича Алании [25], брат которого Андрей Андреевич тоже входил в директорат Потийского общества взаимного кредита [26]. В свою очередь брат Варвары Матвеевны Владимир, как мы уже знаем, являлся мужем княжны Марты (Марфы) Ивановны Амилахвари, дочери генерала от кавалерии Ивана Гивича Амилахвари, принадлежавшего, поданным Тифлисского охранного отделения, к лидерам «грузинских националистов». Уже в эмиграции дочь А. М. Хоштарии, названная в честь матери Минадорой (1918–1985), стала женой князя Михаила Георгиевича Багратион-Мухранского, сестра которого Леонида Георгиевна находилась замужем за великим князем Владимиром Кирилловичем [27].

Если Буду Мдивани был близок к А. М. Хоштарии, то А. М. Хоштария находился в приятельских отношениях со Степаном Григорьевичем Лианозовым (ум. 1931) [28]. Они оба входили в состав правления созданного в 1915 г. Русско-персидского лесопромышленного и торгового АО [29]. Степан Григорьевич являлся сыном действительного статского советника Георгия Мартыновича Лианозова [30], в московском доме которого в 90-е гг. XIX в. собирались лица, связанные с армянским движением [31].

В 1904 г. в Баку пересеклись пути И. В. Сталина и Исидора Эммануиловича Гуковского. Позднее некоторые

авторы называли последнего «близким другом диктатора Сталина, тянувшего его и стоявшего за него горой» {32}.

И. Э. Гуковский родился в 1871 г. Его отец Эммануил Григорьевич был одесским купцом {33}. Перейдя в православие и получив профессию провизора, Исидор Эммануилович некоторое время жил в Тамбове, где познакомился с будущим «золотым комиссаром» Тихоном Ивановичем Поповым, а затем переселился в Петербург и занял здесь должность помощника заведующего Статистическим бюро петербургской губернской земской управы. Став социал-демократом, он принял участие в организации, которая называлась «Группа рабочих революционеров». Она выделилась в 1897 г. из Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и издавала газету «Рабочее знамя» {34}. Будучи членом этой группы, И. Э. Гуковский руководил рабочим кружком в Колпине, где в это же самое время вела пропаганду уже знакомая нам по Тифлису А. А. Киселевская, ставшая позднее женой И. Ф. Дубровинского {35}. В 1899 г. И. Э. Гуковский был привлечен сразу к двум формальным дознаниям и на основании высочайшего повеления 23 февраля 1900 г. выслан на 5 лет под гласный надзор полиции в Енисейскую губернию {36}.

В 1904 г. по окончании срока ссылки он поселился в Баку {37} и здесь получил место бухгалтера в Бакинской городской управе, которую тогда возглавлял А. И. Новиков {38}. Одновременно с этим Э. И. Гуковский вошел в состав ревизионной комиссии нефтепромышленной фирмы «А. С. Меликов и К°», одним из владельцев которой был А. И. Манташев {39}.

Восстановив прежние связи, И. Э. Гуковский уже в 1904 г. стал представителем ЦК в Баку [40]. 17 октября 1905 г. он встретил в Петербурге, где вместе с М. С. Ольминским принял участие в совещании, посвященном созданию большевистской газеты «Новая жизнь» [41]. Став секретарем ее редакции, И. Э. Гуковский после закрытия газеты был арестован и привлечен к новому дознанию. Правда, вскоре благодаря хлопотам влиятельных лиц ему удалось выйти под залог на волю, после чего он сумел уехать за границу, но по возвращении оттуда снова оказался за решеткой. Рассмотрев в 1908 г. его дело, Петербургская судебная палата вынесла оправдательный приговор, но запретила И. Э. Гуковскому проживать в столицах [42].

Некоторое время он снова жил в Баку, в 1910 г., когда названное выше запрещение было отменено, перебрался сначала в Москву [43], а в 1912 г. — в Петербург и здесь возглавил контору Петербургского нефтепромышленного общества, в правление которого входили А. И. Путилов (председатель), Т. В. Белозерский, Н. Б. Глазберг, Г. Г. Кянджунцев и С. Г. Лианозов [44]. Еще в 1907 г. И. Э. Гуковский купил участок нефтеносной земли и в 1914 г. создал нефтепромышленную фирму «И. Э. Гуковский» с уставным капиталом 300 тыс. руб. Позднее ее капитал оценивался в полмиллиона рублей [45]. В адресной книге «Весь Петроград» на 1917 г. мы видим И. Э. Гуковского в кресле директора Бакинско-Астраханского нефтепромышленного и транспортного акционерного общества. Председателем правления этого общества был И. Х. Озеров, содиректорами М. Я. Аникст и Б. С. Френкель [46].

Несмотря на то что, покинув Баку, И. Э. Гуковский отошел от участия в революционной деятельности, он не порвал связи с революционным подпольем. Из воспоминаний С. Я. Аллилуева явствует, например, что он был одним из тех, кто более или менее регулярно вносил деньги в фонд помощи арестованным и ссыльным [103]{47}. Сразу же после Февральского переворота 1917 г. нефтепромышленник И. Э. Гуковский стал «казначеем ПК (большевиков)» {48}.

Не позднее 1904 г. И. В. Сталин познакомился со Степаном Георгиевичем Шаумяном. В посвященной С. Г. Шаумяну литературе обычно отмечается, что он родился в семье приказчика {49}. Это не совсем точно, так как его дед Лазарь был тифлисским купцом. Он имел трех сыновей: Артемия, Давида и Георгия {50}, из которых наиболее удачливым оказался Артемий. В 90-е гг. XIX в. Артемий Лазаревич входил в число 12 «коренных купцов 1-й гильдии» города Тифлиса {51}. Обучаясь в Тифлисском реальном училище, С. Г. Шаумян не только подружился с сыном А. И. Манташева Иваном (Гиго), но и стал своим человеком в доме кавказского миллионера {52}. Более того, бытует легенда, будто бы А. И. Манташев хотел выдать за С. Г. Шаумяна одну из своих дочерей {53}.

В 1898 г. И. А. Манташев и С. Г. Шаумян отправились в Петербург и поступили в только что открывшийся здесь Политехнический институт. Затем Степан Шаумян перевелся в Рижский политехнический институт, но через некоторое время по семейным обстоятельствам (был арестован его отец) вернулся в Тифлис и поступил в редакцию газеты «Новое обозрение» {54}. 19 июня 1899 г. он женился на Екатерине Сергеевне Тер-Григорян

{55}, которая, по всей видимости, была дочерью выпускника Петербургского технологического института инженера-нефтяника Сергея (Сетрака) Минаевича Тер-Крикоряна, сыгравшего важную роль в становлении нефтяного бизнеса А. И. Манташева {56}.

Еще будучи учеником Тифлисского реального училища, С. Г. Шаумян познакомился с Ладо Кецховели {57}, а когда вернулся из Риги, оказался в центре кружка, члены которого явно тяготели к террористической деятельности {58}. Вскоре Георгия Лазаревича Шаумяна освободили, и уже в 1900 г. его сын, получив стипендию А. И. Манташева, вернулся в Ригу, где находился с 1 сентября 1900 по 2 марта 1902 г. Весной 1902 г. за участие в студенческих волнениях его исключили из института {59}, а «осенью 1902 г. он вновь был включен в список стипендиатов Манташева и вместе с женой Екатериной Сергеевной, сыном Суреном и свояченицей Лелюш выехал для продолжения образования в Германию», где стал студентом философского факультета Берлинского университета. К весне 1903 г. относится знакомство С. Г. Шаумяна с В. И. Лениным {60}.

Ранее уже приводилось письмо неизвестного автора, датированное 25 февраля 1913 г. и адресованное из Петербурга в Астрахань С. Г. Шаумяну, из которого явствует, что даже в 1913 г., когда жизненные пути И. А. Манташева и С. Г. Шаумяна разошлись, когда последний стал известным революционером, а А. И. Манташева, который поддерживал революционное движение на Кавказе, уже не было в живых, члены его семьи продолжали питать к С. Г. Шаумяну расположение и готовы были оказывать ему материальную помощь {61}.

Обучаясь в реальном училище, С. Г. Шаумян познакомился и подружился не только с И. А. Манташевым, но и с Бейбутом Джеванширом. Последний тоже получил высшее образование в Германии. Он закончил Горную академию и по возвращении на Кавказ стал играть видную роль в бакинской нефтяной промышленности. В то же время он не порвал отношений со своим школьным другом и неоднократно помогал ему, когда тот попадал в руки жандармов {62}.

Приведенные примеры свидетельствуют, что расширение внутрипартийных связей открывало перед И. В. Сталиным возможность установления опосредованных связей за пределами партии: в предпринимательских кругах, среди грузинского дворянства, в офицерской и чиновничьей среде. В то же время происходило установление прямых связей И. В. Сталина в тех кругах за пределами партии, от которых во многом зависела ее деятельность.

21 декабря 1996 г. на страницах «Независимой газеты» появилась публикация Александра Образцова, в которой излагались фрагменты записей, якобы принадлежавшие одному из умерших работников советских спецслужб Якову Прокофьевичу Иванову и свидетельствующие, что будто бы еще в период пребывания в Батуме И. В. Сталин установил контакты с английской и турецкой разведками. «Первая встреча Сталина с английским и турецким резидентами, — говорится в названной публикации, — произошла зимой 1901 года в Батуме… Он отыскал английского коммерсанта, имел с ним несколько встреч. Затем он встречался с турецким резидентом… Когда… Сталин был арестован за организацию беспорядков, в тюрьме его навестил английский друг». Сенсационно звучит и другое утверждение А. Образцова: «Первая

встреча Сталина и Черчилля произошла в Лондоне в мае 1907 г.» [63]. Несмотря на то что сами по себе подобные контакты вполне могли иметь место, никаких, даже косвенных данных, подтверждающих эту публикацию, в нашем распоряжении нет.

Вместе с тем есть основания предполагать, что в Батуме И. В. Сталин мог непосредственно контактировать с некоторыми предпринимателями. По воспоминаниям рабочего завода Ротшильда Чакветадзе, когда после пожара на этом заводе И. В. Сталин с депутацией рабочих посетил нового директора завода Ф. Ф. Гьюна, у рабочих возникло впечатление, что к этому времени И. В. Сталин и Ф. Ф. Гьюн уже были знакомы [64].

Более определенные сведения о подобных связях относятся к 1904–1905 гг. и связаны с пребыванием И. В. Сталина в Чиатурах. Здесь он появился в конце ноября — начале декабря 1904 г., и тем домом, где ему был дан приют, стал дом марганцепромышленников братьев Кекелидзе: Александра, Бартоломе, Георгия и Датико [65]. Весной — летом 1905 г. в Чиатурах И. В. Сталин жил у марганцепромышленников Сачино Вашадзе [66], Джакели, по всей видимости, Александра [67] и Уплиса Сосиевича Чачанидзе [68]. Кроме того, он посещал дом племянника последнего — Якова Чачанидзе [69]. А история с розыском денег, похищенных у представителя Гельзенкирхенского акционерного общества на Кавказе И. С. Персинаки, дает основания утверждать, что если И. В. Сталин и не был знаком с ним лично, то, по крайней мере, пользовался его материальной поддержкой.

Удалось обнаружить данные о кредиторах большевистского подполья, с которыми прямо или опосредован-

но контактировал И. В. Сталин и в Баку. В этом отношении особого внимания заслуживает агентурное донесение, полученное Бакинским охранным отделением осенью 1909 г.

«При Бакинском комитете, — сообщал секретный сотрудник Бакинского ГЖУ, — существует финансовая комиссия, членами которой состоят районный фабричный инспектор Семенов, заступивший летом место старшего фабричного инспектора, далее Исаак — конторщик Каспийского нефтепромышленного товарищества и некто Иосиф, заведующий нефтепромыслом Тер-Акопова. Деятельность означенных лиц в активных действиях не проявляется, а всецело только направляется на сбор денег под руководством Семенова. Последний брал деньги у Ландау, управляющего Балаханскими промыслами Ротшильда, Браиловского, управляющего Московско-Кавказским нефтепромышленным товариществом, Багдатьяна, управляющего техническим надзором в Совете съездов нефтепромышленников, Манчо, директора нефтяного товарищества „Шибаева“» {70}.

Поскольку в сентябре 1909 — марте 1910 г. И. В. Джугашвили был секретарем Бакинского комитета РСДРП и деятельность финансовой комиссии осуществлялась под его непосредственным руководством, то со всеми названными в этом донесении лицами он мог быть знаком лично.

Что же представляли собой названные в приведенном агентурном донесении кредиторы Бакинской организации РСДРП?

В 1909 г. управляющим техническим надзором Совета съезда нефтепромышленников был Михаил Саркисович (Сергеевич) Багдатьян (Богдатьян). Он родился в

1874 г., вместе с Л. Б. Красиным учился в Харьковском технологическом институте, участвовал в студенческих волнениях 1899 г., был привлечен к дознанию при Харьковском ГЖУ, но доказать его причастность к организации этих волнений жандармам не удалось. В дальнейшем мы видим М. С. Багдатьяна преподавателем бакинского Коммерческого училища, а затем в «должности инженера по замощению улиц». 29 августа 1904 г. новый инженер был застигнут полицией при перевозке нелегальной типографии, но сумел скрыться из Баку и эмигрировал в Женеву, откуда вернулся после 17 октября 1905 г. По возвращении он поступил на службу в Совет съезда нефтепромышленников и вскоре занял пост управляющего техническим надзором {71}.

Управляющий Московско-Кавказского нефтепромышленного товарищества Петр Владимирович Браиловский (1863–1910) был земляком И. В. Сталина, так его отец Владимир Иванович с 1866 по 1871 г. служил в Горийском уездном управлении казначеем {72}. В 1883 г. после окончания 1-й Тифлисской гимназии П. В. Браиловский отправился в столицу и поступил в университет на физико-математический факультет. Здесь до 1885 г. он учился на одном курсе с Г. П. Олейниковым и А. И. Ульяновым {73}, затем перешел в Горный институт, который закончил не ранее 1889 г. {74}В студенческие годы В. П. Браиловский подружился с Артемием Сергеевичем Бекзадяном, князем Иосифом Юлоновичем Дадиани, князем Давидом Георгиевичем Джорджадзе и Константином Ивановичем Хатисовым {75}.

Иосиф Юлонович (1862–1937) являлся правнуком правителя Мингрелии Манучара Кациевича Дадиани и принадлежал к боковой ветви этого известного и влия-

тельного на Кавказе княжеского рода [76]. Его сестра Елена (ум. 1920) находилась замужем за подполковником князем Александром Георгиевичем Цулукидзе (ум. 1906) [77], а их племянник — чиновник особых поручений Канцелярии наместника на Кавказе князь Владимир Григорьевич Цулукидзе [78]состоял в браке с Евгенией Иосифовной Джакели [79].

Евгения Иосифовна была внучкой Ивана Степановича Джакели и Елены Георгиевны Зубаловой [80], сыновья которых Степан (1861–1906) и Иосиф (1834–1898), основав в 1880 г. фирму «С. и И. Джакели и К°», получили известность как нефтепромышленники [81]. После их смерти руководящее положение в фирме заняли братья Зубаловы, Петр и Яков [82], отец которых Константин Яковлевич (1828–1901), приходившийся двоюродным братом Елене Георгиевине Зубаловой [83], состоял в браке с княжной Елизаветой Михайловой Тумановой, а ее сестра Эмеренция была женой Степана Ивановичем Джакели (1861–1906) [84].

Брат Евгении Иосифовны Николай [85]тоже занимался нефтяным бизнесом. Он входил в правление фирмы «С. и И. Джакели» [86], а также вместе с Иосифом Юлоновичем Дадиани являлся учредителем нефтепромышленного товарищества «Казбек» [87]. Однако Н. И. Джакели был не совсем обычным нефтепромышленником. В 90-е гг. XIX в. он привлек к себе внимание жандармов контактами с проходившим по делу партии «Народное право» Николаем Германовичем Гопфенгаузом, его сестрой Марией, ставшей женой Н. Е. Федосеева, который, как известно, сыграл немаловажную роль в приобщении к марксизму В. И. Ульянова (Ленина)

[88], и одним из создателей месамедаси Иосифом Павловичем Какабадзе [89]. Н. И. Джакели проходил по делу о «Лиге свободы Грузии» [90], а затем мы видим его среди преподавателей батумской воскресной школы для рабочих [91].

Интересной фигурой был инженер князь Давид Георгиевич Джорджадзе. Его сестра Нино (р. 1863) являлась женой народника князя Иорама Джорджадзе (р. 1858) [92], а брат Илья (р. 1861), находившийся в дружеских отношениях с семьей Н. Я. Николадзе [93], был женат на княжне Нине Захаровне Андрониковой (1858–1942) [94], являвшейся сестрой батумского городского головы, в прошлом тоже народника, Ивана Захаровича Андроникова [95].

Сам Давид Георгиевич находился в браке с княжной Ниной Давидовной Чавчавадзе (1858–1936), внучкой князя Александра Гарсевановича Чавчавадзе (1786–1846) [96]. Одна сестра ее отца Давида Александровича (1817–1884), Нина (1812–1857), была замужем за автором знаменитой комедии «Горе от ума» Александром Сергеевичем Грибоедовым (1795–1829), другая, Екатерина (1816–1882), — за последним владетелем Мингрелии князем Давидом Левановичем Дадиани, третья, Софья (1833–1862), — за потомком знаменитого Неккера, бароном Александром Павловичем Николаи (1821–1899), вершиной карьеры которого был пост министра народного просвещения [97].

Характеризуя родственные связи Нины Давидовны, следует отметить, что сестра Д. Л. Дадиани Нино (1816–1886) находилась в браке с князем Иваном Константиновичем Багратион-Мухранским (1812–1895), зани-

мавшим пост кутаисского губернатора, связанным с марганцепромышленным бизнесом и принадлежавшим к числу богатейших налогоплательщиков Тифлиса. Другая сестра Д. Л. Дадиани, Екатерина (ум. 1839), была женой князя Дмитрия Шервашидзе (1818–1858) {98}, сын которого Георгий (1846–1918), приходившийся троюродным братом Елизавете, Екатерине и Марии Александровнам Шервашидзе и состоявший в браке с дочерью барона А. П. Николаи Марией Александровной {99}, долгое время занимал пост тифлисского губернатора, а с 1897 по 1917 г. не только состоял при дворе императрицы Марии Федоровны, но и, как гласила молва, являлся ее гражданским мужем. От барона А. П. Николаи шла еще одна интересная генеалогическая линия. Его брат был женат на баронессе Мейендорф, сестра которой находилась в браке за Василием Николаевичем Чичериным. Их сын Георгий в 1918 г. стал наркомом иностранных дел Советской республики {100}.

Матерью Нины Давидовны Чавчавадзе была внучка царя Грузии Георгия II светлейшая княжна Анна Ильинична Грузинская (1828–1905), приходившаяся двоюродной сестрой светлейшему князю Александру Багратовичу Грузинскому (1820–1865) {101}, сын которого Георгий Александрович (1858–1922) входил в правление Каспийско-Черноморского товарищества {102}. Сестра Анны Ильиничны Вера (1842–1861) являлась женой князя Николая Ивановича Святополк-Мирского (1833–1898) {103}, брат которого Дмитрий занимал пост помощника наместника на Кавказе {104}, а племянник Петр Дмитриевич получил известность на посту министра внутренних дел в 1904–1905 гг. {105}Брат Нины Давидовны князь Илья Давидович Чавчавадзе

(1860–1921) имел дочь Анну (1891–1943), которая была выдана замуж за графа Александра Илларионовича Воронцова-Дашкова, сына наместника на Кавказе [106].

Видимо, в Гори П. В. Браиловский познакомился с праправнучкой царя Грузии Ираклия II княжной Тамарой Николаевной Эристави (1872–1952), и она стала его женой. Отец княжны Тамары Николаевны — сын участника антирусского заговора 1832 г. генерал-лейтенант князь Николай Бидзинович Эристави (1831–1912) был внуком князя Реваза Георгиевича Эристави (ум. 1813), находившегося в браке с сестрой последнего царя Грузии Георгия XII царевной Анастасией Ираклиевной (1763–1838) и являвшегося родным братом неоднократно уже упоминавшегося руководителя антирусского восстания 1804 г. в Грузии князя Элизбара Георгиевича Эристави [107].

Брат Н. Б. Эристави Александр Бидзинович состоял в браке с Анной Захаровной Шаншиевой [108], сестрой того самого Константина Захаровича Шаншиева, который покровительствовал бывшему горийскому уездному начальнику Давиду Ивановичу Бакрадзе [109]. А сестра Николая Бидзиновича Дарья находилась замужем за князем Александром Ивановичем Багратион-Давидовым и была матерью князя Георгия Александровича, принадлежавшего к числу лидеров грузинских националистов [110].

Сам Николай Бидзинович был женат на Екатерине Захаровне Сараджевой (1850–1929), дед которой Давид Григорьевич (ок. 1765–1846) занимался торговлей мануфактурными товарами, принадлежал к числу «тифлисских именитых граждан» и имел трех сыновей: Егора (р.

ок. 1797), Захария (р. 1810) и Соломона (р. 1813). У Захария Давидовича было трое детей: Давид, Екатерина и Мария [111], Мария Захаровна стала женой поэта князя Давида Георгиевича Эристави (1847–1890) [112], а Давид Захарович получил известность как преуспевающий винозаводчик.

В то же время Давид Захарович принадлежал к числу тех немногих в России, кто в 90-е гг. XIX в. имел в своей библиотеке комплект центрального органа германских социал-демократов журнала «Neue Zeit». Причем Д. З. Сараджев не только был знаком с некоторыми лидерами грузинских социал-демократов, но и оказывал им материальную помощь. Так, по сведениям Департамента полиции, в 1910 г. «Жордания, находясь за границей, получал [от него] ежемесячную субсидию в 150 руб.» [113].

Жена Д. З. Сараджева Екатерина Ивановна была дочерью Ивана Адамовича Поракова (Поракишвили), брат которого Георгий являлся кумом известного нефтепромышленника Георгия Мартыновича Лианозова [114]. Одним из друзей Давида Захаровича был марганцепромышленник Н. В. Гогоберидзе. О степени их близости свидетельствует тот факт, что последний завещал похоронить его рядом с Д. З. Сараджевым [115].

Один брат Тамары Николаевны, Александр (1873–1955), стал мужем Веры Яковлевны Малама (1887–1974), отец которой генерал от инфантерии Я. Д. Малама с 1905 по 1906 г. занимал пост помощника наместника на Кавказе по военной части, другой, Георгий (1875–1947), находился в браке с княжной Марией Прокофьевной Шервашидзе (1890–1986), дочерью генерал-майора князя Прокофия Левановича Шервашидзе, кото-

рый был двоюродным племянником последнего правителя Абхазии князя Михаила Георгиевича Шервашидзе [116] и троюродным братом не только народоволки княжны Марии Александровны Шервашидзе, но и состоявшего при императрице Марии Федоровне князя Георгия Дмитриевича Шервашидзе [117].

Таким образом, через П. В. Браиловского шли разветвленные связи в предпринимательские круги, в среду грузинской аристократии, в окружение наместника, самые высокие правительственные канцелярии и даже к императорскому двору.

Упоминаемый в приведенном выше агентурном донесении «управляющий Балаханскими промыслами Ротшильда» — это управляющий Каспийско-Черноморского нефтепромышленного товарищества инженер Давид Львович Ландау.

Давид Львович родился около 1868 г. Его предки по отцовской линии происходили из Дании, мать наполовину была немкой, наполовину — француженкой, сестра Мария жила в Петербурге и носила фамилию мужа — Таубе. От брака с Любовью Вениаминовной Гаркави Д. Л. Ландау имел сына Льва (р. 1908), ставшего известным физиком, лауреатом Нобелевской премии, и дочь Софью, бывшую женой профессора-революционера Сурена Зарафьяна [118].

Выйдя в 1889 г. из стен Петербургского технологического института, Давид Львович не позднее 1891 г. стал управляющим литейно-механического котельного завода в Батуме. В 1895 г. он перешел на должность главного инженера завода А. И. Манташева, а затем получил приглашение в Каспийско-Черноморское товарищество и проработал в Баку вплоть до 1920 г.: с 1895

по 1900 г. занимал пост помощника директора нефтеперегонных заводов, в 1900 г. был назначен помощником управляющего, а в 1911 г. вторым управляющим нефтепромыслами [119].

Д. Л. Ландау находился в приятельских отношениях с другим руководителем Каспийско-Черноморского товарищества, Казимиром Людвиговичем Бардским [120]. Последний состоял в браке с Габриэлой Германовной Гольдлюст, дочерью австро-венгерского подданного и одновременно тифлисского купца 1-й гильдии [121], который вместе с братом Генрихом, тоже купцом 1-й гильдии, являлся владельцем известного на Кавказе торгового дома «Братья Гольдлюст» [122]. Кроме Габриэлы Герман Гавриилович имел еще одну дочь, Ядвигу, ставшую женой своего кузена Эмиля Генриховича Гольдлюста [123].

От семьи Гольдлюстов шла еще одна важная нить. Дело в том, что сестра Эмиля Генриховича Гизель-Елизавета-Мария (р. ок. 1868) 27 июля 1886 г. обвенчалась с австрийским купцом Арнольдом-Константином Михайловичем Фейглем (р. ок. 1854). Свою предпринимательскую карьеру А. М. Фейгль начинал бакинским купцом 2-й гильдии [124], позднее стал коммерции советником, в 1906–1909 гг. входил в Совет бакинских нефтепромышленников и некоторое время являлся его председателем [125].

Когда в 1898 г. в Баку было открыто австро-венгерское консульство, его возглавил Генрих Гаврилович Гольдлюст [126]. В 1907 г. его сменил сын Эмиль [127], занимавший этот пост вплоть до начала Первой мировой войны [128].

Как известно, консул — это «должностное лицо, назначенное правительством в какой-либо город или район иностранного государства для защиты прав и интересов организаций и граждан своей страны» {129}. Таким образом, торговый дом «Братья Гольдлюст» на протяжении почти 16 лет представлял и защищал в Баку интересы Австро-Венгрии. При этом нельзя не учитывать, что всегда и везде консульства являются центрами, вокруг которых группируются граждане соответствующих государств, находящиеся за границей. Всегда и везде дипломатические представительства используются для прикрытия спецслужб соответствующих государств. Причем если военные атташе собирают главным образом военную информацию, то консульства — прежде всего экономическую. Следовательно, отец и сын Гольдлюсты должны были контактировать со спецслужбами Австро-Венгрии в России и располагать в Баку собственной агентурой как в предпринимательских кругах, так и в правительственных учреждениях.

Упомянутым в агентурном донесении директором нефтяного общества «Шибаев» был Александр Иванович Манчо {130}(р. ок. 1870), молдаванин по национальности. Получив техническое образование, он поселился в Баку и здесь через некоторое время поступил на службу в нефтяную фирму «С. М. Шибаев и К°» {131}. Созданная московским купцом С. М. Шибаевым, она после его смерти в 1889 г. перешла сначала к жене, а потом к сыновьям, которые привлекли английский капитал и преобразовали ее в акционерное общество {132}. В 1905 г. в его правление входили Александр Федорович Дерю Жинский, Рудольф Александрович Липман, Давид Натанович Сакер и Лесли Андреевич Уркарт {133}. Англичанин, родившийся в России, Л. А. Уркарт некото-

рое время возглавлял британское консульство в Баку, а затем был членом правления горнозаводского общества Кыштымских заводов, одним из акционеров которого являлся американский бизнесмен, будущий президент США Герберт Гувер [134].

Впервые в качестве заведующего фирмой «С. М. Шибаев и К°» А. И. Манчо появляется на страницах справочника «Баку и его район» в 1907–1908 гг. [135]Перемены в руководстве этой фирмы, по всей видимости, были связаны с тем кризисом, перед лицом которого она оказалась. Однако изменить положение простой перестановкой кадров не удалось, и в июле 1909 г. газета «Баку» сообщила о банкротстве акционерного общества «Шибаев и К°» [136].

Общество перешло под так называемое административное управление, в состав которого вошли М. Винтернац, Я. В. Вишау, А. И. Манчо, И. А. Розов и Э. Эпштейн [137]. Возглавил администрацию представитель английского банка «Братья Беринг» Яков Васильевич Вишуа, А. И. Манчо сохранил прежнюю должность, а управляющим промышленности стал Б. А. Джеваншир [138].

Новое руководство увеличило уставной капитал общества и таким образом ликвидировало возникшую задолженность, после чего администрация была упразднена, и акционерное общество снова перешло под руководство правления. В его состав вошли: от представителей администрации А. И. Манчо и И. А. Розов, от новых акционеров Э. К. Грубе (Сибирский торговый банк), Г. П. Эклунд («Братья Нобель»), кандидат — Д. С. Хрулев [139].

Произошедшие в составе правления изменения свидетельствовали, что «Братья Беринг» утратили контрольный пакет акций, и руководство обществом перешло под контроль Сибирского торгового банка и «Братьев Нобель», в которых до войны особую роль играл германский капитал.

На протяжении ряда лет А. И. Манчо состоял также управляющим Биби-Эйбатского нефтяного общества [140], которое возникло в 1900 г. [141]Его учредителями были один из руководителей Волжско-Камского банка, В. П. Брадке, и отец будущего белого генерала П. Н. Врангеля барон Николай Егорович Врангель (1847–1923) [142]. В 1905 г. членами правления Биби-Эйбатского нефтяного общества являлись Александр Францевич Кох, Николай Егорович Врангель, Август Эдуардович Гутман и Юлий Федорович Николаи [143]. Несмотря на то что общество, как считается, было создано на английские деньги [144], Н. Е. Врангель сотрудничал с ационерным обществом «Сименс-Гальске», а А. Э. Гутман — с акционерным обществом машиностроительных заводов Гартмана [145], и оба — с Петербургским международным коммерческим банком [146], в которых преобладал германский капитал. Позднее в руководство Биби-Эйбатского нефтяного общества вошли Яков Вишау [147]и ставший к 1917 г. вице-директором Петербургского международного коммерческого банка Д. И. Сережников [148]. Это свидетельствует о том, что Биби-Эйбатское нефтяное общество имело не только английские, но и немецкие связи.

О том, что А. И. Манчо являлся одним из кредиторов Бакинской организации большевиков, мы можем судить не только на основании приведенного выше агентурного

донесения, но и на основании некоторых мемуаров. Особую ценность среди них имеют воспоминания рабочего И. П. Вацека, который с лета 1903 г. работал в Биби-Эйбатском нефтяном обществе и на протяжении многих лет был кассиром Бакинской организации РСДРП [{149}].

«Мы, — вспоминал И. П. Вацек, — часто брали у Манчо деньги для организации». При этом он уточнял: «В таких случаях ко мне приходил тов. Сталин». Более того, характеризуя свои контакты с А. И. Манчо, И. П. Вацек подчеркивал: «Его и товарищ Сталин хорошо знал» [{150}]. Именно у А. И. Манчо в сентябре 1909 г. были получены деньги для перемещения нелегальной типографии Бакинской организации РСДРП.

«Так как переноска типографии была сопряжена с расходами, — рассказывал И. П. Вацек, — т. Сталин прибежал ко мне на завод и поручил срочно достать деньги, каковые в сумме 600 руб. мною были получены от либерального управляющего». В другом месте по этому же поводу он писал, что, узнав о провале типографии, И. В. Джугашвили «побежал ко мне на завод с Будой Мдивани просить у меня, чтоб я достал денег рублей 200. В это время здесь оказался Манчо, он дал Сталину (узнав в чем дело) 300 руб. Через несколько дней Манчо дал еще 300 руб. Сталину. Типография была перевезена в другое место и спасена» [{151}].

Более подробно о контактах с А. И. Манчо И. П. Вацек поведал в «Воспоминаниях о своей жизни и революционной деятельности в Закавказье», которые хранятся в РГАСПИ [{152}].

Мы не знаем, что суммарно представляла собой денежная поддержка, оказываемая А. И. Манчо бакинским большевикам, но обращает на себя внимание следующий

факт. Когда И. П. Вацек был вынужден покинуть Баку, он «за десять лет» получил от своего управляющего «выходное пособие» в размере 1600 руб. {153}Если учесть, что среднемесячная заработная плата нефтепромышленных рабочих составляла около 40 руб., получается, что А. И. Манчо обеспечил И. П. Вацека средствами на три года вперед. Уже одна эта цифра дает основание думать, что А. И. Манчо передал через И. П. Вацека в кассу большевиков не один десяток тысяч рублей.

Таким образом, став профессиональным революционером, И. В. Сталин посвятил себя деятельности, которая, несмотря на свой малозаметный характер, имела для партии решающее значение, и получил возможность установить как опосредованные, так и прямые связи в тех внепартийных кругах, от материальной поддержки которых во многом зависела судьба революционного подполья.

А поскольку эти связи вели не только в деловой мир, но на самые разные этажи государственной власти, начиная с уезда и кончая столицей, то прежде всего именно здесь следует искать объяснение многих загадок в революционной биографии И. В. Сталина.

Вспомним те на первый взгляд совершенно непонятные факты, которые были связаны с его пребыванием под следствием весной — летом 1908 г. Знакомство с ними невольно рождало подозрения о его связях с охранкой. Как мы теперь знаем, эти подозрения, оказывается, не были лишены основания. Ведший следствие помощник начальника Бакинского ГЖУ ротмистр Ф. В. Зайцев действительно пытался спасти И. В. Сталина, но вовсе не потому, что тот находился на службе Бакинского ГЖУ, а по-

тому, что сам ротмистр Ф. В. Зайцев находился на содержании Бакинской организации РСДРП.

Взятки брали не только на Кавказе, но и в столице, даже в Департаменте полиции, причем чиновники этого учреждения торговали не только оперативной информацией, о чем шла речь ранее, но и своим влиянием на принятие тех или иных решений.

Как мы уже знаем, И. В. Сталин ни разу не привлекался к судебной ответственности. Все наказания, которым он подвергался, имели административный характер и, за исключением одного только случая (1910 г.), исходили от Особого совещания при Министерстве внутренних дел. А поскольку роль канцелярии этого совещания играло 5-е делопроизводство Департамента полиции, то принятие им тех или иных решений во многом зависело от чиновников этого делопроизводства.

О том, как некоторые из них понимали свои обязанности, свидетельствует письмо, адресованное 4 июня 1909 г. из Вологды некоему С. Стаховичу. В нем в пересказе чиновника Департамента полиции говорилось: «Мое освобождение стоит столько-то, ибо все зависит от того, как сделает доклад служащий Департамента. Последний же говорит, что в этом все и заблуждение наше, что мы обращаемся к высшим, а не к низшим» чиновникам {154}.

Известны и таксы, которые существовали в 5-м делопроизводстве за оказываемые услуги. Весной 1910 г. охранкой было перехвачено письмо следующего содержания: «Милый! К сожалению, ничем не могу помочь. За отмену за границей (т. е. за замену административной ссылки выездом за границу. — *А.О.*) чиновник просит 800 рублей за тебя и Якова Михайловича (Свердлова.

— *А.О.*). Где же взять такую сумму? Вероятно, проси я настоятельно, папа достал бы, но мне не хочется взять такую сумму у них. Была я у Полетаева еще до твоего письма. Они ничем помочь не могут» {155}.

Если были возможны переговоры о смягчении за плату наказания Я. М. Свердлова, то подобные же переговоры вполне могли иметь место и при решении судьбы И. В. Сталина. Ведь удалось же кому-то оказать влияние на расследование тифлисской экспроприации, а также на принятие судебных решений в отношении Арсения Корсидзе, партии «Дашнакцутюн», Петербургского Совета рабочих депутатов.

На выяснение подобного рода фактов и должно быть направлено дальнейшее изучении революционной биографии И. В. Сталина. Есть основания думать, что выявление его дореволюционных закулисных связей не только позволит объяснить многие «загадки» в его революционной биографии, но и откроет некоторые невидимые пружины его политической карьеры как до, так и после 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Посвященный в партийные тайны

[1] *Троцкий Л. Д.*Портреты революционеров. М., 1991. С. 54.

[2]Обоснованию этого, по сути дела, посвящена биография И. В. Сталина, вышедшая из-под пера Л. Д. Троцкого (*Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1–2. М., 1990).

[3] *Вакар Н.*Сталин: по воспоминаниям Н. Н. Жордании // Последние новости. 1936. 16 дек.

[4]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 30. Л. 183–191.

[5]См. выше. С. 155–156.

[6]ИПП. Ф. 276. Оп. 2, Д. 126 (И. Стуруа); ГАРФ. Ф. 102. ОО. Д. 5–52-А. Т. 2. Л. 4.

[7]Там же. 1898. Д. 9–52. Л. 25 об.

[8]Там же. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 5–52-А. т. 2. Л. 3–4.

[9]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 6. Л. 93–93 об. (Елизавета Адамовна Есаянц).

[10]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1646. Л. 6.

[11]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 6. Л. 93–93 об. (Е. А. Есаянц).

[12]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 617. Л. 54 об.

[13]ГФ ИМЛ. Ф8. Оп. 5. Д. 69. Л. 1.

[14]Тифлисский листок. 1902. 7 янв.

[15]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1102. Л. 5 (Г. З. Лелашвили).

[16]Там же

[17]ГФИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 15(Карцхва);Л. 18 (Д. Вадачкория).

[18]РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1102. Л. 5 (Г. З. Лелашвили).

[19]Беседа с директором Батумского краеведческого музея Отаром Геронтиевичем Гоголишвили. 31 июля 1996 г. // Архив автора.

[20]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 76.

[21]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1900. Д. 487–1. Л. 503 об.

[22]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 201. Л. 104.

[23]Заря Востока. 1922.10 авг.; ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 1. Л. 24(Аркомед).

[24]Заря Востока. 1922. 10 авг.

[25]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3424. Л. 44–45.

[26]Там же.

[27]*Абрамишвили А. З.*Грузинская периодика (аннотированный каталог грузинской периодики (1819–1917 гг.), хранящийся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Тбилиси, 1968.

[28]*Енукидзе А. С.*Наши подпольные типографии на Кавказе. М., 1925. С. 11–13.

[29]Гори. Д. 407. Л. 1–2 (В. Цуладзе).

[30]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 16–17.

[31]Гори. Д. 96. Л. 3; Заря Востока. 1936. 17 нояб.

[32]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 83 (Ил. Мих. Дарахвелидзе).

[33]*Бибинейшвили Б.*Камо. М., 1934. С. 47.

[34]ГИАГ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 3427. Л. 240; ГФ ИМЛ. Ф.8. Оп. 5. Д. 202. Л. 174.

[35]Там же. Д. 20. Л. 247 (К. Канделаки).

[36]Там же. Д. 41. Л. 52.

[37]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1903. Д. 2781. Л. 1–2.

[38] *Чулок И. С.*Очерки истории Батумской коммунистической организации (1890–1921). Батуми, 1970. С. 91.

[39]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1900. Д. 487–1. Л. 503 об.

[40]Третий съезд РСДРП: Протоколы. М., 1959. С. 149.

[41]Там же. С. 130.

[42]Там же.

[43]Там же. С. 132.

[44]Там же.

[45]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 5–79. Л. 89.

[46]Пятый год: Сб. 1. Под ред. С. Черномордика. М., 1925. С. 9–10.

[47]ГАРФ. Ф. 102. ОО. Д. 5–61-А. Л. 184 об.

[48]Гори. Д. 167. Л. 2.

[49] *Такер Р.*Сталин / Путь к власти. 1878–1929. М., 1990. С. 104–105.

[50] *Познер С. М.*Из истории революционной деятельности товарища Сталина в годы революционного подъема // Исторические записки. Т. 30. М., 1949. С. 90–91.

[51] *Кровицкий Г. А.*Путь старого большевика: К 60-летию Е. Д. Стасовой. М., 1933. С. 51–52.

[52]Там же.

[53] *Бибинейшвили Б.*Камо. С. 325–326.

[54] *Уратадзе Г.*Воспоминания грузинского социал-демократа. Standford, 1968. С. 67.

[55]История Коммунистической партии Советского Союза: В 6 т… Т. 3. М., 1967. С. 20.

[56]*Джанибекян В.*Провокаторы: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2000. С. 304.

[57]Там же. С. 314.

[58]*Вакар Н.*Сталин (по воспоминаниям Н. Н. Жордании) // Последние новости. 1936. 16 декабря.

[59]*Арсенидзе Р.*Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. Кн. 72. Нью-Йорк, 1963. С. 233.

Невидимые связи

[1]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 25. Л. 142–143. (В. З. Кецховели).

[2]Кайхосро Иванович Кипиани (р. ок. 1796) был женат на Ефимии Павловне Коринтели (РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 6225. Л. 305–306).

[3]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 25. Л. 142–143 (В. З. Кецховели).

[4]Там же. Л. 143–144 (В. З. Кецховели); Молодая гвардия. 1939. № 12. С. 55–56.

[5]Кавказский календарь на 1882 г. Тифлис, 1881. С. 40; Каторга и ссылка. 1934. Кн. 2, С. 128–129.

[6]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1883. Д. 1352. Л. 190–191.

[7]КФ ГИАГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5736. Л. 1.

[8]Сведения, полученные от грузинского генеалога Ю. К. Чиковани. Тбилиси. 25 июля 1996 г. // Архив автора.

[9]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. М., 1998. С. 25.

[10]Там же.

[11]Там же; ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1887. Д. 719–2-А. Л. 146.

[12]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 231–232.

[13]Сведения Ю. К. Чиковани (далее — Сведения Ю. К. Чиковани).

[14]*Ратиани Н. К.*Грузинские шестидесятники в русском освободительном движении. Тбилиси, 1968. С. 129–142.

[15]КФ ГИАГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5736. Л. 1.

[16]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 267.

[17]Там же. Т. 3. С. 89–90; Т. 4. С. 274, 267.

[18]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1899. Д. 3879. Л. 2.

[19]*Уратадзе Г.*Воспоминания грузинского социал-демократа. С. 208.

[20]Картотека Департамента полиции.

[21]*Бороздин К. А.*Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 г. СПб., 1885. С. 105.

[22]Заря Востока. 1924. 15, 18, 22 июня.

[23]Кавказский календарь на 1890 г. С. 132.

[24]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1907. Д. 637. Л. 264.

[25]Заря Востока. 1924. 15, 18 и 22 июня.

[26]Кавказский календарь на 1890 г. С. 132.

[27]Дворянские роды Российской империи. Т. 3. С. 63.

[28]*Чуваков В. Н.*Русский зарубежный некрополь. 1917–1967. М., 1967. С. 552; Возрождение. 1931. 15 и 17 февр.

[29]Акционерно-паевые предприятия России. Пг., 1917. С. 132.

[30]РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2763. Л. 3, 12.

[31]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1890. Д. 180–2. Л. 149.

[32]*Соломон Г. А.*Среди красных вождей. М., 1995. С. 214, 227.

[33]Одесский листок. 1893. 31 окт.

[34]*Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское движение от 1880 до 1905 г. Вып. 1. Пг., 1923. С. 206.

[35]А. А. Кисилевская (биографическая справка).

[36]*Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов… Вып. 1. С. 206.

[37]РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 51. Л. 29–30.

[38]ИИП. Ф. 276. Оп. 2. Д. 6. Л. 41 (А. Енукидзе).

[39]Бакинский настольный календарь на 1904 г. Баку, 1903.4.2. С. 135–136.

[40]*Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов… Вып. 1. С. 206; Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с партийными организациями РСДРП. 1903–1905 гг. Т. 2. М., 1975. С. 396.

[41]*Ольминский М. С.*Партийная газета в 1905 г. // Известия. 1925. 20 дек;

[42]*Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов… Вып. 1. С. 206.

[43]Там же; Вся Москва на 1912 г. Ч. 3. С. 146.

[44]Акционерно-паевые предприятия России. 1913. С. 360; Весь Петроград на 1915 г. С. 183.

[45]РГИА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 51. Л. 29–30.

[46]Весь Петроград на 1917. Ч. 1. С. 1415; Ч. 2. С. 193.

[47]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 659. Л. 66.

[48]*Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов… Вып. 1. С. 206.

[49]*Акопян Г. С.*Степан Шаумян: Жизнь и деятельность. 1878–1918. М., 1973. С. 2.

[50]Тифлисский листок. 1907. 30 и 31 марта.

[51]Тифлисский настольный календарь на 1895 г. Тифлис, 1894. С. 106.

[52]*Акопян Г. С.*Степан Шаумян: Жизнь и деятельность. С. 13–14.

[53]Там же. С. 14.

[54]Там же. С. 16.

[55]Там же. С. 14, 16.

[56]XIII очередной съезд нефтепромышленников в Баку. Баку, 1899. С. XIII; Технологический институт им. Ленсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Т. 2. Л., 1928. С. 142.

[57]*Акопян Г. С.*Степан Шаумян: Жизнь и деятельность. С. 12.

[58]Там же. С. 17.

[59]Там же. С. 31–33.

[60]Там же. С. 33.

[61]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 211. Л. 1–4.

[62]*Акопян Г. С.*Степан Шаумян: Жизнь и деятельность. С. 5, 76–77.

[63]Был ли Сталин агентом охранки? М., 1999. С. 461.

[64]Беседа с директором Батумского краеведческого музея Отаром Геронтиевичем Гоголишвили. 31 июля 1996 г. // Архив автора.

[65]РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 655. Л. 147–150.

[66]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 261.

[67]Гори. Д. 509. Л. 1 (Г. Нуцубидзе).

[68]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 55. Л. 29–31 (У. С. Чачанидзе).

[69]Там же. Л. 35–36.

[70]ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1909. Д. 5–3-А. Л. 43–53.

[71]Там же. 3Д. 1901. Д. 1761. Л. 1–11; 7Д. 1904. Д. 2704. Л. 1–14;

[72]Формулярный список Владимира Ивановича Браиловского // Архив Екатерины Леонидовны Приваловой. Тбилиси; ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Ч. 6. Д. 23028.

[73]ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23028 (П. В. Браиловский); Д. 23428 (П. Г. Олейников).

[74]Там же. Д. 23028; Ф. 963. Оп. 1. Д. 9962.

[75]Беседа с Екатериной Леонидовной Приваловой. Тбилиси. 12 июля 1996 г. // Архив автора.

[76]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 59.

[77]Кавказ. 1906. 24 мая.

[78]Справочная книга по г. Тифлису на 1913 г. Тифлис, 1912. С. 12.

[79]Тифлисский листок. 1907. 2 марта; Грузия. 1919. 17 янв.; Возрождение. 1920. 13 и 14 февр.

[80]РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 1448. Л. 3–4, 7–8.

[81]Там же. Ф. 23. Оп. 28. Д. 659. Л. 11–28.

[82]Акционерно-паевые предприятия России. СПб., 1913. С. 113.

[83]Предприниматели Грузии и история семьи Зубалашвили, описанная З. Чичинадзе. Тбилиси, 1903. Приложение (на грузинском языке).

[84]Кавказ. 1906. 31 янв. и 5 февр.

[85]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1893. Д. 204. Л. 211–217.

[86]Акционерно-паевые предприятия России. С. 113.

[87]Баку и его район. Баку, 1912. С. 136.

[88]ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1893. Д. 204. Л. 160.

[89]Там же. Л. 215–217.

[90]Там же. Л. 160, 211–217.

[91]ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 79–88; Гори. Д. 478. Л. 3 (Я. А. Каджая).

[92]Деятели революционного движения в России. Т. 3. Ч. 1. С. 349.

[93]ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1884. Д. 645. Л. 2 об.

[94]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 124, 152.

[95]Там же; Деятели революционного движения в России. Т. 2. Вып. 1. С. 37.

[96]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 152.

[97]Там же. С. 242–243.

[98]Там же. С. 24–25, 56.

[99]Там же. С. 25–26.

[100]Там же; *Островский А. В.*Родственные связи А. А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен. Вып. 6. СПб., 1996. С. 204–205.

[101]Дворянские роды Российской империи. Т. 3. С. 73–76; Т. 4. С. 243.

[102]Всеобщий адрес-ежегодник города Батума на 1902 г. Батум, 1901. С. 125.

[103]Дворянские роды Российской империи. Т. 3. С. 76.

[104]Там же. Т. 2. С. 215.

[105]Там же.

[106]Там же. Т. 4. С. 243–244.

[107]Там же. С. 276.

[108]Там же.

[109]Тифлисский листок. 1907. 10 янв.

[110]Дворянские роды Российской империи. Т. 3. С. 80; Т. 4. С. 276.

[111]РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4300. Л. 1–11.

[112]Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 271–272.

[113]Памяти Д. З. Сараджева. Б. м., [1911]. С. 6–10 (биография); *Жордания Н. Н.*Моя жизнь. Stanford, 1968. С. 57.

[114]РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2763. Л. 6, 8, 10–12.

[115]Закавказская речь. 1912. 4 янв.

[116]Дворянские роды Российской империи. Т. 3. С. 22–26; Т. 4. С. 276–277.

[117]Там же. Т. 3. С. 22–26.

[118]*Бессараб М. Я.*Ландау: страницы жизни. М., 1978. С. 40.

[119]Технологический институт им. Ленсовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Т. 2. С. 154, 427; Баку и его район. Адресная и справочная книга. Ежегодник. Баку, 1908. С. 105; …1909. С. 127; …1910. С. 142; …1911. С. 132; …1912. С. 142; …1913. С. 138; …1914. С. 266.

[120]Баку и его район. Адресная и справочная книга. Ежегодник. Баку, 1908. С. 105; …1909. С. 130; …1910. С. 135, 142; …1911. С. 132; …1912. С. 142; …1913. С. 138; …1914. С. 266.

[121]Тифлисский листок. 1907. 5 дек.

[122]Тифлисский настольный календарь на 1895 г. Тифлис, 1894.

[123]Там же; Тифлисский листок. 1909. 20 сент.

[124]РГИА. Ф. 1343. Оп. 47. Д. 950. Л. 1–3.

[125]Бакинский настольный календарь на 1904 г. Баку, 1903. С. 33; Баку и его район. Баку, 1907. С. 145; …Баку, 1908. С. 75; …Баку, 1910. С. 81.

[126]Новое обозрение. 1898. 2 авг.; Баку и его район. Баку, 1909. С. 76; …Баку, 1910. С. 83; …Баку, 1911. С. 76; …Баку, 1912. С. 76; …Баку, 1913. С. 72; …Баку, 1914. С. 43.

[127]Бакинский настольный календарь на 1904 г, Баку, 1903. С. 37; …на 1905 г. Баку, 1904. С. 52; Баку и его район. 1907. С. 140; …1908. С. 70.

[128]Бакинский настольный календарь на 1904 г. Баку, 1903. С. 37; Баку и его район. 1909. С. 76; …1910. С. 83; …1911. С. 76; …1912. С. 76; …1913. С. 72; …1914. С. 143.

[129]Малый энциклопедический словарь Т. 1. С. 529.

[130]ГИАА. Ф. 46. Оп. 3. Д. 355. Л. 116.

[131]Там же.

[132]*Дмитриев-Мамонов В. А.*Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 2. С. 1891.

[133]Там же. Т. 1. С. 1613.

[134]Весь Баку на 1908 г. Баку, 1908. С. 141; The Memoirs of Herbert Hoover. Years of Adventure. 1874–1920. N. Y., 1952. P. 102–103, 107.

[135]Баку и его район. Баку, 1908. С. 115.

[136]Баку. 1909. 17 июля и 2 авг.

[137]Акционерно-паевые предприятия в России. 1913. С. 425.

[138]Баку и его район. Баку, 1910. С. 151; …1911. С. 149; …1912. С. 174; …1913. С. 171; …1914. С. 325, 326.

[139]Акционерно-паевые предприятия в России. 1917. С. 312.

[140]Баку и его район. Баку, 1907. Ч. 2. С. 8.

[141]РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 844.

[142]Немцы России: Энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 422; Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи. 1917–1997. Т. 1. М., 1999. С. 639.

[143]Там же. С. 538; *Дмитриев-Мамонов В. А.* Указатель действующих в империи акционерных предприятий и торговых домов. Т. 1. С. 799.

[144]Там же.

[145]*Дякин В. С.*Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971. С. 73–74; Весь Петербург на 1908 г. С. 218.

[146]Там же.

[147]Баку и его район, Баку. 1910. С. 129.

[148]Там же. Баку, 1914. С. 348–349; Русские банки в 1917 г. Пг., 1918. С. 28.

[149]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 213. Л. 235 об.

[150]Гори. Д. 173–3. Л. 6, 7; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7. Л. 178, 222.

[151]РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 213. Я. 247.

[152]О сотрудничестве с А. И. Манчо (Там же л. 195 об. , 206 об., 207 об., 220 об., 234, 235 об., 238 об., 245 об., 247, 251–251 об.).

[153]Там же. Л. 251–251 об.

[154]ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1910. Д. 329. Л. 13.

[155]Там же. Л. 10.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аавик А. 358

Абашидзе Г. И. 492

Абашидзе Давид 455

Абашидзе Дмитрий 140, 141, 143

Абашидзе Е. Г. — см. Эристави Е. Г.

Абашидзе И. Г. (Кита) 492, 493, 534, 536

Абашидзе П. Г. 492

Абашидзе С. Д. (ур. Гуриели) 492

Абашидзе Т. Н. (ур. Орбелиани) 492

Абесадзе 147

Абрамидзе Кирилл 86

Абрамидзе М. К. см. Цихитатришвили М. К.

Абрамишвили П. 175

Абуев Петр 93

Авалиани Георгий 161

Авалиани-Шароева Е. 179

Авалов 65

Авербах М. С. 281, 284

Аветисян Г. 53, 54

Августула 488

Авилов 407

Авторханов А. 265

Агарев (Павел) 244
Агафонов Д. К. 481
Агаян Машек 349
Агниашвили Н. 171
Адамов 234
Адамович А. 3, 4, 5, 24, 76
Адамишвили Петр 96
Адельханов Г. Г. 76, 80, 106, 140, 153, 154
Адоратский Н. И. 11, 52
Аджемов М. С. 495
Аджемова О. Х. (ур. Кананова) 495
Азбукин А. П. 273, 279
Азеф Е. Ф. 42, 436, 538, 551, 553, 555
Азиани Наталья Михайловна (ур. Дондарова) 97
Азизбеков 267
Азир 164
Айваз 129
Айвазова М. А. — см. Тер-Петросянц М. А.
Акаши (Акаси) 555
Акопов Геурк 185
Аксельрод А. Е. 360, 365–368, 370
Аксельрод Н. И. (ур. Каминер) 484
Аксельрод П. Б. 251, 484
Аксенов В. 543

Аладашвили Ал. 125

Аладжалов И. С. 493, 494

Аладжалова И. И. (ур. Тер-Абрамян) 494

Аладжалова Н. Н. 218, 221, 432, 494

Алания А. А. 583

Алания В. М. (ур. Туркия) 583

Алания М. А. 583

Александр II 84

Александр III 76

Александров Г. Ф. 57

Александрова Е. М. 231

Александрова Л. С. 119, 155

Александров-Дольник 523

Алексей 376

Алексеев 422

Алексеев — нач. бак. тюрьмы 524

Алексеев Я. А. 357, 358

Алексеева Е. И. 357, 359

Алексеенко 261

Алексий 195

Алелов Иосиф 107

Алиханов 106

Аллилуев С. Я. 116, 147, 152, 154, 202–204, 206, 213, 290, 295, 335, 336, 394, 400, 404, 413, 432, 476, 477, 478, 480, 585

Аллилуева О. Е. 404
Алуф (Адашев) 244
Алхазишвили Александр Лазаревич 86
Алхазишвили Анна Георгиевна (ур. Алиханова) 86
Алхазишвили Гавриил 86
Алхазишвили Давид 86
Алхазишвили Дарья Лазаревна — см. Эристави Д. Л.
Алхазишвили Елена Лазаревна 86
Алхазишвили Елизавета Лазаревна 86
Алхазишвили Иосиф Лазаревич 86
Алхазишвили Лазарь — сын Петра 86
Алхазишвили Мосес (Моисей) 86
Алхазишвили Петр Лазаревич
Алхазишвили Петр — сын Моисея 86
Алхазишвили Саак 86
Алхазишвили Семен — Кайс 86
Алхазовы (Алхазишвили) 86, 582
Альбов А. П. 142
Альтфатер 540
Альтфатер М. Г. 540
Амиантов Ю. Н. 23
Амилахвари 82, 582
Амилахвари А. А. (ур. Эристави) 534
Амилахвари И. Г. 534, 583

Амилахвари К. И. 534
Амилахвари М. И. см. Туркия М. И.
Амилахвари Н. И. см. Туманова Н. И.
Амилахвари Н. Н. (ур. Шервашидзе) 534
Ананиашвили Георгий 156
Ангилеев А. И. 548
Андреев 350
Андреев 498
Андреев Л. Н. 231
Андреева М. Ф. 372, 469
Андрианов 553
Андрианов Герман 274
Андроников Г. З. 518
Андроников И. З. 518, 589
Андроникова Е. З. — см. Бакрадзе
Андроникова Е. З. (ур. Завриева) 518
Андроникова Е. К. (ур. Вахтер) 518
Андроников З. И. 518
Андроников И. И. 518
Андроникова Н. З. — см. Джорджадзе
Андропов Ю. В. 22
Аникст М. Я. 585
Анненков Н. Ф. 553
Антонов Х. С. 493, 495, 518

Антонов-Овсеенко А. В. 22, 25, 401
Антонюк Д. И. 23, 24
Апель 522
Апостол 316
Арабелидзе Георгий 177, 193
Аравиашвили Арчил 117
Аракел 121
Аракелян А. 530
Арамянц М. О. 478
Аргунов А. А. 468
Аргунов П. А. 496
Аргутинский-Долгоруков А. М. 113, 119, 519
Аргутинский-Долгоруков П. М. 113
Арефьев 254
Аронсон Г. 20
Арсенидзе Р. 250, 260, 307, 308, 434, 581
Арсошвили Венера 80
Арсошвили Георгий 80
Арсошвили Г. Н. 80
Арсошвили Елена (ур. Джугашвили) 80
Арсошвили Коба 80
Арсошвили Манана 80
Арсошвили Манвелина (ур. Квелашвили) 80
Арсошвили Нукзар 80

Арутюнов Г. А. 22–25, 27
Арутюнян Тигран 223
Арцруни И. М. 107
Арчуадзе Давид 455
Аскер 577
Асудалаев 234
Атрохов 350
Афанасьев Е. Л. (Бубулов) 585
Афанасьев Ф. Е. 116–117, 121
Ахад-гаам 484
Ахметели (Ахметелишвили) Н. Г. 247, 252
Ахметелов Ладо 139
Ашурбеков Иса-бек 482, 483, 533
Ашурбековы 533

Бабушкин В. А. 37, 259, 264, 444, 451, 452, 526, 547, 548
Багаев М. А. 166, 244
Багаев Ч. Н. 81
Багдавадзе Д. 145
Багдатьян (Богдатьян) М. С. 587, 588
Багианц К. М. 281
Баградов (Багратов) 88, 97
Багратион-Давидов А. И. 590
Багратион-Давидов Г. А. 534, 590

Багратион-Давидов Д. А. 528

Багратион-Давидова Д. Б. 590

Багратион-Давидовы 84

Багратион-Мухранская Л. Г. 583

Багратион-Мухранская М. А. (ур. Хоштария) 583

Багратион-Мухранская Н. Л. (ур. Дадиани) 589

Багратион-Мухранские 84

Багратион-Мухранский И. К. 107, 485, 589

Багратион-Мухранский М. Г. 583

Бадаев А. Е. 360, 363–367, 370, 373, 374, 393–395, 405, 411–413, 420

Баженов Василий 130

Байкалов А. 50, 417, 419

Байков 448, 449

Бакай М. Е. 552, 553

Бакрадзе (в замужестве Двали) 515

Бакрадзе А. И. см. Махвиладзе А. И.

Бакрадзе В. 140, 223, 232

Бакрадзе Г. И. 516, 518

Бакрадзе Д. В. — см. Ериков Н. С.

Бакрадзе Д. И. 516, 517–518, 544, 590

Бакрадзе Е. З. (ур. Андроникова) 518

Бакрадзе Е. И. 516

Бакрадзе И. С. 516

Бакрадзе К. И. 516

Бакрадзе М. И. — см. Хелаева М. И.
Бакрадзе М. Г. (ур. Григорьева) 516
Бакрадзе Я. Ф. 493, 536
Балабанов М. И. 206
Балабин 444
Баланчивадзе Н. М. (ур. Мамулашвили) 83, 86
Баланчивадзе Н. Ф. 443
Балицкий В. А. 20
Бальц В. А. 461, 462
Барамидзе А. 171
Барамов Вано 81, 83, 86, 87
Барамов Иосиф 80, 81, 87, 88
Барамов Иосиф Иванович 87, 112, 127, 128, 497, 498
Барамова Елена Антоновна 87
Барамова Е. И. 87
Барамова Н. М. (ур. Стопани) 128, 498
Баранов С. Н. 472
Баранская Н. С. 119
Баранский Н. Н. 244
Барбюс Анри 16, 257, 265
Бардская Г. Г. (ур. Гольдлюст) 592
Бардский К. Л. 493, 494, 592
Бардский Л. Л. 494
Барятинская Л. (ур. Гюббенет, по сцене — Яворская) 543

Барятинский В. — отец 543
Барятинский В. В. 543
Бас И. 324
Батурин Н. Н. (Замятин) 352, 360
Бахметев Б. А. 19
Бауэр 403
Бахтадзе 523
Бахтадзе В. М. 523
Бахтадзе С. Л. 523
Бачидзе 251
Бачурихин А. В. 327
Бебель Август 469
Бебурашвили Андро 235
Бебутов Д. И. 542
Бебутов П. Г. 525
Бедиашвили А. И. 140
Бедный Д. 376
Бейрах А. Л. 341
Бекзадян А. А. (Юра) 497
Бекзадяи А. С. 588
Бекзадян Е. А. 497
Бекзадяи Р. А. 497
Бекзадян Т. А. 497
Белевский А. С. 494, 588

Беленький 54
Белецкий К. В. 281
Белецкий С. П. 361, 377–378, 394
Белиашвили 233
Белиашвили И. 232
Белиашвили Мария 232
Белинский 395
Белозерский Т. В. 584
Белоножкии А. М. 474
Белостоцкий И. С. 341, 354,355,361, 371
Беляев Василий Иокинфович 97
Беляева 330
Белямии М. Л. 474
Беневская М. А. 540
Бенкендорф 234, 473
Берви-Флеровский Василий Васильевич 113
Берви В. Ф. 113
Берви Н. В. 113
Берг 370
Бердзеношвили 230
Бердзеношвили Васо 128, 139, 149, 150–151, 161, 253
Бердзеношвили Георгий 220, 247, 253
Беренштам В. В. 461
Беринг 234, 593

Берия Л. П. 12, 139–140

Беркова М. А. 203–204, 206

Берлин Л. М. 486

Бернштейн С. А. 204

Берошвили 77

Берсон Л. А. 335

Беседовский Г. 16

Бессер Л. И. 399

Бессмертная В. 228

Бессонова А. Ф. 15

Бибинейшвили Б. (Барон) 153,165, 219, 221, 229, 232–233, 284–285, 456, 520

Бибинейшвили Михаил 168, 232, 235

Биланов Д. 177

Бина см. Лобова В. Н.

Блинов И. Ф. 128, 497

Блинов Ф. В. 286, 287

Бобринская В. Н. (ур. Львова) 471, 543

Боброва 330

Бобровский В. С. 220, 222, 323

Богатырев А. Ф. 290, 291, 304

Богданов (Максимов) А. А. 121, 221, 323, 468

Богданов Павел 362

Богданович А. В. 544

Богомолов И. И. 323

Богословский В. А. 526

Боград 415

Богучава Ной 214

Бозарджианц 153, 154

Бозарджианц Н. И. 106

Бойсогулов 235

Боков И. 261, 264, 267, 285, 476–477, 524

Большаков Д. Г. 244

Бонч-Бруевич В. Д. 119, 221, 497

Борн 224

Боровков А. Н. 274, 275, 276, 278

Бородин М. М. (Кирилл) 244, 251

Бочаридзе Маро 235

Бочаридзе (Бочаришвили) Миха 117, 129–130, 166, 168, 199, 213, 222–223, 228, 234–236, 242, 246–249, 454, 518

Бочаришвили Варвара 454–455

Бочаров П. И. 223

Бочка — см. П. Г. Мдивани

Бош Е. Б. 370, 423

Брадии — см. Эрадзе Г.

Брадкс В. П. 593

Браиловская Т. Н. (ур. Эристави) 590

Браиловский В. И. 588

Браиловский П. В. 587–588, 590–591

Брайнин С. И. 472

Брамсон Л. М. 501

Браудо А. И. 119, 542

Браудо Василий Исаевич 119

Брегвадзе Никодимос 488

Брежнев Л. И. 22

Бреладзе Владимир Ростомович 199

Бреслав Б. А. 331

Бровкина В. П. 15

Бродский 553

Броецкий М. Е. 27, 303

Бронштейн Л. Д. — см. Троцкий Л. Д.

Бронштейн О. Д. 212, 419

Бруснев М. И. 481

Бубнов А. С. 251, 341, 368

Бугров Н. А. 472

Букштейн М. С. см. Краснянская М. С.

Буланов А. И. 243–244

Булатов 408

Булгаков М. А. 24

Буркгард Ф. 443

Буренин Н. Е. 545, 551

Буренина С. И. 472

Бурцев В. Л. 405–406, 552–554

Бурьянов А. Ф. 366
Бутулов 154
Бухарин Н. И. 372–373, 403
Быков 179
Быков, подполковник 522
Быстрый — см. Москаленко А. К.
Бэкон Артур Р. Д. 258

Вагон 445
Вадачкория Д. А. 13, 173, 176, 215, 216, 573
Вадачкория И. 168
Вайсерман А. 148
Ваншейд И. А. 443
Вайнштейн С. Л. 261
Валенберги 474, 487
Валентинов Н. В. 471, 541
Валиев М. Р. 523, 524–525
Валиева 524
Ванебу Н. А. 493
Вано 316
Ваня 316
Вардоян Г. Ф. 155, 164, 166, 175
Варшамян Г. 306, 578
Васильев А. Т. 388, 451–453, 456

Васильев М. С. 316

Васильев Н. С. 244

Ватаци Э. А. 48, 530

Вахтер Е. К. — см. Андроникова Е. К.

Вахтер К. Л. 485, 518

Вацадзе Евгений 249

Вацек И. П. 261, 306, 476, 499, 594

Вачарадзе Илларион 221

Вашадзе 489

Вашадзе Александр 488

Вашадзе Галактион 488, 490

Вашадзе Кимонтэ 488

Вашадзе Сачино 488, 586

Введенская С. И. (ур. Каминер) 484

Введенский Е. И. 484, 497–498

Вебер Николай Федорович 314

Веденеев 569

Вейденбаум Е. Г. 532

Вейланд О. С. 370, 372–373

Вейсман 553

Вейсман Симон 554

Величкин Н. М. 497

Величкина В. М. 119, 221, 497

Величкина К. М. 497

Вепренцев (Петербуржец) 261, 300–301, 316
Вера 368
Вербицкий З. А. 281
Верещак С. 357
Вермишев А. А. 113
Вермишев И. А. 113
Ветров — см. Савельев М. А.
Ветцель Ф. Г. 106
Виленкин Абрам Маркович 112
Виленкин Григорий Абрамович 112
Вильгельм II 486
Вильсон Ж. 415
Виндеке Х. 16
Винер В. И. 531
Винер Е. В. — см. Джунковская Е. В. 531
Винер Ц. В. — см. Хилкова Ц. В.
Винтервиц М. 593
Виссарионов С. Е. 20,336,374,456
Витте М. И. 527
Витте С. Ю. 527, 539, 554–555
Витте Ю. Ф. 495
Вишау Я. В. 593–594
Владик — см. В. Тер-Миркуров
Владимир Кириллович, вел. кн. 583

Владыкин И. 408–409

Власов 554

Вознесенский Н. А. 323

Войцвех 247

Волин Б. 9

Волков Ф. Д. 22,24–25, 27–29,444

Волкович И. Л. 531

Волкогонов Д. А. 11, 400

Вонтсятский 18

Воробьев Исидор 369

Воровский В. В. 251

Воронин 405

Воронин А. К. 341

Воронов Н. И. 532

Воронов Ю. Н. 532

Воронова Л. Н. 532

Воронцов-Дашков А. И., гр. 590

Воронцов-Дашков И. И. 37, 234, 456, 486, 528, 530, 532–533

Воронцова-Дашкова А. И. (ур. Чавчавадзе) 590

Ворошилов К. Е. 17, 251, 257, 262, 432

Ворченко Л. В. 423

Вохмина М. П. 349, 354

Врага Р. 17, 18

Врангель Н. Е. 593

Врангель П. Н. 593
Врублевская П. Д. 419
Врублевский Ф. К. 419
Вулих 474
Выгорбин Н. 130, 141, 143, 168
Вышинский А. Я. 264, 285–286

Габриелян 306
Габуния Коля 213
Габуния Миха 174
Гаврилов М. Л. 206
Гагарин 234
Гаджиев Мухтар 230
Таджикский Иса-бек 493
Гаккель М. П. 315
Галдава Пация 233, 242
Галдава П. 232–233, 242
Галдавадзе 488
Галиашивли 253
Галилов Александр 188
Галкин Л. А. 585
Галустов С. Г. 83, 86, 87
Гальперин 234
Гальперин И. 472

Гальперин Л. Е. 231

Гальске 107, 474, 579, 593

Гамарник Я. Б. 20

Гамбаров Георгий 82

Гамбаров (Гамбарянц) Захарий 82

Гамбаров З. З. 82

Гамбаров Кикола 82

Гамбаров С. П. 495

Гамбаров Ю. С. 495

Гамбарова М. С. см. Хатисова М. С.

Гамбарова Н. С. см. Кананова Н. С.

Гамбарова (ур. Кананова) С. Х. 495

Гамкрели Семен Андреевич 314

Гандурин К. М. 585

Ганецкий Я. С. 251

Ганземан Адольф 474, 486

Гинземан Давид 474

Ганземан О. (ур. Куссеров) 486

Гапон Г. А. 539

Гарин 251

Гарина — жена Гарина-Михайловского 471

Гарин-Михайловский Н. Г. 471, 494

Гаришвили 168

Гаришвили П. 89

Гаркави Л. В. — см. Ландау Л. В.

Гарсоев И. Г. 474, 493, 495

Гартинг А. М. 451–453

Гартман 593

Гаситашвили Давид 88

Гасишвили Джиор 145

Гаспарян А. 530

Гванцеладзе Н. М. 350

Гветадзе Иосиф Павлович 233

Геворкянц А. П. 65, 265

Гегамов Джумшит — см. Кегамов Д.

Гегечкори 376

Гедеванов 170

Геладзе 82

Геладзе Георгий Глахович 82, 85, 143, 186, 217

Геладзе (Гелашвили) Глах 82

Геладзе Е. Г. — см. Джугашвили Е. Г.

Геладзе Кеке — жена Сандала 82

Геладзе М. (ур. Хомезурашвили) 82–83, 86

Геладзе Сандал (Сандро) 82, 85, 108

Геладзе София 82

Гелашвили 82

Гелимбатовский Ф. И. 312

Геловани (в замужестве Двали) 515

Гельфанд А. Л. — см. Парвус А. Л.

Георгибиани Г. 264

Георгиевский М. А. 17

Георгий 444

Георгий II 590

Георгий XII 131, 590

Герасимов 328

Герасимов А. В. 538–539

Герегин 477

Германов см. Фрумкин М. И.

Гермоген (в миру Долганов Георгий Ефимович) 110, 126

Герцен А. И. 58

Гершанович М. Б. 341

Гесслер А. Н. 119

Гефтер М. Я. 24

Гильбо 449

Гинцбург, барон 554

Гинцбург Д. Г. 450

Гирш 471

Глаголев И. П. 481

Глазберг Н. Б. 584

Глебов — см. Носков В. А.

Глинка Н. Д. 543

Глищинский А. А. 462

Глоба 469

Глурджидзе Г. 92, 111, 139

Гогебашвили А. 96, 97

Гогиладзе В. 153

Гогиладзе Васо 233

Гогилашвили И. 171

Гоглидзе Михаил 160

Гогличидзе С. П. 92–93, 99,108,110

Гогнидзе Элизбар Ревазович 87, 231

Гогоберидзе Виссарион 489

Гогоберидзе Н. В. 489, 492, 591

Гогоберидзе Т. 171, 174

Гогоберидзе Ф. 213

Гоголадзе Капитон 173

Гогохия Алексей 99

Гогохия Анастасия Алексеевна (ур. Давиташвили) 95, 145

Гогохия Виссарион Давидович 95, 145

Гогохия Дормидонт 95–96, 98–99, 110–111, 143

Гогуа Калистрат 130, 154, 168, 176, 193, 202–203, 249–250

Гогуадзе М. А. 235

Годзиев Г. 166, 175, 180, 185–186, 573

Голикова Е. В. 221

Голицын Г. С., кн. 106, 178, 193–194, 198, 521

Головачев М. П. 19

Гололобов 418

Голощекин Ф. И. (Филипп) 341–342, 354, 370–371, 378, 390, 405, 408

Голубев И. М. 323, 327, 329, 333

Голубев Н. 504

Гольденберг-Мешковский И. 331, 450, 458

Гольдендах Д. Б. — см. Рязанов Д. Б.

Гольдлюст, братья 107, 592

Гольдлюст Г. Г. — см. Бардская Г. Г.

Гольдлюст Генрих 592

Гольдлюст Герман 592

Гольдлюст Г.-Е.-М. — см. Фейгль Г.-Е.-М.

Гольдлюст Э. Г. 592

Гольдлюст Я. Г. 592

Гомон Г. Н. 174, 179, 360

Гончаров 472

Гопфенгауз М. Г. 589

Гопфенгауз Н. Г. 589

Горбачев В. А. 244

Горбачев М. С. 22

Горбунов 472

Горев (Леонтьев) Б. 343–344

Горелов 340

Горовиц Исаак 390

Горький М. 11, 59, 116–117, 372–373, 469, 471
Горячев 312
Готесман С. Я.-Ф. 335
Готосладзе 53
Граам С. 16
Гранат А. и И., братья 10
Гребнер О. Э. 106
Грибоедов А. С. 589
Грибоедова Н. А. (ур. Чавчавадзе Н. И.) 589
Гривский 328
Григоров 321, 323, 325
Грикуров 88
Гринберг Б. Я. 483
Громан В. Г. 128
Грубе Э. К. 593
Грузинская А. И. — см. Чавчавадзе А. И.
Грузинская В. И. — см. Святополк-Мирская В. И.
Грузинская Екатерина 131
Грузинский А. Б., кн. 131, 590
Грузинский Боград 131
Грузинский Г. А. 131, 590
Грузинский Илья 131
Грузинский Михаил 131
Грузинский Петр 131

Грязнов Ф. Ф. 246, 252, 577
Гувер Герберт 593
Гукасов Абрам 477
Гукасов Аршак 375, 477–478, 493–495
Гукасов Л. П. 478
Гукасов П. О. 477–478, 483–484, 493–495
Гукасовы 475–477
Гуковский И. Э. 432, 583–585
Гуковский Э. Г. 584
Гурарье Х. А. 281, 284
Гургенидзе Дмитрий 139
Гургенидзе Нина 228
Гургенидзе Осман 573
Гуревич В. Я. 50
Гуревич Э. Л. (Даневич, Смирнов) 244
Гурешидзе М. З. 154, 166–168, 177, 525, 568, 572
Гурешидзе Теофил 228
Гуриели В. Д. 492
Гуриели В. С. 496
Гуриели Д. Э. (ур. Дадиани) 492
Гуриели И. Д. — см. Тавдгиридзе И. Д.
Гуриели С. Д. — см. Абашидзе С. Д.
Гурович М. И., социал-демократ 341
Гурович М. И. 37, 249, 549–550

Гусев (Драбкин) С. И. 540

Гусинская М. Л. 201, 203

Гусинский Абрам Аншелевич 201, 203

Гутман А. Э. 593

Гутнер 524

Гьюн Франц 174, 574, 587

Гюббенет Л. — см. Барятинская Л.

Гюго В. 126

Давид I 492

Давитиашвили Анастасия Алексеевна — см. Гогохая А. А.

Давитиашвили Агафья Алексеевна — см. Кипшидзе А. А.

Давиташвили Джабраил Владимирович 93

Давиташвили Захарий Алексеевич 93, 95, 98

Давиташвили М. Н. 98, 99, 111, 112, 125, 139, 140, 144, 145, 147, 222, 236, 253, 259, 261, 275, 581, 582

Давиташвили Николай Эдишерович 98, 112, 145

Давиташвили П. Н. 144

Давиташвили Шио Эдишерович 93, 98, 581

Давришени И. Д. 452

Давыдов А. Я. 400, 401, 412

Давыдов В. Д. 215

Давыдов Яков 401

Давыдова О. А. 201
Дадаев 230
Дадашев 316
Дадешкелиани А. А. (ур. Дадиани) 520
Дадешкелиани Г. Т. 520
Дадешкелиани Т. А. 535
Дадиани А. А. — см. Дашкелиани А. А.
Дадиани Д. Л., 450, 589
Дадиани Д. Э. см. Гуриели Д. Э.
Дадиани Е. А. (ур. Чавчавадзе) 450, 583, 589
Дадиани Е. О. см. Кочакидзе Е. О.
Дадиани Е. Л. — см. Шервашидзе Е. Л.
Дадиани Е. 10. — см. Цулукидзе Е. Ю.
Дадиани И. Ю. 588, 589
Дадиани М. К. 588
Дадиани Н. Л. — см. Багратион-Мухранская Н. Л.
Дадиани Н. Н. 450, 492, 520, 535
Дадиани Н. Э. 450
Дадиани (ур. Шервашадзе) Т. М. 450
Далинишвили Акакий 455
Дан Л. О. (Цедербаум, по первому мужу Канцель) 374
Дан Ф. И. 374, 377
Дандре В. Э. 538
Дандуров С. А. 113, 115, 519

Дарахвилидзе, братья 178, 186

Дарахвелидзе Д. М. 171, 174, 177, 185

Дарахвелидзе Илларион 171, 174, 177, 186, 573

Дарахвелидзе Илья 177, 185

Дарбанянц Петр 188

Дармолотов Д. И. 491

Дарчиашвили Ладо 129

Дарчиашвили Миха 129

Дастаков (Достаков) А. Н. 477, 496–498

Дацевич 460

Даштаян Рубен 248

Двадцать девятый см. Щепотин К. И.

Двадцать пятый 448

Двали (ур. Бакрадзе) 515

Двали (ур. Геловани) 515

Двали Давид 117

Двали К. Т. 116, 245

Двали М. Р. 515

Двали Р. С. 515

Двали Сепора Г. — см. Сванидзе С. Г.

Двали Спиридон 254–255

Двали С. Г. 515

Двинский 11

Дебиль Е. П. 27, 154, 161, 163, 167, 172, 187, 188, 190–195, 440, 569

Девдориани Сеид 111, 125–127, 129, 139, 143, 296, 432, 521

Дегаев С. 581

Дедюлин В. А. 461

Дейбель О. 443

Деканозов Г. Г. 487–489

Дельбар Ив. 205

Дементьев П. Ф. 290

Демьян — см. Н. Леонтьев

Демьянов А. 462

Денисов И. И. 281

Дерюжинский А. Ф. 593

Детердинг 475

Джабадари И. С. 113, 119

Джабадари Нико 489

Джабар М. А. 519

Джавахидзе (ур. Ломджария) Вера 173–174, 214

Джавахидзе Ермиле 214

Джавахишвили И. 77

Джавахишвили И. Д. 524

Джавахов (Джавахишвили) А. И. 84

Джакели Г. Д. 185–188

Джакели Е. Г. (ур. Зубалова) 588

Джакели Е. И. — см. Цулукидзе Е. И.

Джакели И. И. 588

Джакели И. С. 588

Джакели Н. И. 171, 589

Джакели С. И. 588

Джакели Э. М. (ур. Туманова) 588

Джамбакур-Орбелиани А. И. 536

Джамбакур-Орбелиани И. М. 536

Джамбакур-Орбелиани М. Д. (ур. Святополк-Мирская) 536

Джандиери Л. Г. 516

Джанелидзе Луасарб 200

Джапаридзе Арчил 228

Джапаридзе К И. 496

Джапаридзе П. А. 153–154, 223, 227, 256, 261–262, 267, 274, 296, 298, 301–302, 309, 432, 524, 546, 577–578

Джарнава Ясон 179

Джеваншир Б. А. 545, 586,593

Джибладзе Владимир Григорьевич 160, 214

Джибладзе Григорий 214

Джибладзе Сильвестр 113–114, 122, 127, 129–130, 147–148, 153, 160, 242, 249, 366, 521, 572

Джибладзе Трифон 213

Джибути В. М. 213

Джибути Дмитрий 172–173, 213

Джибути С. 213

Джогисшвили 177

Джорджадзе Д. Г. 588–589

Джорджадзе И. Г. 518, 589

Джорджадзе Иорам 589

Джорджадзе Н. Г. 589

Джорджадзе Н. Д (ур. Чавчавадзе) 589

Джорджадзе Н. З. (ур. Андроникова) 518, 589

Джорджиашвили Арсен 242

Джугашвили В. И. (Бесо) 76–77, 78–81, 83, 86, 90, 93–97, 151–152, 298

Джугашвили Георгий, сын Бесо 83

Джугашвили Георгий, сын Вано 80

Джугашвили Георгий, сын Николо 78

Джугашвили Е. Г. (ур. Геладзе) 77, 79, 82–83, 85–86, 88–89, 90–97, 99, 108, 110, 143, 150–151, 186, 194, 227, 534

Джугашвили Е. Г. см. Арсошвили Е. Т.

Джугашвили Заза (Зура) 77, 79

Джугашвили И. (Вано, Милий) 78, 79, 80

Джугашвили Иосиф 79

Джугашвили Марта (ур. Пухашвили) 80

Джугашвили Машо (ур. Каркусадзе) 80

Джугашвили Михаил — сын Бесо 83

Джугашвили Николо 78, 80

Джугашвили Николо Георгиевич 78, 80

Джугашвили Н. И. (Циклаури) 78, 80

Джугашвили Сандро Георгиевич 78, 80
Джугашвили Я. И. 256, 261, 432
Джугели Прокопий 195
Джугели Севериан 128–129, 148, 160, 168, 177, 193, 521
Джугели Семен 177, 195
Джука-швили Заза 78,117,492, 582
Джунковская Е. В. (ур. Винер) 531, 532
Джунковская Е. П. 531
Джунковский В. Ф. 38, 397, 537, 555
Джунковский Н. Ф. 504, 527–528, 531–532
Дзвелая Симон 259
Дзержинский Ф. Э. 17, 251
Дидебуладзе Ольга 97
Дикштейн 121
Дилевская В. В. 324
Динзбург Ф.-Х. И. 287
Дмитриев Константин 554
Дмитриевский С. В. 16
Дмитрий Павлович, вел. кн. 544
Добрин Ф. В. 287
Добролюбов Н. А. 489
Догадов А. И. 341
Докукин А. 478
Докукин К. 478

Долбежкин Денис 408
Долгоруков П. Д. 542
Долидзе Арчил (Ростом) 111, 139, 193, 217–218, 253
Долидзе Б. 171
Долидзе Калистрат 249
Долин 421
Долубадзе П. 174
Домбровская А. В. 113
Домбровский Н. Л. 148–149, 161
Домонтович А. М. — см. Коллонтай А. Д.
Домонтович М. А. 540
Домостроев Н. 160
Дондаров 95
Дондаров Петр 112, 304
Дондарова Н. М. см. Азиани Н. М.
Донской 447
Дорогой см. Саркисянц И. М.
Доррер А. И. 324, 531
Доррер Б. И. 324
Доррер В. И. 324
Доррер Г. И. 324
Доррер Евгения Иосифовна 324
Доррер Екатерина Вячеславовна 324
Доррер И. Ф. 324

Доррер С. И. 324

Дорфман 524

Дрейфус 474

Дрейфус Луи 474

Дрожжев М. И. 287

Дрягин Н. М. 178

Дубровин 305, 307, 447

Дубровинский И. Ф. 222, 231, 289, 296, 305, 389, 417, 584

Дубровинский Я. Ф. 417

Дудаев К. М. 525

Дудугава Иван 174

Дудугава Иосиф 174

Дудугава К. 174

Думбадзе Ладо 179

Дунаев Е. А. 585

Дурново Е. П. — см. Эфрон Е. П.

Дьяковы 472

Дьяконова И. А. 474

Дынга 446

Ебралидзе Илья 455

Евангулов А. Б. 113, 116, 119

Евангулов З. Б. 113

Евангулов Я. Б. 113

Евреинов В. В. 496

Евреинова Е. (ур. Журавлева) 496

Егоров Иван 160

Едигоров 459

Ежов Н. И. 13, 55–56

Ежов С. (Цедербаум) 366

Ейштрассер 390

Екатерина II 542

Еленский В. 350, 553

Елизавета Федоровна, вел. кн. 544

Елисабедашвили Г. 77, 98–99, 111, 131, 139, 144, 151, 174, 186, 236, 253

Елисабедашвили Иван 131

Елисеев С. П. 540

Енукидзе А. С. 129, 432, 572

Ерадзе — см. Эрадзе

Ерамасов А. И. 472

Ерманский О. А. — см. Коган О. А.

Еремин А. М. 3–4, 17, 19–22, 24–26, 28–29, 62, 277, 303, 351, 378, 452–453, 455–460, 522, 550

Ериков Н. С. (Бакрадзе, Фикус) 25, 27, 154, 169, 296–299, 302, 306–307, 349, 432, 434, 445, 578

Ерманский — см. Коган О. А.

Есаян Елизавета Адамовна 312,569

Ефимов П. А. 57, 58

Жайворонков Г. И. 327, 328

Жардецкая А. А. 119, 120

Жаркова В. И. 15

Жариков (Максим) 549, 550

Жвания 285–286, 434

Жгенти 524

Жгенти А. 457

Жгенти О. Д. — см. Мдивани О. Д.

Жгенти Сем. 457

Ждан-Пушкин В. В. 540

Железняков В. Ф. 3, 19, 26, 28, 395

Животов Матвей 585

Жожиашвили И. Г. 335

Жордания Кайхосро Николаевич 492

Жордания Н. Н. (Костров) 18, 114–115, 122, 148, 229, 248–250, 253, 260, 366, 376, 393, 403, 439, 479, 492, 521, 567, 572, 581

Жордания Федор 108

Жуковский 130

Журавлева Е. — см. Евреинова Е.

Забелин 335, 585

Завадский Владимир Ромуальдович 528

Завадский Владислав Ромуальдович 537

Заварзин П. П. 43, 332, 350, 448
Завриев Д. З. 518
Завриева Е. З. — см. Андроникова
Зазаев (Зазашвили) А. Н. 83, 86
Зазашвили Ефимия 81–82, 88, 97
Зайцев М. И. 368
Зайцев Ф. В. 275–276, 312, 434, 546, 578, 595
Закомолдин Алексей 130, 168
Закон Овсей-Вульф 202
Закон Хаим-Мейер 202
Закон Я.-М. З. 202
Закревская Л. А., — см. Нессельроде Л. А.
Закревский А. А., 542
Залесский К. А. 329
Залуцкий П. А. 341
Замбахидзе 186
Зарафьян С. Д. (ур. Ландау) 591
Зарафьян Сурен 591
Зарнекау 527
Заря 445
Заславский Пинхус 334
Засыпкин Ф. А. 190–192, 228, 249, 479, 529, 546
Заушкевич М. Т. 255, 452
Захаров Н. С. 290

Захлыстов Виктор 119

Зверев В. В. 254

Зданович Г. Ф. 119, 491–494, 518, 535

Зевин Я. Д. 281, 341

Зедгенидзе Вано 125, 127

Зейдлиц В. Э. 443

Зейлидзон Д. Л. 264

Зелигман, братья 474

Зелигман Абрам 112

Зеликсон (Бобровская) Ц. С. 220, 222, 224

Землячка Р. С. 221, 222, 231, 262

Зибер Н. Н. 130

Зильберберг Х. И. 412

Зингер, фабрикант 107, 116

Зингер 469

Зиновьев А. 527

Зиновьев Г. Е. 341, 365–367, 370–371, 390, 393–394, 403, 450, 458

Знаменский Константин Александрович 249–250

Золотарев Леон 130, 167–168, 249

Зорина 13

Зубалов (Зубалошвили) 234, 479

Зубалов Антон Яковлевич 97

Зубалов Д. А. 479

Зубалов К. Я. 479, 588

Зубалов Л. К. 479
Зубалов П. К. 479, 588
Зубалов С. К. 479
Зубалов Я. К. 479, 588
Зубалов Яков 495
Зубалова Е. Г. — см. Джакели
Зубалова Е. М. (ур. Туманова) 479, 588
Зубаловы 234, 473, 476, 479
Зубов П. Н. 520
Зуев Н. П. 446, 472, 554
Зурабов А. Г. 494
Зурабова С. И. (ур. Тер-Абрамян) 494
Зыбин В. С. 554

Иванов 251
Иванов — см. И. В. Джугашвили 324
Иванов А. Н. 472
Иванов А. П. 402, 415
Иванов Б. И. 201, 398, 406,408, 410, 415–417, 501
Иванов Д. И. 362–363
Иванов Л. А. 50, 448–449
Иванов Л. И. 479
Иванов Я. П. 586
Иванова Д. А. 402

Ивановский 399

Иванянц А. И. 324, 325, 333

Игнатьев П. И. (Порозов) 365, 368–369

Идзиковский П. 116, 121

Измайлов 53

Измайлов П. А. 114, 519

Икскуль фон Гиленбанд В. И. (ур. Лутковская) 542–543

Икскуль фон Гиленбанд К. П. 543

Илизаров Б. 401

Ильин Н. М. 327

Ильчуков 335

Имедашвили И. З. 128

Ингорква (Ниношвили) Эгнате

Инжерабян О. 178

Инцкирвели Степко 232–233, 242, 266–267, 455, 488

Иогансон Е. А. — см. Прейс Е. А.

Иорданский Н. А. 482

Иосиф 587

Иоффе Д. П. 290

Ираклий II 492, 590

Иремашвили Иосиф 16, 111, 125, 139–140, 186, 188, 253

Исаак 587

Истомин В. К. 498

Истомина Н. К. 498

Ицкович Л. 501

К. 553

Кавтарадзе 121

Кавтарадзе Е. Б. (ур. Цибадзе) 219

Кавтарадзе М. И. 219

Кавтарадзе И. К. 219

Кавтарадзе П. И. 219

Кавтарадзе С. И. 219, 233, 266–267, 348, 359–360, 364, 432, 439, 527

Каган Х. Н. 501

Каджая Я. А. 171–174

Казаров А. О. 281

Казарянц Аршак 160

Кайданов В. И. 113

Кайданов И. К. 113

Кайданова О. В. 113, 119

Какабадзе Илья 488, 493

Какабадзе Иосиф Павлович 114–115, 488, 589

Какабадзе Нестор 488

Каладзе Герасим 174

Каладзе Нестор Варфоломеевич 153

Каладзе Ражден 128–129, 148, 488, 489, 577

Каладзев 160

Каландадзе Вано 242, 455–456

Каландадзе Виссарион 160, 171

Каландадзе Геронтий 171, 177

Каландадзе Мих. Алекс. 327

Каландадзе Михаил Ватоевич 171–172

Каландадзе Павел Алексеевич 160- 161

Каландадзе Полиевкт Антонович 160

Каландарашвили Д. Е. 114–115, 147–148

Каландарашвили Нина 228

Калантар А. А. 107, 530

Калантаров К. 140, 171–172, 174, 574

Калашников А. 396

Калинин М. И. 152, 154, 205, 251, 341, 369, 371

Калинин П. Ф. 281

Калмыков Д. А. 537

Калмыкова А. М. (ур. Чернова) 537

Кальманович С. Е. 542, 553–554

Калюжный А. М. 113, 116, 119

Каменев (Розенфельд) Л. Б. 212, 220, 223, 341, 370, 395, 405–407, 411, 419, 421, 423, 432, 450, 458

Каменский А. В. 480

Каменский В. М. 472

Каминер А. И. — см. Тищенко А. И.

Каминер И. А. 484

Каминер Н. И. — см. Аксельрод Н. И.

Каминер С. И. — см. Введенская С. И.

Каминский С. С. 526

Камо Самехи — см. Тер-Петросян С. А.

Камышанский П. К. 461

Кананов Х. И. 495

Канакова Н. С. (ур. Гамбарова) 495

Кананова Н. Х. — см. Кафиева Н. Х.

Кананова О. Х. — см. Аджемова О. Х.

Кананова С. Х. — см. Гамбарова С. Х.

Канделаки 520

Канделаки И. А. 496

Канделаки К. 171–174, 177–180, 185, 188–189, 193–194, 199, 573

Канер 11

Капанадзе 161

Капанадзе Д. 177

Капанадзе Петр 91, 93, 111

Каптелов Б. И. 4, 25–28

Карабинова С. Н. 349

Караджев (Караждян) Г. А. 160, 168, 170, 175, 177, 193, 250, 571–572

Карапетов (Карапетянц) М. 106, 140, 154

Карапетян 248

Караулов А. В. 549

Караулов В. А. 480

Каркусадзе М. 80
Карпов 9, 11, 245, 433
Карпов Л. Я. 231
Карцивадзе Н. 219
Касрадзе Валико 111
Касрадзе Григорий 260
Касрадзе Н. Я. 83
Касрадзе О. 77
Карцевадзе Миха 532
Касумов Мир Башир 577
Касьянов — пристав 359
Касьянов — рыботорговец 472
Катиашвили (ур. Хабслашвили) М. 3, 86, 217
Катран 154
Каутский К. 390, 393
Кафиев Г. Г. 495
Кафиева Н. Х. (ур. Кананова) 495
Кахстслидзе Кирилл 192
Кахоян Асатур 257
Кацарава Д. 233
Качахмадзе Илларион 179
Квашслава Естатс 188
Квелашвили М. В. — см. Арсошвили М. В.
Квеципский Л. А. 500

Квиквидзе 247

Квиткии О. О. 243, 251

Квициридзе Исидор 115

Квятковская Я. А. 471

Квятковскин А. А. 231

Кегамов А. С. 550

Кегамов В. А. 550

Кегамов Д. В. 550

Кедрова (Дидрикиль) О. А. 254

Кекелидзе Александр 587

Кекслидзе Бартоломе 223, 488, 587

Кекелидзе Датико 488, 587

Кекслидзе Георгин 488, 587

Келбакиани Васо 141

Келбакиани В. В. 516

Кельнер В. Е. 484

Керенский А. Ф. 17, 48, 420, 554

Кецховели Вано 91, 98, 129, 139, 143, 148, 150–151, 217, 432, 581

Кецховели Владимир (Ладо) 98–99, 108, 122, 128–129, 144–145, 147, 150, 152, 216, 521, 568, 572, 581–582, 585

Кецховели Мария Михайловна (ур. Коринтели) 98, 581

Кецховели Николай 97, 581

Кешешьянц 168, 192

Кешешьянц Габриэль 459, 546–547, 550

Киасашвили В. 233

Кибардин А. В. 244

Кибиров И. И. 388, 391, 395, 399, 402–403, 405, 408, 413–415

Кизирия Л. Д. 288

Кикава П. 174

Кикнадзе В. 457

Кикодзе И. А. 545

Кикодзе (ур. Микеладзе) Н. П. 545

Кикалейшвили П. 233

Киладзе С. 219

Кипиани Давид 489

Кипиани Е. А. (ур. Шервашидзе) 534, 582, 589

Кипиани М. К. 98, 534, 581–582

Кипшидзе 88

Кипшидзе Агафья Алексеевна (ур. Давиташвили) 95, 98

Кипшидзе Андро Симонович 95

Кипшидзе Григорий Федорович 112

Киреев А. А. 519

Киренский В. З. 206, 215

Кирион I (Садзагелашвили Г.) 93

Кириченко И. 23

Кирочкин М. 261, 524, 525–526

Кирсанов 395

Киртава Наталья Иосифовна (Киртадзе, Сихарулидзе, Фисенкова) 177, 196, 199, 213, 216

Киселевская (Зильберштейн) Анна Адольфовна 117, 584

Китаев 504

Китиашвили Мария Зааловна (ур. Хабелашвили)

Клейгельс 544

Климентов А. И. 520

Климиашвили М. И. 117, 121–122, 129, 532

Клишев Н. И. 327

Клыков М. Я. 335, 380

Кнатц Б. Г. 48, 62

Кнатц В. Г. 48

Кнатц Г. К. 48

Кнатц Е. Г. 48

Книжник-Ветров И. 139

Книпович Л. М. 119, 212, 243, 244, 251

Кнунянц Б. М. 261

Коберидзе Михаил 297, 306, 432, 446

Кобулашвили Георгий 216

Ковалева А. Д. 408

Ковалевский В. И. 537–538

Коваленский С. Г. 555

Коган А. Ш. 119
Коган Клара (Хая) — см. Франчески К. 119
Коган (Иорданский) О. А. 118–124, 154–155, 251
Коган П. С. 334
Коган Семен 341
Кодолаев Г. З. 81
Козеренко Н. П. 500
Козинцев Е. М. 206, 274, 278–280, 444, 549
Козловская Евдокия 300–301, 307–308
Коки 117
Кокорев В. А. 480
Кокорев А. В. 480
Кокоревы 476
Кокочишвили Анастасия Давидовна (ур. Зубалова) 97
Кокошвили Г. 177
Коленко Е. В. 526
Колесник А. 400, 412
Колесникова Н. Н. 261, 265, 304
Колокольников П. Н. 497
Коллонтай А. М. 540
Коллонтай В. Л. 540
Колосов Е. Е. 50
Колотов — надзиратель 290
Колотов — ссыльный 206

Кольберг Ю. Н. 202–203
Коля 316
Комиссаров 554
Конверт 444
Конисский М. А. 332
Коновалов А. И. 554
Константинова 340
Конторин Д. 55, 56
Конторщик 445
Конюхов П. А. 472
Копалейшвили Илико 117, 199
Копинов Н. Я. 83, 86
Копонен Э. 369
Коралевский А. А. 204
Коринтели Мария — см. Кецховели М.
Коркашвили Г. Л. 535
Коркашвили Л. Д. 535
Коркашвили Н. Я. (ур. Николадзе) 535
Коростелев Г. А. 327–328, 331
Корпусадзе — см. Паркосадзе
Корсак В. Е. 452, 456
Корсаков М. П. 493
Корсидзе А. Д. 453–458, 516, 520, 547–548
Корюн С. 522

Космыль Иван 404

Костава — см. Телия Г.

Костюков 364

Косюра Нина 228

Котельников В. Г. 423

Котляровский Н. А. 48

Котрикадзе Ир. 171, 174

Кох А. Ф. 593

Кочакидзе А. М. 535

Кочакидзе Е. О. (ур. Дадиани) 535

Кочаровский К. 481, 498

Кочетков Яков 130, 167, 177, 190, 264

Кочнев 359

Кравченко — ротмистр 117, 190

Кравченко — стражник 416

Крамольников Г. 243

Кранихфельд Владимир Павлович 498

Крапина М. 291

Красилышков 234

Красилышков 305

Красин Г. 585

Красин Л. Б. 231, 244–245, 251, 371, 376, 432, 450, 452, 458, 470, 501, 579, 581, 585, 588

Краснова Анна 160, 177

Краснянская М. С. (ур. Букштейн) 531

Краснянский Б. Г. 531

Кременецкий Л. Н. 379

Крестинский Н. Н. 360, 363, 377

Кржижановский Г. М. 371

Крит 315

Крохмаль В. И. 231

Круженов В. 15

Крузе 415

Крупп 518

Крупская Н. К. 212, 221, 243–244, 251, 333, 342, 349, 367–368, 370, 397

Крыжановский Б. 481

Крыжановский Д. А. 47

Крылов Кузьма Иванович 160

Крючков Я. С. 421

Кублидзе (ур. Махараблпдзе) Мария 144

Кубяк 585

Кугушсв В. А. 472, 481

Кудели П. Ф. 243–244

Кудряшов 498

Кузакова М. П. 321, 325–326, 328

Кузнец см. Чижинов П. А.

Кузнецов 554

Кузьма — см. Сильдяков С. Д.

Кузьминский 515

Куколава Ивлиан 243
Кулиджановы 97
Кулумбегиани Александр 81
Кумиашвили М. И. 349
Кунгуров М. И. 204–205, 433
Кундышева Э. И. 423
Куприянов А. И. 206
Куридзе Порфирий 171, 173–174, 178
Курлов 460, 472
Курнатовский В. К. 118, 120, 154–155, 160, 481
Курочкин С. П. 290
Кускова Е. Д. (ур. Есипова) 154
Куссеров Отилия — см. Ганземанн О.
Куссеров Фердинад 486
Куссеров Эвелина (ур. Оппенгейм) 486
Кучиев М. 356
Кюхельбекер Карл 543
Кянджунцев Г. Г. 493–495, 584

Лавров 328
Лавров В. А. 96
Лавров В. Н. 13, 167–168, 172, 176, 195, 440, 442, 568
Лавров П. Л. 537
Лаврова Е. Н. 537

Лаврова О. Н. 537
Лаврова С. В. — см. Урусова С. В.
Лазарянц 533
Лазебников А. 24, 410
Лалетин И. 396, 399–400, 402
Ламздорф В. Н. 469
Ланго А. И. 493
Ландау Гуго 474
Ландау Д. Л. 587, 591–592
Ландау Л. Д. 591
Ландау Л. В. (ур. Гаркави) 591
Ландау М. Л. — см. Таубе М. Л.
Ландау С. Д. — см. Зарафьян С. Д.
Ландау Якоб 474
Лапшин 471
Ларин (Лурье) Ю. 262
Латанишвили Л. 140
Лашевич М. М. 330–331, 334, 341, 357, 360, 362, 368
Лебедев 248
Левандовский А. 40
Леваневский С. П. 206
Левенсон А. Ш. 335
Левенсон М. Ш. 335
Левенсон Э. Ш. 335

Левин И. 16, 19

Левитская А. Н. 48

Левицкий А. И. 206

Левицкий В. (Цедербаум) 366

Лежава Андро 115, 119, 155

Лежава К. 177, 192

Лейтис 554

Лелашвили Г. З. 154, 168, 569

Лемтюжинский 443

Ленин В. И. 9–11, 15, 51, 120, 154–155, 221–222, 225, 231, 244–245, 251, 257–258, 265–266, 304, 323, 330, 341, 364–367, 370–371, 375–377, 405–407, 450, 481, 494, 499–500, 502–503, 537, 577, 579, 586, 589

Леонович Л. М. 314–315

Леонтович А. К. 49

Леонтьев А. Н. 544

Леонтьев Г. М. 544

Леонтьев Николай (Демьян) 301–302, 306–307, 308, 447, 578

Леонтьева Т. А. 544

Леонтюк А. М. 81

Лепешинский П. Н. 7

Лернер П. Я. — см. Раковский Л. П.

Лесли Е. А. (ур. Трепова) 545

Лесли Л. С. 545

Лесснер А. Г. 493, 495
Летурно 126
Лефас 524
Лианозов Г. М. 494, 583, 591
Лианозов С. Г. 530, 583, 584
Лианозовы 375, 475
Либкнехт Вильгельм 469
Либкнехт Карл 284
Лившиц Н. М. 204
Лид Йонас 403
Линде Ф. В. 405, 411, 419
Линкевич И. И. 202
Лион О. 16
Липман Р. А. 593
Литанишвили А. 164
Литвин (Седой) З. Я. 155
Литвинов М. М. 450, 458
Литвинцева М. И. 201
Лихневич 532
Лобова В. Н. (ур. Зильберберг) 370–371, 373, 376
Лозино-Лозинский М. А. 315, 528
Лозовский 244
Лоладзе — прапорщик 522
Лоладзе — полицейский надзиратель 548

Лом 446

Ломакин А. А. 494, 498

Ломаури Нико 581

Ломджария 417

Ломджария, братья 173–174, 177, 178

Ломджария Вера — см. Джавахидзе В.

Ломджария Порфирий 173–174

Ломджария Сильвестр 173–174, 177, 179–180, 574

Ломинадзе Элисо 242, 455

Ломоносов Ю. В. 537

Ломтатидзе Вано 488

Ломтатидзе Д. 174

Ломтатидзе Ф. 174

Лопухин А. А. 539, 554–555

Лопухин В. Б. 530

Лордкипанидзе Д. А. 140, 518

Лошадзе Бебе 199, 235, 247

Лузин И. И. 120–124, 154, 171

Лукашевиц К. А. 390

Лукьянов А. И. 23

Луначарский А. В. 251

Лунц Г. М. 483

Лурье А. П. 363

Лутковская В. И. (по первому мужу — Глинка) — см. Икскуль фон Гиленбанд

Лутковский И. С. 542
Львов А. Н. 543
Львов В. Н. 543
Львов Н. Н. 543
Львова (ур. Салтыкова) 543
Львова В. Н. — см. Бобринская В. Н.
Львович Георгий Логгинович 314- 315
Лыжин 459, 460
Любатович О. С. 113, 119
Людвиг Эмиль 16, 123, 262–263, 265–266
Люце М. Ф. 461
Лядов (Мандельштам) М. 221, 230, 331, 524

Мадебадзе Георгий 179
Мадер Л. Д. 106
Маевский Е. (Гутовский) 366
Майдель Г. Х. 542
Майоров Ф. И. 116, 121, 150
Майсурадзе 524
Макаров А. А. 336
Макаров П. М. 542
Маклаков В. А. 542, 553
Маклаков Н. А. 380
Максимов 261

Малама В. Я. — см. Эристави В. Я.

Малама Я. Д. 528, 591

Малаховский К. А. 204

Маленков А. Г. 13

Маленков Г. М. 13, 15

Маленьский 448

Малиновская Стефания 348, 373, 393

Малиновский Р. В. 305, 341, 348–349, 354–355, 361, 364–367, 369–388, 390, 392–393, 397, 439

Малышев С. В. 324, 417

Малярчук И. О. 201

Мамасахлисов И. С. 83, 86–87

Мамед Али 577

Мамедьяров Мамед 230, 267

Мамулов В. 175

Мамулов (Мамулашвили) Михаил 86

Мамулова (Мамулашвили) Н. М. — см. Баланчавадзе Н. М.

Манасевич-Мануйлов И. Ф. 552, 555

Мандельштам О. 24

Маннергейм 472

Манташев Александр Иванович 107, 170, 173, 175–177, 213, 224, 234, 473, 475–476, 478–479, 482, 491, 495, 504, 573, 584, 586, 591

Манташев Иван (Гиго) 585–586

Манташев Л. А. 375

Манучарьянц Ш. Н. 13, 15

Манчо А. И. 493, 496, 499, 504, 545, 587, 592–594

Маньков И. Н. 366

Маня 368

Маргиани Г. Н. 486

Маргулиес М. С. 542

Мариам — сноха М. К. Цицитатришвили 84

Мария Федоровна, имп. 450, 543, 544, 589, 591

Маркаров И. П. 493

Маркс К. 10, 15, 51, 130–131, 174, 330, 504

Мартене (Мертенс) Карл Людвигович 152

Мартов Ю. О. 244, 260, 323

Мартынов Петр Павлович 296, 303, 309–310, 314, 316–317, 444–445

Маругин И. М. 116, 121

Масалкин Павел 235

Масалов Н. М. 553

Масленников А. 405, 408–409

Маслов П. П. 494

Матвеева Ю. Ф. 326

Матиашвили А. Г. 79

Мафферт Георгий 160

Махарадзе Л. Б. 516, 520

Махарадзе Ф. И. 115, 122, 127, 160, 214, 228, 236, 242, 432, 439, 519, 521, 572

Махароблидзе М. — см. Кублидзе М.

Махвиладзе Л. И. (ур. Бакрадзе) 516

Махвиладзе Г. К. 516

Мачабели 78–79

Мачабели Баадур 79

Мачабели Бежан 83

Мачабели Георгий 83

Мачабели Михаил Васильевич (Хусейн) 79, 83, 582

Мачабелишвили Шалва Бежанович 83, 86

Мачавариани 248

Мачавариани И. Д. 581

Мачарадзе 129

Мачарадзе Поликарп 168, 296

Мгалоблишвили Сапром 92

Мгебров Анзельм 94

Мгебров Я. М. 354

Мгеладзе Вано 171

Мгеладзе Влас Д. (Триадзе) 153, 171–172, 250, 420

Мгеладзе Миха 168

Мгеладзе Ф. 171

Мдивани Д. В. 493, 536

Мдивани Г. Г. 583

Мдивани Н. Г. 583

Мдивани О. Д. (ур. Жгенти) 583

Мдивани Павел Гургенович 583

Мдивани П. Г. (Буду, Бочка) 233, 242, 254, 298, 300, 316, 432, 439, 488, 519, 524, 578, 583, 594

Мдивани С. Г. 583

Мегвинет-Ухуцеси Васо 98, 581

Мегрелидзе Ясон 168, 177

Медведев 370

Медведев И. П. 493, 495

Медведев Р. А. 22, 578

Медведев Я. С. 528, 530

Мейендорф — см. Николаи

Мейендорф — см. Чичерина

Меликов 234

Меликов А. С. 473, 584

Меликов Г. 482

Меликов Д. З. 526, 527

Меликова Р. Д. (ур. Староссельская) 526

Меликянц З. К. — Джугашвили И. В. 309

Мельников Иван Николаевич 295

Мельситов (Воронов) П. М. 244

Менжинский В. Р. 19, 262

Меньщиков Л. П. 41, 119, 128, 494, 552

Мерабашвили Александр 192

Мерзляков М. А. 399, 402, 410–411, 413–415

Мертваго — жена Ватаци 530
Мертваго А. П. 530
Метт М. А. 47
Мехлис 11
Механошин К. 540
Мечитов И. Г. 83, 86–87
Мечникова 254
Мешади 577
Мешков Н. В. 472, 482
Мещерин Владимир 160
Мещеряков Н. Л. 119, 254,417,483
Микаберидзе Александр 247
Микадзе С. М. 493
Микатадзе Самуил 192
Микеладзе А. П. 545
Микеладзе В. С. 535
Микеладзе Д. А. 114, 535, 582
Микеладзе М. П. — см. Орахелашвили М. П.
Микеладзе Н. П. — см. Кикодзе Н. П.
Микеладзе П. Г. (ур. Цулукидзе) 535
Микеладзе П. З. 545
Милов 234
Миль И. 115
Милютин Владимир Петрович 305

Милютин Ю. Н. 107

Милютины 527

Минасян 459

Мирзабекянц 324

Мирзоев 234

Мирзоев Г. М. 106

Мирзоевы 473, 475, 408, 478, 530

Мирской Д. И. — см. Тер-Петросян С. А.

Митин М. Б. 14

Миха 259

Михаил 296–300, 302, 434, 432, 445–447

Михаил — член ЦК 305

Михаил Александрович, вел. кн. 420–421

Михаил Николаевич, вел. кн. 84, 544

Мицит К. 325

Мицкевич И. В. 528–530

Мкуриани 174

Модебадзе К. С. 488

Модебадзе П. С. 488

Мокеев 394

Мокрецова 291

Молотов В. М. (Скрябин) 27–28, 57–58, 152, 322, 341, 352, 363, 423

Монаселидзе (ур. Сванидзе) А. С. 235, 252–254, 265

Монаселидзе Д. М. 253

Монаселидзе М. М. 89, 94, 111, 131, 145, 235–236, 252–256, 265

Монтин (Монтян) Петр 130, 234, 242–243

Морозов 54

Морозов З. С. 483

Морозов И. С. 483

Морозов С. Т. 460, 471–472

Морозов Т. С. 483

Морочков 212

Мосешвили В. С. 113, 488, 503

Москалев М. А. 123

Москаленко А. К. 445–446

Мостаев (Коночкин) 244

Мостовенко П. Н. 244

Мохеве 195

Мочалов 15

Мошиашвили Иосиф 87

Мошиашвили Хана 87, 97

Муггу М. 244

Муравьев Н. К. 48, 532

Муранов М. К. 365–366, 369, 393, 405, 411, 419–423

Мураховский С. 126, 140

Мусин-Пушкин А. А. 543

Мшвидабадзе И. 214, 217, 221

Мюджай 577

Мягков Е. Д. 472
Мягков И. Д. 472

Нагиев Муса 234, 473
Надеждин М. 359
Надирадзе Анико 87, 90, 97
Надирадзе И. П. 87, 285–286, 523
Накашидзе, кн. 534
Нанейшвили А. Т. 492, 535, 581
Нанейшвили В. И. 492, 496
Нарышкин 277
Натансон М. А. 484
Натрошвили Симон 111, 125–127, 130, 139
Невский В. И. (Кривобоков, Спица) 8, 244, 254, 360, 371
Незадзе Ягор 298
Неккер 589
Неклюдов Н. А. 538
Некрасов Н. А. 420
Немсадзе Васо 517
Неслуховский К. Ф. 481
Нессельроде А. Д. 542, 553
Нессельроде Д. К. 542
Нессельроде К. В. 542
Нессельроде Л. А. (ур. Закревская) 542

Нессельроде М.-Ю.-В.-К. 542

Нестеров 312–313

Нестроев 140

Ниазов 500

Нижерадзе — Джугашвили И. В.

Никадзе Кирилл 228

Никаноров 56

Никаноров Алексей 160, 167

Никитин 422

Никитин А. 374

Никитина М. Л. 422

Никифоров 445

Нико 316

Николадзе Н. Я. 113–114, 489, 491, 518, 535, 589

Николадзе Н. Я. — см. Коркашвили Н. Я.

Николадзе Олимпиада — см. Церетели О. Я.

Николаевский Б. И. 50, 417, 538

Николай II 110, 128, 225, 234, 241, 410, 420, 462, 498, 502, 533, 543, 554, 555

Николай Михайлович, вел. кн. 517

Николаи (ур. Мейендорф) 590

Николаи А. П. 450, 589

Николаи М. А. — см. Шервашидзе М. А. 589

Николаи С. А. (ур. Чавчавадзе) 450, 589

Николаи Ю. Ф. 593

Никонов А. А. 539

Никонов С. А. 539

Нинидзе Кирилл 250

Нинидзе П. 174

Ниношвили Э. 114, 115

Нинуа Б. 171

Нинуа Георгий 129, 130

Нобель А. И. 480

Нобель Г. Л. 493, 495

Нобель Г. Э. 480

Нобель И. 480

Нобель И. Э. 480

Нобель Л. И. 480

Нобель Л. Э. 48, 480

Нобель М. Э. (Олейникова)

Нобель Р. И. 480

Нобель Р. Э. 480

Нобель Э.-В. Э. 480

Нобель Э. И. 480

Нобель Э. Л. 474–475,480–481,533

Нобель Э. Э. 480

Нобели, братья 170, 224, 234, 473–476, 478, 487, 495, 502–503, 593

Новакидзе 161

Новгородцева К. А. 119

Новгородцева К. Т. 399, 405
Новиков А. И. 518–519, 584
Новикова Вера 368
Новикова О. А. (ур. Киреева) 519
Новицкий В. Ф. 540
Новожилов 330
Ногин В. П. 296, 305–306, 432
Нольде, бар. 527
Нордберг Отто 472
Носарь Г. С. (Хрусталев) 501
Носков В. А. 224, 231, 502
Носов 417
Нугаре Р. 499
Нуортева Александр 480, 495
Нусбаум Л. (Эссад-бей) 16–17, 169, 205, 400, 402
Нуцубидзе Георгий 232
Нюберг (Нуортева) Альфред 480
Нюберг Д. К. 480, 495
Нюберг К. 480

Оболенская, кн. 527
Оболенский А. Д. 527
Оболенский Л. А. 50, 448
Оболенский Н. Д. 527

Образцов А. 586

Обручев В. А. 540

Обручев Н. Н. 540

Овчиян Б. 284, 285

Овьян А. 349

Огаджанов 459

Огурцов Х. Я. 281

Одзелашвили Арсен 99

Озеров И. Х. 585

Окиншевич Раиса Моисеевна 249

Окуашвили Арчил 113, 117, 121, 129–130, 148, 154, 168–169, 176, 193, 197, 198

Окуджава Миша 219

Окуджава — братья 488

Олейников Г. П. 481–482,495, 588

Оленин Павел 119

Ольга 323

Ольминский М. С. 51, 119, 155, 231, 262, 352, 376, 415, 423, 496, 584

Ольшевский 160

Оляшовский Ф. Т. 201

Ониашвили Д. 139

Онуфриев П. 341

Онуфриева П. Г. 57, 334, 340, 342

Оплачко М. И. 290

Оппенгейм Соломон 486

Оппенгейм Эвелина — см. Кусуров Э.

Орахелашвили М. 519, 545

Орахелашвили (ур. Микеладзе) М. П. 545

Орбелиани Т. Н. — см. Абашидзе Т. Н.

Орджоникидзе Г. К. 261, 285, 296, 302, 331, 333, 339, 341, 342, 348–351, 361, 412, 432, 546, 579

Орлик Ф. Ф. 201

Орлов (Фельбинг) А. М. 19, 20

Орлов Н. 415

Орлов-Давыдов А. А. 542

Орловский В. К. 189

Ормоцадзе Арсен 192, 193

Ормоцадзе Миха 179

Осепашвили Коста 213

Осинкин Н. П. 419

Остроухов 56

Осубко Ф. И. 204

Павел 316

Павлов 524

Павлов Д. 244

Павловский Г. 24

Павловский Н. А. 456

Паке Н. 107

Панекук 390, 403
Паниев К. А. 333
Пантелеев Л. Ф. 489
Панюшкин 415
Пападжанов 409
Папиташвили Давид 93, 361
Парамонов Н. Е. 472
Парвус А. Л. (Гельфанд) 543
Паркадзе Г. В. 108, 111, 129, 139, 156, 236
Паркусадзе (Паркосадзе, Корпусадзе) Степан 168, 249
Пароониан А. А. 493, 495
Патарашвили Нино 93
Патушанский 419
Пахомов 350
Пацевич 327
Пашуканис С. П. 471
Переверзев В. Н. 481, 496, 498
Перегудова З. И. 4, 26–28, 40, 43
Перелыгина — см. Перепрыгина Л. П.
Перепрыгин А. П. 398
Перепрыгин Д. П. 398
Перепрыгин Е. П. 398
Перепрыгин Иван Платонович 398
Перепрыгин Иона Платонович 398

Перепрыгина Л. П. 398, 400–402, 412–413

Перепрыгина Н. П. 398

Перепрыгины 396, 398, 401–402, 412- 413

Перес Борис 160

Персинаки И. С. 486, 490,493,587

Перфильев И. Д. 400

Петербуржец — см. Вепренцев

Петерсон Н. Л. 517, 528

Петров 3

Петров Е. К. 474

Петров И. П. 327

Петровская Н. В. 290

Петровская С. Л. 290, 304, 309–310, 313, 316–317

Петровский Г. И. 366, 368–371, 375, 378, 393, 397, 405, 407, 411, 420

Петровский Л. Л. 290

Петухов И. А. 408, 415

Пивон 408–409

Пилия Мелитон 488

Пирогов 55–56

Писарев 408

Писмамедов Давид (м. б., Паписмедов) 87

Питоев 234, 473, 478

Плаксин А. А. 493

Платонов А. 24

Плеве В. К. 521, 539, 555

Плетнев 374

Плеханов Г. В. 128, 222, 251, 323, 406

Подколзин 457

Подольский Н. В. 310–311

Познер С. М. 13–15, 481

Покотилов А. Д. 539

Покотилов Д. Д. 539

Покотилова А. Д — см. Романова А. Д.

Познер С. М. 13–15, 350, 416

Покровский 376

Покровский 352

Полетаев Н. Г. 120–121, 296, 350–352, 376, 423, 501, 585, 595

Полторацкий И. Н. 472

Полуботок В. В. 290

Поляк 234, 475

Померанц Вигдор 554

Померанцева А. В. 418–420

Попель 335–336

Попов — эмигрант 409

Попов — ссыльный 290

Попов А. П. — см. Скляренко А. П.

Попов Н. 56

Попов Т. И. 360, 584

Пораков (Поракишвили) Г. А. 591

Поракова (Поракишвили) Е. И. — см. Сараджева Пораков (Поракишвили) И. А. 591

Порозов — см. Игнатьев П. И.

Португалов В. В. 494

Посребышев А. Н. И, 53–56

Постоловский Д. С. 333, 575, 585

Потапов Н. М. 540

Потресов А. Н. 374, 469, 539

Правдина 244

Прейс (ур. Иогансон) Е. А. 119

Пржевальский М. Н. 76

Прибиль Н. И. 528

Прокопович С. Н. 154, 162, 164

Пруссаков Александр 300–301, 307–308

Пургольд А. Н. 538

Пурцеладзе А. Н. 113, 117, 581

Пурцеладзе Д. Н. 581

Пурцеладзе Дмитрий 568

Пурцеладзе И. 78, 117

Путилов А. И. 475, 584

Пухашвили Марта см. Джугашвили Мора

Пушкарев Павел 160

Пятаков Г. Л. 349

Пятницкий И. 341

Радзинский Э. С. 87, 97, 148

Радомысльская З. Е. 450

Радус-Зенькович 243

Радченко 371

Радченко Е. И. 585

Радченко И. И. 585

Раевский Л. Н. 119

Размадзе Гриша 129, 139

Размадзе Илья 92

Ракитников Н. И. 542

Раковский Л. П. (Пинхус Янкелевич Лернер, он же Михаил Львович Финкельманс) 548–549, 552–553

Рамишвили Вано 185, 573

Рамншвили Исидор 113, 115, 171,

213, 218, 228–229, 250, 573

Рамишвили Ной 231

Рамишвили Трифон 177

Раппопорт Ю. 481

Раскольников (Ильин) Ф. Ф. 352

Распутин Г. Е. 110

Ратаев Л. А. 437

Ратгаузер 54

Ратенау Эмиль 474

Ратиев Василий Фаддеевич 303-304

Ратьков — Рожнов 477
Рахметов 53–54
Рахья И. А. 369
Рахья Э. А. 369
Рейнгольд Л. М. 482
Рейнбот А. Е. 537
Рейнбот М. П. 536
Рейснер М. А. 244
Рейх 78
Ренингер Станислав (Юстус) 117
Речицкий 254
Ризенко Н. В. 493, 496
Ризенно О. 496
Рикардо Д. 130
Рогачев 548
Родзянко М. В. 397
Рожанов Ф. С. 444, 546–549, 552
Рожков И. А. 254, 450
Розанов В. Н. 231
Розеиберг 17
Розенберг — банкир 475
Розенблит С. К. 118
Розенгауз З. С. 316
Розенкраиц А. А. 390

Розенкранц Д. Ш. 390

Розенфельд Б. И. 212

Розмирович Г. Ф. 370, 374

Розов И. А. 593

Рокфеллер 475

Романинский Сашка 301

Роман 305

Романов А. С. 333, 341

Романов П. М. 539

Романова А. Д. (ур. Покотилова) 539

Роруа — см. Чодришвпли З.

Ростомашвили Давид 117

Ротииов 156

Ротшильд Ш.-Б. — см. Эфруси Ш.-Б.

Ротшильд Эдуард 474

Ротшильды 170–172, 174–175, 178, 185, 474–476, 480, 504, 574, 587

Рохлин А. 476

Рохлин В. Я. 496

Рохлин З. Я. 496

Ртвеладзе Г. Д. 154, 168, 193, 569

Рудановская Е. Н. (ур. Шнейерсон) 404

Рулицкий Н. А. 522

Рума Л. Н. 497

Румянцев П. П. 244, 251

Рунич Владимир Александрович 161–164, 187
Русадзе Матэ 177, 179
Руссия Мелитон 228
Руссиянов В. Н. 50, 448–449
Рухадзе Н. 490
Рыбкин 470
Рыков А. И. 251, 331, 417
Рыльский И. К. 493, 496
Рыльские 475
Рысс Б. И. 284
Рысс Г. Б., он же Ходоров Я. Г. 281, 284
Рысс С. Б. 284
Рязанов (Гольдендах) Д. Б. 118,498

Сабуров А. А. 541
Сабуров А. И. 541
Сабуров А. П. 541
Сабуров Н. Н. 440
Сабуров П. А. 541
Сабуров П. П. 541
Сабурова М. А. 541
Савельев М. А. 360, 367, 373
Савенков 368
Савинков Б. В. 480

Савинов В. 362–363, 371
Савицкий С. В. 452, 455–456
Савченко Канон Демьянович 295
Савченко Кузьма Демьянович 295
Савченко Мирон Демьянович 152, 154, 295
Сагателян И. Я. 497–498
Садзагелашвили Г. см. Кирион II
Сакварелидзе Григорий 285
Сакварелидзе Нико 524
Сакварелидзе Павел 235, 285, 457
Сакер Д. Н. 593
Саксаганская А. П. 349
Салтыков И. С. 415
Салтыков И. Ф. 396, 398
Салтыков Л. С. 415
Салтыков П. С. 396, 398
Салтыков С. 396
Салтыков Ф. 396, 398
Саммер И. А. 325–326
Самойлов А. А. 36
Самойлов А. А. — генерал 526
Самойлов И. И. 416, 417
Самойлов Ф. Н. 366, 369, 374, 393, 405, 411, 42
Салтыкова — см. Львова

Салтыкова — см. Оболенская

Самчкуашвили Л. З. 283

Сараджев Д. Г. 59

Сараджев Д. З. 106, 107, 590–591

Сараджев Е. Д. 59

Сараджев З. Д. 59

Сараджев С. Д. 59

Сараджева Е. З. — см. Эристави Е. З.

Сараджева Е. И. (ур. Поракова, Поракишвили) 591

Сараджева М. З. — см. Эристави М. З.

Саратовец 316

Саркисян М. (Минас) 502

Саркисянц И. М. 445, 446

Сартания Е. 14

Сарьян (ур. Агаян) Л. 349

Сарьян М. 349

Сафаров (Сапаров) 153–154

Сафронов 243

Сахаров 522

Свавицкий А. А. 483

Сванидзе 235, 305, 432

Сванидзе Александр Семенович 139, 235–236, 252, 254, 265

Сванидзе Александра Семеновна — см. Монаселидзе А. С.

Сванидзе Като 61, 116, 235, 245, 252–256, 261, 265, 304, 434, 515

Сванидзе Марико 235, 265

Сванидзе Семен 265

Сванидзе С. Г. (ур. Двали) 265, 515

Сватиков С. Г. 40, 484

Свердлов И. М. 29

Свердлов Я. М. 244, 357, 370–371, 378, 388, 390–391, 393–399, 402–404, 408, 415, 420, 595–596

Свердлова С. М. 396

Сверчков И. 314

Свидерский 121

Святловский 554

Святополк-Мирская В. И. (ур. Грузинская) 590

Святополк-Мирская М. Д. — см. Джамбакур-Орбелиани М. Д.

Святополк-Мирский Д. И. 59

Святополк-Мирский Н. И. 59

Святополк-Мирский П. Д., кн. 224, 527, 536, 59

Селезнев 553

Семашко Н. А. 128, 341

Семен 316

Семенов — атаман 17

Семенов А. М. 282–283

Семенов А. Н. 525, 587

Семенов Никифор 167
Сенчуков 55
Серафим 110
Серафимов П. М. 323
Сергеев Ф. А. (Артем) 251
Сергей Александрович, вел. кн. 555
Сергушев 408
Сергушева Валя 405, 408
Серебряков 417
Серебряков Л. П. 283, 341
Серебрякова А. Е. 436
Серебрякова З. А. 119
Серегин 306
Сережников В. К. 244
Сережников Д. И. 594
Серж В. 16
Серков А. И. 113
Серов И. А. 21, 401
Сеф 52–54
Сибуль (Иван Народный) 244
Силаридзе Давид 91
Сильвин М. А. 231
Сильдяков С. Д. (Кузьма) 25, 307, 308
Сименс 107, 474, 579, 593

Симонов И. Г. 243, 245
Сихарулидзе Илико 171
Сихарулидзе Н. О. — см. Киртава Н. О.
Сихарулидзе Серапион 177
Скляренко (Попов) А. П. 12
Скобелев М. И. 366, 372, 377
Скоблин 18
Скоморохов В. Т. 283–284
Скоробогатько Петр 167–168, 177
Скульский А. А. 315
Слетов С. Н. 128
Словатинская Т. А. 262, 363, 391–392
Смагин 178
Смирба Хашим 18
Смирнов А. П. 251, 287, 328, 341
Смирнов Г. Л. 23
Смирнов И. Н. 357
Смирнов Н. Е. 494
Смирнова Е. М. 15
Смит Э. Э. 20–21, 444
Смоленский 365
Снегирев Ф. М. 525
Солженицын А. И. 22
Соболев А. Ф. 335

Согоров А. С. 171
Согоров И. С. 515
Согоров Г. С. 171, 216, 223, 515
Согорова Е. С. 171–173, 258, 515
Согорова О. С. 171, 515
Согоровы (Согорошвили) 171
Сойфер М. А. 472
Соколов Н. Д. 364, 392, 484
Соколовский Николай 16
Солеляк Ф. Д. 492
Соликвенко М. П. 290
Соловейчик М. 498
Соловьев Н. И. 585
Сологошвили Александр Георгиевич 108, 115, 129
Сологошвили Цхалоба 166
Соломон Г. А. 537
Соломон I Великий 582
Соломонов 251
Сольц А. А. 363, 368
Сольц Э. А. 262, 363
Соскис Давид 481
Сотников А. К. 201
Сохокия Тедо 115
Спандарян О. В. 349

Спандарян С. А. 107, 176

Спандарян Сурен (Тимофей) 61, 176, 212, 256, 261, 265, 267, 296, 298, 299, 316, 339, 341, 342, 349, 355, 376, 404–410, 413, 519

Спиридович А. И. 19, 441, 537, 541, 552

Спирин Л. М. 24, 83

Стаднюк И. Ф. 27, 28

Старосельская К. Д. 526

Старосельская К. Я. (ур. Домбровская) 526

Старосельская Н. Д. — см. Шаликашвили Н. Д.

Старосельская Р. Д. — см. Меликова Р. Д.

Старосельская Т. Д. 526

Старосельский А. С. 526

Старосельский Г. Д. 526

Старосельский В. А. 526–530, 533

Старосельский В. Д. 526

Старосельский Д. С. 526

Старосельский Семен 526

Старосельский С. Д. 526

Старосельский Ю. А. 526–527

Старостенко Сергей 167–169, 192, 442, 569

Старцев К. Н. 243

Стасова Е. Д. 65, 262, 295, 299, 341–342, 349, 354, 360, 423, 432, 532, 579

Стахович С. 595

Степан 316
Степанов Александр 457
Степанянц-Заргорянц Акоп 160
Стецкий А. И. 12
Стивене Джон 443
Стивене Патрик 443
Стиннес Гуго 486
Столыпин П. А. 281, 529, 533, 537
Стопани А. М. 223, 498, 502, 503
Стопани Н. М. см. Барамова Н. М.
Стопчинский 442
Стрельбицкий С. А. 314
Строзер 234
Струве П. Б. 469, 537
Стукен Карл 107
Стуруа Е. 78
Стуруа Вано 116–117, 121, 129–130, 148, 154, 168, 300
Суварин Б. 16
Сулиашвили Датико 139
Сулуквадзе К. 175
Сулаквелидзе 488
Сулаквелидзе К. 254
Султан-Крым-Гирей Н. А. 528–529
Сулханов Николай 228

Сумбатов 259
Сургуладзе П. Г. 492–493
Сурин С. 322, 357
Сухова Татьяна Петровна 282, 291–292, 304, 432
Сухотин Я. 401
Сятковский Ф. И. 327

Таварткеладзе 172, 252
Тавдгиридзе И. Д. (ур. Гуриели) 492
Тавдгиридзе К. М. 492
Тавдгиридзе Н. К. 492
Тагер К. Д. 472
Тагианосов С. С. 474, 493–495
Тагиев Г.-З. А. 230, 482
Таиров 234
Такоишвили Г. 221
Такуев С. А. 291
Талаквадзе П. 141, 143
Талаквадзе С. 9, 51, 231, 242
Тамамшев Иван Гаврилович 107
Тамамшев М. И. 495
Тамамшев Н. И. 242, 495
Тарас 223
Тарасеев А. М. 414

Тарасеев Александр 396
Тарасеев А. Я. 396, 398, 413
Тарасеев И. М. 396
Тарасеев М. А. 396
Тарасеев П. Я. 396
Тарасеев С. Я. 396
Тарасеев Ф. А. 396–399, 403, 413
Тарасеев Ф. М. 396–397
Тарасеев Яков 396
Тарасеева А. С. 413
Тарасеева О. И. 402
Тарасов Г. С. 281
Таратута В. 223, 468
Тарумов С. С. 493, 495
Татаринов Н. П. 324, 333
Татарииова 324
Татаров 551
Таубе (ур. Ландау) М. Л. 591
Таури-хата 78
Тейтель 553
Тейтель М. 20
Тейтель Я. Л. 553
Телегин 409
Телия Георгий 168, 242, 243, 247

Тенишев В. В., кн. 545

Тенишева С. А. (ур. Трепова) 545

Теодорович И. А. 251

Теплов П. Ф. 119

Тер-Абрамян И. И. — см. Аладжалова И. И.

Тер-Абрамян С. И. см. Зурабова С. И.

Тер-Акопов 213, 234, 473–474, 587

Тер-Антонов Н. Е. 515, 520

Тер-Вартанян Овссн 223

Тер-Григорян Е. С. — см. Шаумян Е. С.

Тер-Григорян С. М. 585

Тер-Даниэлян Давид 223

Терещенко 472

Тер-Миркуров В. (Владик) 291

Тер-Петросян А. А. 451

Тер-Петросян А. Н. 87, 451

Тер-Петросян Д. А. 451, 496

Тер-Петросян Л. А. 451

Тер-Петросянц Мария Андреевна (ур. Айвазова) 87

Тер-Петросян С. А. (Камо) 87, 166, 222, 230, 236, 242, 249, 253–254, 259–260, 265, 303, 361, 432, 449–454, 457–458, 492, 519, 547, 573, 579

Тер-Петрусов — см. Тер-Петросян

Терьян 471

Тетрадзе Нестор 250

Тимофей см. С. С. Спандарян

Тио Артем 153

Тироев Василий 548

Тиссен 486

Титков 357–358

Титце Густав 375

Тихомирнов В. А. 352, 472

Тищенко А. И. (ур. Каминер) 484

Тищенко Ю. М. 477, 481, 483–484, 496–498

Тлашадзе Елизавета Алексеевна (ур. Хабелашвили) 86

Тлашадзе Нико 81

Товстуха И. П. 10, 11, 52–55

Тодрия Сильвестр 171–172, 174, 179, 296, 306, 335–336, 366, 432

Толмачев 306

Томский М. П. 17

Толпыго Н. А. 523

Толстая А. Л. 19

Толстиков 56

Толстой Л. Н. 19

Топоногов 415

Топчибашев А. М. 482

Торикашвили Ягор 142–143

Торозов Артем 222, 234–235

Торошелидзе 304

Тотибадзе С. 171

Торчинов В. А. 81

Тотомянц — Джугашвили И. В.

Трепов Д. Ф. 544

Трепова Е. А. — см. Лесли Е. А.

Трепова С. А. — см. Тенишева С. А.

Трибулев П. С. 290 Т

ридцатый 448

Тронов 261

Троцкий Л. Д. 16, 83, 146, 212, 257–258, 323, 372, 419, 436–437, 460, 504–505, 567, 580

Трояновский А. А. 370, 372, 374, 403

Трусевич М. И. 37–38, 547

Тумаев 234

Туманов 517

Туманов А. Л. 496

Туманов В. М. 107–108

Туманов Г. А. 478

Туманов Л. А. 191, 533–535

Туманов Н. А. 534–535

Туманов П. А. 191, 535

Туманова А. М. см. Церетели А. М.

Туманова Е. М. — см. Зубалова Е. М.

Туманова Н. И. (ур. Амилахвари) 534

Туманова Э. М. — см. Джакели Э. М.
Туманян А. О. 221 Туркия А. И. 583
Туркия В. М. - см. Алания В. М.
Туркия В. М. 534, 583
Туркия М. И. (ур. Амилахвари) 534, 583
Туркия М. И. — см. Хоштария М. И.
Туркия Игнатий 534
Тухачевский М. Н. 20
Тхинвалели Кита Николаевич 108, 111, 253
Тхинвалели Христисий 253
Тылок М. 407
Тютчев Н. С. 49, 484

Уваров И. С. 281
Угланов Н. А. 17
Ульянов А. И. 118, 481, 539, 588
Уманцев Е. И. 493
Унанов А. С. 493, 495, 504
Уратадзе Г. 196, 308, 432, 579, 581, 583
Уркарт Л. А. 493, 593
Урашадзе В. 175
Уротадзе 250
Урусов С. Д. 48, 537
Урусова С. В. (ур. Лаврова) 537

Урушадзе Д. 523–524
Усакин П. Ф. 421
Успенский М. 215
Устинов А. М. 537
Устругов В. Г. 528

Фалин 55
Фан-дер-Флит А. П. 481
Фан-дер-Флит К. П. 538
Федор 316
Федорова Е. Н. 121
Федосеев 56
Федосеев Н. Е. 589
Фейгль А. М. 493, 495, 592
Фейгль Г.-Е. М. (ур. Гольдлюст) 592
Фейт А. Ю. 119, 481
Фельштинский Ю. 20
Ферман В. 348–349, 361
Фефер Тимофей 188
Фиалетов И. 223, 261, 316
Фикус — см. Ериков Н. С.
Филинов 415
Филиппов Д. И. 503
Филиппова В. П. 419–422

Филя 334

Финкельманс М. Л. — см. Раковский Л. П.

Финкельштейн Ицек 390

Финкелыитейн Эстер 390

Финкельштейн Эсфирь 390

Фирсов Балаханский 301–302

Фисенков 177

Фисенкова Н. О. — см. Киртова Н. О.

Флеров Н. М. 113, 115, 481, 498, 585

Фольбаум М. А. 273, 280

Фосс 18

Франк С. Л. 119

Франчески Георгий Яковлевич 118–120, 122–124, 171

Франчески Ипполит Яковлевич 118–120, 122, 155, 160

Франчески (ур. Коган) Клара 119

Френкель Б. С. 585

Фрибель В. 495

Фридман Б. Д. 119

Фридолин (Варенька) 244

Фролов А. 243

Фролов В. И. 375, 498

Фрумкин М. И. (Германов) 262, 305, 323, 363, 377, 417, 432

Фрунзе М. В. 251, 412

Хабелашвили Георгий 94

Хабелашвили Е. А. — см. Тлашадзе Е. А.

Хабелашвили М. З. — см. Катиашвили М. З.

Хагелин К. В. 493, 495, 503

Ханлар 264

Хананян 230

Харсон А. М. 523

Хаситашвили (Евдошвили) Ирадион 129, 220, 250, 322, 327, 572

Хатисов 234

Хатисов А. И. 519, 523, 528

Хатисов И. С. 495

Хатисов К. И. 494–495, 524,528,588

Хатисов С. Г. 495

Хачиев А. 49

Хаустов В. И. 366

Хатисова М. С. (ур. Гамбарова) 495

Хахалин 408

Хаханишвили Васо 108, 111, 125–126, 143, 145

Хаханишвили Котэ 82, 95

Хаханов 83

Хацарава А. М. 221

Хачапуридзе К. 172

Хачатуров Х. Г. 107
Хачидзе А. У. 390
Хачидзе И. И. 390
Хачидзе Н. П. 390
Хвадачадзе 140
Хвичия Г. 174
Хвичия Севериан 199
Хеладзе 128
Хелаев 516
Хелаева М. И. (ур. Бакрадзе) 516
Хилков Д. 531–532, 537
Хилков М. И. 537
Хилкова Ц. В. (ур. Винер) 531- 532
Хлодовский Е. Н. 163–164,191,193
Ходжишвили В. М. 227, 302, 546
Ходоров Я. Г. — см. Г. Б. Рысс
Холодовский В. 289
Хомезурашвили Мелания — см. Геладзе М.
Хомезурашвили Петр 83, 86
Хомерики 218
Хомерики 457
Хомерики К. И. 570
Хорев С. 404
Хорошавина Е. В. 365

Хорошенина Серафима Васильевна 321, 326–328
Хорошко 55
Хоштария А. М. 534, 583
Хоштария Мефодий 583
Хоштария М. А. — см. Багратион-Мухронская М. А.
Хоштария М. И. (ур. Туркия) 534, 583
Хрулев Д. С. 593
Хрущев Н. С. 13, 21–22, 401
Худадов Н. А. 113, 119, 224
Хумарян Ашот 242, 256, 300
Хундадзе С. Ф. 535
Хунхуз 248
Хурцилава П. Д. 166
Хутулашвили Миха (Володя) 242
Хуцишвили А. И. 89
Хуцишвили Вано 88
Хуцишвили Г. 125

Цабадзе В. Г. 117, 121–122, 160, 168, 177, 193
Цатуров А. 478
Цветаева Марина 499
Цедербаум 374
Цейтлин 500
Цейтлин Е. (Миша Черногородский) 501

Цейтлин Л. М. 501
Цейтлин М. Е. 501
Цейтлин Н. М. 501
Цейтлины 472
Церетели 88
Церетели А. Р. 485, 535, 582
Церетели Анастасия Михайловиа
(Туманова) 107–108, 479
Церетели Г. Е. 108, 113–116, 122, 212, 489, 491, 518
Церетели Д. А. 582
Церетели Елизавета Георгиевна 191
Церетели И. Г. 212, 491
Церетели М. Г. (ур. Цулукидзе), кн. 582
Церетели О. Я. (ур. Николадзе) 491
Церетели С. Г. 535, 582
Церетели С. Д. 528, 536
Церетели С. Е. 493
Церетели Тамара Николаевна 191
Церетели Ф. 457
Церцвадзе 168
Церцвадзе К. 174
Церцвадзе Н. 175
Церцвадзе Сико 455–456
Цибадзе Е. Б. 219

Цивилсв В. Н. 288–289, 321, 326

Цивцивадзе И. 213

Циклаури Н. И. — см. Джугашвили

Н. И. Цикрадзе 457

Цимакова Соня 296

Цимаковы 339

Циммерман Рейнгольд 494

Цинцадзе Котэ 242, 246, 455–456, 488

Цинцадзе Ясс Филиппович 249

Циоглииский 374

Цитлидзе Арсен 115

Цихнтатришвили А. М. 77–81, 86, 89

Цихитатришвили М. К. (ур. Абрамидзе) 81, 84, 86–87, 95, 97

Цихитатришвили М. Ш. 84, 86, 87

Цовьянов Исай Мартынович 107

Цуладзе Ираклий 177

Цуладзе Максим 171

Цулукидзе Александр Георгиевич (ум. 1906) 588

Цулукидзе А. Г. (1844–1897) 534, 582

Цулукидзе А. Г. 153, 171–172, 219–220, 223, 228, 232, 233, 534–535, 569, 582

Цулукидзе В. Г. 588

Цулукидзе Г. А. 582

Цулукидзе Г. С. 582

Цулукидзе Е. А. (ур. Шервашидзе) 534, 582, 589

Цулукидзе Е. И., кн. (ур. Джакели) 588

Цулукидзе Е. Ю. (ур. Дадиани) 588

Цулукидзе М. Г. — см. Церетели М. Г.

Цулукидзе О. Г. 535, 582

Цулукидзе Петр Георгиевич 489, 492

Цулукидзе П. Г. — см. Микелад- зе П. Г.

Цхакая М. Г. (Гурген) 113, 115, 199, 217–220, 223, 233–234, 236, 242, 246, 234, 246, 250, 253, 258, 323, 432, 488–489, 494, 521

Цхомосидзе Филипп 161

Цысс Д. А. 161

Цыцарин 243

Чавчавадзе А. Г. 589

Чавчавадзе А. И. — см. Воронцова-Дашкова А. И.

Чавчавадзе А. И. (ур. Грузинская) 590

Чавчавадзе Д. А. 589

Чавчавадзе Е. А. — см. Дадиани Е. А.

Чавчавадзе Илья 93, 107, 112–113, 489

Чавчавадзе И. Д. 590

Чавчавадзе Н. А. — см. Грибоедова Н. А.

Чавчавадзе Н. Д. — см. Джорджадзе Н. Д.

Чавчавадзе С. А. — см. Николаи С. А.

Чагунава — жена Георгия 108

Чагунава Георгий 108
Чакветадзе 587
Чантурия София 88
Чарквиани 88, 90
Чарквиани Г. 252
Чарквиани Д. 174
Чарквиани Котэ 89–90, 96
Чарквиани Петр 89–90
Чарквиани Христофор 90–91
Чачава В. Н. 492
Чачава К. Н. 242, 492
Чачанидзе У. С. 489, 587
Чачанидзе Яков 489, 587
Чачиашвили Илья 455, 456
Челидзе А. С. 166
Чемберс Джон 443
Черкезов В. Н. 519
Чермак Л. К. 119, 480
Черненко К. У. 22
Чернов В. М. 128
Чернов М. А. 34
Чернова А. М. — см. Калмыкова А. М.
Черногородский Миша см. Цейтлин Евсей
Черномазов М. Е. 304–305, 375

Черномордик С. 467, 577

Чернявская Ф. К. 419

Черняховский Г. Я. 281

Черчилль У. 263, 586

Чернов В. М. 128

Чернов М. А. 341

Четвериков С. И. 471

Чижиков П. А. (Кузнец) 283, 333–334, 336, 340–341

Читатзе Г. А. 113

Читахов 154

Читахов Иван Алексеевич 107

Чичерин В. Н. 590

Чичерин Г. В. 590

Чичерина (ур. Мейендорф) 590

Чичигоговы 97

Чичинадзе В. 572

Чичинадзе З. 113, 126, 128

Чичинадзе Лаврентий 213

Чичуа Н. 170, 172–173

Чкония И. 234

Чодришвили Захарий 113, 117, 129–130, 154, 168–169, 175–176'/ 193, 223, 234–235, 246, 296, 300

Чодришвили Мелани 113, 228

Чодришвили Миха 234, 246, 496

Чочия А. Г. 49

Чочиа Григорий Иванович 258–259

Чочуа Захар 228

Чрелаев (Чрелашвили) С. Ф. 519, 581

Чубинашвили 249

Чубинидзе Фома (Тома) 242, 266- 267

Чуваков Н. В. 112

Чугаев Д. 56

Чуев Ф. 152

Чулок И. С. 574

Чумбаров 14

Чумбуридзе 266

Чуткеровы 88

Чхаидзе Аммон 177

Чхаидзе Минас Отарович 194

Чхеидзе 166

Чхеидзе Георгий 117, 129, 130, 148, 160, 168–169, 176

Чхеидзе Н. С. (Карл) 114–115, 118, 120, 171–172, 229, 366

Чхеидзе Ной 216

Чхеидзе (ур. Элиава)Нина Григорьевна 191

Чхеидзе Семен Караманович 191

Чхенкели А. И. 366

Чхенкели К. 254

Чхикваидзе Г. И. 177, 179

Чхикваидзе Нестор 488
Чхиквишвили 218

Шабельский С. П. 188–189, 191, 195, 443
Шавердов Датуш 218
Шагов Н. Р. 366, 393, 405, 411, 420
Шадурская З. 537
Шадурский 537
Шаликашвили Джон 526
Шаликашвили И. И. 526
Шаликашвили Н. Д. (ур. Старосельская) 526
Шамриевский 309
Шангелия Моисей 167
Шанцер Вергилий Леонович (Марат) 118, 120
Шаишисв К. З. 517, 590
Шаншисва А. З. — см. Эристави А. З.
Шапатава Дсспиис 179
Шапатава И. 177, 179
Шапошников И. М. 500
Шапшал П. Д. 215
Шарамадзе Илико 216
Шарамов И. И. (видимо, Барамов) 83
Шарашидзе Шалва 228
Шатилов А. Н. 120, 122, 148, 154, 172, 195

Шатилов В. П. 529

Шатилов Н. П. 315, 529

Шатуновская О. Г. 23–24, 401

Шатырская У. 418, 421

Шаумян А. Л. 585

Шаумян Г. Л. 585

Шаумян Д. Л. 585

Шаумян Е. С. (ур. Тер-Григорян) 585–586

Шаумян Лазарь 585

Шаумян С. Г. 18, 25, 53–54, 66, 223, 234, 236, 242, 250, 256, 258, 261, 267, 299, 304, 306, 308, 341, 375, 432, 439, 546, 569, 585

Шаумян Сурен 586

Шахворостов 408

Шахназаров Н. 166

Шахмагонов 449

Шварцман Д. М. 331, 341, 354, 355

Швейцер В. Л. 65, 296, 325, 333, 333, 339, 342, 349–351, 355, 404–410, 412–414, 416–419, 422–423, 569

Шебусв Д. Г. 86

Шенгелия 264

Шендриков Илья 223, 476, 504

Шендриков Лев 223, 476

Шервадзе Дементий 232–233

Шервашидзе Г. Д. 450, 527, 544, 589, 591

Шервашидзе Г. М. 532

Шервашидзе Дмитрий 589

Шервашидзе Екатерина Александровна — см. Цулукидзе Е. А.

Шервашидзе Елизавета Александровна — см. Кипиани Е. А.

Шервашидзе Е. Л. (ур. Дадиани) 589

Шервашидзе М. А. (ур. Николаи), 450, 589

Шервашидзе М. А. 534, 581–582, 589, 591

Шервашидзе М. Г. 591

Шервашидзе М. П. — см. Эристави М. П.

Шервашидзе Н. А. 534

Шервашидзе Н. Н. — см. Амилахвари Н. Н.

Шервашидзе П. Л. 527, 591

Шервашидзе Т. М. см. Диднани Т. М.

Шестаков А. В. 471

Шибаев 224, 234, 261, 300, 473, 587, 592–593

Шибаев Г. С. 483

Шибаев С. М. 483

Шибаева Е. В. 483

Шидловский Г. Л. 8, 10, 169, 189

Ширипкин Е. Н. 37, 521, 528, 550

Шкарпеткнн С. 282, 290–291, 304

Шкирятов М. Ф. 329

Шлихтер 416–417

Шмит П. П. 460

Шмыков Федор 160

Шотман А. В. 369, 371

Штакельберг М. Н. (ур. Пилкина) 423

Штейн 19–20

Штериг М. А. 542

Штернберг П. К. 372

Штрассер 403

Шумахер М. М. 493

Шумкин В. Г. 365

Шумский Н. С. 27, 444

Шур А. Я. 327–329, 331

Щсгловитов И. Г. 461 Щсголсв П. Е. 48 Щспоткин К. И. 448

Эвентов Л. 474–475

Эвенчик С. 57, 325

Эгнатошвили (Егнатошвили) Я. 76, 83–84, 86 97

Эдельштейн М. Н. 525

Эклунд Г. К. 493

Эклунд Г. П. 593

Элиава (Елиава) Амалия Станиславовна 191

Элиава Георгий Григорьевич 191

Элиава Григорий Лаврентьевич 191, 193

Элиава Нина Григорьевна — см. Чхеидзе Н. Г.

Элиава Н. З. 519, 572

Элиава Ш. 228, 496

Энгельс Ф. 10, 15, 51, 131, 330

Энфианджианц А. Н. 106,153–154

Эпштейн Э. 593

Эрадзе Г. (Ерадзе) 249–250

Эрвье Иван Иванович 107

Эргард 454, 455

Эристави 77, 86, 88

Эристави А. А. — см. Амилахвари А. А.

Эристави А. Б. 590

Эристави А. З. (ур. Шаниншва) 590

Эристави А. И. — дочь Георгия XII 590

Эристави А. М. 582

Эримстави А. Н. 591

Эристави В. М. 582

Эристави Василий Соломонович 492

Эристави В. Я. (ур. Малама) 591

Эристави Г. Н. 591

Эристави Д. Б. — см. Багратион-Давидова Д. Б.

Эристави Д. Г. 590

Эристави Д. Л. (ур. Алхазова) 492

Эристави Е. Г. (ур. Абашидзе) 492, 534

Эристави Е. З. (ур. Сараджева) 590

Эристави Л. А. 496
Эристави М. З. (ур. Сараджева) 590
Эристави М. К. 582
Эристава (ур. Шервашидзе) М. П. 591
Эристави М. С., кн. — дочь Соломона I 582
Эристави Н. Б. 590
Эристави Н. З. 496
Эристави Р. Г. 590
Эристави Т. Н., кнж. — см. Браиловская Т. Н.
Эристави Элизбар Георгиевич 78, 492, 534, 582, 590
Эристави Шалва (Владимир) Александрович 492, 534
Эссад-бей — см. Л. Нусбаум
Эстонец 302, 447
Этингоф А. З. 202
Эфендиев 316
Эфендиев С.-М. 546
Эфрон Е. П. (ур. Дурново) 499
Эфруси М. И. 474
Эфруси Ш.-Б. (ур. Ротшильд) 474

Юдичев П. В. 353
Юлия — см. Ю. Н. Кольберг
Юрасовы 543
Юдилевский Я. 481

Юзбашев 495
Юрий (член ЦК) 305
Юстус В. Г. 285–286

Яблонский Л. Л. 585
Яворская Лидия — см. Барятинская Л.
Ягелло Е. И. 366
Ягода Герш Фишелевич 250
Ягода Эсфирь Гершевна 250
Яголковская 553
Якир И. Э. 20
Яковлев 405, 411, 419
Яковлев Л. П. 390
Яковлев С. У. 360
Якубов 301, 306, 546
Янковский 440
Яралов 106, 153–154
Яровой 415
Ярославский Е. 11, 14, 59, 224, 244–245, 251, 324
Ярошевский К. Н. 204
Яшвили Юлиан 228

ФОТОГРАФИИ

Фото № 1.
Дом, в котором родился И. В. Джугашвили

Фото № 1. Дом, в котором родился И. В. Джугашвили

Фото № 2.
Отец И. В. Сталина —
Виссарион Иванович
Джугашвили

Фото № 2. Отец И. В. Сталина — Виссарион Иванович Джугашвили

Фото № 3.
Мать И. В. Сталина —
Екатерина Георгиевна
Геладзе

Фото № 3. Мать И. В. Сталина — Екатерина Георгиевна Геладзе

Фото № 4.
Воспитанники Горийского духовного училища.
В верхнем ряду в середине — Сосо Джугашвили

Фото № 4. Воспитанники Горийского духовного училища. В верхнем ряду в середине — Сосо Джугашвили

Фото № 5. Сосо Джугашвили. 1893 г.

Фото № 6. Сосо Джугашвили. 1894 г.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

Фото № 7. Свидетельство об окончании Горийского духовного училища

Фото № 8. План-схема города Тифлиса

Фото № 9. Здание Тифлисской духовной православной семинарии

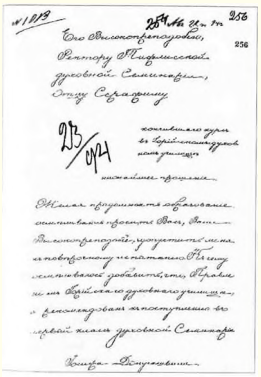


Фото № 10.
Прошение Сосо Джугашвили о допуске к вступительным экзаменам в семинарию. 1894 г.

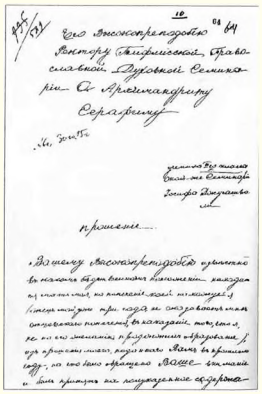


Фото № 10. Прошение Сосо Джугашвили о допуске к вступительным экзаменам в семинарию. 1894 г.

Фото № 11. Прошение семинариста Сосо Джугашвили. 1895 г.

Фото № 12. Сосо Джугашвили. 1896 г.

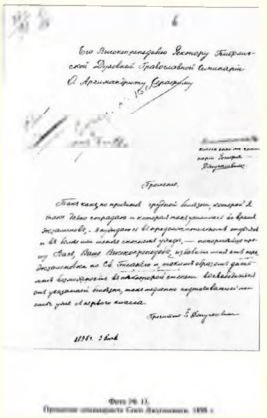


Фото № 13. Прошение семинариста Сосо Джугашвили. 1898 г.

Фото № 14. Камера батумской тюрьмы

Фото № 14а. Здание кутаисской тюрьмы

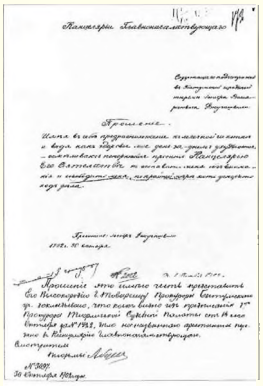


Фото № 15.
Прошение арестанта И. В. Джугашвили. 30 октября 1902 г.

Фото № 15. Прошение арестанта И. В. Джугашвили. 30 октября 1902 г.

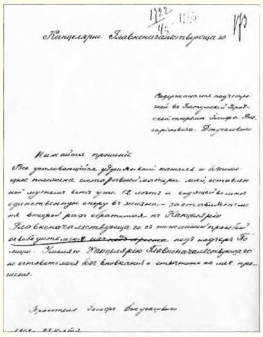


Фото № 16.
Прошение арестанта И. В. Джугашвили. 23 ноября 1902 г.

Фото № 16. Прошение арестанта И. В. Джугашвили. 23 ноября 1902 г.

Фото № 17.
И. В. Джугашвили. 1903 г.

Фото № 17. И. В. Джугашвили. 1903 г.

Фото № 18.
И. В. Джугашвили. 1905–1906 гг.

Фото № 18. И. В. Джугашвили. 1905–1906 гг.

Фото № 19.
И. В. Джугашвили. 1905–1906 гг.

Фото № 19. И. В. Джугашвили. 1905–1906 гг.

Фото № 20.
Екатерина Семеновна
Сванидзе

Фото № 20. Екатерина Семеновна Сванидзе

Фото № 21.
Екатерина Семеновна
Сванидзе

Фото № 21. Екатерина Семеновна Сванидзе

Фото № 22. Похороны Е. С. Сванидзе.
Крайний справа — И. В. Джугашвили

Фото № 22. Похороны Е. С. Сванидзе. Крайний справа — И. В. Джугашвили

Фото № 23.
И. В. Джугашвили. 1908 г.

Фото № 23. И. В. Джугашвили. 1908 г.

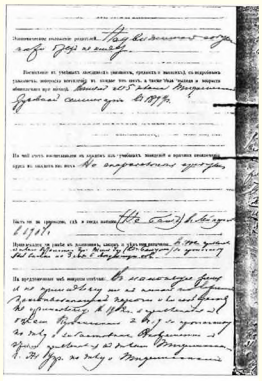


Фото № 24.
Протокол допроса И. В. Джугашвили. Март 1908 г.

Фото № 24. Протокол допроса И. В. Джугашвили. Март 1908 г.

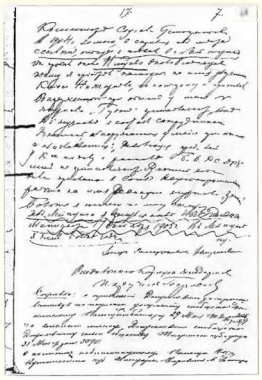


Фото № 24а.
Протокол допроса И. В. Джугашвили. Март 1908 г.

Фото № 24а. Протокол допроса И. В. Джугашвили. Март 1908 г.

Фото № 25. И. В. Джугашвили. 1910 г.

Фото № 26.
Дом М. П. Кузаковой в Сольвычегодске. 1911 г.

Фото № 26. Дом М. П. Кузаковой в Сольвычегодске. 1911 г.

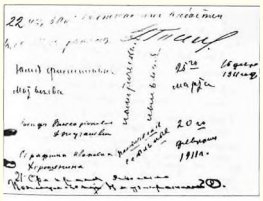


Фото № 27.
Домовая книга М. П. Кузаковой. 1911 г.

Фото № 27. Домовая книга М. П. Кузаковой. 1911 г.

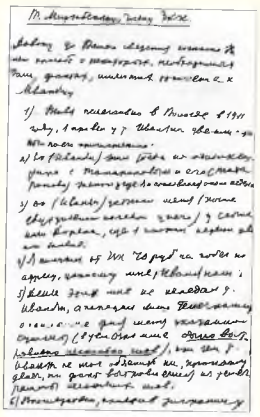


Фото № 28.
Письмо И. В. Сталина. 1926 г.

Фото № 28. Письмо И. В. Сталина. 1926 г.

Фото № 29.
И. В. Джугашвили. 1911 г.

Фото № 29. И. В. Джугашвили. 1911 г.

Фото № 30.
Открытка И. Д. Джугашвили П. Г. Онуфриевой. 15 февраля 1912 г.

Фото № 30. Открытка И. Д. Джугашвили П. Г. Онуфриевой. 15 февраля 1912 г.

Фото № 31.
И. В. Джугашвили. 1912 г.

Фото № 31. И. В. Джугашвили. 1912 г.

Фото № 32.
И. В. Джугашвили. 1913 г.

Фото № 32. И. В. Джугашвили. 1913 г.

И. В. Д.
ЗАВѢДЫВАЮЩІЙ
ОСОБАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦІИ
12 Іюня 1913 года
2058

Совершенно секретно.
Лично.

Милостивый Государь
Алексѣй Федоровичъ!

Административно-высланный въ Туруханскій Край Іосифъ Виссаріоновичъ Джугашвили-Сталинъ, такъ что арестованъ въ 1908 году, дѣлъ Начальнику Тифлисскаго Г.Ж.Управленія цѣнныя агентурныя свѣдѣнія.
Въ 1909 году И-въ Закавказскаго Окраиннаго Отдѣленія получалъ отъ Сталина рядъ свѣдѣній, а затѣмъ, по прибытіи Сталина въ Петербургъ, Сталинъ стаи - ментомъ агентомъ Петербургскаго Охраннаго С т р а ж н і к а.
Работа Сталина отличалась точностью, но была ограниченная.
Послѣ высылки Сталина въ Центральный Комитетъ Партіи въ г. Прагу, Сталинъ, по возвращеніи въ Петербургъ, отказъ въ лицу отношенію Практическаго и сотрудничества связь съ Охраной.
Сообщая, Милостивый Государь, объ изложенномъ на предметъ личныхъ соображеній при веденіи Вами розыскной работы.
Прилагаю документы въ одинаковомъ съ Вашъ почтенія

Еремин

Начальнику
Енисейскаго
Охраннаго Отдѣленія
А.Ф.Жедринскому.

Courtesy of Time Magazine

This letter, written in 1913 from the headquarters of the Okhrana, the czarist secret police, proves that Stalin was a czarist spy.

Фото № 33.
Письмо Еремина

Фото № 33. Письмо Еремина

ОСОБАЯ ПАПКА

2680

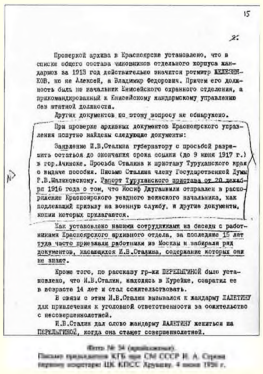
СССР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

№ 1406-с

Фото № 34 (начало)
Письмо председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву. 4 июня 1956 г.

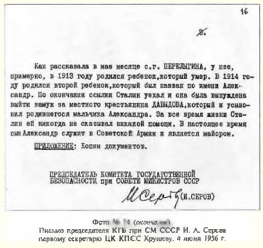
Фото № 34 *(начало)*. Письмо председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву. 4 июня 1956 г.



15

Фото № 34 (продолжение)
Письмо председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву. 4 июня 1956 г.

Фото № 34 (*продолжение*). Письмо председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву. 4 июня 1956 г.



16

Как рассказала в мае месяце с.г. ПЕРЕЛЫГИНА, у нее, примерно, в 1913 году родился ребенок,который умер. В 1914 году родился второй ребенок,который был назван по имени Александр. По окончании ссылки Сталин уехал и она была вынуждена выйти замуж за местного крестьянина ДАНИЛОВА,который и усыновил родившегося мальчика Александра. За все время жизни Сталин ей никогда не оказывал никакой помощи. В настоящее время сын Александр служит в Советской Армии и является майором.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копии документов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

(И.СЕРОВ)

Фото № 34 (окончание)
Письмо председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву. 4 июня 1956 г.

Фото № 34 (*окончание*). Письмо председателя КГБ при СМ СССР И. А. Серова первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву. 4 июня 1956 г.

Фото № 35. Дом Перепрыгиных в Курейке

Фото № 36. Группа ссыльных в селе Монастырском. Июль 1915 г. В верхнем ряду второй слева — И. В. Джугашвили

Фото № 37. Группа ссыльных в селе Монастырском. Июль 1915 г. В верхнем ряду второй слева — И. В. Джугашвили

Фото № 38. С. С. Спандарян и И. В. Джугашвили

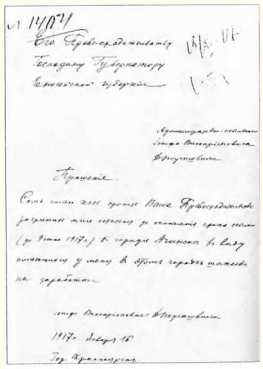


Фото № 39.

Фото № 39. Прошение ссыльного И. В. Джугашвили. 16 февраля 1917 г.

Примечания

[1]*Адамович А.*Дублер // Дружба народов. 1988. № 11. С. 181.

[2]См.: *Островский А. В.*: 1) История цивилизаций: Учебник. СПб., 2000. С. 293–298; 2) Универсальный справочник по истории России. СПб., 2000. С. 161–166.

[3]*Каптелов Б. И., Перегудова З. И.*Был ли Сталин агентом охранки? // Вопросы истории КПСС. 1989. № 4. С. 90–98.

[4]Здесь и далее выделения в цитатах сделаны автором.

[5]Применительно к дореволюционному периоду в книге используются старые названия городов: Батуми — Батум, Кутаиси — Кутаис, Тбилиси — Тифлис.

[6]Заканчивая обзор имеющейся литературы, посвященной революционному периоду в биографии И. В. Сталина, не могу не принести свои извинения тем кавказским, прежде всего грузинским, историкам, которые занимались и занимаются этой темой и чьи публикации по разным причинам, в том числе и из-за незнания грузинского языка, оказались для меня недоступными.

[7]Б. Г. Кнатц был сыном петербургского купца, по одним данным, испанского, по другим прусского подданного Германа Карловича Кнатца, реформатского вероисповедания, от его брака с Александрой Николаевной Левитской (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 25710. Л. 1,5). Б. Г. Кнатц родился 10 января 1878 г., в мае 1900 г. экстерном сдал экзамены за полный курс юридического факультета Петербургского университета и 26 августа того же года

начал службу в канцелярии сувалкского губернатора, должность которого тогда занимал Э. А. Ватаци, однако 1 февраля 1901 г. был уволен с занимаемой должности и в связи с болезнью отца вернулся в столицу. Здесь сначала был зачислен в штат МВД, затем переведен в Министерство земледелия и государственных имуществ (РГИА. Ф. 1284. Оп. 52. 1901. Д. 21. Л. 1–18), а в 1902 г. мы видим его уже в качестве помощника присяжного поверенного (Весь Петербург на 1902 г. С. 295). У Б. Г. Кнатца было два брата: Владимир и Евгений. В 1917 г. Евгений Германович занимал пост директора завода «Людвиг Нобель» («Весь Петроград» на 1917 г. С. 319).

[8]Котляревский, Нестор Александрович (1863–1925) с 1910 г. был директором Пушкинского дома (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 110–111).

[9]Полковник Леонид Александрович Иванов возглавлял Енисейское губернское жандармское управление с 17 января 1917 г. (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1916. Д. 50–25. Л. 53, 56–59).

[10]Накануне февральских событий 1917 г. ротмистр Леонид Александрович Оболенский занимал должность помощника начальника Енисейского губернского жандармского управления (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1916. Д. 50–25. Л. 36–39).

[11]Как установили Г. З. Кодаласв и Ч. Н. Багаев, в данном случае имеется в виду выходец из селения Кларе (Южная Осетия, Джерское ущелье) сапожник Александр Кулумбегов (Кулумбегашвили) (*Торчинов В. А., Леонтюк А. М.*Вокруг Сталина: Историко-биографический справочник. СПб., 2000. С. 284).

[12]В некоторых публикациях можно встретить утверждение, происхождение которого остается не совсем ясным, что Бесо и Кеке Джугашвили имели не трех, а четырех сыновей (см., например: *Троцкий Л. Д.*Сталин. Т. 1. М., 1990. С. 24).

[13]«Одна из наших родственниц, Лиза Алхазова, — вспоминала Н. М. Мамулашвили (Баланчивадзе), — имела сестру, которая была „женой Эристави"» (Гори. Д. 255. Л. 1). Лиза Алхазова — это, по всей видимости, праправнучка Семена-Кайса Алхазишвили, дети которого («коренные альские уроженцы» Гавриил, Давид, Мосес и Саак) в качестве пожалования Ираклия II получили в 1776 г. «домовое место» в Гори. Мосес (Моисей) Алхазов имел сына Петра и внука Лазаря. У Лазаря Петровича от брака с Анной Георгиевной (Егоровной) Алихановой было трое сыновей (Александр, Иосиф и Петр) и три дочери (Дарья, Елена и Елизавета). Дарья Лазаревна находилась замужем за князем Василием Соломоновичем Эристави (р. 1848), приходившимся правнуком тому самому князю Элизбару Георгиевичу Эристави, сподвижником которого был Заза Джукашвили. П. Л. Алхазов принадлежал к числу первых грузинских революционеров-шестидесятников (РГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Д. 1403. Л. 1–8; Д. 1404. Л. 1–2; Д. 1405. Л. 3–4; Деятели революционного движения в России. Т. 1. 4.2. М., 1928. С. 17; *Ратиани П. К.*Грузинские шестидесятники в русском освободительном движении. Тбилиси, 1968. С. 37; Дворянские роды Российской империи. Т. 4. М., 1998. С. 278–279).

[14]По всей видимости, это был дом настоятеля римско-католического собора в Гори Анзельма Мгеброва (Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887. С. 146).

[15]В 1898 г. Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганов) (1858–1918) стал ректором семинарии, в 1901 г. он был назначен епископом Самарской, а в 1903 г. Саратовской епархии, в 1911–1912 гг. являлся членом Святейшего Синода. Получил скандальную известность своими черносотенными выступлениями, а также борьбой против Г. Распутина, за что был лишен епархии и отправлен в монастырь. В 1918 г. принимал участие в попытке спасти арестованного Николая II (Политические деятели России. 1917 г.: Биографический словарь. М., 1993 С. 78–79).

[16]Здесь в 90-е гг. XIX в. находился небольшой лесопильный завод. Сам по себе он вряд ли заслуживал бы упоминания, если бы не одно обстоятельство. Дело в, том, что его владельцем был царскосельский купец 1-й гильдии Абрам Маркович Виленкин (1840–1925), сын которого Григорий (1864–1930) являлся заграничным агентом Министерства финансов в США и зятем английского банкира Абрама Зелигмана (Вся Россия на 1899 г. Т. 1. С. 381; *Чуваков И. В.*Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997 гг. Т. 1. М., 1999. С. 559; РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 4145. Л. 4–10). Вряд ли с А. М. Виленкиным был знаком семинарист И. В. Джугашвили, но его мог знать местный священник Н. Э. Давиташвили).

[17]Перед смертью Владимир Иванович, который по всей видимости был сыном масона Ивана Кузьмича Кайданова, завещал похоронить его во Франции рядом с могилами парижских коммунаров (*Серков А. И.*Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 368).

[18]Николай Васильевич был внуком масона Василия Федоровича Берви (ок. 1795–1859) (*Серков А. И.* Русское масонство. С. 105).

[19]«Группа народовольцев» возникла в 1891 г. В нее входили Михаил Степанович Александров (позднее получивший известность под фамилией Ольминский), его сестра Людмила Степановна, ставшая женой упоминавшегося выше Андро Лежавы, Василий Исаевич Браудо, Лидия Михайловна Книпович, Николай Леонидович Мещеряков, Екатерина Александровна Прейс (урожденная Иогансон), Андрей Юльевич Фейт, Лев Карлович Чермак и др. «Группой народовольцев» было оборудовано три типографии, одна из которых находилась под Петербургом в Лахте. Провал лахтинской типографии в июне 1896 г. повлек за собой ликвидацию «Группы народовольцев» (РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 64. Л. 1–21 (Л. К. Чермак); Д. 66. Л. 1–10 (Л. К. Чермак); *Меньщиков Л. П.*Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. 4. 1: Годы реакции. 1885–1898. М., 1925. С. 282–285).

[20]Филлоксерная партия — коллектив, занимающийся обработкой виноградных лоз.

[21]Одновременно с ним были высланы Иосиф Федорович Блинов, ставший позднее известным меньшевиком Владимир Германович Громан, племянник Г. В. Плеханова по матери Николай Александрович Семашко, брат первой жены одного из лидеров партии эсеров В. М. Чернова — Степан Николаевич Слетов, и некоторые другие (ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1900. Д. 106. Л. 5–6; *Меньщиков Л.* Охрана и революция. Ч. 1. С. 231–232, 426–427; Политические партии в России. Конец XIX — начало XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 551, 558). Еще в Москве И. И.

Барамов познакомился с дочерью обрусевшего итальянца Надеждой Митг рофановной Стопани, которая приехала к нему в Гори и здесь 7 мая 1898 г. стала, его женой (ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1898. Д. 999. Л. 30). Умер И. И. Барамов 20 декабре 1904 г. в Ялте от туберкулеза (Там же. Л. 50).

[22]Светлейший князь А. Б. Грузинский (1820–1865), бывший внуком последнего царя Грузии Георгия XII, имел дочь Екатерину (р. 1852) и пять сыновей: Боград (р. 1853), Илью (1854–1885), Петра (1857–1922), Георгия (1858–1922) и Мирила (1860–1935). Камергер, чиновник особых поручений канцелярии главноначальствующего по гражданской части на Кавказе, Петр Александрович с 1888 г. являлся главой Кахетинского Царского дома, а Георгий Александрович входил в правление Каспийско-Черноморского нефтепромышленного товарищества.

[23]Во время работы над этой книгой мною было получено письмо, в котором излагается версия, будто бы И. В. Джугашвили был отчислен из семинарии за участие в драке, завершившейся поножовщиной.

[24]Существует версия, будто бы во время одного из арестов И. В. Джугашвили его навестил отец. Если этот факт действительно имел место, то, вероятнее всего, он был связан с первым арестом Сосо (*Чуев Ф.*Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 298).

[25]Вопрос о местопроживании И. В. Джугашвили во время его пребывания в Батуме заслуживает специального изучения, так как в имеющихся на этот счет мемуарных свидетельствах много расхождений. В частности, приведенное выше утверждение К. Канделаки находится в противоречии с воспоминаниями Порфирия Ломджария, который писал, что еще перед Новым годом И. В. Д-

жугашвили поселился в их доме (Батумская демонстрация 1902 г. [1-е изд.]. С. 61). Имеется также свидетельство Серапиона Сихарулидзе, который утверждал: «До ареста тов. Сталин жил за городом в рабочем районе Барцхана. Большей частью он проживал в доме Натальи Киртава», «в настоящее время она живет в Чиатурах под фамилией Сихарулидзе» (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. 4. 1. Д. 43. Л. 244–248). Наталья Осиповна (Иосифовна) Киртава (по другим данным, Киртадзе) родилась около 1880 г. и считалась крестьянкой селения Нагомари Озургетского уезда. В рассматриваемое время она была замужем и носила фамилию мужа Фисенкова, который, как значится в полицейских документах, находился «в безвестной отлучке» (ГАРФ. ЗД. 1905. Д. 272. Л. 2–7). Сама Н. И. Киртава-Сихарулидзе относила знакомство с И. В. Джугашвили только к 1903 г., ко времени своего пребывания в тюрьме (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 43. Л. 213).

[26]Имеется в виду пристав 4-го участка г. Батума Григорий Иванович Чхикваидзе (Кавказский календарь на 1902 г. Тифлис, 1901. С. 162).

[27]Как вспоминал К. Канделаки, по возвращении из Тифлиса И. В. Джугашвили поселился вместе с ним у братьев Дарахвелидзе (ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 2. Ч. 1. Д. 20. Л. 255–257).

[28]В скобках указаны номера листов следственного дела.

[29]Старая делопроизводственная опись 7-го делопроизводства за 1902 г. не сохранилась, а в ее копии, составленной в советское время, значится только дело № 630 (ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 1950. Л. 62). Между тем в ней должны были фигурировать еще два дела: № 630. Ч. 1 (об И. В. Джугашвили) и № 630. Ч. 2 (о К.

Канделаки) (Там же. Оп. 270. Д. 29. № 630. Ч. 1 и 2). В копии описи 7-го делопроизводства напротив дела № 630 имеется пометка: «Прис. к делу 175» (ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1902. Д. 1950. Л. 62). Однако знакомство с делом № 175 показывает, что в нем имеются документы из дел № 630 и 639, ч. 2, но почти полностью отсутствуют документы из дела № 630, ч. 1, хотя К. Канделаки не проходил обвиняемым по делу № 175, а И. В. Джугашвили проходил.

[30]Григорий Лаврентьевич Элиава (другое написание — Елиава) в 1902 г. занимал должность батумского городского врача второго ранга (Всеобщий адрес-ежегодник города Батума на 1902 г. Батум, 1902 г. С. 55). Он умер 29 октября 1925 г. Сообщение о его смерти подписали сын Георгий Григорьевич, его жена Амалия Станиславовна, дочь Нина Григорьевна Чхеидзе, зять Семен Караманович Чхеидзе, а также Елизавета Георгиевна и Тамара Николаевна Церетели, Петр и Леван Александровичи Тумановы (Бакинский рабочий. 1925. 24 дек.; Заря Востока. 1926. 31 окт., 1 нояб.).

[31]Я.-М. З. Закон имел двух братьев: Овсея-Вульфа, находившегося в Америке, и Хаима-Мейера, отбывавшего срок наказания в Якутской области. Х. З. Закон, (1876–1937) с 1897 г. был членом «Бунда», в 1907 г. представлял ее киевскую организацию на V съезде РСДРП, после 1917 г. находился на дипломатической работе. (Пятый [Лондонский] съезд РСДРП: Протоколы. М., 1963. С. 853; Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений с партийными организациями РСДРП. 1903–1905 гг. Т. 3. М., 1977. С. 525).

[32]В 1903–1904 гг. помощником А. И. Левицкого по Балаганскому уезду был поручик Алексей Ипполитович

Куприянов, начальником Иркутского охранного отделения — полковник Евгений Максимович Козинцев, его помощником — ротмистр Митрофан Леонтьевич Гаврилов, кроме того, в штате отделения состояли поручик Михаил Иванович Балабанов и штаб-ротмистр Сергей Платонович Леваневский (Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 г. Иркутск, 1904; С. 168, 172, 223).

[33]В 1903–1904 гг. обязанности исправника Балаганского уезда исполнял поручик Прокопий Дмитриевич Шапшал, его помощником был надворный советник Василий Захарович Киренский, пост станового пристава в Новой Уде занимал коллежский асессор Вячеслав Дмитриевич Давыдов (Памятная книжка Иркутской губернии на 1904 г. Иркутск, 1904. С. 168, 172, 223).

[34]Через некоторое время после возвращения И. В. Джугашвили в Батум, 30 марта 1904 г., здесь была обнаружена и захвачена жандармами нелегальная типография (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 2396. Ч. 3. Л. 61).

[35]С. И. Кавтарадзе (р. 17 августа 1885) был сыном Ивана Кайхосровича (Хосиевича) Кавтарадзе (р. 1832) от его брака с Евдокией Бичиевной Цибадзе (КФ ГИАГ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3369. Л. 2). Майор армейской пехоты И. К. Кавтарадзе в 1875 г. занимал пост старшего помощника шоропанского уездного начальника и имел двоих детей — Марию (р. 1873) и Павла (р. 1875). (Послужной список 1875 г. // РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7448. Л. 202–207 об.).

[36]В начале 1905 г. И. В. Джугашвили посетил Батум и Новороссийск, но датировать эти поездки пока не удалось (Бакинский рабочий. 1933. 30 июля).

[37]Это была квартира И. Г. Симонова (ЦГАИПД. Ф. 4000. Оп. 7. Д. 1978. Л. 2).

[38]Б. Горев считал, что именно под этой партийной кличкой и скрывался секретный сотрудник Департамента полиции (Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Т. 1. С. 234).

[39]До Тифлиса К. А. Знаменский работал в Нижегородской организации РСДРП и был связан с нелегальной типографией, которая находилась в квартире Герша Фишелевича Ягоды, отца будущего наркома внутренних дел СССР. После того как в конце 1904 г. жандармам удалось захватить типографию и в городе начались аресты, К. А. Знаменский вместе с дочерью Г. Ф. Ягоды Эсфирью, которая стала его гражданской женой, перебрался в Тифлис.

[40]Камо находился в Тифлисе до 25 сентября 1906 г., когда он вместе с Б. Мдивани, К. Сулаквелидзе и К. Чхенкели отправился за границу для закупки и доставки на Кавказ партии оружия (*Бибинейшвили Б.*Камо. С. 113).

[41]Упоминаемая конференция «Областного бюро Центрального района РСДРП» проходила на квартире врача Василия Васильевича Зверева, который проживал на Долгоруковской улице в доме Арефьева. В. В. Зверев стоял во главе военно-технического бюро Московского комитета РСДРП. 15–30 апреля 1909 г. он судился по делу о названной конференции, по которому проходили такие видные большевики, как О. А. Кедрова (ур. Дидрикиль), Н. Л. Мещеряков, Н. А. Рожков и др. (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1424. Л. 149; Вся Москва на 1907 г. Ч. 2. С. 130; *Невский В. И.*Материалы для биографического словаря социал-демократов. Вып. 1. М.; Пг., 1923. С. 246).

[42]Пока шла подготовка к экспроприации, дом, в котором находились боевики и хранилось оружие, оказался в поле зрения бакинской охранки. 15 мая 1908 г. жандармы сделали попытку арестовать его обитателей. В произошедшей схватке Т. Чубинидзе был зарублен казаками, а С. Инцкирвели застрелен. После этого С. И. Кавтарадзе спешно покинул Баку. Отойдя от активной политической деятельности, он уехал в Петербург и там поступил в университет.

[43]В «Кавказском календаре на 1908 г.» значится только один человек с подобной фамилией — чиновник Бакинского полицейского управления губернский секретарь Алексей Павлович Азбукин (Кавказский календарь на 1908 г. Ч. 2. 111).

[44]Через два дня после этого, 10 октября, в Регистрационном отделе Департамента полиции была составлена справка на И. В. Джугашвили, причины появления которой остаются неясными (РГАСПИ. Коллекция документов Департамента полиции. Папка № 2. Л. 27).

[45]По утверждению бывшей ссыльной Татьяны Петровны Суховой, которая была доставлена в Сольвычегодск из Москвы 12 сентября 1908 г., к 9 ноября И. В. Джугашвили уже находился в Сольвычегодске. «В конце сентября или в начале октября 1908 г., — вспоминала она, — заходит ко мне товарищ Сергей Шкарпеткин и сообщает, что ночью прибыл новый этап ссыльных и среди них приехал товарищ из Баку — Осип Коба — профессионал, большой работник».

Через некоторое время появился и сам Коба: «Он был в высоких сапогах, в черном драповом до колен пальто, в черной сатиновой рубашке и высокой мерлушковой шапке. Белый башлык, по-кавказски прикреплен-

ный на плечах, концами опускался на спину» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 267; ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 3992. Л. 2, 4).

[46]Л. З. Самчкуашвили был арестован в Баку 4 апреля 1908 г. и выслан в Вологодскую губернию на основании постановления Особого совещания 15 сентября 1908 г. (ГАРФ. 5Д. 1908. Д. 2503–11. Л. 2–7; 7Д. 1908. Д. 2233. Л. 2–3, 9–10, 17).

[47]П. А. Чижиков был арестован 27 мая 1908 г. за принадлежность к Луганской организации РСДРП. По этому делу проходило более тридцати человек, среди которых, в частности, находился Леонид Петрович Серебряков, тоже высланный в Вологодскую губернию (ГАРФ. Ф. 102. 5Д. 1908. Д. 2803–5. Л. 2–3; 7Д. 1908. Д. 3533. Л. 1–2, 8–9, 27–28).

[48]Гирш Берович, по всей видимости, был сыном купца из Ростова-на-Дону Бориса (Хаима-Бера) Иделевича Рысса и шурином немецкого социал-демократа Карла Либкнехта, находившегося в браке с Софьей Борисовной Рысс (РГИА. 1343. Оп. 40. Д. 6156. Л. 1–2).

[49]По всей видимости, это Александр Петрович Смирнов. Член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895–1899 гг.), участник IV (Стокгольмского) и V (Лондонского) съездов РСДРП, он в 1907 г. был арестован и сослан в город Усть-Сысольск Вологодской губернии, откуда вскоре вернулся в Петербург, здесь в октябре 1908 г. его снова арестовали и по этапу (Тверь — Москва — Вологда — Вятка) возвратили обратно (РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 62. Л. 4).

[50]А в это время в Тифлисе, немного не дожив до 60 лет, умирал Бесо Джугашвили. 7 августа он был достав-

лен из ночлежного дома в Михайловскую городскую больницу и 12-го числа умер от цирроза печени. Похоронили его на общественный счет. Едва ли не единственным человеком, который спустя 20 лет мог рассказать об этом, был сапожник Ягор Незадзе. Местонахождение могилы Бесо не установлено (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 1. Д. 275. Л. 23; ГФ ИМЛ. Ф. 8. Оп. 5. Д. 415. Л. 1; Д. 416. Л. 1–9).

[51]Через четыре дня после этого, 30 марта 1910 г., И. В. Джугашвили был сфотографирован (фото 26) (РГАСПИ. Коллекция документов Департамента полиции. Папка № 2. Л. 219).

[52]Имеется в виду бывший граф Алексей Иосифович Доррер. Он родился 19 марта 1885 г. в г. Харькове, имел отца — Иосифа [Филипповича] и мать — Екатерину Вячеславовну, а также трех братьев (Георгия, Сергея и Бориса) и двух сестер (Евгению и Веру). А. И. Доррер обучался в Харьковском университете. 10 мая 1906 г. он был арестован по обвинению в принадлежности к партии эсеров и 4 апреля 1907 г. приговорен к тюремному заключению на два с половиной года с лишением графского достоинства, после чего отправлен под гласный надзор полиции в Вологду. Здесь он женился на Виктории Владимировне Дилевской, которая тоже отбывала ссылку по обвинению в принадлежности к Тульской организации партии эсеров. Из Вологды А. И. Доррер с женой уехали в Ашхабад (ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1906. Д. 5620 и 5620. Ч. 3; ОО. 1912. Д. 5–46-Б. Л. 231–232; ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 241. Л. 3, 6, 8, 10; Река времени. Кн. 4. Русский провинциальный некрополь. Картотека Н. П. Чулкова. М., 1996. С. 111).

[53]15 июля 1911 г. в Вологду этапом был доставлен крестьянин Тульской губернии, портной по профессии Матвей Федорович Шкирятов (1883–1954) (ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4919. Л. 5–6), позднее получивший известность на посту председателя Контрольной комиссии ВКП(б) (1952–1953 гг.) (*Залесский К. А.*Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 494). Сюда его выслали из Ростова-на-Дону за принадлежность к Донскому комитету РСДРП (ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5307. Л. 165; Д. 5132. Л. 2–3). М. Ф. Шкирятов был отправлен в г. Яренск (Там же. Ф. 18. Оп. 2.Д.4919.Л. 11). Здесь с лета 1911 г. находились бывшие сольвычегодские ссыльные И. М. Голубев и А. Я. Шур, от которых он мог узнать об И. В. Джугашвили (Там же. Ф. 18. Оп. 2. Д. 4918. Л. 32; Ф. 108. Оп. 5. Д. 352. Л. 1–8).

[54]Письмо И. В. Джугашвили, по всей видимости, было адресовано ссыльному Александру Яковлевичу Шуру, отправленному 2 июля 1911 г. в Яренск из Сольвычегодска (ГАВО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 21, 32. См. также его воспоминания: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 282–294). «…Ал. Як., — сообщал И. В. Джугашвили некто „Г.К." вероятнее всего, Г. А. Коростылев, — мне писал, что ты ему сообщил о том, что как будто бы хочешь „издеваться" над теми, кто ставит в первую голову борьбу с ликвидаторами. Я ему ответил, что „издеваться" следует над крайностями» (ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 235. Л. 35).

[55]В первой половине декабря 1912 г. И. В. Джугашвили тоже написал статью, посвященную национальному вопросу, и передал ее для публикации в редакцию Журнала «Просвещение» (*Сталин И. В.*Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 290–367).

[56]По одним данным, Сергей Иванович — это А. С. Бубнов (*Биневич А., Серебрянский З.*, Андрей Бубнов. М., 1964. С. 16), по другим — А. А. Сольц (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5–57. Л. 39).

[57]Михаил — это М. М. Лашевич (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–58—Б. Л. 65).

[58]Агентурой было отмечено, что Коба посещает квартиру № 6, д. № 40 по 7-й Рождественской улице, в которой проживал «одесский мещанин» Александр Ефимович Аксельрод, кличка наблюдения Банкир, и в которой «бывал иногда» М. М. Лашевич. Донесение Порозова сопровождалось указанием на то, что сведения об И. В. Джугашвили содержатся также в записке начальника Петербургского охранного отделения от 9 ноября 1912 г. за № 18983, представленной в Департамент полиции (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 5–58-Б. Л. 63 об.-64 об.).

[59]Одна из причин, почему являвшийся кандидатом в члены ЦК РСДРП М. И. Калинин не был введен в члены ЦК, видимо, заключалась в том, что в 1912–1913 гг. появились подозрения о его связях с охранкой.

[60]См.: Список населенных пунктов Енисейской губернии. Красноярск, 1911. С. 380–382.

[61]Это письмо было перлюстрировано, и Департамент полиции сделал запрос в Киевское ГЖУ, откуда вскоре пришел следующий ответ: «Адрес „Киев, Тарасовская, 9–43“, с уверенностью можно предположить, относится к мещанке Анне Абрамовне Розенкранц, 36 лет, иудейского вероисповедания, проживающей при муже в Киеве по указанному в документе адресу. Названная Розенкранц по делам управления до сего времени не проходила. Упоминаемая в документе Эсфирь Финкельштейн, можно

предположить, является жена лекаря Эстер-Хая Шмулева Финкельштейн, 38 лет, постоянно проживающая в м. Брусилов Родомысльского уезда. Названная Финкельштейн в августе с. г. временно проживала в Киеве по Большой Васильковской улице в доме 43, где живут ее дети, учащиеся в киевских учебных заведениях, и 26 того же августа она отметилась выбывшей в м. Брусилов. Сведений, компрометирующих политическую благонадежность Эстер Финкельштейн, в делах управления не имеется». Мужа Анны Абрамовны Розенкранц звали Давид Шмулевич Розенкранц, а мужа Эсфири Финкельштейн — Ицек. Обе семьи находились в родстве как между собой, так и с семьей киевского купца Исаака Горовица, дети которого принимали активное участие в революционном движении (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1913. Д. 5–32-Б. Л. 160 об.; Д. 5–33-Б. Л. 44).

[62]Насколько были обоснованы подобные обвинения, мы не знаем. Но, по воспоминаниям Анастасии Денисовны Ковалевой, которая была прислугой в доме И. И. Кибирова, когда началась революция, «Яков Михайлович помог бывшему приставу Кибирову с семьей выехать вверх, на магистраль» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4 Д. 662. Л. 478, 531).

[63]Сохранились воспоминания бывшего ссыльного Хаима Иосифовича Зильберберга, который писал: «Примерно в 1915 или 1916 году мне пришлось встретиться с группой политкаторжан в селе Манзурки, где были И. В. Сталин, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе, В. Л. Швейцер и другие. Вся эта группа политссыльных, в том числе и я, были сфотографированы на кладбище во время похорон одного товарища» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 43–45). Действительно, в селении Манзурка Верхолен-

ского уезда Иркутской губернии до лета 1916 г. отбывал ссылку М. В. Фрунзе, а с лета 1916 г. находился Г. К. Орджоникидзе. Никаких сведений, подтверждающих пребывание здесь И. В. Джугашвили и В. Л. Швейцер, обнаружить не удалось. Не удалось разыскать и упоминаемую Х. И. Зильбербергом фотографию.

[64]«При отъезде из Курейки, — вспоминал Арсений Петрович Иванов (р. ок. 1897), — Иосиф Виссарионович подарил моей матери фотокарточку с надписью и два пальто (осенние серое и коричневое). Фотокарточку в 1924 г. работники НКВД взяли для перефотографирования, а пальто износили» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 662. Л. 46, 47).

[65]Одной из квартир, где после возвращения из ссылки поселился И. В. Сталин, стала квартира баронессы Марии Николаевны Штакельберг (дочери адмирала, урожденной Пилкиной) на Васильевском острове: Средний проспект, д. 46, кв. 24. Сюда его привел профессор Василий Григорьевич Котельников (1850–1932) (*Штакельберг И. С.*«Кружок молодых историков» и «Академическое Дело» // In Memoriam: Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 61–65; Кавказский вор: Беседа с Л. В. Ворченко. Записала Эмилия Кундышева // Московский комсомолец в Питере. 2000. 20–27 декабря).

[66]В 1901–1902 гг. должность австро-венгерского консула в Батуме занимал Джон Стивене, американского — Джон Чемберс, бельгийского — О. Дейбель, британского — Патрик Стивене, германского — Ф. Буркгард, японского — И. А. Ваншейд (Всеобщий адрес-календарь города Баку на 1902 г. Баку, 1902. С. 57).

[67]П. П. Заварзин совершил ревизионную поездку по Сибири в конце 1916 г. Для доклада ему Руссиянов был вызван из Енисейска в Красноярск 5 декабря (ОО. Оп. 316. 1916. Д. 245–25. Л. 55). 9 декабря П. П. Заварзин еще находился в Красноярске (Там же. Л. 54). По всей видимости, одним из результатов этой ревизии была отставка начальника Енисейского ГЖУ Байкова, которого именно не ранее 2 — не позднее 28 декабря заменил Оболенский (Там же. Л. 53–54), а последнего — полковник Иванов.

[68]В последнее время появилась версия, будто бы И. В. Сталин являлся агентом военной контрразведки, но никаких доказательств в пользу этой версии не приведено (См., например: *Шахмагонов Н.*Иосиф Сталин — …офицер Генштаба? // Красная звезда. 2000. 12 февраля; *Гильбо Е.*Ошибка перебежчика // Новый Петербург. 2001. 18 октября).

[69]Имеются сведения, что С. А. Тер-Петросян пользовался паспортом князя Николая Николаевича Дадиани, который в рассматриваемое время занимал должность уездного предводителя дворянства Кутаисской губернии. Его отец Николай Элизбарович был женат на дочери последнего правителя Абхазии княжне Тамаре Михайловне Шервашидзе, а крестная мать княжна Екатерина Александровна Чавчавадзе находилась замужем за последним правителем Менгрелии князем Давидом Левановичем Дадиани. Сестра Екатерины Александровны Софья была женой барона Александра Павловича Николаи, а их дочь Мария Александровна — женой состоявшего при императрице Марии Федоровне князя Георгия Дмитриевича Шервашидзе.

[70]Как явствует из писем Златы Евновны Радомысльской к барону Д. Г. Гинцбургу от 9 мая и 2 июня 1908 г., ее муж был освобожден из тюрьмы благодаря содействию барона (ОР РНБ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 980. Л. 1–4).

[71]Не заметить отмеченные выше «художества» деятельности Тифлисского ГЖУ, связанные с проверкой показаний А. Корсидзе, и прийти к подобным выводам присланная из Петербурга комиссия могла только в двух случаях: 1) если она вообще не занималась проверкой, что свидетельствовало бы о ее явно недобросовестном отношении к своим обязанностям, или 2) если она не только не желала установить истину, но и сознательно пыталась не допустить этого.

[72]В. В. Бернштам утверждал, что первоначально к дознанию было привлечено 257 человек (*Бернштам Н. И.*Судебный процесс Петербугского Совета рабочих депутатов 1905 г. // Красная летопись. 1930. № 5

[73]Одна из причин этого заключалась в том, что если бы прокуратура стала настаивать на подобном обвинении, защита не преминула бы воспользоваться для объяснения создания отрядов самообороны фактом печатания в стенах Департамента полиции погромных прокламаций (*Демьянов А.*Из воспоминаний о процессе Петербургского Совета рабочих депутатов 1906 г. / / На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 170–173).

[74]В 1995 г. мной была сделана попытка вынести вопрос о финансировании революционного движения в России на обсуждение проходившего в Санкт-Петербурге международного коллоквиума «Рабочие России второй половины XIX — начала XX века: облик, менталитет, рабочие и общество, рабочие и интеллигенция». Однако —

поразительная вещь! — буквально через пять минут после выхода на трибуну я при молчаливом одобрении зала был лишен слова. В сообщении о коллоквиуме, опубликованном на страницах журнала «Отечественная история», не только сам этот эпизод, но и моя фамилия не были даже упомянуты (Третий международный научный коллоквиум по истории рабочего класса России // Отечественная история. 1996. № 3. С. 197–204), а при подготовке материалов коллоквиума к печати было сделано все, чтобы придать этому, на мой взгляд, не случайному, а очень показательному факту характер невинного недоразумения (см.: Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революции. 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 421–422, 626–628).

[75]С 1889 г. одним из членов правления этого банка был Эмиль Ратенау, создатель и многолетний руководитель Всеобщей электрической компании (Allgemeine Elektrizitztsgesellschaft, AEG). АЭГ тесно сотрудничала с Дженерал электрик, Сименс и Гальске, Гуго и Якоб Ландау, Национальбанк фюр Дойчланд, Дойче банк. Сын директора Дойче банка Вулих был совладельцем «J. Dreyfus & Co». В Нью-Йорке Дойче банк сотрудничал с «J. & W. Seligmann» (*F"urstenberg C.*Die Lebensgeschichte eines deutschen Bankiers. 1870–1914. B., 1931. S. 166, 181–182, 210).

[76]Создателем Дисконтогезельшафта был министр финансов Пруссии Давид фон Ганземан (1790–1864), сын которого Адольф (1827–1903) **с**1857 г. являлся одним из совладельцев и руководителей этого банка (Neue Deutsche Biographie. Bd. 7. B., 1965. S. 625–626).

[77]Имеются сведения, что «только за декабрь месяц 1905 г. шендриковская организация прямо и через Совет

рабочих депутатов получила от капиталистов более 30 000 тыс. руб.» (Бакинский рабочий. 1925. 25 декабря).

[78]«Каспийское товарищество» возникло 1 января 1887 г. и тесно сотрудничало с Волжско-Камским коммерческим банком.

[79]Дело было начато 5 мая 1907 г. и касалось военной организации не только партии эсеров, но и РСДРП. В ходе этого разбирательства Департамент полиции пытался связать деятельность названной организации с деятельностью социал-демократической фракции II Государственной Думы и использовать данное обстоятельство для разгона Думы, который и последовал 3 июня 1907 г. (ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1907. Д. 3345).

[80]По делу Г. С. Шибаева проходили Борис Яковлевич Гринберг и Александр Андреевич Свавицкий. Г. С. Шибаев поддерживал также отношения с членами московской группы содействия «Искре» Николаем Леонидовичем Мещеряковым и Григорием Михайловичем Лунцем (ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1903. Д. 367–6. Л. 1–1 об.).

[81]Ю. М. Тищенко был зятем киевского врача Исаака Абрамовича Каминера, который в 90-е гг. XIX в. «примкнул к сионизму» и стал одним из сподвижников Ахада-Гаама, возглавлявшего орден «Бней Мошэ». Одна дочь И. А. Каминера, Августа, стала женой Ю. М. Тищенко, вторая, Софья — женой Евгения Ивановича Введенского, третья, Эсфирь (Надежда) — женой известного народника, а затем члена первой марксистской организации в России группы «Освобождение труда» Павла Борисовича Аксельрода (Еврейская энциклопедия. Т. 9. С. 196. *Дейч Л. Г.*Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1. 2-е изд. М; Л., 1925. С. 18, 149, 151, 154; *Сватиков С. Г.*Евреи в русском освободительном движе-

нии / Публикация, вступительная статья и указатель В. Е. Кельнера // Евреи и русская революция. М.; Иерусалим, 1999. С. 150; Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М., 2002. С. 253; ГАРФ. ЗД. 1889. Д. 1290. Сп. д. ОО. 1900. Д. 802).

[82]Крупнейшими импортерами чиатурского марганца в 1886–1914 гг. являлись Германия — 39,2 %, Великобритания — 26,4 %, Бельгия — 11,6 %, США — 5,0 % и Франция — 4,8 % (*Маргиани Г. Н.*Горнорудная промышленность и промышленный пролетариат в дореволюционной Грузии (марганцевая промышленность): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Тбилиси, 1969. С. 131).

[83]Гельзенкирхенское горнопромышленное общество возникло в 1873 г. Одним из его организаторов был руководитель Дисконтогезельшафта Адольф фон Ганземан (Neue deutsche Biographie. Bd. 7. 1965. S. 625; Bd. 11. 1977. S. 667). Союз между Дисконтогезельшафтом и Гельзенкирхенским горнодобывающим обществом был связан также браком Адольфа фон Ганземана с Отилией фон Куссеров (1840–1915), дочерью одного из руководителей Гельзенкирхенского общества, генерал-лейтенанта Фердинанда фон Куссеров, который, в свою очередь, был женат на Эвелине Оппенгейм (1805–1886) и приходился зятем известному банкиру Соломону Оппенгейму (1772–1828) (Ibid. Bd. 13. 1982. S. 343).

[84]Г. Ф. Зданович являлся двоюродным братом известного народника Николая Яковлевича Николадзе, сестра которого, Олимпиада, была первой женой редактора журнала «Квали» Георгия Ефимовича Церетели. Сын последнего Ираклий Георгиевич стал не только видным меньшевиком и депутатом II Государственной Думы, ле-

том — осенью 1917 г. он занимал пост заместителя председателя ВЦИК.

[85]И. Г. Абашидзе (1871–1918) был сыном князя Георгия Ивановича Абашидзе (р. 1837) от его брака с двоюродной сестрой последнего правителя Гурии Давида I (1818–1839) княжной Софьей Давидовной Гуриели (р. 1844). Сестра Софьи Давидовны Ивдит (р. 1836) находилась замужем за князем Караманом Мизарбеговичем Тавдгиридзе и являлась матерью сухумского городского головы Николая Карамановича Тавдгиридзе, а брат Вахтанг (р. 1848) был мужем княжны Джаханы Элизбаровны Дадиани (р. 1841), которая приходилась теткой уездному предводителю дворянства Н. Н. Дадиани, паспортом которого пользовался Камо. У Г. И. и С. Д. Абашидзе было трое детей: сын Иван (Кита) и две дочери: Екатерина (1872–1939) и Полина. Кита Георгиевич находился в браке с княжной Теклой Николаевной Орбелиани, правнучкой царя Ираклия И, а Екатерина Георгиевна стала женой князя Шалвы (Владимира) Александровича Эристави (1863–1923) — правнука одного из руководителей антирусского восстания 1804 г. Элизбара Эристави, сподвижником которого был Заза Джука-швили, и двоюродного брата князя Василия Соломоновича Эристави, женатого на Дарье Лазаревне Алхазовой (Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 41, 62–63, 278).

[86]И. С. Аладжалов был женат на Изабелле Ивановне Тер-Абрамян, а А. Г. Зурабов — на ее сестре Софье (Запись беседы с Аладжаловой. Москва // Архив автора).

[87]А. С. Белевский принимал участие в революционном движении с 70-х гг. XIX в. К концу 80-х гг. за его спиной было уже несколько лет ссылки в Архангельской, Вологодской и Могилевской губерниях. В 1888 г. он оказал-

ся причастен к изданию и распространению журнала «Самоуправление», а в середине 90-х гг. к организации и деятельности так называемой Лахтинской типографии. А. А. Ломакин тоже проходил по делу об издании журнала «Самоуправление», в первом номере которого, вышедшем не позднее 1 февраля 1888 г., была опубликована программа социалистов-федералистов (ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1988. Д. 114. Л. 46–47, 51, 130, 167, 169 об.; *Меньщиков Л. П.*Охрана и революция: К истории тайных политических организаций в России. Ч. 1. М., 1925. С. 35–47; *Смирнов Н. Е.*Рабочие народовольцы. М., 1930).

[88]Мать К. И. Хатисова Мария Степановна была дочерью губернского прокурора Степана Павловича Гамбарова, а ее сестра Наталья находилась замужем за Христофором Ильичом Канановым, у которого было три дочери. Нина Христофоровна стала женой одного из организаторов и лидеров партии «Гнчак», Гавриила (Габриэля) Герасимовича Кафиева (Кафиянца), ее сестра Ольга — женой видного кадетского деятеля М. С. Аджемова, другая сестра, Софья (Сусана) — женой своего кузена профессора Юрия Степановича Гамбарова, читавшего лекции в Париже в Высшей школе социальных наук.

Семья Гамбаровых была связана родственными узами с семьей Ивана Тамамшева, один сын которого, Михаил, тоже был профессором Высшей школы социальных наук в Париже, второй, Николай, в 1905 г. принимал участие в издании, «Тифлисского рабочего листка», объявившего себя печатным органом Тифлисского комитета РСДРП. От Тамамшевых родственная цепочка тянулась к А. И. Манташеву (Тифлисский листок. 1915. 30 июля).

[89]В делах Департамента полиции 1895 г. Николай Ризенко и его жена Олимпиада фигурируют как поднадзорные в городе Саратове. Среди лиц, с которыми они контактировали, в документах значатся Павел Александрович Аргунов, Владимир Николаевич Переверзев, Владимир Вячеславович Евреинов, его жена Екатерина (урожденная Журавлева), и др. (ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1893. Д. 755. Л. 14 об-15). Позднее В. В. Евреинов служил управляющим конторой Нобеля в Астрахани (Там же. Д. 43. Т. 1. Л. 52).

[90]В 1905 г. Владимир Николаевич Переверзев возглавил Железнодорожный союз и стал одним из руководителей Всеобщей октябрьской политической стачки, под влиянием которой Николай II вынужден был подписать Манифест 17 октября 1905 г. о даровании конституции.

[91]В тексте ошибочно указано: «Манге А. Ис.».

[92]Князь Г. Т. Дадешкелиани (1858–1921) был женат на княжне Анне Александровне Дадиани (1873–1922), которая приходилась троюродной сестрой князю Н. Н. Дадиани (Дворянские роды Российской империи. Т. 4. С. 62–63, 91).

[93]В 1905 г. временно исполняющим должность смотрителя Карской тюрьмы был юнкер милиции Каграман Мурдарович Дудаев (Кавказский календарь на 1906 г. С. 232; …на 1904 г. С. 244; …на 1906 г. С. 164), а должность помощника прокурора Эриванского окружного суда по Карской области занимал Михаил Николаевич Эдельштейн (Кавказский календарь на 1905 г. С. 239).

[94]16 сентября 1905 г. Тифлисское охранное отделение сообщило в Департамент полиции, что адрес страхо-

вого общества «Кавказ и Меркурий» — это адрес Бориса Григорьевича Краснянского, мужа эсерки Марии Соломоновны Краснянской (ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1906–1. Д. 25–9. Л. 30). В девичестве М. С. Краснянская имела фамилию Букштейн (Каталог Департамента полиции).

[95]В результате этого в 1894 г. в Департаменте полиции на Н. Ф. Джунковского было заведено специальное дело, которое, однако, обнаружить не удалось (ГАРФФ. 102. ЗД. 1894. Д. 519 // Картотека Департамента полиции).

[96]Из автобиографии А. М. Калмыковой: «У меня был единственный сын и приемный сын Петр Струве. Оба поступили в университет… К Струве стали приходить народовольцы и наши русские марксисты, в том числе Ленин» (РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Д. 1. Л. 1).

[97]Н. И. Ракитников (1864–1938) — «с 1897 г. член группы эсеров, которая с конца 1901 г. выполняла функции ЦК партии» (Политические партии в России. С. 499).

[98]Подтвердить или же опровергнуть эти сведения пока не удалось. Но обращает на себя внимание, что через неделю после ареста Т. А. Леонтьевой покончил с собой ее двоюродный брат, подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Георгий Михайлович Леонтьев (ГАРФ. Ф. 102. 7Д. 1905. Д. 1343–1. Л. 2–3).

[99]15 апреля 1908 г. начальник Тифлисского ГЖУ А. М. Еремин доносил в Департамент полиции, что В. Тироев «состоит под следствием по делу ограбления 250 000 рублей на Эриванской площади» (ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 316. 1908, Д. 50–12. Л. 35).

[100]Д. В. Кегамов, по всей видимости, был сыном Василия Арсеньевича Кегамова: в 1880 г. — младший помощник правителя канцелярии эриванского губернатора (Кавказский календарь на 1880 г. С. 44), в 1890 г. — эриванский городской голова (Кавказский календарь на 1890 г. С. 142), в 1900 г. — зугдидский уездный начальник (Кавказский календарь на 1900 г. С. 157), и внуком заседателя Эриванского губернского суда Арсения Султановича Кегамова (Кавказский календарь на 1860 г. С. 14).

[101]С учетом этого специального внимания заслуживает забастовка тифлисской конки 1 января 1900 г., ставшая поворотным событием в деятельности Тифлисской организации РСДРП. Дело в том, что конфликт между рабочими и администрацией конки возник именно тогда, когда развернулась борьба вокруг концессии на право эксплуатации конки. Невольно возникает вопрос, не были ли причастны к организации этой забастовки новые соискатели концессии? (ГАРФ. Ф. 102. ЗД. 1900. Д. 1–1—б. Л. 17–17 об., 95–97; Тифлисский листок. 1900. 4 января).

[102]Из воспоминаний Мир Башир Касумова: «Я хочу начать с Садарханской революции, назову несколько фамилий: Мешади, Аскер, Мюджай и другие. Тогда товарищ Сталин был в Персии. Его отправили туда, и он помогал в этой революции до приезда шаха Мамед Али. Если мне память не изменяет, товарищ Сталин сам был в Реште» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 583. Л. 11).

[103]По воспоминаниям С. Я. Аллилуева, кредиторами этого фонда были «Афанасьев Е. Л. (Бубулов), Галкин Л. А., Гандурин К. М., Гуковский И. Э., Дунаев Е. А., Кубяк, Красин Л. Б., Красин Г. Б., Животов Матвей, Забелин, Полетаев Н. Г., Постоловский Д. С. — Вадим — присяжный поверенный, Радченко Е. И., Радченко И. И., Соловьев Н.

И., Флеров Н. М., Яблонский Л. Л.» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 659. Л. 66).